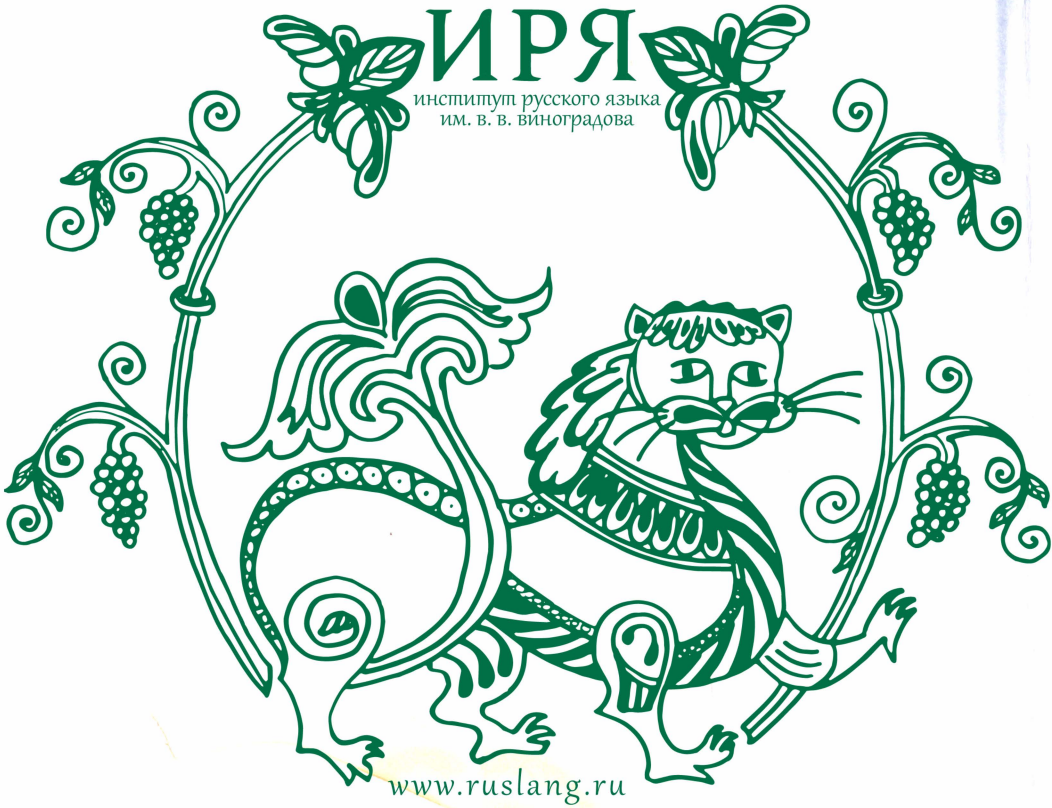
4
И-37

Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в.

М., 1964

66879

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

66879

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
XIX ВЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
академика *В. В. Виноградова*
и доктора филологических наук *Н. Ю. Шведовой*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

ИЗМЕНЕНИЯ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ И ФОРМАХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XIX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

4
И 37
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
66879

ОТ АВТОРОВ

«Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.», подготовленные сектором истории русского литературного языка Института русского языка АН СССР, объединяют пять коллективных монографий, посвященных развитию синтаксического строя, словообразования, словоизменения и некоторых категорий имени и глагола: «Изменения в системе простого и осложненного предложения», «Изменения в системе словосочетаний», «Изменения в строе сложного предложения», «Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного», «Глагол. Наречие. Предлоги. Союзы». В этих книгах—с разной степенью полноты описания—делается попытка охарактеризовать движение в разных сторонах грамматического строя и в системе словообразования, пути становления новой литературной нормы и выяснить основные тенденции развития категорий.

Исследование строится на материалах, извлеченных из широкого круга источников: научной и описательной прозы, журналистики, публицистических и ораторских произведений, художественной литературы, мемуаров, писем, деловых документов, а также словарей и грамматик XVIII—XIX вв. Широко использовались результаты уже имеющихся исследований: в своей работе авторы стремились максимально привлекать материалы и выводы, изложенные как в общих курсах по современному русскому языку и истории русского литературного языка, так и в диссертационных работах, монографиях и отдельных статьях.

Изменения в грамматическом строе литературного языка нового времени не могут изучаться в отрыве от тех живых стилистических движений и перемещений, которые столь характерны для его развития. Историческая грамматика языка XVIII—XIX вв. принципиально отличается от исторической грамматики древнерусского языка: собственно формальный аспект неотделим здесь от аспекта стилистического и функционального. Этим опреде-

ляются применяемые в «Очерках» методы исследования: везде, где это подсказывалось материалом, авторы пытались установить основные тенденции изменений в соотношениях тех категорий, форм, конструкций, которые находились друг с другом в отношениях близкого смыслового и функционального соответствия. Меняющиеся соотношения, движения внутри «рядов», их распадение или возникновение, изменения в самом характере соотношений во многих случаях становятся главным объектом изучения.

Одновременно с «Очерками по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.» Сектор истории русского литературного языка выпускает три монографии, посвященные истории лексики: «Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — нач. XIX в. (Лексика)», «Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX в.» и «Развитие словарного состава русского литературного языка 30—90-х годов XIX в.».

Монография «Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного» написана Е. А. Земской («Основные тенденции развития словообразования в XIX в.», «Изменения в системе словообразования прилагательных»), В. А. Плотниковой-Робинсон («Изменения в употреблении падежных форм существительных»), В. Н. Хохлачевой («Изменения в системе словообразования существительных») и А. Б. Шапиро («Изменения в области родовой принадлежности существительных», «Изменения в значениях и употреблении форм множественного числа у существительных некоторых семантических групп», «Изменения в формах прилагательных», «Изменения в формах числительных», «Изменения в формах местоимений»).

Научно-техническая подготовка к печати всех пяти книг «Очерков» проведена сотрудниками сектора истории русского литературного языка Г. В. Артемьевой, И. А. Василевской, Е. С. Копорской, П. Д. Крючковой, А. О. Румянцевой и Н. Н. Ухановой.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XIX в.

История русского литературного языка XIX в. не может быть правильно понята без обращения к предшествующему историческому периоду. Поэтому настоящее исследование охватывает материал, начиная со второй половины XVIII в., т. е. послеломоносовской и карамзинской эпохи. Изучение истории словообразования за короткий исторический период (полтора столетия) представляет большие трудности, так как за это время не происходит значительных «материальных» изменений. Однако за это время происходят менее заметные на первый взгляд, но весьма существенные и более сложные изменения иного характера. Эти изменения можно увидеть, только подходя к словообразованию как к системе взаимосвязанных и взаимообусловленных строевых средств и моделей, организующих и систематизирующих все производные слова, т. е. основную часть словарного состава языка [1], потому что эти изменения касаются соотношения и взаимодействия моделей словопроизводства, формируемых синонимичными аффиксами и действующих в кругу однородных основ (например, отглагольных имен лиц с суффиксами *-тель* и *-щик*, отглагольных имен действия с суффиксами *-ние*, *-ка* и бессуффиксных, отадъективных имен качества с суффиксами *-ость*, *-ство*, *-ствие* и др.).

Однако изучение соотношений синонимичных средств выражения только внутри системы словообразования оказывается недостаточным. Значительное влияние на словообразовательную систему оказывало взаимодействие, происходящее между производными словами и близкими им функционально и семантически формами производящего слова или синонимичными синтаксическими конструкциями.

Развитие лексического состава языка (пополнение его словами единообразной структуры, а также регулярные семантические изменения, охватывающие обширные ряды слов) также вносило изменения в систему словообразования, активизировало одни словообразовательные типы и ослабляло другие.

[1] См.: M. Dokulil. Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha, 1962, стр. 180.

Изучение соотношения всех этих элементов языковой системы, новых черт их взаимодействия позволяет установить изменения в значении и условиях употребления основных словообразовательных моделей русского литературного языка XIX в.

Изучение стилистически и жанрово разнообразного материала — принципиально необходимое условие при исследовании литературного языка нового времени, так как внутренне изменчивые, постоянно взаимодействующие сферы литературной речи представляют собой ту живую почву, которая порождает структурные и функциональные изменения грамматических элементов языка. Привлечение большого материала позволило во многих случаях установить, как меняется количественное соотношение взаимодействующих моделей. Однако авторы не применяли точных методов статистического анализа, используя лишь «рабочие» подсчеты, не приводимые в тексте книги.

Ограничившись этими краткими вступительными замечаниями, попытаемся охарактеризовать основные тенденции развития словообразования в XIX в., проявляющиеся в пределах различных частей речи.

1

В истории словообразования разных частей речи в литературном языке XIX в. было много общего. Центральным процессом, пронизывающим словопроизводство всех частей речи, был процесс устранения словообразовательной дублетности и специализации словообразовательных средств на выражении одного или нескольких внутренне объединенных значений. Во многих случаях он начался задолго до XIX в. и в этот период уже завершался. Этот процесс охватывает основные словообразовательные типы разных частей речи. В пределах важнейших категорий наименования, таких, как наименования лица по действию (профессиональному или непрофессиональному), лица по признаку, признака и действия в отвлечении от носителя, наименований относительных и качественных признаков разного рода, наименований различных процессов (связанных с профессиональной деятельностью, типическими поступками, выявлением признаков и т. п.), осуществляется перераспределение словообразовательных средств.

Многие словообразовательные типы, функционирующие в конце XVIII — нач. XIX в. как близкие в смысловом и стилистическом отношении, в последующее время разграничиваются. Если такого разграничения не происходит, то один из этих типов утрачивается или ослабевает: уменьшает продуктивность, суживает сферу употребления. Пути такого разграничения были различны. В чистом виде их можно было бы определить как разграничение семантическое, структурное и стилистическое. Так, например, семантически разграничи-

ваются типы наречий на *-ски* бесприставочных и с приставкой *по-*: за первыми закрепляется выражение чисто качественных значений, за вторыми — значения уподобления (ср. *детски простодушен* и *разговаривать по-приятельски*). Разграничиваются по сферам употребления отыменные глаголы на *-ствовать* и *-ничать* (типа *бездельствовать* и *бездельничать*): образования на *-ствовать* архаизируются, сохраняются преимущественно в книжной речи как средство стилизации, тогда как у глаголов на *-ничать* усиливается характер «сниженности», что еще более обостряет стилистическую дифференциацию соответствующих моделей.

Примером структурной дифференциации может служить разграничение сфер действия суффиксов имен лиц *-ник* и *-щик/-чик*: первый, вытесняемый из сферы обозначения лица по отношению к конкретному предмету как объекту воздействия, сохраняет сочетаемость с основами существительных на заднеязычные и *ч* (*башмачник*, *кирпичник*); действие вариантов *-щик* и *-чик* регламентируется только качеством конечного звука основы (*переплетчик*, *докладчик*, но *барабанщик*, *мебельщик*).

Однако во многих случаях происходило перекрещивание различных явлений. Семантическое размежевание словообразовательных типов часто сопровождалось и стилистической их дифференциацией. Так, например, прилагательные на *-ичный* и *-ический*, подвергаясь семантической дифференциации (за первыми закрепляется выражение только качественных значений, вторые могут иметь и относительные и качественные значения), разграничиваются и стилистически — первые употребляются в общелитературной книжной речи, вторые тяготеют к речи терминологической.

Сложное сплетение структурно-семантических факторов обусловило разграничение области применения трех основных формантов, производящих прилагательные от названий животных (*-ов-ый*, *-ин-ый*, *-j-*). Суффикс *-j-*, самый продуктивный из трех, утрачивает сочетаемость с односложными основами, уступая эту область суффиксу *-ин-ый*. Суффикс *-ов-ый*, наименее продуктивный в передаче значений притяжательности и свойственности, специализируется на выражении чисто относительных значений. Однако в силу того, что присоединение суффикса *-ов-ый* не вызывало чередований в производной основе, в некоторых случаях образования на *-ов-ый* вытесняют прилагательные на *-ий* и *-иный* (ср. *бурундуковый — бурундучий — бурундучиный*, *сайгаковый — сайгачий*).

2

В истории словообразования XIX в. большую роль играл процесс ослабления словообразовательных типов, семантически и функционально близких формам производящих слов. Этот

процесс распространялся только на имена, так как у глагола нет словообразовательных типов такого рода: отсубстантивные и отадъективные глаголы не подвергаются синтаксическому влиянию производящего слова, ибо глагол как часть речи конструктивно «сильнее» имени [2] — отглагольные имена могут получать глагольное управление, отыменные же глаголы никогда не получают именного.

Наибольшую близость формам производящего слова в XIX в. обнаруживали прилагательные, хотя, несомненно, в это время мы застаем уже пережитки этого явления, в древнерусском языке живого и распространенного. Отглагольные прилагательные могли быть близки формам причастия и в редких случаях — verbum finitum; отсубстантивные — формам косвенных падежей существительного, среди них префиксально-суффиксальные (типа *настольный*) — предложно-именным сочетаниям. В словообразовательной системе существительных смысловую и синтаксическую близость формам производящих слов обнаруживали отглагольные существительные на *-ние*, *-тель* и *-щик* (nomina actionis и nomina agentis).

На протяжении XIX в. разрушаются пережитки этой близости. Отглагольные существительные и прилагательные утрачивают семантическую близость глаголу и управление, аналогичное глагольному. Такие прилагательные ранее всего теряют способность распространяться конструкциями с инфинитивом или с союзом *чтобы* (*охотен получить*; *надежен, чтобы*), а также формами косв. пад. (*вырезной из бумаги цветок*, *отупелый чувствами*); существительные утрачивают способность свободно распространяться родит. беспредложным, соответствующим винит. беспредложному при глаголе (*усладитель жизни*, *свершитель обета*, *утвердитель языка*, *соорудитель монастырей*).

Это явление сопровождалось уменьшением продуктивности соответствующих словообразовательных моделей и процессом «лексического отбора». Отглагольные имена перестают свободно образовываться от глаголов определенных типов с регулярностью, близкой производству форм слова, а из имеющихся в языке готовых слов многие уходят из употребления. Лексический отбор охватывал типы существительных на *-ние*, *-тель*, *-щик* и прилагательных с суффиксами *-л-*, *-н-*, *-чив-*. Из многих прилагательных и существительных, образуемых от однокоренных глаголов, различающихся приставками (типа *утешитель — потешитель*, *утеснитель — притеснитель*, *приманчивый — заманчивый*, *усидчивый — засидчивый*, *улетный — отлетный — перелетный*) или суффиксами (типа *податель — подаватель*), в употреблении сохраняются лишь некоторые, становящиеся собственно словарными единицами, а не чистой реализацией модели.

[2] См.: В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 422.

Отсубстантивные прилагательные также утрачивают функционально-семантическую близость формам косвенных падежей существительного (ср. у Ломоносова: «*квадратный бок*», т. е. *бок квадрата* и более позднее: *квадратный* — «имеющий форму квадрата»; *каретный стук — стук кареты*, *эрмитажное гулянье — гулянье в Эрмитаже*). В связи с этим также уменьшается продуктивность соответствующих моделей и из употребления уходят многие прилагательные, семантически тождественные формам косвенных падежей существительного.

В системе прилагательных и наречий процесс расхождения с формами производящих слов определялся укреплением категории качества: эти части речи специализируются на обозначении качественных признаков и теряют способность обозначать широкое недифференцированное отношение к предмету или действию, названному производящей основой. Своеобразное обнаружение находит этот процесс в системе словообразования наречий: производные от отсубстантивных прилагательных наречия на *-ски* (типа *человечески*, *варварски*) утрачивают семантическую близость существительному [3] и сохраняются только для выражения качественных значений (*злодейски*, *мучительски*, *варварски*). Косвенно, через посредство производящих прилагательных, этот процесс охватывал и существительные. Так, например, у существительных на *-ость*, производимых от прилагательных на *-тельный*, разрушается соотносительность с действенными значениями прилагательных (типа *замечательность* — «способность замечать»), так как у самих прилагательных такие значения ослабевают или утрачиваются.

Развитие категории качества охватывало и глагол. В системе глагола активно развиваются словообразовательные типы, обозначающие экспрессивно оцениваемые действия (ср. отыменные глаголы на *-ствовать*, *-ничать*, *-ить* типа *актерствовать*, *самодурствовать*, *мошенничать*, *нюнить*, *мямлить*, *политиканить*).

3

Литературное словообразование развивается по свойственным ему законам как целостная система. Наряду с внутренними процессами изменения словообразовательной системы, ее развитие направлялось и внешними импульсами, толчками извне: на систему словообразования литературного языка могли оказывать влияние просторечие, областные говоры и фольклор. Значительность этих влияний в изучаемый период определялась общим процессом сближения литературного языка с «народной речью», особенно активизировавшимся после 40-х годов XIX в.

[3] Например: Любя реально, *человечески*, поют одну платоническую страсть (Герц.); Дал грамоту..., чтобы он действовал среди них [старообрядцев] *архиерейски* (М.-Печ.).

Проникающие из названных подсистем языка слова, нередко образующие целые группы, единые в словообразовательном отношении, приносили с собой в литературный язык словообразовательные аффиксы, неизвестные литературному языку или малопродуктивные в нем. Пополнение литературного языка лексикой такого рода активизировало соответствующие словообразовательные модели имен лиц на *-щик*, имен действия на *-ка*, отыменных глаголов на *-ничать* и *-ить*, прилагательных отглагольных с суффиксом *-чат-*, отглагольных и отыменных с суффиксом *-ист-*; вероятно, под влиянием просторечия в этот период возрастает продуктивность производства глаголов путем одновременного присоединения префиксов и аффикса *-ся*; это же влияние способствовало созданию новых моделей словопроизводства: существительных и прилагательных с усилительной приставкой *раз-* (*разудалый*, *раскрасавица*); производимых от имен лиц прилагательных на *-цкий* (*перевозчицкий*, *медницкий*); экспрессивных прилагательных на *-енный*, *-ущий* (*здоровенный*, *большущий*). По всей вероятности, из диалектов пришли в литературный язык однократные глаголы с суффиксом *-ану-*.

Реже в литературный язык проникали извне специфические способы сочетания словообразующих морфем и основ; например, суффикс прилагательных *-ов-*, исконно сочетавшийся только с основами существительных, по-видимому, под влиянием просторечия и областных говоров получает способность сочетаться с основами глаголов (ср. *гулевой*, *бросовый* и под.).

Обогащение литературного языка словообразовательными морфемами и способами соединения корневых и аффиксальных морфем обусловливалось тем, что в этот период в силу изменений в стилистической системе (возрастают возможности соединения в одном контексте разностилевых элементов не в целях создания диссонанса, комического эффекта и т. п.) рушатся перегородки и в соединении морфем разного происхождения [4], разного стилистического «звучания». Так, в 60—70-х годах XIX в. в качестве основ, производящих имена лиц на *-ец* и прилагательные на *-ский*, начинают использоваться существительные со старославянским по происхождению суффиксом *-ение*, ранее не участвовавшие в русском словообразовательном процессе (за исключением прилагательных, производимых от церковной лексики, типа *успение — успенский*, *воздвижение — воздвиженский*). Образования от основ на *-ение* — нецерковных терминов возникают первоначально в канцелярской и публицистической речи, откуда проникают в общелитературное употребление: *правленский*, *правленец*; *направленский*,

---

[4] См.: Ю. С. Сорокин. Об общих закономерностях развития словарного состава русск. лит. языка XIX в. «Тезисы докладов на совещании по проблемам изучения истории русск. лит. языка нового времени», М., 1960, стр. 11.

направленец; *освобожденский*, *освобожденец*; *непротивленский*, *непротивленец* и под.

В XIX в. активизируется лишь наметившаяся ранее возможность присоединения агентивного суффикса *-щик* и суффикса отвлеченных существительных *-ка* к глаголам на *-овать*, *-ировать*; во второй половине XIX в. производство имен на *-овщик*, *-ировщик* утверждается как самостоятельная словообразовательная модель.

Значительным в изучаемое время было влияние на литературный язык терминологической подсистемы словообразования. Особенно существенным по результатам было оно для префиксально-суффиксальных прилагательных: оно способствовало созданию целого ряда словообразовательных типов с приставками *около-*, *вне-*, *внутри-*, *меж-* и *между-*, *чрез-* (*через-*). Влиянием терминологического словообразования (поддержанным диалектным и просторечным влиянием) объясняется, по-видимому, активизация nomina agentis на *-щик* и nomina actionis на *-ка*, отыменных глаголов на *-ить* (типа *столярить*, *батрачить*).

Широкий поток иноязычных заимствований, хлынувший в русский литературный язык, требовал приспособления к русской словообразовательной системе. С этой точки зрения существовало важное различие между приспособлением к русскому языку заимствованных существительных, с одной, и прилагательных и глаголов, с другой стороны. Первые могли не менять существенно звукового облика, который был им свойствен в языке-источнике, так как строение русского существительного очень разнообразно и не требует стандартного оформления с помощью какого-либо одного типизированного форманта (ср.: *обзор*, *узор* — *рупор*, *террор*; *обхват*, *захват* — *ренегат*, *фрегат*; *озеро* — *болеро*; *решето* — *пальто* и т. п.). Такие слова входили в русский язык как существительные независимо от своего строения и от того, получали ли они синтетические формы склонения.

Немалое число заимствуемых существительных составляли слова, являющиеся в языке-источнике производными. Привносимые вместе с ними иноязычные аффиксы могли отвлекаться от состава слова — в результате двойного сопоставления: с однокоренными словами, не имеющими этого аффикса, и с разнокоренными словами, включающими этот аффикс: *квартирант* — *квартира* — *квартирный* и: *квартирант* — *фабрикант* — *коммерсант* — *дипломант*.

Иную картину представляли глаголы и прилагательные. Они не могли входить в русский язык в том звуковом облике, который был им свойствен в языке-источнике, и подвергались обязательному морфологическому преобразованию, получая систему глагольных или адъективных аффиксов. При этом для глагола минимальным было получение системы флексий спряжения и аффикса инфинитива *-ть*, для прилагательного — универсального аффикса

прилагательности *-ый*, *-ая*, *-ое* (в редких случаях он может присоединяться непосредственно к основе, без помощи какого-либо словообразовательного суффикса [5]).

Однако в большинстве случаев иноязычное слово оформлялось не общим аффиксом глагольности и прилагательности, а сочетанием его с каким-либо словообразующим суффиксом, чаще всего *-ова-* (у глагола) и *-н-*, изредка *-ск-* (у прилагательного). Во многих случаях эти суффиксы присоединялись не к корню, а к иноязычному словообразовательному аффиксу, повторяющемуся во многих заимствованных словах. В результате этого создавались своеобразные сплавы русского и иноязычного форманта, включающиеся в словообразовательную систему русского языка; глагольные: *-ирова-*, *изирова-*, *-изова-*, *-фицирова-*; адъективные: *-альн-*, *-ональн-*, *-уальн-*, *-(и-)онн-*, *-абельн-*, *-арн-*, *-озн-*, *-ичн-*, *-ическ-*.

Лишь немногие из заимствованных аффиксальных элементов приобретали в русском языке подлинную словообразовательную активность, получая способность сочетаться с русскими основами (*-изм*, *-ист*, *-аж* и др.). Основная масса их оставалась замкнутой пределами только иноязычных основ и не производила новых слов, а лишь вычленялась из состава заимствований. Однако и такие суффиксальные элементы оказывали влияние на словообразовательную систему русского языка — влияние негативное, так как они препятствовали производству от основ этого рода образований с помощью русских суффиксов.

Для литературного языка XIX в. характерно параллельное функционирование прилагательных и глаголов, произведенных с помощью осложненных и неосложненных суффиксов: *анализовать — анализировать*, *диспутовать — диспутировать*, *цитовать — цитировать*; *классировать — классифицировать*, *мистифировать — мистифицировать*, *характеризовать — характеризировать*; *комисский — комиссионный*, *паразитный — паразитарный*, *гриппный — гриппозный*, *венный — венозный*, *актовый — актальный*, *гимназический — гимназиальный*, *микроскопический — микроскопный* и под. Такое параллельное функционирование в большинстве случаев заканчивается уходом из употребления слова, более далекого от своего иноязычного образца, т. е. с неосложненным суффиксом.

В префиксальном способе производства иноязычное влияние проявлялось, во-первых, в заимствовании приставок, получавших на русской почве словообразовательную активность (*анти-*, *архи-*, *ультра-*, *экс-*) и, во-вторых, в их калькировании (ср. *über-* и *сверх-*, *inter-* и *меж-*, *между-*, *sub-* и *под-*).

---

[5] Ср. современное *модерный*, образованное, по-видимому, благодаря объединению в *-н-* конечного звука основы (*moderne*) и суффикса прилагательного *-н-*.

Все эти процессы определили рост агглютинативности системы именного словообразования литературного языка не только в семантическом (рост однозначности словообразовательных морфем), но и в структурном (свободное «склеивание» морфем) отношении.

Первое проявлялось в устранении многозначности словообразовательных морфем и в увеличении числа морфем, характеризуемых всегда одним и тем же значением. Наиболее ярко это выразилось в префиксальном способе производства, значение которого в именном словообразовании в этот период резко возрастает. Многие приставки, как русские (*раз-*, *со-*, *сверх-*), так и заимствованные (*архи-*, *анти-*, *ультра-*) отличаются универсальностью значения в сочетании со словами разных частей речи. В языке XIX в. наблюдается рост продуктивности этого способа производства в системе прилагательных (преимущественно) и существительных. В суффиксальном способе производства также возрастает число морфем, имеющих единое четкое значение и сочетающихся со строго определенным кругом основ.

Так, агентивный суффикс *-щик* утрачивает сочетаемость с глаголами отвлеченных значений и возможность образовать имена лиц с широким значением «производитель действия»; он сохраняет за собой только обозначение одного узкого и определенного значения — «наименование лица по профессионально исполняемому действию или занятию»; в результате этого исчезает конкуренция образований с *-щик* и *-тель*. Суффикс имен лиц *-ик* утрачивает сочетаемость с основами качественных прилагательных и перестает производить имена лиц по характерному качеству (типа *умник*, *благородник*), сохраняясь лишь в производстве имен лиц от относительных прилагательных (типа *общественник*, *западник*, *народник*). Суффикс *-оват-* перестает производить прилагательные от основ существительных со значением «похожий на что-нибудь», «наделенный чем-нибудь» в соответствии со значением производящей основы (типа *мешковатый*, *пузыреватый*).

Эти и им подобные явления свидетельствуют, во-первых, о закреплении за определенными словообразовательными формантами сочетаемости с определенными типами основ, во-вторых, о закреплении за определенными словообразовательными типами определенных узких значений. Все эти факторы способствуют росту отношений однозначности между обозначаемым и обозначающим.

Рост агглютинативности словообразовательной системы в отношении строения производного слова характеризуется устранением чередований на стыке основы и суффикса и увеличением числа словообразовательных типов, в которых суффиксы свободно приклеиваются к основам.

Утрачиваются или становятся необязательными многие чередования на стыке основы и суффикса. Очень активно устранение чередований шло в образованиях от географических названий, так как здесь сохранение производящей основы в неизменном виде было особенно важно; ср. старые *волжский*, *рижский*, *чешский* и новые *лейпцигский*, *петербургский* (вытеснившее *петербуржский*), а также параллелизм образований *кипчацкий — кипчакский*, *калмыцкий — калмыкский*, *яицкий — яикский*, во многих случаях завершающийся сохранением формы без чередования. С другой стороны, некоторые чередования закрепляются как примета определенной модели.

Такова, например, была роль чередования *к* → *ц* в производстве прилагательных от имен лиц типа *перевозчицкий*, *кулацкий*, что привело к устранению этого чередования из производства прилагательных от основ существительных неодушевленных (ср. старые *понедельницкий*, *кабацкий*).

В результате процесса переразложения возникает большое число производных суффиксов, «приклеиваемых» к основам разной структуры, не вызывая в них чередований; таковы суффиксы существительных *-овец*, *-анец*, *-инец*; *-льщик*, *-очка*; прилагательных *-овск-*, *-анск-*, *-инск-*; *-тельн-*, *-очн-*, *-льн-*; *-ческ-*. Характерно, что многие из них содержат общий элемент *-ов*, *-ль-*, *-оч-*, *-ин-*, *-ан-*, который не влияет на значение постфикса, а лишь облегчает его присоединение к основам разного строения. Это позволяет рассматривать указанные элементы как особого рода «связочные» пустые морфемы («интерфиксы», verbindungen Morphemen, empty morphes, как их принято называть).

Простой суффикс и суффиксы, осложненные различными интерфиксами (например, суффиксы прилагательных *-н-*, *-льн-*, *-тельн-*, *-(оч)н-*; суффиксы существительных *-ец*, *-овец*, *-анец*, *-инец*; *-щик-*,*-льщик*; суффиксы прилагательных *-ск-*, *-овск-*, *-инск-*, *-анск-* в сочетании с именами лиц), являясь тождественными по значению, могут находиться в отношениях дополнительной дистрибуции [6], т. е. выполнять аналогичные функции в сочетании с различными типами основ (например: *солдат-ский*, *отц-овский*, *сестр-инский*; *шекспир-овский*, *мольер-овский*, *пушкин-ский*, *лермонтов-ский*; *подкопщик*, *оценщик*, *белильщик*) или дублировать друг друга, выступая в сочетании с одними и теми же основами: *промывный*, *промывальный*, *промывательный*, *промывочный*.

Свободное склеивание морфем при словообразовательном процессе обнаруживалось и в явлениях другого рода — изменении префиксально-суффиксального способа производства прилагательных в префиксальный: при сохранении семантической соот-

---

[6] Ср.: J. Poldauf. Tvoření slov. «O vědeckém poznání soudobých jazyků», Praha, 1958, стр. 152; J. Horecký. Slovotvorná sústava slovenčiny. Bratislava, 1959, стр. 148.

носительности между производным прилагательным и предложно-падежной конструкцией в словопроизводстве используется имеющееся в языке прилагательное как готовый строительный материал (ср. *меж ворсинками — межворсинчатый*, а не «межворсинковый» или «межворсинный», так как есть готовое слово *ворсинчатый*), т. е. происходит процесс, аналогичный приклеиванию приставок к целому слову или суффиксов с интерфиксами к неизменяемой основе.

В образовании глагола, части речи структурно более сложной и семантически емкой, чем имя, рост агглютинативности проявлялся иначе. Он обнаруживался преимущественно в активизации префиксального способа, характеризуемого чертами агглютинативности [7] и играющего в системе глагола несравненно более значительную роль, чем в словообразовании имен, тогда как суффиксальный способ производства в системе глагола отличается флективностью, спаянностью с явлениями формообразования [8].

В изучаемый период усиливается регулярность ряда префиксальных типов внутриглагольного словопроизводства, интенсивно развиваются префиксально-суффиксальные типы глаголов (с различными приставками и аффиксом *-ся*). Однако самое характерное явление — это проникновение префиксации не только во внутриглагольное словопроизводство (что было широко свойственно русскому языку и ранее), но и в образование глаголов от других частей речи, в первую очередь от существительных и прилагательных. Производство глаголов от имен суффиксальным способом охватывает немногие словообразовательные типы; наиболее активно в изучаемое время развиваются префиксально-суффиксальные типы отыменных глаголов. Их особенностью является то, что приставки нередко выступают при этом как десемантизированные, чисто структурные элементы, поддерживающие суффиксы, слишком слабые для того, чтобы играть роль единственного оформителя слова; ср. такие типы отыменных глаголов, как *убыстрить*, *увеличить*, *уменьшить*; *облагородить*, *оголить*, *отрезвить*, где семантическая роль приставки сведена к нулю. В результате этого создаются модели отыменного производства глаголов: «приставка + именная основа + суффикс».

Несомненно, что росту агглютинативности словообразовательной системы способствовало значительное влияние на литературный язык XIX в. словообразовательных подсистем терминологии, просторечия и профессионально-диалектной речи.

---

[7] См.: Н. В. Крушевский. Очерк науки о языке. Казань, 1883, стр. 83.

[8] См.: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 440—442.

66879

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Одна из основных тенденций в развитии словообразования существительных в XIX в.— это тенденция к созданию словообразовательных типов с четко выраженными структурными и семантическими признаками: формант, входящий в продуктивную словообразовательную модель, приобретает единую и отчетливо выраженную функцию. Это достигалось распределением словообразующих формантов между основами разных частей речи и между разными семантическими категориями слов внутри одной части речи. Эта тенденция в XIX в. не была явлением новым. Но в этот период закрепленность словообразующего форманта за определенным структурно-семантическим типом производящих основ приобретала последовательный и закономерный характер. Так, например, именно в XIX в. укрепляются и приобретают характер единственно возможных связи суффикса *-ость* с основами прилагательных, *-ство* — с основами имен лиц. Соответственно эти форманты утрачивают способность передавать действенные (процессуальные) значения.

Единая и четкая функция форманта вырабатывается и благодаря активно протекающим процессам ограничения производящих основ со стороны возможности их сочетания с теми или иными суффиксами: в XIX в. резко повысилась избирательность формантов по отношению к производящим основам. Тот же суффикс *-ость* в это время активно сочетается только с основами качественных прилагательных и окачествленных причастий, суффикс *-щик*— с основами глаголов, называющих профессиональное действие, суффикс *-тель* — с основами глаголов абстрактной семантики и т. д.

Такая регламентация как отчетливо выраженная словообразовательная закономерность была особенно активна в первой половине XIX в.

Другой стороной этого процесса была отчетливая тенденция к охвату производящих основ одного строения и одной семантики влиянием одного определенного форманта: суффикс *-ость* подчи-

няет своему влиянию все основы качественных прилагательных, а синонимические суффиксы *-ота*, *-изна*, *-ина*, *-ство* утрачивают способность к активной связи с этими основами. Суффикс *-ец* утверждается в качестве основного средства для образования названий лиц по отношению к местности или национальной принадлежности; соответственно снижает активность суффикс *-анин*. В XIX в. завершается начавшийся ранее процесс семантического и структурного размежевания суффиксов *-щик* и *-ник* при словопроизводстве имен лиц от основ существительных.

Таким образом, словообразовательная синонимия в XIX в. затухает. Определенные словообразовательные форманты специализируются на передаче одного из общих значений; другие, способные передавать эти же значения, теряют активность или сосредоточивают в себе другие значения.

Особые явления характеризуют словообразовательные модели существительных, образуемых от глагольных основ: их объединяет общая тенденция к снижению глагольности производных имен как личных, так и отвлеченного действия. Для XIX в. характерна продуктивность тех типов отглагольных образований, которые свободны от влияния на их семантику глагольных категорий, главным образом вида: имен лиц на *-щик* и отвлеченных на *-ка*, не имеющих в своем составе формальных видовых показателей. Те словообразовательные модели, в структуре которых сохраняются формальные видовые показатели (имена на *-тель* и *-(е)ние*), подвергаются различного рода преобразованиям, направленным на ликвидацию влияния глагольного вида на семантику производного имени. В именах на *-(е)ние* эта тенденция выражается в том, что разрушается их противопоставление по виду основ: значение вида тем самым нейтрализуется.

В именах на *-тель* утрата глагольности приводит к затуханию активности этого форманта в производстве имен лиц; имена на *-тель* приобретают индивидуализированные значения и отходят от общего категориального значения модели. Суффикс *-тель* в XIX в. начинает использоваться для образования предметных названий, в которых общее значение «деятеля» нейтрализуется и ослабляется конкретным предметным значением.

Новые словообразовательные модели в XIX в. возникают за счет расширения круга сочетающихся с тем или иным суффиксом основ: 1) в пределах тех общих значений и структуры, которые характерны для более ранних аналогических образований (типа *толстовец*) или 2) за счет новых по семантико-структурным признакам основ (типа *западник*). Характерно, что формальных (морфонематических) новшеств новые модели собой не представляют. Иногда они приходят в литературный язык из просторечия или говоров.

Все названные тенденции в наименьшей степени коснулись словообразования существительных — предметных названий, об-

разующих обычно лексически замкнутые словесные группировки с узким значением производных и узкой специализацией форманта. Составляя определенную лексическую категорию в словаре языка, предметные названия не распределяются как правило по типам образования с открытым рядом для пополнений [1].

СУФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

ИЗМЕНЕНИЯ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА

Изменения в словообразовании имен лиц, образуемых от глагольных, глагольно-именных основ и от основ существительных

Изменения в словообразовании имен лиц с суффиксом *-тель*

§ 1. Словообразовательный тип имен лиц с суффиксом *-тель* относится к числу наиболее древних; он восходит, по мнению Мейе, к общеславянской эпохе [2]. В русском языке имена с суффиксом *-тель* отмечаются уже в древнейших памятниках письменности.

Суффикс *-тель* присоединяется к основам глаголов, имеющих инфинитивные показатели *-а-*, *-и-*, которые сохраняются в производящей основе: *люб-и-ть — люби-тель*, *отриц-а-ть — отри-ца-тель*. Глаголы этих классов составляют основное ядро производящих основ этого словообразовательного типа [3].

Сочетание суффикса *-тель* с основами глаголов других классов возможно, но значительно менее продуктивно. Таковы старые образования от основ глаголов с суффиксами *-ва-*, *-ова-*, *-ствова-*; *дарователь*, *жертвователь*, *действователь*, *бичеватель*, *пробователь*, *путешествователь*, *повествователь*, *странствователь*, *существователь*, *следователь*, *страхователь*, *чествователь*, *умствователь*, *требователь*; от основ глаголов на *-ѣть*: *видѣти — видитель*, *зрѣти — зритель*, *повелѣти — повелитель*, *смотрѣти —*

---

[1] Словообразовательные модели с типическим значением производных в пределах предметных названий сравнительно редки. Сюда относятся образования от глагольных основ с суффиксами *-ник* и *-льник* со значением прибора или механизма, а также с суффиксами *-лка* и *-лыя* со значением помещения, где происходит действие. Оба эти типа характерны для профессиональной речи.

[2] См.: А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 281.

[3] «В книжном языке от каждой глагольной основы на гласные *-а-* или *-и-* ...потенциально образуется название лица по действию, по кругу деятельности или по характеру поступков с помощью суффикса *-тель*» (В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 94).

смотритель. Немногочисленны вообще, а в современном языке по сравнению с древнерусским все более численно сокращаются образования с *-тель* от глагольных корней [4].

Имена лиц с суффиксом *-тель* могут быть образованы от основ как переходных, так и непереходных глаголов, хотя образование от основ собственно непереходных глаголов значительно менее продуктивно [5].

От возвратных глаголов имена с *-тель*, как правило, не образуются. Иногда возникают единичные образования: в древнерусском — *грохотатель* (от *грохотатися* — «хохотать»), *смеятель*, *насмеятель* [6]; из материалов XIX в. можно привести такие образования, как *состязатель*, *старатель*, *сражатель*, *покуситель* [7].

Видовая характеристика производящего глагола не служит препятствием для производства имен с *-тель*. Они могут быть образованы от глаголов как совершенного, так и несовершенного вида (*воскреситель*, *возмутитель*, *завершитель*, *искупитель*, *исцелитель*, *навеститель*, *нарушитель*, *насытитель*, *учитель*, *держатель*, *сеятель*, *плаватель*, *гаситель*, *правитель*, *отрицатель*, *возглашатель* и т. д.).

Полной регулярности в словопроизводстве этих имен от различных по виду основ, видимо, никогда не существовало: если весь накопленный в языке лексический пласт имен лиц, образованных посредством суффикса *-тель*, проанализировать с точки зрения строения производящих основ, то мы увидим, что эти имена образуются предпочтительно от основ глаголов сов. вида. Так, от основ бесприставочных и приставочных глаголов сов. вида на *-и-* при соответствующих глаголах несов. вида на *-а-* (*пленить* - *пленять*; *вручить* — *вручать*) имена существительные с суффиксом *-тель* образуются от основ глаголов сов. вида: *пленять* — *пленить* — *пленитель*, *решать* — *решить* — *решитель*, *вдохновлять* — *вдохновить* — *вдохновитель*, *возмущать* — *возмутить* — *возмутитель*, *вручать* — *вручить* — *вручитель*, *выражать* — *выразить* — *выразитель*, *побеждать* — *победить* — *победитель*, *посещать* — *посетить* — *посетитель*, *похищать* — *похитить* — *похититель* и т. д.

---

[4] В. В. Виноградов пишет: «Кроме слова *житель* (ср. устаревшее *волостель*) и сложных *благодетель*, *законодатель*, у нас нет существительных на *-тель*, где бы этот суффикс непосредственно присоединялся к глагольному корню» («Материалы Объединенной сессии ОЛЯ АН СССР и АПН РСФСР». М., 1950, стр. 30). В древнерусском языке подобных образований было больше: *датель* (в *благодатель*), *дѣтель*, *зватель*, *жатель* и др. (см.: В. Л. Воронцова. Образование существительных с суффиксом *-тель* в древнерусском языке. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. 5, 1954, стр. 9).

[5] В древнерусском языке подавляющее большинство имен с *-тель* образовывалось от переходных глаголов; образования с *-тель* от основ непереходных глаголов были гораздо менее продуктивны. Некоторые слова, образованные от непереходных глаголов (*житель*, *обитатель*, *запинатель*, *ревнитель*), представляют собой наиболее древние образования (см.: В. Л. Воронцова. Указ. соч., стр. 10, 12).

[6] См.: В. Л. Воронцова. Указ. соч., стр. 10.

[7] Оставил всех своих *состязателей* за флагом (Жих., Зап. совр., I, 4 мая 1805); Был из числа *состязателей* к предложенной Лионскою Академиею награде (С. О., 1827, т. XVIII); Увижу, какой ты будешь *старатель* (Эрт., Гард., 2, III); сербский *сражатель* (Леск., Стар. гений, 5).

Хотя эта группа видовых корреляций представляет наибольшую возможность для дублетов[8], однако по сравнению с количеством приставочных глаголов несов. вида на *-ать* дублетов очень мало. В современном языке здесь утвердились только единичные образования от основ несов. вида: *выручатель, выключатель, получатель, продолжатель, украшатель*. Так же очень редки образования на *-тель* от основ несов. вида при видовых корреляциях типа *основать — основывать, взыскать — взыскивать* и т. п.: *взыскивать — взыскать — взыскатель, воспитывать — воспитать — воспитатель, издавать — издать — издатель, испытывать — испытать — испытатель, изыскивать — изыскать — изыскатель, основывать — основать — основатель, предавать — предать — предатель* и т. д. Пожалуй, кроме слова *преподаватель*, большинство образований от основ несов. вида здесь носит окказиональный характер (*возделыватель, набрасыватель, осматриватель* и т. п.).

Образование имен на *-тель* от основ глаголов несов. вида имеет место в следующих случаях: во-первых, от бесприставочных глаголов на *-ить, -ать* при отсутствии бесприставочных коррелятов сов. вида (*ваять — изваять, губить — погубить — загубить, любить — полюбить — разлюбить* и т. д.): *ваятель, сеятель, делатель, держатель, желатель, искатель, ласкатель* и т. д.; во-вторых, в тех случаях, когда основа однокоренного глагола сов. вида по морфематическим причинам не может сочетаться с *-тель*, т. е. когда глаголы сов. вида не имеют суффиксального *-и-, -а-*: *изобрести — изобретать — изобретатель, поджечь — поджигать — поджигатель* и т. д.; в-третьих, когда основа сов. вида равна корню (*набить — набивать — набиватель, воспеть — воспевать — воспеватель* и т. д.) или при изменении звукового состава основы вследствие чередования при видообразовании (*нанять — нанимать — наниматель, избрать — избирать — избиратель*).

Лексические значения имен, образованных посредством суффикса *-тель*, различаются в зависимости от видового значения производящей основы[9].

Имена, образованные от глаголов несов. вида, соотносительны по значению с причастиями настоящего времени и обозначают лицо по действию, которое мыслится как незаконченное во времени: *носитель* — «тот, кто носит что-либо»; *искатель* — «тот, кто ищет» и т. д. Имена с суффиксом *-тель*, образованные от основ глаголов сов. вида, обозначают лицо по выполнению действия как в прошлом (законченное выполнением действие), так и в настоящем (незаконченное выполнением действие): *нарушитель* — «тот, кто нарушил или нарушает что-либо»; *истребитель* — «тот, кто истребил или истребляет что-либо» и т. д. По своему значению такие имена близки одновременно действительным причастиям настоящего и прошедшего времени: «нарушающий или нарушивший что-либо», «истребляющий или истребивший что-либо». В то же время в зависимости от лексического значения глагола в имени могут не совмещаться оба значения, а преобладать одно из них: *победитель* — «победивший врагов», *покоритель* — «покоривший кого- или что-либо», но *поздравитель* — «поздравляющий кого-либо», *распространитель* — «распространяющий что-либо» и т. п. Имена, совмещающие значения обеих форм причастий, наиболее многочисленны. Это способствует затуханию в них процессуальных значений и приобретению ими значения «способный, склонный к выполнению действия». Тем самым имена на *-тель* получают способность определять лицо по постоянному признаку.

---

[8] Ср., например, приводимые Далем: *победитель — побеждатель, исцелитель — исцелятель, насадитель — насаждатель, обличитель — обличатель, осудитель — осуждатель, упаситель — упасатель, спаситель — спасатель, утешитель — утешатель*.

[9] См.: Г. Б. Л и п к е с. Образование имен существительных с суффиксом активного производителя действия в совр. языке. Автореф. канд. дисс. М., 1954, стр. 5 и сл.

На происхождение суффикса *-тель* в русском языке в науке существует две точки зрения. По мнению одних ученых, суффикс *-тель* известен русскому языку искони [10]. Другие считают, что суффикс *-тель* как активная словообразовательная единица утвердился в русском языке под влиянием церковнославянского языка как языка-образца, по которому формировался русский литературный язык [11]. Окончательно усвоенным системой русского словообразования суффикс *-тель* может считаться с того момента, когда он начинает сочетаться с основами чисто русских глаголов — с XVII в. [12]

Влияния старославянского языка на усвоение суффикса *-тель* русским языком не отрицают и сторонники исконно русского происхождения *-тель*. Считается, что словообразовательный тип имен лиц с суффиксом *-тель* находился в русском языке в дремлющем, «латентном» состоянии и был оживлен влиянием старославянского языка. Таким образом, влияние старославянского языка на распространение и активизацию суффикса *-тель* в русском языке не отрицается никем. В то же время из двух точек зрения вторая представляется более убедительной: имена с *-тель* отсутствовали в ранних памятниках русской деловой письменности; они не распространены в говорах и не представлены там отличными от литературных образованиями [13]; во все периоды развития литературного языка имена с *-тель* не выходят за пределы книжной речи: образования от основ глаголов просторечной окраски — явление редкое и стилистически обусловленное.

---

[10] В. В. Виноградов. Из истории лексики русск. лит. языка. «Русская речь», Новая серия, I, Л., 1927, стр. 95—96; В. Д. Иванов. Система суффиксального словообразования в «Хождении Афанасия Никитина».—«Уч. зап. МГУ», вып. 137, кн. 2, 1948, стр. 122—128; І. І. Ковалик. Віддієслівні іменники з суфіксами *-тель*... (*-tel*), (*-тель*)*-ка*, (*-tel-ka*), (*тель*)*-ниц-а* (*-tel-nic-a*) у слов'янських мовах.«Питання українського мовознавства», кн. 4, Львів, 1960, стр. 10, 11; А. С. Львов. Из наблюдений над лексикой старославянских памятников. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. IX, 1954, стр. 154—155.

[11] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, стр. 87; С. П. Обнорский. К истории словообразования в русском литературном языке. «Русская речь», Новая серия, I, Л., 1927, стр. 88—89; Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I. Киев, 1952, стр. 76; см. также: А. В. Даневич. Некоторые особенности словообразования в языке русских повестей второй половины XVII века. Киев, 1958, стр. 12 и др.

[12] См.: В. Л. Воронцова. Указ. соч., стр. 31; В. А. Попова. Словообразование имен существительных в русск. лит. языке первой трети XVIII века. Автореф. канд. дисс. Одесса, 1956, стр. 5. В дальнейшем все сведения из истории изучаемых образований до начала XVIII в. приводятся по материалам этих исследований.

[13] И. С. Торопцев («Суффиксальное словопроизводство имен существительных, обозначающих лиц мужского пола, в говоре с. Коршева Бобровского района Воронежской области».— «Уч. зап. Борисоглебского гос. пед. ин-та, вып. IV, 1958, стр. 56) отмечает, что наличие в говоре образований с *-тель* объясняется проникновением их из литературного языка.

Усвоение русским языком лексики с суффиксом *-тель*, послужившее толчком к ассимиляции этого суффикса системой русского словообразования, началось очень рано. С древнейших времен до начала XVII в. имена на *-тель* встречаются как в переводных памятниках церковно-религиозной литературы, так и в оригинальных произведениях русских церковных деятелей, в памятниках религиозного и дидактического содержания. Естественно, что эта лексика носит отвлеченный характер или связана с терминологией церковной книжности.

С середины XVII в. сфера применения имен с суффиксом *-тель* расширяется: они начинают встречаться в светских памятниках, в переводной литературе, в памятниках официально-деловой речи. В конце XVII в. отмечаются образования имен лиц посредством *-тель* от основ чисто русских глаголов: *оборонитель*, *оберегатель*, *нарушитель*, *осажатель*, *забыватель*. Лексикон 1731 г. дает уже значительное количество образований с *-тель* от русских глагольных основ: *подстерегатель*, *сберегатель*, *приманитель*, *подчищатель*, *припоминатель*, *прыгатель*, *подхлебатель*, *приласкатель*, *вышиватель*, *выгадыватель*, *выспрашиватель*, *допрашиватель*.

На протяжении XVIII в. происходит дальнейшее укрепление лексики с суффиксом *-тель* и расширение сфер ее применения. В конце XVIII — нач. XIX в. наблюдается полное разрушение жанровых ограничений в употреблении слов с *-тель*. Среди них выделяется высокая поэтическая лексика (*свершитель*, *сразитель*, *искупитель*, *избавитель*, *созерцатель*, *низлагатель*, *даровательь*, *преобразователь* и др.), общелитературная книжная лексика (*издатель*, *писатель*, *зритель*, *воспитатель*, *учитель*, *поджигатель*, *обладатель*, *почитатель*, *любитель*, *грабитель* и др.), лексика официально-деловая (*вручитель*, *предъявитель*, *одолжитель*, *посылатель*, *получатель*, *отправитель*, *свидетель*) и др. Все эти слова широко употребляются в разнообразных жанрах письменности: в письмах, дневниках, записках, в поэзии, в художественной и журнальной прозе.

§ 2. С начала XIX в. функционирование словообразовательной модели с *-тель* было подчинено основным тенденциям в развитии словообразовательной системы русского литературного языка. Этот суффикс получил возможность сочетаться с основой любого глагола определенного структурного строения, независимо от его происхождения [14]. Применение суффикса *-тель* имело лишь

---

[14] Интересно отметить, что Даль в своем словаре приводит параллельные образования с *-тель* и *-щик* от однородных глаголов: *написатель — написчик*, *наламыватель — наломатель — наломщик*, *налетатель — налетчик*, *накупатель — накупщик*, *накрыватель — накрывщик*, *накоплятель — накопитель — накопщик*, *наклонятель — наклонитель — наклонщик* и т. д. Семантических или каких-либо других различий у дублетных образований словарь не отмечает.

одно ограничение: сочетаемость его была ограничена глаголами абстрактной семантики. Это обстоятельство было немаловажным в определении места суффикса *-тель* в системе словообразования, а соответствующей лексики — в системе словаря.

XVIII век был, по-видимому, периодом наибольшей продуктивности словообразовательного типа имен лиц с *-тель*. Продуктивность его сохраняется и в первой трети XIX в. Академические словари первой половины XIX в. отразили не только большое количество слов с этим формантом, но и его словообразовательную активность. Так, Словарь 1847 г., наиболее полно отразивший изучаемую лексику, помещает имена с *-тель* соответственно почти каждому глаголу с суффиксом *-и-* и *-а-*: *алкатель, бросатель, брехатель, ваятель, верстатель, вжигатель, вздыхатель, взыскатель, виноделатель, влагатель, воздвигатель, возделатель, возжигатель, возбуждатель, возглашатель, вопрошатель, восклицатель, воспитатель, воспоминатель, всеятель, вспомогатель, вчинатель, выбиратель, вызыватель, выкупатель, выниматель, ведатель, вещатель, веятель, гадатель, жаждатель, завещатель, зажигатель, закалатель, заклинатель, замечатель, заповедатель, заседатель, иждиватель, избиратель, извергатель, извлекатель, изгнатель, издатель, излагатель, изображатель, изобретатель, изрыгатель, казатель* («учитель», «проповедник»), *каратель, наказыватель, копатель, кропатель, наблюдатель, навлекатель, навещатель, надбавлятель, надзиратель, надписатель, назидатель, назиратель, назначатель, наказатель, наляцатель, нападатель, написатель, напоминатель, обаватель, обаятель, обладатель, облачатель, облежатель, облекатель, облыгатель, обожатель, оболгатель, обращатель, обретатель, обуздатель, обещатель, оклеветатель, описатель, оправдатель, опровергатель, осаждатель, основатель, остерегатель, отбиратель, отвергатель, отрицатель, отъятель, охуждатель, предостерегатель, предсказатель, предстоятель, председатель, презиратель, пренебрегатель, препинатель, препиратель, препитатель, преплаватель, преподаятель, преслушатель, прибиратель, прибегатель, призиратель, принимаматель, притекатель, притяжатель, приискатель, приобретатель, прихлебатель, пробиратель, продерзатель, продолжатель, прорекатель, прорицатель, разбиратель, разглашатель, раздаятель, раздиратель, разниматель, рассекатель, разыскатель, растатель, роптатель, ругатель, рукогадатель, рукоделатель, рукоплескатель, ручатель, резатель, самоделатель, сбиратель, сзыватель, сказатель, слиятель, слагатель, скотопитатель, словоистязатель, слушатель, собиратель, соблюдатель, совещатель, соглядатель, содержатель, сожигатель, создатель, созерцатель, созидатель, созиратель, созыватель, соискатель, солгатель, сплетатель, собиратель, сопровождатель, соревнователь, состоятель, состязатель, соседатель, списатель, сплетатель, спомогатель, спредстоятель; блазнитель, блюститель, богатитель, вводитель, вверитель, вершитель,*

видитель, вкоренитель, властитель, внушитель, водитель, возмездитель, возмутитель, возбранитель, возбудитель, возродитель, возвеститель, возгласитель, возновновитель, возразитель, воссоединитель, воитель, волитель, вооружитель, вопроситель, воскреситель, воспретитель, воспятитель, восхититель, вражбитель, вразумитель, вредитель, временитель, вручитель, вселитель, вскормитель, вторитель, вычислитель, веритель, гаситель, гласитель, глумитель, гонитель, гоститель, градитель, губитель, живитель, заводитель, заверитель, запретитель, заразитель, заручитель, избавитель, изводитель, изгонитель, излечитель, изменитель, измеритель, изнуритель, изобразитель, казитель, казнитель, каратель, копитель, кормитель, коснитель, краситель, крестителъ, кроитель, куритель, наградитель, нарушитель, насадитель, населитель, обвинитель, облегчитель, обличитель, обносителъ, обогатитель, обагритель, ободритель, обозритель, обольститель, оборонитель, обременитель, обучитель, общитель, объявитель, огласитель, оговоритель, огорчитель, одобритель, одолжитель, одушевитель, озлобитель, окормитель, ополчитель, опустошитель, освободитель, освятитель, осквернитель, оскорбитель, осудитель, отводитель, отвратитель, отгонитель, отмститель, отправитель, отяготитель, охранитель и др.

§ 3. В конце XVIII — нач. XIX в. существительные с суффиксом — *тель* были более глагольными [15], чем в современном языке. В это время мы наблюдаем глубокую внутреннюю дифференциацию имен с *-тель* по степени глагольности. На основе этой дифференциации выделяется три группы слов.

Первую группу составляют имена, характеризующиеся наименьшей глагольностью. Они обладают конкретным стабильным значением, не зависящим от поясняющих слов в предложении: *учитель, писатель, изобретатель, служитель, правитель, проситель, поздравитель, мечтатель, издатель, воспитатель, мысли-*

[15] Существуют условия, определяющие сохранение глагольных качеств у отглагольных имен: 1) регулярность словопроизводства от основ глаголов определенного структурного типа; 2) способность производного имени к управлению зависимыми словами в форме родит. пад. объекта (соответственно форме винит. пад. при производящем глаголе); 3) возможность произвести имя от основ, различающихся только видом, т. е. такое положение, при котором видовое значение основы не является препятствием для образования отглагольного имени. Таким образом, производные имена оказываются противопоставленными друг другу по виду основ, и в семантике производных имен могут отразиться не только собственно видовые значения, но и их оттенки. В этом случае глагольность производных имен достигает максимальной степени. При регулярности образования имен от основы каждого глагола определенного типа производные существительные приобретают характер формы слова и входят в парадигму глагольного спряжения. А. Вайан именно так квалифицировал формы отглагольных имен на *-ние, -тие* в эпоху старославянского языка (см. «Руководство по старославянскому языку», М.,1952, стр. 288). Кроме этого общего условия, при котором глагольность отглагольного имени повышается, существует еще ряд условий, способствующих повышению глагольности производных имен при регулярности их словопроизводства.

тель, преподаватель, председатель, заседатель, избиратель, ваятель. Значения их могут не совпадать со значениями соответствующих причастий. Поэтому их обобщенные значения отходят от значений чистого деятеля по названному основой глаголу, они обозначают лиц либо по роду занятий, должности, по общественному положению (*учитель, писатель, избиратель, ваятель, заседатель*), либо по способности или склонности к действию (*мечтатель, мыслитель*). Сочетаемость таких слов с другими словами носит не глагольный характер. Поясняющие слова могут указывать не только на направленность действия, но и на другие, менее «глагольные» отношения (относительность, принадлежность), ср.: *учитель английского языка, преподаватель гимназии, председатель совета.* Некоторые из этих имен вообще лишены способности к глагольному управлению (*мечтатель, ваятель, мыслитель*).

Вторая группа имен с *-тель* по сравнению с первой более глагольна. Имена, входящие в эту группу, лишены возможности выступать в предложении вне сочетаемости с поясняющими словами. Но, сохраняя глагольные связи, способность к глагольному управлению, имена этой группы управляют ограниченным кругом слов: это могут быть или отдельные лексемы (*настоятель монастыря, укротитель зверей*) или, что чаще, определенные категории близких по значению лексем (*последователь идеи, мнения, веры, теории* или *последователь кого: Шеллинга, Пушкина, Брюллова* и т. д.; *покоритель Сибири, царства, страны* (переносно: *сердец*); *ценитель изящного, красоты, таланта, искусства*). Имена с суффиксом *-тель* в этих случаях как бы срастаются со своим словесным окружением, причем связи эти часто носят фразеологический характер.

Наконец, третья группа имен с суффиксом *-тель* наиболее глагольна. Значения имен здесь целиком опираются на семантику глагола; они управляют поясняющими словами по нормам глагольного управления: *снискатель древностей, утвердитель языка, стяжатель власти, соорудитель монастырей, машин, соединитель людей, снарядитель даров, свершитель обета, успокоитель сокрушений, усладитель жизни, горя, возобновитель империи, изъяснитель натуры* и т. д.

В более редких случаях эти существительные могут употребляться без поясняющих слов. Тогда в разъяснении их значения участвует более широкий контекст, ср.:

> Заговорили о чем-то подобном в Москве, в салонах,— в лакейских повторили один анекдот. Шульгин пересек *повторителей* (А. И. Тург., п. Вяземскому, 2 сент. 1819); Рассерженный мой *замечатель* продолжал бы долее свои рассуждения (Крыл., Почта духов, XLVI).

В таком употреблении (без поясняющих управляемых слов) наиболее отчетливо проявляется семантическая близость таких

образований на *-тель* к причастиям действительного залога, ср.: Уверял сонливого *отвечателя*, что... (Карамз., П. р. п., Лозана); ср.: *отвечающего или отвечавшего* [16].

Имена этой группы в целом — наиболее «чистые» случаи прямой реализации значения модели.

Если лексика первых двух групп представляет собой отстоявшуюся, в какой-то степени традиционную часть словаря, то слова третьей группы как бы возникают по мере надобности. По-видимому, в отношении слов именно этой группы должна идти речь о создании слов по модели в момент употребления. Отсюда понятны и их глагольные значения.

В конце XVIII — нач. XIX в. имена, входящие в третью группу, были распространены значительно шире и возникали значительно свободнее, чем это имеет место позднее. Вот некоторые материалы, подтверждающие этот тезис:

Достохвальный *снискатель* древностей наших (Рычков, Опыт Каз. ист., II); всемирный *возглашатель* добродетели (Трутень, 1769, XX); *подаватели* совета (Болот., 1, 24); Выхваляется тот, кому подносится книга, хотя *подноситель*... и имя его мало знает (Крыл., Почта духов, XXVI); *обновитель* России (Радищ., Письмо к другу); Карл, первый *возобновитель* Римской империи (Там же); *успокоитель* сокрушений человеческих (Радищ., Дневн. одн. недели); наемный *извещатель* слова божия (Радищ., Путеш., Медное); *лелеятели*... твоея надменности (Там же, Выдропуск); *обогатитель* нищего (Там же, Спасск. Полесть); *насытитель* нашего глада (Там же, Хотилов); *раздаватель* милостыни (Карамз., П. р. п., Женева, 2 февр. 1790); *разбиратель* доносов (Там же, Лондон, июля... 1790); *изъяснитель* натуры (Там же, Вестминст. аббатство); глупость невинных его *опровергателей* (Н. Тург., Дневн., 6 ноября 1810); *рассматриватель* книги (Русск. вестн., 1810, № 3); веществ чувствительных *живитель* (Держ., Ода на день рождения ее величества [1774]); *желатель* трона (Держ., Ода на великость); *разитель* врагов (Держ., К портрету гр. Милорадовича); *требователи* хлеба (Юм, О населенности древн. народов); *печататель* чужих сочинений (Батюшк., п. Н. И. Гнедичу, начало сентября 1816); *низлагатель* и *восстановитель* царств (Библиков, Зап.); *очистители* и *утвердители* языка (И. Дм., п. А. И. Тургеневу, 23 дек. 1818); *докучатели* фортуны (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 10); Ты сих, Кутузов, дел

---

[16] Именно в этих случаях становятся возможны характерные дублеты, ср.: Рассматривая сей запрос,— изъясняет *возразитель*,— нахожу, что... (Вяземск., Письма из Парижа); В мою ли пользу, или в пользу моих *возражателей*, если они найдутся (Совр., 1847, т. IV); Его был гордый *вопроситель*, Чего себе желает в дар (Держ., Милорду, моему уделю); Не смели отвечать, не зная, какой стороне принадлежали *вопрошатели* (Пушк., Ист. Пугач., 8).

творитель! (Рыл., Кн. Смоленскому); *снарядитель* нужных даров (Моск. вестн., 1828, № 13); ты сын земли, земли *преобразитель!* (Атеней, 1828, № 4); *предлагатели* услуг (Там же, № 6); *развозители* всякой всячины (Пушк., Росл.); *бичеватель* пороков (Марл., Фр. «Н», II) и мн. др.

Во второй половине XIX в. не только ограничивается возможность свободного образования имен с *-тель*, но и резко изменяется характер их применения.

В начале и отчасти еще в первой половине века такие слова создавались и употреблялись в целях «чистой номинации», для обозначения лица по совершаемому действию; свободное функционирование этой модели составляло норму литературного языка; имена с *-тель* с ярко выраженными глагольными значениями входили в фонд общелитературных нейтрально-книжных средств. С середины XIX в. характер функционирования этой модели коренным образом меняется. В этот период все реже встречаются случаи употребления имен лиц с суффиксом *-тель* с глагольным значением, иными словами, утрачивается «автоматизм» действия словообразовательной модели. Факты употребления имен на *-тель*, не обусловленного никакими целями, кроме прямой номинации лица по действию, в языке второй половины XIX в. единичны:

Я приготовляю теперь к печати томик вовсе вам незнакомый, который здешним *понимателям* русского нравится (Герц., п. М. К. Рейхель, февр. 1854);*завершители* человечества (Дост., Прест. и наказ., 3, V); *подделыватели* билетов последнего займа (Там же, 2, V); *проноситель* вина (Дост., Зап. из М. дома, 1, III); Вопреки обыкновению всех *воспоминателей* я не могу похвастаться... близкой дружбой с покойным Николаем Георгиевичем (Купр., Памяти Н. Г. Михайловск.).

Во второй половине XIX в. развиваются две основные тенденции употребления имен с суффиксом *-тель* с глагольными значениями. Во-первых, такая лексика начинает сосредоточиваться в специальной речи — научной и научно-публицистической:

Булла за буллою были направлены против этих проповедников—*исказителей* духа христовой религии (Отеч. зап., 1844, т. XXXII); Организатор... так называют *соединителя* людей и *напразителя* деятельности их сил к известной определенной цели (Петрашевск., Карм. сл. иностр. слов); Обскурант—*помрачитель*, *затемнитель*, всегда противуполагается просветителю (Там же); *Изобразителем* этих сторон явился Гоголь, *истолкователем* этих стремлений — Белинский (Доброл., Лит. мелочи прошл. года, I); Немцы долгое время были *держателями* всего, что относится к области знания (Речь присяжн. повер. Шубинского, 1895).

Вторая тенденция употребления имен на *-тель* с глагольным значением—использование их как художественно-выразительного

средства стилизации, иронии, авторской оценки происходящего и т. д.[17]

Частный был большой *поощритель* всех искусств и мануфактурностей (Гоголь, Нос, 2); Секунд-майор Крючкин с своей стороны преисправно бы отдубасил заслуженною тросточкой всякого незаконного *покусителя* на сердце и покой единственной дочери (В. Соллог., Тарантас, XV); Знаменитые *отпиратели* всяких дверей и сундуков, снабженные всеми нужными инструментами, пробились трое суток (Гонч., Фр. «Пал.», Русск. в Японии); Я все это знаю лучше всех этих опытных и премудрых советчиков и *покивателей* (Дост., Зап. из подполья, I, Подполье, I); Откровение блаженного произвело странное и даже невыгодное впечатление, хотя и нашлось несколько *усердствователей*, которые отнеслись к нему одобрительно (Вс. Крестовск., Пб. трущ., 4, XVI); Ну, художник! Ну, «*приготовитель* к печати»! (Леск., п. П. К. Щебальскому, 19 дек. 1870); Бывало даже, что одни и те же люди присягали и за одно и за другое. Это объяснялось возникновением при описываемых мною обстоятельствах особого промысла «*присягателей*» (Леск., Владычн. суд, 2); Боюсь не потому, чтобы они [советники] представлялись мне преисполненными злобы, а потолику, поколику они являются *вместителями* казенного интереса (С.-Щ.., За рубежом, I); И прочие безотменные *набиватели* носов высоко уважали этот табак (А. Погосск., Дедушка Назарыч. ЛК); Не скоро кончил «*развиватель*» прелестной Анны Гавриловны (Боборык., На ущербе, 1, X); Согласятся они, «чистоты и спокойствия ради», подчиняться деспотизму какого-либо столичного общества или филантропа — *насадителя* ... каких бы то ни было принципов отвлеченной нравственности или общежития (В. Е., 1890, т. VI, № 11); Народнические теории гг. В. В., Николая -она и их многочисленных *перепевателей* служили только quasi-научным прикрытием этого неприятного, но несомненного факта (Ленин, Народничествующая буржуазия и растерянное народничество. Соч., т. 7, стр. 87).

Изменения в функционировании имен с суффиксом *-тель* определили и положение самой модели в словообразовательной системе языка. Разнообразные жанрово-стилистические ограничения и экспрессивная направленность таких слов, сокращение возможности непосредственного образования слов с общим значением «деятель по выполнению названного основой действия» приводит к тому, что продуктивность модели снижается [18].

---

[17] Примеры такого употребления в современном языке см.: Г. Зенков. О закономерностях суффиксального образования имен существительных в совр. русск. языке. Канд. дисс. М., 1953.

[18] На слабую продуктивность словообразовательной модели с суффиксом *тель* в пределах имен лиц указывают исследователи современного язы-

§ 4. С общим процессом снижения глагольности в именах на *-тель* связаны различные процессы, происходящие внутри класса этих имен, входящих в словарь языка в качестве отстоявшихся лексем, «объективных элементов» словаря. К этой категории относятся имена с независимым от управляемых слов значением (первая группа нашего деления) и имена, сочетание которых с другими ограничено определенным кругом слов (вторая группа деления). На протяжении XIX века процесс снижения глагольности в этой категории имен лиц с *-тель* проявился в следующем: у имен с *-тель* обнаруживается стремление к вычленению независимых значений из системы значений, обусловленных словесным окружением; обнаруживается стремление к сужению связей этих слов с другими словами.

1. Ряд имен, которые в XVIII — нач. XIX в. могли иметь наряду с независимыми значениями и значения, зависимые от поясняющих слов, закрепляют за собой только независимые значения, теряя способность к управлению.

В конце XVIII — нач. XIX в. были допустимы такие сочетания как *зритель* чего, *мститель* чего, *отрицатель* чего, *грабитель* чего:

Зритель позорища (Радищ., Путеш., Яжелбицы); *отрицатель всемогущия воли* (Там же, Бронницы) [19]; *зритель бесстрашия* их в боях (Держ., В память Давыдова и Хвостова); *зритель правды* (Держ., Целение Саула); *мстительницы* и *карательницы всякого злого дела* (С. О., 1812, № 1); *мститель обид* (Пушк., Тазит); своих *обид* ожесточенный *мститель* (Пушк., Б. Г., Краков, Дом Вишневецкого); *мстителем* коренных *постановлений* отечества (Пушк., О народн. воспит.).

Наиболее четко стремление к утрате глагольных значений наблюдается у имен, образованных от основ бесприставочных глаголов несов. вида. Хотя эти образования и наиболее глагольны по своей природе, но бесприставочная основа облегчает изживание глагольности в имени, так как она лишена дополнительных глагольных оттенков, вносимых приставками.

2. В языке XIX в. шел активный процесс ограничения связей имен лиц с *-тель* с другими словами. Намечается несколько типов таких ограничений, обнаруживающихся чаще всего одновременно с вычленением независимых значений.

1) Сочетающиеся с именами на *-тель* слова ограничиваются пределами одной категории.

ка. См.: Г. С. Зенков. Указ дисс.: Е. И. Сенин. Из наблюдений над продуктивными типами суффиксальных новообразований Советской эпохи. «Русск. яз. в шк.», 1958, № 5; Ю. Р. Геннер. Некоторые проблемы словообразования в совр. русск. языке. «Русск. яз. в шк.», 1956, № 4; Н. М. Шанский. Основы словообразовательного анализа. М., 1953.

[19] Ср. в более позднем употреблении: *отрицатель цисилизации культуры* (Боборык., На ущербе, 3, XXI).

В конце XVIII — нач. XIX в., а иногда и несколько позже, некоторые имена с *-тель* могли управлять существительными как одушевленными, так и неодушевленными; позднее сочетаемость их ограничивается пределами или той или другой категории.

Так, слово *обожатель* помимо широко распространенных случаев употребления вне связи с управляемым именем (*безмолвный обожатель*, *партер наполнен ее обожателями* и т. п.), в начале изучаемого периода могло сочетаться с именами и неодушевленными и одушевленными:

Любезных *прелестей* любезный *обожатель* (Держ., К портрету Н. М. Карамзина); *обожатели счастья* (Моск. набл., 1837, май, кн. 2); *обожатели* его *сочинений* (Б-ка для чт., 1834, т. III); записные *обожатели* заморской *республики* (Там же, т. VII); *обожатель англичан* (Карамз., П. р. п., Лондон, июля ... 1790); *обожатели Бонапарта* (С. О., 1812, № 3); ты *муз* прилежный *обожатель* (Лерм., К Грузинову).

В дальнейшем это слово утверждается в языке с узким значением «горячий поклонник кого-нибудь, ухаживатель» и употребляется или в сочетании с именами одушевленными (непостоянный *обожатель очаровательных актрис*. Пушк., Е. О., 1, XVII), или в фразеологическом сочетании с шутливым оттенком: *обожатель прекрасного пола*; употребление вне связи с записимыми существительными устойчиво сохраняется.

Аналогичный процесс происходит со словами *оскорбитель*, *мучитель*, *развратитель*, *подражатель*; первоначально они могли сочетаться с именами одушевленными и неодушевленными:

Развратитель благопристойности и нравов (Крыл., Почта духов, XXI); *развратители добродетели* (Там же, XXIII); *Оскорбитель* всех *прав* (Радищ., Путеш., Зайцево); думает, что сей *книги* его как не было примера, так не будет и *подражателей* (Фонв., Чистосердечн. призн., Вступл.); *подражатель природе* (Жих., Зап. совр., II, 2 янв. 1807); *оскорбитель* твоей *девичьей красоты* (Жуковск., Вадим); Киприда и Эрот, *мучители сердец* (Батюшк., Из греч. антологии, XII); *подражатели* французского *стиля* в обращении (Никитенко, Дневн., 20 мая 1826).

Позднее сочетаемость этих имен ограничивается именами одушевленными: *подражатели Пушкина*, *Жуковского*, *Ломоносова* и т. д.

2) Круг управляемых именами на *-тель* слов ограничивается семантически.

Как уже отмечено, в конце XVIII — нач. XIX в. сочетаемость имен с *-тель* была более свободной, менее ограниченной, чем в более позднюю эпоху. Так, например, сочетаемость слов *учредитель*, *нарушитель*, *любитель*, *исследователь*, *изобретатель*, *искатель*, *попечитель* была в это время относительно свободной:

Новизн любители (Вс. всячина, 1769, 21 авг.); *любитель отечества* (Держ., Эпистола к генералу Михельсону); *любитель муз* (Держ., Ода на смерть Бибикова); *искатели богатств* (Крыл., Почта духов., XLVII); *учредители инквизиции* (Радищ., Путеш., Торжок); *учредитель плавания* (Там же, Спасск. Полесть); *учредитель веселостей* (Там же); *рушитель* общественной *доверенности* (Там же); *исследователи истины* (Там же, Подберезье); *попечители о благе* общем (Там же, Вышн. Волочек); Истина нашла *любителей* (Там же, Подберезье); *любитель человечества* (Там же, Хотилов); *изобретатели оков* (Там же, Торжок); *любители натуры* (Карамз., П. р. п., Тунское озеро); *нарушители* твоего *блаженства* (Н. Тург., Дневн., 14/26 дек. 1809); *любитель* шумной *славы* (Батюшк., К творцу «Ист. гос. Росс.»); кровавых *битв искатель* (Пушк., Русл. и Людм., 2); *искатель* новых *впечатлений* (Пушк., Погасло дневное светило); *искатели невест* (Гриб., Горе от у., IV, 2); *искатели мест* и *чинов* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 2, 5); *искатели счастья* (Моск. вестн., 1828, № 14); *изобретатель* всего *полезного* (Марл., Ам-Бек., X); *изобретатель благоразумия* (Б-ка для чт., 1834, т. VII, № 1); *нарушитель* своего *слова* (Н. Полевой, Расск. русск. солдата, I); *искатели богатств* (Отеч. зап., 1839, т. IV); *учредитель дома трудящихся* (Там же, 1844, т. XXXII); *любители* лотерейных *выигрышей* (Там же), и т. д.

В процессе общего преобразования семантической структуры класса имен лиц с *-тель* в XIX в. эти слова обнаруживают стремление управлять более ограниченным кругом лексем однородной семантики. Ограничение лексики, вступающей в сочетание с такими словами, обнаруживается в пределах частных семантических категорий. Так, слова *учредитель*, *содержатель* оказываются связанными с названиями каких-либо учреждений; слово *нарушитель* — со словами, обозначающими понятия порядка (*нарушитель тишины*, *порядка*, *спокойствия*). Ср. также: *изобретатель парового ткацкого станка*, *телеграфа*, *жизненного элексира* и т. п.; *исследователь старины*, *древности*, *быта* и т. п.; *попечитель университета*, *школы* и т. п.; *любитель музыки*, *искусства*, *словесности*, *поэзии* и т. п.; ограничения в сочетаемости способствовали развитию в этом слове оттенка в значении: «ценитель, знаток».

Такой тип ограничений приводит к формированию в языке фразеологически связанных конструкций — обозначений лица: *искатель приключений*, *предводитель дворянства* и т. д.

Одновременно с процессом ограничения в сочетаемости имен лиц с *-тель* происходит процесс вычленения имен, имеющих только независимые значения и абсолютивное употребление (по типу *зритель*, *отрицатель* и т. п.).

Естественно, что описанные процессы происходили постепенно,

поэтому и в середине и во второй половине XIX в. обычны случаи, когда имя с *-тель* сохраняет способность управлять другими словами и, таким образом, характеризуется несвободными, зависимыми значениями и в то же самое время может употребляться в предложении абсолютивно и иметь свободное значение, не обусловленное наличием управляемого слова. В языке XIX в. параллелизм в употреблении в семантически зависимой и независимой позиции имен с *-тель* с вытекающими отсюда различиями в значениях [20] — явление широко распространенное, ср.:

Исследователь древнерусского *быта* (Писарев, Русск. Дон Кихот, IV); *исследователи древности* (Совр., 1847, т. V, № 3) и: проявление закона в жизни наводит *исследователя* на теорию (В. Е., 1890, т. I, № 1); *Разрушитель* всей немецкой *империи* (С. О., 1812, т. V) и: все преступают закон, *разрушители*, или склонны к тому, судя по способности (Дост., Прест. и наказ., 3, V); *строитель Павловской церкви* (Карамз., П. р. п., Вестминст. аббатство); *строитель громоотводов* (Отеч. зап., 1839, т. IV) и: он *строитель*, инженер, плантатор, чиновник (Гонч., Фр. «Пал.», Ликейск. о-ва); инженер-*строитель* (Купр., Памяти Н. Г. Михайловск.); *любитель театра* (Жих., Зап. совр., I, 3 янв. 1805); *любители словесности* (Тург., Лит. и жит. воспом., I) и: Сцена взяла такое направление, которое не одобряется не только *любителями* и знатоками... (С. О., 1827, № 15); *изобретатель телеграфа* (Отеч. зап., 1839, т. IV); *изобретатель* парового ткацкого *станка* (Там же, 1844, т. XXXII) и: француз-*изобретатель* (Тург., Лит. и жит. воспом., VI); усилия всех умных и честных людей, всех мыслителей и *изобретателей* (Писарев, Реалисты, II) и т. д.

§ 5. Перечисленными явлениями не исчерпываются проявления общего процесса снижения глагольности образований с суффиксом *-тель*. Может быть указан ряд других более частных явлений, связанных с этим процессом. Так, например, обнаруживаются ограничительные тенденции в образовании имен с *-тель* от однокоренных основ, различающихся либо приставками (*совратитель* и *развратитель*, *утешитель* и *потешитель*, *утеснитель* и *притеснитель*), либо наличием или отсутствием пристав-

[20] Степень и характер семантических расхождений между именами с «независимыми» и «зависимыми» значениями могут быть различными. 1) Между тем и другим именем существует тесная семантическая связь и различия между ними имеют характер различий скорее в употреблении, чем в значении, например: *исследователь* и *исследователь чего*; *изобретатель* и *изобретатель чего*; *строитель* и *строитель чего*; с независимым употреблением здесь связан оттенок более общей характеристики лица. 2) Между тем и другим именем семантический разрыв настолько значителен, что позволяет говорить о разных значениях или о ярко выраженных оттенках в значении, например: *любитель чего* (*театра*, *музыки* и т. д.) и *любитель* («непрофессионал»). Ср. в современном языке: *нарушитель чего* (*тишины*, *спокойствия* и т. д.) и *нарушитель* («незаконно перешедший государственную границу») и др.

ки (*учитель* и *научитель*; *писатель* и *описатель*, *списатель*; *мститель* и *отомститель*; *хранитель* и *охранитель*, *сохранитель*; *ваятель* и *изваятель*; *датель* и *податель* и т. д.). Несмотря на то, что приставка, внося существенные различия в семантику производного слова, исключает в этих случаях дублетность, в языке осуществляется выбор лишь одного из возможных образований.

Лексический отбор в системе лиц с *-тель* вообще имеет большое значение; он распространяется и на образования, имеющие в своем составе разные глагольные суффиксы. Например, из цепи однокоренных образований *датель*, *податель*, *наддатель*, *раздаватель*, *подаватель* утвердилось *податель* (*податель письма*) [21].

Существенное значение в общем снижении глагольности слов с *-тель* имела оградительная традиция в словопроизводстве имен от основ глаголов с суффиксами вторичной имперфективации *-ва-*, *-ива-* (см. § 1). В литературном языке XIX в. возникают буквально единичные образования:

Доморощенные *переделыватели* (Отеч. зап., 1839, т. IV, № 7); Владелец земли есть вместе *возделыватель* оной (Куницын, Энц. прав); *рассматриватель* книги (Русск. вестн., 1810, т. IX, № 3); *подделыватели* билетов последнего займа с лотереей (Дост., Прест. и наказ., 2, V); Пришел «*признаватель*», и желает видеть князя. — Кто? Что? — *Признаватель*; он угадывает все, и все знает (Л. Толст., п. жене, 15 дек. 1884); составить из всех этих *призывателей* комитет (Писарев, Кукольн. траг., III).

Эти слова, как наиболее глагольные образования, не входят в словарь языка. Это — частный случай общего процесса ограничения в словопроизводстве имен лиц с *-тель* от основ глаголов несов. вида.

Итак, в русском литературном языке второй половины XIX в. свободное и широкое словообразование имен лиц с суффиксом *-тель* прекращается. Имена с *-тель* возникают спорадически в стилистически окрашенных контекстах.

В языке сохраняется многочисленный класс имен лиц с *-тель*, представленных в словаре в качестве его «объективных элементов». Весь этот класс имен лиц с *-тель* характеризуется тем, что они «преодолели» глагольные значения.

Процесс вычленения независимых значений из системы значений имен лиц с *-тель* происходит непрерывно, тем самым увеличивается внутри класса имен лиц с *-тель* группа лексем с конкретным наполнением (*нарушитель* — «нарушивший границу», судебный *исполнитель*, *хранитель* — «должность сотрудника музея» и т. д.). Происходит процесс терминологизации имен с *-тель*.

[21] В языке сохраняются однокоренные образования, если значения их настолько далеки, что их связь устанавливается этимологически: *следователь*, *преследователь*, *исследователь*, *последователь*.

Все это вместе взятое указывает на тенденцию к разрушению живой словообразовательной модели с единым значением производных и к сохранению в языке класса слов, хотя и многочисленных, но до какой-то степени разъединенных индивидуально развивающимися конкретными значениями.

Начиная со второй половины XIX в. словообразовательная активность этой модели снижается, продуктивность словопроизводства имен существительных личных с суффиксом *-тель* прекращается. Исследователи современного литературного языка отмечают почти полное отсутствие новообразований имен лиц с *-тель* в общелитературном языке [22], за исключением словопроизводства профессиональных обозначений лиц, где *-тель* несколько более активен [23].

Не менее важным свидетельством снижения продуктивности суффикса *-тель* со второй половины XIX в. и вплоть до современности является количественное сокращение лексики с этой морфемой. Надежными источниками сравнительных сопоставлений служат данные словарей. По свидетельству Словаря Ушакова в сопоставлении со Словарем 1847 г. состав лексики с *-тель* сократился в 2—2,5 раза. В середине XX в. уже невозможно назвать имя с *-тель* соответственно каждому или по крайней мере большинству глаголов с суффиксами *-и-* и *-а-*. Словарь Ушакова содержит еще одно важное свидетельство сокращения продуктивности *-тель* в литературном языке. Это указание на уход слов из активного фонда в пассивный запас (помета «устарелое») или на их отход в специальные области языка (пометы «официальное», «книжное», «поэтическое», «риторическое», «публицистическое»). Претерпев коренное семантическое преобразование в пределах словообразования имен лиц, суффикс *-тель* стал продуктивен в кругу предметных имен (названий орудий, приборов, механизмов и др.) [24].

Изменения в словообразовании имен лиц с суффиксом *-щик*, образуемых от глагольно-именных основ и основ существительных

§ 6. Суффикс *-щик* (и его фонетический вариант *-чик*) как самостоятельная словообразовательная морфема начал функцио-

[22] Г. С. Зенков отмечает одно новообразование: *оформитель* (см. канд. дисс).

[23] Ср. в «Систематическом словаре занятий» (Союзоргучет, Л., 1939): *вычерпыватель*, монтер-*измеритель*, *расщепитель* пера, *испытатель* (инженер), *вычислитель* (инженер), *обогатитель* (инженер), *разрыхлитель*, *обезвоживатель*, *сполоскатель*, *отделитель*, *окислитель*, *осадитель*, *расщепитель* жиров и др.

[24] Сходные явления в развитии словообразовательного типа имен на *-тель* наблюдаются в болгарском языке; см.: Калина И в а н о в а. Върху имената на *-тел*, *-телен* с оглед на видовата им основа и видовото им значение. «Български език», год IX, 1959, кн. 3.

нировать в русском языке довольно поздно. Первые случаи употребления имен с суффиксом *-щик* (*закладчик*, *даньщик*) относятся к середине XIII в.[25] На протяжении XIV—XVII вв. количество имен на *-щик* постепенно увеличивается. Лексика на *-щик* первоначально встречалась в памятниках деловой письменности — грамотах, актах — и отсутствовала в памятниках, отразивших влияние старославянской культуры. Однако позднее эта лексика начинает употребляться в самых различных жанрах письменности; имена на *-щик* широко известны говорам.

Обособившись как словообразовательная морфема, суффикс *-щик* развил словообразовательную активность. Этот формант в древнерусском языке характеризуют широкие словообразовательные связи: он сочетается с основами существительных, глаголов и прилагательных. Однако по направлению к современности продуктивность образований существительных с суффиксом *-щик* от основ прилагательных уменьшается, и в современном языке сохраняются лишь отдельные слова, образованные от прилагательных на *-ов-ый* (*кладовщик*, *меховщик*, *часовщик*) или на *-ян(н)ый* (*оловянщик*, *полотнянщик*). Сочетание суффикса *-щик* с основами имен существительных и глаголов остается устойчиво продуктивным в образовании существительных, обозначающих лиц «или по их профессиональной деятельности, по их действиям, определяющим их характер, общественное положение, ремесло, или по предмету, характеризующему сферу или образ их деятельности» [26].

Имена лиц, образуемые от глагольно-именных основ

§ 7. Существительные с суффиксом *-щик*, из состава которых вычленяется глагольная основа, структурно связаны с формой отглагольного имени, образованного посредством суффикса *-к-а* или бессуффиксального. Эта связь особенно отчетливо проявляется в тех случаях, когда основы глагола и имени не совпадают по фонемному составу: *набирать — набрать — набор — наборщик*; *принимать — принять — прием — приемщик*; *набивать* —

[25] См.: А. А. Дементьев. Агентивные суффиксы *-щик*, *-чик* в русском языке. «Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. и учит. ин-та», вып. 2, 1938, стр.165; С. И. Лобанов. Из истории имен существительных с агентивным суффиксом *-щик* (XIV—XVII вв.). Канд. дисс. М., 1950. О происхождении суффикса *-щик* в результате переразложения основ субстантивных прилагательных на *-ьск* (*слободьск(ой)* + *ик* — *слободщик*, *ямск(ой)* + *ик* — *ямщик*) см.: Г. П. Павский. Филологические наблюдения над составом русск. языка. СПб., 1850. Рассужд. II, стр. 72—73; Я. К. Грот. Филологические разыскания, т. I. Изд. 2. СПб., 1876, стр. 352; А. А. Дементьев. Указ. соч., стр. 154—157, 167—168. Другое мнение — о происхождении агентивного суффикса *-щик* (*-чик*) из уменьшительного *-чик* — см.: Н. Крушевский. Очерк науки о языке, стр. 104—105.

[26] Современный русский язык. Морфология (Курс лекций). Под ред. В. В. Виноградова. Изд. МГУ, 1952, стр. 100.

набить — набой-к-а — набойщик. В тех случаях, когда отглагольное имя (на *-к-а* или бессуффиксальное) отсутствует, соответствующие имена лиц образуются с помощью суффикса *-льщик* [27]. Образования с суффиксом *-щик* безразличны к видовому значению глагола: этот суффикс присоединяется к основе, освобожденной от суффиксальных глагольных показателей:

осмотр $^{\text{еть}}_{\text{ивать}}$ *— осмотрщик, оцен* $^{\text{ить}}_{\text{ивать}}$ *— оценщик*;

поэтому имена с *-щик* по значению соотносительны с глаголами обоих видов. Семантически имена на *-щик* тесно связаны с глаголом: они называют лицо как активного выполнителя указанного основой действия [28].

Начиная с XVII в. появляются отглагольные образования на *-льщик*. Формант *-льщик* генетически связан с основами глаголов прошедшего времени на *л*, присоединившими суффикс *-щик* (подобно форманту *-льник*, связанному с теми же основами, присоединившими суффикс *-ник*). Обособление форманта *-льщик* произошло, по-видимому, из состава имен типа *зажигальщик*, *будильщик*, которые появились в результате вытеснения суффикса *-ник* суффиксом *-щик* из состава отглагольных имен с ясно выраженным агентивным значением [29]. Вычленению *-льщик* как целостной морфологической единицы способствовало вычленение из состава производных имен основы инфинитива как производящей.

К концу XVIII — нач. XIX в. в языке сложился структурный тип глагольных основ, с которыми устанавливается регулярная связь морфемы *-льщик*: 1) основы бесприставочных глаголов, от которых не образуются имена действия на *-к-а* или бессуффиксальные: *молотить — молотильщик*, *косить — косильщик*, *боронить — боронильщик*; 2) основы глаголов на *-ива-*, *-ва-*; *одевальщик*, *загадывальщик* (Сл. АР), *закопывальщик*, *запевальщик* (Сл. АР); 3) основы глаголов, при образовании от которых имена действия на *-к-а* или бессуффиксальные имеют конечный согласный основы, не сочетающийся с начальным согласным суффикса *-щик*: *насекать — насечка — насекальщик*; *точить — точка — точильщик*; *поджигать — поджог — поджигальщик*. Таким образом, формант *-льщик* в большинстве случаев присоединяется к основам, сочетание с которыми суффикса *-щик* невозможно. Значительно реже он выступает параллельно с суффиксом *-щик*: *резчик* и *резальщик*, *наводчик* и *наводильщик*, *заготовщик* и *заготовляльщик*.

---

[27] См.: А. Г. Лыков. О некоторых особенностях словообразования имен существительных со значением лица в совр. русск. языке. «Уч. зап. Краснодарского гос. пед. ин-та», вып. XXII. Языковедческие кафедры, 1957, стр. 30—32.

[28] Случаи семантического отрыва имен лиц на *-щик* от глагола очень редки. Это происходит лишь тогда, когда однокоренное отвлеченное имя действия приобретает только предметные значения и утрачивает значения глагольные (ср. *обои — обойщик*, *повозка — повозчик*).

[29] См.: А. А. Дементьев. Указ. соч., стр. 171—172.

Так как в структуре имен на *-льщик*, образуемых от основ несов. вида, сохраняются видовые показатели глагола, то они оказываются более глагольными, чем имена на *-щик*. Поэтому при появлении дублетов с именем на *-щик* обычно связывается более частное, конкретное значение, с именем на *-льщик* — более общее, ср. *резчик* (по дереву, кости) и *резальщик* (тот, кто режет что-либо) [30].

§ 8. Семантика имен лиц с суффиксами *-щик* и *-льщик* определяется лексическим значением производящего глагола. Если глагол называет конкретное физическое действие, связанное с производственным процессом или родом занятий, то производное имя обозначает лицо как постоянного выполнителя действия и определяет его по профессии или роду постоянных занятий. В этих именах ярко выражено агентивное значение. Если глагол называет отвлеченное действие, то значение имени зависит от более частных значений глагола. 1) Если действие имеет характер постоянно выполняемого, то производное имя обозначает лицо или по роду занятий (*подрядчик*, *скупщик*, *сыщик*) или по принадлежности к какой-либо категории лиц, объединенных одинаковым отношением к указанному действию (*заказчик*, *плательщик*, *недоимщик*). 2) Если в глаголе не выявляется значение постоянно выполняемого действия, то производное имя обозначает лицо или по непосредственно совершаемому действию (Ошибка! — завопил *спорщик*. Дост., Подросток, 1, 3, III) или по склонности, способности к действию (А вы большой *спорщик*. Леск., Некуда, 2, 25); в последнем случае имя употребляется обычно в предикативной функции [31].

Эти смысловые отношения, как и сама структура словообразовательной модели, сложились к концу XVIII — нач. XIX в. и остаются неизменными в языке XIX в. Изменения, происходившие в XIX в., заключались в утверждении в качестве доминирующей категории словопроизводства имен с *-щик* и *-льщик* от основ глаголов конкретной семантики, обозначающих лиц по профессии и роду занятий, и соответственно — в ограничении словопроизводства имен на *-щик* от глаголов отвлеченных значений.

§ 9. Уже к концу XVIII — нач. XIX в. в русском литературном

---

[30] Кем он не был за это время: и наводчиком, и *резальщиком*, и засольщиком (Гиляровск., Мои скитания. ЛК).

[31] В древнерусском языке имена на *-щик* были разнообразнее по семантике: наряду с обозначением лица по роду занятий, должности (особенно в сфере юридической терминологии) или просто по совершаемому действию (*думщик*, *заимщик*, *имщик* и т. п.), они могли обозначать лицо и вне отношения к активному действию, ср.: *недоборщик* (*недоимщик*). См.: В. Л. Воронцова. Словообразование существительных со значением действующего лица в древнерусском языке. Канд. дисс. М., 1953, стр. 129, 164, 165, 168, 169; см. также: С. С. Волков. Новообразования категории имен существительных со значением лица в «расспросных речах» первой трети XVII в. «Уч. зап. ЛГУ», № 267, 1960, Серия филол. наук, вып. 52; А. А. Дементьев. Указ. соч., стр. 165.

языке проявились неравные возможности образования имен с суффиксом *-щик* от глагольных основ разной семантики.

По свидетельству Словаря АР, к началу XIX в. группа имен с *-щик*, обозначающих лицо по профессии, роду занятий, ремеслу, должности (1), количественно значительно превосходила группу имен с *-щик*, обозначающих лицо по другим признакам: по склонности или способности к действию, по чертам поведения, характера и т. д. (2).

1. *Досмотрщик*, *загонщик*, *закройщик*, *закутчик*, *запасчик*, *записчик*, *запутчик* («охотник, который кричит на зверя, чтобы тот в тенетах запутался»), *извозчик*, *кладчик* («который кладет дрова в поленницы или кирпич в клетки»), *конопатчик*, *копировщик*, *лакировщик*, *лаковщик*, *межевщик*, *набойщик*, *наборщик*, *наводчик* («наводит мосты, наводит краску»), *нагрузчик*, *надсмотрщик*, *нарядчик* («надзиратель над рабочими людьми»), *обмерщик* («кто по должности делает измерения чему»), *обыщик*, *объездчик*, *склейщик*, *описчик* («кто опись чему делает»), *оправщик* («кто украшает оправою какие-либо вещи»), *осмотрщик*, *оснащик*, *основщик*, *отборщик* («иначе называется браковщик»), *отводчик* («пристав, определенный для препровождения кого-либо куда или для отвождения земель, жилищ и пр.»), *отгонщик*, *отдатчик* (1. сдатчик, отводчик, или тот, кому препоручается отводить кого в рекруты; 2. кто раздает запасы хранимые»); *оценщик*, *переборщик* («кто пересматривает, делает разбор чего-либо»), *переписчик*, *пересмотрщик* («кто пересматривает, свидетельствует, поверяет кого или что»), *пильщик*, *писчик*, *погонщик*, *подбойщик* («кто подбивает обувь железными гвоздями»), *подвозчик*, *подзорщик*, *подкопщик* («кто делает проход землею, ведет подкопы»), *поставщик*, *приемщик*, *приманщик*, *присмотрщик*, *променщик* («промысл от променивания чего имеющий»), *рещик*, *сводчик* («у купцов называется тот, который одного к другим к покупке и продаже товаров соглашает»), *скупщик*, *сплавщик* («кто сплавливает что по воде или в огне»), *сплотчик* («кто плоты плотит, скрепляет; гонки, леса связывает для сплавки»), *уборщик*, *укладчик* («тот, которого должность состоит в укладывании вещей куда») и др. С суффиксом *-льщик*: *бороновальщик*, *белильщик*, *возильщик*, *волочильщик* («кто тянет, вытягивает из какого-либо металла проволоку»), *гасильщик* («определенный для гашения свечи»), *двоильщик* («тот, кто гонит пахучие воды, масла, спирты»), *золотильщик*, *клепальщик*, *копальщик*, *красильщик*, *лакировальщик*, *лудильщик*, *мазальщик* (тот, кто мажет, красит стены, кровли и т. п.»), *молотильщик*, *мотальщик*, *мерялщик*, *мялщик*, *насекальщик*, *носильщик*, *обжигальщик*, *пахтальщик*, *паяльщик*, *печатальщик*, *пилильщик*, *плавильщик*, *площильщик* («кто площит металлы»), *плющильщик*, *повивальщик*, *погребальщик*, *полоскальщик*, *потрошильщик* («в рыбном промысле работник, который потрошит рыбу»), *правильщик* («1. кто в упряжке лошадьми управляет; 2. тот, кто вывих-

нутые суставы вправляет»), *рисовальщик*, *сажальщик*, *серебрильщик*, *солильщик*, *стегальщик*, *точильщик* и др.

2. *Вступщик* («тот, кто вступается в что или за кого»), *выгодчик* («кто умеет обращать в свою пользу, или с выгодою что делать»), *докутчик* («кто докучает»), *загадчик* («кто знает много загадок, или говорит темно, не прямо, стороною, обиняком, загадками»), *задирщик* («подает другому повод, причину к начатию ссоры, драки и проч.»), *заротчик* («в простореч.: кто зарок какой на себя кладет или положил»), *затейщик*, *зачинщик*, *наветчик*, *наговорщик*, *нападчик*, *обидчик*, *отъемщик* («тот, который что-либо у кого отнимает насильно»), *переманщик*, *перессорщик*, *подглядчик*, *подговорщик*, *поддельщик* («кто имеет искусство подделывать под настоящие вещи подложные; говорится большею частию в худую сторону»), *потатчик*, *прижимщик*, *притворщик*, *пролазчик* («то же что *пролаза*»), *пронырщик* («то же что *проныра*»), *спорщик*, *указщик* («тот, кто указывает, дает наставление там, где его не спрашивают») и др. С суффиксом *-льщик*: *говельщик*, *гуляльщик*, *дакальщик*, *качальщик* («тот, кто качает на качелях»), *ночевальщик*, *опивальщик*, *отбиральщик*, *пачкальщик* (простон.), *плакальщик*, *подслушивальщик*, *понукальщик*, *такальщик*, *унимальщик* и др.

В XIX в. наблюдается дальнейшее сокращение словопроизводства имен лиц с *-щик* от глаголов неконкретной семантики. Выходят из употребления и перестают создаваться имена от основ отвлеченных глаголов, обозначающих психическую, умственную деятельность. Ср., например, образования с *-щик* в первой трети XIX в.:

> *Зачинщиком* ли он нового у нас поэтического языка? (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 7 авг. 1819); Ваш Аристотель — великий *оценщик* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 22 ноября 1819); [Журналист] должен быть... строгим *оценщиком* в словесности (И. Дм., п. А. И. Тургеневу, 18 авг. 1820); *начинщик* революции (Пушк., ⟨Мат-лы для заметок к газ. «Дневник»⟩); В нем не заметен ни антикварий, ни историк, ни *разборщик* легенд (В. Скотт и его последователи, Моск. набл., 1837, май, кн. 1).

В системе языка закрепляются имена с теми же значениями, но с другими суффиксами: *ценитель*, *зачинатель*, *начинатель*.

В литературном языке XIX в. положение отвлеченных глаголов по отношению к суффиксу *-щик* определяется следующим образом: от этих глаголов потенциально возможно образование имен на *-щик* с дополнительными эмоционально-оценочными оттенками. Ср. *чертыханщик* (Лесков), *жалельщик* (Салтыков-Щедрин), совр. *зажимщик* (*критики*), *проработчик*, возможные *писальщик*, *рассуждальщик*.

§ 10. В языке XIX в. продуктивно было производство имен с суффиксом *-щик*, означающих лиц по профессии или роду постоянных занятий. Модель словообразования этих существительных

обладала всеми условиями, необходимыми для продуктивного функционирования: тип производящих основ был структурно и семантически четок (см. § 7); в соединении с ними суффикс *-щик* передавал только один тип отношений — отношения между действователем и действием; формальных ограничений в сочетании суффикса *-щик* с производящей основой практически не существовало: при невозможности (по морфофонематическим причинам) сочетания его с той или иной основой выступал функционально тождественный суффикс *-льщик*; наконец, имена на *-щик* были свободны от семантического влияния глагольных грамматических категорий, в частности вида; поэтому среди других отглагольных имен они выступали как наименее глагольные. Кроме этих внутренних условий, существовали и внешние условия, способствовавшие продуктивности изучаемой модели: с середины XIX в. обозначение лица по профессии, по сфере производственной деятельности или роду постоянных занятий стало актуальной семантической категорией.

В языке XIX в. не было равнозначных средств для передачи тех значений, которые были свойственны форманту *-щик*. Агентивные суффиксы *-тель* и *-ник* не могли конкурировать с *-щик*: суффикс *-тель*, присоединявшийся к основам глаголов с абстрактной семантикой, в это время утрачивал активность и сам круг присоединяющих его основ в это время сокращался; суффикс *-ник* в сочетании с глагольными основами уже в древнерусском языке перешел в разряд формативов, образующих слова с предметно-конкретным значением.

Высокая продуктивность суффикса *-щик* в XIX в. поддерживалась очень широкой производящей базой: принципиально от каждой глагольно-именной основы на *-к-а* или бессуффиксальной может быть образовано имя с суффиксом *-щик*, если исходный глагол называет конкретное действие, связанное с профессиональной деятельностью. Обычно не без оснований указывается профессионально-техническая речь как область наибольшей продуктивности суффикса *-щик*: здесь потребность обозначения лица по профессиональному признаку особенно велика. В то же время в неспециальной речи конца XVIII—XIX в. широко функционировали такие слова, как *докладчик*, *караульщик*, *красильщик*, *наборщик*, *настройщик*, *носильщик*, *осмотрщик*, *переводчик*, *перевощик*, *переписчик*, *переплетчик*, *погонщик*, *разменщик*, *разнощик*, *расписчик* (Дали Пизонскому место «*расписчика*». Леск., Котин-доилец и Платонида, 12), *резчик* (Микель-Анджело был великий архитектор, живописец и *резчик*. Карамаз., П. р. п., Дрезден 12 июля), *сборщик*, *счетчик* и др.

С середины века в общелитературном языке начинают более широко употребляться и некоторые специальные термины, иногда с прямым объяснением или в раскрывающем их содержание словесном окружении.

Рабочие на белильном заводе и *белильщики*-маляры (Отеч. зап., 1844, т. XXXII); Нужны известные машины и люди известных знаний, способностей и навыка — *словолитчики*, *наборщики*, печатники, *батырщики*, корректоры и опять *наборщики*, потом *складывальщики* и *переплетчики* (Баласогло, Проект учрежд. книжн. склада); *Обивальщики* (работники, на которых возложена укладка снопов в скирды) (Москвит., 1856, № 11); Употреблялся в качестве *подносчика* кирпичей при постройке (Дост., Зап. из М. дома, 2, V); лучший наш *золотильщик* (Там же, VI); Тут жили *прядильщики* (Леск., Некуда, 1, 21); Вскочил на одну пожарную трубу, где *качальщики*, видимо, уставали, и начал работать (Леск., Загадочн. чел., 32); *Отметчики* из газеты подрядили (С.-Ш., Совр. идиллия, XII); Отец его был... ремеслом *лудильщик* (Там же, XXVI); хозяйские *надсмотрщики* (Благовещенск., На ткацк. фабрике); По обе стороны машины стоят *проходчики* (Благовещенск., На литейном заводе); Подошел старый *плавильщик* (Там же); Был мыловаром, техником, *разведчиком* копей (М.-Сиб., Прив. мил., 1, X); *чистильщик* сапог (Станюк., Пассажирка); Звенят молотки *клепальщиков* (Купр., Лазурн. берега) Кем он не был за это время: и *наводчиком*, и *резальщиком*, и *засольщиком* (Гиляровск., Мои скитания. ЛК).

Узкоспециальные термины, зафиксированные в терминологических словарях и употребляемые в специальных сочинениях, в массе своей остаются за пределами общелитературного языка. Ср., например, в «Опыте терминологического словаря» Бурнашова: *выметчик* — «один из работников в бумагоделательном производстве»; *заправщики* — «те охотные служители, кои от концов тенет, по обе стороны, составляют заставу»; *загонщик* — «так называются люди, загоняющие зверей в тенеты»; *прикормщик* — «кто приваживает куда животных прикормкою»; *сливщик* — «тот, который из мерника разливает вино или спирт в бочки»; *резальщик* — «у рыбных промышленников так называется работник, который разрезывает и потрошит рыбу»; *вздувальщик* — «так называется работник на бумажных фабриках» и т. д.

Вот еще некоторые примеры профессиональных обозначений лиц в различных производствах: *запускальщик*, *сушильщик* (ткацкое производство, Влад. губ. вед., 1847, № 20); *наваливальщик* (производство свечей, Богосл. ЛК); *осыпальщик* (производство платков, Богосл. ЛК); *сваривальщик* (при выделке серпов); *навивальщик* (деревообрабатывающее производство, Богосл. ЛК); *набойщик*, *навойщик* (бумагопрядильное производство). Ср. употребление подобной терминологии в специальном труде «Кустарная промышленность России»:

Правильщик, *точильщик*, *подгонщик*, *калильщик*, получают в среднем около двух рублей в неделю (II, Павловск. район); По роду изделий кустари разделяются: на *литейщиков*, *чекан-*

щиков, *наборщиков* (специалисты по ажурным работам) (I, Ювелирно-металл. промыслы в России); Эти *заварщики* стволов и чернодельцы были первыми кузнецами (II, Павловск. район); В уездах, прилегающих к железным дорогам, *синильщиков* — *набойщиков* почти нет (I, Отбельно-красильно-набивной промысел); У одного станка работают шорники, у других медники и *серебрильщик* (II, Медно-изделын. промысел); Мастера разделяются на следующие главные категории: 1) *белоготовильщиков*... 2) *оправляльщиков* и рамочников (I, Финифт. промысел в Ростове); Мастерская, производящая коней мелкого сорта, должна состоять из двух *лепщиков* и *отделывальщиков* (I, Игрушечн. промысел в Моск. губ.); Доход кустаря *наводильщика* самоваров... равняется около 180 рублей (II, Медно-изделын. промысел); *Отделывальщики*, занимающиеся отделкою колец (II, Павловск. район); На одного *красильщика* следует иметь двух *паяльщиков* и четырех *заготовляльщиков* (I, Игрушечн. промысел в Моск. губ.) и т. д.

В современном языке наблюдается еще более широкое распространение профессиональных названий с суффиксом *-щик* в общелитературном языке, в том числе и в художественной литературе.

История словообразовательного типа существительных, образуемых от глаголов с заимствованной основой на *-овать*, *-ировать*

§ 11. Появление отдельных слов, образовавшихся сочетанием суффикса *-щик* с глаголами на *-овать*, *-ировать* с заимствованной основой (*бунтовщик*) [32], относится к XVII в.

На протяжении XVIII и особенно XIX в. количество слов такого строения увеличивается. В Словаре АР отмечены: *браковщик*, *копировщик*, *лакировщик*, *лакировальщик*, *рисовальщик*. В Словаре 1847 г.: *бальзамировщик*, *бронзировщик*, *драпировщик*, *копировщик*, *лакировщик*, *меблировщик*, *платинировщик*, *пломбировщик*, *полировщик*, *понтировщик*, *сортировщик*, *трасировщик*; *гравиров(аль)щик* и др. Словарь Даля добавляет: *абонировщик*, *аккомпанировщик*, *декатировщик*, *дрессировщик*, *колировщик*, *костюмировщик*, *маркировщик*, *планировщик*, *ретушировщик*, *формировщик* и др. По направлению к современности количество таких слов все возрастает. Во второй половине XIX в. имена лиц на *-ов-щик*, *-иров-щик* с иноязычной основой утверждаются как самостоятельная словообразовательная модель.

С точки зрения формальных связей составляющих морфем имена на *-ов-щик* не представляли ничего нового. Хотя суффикс *-щик* не сочетался со старославянскими по происхождению основами глаголов на *-овать* с отвлеченной семантикой (*завидовать*,

[32] См.: А. А. Дементьев. Указ. соч., стр. 173; С. И. Лобанов. Автореф. канд. дисс., стр. 9.

проповедовать) [33], но русскому языку исконно было известно сочетание этого суффикса с основами прилагательных, имеющими в исходе элемент *-ов-*: *зверовщик*, *зимовщик*, *ценовщик*, *меновщик*; *кладовщик*, *часовщик*, *меховщик* и др. По мере распространения и укрепления в языке глаголов с заимствованной основой на *-овать*, *-ировать*, от этих глаголов к концу XVIII в. стали широко производиться отвлеченные имена действия на *-ние* и *-к-а*: *баллотирование* и *баллотировка*, *буксирование* и *буксировка*, *бальзамирование* и *бальзамировка* и т. д. Имена на *-к-а* могли становиться непосредственно производящими для имен лиц на *-щик*, семантически соотносительных с глаголами [34].

Таким образом, появление имен лиц указанного строения с формальной точки зрения было вполне закономерно. С точки зрения исторической оно объясняется тем, что именно с Петровской эпохи в русский язык широким потоком вливались различные заимствования, в том числе и глаголы на *-овать*, *-ировать* [35].

И тем не менее вплоть до 30—40-х годов XIX в. эти существительные пребывают в языке на положении отдельных изолированных лексем. Так, например, на 13 глаголов на *-ировать*, отмеченных Словарем АР (*баллотировать*, *бальзамировать*, *блокировать*, *бомбардировать*, *буксировать*, *гравировать*, *дезертировать*, *дистиллировать*, *командировать*, *конвоировать*, *копировать*, *лакировать*, *ретироваться*[*ся*]), приходится три имени с суффиксом *-щик*: *копировщик*, *лакировщик*, *лакировальщик*. Таким образом, со стороны суффикса *-щик* в отношении глаголов на *-овать*, *-ировать* действовала определенная избирательность.

Характер этой избирательности проясняется к 30—40-м годам XIX в., когда по мере накопления глаголов на *-овать*, *-ировать* [36] и соотносительных имен на *-щик* становится очевидным, что здесь действует общая закономерность: посредством суффикса *-щик* образуются существительные, обозначающие лиц по профессии или роду занятий; производящие глаголы ограничены пределами соответствующих семантических категорий.

Таким образом, возникновение новой словообразовательной модели: основа заимствованного глагола на *-овать*, *-ировать* + + суффикс *-щик* — содействовало консолидации словообразо-

---

[33] См.: В. В. Виноградов. Из истории русских слов и выражений. *Советчик*. «Русск. яз. в шк.», 1940, № 2, стр. 34—35.

[34] См.: Л. Г. Лыков. Указ. соч., стр. 30—32.

[35] См.: Я. К. Грот. Заметка о некоторых старинных технических терминах русского языка. «Сб. ОРЯС», т. X, СПб., 1873, стр. LXII; Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. «Сб. ОРЯС», т. LXXXVIII, № 2, СПб., 1910.

[36] Словарь 1847 г. представляет глаголов на *-ировать* почти в пять раз больше, чем Словарь АР и Словарь Нордстета; Словарь Даля — в 2,5 раза больше, чем Словарь 1847 г., а Словарь II Отд. АН и Словарь Ушакова — в 3 раза больше, чем Словарь Даля.

вательного типа имен лиц с определенной и четко выраженной семантикой [37].

Отмеченное выше семантическое ограничение со стороны производящих основ и обусловленное этим типизированное значение производных определили специфику модели. В языке постоянно наблюдается значительный численный разрыв между глаголами на *-овать*, *-ировать* и производными на *-щик*: имена образуются лишь от небольшой части этих глаголов, в языке XIX—XX вв. очень многочисленных и чрезвычайно разнообразных по семантике.

Имена на *-щик* от заимствованных основ на *-овать*, *-ировать* в языке XIX—XX вв. в основном относятся к производственно-технической терминологии [38]. Продуктивность их была невысока: она сдерживалась не только семантикой производящего глагола, но и наличием заимствованных имен типа *гример*, *костюмер*, *гравер* и др.

В художественной прозе и журналистике XIX в. существительные на *-ов-щик*, *-иров-щик* начинают встречаться не ранее 30—40-х годов.

> Ост-Индская компания имеет всегда особенного и опытного чае-кушателя, tea-taster, *браковщика*, из природных китайцев, обязанного отведывать привозимый чай (Б-ка для чт., 1834, т. III); Обратился на другой день почтмейстер к своему *сортировщику* (Леск., Котин-доилец и Платонида, 12); Пригнал целую роту мебельщиков, *драпировщиков* и официантов (Леск., Островитяне, 24); Он был «тупейный художник», то есть парикмахер и *гримировщик* (Леск., Тупейн. художн., 3); славился как лучший *дрессировщик* собак (М.-Сиб., Около господ. ЛК); Г. Барбедьен, один из главных *бронзовщиков* (Григор., Художеств. образов. ЛК); *шлихтовальщики* иной раз зарабатывают и по 25 рублей (Благовещенск., На ткацк. фабрике); Два *формовщика* старательно выделывали формы для отливки (Там же). Ср. также в специальном сочинении: От шарнирщика чайница переходит к *лакировщику* (Куст. промышл. России, II, Совр. состояние кустарной промышл. в царстве Польском); *Шпатлевщик* или *грунтовщик* покрывают остов чайницы грунтом (Там же).

Итак, в языке XIX в. основным процессом, характеризующим развитие словообразовательного типа имен лиц с суффиксом *-щик* от глагольных и глагольно-именных основ, было семантическое ограничение производящих глаголов глаголами конкретной семантики, называющими действие как производственный

---

[37] Включенные в Словарь Даля образования типа *аплодировщик*, *абонировщик*, *баллотировщик* скорее всего относятся к области индивидуального экспериментирования и не отражают общих тенденций развития этой модели.

[38] См.: Г. С. Зенков. Указ. дисс., стр. 136.

процесс или профессиональное занятие. Благодаря этому ограничению в языке выработалось типизированное значение производных на *-щик* и единое абстрагированное значение форманта: суффикс *-щик* утверждается в качестве продуктивного морфологического средства, передающего отношения между производной и производящей основами как отношения деятеля и профессионально выполняемого действия. В то же время суффикс *-щик* утрачивает способность передавать иные значения (не считая особого случая использования его для создания эмоционально-оценочных обозначений лица от основ глаголов абстрактной семантики: *зажимщик*, *выдумщик* — модель, существующая в языке на положении потенциальной).

В языке второй половины XIX в. суффикс *-щик* непродуктивен в словообразовании каких-либо имен, лишенных ярких агентивных значений [39].

Имена лиц, образуемые от основ существительных

§ 12. Суффикс *-щик* в сочетании с основой существительного формирует в языке подвижный пласт слов со значением лица по общественной деятельности, должности, роду занятий, профессии. Состав этой лексики изменяется от эпохи к эпохе в зависимости от социальных нужд. Так, в XIV—XV вв. наиболее распространены были имена с *-щик*, обозначающие лицо по отношению к пошлине, чаще всего со значением «сборщик различных пошлин»: *мытчик*, *гостинщик*, *лодейщик*, *мостовщик*, *пудовщик*, *пятенщик*, *померщик*, *созорщик*, *явщик* (от основы существительного или субстантивированного прилагательного). В более позднюю эпоху, в XVI—XVII вв. и далее, в связи с развитием ремесел и производств, именами с *-щик* начинают обозначаться лица по ремеслу и профессиональному занятию: *каменщик* (первое обозначение лица по ремеслу посредством *-щик*), *зелейщик*, *зернильщик*, *пороховщик*, *стенщик*, *затинщик*, *кирпищик*, *гребенщик*, *копейщик*, *угольщик*, *бахромщик*, *канительщик*, *ларьщик*, *табатчик*, *корабельщик*, *веревщик*, *метельщик* и др.

Одновременно суффикс *-щик* участвует в построении юридической терминологии: *льготчик*, *грамотчик* («кому дана грамота»), *оброчник* (платящий оброк), *помещик* (владеющий поместьем), *рубежчик* [40] и т. д.

---

[39] Ср. замену распространенного в языке XVIII в. слова *рассыльщик* («используемый для посылок») словом *рассыльный*. Интересно отметить, что пришедшие из народного языка слова *раскольщик* и *изменщик*, в языке XIX в. в определенных жанрах литературы с народной тематикой получившие некоторое распространение, не утверждаются; в полном соответствии с установившимся распределением функций между формантами в языке остаются *раскольник* и *изменник*. Образования типа *забастовщик* в языке XIX в. единичны.

[40] См.: С. И. Лобанов. Автореф. указ. дисс., стр. 13; В. Л. Воронцова. Указ. дисс., стр. 204 и сл.

Сочетание суффикса *-щик* с основами имен существительных остается устойчиво продуктивным.

В языке конца XVIII — нач. XIX в. сложились две основные группы изучаемых существительных, различающиеся по характеру производящей основы и по значению производных.

1. Наиболее многочисленную группу составляли имена, образованные от основ существительных с конкретной семантикой и обозначающие лицо по отношению к предмету, названному основой. Это были обозначения лиц по профессии и роду занятий. Ср. в Словаре АР: *алмазчик*, *бахильщик*, *бахромщик*, *бриллиантщик*, *веретенщик*, *гребенщик*, *игольщик*, *канительщик* («делающий канитель»), *клейщик* («приготовляющий клей»), *конфетчик*, *корзинщик*, *крахмальщик*, *крендельщик*; *амбарщик*, *банщик*, *корабельщик*; *алебардщик*, *барабанщик*, *бубенщик*, *вертельщик* и др.

2. Значительно меньше была группа слов, образованных от основ существительных с отвлеченной семантикой: *дольщик*, *жалобщик*, *пайщик*, *поединщик* и др.[41]

Эти две группы имен с *-щик* сохраняются и в языке XIX в. Первая группа была продуктивна, вторая, характеризующаяся отсутствием четкого значения производных, — непродуктивна.

История словообразовательного типа имен лиц, образуемых от основ существительных конкретных значений

§ 13. Имена с суффиксом *-щик*, образованные от основ существительных конкретной семантики, могут обозначать лицо через отношение к предмету по ряду признаков:

1) по отношению к предмету как объекту производства, обработки, продажи, владения: *апельсинщик*, *байдарщик*, *билетчик*, *бриллиантщик*, *галантерейщик*, *канатчик*, *мороженщик*, *мебельщик*, *монументщик*, *мусорщик*, *паркетчик*, *петельщик*, *факельщик*, *фонарщик*, *чугунщик*, *шарнирщик* и др.;

2) по отношению к предмету как орудию, при помощи которого совершается действие: *аппаратчик*, *барабанщик*, *бечевщик* («тот, кто бечевою тянет против воды судно». Сл. 1847 г.), *весельщик* и др.;

3) по отношению к месту или учреждению, где протекает деятельность лица: *амбарщик*, *банщик*, *буфетчик*, *гардеробщик*, *зверинщик* («хозяин или служитель зверинца». Сл. Даля, т. 1), *кабатчик*, *корабельщик*, *конторщик*, *магазинщик*, *погребщик*, *типографщик*, *трактирщик*, *тюремщик* и др.

В распространении этих слов в различных жанрах письменности в XIX в. не наблюдается каких-либо особенностей по сравнению с употреблением любой другой общелитературной лекси-

[41] От слов этой группы следует отличать имена с *-щик*, образованные от основ отвлеченных существительных как эмоционально-оценочные обозначения лица: *журнальщик*, *литературщик*, *эффектщик* и др.

ки. Вот некоторые примеры их употребления в литературном языке:

Сегодня *корабельщик* останавливался на якоре (Н. И. Тург., Дневн., 15 июня 1808); Гонитель, убийца и *тюремщик* всех потомков Лудовика XIV (С. О., 1812, т. V); *Корабельщики* дивятся, На кораблике толпятся (Пушк., Ск. о ц. Салтане); азиатские *банщики* (Пушк., Путеш. в Арзр., 2); *трактирщик* кликнул его обедать (Телеск., 1831, № 21); *магазинщики* с Кузнецкого моста (Загоск., Росл., 2, VII); Приказывает *барабанщику* пришпилить к его чалме вуаль (Отеч. зап., 1844, т. XXXII); Разрешен был вход только в качестве *кровельщиков* и плотников и для слушания божественной службы (Совр., 1847, т. V); Иначе критиков будет столько же, столько бывает летом *апельсинщиков* (Баласогло, Проект учрежд. книжн. склада); с *мебельщиками* беда (Фет, Мои воспом., II, I); замасленный *фонарщик* (Кокорев, Сибирка, I); *бриллиантщики*, золотых дел мастера, часовщики и живописцы (Там же, II); *Бриллиантщик* Филлер, ценивший для Попова предлагаемые в залог вещи (Судебн. заключ., 1867); ученик, *бакалейщика* Лялина сын (Леск., Соборяне, 1, 5); Обошел всех известных в городе *монументщиков* (Там же, 4, 12); Отец Ионки был простой *мусорщик* (С.-Щ., Ист.. одн. города. Подтверждение покаяния. Заключ.); *бакалейщики*, *лабазники*, *подрядчики* и другие коммерческие люди (Русск. богатство, 1880, июль); Выслать завтра как можно больше *паркетчиков* (Л. Толст., п. жене [28 сент.] 1882); *мороженщики* (Боборык., Вторая от воды, IV.)

Как видно, суффикс *-щик* легко присоединялся к основам иноязычного происхождения, называющим конкретный предмет: *бакалейщик*, *магазинщик*, *конфетчик*, *шарманщик*, *мебельщик* и т. д. Такие слова в некоторых случаях оказывались дублетами по отношению к однокоренным образованиям: *органщик — органист*, *флейтщик — флейтист*, *типографщик — типограф*, *конторщик — конторист*. Ср.: *органист* и *органщик* —«знающий играть на органах» (Сл. АР).

[За гвардией] шло несколько мужиков, у которых тоже был барабанщик и *флейтщик* (Н. И. Тург., Дневн., 20 июля /1 авг. 1810); Неприятно было Чарскому с высот поэзии вдруг упасть под лавку *конторщика* (Пушк., Егип. ночи); Дворовый вступает в *конторщики*, в вольноотпущенные, в приказные (В. Соллог., Тарантас, III); *типографщик* (Баласогло, Проект учрежд. книжн. склада); Кто уродился барабанщиком или *флейтщиком*, тот и в должности фельдмаршала будет только барабанить в уши и просвистит победу (Вельтм., Саломея, 12, I); Пела под аккомпанемент *органщика*, довольно сиплым контральтом, какую-то лакейскую песню (Дост., Прест. и наказ., 6, III); *Флейтист* Зусман был бесспорно одним из лучших (М. Глинка, Зап. 2, 7); Он сделался опять *органистом* (Моск. пабл., 1837, июнь, кн. 1); Маленький, юрковатый, похож на *конториста* (Боборык., На ущербе, 1, VII); С узким черепом и манерами *конториста* от Юнкера на Кузнецком (Там же, VIII); Кланяется вам Петров, местный старожил, *типограф* (Чех., п. А. Н. Плещееву, 3 авг. 1889); [папиросы] выкурили виолончелист, *флейтист* и педагог (Чех., п. П. И. Чайковскому, 14 окт. 1889).

Подобные колебания в языке XIX в. единичны.

§ 14. Эмоционально-оценочные обозначения возникают в том случае, если суффикс *-щик* присоединяется к основе, не называющей предмета как объект воздействия или орудия. Чаще всего такими основами бывают основы существительных с неконкретной семантикой: *литературщик*, *журнальщик*, *миллионщик* и др.[42] Это явление наблюдалось в языке конца XVIII — нач. XIX в., известно языку XIX в. и современному. Иногда экспрессию имени с *-щик* оттеняет наличие в языке нейтральной однокоренной лексемы (чаще всего иноязычного происхождения): *литератор — литературщик*, *журналист — журнальщик*, *эффектист — эффектщик*, *орнаментист — орнаментщик*, *латинист — латинщик*, *миллионер — миллионщик* и т. д.

Он жалуется на меня, что я, некстати поставив nos после rogare, дал этой ничтожной фразе другой смысл; как будто от перестановки этого nos сия фраза или фразишка получит тот или другой смысл! — Вот *латинщик*! (Телеск., 1831, № 23); Но многие из наших нынешних *литературщиков* (как справедливо заметил кто-то в Москвитянине) в первый раз узнали русскую словесность из изданий Смирдина (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); Из этого вижу для себя большую пользу: освобождение от альманашников, *журнальщиков* и прочих щепетильных *литературщиков* (Пушк., п. С. А. Соболевскому, 1 дек. 1826); безграмотные *статейщики*-ученые (Баласогло, Проект учрежд. книжн. склада); «Дедушка» не любил его [Дмитриевского]. «Куртизан, — говаривал он, — настоящий куртизан, *эффектщик*...» (Жих., Воспом. ст. театр., I); Книга обличала воровство и казнокрадство тех *комиссариатщиков и провиантщиков*, благодаря которым нам не раз доводилось и голодать, и холодать (Леск., Бесстыдник); беспочвенная и безнатурная стая петербургских *литературщиков* (Леск., п. И. С. Аксакову, 16 ноября 1874); *Литературщики* злобствуют потому, что роман появился в «Русском вестнике» (Там же, 23 марта 1875); Я должен был работать каких-то купидонов и непременно в стиле Пуссена (пусть провалился бы он, этот *орнаментщик*) (Антокольск., п. Стасову 8 ноября 1876. ЛК); Здравствуйте, скромный *миллионщик*! (М. Г., Ф. Г., VII).

Ср.: Глупая фраза *журналиста* Булгарина также не оправдывает тебя (Рыл., п. А. С. Пушкину, ноябрь 1825); На чем же основываются опасения *журналистов* немецких? (Моск.

[42] Об употреблении подобных образований в современном языке см.: А. А. Дементьев. Указ. соч., стр. 159; Г. С. Зенков. Указ. дисс., стр. 123—126; его же. *Целинник* или *целинщик*? «Уч. зап. Киргизского гос. ун-та», вып. 5, 1958, стр. 174—175; его же. *Атомник* и *атомщик*. Там же, стр. 175—176.

вестн., 1828, № 13); наш ученый *латинист* (Загоск., Росл., 3, VII); У *латыниста* квартального было два искусства... (Леск., Печерск. антики, 18); Прежде чем быть *литератором*, я был человеком коммерческим (Леск., п. И. С. Аксакову, 27 ноября 1874); Брюллов действительно превратил было русскую школу в школу *эффектистов* и мелодраматиков (Стасов, О знач. Брюллова и Иванова, I, IX); *Орнаментист* утешил меня, сообщив, что для него одного на восемь месяцев работы (Антокольск., п. Толстому, 26 июня 1899. ЛК); Он был скорее архитектором-*орнаментистом* (Стасов, Двадцать пять лет русск. искусства, Наша архитектура, II);

Иногда образования с *-щик* — при наличии в языке иносуффиксальной однокоренной лексемы — имеют просторечный оттенок.

Я не *арихметчик* и этих годов в точности не понимаю (Леск., Соборяне, 4, 6). Ср.: Буряты вообще не большие *арифметисты*: они ведут счет только до десяти (Б-ка для чт., 1834, т. VII); — Тетенька, вы кто такие будете? — осведомился Ермошка, заглядывая под парусину. — Мы комедию будем представлять. — *Комедьщики* приехали... *комедьщики*! — закричал Ермошка (М.-Сиб., Приисковый мальчик, 1).

Взаимодействие существительных с суффиксами *-щик* и *-ник*

§ 15. Взаимодействие формантов *-щик* и *-ник* [43] при словопроизводстве имен лиц от основ и мен существительных возникло с момента появления суффикса *-щик* в русском языке (XIII в.).

---

[43] Суффикс *-ник*, по своему происхождению связанный с прилагательными на *-н* и формантом *-ик*, по мнению исследователей (А. Мейе, А. Вайян), уже в общеславянскую эпоху обладал словообразовательной самостоятельностью. О соотношении суффиксов *-ик* и *-ник* и о членении слов типа *грешник*, *книжник* см.: W. J. Doroszewcki. Monografie słowotwórcze. «Prace filologiczne», XIII, Warszawa, 1928, стр. 168 и др.; А. А. Дементьев. Суффикс *-ик* и его производные в совр. русск. языке. «Уч. зап. Куйбышевского пед. и учит. ин-та», вып. 5, 1942; Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию.— Избр. работы по русск. языку. М., 1959, стр. 430.

Выделяется несколько типических соотношений между производными с суффиксом *-ник* и производящими их основами. Из состава имен лиц на *-ник* вычленяется основа существительного, если: 1) в языке отсутствует однокоренное относительное прилагательное, ср. *взяточник*, *блузник*; 2) если имя лица семантически соотнесено с существительным, а не с соответствующим относительным прилагательным; формальным признаком этого соотношения служит невозможность употребления однокоренного относительного прилагательного в сочетании с существительным, называющим лицо, ср. *фрачный* (*фрачная* пара, пуговица и т. д.) и *фрачник* (носящий фрак); *халатный* (в разных значениях) и *халатник* (одетый в халат); *фокусник* и др.; 3) если существительное на *-ник* обозначает лицо по отношению к конкретному предмету как объекту воздействия или владения: *калачник*, *колесник*, *башмачник*, *лавочник*, *кирпичник* и т. д. Эта последняя группа слов — самая многочисленная.

Суффикс *-щик* при своем появлении принял на себя часть тех функций, которые до него выполнял — наряду с другими — суффикс *-ник*. Поэтому в первый период их взаимодействия оба форманта выступали как синонимические. Так возник в древнерусском языке ряд дублетных образований: *закладник — закладчик*, *заказник — заказчик*, *извозник — извозчик*, *огурник — огурщик*, *перевозник — перевозчик*, *данник — данщик*, *мытник — мытчик*, *ямник — ямщик*, *грамотник — грамотчик*, *оброчник — обротчик*, *поместник — помещик*, *кормник — кормщик*, *рубежник — рубежчик*, *каменник — каменщик*, *гребенник — гребенщик*, *кирпичник — кирпитщик*, *копейник — копейщик*, *угольник — угольщик* [44]. Однако таких образований было сравнительно немного. К XIV—XV вв. заметно активизируется образование названий лиц по должности и профессии. К этому времени суффикс *-щик* уже утвердился в языке и активно функционировал в новообразованиях. В то же время старые терминологические обозначения деятеля с суффиксом *-ник* сохранялись в языке [45].

Уже в древнерусском языке определился путь преодоления синонимичности суффиксов *-ник* и *-щик*.

1) За сущф. *-щик* закрепляются только агентивные значения; за суффиксом *-ник* — функция передачи наряду с агентивными и предметных значений. Ср., отражение этого состояния в Словаре АР: *бритовник* («влагалище, ящичек, в который кладут бритвы с прибором»); *бритовщик* («который делает или направляет бритвы»); *зелейник* (2. «травник, книга»; 3. «в старинном употреблении означало казну у огнестрельного орудия») и *зелейщик* («пороховой мастер»); *игольник* («влагалище, в котором держат иглы») и *игольщик* («кто делает иглы») и т. д. В Словаре Даля: *измерник* (прибор для измерения) и *измерщик* (измеряющий что-либо); *взрезник* (бумажный нож) и *взрезчик* (занимающийся вырезкою чего-либо); *выжимник* (орудие, выжимающее дыры в железе) и *выжимщик* (выжимающий что-либо); *заклепник* (молот для заклепки) и *заклепщик* (производящий заклепку); *запальник* (фитиль для поджога снаряда) и *запальщик* (зажигающий заряды «при рвании камня»); *свекольник* (суп со свеклой) и *свекольщик* (продающий или разводящий свеклу) и др.[46].

---

[44] См.: В. Л. Воронцова. Указ. дисс., стр. 212 и сл.

[45] См.: С. И. Лобанов. Автореф. канд. дисс., стр. 17. С. И. Лобанов произвел интересное сопоставление соотношений групп имен с *-щик* и *-ник* в XIV—XVII вв. Выявляется три типа таких соотношений: 1) парные слова с одинаковым значением: *банник — банщик*, *белильник — белильщик* (всего 60 пар.); 2) парные слова различного значения (20 пар): *головник* (убийца) — *головщик* (регент хора); *зелейник* (лекарь) — *зелейщик* (пороховой мастер); 3) слова на *-щик* без «параллельного слова» на *-ник* (около 200 имен) (стр. 11). Таким образом, наибольшее число имен с суффиксом *-щик* возникло вне «конкуренции» с образованиями на *-ник*.

[46] См.: А. А. Дементьев. Агентивные суффиксы *-щик*, *-чик* в русск. языке, стр. 164.

2) За суффиксом *-щик* закрепляется функция передачи более конкретных и узких значений: лицо обозначается по отношению к конкретному предмету как объекту воздействия, орудию или учреждению; за суффиксом *-ник* — функция выражения, наряду с подобными, и других, более общих, менее определенных в своих границах значений: посредством *-ник* лицо может обозначаться по признакам, не связанным с идеей активного воздействия на предмет [47]. Эта функция суффикса *-ник* позволяет использовать его в различного рода образованиях от основ отвлеченных существительных: *сторонник*, *фокусник*, *удачник*, *мятежник*, *невольник*. В кругу таких образований суффикс *-щик* вытесняется суффиксом *-ник* (ср. др.-русск. *сторонщик*, народные *раскольщик*, *изменщик*).

3) В определенных морфематических условиях суффикс *-ник* сохраняет продуктивность как средство выражения значений, аналогичных тем, которые выражались суффиксом *-щик*: при окончании производящей основы на *-к-*, шипящий или свистящий, а также в соединении с элементом *-ат-* при помощи суффикса *-ник* образуются имена лиц, характеризуемых по отношению к предмету как объекту воздействия или владения: *башмачник*, *пышечник*, *саечник*, *кирпичник*, *лодочник*, *замочник*, *рамочник*, *коробочник*, *печник*, *лавочник*; *голубятник*, *медвежатник*, *гусятник* и т. д. С этими основами суффикс *-щик* в языке XIX в. не соединяется (ср. др.-русск. *кирпитчик*).

Процесс функционального размежевания суффиксов *-щик* и *-ник* начался давно, и для языка XIX в. он не был новым. Но действие этого процесса проявляется в это время в качестве фактора, обеспечивающего «системное равновесие» в словообразовании.

Изменения в словообразовании имен лиц, образуемых от основ прилагательных

Имена лиц, образуемые от основ относительных прилагательных

§ 16. В языке конца XVIII — нач. XIX в. словопроизводство имен лиц от основ относительных прилагательных было мало продуктивно. От подавляющего большинства относительных прилагательных имена лиц вообще не производились, как не произво-

[47] Ср. в языке XIX в.: Охота же умному человеку приплетаться в родню Митридату и подражать татарам-*халатникам* (Жих., Зап. совр., I, 25 янв. 1806); Сегодня вторично государь распределял новобранцев по гвардейским полкам; было свыше 300 чел. Опять были *фрачники* (Милютин, Дневн., 20 дек. 1874); Перед этой кучкой народа отплясывал другой *картузник*, такого же сорта, как первый (Славутинск., Читальщица, II); Тысячи *блузников* собирались в окрестностях Рокетской тюрьмы (Тург., Лит. и жит. воспом., VIII).

дятся они и в современном языке. Имена лиц могут быть произведены лишь от основ прилагательных на *-ский*, образованных от географических названий или имен собственных личных (редко нарицательных), посредством суффикса *-ец*: *американец*, *вольтерьянец*, *гвардеец* [48] и от прилагательных на *-н-* (*-енн-*, *-овн-*), от которых спорадически могли быть образованы семантически разобщенные имена лиц посредством суффикса *-ик*: *родственник*, *словесник*, *ремесленник*, *виновник*, *сановник*.

Изменения в словообразовании имен лиц с суффиксом *-ец* со значением «принадлежащий к группе лиц, организации; сторонник, приверженец какого-либо учения, общественного течения и т. п.»

§ 17. В конце XVIII — нач. XIX в. основную массу имен лиц этого значения составляли слова с иноязычными основами, соотносительные, главным образом, с именами собственными (*вольтерьянец*, *эпикуреец*, *пифагореец*, *коперниканец*, *бенедиктинец*, *доминиканец*, *бернардинец*, *францисканец*, *якобинец*) [49] и реже — нарицательными (*республиканец*, *гвардеец*, *лейб-компанец*; ср. франц. *voltairien*, *jacobin*, *épicurien*, *républicain*, нем. *Leibgarde* и т. д.). В литературе XVIII — нач. XIX в. зарегистрированы: *коперниканец* (Кант., Разговоры о множестве миров); *лейб-компанец* (Данилов, Зап); *бернардинец* (Н. И. Тург., Дневн., 5 апр. 1807); *вольтерьянец*, *эпикуреец*, *пифагореец*, *республиканец*, *картезианец*, *доминиканец*, *гвардеец* и др. Все эти слова в дальнейшем устойчиво сохраняются.

---

[48] В специальной литературе имеет место двоякое членение этих имен: 1) выделяется основа, полностью совпадающая с основой однокоренного прилагательного на *-ский*, и суффикс *-ец*, который присоединяется к основе по опущении *-ский*: *американ*[*ский*]*-ец*; 2) выделяется основа, равная корню, и составной суффикс: *америк-анец*. Иногда оба вида членения допускаются на равных правах (см.: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 99—100; Совр. русск. язык. Морфология, стр. 98). Поскольку суффикс *-ец* неизменно присоединяется к основе, совпадающей с основой прилагательного на *-ский* — и в тех случаях, когда основа равна корню (*швейцар-ский — швейцарец*), и когда основа осложнена (*америк-ан-ский — американец*), и когда основа фонетически видоизменена по сравнению с корнем (*Ярославль—ярослав-ский—ярославец*), — постольку представляется правомерным и, пожалуй, единственно возможным выделение в качестве производящей основы относительного прилагательного на *-ский* и суффикса *-ец*. Это подтверждают и правила ударения: *Пифагóр — пифагорéйский — пифагорéец*, *Амéрика — американский—американец* и т. д. (см.: А. А. Дементьев. Наименование лиц по местности с суффиксом *-ец*. «Русск. яз. в шк.», 1946, № 2; Г. С. Зенков. Указ. дисс., стр. 74 и сл.).

[49] Кроме имен на *-ец*, в языке были имена на (*-ан*)*ин*, образованные от аналогичных основ: *христианин*, *магометанин*, *лютеранин* и др. Они сохранились от более ранних эпох: в древнерусском языке наименование лиц по собственному имени оформлялось только посредством суффикса *-анин*; *Арий — ариане*, *Руфин — руфиниане* и т. п. (см.: А. А. Дементьев. Суффиксы *-ец* и *анин*-(*-янин*). «Русск. яз. в шк.», 1946, № 5—6, стр. 17).

От русских основ такие образования в этот период были единичны: *семеновец*, *астраханец*, *преображенец*, *тенгинец* и др. (по названиям полков), *арзамасец*, *некрасовец*:

С *преображенцами*, *семеновцами*, *астраханцами* и *ингерманландцами* стал в авангарде (Пушк., Зап. Моро-де-Бразо); *некрасовцы* сражались в их рядах (Пушк., Кирджали); Всем *арзамасцам* дружеское рукожатие (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, начало апреля 1816); батальон *тенгинцев* (Марл., п. П. А. Бестужеву, 15 ноября 1836).

В языке XIX в. имена лиц этой группы представляют собой актуальную лексическую категорию [50]. Число соответствующих слов, образованных от русских основ — имен собственных, пополняется, в связи с чем производные слова обогащаются новыми оттенками значений.

В XIX в. происходило интенсивное образование имен лиц от основ русских фамилий общественных деятелей, основоположников философских и эстетических направлений, лиц, возглавляющих революционное движение, писателей, литературных героев и т. д.:

А был он вовсе не *пугачевец*, а из михельсоновских полков (М.-Печ., Бабушк. россказни, 1); Первые представители социальных идей в Петербурге были *петрашевцы* (Герц., Порядок торжествует!); «*Аракчеевцы*»... навлекут на бедного дворянина небывалое обвинение (Леск., Захуд. род, 2, 13); Никогда я не буду *толстовцем*! (Чех., п. А. С. Суворину, 30 авг. 1891); В домашней жизни *обломовцы* тоже очень похожи друг на друга (Доброл., Что такое обломовщина?); *Ткачевцы* назвали себя якобинцами (Морозов, Повести моей жизни, I, 3); Шел процесс *нечаевцев* (Там же, IV, 4); Врачи пироговского съезда разделились на две неравные «политические» партии: *чеховцев* и *вересаевцев* (Книппер, п. А. П. Чехову, 7 янв. 1902).

Во второй половине века наряду с такими словами, носящими характер терминов, начинают появляться слова нетерминологического характера: *рогожинец* (относящийся к компании Рогожина) (Дост., Идиот, 1, XV); *тетюевец* (входящий в «партию» Тетюева) (М.-Сиб., Горн. гнездо, XXVI). Ср. также: Видаешь ли Суворина?... Не предлагал ли *суворинцам* утилизировать твое писанье? (Чех., п. А. П. Чехову, 17 янв. 1887).

Для современного языка характерно очень широкое и свободное образование имен лиц на *-ец*, соотносительных с фамилией главы коллектива, группы, сообщества и т. д.

Что касается производства имен лиц от основ имен собственных иноязычных, то здесь наблюдается сокращение новообразований.

[50] О зависимости продуктивности словообразовательной модели от актуальности значения образуемых наименований см.: M. Dokulil. Tvoření slov češtině, 1, Teorie odvozování slov, стр. 19 и сл.

Такие слова единичны: *наполеоновец* (что говорят оранжисты, что делают *наполеоновцы*? Марл., Лейт. Белозор, III), *гегельянец*, *гарибальдиец*, *ницшеанец* и др.

На сокращение продуктивности имен лиц с суффиксом *-ец* от иноязычных основ повлияли имена с суффиксом *-ист*, которые имели тождественное значение (см. § 60). Имена с *-ист*, образованные от иноязычных основ, имели, по сравнению с именами на *-ец*, ряд преимуществ. Во-первых, они входят с состав интернациональной лексики (ср., например, *дарвинист*, *марксист*, *фурьерист*, *шеллингист*). Во-вторых, их морфологическое строение позволяет более отчетливо представить исходное собственное имя: суффикс *-ист* присоединяется непосредственно к основе имени, без какого-либо ее преобразования.

Дублетные наименования типа *гегельянец — гегелист* в XIX в. были единичны. Также единичны в конце века образования имен лиц с *-ист* от русских личных имен:

> *Лавристы* переехали с Лавровым в Лондон, а *бакунисты* живут главным образом в Цюрихе (Морозов, Повести моей жизни, VIII, 4); отчаянный *катковист* (Тучкова, Воспом., VIII); считал он себя *пушкинистом* (Боборык., На ущербе, 1, XVIII); Вы *чехист*? покорно благодарим. Нет, вы не *чехист*, а просто снисходительный человек (Чех., п. М. И. Чайковскому, 16 марта 1880). Ср. также в обозначении лица женского пола: *шаляпинистка* и *собинистка* орали немилосердно (Книпер, п. А. П. Чехову, 11 янв. 1902).

§ 18. С 60—70-х годов XIX в. особый вес приобретает словопроизводство имен лиц с суффиксом *-ец*, соотносительных с именами собственными — названиями партий, печатных органов, со значением принадлежности, членства. Появляются слова *народоволец* («Народная воля»), *землеволец* («Земля и воля»), *черноперелец* («Черный передел»), *бундовец* («Бунд»), *новословец* («Новое слово»), *новожизненец* («Новая жизнь»), *рабочеделец* («Рабочее дело»), *южнорабоченец* (группа «Южный рабочий»), *искровец* («Искра»), *впередовец* («Вперед»). Такая лексика широко представлена в публицистике, в работах политических деятелей и т. п.

Основным значением существительных, обозначающих лицо по отношению к печатному органу, было: «принадлежащий к партии, политической группировке, политическому направлению и т. д.». В конце века в аналогичных по строению именах появляется оттенок «имеющий какое-либо отношение к печатному органу (сотрудник, корреспондент и т. д.)»:

> Жаль, что ушел от общения с *нововременцами* (Чех., п. Ал. П. Чехову, сент. 1887); *Будильниковцы* мне приятели (Чех., п. Н. А. Минину, 7 окт. 1887); Все эти господа *эпоховцы* разыграли из себя таких мальчишек, что просто совестно (Чех., п. А. Н. Плещееву, 25 окт. 1888). Ср. совр. *огоньковцы*, *правдисты*, *известинцы*.

В связи с активизацией обозначения лиц по принадлежности к общественным течениям появляется существительное *постепеновец* со значением «сторонник медленного, постепенного развития, противник революционных методов в политической борьбе»;

— Нам не нужно *постепеновцев*,— сумрачно проговорил Маркелов.— *Постепеновцы* до сих пор шли сверху,— заметил Соломин,— а мы попробуем снизу (Тург., Новь, 1, XX); Он все стоит за какой-то непонятный правильный прогресс,— возразила Бертольди.— *Постепеновец*, значит.— Как вы назвали? — *Постепеновец*.— Вот, Бахарева! Вот именно для Розанова слово: *постепеновец* (Леск., Некуда, 2, 25); Я не либерал, не консерватор, не *постепеновец*, не монах, не индифферентист (Чех., п. А. Н. Плещееву, 4 апр. 1888) и др.

Со словообразовательной точки зрения существительное *постепеновец* не имеет аналогических образцов. Его возникновение, по-видимому, связано с появлением в языке однокоренных образований *постепеновский* и *постепеновщина*; ср.: *постепеновские* редакторы (Леск., Некуда, 3, 22).

В XIX в. возникают новообразования *армеец*, *пехотинец*.

Эта гордая знать смотрит на нас, *армейцев*, как на диких (Лерм., Кн. Мери, 11 мая); По мнению римских *армейцев*, хуже всего было идти на Дунай (Москвит., 1856, № 10).

Слово *пехотинец* было создано, по-видимому, около 20-х годов XIX в. Его нет в словаре АР, но в Словаре 1847 г. и в Словаре Даля оно отмечено. В наших материалах впервые это слово встречается в «Вечерах на Кавказских водах в 1824 году» Марлинского, причем в собственной речи военных: «Артиллерия должна издали открыть огонь, мы, *пехотинцы*, будем прикрывать ее». Оно неоднократно встречается в романе Загоскина «Рославлев», также в собственной речи: Разве русский офицер и кавалерист может струсить в деле? — Не знаю — кавалерист, а наш брат *пехотинец*... (4, II); И эти *пехотинцы* еще нам завидуют! (2, IV);—А кто такой этот Шамбюр? — спросил Ленской. — Разумеется — французский офицер. — *Пехотинец*? —И что ты? Верно, кавалерист.—А почему не пехотный?—спросил Зарядьев (4, II). Интересно отметить, что в речи автора встречаем «пехотные солдаты»: Конвой, состоящий из полуроты *пехотных солдат*, шел позади (2, VII).

Позднее это слово отмечается у Писемского, в журналистике 30—50-х годов и др.

Каждую ночь завязывал свои щеки косынкой, которая и прижимала его бакенбарды, что, впрочем, тогда делали почти все франтоватые *пехотинцы* (Писемск., Масоны. ЛК); Желая отвлечь внимание турецких бомбардиров от храбрых наших *пехотинцев* (П. Глебов, Воспом. армейск. офицера, Отеч. зап., 1839, т. IV); Вдруг подошел ко мне молодой пехотный офицер, с этою фамильярностью, свойственною *пехотинцам* (Москвит., 1856, № 12); Вид этих *пехотинцев* ужасен для безоружного человека (Б-ка для чт., 1834, т. III).

И. Дмитриев в примечаниях к первой части «Взгляда на мою жизнь» и в письме Жуковскому (13 марта 1835 г.) отмечает среди «нововведенных» слово *пехотинец*, как «площадное слово», которое нуждается в переводе на язык Ломоносова, Шишкова и Карамзина и которое «нынешние авторы, любя подслушивать..., переняли у рекрутов» [51].

Действительно, слово *пехотинец*, так прочно вошедшее в язык, по морфологическому строению — единственное в своем роде. Перед суффиксом *-ец* и основой *пехот-* имеется элемент *-ин-*, с которым как будто бы не связано никакого значения. Оно не соотносится также с прилагательным на *-ский*.

Это слово, возникшее в военной среде, в разговорной речи, по-видимому, представляет собой отклонение от норм словообразования.

---

[51] И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь, т. II. СПб., 1895, стр. 156.

В середине века появляется несколько новых образований имен лиц с суффиксом *-ец* от названий учреждений, коллективов со значением принадлежности к ним, членства: *земец* (член земской управы), *фаланстериец* (член фаланстерийской общины), *конвентинец* (член конвента).

§ 19. Активизация словопроизводства имен лиц с суффиксом *-ец* от русских основ обусловила особую продуктивность сочетаемости *-ец* с основами относительных прилагательных на *-ов-ский*. Постепенно звуковой комплекс *-овец* в составе производных имен лиц начинает осознаваться как самостоятельная словообразующая единица, с которой связываются определенные значения. Так создается сложный суффикс *-овец* [52], словообразовательная самостоятельность которого наиболее очевидна в тех случаях, когда соответствующее прилагательное на *-овский* отсутствует или малоупотребительно. По-видимому, словообразовательная самостоятельность суффикса *-овец* развивается уже в XX в., когда широко образуются имена лиц со значением принадлежности к различного рода учреждениям, коллективам и т. д., ср. современные *госплановец*, *детдомовец*, *райкомовец*, *эмтээсовец*, *динамовец*, *жактовец*, *мхатовец*, *обкомовец*, *ликбезовец*, *драмкружковец* и др.[53]

Итак, изменения в словопроизводстве имен лиц с суффиксом *-ец* от основ, соотносительных с основами относительных прилагательных, заключались прежде всего в расширении круга производящих основ за счет русских имен собственных — личных и названий. С этим было связано то, что у имен лиц на *-ец* развивается более емкое и более общее, по сравнению с исходным значением, значение «имеющий отношение к чему-либо (лицу, учреждению, коллективу, печатному органу и т. д.)»; это значение постепенно становится основным.

В современном языке продуктивность этой модели увеличивается за счет сложносокращенных основ.

Изменения в словообразовании имен лиц с суффиксом *-ик*, производимых от основ прилагательных на *-н-*

§ 20. С 60—70-х годов XIX в. в литературном языке начинают появляться имена лиц с суффиксом *-ик*, образованные от основ относительных прилагательных на *-н-*, *-енн-*: *западник*, *естественник*, *крепостник* и т. п.[54]

---

[52] В курсах по современному русскому языку суффикс *-овец* отмечается как самостоятельный суффикс, производный от *-ец* (см., например: Совр. русск. язык. Морфология, стр. 98).

[53] См.: Г. Зенков. О словообразовательных процессах советской эпохи (На материале суффиксальных существительных русского языка). «Уч. зап. филол. фак-та Киргизского гос. ун-та», вып. V, Славянский сб., I, 1958, стр. 81.

[54] Впервые лексикографически зафиксированы *западник*, *естестзенник* Словарем Даля, *крепостник* — Словарем Ушакова.

Я коренной, неисправимый *западник* (Тург., Лит и жит. воспом., IV); Обскурант, прогрессист, либерал, консерватор, славянофил, *западник*; эти выражения нисколько не характеризуют того человека, к которому они прикладываются (Писарев, Русск. Дон Кихот); Карамзин был собственно *западник* и республиканец, но вместе русский консерватор (Пыпин, Грибоедов, В. Е., 1890, т. I); В Гете рядом с поэтом прекрасно уживался *естественник* (Чех., п. А. П. Суворину, 15 мая 1889); Мережковский еще очень молод, студент, чуть ли не *естественник* (Там же, 3 ноября 1888); пренебрежительное чувство к этим *самобытникам* (Боборык., На ущербе, 3, XXII) (т. е. к сторонникам «самобытного развития»); В передней с раннего утра топталась степенная группа стариков. Это были коноводы той партии *общественников*, которые тягались с Родионом Антонычем из-за уставной грамоты (М.- Сиб., Горн. гнездо, X) (*общественники* — здесь служащие общественным интересам, интересам крестьянского общества); Он даже среди дворян держался среднего, скорее либерального, чем консервативного взгляда и всегда перед *крепостниками* защищал народ (Л. Толст., Фальшивый купон, IX); [В усадьбах] живут души красивых женщин, не говоря уже о старых, дышащих на ладан лакеях-*крепостниках* (Чех., п. А. С. Суворину, 30 мая 1888), *культурник* (в значении «сторонник легального прогресса без политической борьбы». См. Ленин, Задачи революционной молодежи, I. Соч., т. 7, стр. 30).

В XIX в. определился тип производящих для этих имен основ: это основы относительных прилагательных с суффиксом *-н-* и его производными (*-енн-* и др.), входящих в состав описательного определения лица: *западник* — «сторонник западного направления», *естественник* — «занимающийся естественными науками» и т. д.

К характерным признакам таких существительных относятся следующие: 1) производящими основами служат основы относительных прилагательных, которые в составе соотносительного словосочетания не являются определением лица (ср. *западник* и *западное направление*, *естественник* и *естественные науки*); относительное прилагательное, определяющее лицо (*домашний врач*, *школьный сторож*, *южный житель*, *крепостной крестьянин* и т. д.), как правило, не может служить производящим для таких имен лиц [55]; 2) словосочетания, соотносительные с такими име-

[55] Приводимое, например, А. А. Дементьевым («Суффикс *-ик* и его производные в совр. русск. языке», стр. 44) толкование слова *полярник* как «полярный житель» представляется неверным: *полярник* означает не «вообще жителя, каждого жителя» а «специалиста, работающего за Полярным кругом, на полярных станциях и т. д.» Ср., впрочем, вышедшее из употребления слово *восточник* («церк. Обитатель восточных стран». — Сл. 1847 г.). Показателен спор между Гротом и Плетневым по поводу слова *ночник* в значении «ночной извозчик» (см.: Е. А. Земская. Из истории русской литературной

нами лиц, наполнены узким и конкретным содержанием, представляют собой чаще всего фразеологию терминологического характера; поэтому и значения производных имен носят очень конкретный и узкий характер.

Если появляется новое словосочетание, включающее в свой состав то же прилагательное, и возникает потребность обозначить лицо по отношению к выраженному этим словосочетанием понятию, то независимо от имеющихся в языке образований возникают новые имена лиц, с новым конкретным значением. Например, в современном языке *общественник* означает «занимающийся общественной работой», *государственник* —«сдающий государственные экзамены», *ремесленник* — «ученик ремесленного училища» и т. д. [56]

Для языка конца XIX в. этот тип образования был новым. Наиболее активное производство таких слов происходит в середине XX в.[57]

Изменения в словообразовании имен лиц с суффиксом *-ик*, производимых от основ прилагательных на *-овый*

§ 21. Под влиянием описанной в § 20 словообразовательной модели появилась модель словообразования имен лиц с этим же суффиксом от основ относительных прилагательных на *-ов-ый*: *биржевик*, *береговик*, *ломовик*, *фронтовик (фрунтовик)*. Окончательное формирование этой модели, с четким выделением структурного типа производящих основ и общего значения производных, с семантической дифференциацией внутри всего класса имен на *(ов)-ик*, относится к XX в. В XIX в. сложились лишь предпосылки к возникновению этой модели и появились первые слова такого строения.

Славный наездник, первый *фрунтовик* во всей империи (Якушк., Из «Записок», 1)[58];—Тут нужна лишь добродетель!— Восклицает *биржевик* (Некр., Современники, 2, Герои времени); тип деревенского *биржевика* — человека, наживающегося на счет соседа (Гл. Усп., Вл. земли, IX); *биржевик* (Боборык., Китай-город, 1, XI); чрезвычайные служаки и *фронтовики* (Дост., Подросток, 2, 8, IV); У панели, рядом с ломовыми дрогами, на куче старых рельсов спал *ломовик* (Верес., Два конца); *береговик* — «сухопутный служака, моряк, оставшийся на берегу» (Сл. II Отд. АН, т. 1).

лексики XIX в. «Мат-лы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. IV, М., 1957, стр. 57—58): Плетнев выражал сомнение в правомерности этого слова; по-видимому, эти сомнения относятся именно к правильности его образования.

[56] См. об этом: Г. С. Зенков. Указ. дисс., стр. 101—102.

[57] См.: Г. С. Зенков. Об одной новой словообразовательной закономерности в совр. русск. языке. «Уч. зап. филол. фак-та Киргизского гос. ун-та», вып. IV, 1957; его же. О словообразовательных процессах советской эпохи.

[58] Впервые слово *фронтовик* («фронтовой солдат или офицер») отмечено Словарем 1847 г.

Ср.: Наш брат *фронтовой офицер* рассуждать не должен (Загоск., Росл., 3, 1); Я вижу, как *ломовой извозчик* тащит... гроб бедняка (Гоголь, Невск. просп.); Это не так легко, господа, как думаете вы, *береговые люди* (Купр., Лазурн. берега).

На образование этой модели оказали влияние следующие условия. 1) Формальных препятствий к сочетанию суффикса *-ик* с основами относительных прилагательных на *-ов-ый* в языке не было. В категории имен — предметных названий и в названиях животных подобные образования были представлены очень широко: *пуховик*, *боровик*, *паровик*, *маховик*, *черновик*, *беловик*, *березовик*, *кротовик*, *корневик*, *дробовик*, *босовик* (род обуви), *гречневик*, *шпунтовик*, *возовик* («крепкая ломовая, сильная лошадь». Сл. АР); *годовик* («годовалый ягненок». Бурнашев, Опыт терм. сл.); *кедровик* («рябчик, отличающийся превосходным вкусом своим». Там же) и др. 2) Возникновение имен лиц на *-ов-ик-* могло быть поддержано наличием соответствующих образований в говорах; см. у Даля: *бедовик* («кто век ходит по бедам»), *городовик* («горожанин, городской житель»), *боевик* («искусный в бою, особ. в одиночном; задорный драчун, охочий до боя»), *жировик* («жировой или пригульный ребенок»); у Бурнашева: *домовик* («хозяин дома, избы, постоялого двора, в губ. Псковской и Смоленской»). 3) Связи основ на *-ов-ый* с другими суффиксами не были прочны: наибольшей возможностью сочетания с этими прилагательными обладал суффикс *-щик* (см. § 6), но *-щик* в сочетании с основами прилагательных не был продуктивен и встречался лишь в составе отдельных слов. 4) На активизацию образований типа *фронтовик*, *биржевик* несомненное влияние оказал словообразовательный тип имен лиц с суффиксом *-ик*, образованных от основ относительных прилагательных на *-н-* (см. § 20).

Изменения в словообразовании имен лиц, обозначаемых по территориальной или национальной принадлежности

§ 22. Отличительной чертой группы имен существительных со значением «происходящий из страны, местности, города, проживающий в стране, местности, городе, принадлежащий к нации, народности, племени» является морфологическая разнооформленность. Производные имена этой лексической группы могут иметь различные форманты (*-ец*, *-анин*, *-ин*, *-итин*, *-итянин*, *-ак*, *-ич*) или представлять собой бесформантные образования (*чех*, *хазар*, *араб*, *калмык* и т. д.).

Морфологической пестроте имен этой группы способствуют факторы как структурного, так и исторического характера. Словообразующий формант, присоединяясь к производящей основе, равной географическому или этническому названию, выражает самое общее значение отнесенности, без указания на конкретный

характер отношения [59]. Обобщенность такого значения способствовала сосуществованию большого числа равнозначных формантов.

К историческим факторам, способствовавшим сосуществованию в пределах данной группы имен нескольких равнозначных формантов, относятся различные диалектные условия, в которых эти слова формировались.

Морфологическая «пестрота» изучаемой группы имен лиц в языке конца XVIII — нач. XIX в. была большей, чем в конце XIX в. В XIX в. действовала тенденция к устранению этой пестроты и к унификации средств словообразования внутри этой группы. В качестве основного и продуктивного утверждался суффикс *-ец*, другие оттеснялись в разряды малопродуктивных или непродуктивных (*-ин*, *-анин*, *-ак*, *-ич*).

Словообразовательные типы имен лиц, обозначаемых по территориальной или национальной принадлежности, в конце XVIII — нач. XIX в.

1. Суффикс *-ин* (*-инъ*) относится к числу общеславянских формантов [60], образующих имена лиц от основ этнических названий: *русь — русин*, *чудь — чудин*, *мордва — мордвин*, *литва — литвин* и т. д. В этой своей древнейшей функции формант *-ин* обозначает не относительность вообще, как это свойственно другим формантам изучаемой лексической группы, а принадлежность отдельного представителя (этнонима) к коллективу (этносу) [61].

Однако эта функция формантом *-ин* была впоследствии утрачена: словообразовательная модель со значением «лицо по признаку принадлежности к коллективу (этносу), названному обобщенно-собирательной формой имени» теряет продуктивность, уступая место модели со значением: «лицо по отношению к географическому или этническому названию». Суффикс *-ин* — формант сингулятива — теряет продуктивность, а содержащие его слова испытывают семантические или формальные преобразования. В них может изменяться внутреннее соотношение между производящим и производным, и имена типа *болгарин*, *мордвин* начинают осознаваться как «житель Болгарии, Мордовии». Однако такие случаи не часты. Обычно же с потерей живого значения форманта *-ин* слово начинает приспосабливаться к новым условиям и изменяет свой морфологический облик под влиянием аналогичных по значению образований.

---

[59] Даже в тех случаях, когда тот или иной суффикс сам по себе лишен способности выражать общее значение отнесенности, он, присоединяясь (в исключительно редких случаях) к географическому названию, приобретает эту способность, ср. *питерщик*.

[60] См.: А. М е й е. Общеславянский язык, стр. 294; А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку, стр. 233.

[61] См.: В. И. А б а е в. Этнические названия на *-ец* в русском языке. «Вопросы культуры речи», вып. 2, М., 1959, стр. 84 и сл.

Так, старые образования *немчин*, *литвин*, *турчин*, *половчин* [62], *гречин* и другие уходят из языка, заменяясь именами другого морфологического строения (*немец*, *литовец*, *турок*, *грек* и др.). К XVIII в. этот процесс в общем уже закончился. В конце XVIII—нач. XIX в. имена с суффиксом *-ин* — *немчин*, *угрин*, *литвин*, *турчин*, *половчин* — обычно употребляются уже как стилистически окрашенная, ограниченная в употреблении категория.

Я не *лях*, не *угрин* (Карамз., И. Г. Р., III, I); Он припорол *турчина* штыком (Суворов, п. П. А. Текели, 1 февр. 1788); Он не *турчин* был, не немец (Держ., Горе-богатырь); [Вакула] Отворожи-ка нам отсюда ты *немчина* (Крыл., Подщипа, II, 3); *немчин*, генерал-майор граф Тотлебен (Болот., 2,84); Три у Будрыса сына, как и он, три *литвина* (Пушк., Будрыс и его сыновья); Один *половчин* схватил коня его за узду (Карамз., И. Г. Р., II, XII).

2. Суффикс *-анин*, *-ане* (старосл. *-ѧнин*, *-ѧне*) в старославянском языке был самым продуктивным из трех равнозначных формантов: *-анин*, *-ин* и *-итин* (*-итянин*) [63]. Обширный лексический пласт названий лиц, образованных с суффиксом *-анин* (*-ане*), который обнаруживается в русском языке конца XVIII—нач. XIX в., был накоплен, во-первых, путем усвоения старославянской лексики, во-вторых, путем живого словообразования имен лиц с этим формантом на русской почве. К заимствованиям здесь относятся в основном обозначения лиц (обычно в форме множественного числа) по библейским и античным названиям: *ахеяне*, *ассириане*, *афиняне*, *ионяне*, *карфагеняне*, *киммериане*, *кумане*, *коринфяне*, *лакедемоняне*, *македоняне*, *нуманитяне*, *терриряне*, *сабиняне*, *спартане*, *сирияне*, *финикияне*, *халкидоняне*. Реже суффикс *-анин* (*-ане*) встречается в образованиях по названиям, относящимся к более новым эпохам (от иноязычных основ): *римлянин*, *датчанин*, *англичанин*, *парижанин* и др. Образования с суффиксом *-анин* (*-ане*) от названий русских городов, земель и т. д. типа *полочанин* (от *Полоцк*), *галичанин* (*Галич*), *устюжанин* (*Устюг*), *онежанин* (*Онега*), *олончанин* (*Олонец*), *торопчанин* (*Торопец*), *изборчанин* (*Изборск*) и т. д. обычны в тех случаях, когда сочетание суффикса *-ец* с основой ограничено морфонематическими условиями.

[62] Едва ли для языка XIX в. (как и для современного) можно назвать живую форму ед. ч. от *половцы*.

[63] Суффикс *-итин* в русском языке выделялся в единичных словах (*москвитин*, *тверитин*, *костромитин*) и к началу XVIII в. утратил самостоятельное значение, заменившись суффиксом *-итянин* (*москвитянин*, *тверитянин*, *костромитянин*) (см.: М. В. Ломоносов. Российская грамматика.— Собр. соч., т. VII. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1952, § 232; А. Х. Востоков. Русская грамматика. СПб., 1831, стр. 51). Суффикс *-итянин* обладал незначительной продуктивностью; кроме перечисленных слов, которые не удержались в языке (ср. закрепившиеся *москвич*, *костромич*, *тверич* или *тверяк*), этот суффикс выделяется в нескольких исторических обозначениях: *аравитянин*, *израильтянин*.

3. Суффиксы *-ак* и *-ич* выделяются в единичных словах: *босняк*, *туляк*, *пермяк*; *москвич*, *вятич*; ср. также историзмы *кривичи*, *лутичи*, *радимичи*, *дреговичи*.

4. Исконно русский суффикс *-ец* в функции обозначения лиц по географическим названиям известен древнерусскому языку [64]. В этой функции суффикс *-ец* является самым продуктивным и распространенным формантом на всем протяжении истории русского языка, вплоть до современности.

Основная причина его продуктивности — в структуре данного словообразовательного типа, окончательно сложившегося в конце XVIII — нач. XIX в. Суффикс *-ец* присоединяется к основам, совпадающим с основами прилагательных на *-ский* (при отсечении *-ский*): *владимир-ский — владимир-ец*, *ярослав-ский — ярослав-ец*, *пензен-ский — пензен-ец*, *колумбий-ский — колумби-ец* и т. д. [65] Факт сочетаемости суффикса *-ец* с основами прилагательных на *-ский* способствовал особой продуктивности имен на *-ец*: поскольку эти прилагательные свободно образуются от любого географического названия, возможность образований с *-ец* оказывалась никак не ограниченной строением исходного имени.

Ограничения в сочетаемости суффикса *-ец* с производящими основами носят частный характер. 1) Суффикс *-ец* не сочетается с основами, которые при образовании относительных прилагательных на *-ский* дают чередования на стыке морфем, ассимиляцию, поглощение суффиксальных частей основой и другие осложнения фонематического плана. Это основы, имеющие в исходе *-к-* и его рефлексы (*-ц-*, *-ч-*), а также иногда *-г-* (последнее — преимущественно в малосложных основах). Ср. приведенные выше *Торопец — торопчанин*, *Олонец — олончанин*, *Галич — галичанин* и др.; 2) затруднено сочетание суффикса *-ец* с основами, оканчивающими на *-ск-* (*Минск*, *Бобруйск*, *Изборск*), главным образом малосложными: при опущении *-ск* оставшаяся часть основы не дает представления об исходном названии, ср. *Мин-ск — мин-ец*, *Кур-ск — кур-ец*, *Избор-ск — избор-ец*); 3) почти не образуются имена лиц на *-ец* от малосложных основ, ср. *Тула — туляк*, *тулянин*, *Шуя — шуянин*. Например, при образовании наименования жителя города Пензы основа наращивается, как и в прилагательном: *пензенец*; без этого наращения — *пензяк*; 4) суффикс *-ец* не присоединяется к основам, если образованное от них прилагательное на *-ский* имеет ударное окончание: *костромской — костромич*. Практически эти ограничения распространяются на незначительное число слов.

Таким образом, структурно-морфологические условия способствовали продуктивности словопроизводства имен лиц с суффиксом *-ец*; внешне эта продуктивность поддерживалась постоянной потребностью в производстве таких имен как в живой речи, так и в речи терминологической.

---

[64] См.: А. П. Аверьянова. О некоторых значениях суффикса *-ец* в русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 235, Серия филол. наук, вып. 38, 1958, стр. 131.

[65] См. об этом: А. А. Дементьев. Наименование лиц по местности с суффиксом *-ец*; Г. С. Зенков. Указ. дисс., ср. 74 и сл.

Существительные с суффиксом *-ец* в языке XIX в.

§ 23. В языке XIX в. суффикс *-ец* был продуктивен в словопроизводстве nomina regionalia от основ русских названий; он служил также средством руссификации названий жителей нерусских городов и стран, представителей иноземных племен и народов. Обе категории слов были широко употребительны в различных жанрах письменной речи. Вот некоторые из многих возможных примеров собственно русских имен с суффиксом *-ец*, обозначающих лицо по признаку проживания или происхождения:

Горюхинцы (Пушк., Ист., с. Г.); *крестовцы* (Кокорев, Сибирка, III); *калязинец* (С.-Щ., Ист. одн. города, О корени происхожд. глуповцев); *благовещенцы* (от *Благовещенское*. С.-Щ., Совр. идиллия, XXV); *весьёгонцы* (Там же, XXVII); *малиновцы* (Герц., Зап. одн. мол. чел., Патриарх. нравы гор. Малинова); *обломовцы* (Гонч., Обл., 1, IX); *пересветовцы* (Славутинск., Жизнь и похожд. Тр. Афанасьева); *болотинцы* (от *Болотинск*. Засодимск., Темн. силы, X); *гостомцы* (от *Гостомль*. Леск., Житие одн. бабы, 1, IV); *усоловцы* (от *Усолово*. Некр., Кому на Р. жить хорошо, 2, II); *лобановцы* (В. Шилов, Лобановщина, XIII, В. Е., 1890, т. VI); *минусинцы* (Ленин, п. М. А. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой, 17 апр. 1897. Соч., т. 37, стр. 37); *тесинцы* (от *Тесь*. Ленин, п. М. А. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой, 25 мая 1897. Там же, стр. 46); *пражцы* (Ленин, п. М. А. Ульяновой, 6 дек. 1900. Там же, стр. 234); *ермаковцы* (*Ермаковское*. Крупская, п. М. А. Ульяновой, 17 окт. 1899. Там же, стр. 490); *богородцы* (Куст. пром. России, I, Игрушечн. промысел в дер.Богородское); *шиховцы* (от *Шихов*. Там же, I); *печорцы* (Ист. вестн.. 1903, № 2); *герцеговинцы* (Боборык., Китай-город. 2, V); *брестцы* (Купр., События в Севаст.).

От приставочных основ:

запорожцы; *задунайцы* (Москвит, 1856, № 10); *закубанцы* (Марл., п. Н. А. и М. А. Бестужевым, 1 дек. 1835); *заозерцы* (С.-Щ., Ист. одн. города, О корени происхожд. глуповцев). Ср. также редкое: *при-Рейнец* (Москвит., 1851, № 2).

От сложных основ:

звенигородец (Лом., Росс. грам., § 231); *беловежцы* (Карамз., И. Г. Р., II, VII); *белозерцы* (Там же); *архангелогородец* (Москвит., 1856, № 12); *черногородцы* (Зап. Ю. Долгорук., Отеч. зап., 1840, т. XIII); *черногорцы* (Писарев, Реалисты, XVII).

О растущей продуктивности суффикса *-ец* свидетельствует то, что посредством этого суффикса формируется обозначение жителя Петербурга: *петербуржец* или *петербургец*:

Петербуржец промчался (Вельтм., Саломея, 7, I); *петербургцы* (Штакеншнейдер, Дневн. ЛК); встреча москвичей с *петербуржцами* (Герц., Станц. Едрово); *петербуржец* по рождению (Гарш., Пб. письма, I);

неболтливый, как все *петербуржцы* (Писемск., Тыс. душ, 4, I); во все глаза смотрел на *петербуржца* (Леск., Некуда, 2, 25); Мне многие *петербуржцы* еще до вас советовали не портить книги псевдонимом (Чех., п. Д. В. Григоровичу, 28 марта 1886); *Петербуржцы* в высшей степени неаккуратный народ (Чех., п. Н. А. Лейкину, 24 дек. 1886).

Интересно отметить, что суффиксальное обозначение жителя Петербурга вошло в широкий обиход, по-видимому, довольно поздно, возможно, не ранее 30—40-х годов. Еще в 50-е годы Н. И. Греч, противопоставляя жителей Москвы и Петербурга, не употребляет для обозначения последних суффиксального образования: «И самый грамотный *уроженец петербургский* должен уступить в этом случае полуграмотному москвичу»[66]. Ср. в одной из статей «Москвитянина» (1856, № 10): *Петербургские жители* завертывали в Москву редко.

Ср. еще более новое *питерец*:

Питерцы чувствовали, что... (Леск, Загадочн. чел., 9); Я был поражен приемом, который оказали мне *питерцы* (Чех., п. Н. А. Лейкину, 12 окт. 1885).

Колебаний в выборе суффикса здесь, по-видимому, не было. Формант *-анин* встретился лишь в обозначении лица женского пола: малокровные *петербуржанки* (Щепкина-Куперник, Театр в моей жизни. ЛК) — вероятно, в связи с трудностью образовать существительное женского рода по соотношению с *петербуржец*. Ср. несколько необычное: Впрочем, вы *петербуржица*, вы не согласитесь со мной ни в чем (Чех., п. Л. А. Авиловой, 27 апр. 1899).

§ 24. Суффикс *-ец* широко применялся для руссификации названий жителей нерусских городов, стран, представителей различных народов и племен [67]. Кроме употребительных в предшествующий период *австриец*, *албанец*, *богемец*, *бургундец*, *вестфалец*, *готландец*, *германец*, *генуэзец*, *испанец*, *итальянец*, *курляндец*, *лифляндец*, *норманец*, *португалец*, *сардинец*, *саксонец*, *финляндец*, *херсонец*, *эстонец*, *эстляндец*, *алжирец*, *берлинец*, *варшавец*, *ганноверец*, *женевец*, *нидерландец*, *тиролец* и др., в языке XIX в. появляются новообразования, обозначающие, главным образом, жителей Кавказа, Средней Азии, Китая, Монголии:

Коканцы (Назаров, Зап.); *ташкенцы* (sic) (Там же); *туркестанец* (Там же); *нючжисцы*, *хойхорцы*, *турпанцы*, *тункинцы*, *киданьцы* (Моск. вестн.. 1826, № 16); *татаньцы* (Там же, 1828, № 14); *дагестанцы*, *аварцы* (Марл., Ам.-Бек, I); *авганцы* (Булг.. Ив. Выж., XV); *кабардинцы* (Загоск., Росл., 4, II); *табасаранцы* (Марл., Ам.-Бек, VII); *акушинцы* (Там же, III); *аварцы*, *койсубулинцы* (Там же, I); *натухайцы* (Там же, XIV).

В «Алфавитном списке народов, обитающих в Российской империи» (1895) преобладают имена с суффиксом *-ец*: *абхазцы*, *абазинцы*, *агржанцы*, *аджарцы*, *бухарцы*, *гурийцы*, *ингилойцы*, *казикумухцы*, *камасинцы*, *карачаевцы*, *качинцы*, *кизильцы*, *китайцы*,

[66] Н. И. Греч. Рассмотрение книги «Опыт общесравнительной грамматики русского языка». СПб., 1856, стр. 5.

[67] Ломоносов указывал на свойство суффикса *-ец* «переводить» на русский язык «иностранные отечественные имена: Italiano — *итальянец*, Ispanus — *испанец*, Neapoilitanus — *неаполетанец*» (Росс. грам., § 237).

корейцы, курильцы, курипцы, лахамульцы, литовцы, наврузовцы, нейдальцы, нухурцы, сагайцы, табасаранцы, шубинцы, туралинцы, уруспиевцы, урянхайцы, цахурцы, чуванцы. Там же находим единичные образования с суффиксом *-анин* (*-ане*): *бессермяне, дунгане, молдаване, трухмане.*

Взаимодействие суффиксов *-ец-* и *-анин-*

§ 25. Взаимодействие суффиксов *-ец* и *-анин* началось в древнерусском языке; оно шло под знаком вытеснения суффикса *-анин* (*-ане*) суффиксом *-ец* [68]. Причины этого явления понятны: связанный с книжно-письменной традицией, старославянский по происхождению формант *-анин* не мог противостоять русскому, живому и активному суффиксу *-ец*.

Единственной областью, где суффикс *-анин* удерживал свои позиции, была книжная историческая лексика, имевшая давние традиции употребления. Однако со второй половины XVIII в. суффикс *-ец* начинает вторгаться и в эту область. Уже в конце XVIII — нач. XIX в. на фоне массового употребления образований с *-анин* (*-ане*) (см. § 22) отмечаются существительные: *пелопонесцы, халдейцы, фракийцы, фессалийцы.* В это же время появляются дублеты: *ионяне — ионийцы, карфагеняне — карфагенцы, лакедемоняне — лакедемонцы, спартане — спартанцы*:

Лакедемоняне сделали похвальное (Десницк., Сл. о способе к научению юриспруденции); Славнейший из греческого народа Ликург *лакедемонянин* (Веллей Патеркул); *Лакедемонянин* Ксантилл (Там же); *Ионяне*... заняли лучшую часть морской страны, которая еще и ныне «Ионией» называется (Там же); Для вспоможения сему острову против *карфагенян* (Там же); Афиняне, *спартане*, лакедемонцы и несколько фивинян и потом похожие на греков *лакедемоняне* — были греки (Н. И. Тург., Дневн., 26 февр. 1807); война между афинянами и *лакедемонянами* (Там же, 17 апр. 1808); храбрый Леонид *Спартанин* (Рыл., Любовь к отчизне).

Лакедемонцы укрепили Данелию (Юм, О населенности древн. народов); с ними спорили одни *карфагенцы*, но были побеждены (Н. И. Тург., Дневн., 26 февр. 1807); во время разорения [Агригентума] *карфагенцами* (Юм, О населенности древн. народов); Приближалась к войскам *ионийцев* (Струве, Поход Дария в Скифию, С. О., 1812, № 4); Являются на авансцену доряне и *ионийцы* (Моск. набл., 1837, апр., кн. 2); взял с собою 300 *спартанцев* (Н. И. Тург., Дневн., 8 апр. 1808); Леонид с своею малою дружиною *спартанцев*-героев (Атеней, 1828, № 21); В самой Лаконике они сохранили общее название *лакедемонцев* (Пютц, Сб. ист. оч., 65); Их топографиче-

[68] См.: А. А. Дементьев. Суффиксы *-ец* и *-анин* (*-янин*).

ское имя *лакедемонцы* стало официально обозначать их (Трачевск., Учебник древн. ист., § 75).

На протяжении XIX в. в связи с ростом активности форманта *-ец* количество дублетных образований возрастает: *ахеяне — ахейцы*, *ассирияне — ассирийцы*, *аркадяне — аркадцы*, *доряне — дорийцы*, *иллирияне — иллирийцы*, *македоняне — македонцы*, *мессеяне — мессенцы*, *сирияне — сирийцы*, *финикияне — финикийцы*, *фригияне — фригийцы*:

Ахеяне, выгнанные из Лакедемонския области (Веллей Патеркул); покорение двух царей Филиппа и Антиоха от *македонян* (Там же); Емилий Сур в своем сочинении о летописи римской так пишет: «*Ассиряне* (sic) были первые изо всех народов, которые главную власть имели; по них мидяне; потом персиане, а после лакедемоняне (Там же); *Сириане*, египтяне — отрасли лакедемонян (Н. И. Тург., Дневн., 26 февр. 1807); Царство *ассириян*, мидян и евреев (Моск. вестн., 1828, № 14); Потомки воинственных *иллириан* (Атеней, 1828, № 16); *финикияне* и карфагеняне (Телеск., 1831, № 19); Языки романские, которыми говорили *фригияне*, греки, этруски и латины (Моск. набл., 1837, май, кн. 1); Являются на авансцену *доряне* и ионийцы (Там же, апр., кн. 2); Вошли в сношения с *аркадянами*, элейцами и аргивянами (Пютц, Сб. ист. оч., 117); *Мессияне* убили царя Телекла (Там же, 72); Главными купцами сначала были *финикиняне* (Трачевск., Учебник древн. ист., Введение, XXV).

Пеласги и *аркадцы* (Карамз., И. Г. Р., I, I); потомки *илирийцев* (Булг., Ив. Выж., XVII); вел войну с ближайшими неприятелями, пэонийцами, *иллирийцами* и фракийцами (Пютц, Сб. ист. оч., 111); *мессенцы* открыли этот замысел (Там же, 72); Локрида, земля *дорийцев* (Там же, 111); *Дорийцы* разрушили ахейские царства (Трачевск., Учебн. древн. ист., § 69); Египтяне и *ассирийцы* оставляли в Вавилоне своими наместниками его национальных царей (Там же, § 24); Из *фракофригийцев* выделились пелазги или греко-италики (Там же, § 42); Эллин, у которого было двое сыновей — Эол и Дор и двое внуков — Ахей и Ион. Отсюда произошло эллинское племя, с его четырьмя народами — эолийцами, дорийцами, *ахейцами* и ионийцами (Там же, § 67); союз Израиля с *сирийцами* (Там же, § 30); мрачный характер *финикийца* (Там же, § 33).

Количество дублетов на протяжении XIX в. все увеличивается, причем ясно обнаруживается тенденция к возобладанию в области исторической лексики образований с суффиксом *-ец*. К концу XIX в., как правило, утверждается форма с *-ец*. Отдельные случаи колебаний, не преодоленные вплоть до современности, единичны [69].

[69] См.: А. А. Дементьев. Суффиксы *-ец* и *-анин* (*-янин*), стр. 16.

За пределами исторической лексики процесс появления дублетов и утверждение образований с суффиксом *-ец* не был так последователен. Фиксируются отдельные дублетные образования:

Но я убийца, о царь *скандинавян* (Веневит., Освобождение скальда); *Венециане*, дабы оправдаться перед турками, делали разные непстовства (Зап. Ю. Долгорук., Отеч. зап., 1840, т. XIII); городок, *венецианам* принадлежащий (Там же); *Венециане* жили в Киеве (Карамз., И. Г. Р., III, VII); заключил Лудовик в Камбрее союз против *венецпян* (С. О., 1812, № 6); Здесь живут потомки европейцев: итальянцев (большею частию *венецпян*) (Булг., Ив. Выж., XVII); многие благородные *венецияне* (Б-ка для чт., 1834, т. VII).

Венецианцы взяли начальство Адриатического моря (Зап. Ю. Долгорук., Отеч. зап., 1840, т. XIII); И злой *скандинавец* свирепой рукою Созвучные струны твои оборвет (Веневит., Освобождение скальда); Бог храбрости и грома у *скандинавцев* (Моск. вестн., 1828, № 15). Арно издал трагедию... «*Венецианцы*» (Пушк., Франц. акад.); торговля *венецианцев* в средние века (Трачевск., Учебник древн. ист., § 33).

Взаимодействие суффиксов *-ец*, *-ин*, *-ак*, *-ич*

§ 26. Взаимодействие суффикса *-ец* с суффиксами *-ич*, *-ин*, *-ак* не было так последовательно и систематично, как с суффиксом *-анин*. Образования с *-ич*, *-ин*, *-ак* единичны, поэтому и взаимодействие их с суффиксом *-ец* проявляется на почве единичных фактов.

Как уже говорилось в § 22, к концу XVIII — нач. XIX в. в языке утверждается ряд имен с *-ец*, заменивших старые однокоренные образования с *-ин*: *литовец* (*литвин*), *немец* (*немчин*).

В единичных случаях отмечаются также колебания, возникшие в результате взаимодействия между суффиксом *-ец* и *-ак* (*-як*), например, имеют место дублетные образования: *хивинец* и *хивяк*:

Хивинцы, боясь сих нападений, откочевали к Аральскому морю (Бибиков, Зап.); прибывших по торговым делам бухарцев и *хивинцев* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3); Одеть в ситцевые рубахи как русских подданных, так и персиян, бухарцев, *хивинцев* индейцев и прочих инверцев (С.-Щ., Совр. идиллия, XXVIII).

Хивяк отмечено в стилизованной речи:

Да слышно раз было, как эти *хивяки* или индийцы куда-то пробегли (Леск., Очар. стр., 9).

Интересны колебания в наименовании жителя Москвы.

В древнерусском языке употреблялись формы *москвитин*, *москвитянин* и *москвич*. Раньше других, к началу XVIII в., выходит из употребления форма *москвитин* (ср. аналогичную судьбу слов *костромитин*, *тверитин*): форма единственного числа выравнивается по множественному (*москвитяне*),

и в языке остается слово *москвитянин* [70]. Параллельное употребление слов *москвитянин* и *москвич* продолжается, по-видимому, до середины XVIII в.; с начала XIX в. преобладание слова *москвич* становится очевидным. Существительное *москвитянин*, употреблявшееся до 50-х годов XIX в., постепенно приобретает окраску книжности и некоторой архаичности (ср. название журнала «Москвитянин»).

Влияние активной модели с суффиксом *-ец* в какой-то мере сказалось и здесь: возникает форма *московец*:

Между тем *московцы*, казанцы, харьковцы преспокойно отпраздновали себе свои дни (Никитенко, Дневн., 27 янв. 1858).

Однако образование *московец* не стало регулярным.

Для обозначения лиц женского пола существовало также три слова: *москвитянка*, *московка* (встречается главным образом в начале века) и *москвичка*:

Как полезны эти воды прекрасным *москвитянкам*! (Моск. вестн., 1828, № 14); И точно: нам, бедным *москвитянкам*, гвардейский мундир истинная диковинка! (Лерм., Кн. Л., IV); дородная *москвитянка* наша, княгиня Z (Марл., Фр. «Н.»); Старуха Симина, *московка* чистой породы (Жих., Зап. совр., II, 9 ноября 1806); Вот тебе моя *московка*; баба добрая, жалеет меня (Леск., Некуда, 2, 1); Веселый женский голос из разряда свойственных молодым *москвичкам*... контральтов (Леск., Некуда, 2, 1).

Если *москвич* с начала века было наиболее распространенной формой обозначения жителя Москвы, то в кругу обозначений лиц женского пола наиболее распространенной была форма *москвитянка*. По-видимому, причины эстетического порядка способствовали преимущественному употреблению этой формы по сравнению с формами *московка* и *москвичка*. Несмотря на то, что существительное *москвичка* в языке XIX в. встречается редко и по времени поздно (во второй половине века), именно оно утверждается в языке — под прямым влиянием слова *москвич*.

История дублетных образований типа *азиат — азиатец*, *башкир — башкирец*

На протяжении всего XIX в. в языке существовали дублетные суффиксальные и бесформантные образования типа *азиат — азиатец*, *башкир — башкирец*, *грузин — грузинец* [71], *киргиз — кир-*

---

[70] См.: М. В. Ломоносов. Росс. грамм., § 232; А.Х. Востоков. Русск. грамм., стр. 51.

[71] Выделение суффикса *-ин* в словах *грузин*, *лезгин* и *осетин* (см.: Грамматика русского языка, т. I, М., Изд-во АН СССР, 1960, § 299; Совр. русск. язык. Морфология., стр. 101; В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 83) едва ли правомерно: 1) в словах *грузин*, *лезгин*, *осетин* формант *-ин* остается во мн. ч. (ср. *болгарин — болгары*, *татарин —татары*; объяснение этого факта непродуктивностью суффикса *-ин* в книге. «Совр. русск. язык. Морфология», стр. 101 — нелогично); 2) для этих слов не существует «чистой» основы — названия этноса (ср. *чудь — чудин*, *русь — русин*, *мордва — мордвин*, где можно было бы представить словообразовательную цепь *чудь — чудин — чудины*, *мордва — мордвин — мордвины*). Поэтому элемент *-ин* в словах *грузин*, *лезгин*, *осетин* и в словах *татарин*, *болгарин*, *мордвин* не может считаться одной и той же морфемой. Принимая во внимание, что элемент *-ин* присутствует и в относительных прилагательных *грузинский*, *осетинский*, *лезгинский*, целесообразно рассматривать его как элемент, преобразующий основу, свободно не выделяемую. Поэтому в словах *грузин*, *осетин*, *лезгин* следует видеть бессуффиксальные образования, т. е. чистую основу, осложненную элементом *-ин*, не обладающим морфологическим значением. Такое по-

гизец, *лезгин — лезгинец*, *нагай — нагаец*, *осетин — осетинец*, *тунгус — тунгусец*, *чечен — чеченец*, *эскимос — эскимосец*:

азиатец (Крылов, Карамзин, Грибоедов, Фонвизин, Назаров, Марлинский, Пушкин, Аксаков, Тургенев, Булгарин, Гоголь и др.); *башкирец* (Рычков, Суворов, Бибиков, Пушкин, Аксаков и др.); *грузинец* (Грибоедов, Вяземский, Пушкин, М. Дмитриев и др.); *киргизец* (Суворов, Бибиков, Пушкин, Булгарин); *лезгинец* (Лермонтов); *ногаец* (Рычков, Полонский, Л. Толстой и др.); *осетинец* (Пушкин, Белинский и др.); *тунгусец* (Б-ка для чт., 1834); *чеченец* (Пушкин, Вяземский, Лермонтов, Марлинский, Баласогло, Л. Толстой, Достоевский и др.); *эскимосец* (Н. И. Тургенев);

азиат (Лермонтов, Тургенев, Н. Успенский, Лесков, Трачевский и др.); *башкир* (Лермонтов, Аксаков, Мамин-Сибиряк и др.); *грузин* (Пушкин, Лермонтов, Тургенев и др.); *киргиз* (Карамзин, Пушкин, Лермонтов, Батеньков, Бутков, Булгарин, Мятлев, Лесков, Баласогло и др.); *лезгин* (Лермонтов, Марлинский, Достоевский); *ногай* (Б-ка для чт., 1834, Покровский); *осетин* (Лермонтов, Белинский, Куприн); *чечен* (Лермонтов); *тунгус* (*тунгуз*) (Радищев, Моск. вестн., 1828; Б-ка для чт., 1834); *эскимос* (только современные материалы).

Аналогичные колебания, вызванные словообразовательной активностью суффикса *-ец*, испытывали существительные *венгр* и *венгерец*, *финн* и *финец*, *швейцар* и *швейцарец*.

К концу века возобладала бессуффиксальная форма [72]; при этих основах суффикс *-ец* был излишним: лексическое и категориальное значение слова ясно выражалось бесформантной основой.

Изменения в системе словообразования имен лиц со значением «происходящий из страны, местности, города, проживающий в стране, местности, городе, принадлежащий к нации, народности, племени» были типичны вообще для изменений в словообразовании тех семантических групп существительных, которые допускали образование посредством синонимических формантов. Эти изменения сводились и к утверждению в языке одного из суффиксов — в данном случае суффикса *-ец* — в качестве основного средства для образования имен названной семантики, отличающегося от других синонимических формантов высокой активностью и продуктивностью. Остальные суффиксы оттеснялись в разряд второстепенных и непродуктивных.

нимание подтверждается еще и тем, что нет ни одного случая присоединения суффикса *-ец* к основе с морфологически значимым *-ин-* (невозможно «болгаринец», «татаринец», «мордвинец»).

[72] Исследователи современного языка отмечают колебания в наименованиях народов Кавказа: *абазин* и *абазинец*, *абхаз* и *абхазец*, *балкар* и *балкарец* и т. д. (см.: В. И. А б а е в. Указ. соч., стр. 88). Рекомендации форм без *-ец* вполне соответствуют традиции построения аналогичных имен в XIX в.

Этот процесс не был новым для языка XIX в. Продуктивность суффикса *-ец* — явление, относящееся и к более ранним эпохам. В XIX в. происходит относительное завершение морфологической унификации имен изучаемой группы, главным образом в области исторической лексики.

Однако морфологическая «пестрота» этой группы слов окончательно не изживается. Этому препятствуют образования с другими формантами, сохранившиеся, во-первых, по традиции (*киевлянин*, ср. др.-русск. *кыевец*, *англичанин*, *парижанин*, *датчанин*, *москвич* и др.), во-вторых, в результате ограничений в сочетаемости суффикса *-ец* с некоторыми основами (*туляк*, *тулянин*, *тверяк*, *костромич*, *курянин*, *шуянин* и др.). Кроме того, там, где существовало бесформантное обозначение лица по перечисленным признакам, оно обычно утверждалось в языке (*грузин*, *башкир*, *осетин* и др.).

Таким образом, разнооформленность имен этой семантической группы сохраняется и в современном языке. Это порождает новые закономерности в правилах их образования. В частности, можно указать на появление нового суффикса *-чанин*, который начинает оказывать давление на суффикс *-ец* (ср. *ростовец* и *ростовчанин*, *серпуховец* и *серпуховчанин*, *горьковец* и *горьковчанин*).

Процесс преодоления морфологической «неустроенности» имен существительных, обозначающих лицо по территориальной или национальной принадлежности, и в современном языке оказывается живым и активным, может быть, даже более активным, чем в языке XIX в.

Имена лиц, образуемые от основ качественных прилагательных

§ 27. Во второй половине XIX в. отчетливо проявилась тенденция к сокращению словопроизводства имен лиц от основ качественных прилагательных. Наиболее явно эта тенденция обнаружилась в области словообразования имен лиц с суффиксом *-ик* от основ прилагательных на *-н-* [73].

Сравнение Словаря 1847 г. и Словаря Ушакова показывает, что в первой половине XIX в. производство таких имен было более продуктивным, чем в первой половине XX в.

Словарь 1847 г. дает образования на *-ик-* соответственно почти каждому качественному прилагательному с *-н-* [74]: *бездушник*, *бес-*

[73] Другие типы образования имен лиц от основ качественных прилагательных непроизводных (*гордец*, *добряк*, *старик*) или на- *ив*, *-лив*, *-ав* (*ленивец*, *счастливец*, *лукавец*) утратили продуктивность в более ранние эпохи.

[74] Как и каждая отыменная модель имен существительных, эта модель не обладала, по-видимому, никогда абсолютной регулярностью. Всегда мог иметь место разрыв между количеством качественных прилагательных, могущих служить производящими, и производных имен лиц. В первой половине XIX в. этот разрыв был меньше, чем во второй его половине и в современном языке.

путник, бесчинник, бесстрашник, бесстыдник, благородник, враждебник, воинственник, восторженник, грамотник, исступленник, каверзник, капризник, коварник, криводушник, любезник, пакостник, похабник, разумник, самовольник, своевольник, свободник, скромник, скрытник, смиренник, степенник, страстник, таинственник, уединенник, упорник.

Таким образом, потенциальные возможности модели в первой половине XIX в., были, по-видимому, почти неограниченными.

Словарь Ушакова отражает иное положение. В нем, по сравнению со Словарем 1847 г., отсутствуют такие слова, как *бездушник, бесстрашник, благородник, воинственник, восторженник, грамотник, коварник, криводушник* и др. (соответствующие прилагательные включены в словарь).

Словарь Ушакова отразил невозможность в современном языке образовать имя лица с суффиксом *-ик* от каждого качественного прилагательного. При наличии множества качественных прилагательных, называющих признаки, которые могут относиться к человеку — *глубокомысленный, серьезный, порядочный, непорядочный, честный, бесчестный, откровенный, солидный, легкомысленный* и др., в языке имеется сравнительно немного производных от таких прилагательных имен лиц: *беспутник, бесстыдник, пакостник, умник, скрытник, скоромник, привередник, похабник* и др. Это говорит о том, что за последнее столетие в языке не возникло новых существительных этого типа; словообразовательная потенция модели снизилась. Из живого употребления выходят такие имена, как *степенник, бездушник, остроумник, бессовестник.* Ср. в XVIII и в первой половине XIX в.:

> Господин Правдолюбов нас называет *криводушниками* (Вс. всячина, 29 мая); *Остроумники* нынешнего века (Крыл., Мысли философа по моде); Долго ли тебе любить Боейкова и почитать Галиани *бездушником* (А. И. Тург., п. Вяземскому, 20 ноября 1818); Ты уморительный *бессовестник* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 1822); Круг молодых повес и полустарых петербургских *степенников* (Марл., Фр. «Н», II); Какой я *бездушник* был, когда сказал, что слог был виной «неуспеха» «Клятвы» (Марл., п. К. А. Полевому, 9 ноября 1833).

Слово *любезник* сохраняется и во второй половине века, по-видимому, под влиянием глагола *любезничать*, благодаря которому в существительном *любезник* значение «тот, кто постоянно любезничает с женщинами» преобладало над значением «человек, отличающийся любезным поведением, любезный человек».

> Прикинувшись французским *любезником* (Б-ка для чт., 1834, т. VII); обязанность слушать веселого старого *любезника* (Совр., 1847, т. V); светские *любезники* (С. Акс., Сем. хроника. Женитьба молодого Багрова); Дядюшка в качестве

любезника старой школы почтительно целовал каждый раз руку Зоси (М.-Сиб., Прив. мил., 2, XVIII); говорит ей нежности, точь в точь как... *любезники* Марлинского (Москвит., 1856, март); *любезники* сороковых годов (С.-Щ., За рубежом, II).

Интересно отметить, что во второй половине века имена с *-ик* от качественных прилагательных (кроме отмеченных выше как вошедших в словарь языка) чаще всего встречаются у Лескова; употребление их придает речи или несколько архаический или простонародный характер:

До отвала наголодавшимся нельзя давать есть: ... эти, как их называют, «*жадники*» объедаются (Леск., Соборяне, 4, 13); Наш новый дьякон Ахилла несколько *малодушник* (Там же, 1, 5); Вы, отец Захария, воля ваша, *легкомысленник* (Там же, 4, 12)...

Ср. единичные случаи окказиональных образований таких слов у других писателей:

Слишком богат для рискованного дела, а затем трус и *мелочник* (М.-Сиб., Прив. мил., 2, VI); вытравив в душе последние проблески нравственного чувства, обращаются в нравственных *безразличников* (Речь присяжн. поверен. Холева, 1891).

Причиной утраты продуктивности словопроизводства имен лиц с суффиксом *-ик* от основ качественных прилагательных было, по-видимому, общее ослабление категории эмоционально-оценочных наименований лица в языке нового времени[75]. Характерно, что в системе языка место, «освободившееся» благодаря снижению продуктивности этой модели, не заполняется. Основным средством обозначения лица как носителя качественного признака остаются качественные прилагательные (он *степенный мужчина*, *благородный человек* и т. д.). В этой связи нельзя не отметить, что, начиная с 60—70-х годов, получает некоторое развитие обозначение лица как носителя свойств и качеств именем существительным с суффиксом *-ость*: *бездарность*, *известность*, *знаменитость*, *невинность*, *посредственность* и др.[76] Однако значение этого явления невелико: оно ограничено единичными фактами. Кроме того, эти слова несут на себе печать книжности, что ограничивает сферу их применения.

---

[75] Это явление, видимо, характерно для ряда славянских языков. Так, отмечается непродуктивность словопроизводства имен лиц с суффиксом *-ик* от основ качественных прилагательных в современном польском языке (см.: В. С. Золотова. Имена существительные с суффиксом *-ик* в совр. польском языке. «Уч. зап. ЛГУ», 1958, № 250, вып. 5, стр. 14).

[76] См.: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 128; Н. М. Шанский. Из истории имен существительных на *-ость* в русск. лит. языке. Канд. дисс. М., 1948, стр. 378 и сл.

ИРЯ
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
www.ruslang.ru

Изменения в словообразовании имен лиц женского пола, соотносительных с именами лиц мужского пола

§ 28. Образование существительных — названий лиц женского пола происходит двояко. 1) Производящими основами служат названия лиц мужского пола — как непроизводные, так и суффиксальные; соответственно названия лиц женского пола относятся к мужским обозначениям как производные к производящим; суффиксы женских обозначений выступают как первичные, без каких-либо наращений: *—(н)иц-а, -к-а, -их-а, -j-а, -ух-а, -ин-я.* Производящие основы — имена лиц мужского пола — при этом или а) полностью сохраняются в составе производного слова как исходная форма (*мечтатель — мечтательница, дворник — дворничиха, доктор — докторша*), или б) сохраняют свой словообразовательный формант частично (*горожанин — горожанка*), или в) утрачивают свой словообразовательный формант: при производстве женских обозначений происходит «мена» суффиксов (*певец — певица*). 2) Имена существительные — названия женского пола образуются от тех же основ, что и мужские обозначения. В этом случае имеет место словообразовательный параллелизм: при образовании имен лиц женского пола, соотносительных с производными именами лиц мужского пола (там, где не предполагается мена суффиксов), используются сложные, вторичные суффиксы *-тельница, -истка, -щица, -ница, -унья* [77]: *учить — учитель* и *учительница, журнал — журналист* и *журналистка, контора — конторщик* и *конторщица, ветрен(ый) — ветреник* и *ветреница, шалить — шалун* и *шалунья.*

Но словообразовательный параллелизм не может быть усмотрен при производстве имен двух категорий. Во-первых, при образовании женских обозначений, соотносительных с мужскими, не выделяющими, по отсечению потенциальных суффиксов, свободной основы и являющихся заимствованием, ср.: *студент — студентка, пессимист — пессимистка* и т. д.; в то же время при выделении свободной основы в иноязычных по происхождению именах лиц мужского пола вполне возможен словообразовательный параллелизм при образовании соотносительных имен — женских обозначений, ср.: *гитара — гитарист* и *гитаристка*, тем более при русской основе: *связь — связист* и *связистка.* Во-вторых, при образовании названий женщин по должности или чину мужа:

[77] См.: М. В. Ломоносов. Росс. грамм., § 239—243; Н. И. Греч. Практическая русская грамматика. СПб., 1827, § 73, прим. 8; Г. П. Павский. Филологические наблюдения. Рассужд. II, стр. 251—252; В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 132 и сл.; А. И. Моисеев. Соотносительность личных существительных мужского и женского рода и способы ее выражения. «Уч. зап. ЛГУ», 1959, № 277, Серия филол. наук, вып. 55, стр. 177 и сл.; А. А. Дементьев. О женских соответствиях к мужским в наименованиях действующих лиц. «Русск. яз. в шк.», 1954, № 6; Грамматика АН СССР, т. I, стр. 230—234 и др.

между соотносительными существительными в этом случае существует только один тип зависимости — зависимость между производным (женским обозначением) и производящим (мужским обозначением).

Таким образом, механизм словопроизводства женских обозначений не имеет единства. В то же время формальная соотносительность между мужскими и женскими обозначениями осуществляется (за небольшими и ничего не решающими исключениями) с высокой степенью регулярности [78]. Благодаря формальным соответствиям, которые носят систематический характер, форманты личных существительных женского рода, с одной стороны, выполняют функцию обозначения пола, с другой — служат показателем, с каким образованием мужского рода соотносится данное производное. Сами форманты женских обозначений не выполняют тех функций обозначения лица по категориальным признакам (деятеля, носителя признака и т. д.), которые выполняют форманты мужских обозначений. Лексические значения женских названий выявляются в результате их формальной соотнесенности с мужскими названиями. Этим объясняется малая специализация формантов женского рода, их слабая дифференцированность по значениям или функциям: форманты в составе производных женских обозначений образуют слово женского рода, обладающее собственным значением половой принадлежности и общим лексическим значением, обусловленным соотнесенностью с соответствующим словом мужского рода; исключение составляет группа имен, обозначающих женщину по чину или должности мужа и имеющих собственное категориальное значение: «жена названного основой лица».

В то же время важно отметить, что семантическое соответствие между мужскими и женскими обозначениями неоднородно для слов разных семантических категорий. Для некоторых разрядов слов характерна такая семантическая близость мужских и женских обозначений, которая выливается в семантическую тождественность; такие соотносительные пары, как *шалун — шалунья*, *озорник — озорница*, *щеголь — щеголиха* и т. д. иногда рассматриваются как формы слова [79]. Для других лексических разрядов семантическая соотносительность мужских и женских обозначений проявляется как неполная, частичная: обозначения лиц женского пола соответствуют лишь части значений имен лиц мужского пола, ср. *учитель* и *учительница*, *мастер* и *мастерица*, *ученик* и *ученица* и т. д. [80].

[78] См. указанные работы В. В. Виноградова, А. И. Моисеева, А. А. Дементьева и др.

[79] См.: А. В. Миртов. Родоизменяемые существительные. Substantiva adjektiva. «Русск. яз. в шк.», 1946, № 1, стр. 16 и сл.

[80] См.: И. Ф. Протченко. О родовой несоотносительности некоторых типов имен существительных в русск. языке. «Русск. яз. в нац. шк.», 1959, № 3.

По условиям формальным (разнообразие суффиксов женских названий и их слабая специализация облегчают возможность сочетаемости формантов с основами различного строения) и семантическим (каждое лицо может быть обозначено по половой принадлежности) названия лиц женского пола обладают очень большой словообразовательной потенцией; но практически эта потенция реализуется ограниченно. Это определяется в первую очередь тем, что личные существительные мужского рода в большинстве случаев имеют значение лица вообще, значение же половой принадлежности этого лица носит характер второстепенный и не всегда бывает выражено. Поэтому имена лиц мужского рода даже в тех случаях, когда им в принципе могут соответствовать женские обозначения, легко используются для называния лиц женского пола[81]. В русском языке эта возможность используется в общем очень широко; поэтому появление обозначений лиц женского пола часто бывает обусловлено не языковой возможностью или невозможностью их производства, а необходимостью определенного обозначения пола называемого лица. Причины появления таких обозначений могут быть самого разнообразного характера; не только трудно перечислить, но и не всегда можно объяснить реальные условия, вызвавшие к жизни личное существительное женского рода при наличии соответствующего слова мужского рода; для некоторых семантических разрядов личных имен вполне закономерны трудно объяснимые в каждом конкретном случае колебания в употреблении мужских и женских обозначений при назывании лица женского пола [82].

Можно сказать, что есть система в образовании названий лиц женского пола, но нет системы в их употреблении, в их практическом, реальном использовании. Употребительность их обусловлена различными причинами, действующими как бы в разных плоскостях; это причины и социальные и собственно языковые: языковые традиции и требования контекста, исторически изменчивая категория лексической актуальности и др. Поэтому в плане исторического изучения словообразования основным оказывается вопрос об активизации или, напротив, затухании употребительности некоторых разрядов женских обозначений.

---

[81] См.: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 61 и сл.; А. И. Моисеев считает, что у большинства личных существительных в форме мужск. р. есть два общих значения: 1) название лица мужского пола и 2) название лица вообще, вне зависимости от пола; названия лиц женского пола сопоставимы с мужскими названиями только в плане первого значения (см.: А. И. Моисеев. Указ. соч., стр. 185).

[82] Ср., например, колебания в использовании форм *депутат — депутатка*, *чемпион — чемпионка* и других в применении к женщине, отмечаемые И. Ф. Протченко («Образование и употребление имен существительных женского рода — названий лиц в совр. русск. языке».— «Уч. зап. МГПИ», т. 158, 1960, стр. 96 и сл.; «Названия лиц женского пола в спортивной терминологии».— «Научные докл. высшей шк.», Филол. науки, 1961, вып. 2, стр. 140 и сл.); закономерность колебаний исследователю определить не удалось.

§ 29. Для XIX в. характерна активизация образования и употребления названий лиц женского пола по профессии и роду занятий — по производимому действию или по отношению к предмету как объекту воздействия. Наибольшую активность проявляли словообразовательные модели, соотносительные с моделями мужских обозначений на *-щик*, *-ник*, *-тель*: образования на *-щица*, *-ница*, *-тельница*; значительно ограниченнее использовались форманты *-уха* (*стряпуха*), *-иха* (*повариха*) и др.

Эти словообразовательные модели не были новыми. Образования типа *красильщица*, *кружевница*, *молотильщица*, *молочница* отмечаются словарями XVIII в., в частности Словарем Нордстета 1771 г. [83] Но характерно, что в XVIII—нач. XIX в. чаще встречаются женские названия, не имеющие мужских соответствий; «мужские» и «женские» профессии были более четко разграничены. Позднее, по мере распространения «мужских» профессий среди женщин, возрастает употребление женских обозначений, соотносительных с мужскими.

Вот некоторые примеры употребления женских обозначений по профессии или роду занятий в конце XVIII и в XIX вв.:

Молочница с своим кувшином (Страхов, Сатирич. вестн.); определяют дочерям своим по нескольку таковых девок *филейниц* (Там же); вымещали свою скуку над *прядильницами* (Радищ., Путеш., Зайцово); Парижские *цветочницы* одного разбора с рыбными торговками (Карамз., П. р. п., мая...1790); ее разлучают с магазинами и *магазинщицами* (Жих., Зап. совр., I, 23 февр. 1806); приглашали каждый к своему двору славную голландскую *портретщицу* (Б-ка для чт., 1834, т. V, кн. 9); у ее маменьки, бывшей *отворяльщицы* лож (Москвит., 1856, т. I, июнь, кн. 2); решается принанять и косцов и *серебальщиц* (Там же, т. III, кн. 11); задает урок *пяличницам* (Там же); Маланья, что-то вроде *ключницы* и *ларечницы* в доме (Вельтм., Саломея, 6, I); *кружевница* Домна Платоновна (Леск., Воительница, 1); комнаты, занимаемые постоянно швеями, *кружевницами и коверщицами* (Леск., Некуда, 1, 9); у Ахматовой... *переводчиц* гибель (Леск., п. И. С. Аксакову, 23 апр. 1875); приобрел четыре типографских реала и поставил за них четырех *наборщиц* (Леск., Загадочн. чел., 34);

[83] Отражение в словарях XVIII—XIX вв. женских профессиональных обозначений нарастает к середине XIX в. Так, Словарь АР 1789—1794 гг. последовательно не отмечает женских соответствий мужским обозначениям; исключение составляют названия женщин по профессии, которым нет мужских соответствий, типа *блондочница* («женщина, плетущая блонды»). Тот же Словарь АР 1806—1822 гг. уже свободнее помещает профессиональные женские обозначения, соответствующие мужским, ср.: *башмачник*, *башмачница* — «ремесленник, который шьет башмаки, наипаче женские»; *гладильщик*, *гладильщица* — «кто гладит что-нибудь или лоск на что наводит»; *белильщик*. *белильщица* — «тот, кто белит» и т. д. Словарь 1847 г. проявляет здесь еще большую последовательность.

—Зачем шлюпка?— сказал я,— вот *перевозчицы*: сядем (Гонч., Фр. «Пал.», I, VII); толпа *сигарочниц* и Кармен в платке (Боборык., На ущербе, 1, XIV); Собираясь в «отъезд», не желала быть *воспитательницей* (Боборык., В отъезд, XIII); Если *издательница* спросит о цифре гонорара, то скажите ей, что я полагаюсь на ее волю (Чех., п. А. Н. Плещееву, 3 февр. 1888); проходя мимо *конторщицы*, напомните ей о моем существовании (Чех., п. А. Н. Плещееву, 6 марта 1888) и др.

Естественно, что такие образования наиболее активно возникают и широко употребляются в профессиональной речи. Ср., например, наличие их в некоторых специальных словарях и сочинениях:

Правильщик, *правильщица*: 1) кто в упряжке лошадьми управляет; 2) тот, кто вывихнутые суставы вправляет (Бурнашев, Опыт терм. сл., II). Перебойщик, *перебойщица*. Кто на рынке и на торгах цену перебивает и у других торгующих перекупает (Там же); *Размотчицы* получают по 4 коп. за 10 талек (Куст. пром. России, 1); редкая *белильщица* сможет выбелить в месяц до 500 аршин холста (Там же); работают 16 *мотальщиц* (Там же); кустарих, делающих одежды на кукол, называют *одевальщицами* (Там же).

Активизация образования и употребления названий женщин по профессии и роду занятий выразилась и в вовлечении в эту категорию таких суффиксальных образований, которым ранее не было свойственно обозначение лица по роду занятий; это в первую очередь относится к именам на *-ш-а* (см. § 31).

§ 30. Значительное влияние на антивизацию названий лиц женского пола оказали иноязычные заимствования. Иноязычные слова, называющие лиц по профессии и роду занятий, по взглядам, мировоззрению, принадлежности к учениям и политическим партиям и т. д., активно входили в русский язык в XVIII—XIX вв. (см. § 57); они составляли базу для производства соотносительных женских обозначений. В XIX в. русский язык обогащается разнообразными по семантике названиями лиц женского пола, соотносительными с соответствующими словами мужского рода. Основным формантом, посредством которого образуются такие имена, является суффикс *-к-а* [84]: *авантюристка*, *артистка*, *арфистка*, *ассистентка*, *атеистка*, *бенефициантка*, *виртуозка*, *гигантка*, *гитаристка*, *дарвинистка*, *деистка*, *демократка*, *иезуитка*, *интриганка*, *канканерка*, *комедиантка*, *консерваторка*, *космополитка*, *либералка*, *миллионерка*, *монархистка*, *нигилистка*, *оригиналка*, *пансионерка*, *пессимистка*, *пианистка*, *пиэ-*

[84] По-видимому, именно иноязычные основы, очень широко и активно сочетающиеся с суффиксом *-к-а*, определили продуктивность этого форманта в современном языке (см.: И. Ф. Протченко. Образование и употребление имен существительных женского рода — названий лиц в совр. русск. языке, стр. 87 и сл.).

ристка, *позерка*, *реалистка*, *резидентка*, *резонерка*, *романистка*, *романтичка*, *силуэтистка*, *солистка*, *спекулянтка*, *стенографистка*, *студентка*, *танцорка*, *телеграфистка*, *тиранка*, *фантазерка*, *фигурантка*, *философка*, *фортепьянистка*, *эгоистка*, *экономка*, *эксцентричка*, *энтузиастка*, *эфироманка* и т. д.

Активизации этих образований, кроме чисто формальных причин — расширения производящей базы, способствовали условия социального характера: обозначения лиц по социальным признакам, по отношению к общественным явлениям, научным и политическим течениям, по мировоззрению и партийной принадлежности составляли в XIX в. актуальную, активно пополняющуюся лексическую категорию; включение женщин в общественную деятельность потребовало соответствующих названий.

Образования от иноязычных основ с другими формантами (за исключением суффикса *-ша*, см. § 31) возникали гораздо реже, ср.: *фельдшерица*, *миллионщица*, *натурщица*, *акушерница* (Лесков), *корреспондентщица* (Рылеев), *протопопица*. Отмечается употребление женских обозначений на *-исс(а)*, *-есс(а)*:

Директрисса пансиона (Фет, Мои воспом., II, III); хотят непременно попасть в *поэтессы* или *поэтиссы* (Жих.. Зап. совр., I, 18 янв. 1806); до самых неприступных Диан и *грандесс* (Леск., Островитяне, 4); тут и англичанка — *пэресса* (С.-Щ., За рубежом, II). Ср. шутливое использование имен на *-есс(а)*: Эта ария так похожа на романс Бородулина: Все женщины — *метресы*, Престрашные *тигрессы*, На них мы тигры сами С предлинными усами (Жих., Зап. совр., I, 23 июля 1805).

§ 31. В XIX в. значительно продуктивнее, чем в современном языке, было обозначение женщин по чину, должности, званию или роду занятий мужа. Существительные этой семантики производились от названий мужчин посредством суффиксов *-ш-а*, *-их-а*, *-иц-а*, *-щиц-а*. Наибольшей активностью обладал здесь суффикс *-ш-а*, появившийся в русском языке в составе имен этой семантики не ранее первой трети XVIII в. [85]

Суффикс *-ш-а* присоединяется к именам лиц мужского пола, оканчивающимся на согласный *р*, *н*, *(н)т*, *л*, *м*, а также *в* (*приставша*) и *j* (*казначейша*, *судейша*); производящая основа не претерпевает

---

[85] О происхождении и функционировании суффикса *-ш-а* в русском языке см.: А. И. Соболевский. Из области словообразования. РФВ, 1911, т. 66, стр. 336—337; Г. П. Павский. Указ. соч.,II; стр. 125; Н. М. Шанский. Из русского словообразования. «Русск. яз. в нац. шк.», 1959, № 4, стр. 65—67; А. П. Аверьянова. Личные существительные женского рода с аффиксом *-ш-а*. «Научные докл. высшей шк.», Филол. науки, 1960, № 1, стр. 129—137; И. Ф. Протченко. Наименование лиц с суффиксом *-ш(а)* и особенности их употребления в совр. русск. языке. «Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та», т. LXXIII, 1959, стр. 87—111; F. Miklosich. Vergleichede Grammatik der slavischen Sprachen, Bd II. Wien, 1875, стр. 341; W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, I, Göttingen, 1924, стр. 474 и др.

при этом каких-либо преобразований. Первоначально формант *-ш-а* встречался преимущественно в сочетании с иноязычными основами; сочетаемость его с русскими основами вообще очень незначительна. В «Российской грамматике» и материалах к ней Ломоносов отмечает ряд образований с этим суффиксом: *фельдмаршальша, генеральша, гофмейстерша, бригадирша, капитанша, капральша, гетманьша, секретарша, воеводша, управительша* [86].

На протяжении XIX в. количество имен на *-ш-а* возрастает. В этот период отмечается употребление слов: *адмиральша, аптекарша, архитекторша, ассесорша, аудиторша, баронша, вахмистерша, гетманша, директорша, докторша, инспекторша, казначейша, канцлерша, капральша, комендантша, консульша, контролерша, кухмистерша, майорша, мичманша, надзирательша, пасторша, писарша, подлекарша, полицмейстерша, приставша, прокурорша, протопопша, профессорша, регистраторша, ректорша, ротмистерша, сенаторша, слесарша, следовательша, судейша, султанша, управительша, ханша, швейцарша* (Он рядил ее как куколку, рядил так, чтобы она походила не на *швейцаршу*, а на настоящую швейцарку. Леск., Павлин), *фельдъегерша, экзекуторша.*

Образования с суффиксом *-ш-а* составляли основную массу обозначений женщин «по мужу». Активность этого суффикса, его специализация в образовании слов этой семантики подчеркивались всеми грамматистами XIX в. Отмечалось, что наименования с формантом *-ш-а* оказывались по значению противопоставленными однокоренным образованиям с другими формантами; ср.: *директорша* — «жена директора» и *директрисса* — «начальница какого-либо учреждения»; ср. также: *управительша* и *управительница, учительша* и *учительница, инспекторша* и *инспектриса, лекарша* и *лекарка* и др [87].

С меньшей активностью использовались в этом значении суффиксы *-(н)иц-а, -их-а, -щиц-а*: *советница* (в сочетании с прилагательным *титулярная, статская* и т. д.), *поручица, дьяконица, полковница, акцизница, градоначальница, пономарица, бронзовщица* («жена бронзовщика». Сл. 1847 г.); *дворничиха, стряпчиха* (судья повел исправницу; исправник — *стряпчиху*. Писемск., Тыс. душ., 2, V); *стрельчиха, старостиха, бобылиха* («жена бобыля». Сл. 1847 г.); *гайдучиха* («жена гайдука». Сл. 1847 г.); *воеводиха, наместничиха, городничиха, квартальничиха, ямщичиха. дьячиха, пономариха.*

---

[86] См.: М. В. Ломоносов. Труды по филологии.— Собр. соч., т. VII, стр. 472, 650—651.

[87] См.: М. В. Ломоносов. Росс. грамм., § 242; Г. П. Павский. Указ. соч., стр. 266; Н. И. Греч. Практическая русская грамматика, § 73; И. И. Давыдов. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1852, § 178; И. Ф. Калайдович. Грамматика русского языка, ч. I. М., 1834. стр. 91 и др.

Ты могла и должна была сделать ей визит, потому что она штатс-дама, а ты *камер-пажиха*; это дело службы (Пушк., п. Н. Н. Пушкиной, 30 апр. 1834); *Благочинниха* подобострастно слушала (Леск., Карикатурный идеал);— Ты сидел в остроге?... — Сидел, барин, неча греха таить, безвинно сидел.— А за что?...— За *частиху*... — Как за *частиху*?... — За жену частного пристава (В. Соллог., Тарантас, IX);—Кто ж такая *мировиха*? — Да нашего мирового жена (Н. Усп., Егорка-пастух, VI); Ночь Федор провел у Таньки — *головихи* (В. Шилов, Лобановщина, XII, В. Е., 1890, т. VI, ноябрь).

С середины XIX в. среди слов, имевших значение «жена по чину, должности и т. п. мужа», начинают появляться и укрепляться новые значения: «лицо женского пола, обозначенное по соотношению с соответствующим существительным мужского рода». Процессу разрушения семантического единства этой группы имен способствовали те преобразования, которые происходили в группе существительных на *-ш-а*, составляющих ядро обозначений жены по чину, должности и т. п. мужа.

Уже с XVIII — начала XIX в. известны отдельные имена на *-ш-а*, обозначающие женщин по соотношению с «мужскими» названиями: государыня как *опекунша*[88] великого князя (Болот., 2, 99); она великая *музыканша* [89] (Жих., Зап. совр., I, 10 марта 1805); я ее видела один только раз; самая романтическая *геройша* (М. А. Мойер, п. А. П. Юшковой, 2—12 авг. 1815); *кастелянша*... «смотрительница за бельем, шитьем и мытьем оного» (Яновск., Нов. словотолк., II).

Зачастую такое значение оказывается совмещенным с первоначальным и проявляется контекстуально, ср.:

Она, может быть, также училась у какой-нибудь *профессорши*, как я у Бибариуса (Нарежн., Росс. Жилбл., 3, VIII); памятник Клотильде Tambroniae, *профессорше* греческого языка в Болонском университете (А. И. Тург., п. Вяземскому, и Аржевитинову, н.— дек. 1833) и: Нас звали сегодня на вечер к *ректорше*, где будут все *профессорши* (М. А. Мойер, п. А. П. Киреевской, 14 февр. 1815).

Новое качество слов на *-ш-а* отразилось в словарях XIX в., которые отмечают у этих образований совмещенное двойное значение, например: *маркитантша* — «жена маркитанта или торговка съестными припасами при войске» (Сл. 1847 г.); *архитекторша* — «жена зодчего или строительница» (Сл. Даля); *управительша* — «жена управляющего или управляющая чем-либо» (Сл. 1847 г.) и т. д.

В то же время начинают широко распространяться существительные на *-ш-а* только с новым значением:

---

[88] Лексикографически впервые отмечено в Словаре 1847 г.

[89] Лексикографически впервые отмечено в Словаре Нордстета

Авторша будет со мною любезничать (Б-ка для чт., 1834, т. VII); С ней рядом, как мертвец бледна, Тильмутского монастыря *Приорша* гордая была (Жуковск., Суд в подземелье); Новая *претендентша* имела высокий рост, любила пить водку и ездила верхом по-мужски (С.-Щ., Ист. одн. города, Сказание о шести градоначальницах); страх встречи со своей *кредиторшей* (Дост., Прест. и наказ., 1, I); обедал у *редакторши* «Северного вестника» (Чех., п. М. В. Киселевой, 25 марта 1888); *Ораторша*... не обращает внимания (Суворин, Дневн., 17 мая 1893); ошибка, которую едва ли *корректорша* исправит без моей помощи (Чех., п. Н. А. Лейкину, 16 февр. 1886); На панихиде по Пушкину у нас в Москве присутствовали *литераторши* (Чех., п. Н. А. Лейкину, 8 февр. 1887); Стала теперь *репетиторшей* пасынка (Боборык., Вторая от воды, V); подражая полной *импровизаторше* Деотыме, написала много маленьких и очень плохих стихотворений (Леск., Печерск. антики, 25); Она прислала к бабушке одну из своих *адъютантш* в карете (Леск., Захуд. род, 2, 2); красильные мастерские играют роль учебно-показательных мастерских для подготовки инструкторов и *инструкторш* по красильному делу (Куст. пром. России, I) и др.

Таким образом, существительные с суффиксом *-ш-а* во второй половине XIX в. утрачивают семантическое единство и распадаются на несколько групп: 1) они обозначают жену по должности, чину мужа; 2) нередко с этим значением совмещается значение «лицо женского пола, обозначенное по соотношению с мужским обозначением» [90]; 3) имеют только второе значение [91]; 4) в отдельных случаях обозначают лицо женского пола вне соотношения с «мужским» названием: Не то, чтобы, знаешь, простые или среднего рода, а аристократки, эти надутые *бонтонши*! (Чех., Длинный язык). Чаще всего имена на *-ш-а* используются для обозначения женщины по профессии, роду занятий (*литераторши*, *редакторша*, *корректорша*, *докторша*, *архитекторша*, *инструкторша* и т. д.).

Аналогичный, но менее яркий процесс проходил в группе слов с суффиксами *-их-а*, *-ниц-а*. Немногочисленные имена типа *дворничиха*, *мельничиха*, *кузнечиха*, *булочница*, имеющие значение «жена названного основой лица», приобретают значения, соотносительные с мужскими названиями. Почти всем именам такого рода свойственны совмещения двух значений: *булочница*: 1) жена булочника; 2) торгующая булками (Сл. 1847 г.); *мельничиха*:

---

[90] Ср. отмечаемое в Словаре Ушакова двойное значение у таких слов, как *профессорша*, *инспекторша*, *инженерша*, *фермерша*, *кухмистерша*, *регентша*, *секретарша*, *фабрикантша*.

[91] Ср. в Словаре Ушакова: *агентша*, *инструкторша*, *кондукторша*, *корректорша*, *композиторша*, *ораторша*, *лекторша*, *организаторша*, *кредиторша*, *декламаторша*, *провокаторша*, *литераторша*, *билетерша*, *кассирша* и др.

1) женск. к мельник; 2) жена мельника (Сл. Ушакова). С ослаблением категории слов, обозначающих жену по роду занятий или чину мужа, в именах на *-их-а* и *-ниц-а* основным становится значение, соотносительное с мужскими названиями.

В современном языке описываемая категория женских обозначений претерпевает новые изменения. Обозначение женщины по должности или роду занятий мужа стало неактуально; эти образования сохраняются в непринужденной речи и отсутствуют в речи официальной. Но и обозначения женщины соотносительно с мужскими названиями не остаются без изменения. На их функционирование влияет употребление существительных типа *бухгалтер*, *доктор*, *кондуктор*, *проводник*, *водитель*, *шофер*, *инженер*, *профессор*, *лектор* и других для обозначения и мужчины и женщины [92]. Эти имена употребляются без какой-либо формальной дифференциации по признаку пола обозначаемых лиц. Возможные и практически существующие образования женского рода используются в особых и разнообразных по характеру условиях [93]. По-видимому, при современной равноправной общественной и производственной деятельности мужчин и женщин в ряде случаев отпадает необходимость в обозначении половой принадлежности лица. Напротив, при условиях неравного участия в какой-либо деятельности возникает необходимость обозначить пол. Ср. в этом плане активизацию спортивных обозначений женщин, вызванную резкой специализацией условий спортивной деятельности для мужчин и женщин [94].

§ 32. В конце XVIII — первой половине XIX в. широко употреблялись суффиксальные обозначения женщин, образованные от фамильных имен, например:

...Переписку, производимую через нашего генерала Корфа и любовницу его графиню *Кейзерлингшу* (Болот., 2, 92); *Меркурша*, старая моя знакомая, пришла к нам с мужем (Фонв., п. сестре, 10/21 мая 1785); купленную нами рыбу хозяйка *Миллерша* (так зовет ее муж) сварила (Н. И. Тург., Дневн., 19 июля 1808).

Этим образованиям, видимо, всегда был свойственен оттенок разговорности, ср.:

Выйдет ли на сцену Сандунова — вопрос: «Ведь, это, батюшка, *Сандуниха*?» (Жих., Зап. совр. I, 22 апр. 1806); Вся дворня называла эту фигуру старой каргой *Солончихой* (по фамильн. имени *Солонкин*) (Моск. набл., 1837, май, кн. 2); *Зубиха* (так называли ее сестры и мать...) была низкого рода (Акс., Сем. хроника, Женитьба молодого Багрова).

Во второй половине XIX в. такие образования в художественной литературе используются исключительно в целях стилизации под народно-разговорную речь или с оттенком шутливости (в письмах):

---

[92] См. об этом: Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962, стр. 61.

[93] Ср.: А. А. Дементьев. О женских соответствиях к мужским в наименованиях действующих лиц; А. В. Миртов. Указ. соч.

[94] См.: И. Ф. Протченко. Название лиц женского пола в спортивной терминологии.

Особенно выдавалась фамилия Ведерниковых, особенно старуха «*Ведерничиха*» (М.-Сиб., Гроза, II); А вот, как я жил еще у *Пузанихи*... (Леск., Овцебык, 4); Я эту *Дисленьшу*, мой друг, очень знаю — это первая мошенница (Леск., Воительница, 3); Ждал неприятностей от *Бизюкинши* (Леск., Соборяне, 1, 5); Когда мы с тобой процветали у *Гофманши* в нумерах... (Боборык., На ущербе, 1, XI); У нас с Суворины разговоры бесконечные. *Суворихa* ежечасно одевается в новые платья (Чех., п. М. П. Чеховой, 14 июля 1888); у *Сысоихи* я не был (Чех., п. М. В. Киселевой, 25 марта 1888).

В современном языке эти образования перешли в область просторечья.

§ 33. Для некоторых разрядов женских обозначений в XIX в. сохраняются равные по сравнению с более ранней эпохой возможности образования и употребления. Это наблюдается в образовании и употреблении слов, соотносительных с существительными на *-тель*, *-(н)ик*, образованными от основ качественных прилагательных и обозначающими лицо — носителя признака, качества; на *-ун*, обозначающих лицо по действию; в обозначениях лиц по местности или национальной принадлежности и др. Происходящие в XIX в. изменения продуктивности в образовании имен лиц различной семантики и разного строения соответственно отражаются на активности образования соотносительных женских обозначений. Так, снижение активности в образовании имен лиц на *-тель*, *-(н)ик* (от основ качественных прилагательных) (см. § 5, 27) ограничивает и образование женских обозначений на *-тельница*, *-ница*. С другой стороны, активизация словопроизводства некоторых категорий существительных, обозначающих лиц по различным общественным признакам (см. § 17, 18), вызывает словообразовательную активность соответствующих женских обозначений; ср. ставшие возможными в XIX в. образования типа *педагогичка*, *бестужевка*, *смолянка* и др.:

Моя дама, недавно выпущенная *смолянка*, горела в восторгах (Никитенко, Дневн., 2 июля 1830); Все это учащийся народ: *бестужевки*, курсистки, слушательницы, студентки (М.-Сиб., Первые студенты, VIII); Высшие курсы никаких положительных прав не дают. Она — не «*педагогичка*» (Боборык., В отъезд., III) [95].

Итак, для XIX в. характерна активизация в образовании ряда категорий женских обозначений, обусловленная определенными социальными факторами.

В XIX в. по сравнению с современным языком употребительность женских обозначений была более широкой; напротив, категория «общих», не дифференцированных по признаку пола

[95] И. Желтов в рецензии на «Русско-немецкий словарь» И. Я. Павловского («Филол. зап», 1880, № 1, стр. 121—126) пишет, что слова *курсистка*, *педагогичка*, *фельдшерица* образованы «в противность законам языка».

названий лица была более узкой. В это время почти не наблюдается применение имен мужского рода для обозначения женщин; случаи вроде: «в Париже каждая женщина — *завоеватель* в области моды» (А. Д. Улыбышев, Письмо к другу в Германию) — единичны. Стремление дифференцированно обозначить лицо вызывало к жизни образования (в основном от иноязычных основ), которые не закреплялись в языке, ср. такие слова, как *корреспондентщица* (Рылеев), *филологша* (Нарежный).

ИЗМЕНЕНИЯ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ ОТВЛЕЧЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Изменения в словообразовании существительных с суффиксами *-ние-, -ение, -тие*

§ 34. Словообразовательная модель имен со значением отвлеченного действия, производимых посредством суффиксов *-ние, -ение, -тие*, относится к числу древнейших и известна общеславянскому языку.

Суффиксы *-ние, -ение, -тие* по своему происхождению связаны с переразложением основ страдательных причастий на *-н-* и *-т-*, к которым присоединялся формант отвлеченного существительного *-ьjь*, обладавший в древнейшую эпоху неограниченной продуктивностью [96].

Механизм и причины переразложения основ объясняются тем, что уже в древнейшую эпоху имена отвлеченного действия возникали как от глаголов переходных, т. е. имеющих формы страдательных причастий, так и непереходных, не имеющих таких форм [97]. В языке возникла необходимость в «выравнивании» производящих основ и словообразующих формантов. Так появились производные суффиксы *-ньjь* (*-ние*, а после согласного корня-основы *-ение*) и *-тьjь* (*-тие*); последовательно стала выделяться производящая основа инфинитива любого глагола.

Модель словообразования имен действия на *-ние, -ение, -тие* характеризуется двумя особенностями. Во-первых, тем, что со стороны глагольных основ здесь нет никаких ограничений структурного характера: такие имена действия образуются от основ глаголов любого класса — приставочных и бесприставочных — независимо ни от залоговых, ни от видовых различий производящей основы [98]. Во-вторых, поскольку суффиксы *-ние, -ение,*

[96] См.: А. Мейе. Указ. соч., стр. 217, 288; А. Вайан. Указ. соч., стр. 277; А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. 2, М., 1952, стр. 59.

[97] См.: А. Вайан. Указ. соч., стр. 277; Г. П. Павский. Указ. соч., II, стр. 238—239.

[98] Проблеме членения имен действия с суффиксами *-ние, -ение, -тие* и вопросам происхождения этих формантов посвящен ряд специальных исследований: В. Д. Левин. Имена действия в русск. языке. «Уч. зап. Иванов-

-тие присоединяются к основе инфинитива, в производных именах сохраняется видоразличительный суффикс глагола (*получение — получание, оказание — оказывание*).

При этих условиях становится возможным, во-первых, такое регулярное словопроизводство отглагольных имен, при котором они могут быть квалифицированы как формы глагола [99]; во-вторых, в производных именах сохраняются семантические различия, связанные с видовыми различиями производящей основы [100].

Все это вместе взятое характеризует имена действия на *-ние, -ение, -тие* как наиболее глагольную категорию среди всех других категорий отглагольных имен [101].

Структура имен на *-ние, -ение, -тие* остается неизменной на всем протяжении функционирования модели в языке. Единственной «проницаемой» для исторических изменений областью является продуктивность отдельных словообразовательных подтипов модели, различающихся характером производящей основы (классом, залогом, видом и т. д.). Именно различие в продуктивности отдельных звеньев модели означает различие в степени глагольности имен действия на *-ние, -ение, -тие* в целом. Равная возможность образовать имя действия от любого глагола означает не только то, что производные имена в своей семантике будут целиком опираться на семантику глагола, но еще и то (и это важнее), что эти имена оказываются внутренне противопоставленными друг другу по виду [102].

ского гос. пед. ин-та», т. 1, вып. 2, 1941; Л. Н. Булатова. Отглагольные существительные на *-нье, -тье* в русских говорах. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. VII, 1957; А. И. Васильев. Образование существительных на *-ние* от продуктивных глагольных классов в совр. русск. лит. языке. «Уч. зап. филол. фак-та Киргизского гос. ун-та», вып. 4, 1957; Н. П. Романова. Из истории отглагольных существительных на *-ние, -ение, -тие* в русском языке XVI в. «Слов'янське мовознавство», II, Київ, 1958; Е. Ф. Ковалева. К вопросу об образовании отглагольных абстрактных существительных с суффиксом *-ние* в русск. лит. языке XVII в. «Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та», т. XXXVII, 1959; Л. Г. Свердлов. Проблема вида в отглагольных именах существительных (На материале русск. лит. языка XVIII в.). «Научн. докл. высш.шк.» Филол. науки. М., 1959, № 4 и др.

[99] А. Вайан считает, что в старославянском языке отглагольные имена на *-ние, -ение, -тие* «входят в глагольное спряжение» (указ. соч., стр. 277).

[100] В XVIII в., по мнению исследователей, имена действия на *-ние, -ение, -тие* способны были отразить все многообразие видоразличительных способов, известных глаголу: суффиксацию (*взыскание — взыскивание, получение — получание*), префигирование (*делание — сделание*), внутреннюю флексию (*избрание — избирание*), супплетивизм (*взятие — братие, ловление — поймание*) и др.; они могли выражать и некоторые значения подвидов (см. указанную выше работу Л. Г. Свердлова).

[101] «Здесь глагольность выражена настолько ощутительно, что эти суффиксы *-ание, -ение* можно прямо считать формальными признаками глагольности имен» (Г. О. Винокур. Глагол или имя? «Русская речь», Новая серия, III, Л., 1928, стр. 80).

[102] Вопрос об отражении и характере отражения видовых значений глагола в семантике производных имен до сих пор остается нерешенным. Несом-

Изменения в продуктивности образования от основ, различающихся классом, морфологическим строением, отражаются на общей продуктивности и регулярности модели, но не влекут за собой коренных преобразований внутри модели. Изменения в продуктивности словопроизводства от основ, различающихся видом (особенно посредством суффиксации), оказывают решающее влияние на функционирование модели, так как эти различия наиболее системны. Такие изменения влекут за собой преобразования семантического и словообразовательного характера.

В русском литературном языке конца XVIII — нач. XIX в. имена действия с суффиксами *-ние*, *-ение*, *-тие* были более глагольны, чем во второй половине XIX — нач. XX в. [103] Действие модели в целом в эту эпоху было более активным, меньше было запретительных или ограничительных условий, продуктивность отдельных подтипов была более высокой. В именах на *-(е)ние*, *-тие* видовые оттенки выступали ярче и последовательнее [104]. В то же время процесс семантического отхода имени от соответствующего глагола уже охватил всю категорию отглагольных имен на *-ние*, *-ение*, *-тие*: имело место прикрепление имени к одному из значений глагола, расхождение по значению имен, различающихся видом основ, наличие существительных с опредмеченным значением и т. д. [105]

ненной заслугой работ последних лет (Н. П. Романовой, Л. Г. Свердлова, А. И. Васильева) является положение о том, что видовые значения таких имен — категория исторически меняющаяся. Поэтому решение этой проблемы в общем плане не может быть успешным, если учитывается только современное состояние языка. Именно поэтому общие высказывания по этому вопросу даже таких лингвистов, как Потебня и Виноградов (см.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 344—345; В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 118 и сл.), не всегда достаточно определенны. Но проблема в целом еще далека от решения. Совершенно еще не исследован материал с точки зрения того, присущи ли имперфективные и перфективные значения самому отглагольному имени или они появляются лишь в условиях противопоставления лексем, образованных от разновидовых основ, т. е. возникают «ситуационно».

В данной главе не может ставиться задача решения этих вопросов. Обращение к ним возникает лишь по мере необходимости объяснить характер и причины эволюции изучаемых имен в литературном языке XIX в.

[103] См. работы В. Д. Левина, В. В. Виноградова и др.

[104] Подробную характеристику этой модели в конце XVIII — нач. XIX в. см. в указанных работах В. Д. Левина, Л. Г. Свердлова, А. И. Васильева.

[105] См.: Л. Г. Свердлов. Семантика отглагольных имен существительных на *-ние*, *-тие* в русском языке. «Научн. докл. высш. шк.» Филол. науки, М., 1961, № 2; его же. Из истории некоторых отглагольных имен существительных на *-ние*, *-тие* в русск. лит. языке. «Труды Андижанского гос. пед. ин-та», 1961, № 8. В современном языке этот процесс углубляется. См., например: Л. А. Новиков. Омонимия отглагольных существительных в совр. русск. языке, возникающая в результате распада полисемии. «Научн. докл. высш.шк.» Филол. науки.М., 1958, № 2, стр.56 и сл.;В. П. Даниленко. О словообразовании в области производственно-технической терминологии. «Вопросы культуры речи». М.,1959,вып.2. См. также: Т. Л. Канде-

В XIX в. развитие словообразования имен действия на *-ние, -ение, -тие* происходит под воздействием общей для всех отглагольных имен тенденции к снижению степени их глагольности. Проявляется в самом общем виде стремление к сокращению продуктивности модели; в именах действия происходит нейтрализация видовых значений; осуществляются различного рода семантические преобразования и лексический отбор, в общем направленные на семантический отрыв имени от глагола.

§ 35. Систематически и последовательно проявлялся в XIX в. процесс ликвидации видовой соотносительности имен действия, образуемых от основ глаголов сов. вида и от коррелирующих с ними основ глаголов несов. вида на *-ива, -ва-* [106].

В конце XVIII — нач. XIX в. отмечаются довольно многочисленные образования на *-ива-ние, -ва-ние*:

Мощи для *прикладывания* богомольцам (Мордв., Зап.); *выведывание* вестей (Страхов, Сатирич. вестн.); *уговаривания* (Болот., 2, 88); *переделывание* планов (Там же); *перековеркивание* всех дел (Там же, 92); прилежное *опоражнивание* рюмок (Там же, 99); *устрашивания* коменданта (Там же, 83); *удостоивание* (Там же, 96); случай к *доставанию* и чтению книг (Там же, 86); *добывание* металлов (Радищ., Путеш., Слово о Ломоносове); *раздавание* приказаний (Там же, Спасск. Полесть); *растаивание* снега (Фонв., п. сестре, 22 марта/2 апр. 1785); *выравнивание* рвов (Фонв., п. сестре, 11/22 сент. 1784); *облизывание* губ (Крыл., Урок дочкам, 5); *рассказывание* (Крыл., Почта духов, XXVIII); *выбрасывание* нечистот (Бибик., Зап.); *завыванье* (Держ., Милорду, моему пуделю); *укладывание* в портфель своих бумаг (И. Дм., Взгляд на мою жизнь, 3, 7); *перетаскивание* (Н. И. Тург., Дневн., 28 июня 1807); *раскуривание* трубок (Там же, 21 июля 1808); обстоятельства, не терпящие *отсрочивания* (Торсон, Рассужд. о Конст.); *удабривание* полей (Ф.-Брадке, О воен. поселениях); *убаюкивание* талантов излишними похвалами (Марл., Взгляд на русск. словесн. 1824 и нач. 1825); *оплачивание* податей (Боровков, Свод показаний, 13); *изнеживание* чувств (Устав Союза благоденств., 1, 4); *оборачивание* около оси (Моск. телеграф, 1826, № 21—24); *откармливание* свиней (Моск. вестн., 1828, № 16); *перешептывания* (Атеней, 1828, № 22).

Словарь АР последовательно отмечает параллельные образо-

л а к и. О некоторых суффиксальных моделях технических терминов. «Научн. докл. высш. шк.» Филол. науки, 1961, № 1.

[106] Включение глаголов с *-ива-* в систему словопроизводства отвлеченных имен действия с суффиксом *-ние* — явление сравнительно позднее. В памятниках XVI в. не обнаружено ни одного имени на *-ива-ние*. Это объясняется поздним происхождением глаголов на *-ива-* и первоначальной прикрепленностью их к разговорной речи (см.: Н. П. Р о м а н о в а. Указ. соч., стр. 72).

вания от основ глаголов сов. вида и от основ несов. вида на -(*и*)*ва*-: *раскрашение — раскрашивание, загадание — загадывание, выписание — выписывание, описание — описывание, переучение — переучивание, вважение — вваживание, вваление — вваливание, вделание — вделывание, взманение — взманивание, взнуздание — взнуздывание, взогретие — взогревание, взрезание — взрезывание, расписание — расписывание, распахание — распахивание, распечатание — распечатывание, распиление — распиливание, распеленание — распеленывание, распластание — распластывание, расплескание — расплескивание, расплющение — расплющивание, распоясание — распоясывание* и т. д.

Живое словоупотребление также отразило возможность параллельного словообразования от указанных основ. Ср.:

В Крестьцах был я свидетелем *расстания* у отца с детьми (Радищ., Путеш., Крестьцы) и: при последнем с ним *расставаньи* (Болот, 2, 87); *возделание* [сахара, кофе] (Радищ., Путеш., Вышн. Волочек) и: *возделывание* земли (Куницын, Энц. прав); Цензура, то есть *рассмотрение* приказных книг до издания их в свет (Радищ., Путеш., Торжок) и: *рассматривание* книг и рукописей (Н. И. Тург., п. А. И. Тургеневу, 10/22 июля 1810); *Обуздание* грызущей скорби (Радищ., Путеш., Торжок) и: *обуздывание* литераторов (Никитенко, Дневн., 16 дек. 1843); *осмотрение* города (Фонв., п. сестре, 20 ноября/1 дек. 1777) и: *осматривание* лучших в городе вещей (Фонв., п. сестре, 10/21 мая 1785); *подание* помощи (Болот., 2, 100) и: не трудилась в *подавании* ему помощи (Чулк., Пригож. повариха); *Подписание* бумаг (Болот., 2, 94) и: кипы бумаг для читания и *подписывания* (Там же); Узнать о причине *созвания* сенаторов (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 2, 5) и: частые *созывания* государственного собора (М. Фонв., Из «Зап.»); Для *выслушания* просьб (Н. И. Тург., Дневн., 2, 30 марта 1807) и: по *выслушивании* всех голосов (Бибик., Зап.); *Обработание* плана предполагаемому журналу (И. Дм., п. А. И. Тургеневу, 22 июня 1817) и: *обработывание* земли (Десницк., Юридическ. рассужд.) Все споры к *отысканию*... офицера (Болот., 2, 85) и: о праве *отыскивания* своей собственности (Десницк., Юридическ. рассужд.).

Наличие в языке однокоренных образований от основ сов. и несов. вида приводило к тому, что имена действия могли быть противопоставлены по оттенкам в значении, связанным с характером протекания действия во времени, или по каким-либо оттенкам количества действия. Ср. толкования словарей: в Словаре АР: *осушение* — «действие осушившего», *осушивание* — «действие осушивающего»; *остановление* — «действие остановившего и остановившегося», *останавливание* — «действие останавливающего и останавливающегося». В Словаре 1847 г.: *подграбление* — «действие подграбившего», *подграбливание* — «действие подграбли-

вающего»; *подделание* — «действие подделавшего», *подделывание* — «действие подделывающего» и т. д.

Основным процессом, связанным с ослаблением глагольности имен действия на *-ние, -ение- -тие* в XIX в., был процесс ликвидации видовой соотносительности этих имен.

Из системы словообразования имен действия приблизительно с 30-х годов начинают выключаться основы префиксальных глаголов сов. вида, соотносительные с основами несов. вида на *-ива-, -ва-*. Соответственно приобретают еще большую продуктивность и регулярность образования от основ на *-ива, -ва-*.

В языке XIX в. имена действия, образованные от основ глаголов сов. вида, соотносительных с глаголами несов. вида на *-ива-, -ва-*, все более отчетливо приобретают признаки словообразовательной категории, потерявшей активную силу. Новообразования от этих основ отсутствуют. Многие ранее образованные слова устаревают, перестают употребляться; таковы *узнание, просмотрение, выучение, приписание, окопание, отслушание, вытащение, перевязание, обсушение, засушение, заманение, задобрение, посмотрение* и др. Образования, оставшиеся в языке на положении устойчивых лексических единиц (*предсказание, раскаяние, образование, отчаяние. показание, испытание, завоевание, изыскание, взыскание, описание, предписание, воспитание, воздержание, познание, обхождение, успокоение, повеление, преодоление, подозрение* и др.), претерпевают ряд семантических изменений, направленных на утрату значений отвлеченного действия и на усиление предметных значений (ср. возможность употребления таких слов, как *изречение, предостережение, сбережение*, в формах множ. ч.). Одновременно происходит терминологизация и соответственно жанрово-стилистические ограничения в употреблении таких имен (ср. *взыскание, отторжение, сужение* [сосудов], *воздержание* и др.).

Образование имен действия с суффиксом *-ние* от основ на *-ива-, -ва-* утверждается в языке в качестве живой и активно действующей словообразовательной модели. В языке XIX в. отмечаются многочисленные существительные на *-(и)ва-ние*: *вспрыскивание, высасывание, вколачивание, взрезывание, надрезывание, растягивание, расплющивание, посвистывание, процеживание, ополаскивание, подхватывание, взвешивание, прогуливание, поддакивание, задергивание, подзадоривание, опрашивание, покачивание, пошатывание, откладывание, пристругивание, отвертывание, загадывание, отгадывание, умаливание, втягивание, вскрикивание, закрывание, подщетинивание, прохаживание, закусывание, усовещивание, подыскивание, ухаживание, проглатывание, заказывание, подталкивание, подпихивание, застращивание, подсвистывание, примеривание, прикрашивание, присмакивание, просушивание, размазывание, раскупоривание, раскладывание, расшевеливание, сглаживание, погромыхивание, опрокидывание, отведывание,*

откупоривание, *отстаивание*, *перекусывание*, *пересказывание*, *перешвыривание*, *побрякивание*, *заговаривание*, *закатывание*, *спрашивание*, *разгавливание*, *отнекивание*, *вздрагивание*, *опаздывание*, *рассказывание*, *прикладывание*, *оборачивание*, *накапливание*, *возделывание*, *схватывание* и др.[107]

Общая причина этого явления очевидна: в стремлении ослабить влияние глагола на семантику отглагольных имен язык разрушает видовую соотносительность имен путем выключения определенного звена производящих основ. Причем естественно, что это «звено» объединяет основы одного вида. Значительно раньше, в древнейшую эпоху таким выключенным «звеном» оказались основы несов. вида на *-а-*, соотносительные с *-и-*основами сов. вида.

Выключение из производящего ряда основ глаголов сов. вида и активизация за их счет основ глаголов несов. вида на *-ива-ть*, *-ва-ть* были вызваны общей тенденцией к разрушению видовой соотносительности имен не только в пределах этих основ, но и гораздо шире: с исключением из сферы действия изучаемой словообразовательной модели приставочных глаголов сов. вида (ср. ослабление активности и уход таких образований, как *надписание*, *узнание*, *выучение* и т. п.) разрушалась видовая соотносительность производных имен, образованных от основ бесприставочных первичных глаголов несов. вида (*писание*), приставочных глаголов сов. вида (*надписание*) и приставочных глаголов несов. вида на *-ива-*, *-ва-* (*надписывание*).

Таким образом, видовая соотносительность производных имен как живая категория практически оказывается разрушенной. Система значений производных имен, образованных ранее и образуемых вновь, в XIX в. формируется вне решающего влияния видового противопоставления их друг другу (типа *выучение — выучивание* и *учение — выучение*). Оттенки значений, связанные с видовыми различиями, ослабляются, и семантика имен с суффиксами *-ние*, *-ение*, *-тие* делается ближе к семантике тех отглагольных имен, которые не отражают видовых различий основ, например, образованных с суффиксом *-к-*[108].

---

[107] О продуктивности таких образований в современном языке см.: Г. С. Зенков. Указ. дисс., ст 235; А. И. Васильев. Указ. соч., стр. 170—172.

[108] Утвердившееся в науке положение о том что имена действия на *-ние*, *-ение*, *-тие* в литературном языке образуются преимущественно от основ глаголов несов. вида, неточно. Прежде всего этому противоречит продуктивное образование этих имен от основ глаголов сов. вида на *-и-*, соотносительных с глаголами несов. вида на *-а-*. Кроме того, нет таких основ несов. вида, образование от которых имен действия было бы абсолютно регулярным и продуктивным. Видимо, дело не в преимущественном образовании от тех или других основ, различающихся видом, а в стремлении ликвидировать видовую соотносительность имен путем выключения из словообразовательных связей определенного типа основ. Эти основы могут быть как несов. вида (осно-

§ 36. В XIX в. снижается продуктивность образований с суффиксом *-тие*. Выходят из употребления такие образования, как *отнятие*, *разбитие*, *тянутие*, *срытие*, *сокрытие*, *скрытие*, *разлитие*, *разбитие*, *пробитие*, *примкнутие*, *отъятие*, *забытие*. Ряд других слов ограничивается специальными сферами употребления.

Поднятие клапана (Козловский, Краткое начертание теории паровых машин, 3. Совр., 1837, т. VII); *замкнутие*, *разомкнутие* постоянного тока (Сеченов, Физиол., 1, 1, § 29); *закрытия* соединительных отверстий сердца (Отеч. зап., 1839, т. IV); сила, теряемая при *тянутии* орудия (А. Коростовцев, Новый плуг, Б-ка для чт., 1834, т. III).

Сферой официальной или книжной речи ограничивается употребление слов *отплытие*, *прибытие*, *вскрытие*, *раскрытие* и др., соотносительных с отвлеченными значениями глаголов (*раскрытие способностей*, *отплытие флота* и т. д.).

Семантическому разобщению этих имен способствует их вхождение в устойчивые сочетания (*взятие крепости*, *открытие сезона*) и приобретение ими собственно предметных значений (*понятие*, *восприятие*, *развитие*).

§ 37. Процессами чисто словообразовательного характера далеко не исчерпывается проявление тенденции к ослаблению глагольности изучаемых имен. Внутри их продуктивных групп происходят процессы семантического и лексического характера.

В литературном языке XIX в. были продуктивны: 1) образования от основ глаголов сов. вида на *-и-*, соотносительных с глаголами несов. вида на *-а-*; 2) образования от основ приставочных глаголов несов. вида на *-ива-*,*-ва-* и 3) образования от основ бесприставочных глаголов несов. вида различных глагольных классов с суффиксами *-а-*, *-ича-*, *-нича-*, *-ова-*, *-ствова-*, *-рова-*, *-и-*, *-е-*.

Имена действия, образованные от основ глаголов сов. вида на *-и-*, соотносительных с глаголами несов. вида на *-а-*, нейтральны к видовому значению основы и поэтому наименее глагольны среди других имен на *-(е)ние*: они называют действие вне отношения ко времени его протекания, законченности, длительности и т. д.; *вдохновить*, *вдохновлять* — *вдохновение*; *водворить*, *водворять* — *водворение*; *предрешить*, *предрешать* — *предрешение*. Ср. толкования словарей: *подготовление* — «действие подготовляющего и подготовившего»; *получение* — «действие получающего и получившего» (Сл. 1847 г.).

Существительные такого строения соотносительны с глаголами с частицей *-ся* и без частицы *-ся*: *обогащение* — *обогатить*, *обогащать* и *обогатиться*, *обогащаться*; *освежение* — *освежить*, *освежать* и *освежиться*, *освежаться* и т. п. Благодаря этому в одном

вы на *-а-*, соотносительные с основами сов. вида на *-и-*), так и сов. вида (соотносительнные с основами несов. вида на *-ива-*, *-ва-*).

производном имени могут совмещаться значения действия и состояния, ср. *облегчение* — «1) действие облегчающего и облегчившего; 2) состояние облегченного» (Сл. 1847 г.) [109].

Безразличие к видовым и залоговым значениям основы, совмещение лексических значений действия и состояния характеризуют эти имена как наиболее «субстантивные» [110].

Имена действия, образованные от основ глаголов сов. вида на *-и-*, соотносительных с глаголами несов. вида на *-а-*, легко приобретают предметные значения, которые могут сосуществовать с глагольными, ср.: *преступление* — «1) действие преступающего и преступившего; 2) самый поступок, нарушающий закон; беззаконие, злодеяние»; *помещение* — «1) действие помещающего и поместившего; 2) место для жительства или поклажи»; *облачение* — «1) действие облачающего и облачившегося; 2) церковное одеяние» (Сл. 1847 г.).

Таким образом, процесс снижения глагольности в отглагольных именах, характерный для литературного языка XIX в., в пределах этой группы имен не был так активен, как в других группах. Можно лишь отметить некоторые явления, подчиненные этому общему процессу.

Так, в XIX в. имена на *-ние*, *-ение*, образованные от перфективных основ, как правило, семантически соотносятся с отвлеченными глаголами или с отдельными отвлеченными значениями многозначных глаголов. Соотнесенность имени с глаголом конкретного значения в это время используется как выразительный прием:

Внезапное *его* [носа] *отделение* с своего места (Гоголь, Нос, 2); со всеми *уклонениями*, *возвышениями*, *понижениями*, *потрясением головы* (Вельтм., Саломея, 1, II); это быстрое *выставление* и *вставление окон* (Леск., Павлин, 3). Ср.: *наступление ночи*, *повышение курса*, *понижение голоса*, *отделение государства* и т. д. [111]

Употребление при именах действия возвратного местоимения *себя* в качестве управляемого члена в XIX в. становится специфическим стилистическим приемом (например: несовершенное *посвящение себя* четверке гнедых. Герц., Кто виноват?, 2, III).

---

[109] См. в Словаре Ушакова: *Раздражение*. 1. Действие по глаг. *раздражить — раздражать*. 2. Состояние по глаг. *раздражиться* во 2 знач.— *раздражаться*. *Разжижение*. 1. Действие по глаг. *разжидить — разжижать*. 2. Состояние по глаг. *разжидиться — разжижаться* и т. д.

[110] А. М. Пешковский считает безотносительность ко времени протекания действия основным категориальным признаком имен, благодаря которому осуществляется противопоставление имени глаголу (см.: А. М. Пешковский. Глагольность как выразительное средство.— Избр. труды. М., 1959).

[111] См. приведенные В. Д. Левиным (указ. соч., стр. 28) лексические противопоставления: «*пролитие* (только *крови*, *слез*, *света*, но, конечно, не *молока*, *вина*, *воды*), *открытие*, *закрытие* (*театра*, *парка*, *сезона* и т. д., но не *глаз*, *книги*, *тетради*, *двери*)».

Ранее такое употребление было свободным: *получением себе* подмоги (Болот., 2, 89); поспешить *возложением на себя* императорской короны (Там же, 99).

§ 38. Имена действия, образованные от основ глаголов несов. вида, несут в себе значение длительности действия, которое сближает их с глаголом; это — «чистые деятельности» (Потебня).

Снижение глагольности в семантике таких имен сопровождалось рядом преобразований как словообразовательного, так и семантического характера.

Для имен действия, образованных от основ с суффиксом *-ива-* (*-ва-*), решающим условием снижения их глагольности, как уже говорилось, было разрушение видовой соотносительности с именами, образованными от основ сов. вида: имена на *-ива-ние* получили возможность называть действие как процесс вне сравнения характера его протекания (по длительности и законченности, незавершенности и завершенности) с обозначением этого процесса другим однокоренным словом (ср. *возделывание земли* при утратившемся *возделание* и под.). Возможность употребления имен на *-ива-ние* без управляемых слов, указывающих на объект, способствует еще большему отвлечению имени от глагола:

> Начались *перешептывания* (Атеней, 1828, № 22); это приобретается *застращиванием* (Совр., 1847, т. V); при общем пособии, *подталкивании* и *подпихивании*, вскарабкался... (В. Соллог., Тарантас, II); оставил пошлое *ухаживание* (Герц., Кто виноват?, 2, IV); смесь гордыни и *подыскивания* (Тург., лит. и жит. воспом., III); губы припухли от беспрерывного *закусывания* (С.-Щ., Совр. идиллия, XXVII); Начались... поучения, *упрашивания*, *умасливания*, даже слезы (Дост., Прест. и наказ., 6, IV); особые приемы *разливания* по рюмкам и самые мудреные способы *проглатывания* (М.-Сиб., Прив. мил., 2, V); небрежность, *откладыванье* до завтра (Чех., п. А. С. Суворину, 7 ноября 1888); *подзадоривание* и зубоскальство (Боборык., Китай-город, 1, XIX).

Собственно именные качества имен на *-ива-ние* особенно отчетливо проявляются при их терминологическом употреблении:

> Вытяжки отливают от настоя *процеживанием*, *ополаскиванием* крепким уксусом и *выжиманием* (Отеч. зап., 1839, т. IV); увеличивают поверхность проводника... не *расплющиванием*, а разделением на ветви (Там же) [112].

Ослаблению глагольности существительных на *-ива-ние*

---

[112] В современном языке процесс терминологизации имен на *-ива-ние* отмечен Г. О. Винокуром («О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии». — «Сб. статей по языковедению», т. 1, МИФЛИ, 1939). В этой работе высказана интересная мысль о том, что имена действия на *-ива-ние* могут совместить значение имперфективное и перфективное: *заквашивание* при *заквашивать* и *заквасить*, *обрабатывание* при *обработать* и *обрабатывать*.

способствовал продолжающийся процесс функционального и семантического расхождения их с однокоренными существительными, образованными от основ сов. вида.

Хотя производство имен действия от основ сов. вида в XIX в. уже не являлось живым словообразовательным процессом (возможны были лишь единичные спорадически появляющиеся образования), однако в качестве отстоявшихся элементов словаря такие слова составляли значительную группу. Отличие их от имен на *-ива-ние* заключалось в том, что эти последние соотносились с глаголами (или их отдельными значениями) конкретной семантики, а однокоренные с ними образования от основ сов. вида — с абстрактными значениями соответствующих глаголов[113]. Ср.: *огораживание полей* (С. О., 1827, ч. 114, № 16) и: *ограждение* крестьянского *хозяйства* от разорительных экзекуций (В. Е., 1890, т. VI, ноябрь); *рассмотрение законов* (Бибик., Зап.); *рассмотрение* сего *дела* (Радищ., Путеш., Зайцово); Эта гипотеза не выдерживает *рассмотрения* (Б-ка для чт., 1834, т. VII) и: заниматься *рассматриванием прохожих* (Гоголь, Невск. просп.); *рассматривание жилья* станционного смотрителя (В. Соллог., Тарантас, IV).

Если глагол имеет только конкретное значение, то производное от него слово закрепляется в языке с суффиксом *-ива-*. Так, глагол *осмотреть*, *осматривать* обозначает конкретное действие; утверждается производное имя *осматривание*. Колебания, возможные в XVIII в., исчезают.

Это соотношение, в общих чертах установившееся уже к концу XVIII в., нарушалось редко, ср.: Плутон занимался *рассматриванием дел* (Крыл., Почта духов, XXI); по *рассматриванию Сената*, по желанию каждого недоросля, отсылали записываться в школы (Данилов, Зап.). В XIX в. колебания в выборе слова единичны: Здесь не место входить в *рассматривания* того, в чем собственно состояла мысль Иванова (Тург., Лит. и жит. воспом., IV); Я представил на его *рассмотрение* один из первых плодов моей Музы (Там же, I).

Процесс семантического размежевания однокоренных существительных в XIX в. был очень активен. Влияние его постепенно распространяется на большое число соотносительных образований: за именами на *-ива-ние* закрепляются процессуальные значения (которые выступают ослабленно в связи с утратой противопоставления другим образованиям по виду основ); за именами, образованными от основ сов. вида — предметные; ср.: *расписание* и *расписывание*, *опоздание* и *опаздывание*, *улажение* и *улаживание*, *описание* и *описывание*, *издание* и *издавание*, *затвердение* и *за-*

[113] Следует подчеркнуть, что речь идет об однокоренных образованиях; при отсутствии такого параллелиза имена на *-ива-ние* могут соотноситься и с теми и с другими значениями глагола, ср.: *процеживание раствора*, *ополаскивание чашки* и *сглаживание черт народности*, *отстаивание прав человека* и т. д.

твердевание, *накопление* и *накапливание*, *удобрение* и *удабривание*, *сужение* и *суживание*, *указание* и *указывание* и др.

Все сказанное подтверждает тезис о том, что существительные на *-ива-ние*, несмотря на ослабление в них глагольности, в большей степени, чем другие отглагольные имена, сохраняют свои глагольные качества.

§ 39. Основы бесприставочных глаголов несов. вида, принадлежащие к разным классам и имеющие в своем составе различные глагольные суффиксы (*-а-*, *-(н)ича-*, *-ова*, *-ирова-*, *-и-*, *-е-* и др.), были широкой производящей базой для образования имен действия. Вот некоторые слова, извлеченные из памятников XIX в.: *чесание*, *писание*, *печатание*, *знание*, *пахание*, *гонение*, *держание*, *качание*, *кусание*, *махание*, *полоскание*, *шептание*; *золочение*, *крашение*, *мучение*, *прошение*, *творение*, *терпение*, *моление*, *имение*, *боление*, *гниение*, *владение*, *ржавление*; *бездельничание*, *джентельменничание*, *кокетничание*, *модничание*, *разбойничание*, *фамильярничание*, *европейничание*, *народничание*, *секретничание*; *афишевание*, *беседование*, *чумакование*; *государствование*, *свирепствование*, *мудрствование*, *странствование*, *философствование*; *бракование*, *арестование*, *рисование*, *реализование*, *экзаменование*, *рифмование*, *салютование*, *фехтование*; *атрофирование*, *баллотирование*, *бальзамирование*, *буксирование*, *бомбардирование*, *остракизирование*, *анатомирование*, *визирование*, *рубрицирование*, *революционизирование*, *транспортирование*, *провоцирование*, *популяризирование* и т. д.

Однако безусловной регулярности производства в пределах этих основ не наблюдается. В XIX в. проходил процесс регламентации и ограничения в образовании имен действия от основ бесприставочных глаголов несов. вида: оно становится менее регулярным и последовательным. Имена действия стремятся к приобретению конкретных «индвидуализированных» значений, в результате чего оказывается поколебленным общее категориальное значение существительных этого образования. Все это вместе взятое способствует ослаблению глагольности этих имен.

Трудно назвать какую-либо определенную последовательность в сокращении словопроизводства этих имен. Здесь действует ряд частных ограничений. Отметим некоторые из них.

1. Имена действия, образованные от основ с суффиксами *-а-* (*мерцание*), *-е-* (*владение*), *-и-* (*творение*), проявляют стремление к развитию предметных значений, протекающему различно в пределах имен, образованных от основ переходных и непереходных (в том числе и косвенно-переходных) глаголов.

Имена, образованные от основ переходных глаголов, обладают способностью управлять зависимыми словами в форме родит. пад. объекта (соответственно винит. объекта при глаголе): *бросание бомб*, *делание батарей*, *кование железа*, *полоскание чайника*, *строгание наструго*в, *топтание людей*, *хапанье кушей*, *глаженье белья*,

гонение матери. При развитии предметных значений возможность управлять родит. пад. объекта сокращается или утрачивается (ср. *боронение*, *золочение*, *серебрение*, *крашение*, *желание*, *мучение*, *прошение*, *творение*, *уженье*, *хотение*, *терпение*, *моление*, *имение* и т. д.) [114].

В конце XVIII — нач. XIX в. при широком распространении имен с предметными значениями отмечается свободное употребление имени с глагольными значениями: *хищение богатств*, *грабление домов*, *ругание церквей*, *попранье алтарев* (Держ., Эпистола к генералу Михельсону...); насыщался *зрением множества* иностранных *кораблей* (Радищ., Путеш., Чудово]; в *писании способов* делать наливки (Страхов, Сатирич. вестн.); при *пахании почвы* глинистой и вязкой (Б-ка для чт., 1834, т. III) и т. д.[115]

В языке XIX в. часть имен, имевших глагольные значения, или утрачивает их и приобретает значения предметные (*хищение*, *зрение*), или употребление их ограничивается. Однако такие ограничения, носящие в основном лексический характер, не были абсолютны. В языке XIX в., как и в современном, сохраняется потенциальная возможность образования имени действия от указанных основ (ср.: *крепление шахты*, *скобление нар*, *сушение грибов*, *таращение глаз*, *хранение книг* и т. д.).

Иногда неупотребительность имен на *-ние*, *-ение*, *-тие* от той или иной основы бесприставочного глагола несов. вида носит узуальный характер. Ср. неупотребительные в языке XIX в. образования типа *боление*, *гнание*, *рвание*, *шумение*, *роняние*, *гляденье*, *бежание*, *бужение*, *читание*, *жаление*, *любление* (зафиксированные в языке XVI—XVIII вв.) [116], при наличии *мерцание*, *мечтание*, *молчание*, *моргание* и др.

2. В отношении образования от основ глаголов на *-(н)ича-*, *-ствова-*, *-ова-*, *-ирова-* в XIX в. действуют стилистические ограничения.

Имена типа *джентельменничание*, *модничание*, *народничание* наследуют оценочную экспрессию производящего глагола; благодаря этому их образование вызывалось особыми целями, а употребление ограничивалось определенными жанрами.

Имена, произведенные от глаголов с суффиксами *-ова-*, *-ирова-*, *-изирова-* и *-ствова-*, легко становились терминами (*атрофирование*, *анатомирование*, *рубрицирование*); им всегда была присуща окраска книжности (ср. *беседование*, *мудрствование*, *философствование* и под.). Основным препятствием к активизации таких имен является наличие однокоренных бессуффиксальных

---

[114] Управление родит. субъекта у имен, образованных от непереходных глаголов, устойчиво сохраняется (*мерцание звезд*, *трепетание духа* и т. п.).

[115] В. Д. Левин считает такое употребление искусственным уже для XVIII в. (указ. соч., стр. 11—13).

[116] См.: В. Д. Левин. Указ. соч., стр. 17; Н. П. Романова. Указ. соч., стр. 61—62.

или иносуффиксальных слов, лишенных значения процессуальности (ср. *салютование* и *салют*, *рубрицирование* и *рубрикация*, *остракизирование* и *остракизм*, *транспортирование* и *транспортировка*, *провоцирование* и *провокация* и т. д.). Это регламентирующее условие является общим для всех образований от основ бесприставочных глаголов несов. вида; ср. уход из употребления таких образований, как *кричанье* (при наличии *крик*), *плаканье* (*плач*), *играние* (*игра*), *любление* (*любовь*), *грабление* (*грабеж*), *плясание* (*пляс*, *пляска*), *шумление* (*шум*) и т. д. [117]

Лексический отбор возможен и в пределах имен, различающихся наличием и отсутствием приставки или различием приставок. В XIX в. из языка уходят употреблявшиеся ранее *задобрение* (ср. сохранившееся *одобрение*), *обсушение*, *засушение* (ср. *осушение*), *посмотрение* (ср. *усмотрение*), *втечение*, *вытечение* (ср. *истечение*), *убережение* (ср. *сбережение*), *возмечтание* (ср. *мечтание*), *воспылание* (ср. *пылание*), *поцелование* (ср. *целование*), *пытание* (ср. *испытание*), *казание* (ср. *указание*, *показание*, *наказание*, *сказание*) и др. [118]

Лексический отбор проявляется ярче всего в пределах групп имен менее продуктивных. Продуктивные группы испытывают это влияние гораздо слабее, ср. *спрашивание*, *упрашивание*, *расспрашивание*, *напрашивание*, *испрашивание*; *расписывание*, *надписывание*, *подписывание*, *переписывание*, *описывание* и т. д.

Ослабление глагольности имен на *-ние*, *-ение*, *-тие* в языке XIX в. достигалось в результате нейтрализации видовых значений в производных именах, сокращения числа продуктивных групп, различных частных словообразовательных ограничений. Все эти факторы часто оказывались взаимосвязанными, взаимообусловленными, дополняли и углубляли друг друга. В результате всех этих изменений, активно протекавших в XIX в., имена отвлеченного действия на *-ние*, *-ение*, *-тие* как целостная лексико-семантическая категория приобретают новые черты. В именах затухают видовые различия и развиваются предметные значения. Семантическая связь имени с производящим глаголом приобретает черты частичности, неполноты. Общее категориальное значение «отвлеченное действие по глаголу» у целых словообразовательных групп оказывается поколебленным, ослабленным, иногда разрушенным.

---

[117] А. И. Васильев. Указ. соч., стр. 175 и сл.

[118] Не следует думать, что речь идет о выходе из языка одного из лексических дублетов или синонимов. Для большинства разноприставочных образований с приставками реального значения (а таких большинство) характерно расхождение в значениях. Но даже в этих условиях действует фактор лексического отбора: если в языке утвердилось приставочное или бесприставочное образование, то однокоренные, хотя бы и с другими значениями, утверждаются с трудом. Как и каждый лексический процесс, этот процесс не носит строго последовательного характера: он скорее имеет характер ярко выраженной тенденции.

В языке XIX в. продуктивными оказываются лишь те группы отглагольных существительных, которые способны совмещать глагольные и предметные значения, что происходит чаще всего при соотносительности имени с обоими видами глагола (ср., например, образований от основ глаголов сов. вида на *-и-*, соотносительных с глаголами несов. вида на *-а-*). В XIX в. в эту категорию частично включаются образования от основ бесприставочных глаголов несов. вида и от основ глаголов на *-ива-*, *-ва-* которые утратили «видовую пару» благодаря установившейся непродуктивности образований от соответствующих приставочных глаголов сов. вида. Имя утверждается как категория, безотносительная к характеру протекания действия во времени.

В современном языке утрата глагольности отглагольными именами считается установившейся нормой. Усилия языка направлены на «забвение глагольной формы» отглагольных существительных. Однако эта глагольная форма дает себя знать при малейшем отклонении от привычного употребления или от установившихся правил словообразования (ср., например, *обожание ее*, *служение адъютантом*, *показание дороги*).

Той сферой, где непреодоленная глагольность отглагольного имени воспринимается как «стилистический дефект» (Г. О. Винокур), является литературно-книжная речь. Специальные же сферы языка создают свои собственные условия для функционирования этих имен в качестве терминов.

Изменения в словообразовании существительных с суффиксом *-к-а*

§ 40. Суффикс *-к-а* присоединяется к основе инфинитива с опущением всех глагольных формативов; исключение составляют глаголы с суффиксами *-ова*, *-ева*: в составе отглагольных имен на *-к-а* элементы *-ов-*, *-ев-* сохраняются [119].

Суффикс *-к-а*, образующий отглагольные имена, сформировался на почве восточнославянских языков [120]. В памятниках древнерусского языка он встречается редко. Однако постепенно его продуктивность возрастает; к середине XVIII в. в русском языке было уже значительное количество отглагольных имен с *-к-а*: *прогулка*, *отделка*, *утайка*, *оценка*, *выдумка*, *угадка*, *отломка*, *обработка*, *разработка*, *устойка*, *остановка*, *приманка*, *приговорка*, *свалка*, *распашка*, *выкладка*, *запашка*, *выручка*, *вылазка*, *записка*, *закупка*, *уловка*, *чёска*, *расстройка*, *посылка* и др. С конца XVIII — нач. XIX в. суффикс *-к-а* еще более активизируется.

---

[119] См.: А. А. Дементьев. О словах типа *колка*, *регулировка* в русск. языке. «Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та», вып. 26, 1959, стр. 6—8.

[120] См.: А. Васильев. Образование имен действия посредством суффикса *-к(а)* в восточнославянских языках. «Тезисы докл. и сообщ. на научной конференции по славянской филологии», Фрунзе, 1958, стр. 10—11.

В течение всего XIX в. отглагольные существительные с *-к-а* широко употребительны; в это время отмечены слова: *выучка, выброска, выкройка, выкрадка, выпляска, вылазка, выездка, выбивка, вытяжка, выделка, выноска, выпалка, вытрепка, выходка, высучка, выгрузка, вычистка, выломка, выемка, высыпка, вылечка, выстройка, высылка, выдумка, выправка, выключка; заправка, закупка, забелка, завязка, задержка, запашка; развязка, разводка, разбивка, рассылка, разработка, раскидка, разучка, разделка, расстановка, разборка, распашка, расстройка, размолвка; отлучка, отставка, отвычка; остановка; осушка, оговорка, огласка, отговорка, отметка, отделка, отправка, отсылка, натяжка, нагрузка, надбавка; доставка, свычка, склейка, сломка, ошибка, съемка, сделка, складка, стрижка, считка; поставка, прогулка, перекладка, перемежка, переторжка, перевыручка, перебранка, переноска, перегрузка, переписка, переварка, перестрелка, переездка; прибавка, пригонка* и др.

С конца XVIII в. появляются единичные образования с *-к-а* от глаголов на *-овать, -ировать* с заимствованной основой: *командировка, жестировка, баллотировка, фуражировка, обмундировка.* В течение XIX в. аналогичные имена образуются и употребляются довольно широко: *браковка, декатировка, драпировка, сортировка, экипировка, группировка, бомбардировка, буксировка, гравировка, дрессировка, инструментовка, меблировка, рокировка, распланировка, сервировка, формулировка, неглижировка, дагерротипировка, парадировка, джигитовка, тренировка, муштровка, франкировка, транспонировка* и др.

Таким образом, продуктивность суффикса *-к-а* в XIX в. оказывается значительной. По направлению к современности степень его продуктивности еще более возрастает [121].

§ 41. Особая продуктивность существительных на *-к-а* объясняется причинами как структурного, так и семантического характера.

1. Присоединение суффикса *-к-а* непосредственно к глагольной основе, с опущением собственно глагольных суффиксальных морфем (кроме элементов *-ов-, -ев-*), делает эти имена свободными от каких-либо оттенков, связанных с видовыми или залоговыми различиями производящих глаголов. Поэтому «глагольность» имен на *-к-а* ослаблена: им в равной степени свойственны значения опредмеченного процесса (*выброска* в море целого груза корицы. Петрашевск., [Объяснения о системе Фурье и о социализме]; ожидаю *присылки* парижских книжек. Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 25 июня 1814); предметное (первым моим распоряжением было уменьшить наполовину господскую *запашку*. Якушк.,

[121] В современном языке образование существительных с этим суффиксом от основ приставочных переходных глаголов приобрело черты регулярности, см.: Русский язык и советское общество. Проспект, стр. 31.

Из «Зап.»; моргание и странные *ужимки*. М. Глинка, Зап., 4) и совмещение в одном слове того и другого значения, реализующихся в контексте (явление, очень распространенное для имен на *-к-а*), ср.: система *покупки* крестьян (Н. Тург., Дневн., 24 сент. 1817); привоз и *покупка* обойдутся в три миллиона (Русск. вестн., 1810, № 3); необходимые *покупки* из харчей (М.-Сиб., Дикое счастье, XI); много дано места мелочам жизни, *рисовке* характеров (Суворин, Дневн., 17 окт. 1896); говорить без *рисовки* (Боборык., На ущербе, 3, XXII). Свобода в использовании имен на *-к-а* в этих разных значениях способствует их широкой употребительности.

Семантически имена на *-к-а* — самые емкие среди всех других отглагольных существительных; иногда у них развиваются значения более широкие, чем у производящего глагола, ср. *развязка* драмы, *завязка* романа.

2. Общеизвестно, что отглагольное имя обычно соотносительно не со всеми значениями производящего глагола, а лишь с одним или несколькими. Имена с суффиксом *-к-а*, образуясь от основ глаголов, от которых могут быть образованы и имена на *-ние* или безаффиксные, лексически размежевываются с ними и вырабатывают свой круг значений (ср.: *ломка* и *ломание*, *рисовка* и *рисование*) [122]. Таким образом, имена на *-к-а* увеличивают возможность более широкого вовлечения глагольных основ в сферу отглагольного именного словообразования.

3. Продуктивности суффикса *-к-а* в XIX в. способствовала утрата продуктивности имен с *-ние* от основ префиксальных глаголов сов. вида, соотносительных с глаголами несов. вида на *-ива-* (см. § 35); ср. *обработание* и *обработка*, *выучение* и *выучка*, *перевязание* и *перевязка* и т. п. [123]

4. В XIX в. активно пополняется группа глаголов с заимствованной основой на *-овать*, *-ировать*. Наравне с *-ние* и, по-видимому, почти без всякой семантической дифференциации, от этих основ свободно образуются имена с суффиксом *-к-а*.

5. Имена на *-к-а* в XIX в. употреблялись без каких-либо стилистических ограничений. Они известны и нейтрально-литературной речи и речи книжной.

> Обещал мне... ближнюю *командировку* (Данилов, Зап.); взяты были на *фуражировке* близ Городка (С.О., 1812, № 4); [Державин] охотно принимался за *переделку* стиха (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3); Скотт далеко превосходил Купера в *рисовке* характеров (Кюхельб., Дневн., 9 июня 1834); доволь-

---

[122] См.: Г. П. Рихтер. Словообразовательные параллели в системе русских имен действия. «Русск. яз. в шк.», 1957, № 4.

[123] См.: А. И. Васильев. Из истории образования имен действия в русск. языке. «Уч. зап. Киргизского гос. ун-та», вып. V. Славянский сб., I., 1958, стр. 52—55.

но удачно пел арии и *выходки* Рубини из «Анны Болены» (М. Глинка, Зап., 6); Я подметил способ *инструментовки* (Там же, 5); какие страсти возбуждаются от несоразмерности состояния с *издержками* (В. Соллог., Тарантас, VII), инженеры производят *нивелировку* для разных работ (Петрашевск., Карм. слов. иностр. слов); *костюмировка* по-зимнему (Петрашевск., Из письма к родным, 8 ноября 1856); тут *утрировки* нет (Леск., п. И. С. Аксакову, 23 марта 1875); *разучка* «Псковитянки» (Римск.-Корс., Летоп. моей музык. жизни, XI).

Имена на *-к-а* используются как производственные термины при обозначении процесса и орудия; см. в Словаре Бурнашева, I: *Декатировка* состоит в попеременном смачивании и высушивании ткани; *Колировка* глазком (садов. терм.); *Рафинировка*. Окончательная отделка сахара. Ср. еще: *выбивка* масла (Леск., Житие одн. бабы, 1, 1); *тромбовкой* утромбовали (Дост., Подросток, 2, 1, II); совершалась *промывка* золота (М.-Сиб., Дикое счастье, XI) и др.[124]

Существительные с *-к-а* обычны и среди разговорной и просторечной лексики: *выхрапка*, *выпляска*, *побывка*, *потачка*, *придумка* и т. д.

Свобода жанрово-стилистического использования имен на *-к-а*, естественно, способствует их широкому вхождению в словарь языка. Вместе с тем в языке XIX в. изучаемая модель еще не становится абсолютно регулярной. Этому препятствуют, кроме некоторых структурных ограничений (имена на *-к-а* не образуются, например, от основ глаголов на *-е/еjу*), ряд ограничений лексико-семантических: существование в системе языка более старых моделей отглагольных имен на *-ние*, *-тие* и безаффиксальных препятствовало установлению регулярности модели с *-к-а*. Однокоренные существительные с суффиксами *-к-а* и *-ние*, а также безаффиксные или исключают друг друга (*покупка*, *угон*, *распределение*) или, что чаще, различаются семантически или стилистически (ср. *наклонение*, *наклон* и *наклонка*; *указ*, *указание* и *указка*; *сплав* и *сплавка*; *прибавка* и *прибавление*). В соотношении типа *указание* и *указка*, *прибавление* и *прибавка* именам на *-к-а* свойственна более разговорная, именам на *-ние* — более книжная окраска [125]. Менее расходятся стилистически производные имена на *-ние* и *-ка*, образованные от глаголов с заимствованной основой на *-овать*, *-ировать*.

---

[124] В этой функции существительные на *-к-а* особенно употребительны в современном языке, см.: Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии.

[125] В терминологическом употреблении имена на *-ние* и *-к-а* могут существовать как дублеты (см.: В. П. Даниленко. Указ. соч.).

Изменения в словообразовании существительных с суффиксом *-ость*

§ 42. Для всей истории словообразовательной модели существительных с суффиксом *-ость* характерно постоянное расширение словообразовательных связей этого форманта с основами прилагательных разного происхождения и морфологического строения, рост активности и утверждение данной модели в качестве единственно продуктивной при образовании имен отвлеченного качества; соответственно происходило оттеснение синонимических формантов *-ота*, *-ина*, *-изна*, *-ство* в разряд непродуктивных или малопродуктивных [126].

Суффикс *-ость* принадлежит к общеславянским формантам и известен русскому языку искони. В древнерусском языке, как и в старославянском, связи этого суффикса с основами прилагательных были довольно узкими: здесь использовались основы непроизводных прилагательных (*хитрость*, *щедрость*) и основы на *-к-* (*-ъкъ*, *-ок*) (*крепость*). В дальнейшем связи суффикса *-ость* расширяются. С XIV в. в производящий ряд включаются основы прилагательных на *-л-* (*гнилость*, *светлость*), на *-тв-* (*мертвость*), *-ьн-* (*важьность*, *честьность*). С XV в. появляются образования на *-ость* от основ отглагольных и отыменных прилагательных на *-ив*, *-чив*, *-лив-* (*терпеливость*, *запальчивость*, *сипливость*), *-ав-* (*плюгавость*), *-тельн-* (*смертельность*). Одновременно расширяется образование существительных от основ прилагательных на *-н-* и *-к-*. С XIV в. появляются имена на *-ость* от основ причастий страдат. залога прош. вр. на *-нн-* и *-т-* (*униженность*, *надутость*).

Вплоть до XVII в. продуктивность суффикса *-ость* была в какой-то степени равной продуктивности синонимических суффиксов *-ота-*, *-ина*, *-изна*, *-ыня*, *-ство*. В древнерусском языке отмечены многочисленные дублеты, см. в Словаре Срезневского: *добрость*, *доброта*, *добрыни*; *доблесть*, *доблета*, *добльство*; *долгота*, *дължина*, *дългыни*; *кривость*, *кривота*, *кривизна*, *кривина*; *несытость*, *несытство*; *скудость*, *скудота*, *скудьство*; *слабость*, *слабота*, *слабство*; *хитрость*, *хитрство*; *чистость*, *чистота*, *чистина* и др. [127]

В XVII в. в функционировании изучаемой модели происходит коренной перелом: начиная с этого времени из рядовой по производительности в общей цепи параллельно функционирующих моделей с синонимическими формантами она превращается в наиболее активную. Суффикс *-ость* утверждается в языке в каче-

[126] Тщательное и всестороннее исследование развития данной словообразовательной модели в структурном и историческом аспекте дано Н. М. Шанским в канд. дисс. «Из истории имен существительных на *-ость* в русск. лит. языке». Настоящая глава в значительной степени построена на основных положениях и материалах этой диссертации.

[127] Полный список дублетов по Словарю Срезневского см. в указ. дисс. Н. М. Шанского, стр. 226—229.

стве основного морфологического средства для оформления имен со значением отвлеченного качества [128]. К концу XVIII в. суффикс *-ость* обладал почти всеми словообразовательными связями, известными современному языку: существительные на *-ость* могли образоваться от основ прилагательных как непроизводных, так и отыменного и отглагольного происхождения с суффиксами *-н-*, *-л-*, *-к-*, *-ок-*, *-ив-*, *-лив-*, *-енн-*, *-ав-*, *-ян-*, *-оват-*, *-тельн-*, *-овит-*, *-ов-*, а также от окачествленных причастий на *-м-* (см. в Словаре АР: *сгараемость*, *зыблемость*, *непроницаемость*) и на *-енн-*, *-т-*.

В конце XVIII и особенно в XIX в. происходит активное вовлечение в сферу действия суффикса *-ость* прилагательных с заимствованными основами на *-н-*, *-озн-*, *-уальн-*, *-альн-*, *-ичн-*, *-ивн-*, *-арн-*, *-абельн-*. В XIX в. фиксируется большое количество слов, образованных от таких основ: *абсолютность*, *аккуратность*, *авторитетность*, *банальность*, *базалаберность*, *безыдейность*, *бесконтрольность*, *бестактичность*, *бесталанность*, *бесформенность*, *бесцеремонность*, *вальяжность*, *гривуазность*, *гуманность*, *деликатность*, *интимность*, *идеальность*, *карикатурность*, *компетентность*, *мануфактурность*, *манерность*, *меркантильность*, *миниатюрность*, *мизерность*, *компетентность*, *парадность*, *пикантность*, *регулярность*, *резонность*, *галантерейность*, *комильфотность*, *бонтонность*, *популярность*, *нервность*, *предметность*, *рельефность*, *магнитность*, *портретность*, *пасквильность*, *литературность*, *скульптурность*, *толерантность*, *фривольность*, *форменность*, *фельетонность*, *характерность*, *эффектность*, *этикетность*, *элегантность*; *сферичность*, *пластичность*, *фантастичность*, *эксцентричность*, *историчность*, *лаконичность*, *лиричность*, *логичность*, *практичность*, *поэтичность*, *публичность*, *экзотичность*, *систематичность*, *симплистичность*, *теоретичность*, *фосфоричность*, *математичность*, *фантастичность*, *энергичность*, *эластичность*; *патриархальность*, *колоссальность*, *сентиментальность*, *бестиальность*, *индивидуальность*, *гениальность*, *материальность*, *машинальность*, *монументальность*, *официальность*, *нейтральность*, *провинциальность*, *рациональность*, *реальность*, *оригинальность*, *специальность*, *театральность*, *фундаментальность*, *формальность*, *национальность*, *либеральность*, *радикальность*, *пунктуальность*; *экспансивность*, *объективность*, *пассивность*, *непродуктивность*, *примитивность*, *субъективность*; *грациозность*, *религиозность*, *тенденциозность*, *шикозность*, *виртуозность*, *нервозность*, *курьезность*;

---

[128] Н. М. Шанский активизацию суффикса *-ость* в XVII в. объясняет юго-западным влиянием: среди лексических заимствований, проникавших из Юго-Западной Руси, большое место занимали слова на *-ость*; усвоение этой лексики способствовало оживлению словообразовательной модели уже на почве русского книжного языка.

социальность, *революционность*, *наивность*, *фамильярность*, *утилитарность* и др.

Органичения формальных связей суффикса *-ость* с основами прилагательных в XIX в. были очень незначительны: суффикс *-ость* почти не сочетается с основами на *-ск-ий* (см. единичные *людскость*, *зверскость*, *детскость*, *светскость*) [129], на *-овый* (единичные: *матовость*, *массовость*, *кастовость*); слабыми и нерегулярными оставались связи суффикса *-ость* с основами прилагательных с ударной флексией [130].

§ 43. Вплоть до конца XVIII в. имена на *-ость* не представляли собой целостной лексико-семантической группы с единым категориальным значением в той степени, как это им стало свойственно позже. Суффикс *-ость* в XVIII в. и ранее шире сочетался с основами прилагательных с ярко выраженными относительными или процессуальными значениями или страдат. причастиями прош. вр., не имеющими качественных значений.

Отсюда наряду с преобладающим значением отвлеченного качества еще в XVIII в. существительные на *-ость* могли иметь значения предметные или процессуальные. Ср., например: *единственность* — «особь, тело, единица»; *тяжественность* — «тяготение»; *притяжательность* — «притяжение»; *осуществленность* — «существование», *умственность* — «разум, духовная жизнь»; *мысленность* — «сознание, мысль, мышление»; *последственность* — «последствие»; *естественность* — «природа»; *пренебрежность* — «пренебрежение»; *предательность* — «предательство»; *подзорность* — «подозрение»; *постриженость* — «постриженье» и др. [131]

Наличием предметных значений в именах на *-ость* определялась в конце XVIII — нач. XIX в. их употребительность в форме множественного числа: *единственности*, *твердости*, *веселости*, *выспренности*, *первобытности*, *ветренности*, *неудобности*, *свирепости*, *смежности*, *последовательности*, *ласковости*, *пышности*, *бедности*, *прозорливости*, *совокупности*, *злости*, *неспособности*, *разумности*, *благопристойности*, *наружности*, *знатности*, *противности* и т. д. [132]

Не можем и измерять различные рода человеческого преуспевания, возвышения и низвержения по оным приписывае-

---

[129] Интересно отметить, что при наличии в русском языке дублетных прилагательных на *-ичный* и *-ический* имена на *-ость* формально восходят к основам на *-ичн-*: *фантастичность*, *теоретичность*, *экзотичность*, *систематичность* и т. п.

[130] В именах на *-ость* всегда сохраняется ударение производящей основы, при ударной флексии прилагательного (обычно — непроизводного) в производном имени ударение переходит на основу: *сухой* — *сухость*, *скупой* — *скупость*, *злой* — *злость*.

[131] См.: Н. М. Ш а н с к и й. Указ. дисс., стр. 349.

[132] Там же, стр. 351—353. См. также: Ф. И. Б у с л а е в. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 415.

мым свету отрочествам, *юностям*, мужествам и *престарелостям* (Десницк., Юридическ. рассужд.); думают, что они только одни могут пользоваться всеми *веселостями* (Крыл., Почта духов, XXIII); отказывался от всех *излишностей* (Карамз., П. р. п., Штаргард, 26 июня 1789); несмотря на все *настоятельности* России и Берлинского двора (Бибиков, Зап.); отрекшиеся уже от всех мирских *суетностей* (Моск. вестн., 1828, № 13).

При образовании от основ отглагольных прилагательных имена на *-ость* могли иметь более яркие глагольные значения отвлеченного действия, способности или склонности к выполнению действия, иногда полностью совпадающие со значениями имен на *-ние*:

Оставили только *оберегательность* своего сложения (Радищ., Путеш., Крестьцы); отъемлет трение *сомнительности* (Там же, Клин); В войсках *подчиненности* не было (Там же, Спасск. Полесть); говорил в опровержение их *сумнительности* (Болот., 2, 89); смягчивший свое властолюбие и *повелительность* свою притворным снисхождением (Жих., Зап. совр., II, 17 мая 1807); осмеивать слишком обыкновенную теперь *искательность* удовольствий (Устав Союза благоденств., I, 4); Простота и единство — суть отличительные качества подобного выражения. Вид этот я назову *отражательностью* (Марл., О романтике); Все это не скрылось от *замечательности* соблюдников (Атеней, 1828, №22); хотел придать сношениям своим с Карамзиным характер официальной *относительности* государя к подданому (Вяземск., Ст. зап. кн., 56). Ср. позднее: чувствую все неудобства его положения, всю *страдательность* его жизни (Грот, п. П. А. Плетневу, ноябрь 1840).

Уже в первой половине XIX в. суффикс *-ость* начинает избирательно относиться к основам отыменных и отглагольных прилагательных. У него ослабевают связи с прилагательными, имеющими только относительные или яркие процессуальные значения, и укрепляются связи с основами отсубстантивных прилагательных качественных или получивших качественные значения, а также отглагольных прилагательных, утративших процессуальные значения. Таким образом суффикс *-ость* приобретает единую функцию — служить средством образования существительных со значением отвлеченного качества и утрачивает возможность передавать другие значения — предметные и глагольные. Это явление было поддержано тем, что в языке XIX в. происходил активный процесс окачествления отыменных прилагательных и утраты процессуальных значений прилагательными отглагольными.

§ 44. К середине XIX в. типы производящих основ и значения существительных с суффиксом *-ость* сложились в том виде, как они существуют и в современном языке. Основным типом произ-

водящих основ здесь становятся основы отыменных и отглагольных качественных прилагательных, полностью или частично потерявших относительные и процессуальные значения; к ним примыкают основы причастий на *-енн-* и *-т-*. Сочетаемость суффикса *-ость* с этими основами в течение всего XIX в. является очень широкой.

Имена на *-ость*, образованные от основ прилагательных и причастий, обладающих прочными (словарными) качественными значениями, могущими служить определением к широкому кругу существительных разных семантических категорий, приобретают значение «признак, взятый абстрактно, в полном отвлечении от его носителя»: иметь *основательность*, сила *последовательности*, наша *подражательность*, труд *изобретательности*, степень *возмужалости* и т. д.

Признак, взятый отвлеченно, может быть прикреплен к какому-либо частному носителю, который в предложении обозначается существительным в форме родит. над.: *последовательность мысли*, *подражательность чужому слогу*, *изобретательность мысли*, *наглядность аргументов* и т. д.

Имена на *-ость*, образованные от прилагательных и причастий, имеющих отдельные качественные значения, точно соответствуют этим значениям и употребляются в предложении обычно в сочетании с тем словом, определением к которому является производящее прилагательное или причастие: *беглость ума — беглый ум*; *беглость ответа — беглый ответ*, *игривость ума — игривый ум* и т. д.

[Стародум] Оно неизмеримо выше всей *беглости ума* (Фонв., Недоросль, IV, 2); Я дивился в будущем государственном секретаре... этой *беглости ответов* (Телеск., 1831, № 20); Оставьте недругам вашим, французам, всякую *игривость ума* (Карамз., П. р. п., Лондон, сентябрь... 1790); Живость и *игривость ума* (Вяземск., Ст. зап. кн., 8); *игривость* и бойкость *слога* (Бусл., Мои воспом., VI).

Таким образом, наиболее типическим условием образования и употребления имен на *-ость* является наличие указания на носителя признака.

В то же время встречаются случаи употребления существительных на *-ость* в таком контексте, из которого не видно, с каким именно носителем, даже потенциальным, может быть соотнесен названный признак. В этих случаях отвлеченный признак выступает как субстанция.

Я узнал в этих страницах, более красноречивых и обольстительных, чем основательных, пламенную рьянность и софистическую, но блестящую *порывистость*, ироническую резкость и яркую *беглость* (Телеск., 1831, № 20); Но его, скажете вы, холодная расчетливость, систематическая *рассчитанность*... (Белинск., Герой н. вр.); Его вечная легкость

и *разметанность* сменилась тяжеловесностью неотвязчивой мысли (Леск., Соборяне, 5, 7); *Бурность* и *сокрушительность* предоставляли в удел правителям канцелярии (С.-Щ., Ист. одн. города, Обращение к читателю) и др.

§ 45. Во второй половине XIX в. получило широкое распространение образование имен на *-ость* от отыменных прилагательных с иноязычной основой, которые появлялись в языке как относительные, но очень легко могли получать качественные значения. Посредством образования имен на *-ость* от основ таких прилагательных как бы осуществлялись потенциальные возможности перехода их в разряд качественных. При этом часто возникает тонкая смысловая игра, дополнительные смысловые и образные ассоциации.

При всей бесчувственной *карикатурности* целого, вырывался острый порыв (Гоголь, Портрет, I); Бумага, поданная ею, была то самое письмо Мити..., которое Иван Федорович называл «математической» важности документом. Увы! за ним именно признали эту *математичность* (Дост., Бр. К., 4, V); Фельетонист скажет, что этот роман фельетонен... Самое определение *фельетонности*... [публика] вычитала не более как в фельетоне (Леск., Большие брани); напоминает мне о какой-то моей *конфектности* (Леск., Некуда, 3, 4); гвардейская *этикетность* (Леск., Ст. годы в с. Плодомасове, 2, 2); вы этого, по своей *провинциальности*, не поймете (Леск., Соборяне, 5, 4); Я называю это страшною *теоретичностью* и совершенным незнанием жизни (Дост., Подросток, 3, IV, II); парадность и *театральность* обстановки (Дост., Зап. из М. дома, 2, III); верность впечатления лежит где-то за чертой *этюдности* (Крамской, п. Ковалевскому, 15 апр. 1884. ЛК); замечания... касались *портретности* лиц (А. Пыпин, Грибоедов, В. Е., 1890, т. I, кн. 1).

§ 46. Именам на *-ость* искони было свойственно приобретать предметные значения, которые иногда могут быть единственными (*ведомость*), но значительно чаще совмещаются с отвлеченными (*любезность*, *трудность*, *подробность*, *способность*). В общей массе имен на *-ость* слова с предметными значениями составляют незначительное меньшинство.

Во второй половине XIX в. возможность употребления имен на *-ость* с предметным значением сокращается. Чаще всего эти значения развиваются у слов на *-ость*, соотносительных с прилагательными, не имеющими качественного значения, ср.: *собственность*, *национальность*, *конечность*, *наличность*, *окрестность*, *окружность*, *наружность*, *внутренность*; многие из них терминологичны.

Имена на *-ость* с предметными значениями могут выступать в форме множественного числа. В середине и во второй половине XIX в. эти формы употребляются обычно в стилистических целях,

для придания речи колорита народности или разговорности, обычно с элементом отрицательной оценки:

[А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а] Что, что, беспутная! Кто вбил в тебя такие *скверности*! (Остр., Свои люди — сочтемся, I, 2); большой стенной ковер, составлявший одну из непоследних «*шикозностей*» Зарницына (Леск., Некуда, 1, 29); Русские и зыряне, снабжающие их такими *галантерейностями*, не пропускают случая порядочно их надувать (Совр., 1847 , т. II); Париж... сделался сокровищницей женских *обнаженностей* и съестных припасов (С.-Щ., За рубежом, IV).

Такое использование существительных на *-ость* не получило широкого распространения: имена на *-ость* с предметным значением уступали место иносуффиксальным существительным, которым были более свойственны предметные значения. Так, существительное *излишности* (отказывался от всех *излишностей*. Карамз., П. р. п., Штаргард, 26 июня 1789) уступает место слову *излишества* (*излишества* всякого рода изнурили его здоровие. Пушк., Дубр., XIII); существительное *удобности* (завел все *удобности* и доход с них берет себе. Фонв., п. сестре, 7/18 дек. 1784) — слову *удобства* (более чистоты, *удобства*, того, что англ[ичане] называют comfort. Пушк., Путеш. из М. в Пб., Подсолнечная).

Характерно, что имена на *-ость* с иноязычной основой приобретают предметное значение лишь в тех редких случаях, когда производящее слово не может иметь качественных значений: с конца XVIII в. утверждается слово *национальность* с предметным значением, в XIX в. — *формальность*. В XIX в. «предметные» существительные на *-ость* с иноязычной основой обычно употребляются окказионально:

Частный был большой поощритель всех искусств и *мануфактурностей* (Гоголь, Нос, 2); живее чувствуются всякие *скульптурности* в обществе соотечественников (С.-Щ., За рубежом, V).

Ограниченность предметных значений у имен на *-ость*, образованных от прилагательных с иноязычной основой, объясняется, видимо, тем, что эти прилагательные в своей основной массе входили в язык в XIX в., т. е. тогда, когда процесс окачествления прилагательных протекал наиболее активно: они легко получали качественные значения.

§ 47. В XVIII—XIX вв. активизируется образование имен на *-ость* от основ причастий на *-м-* [133]: появляются такие образования, как *движимость*, *видимость*, *осязаемость*, *колеблемость*, *ожидаемость зависимость растворимость*, *растяжимость*, *рас-*

---

[133] В Словаре Срезневского зафиксировано два таких слова: *вѣдомость* и *знаемость* — из памятников XIV—XV вв. (см.: Н. М. Ш а н с к и й. Указ. дисс., стр. 168).

ширяемость, *совместимость*, *терпимость*, *утомляемость*, *возбудимость*, *осуществимость*. Эти образования означают или возможность проявления действия или возможность стать объектом действия. По направлению к современности количество таких образований несколько увеличивается.

По аналогии с такими именами с конца XVIII в. возникают отдельные образования с суффиксом *-мость*:

Вот довольно пылкая любовь и скорая *решимость* для молодой деревенской девушки (Крыл., Почта духов, XLIV); *Пребываемость* вещественного мира (Моск. вестн., 1828, № 14); *проводимость* грунта (Отеч. зап., 1839, т. IV); *стоимость* предмета (Петрашевск., Карм. слов. иностр. слов); За свою личную «*совратимость*» я, конечно, не боялся (С.-Щ., За рубежом, III); уменьшение *заболеваемости* (В. Е., 1890, т. VI, ноябрь).

В этих образованиях абстрагирующая функция *-ость* выражена в наивысшей степени: признак взят в абсолютном отвлечении от его носителя.

Итак, развитие словообразовательной модели существительных с суффиксом *-ость* имеет два направления. С одной стороны, для этого суффикса характерно расширение сочетаемости с основами прилагательных различного происхождения и структуры. Это сопровождалось оттеснением других формантов (*-изна*, *-ота*, *-ина*, *-ство* и др.), к концу XVIII в. утративших словообразовательную активность.

С другой стороны, суффикс *-ость* в конце XVIII — первой половине XIX в. утверждается в системе языка как средство выражения отвлеченного признака; другие значения (предметные, процессуальные) у имен на *-ость* сокращаются или исчезают. Это было поддержано активным процессом окачествления прилагательных и причастий в XIX в.

Изменения в словообразовании существительных с суффиксом *-ство*

§ 48. Суффикс *-ство* относится к общеславянским формантам, формирующим отвлеченную лексику [134].

Формальные связи суффикса *-ство*, начиная с древнейших времен, очень широки. В древнерусском языке он сочетается с основами разных частей речи — существительных (*апостольство*, *вражьство*, *мученичьство*, *государьство*, *девичьство*), прилагательных (*богатьство*, *храбрьство*, *коварьство*, *прозорьливьство*), глагола (*грабьство*, *сватовство*, *строиство*), наречий, местоимений, числительных, союзов (*качьство*, *свойство*, *единьство*,

[134] См.: А. Мейе. Указ соч., стр. 296.

тожьство) [135]. Широкая сочетаемость суффикса *-ство* с основами различного строения опиралась на закономерно возникающие при соединении основы и аффикса изменения: здесь были возможны чередования конечного согласного основы (*враг — вражество*), усечение основы (*коварный — коварство*), различного рода «наращения» (*пир — пиршество, новый — новшество, чуть — чувство*), вариантные видоизменения суффикса (*кустарничество, разбирательство*) и т. д. [136]

Уже в древнерусском языке наиболее продуктивен был тип образований на *-ство* от основ существительных; несколько менее продуктивен — от основ прилагательных, еще менее — от глагольных основ и основ других частей речи. На протяжении всей последующей истории продуктивность образования от основ прилагательных и глаголов сокращается, а продуктивность образования от основ существительных возрастает. Наиболее активно используются основы существительных со значением лица. В языке XIX в. наблюдаются факты, свидетельствующие о продолжении этих тенденций.

§ 49. Сокращение образований на *-ство* от основ прилагательных находилось в непосредственной связи с усилением активности суффикса *-ость*, который специализировался на передаче значений отвлеченного качества. С конца XVII в. образования на *-ство* начинают выходить из употребления, уступая место именам на *-ость* (см. § 42). К концу XVIII в. этот процесс завершается. Словарь АР дает незначительное количество дублетных образований на *-ство* и *-ость*: *буйность* и *буйство*, *великость* и *величество*, *досужесть* и *досужество*, *изящность* и *изящество*, *ленивость* и *ленивство*, *непразность* и *непразнство*, *пространность* и *пространство*, *равность* и *равенство*, *разность* и *разнство*, *строптивость* и *строптивство*, *тайность* и *таинство*, *удобность* и *удобство*, *храбрость* и *храбрство*, *несытость* и *несытство*, *свирепость* и *свирепство*. Показательно, что в дальнейшем только часть из перечисленных имен на *-ство* выходит из употребления (*свирепство*, *ленивство*, *храбрство*, *несытство*), другие же сохраняются в качестве устойчивых лексических единиц (*равенство*, *удобство*, *таинство*, *буйство*, *пространство* и т. д.).

В живом употреблении конца XVIII — нач. XIX в. имена на *-ство*, образованные от прилагательных, используются еще довольно свободно:

---

[135] См.: Э. М. Ножкина. Образование отвлеченных имен существительных с суффиксом *-ьство* в древнерусском языке. «Вопросы русского языкознания», Саратов, 1961, стр. 23—29.

[136] См.: Г. П. Павский. Указ. соч., II, стр. 52—54; Р. П. Никитинская. Отвлеченные существительные с суффиксом *-ство* в литературном языке Петровской эпохи. «Уч. зап. Кемеровского гос. пед. ин-та», вып. III, 1959, стр. 376 и сл.

Опрятство (Крыл., Почта духов, XXXIX); сделать *неучтивство* (Там же, XLII); Средь пышностей двора... среди его *приятств* (Держ., Письмо к супругу в Новый 1780 год); *смельство* видно бранно (Держ., Гимн лиро-эпический); журя за *шаловство* (Держ., Царь-девица); с *покорством* выносит докуки гостя (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3).

В это время имена на *-ость* от тех же основ могли употребляться рядом с именами на *-ство*, ср.:

Следы своего *свирепства* (Десницк., Сл. о способе к научению юриспруденции); изгнанные из южных Нидерландов *свирепством* королевских наместников (С. О., 1812, № 3) и: наказать вас за вашу *свирепость* (Вс. всячина, 27 апр. 1769); не жалуюсь на *свирепость* вашу (Карамз., П. р. п., Цюрих).

В языке сохранились отдельные слова на *-ство*, образованные от основ прилагательных, типа *богатство*, *ехидство*, *одиночество*, *неудобство*; будучи объединены общим значением отвлеченного качества, свойства, они в то же время обрастают индивидуальными оттенками значений (ср. семантическую емкость слов *богатство*, *неудобство*, *знакомство* и др.).

§ 50. Образование существительных с суффиксом *-ство* от глагольных основ было малопродуктивным. В языке XVIII в. отмечены: *буйство* (от *буяти*), *воровство*, *врачевство*, *действо*, *чувство*, *пособство*, *убийство*, *беспокойство* и др.[137] По направлению к современности подобные образования количественно сокращаются, частично заменяясь словами с другими суффиксами (ср. *пособие*, *действие*, *врачевание*).

Продуктивнее было образование имен на *-(и)тельство*, имеющих двойную структурную и семантическую соотносительность — с инфинитивом и с именем лица на *-тель*: *грабить*, *грабитель* — *грабительство*; *учредить*, *учредитель* — *учредительство*; *жить*, *житель* — *жительство* и т. д. Производные имена на *-тельство* по соотношению непосредственно с глаголом имеют значение отвлеченного действия (*грабить* — *грабительство*, *учредить* — *учредительство*), по соотношению с именами лиц — значение отвлеченного свойства или качества (*грабитель* — *грабительство*, *учредитель* — *учредительство*).

И в том и в другом случае существительное на *-тельство* опирается на семантику исходного глагола. Поэтому звуковой комплекс *-тельство* приобретает самостоятельность словообразующей морфемы и может присоединяться непосредственно к основе инфинитива: *вмешательство*, *запирательство*, *надругательство*.

В XIX в. в этой словообразовательной группе происходят процессы, направленные на установление непосредственной смысловой соотносительности всех производных имен на *-тельство* с именами лиц.

---

[137] См.: Р. П. Никитинская. Указ. соч., стр. 40.

Так, в конце XVIII — нач. XIX в. обычны были образования на *-тельство*, не соотносительные с именами лиц на *-тель*; такие существительные имели ярко выраженное глагольное значение:

Наряды делают только излишнее беспокойство и *помешательство* (Крыл., Почта духов, XIV); делали им в подвозе сем возможнейшее *помешательство* (Болот., 2, 89); крайнее *сумнительство* и недоумение (Там же, 95); истинный одолжитель твоих соотчичей добрым *водительством* сего дела (Бибиков, Зап.); учинить ложное *доносительство* в измене государю (Рычков, Опыт Каз. ист., X).

В дальнейшем образования этого типа или уходят из употребления, или резко сужают свои значения и сферу употребления. Во второй половине XIX в. они уже редки.

Представляю вашему *судительству* (Искра, 1859, № 25); его *проживательство* у Райнера (Леск., Некуда, 3, 9); производили публичное *оказательство*, чем они живы (Леск., Справедливый человек); Небрежение в богослужении и наглость в *обирательстве* неописуемы (Леск., п. И. С. Аксакову, 1 янв. 1875).

В это время такие образования начинают использоваться в стилистически выразительных целях:

Вот тут-то и начинается трагическое *раздирательство* (Писарев, Кукольн. траг., IV); ипокристское *закрывательство* от всех других своих истинных обстоятельств (Стасов, О знач. Иванова в русск. искусстве).

Имена на *-тельство* постепенно утрачивают значения процесса, действия: *Учительство* Зиновея шло по неизменным преданиям старины (Сверб., Зап., 2).

Существительные, соотносительные с именами лиц на *-тель*, составляют в XIX в. наиболее многочисленную группу имен на *-тельство*: *писательство*, *сочинительство*, *смотрительство*, *попечительство*, *свидетельство*, *мучительство*, *губительство*, *поручительство*, *покровительство* и т. д.; они имеют значение или характера деятельности или (вторичное) собственно предметное. Значительно меньшую группу составляют существительные на *-тельство*, не соотносительные с именами лиц на *-тель*: *невмешательство*, *обстоятельство*, *доказательство*, *вмешательство*, *замешательство* — с разнообразными лексическими значениями.

§ 51. В XIX в. активность словообразования существительных на *-ство* от основ имен лиц возрастает; в сферу влияния суффикса *-ство* включаются имена с иноязычной основой [138]. Появляются

---

[138] По-видимому, только имена лиц на *-ист* не дают производных на *-ство* (соотносительные с ними отвлеченные существительные имеют формант *-изм*).

слова: *аристократство, авторство, адвокатство, актерство, банкирство, вандальство, гаерство, гардемаринство, дебоширство, иезуитство, капральство, курфиршество, комиссарство, комиссионерство, корректорство, масонство, плебейство, министерство, меценатство, литераторство, помпадурство, фатство, селадонство, резонерство, фаворитство, фантазерство, фанфаронство, фиглярство, филистерство, фланерство, фразерство, новаторство, пуританство, доктринерство, докторство, политиканство, критиканство, шарлатанство, интриганство, импровизаторство, гимназичество, дилетантство, адъюнктство, антикварство, баронство, генеральство, джентельменство, губернаторство, императорство, капитанство* и т. д.

Имена на *-ство* свободно возникают вслед за появлением новых обозначений лиц: *народник — народничество, западник — западничество, крепостник — крепостничество, разночинец — разночинство, славянофил — славянофильство* и т. д. Их характеризует также соотносительность с соответствующими прилагательными на *-ский*.

Славянофильство есть русское дон-кихотство (Писарев, Русск. Дон-Кихот); Я не думаю, чтобы мое *западничество* лишило меня всякого сочувствия к русской жизни (Тург., Лит. и жит. воспом., Вместо вступл.); Он, воспитанный на крепостном праве, враг *крепостничества* (Чех., п. Ал. П. Чехову, 20 февр. 1883).

В XIX в. в сферу влияния суффикса *-ство* включаются новые основы — имена собственные. С общим значением «отвлеченное понятие или явление, характеризующееся чертами названного в основе лица» возникают существительные *вольтерьянство, кантианство, донкихотство, донжуанство* и т. д.

Такой образ мыслей, пожалуй, многие назовут *дон-кихотством* (Жих., Зап. совр., II, 4 марта 1807); исключительные права Ф. В. Булгарина на *выжигинство* (Телеск., 1831, № 16); *донжуанство* (Писарев, Реалисты, VII); наши дедушки забавлялись... *вольтерьянством* (Там же, I); доходит в своей скромности... до очевидного *молчалинства* (Там же, III); обвиненьице Верещагина в *подхалюзничестве* (Стасов, Оплеватели Верещагина); все это *мефистофельство*... мы как-то рано на себя напустили (Дост., Критич. статьи. Ряд статей о русск. лит-ре. Введение, III); Вообще я все решительнее становлюсь противником новейшей «критической струи» в марксизме и *неокантианства* (Ленин, п. М. А. и Д. И. Ульяновым, 20 июня 1899. Соч., т. 37, стр. 195).

Новым для XIX в. было образование имен на *-ство*, соотносительных с именами лиц на *-ец*, в свою очередь соотносительных с существительными на *-(е)ние* и прилагательными на *-ский*: *направленец — направленство, примиренец — примиренство*:

Посмелее взглянуть на казенщину обязательного *направ-*

ленства (Боборык., Перевал); с точки зрения строжайшего «*направленства*» (Нов. время, 1898, № 7857) [139].

Этот тип образования имен на *-ство* относится к самому концу XIX в.

Таким образом, в XIX в. суффикс *-ство* оказывается наиболее тесно связан с именами лиц.

Самым общим категориальным значением существительных на *-ство* является значение отвлеченного признака; оно конкретизируется в зависимости от значения производящего слова. Если лицо обозначено по должности, то существительное на *-ство* означает сферу деятельности, род занятий: *адвокат — адвокатство*, *городничий — городничество*, *редактор — редакторство*, *режиссер — режиссерство*; если лицо обозначено по отношению к каким-либо отвлеченным явлениям, то существительное на *-ство* обозначает общественное направление, течение: *старовер — староверство*, *народник — народничество*, *западник — западничество*; если лицо обозначено по обладанию каким-либо качеством, то имя на *-ство* обозначает отвлеченное качество: *ухарь — ухарство*, *герой — геройство*, *негодяй — негодяйство*, *банкрот — банкротство* и т. д. [140]

Семантическая емкость слов на *-ство*, образованных от имен лиц, поддерживается их способностью обрастать многообразными вторичными значениями [141].

§ 52. Среди вторичных значений существительных на *-ство* выделяется значение собирательности.

Значение собирательности именам на *-ство* было свойственно еще в древнерусскую эпоху; оно совмещалось с отвлеченными значениями качества и свойства [142].

В XVIII в. количество имен на *-ство*, употреблявшихся в собирательном значении, возрастает. Однако в это время значения собирательности и отвлеченного качества, свойства определяются контекстуально и еще не всегда четко разграничены [143].

В XIX в. потенциальная возможность употребления существительных на *-ство* в собирательном значении активизируется.

---

[139] Ср.: Ведь так еще долго будет на Руси, что овладевать стоящими женщинами будут «*направленцы*».— Как вы назвали?— *Направленцы*... Это не мое слово. Я его взял в какой-то газете (Боборык., На ущербе, 3, XIX).

[140] Поскольку существительные на *-ство* в своих значениях прямо следуют за производящими именами лиц, то перечислить все их значения трудно. Обычно такие перечисления оказываются неисчерпывающими (см., например: Э. М. Ножкина. О значении и употреблении имен существительных с суффиксом *-ство* в совр. русск. лит. языке. «Вопросы стилистики», вып. 1, Саратов, 1962, стр. 74—75).

[141] См.: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 121.

[142] См. о словах типа *боярство*, *воинство*, *человечество* в статье Э. М. Ножкиной «Значение имен существительных с суффиксом *-ьство* в древнерусском языке», стр. 47, 48.

[143] См.: Р. П. Никитинская. Указ. соч., стр. 384.

Клянусь, что *рыцарство* невинно (Карамз., П. р. п., Париж, майя ...); Церковь уже была наполнена *гражданством* обоего пола (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 9); сенатское *казначейство*... получило знатное приращение в своих доходах (Там же, 7); Он должен снизойти к *юношеству* (Атеней, 1828, № 21); это между *крестьянством* часто бывает (Н. Полевой, Расск. русск. солдата, I); Я застал в тогдашнем *гардемаринстве* и молодом *офицерстве* нравы... еще полудикие (Баласогло, [Из показания], 1); хорошо знала чурасовское *лакейство* (Акс., Детск. годы Багр.-вн., Чурасово); наше негодование обрушилось на мелкое *чиновничество* (Писарев, Реалисты, I); Здесь местилось всякое печерское *разночинство* (Леск., Печерск. антики, 26); *адвокатство*, *актерство*, *банкирство*,— все масоны (Суворин, Дневн., 18 июля 1907) и т. д.

В то же время перечисленные и аналогичные существительные на *-ство* употреблялись и в других значениях.

Гражданство есть право участвовать в общественном управлении (Н. М. Муравьев, Проект конст., I вариант); И у него просить денег! ...Какое нищенство, какое *лакейство* (Дост., Подросток, 2, 7, III); Чиновник до мозга костей и отделаться от этого *чиновничества* своего никак не может (Чех., п. А. С. Суворину, 18 окт. 1888).

По направлению к современности и в современном языке собирательные значения у имен на *-ство* все более активизируются[144], суффикс *-ство* становится морфологическим средством выражения собирательности [145].

§ 53. Образование существительных на *-ство* от основ неличных имен в языке XIX в. не имело широкого распространения; по направлению к современности количество таких образований сокращается. Ср. в XIX в.:

Отправиться на четырехлетнее *крейсерство* к американским берегам (Марл., Фр. «Н.», IV); *карьерство* распространит свое пагубное влияние (Н. Полевой, Делать карьер. ЛК); все через одно *изменство* (Леск., Очар., стр. 17).

Образования на *-ство* от основ неличных существительных в XIX в. чаще всего носят окказиональный характер:

Душа отдыхала, находя в ту эпоху *флюгерства* человека с таким мощным убеждением (Герц., Зап. одн. молч. чел., Патриарх. нравы гор. Малинова); Кого рефлексия, а нас

---

[144] См.: Э. М. Ножкина. О значении и употреблении имен существительных с суффиксом *-ство* в совр. русск. лит. языке.

[145] См.: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 156—157; Г. И. Миськевич. К вопросу о лексическом значении собирательных имен существительных совр. русск. языка. «Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та», 1959, т. LXXIII, вып. 6; В. И. Дегтярев. Категория собирательности имен существительных в совр. русск. языке. «Русск. яз. в шк.», 1958, № 6; М. Л. Попова. Категория собирательности имен существительных в древнерусском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1955.

кладбищенство заело.— Именно *кладбищенство* (Помяловск., Молотов); Тема... прискучивает своей однотонностью и *пейзанством* (Чех., п. Д. В. Григоровичу, 12 янв. 1888).

§ 54. Своеобразна по значению группа имен на *-ство*, образованных от названий животных, типа *зверство*, *скотство*, *хищничество*, *обезьянство*, *свинство*. Они соотносительны, с одной стороны, с переносными значениями исходных существительных (*зверь*, *хищник*, *скот* и т. д.), с другой стороны — с качественными значениями однокоренных прилагательных на *-ский* (*зверский*, *хищнический*, *скотский*). Им свойственно общее значение отвлеченного явления с отрицательной оценкой:

Образ жизни итальянский, то есть весьма много *свинства* (Фонв., п. сестре, 11/22 сент. 1784); неустройство правления и *скотство* национального характера (Фонв., п. сестре, 1/12 февр. 1785); *хищничество* испанского воинства (С. О., 1812, № 3); век скороспелок и *обезьянства* проходит (Загоск., Росл. 2, II); Так *зверств* и подлостей чума Россией властвует без меры (Огарев, Сим победиши).

С другими значениями образования этого типа встречаются очень редко:

Он сошлется на летающих рыб, которые на деле показывают, что *рыбство* не токмо стремится летать, но иногда и может (Герц., С того берега, Consolatio).

§ 55. Суффиксы *-ство* и *-ствие*, а также *-ие* (*-je*) еще в древнейшую эпоху выступали как синонимические в образовании отвлеченных существительных от именных и глагольных основ.

В конце XVIII — нач. XIX в. дублетные образования с суффиксами *-ство* и *-ствие*, *-ство* и *-ие* были широко распространены. Отмечено употребление дублетов: *бедство* и *бедствие*, *действо* и *действие*, *лукавство* и *лукавствие*, *злодейство* и *злодействие*, *насильство* и *насилие*, *препятство* и *препятствие*, *спокойство* и *спокойствие*, *содейство* и *содействие*, *сходство* и *сходствие*, *чародейство* и *чародействие*, *чувство* и *чувствие*, *царство* и *царствие*, *усильство* и *усилие*, *суеверство* и *суеверие*, *приличество* и *приличие*, *своевольство* и *своеволие*, *бездельство* и *безделие* и др.

В XIX в. в связи с тенденцией к утрате суффиксом *-ство* способности сочетаться с основами имен не-лиц, в языке остаются, как правило, существительные на *-ствие* и *-ие*, образованные не от имен лиц: *бедствие*, *действие*, *препятствие*, *содействие*, *усилие*, *суеверие*, *своеволие*, *безделие*, *насилие* и т. д. Напротив, при соотнесенности отвлеченных существительных с именами лиц остается имя на *-ство*: *царство*, *чародейство*, *злодейство* и т. п.

Эта общая закономерность проявляется довольно отчетливо. Однако есть некоторое количество слов, не подчиненных ее воздействию. Так, в языке остаются не соотносительные с именами лиц слова *чувство*, *сходство*, *лукавство* и, с другой стороны, *лицемерие*, соотносительное с *лицемер*.

В литературе XIX в. имена на *-ство*, дублетные по отношению к утвердившимся существительным на *-ствие* или *-ие*, могут быть использованы при стилизации «народной» или архаической речи:

Кротостью, да *смиренством*, да ласками нежными али вздохами и слезами хочешь взять? (Славутинск., Читальщица, III).

Развитие словообразования имен существительных на *-ство* (*-ество*, *-тельство*, *-ничество*) в XIX в. шло под знаком сужения сочетаемости этого суффикса с основами различных частей речи, кроме имен существительных. В системе существительных данный формант стремится ограничить сферу своего функционирования пределами основ существительных со значением лица. В этой области образование отвлеченных существительных на *-ство* в XIX в. было очень продуктивно.

Изменения в словообразовании существительных с суффиксом *-щин-а*

§ 56. Суффикс *-щин-а* (после зубных *-чин -а*) был довольно распространенным формантом в составе различных по значению и структуре отвлеченных существительных. С помощью этого суффикса от основ имен собственных и нарицательных [146] формировались названия религиозных сект (*аввакумовщина*, *никитовщина*, *авраамовщина*, *окулиновщина*, *беспоповщина*, *хлыстовщина*), различных экономических явлений (*барщина*, *боярщина*, *поденщина*, *испольщина*, *паньщина*, *артельщина*, *застольщина* [147]); обозначения понятий, связанных с географическими или этническими названиями (*китайщина*, *азиатщина*, *татарщина*); географические или этнические названия (*Лобановщина*, *Головинщина*, *Братовщина*, *Дубовщина*, *Гетмановщина*, *Неметчина*, *Туретчина*); собирательные обозначения коллективов, сообществ (*армейщина*, *гарнизонщина*, *гвардейщина*); отвлеченные обозначения различных явлений (*солдатчина*, *рекрутчина*, *братовщина*); обозначения совокупностей предметов (*воровщина* — «краденые вещи, воровское добро». Сл. Даля; *галантерейщина*). Кроме перечисленных групп, есть образования типа *бесовщина*, *чертовщина*, *дьявольщина*, *боговщина*; *небывальщина*, *невидальщина*, *бестолковщина* и др.

Существительные на *-щин-а*, таким образом, представляют собой класс слов, различающихся не только обобщенным значением, но и экспрессивной окраской.

В XIX в. суффикс *-щин-а* активизируется в образованиях со значением отвлеченного явления, общественного направления, течения (чаще всего — с отрицательной оценкой). Появляются новообразования типа *обывательщина*, *кружковщина*, *военщина*,

[146] Суффикс *-щин-а* в большинстве случаев присоединяется к именной основе, совпадающей с основой прилагательного на *-ский* (*беспоповский — беспоповщина*, *чертовский — чертовщина*).

[147] «Это то, когда дворовые люди получают господский стол». Словарь Бурнашева, I.

уголовщина, *постепеновщина* и т. д.[148]; в большинстве случаев они входят в состав общественно-публицистической терминологии.

Расширяется круг производящих основ: суффикс *-щин-а* начинает сочетаться с основами имен собственных — фамилий. Такие образования активно возникали в течение всего XIX в.:

Стихи пахнут *сумароковщиной* (Жих., Зап. совр., II, 22 мая 1807); В *тредьяковщину* заехал (Там же, II, 3 феврал. 1807); *Хвостовщина* объявила явную войну врагам своим (И. Дм. п. Д. И. Языкову, 24 дек. 1805); *лагарповщина* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, Примеч. к первой части); *пугачевщина* (Загоск., Росл., 1, V); *бироновщина* (М.-Печ., Бабушк. россказни, II); До всех родственников своей супруги, до всей *неклюдовщины*, как он называл их, Степан Михайлович был большой неохотник (С. Акс., Сем. хрон., Новые места), повесть сия пахнет *бестужевщиной* (Никитенко, Дневн., 2 окт. 1827); *хлестаковщина*; *репетиловщина* (Лекс., Некуда, 1, 29); Отталкивала меня от него настоящая *ноздревщина* (Леск., Отборное зерно, 1); *—О-бломов-щина*! — медленно произнес Илья Ильич, удивляясь этому странному слову и разбирая его по складам.— *Об-ло-мовщина*! (Гонч., Обл., 2, V); доморощенная *байроновщина* (Помяловск., Молотов); *маниловщина* (Дост., Зап. из М. дома, 2, II); уличить их в незнании парижской литературы, а особливо *мопассановщины* (Чех., п. М. В. Киселевой, 21 сент. 1886); Бедный наш, бедный будущий ЦК! У кого будет он искать защиты от гнета *аракчеевщины*? (Ленин, Максимум беззастенчивости и минимум логики. Соч., т. 7, стр. 49).

Характерным для развития изучаемых имен является закрепление за ними отрицательной экспрессии; образование эмоционально невыразительных имен становится непродуктивным. Некоторые ранее образованные и не имеющие эмоционально-оценочных оттенков существительные подчиняются общей закономерности и приобретают этот оттенок, ср. в начале века нейтральное употребление существительного *самодельщина*:

Милости просим, водочки, какой кому угодно: все *самодельщина* (Жих., Зап. совр., II, 14 марта 1807).

Образование имен на *-щина* без отрицательной экспрессии во второй половине XIX в. и в современном языке сравнительно редко, ср.: Эта мелодия есть в меланхолиях северных пейзажей у Грига, в песнях средневековых трубадуров и в романтике нашей родной русской *тургеневщины* (В. Е. Борисов-Мусатов, п. А. Н. Бенуа, 1905. Тарусские страницы. Калуга, 1961, стр. 265).

Словообразовательные процессы, протекавшие в XIX в. в системе отвлеченных существительных, в определенной степени

---

[148] См.: В. В. Виноградов. Русск. язык., стр. 140—141.

зависели от движений в системе лексики, в частности от актуальности тех или иных семантических разрядов слов внутри класса существительных: продуктивность словообразовательной модели, кроме всех прочих факторов, оказывалась в непосредственной связи с актуальностью значений производных. К таким актуальным семантическим категориям в XIX в. относились, например, имена отвлеченного качества, обозначения общественных течений и направлений; соответственно были очень активны образования с суффиксами *-ость*, *-ство*, *-щин-а*. Аналогичные явления наблюдаются в именах лиц: актуальной семантической категорией в этот период были названия лиц по разного рода общественным признакам — по роду занятий, по принадлежности и общественным группировкам и т. д. С этим связана наметившаяся к концу века и вызвавшая появление новых моделей тенденция к синтетическому сжатию в одном слове развернутых определений лица по общественному признаку (*общественник*, *самобытник*, *направленец*).

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СИСТЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 57. Интенсивное заимствование слов с интернациональными формантами *-ист*, *-ант*,- *-ент*, *-тор*, *-ир*, *-ер*, *-ик*, *-изм*, *-ика*, *-ия*, *-ат*, *-ит* и др. началось с середины XVIII в.[149] В конце XVIII — нач. XIX в. в русском языке широко представлены заимствованные слова, содержащие почти все указанные форманты. В дальнейшем происходит качественное увеличение соответствующих групп слов.

По мере накопления в языке заимствований, вычленявших иноязычные форманты, помимо их словарного усвоения, происходило усвоение этой лексики и словообразовательной системой языка. Этот процесс не сводился к освоению иноязычных формантов и включению их в словопроизводство существительных наподобие русских суффиксов; он носил иной характер.

Освоение иноязычных слов в словообразовательном отношении основывалось на их потенциальной морфологической членимости, которая была свойственна большинству иноязычных заимствований[150] и благодаря которой у этих слов выделялись форманты

[149] Наиболее полный свод заимствованной лексики для начала XIX в. см. в «Новом словотолкователе» Яновского.

[150] Морфологическая членимость иноязычных слов возникла благодаря повторению «основы» в ряде образований (*атеист — атеизм*) или существованию ее в свободном состоянии (*флейта — флейтист*) (горизонтальный ряд сопоставлений) и повторению словообразовательного форманта в комбинации с разными «основами» (вертикальный ряд сопоставлений): *атеист*, *эгоист*, *апологист*, *геодезист*, *журналист*; *антропоморфизм*, *аристократизм*, *атеизм*, *эллинизм* и т. д. (см.: М. Фограши. Материалы к истории суффиксов *изм-* и *-ист* в русск. языке. «Studia Slavica», II, Budapest, 1956).

с абстрагированным значением личным, отвлеченным и (реже) предметным.

Членимость иноязычных слов придает им черты производности: заимствованные слова в русском языке приобретают черты живых, осознаваемых с формальной стороны конструкций. Это свойство роднит их с основной массой русских существительных. Соотносительные ряды заимствований, таким образом, представляют собой такие словесные объединения, которые могут быть сравнимы с русскими словообразовательными типами, или моделями. Это сравнение показывает, что в большинстве случаев группы слов, объединенных по формальному признаку, не идентичны словообразовательному типу (модели); но на фоне таких словесных группировок имеют место объединения, обладающие признаками словообразовательного типа (модели). Для первых характерно нетипизированное семантическое соотношение «основ»; для вторых, напротив, соотношение основ представляет собой типизированное и регулярное семантическое соотношение: они обладают мотивированным значением.

Заимствования с нетипизированным соотношением «основ»

§ 58. Конкретные значения таких слов, несмотря на их возможную членимость, наличие «свободной» или «связанной» основы, не вытекают из их морфологического состава. Эти значения имеют не типический, а «индивидуализированный» характер. Так, слово *квартирант* свободно членится на русской почве на производящую основу *квартир(а)* и суффикс *-ант*; однако конкретное значение «производного» *квартирант* не составляется из суммы значений его составных частей: формант *-ант* не придает «производному» конкретно-обобщенного значения, так как не передает типизированного семантического соотношения между производной и производящей основами. Содержащие тот же формант и выделяющие аналогичную «свободную» основу образования (*фабрикант*, *диссертант*, *диспутант*) семантически разнородны, не объединены единым категориальным значением (кроме общего значения лица); ни в одном из морфологически однотипных «производных» его значение не поддержано значением другого, не предопределено строением слова. Предопределенным выступает лишь самое общее значение лица.

Из этого следует, что выделяемый иноязычный формант не идентичен русским суффиксам: он не специализирован для передачи одних и тех же обобщенно-конкретных значений. А это значит, что связи его с «основами», относящимися к разным семантическим категориям (ср. *квартира*, *фабрика*, *диссертация*, *диспут*), шире и свободнее, чем соответствующие связи русских формантов. Иноязычные форманты имен лиц обозначают только

лицо, отвлеченных имен — только отвлеченное понятие. Слова *квартирант*, *фабрикант*, *диспутант* и им подобные различаются не частными оттенками в значении, связанными со значениями основ, а в целом, как отдельные лексемы, отдельные словарные единицы.

Свободная, неспециализированная связь форманта с основами проявляется и в том, что одно и то же значение может быть легко передано различными формантами, ср., например, *романист*, но *прозаик*, *драматург*; *диссертант*, но *рецензент*; с другой стороны, одни и те же форманты входят в совершенно различные по семантике образования, ср. *персонаж*, *массаж*, *тоннаж*. Связь иноязычного форманта с какой-либо основой на русской почве осознается не предопределенной какой-либо ярко выраженной закономерностью. Языком заимствуются не модели, а слова, и большинство заимствований укрепляется в языке как отдельные слова, не входящие в ряды регулярных словообразовательных соотношений.

Для системы словообразования существительных в русском языке эти «словообразовательные» свойства иноязычных заимствований имели большое значение.

Русских суффиксов, сочетающихся с иноязычными именными основами, было немного: это *-ник* (*балладник*), *-щик* (*-чик*) (*буфетчик*, *апельсинщик*). Эти форманты были ограничены в своих возможностях: в процессе развития словообразовательной системы и взаимодействия их друг с другом у этих суффиксов выработались довольно узкие, специализированные значения; связи их с основами были ограничены пределами лишь некоторых семантических групп (см. § 9, 15). Они передавали строго определенные отношения между производной и производящей основами и других значений передавать не могли. Эти ограничения поддерживались и углублялись характерной для XIX в. тенденцией русского именного словообразования к все большей специализации словообразовательных формантов.

Таким образом, передача средствами русских формантов разнообразных значений слов, производимых от иноязычных основ и не составляющих определенных лексико-грамматических групп, оказывалась невозможной. Русские форманты относились к иноязычным производящим основам избирательно: лишь немногие из таких основ включались в сферу влияния русских суффиксов [151].

Итак, иноязычные заимствования, восполняя недостающие звенья в словообразовании имен существительных, в то же время не входили в эту систему на правах активных словообразующих элементов, оставаясь в категории выделяемых, но не образующих формальных единиц. Поэтому они не подлежат чисто словообра-

[151] О различных словообразовательных свойствах иноязычных и русских формантов свидетельствует немногочисленность и случайность дублетных образований (типа *конторщик* — *конторист*, *органщик* — *органист* и др.).

зовательному анализу на русской почве: подобные слова остаются целиком в пределах собственно заимствований.

Характер такого освоения заимствований русским языком не позволяет выделять отдельные группы слов, объединенных одним словообразовательным формантом, и анализировать их наподобие словообразовательных типов русских существительных [152]. Группы слов, объединенных одним формантом, распадаются на отдельные единицы, не связанные обобщенно-конкретным значением, а иногда принадлежащие к различным лексико-грамматическим категориям (лица, отвлеченного явления, предмета) [153].

Словообразовательные группы заимствований с типизированным соотношением основ

§ 59. Из общей массы заимствований выделяются группы существительных с типизированным соотношением основ и мотивированным значением, т. е. такие, производящие основы которых объединены однотипным значением и в которых один и тот же формант, выделяемый из состава производных, передает регулярные смысловые соотношения между производящим (более простым по составу) и производным (более сложным по составу).

В языке существуют семантические категории, в которых производные имена с мотивированным значением возникают легче всего. Это — обозначение лица по отношению к предмету или отвлеченному понятию. При обозначении лица по отношению к предмету (в широком смысле) производные существительные получают мотивированное значение в том случае, если в них свободно выделяется однотипная производящая основа: *флейта — флейтист*, *фагот — фаготист*, *виолончель — виолончелист* и т. д. (открытый для пополнения ряд). При обозначении лица по отношению к отвлеченному понятию мотивированное значение приобретается при регулярном семантическом соотношении двух разнооформленных однокоренных существительных (*атеист — атеизм*, *деист — деизм*, *эгоист — эгоизм* и т. д.) В этом случае выделяется «связанная» основа.

При таком типе соотношений (с мотивированным отношением между производящим и производным) на базе целых групп заимствований формируются словообразовательные категории, по-

---

[152] См.: С. И. Ожегов. Существительные на *-аж* в русск. языке. «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», 1947, вып. 3; В. Г. Костомаров. Существительные на *-ист* в русск. языке. «Проблемы изучения языка», М., 1957.

[153] При выделении таких слов наравне со словообразовательными моделями русского языка попытки «обобщить» значения, передаваемые формантом, сводятся к перечислению далеких и не связанных друг с другом лексических значений тех слов, которые в эту группу входят (см., например: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 109—111).

добные русским словообразовательным моделям; они активно функционируют в языке.

При освоении иноязычной лексики в словообразовательном плане в XIX в. и позже наблюдается тенденция к увеличению групп существительных с мотивированным значением, т. е. к увеличению числа моделей.

В самом общем виде эта тенденция проявляется в стремлении унифицировать морфологическое строение аналогичных по значению образований, создать регулярные соотносительные ряды. Так, например, в начале XIX в. встречались колебания при оформлении имен лиц, соотносительных с названием какой-либо науки, отрасли знаний, обозначенной существительным на *-ия* (*анатомия*), *-логия* (*этимология*); встречаются дублеты: *анатом*, *анатомист*, *анатомик*; *этимолог*, *этимологист*. В языке, как правило, остается слово с типическим для этого рода слов строением: *анатом* (ср. *философ*, *дипломат*) [154], *этимолог* (ср. *физиолог*, *психолог*, *геолог*, *филолог*). С отвлеченными существительными на *-ика* (*физика*, *романтика*, *практика*, *политика*) соотносятся имена лиц на *-ик*. В XIX в. имели место колебания в оформлении отдельных слов: одновременно с *ботаник* (*ботаника*) могло встретиться *ботанист* (*ботанист*-описатель. Отеч. зап., 1839, т. IV), которое выходит из употребления [155].

На основе этой общей тенденции, которая для какой-то части образований оформляется в последовательную закономерность, возникают словообразовательные группы с мотивированным значением производных. Число этих групп исторически изменчиво. Как правило, с течением времени количество их увеличивается. Наибольшее число групп существительных с мотивированным значением приходится на долю суффиксов *-ист* и *-изм*.

Словообразовательные группы существительных с суффиксами *-ист* и *-изм*

§ 60. Уже в конце XVIII — нач. XIX в. из всего лексического разнообразия имен лиц на *-ист* вычленяется несколько групп, объединяющих слова с мотивированным значением и «свободной основой».

1. К числу первых таких групп относится группа существительных — названий лиц по отношению к музыкальному инструменту со значением «играющий на инструменте, названном осно-

[154] В XIX в. встречались формы *дипломатик*, соотносительные с существительным *дипломатика*, которое было заменено существительным *дипломатия*.

[155] Было бы неверно думать, что словообразовательная соотносительность такого рода носила абсолютно последовательный характер, ср. *гимнастика* и утвердившееся в языке *гимнаст*, хотя в XIX в. было более «закономерное» образование *гимнастик*; ср. также оставшееся в языке *прозаик* при имевшем место в начале XIX в. *прозаист* (ср. *роман — романист*, *юмор — юморист*, *фабула — фабулист*).

вой» *арфист*, *альтист*, *бандурист*, *виолончелист*, *волторнист*, *гитарист*, *гобоист*, *контрабасист*, *кларнетист*, *органист*, *пианист*, *фаготист*, *фортепьянист*, *флейтраверсист*, *флейтист* и т. д. К началу XIX в. суффикс *-ист* выступал как монопольное средство в передаче этого значения и обладал свойством активного словообразующего форманта. Благодаря этому в сферу его влияния была включена русская основа и образовано производное *гуслист* [156].

На протяжении XIX в. и в современном языке эта группа слов пополняется новообразованиями, частично возникающими непосредственно в русском языке [157] (*комузист — комуз*, *зурнист — зурна*).

2. В качестве активного словообразовательного средства формант *-ист* утверждается в названиях лиц по отношению к произведению искусства (литературы, живописи и т. д.) со значением «создающий указанный основой предмет искусства, творящий в этом жанре, манере и т. д.»: *романист*, *панегирист*, *фабулист* (Еще сказать могу, что я и *фабулист*, и трагик, и сатирик. Измайлов, Страсть к стихотворству), *памфлетист*, *аллегорист* («писатель аллегорий». Сл. 1847 г.), *анекдотист*, *водевилист*, *фельетонист*, *эпиграммист*, *портретист*, *каррикатурист*, *акварелист*, *миниатюрист*, *мозаист* и т. д.

Эта группа пополняется в современном языке: *либреттист*, *сценарист*, *плакатист* [158]. От русской основы: *очеркист*.

3. Самую обширную группу, наиболее активно пополняющуюся на протяжении XIX в. и в современном языке, составляют имена на *-ист* со значением «сторонник, приверженец», образованные от иноязычных фамилий. Посредством этих существительных лица обозначаются по отношению к системе взглядов, учению, общественному направлению, связанным с именем деятеля: *мартинист*, *пиччинист*, *месмерист*, *кальвинист*, *огюстконтист*, *овэнист*, *дарвинист*, *бонапартист* и др.

Имена на *-ист* этой группы были включены в активно развивающееся в XIX в. словообразовательное соотношение с именами на *-изм*, образованными от аналогичных основ со значением общественно-политического направления, учения, системы взглядов, области деятельности и т. д.: *буланжизм* (Буланже), *гегелизм* (Гегель), *бернинизм* (Бернини), *беккеризм* (Беккер), *байронизм* (Байрон), *бонапартизм* (Бонапарт), *вольтерьянизм* (Вольтер), *дарвинизм* (Дарвин), *маккиавелизм* (Маккиавели), *оссианизм* (Оссиан), *овенизм* (Овен), *петраркизм* (Петрарка), *сен-симонизм* (Сен-Симон), *фурьеризм* (Фурье) и т. д.

---

[156] Слово отмечено Словарем АР. См.: Г. П. Павский. Филологические наблюдения. Рассужд. II, стр. 108; И. Давыдов. Опыт общесравнит. грам., стр. 137.

[157] См.: В. Г. Костомаров. Указ. соч., стр. 124—125.

[158] Там же, стр. 130.

Имена на *-ист*, соотношение которых с именами на *-изм* на протяжении XIX в. углубляется, постепенно приобретают более емкое значение «имеющий отношение к явлению, названному соотносительным существительным на *-изм*».

Группа этих существительных активно пополняется новообразованиями. По-видимому, применение понятия «словообразовательная модель» прежде всего возможно по отношению именно к этой группе имен. Имена этой группы конкурировали с образованиями с исконным русским суффиксом *-ец*. Обе модели сохраняются в языке на положении продуктивных и разграничиваются по признаку происхождения основ: от иноязычных фамилий имена лиц образуются преимущественно с суффиксом *-ист*, от русских — с суффиксом *-ец* (см. § 17).

В языке XIX в. зарождаются словообразовательные модели с иноязычными основами и формантами и с другими значениями. Так, в конце века появляется несколько отдельных слов, обозначающих лицо по отношению к прибору, механизму, машине: *телеграфист*, *велосипедист* (ранее существовало *машинист*). В современном языке обозначение лиц по отношению к механизму становится активно пополняющейся группой слов с мотивированным значением [159]. К такой же группе в современном языке относятся и обозначения лиц по занятию каким-либо видом спорта и др.

Очень большая и самая продуктивная группа имен на *-ист* выделяется по соотношению с именами на *-изм* со связанными основами: *деизм — деист*, *эгоизм — эгоист* и т. д.

Становление этого соотношения, получившего в конце концов значение словообразовательной модели, складывалось в XIX в. постепенно. В начале XIX в. из всего количества слов на *-ист* и на *-изм* выделилась группа соотносительных лексем: именем на *-ист* обозначалось лицо по отношению к явлению, названному существительным на *-изм*. Количество таких соотносительных пар было невелико; см., например, в «Новом словотолкователе» Яновского: *атеист — атеизм*, *галенист — галенизм*, *деист — деизм*, *квиэнтист — квиэнтизм*, *материалист — материализм*, *оптимист — оптимизм*, *политеист — политеизм*, *раввинист — раввинизм*, *роялист — роялизм*, *синкретист — синкретизм*, *софист — софизм*, *теист — теизм*, *фаталист — фатализм*, *феист — феизм*, *эгоист — эгоизм*. Эти соотносительные пары существительных, объединенные и формально и семантически [160], тонули в мас-

[159] См.: В. Г. Костомаров. Указ. соч., стр. 129, 130.

[160] См., например, у Яновского: *галенизм* — «медики разумеют под сим словом учение Галена»; *галенист* — «сим словом означают медики тех, кои привержены к учению Галена»; *квиэнтизм* — «система или учение некоторых таинственников»; *квиэнтисты* — «исследователи системы квиэнтизма»; *раввинизм* — «учение раввинов»; *раввинист* — «последователь учения раввинов»; *федерализм* — «система федерального правления»; *федералист* — «сообщник, защитник федерализма или федеральной стороны».

се слов на *-изм* и *-ист*, не составляющих таких пар, т. е. таких, значения которых формировались независимо друг от друга. Так, имена на *-ист* типа *антагонист*, *гуманист*, *идеалист*, для которых «Новый словотолкователь» Яновского не отмечает параллельного слова на *-изм*, имели общее значение, определяющее лицо по личным склонностям и свойствам, чертам характера и т. д. Имена на *-изм*, не соотносительные с именами на *-ист*, приобретали чаще всего предметные значения (*анахронизм*, *англицизм*, *афоризм*, *барбаризм*, *галлицизм*, *германизм*, *лаконизм*, *латинизм*, *пароксизм*, *ревматизм*, *силлолизм* и др.).

На протяжении XIX в. происходит одновременное увеличение количества имен на *-ист* и на *-изм*, вычленяющих одну и ту же основу — свободную или связанную. Такие соотносительные пары, естественно, теснее сближались и по значению, усиливалась их семантическая соотносительность. При появлении имен на *-изм*, соотносительных с уже имевшимися именами на *-ист* (*гуманист — гуманизм*, *антагонист — антагонизм*, *идеалист — идеализм*, *капиталист — капитализм* и др.), имена на *-ист* утрачивали ранее им свойственные значения и приобретали значения, обусловленные этой соотносительностью. При этом имена на *-ист* могут в какой-то степени утрачивать связи со «свободной основой» (*капитал — капиталист*, *Дарвин — дарвинист*) и приобретать лишь те значения, которые обусловлены их соотнесенностью именами на *-изм* (*капитализм — капиталист*, *дарвинизм — дарвинист*). Так имена на *-ист* приобретают обусловленное (мотивированное) значение «имеющий отношение к явлению, обозначенному существительным на *-изм*» [161]: семантическое соотношение перерастает в словообразовательную закономерность. Численному увеличению этих имен способствует взаимообусловленная продуктивность. Каждому новообразованию на *-изм* со значением «общественное явление, направление, система взглядов» соответствует имя лица на *-ист* и наоборот.

В современном языке появление групп слов с мотивированным значением может иметь место и среди существительных с другими суффиксами, например среди существительных с суффиксом *-аж*, образованных от названий единиц измерения. Производные с формантом *-аж* получают значение собирательного обозначения меры: *тоннаж*, *километраж*, *литраж*, в современном языке в эту группу подключаются и русские основы: *листаж* [162]. Ср. окказиональные образования *строкаж*, *рубляж*.

---

[161] Категория имен на *-изм* включает слова, и не имеющие значения «отвлеченное явление, направление и т. д.», например *галлицизм*, *механизм*, *организм* и т. д.; они не входят в группу образований с мотивированным значением.

[162] См.: С. И. Ожегов. Указ. соч.

О характере использования иноязычных формантов в сочетании с русскими основами

§ 61. Иноязычные форманты не усваиваются русским языком как словообразующие элементы. На их базе не создается словообразовательных типов с использованием русских основ. Вместе с тем их общее значение на русской почве так живо, а употребление в составе иноязычных слов так привычно, что в отдельных случаях эти форманты присоединяются к русским основам.

Появление отдельных слов, образованных посредством интернациональных формантов от русских основ, носит несистематический характер и не означает появления модели.

В языке XIX в. образования от русских основ возникают главным образом под влиянием и по аналогии с существительными, группируемыми в модели, т. е. соотносительные ряды с типизированным соотношением основ. Русская основа в результате присоединения форманта подводится под общее значение, свойственное иноязычным лексическим единицам, содержащим этот формант. С формантами личными возникают имена, обозначающие лиц по отношению к лицу, явлению или предмету, названному основой: *карамзинист*, *шишковист*, *пушкинист*, *катковист*, *бакунист*, *самодержист*, *декабрист*, *землист* («Земля и Воля»), *лаврист* (Лавров), *октябрист* и т. д. С формантами отвлеченных имен — существительные, обозначающие отвлеченные понятия: *октябризм*, *декабризм*, *пушкинизм* (Он не считал себя фанатиком *пушкинизма*, а только любил поэта с детских лет. Боборык., Обречена, I).

Общее значение каждого из перечисленных и аналогичных образований значительно слабее их конкретных «индивидуализированных» значений; реальные значения являются решающими при определении смыслового содержания каждого из таких образований. Слова *декабрист*, *октябрист*, означают лицо по отношению к исторически определенным событиям и явлениям. Значение слова может изменяться в зависимости от того реального содержания, которое его наполняет. Так, слово *пушкинист* в конце XIX в. имело значение «поклонник Пушкина, любитель поэзии Пушкина» (Он почувствовал на этот раз какое-то молодое щекотание в груди. Не даром считал он себя *пушкинистом*. Боборык., На ущербе, 1, XVIII). В XX в. оно утвердилось в языке со значением «исследователь творчества Пушкина, пушкиновед». Благодаря всем этим свойствам образования от русских основ с иноязычным формантом распадаются на отдельные лексемы, связь между ними носит формальный характер. Такие образования не составляют целостной лексико-морфологической (словообразовательной) группы.

В языке XIX в., особенно в конце его, имело место образование отдельных слов с произвольным использованием иноязычных

формантов, без аналогичных образцов: *цыганист*, *скакёр*, *службист*, *чепушист*:

[Г о л ь т е н и н] Ну где же вам тягаться с нами,— И с прогрессистами, И с *цыганистами* (Все правы по своему, II, 10, Москвит., 1856, № 4);—Будете участвовать на больших скачках? — *Скакёром* я не желаю быть,— выговорил князь (Боборык., Обречена, XV); полковник, превеселый начальник и *службист* (Леск., Соборяне, 4, 8); Хочу выписать «Проблемы идеализма»: видимо «боевой» сборник господ *чепушистов* (Ленин, п. М. А. Ульяновой, 17 дек. 1902. Соч., т. 37, стр. 276).

Эти и подобные им возникающие и в XX в. (*хорошист*, *ручнист*) образования в языке не удерживаются [163]. Они появляются или в узкоспециальной сфере и могут быть близки к жаргонизмам (*скакёр*, *хорошист*, *поведенция*, *ручнист*) или в эмоционально-выразительных целях как индивидуальные образования (*клубницизм*, *глупицизм*, *ерундист*).

ПРЕФИКСАЛЬНОЕ И ПРЕФИКСАЛЬНО-СУФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 62. Для русского словообразования префиксальный и префиксально-суффиксальный (комбинированный) [164] способ производства существительных нехарактерен: здесь нет абсолютно продуктивных и регулярных моделей; круг производящих основ очень узок — это основы существительных; значения, сообщаемые приставками производным, как правило, очень узки и однообразны.

Способ префиксально-суффиксального словообразования наиболее распространен среди существительных с предметным значением. Образование имен в сопровождении суффиксации происходит посредством приставок пространственного значения (*на-*, *над-*, *под-*, *от-*, *вз-*, *за-*, *при-* и др.), каждая из которых сочетается с узким кругом основ конкретно-предметного значения. Посредством этих приставок образуются слова, обозначающие предмет по признаку его пространственного соотношения с другим предметом: *заречье*, *поморье*, *поднебесье*, *нарукавник*, *подполье* [165].

---

[163] См.: В. Г. К о с т о м а р о в. Указ. соч.

[164] Оба способа дают равнозначные (с точки зрения словообразовательных значений) образования, ср. *подлекарь* и *подпасок*; *бесценок* и *беспорядок*; *согражданин* и *соотечественник*.

[165] Об образованиях этого типа см.: Р. Е. В у л ь ф с о н. К вопросу о префиксально-суффиксальном словообразовании в совр. русск. языке. «Русск. яз. в шк.», 1954, № 1; е е ж е. Заметки о некоторых типах смешанного словообразования имен существительных и глаголов в совр. русск. языке. «Уч. зап. Коломенского пед. ин-та», т. 3, вып. 1, М., 1958, стр. 303—314.

В образовании существительных с отвлеченным значением продуктивна приставка *без-*, выступающая совместно с суффиксами *-je* (*безденежье*, *бездождие*, *безветрие*, *безбожие*), *-ица* (*безлесица*, *бескормица*), *-ство* (*беспокойство*) и др. [166]

Образования с приставками *раз-*, *при-* и некоторыми суффиксами (*-je*, *-ица*), типа *приволье*, *присловье*, *раздолье*, *распутица*, *разладица*, малопродуктивны.

Приставки *со-*, *под-*, *раз-* способны придать производным обобщающие значения: приставка *со-* сообщает им значение совместности или общности, равенства в обладании каким-либо свойством или участия в деятельности; *под-* — подчиненности или неполноты в достижении какого-либо уровня (должностного, возрастного и т. д.); *раз-* — значение обладания качеством в высшей степени [167]. Приставки *со-* и *под-* используются как при чистой префиксации, так и в сопровождении суффиксации; *раз-* — только при префиксации.

Среди перечисленных приставок наиболее активна приставка *со-*. Посредством этой приставки могут быть образованы существительные — названия лиц, предметов и отвлеченные.

Имена лиц образуются чисто префиксальным путем (*соученик*, *согражданин*) и в сопровождении суффиксации (*собутыльник*, *сослуживец*). Чисто префиксальным образованиям свойственно значение общности или равенства по сравнению с кем-либо по обладанию качеством, свойством или по участию в деятельности. Именам лиц, образованным комбинированным способом, свойственно значение совместности, одинаковости по отношению к предмету, названному основой. Посредством *со-* и при одновременной суффиксации (*-je* или *-ство*) от конкретных названий могут быть образованы существительные с собирательным значением (*соцветие*, *созвучие*, *соплодие* [168], *сообщество*; сюда же примыкает *собратья*). С этой же приставкой посредством чистой префиксации могут быть образованы отвлеченные существительные: *сопричина* [169], *созвон* (Даль), *соскука* (Даль).

Приставка *под-* (используемая с одновременной суффиксацией или без нее) придает производному имени значение неполноты: *полковник* — *подполковник*, *пила* — *подпилок*, *телка* — *подтелок*, *мастер* — *подмастерье* и т. д.

---

[166] См.: С. П. Обнорский. Префикс *без* в русск. языке.— Избр. работы по русск. языку. М., в 1960, стр. 195—206; см. также указанные работы Р. Е. Вульфсон; П. С. Щетинин. Словообразовательная роль приставки *без-* в кругу имен существительных с суффиксами *-к(а)*,*-ство* (*-ствие*). «Изв. АН Казахск. ССР». Серия филологии и искусствовед., 1962, вып. 1.

[167] Использование этой приставки в языке очень незначительно; к образованиям, вошедшим в язык, относится, пожалуй, только *раскрасавица*.

[168] Существительные *соцветие*, *соплодие* не отмечены ни Словарем АР, ни Словарем 1847 г.

[169] Видим, что предатель отечества делается *сопричиною* озарения св. верою бесчисленного русского народа (С. О., 1827, № 15).

Под этим общим значением приставки *под-* в русском языке оказались объединенными несколько разных по происхождению и стилистической окраске словообразовательных групп. Посредством чистой префиксации при помощи *под-* образуются названия лиц, определяемых по служебной иерархии со значением «рангом ниже»: *подполковник*, *подпоручик*, *подлекарь*, *подканцелярист*, *подкеларник*, *подчашник*, *поддьяк*. То же значение наблюдается у некоторых профессиональных обозначений лиц: *подбагорщик* — «помощник багорщика», *подплавильщик* — «помощник плавильщика» (Сл. 1847 г.). При одновременной суффиксации (*-je*, *-ок*) создаются имена лиц с аналогичным значением: *мастер — подмастерье*, *дружка — поддружье*, *атаман — податаманье* [170], а также с общим значением недостижения какого-либо уровня в названиях животных и предметов: *телка — подтелок*, *свинья — подсвинок*, *лиса — подлисок*, *сума — подсумок* (ср. *подъездок* — «запасная лошадь для упряжи». Сл. 1847 г.).

На общем фоне приставочного словообразования приставка *под-* в рассмотренном значении наименее продуктивна.

§ 63. Перечисленные приставки обладают одним общим свойством: различаясь по продуктивности и употребительности, они обладают определенной словообразующей потенцией, которая реализуется в «разовых» образованиях с очень слабой словарной устойчивостью. Это черта, характерная для функционирования изучаемых моделей как в XIX—XX вв., так и ранее.

И в XVIII и на протяжении всего XIX в. возникают имена с *со-* и *раз-* [171] в «разовом» употреблении.

С приставкой *со-*:

Пожелает сделаться властелином над всеми *сообывателями* и согражданами (Десницк., Сл. о способе к научению юриспруденции); Оставшуюся тоже ожидает участь, как и *сосестер* ее постигшая (Радищ., Путеш., Тверь); Лишит последнего убежища и пропитания подобных ему *сочеловеков* (Радищ., Беседа о том, что есть сын отечества); угнетенные своими *сочеловеками* (Карамз., П. р. п., Франкфурт, 31 июля); предпочитали им *солюбовников* (Крыл., Почта духов, XXXI); Большая часть из его ассистентов и *согуляк*... уже здесь (Жих., Зап. совр., ч. I, 9 янв. 1806); Прости, мой милый Тургенев и *соарзамасец*! (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 4 ноября 1815); плохо знаю биографию своего *сопрофессора* (Плетнев, п. Я. Гроту, 24 апр. 1843); стал наблюдать религиозность своих *сомолитвенников* (Помяловск., Оч. бурсы, Бегуны и спасенные бурсы); Моим *созаключенным* совет стряпчего или адвоката необходим (Петрашевск., [Показание]); Академик Моль с женою и ориен-

[170] См.: Ф. И. Буслаев. Ист. грам., стр. 129.

[171] Приставка *под-* в XIX в. обладает меньшей словообразующей потенцией. Узкая сфера ее применения — терминологические обозначения должностей.

талист Ханыков бывали часто у Тургеневых моими *сообедниками* (Сверб., Зап., Приложения, Н. И. Тургенев); мой *соохотник* убил зайчиху (Чех., п. Н. А. Лейкину, 9 мая 1885) [172].

В XIX—XX вв. образования с приставкой *со-* активно возникают в специальной речи, преимущественно в сфере официально-правовой терминологии: *сонаследник*, *соистец*, *соответчик*, *соарендатор*, *содолжник*, *сокредитор* и др. В этом применении приставка *со-* очень четко выражает значение совместимости; это поддерживается однозначностью и терминологичностью производящих слов. Поэтому так образованные термины, естественно, устойчивы в словарном отношении.

Другой областью использования приставки *со-* является непринужденная речь, где образования типа *согуляка*, *собутыльник*, *сообедник*, *соохотник* используются с какой-то долей иронии, шутливости. Именно здесь чаще всего появляются слова «разового» употребления.

Нейтрально-литературные образования типа *современник*, *соотечественник*, *сотрудник* сравнительно немногочисленны. Сюда тяготеют префиксально-суффиксальные или потерявшие соотносительность с бесприставочными образования, в которых значение приставки ослаблено.

В языке XIX в. некоторые приставочные образования, утратившие полную семантическую соотносительность с соответствующими бесприставочными (частичная, «потенциальная» соотносительность сохраняется), архаизируются; они могут быть использованы как средство стилизации.

Владыка соизволил и приказал благочинному дознать у отца Павла: на чем он рассеваемые им для *сотоварища* оскорбительные слухи утверждает? (Леск., Заметки неизвестн., О новом золоте); Но не будем, однакож, поспешны, господа мои любезные *сотоварищи!* (С.-Щ., Ист. одн. города, Оправдательные документы, I): Первый выступил на сцену неустрашимый штаб-офицер. — *Сограждане!* — начал он взволнованным голосом (Там же, Сказание о шести градоначальницах).

«Разовые» образования с приставкой *раз-* отмечаются преимущественно в конце XIX в.:

Помещиком и *раскапиталистом*, членом компаний и обществ (Дост., Идиот, 1, I); Меня никогда не примут в товари-

---

[172] В современном языке возникновение «разовых» образований с приставкой *со-* — явление относительно распространенное. В современной периодике отмечены образования, отсутствующие в Словаре Ушакова: *сопроцесник*, *сокамерник*, *соотрядник*, *сотюремник*, *содеповец*, *сокупежник* и др. В языке наблюдаются случаи, когда употребления какого-либо «разового» образования отделены друг от друга значительным промежутком времени. Так, слово *сосестры*, отмеченное в конце XVIII в., встретились в современном языке: Собратья и *сосестры* мрачно жевали биточки в сметане («Сов. искусство», 22 апр. 1953). В таких случаях перед нами новое образование, а не употребление уже существующего слова.

щество, будь я *разарестант* (Дост., Зап. из М. дома, 2, VII); Хоть будь ты *раз-Брюллов*, а я все-таки твой начальник (Там же, 1, V); И никто его этого права лишить не может — да! Ни адвокаты, ни *разадвокаты*... никто! (С.-Щ., Совр. идиллия, XXIV); Будь он хоть *разпереписатель* (Чех., На пути).

§ 64. Иноязычные приставки проникали в русский язык в составе заимствований. К наиболее ранним относятся существительные с приставками *архи-* (*архимандрит*, *архиепископ*, *архитриклин*, *архипастырь*, *архиерей*). В Словаре АР отмечены заимствования с приставкой *анти-*(*антипатия*, *антихрист*), *вице-* (*вицеадмирал*). Позднее в язык входят существительные с другими приставками: *неохристианизм*, *супернатурализм*, *ультрадеспотизм*, *ультрареформатор*, *экс-губернатор*, *экс-министр* [173].

Поскольку соответствующие «бесприставочные» существительные широко употреблялись в языке, приставки осознавались как реальные словообразующие морфемы. Ср. следующее образование: видеть в новом экипаже мою любезную *Антилукрецию* (Крыл., Почта духов, IX).

Однако усвоения русским языком иноязычных приставок как активных морфологических единиц не происходит. Как в конце XVIII, так и в XIX в. в сочетании с русскими основами иноязычные приставки используются в окказиональных образованиях.

Надобно тебе быть *архицицероном*, чтоб утишить мой гнев (Крыл., Почта духов, XLXI); Этот *обер-черт* Жуковский! (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 7 авг. 1819); *архиплут* (Никитенко, Дневн., 24 янв. 1831); журнал, издаваемый теми же *экс-юношами* (Б-ка для чт., 1834, т. VII); лавочник самый продувной, *архибестия* (Кокорев, Сибирка, V); Куликов был «особого отделения», то-есть *архипреступник* (Дост., Зап. из М. дома, 2, IX); обездоленные всевозможными бреднями и *антибреднями* (С.-Щ., Совр. идиллия, XXVII) [174]; узнала она от Батиста, какой «monsieur» *архимиллионщик* (Боборык., На ущербе, 3, XXII); *экс-писатель* (Некр., Современники, 2, Герои времени); не понадобятся никакие *экстра-добавления* (Ленин, п. М. А. и М. И. Ульяновым, 27 дек. 1897, Соч., т. 37, стр. 74).

Для современного языка характерна активизация некоторых типов образований с использованием приставок-калек. Так, активизируется словопроизводство с приставкой *под-* со значением, идентичным франц. *sous-* и нем. *unter-* (*sous-commission*, *sous-station*, *sous-titre*; *sous-commissaire*, *sous-directeur*, *sous-ingénieur*; *Unterabteilung*, *Unterart*; *Unterarzt*, *Untersekretair* и др.): *подтип*, *подвид*, *подстанция*, *подзаголовок*, *подотдел*, *подкомиссия* и др.

---

[173] Еще Словарь 1847 г. не отмечает ни одного существительного с приставкой *экс-*.

[174] В современном языке приставка *анти-* активизировалась в научной терминологии (*антитела*, *антимиры*, *античастицы* и т. п.).

Значение в высшей степени проявленного качества в современном языке передается или приставкой *архи-* (*архимиллиардер*) или получившей активность в языке XX в. приставкой *сверх-*, соотносительной по значению с немецкой *über-*. Эта приставка присоединяется к существительным личным, отвлеченным и с общим значением предметности: *сверхбаллон*, *сверхгигант*, *сверхдредноут*, *сверхимпериализм*, *сверхиндустриализация*, *сверхкомплект*, *сверхконтингентник*, *сверхмагистраль*, *сверхмонополия*, *сверхприбыль*, *сверхпроводимость*, *сверхсрочник*, *сверхстоимость сверхтекучесть*, *сверхтоки*, *сверхчеловек*. В отличие от приставки *раз-*, приставка *сверх-* не придает слову эмоционально-оценочного оттенка; словообразовательные связи ее значительно шире, чем у *раз-*, соединяющейся только с именами лиц. Первые образования с приставкой *сверх-* встречаются с начала XX в., например: сразу стать выше всего — *сверххудожником* (Репин, Из черновых набросков статьи «Что такое искусство», 1912 г.).

Для словопроизводства имен существительных в XIX в. характерна нормализация, проявлявшаяся в регламентации способов производства слов общей семантики. Эта регламентация осуществлялась, с одной стороны, путем усиливающегося противопоставления продуктивных моделей категориям слов, теряющим словообразовательную активность. С другой стороны, продуктивные словообразовательные модели в это время приобретают четко установившиеся структурные признаки. Эти процессы влекли за собой сокращение вариантности и колебаний в выборе способов словопроизводства и ограничение словообразовательной синонимии. Во второй половине XIX в. в системе имен существительных сложились словообразовательные нормы, близкие к современным.

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ РОДОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 1. Система распределения существительных по родовым группам вполне сложилась уже в древнерусском языке. Она нашла отражение во всех грамматиках, начиная с самых старых — как тех, которые по существу содержали описание старославянского языка, так и тех, которые имели своим предметом русский язык.

В основе этой классификации никогда не лежал какой-либо единый признак. Если для одних групп существительных таким признаком была принадлежность к определенному типу склонения, то для других им чаще всего служила половая принадлежность лица, обозначенного существительным.

Ломоносов делил существительные на четыре рода: мужской, женский, средний и общий. В основу классификации он клал как тип склонения (указывая обычно окончание именит. над. ед. ч.), так и половую принадлежность, если существительное обозначало лицо. Так, существительные с окончанием *-а* он относил к женск. р., но выключал из их числа «имена, мужеский пол значащие: *Козма*, Никита» [1]. Однако «увеличительные *мужчина. старичина* суть больше рода женского, нежели мужеского» [2]. Что лежит в основании принадлежности этих существительных к тому или другому роду — не указывается. Существительные, оканчивающиеся на -ь, Ломоносов относит к женск. р., «выключая... имена, до мужеского пола надлежащие, а также и многие другие: *день*, *корабль*, *камень* и ряд других» [3]. По-видимому, Ломоносов исходит здесь из различий в типе склонения. Так же обстоит дело и с родовой принадлежностью существительных других типов.

Таков же общий классификационный принцип у Греча [4]. Кроме указаний («правил») относительно родовой принадлежности некоторых типов существительных, оканчивающихся на мягкий

[1] М. В. Ломоносов. Росс. грам., § 139.
[2] Там же.
[3] Там же, § 143.
[4] Н. И. Греч. Пространная русская грамматика, т. 1. СПб. 1830, § 183—185.

согласный (по Гречу, как и у других грамматистов того времени,— на -ь), приводятся большие перечни существительных этого же типа, принадлежащих одни к мужск., другие к женск. р. Как и Ломоносов, Греч выделяет существительные общего рода и приводит список наиболее употребительных.

Существительные несклоняемые (это обычно заимствованные слова), оканчивающиеся на *и*, *у*, *ю*, как пишет Греч, относятся к мужск. р., если обозначают одушевленные предметы (*колибри*, *какаду*), и к женск. р., если обозначают предметы неодушевленные [5].

Так же изложено учение о роде в грамматике Востокова. Кроме «правил» о принадлежности существительных к тому или иному роду, Востоков приводит перечни существительных мужск. и женск. р., оканчивающихся на мягкий согласный (-ь), а также существительных общего рода [6].

В грамматиках второй половины XIX в. дело обстоит по существу так же, как и в грамматиках XVIII и первой половины XIX в. Существительные, обозначающие названия людей, относятся к одному из двух родов—мужскому или женскому — в соответствии с половой принадлежностью лица. Существительные, обозначающие живые существа — не людей, относятся к одному из двух родов — мужскому или женскому — в зависимости от принадлежности к тому или иному типу склонения (*пес*, *журавль*, *змей* — к мужск. р., *собака*, *рысь*, *змея* — к женск. р.). Существительные, обозначающие неодушевленные предметы, относятся к одному из трех родов по признаку принадлежности к тому или иному типу склонения (*нож*, *тополь* — к мужск. р., *рожь*, *ель* — к женск. р., *зерно*, *училище*, *время* — к средн. р.). Наряду с этими тремя родовыми классами существительных выделяется четвертый класс — существительные, могущие обозначать лиц как мужского, так и женского пола (*забияка*, *плакса*, *проныра*); их называют существительными общего рода.

Принадлежностью существительного к тому или иному роду определяется родовая форма адъектива (т. е. прилагательного, причастия, порядкового числительного или местоимения-прилагательного) и прош. вр. глагола, согласуемых с существительным [7].

---

[5] Это неверно по отношению к именам собственным: несклоняемые имена и фамилии с любыми окончаниями принадлежат к мужск. или женск. р. в соответствии с полом их носителей.

[6] А. Х. Востоков. Русск. грам., § 20, стр. 12—17.

[7] Ошибочно мнение, будто бы род существительного устанавливается на основании родовой формы согласуемого с ним адъектива и прош. вр. глагола: для того, чтобы употребить адъектив или глагол прош. вр., относящиеся к существительному как определяющее к определяемому, нужно знать, каков род существительного, так как родовая форма определяющего члена словосочетания зависит от соответствующей формы определяемого члена, а не наоборот.

§ 2. Как известно, в русском языке принадлежность существительного к тому или иному роду тесно связана с постфиксальным оформлением слова. Например, сложный постфикс (суффикс + флексия), имеющий первым составным элементом суффикс *-от*, требует в качестве второго элемента флексию *-а* и относит существительное к женск. р. (*слеп-от-а*, *зев-от-а*); постфикс *-ец* состоит из суффикса *-ец* и «нулевой» флексии и относит существительное к мужск.р. (*лар-ец*, *пал-ец*). Постфикс, состоящий из одной только «нулевой» флексии, относит существительное, в зависимости от типа парадигмы, либо к мужск. р. (*холм*, *куль*), либо к женск. р. (*роль*, *рожь*).

Существительные, образованные посредством различных постфиксов от одной и той же производной основы и имеющие одинаковое лексическое значение (например *просек* и *просека*), принадлежат к разным родам и, следовательно, являются разными словами. Но таких явлений в языке сравнительно мало. Они возможны либо как явления разных диалектов, либо как черта, отличающая диалект от литературного языка, либо как факты, состоящие в отношениях сменяемого и сменяющего. Наконец, возможно сосуществование таких существительных как имеющих разную стилистическую окрашенность; ср., например, употребление в современном языке существительных *санатория*, *клавиша*, *спазма* как слов с оттенком «устарелости», существительного *статуй* с оттенком просторечности.

В конце XVIII — нач. XIX в. можно зафиксировать в русском литературном языке следующие две основные разновидности существительных, совпадающих лексически и словообразовательно и различающихся только родом: 1) существительные, не заимствованные из других языков, и 2) существительные заимствованные. Существительные первой группы разделяются на а) неотглагольные и б) отглагольные. Под неотглагольными здесь разумеются существительные либо вовсе не имеющие словообразовательных связей с глаголом (*кишка*), либо связанные с глаголом лишь этимологически (*облако*). Отглагольными являются существительные, образованные от глагольных основ и соотносимые с ними по значению (*испуг*, *упрек*).

Родовая принадлежность основной массы неотглагольных существительных определилась к концу XVIII — нач. XIX в. Единичные колебания наблюдались в отдельных случаях, причем дублет, утвердившийся к концу XIX в., явно преобладал уже в течение всего столетия. Точно установить источник колебаний в родовой принадлежности неотглагольных существительных не всегда удается. Можно предполагать, что колебания эти отражают употребление этих существительных в диалектах. Как правило, это были колебания между мужск. и женск. р. Двойственность родовой принадлежности слов нередко наблюдалась у одних и тех же авторов, независимо от жанра и стиля произведений.

Иногда тот или иной дублет фиксируется как единичный на фоне слов выступавшего регулярно другого родового значения.

В качестве примеров можно привести следующие существительные.

Пиявка — пиявок. В Словаре АР, Словаре 1847 г. и Рейфа (ч. I) — *пиявка.* В литературе XIX в. преобладает *пиявка.* Но у Лескова — *пиявок* (Полунощники, IV). К концу XIX в. утвердилось в женск. р.: *пиявка.*

Ставня — ставень. В Словаре АР, Словаре 1847 г. и Рейфа (ч. I) — *ставень.* В других словарях XIX и XX вв. — Ушакова, Русско-франц. словаре Щербы (1959 г.) — *ставня.* В литературе XIX в. чаще *ставень.* К концу XIX в. в разговорной речи существовали оба слова.

Скула — скул. В Словаре АР, Словаре 1847 г. и Рейфа (ч. I) — *скула.* В литературе XIX в. обычно *скула*; *скул* — редко, например: *с простреленым левым скулом* (Москвит., 1843, май).

Кишка — кишок. В словаре АР, Словаре 1847 г. и Рейфа (ч. I) — *кишка.* В литературе XIX в. обычно *кишка*; это слово и утвердилось в литературном языке конца XIX в. Но см. у Вяземского: какой-нибудь *кишок* неисправный (п. А. И. Тургеневу, 1821).

Колебания в отношении родовой принадлежности приведенных и некоторых других подобных существительных, видимо, были остаточными явлениями, сохранившимися в речевых навыках отдельных лиц.

Значительно большие колебания отмечались в начале XIX в. в группе неотглагольных существительных, оканчивающихся на мягкий согласный и на шипящие. В ряде случаев эти колебания поддерживались тем, что в одних таких словах после шипящих по традиции писался ь, а в других не писался (*овощ — овощь, светоч — светочь*).

И. Ф. Калайдович собрал около 300 таких существительных [8]. В начале XIX в. эти имена довольно устойчиво распределялись между мужск. и женск. р. Однако многие из них в дальнейшем обнаруживали колебания (что нашло отражение в словарях XIX в.), в конце века завершившиеся тем, что часть этих существительных оказалась принадлежащей не к тем родовым группам, к которым принадлежала ранее. Вот несколько примеров:

Борть. Греч, Калайдович — мужск.; Рейф, Сл. II Отд. АН, т. I, вып. 1 — женск.; к концу века утвердилось как слово женск. р. *Выхоль.* Востоков — мужск.; Рейф — мужск. и женск.; Сл. II Отд. АН, т. I, вып. 2 — женск.; к концу века утвердилось как слово мужск. р. *Ералашь.* Калайдович — женск.;

[8] См.: И. Ф. Калайдович. Замечания о родах грамматических в языке русском. «Труды Общества любителей российской словесности», ч. V, М., 1824. См. также грамматики Востокова и Греча, в которых даны перечни существительных данного типа с указанием их родовой принадлежности.

Рейф — мужск. (*ералаш*), Сл. АР — мужск. и женск. (*ералаш* и *ералашь*); к концу века утвердилось как слово мужск. р. *Кипень*. Греч, Калайдович, Востоков — мужск.; Рейф (ч. I), Сл II. Отд. АН, т. IV, вып. 3, Сл. Уш. — мужск. и женск.; к концу века утвердилось в мужск. р. *Овощ* (*овощь*). Сл. АР, Сл. 1847 г., Рейф (ч. I) — мужск. Во второй половине XIX в. *овощь* — женск. р.; к концу века — женск. р., часто с собирательным значением (Сл. Уш.). *Полынь*. Сл. АР, Сл. 1847 г., Рейф (ч. I) — женск.; у Лескова — мужск. (иссохший прошлогодний *полынь*. Житие одн. бабы, I, 8). К концу века утвердилось как слово женск. р. *Сажень*. Сл. АР, Сл. 1847 г., Рейф (ч. I) — женск. *Светочь*. Калайдович — женск.; Рейф (ч. I), Даль — мужск. (*светоч*); к концу века — мужск. (*светоч*). *Степень*. Сл. АР, Сл. 1847 г. — мужск.; Рейф (ч. I) — женск.; у большинства писателей первой половины XIX в. — женск.; во второй половине XIX в. — женск.; к концу века — женск. *Студень*. Греч, Рейф (ч. I) — женск.; Сл. Даля — мужск.[9]; к концу века — мужск.

Колебания в отношении родовой принадлежности существительных этой разновидности, надо полагать, объяснялись тем, что в русском языке существительные, оканчивающиеся на мягкий согласный и на шипящий, издавна относились одни к мужск., другие к женск. р. (*гость* и *кость*, *олень* и *тень*, *руль* и *соль* и под.). Этим поддерживалась известная неустойчивость таких существительных относительно значения рода. Если слово, в силу принадлежности его к узкой семантической группе или к профессиональной лексике, не было широко распространенным, оно могло приобретать значение то одного, то другого рода (ср. такие, как *борть*, *кипень*, *светоч*, *ферзь* и т. п.). В то же время общая тенденция к упорядочению формальных средств языковых категорий требовала отказа от дублетов там, где это было возможно (вопрос о причинах закрепления именно данного дублета из числа двух или нескольких внешне равноправных требует специальных исторических изучений).

Колебания между мужск. и средн. р. в XIX в. крайне редки. Это немногие случаи типа *крылец — крыльцо*, *облак — облако* и др. Существительное *крылец* встречаем у С. Аксакова (высокий *крылец* зубинского дома. Сем. хрон. Женитьба молодого Багрова). В Словаре Даля наряду с *крыльцо* находим *крылец*, несомненно диалектное. Что касается *облак*, то это слово было широко распространено в поэтической речи первой половины XIX в. (Лермонтов, Катенин, Тютчев и др.).

Колебания этого рода можно объяснить близостью парадигм склонения (в косвенных падежах) у существительных мужск. и

[9] В первой половине XIX в. существительное *студень* употреблялось в значении «декабрь». С каким значением оно фигурирует в грамматике Греча, установить трудно.

средн. р.; отсюда и позднейшее наличие двоякой формы родит. пад. мн. ч. *облаков* и *облак*.

В отношении всей группы неотглагольных существительных можно сказать, что сколько-нибудь заметных изменений в области их родовой принадлежности в течение XIX в. не происходило. Малочисленность этих изменений на общем фоне устойчивости родового распределения незаимствованных существительных не позволяет также высказать какие-либо суждения о тенденциях происходивших изменений, кроме общей тенденции к устранению колебаний в родовой принадлежности имен.

§ 3. К группе отглагольных существительных, кроме существительных, обозначающих лиц и относящихся к так называемому общему роду, принадлежат, главным образом, существительные со значениями опредмеченного действия (*замена*, *поступка*) и со значением предмета как результата действия или средства для его выполнения (*нажива*, *вырезок*, *опора*). Широко представлены в этой группе существительные, образующиеся от приставочных глагольных основ.

Изменения, происходившие в XIX в. в данной группе существительных, сводятся к замене в употреблении слов с одними словообразовательными постфиксами словами, образованными от тех же непроизводных основ с другими постфиксами. Следствием этого и оказывается «переход» существительного из одного родового класса в другой. Например, в первой половине XIX в. употреблялось существительное *прибавок* в значении «добавление», «частичное увеличение количества»; во второй половине века в том же значении начинает употребляться существительное *прибавка*; наоборот, существительное *испуга* (первая половина XIX в.) заменяется существительным *испуг*.

До XIX в. дошло большое количество существительных, образованных от глагольных основ (большей частью приставочных) с постфиксом *-а* или «нуль» (типа *замена — замен*, *завеса — завес*); первые принадлежат к женск. р., вторые — к мужск. р. Тот и другой тип существительных был в употреблении одновременно, не различаясь ни по лексическим значениям, ни по стилистической окраске. Длительное сосуществование таких дублетов может быть объяснено тем, что наряду с ними в употреблении было много существительных только одного из этих словообразовательных типов; поэтому при образовании новых слов можно было ориентироваться то на одну, то на другую из существовавших моделей.

Кроме дублетов типа *замена — замен*, в XIX в. могли употребляться равнозначные с ними существительные на *-ние*, *-тие* (книжные) и существительные с постфиксом *-к-а* (не-книжные, быстро распространявшиеся)[10]: *втирание* и *втирка*; *разбиение*

[10] В Словаре Срезневского существительных с постфиксом *-к + а* очень мало.

и *разбивка* и т. п. Позиция варианта *вставка*, *разбивка* за счет *вставление*, *разбиение*, а частично и за счет типа *замен* (ср. *замена* и *замен*) в XIX в. усиливалась. Это подтверждают следующие показания словарей.

В Словарях АР (первое и второе изд.) существительных на *-к-а* уже немало, а в Словаре 1847 г. их еще больше. В обоих словарях только с глагольной приставкой *в-* находим существительные: *ввертка*, *ввозка*, *вделка*, *взварка*, *взломка*, *вкладка*, *вклейка*, *вковка*, *вставка*, *втирка* и др. В Словаре 1847 г. находим еще: *взводка*, *взноска*, *вкопка*, *вломка*, *вноска*, *втычка* и др.

В Словаре Даля как дублеты даны образования с «нулевым» постфиксом и с *-к-а*: *вбой — вбивка*, *вверт — ввертка*, *ввоз — ввозка*, *вгон — вгонка*, *вздерг — вздержка*, *вгруз — вгрузка*, *добой — добивка*, *догруз — догрузка*, *достил — достилка*, *набив — набивка*, *облив — обливка*, *обмыв — обмывка*, *обмер — обмерка*, *угад — угадка* и др. Если фактически не все существительные на *-к-а* употреблялись в литературном языке, то несомненна уловленная Далем тенденция к образованию и употреблению их взамен существительных с «нулевым» постфиксом; эта тенденция опиралась на развитие профессиональной лексики, где существительные на *-к-а* были широко распространены.

Словарь II Отд. АН еще убедительнее подтверждает именно такой ход развития отглагольных существительных со значением опредмеченного действия: существительных с «нулевым» постфиксом здесь меньше, чем у Даля, а вместо них в большинстве случаев находим только образования с *-к-а*: *вбивка*, *ввертка*, *ввоз* (и *ввозка*), *вгон* (и *вгонка*), *вдержка*, *вгрузка*, *добивка*, *догрузка*, *достилка* и т. п.

Существительные на *-к-а*, в свою очередь, взаимодействовали с существительными на *-ок* (*прибавка—прибавок*). В конце XVIII—нач. XIX в. существительные того и другого словообразовательного типа часто не различались ни в лексическом, ни в стилистическом отношении; ср.: *прибавка* и *прибавок*, *поступка* и *поступок*, *проступка* и *проступок*, *нападка* и *нападок* [11]. Вероятно, по мере того как они закреплялись в употреблении, в той и другой модели развивались некоторые дополнительные оттенки значения и даже новые значения. В связи с этим могли быть использованы уже существовавшие либо вновь пущенные в оборот словообразовательные дублеты. Такая дифференциация, вначале, вероятно, не существовавшая, произошла со словами *расценка* (действие) и *расценок* (нормы оплаты); *прибавка* (действие) и *прибавок* (то, что прибавлено) и др.

В тех случаях, когда такой дифференциации значений или их оттенков не было, один из дублетов обычно утрачивался, другой

[11] Последнее употреблялось чаще во мн. ч., поэтому об его начальной форме приходится судить по форме родит. пад. мн. ч. *нападок — нападков*.

закреплялся как нормативный. Ср. существительные со значением «небольшая частица, остающаяся в результате какого-нибудь действия»: *обрывок*, *обгедок*, *осевок*, *обломок*, *огарок* и т. п. Хорошо известно, что в XIX в. при необходимости употребить форму ед. ч. при мн. *опилки*, *очистки* и т. п. в отношении родовой отнесенности существительных этого типа были колебания.

Таким образом, в общем ходе определения единого родового значения у отглагольных существительных со значением опредмеченного действия, предмета как средства выполнения или результата действия взаимодействовали различные факторы как внешнего характера (например, воздействие профессиональной речи), так и внутреннего (например, отталкивание друг от друга синонимических единиц типа *замена — замен*, *укора — укор*).

Если трудно в каждом конкретном случае определить, что именно привело к возобладанию того, а не другого словообразовательного варианта, а следовательно, той, а не другой родовой формы существительного, то ход процесса в целом заключался в концентрации всей группы существительных в пределах ограниченного числа моделей. Такими возобладавшими к концу XIX в. типами для отглагольных существительных были образования с «нулевым» постфиксом (*испуг*, *намек*, *завоз*, *заплыв*, *покрой*, *набор* и т. п.) и образования на *-к-а* (*разметка*, *проходка*, *отделка*, *побелка*, *обметка* и т. п.).

§ 4. Как сказано выше, понятие существительных общего рода было установлено еще Ломоносовым. С тех пор взгляд на существо общего рода оставался неизменным. Но так как существительные общего рода всегда содержат в себе элемент оценки и принадлежат поэтому в экспрессивной лексике, то понятно, что они образуют класс наименований, легко пополняемый новообразованиями со стороны говорящих. Поэтому среди существительных общего рода наряду со словами, давно вошедшими в язык и прочно в нем удерживающимися, фигурируют слова малораспространенные и недолговечные. Этим следует объяснить то, что в грамматиках и словарях количество приводимых существительных общего рода очень различно. Так, например, во 2-м издании «Пространной русской грамматики» Греча (1830) приведено 64 существительных общего рода (список, по заявлению автора, неисчерпывающий); в 7-м издании «Русской грамматики» Востокова (1848) перечень существительных общего рода содержит 136 слов [12]. В «Грамматике русского языка» АН СССР (т. 1, 1952), в которой в значительной мере отражена морфологическая система литературного языка конца XIX и начала XX в., существительных общего рода 108.

---

[12] Давая «роспись существительных общего рода», Востоков сообщает, что большая часть их «принадлежит просторечию; оканчивающиеся же на *-тца*, *-дца* заимствованы из церковнославянского языка» (стр. 13).

Говорит ли это о том, что класс существительных общего рода к началу и первым десятилетиям XX в. стал менее продуктивным? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо принять во внимание следующее. 1) Востоков внес в списки существительных общего рода ряд слов, которые есть в словарях XIX в., но не значатся в них как принадлежащие к общему роду. Таковы, например: *воевода* (в Сл. Даля, Рейфа (ч. 1), Сл. II Отд. АН, т. I, вып. 1, Сл. Ушакова — мужск. р.); *возница* (у Рейфа (ч. I), в Сл. II Отд. АН, т. I, вып. 1, Сл. Ушакова — мужск. р.); *лиса* (у Рейфа (ч. I), в Сл. II Отд. АН, т. V, вып. 3, в Сл. Ушакова — женск. р.); *нищенка* (в Сл. Даля, Рейфа (ч. I), в Сл. Ушакова — женск. р.); *повеса* (в Сл. Даля и Ушакова — женск. р.); *рубака* (в Сл. Даля и Ушакова — мужск. р.); *шишимора* (в Сл. Даля — мужск. р., в Сл. Ушакова — женск. р.); *шушера* (в Сл. Даля и Ушакова — женск. р.). По Гречу, существительное *волокита* — общего рода, а в Словарях Даля и Ушакова — мужск. р.

2) Многие существительные, по Востокову и Гречу принадлежащие к общему роду, в литературе второй половины XIX в. не встречаются. Это такие существительные, как *бийца*, *босомыга*, *варакса*, *верезга*, *гомоза*, *зажига*, *зашельщина*, *заедуга*, *крадца*, *мальга*, *натёка*, *огрыза*, *озорь*, *опийца*, *плошина*, *съедуга*, *ядца* и т. п. Они, надо полагать, и в XVIII и в начале XIX в. встречались только в диалектной речи и в просторечии (показательно, что почти все они есть в Словаре Даля). Многие можно найти в Словаре II Отд. АН с пометами «устарелое», «простонародное». В Словаре Ушакова они почти полностью отсутствуют.

3) В XIX в. наблюдаются новообразованные существительные общего рода с ярко выраженной экспрессивной окраской. Так как в живой разговорной речи они часто носят окказиональный характер, то вполне понятно, почему далеко не все они зафиксированы в словарях. Многие такие существительные образуются от основ качественных прилагательных, например: *роднуша*, *хитрюга*, *скупяга*. Из 108 существительных общего рода, приведенных в «Грамматике АН СССР», в грамматиках Греча и Востокова отсутствуют 56, в числе последних—19 образованных от основ качественных прилагательных, 29 — от основ глаголов (типа *воротила*, *крикса* и др.).

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что группа существительных общего рода в XIX в. заметно расширялась, главным образом, за счет образований от основ прилагательных и глаголов. Увеличилось также число существительных общего рода, образованных путем сложения именных основ с глагольными (типа *книгоноша*, *сладкоежка*, *скороспелка*). Все это можно считать одним из результатов общего процесса расширения лексики литературного языка XIX в. за счет элементов живой экспрессивно окрашенной речи — процесса, начавшегося еще в

XVIII в. и ставшего одной из главных черт языка второй половины XIX в.

§ 5. На протяжении XIX в. в области родовой принадлежности существительных, заимствованных из других (преимущественно западноевропейских) языков и обозначавших не-лиц, происходили значительные изменения. Как правило, заимствованные существительные, о которых идет речь, распределялись в русском языке между мужск. и женск. р., входя в парадигмы склонения существительных с «нулевым» постфиксом или с конечным гласным *-а(-я)*. Те заимствованные существительные, которые обозначали неодушевленные предметы и имели в русском языке конечные гласные *е*, *о*, *у*, *и* (изредка *а*), обычно не склонялись и большей частью относились к средн. р. (что проявлялось в постановке согласованного с ними адъектива и прош. вр. глагола в форме средн. р.): *портмоне*, *бюро*, *сальдо*, *рагу*, *жюри*, *амплуа* (только существительное *кофе* относилось к мужск. р., вероятно, под влиянием русских образований *кофей*, *кофий*). Дублетность в родовой принадлежности в XIX в. имела место в отношении существительных, относившихся к мужск. и женск. р. Некоторое число таких существительных к концу XIX в. и позднее так и сохранилось в виде дублетов.

Значительное количество заимствованных слов было унаследовано от XVIII в. Многие из них приведены в работе Н. Смирнова[13]; другие находим в различных словарях XVIII в., в Словаре АР, а также в литературе XVIII в.

Существительные, приведенные Смирновым (2360 слов, в их числе немногим больше 200 обозначают опредмеченные действия и качества), в большинстве своем относятся к военному делу, мореходству, технике, государственному устройству и в значительно меньшей степени — к области культуры и быта. Очень многие из них имели узкое применение, употребляясь только в специальных документах (приказах, инструкциях, донесениях), в личной практике отдельных лиц, и в состав литературного языка фактически не вошли. Таковы, например, существительные *багинет* (штык), *геемрат* (тайный советник), *квадра* (рама), *мантель* (плащ), *оворлоп* (палуба), *презес* (председатель), *умшлах* (поворот), *црейбер* (писец) и под. Но многие существительные перешли как в специальную речь, так и в общелитературный язык XIX в. Эти-то слова и подвергались частично изменениям в отношении родовой принадлежности.

Чем определялось вхождение заимствованных существительных в ту или иную родовую группу при включении их в состав русского литературного языка? В одних случаях это зависело от родового значения данного существительного в языке-источ-

---

[13] «Западное влияние на русск. язык в Петровскую эпоху» («Сб. ОРЯС», т. 88, СПб., 1910).

нике или в языке, через посредство которого оно переходило в русский язык. В других случаях определяющим фактором был признак чисто фонетический — характер конечного звука существительного в языке-источнике или языке-посреднике. Так, существительные *амбра*, *фабрика*, *касса*, *натура*, *багаж*, *фетиш* оформлялись в русском языке в соответствии с их родовой принадлежностью во французском языке (*ambre*, *fabrique*, *casse*, *nature* — женск. р., *bagage*, *fétiche* — мужск. р.). С другой стороны, существительные *адрес*, *аллюр*, *анекдот*, *анонс*, *банан*, *банк* оформились в русском языке по мужск. р., хотя во французском языке они принадлежат к женск. р. (*adresse*, *allure*, *anecdot*, *annonce*, *banane*, *banque*) [14].

Большинство существительных того и другого типа в течение всего XIX в. сохраняли принадлежность к той родовой группе, в которую они первоначально вошли. Но некоторая — немалая — часть заимствованных слов, по-видимому, уже на первом этапе употребления их в русском языке выступала в виде дублетов мужск. и женск. р. У слов различных семантических категорий дублетность проявлялась с разной степенью интенсивности, и это сыграло известную роль в процессе возобладания одного из дублетных существительных над другим.

То, что большинство заимствованных существительных сразу закреплялось в одной определенной родовой группе, имело большое значение для дальнейшей ассимиляции этого пласта лексики и послужило фактором, укреплявшим родовую дифференциацию заимствованных слов. Это было стимулом для устранения дублетности в отношении того меньшинства существительных, которые выступали в двух родовых значениях.

Многие дублетные в отношении родовой принадлежности существительные были терминологичны. Проникая в сферу общелитературного языка, они вовлекались в общий процесс «упорядочения» лексико-грамматической системы языка, характеризующий XIX в.

Унификация родового значения заимствованных слов совершалась, с одной стороны, в самой языковой практике — в литературе и в устной речи, начиная от повседневного обихода и кончая так называемыми выступлениями ex kathedra; а с другой стороны — в специальных пособиях, устанавливавших языковые нормы («правила»): в словарях, справочниках, учебниках и т. п. (следует, впрочем, заметить, что составители словарей и грамматик часто в большей степени отражали существовавший в языковой практике разнобой, нежели нормализаторскую уверенность и решимость).

Если проследить общий ход изучаемого процесса, то станет

[14] Подробнее этот вопрос изложен в кн.: А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I. Братислава, 1954, стр. 75—83.

ясно, что к концу XIX в. он завершился устранением дублетности. На данной стадии изучения этого вопроса трудно сказать, что играло решающую роль в каждом отдельном случае при закреплении за иноязычным существительным того или другого родового значения. В одних случаях таким фактором могло быть чисто количественное преобладание в практике того или другого дублета, в других — следование той практике, которая была характерна для определенной профессиональной среды (художников, ученых соответствующей специальности и т. п.); могло также играть роль предпочтение тех или иных дублетов в выступлениях известных судебных ораторов, педагогов, университетских лекторов и т. п.

Приведем несколько примеров изменений в отношении родовой принадлежности заимствованных слов в XIX в.

1) Существительные без словообразовательного постфикса:

Д у э л ь. Кулачный дуэль (Н. И. Тург., Дневн., 1807 г.); [Ж е в а к и н] На *такой дуэль* не соглашаюсь (Гоголь, Женихи, I, 4); тяжелее *всякой дуэли* (Гоголь, М. д., 1, VIII); *была дуэль* (М. Г., Рассказ о безответн. любви). В мужск. р.— у Аксакова, Герцена и др. В женск. р.— у Белинского, Лермонтова, В. Одоевского, Тургенева, Г. Успенского. У Пушкина — и в мужск. и в женск. р. К концу XIX в.— женск. р.

К а р у с е л ь. Карусель, который стоил столько издержек (Батюшк., Прогулка по Москве); *была дана карусель* (Пыляев, Старый Петербург. ЛК); на *карусели* играет музыка (Слепц., Уличные сцены. ЛК). В мужск. р.— у Вяземского, М.-Печерского, Плещеева. К концу XIX в.— женск. р.

П о р т ф е л ь. Ближе к портфелю (В. Одоевск. Следствия сатирич. статьи. Мнемоз., 1824, ч. 3); *в своей портфеле* (Гоголь, п. матери, 2 окт. 1827); *огромную портфель* (Плетнев, п. Я. Гроту, 31 мая 1844); *с портфелью* ждет у дверей (Герц., Зап. одн. мол. чел., 3); *Портфель ваша* здесь (Писемск., Тыс. душ, 1, XIII); лежала на столе *портфель* (Эрт., Гард., 1, IV). В мужск. р.— у Некрасова. К концу века — мужск. р.

П р о ф и л ь. Странная профиль (Н. Павл., Маскарад, II); *черная профиль* (Григорович, Антон Горемыка, IX); *прекрасный профиль* (Гонч., Обыкн. ист., 2, IV). В мужск. р.— у Лермонтова, Л. Толстого. В женск. р.— у Батюшкова, Стасова. К концу века — мужск. р.

В и о л о н ч е л ь. Страсть *к виолончелю* (Вяземск. Ст. зап. кн.); 1-го альта и *1-го виолончеля* (Римск.-Корс., Летоп. моей музык. жизни); звуки *виолончели* (Тург., Затишье, IV); борьба *виолончеля* за свое самостоятельное существование (Чайковский, Музык. фельетоны. ЛК); *с виолончелью* в руках (Там же). В мужск. р.— у Пушкина, Глинки, Григоровича; в женск. р.— у Панаева, Стасова, Эртеля. К концу века — женск. р.

2) Существительные с нулевым постфиксом и с постфиксом *-а*:

А п о ф е о з — а п о ф е о з а. Любовь — *апофеоза* жизни... Любовь человеческая — еще более *апофеоза* самой любви, так как вообще человеческое есть *апофеоза* естественного (Герц., Капризы и раздумья, I). В женск. р.— у М.-Печерского; в мужск. р.— у Жуковского, Некрасова, Писарева, Салтыкова-Щедрина, Скобичевского, Стасова, Чернышевского, Эртеля. У Белинского и Герцена в произведениях одного и того же периода — *апофеоза* и *апофеоз*. В «Новом словотолкователе» Яновского и в Словаре Даля—*апофеоз* и *апофеоза*. К концу века — *апофеоз*.

А р х и в — а р х и в а. Беречь *архив* (Добрынин, Зап., XXXI); в *одной монастырской архиве* (Карамз., Пантеон росс. авторов, Боян). В мужск. р.— у С. Аксакова, Герцена, Гоголя, Гончарова, Данилевского, Жуковского, Карамзина, Пушкина, Лажечникова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Шелгунова. У Крылова — мужск. и женск. р. (у *старых архив*; послан будет *в архив*). В Словаре АР — *архива*; в «Новом словотолкователе» Яновского, у Рейфа, Даля — *архив* и *архива*. К концу века — *архив*.

К а т а с т р о ф а — к а т а с т р о ф. Катастроф с Пушкиным отдался в моем сердце (И. Дм., п. П. П. Свиньину, 23 марта 1837); дождаться *катастрофа* (И. Дм., п. Жуковскому, 26 марта 1837); страшной *катастрофой* (Дост., Неточка Незванова, II). В «Новом словотолкователе» Яновского — *катастроф*. К концу века — *катастрофа*.

Конечным результатом процесса «упорядочения» распределения по родам заимствованных существительных, обозначавших не-лиц, было, как сказано выше, почти полное прикрепление всех этих существительных к классу мужск. или женск. р. Более чем из 150 слов, относительно родового оформления которых существовали колебания, к началу XX в. можно насчитать всего около десятка дублетных пар. Это существительные *арабеск — арабеска*, *база — базис*, *клавиш — клавиша*, *манер — манера*, *метод — метода*, *рельс — рельса*, *санаторий — санатория*, *спазм — спазма*, *фильм — фильма*, и быть может, еще два-три. При этом некоторые слова внутри этих пар содержали незначительные различия по значениям (например, *база — базис*) или в стилистических оттенках (например, *манер — манера*).

В заключение приведем список наиболее часто встречающихся дублетных по родовому значению заимствованных существительных, употреблявшихся в XIX в. 1) Существительные с «нулевым» постфиксом и постфиксом *-а(я)*: *амальгам — амальгама*; *анонс — анонса*; *апельсин — апельсина*; *апогей — апогея*; *апофеоз — апофеоза*; *арабеск — арабеска*; *архив — архива*; *астм — астма*; *афиш — афиша*; *базис — база*; *базилик — базилика*; *бакенбард — бакенбарда*; *балюстрад — балюстрада*; *барьер —*

барьера; *бекеш — бекеша*; *бисквит — бисквита*; *ботинок — ботинка*; *браслет — браслета*; *брелок — брелока*; *бронз — бронза*; *визит — визита*; *гардероб — гардероба*; *гипотез — гипотеза*; *гирлянд — гирлянда*; *гобой — гобоя*; *гравюр — гравюра*; *грот — грота*; *групп — группа*; *дебош — дебоша*; *девиз — девиза*; *депеш — депеша*, *диабет — диабета*; *диагноз — диагноза*; *дивиденд — дивиденда*; *диет — диета*; *душ — душа*; *желатин — желатина*; *жираф — жирафа*; *зал — зала*; *идиом — идиома*; *кабриолет — кабриолета*; *каземат — каземата*; *камей — камея*; *кандал — кандала*; *канделябр — канделябра*; *карьер — карьера*; *каскад — каскада*; *кастаньет — кастаньета*; *катаракт — катаракта*; *катастроф — катастрофа*; *кивот — кивота*; *катафалк — катафалка*; *клавиш — клавиша*; *клоак — клоака*; *клякс — клякса*; *когорт — когорта*; *комод — комода*; *контрабанд — контрабанда*; *контрамарк — контрамарка*; *конфект — конфекта* (*конфета*); *котурн — котурна*; *кринолин — кринолина*; *лампад — лампада*; *лепт — лепта*; *манер — манера*; *манжет — манжета*; *мансард — мансарда*; *метаморфоз — метаморфоза*; *метод — метода*; *миазм — миазма*; *микроб — микроба*; *мирт — мирта*; *миф — мифа*; *мозаик — мозаика*; *молекул — молекула*; *монад — монада*; *морг — морга*; *мул — мула*; *нерв — нерва*; *ниш — ниша*; *ореол — ореола*; *пагод — пагода*; *панегирик — панегирика*; *пахитос — пахитоса*; *платформ — платформа*; *пор — пора*; *портшез — портшеза*; *прогноз — прогноза*; *пюпитр — пюпитра*; *ракет — ракета*; *раут — раута*; *редут — редута*; *резерв — резерва*; *рейд — рейда*; *рельс — рельса*; *рецидив — рецидива*; *санаторий — санатория*; *секст — секста*; *симптом — симптома*; *синоним — синонима*; *скарлатин — скарлатина*; *спазм — спазма*; *стадий — стадия*; *станс — станса*; *статуй — статуя*; *таверн — таверна*; *такс — такса*; *такт — такта*; *террас — терраса*; *факел — факела*; *фарс — фарса*, *фасад — фасада*; *фигур — фигура*; *фильм — фильма*; *флейт — флейта*; *фрегат — фрегата*; *центр — центра*; *цитат — цитата*; *чинар — чинара*; *шарж — шаржа*; *шлюз — шлюза*; *штор — штора*; *эгид — эгида*; *эмфаз — эмфаза*; *эпизод — эпизода*; *эполет — эполета*; *эстакад — эстакада*; *эстафет — эстафета*; *этюд — этюда*. 2) Существительные с «нулевым» постфиксом после мягкого согласного и шипящих: *акварель*, *антресоль*, *бандероль*, *виолончель*, *вуаль*, *госпиталь*, *диагональ*, *дуэль*, *ералаш(ь)*, *кадриль*, *картофель*, *карусель*, *консоль*, *контракт*, *мигрень*, *миндаль*, *модель*, *отель*, *параллель*, *пароль*, *патруль*, *пистоль*, *портфель*, *профиль*, *псалтырь*, *рояль*, *табель*, *тунель*, *тюль*, *цитадель*, *шаль*.

ИЗМЕНЕНИЯ В ЗНАЧЕНИЯХ И УПОТРЕБЛЕНИИ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НЕКОТОРЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП

§ 1. В XIX в. наблюдались изменения в употреблении форм числа у некоторых групп имен существительных. В основном эти изменения происходили и ранее, и в XIX в. можно наблюдать продолжение ранее начавшихся процессов, с разной степенью интенсивности протекавших среди слов различных семантических групп.

Как известно, существительные в форме мн. ч. далеко не во всех случаях имеют значение простой множественности, равно как и существительные в форме ед. ч. не всегда выражают единичность считаемых предметов. Так, если существительные *столы*, *карандаши*, *звезды* обозначают только множество предметов, именуемых *стол*, *карандаш*, *звезда*, то существительные *табаки*, *жиры*, *вежливости* не обозначают простой множественности предметов, именуемых *табак*, *жир*, *вежливость*. Вместе с тем и эти последние не обозначают простой единичности считаемых предметов, и поэтому при употреблении их в форме мн. ч. они находятся в особых соотношениях со своими формами ед. ч., отличных от соотношений *стол — столы*, *карандаш — карандаши* и т. п.

Первой работой, посвященной подробному анализу значений мн. ч. в русском языке, было исследование А. А. Потебни [1]. Потебня усматривает в формах мн. ч. в русском языке шесть разрядов: гиперболическое, сложных вещей, делимого вещества, места, времени и состояния. Каждый из этих разрядов делится на

[1] А. А. Потебня. Значения множественного числа в русском языке. «Филол. зап»., 1887, вып. II, V, VI; 1888, вып. I, II. Здесь рассматривается значение мн. ч. в русском языке на фоне аналогичных и близких значений в других индоевропейских, и в частности славянских языках. Интересные мысли по поводу категорий ед. и мн. ч. в их взаимоотношении высказаны были К. С. Аксаковым в «Опыте русской грамматики» («Соч. филолог.», ч. II, М., 1880).

подразряды. Исследование Потебни охватывает явления, относящиеся к различным периодам истории русского языка (хотя преимущественно к XVIII—XIX вв.), притом часто без различения языка литературного и диалектов, а также без стилистической дифференциации явлений. Классификация значений мн. ч., предложенная Потебней, может быть уточнена.

Шахматов отмечал, что разновидности значений категории числа не во всех случаях находят выражение в формах числа: с одной стороны, форма ед. ч. может выражать множество однородных предметов в их совокупности, например: *Покупатель* стал редок, *Яблоко* нынче нипочем. В то же время единичные предметы во многих случаях обозначаются существительными в форме мн. ч., например: названия орудий и приборов (*весы*, *часы*), названия местностей (*Михали*, *Сыромятники*, *Щигры*), названия временны́х понятий (*госпожинки*, *вечерни*, *каникулы*), названия состояний (*в солдатах*, *в гостях*, *в дураках*) и др. [2]

Вопрос о категории числа существительных в современном языке подробно разработан В. В. Виноградовым. Как и Аксаков, он приходит к заключению, что «сильной формой числа в современном русском языке является множественное число. С ним, а не с единственным числом, связано больше всего переносных значений и оттенков в семантической системе существительных. В разнообразии употребления множественного числа выражается противопоставление разъединенного множества отдельных единиц и коллективной совокупности, или сплошной массы однородных предметов» [3].

В своих основных чертах состояние категории числа существительных, описанное в работах Потебни и Виноградова, сложилось уже к XVIII в. Но внутри этой категории в XIX в. происходили некоторые процессы, изменявшие как семантические, так и формально-грамматические отношения между отдельными группами существительных [4].

В отношении употребления форм числа существительных в литературном языке XIX в. наблюдаются две противоположные тенденции: 1) рост употребления форм мн. ч. таких существительных, которые ранее употреблялись только или преимущественно в форме ед. ч.; 2) сокращение употребления форм мн. ч. таких

---

[2] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941, § 501—509.

[3] В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 166. О соотношении форм и значений ед. и мн. ч. существительных см. также: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русск. лит. языка. М., 1945, стр. 89—92.

[4] Много материалов для наблюдений над употреблением форм мн. ч. содержится в канд. дисс. Д. И. Арбатского «Значения форм мн. ч. имен существительных в совр. русск. языке» (М., 1954). Эта работа в сокращенном виде опубликована в журн. «Научные докл. высшей шк. Филол. науки», 1958, № 4.

существительных, которые ранее широко употреблялись в формах мн. ч. И тот и другой процесс сопровождались изменением значений или оттенков значений соответствующих существительных.

Кроме существительных, употребляющихся в форме только одного числа, единственного или множественного (singularia tantum i pluralia tantum), русскому языку свойственно употребление существительных в форме мн. ч., не утрачивающих при этом значения простой множественности, но заключающих в то же время в своих значениях какой-нибудь дополнительный оттенок. Иногда такие дополнительные оттенки почти поглощают основное лексическое значение существительного и вместе с тем значение множественности, в других случаях — лишь слегка видоизменяют эти значения. Так, существительное во мн. ч. *взгляды* в значении «мировоззрение» в значительной мере лишено того значения, которое присуще слову *взгляд* («мнение») в предложении: «У меня другой *взгляд* на эти вещи». То же можно сказать о существительных в форме мн. ч. в предложениях: «На завтрак были *овощи*», «Принесите *ноты*». Аналогичный сдвиг в значениях могут получать в форме мн. ч. существительные *времена*, *края*, *курсы*, *нервы*, *нитки* и др. Во всех случаях такого употребления в слове развивается движение в сторону pluralia tantum, однако без полного разрыва лексических значений форм ед. и мн. ч. Этим pluralia tantum типа *нервы* (при обозначении душевного состояния), *курсы* (учебное заведение), *нитки* (нить, намотанная на катушку или в клубке) и т. п. отличаются от собственно pluralia tantum типа *брюки*, *вилы*, *гусли*, *куранты*, *отруби*, *перевыборы*, *сени*, *шхеры* и под.

РОСТ УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТИ ФОРМ МН. Ч. У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, РАНЕЕ УПОТРЕБЛЯВШИХСЯ ТОЛЬКО ИЛИ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО В ФОРМЕ ЕД. Ч.

§ 2. Любое существительное, употребляющееся в форме ед. ч., может быть употреблено в форме мн. ч.; но фактически многие существительные в этой форме не встречаются. Таковы (если не считать совершенно особых случаев) некоторые существительные, обозначающие вещество (*серебро*, *пыль*, *мука*, *мел* и т. п.), состояния, признаки, процессы, отношения (*гнев*, *гордость*, *чуткость*, *голубизна* и т. п.). Употребление в форме мн. ч. существительных, обозначающих в ед. ч. «собирательные» и «сплошные» (по терминологии Востокова) неодушевленные предметы, качества, продолжительные и повторяющиеся периодически действия и т. п., всегда сопровождается привнесением в слово дополнительного значения, отсутствующего в форме ед. ч. Это дополнительное значение может быть более или менее заметным, но оно всегда есть. Так, *времена* может обозначать не только собственно мно-

жественность (*искусство разных в р е м е н*), но и то же, что ед. ч. *время* в расширенном, иногда обобщенном виде (Настали, знать, последние *времена*. Пушк., Б. Г., Корчма на Литовской границе). То же — *круги* в значении «среда», «общество» (*в писательских к р у г а х*), *выборы* в значении «избрание делегатов, должностных лиц» и др.

Рост употребительности форм мн. ч. существительных, о котором идет речь, коснулся в XIX в. главным образом следующих лексических групп.

1. Существительные со значением совокупности лиц, предметов: *деды*, *отцы* (в значении «предки»), *внуки* («потомки»), *братья* («близкие люди по убеждениям», «соучастники в борьбе»), *верхи*, *низы* («социальные группы»), *власти* («начальство»; ср.: *местные в л а с т и*). Часто такое употребление формы мн. ч. связано с терминологизацией соответствующих существительных.

Да он *властей* не признает! (Гриб., Горе от у., II, 2); Так наше ветренное племя Растет, волнуется, кипит И к гробу *прадедов* теснит (Пушк., Е. О., 2, XXXVIII); Вся обомлела, запылала, И в *мыслях* молвила: вот он! (Там же, 3, XXXII); И свобода Вас встретит радостно у входа, И *братья* меч вам отдадут (Пушк., Во глубине сибирских руд...); Много толков и шуму в разных литературных *кругах* (Белинск., Ответ «Москвитянину»); Как смотрят в высших *сферах* в Петербурге на последние события (Л. Толст., А. К., 7, III); Много близких голосов Слышно в песнях ваших, Сказок муромских лесов, Песен *дедов* наших (Случевский, Ходит ветер избочась...); Я люблю в нем отраду, награду мою И потомка великих *отцов* (Фет, Подражание восточному); Из присланных вами *нот* я покамест сыграл только вещицы Грига (Чайковский, п. фон-Мекк, 20 янв. 1879. ЛК).

2. Существительные со значением денежных сумм, материальных средств, торговых операций, письменных документов: *блага* (*ему сулят всякие б л а г а*), *бумаги* (*никаких б у м а г при нем не оказалось*), *расходы* (*эта поездка потребует больших р а с х о д о в*), *цифры*, *прогоны*, *ценности* и т. п.

Три кибитки Везут домашние *пожитки* (Пушк., Е. О., 7, XXXI); Дубровский, овладев *бумагами* француза, смело явился, как мы уже видели, к Троекурову (Пушк., Дубр., XI); заставлены *пожитками* (Григорович, Антон Горемыка, VIII); *Припасы* были свежие (Гонч., Фр. «Пал.», III, I); посчитали *барыши* (Леск., Амур в лапоточках, 1, 1); заплачу вдвойне *прогоны* (Л. Толст., Зараж. семейство, V, 6); Все *роскоши* эти и *неги* Я б отдал за крик перепелки во ржи, За скрип новгородской телеги (А. К. Толст., Садко, 11); Ни за какие блага в мире не обратится за советом (М.-Сиб., Человек с прошлым, VI); *Расходы* вдесятеро превышают *доходы* (Чех., п. Ал. П. Чехову, 21 марта 1892).

3. Существительные со значением блюд, кушаний, напитков, лечебных средств, в особенности, когда имеются в виду различные сорта, виды их: *блины* (*позвали н а б л и н ы*), *жиры* (*больному запрещены всякие ж и р ы*), *почки* (*угощать п о ч к а м и в мадере*), *вина* (*разбираться в в и н а х*), *банки* (*ставить б а н к и*), *т к а н и* (*торговля т к а н я м и*).

У них на масленице жирной Водились русские *блины* (Пушк. Е. О., 2, XXXV); *квасы*, которыми издавна славится наш дом (Гоголь, М. д., 2, IV); фаршированные *мяса* и птицы (Гонч., Фр. «Пал.», I, 4); богатые магазины *сукон*, *полотен*, *материй* (Там же); Оба они брезговали всякими *мадерами* и *сотернами* и, кроме водки, ничего не пили (Бусл. Мои воспом., III); И *грязями* разными лечился, и *воды* пил (Чех., Симулянты); потребляет в пище... много *жиров* (Чех., О-в Сахалин, XI).

4. Существительные со значением приборов, аппаратов, устройств, строений, помещений, в особенности сложного характера: *антресоли*, *двери*, *качели*, *сходни*, *счеты* («прибор для подсчетов»), *мостки*, *перила*, *казармы*, *кулуары*.

Любили круглые *качели*, подблюдны песни, хоровод (Пушк., Е. О., 2, XXXV); В *казармах* содержалась уже несколько месяцев казачка Софья Пугачева (Пушк., Ист. Пугач., 7); Нас держали в *антресолях*, а родители жили в бельэтаже (Л. Толст., А. К., 7, IV).

5. Существительные со значением игр, развлечений: *бега*, *городки*, *догонялки*, *гонки*, *карты*, *лыжи*, *скачки*.

Играть в *городки*, лапту и горелки (М. Г., Городок Окуров, XI); Был день *бегов* (Купр., Изумруд, III); Он будет играть с нею в крокет и в *кегли* (Чех., После театра).

6. Существительные со значением действий, поступков, качеств, свойств и физических состояний, взаимоотношений, когда имеются в виду неоднократные проявления этих действий, качеств, состояний и т. п. или разные виды их: *боли*, *дружбы*, *заискивания*, *напряжения*, *ненависти*, *прения*, *раздумья*, *самолюбия*, *нападки*, *пересуды*, *счеты* (*у нас с ним старые с ч е т ы*), *происки*, *борьбы*, *вражды*, *вежливости*, *клеветы*, *ненависти*, *скуки* и т. п.

Вам, людям молодым, другого нету дела, Как замечать девичьи *красоты* (Гриб., Горе от у., I, 9); без всяких дипломатических *кудрявостей* (Гриб., п. А. И. Рыхлевскому, февр. 1820); Уже забыл Людмилы пленной Недавно милые *красы* (Пушк., Русл. и Людм., 4); отворачивался при малейших *учтивостях* хозяина, который... истощался во *вниманиях* ко мне (Д. Дав., Дневн. партизанск. действий); В глубоких *раздумьях* застал Зуда того, кого весь город почитал первым счастливцем (Лажечн., Лед. дом, 4, 8); [Нравственные силы] в великих *борьбах* народов всегда берут перевес (Грановск., Александр Великий. ЛК); Все *обаяния* дороги, весны, ночи спустились в душу

бедного немца (Тург., Двор. гнездо, XXV); Писали на него доносы, распространяли про него *клеветы* (Тург., Лит. и жит. воспом., II); И бездна нам обнажена С своими *страхами и мглами* (Тютч., День и ночь); Я не сносил ни лжи бездушной, Ни деспотизма, ни *клевет* (Полонск., Спустя 15 лет); тем милым грудным смехом, который был одною из главных ее *прелестей* (Л. Толст., А. К., 7, III): Человек с опасностью своей жизни должен служить чужим *жизням* (Л. Толст., К вопросу о свободе воли); При дикой красоте негаданных *сближений* Для многих чувств хотелось бы прощений (Случевск., Когда бы как-нибудь...); И странно полюбил я мглу противоречий И жадно стал искать *сплетений* роковых (Брюсов, Я).

7. Существительные со значением остатков как результатов каких-либо действий или явлений: *отбросы*, *отсевки*, *отходы*, *очистки*, *поскребки*, *подонки*, *развалины*, *руины*.

Где прежде взору град являлся величавый, *Развалины* теперь одни (Пушк., Воспом. в Царск. Селе); Генерал допил из бутылки последние *подонки* (Дост., Идиот, 1, XII); тлели костры из навоза, соломы и всяких *отбросов* (Чех., Черн. монах, I).

8. Существительные, обозначающие пространственные понятия: *внутренности*, *задворки*, *зады*, *места*, *края*.

По *задворкам* поповской слободки (Тург., Конец Чертопх., XI); Покуда дорога шла *задами* станицы, по выгонам, Ерошка разговаривал (Л. Толст., Казаки, XVIII).

9. Существительные, обозначающие временны́е понятия: *времена*, *годы* (и *года*), *дни*, *часы*.

Сужденья черпают из забытых газет *времен* очаковских и покоренья Крыма (Гриб., Горе от у., II, 5); В те *дни*, когда в садах Лицея Я безмятежно расцветал... (Пушк., Е. О., 8, I); Миновали *годы* юношеской беззаботности (Корол., Ист. моего совр., 1, 2).

10. Существительные, обозначающие совокупность, множество однородных материалов, веществ: *снега*, *туманы*, *слезы*, *воды*, *льды* [5].

Оставь же мне мои *железы* (Пушк., Кавк. пленник, 2); На дворе полночь, за рекою густые *туманы* (Пушк., Янко Марнавич); На посох опершись дорожный, Старик лениво в *бубны* бьет (Пушк., Цыганы); Ты с юных лет Коварные его отвергнул *цепи* (Лерм., Памяти А. И. Одоевского); Солнце..., простирающее блеск из-за *льдов* (Батюшк., Опыты в прозе. II. Нечто о поэте и поэзии); Вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные *воды* свои (Гоголь, Страшн. месть, X); толстая

[5] «Pluralis употребляется в ряде случаев как стилистическое средство амплификации: *снега́* — это «много снега», *телеса* — это «грузное, жирное тело» (А. В. Исаченко. Бинарность, привативные оппозиции и грамматическое значение. ВЯ, 1963, № 2).

старуха в пестрых *ситцах* (Гоголь, М. д., 1, IV); столкнулся с господином в *медведях*, крытых коричневым сукном (Там же, VII); *Слезы* людские, о *слезы* людские, льетесь вы ранней и поздней порой (Тютч., Слезы людские, о слезы людские...); За ужином Колосов рассказывал разные *вздоры* (Тург., Андрей Колосов); Готового нет ничего, *мозги* высохли (Тург., п. Я. П. Полонскому, 8 дек., 1873); Болото можно было узнать по *парам*, которые поднимались из него (Л. Толст., А. К., 6, XII).

Данная классификация, как и все лексические классификации, не достаточно точна и неполна. Но и приведенный материал убедительно свидетельствует о том, что употребление во мн. ч. существительных с дополнительными, по сравнению с ед. ч., значениями или оттенками значений получило в XIX в. очень широкое распространение. В основном этот процесс был обусловлен возникновением множества новых понятий, относившихся к быту, производству, общественным отношениям и т. д. Позднее, в XX в., данное явление еще шире распространилось, особенно в области терминологии разных наук и производства.

Зачастую бывает трудно установить с полной уверенностью, что то или иное существительное в форме мн. ч., засвидетельствованное в литературных памятниках XIX в. со значением не простой множественности, получило это значение именно в XIX в., а не обладало им ранее. В известной мере здесь может помочь знание, что сама реалия, обозначенная этой формой, появилась не ранее, чем в XIX в. Более или менее помогают показания словарей. Так, наличие во всех словарях XIX в. существительного *взгляд* только в форме ед. ч., по-видимому, свидетельствует о том, что форма мн. ч. *взгляды* значения «мировоззрение» тогда еще не имела. Но что такое значение уже формировалось — это бесспорно (см. например, в Словаре II Отд. АН, т. I, вып. 1 одно из значений слова *взгляд* — «мнение», «воззрение»). Существительное *инициалы* в словарях XIX в. отсутствует (в Словаре Ушакова оно есть с пометкой «ед. редко»). Это, конечно, не означает, что оно не употреблялось в XIX в., но дает основание считать, что в XVIII в. его в употреблении еще не было.

Отсутствие указаний на формы мн. ч. в особых значениях в словарях ранних и наличие таких указаний в словарях более поздних объясняется в значительной мере тем, что соответствующие существительные употреблялись еще в более ранний период в форме мн. ч. только со значением «простой множественности». Кроме того, многие из тех существительных, которые во второй половине XIX в. стали употребляться во мн. ч. с дополнительными значениями, в словарях более ранних вообще отсутствуют. Так, например, в Словаре АР отсутствуют существительные в форме мн. ч. *выборы* (есть *выбор* — «избрание»), *гонки* (есть *гонка*, но не в значении состязания в быстром передвижении), *заработки* (есть

заработка в значении «плата за работу»). Нет вообще слов *масса*, *нерв*, *припас* и ряда других. В Словаре 1847 г. отсутст указания на формы мн . ч. со значениями не простой множест ности для слов *бани* («коммерческое предприятие»), *взгляды* («мировоззрение»), *блины*, *грибы* (в значении «съестное блюдо»), *власти* («начальство»), *грязи* (в значении лечебного средства), *кредиты* («денежные суммы, отпускаемые учреждениям на определенные расходы»), *курсы* («учебное заведение»); *отходы* («негодные, излишние части использованных в работе материалов») и др., появившиеся в более поздних словарях. Далеко не всегда, конечно, отсутствие в словаре того или иного слова или той или иной формы свидетельствует об отсутствии его в языке; ср., например, отсутствие формы мн. ч. *власти* в Словарях АР и 1847 г. при наличии его у Грибоедова («Да он *властей* не признает!» Горе от у., II, 2). Но в целом показания словарей не могут не приниматься во внимание.

Интересные показания можно иногда извлечь из примеров, иллюстрирующих значения слов в словарях: здесь нередко фигурирует мн. ч. с дополнительными оттенками. Например, в Словаре АР (2-е изд.) к слову *нитка* («прядь льняная или шерстяная») в качестве иллюстрации приведено: *мотать нитки* (то же в Словаре 1847 г.); к слову *всход* («оказывание ростков из земли») *озимые*, *яровые всходы*; к слову *мысль* («мнение») — *я с вами одних в рассуждении сего мыслей*. Все эти и другие формы мн. ч. не обозначают «простой множественности».

Кроме указанных выше причин роста употребительности форм мн. ч. существительных, ранее употреблявшихся только или преимущественно в форме ед. ч., происходила перестройка системы взаимоотношений форм ед. и мн. ч. отвлеченных существительных: наряду со значением «опредмеченного» действия, качества, свойства и т. п. появляются значения отдельных «совершений» действия, отдельных проявлений признака или свойства, внешних и внутренних состояний и т. п. Этот процесс обогащения отвлеченных существительных «конкретизирующими» значениями начался, несомненно, ранее (по-видимому, в поэзии), но в XIX в. получил уже широкое распространение. Вот несколько примеров из литературного языка XVIII в.:

> На *слабости* людски со сожаленьем зреть (Сумарок., О честности); *Дурачествы* сквозь пальцы видишь, лишь зла не терпишь одного (Держ., Ода к Фелице); Что вы, Аркадские *утехи*, Темпейский дол, Гесперский сад (Держ., Аристиппова баня); Среди *богатств* — он нищ и беден (Крыл., Блаженство); Ужель иссякнули всех *радостей* струи? (Жуковск. Вечер).

Охарактеризованные выше процессы протекали неодинаково и неравномерно по отношению к различным лексическим группам слов. Для некоторых из таких существительных осложнение значений совершалось на основе развития метафорического и мето-

нимического их употребления (ср. *власти* в значении «представители власти»; *хрусталя* в значении «сосуды из хрусталя»; *счеты* в значении «взаимные претензии, недовольство» и др.) [6]. Другие переходили из XVIII в. в XIX, уже обладая в форме мн. ч. наряду со значением простой множественности также и теми дополнительными оттенками, которые придавали им значение совокупности (ср. в Сл. АР: *дар* — «все то, что дается кому без возмездия» и *дары природы* — «плоды, приносимые землею»; *пожиток* — «приобретение, прибыль», *пожитки* — «движимое имение вообще». В XIX в. такие существительные либо сохраняли в форме мн. ч. полностью или частично те значения, которыми обладали в ед. ч. (*дары*), либо переставали употребляться в одной из форм числа (была, например, утрачена форма ед. ч. *пожиток*, уже в Словаре АР имевшая помету «старинное»). В ряде случаев в словах, называющих предмет со значением совокупности, когда в XVIII в. употреблялись формы обоих чисел с одинаковым лексическим значением, в XIX в. сохранилась только форма мн. ч. — иначе говоря, существительное переходило в категорию pluralia tantum. Ср. в Словаре АР: *доспех* — «ратный прибор, каковы суть латы, шлем и пр.» [7]; в XIX в. — уже только *доспехи*; *переговор* в Словаре АР: 1) «взаимное сношение, объяснение между кем о каком-либо деле», 2) «пересуды, охуление, опорочивание кого»; в XIX в. — только *переговоры*[8].

СОКРАЩЕНИЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТИ ФОРМ МН. Ч. У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, РАНЕЕ ШИРОКО УПОТРЕБЛЯВШИХСЯ В ЭТОЙ ФОРМЕ

§ 3. Для языка XVIII в. характерно широкое употребление в обоих числах отвлеченных существительных для обозначения разновидностей, повторяемости действий, повторяемости проявления качеств и свойств, физических и нравственных состояний, разнообразия взаимоотношений и т. п. Такие формы мн. ч. часто встречаются в литературных памятниках первой половины XIX в., преимущественно в повествовательных и стихотворных жанрах. Лексические разряды, по которым распределялись существительные, о которых идет речь, можно, с известной условностью, охарактеризовать следующим образом.

1. Существительные, обозначающие проявления чувств, отношений и взаимоотношений, настроений.

---

[6] Конечно, метафоризация и метонимизация обусловливались характером лексического значения слова.

[7] См. у Карамзина: Явился наконец и Борис Годунов, в полном *доспехе* (И. Г. Р., X, II).

[8] См., впрочем, у Герцена: Пусть бы он приехал в Париж для *переговора* со мной (п. сыну, 29 ноября 1869).

Историк не должен предлагать *вероятностей* за истину (Карамз., И Г. Р., I, II); Славяне не боялись ни голода, ни *свирепостей* зимы (Там же); О время сладких *восхищений*! (Жуковск., Из «Дон-Кихота», XVIII); Не живит ли человека радость и веселье; не молодеет ли он при *приятностях* (Н. Тург., Дневн., 1807); Сегодня страшные *суеты* в Геттингене: все ожидают короля (Там же, 1810); вы мне оказали столько *ласковостей* (Гриб., п. Ф. Булгарину, окт. 1824); не щадил ни *шарканьев*, ни нежных выражений (Нарежн., Росс. Жилбл., 5, VII); Прежние *любови* его... свирепствовали в сердце (Там же, 2, XI); [Хозяин] истощался во *вниманиях* ко мне (Д. Дав., Дневн. партизанск. действий); Появились против него *клеветы*, *сарказмы* (Д. Милютин, Суворов, Отеч. зап., 1839, т. III).

В таком же употреблении в этот период встречаются формы мн. ч. существительных *лютости*, *молодости*, *невозможности*, *нечаянности*, *наглости*, *удальства*, *удобности*, *воображения*, *новизны* и под.

2. Существительные со значением общественных явлений, состояний, событий.

Живучи в *роскошах*, нередко добросердечных поселян... без всякой жалости разоряют (Лукин, Щепет., Письмо г. Ельчанинову); Не хотел предвидеть, какие *злы* и в самом начале могут от сего произойти (Щербат., Статистика, VI); Производит неисчислимые *зла* на Руси (Никитенко, Дневн., 7 окт. 1854); Я теперь замечаю в себе от времени до времени значительные *прогрессы* (Белинск., п. Бакунину, 1837); *Эмиграции* были в моде (В. Одоевск., Русск. ночи, Эпилог).

3. Существительные со значением длительных, повторяющихся действий.

Ежели бы они хоть один раз обратили примечательные взоры на различные *поведения* всех людей (Крыл, Почта духов, XXVIII); будет продолжать делать ей всевозможные *сопротивления* (Там же, XXXI); Меня изменили и переделали *горя* (Гоголь, п. матери, 13/25 авг., 1829); *сочувствий* пламенный искатель (Борат., Осень); исправление умов и *волей* (Пестель, «Русск. Правда», II, 2); *веселостей* искать бы мог (Гриб., Горе от у., III, 1); Чтобы удобнее преследовать предмет своих изысканий, чтобы поверить его в его *развитиях* (В. Одоевск., Русск. ночи, 2); Выставляются перепутанными и смешанными все *борьбы*, все противоположности племен, сословий, состояний (Герц., Расск. о временах меровингских, 1); пошел напролом сквозь все репутации, все *зависти* (Б-ка для чт., 1843, апр.-май); не дает себе отчета в своих привязанностях и *враждах* (Г. Г-в. Очерки Перу. Совр., 1845, т. IV).

В особую группу выделяются существительные со значением сложных предметов. Особенно распространены были в форме

мн. ч. существительные *кресла* (*креслы*), *фортепьяна* (*фортепьяны*) и др.

Форму *креслы* для обозначения одного предмета мы встречаем как единственно употребительную или, реже, как преобладающую у большинства авторов конца XVIII и первой половины XIX в.

Пугачев сидел в *креслах* на крыльце комендантского дома (Пушк., К. д., VII); Она выпрямилась в *креслах* (Лерм., Кн. Мери, 15 июня); подвигая к Александру свои *кресла* (Гонч., Обыкн. ист., 2, II); усадил ее в *кресла* (Дружинин, Пол. Сакс); Ср.: Достал он *кресло* во втором ряду (Лерм., Кн. Л., II).

Во второй половине XIX в. форма *кресла* употребляется уже почти исключительно для обозначения простой множественности. Однако форма мн. ч. для обозначения одного предмета еще время от времени встречается и в это время и даже позднее, см. у Блока: Дочь твоя — *в креслах* — весны розовей, Строже вечерних теней (Ты у камина, склонив седины...).

Форма мн. ч. *фортепьяна* (*фортепьяны*) со значением одного предмета в первой половине XIX в., судя по имеющимся материалам (в том числе и показаниям словарей), преобладала. Однако в это время уже очень заметно распространение формы ед. ч., притом в двух вариантах: *фортепьяно* (несклоняемое) [9] и *фортепьян* (склоняемое).

Просиживала вечера за *фортепьянами* (Н. Павл., Ятаган); *Фортепьяна* не расстраиваются (Москвит., 1843, № 5); Потом Гальцин сел к *фортепьянам* (Л. Толст., Севаст. в мае, 5); учить на *фортепьянах* (Черн., Что делать? 1, IV); на дребезжащих *фортепьянах* (Дост., Униж. и оскорбл., 1, I).

Ср.: Чайный столик, *фортепьян*, домашние танцы — все это было нераздельно с светлым эполетом, который блещет при лампе (Гоголь, Невск. просп.); Нашелся *фортепьян* (М. Глинка, Зап., 12); У меня на квартире был хороший *фортепьяно* (Там же, 6); подошел к *фортепьяно* (Гоголь, М. д., 2, III).

Форма мн. ч. *критики* в первой половине XIX в. обозначала простую множественность по отношению к ед. ч. *критика* в значении «критическая статья», «критическое выступление». В форме ед. ч. это существительное с данным значением употреблялось сравнительно редко.

Мы поместили бы там выписки из *критик* Воейкова (Пушк., п. Л. С. Пушкину, 1—10 янв. 1823); Не пиши добрых *критик* (Пушк., п. Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу, 15 марта 1825); [Предисловие] или служит объяснением цели сочинения или оправданием и ответом на *критики* (Лерм., Герой н. вр., Предисл.); Я взял с собою две части «Вестника Европы» и перечел там несколько *критик* Надеждина (Белинск., п. к К. А. Ак-

[9] Пушкин употреблял только форму *фортепьяно*.

сакову, 1837); Что касается содержания и смысла рецензий и *критик* барона Брамбеуса, мы находим у Гоголя совершенно справедливый отзыв (Черн., Оч. гоголевск. периода, 2); Это вот как в *критиках* пишут, сердце с рассудком в разладе (С.-Щ., Губ. оч., Обманутый подпоручик); Прилагаю *критику* Мальвиде, которую забыл (Герц., п. Н. А. Герцен, 19/7 июля 1869).

Ср. формы ед. ч. в значении единичности и собирательности:

А. Читали вы в последнем № Г[алатеи] критику NN? В. Нет, я не читаю русской *критики* (Пушк., ⟨Разг. о критике⟩); *Критику* 7-й песни в «Сев[ерной] пчеле» пробежал я в гостях (Пушк., ⟨Опроверж. на критику⟩).

К рассматриваемому типу можно отнести также существительные в форме мн. ч.: *органы* (музыкальный инструмент), *паркеты*, *воротнички* и др. Встречаются они и во второй половине XIX в.

Залоснились *паркеты* (С. Глинка, Зап. о М.); стоял у камина ... в высоком, твердом галстуке и в туго накрахмаленных *воротничках* (Тург., Накануне, XXX); Лакей был малый с испитым опухшим лицом, в грязных *воротничках* и сюртуке (Засодимск., Темн. силы, II).

§ 4. Изменения в употреблении форм ед. и мн. ч. существительных в XIX в. шли в разных направлениях. В основе этих изменений лежали сдвиги в лексических значениях слов: в связи с необходимостью выразить у отвлеченных существительных дополнительные оттенки значения повторяемости действия, частоты обнаружения качества или свойства такие существительные начинают употребляться в форме мн. ч. (ср. *шум — шумы*). Наоборот, употреблявшиеся не только в ед., но и во мн. ч. существительные со значением «опредмеченного» качества, также в силу изменения лексического значения или его оттенков, утрачивают формы мн. ч. (*зло — злы*). Кроме того, расширение и сокращение употребления существительных в ед. или мн. ч. связывается еще с характером их строения. Так, существительные отглагольные на *-ние* более склонны к употреблению во мн. ч. То же относится к существительным, образованным от основ прилагательных на *-ость*: ср. *показание — показания*, *рождение — рождения* (в значении «день рождения»), *достижение — достижения*; *новость — новости*, *мощность — мощности*, *возможность — возможности* [10]. С другой стороны, затруднено образование форм мн. ч. у существительных с суффиксами *-ие* (*ье*), *-ство*: *величие*, *здоровье*, *изобилие*, *остроумие*, *усердие*, *бесплодие*, *пособничество*, *дородство*, *проворство*, *воровство*, *мотовство*, *шутовство* и т. п.

---

[10] См. работы Н. М. Шанского: «К истории некоторых слов на *-ость*» («Уч. зап. Ряз. гос. пед. ин-та», 1949, вып. 8); «О происхождении и продуктивности суффикса *-ость*» («Вопросы истории русск. языка», М., 1959).

Что касается жанровых и стилистических факторов, то следует отметить, что при общем сокращении в XIX в. употребления в форме мн. ч. многих отвлеченных существительных, в поэтической речи закрепилась группа слов, у которых в форме мн. ч. усиливается образное значение за счет вносимого этой формой оттенка совокупности, цельности, ср.:

В тени дерев над чистыми *водами* Дерновый холм вы видите ль, друзья? (Жуковск., Певец); Из детских рано вырвался *одежд* И сердце бросил в море жизни шумной (Лерм., Памяти А. И. Одоевского); Ты с юных лет Коварные его отвергнул *цепи* (там же); Среди *громов*, среди огней... Она с небес слетает к нам (Тютч., Поэзия); Мне снился сон, что сплю я непробудно, Что умер я и в *грезы* погружен (Фет, Грёзы); Там страждет человек, один во всем творенье, Крушась сознательно в волнении *зыбей* (Случевск., Где только крик какой...).

ИЗМЕНЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 1. Данный раздел посвящен судьбе форм именного склонения в русском литературном языке XIX в. Вопрос о функциях тех или иных форм затрагивается лишь в тех случаях, когда употребление определенной формы функционально обусловлено (ср. употребление формы на *-у* в родит. и предл. пад.). Естественно, что в настоящей работе не затрагиваются общие вопросы категории падежа, падежных значений и корреляций, находящиеся за последние 30 лет в центре внимания исследователей морфологической структуры языка [1].

История русского именного склонения неоднократно становилась предметом изучения. Она рассмотрена во всех пособиях и курсах по истории русского языка (Соболевского, Шахматова, Дурново, Булаховского, Кузнецова и др.). Описанию именного склонения и отдельных этапов его истории посвящены монографические исследования С. П. Обнорского «Именное склонение в современном русском языке», Б. Унбегауна «La langue russe au XVIe siècle (1500—1550)» и ряд других. Анализ употребления форм склонения, как правило, присутствует во всех работах, посвящен-

[1] См.: L. H j e l m s l e v. La catégorie des cas, première partie. Aarhus, 1935; deuxième partie, Aarhus, 1937; W. de G r o o t. Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas. MB, 1939; R. J a k o b s o n. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», VI, 1936; e г о же. Морфологические наблюдения над славянским склонением. «American contributions to the Fourth International congress of slavicists», s-Gravenhage, 1958. См. также дискуссию по докладу Р. О. Якобсона в книге «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии» (т. 2, М., 1962, стр. 39—46). Положения Р. О. Якобсона, его схема разрабатываются и развиваются применительно к отдельным славянским и неславянским языкам в работах Е. Паулини, Е. В. Чешко, Т. Диаконеску и др. Из других работ следует назвать статьи Е. Куриловича «Проблема классификации падежей», «Заметки о значении слова» (в кн.: Е. К у р и л о в и ч. Очерки по лингвистике. М., 1962). В дальнейшем работы Е. Куриловича цитируются по этому изданию.

ных описанию языка той или иной эпохи, группы памятников или отдельного памятника [2].

---

[2] См. далеко не полный список исследований, преимущественно диссертаций или статей, построенных на материале диссертаций, написанных и опубликованных за последние 15—20 лет: С. В. Фролова. Именное склонение в русской оригинальной бытовой повести XVII—XVIII столетий. «Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. и учит. ин-та», вып. 5, 1942, вып. 8, 1947; вып. 9, 1948; Б. И. Косовский. К истории именного склонения в русском деловом языке второй половины XVII в. Канд. дисс. М., 1946—1947; С. Д. Никифоров. Из наблюдений над именами существительными в памятниках второй половины XVI в. «Вопросы славянского языкознания», кн. I, Львов, 1948; М. Г. Лещинская. Родительный — винительный в именах существительных в русск. лит. языке XII—XVIII вв. Канд. дисс. Л., 1949; М. Ф. Парахина. Именное склонение в Синодальном списке I Новг. летописи. Канд. дисс. Львов, 1950; Т. В. Жаркиx. Язык воронежских грамот XVII в. Канд. дисс. Воронеж, 1953; Б. И. Скупский. Совпадение именит. и винит. пад. мн. ч. у существительных мужского рода в древнерусском языке. Канд. дисс. М., 1953; П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 г. М., 1953; Г. А. Махароблидзе. Склонение имен существительных в московских деловых документах XV в. Канд. дисс. М., 1954; В. М. Марков. Формы имен в языке судебников XV—XVI вв. Канд. дисс. Казань, 1955; Е. В. Матвеева. Из истории склонения имен существительных в русск. языке (склонение слова *путь*). «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», т. 104, 1955; И. Е. Семин. Из истории некоторых падежных форм имен существительных. «Уч. зап. Горно-Алтайского гос. пед. ин-та», вып. 1, 1955; вып. 2, 1957; А. А. Тележникова. Склонение имен существительных в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку. Канд. дисс. М., 1955; Р. Ф. Титова. Морфологический строй Азовских записных книг конца XVII в. Канд. дисс. Воронеж, 1955; Г. А. Яковлева. Формы склонения существительных в новгородских письменных памятниках делового стиля XVI в. Канд. дисс. М., 1955; М. А. Веселова. Склонение имен существительных в деловых документах московских приказов первой половины XVII в. Кан. дисс.. М., 1955; М. С. Карясова. Склонение с древнейшей основой на *й* и его отдельные флексии в составе других склонений по древнерусским памятникам XI—XIV столетий. Канд. дисс. Куйбышев, 1956; А. Е. Ладюкова. Из истории именного склонения в русск. лит. языке XVIII в. Канд. дисс., Л., 1956; Ю. П. Ульянов. История склонения имен существительных с основой на *-i* в памятниках русской письменности XI—XVII вв. Канд. дисс. М., 1956; М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI в. Л., 1957; В. П. Ананьева. Система склонения имен существительных в Казанском летописце. Канд. дисс. М., 1958; М. С. Карясова. К вопросу о распространении родительного на *-у* в склонении с основой на *-о*. «Уч. зап. Мелекесского гос. пед. ин-та», вып. 1 1958; Г. А. Богатова. История существительных среднего рода с основой на согласную в древнерусском языке. Канд. дисс. М., 1959; О. Е. Шелепина. К истории именных основ на согласные в древнерусском языке. Канд. дисс. Львов, 1959; А. В. Даневич. Грамматические особенности русских повестей второй половины XVII в. Канд. дисс. Киев, 1961; Л. Житенева. История имен существительных с основой на *-ес*, ее следы в совр. русск. языке, Мурманск, 1960; Г. А. Хабургаев. К истории форм родит. и предл. пад. ед. ч. с окончанием *-у* (употребление окончания *-у* в родит. и предл. пад. ед. ч. существительных мужского рода в курских памятниках делового письма первой половины XVII в.), «Уч. зап. Белгородского гос. пед. ин-та», т. III, 1961; А. Г. Черкасова. Система падежных форм ед. ч. имен существительных: языке произведений эпистолярного жанра второй половины XVII в. и тенденции ее развития. «Уч. зап. Новгородского гос. пед. ин-та», т. VI, вып. 1, 1961 и др.

Во всех исследованиях по исторической морфологии констатируется употребление в памятниках различных жанров вариантных форм для некоторых падежей в ед. и мн. ч. Наиболее часты в падежной системе ед. ч. вариантные формы родит. и местн. пад. мужск. р.: формы на *-а* и на *-у* для родит. пад. и формы на *-е* (бывший *ѣ*) и на *-у* для местн.; постоянны в употреблении вариантные формы для творит. пад. женск. р. на *-ою* и *-ой* для существительных типа *вода*, *жена* и *-ию*, *ью*, для существительных типа *кость*. Реже встречаются вариантные падежные формы у существительных средн. р., причем только у тех, которые принадлежали к бывшим основам на согласный. По памятникам отмечено употребление в косвенных падежах существительных типа *слово*, *тело* (чаще) и типа *время*, *темя* (реже) с наращением (*-ес*, *-ен*) и без наращения.

Смешение и варьирование падежных окончаний было очевидным следствием несоответствия падежных форм, употреблявшихся в разговорной речи, той системе, которой продолжали следовать в письменности.

В соответствии с традицией, установившейся в исследованиях по исторической морфологии, к формам «живого языка» обычно причислялись и причисляются в ед. ч.: 1) формы на *-у* родит. и предл. пад. мужск. р.; 2) формы косвенных падежей существительных *слово*, *тело*, *время*, *темя* без наращения и 3) формы творит. пад. существительных женск. р. на *-ой*, *ей* (вместо *-ою*, *-ею*) и *-ью* (вместо *-ию*). В мн. ч. к формам, развившимся и утвердившимся в живом употреблении, относят: 1) редкие для конца XVII—нач. XVIII в. формы именит. пад. мн. ч. на *-á*; 2) формы дат., творит. и предл. пад. мужск. и средн. р. на *-ам*, *-ами*, *-ах* и др. Употребление всех этих форм в памятниках письменности возрастало по мере развития собственно русской письменности и освобождения ее от традиций церковной книжности [3].

Установление новой системы склонения, более соответствовавшей живому употреблению, Г. О. Винокур приурочивает к началу XVIII в., когда, по его мнению, развитие новых повествовательных жанров тормозилось характерным для древнерусской письменности «двуязычием», а создание нового литературного языка, отвечавшего задачам и потребностям литературы, в свою очередь, задерживалось нерешенностью морфологической проблемы [4]. В течение 1730—1740-х годов морфологическая проблема была в общем разрешена, но в системе именного склонения литературный язык не стал совершенно единообразным [5]. В «но-

[3] Ср., например, последовательный рост употребительности форм на *-у* в судебниках 1497, 1550 и 1589 гг. (см.: В. М. Марков. Указ. соч.).

[4] См: Г. О. Винокур. Русский литературный язык в первой половине XVIII в.— Избр. работы по русск. языку. М., 1959, стр. 126. В дальнейшем работы Г. О. Винокура цитируются по этому изданию.

[5] Там же, стр. 130.

вой» системе на правах вариантных форм сохранялись формы родит. и предл. пад. мужск. р. ед. ч. на *-у*, формы творит. пад. женск. р. на *-ой*, *-ей*, *-ью*, формы именит. мн. средн. р. на *-ы*, (*-и*) и др. Все эти формы характеризовали в основном разговорную речь.

В первой половине XVIII в. определились и морфологические церковнославянизмы; к ним относились в ед. ч. формы дат. и предл. пад. на *-и*, от существительных женск. р. типа *земля*, формы предл. пад. мужск. р. с меной задненебных на свистящие, а во мн. ч. — формы именит. на *-и* (*беси*, *ангели*), формы дат. на *-ом* творит. на *-ы*, и в меньшей мере на *-ьми*, и формы предл. на *-ех* (*-ѣх*).

Взаимодействие вариантных падежных форм, семантическая и стилистическая дифференциация вариантов составляют историю именного склонения конца XVIII—XIX вв.

Наличие вариантных падежных форм характеризует не только систему русского именного склонения; оно свойственно также другим славянским языкам, в частности чешскому, словацкому и польскому. Так, например, в чешском языке имеются вариантные формы родит., местн. и зват. пад. ед. ч. и именит. и местн. пад. мн. ч. мужск. р.; те же падежи располагают вариантными формами в словацком языке; в польском языке вариантные формы образуют родит. и местн. пад. мужск. р. ед. ч., именит. мн. мужск. р., а также творит. мн. мужск. и средн. р. Как и в русском, в западнославянских языках образование вариантных падежных форм может быть связано со строением основы, характером конечного согласного основы, с принадлежностью слова к разряду одушевленных или неодушевленных, личных или неличных, а в отдельных случаях — со значением слова или особенностями его синтаксических связей [6].

Как и в русском языке, в других славянских языках вариантные формы, употребляясь в сходных условиях и ситуациях, постепенно «разошлись» семантически или стилистически, закрепились за определенными значениями, синтаксическими конструкциями и сферами речи. Одни из вариантных форм утвердились в языке как нормативные, другие вышли из общего употребления. В этом «перенимании» «стилистических ходов», как и в ряде других сходных лексико-грамматических процессов, Л. А. Булаховский видит «линии былых культурных связей, былых влияний одного славянского народа на другой» [7].

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО
РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Мужской род

Изменения в соотношениях форм на *-а* и на *-у*

§ 2. В середине XVIII в. в литературном языке существовали две формы родит. пад. ед. ч. мужск. р.: форма на *-а* и форма на *-у* [8].

Форма на *-у* в родит. пад. ед. ч. наблюдалась и до XVIII в.

[6] См.: А. В. Исаченко. Грам. строй русск. языка, ч. 1, стр. 158; B. Havránek, A. Jedlička. Česká mluvnice. Praha, 1960, стр. 107—136; А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. 1, М., 1941, стр. 345—357; Т. Лер-Сплавинский. Польский язык. М., 1954, стр. 233.

[7] Л. А. Булаховский. Взаимоотношения славянских литературных языков. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», т. X, вып. 1, 1951, стр. 49.

[8] Формы родит. ед. на *-у* от первоначальных основ на *-о* известны почти всем славянским языкам. См.: С. П. Обнорский. Именное склоне-

Она образовалась от существительных неодушевленных и постоянно употреблялась в памятниках нецерковной письменности и в деловых документах. В произведениях церковно-книжного характера формы на *-у* почти полностью отсутствуют. «Стойкость» и продуктивность формы на *-у* при традиционной книжной форме на *-а* неоднократно привлекала к себе внимание исследователей. Богородицкий, выдвигая в качестве основного лексико-синтаксический признак, считал окончание *-у* «привязанным к некоторым разрядам слов мужск. р. и в то же время к определенным категориям родит.- исходного падежа»[9]. Шахматов дал семантическую классификацию существительных, от которых возможно образование форм на *-у*, отметив при этом, что, как правило, окончание *-у* вытесняет только неударяемое *-а*, за исключением вещественных существительных при выражении разделительного значения (*медку, табаку*)[10]. Синтаксические условия «функционирования» формы на *-у* подчеркивались в ранних работах С. П. Обнорского, посвященных именному склонению[11]; они упоминаются и в его труде «Именное склонение», но в этом исследовании как основной выдвинут лексико-семантический принцип — зависимость флексии *-у* от значения существительного. Л. А. Булаховским помимо лексико-семантических условий акцентируется грамматический признак: отсутствие у существительных, образующих формы родит. пад. на *-у*, форм мн. ч.[12].

В современных грамматиках в качестве условий употребления форм родит. пад. на *-а* и на *-у* обычно выдвигается комплекс лексико-семантических и синтаксических признаков. Поскольку употребительность форм на *-у* в литературном языке по мере прибли-

---

ние в совр. русск. языке, вып. 1, «Сб. ОРЯС», т. 100, № 3, 1927, стр. 98—99; Л. А. Булаховский. Розвідки в ділянці граматичної аналогії в слов'янських мовах. І. Родовий однини чоловічого роду на *-у*. «Мовознавство», 1936, № 8, стр. 49—70; В. Havránek, A. Jedlička. Указ. соч., стр. 117; А. В. Исаченко. Грам. строй русск. языка, ч. 1, стр. 158; Т. Лер-Сплавинский. Указ. соч., стр. 233; Порівняльна граматика української і російської мов. Київ, 1961, стр. 90.

[9] В. А. Богородицкий. Синтаксис родит. пад. в русск. языке. РФВ, 1913, т. 68, № 3, стр. 224. Синтаксический принцип как основной при утверждении форм на *-у* ранее и в более категорической форме выдвигался Буслаевым: «Родит. и предл. пад. на *-у* или *-ю* принимают существительные, употребляющиеся в смысле наречия, с предлогом, на вопросы: *откуда*? или *где*? Например, *из лесу*, *в лесу*» (Ф. И. Буслаев. Ист. грам., Этимол., стр. 215).

[10] А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 241, 247.

[11] С. П. Обнорский. Формы склонения по сатирам Кантемира. РФВ, 1913, т. 69, № 1, стр. 55; его же. Одна особенность языка К. Н. Батюшкова. «Сборник в честь Д. Ф. Кобеко», СПб., 1913, стр. 48.

[12] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II (Исторический комментарий). Киев, 1953, стр. 123. См. его же : Розвідки в ділянці граматичної аналогії в слов'янських мовах.

жения к нашему времени ограничивается, распределение окончаний *-а* и *-у* в последнее время начинают связывать не только со специфической синтаксической функцией падежа, но и с идиоматикой [13].

Формы на *-у* в XVIII в.

§ 3. В конце XVII — нач. XVIII в. формы на *-у* были широко распространены не только среди существительных с конкретными и вещественными значениями, но и с отвлеченными значениями [14]; показательна также употребительность этих форм в словах иноязычного происхождения [15].

О давнем употреблении формы на *-у* и об отсутствии у нее иных стилистических характеристик, кроме принадлежности разговорной речи, свидетельствует наличие уже в языке XVIII в. предложных сочетаний (предлог + форма на *-у*) наречного характера: *сверху*, *снизу* (в написании *с верху*, *с низу*), *с веку*, *с ветру*, *с боку*, *от роду*, *с роду*:

Сия пещеры *с веку* любви посвящены (Тредьяковск., Езда в о-в любви, 1), не *с ветру* песни взяты (Петров, Весна); *с роду* не бывала толико я дурна (Сумарок., Сова и зеркало); сходня *с верху* в низ положенная (Сл. АР, III, *Косяк*); сосуд имеет горло и *с боку* рукоятку (Сл. АР, III, *Кувшин*); набат гремел *без умолку* (Карамз., И. Г. Р., XII, IV).

Подобные сочетания наречного характера уже в XVIII в. можно считать лексикализовавшимися.

В первой трети XVIII в. форма на *-у*, как форма, дублирующая форму на *-а*, была отмечена В. Е. Адодуровым [16]. В «Российской грамматике» Ломоносова форме на *-у* уделяется уже много внимания. «Имена, которые кончатся на ъ,— писал Ломоносов,— в родит. пад. ед. ч. переменяют ъ на *а* или *у*» [17]. В парадигме окончаний указывается: «род. *а* или *у*» (§ 151); в примерах: «род. *повода* или *поводу*» (§ 151). «Имена, кончащиеся на *й* и ь, — отмечал далее Ломоносов,—в родит. пад. ед. ч. переменяют *й* и ь на *я* или *ю*» (§ 152); в парадигме: «род. *я* или *ю* (§ 152); в примерах: «род. *роя* или *рою*» (§ 152).

Употреблению каждой из дублетных форм родит. пад. Ломоносов дал обоснование, опирающееся на семантические и стилисти-

---

[13] См.: А. В. Исаченко. Грам. строй русск. языка, ч. 1, стр. 158.

[14] См.: С. В. Фролова. Указ. соч., статья 1, стр. 27. И. Е. Семин. Из наблюдений над именами существительными в «Письмах и бумагах Петра I». «Уч. зап. Горно-Алтайск. гос. пед. ин-та», вып. 1, 1955, стр. 84; С. П. Обнорский. Формы склонения по сатирам Кантемира, стр. 54—55.

[15] См.: А. Е. Ладюкова. Указ. соч.

[16] Anfangs-Gründe der russischen Sprache.— В кн.: Teutsch-lateinisch und russisches Lexicon samt denen Anfangs-Gründen der russische zu allgemeinem Nutzen. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка ... St-Pt., 1731.

[17] М. В. Ломоносов. Росс. грам., § 151, стр. 443. Далее указания на параграф даются в тексте.

ческие принципы. Формы на *-у*, кроме существительных одушевленных, образующих только формы на *-а* (см. § 172)[18], допускают имена, «происшедшие от глаголов... и тем больше оное принимают, чем далее от славенского отходят, а славенские в разговорах мало употребляемые лучше удерживают *а*: *размах*, *размаху*, *чёс*, *чёсу*, *взгляд*, *взгляду*, *визг*, *визгу*; *груз*, *грузу*; *попрек*, *попреку*; *перенос*, *переносу*; *возраст*, *возрасту и возраста*; *вид*, *виду и вида*; *трепет*, *трепета*» (§ 172, стр. 457)[19]. «Сие различие древности слов и важности знаменуемых вещей,— отмечает далее Ломоносов,— весьма чувствительно и показывает себя нередко в одном имени, ибо мы говорим: *святого духа*; *человеческого долга*; *ангельского гласа*, а не *святого духу*, *человеческого долгу*; *ангельского гласу*. Напротив того, свойственнее говорится: *розового духу*; *прошлогоднего долгу*; *птичья голосу*, нежели *розового духа*; *прошлогоднего долга*, *птичья голоса*» (§ 173).

Помимо общих семантико-стилистических условий употребления дублетных форм. родит. пад., Ломоносов предложил некоторые ограничения, связанные со значением и строением существительного. В его грамматике высказано очень тонкое наблюдение: формы родит. пад. на *-у* чаще, чем формы на *-а*, образуют те существительные, которые в именит. пад. не обозначают единичных предметов и принадлежат мере, а не счету: *анис*, *анису*; *бархат*, *бархату*, *бисер*, *бисеру*; *уклад*, *укладу*; *воск*, *воску*; *гонт*, *гонту*; *дерн*, *дерну*; *квас*, *квасу*; *чеснок*, *чесноку*; *лед*, *льду*; *хрящ*, *хрящу*; *коровод*, *короводу*; *полк*, *полку*; *содом*, *содому* (§ 174). К этой группе Ломоносов добавляет слова, «время и место значащие»: *базар*, *базару*; *берег*, *берегу*; *верьх*, *верьху*; *низ*, *низу*; *перед*, *переду*; *зад*, *заду*; *вечер*, *вечеру* и *вечера*; *век*, *веку* и *века*; *караул*, *караулу*; *луг*, *лугу* и *луга* (§ 175). Слова же, обозначающие единичные предметы и поддающиеся счету, обычно образуют формы родит. пад. на *а*. «Итак, рассудив по натуре вещей,— писал Ломоносов,— о которых можно сказать: *два*, *три*, *четыре*, тех имена имеют родит. пад. на *-а*, хотя иногда и на *-у* в других случаях не отметывают» (§ 179)[20].

К существительным, чаще имеющим в родит. пад. *-а*, Ломоносов, относил имена, называющие снасти, платье, строение, по-

[18] В отличие от всех славянских языков, в польском и словенском языках образование формы родит. ед. на *-и* возможно, правда, в единичных случаях и от существительных одушевленных (см.: Л. А. Булаховский. Грамматическая индукция в славянском склонении, статья 2. — ВЯ, 1956, № 4, стр. 21).

[19] Ср. в «Материалах к Росспйской грамматике»: «Имена, которые по силе вышеописанных правил в родит. на *-у* лутче, нежели на *-а*, кончатся,... больше на *-а* склонять должно, ежели они к славянскому диалекту больше склоняются и в обыкновенном языке российском не столько употребляются, как в письме и важном штиле: напр. *залог*, *-га*; *восход*, *-да*. Особливо когда важные прилагательные с ними сочиняются: *божественнаго залога*, *солнечнаго восхода*» (Собр. соч., т. VII, стр. 648).

[20] См. также «Материалы...», стр. 648.

суду и т. п.: *топор, топора; клин, клина; брус, бруса; двор, двора; кафтан, кафтана; сапог, сапога; чулок, чулка; пояс, пояса; водовик, водовика; амбар, амбара* (§ 176)[21]. По мнению Ломоносова, не образуют обычно форм на *-у* существительные с беглым гласным в суффиксе: *желудок, желудка; конец, конца; мизинец, мизинца; овес, овса; палец, пальца* (§ 177)[22], за исключением: *песок, песку; перец перцу* (см. § 178).

Таким образом, «Российская грамматика» Ломоносова, введя форму на *-у* в состав парадигмы склонения существительных мужск. р. в качестве вариантной, предложила также и ограничить ее употребительность. Правила и рекомендации грамматики явились констатацией существовавших во время Ломоносова различий в значениях форм родит. пад. и одновременно обращенной в будущее регламентацией употребления формы на *-у*.

Грамматики, появившиеся вслед за ломоносовской, еще настойчивее подчеркивали связь формы родит. пад. со «слогом». Из имен существительных в родит. ед. чаще принимают *-у* и *-ю* такие, которые «принадлежат более к нынешнему российскому или простонародному», нежели к древнему славянскому, указывал А. Барсов[23]. Слова же, общие славянскому и русскому языкам, по его мнению, принимают *-а* и *-у* (или *-я* и *-ю*), смотря по важности содержания речи и по тому, требуется ли слог высокий, или средний, или низкий; вследствие чего говорится, с одной стороны: *человеческого долга, небесного огня*, а с другой — *розового духу, прошлогоднего долгу*[24].

Еще последовательнее и определеннее в своих высказываниях Светов. «Кажется, что в родит. и предл. пад. *у* вместо *а* и *ѣ* оставить должно просторечию и комическому слогу, а важный род сочинения онаго отнюдь не терпит. Пишем: *число песка морского*, а говорим: *насыпать песку*; 1772 *года*, в просторечии: 1772 *году*» (§ 42)[25].

§ 4. Употребление форм на *-у* во второй половине XVIII в. не всегда соответствовало условиям, указанным в грамматике Ломоносова. Показательно, что Ломоносов сам выходил за рамки

---

[21] В «Материалах к Российской грамматике» классификация слов, для которых преобладающей является форма на *-а*, дана подробнее: 1) «Иностранные имена на ъ ⟨всегда удобнее⟩ употребительнее в родит. на *-а*: *ад, ада; алтын, -на; аршин, -на; марш, марша; амвон, -на; кафтан, -на*» (стр. 647); 2) «Имена собственные рек, городов и сел, а особливо отечественные имеют в родит. *-а*; *Волхов, Волхова; Днепр, -пра, Киев, -ва; Володимер, -ра; Можайск, -ска; Тобольск, -ска*;... Вычитай: *Дон, -у*» (стр. 647).

[22] Ср. это правило с замечанием Обнорского: «Относительно этих образований на *-у* заметим прежде всего, что они возможны лишь для основ, не осложненных суффиксами» (С. П. Обнорский. Формы склонений по сатирам Кантемира, стр. 54).

[23] См.: М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. IV. «Сб. ОРЯС», т. XIX, № 1, СПб., 1878, стр. 284.

[24] Там же.

[25] Там же, стр. 312.

сформулированных им ограничений, употребляя формы на *-у* от существительных заимствованных: *трону*, *туману*, *караулу* и др.[26], не считая тех из них, которые обозначали вещество (*бисеру*, *алебастру*, *мрамору*, *уксусу*).

С большей последовательностью выдерживалась стилистическая дифференциация форм, но и она не соблюдалась полностью: утверждение, что следует говорить и писать *ангельского гласа* при «более свойственном» в разговоре сочетании *птичьего голосу*, не мешало Ломоносову употреблять в своих произведениях формы на *-у* от неполногласных славянизмов *глад*, *хлад*: *от гладу*; *от хладу*[27]. Формы на *-у* от неполногласных славянизмов можно встретить также в одах Державина: *от мразу* (На возвращ. В. А. Зубова); с ужаса и *хладу* (На брачн. торжества 1799)[28].

Формы, свойственные разговорной речи, подвергавшиеся ограничениям в произведениях высокого стиля, свободнее допускались в произведения среднего и низкого стилей. Формы на *-у* постоянны в записках, заметках, дневниковых записях, в комедиях, шутливых поэмах, баснях и притчах.

Полрюмки *нектару* изволила поднесть (Богд., Душенька, 2); и *свету* не видать, в слезах себя топя (Хераск., Элегия); как остаток мне *пожитку* сохранить (Хераск., Вдова в суде); милого *приюту* (Капн., Друзьям моим); *приступу* нет (Хемн., Орлы); офицер Семеновского *полку* (Нащокин, Зап.); Цель вашего *вояжу* (А. И. Плещеева, п. А. М. Кутузову, 10 ноября 1790); копия с решительного *указу* (И. В. Лопухин, п. А. М. Кутузову, 14 окт. 1790); с первого *взгляду* (Крыл., Почта духов, XXXIV).

Употребления формы на *-у* в конце строки могут быть истолкованы как «поэтическая вольность»— терпимая для рифмы «неправильность, погрешность против языка»[29]. См., например:

Рушитель моего дражайшего *покою*, *я* всякой час *тоскою*, Вздыхание губя, Терзаюсь от тебя (Сумарок., Цефал и Прокрис, II, II); Наделал и казне и мне при том *убытку*; И коль запрется он, готов терпеть *я пытку* (В. Майк., Елисей, 1).

Но далеко не всегда употребление формы на *-у* в стихах вызывается требованием рифмы. Ср. например, у Капниста: Стану ж смертную *минуту* Я с отрадой ожидать; В хладном гробе лишь *приюту* Сердцу страстному искать (Приют сердца) и: Толь милого *приюту* вновь Себе нигде бы не сыскала (Друзьям моим).

---

[26] См.: Т. А. Шаповалова. Формы существительных и прилагательных в «Российской грамматике» и художественных произведениях М. В. Ломоносова. «Уч. зап. Абаканского пед. ин-та», вып. 1, 1955, стр. 93.

[27] См. об этом: Г. О. Винокур. Русский литературный язык во второй половине XVIII в., стр. 150; Т. А. Шаповалова. Указ. соч., стр. 95.

[28] Употребление форм на *-у* от неполногласных славянизмов (от *брегу*, от *гладу*, *гласу*) возможно было и раньше (см.: С. В. Фролова. Указ., соч., статья 1, стр. 20, 22, 26). Такое употребление в первой трети XVIII в. отмечено также в сатирах Кантемира: *без мразу*; *с гладу* (см.: С. П. Обнорский. Формы склонения по сатирам Кантемира, стр. 54).

[29] См.: Н. Остолопов. Словарь древней и новой поэзии, ч. 1. СПб., 1821, стр. 131.

Формы на *-у*, в том числе и от «слов древних», проникали и в высокий стиль, что было следствием распространенности этих форм в живом языке.

Среди торжественного *звуку*; мрак божественного *гневу*; От *блеску* дневного светила (Лом.)[30]; Взаимныя моей любви к тебе нет *виду* (Сумарок., Мстислав, III, 5); во время *приступу* (Хераск., Освобожд. М., V, 12); изъять из *плену* (Хераск., Чесмесск. бой, II); и роскошь *винограду* просит (Держ., Осень во время осады Очакова); Важна без пены, без *порыву*, Полна, велика без *разливу* (Держ., Водопад); от *страху* жалят (Петров, На войну с турками).

Очень показательно употребление форм на *-у* в статьях Словаря АР, отражавшего, как известно, не только противоречия, существовавшие в языковом употреблении своего времени, но и действовавшие в языке XVIII в. тенденции к нормализации[31].

Данные словаря свидетельствуют о том противоречии, которое наблюдалось в отношении двух форм родит. пад.: основной формой признавалась форма на *-а*, но в то же время форма на *-у* широко употреблялась. Словарь указывает как нормативные только формы на *-а* и не называет формы на *-у* как возможные дублеты. В то же время в текстах словарных статей — как в пояснениях, так и в примерах — в соответствии с живым употреблением широко представлены формы на *-у*. См., например, в пояснениях: делать *из воску* (III, *Лепить*); без *жиру* (III, *Любовина*); кубическая сажень *камню*, *песку* (III, *Кубический*); для держания *квасу* (III, *Квасник*); напиток из *кофею* (III, *Кофейный*); ком *снегу* (III, *Крух*); трава из *роду* ромашки (III, *Ка́корва*); для *переходу* чрез проток или для *сходу* с судов (III, *Лава*); с одного *боку* (III, *Корыто*); от *дыму* (III, *Коптиться*); прапорщик конного *полку* (III, *Корнет*) и др. В примерах: кладутся в судно камни для *грузу* (III, *Класться*); кататься со *смеху* (III, *Кататься*); из ...ольхового *лесу* (III, *Лес*); куделя *льну* (III, *Кудель*) [32]; голова *сахару* (III, *Конус*); ком *снегу* (III, *Ком*); ка́ртуз *табаку* (III, *Картуз*); между ими нет *ладу* (III, *Лад*) и др.

Особо следует остановиться на употреблении форм на *-у* в произведениях Карамзина, язык которого «ложится в основу новой грамматической нормализации» [33]. Здесь можно отметить некоторую упорядоченность, возможно, как следствие «отбора»,

---

[30] Примеры взяты из указанной статьи Т. А. Шаповаловой, стр. 95.

[31] См.: Г. О. Винокур. К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII в. (Словарь Академии Российской 1789—1794 гг.), стр. 187.

[32] Ср. употребления форм на *-а* от тех же слов, например: пучок вычесанного *льна* (III, *Кудель*).

[33] В. В. Виноградов. Очерки по истории русск. лит. языка, стр. 181. См. также.: Г. О. Винокур. К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII в., стр. 188.

которому подвергались у Карамзина «разговорные» элементы. При употреблении форм на *-у* у Карамзина проявляется принцип не только семантический, но и синтаксический — закрепленность формы на *-у*, за разделительной и определительной функциями родит. пад. Карамзин последовательно употребляет формы на *-у* от слов с вещественным значением, особенно при указании на часть или количество чего-нибудь — при глаголах *принести*, *напиться*, *понюхать*, *подать*, см., например, в «Истории Государства Российского»: золотник *жемчугу*; аршин *бархату*, *атласу*; кусок *миткалю*; пуд *сахару*, *леденцу*, *пороху*, *ладону*, *свинцу*, *сандалу* (X, IV); см. также в «Письмах русского путешественника» сочетания: принести, напиться кофе, *чаю*, понюхать *табаку*; подать *бишофу*. В «Письмах русского путешественника» формы на *-у* употребляются постоянно при указаниях на количество, массу чего-нибудь: кучи *снегу*, чашек пять хорошего *чаю*, блюдо *шпинату* и т. п. Употребительны формы на *-у* и от некоторых отвлеченных существительных: *с приезду* в Париж; не дает *покою*; не возвратились *со смотру*; не нашел *смыслу*; всякого *роду* добыча; бедствия иного *роду*; невысокого *росту* и др.

Из существительных, не принадлежащих к вещественным и отвлеченным, с формами на *-у* отмечены: *дом* — обычно при указании направления, удаления — *от дому* — или принадлежности: бежать из *дому*, старшая ветвь княжеского *дому*; а также — *лес*, *мост*, *пол* и др.: в аллеях Булонского *лесу*, без *полу*, упали с *мосту*, сидели *у мосту* и т. п.

Карамзин последовательно употребляет форму родит. на *-у* от слова *полк*: в четвертой роте Семеновского *полку* (п. И. И. Дмитриеву, 12 февраля 1795).

Итак, во второй половине XVIII в. формы на *-у*, несмотря на то, что они были не основными, а вариантными, сохраняли употребительность и, очевидно, не обладали никакими дополнительными стилистическими приметами, кроме приметы «разговорности» (большей свойственности разговорной речи), что не препятствовало их проникновению в язык литературы.

Грамматика Ломоносова, а вслед за нею грамматики Барсова и Светова употребительность форм на *-у* в литературном языке ставили в зависимость от слога, а следовательно в зависимость от предмета повествования и от значения слова. К концу XVIII в., когда жанрово-стилистическое деление литературы стало менее строгим, формы на *-у* начали употребляться шире и свободнее.

Проблема употребления формы на *-у* во второй половине XVIII в. применительно к литературному языку (разговорной его разновидности) — это проблема лексико-грамматическая. Возможность образования и употребления этой формы чаще характеризует группы слов, обладающих общими грамматическими и семантическими признаками. Как правило, это существительные,

от которых возможно образование родит. партитивного, а именно: вещественные существительные, существительные, обозначающие не единичные предметы, а их совокупность, нерасчлененность (*лес*, *народ* и т. п.), а также отвлеченные, преимущественно со значением состояния (*страх*, *ужас* и др.) (см. выше группы слов в грамматике Ломоносова).

Применительно к языку литературы проблема употребления формы на *-у* — это проблема стилистическая: образовавшаяся от названий конкретных вещей и отвлеченных понятий, «происходящих от простонародных глаголов», форма на *-у* способствовала «снижению» стиля и свободно допускалась лишь в произведения среднего и низкого стилей. С нарушением последовательности жанрово-стилистической взаимообусловленности форма на *-у* от названных выше разрядов лексики в конце XVIII в. довольно прочно обосновалась в языке литературы.

Формы на *-у* в первой половине XIX в.

§ 5. В первой половине XIX в. в литературном языке употребляются обе формы родит. пад. — на *-а* и на *-у*. Форма на *-а* обычно квалифицируется грамматиками как «правильная», т. е. традиционная, книжная, а форма на *-у* — как вариантная, семантически ограниченная и разговорная. Эту форму, наряду с формой на *-а*, *-я* образуют имена существительные, «означающие множество или собрание однородных предметов» [34], «означающие вещество делимое, напр., имена припасов и разных скоплений вещества», а также существительные, «означающие неодушевленные и отвлеченные предметы» [35]. В перечнях слов, образующих формы родит. на *-у*, в грамматиках Орнатовского, Востокова и Греча приводятся: *анис*, *аниса* и *анису*; *атлас*, *атласа* и *атласу*; *лес*, *леса* и *лесу*; *бархат*, *бархата* и *бархату*; *бисер*, *бисера* и *бисеру*; *век*, *века* и *веку*; *год*, *года* и *году*; *дух*, *духа* и *духу*; *песок*, *песка* и *песку*; *успех*, *успеха* и *успеху* и проч. (Орнатовский, стр. 79); анису, гороху, клею, льну, мелу, перцу, песку, поташу, пуху, солоду, сахару, табаку, уксусу, чаю, янтарю; названия тканей: атласу, бархату, крепу, ситцу, шелку и проч. (Востоков, § 28, стр. 43); ве́рьху, ни́зу, ря́ду, кра́ю, бо́ку, гла́зу, но́су, ви́ду, цве́ту, вку́су, за́паху, сме́ху, обы́чаю, ве́ку, ча́су и проч. (Востоков, там же); *чашка чаю*, *фунт сахару*, *куча песку*; *духу* (в знач. «запаха».— *В. Р.*) (Греч, § 93, стр. 61).

«Все сии существительные,— указывает Востоков,— принимают и правильное окончание родит. пад. на *-а*, *-я*, кроме оконча-

[34] И. Орнатовский. Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных. Харьков, 1810, стр. 79.

[35] А. Х. Востоков. Русск. грам., § 28, стр. 43. См. также: Н. И. Греч. Простр. русск. грам., т. I, § 244, стр. 171. См. его же: Практич. русск. грам., § 93, стр. 61.

ния на *-у*, *-ю*. Последнее служит собственно для родит., показывающего количество; первое же — для других значений родит. пад., например, с окончанием на *-у*, говорится: купить *аниcу*, *перцу*, *уксусу*; выпало много *снегу*; набрать *хворосту*, *ельнику*; с окончанием на *-а*: пряность *аниса*, *перца*; бочонок для *уксуса*, белее *снега*, очистить лес от *хвороста*, лес состоит из *ельника*»[36]. Греч отмечает, что иногда в просторечии родит. и предл. пад. мужск. р. в ед. ч. «принимают окончание дательного»[37]. Таким образом, принципиальной разницы между рекомендациями грамматик XVIII — нач. XIX в. нет. Как в тех, так и в других констатируется употребительность формы на *-у* преимущественно в «просторечии», «простом обыкновенном разговоре»[38] и обращается внимание на семантико-синтаксические условия ее употребления.

Форму на *-у* в первой половине XIX в. можно встретить в произведениях различных жанров, причем возможности образования этой формы и ее употребительность шире, чем это допускают грамматические рекомендации. Так, в дневниках Н. И. Тургенева отмечено: провожать *до дому*; у медведя текла кровь из ушей и *рту*; сделанные из *можжевельнику* ворота; *дождику* почти совсем не было; люди различных лет, способностей и *характеру*. В «Записках» Жихарева: ничего не пил, кроме *квасу*; *пуншу* пить не стану; это, братец ты мой, исчисление *песку* в пространстве; не требовали большого увлечения и *пылу*; опасаясь *скандалу*; не знаешь *долгу* чести. У Нарежного («Росс. Жилблаз»): со дня вашего *побегу*; не мог я найти *выходу*; подле *валу* городского; ни куска *бутерброду* не получишь и т. п.

Анализируя язык произведений Батюшкова с точки зрения употребительности в них формы на *-у*, Обнорский отмечал ее распространенность и широкий круг имен, от которых она образуется («имена со значением вещества, или собирательные, или, наконец, просто отвлеченные; но не исключена возможность образования форм на *-у* и от имен со значением реальных предметов»[39]). В качестве примеров приведены: *без грому*, *без дому*, *без разбору*, *для дому*, *для карману*; *до надсаду*, *до полу*, *до упаду*; *из виду*, *из дому*, *из Крыму*, *из Парижу*; *от городу*, *от саду*, *от страху*, *от холоду*, *от чаду*; *с взгляду*, *с отъезду*, *с приезду*; (*по*)*среди шуму*; *кроме ломбарду* и др.; конструкции с отрицанием: *плану вовсе нет*; *покою ни на час*; *спору нет*; *не дает кофею*; *не было недостатку*;

---

[36] А. Х. Востоков. Русск. грам., § 28, стр. 44.

[37] Н. И. Греч. Простр. русск. грам., т. I, § 244, стр. 171, См. его же: Практич. русск. грам., § 93, стр. 61.

[38] См. определение слова *просторечие* в Словаре 1847 г.: *просторечие* «простой обыкновенный разговор». Ср. замечание Сухомлинова: «Светов проводит резкую грань между обыкновенным и высшим слогом — между просторечием и штилем» (см.: М. И. Сухомлинов. Указ. соч., стр. 311).

[39] С. П. Обнорский. Одна особенность языка К. Н. Батюшкова, стр. 49.

не могу отдать отчету и др.; сочетания с вещественными существительными при выражении количества: *коленкору на два платья*; *капля меду*; *ситцу на платье*; *снегу по колено*; *чаю фунта два и т. д.*[40]

Формы на *-у* постоянны у Крылова и Грибоедова:

Ответу требует он грозно (Крыл., Напраслина); И *жемчугу* того лишь дожидался, Что выбросит к нему волной (Крыл., Водолазы); А с *умыслу* он мухи не обидит (Крыл., Слон на воеводстве); Вся кровь от *яду* в ней горит (Крыл., Змея и овца); [Ф а м у с о в] ничего кромѣ Проказ и *ветру* на уме (Гриб., Горе от у., I, 2); [С о ф и я] *балу* дать нельзя (Там же, II, 10); [А р и с т] Эльмира вне себя от шляпки, от *убору* (Гриб., Мол., супруги, 9); [З в е з д о в а] не хочу заводить *шуму* в доме (Гриб. и Катен., Студент, II, 2); [Ф ё к о л к о в] Неужто, господа, мне быть без *бенефису*? (Гриб., Проба интермедии).

По данным «Словаря языка Пушкина», формы родит. пад. на *-у* образованы Пушкиным от 100 существительных, причем от 34 — только формы на *-у*: *бифштексу*, *вздору*, *виду*, *высмотру*, *задору*, *зною*, *изюму*, *квасу*, *крюку*, *луку*, *меду*, *мозгу*, *налету*, *огоньку*, *окладу*, *пару*, *паспорту*, *проку*, *рассолу*, *рису*, *рту*, *сброду*, *соку*, *спросу*, *сыру*, *табаку*, *убытку*, *уговору*, *умолку*, *умыслу*, *упаду*, *ушибу*, *черносливу*, *штрафу*; от 9 слов образуются, преимущественно формы на *-у*; это: *нос*, *отпуск*, *порох*, *рост*, *срок*, *товар*, *толк*, *ход*, *чай*; от остального количества слов (57) образуются или преимущественно формы на *-а*, или возможна равная употребительность обеих форм. У Пушкина формы на *-а* и на *-у* употребляются как в стихах, так и в прозе и стилистически не дифференцируются. Только в отдельных случаях в стихах наличие формы на *-у* может быть связано с воздействием рифмующегося слова: Яд каплет сквозь его кору, К полудню растопясь *от зною*, И застывает ввечеру Густой прозрачною *смолою* (Анчар); По мне с парнасского *задору* Хоть удавись — так в ту же *пору* (Тень Фонвизина).

Как правило, формы на *-у* свободнее употребляются в прозе; так, только в прозе отмечены формы: *кругу*, *огню*, *полу*, *походу*, *примеру*, *промаху*, *пуншу*.

Формы на *-у* часто употребляются Пушкиным в составе устойчивых сочетаний: *с боку на бок*; *для виду*, *с виду*, *не показывать и виду*, *терять из виду*; *ни слуху*, *ни духу*; *не иметь духу*; *не переводя духу* (но возможны и *ни слуха*, *ни духа*, *не иметь духа*, *не перевести духа*); *дать крюку*; *поддавать пару*; *спору нет*; *дайте сроку*; *бегать*, *веселиться*, *смешить до упаду*; *ни шагу*, *шагу нельзя ступить*; (*не*) *дали ходу* (чему). Только формы на *-у* можно встретить в сочетаниях наречного характера: *с налету*, *без спросу*, *без умолку*.

Формы на *-у* постоянны в стихах и в прозе 30—40-х годов.

Быть может, в стране, где не знают *обману*, Ты ангелом будешь, я демоном стану! (Лерм., Послушай, быть может, когда

[40] Там же, стр. 44—48.

мы покинем...); пришел лакей... просить склянку с какими-то каплями и *спирту* (Лерм., Кн. Л., V); поставили *льду* около кровати (Лерм., Бэла); без *докладу*... пробрался в гостиную (Лерм., Кн. Мери, 7-го июня); ни в чем не было *недостатку* (Лажечн., Лед. дом, 3, II); окостенел от *холоду* (Там же, V); страшные портреты глядели с потолка, с *полу* (Гоголь, Портрет, 1); я дам тебе *отпуску* (Гоголь, Невск. просп.); болит от *морозу* лоб (Гоголь, Шинель); как после *чаду* опомнились они (Гоголь, М. д., 1, XI); недоставало *лесу* (С. Акс., Сем. хрон., Степ. Мих. Багров); притащил целый ворох *хворосту* (С. Акс., Детск. годы Багр.-вн., Дорога до Парашина); дерется безо всякого *резону* (С. Акс., Сем. хрон., Мих. Макс. Куролесов); В человеческом существе скрыто много *эгоизму* (Акс., Сем. хрон. Женитьба молод. Багрова); связок десять *камышу* (Вельтм., Саломея, 1, I); сроду не знала такого *почету* себе (Там же, II); продающихся с публичного *торгу* (Там же, 4, IV); вытаращил от *ужасу* глаза (Там же, 1, III).

Дублетные формы родит. пад. в 40-х годах XIX в. становятся предметом полемики. В отзыве на «Мертвые души» Сенковский, сам постоянно употреблявший формы на *-у*, писал о слоге Гоголя: «Странный филолог этот ваш поэт ни в стихах ни в прозе! — думаете вы, как я вижу, про себя, не прерывая уже меня более грамматическими замечаниями: во всех словенских языках, какие я знаю, *нос* имеет в родит. пад. *носа*, а *шум*, *ветер* и *дым* имеют *шуму*, *ветру*, *дыму*: у него это наоборот!... он говорит *носу*, *ветра*, *шума*, *дыма*!» [41] В. Г. Белинский высмеял пристрастие Сенковского к формам на *-у*. «И мне кажется,— пишет Белинский, пародируя стиль Сенковского,— что я уже слышу громкий хохот свидетелей ее бешеного *восторгу* [42], оттого, что в поэме нет никакого *размеру*, а может, и от смешной претензии пыхтящего *рецензенту* преобразовать правописание *языку*, который чужд ему, и которого *духу* он совсем не знает» [43]. Полагая, что пристрастие Сенковского к формам на *-у* объясняется его польским происхожде-

[41] «Б-ка для чтения», 1842, т. LIII. Между тем, в первой половине XIX в. в употреблении формы *носу*, против которого так резко выступил Сенковский, не было ничего необычного; см., например: *без носу* (Лажечн., Лед. дом, 1, II); не мог бы руку До своего он *носу* дотянуть (Пушк., К. гость, III); Он был без *носу* (Пушк., Путеш. в Арзр., 2); к ним и *носу* не покажешь (Пушк., Е. О., 4, XLVIII).

[42] Но ср. у других авторов первой половины XIX в.: *от восторгу* плакал навзрыд (Кукольник, Дурочка Луиза, I, 1. Б-ка для чт., 1842, т. LIII); воздержав ее *от восторгу* (Вельтм., Саломея, 2, II).

[43] В. Г. Белинский. Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке. Собр. соч. в 13 томах. М., 1953—1959, т. VI, стр. 353. Ср. соответствующее место в рецензии Сенковского: «...Как зрители моего бешеного *восторгу*, не приготовленные к чудесам, которые не вмещаются в человеческой голове, вы, натурально, спрашиваете меня, каким размером писана эта поэма. На что я отвечаю, что в ней нет никакого *размеру*, это поэма совершенно нового *роду*» (Б-ка для чт., 1843, т. LVIII).

нием, Белинский пишет далее: «Я не знаю, да и знать не хочу, как в польском или другом славянском языке склоняются в родит. пад. слова: *нос*, *шум*, *ветер* и *дым*; но как природный русский, знаю достоверно, что слова эти в русском языке принимают в родит. пад. окончание равно и *-а* и *-у*, а когда которое именно, на это нет постоянного правила, но это слышит ухо природного русского, слышит — и никогда не обманывается. Всякий русский скажет, как у Гоголя: *волос*, *вылезший из носу*, и ни один русский не скажет: *волос*, *вылезший из носа*. Точно так же должно говорить *порывы ветра*, а не *порывы ветру*» [44].

Итак, в первой половине XIX в. употребительность форм на *-у* не ограничивается теми рамками, которые отводятся этим формам грамматиками начала века (хотя в них эта форма строже, чем в XVIII в., прикрепляется к определенным семантическим группам существительных). В устной речи эти формы, по-видимому, сохраняют продуктивность (см. образования от заимствованных слов: *бифштексу*, *бульону*, *рейнвейну*), что и является источником постоянных колебаний форм родит. пад. в литературной речи [45]. Грамматические рекомендации, на общем фоне слабой нормализации литературного языка того времени [46], не оказывали сколько-нибудь заметного воздействия на употребление дублетных форм. Показательно в этом смысле замечание Белинского о том, что на употребление окончаний *-а* и *-у* «нет постоянного правила» (хотя, как мы видели, в грамматиках эти правила были) [47].

Несмотря на то, что рекомендации грамматик XVIII в. и начала XIX в., касающиеся употребительности форм на *-у*, принципиально не различаются, в функционировании этих форм и в стилистической их оценке в эти периоды были принципиальные различия. Форма родит. пад. на *-у* для XVIII в.— это примета лексики среднего слога, и она «закреплена» за средними и низкими стилями — и непосредственно как форма, и через посредство лексики. Для начала XIX в. эта форма — грамматическая примета разговорной речи, в отличие от книжной, для которой характерна «правильная» форма на *-а*.

Формы на *-у* во второй половине XIX в.

§ 6. Во второй половине XIX в. употребление форм на *-у* претерпевает некоторые изменения, связанные с ростом характе-

---

[44] В. Г. Белинский. Указ. статья, стр. 354. См., однако, употребление формы *из носа*: у него *из носа* выглянул весьма некартинно табак (Гоголь, М. д., 1, VI); кровь полила *из носа* струей (Лажечн., Лед. дом, 4, XI).

[45] См.: В. В. Виноградов. Очерки, стр. 182—183.

[46] См.: Г. О. Винокур. Пушкин и русский язык, стр. 193.

[47] Правда, в самих грамматиках возможны отступления от рекомендуемых правил. Так, в примерах на употребление родит количества Востоков приводит формы на *-а* и *-у* от одних и тех же слов, например: толпа *народа* — набралось *народу* (А. Х. Востоков. Русск. грам., § 126, стр. 250, 251).

рологической функции диалога и с противопоставлением авторского повествования [48] речи персонажей [49].

Грамматики середины XIX в. констатируют вариантность форм на *-а* и на *-у* и указывают условия образования формы на *-у* (форма на *-а* продолжает квалифицироваться как «правильная», нормативная). Так, И. Давыдов среди «частных исключений» в системе первого склонения отмечает: «Производные от глаголов имена на *-ъ* в родит. пад. ед. ч. кончатся и на *-а* и на *-у*: успех — успех*а* и успех*у*» [50]. Вариантность форм на *-а* и на *-у* указывается Стоюниным, который, подобно И. Аксакову, считает форму на *-у* формой дат. пад. [51] Буслаев окончание родит. пад. ставит в зависимость от синтаксической функции [52].

Стилистические комментарии в грамматиках середины и второй половины XIX в. как правило отсутствуют. Однако в живой литературной практике второй половины XIX в. «чистая» вариантность форм на *-а* и на *-у*, не связанная с семантическими и стилистическими условиями, сокращается; преобладание в употреблении форм на *-а* становится очевидным. В то же время возрастает закрепленность форм на *-у* за вещественными существительными и некоторыми отвлеченными существительными (см., например: *с голоду*, *со смеху*, *без толку* и т. п.). Кроме того, в связи с развитием характерологической функции диалога, стремлением к жизненности и правдоподобности изображаемого, язык все больше становится средством психологической и социальной характеристики персонажа, речь которого, по сравнению с авторским монологом, часто менее нормативна и свободно принимает разговорные и диалектные черты.

Таким образом, начиная с 40-х годов употребление вариантных форм в пределах одного произведения одного и того же писателя может не совпадать. В авторском повествовании, если оно не стилизовано, употребление форм на *-а* и на *-у* в общем отвечает грамматической традиции; в диалоге оно связывается с воспроизводимыми писателем языковыми навыками персонажа, и в зависимости от этого форма на *-у* сообщается большему или меньшему числу имен.

И в авторском повествовании, и в речи персонажей одинаково

---

[48] См.: В. В. Виноградов. Очерки, стр. 330—331.

[49] Еще в 40-е годы XIX в. роман в прозе «всеми силами стремился к сближению с действительностью, к натуральности; следствием этого явилось вовлечение в язык литературы, как в авторское повествование, так и в диалог, диалектизмов и элементов «просторечия»... в романе стали появляться лица всех сословий, и авторы старались подделываться под язык каждого. Это называлось тогда народностью» (см.: В. Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1847 г., т. X, стр. 291).

[50] И. Давыдов. Опыт общесравнит. грам., § 211.

[51] В. Я. Стоюнин. Высший курс русской грамматики. СПб., 1855, стр. 113.

[52] См.: Ф. И. Буслаев. Ист. грам., Этимология, § 96, стр. 215.

формы на *-у* образуются от вещественных существительных и отвлеченных, они постоянны в привычных оборотах и сочетаниях. Например, в «Обыкновенной истории» Гончарова в авторском повествовании обычны употребления типа: голова *сахару*, чашка душистого *чаю*, отказался от *чаю*; то же в речи персонажей: *лафиту*, кадочка *меду*, посылаю белого *медку*, возьмите-ка *ополельдоку*, хорошо бы *ромку*, подадут *супу*, дайте *табачку*, на грош *уксусу*, вместо *чаю* пейте траву, *чайку* прежде или *кофейку*?, не ищите *яду* и т. п.

См. там же употребление форм на *-у* в составе устойчивых сочетаний; в авторском повествовании: похожий *с виду* на амбар, *без толку и без разбору*, *не видя никакого толку*, *наделать большого шуму*, *с боку на бок*, *с глазу на глаз*, *без году неделя*, *не переводя духу*, *не стало духу*, *ни слуху*, *ни духу*, *адмиральского часу* вовсе не знают; в речи персонажей: *выпустили из виду*, *достанет духу*, *и помину не было*, *проку не будет*, *проходу не дает*, *такого сраму наделала*, *сбивали с толку*, *час от часу не легче* и др.

То же соотношение находим в повестях Герцена, Тургенева, Григоровича, раннего Достоевского: формы на *-у* последовательно употребляются от вещественных существительных и в составе устойчивых оборотов независимо от того, употреблены ли они в авторской речи или в речи персонажей. То же можно сказать и об употреблении формы на *-у* от отвлеченных существительных. См., например, в авторском повествовании: *блеску*, *духу*, *морозу*, (*без*) *разбору* (Гончаров); *браку*, *весу*, *голоду*, *оброку*, (*со*) *смеху* (Герцен); *блеску*, *холоду*, *голоду*, *шагу*, *шуму* (Григорович). И в речи персонажей: *аппетиту*, *вздору*, (*с*) *голоду*, *жару*, *зову*, *проку*, *проходу*, *сраму* (Гончаров); *вздору*, (*с*) *голоду*, (*без*) *надзору*, *приказу*, *приступу*, *сраму*, *холоду*, *шуму* (Герцен); *веку*, (*с*) *голоду*, (*без*) *разбору*, *оброку*, *ответу*, *просвету*, *смыслу*, *ходу*, *цвету* (Григорович); *взору*, (*с*) *голоду*, *крику*, *лоску*, *проценту*, *слогу*, *смеху*, *спору*, *таланту*, *тону*, *шуму* (Достоевский).

Таким образом, принципиальных различий в употреблении форм на *-у* в произведениях разных авторов, а также в авторском повествовании и в речи персонажей в середине XIX в. не наблюдается: формы на *-у* образуются от одного и того же круга имен, встречаются в составе ограниченного числа оборотов. Различие только количественное: формы на *-у* употребляются в речи персонажей свободнее и чаще, чем в авторской речи, причем это обусловливается не только сообщением диалогу морфологических примет разговорной речи, но и темой диалога, определяющей его лексику.

§ 7. Охарактеризованное выше употребление форм на *-у* сохраняется на всем протяжении второй половины XIX в. Эти формы можно встретить в художественной прозе и в передаче диалогов в научной статье, в стихотворных произведениях и в драме. Как правило, формы на *-у* преобладают в диалоге, поскольку, во-первых, они закрепляются за теми словами (конкретными, вещест-

венными), употребление которых связано с бытовыми ситуациями, во-вторых, поскольку основной сферой употребления форм на *-у* вообще является разговорная речь.

Разговорный и просторечный характер формы на *-у*, вложенной в уста персонажей, подчеркивается писателями ее образованием от существительных с фонетической приметой неправильной или диалектной речи. См., например; *знобу* (*ознобу*) (Слепцов), *спокою*, *с окияну* (Короленко), *страму* (Бунин). Характерны также образования от существительных с суффиксами *-ок*, *-ец*: *леску*, *хворостку* (Слепцов), *должку* (Левитов), *грушовничку* (М. Вовчок), *гардеробцу*, *шелчку* (Достоевский), *борку* (Тургенев), *кваску*, *чайку* (Мамин-Сибиряк), *коньячку*, *мелку* (Короленко), *кормочку*, *табачку*, *чайку* (Бунин), а также образования от некоторых иноязычных слов, употребительных в городском, мещанском просторечии: *для контенансу*, *для куражу*, *для секрету*, *для большего форсу*, *для шику* (Тургенев) [53], *для близиру*, *резону* (Мельников-Печерский), *никакого фасону* (Мамин-Сибиряк) и т. п.

Употребление форм на *-у* количественно возрастает в тех произведениях, авторское повествование в которых стилизовано или ведется от лица рассказчика — одного из персонажей, например, в повести М. Вовчка «Записки причетника», в повестях Мельникова-Печерского «Старые годы» и «Бабушкины россказни», в повестях Левитова, в отдельных рассказах Короленко и др. В этих случаях возрастает количество отвлеченных слов, образующих формы на-*у*, а также количество оборотов и сочетаний, характеризующих, как правило, устную речь в отличие от письменной. См., например, у Левитова: *барышу*, *доспеху*, *капиталу*, *без призору*, *расходу*, *смеху*, *сраму*, *с угару*; *наддавать голосу*, *задазать звону*, *спиться с кругу*, *до свету*, *ни складу ни ладу*, *ни слуху ни духу*, *не могут удержу положить*, *с толку*; у Марка Вовчка: *блеску*, *жару*, *нраву*, *после пожару*, *пылу*, *до другого разу*, *до разрыву*, *против свету*, *дожидать счету*, *от хмелю*; *не подать (показать) виду*, *с виду*, *с голоду*, *набраться духу*, *не иметь духу*, *с жиру лопнуть*, *задать корму*, *не давать покою*, *без спросу*, *наделать сраму*, *нет толку*; у Мельникова-Печерского: *не будет выходу*, *без зазору*, *нет комплекту*, *нраву*, *без обвесу*, *без обману*, *без обмеру*, *погрому*, *для порядку*, *большого рангу*, *придерживаться расколу*, *розыску*, *смаку*, *смеху*, *без счету*, *до указу*, *хламу*.

Среди произведений со стилизованной манерой повествования следует отметить повести и романы Достоевского. Отсутствие в его романах четкого противопоставления авторского повествования речи персонажей [54] способствовало свободному употреблению форм на *-у*: *бре́ду*, *броду*, *верху*, *взгляду*, *вздору*, *виду*, *гардеробу*, *голосу*, *гостинцу*, *духу*, *жару*, *заказу*, *зову*, *интересу*, *капиталу*, *комплекту*, *краю*, *кредиту*, *крику*, *куражу*, *лоску*, *началу*,

[53] Перечень всех употреблений форм родит. над. на *-у* в произведениях Тургенева см.: E. H a e r t e l. Untersuchungen über Kasusanwendungen in der Sprache Turgenevs. «Archiv für slavische Philologie», Bd 34, Berlin, 1912, стр. 61—112.

[54] См.: А. В. Ч и ч е р и н. Поэтический строй языка в романах Достоевского. «Творчество Достоевского». М., 1959, стр. 429.

позору, *порядку*, *проходу*, *проценту*; *разговору*, *риску*; *свету*, *скандалу*, *слогу*, *смеху*, *смыслу*, *спору*, *спросу*, *сроку*, *страху*, *тону*, *убытку*, *ужасу*, *фасону*, *холоду*, *хохоту*, *шагу*, *шепоту*, *шику*, *шуму*, *эффекту* и т. п.

Интересно отметить, что, работая над языком произведения, Достоевский усиливал «разговорность» повествования, заменяя формы на *-а* формами на *-у*. Ср., например, описание кошмара Раскольникова в черновой тетради и в окончательной редакции; в черновой тетради: «проснулся я в полные сумерки от ужасного *крика*»; в окончательной редакции; «он очнулся в полные сумерки от ужасного *крику*»; в черновой тетради: «то возвышая речь, до крику, то понижая до *шепота*»; в окончательной редакции: «то возвышая речь до крику, то понижая до *шепоту*»[55].

§ 8. Закрепление формы на *-у* за определенными семантическими разрядами слов (вещественными, отвлеченными и некот. др.) и за отдельными словами более последовательное, чем в первой половине века, можно наблюдать и на употреблении этих форм в стихах.

С холоду (Некр., Пожарище); добился *успеху* (Некр., Газетная); *Способу* ты не находишь (Некр., Демон); *от хмелю* (Фет, Сонет); Довольно *пороху*, каленой стали, меди, *свинцу* и чугуна (Полонск., Вложи свой меч); Капли *яду* не отведала — *Яду* мающихся, сомневающихся (Полонск., Старая няня); *до полу* (Полонск., Узница); Улыбкам *счету нет* (Полонск., Слепой тапер); *росту* небольшого (Полонск., Кузнечик-музыкант, 1); *ни часу* (Плещ., Я у матушки выросла в холе); *с голоду* (Плещ., Нищие, 2); груды желтого *песку* (Блок, О смерти).

В то же время необходимо отметить, что употребление форм на *-у* в стихотворной речи свободнее и менее зависит от значения слова, особенно в тех случаях, когда поддерживается рифмой, например:

Мы видим: с голубого *своду* Нездешним светом веет нам... Другую видим мы природу И без заката, без *восходу*. Другое солнце светит там (Тютч., Е. Н. Анненковой); Словно как *с испугу*, Раскричавшись, *к югу* Журавли летят (Фет, Ласточки пропали); И откуда-то вдруг, я понять *не могу*, Грянет звонкий прилив *жемчугу* (Фет, Певице); Впрочем, мой гуляка был такого *сорту*, Что свое уменье вмиг отправил к *черту* (Полонск., Кузнечик-музыкант, 7); Я горю, томлюсь от *зною*, И поблекшей *головою* Я к земле сухой приник (Плещ., Цветок). У Тютчева отмечены рифмы: мимо *саду*— *отраду* (Пошли, господь, свою отраду), из *мраку* — *знаку* (Ночное небо так угрюмо), *до строю* — *чистотою* (Памяти В. А. Жуковского), *без упреку* — *одиноку* (Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло); у Блока: *без краю* — *принимаю* (Заклятие огнем и мраком) и др.

[55] См.: Г. Чулков. Как работал Достоевский. М., 1939, стр. 137—138.

В стихах, как и в прозе, формы на *-у* могут быть употреблены для сообщения тексту оттенка разговорности, «народности». См., например, в шуточных стихотворениях и песенных стилизациях А. К. Толстого: Коль любить, так *без рассудку* (Коль любить, так без рассудку); Кабы всегда чарка доходила *до рту*! (Ой, каб Волга-матушка да вспять побежала); Дайте руку верную, Два вершка *булату*, Ревность непомерную, Чашку *шоколаду* (Желание быть испанцем); Скачи, князь, до вражьего *стану* (Василий Шибанов). См. также у И. Анненского: Прикажите для общего *восторгу*, Три семьдесят пять — без *торгу*! (Шарики детские).

§ 9. Во второй половине XIX в. форма на *-у* окончательно закрепляется за определенными семантическими разрядами слов, причем преимущественно при выражении отношений партитивности. Эта закрепленность и дала возможность говорить о смысловой дифференциации двух форм родит. пад. и квалифицировать родит. разделительный как особый падеж в системе склонения.

Различать две формы родит. пад. как самостоятельные, а не вариантные предложил Богородицкий. Касаясь окончаний *-а* и *-у* в формах родит. пад. ед. ч. в пределах парадигмы одного и того же типа склонения, Богородицкий объяснял возможность сосуществования этих двух форм необходимостью «дифференциации» — закрепления за каждой из форм своего определенного оттенка значения: «*-а* служит собственно окончанием родит. ед. мужск., *-у* преимущественно употребляется в именах вещественных и вообще измеряемых, количество которых указывается, а также в некоторых других случаях» [56].

Выделение родит. партитивного в особый падеж на основании «закрепленности» за ним окончания *-у* было позднее сформулировано А. А. Шахматовым: «Родит. разделительный (genitivus partitivus) означает отношение вещества к извлеченной из него части... В русском языке этот родит. выделяется в особую категорию морфологическую, доказывающую наличность соответствующей категории синтаксической. Морфологически родит. разделительный отделяется от родит. отношения тем, что в словах мужск. р. довольно последовательно получает окончание *-у*, между тем как вообще родит. на *-у* не так уж распространен и совершенно неизвестен в ударяемом положении» [57]. Это положение А. А. Шахматова утверждается и развивается В. В Виноградовым [58], Р. О. Якобсоном [59], П. С. Кузнецовым [60] и др.

Серенсен в статье, посвященной употреблению форм родит. пад. в XVII в., видит в современном родительном два падежа и предлагает считать формы родит. на *-а* и на *-у* уже не вариантами, как в языке XVII в., а инвариантами [61].

Иную точку зрения высказывал Н. Дурново. Если Богородицкий, Шахматов, Кузнецов и другие обосновывают выделение особого, выражаю-

[56] В. А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 3. Казань, 1910, стр. 289. См. его же: Общий курс русской грамматики. Изд. 5. М.—Л., 1935, стр. 124.

[57] А. А. Шахматов. Синтаксис русск. языка, стр. 317.

[58] В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 173.

[59] R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. См. его же: Морфологические наблюдения над славянским склонением.

[60] П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1953, стр. 73.

[61] Hans. Chr. Sørensen. Zur russischen Genitiv auf *-а* und *-у* im 17. Jahrh. «Scando-Slavica», IV, Copenhagen, 1958, стр. 237.

щего количество, падежа наличием разных форм (на *-а* и на *-у*) [62], то Дурново видел в форме на *-у* форму дат. падежа, используемую «вместо родительного после некоторых слов, обозначающих большей частью количество» [63].

§ 10. Различие обозначаемых родит. пад. отношений не получило в русском языке последовательного формального выражения: формы на *-а* и на *-у* противопоставляются лишь в части существительных; в большинстве же случаев оба значения — определительное и партитивное — выражаются одной и той же формой на *-а*. Это отсутствие последовательной грамматикализации падежных значений (определительного, с одной стороны, и партитивного, с другой) не дает возможности охарактеризовать употребление форм родит. пад. как проблему собственно грамматическую. Употребление форм родит. пад. на *-а* и на *-у* в литературном языке конца XVIII—XIX вв. — это проблема и лексико-грамматическая и стилистическая. Формы на *-а* и на *-у*, противопоставлявшиеся в конце XVIII в. как вариантные и равнозначные (см. грамматику Ломоносова, § 171, 172, 174—179), в конце XIX — нач. XX в. противопоставляются — правда, не всегда регулярно и не от всех существительных — как формы с разными значениями (и даже как разные грамматические формы; см. выше высказывания Богородицкого, Шахматова и др.). Возможность образования родит. партитивного характеризует несколько семантически однородных групп существительных, называющих предметы и понятия, подлежащие мере, а не счету.

Лексико-грамматический характер употребления форм на *-а* и на *-у* подчеркивался Л. А. Булаховским, видевшим в продолжающемся сосуществовании этих форм «утилизацию старого, семантически не мотивированного параллелизма», которая шла по «линии выделения особой смысловой категории слов, имеющих одно только единственное число» (разрядка наша. — *В. Р.*) [64].

Интересно отметить, что в письменной разновидности литературного языка употребление форм на *-у* как разговорных [65] и ненормативных последовательно ограничивалось. «Насаждение школы с Екатерининской эпохи,— пишет по этому поводу С. П. Обнорский,— влияние грамматик, зачастую игнорировавших существование в языке данных форм на *-у*, делают заметным, начиная с Александровской эпохи, постепенную убыль если не в разговор-

---

[62] См.: П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 73.

[63] N. Durnovo. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne. «Revue des études slaves», t. 2, Paris, 1922, стр. 249.

[64] Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 123—124.

[65] См. указания на «разговорность» форм на *-у* у В. А. Богородицкого («Синтаксис родит. пад.», стр. 220), В. И. Чернышева («Правильность и чистота русской речи», вып. 2. СПб., 1915, стр. 28), С. П. Обнорского («Именное склонение», вып. 1, стр. 103).

ной литературной речи, то во всяком случае в письменном литературном языке этих форм»[66].

Употребление форм родит. на *-а* и на *-у* является также проблемой стилистической. Уже во второй половине XVIII в. констатировалась закономерность форм на *-а* и на *-у* в разных сферах речи: форм на *-а* — в книжной и форм на *-у* — в разговорной, в связи с чем областью распространения последних были средние и низкие стили. На рубеже XIX в. и в первой его половине закрепленность форм на *-у* за разговорной речью не препятствует широкому их использованию в письменности; употребительность форм на *-у* наряду с формами на *-а* в середине XIX в. полагают делом вкуса.

Во второй половине XIX в. формы на *-у* начинают восприниматься не только как свойственные разговорной речи, но и как характерные для просторечия (см. употребление форм на *-у* в рассказах и повестях Левитова, Н. Успенского, Короленко, Бунина и др.), что усиливает стилистическую противопоставленность форм, укрепляя одновременно стремление грамматик характеризовать эти формы как ненормативные.

Таким образом историю употребления форм родит. пад. в конце XVIII—XIX вв. составляют закрепление формы на *-у* за партитивным значением родит. пад. определенных семантических разрядов слов, с одной стороны, и постепенное возрастание стилистического разграничения и противопоставления форм на *-а* и на *-у* как форм «книжных» и «разговорных» — с другой.

Замечания о формах слов *путь*, *рубль*, *день*

§ 11. Из существительных мужск. р., обладавших некоторыми особенностями в образовании и употреблении форм родит. пад., выделяются слова *путь*, *рубль* и *день*.

У слова *путь*, в современном языке сохраняющем архаическое склонение (типа *гость*), в конце XVIII в. возможны были формы родит. пад. на *-я* (по господствующему мужскому типу склонения); например: сбил его с *путя* истинного (Болот., 2, 120); для продолжения... удобнейшего *путя* (Там же, 121). В литературе XIX в. эта форма встречается редко и только в стилизациях народной речи.

---

[66] С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 1, стр. 193—194. См. статистические данные в статье: M. von Zychlinski. Die Anwendung des Genitiv Singularis masc./neutr. auf *-u* in der gegenwärtigen russischen Sprache. Herausgegeben vom Königsberger Universitätsbund. Geisteswissenschaftliche Reihe, 1938, Bd 12. Несмотря на то, что подсчеты М. Цихлинской вызывают некоторые сомнения (см.: А. В. Исаченко. Грам. строй русск. языка, ч. 1, стр. 163, сн. 1), приводимые ею материалы представляют интерес. Автор устанавливает, что на 50 000 строк текста приходится 4000 употреблений Gen. на *-а* и 300 употреблений Gen. на *-у*. Взаимоотношение форм — 13 : 1.

Существительное *рубль* в сочетании с числительными *два*, *три*, *четыре* могло оканчиваться на *-и*[67]. Известно, что в сочетаниях с числительным *два* в древнерусском языке могли выступать формы двойст. и мн. ч.; форма *рубли* представляет собой именно форму именит. пад. мн. ч., отождествлявшуюся в сочетаниях *два*, *три*, *четыре рубли* с формой родит. пад. Сочетание *два рубли* вместо *два рубля* уже Ломоносовым квалифицировалось как неправильное (см. «Материалы к грамматике», стр. 633). В XIX в. форма *рубли* отмечается в литературе при передаче просторечия и диалектной речи.

Несколько распространеннее была форма родит. пад. *дни* (первоначально родит. пад. ед. ч. *дьне*), также появившаяся под влиянием склонения типа *гость*. В «Русской грамматике» Востокова эта форма квалифицируется как принадлежащая «старинному языку» и «просторечию» (§ 28). Однако в конце XVIII — первой половине XIX в. форма *дни* была довольно употребительна, например: два *дни* (Хемн., Зеленый осел); два *дни* (Карамз., П. р. п., августа 12); с самого первого *дни* (Крыл., Почта духов, XV); три *дни* (Нарежн., Росс. Жилбл., 3, IV); три *дни* (Гриб., Горе от у., I, 5); за четыре *дни* (С. Глинка, Зап. о М., 4).

У Пушкина форма *дни* употреблена 16 раз (*дня* — 169 раз); она отмечена у Жуковского, Катенина, Лермонтова, Гоголя, В. Соллогуба, Вельтмана, в журнальной прозе первой половины XIX в.

Во второй половине XIX в. форма *дни*, как и форма *рубли*, известна, главным образом, в стилизованной речи. В то же время следует подчеркнуть, что форма *дни*, как и *рубли*, была вариантной по отношению к основной и главенствующей форме на *-я*.

Женский род

§ 12. В языке XVIII — нач. XIX в. в речи москвичей находят отражение диалектные (средне-южнорусские) формы родит. пад. женск. р. типа *зиме* (*ѣ*): у *Марье Алексевне* (Д. М. Свистунов, п. Державину, 23 июня 1786); А у *вертушке* той я может быть десятой (Гриб., Мол. супруги, 4); *у вдове*, *у докторше* (Гриб., Горе от у., II, 1); была у *батюшке* (Там же, II, 13)[68]; у *директорше* (Лерм., п. С. А. Бахметевой, авг. 1832); у Вандиковой *Мадоне* (Пушк., Е. О., 3, [первое изд.])[69].

---

[67] Ср. у Карамзина: французский талер, или два *рубли* (П. р. п., Эглизау).

[68] С. П. Обнорский отмечает у Грибоедова еще *у матушке* (в письмах к Бегичеву 1825 г. и Жандру 1828 г.) (см. «Именное склонение», вып. 1, стр. 96).

[69] Приведено у В. И. Чернышева («Правильность и чистота русск. речи», вып. 2, стр. 96). Впоследствии исправлено Пушкиным: Точь в точь в Вандиковой Мадоне.

Во второй половине XIX — нач. XX вв. употребление форм родит. пад. на *-е* отмечается только в стилизации народной речи. См. у Бунина: *у своей жане*, *возле избе*, *от косе*, *из-за козе*, *мимо избе* [70].

ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ

Мужской род

Изменения в соотношениях форм на *-е* и на *-у*

§ 13. В конце XVIII — нач. XIX в. в литературном языке употреблялись две формы предл. пад.: форма на *-е* (бывший *ѣ*) и форма на *-у* [71], наличие которой отмечается исследователями уже в памятниках древнерусской письменности.

Сравнительно рано форма на *-у*, в отличие от традиционной формы на *-е*, стала квалифицироваться как разговорная. В грамматике Лудольфа 1696 г. она названа среди морфологических примет, отличающих разговорный русский язык от книжного церковнославянского [72].

Условия употребления форм предл. пад. на *-у* в современном языке принципиально не отличаются от тех, которые «регулировали» образование этих форм в начале изучаемого периода. Формы на *-у* в предл. пад. только с местным значением образуются от неодушевленных существительных, преимущественно с односложной непроизводной основой и устойчивым ударением на основе во всех формах ед. ч., кроме формы предл. пад., в которой оно переходит на флексию *-у*.

Наиболее ярко закрепленность формы за местным значением предл. пад. проявляется при образовании ее от одного и того же слова, но в разных его употреблениях. Так, формы на *-у*, как правило, не образуются от существительных, употребленных в составе названия или выступающих в не прямом своем значении, даже в тех случаях, когда в основном значении эти существительные обозначают место или пространство; см., например: *гулять в лесу*, но *в «Лесе»* Островского, *в вишневом саду*, но *в «Вишневом*

---

[70] См.: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 1, стр. 97.

[71] Формы предл. (местн.) пад. на *-у* известны всем славянским языкам (см.: Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 124. См. также: B. Havránek — A. Jedlička. Указ. соч., стр. 118; А. В. Исаченко. Грам. строй русск. языка, ч. 1, стр. 164; А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 347, 351; Порівняльна граматика української і російської мов, стр. 91.

[72] См.: Б. А. Ларин. Русская грамматика Лудольфа 1696 г. Л., 1937, стр. 57 и 121.

саде» Чехова, или *заблудиться в лесу*, но *заблудиться*, *запутаться в лесе событий*, *мелочей* [73].

Дифференциация форм на *-е* и на *-у* по значениям дала возможность исследователям видеть в предл. пад., как и в родительном, объединение двух разных падежей. «Большинство русских грамматистов (А. А. Шахматов, В. А. Богородицкий, А. М. Пешковский и др.), — пишет В. В. Виноградов, — различают в том, что школьная грамматика называет предложным падежом два падежа: изъяснительный (по терминологии проф. Богородицкого)... и местный» [74]. Однако так же, как и в родит. пад., дублетные формы предл. пад. не получили последовательного закрепления за определенными значениями.

Формы на *-у* во второй половине XVIII в.

§ 14. В конце XVII — нач. XVIII в. употребление форм предл. пад. на *-у* при господствующих формах на *-е* не является исключением. В памятниках этого времени отмечены *в пиру*, *в чину*, *на острову* [75]. В оригинальной бытовой повести XVII—XVIII столетий от слов *берег*, *бег*, *верх*, *вечер*, *вид*, *луг*, *лес*, *пир*, *песок*, *рай*, *сад*, *торг*, *угол*, *Смоленск* зарегистрированы только формы на *-у*, а формы на *-у/-е* зарегистрированы от слов *дом*, *жар*, *остров*, *погреб*, *случай*, *час*, *Козмодемьянск* [76]. Широко распространены формы на *-у* в письмах и бумагах Петра I; образование этих форм — по большей части с предлогами *в* и *на* — отмечено у слов: *берег*, *бор*, *дол*, *дом*, *край*, *круг*, *вечер*, *год*, *час*, *лед*, *снег*, *спирт*, *полк*, *ряд*, *строй*, *бой*, *сыск*, *ход* [77]. Постоянно употребление форм предл. пад. на *-у* в петровских «Ведомостях», причем, как и в письмах и бумагах Петра, можно встретиться с формой на *-у* не только при предлогах *в* и *на*, но и при предлогах *о*, *по* и *при*: *о корму*, *о хлебном тор-*

---

[73] См. у Р. Ф. Брандта: «Говорится, например, *не в лесе дело*, *в «Лесе» Островского*. Впрочем, Щедрин написал раз *не в носу дело*, и в анекдоте о перевранной приветственной телеграмме актеру встречается выражение *судя по роли в «Лесу»* (что превратилось в «*Сидя пороли в лесу*»)» (Р. Ф. Брандт. Лекции по истории русского языка. М., 1913, стр. 89).

[74] В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 172. См. также: R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre; его же. Морфологические наблюдения над славянским склонением; П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русск. языка; N. Durnovo. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne. Признавая наличие двух падежей — предложного и местного, Н. Н. Дурново полагал целесообразным их объединение в современной грамматике под одним названием, так как оба они «происходят от различий, восходящих по существу к одному падежу... а именно к местному, и так как большая часть существительных в современном языке не имеет различных форм для этих падежей, но одну общую форму» (стр. 249).

[75] См.: А. В. Даневич. Грамматические особенности русских повестей второй половины XVII в., стр. 7.

[76] См.: С. В. Фролова. Указ. соч., статья 1, стр. 38.

[77] См.: И. Е. Семин. Из наблюдений над именами существительными в «Письмах и бумагах Петра I», вып. 1, стр. 96.

гу, о боевом строю, при генеральном миру, по нарочитом бою («Письма и бумаги Петра I») [78], *о миру, о бою, при мосту, по долгом бою* («Ведомости») [79].

Употребление только форм на *-у* (без вариантных форм на *-е*) засвидетельствовано С. П. Обнорским в сатирах Кантемира для значительной группы имен: *зрак, лоб, лед, мир, мозг, оселок, пар, пир, пот, пруд, пух, рожок, рот, суд, угол, чин* и др. [80]

§ 15. Формы предл. над. на *-у*, как и формы родит. над. на *-у*, впервые были отмечены грамматикой Адодурова как варианты основной формы на *-ѣ* [81].

Ломоносов в «Российской грамматике» не только констатировал употребительность формы на *-у*, но и ввел ее в состав парадигмы: «Предл. ед. падеж ѣ переменяет часто на *-у*, когда значит место или время, а особенно тех имен, которые *у* в родит. имеют: *берег, на берегу; верьх, на верьху; низ, в низу; на лугу; в вечеру; в нынешнем веку; на песку; в шестом часу; в полку*» (§ 188; см. также § 151, 152). Ломоносов указал и на стилистическую дифференциацию форм: «Как во многих других случаях, так и здесь наблюдать надлежит, что в штиле высоком, где российский язык к словенскому клонится, окончание на ѣ преимуществует: *очищенное в горнѣ злато; жить в домѣ Бога вышнаго; в потѣ лица труд совершать; скрыть в ровѣ зависти; ходить в свѣтѣ лица господня*; но те же слова в простом слоге или в обыкновенных разговорах больше в предл. *у* любят: *медь в горну плавить; в поту домой прибежал; на рву жить; в свету стоять*» (§ 190).

Ломоносовым сформулированы и ограничения в образовании формы на *-у*. В «Материалах к грамматике» он подчеркивает, что существительные одушевленные имеют в этом падеже ѣ: *на быке, в слоне, о Петре, о сыне*; неодушевленные имеют *у*; *на лугу, на полу* (за исключением *на столе, во сне, в озере, в ковше, на ноже, о холсте*) «№ «*Полог, в пологу. Пирог, в пироге*» (стр. 632—633). «*Огород, огороде; повод, о поводе, на поводу; на волосу, о волосе; о стокане, в стокане*» (633). В основном тексте «Грамматики» указывается, что формы на *-у* не образуются от имен татарских и «других иностранных», поэтому должно быть: *на караулѣ; на базарѣ; на пикетѣ; в кармазинѣ на кипарисѣ* (§ 188). Кроме того, Ломоносов отмечает, что «сия перемена бывает больше с предлогами *въ* и *на*. С прочими часто ѣ удерживает свое место: *при берегѣ, о лугѣ, о часѣ*» (§ 189).

Стилистическое разграничение форм предл. над. на *-ѣ* и на *-у* акцентируется в грамматиках Барсова [82] и Светова. «Кажется,

[78] Там же, стр. 96.

[79] См.: А. Е. Ладюкова. Автореф. канд. дисс.

[80] С. П. Обнорский. Формы склонения по сатирам Кантемира. стр. 63.

[81] См. Teutsch-lateinisch und russisches Lexicon, стр. 20.

[82] П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 23. Буслаев, ссылаясь на грамматику Барсова, не от-

что в родит. и предл. пад. *-у* вместо *-а* и *-ѣ* оставить должно просторечию и комическому слогу, а важный род сочинения оного отнюдь не терпит — писал Светов. — Пишем... *в прошлом годѣ*, говорим: *в прошлом году*» (§ 42)[83]. Замечания об употреблении форм предл. пад. на *-у* в грамматиках второй половины XVIII в. свидетельствуют о том, что в соответствии с грамматической дифференциацией стилей между формами предл. пад. ед. ч. мужск. р. на *-ѣ* и на *-у* устанавливается то же стилистическое соотношение, что и между формами род. пад. ед. ч. на *-а* и на *-у*, а именно: у слов высокого слога преобладает окончание *-ѣ*, у русских, принадлежащих к простому слогу, — *-у*[84].

Вне стилистической дифференциации находятся лексикализовавшиеся формы, выступающие в функции наречий и предлогов; см. в Словаре АР: прытка *на бегу*; лежать *на боку* (*Бок*); неприятельский корабль был *в виду*; *в виду* все войско стоит (*Вид*); жить с кем в *ладу* (*Лад*); *в лом*, *в лому* значит: «в тяжелую работу» или «в тяжелой работе» (*Лом*). См. еще: *в виду* многочисленных врагов (Карамз., И. Г. Р., I, III). См. у Буслаева: «Некоторые слова тому и другому окончанию дают разное значение, напр. *в виду* (например: происходила битва *в виду* чего или кого-н.) и *в видѣ*, т. е. «в образе» (например: лекарство *в виде питья*)»[85].

§ 16. В языковой практике второй половины XVIII в. употребление форм пред. пад. на *-у* в большей мере, чем употребление форм. родит. пад. на *-у*, соответствовало грамматическим регламентациям. Стилистические ограничения выдерживались, но не всегда последовательно: отступления наблюдаются уже в творчестве Ломоносова, образовывавшего форму на *-у* от неполногласных славянизмов. См., например: *в хладу* Балтийских вод; *на берегу*; на сем *брегу*[86].

Формы предл. пад. на *-у*, которые «слова в простом слоге или в обыкновенных разговорах больше любят» (Ломоносов) и которые, по мнению Светова, «оставить должно просторечию и комическому слогу», свободно, без ограничений допускались в произведениях средних и низких стилей. Их употребление отмечено в записках, комедиях, в баснях, притчах и т. п. В художествен-

---

мечает наличия у Барсова стилистической дифференциации форм: «Впрочем, местный падеж на вопрос *где*? употребляется и на *-ѣ* вм. *-у* или *-ю*; ... Потому, Барсов в своей «Грамматике» полагает равно употребительными: *во лбу* и *во лбѣ*, *в роту*, *во рту* и *во ртѣ*, *в хмелю* и *во хмелѣ*; но иностранные слова полагает только на *-ѣ*; напр. *на караулѣ*, *на базарѣ*, *на пикетѣ*, *на кипарисѣ*», (Ф. И. Буслаев. Ист. грам., Этимология, § 96, стр. 215).

[83] См.: М. И. Сухомлинов. Указ. соч., стр. 312.

[84] См.: В. В. Виноградов. Очерки, стр. 106—107.

[85] Ф. И. Буслаев. Ист. грам., Этимология, § 96.

[86] Примеры заимствованы из статьи Т. А. Шаповаловой «Формы существительных и прилагательных в «Российской грамматике» и художественных произведениях М. В. Ломоносова».

ных произведениях Ломоносова отмечены: *на берегу* чужом; *в дому* твоем; *в дыму*; *в* любовном жизнь сия погибнет пусть *жару*; *в пиру*; спорили весьма между собой *в жару*; *на* пустом *песку*; *в* его *стану*; *на стану*[87]. См. также:

И стали *на* другом прохожи *берегу* (Сумарок., Мост); в *дому* (Сумарок., Волк и Собака); *в песку* (Сумарок., Услужливый Комар); заснул уже почти *на свету* (Сумарок., Опекун, I, 14); Стадо Дафнино пасется Без пастушки *на лугу*. Дафна, Сидя *на брегу*, Горькими слезами льется (Хераск., Пастушка); *в саду* (Хемн., Дневн. путеш. по Европе); *на острову* Васильевском (Хемн., Комиссии и исполнения); *во хмелю* (В. Майк., Елисей, 1); *на* горящем *горну* (Фонв., Жизнь Сифа); от смерти *на волоску* (Фонв., Недоросль, II, 4); *в* сем тонком *пологу* (Держ., Гостю).

В произведениях высоких стилей рекомендовано было употребление форм предл. пад. на -*ѣ*. Ломоносов, придерживаясь впервые сформулированного им самим правила, употреблял в произведениях высокого стиля формы предл. пад. на -*ѣ*; един *на бреге*; *в* приятном *жаре*; *в Петровом доме*, *в* вечном *льде*, сияет *в* бесконечном *свете*, *в шуме* и т. д. Однако формы предл. пад. на -*у* во второй половине XVIII в. проникали и в высокие стили, их можно встретить и в одах, и в трагедиях (исключение составляют переложения псалмов Ломоносова, где последовательно употребляются формы на -*ѣ*)[88]. У Ломоносова отмечено: *на берегу*, счастье *на бою*, *в* усерднейшем *жару*, *в свету*, *в* градском *шуму*, *в* прямом *бегу*, *в краю*, *в низу*, *в* спесивом их *мозгу*, *в дыму* противных стен, *в пару* кровавой пены, *в плену*, *в снегу* и т. п.[89] У других авторов: [О л ь г а] И скончишь *на торгу* свой скаредный ты век (Сумарок., Мстислав, II, 1); корабль *в дыму*, в огне (Хераск., Чесмесск. бой, III); прекраснейше *в миру* творенье (Радищ., Вольность, 40); *в шуму*, в стремительном полете (Петров, Ода на карусель).

В отдельных случаях употребление формы на -*у* может поддерживаться воздействием рифмующегося слова, например: Бывало, даже сами боги, Наскуча жить *в* своем *раю*, Оставя радужны чертоги, Заходят в храмину *твою* (Держ., На рожд. царицы Гремиславы); Скользим мы бездны *на краю*, В которую стремглав свалимся; Приемлем с жизнью смерть *свою* (Держ., На смерть кн. А. И. Мещерского).

На рубеже XVIII—XIX вв., когда жанрово-стилистические рамки разрушаются и стилистическая дифференциация вариантных форм, и ранее не выдерживавшаяся строго, теряет силу,

[87] См. там же. Автор статьи приходит к выводу, что с наибольшей осторожностью Ломоносов включает формы предл. пад. на -*у* в научный язык (стр. 99).

[88] См. там же, стр. 97, 98.

[89] Там же.

формы на *-у* еще шире начинают вовлекаться в литературный язык. Они постоянны у Карамзина:

Взяли *на бою* (И. Г. Р., XII, I); повесить *на дубу* (Там же, II, IV); *в лесу* (Там же, VII); *на острову* (П. р. п., Париж, апр. 1790).

Формы предл. пад. на *-у* постоянны в текстах словарных статей Словаря АР и в речениях: *искусный в бою* (*Боец*); *в домашнем быту* (*Буковица*); *выпуклая в глазу перепонка* (*Белок* в глазу); *месяц в году* (*Апрель*); *держать что в дыму* (*Коптить*); *в сильном жару* (*Лазурик*), *недостаток в корму* (*Бескормица*); *зубцы на ободу* (*Колесо*); *на рту* (*Богомол*) и др.

Формы на *-у* в текстах Словаря свободно образуются от отглагольных существительных, например: *на откупу* (*Компанейщик*), *в рыбном промыслу* (*Лучить*), *в торгу* (*Барыш*) и др. В Словаре АР отмечено употребление форм на *-у* в предл. пад. не только с предлогами *в* и *на*, но и с предлогом *при*: *при полку находятся* (*Артиллерия* полковая), *при реке Тереку* (*Айва*) и др.

Итак, во второй половине XVIII в. форма предл. пад. на *-у* составляла грамматический и стилистический вариант формы на *-е*. Ее вариантное положение было зафиксировано грамматикой Ломоносова (форма на *-у* была включена в парадигму склонения существительных, оканчивающихся в именит. пад. на твердый согласный и *й*).

Грамматики второй половины XVIII в. употребительность форм предл. пад. на *-у* ставили в зависимость от характера обозначаемого предмета (одушевленность и неодушевленность), от происхождения имени, от функции падежа и от места ударения. Несмотря на то, что больше всего акцентируется стилистическая дифференциация форм, практически употребительность предл. пад. на *-у*, может быть, в равной мере зависела и от возможности образования формы (ударение). В языковой практике в XVIII в. отмечены параллельные формы на *-е*(*-ѣ*) и на *-у*: *на береге — на берегу*; *на вале — на валу*; *на* (*в*) *гробе — на* (*в*) *гробу*; *на крае — на краю*; *на острове — на острову*; *на снеге — на снегу*; *на* (*каждом*) *шаге — на* (*каждом*) *шагу* и т. п. В грамматиках в качестве примеров часто приводятся вышедшие из употребления формы на *-е*(*-ѣ*) (*во рте*, *в хмеле* и т. п).

На основании этих свидетельств можно предполагать во-первых, что, несмотря на бо́льшую свойственность разговорной речи, формы на *-у* были стилистически нейтральны, в то время как формы на *-е* от тех же слов уже в конце XVIII в. воспринимались как книжные; во-вторых (как следствие первого), что отражение в письменной речи обеих форм (на *-е* и на *-у*) не означало их равной употребительности в живой речи: форма на *-е*, возможно, живой речи уже не принадлежала.

Формы на *-у* в XIX в.

§ 17. В первой половине XIX в. в литературном языке употребляются обе формы предл. пад.: на *-е* (*-ѣ*) и на *-у*. Форма на *-ѣ* так же, как и форма родит. пад. на *-а*, обычно квалифицируется как «правильная», т. е. традиционная книжная, а форма на *-у* — как вариантная, возможная в определенных условиях и свойственная разговорной речи (просторечию) (см. ниже). Орнатовский пишет: «Имена односложные, кончащиеся на *-й*, произведенные от имен славянских, в простореч и и и низком слоге (разрядка наша.— *В. Р.*) по большой части оканчивают родит. и предл. пад. ед. ч. на *-ю*, напр. *рой, рою, в рою*; *бой, бою, на бою*; *клей, клею, на клею* и проч.» [90]. И далее: «Односложные и двухсложные имена, означающие время и место, в родит. пад. кончащиеся на *-у*, сочиняясь с предлогами *в* или *на*, предл. пад. по большей части оканчивают на *-у* с ударением, напр. *берег, берегу, на берегу́*; *песок, песку, на песку́*; *лес, лесу, в лесу́*; *мост, мосту, на мосту́* и проч.» [91] Востоков в своей грамматике уже приводит наряду с перечнем существительных, от которых образуются формы на *-у* и на *-е*, перечень таких существительных, от которых образуются только формы на *-у*. 1) Имена, образующие только формы на *-у*: *клев* (*хлев.* — *В. Р.*), *лоб, шкап, погреб*; *ям, Дон, плен, чан, полон, вал, мел, пол, угол*; *бор, жар, пар, пир, яр*; *ветр*; *бред, зад, лед, мед, под, пруд, ряд, сад, перед*; *лет, мост, рот*; *воз, низ, квас, лес, нос*; *луг, торг, берег*; *бок, полк, верьх, мох, пух, пых, цех*; *бой, клей, пай, рай, чай, хмель*. 2) Имена, образующие формы на *-е* и на *-у*: *гроб, дуб, зоб, остров, дом, ком, терем, бал, жир, сор, ветер, вечер, вид, год, лад, род, ход, чад, холод, пот, свет, сот, цвет, глаз, вес, бег, долг, круг, мозг, снег, шаг, век, крюк, сок, шелк, отпуск, песок, дух, мех, смех, край, строй* [92]. В § 139 («Предлоги, управляющие предложным») Востоков приводит следующие употребления анализируемых форм: *он в своем доме*; *в первом часу, в десятом часу*; *в нынешнем 1831 году*; *стоять или сидеть на месте, на верьху, на низу*. При описании употребления предлога *на* Востоков замечает: «Также в следующих выражениях, принадлежащих простореч ию: *на своем веку* (т. е. в продолжение жизни)» (разрядка наша. — *В. Р.*). У Греча читаем: «Родит. и предл. пад. мужск. р. в ед. ч. иногда, особенно в простореч ии (разрядка наша.— *В. Р.*), принимает окончание дательного ... В предложном обыкновенно после предлогов *в* и *на* ... : *в саду, на краю, в углу, на берегу*» [93].

---

[90] И. Орнатовский. Новейшее начертание правил российской грамматики, стр. 77.

[91] Там же, стр. 80.

[92] А. Х. Востоков. Русск. грам., изд. 6. СП б., 1844, § 28.

[93] Н. И. Греч. Практич. русск. грам., § 89, стр. 65—66; см. его же: Простр. русск. грам., § 244, стр. 171.

Формы предл. пад. на *-у* в первой половине XIX в. отмечены в произведениях различных жанров, причем их употребительность выходит за пределы грамматических рекомендаций. Так, в сочинениях Батюшкова находим: *в* суетном *кругу* ученых женщин (Опыты в прозе); *на* зеленом *лугу* (Путешествие в замок Спреї); *на Кузнецком мосту* (Прогулка по Москве); *на Васильевском острову* (п. Н. И. Гнедичу, 19 авг. 1809). В стихах И. Дмитриева: ведь есть же *на свету* Такие чудны нравы! (Причудница); *в шуму* веселий (К друзьям моим). В журналах: *на* самом *берегу* (Моск. Мерк., 1803, ч. 1, № 1); пребывание *на* необитаемом *острову* (Там же); держите голову *в холоду* (Там же); *на валу* (Русск. вестн., 1810, № 2). В дневниках и письмах Н. И. Тургенева: стоял *на валу*; *на балу*; *на холму*; *в уголку*. В «Записках» Жихарева: сидели *в кружку*. У Нарежного («Росс. Жилблаз»): *в погребу*; улегся *на дерну*.

Наряду с формами на *-у* возможны у этих же существительных формы на *-е*; *на бале* (Карамзин, И. Дмитриев, Батюшков); *на вале* (Батюшков); *в круге людей* (Шишков); *на острове* (Батюшков); *на каждом шаге* (Батюшков, И. Дмитриев).

Колебания в употреблении предл. пад. на *-е* и на *-у* наблюдались на протяжении всей первой половины XIX в., ср.:

В аде (Пушк., Городок) и: *В аду* обряд судебный скор (Крыл., Сочинитель и разбойник); *на бале* (Пушк., Домик в Коломне, VII) и: *на балу* (Лерм., Н. Павл.); *на приморском береге* (Батюшк., Элегия) и: *на брегу парнасских вод* (Пушк., Дельвигу); *на другом береге океана* (С. Глинка, Зап. о М., 3) и: *на пустынном берегу* (Пушк., На Испанпю родную)[94]; *в праведном бое* (Веневит., Импровизация) и: *в неравном бою* (Марл., Ам.-Бек, III); *в остальном глазе его* (Нарежн., Росс. Жилбл., 4, XI) и: *как бельмо в глазу* (Гриб., Горе от у., IV, 11); *в прошлом годе* (Пушк., п. А. А. Бестужеву, 8 февр. 1824) и: *в нынешнем году* (Белинск., Взгл. на русск. лит-ру в 1847 г., 2); *в гробе* (Лерм., Кн. Мери, 16-го июня) и: *в гробу* (Лажечн., Лед. дом, 4, 9); *в густом дыме* (Марл., Ам.-Бек, IX) и: *в дыму* (Лерм., Бородино); *в Уфимском крае* (С. Акс., Сем. хрон., Жизнь в Уфе) и: *в Сибирском краю* (Жих., Зап. совр., I, 20 февр. 1806); *в вашем семейном круге* (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 20—26 апр. 1826) и: *в кругу знакомых* (С. Акс., Сем. хрон., Жизнь в Уфе).

Постоянны также употребления дублетных форм *на лбе* и *на лбу*, *на луге* и *на лугу*, *на острове* и *на острову*, *в песке* и *в песку*, *на пире* и *на пиру*, *в пруде* и *в пруду*, *в пухе* и *в пуху*, *в снеге* и *в снегу*, *на суде* и *на суду*, *в стане* и *в стану*, *в строе* и *в строю*, *в тереме* и *в терему*, *в угле* и *в углу*, *в уголке* и *в уголку*, *на холме* и *на холму*, *в шуме* и *в шуму* и др.

[94] У Пушкина *на береге* употреблено один раз, *на берегу* — 49; *в бое* употреблено 2 раза, *в бою*—9; *в гробе*—13 раз; *в гробу*—3 раза.

В отличие от форм родит. пад. на *-у*, формы предл. пад. на *-у* обладали меньшей свободой употребления. Наиболее действенным регулятором их употребительности было ударение. В том случае, если образование формы предл. пад. на *-у* — при соответствующем значении падежа и предлога — по характеру ударения (обязательность ударения на окончании *-у* при последовательном сохранении его на основе в остальных формах ед. ч.) было возможно, то форма на *-у* оказывалась сильнее традиционной «правильной» формы на *-е* и постепенно вытесняла ее из употребления.

Уже для первой половины XIX в. трудно говорить о полной вариантности форм на *-е* и на *-у*. Формы на *-у* свободнее вводились в прозу, отражавшую живое употребление, а формы на *-е* дольше задерживались в стихах, где выбор одной из вариантных форм диктовался размером. Так, у Пушкина употребление форм на *-е* при наличии вариантной формы на *-у* отмечено главным образом в стихах; форма *на берегу* употреблена 49 раз в стихах и в прозе, *на береге* — один раз в стихах; *в бою* — 9 раз в стихах и в прозе, *в бое* — 2 раза в стихах; только в стихах отмечено употребление формы *в снеге*, при наличии в прозе только формы *в снегу*: *в хрупком снеге* (Е. О., 5, XIV) и: *лошади вязли в рыхлом снегу* (Путешествие в Арзр., 1). В некоторых случаях употребление в стихах книжных «правильных» форм на *-е* поддерживалось рифмой.

> Оно мне внушало предчувствье *святое*. Так! счастье нам всем суждено: Мне — пеною выкипеть в праведном *бое* (Веневит., Импровизация); Ты действуй в малом *круге!* Орел летит отважно в горный край, Пчела своей мед на скромном копит *луге* (Жуковск., К А. Н. Арбеневой); Итак, присяду здесь *на луге* И полюбуюсь *на досуге* Я красотою здешних мест (Вяземск., Перв. отдых Вздыхалова); Взлелеяны в восточной *неге*, На северном, печальном *снеге* Вы не оставили следов (Пушк., Е. О., 1, XXXI).

Л. А. Булаховский пишет, что в начале XIX в. «в стихах относительно нередки случаи книжного, церковнославянизированного употребления»[95]. К таким употреблениям он относит формы *в аде*, *в бое*, *на крае*, *в лесе*, *на луге*. Мнение Л. А. Булаховского подтверждает, в частности, семантическая дифференциация форм *в аде* и *в аду*. На сохранение формы *в аде* — при распространявшемся употреблении формы *в аду*, очевидно, оказывало влияние постоянное употребление первой формы в церковно-книжной литературе. Интересно отметить, что Словарь 1847 г. от существительного *ад* в переносном значении, более свойственном разговорной речи, дает форму *в аду* (*в этом аду никто не уживется*), а от прямого — *в аде*.

§ 18. Наличие дублетных образований на *-е* и на *-у* в первой половине XIX в. объясняется также изменением типа ударения существительных, с одной стороны, и более строгим следованием

[95] Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М., 1954, стр. 63.

акцентологическим ограничениям при образовании формы на *-у*, с другой.

Формы предл. пад. на *-у* образовывались от существительных мужск. р. с односложной (чаще) или двусложной основой, сохранявших в парадигме склонения ед. ч. ударение на основе, кроме формы предл. пад., где ударение обязательно переходило на флексию; в формах мн. ч. у этих существительных ударение падало на окончание.

Как известно, ударение в русском языке является индивидуальным признаком слова [96]. В зависимости от места ударения и его характера в основных и производных формах существительные разбиваются на несколько групп, среди которых основными являются группы, объединяющие: 1) существительные с постоянным ударением (на основе или на окончании) и 2) существительные с подвижным ударением. Существительные, которые образуют форму предл. пад. на *-у*, входят только во вторую группу, в то время как существительные, образующие форму на *-е*, входят в обе группы. Таким образом, если в процессе функционирования в языке тип ударения в слове менялся, то могли измениться и условия образования интересующей нас формы. Несовпадение парадигм склонения существительных *бал*, *пруд*, *холм*, *остров*, *терем* и т. п. в языке начала XIX в. и в современном объясняется изменением типа ударения. Одновременная принадлежность одного и того же слова к двум разным типам по ударению (примеры см. ниже) определяла временное сосуществование двух форм, одна из которых постепенно вытеснялась из употребления. В дальнейшем в языке утвердились формы *на балу́*, *в пруду́*, но *на холме́*, *на о́строве*, *в те́реме* [97].

История форм отдельных упомянутых выше слов непосредственно связана с акцентологическими условиями. 1. Для слова *бал* в начале XIX в. характерно было неподвижное ударение на основе в формах ед. и мн. ч. У Пушкина, Грибоедова и других писателей зафиксированы формы: *с ба́ла*, *на ба́ле*, *ба́лы*, *ради ба́лов*, *на ба́лах*, *по ба́лам*. Исключения редки, например *на бала́х* (Пушк., Альманашник; ударение поставлено Пушкиным); *балы́* дает нельзя богаче (Гриб., Горе от у., III, 3).

Ревнители чистоты и правильности языка в начале и в середине XIX в. считали форму *на бале* единственно правильной: «должно говорить *на бале*, а не *на балу*» [98]. «*На балу*! Да знают ли они, что по одному этому впечатлению человек хорошего воспитания тотчас узнает человека низкого круга!» [99].

2. Судя по употреблению существительного *холм* в поэзии Пушкина,

[96] См.: Е. Курилович. Система русского ударения, стр. 436.

[97] Интересно отметить, что Востоков слова *бал*, *остров* и *терем* поместил в перечне существительных, образующих обе формы предл. пад.; слово *пруд* — в перечне существительных образующих только формы на *-у*; слово *холм* в перечнях не упомянуто, очевидно, единственно возможной для него Востоков считал форму на *-е*.

[98] «Справочное место русского слова» (изд. 1839 и 1843 гг.). Цит. по кн.: В. В. Виноградов. Очерки, стр. 313.

[99] «Заметки о русском языке». «Москвитянин», 1853, № 3—4, Смесь.

можно предположить, что тип ударения этого слова в XIX в. изменился. В формах ед. и мн. ч. можно встретить ударение как на основе, так и на флексии — с тенденцией к последовательному переходу на флексию. Так, форма *холма́* употреблена 7 раз, *хо́лма* —1 раз; *хо́лму* —1 раз, *холму́*—нет; *холмо́м* —7 раз, *хо́лмом* — нет; *на хо́лме* — 8 раз, *на холме́* — 2; *холмы́* (именит. и винит. пад.) — 13 раз, *хо́лмы*—5; *холмо́в*—13 раз, *хо́лмов* — 1 раз; *холма́м* — 3 раза, *хо́лмам* — 1 раз; *холма́ми* — 5 раз, *хо́лмами* — 1 раз; *на холма́х* — 3 раза, *на хо́лмах* — 4. С установлением постоянного ударения на окончании в предл. пад. утвердилась форма на *-е*. Обратное соотношение иллюстрирует употребление существительного *пруд*, сменившего постоянное ударение на флексии на подвижное ударение (на основе—в формах ед. ч., кроме формы предл. пад., и на флексии — в формах мн. ч.).

3. Парадигмы склонения существительных *остров* и *терем* в современном языке противопоставляются по ударению в формах ед. и мн. ч. В начале XIX в. слова *остров* и *терем* сохраняли в формах ед. ч. подвижное ударение, переходившее на флексию в формах предл. пад. Поэтому вряд ли употребление в это время форм *в терему*, *на острову* объясняется, как думает Л. А. Булаховский, «установкой на народный колорит» или на «колорит сказки»[100].

4. В качестве единственно возможной форма на *-е* утвердилась в парадигмах существительных *стан* и *шум*, характеризующихся в современном языке постоянным ударением на основе в формах ед. и мн. ч. Форма *в стану* (еще возможная в «Записках» И. Дмитриева) ни разу не употреблена Пушкиным (4 раза употреблена форма *в стане*). Не отмечено у Пушкина и употребление формы *в шуму*, столь обычной в первой половине XIX в., например: *в шуму* входящих и выходящих (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, Заключ.); *в шуму* роскошного села (Козлов, Кн. Нат. Бор. Долгорукая, I, IX); *в шуму* сих страшных вражьих оргий (Жуковск., 1 июля 1842); *в* этом убийственном *шуму* (Н. Павл., Маскарад, II); *в* людском *шуму* (Борат., Бокал).

Более строгое следование акцентологическим нормам образования форм на *-у* сказалось на судьбе форм *на волоску*, *на бережку* и др., образованных от существительных с суффиксом *-ок*. В конце XVIII — нач. XIX в. наблюдается образование данной формы при учете только одного фактора — ударения на флексии, вне зависимости от места ударения в остальных формах ед. ч. Поэтому образование форм на *-у* от таких существительных, как *висок*, *волосок*, *кружок*, *лужок*, *мысок*, *песок*, *уголок*, было постоянным. Например:

На левом виску (Пушк., Ист. Пугач., 4); *на волоску* держится (Лажечн., Последн. Новик, 1, 8); *на холмистом мыску* (Там же, 1, 5); музыканты стоят *в кружку* (Письма Н. Станкевича, 1837); *на* бархатном *лужку* (Гриб., Мол. супруги, 4); *в песку* Днепра-реки зарыты (Пушк., Русалка, IV); *в уголку* (Воейк., Дом сумасш.)[101]; речи *в уголку* вдвоем (Пушк., Признание)[102].

---

[100] Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 63.

[101] Примеры из Станкевича и Воейкова заимствованы из кн.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 62, 63.

[102] Л. А. Булаховский полагает, что в слове *уголок* «употребление *-у* в местном падеже у авторов первой половины XIX в. едва ли не правило» (там же, стр. 63).

Наряду с формами *на виску*, *в песку*, *в уголку* и т. п., постоянно употреблялись и «правильные» формы — *в песке*, *в уголке* и т. п.

Жизнь его была *на* тонком *волоске* (Жуковск., Капитан Бопп); Ваше имение *на волоске* от погибели (Пушк., п. Н. Н. Пушкиной, 21 сент. 1835); мертвый виден *на песке* (Пушк., Утопленник); Мы *в* темном *уголке* (Гриб., Горе от у., I, 7); расположась *в* уютном *уголке* (Пушк., Лицинию).

§ 19. В первой половине XIX в. продолжается процесс «лексикализации» отдельных форм предл. пад. на *-у* и закрепления одной из вариантных форм за определенным значением слова. Так, уже в начале XIX в. форма *в веке* закрепилась за существительным *век* в значении «столетие», а форма *на веку* — за значением «время существования, жизнь кого-нибудь» (обычно в просторечии; см. выше замечание Востокова). Форма *в жару* была закреплена за двумя значениями слова: за значением «повышенная температура тела» (обычно без дополнения): вы больны — *в жару* (Гриб., Мол. супруги, 12) и за значением «сильное душевное возбуждение, пыл, страсть» (с дополнением или с определением): Вы вдруг *в* трагическом *жару* седую воскресили древность (Пушк., Кокетке); *в жару* прения не всегда соблюдал должного внимания к тому, с кем не соглашался (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 7); *в жару* своего гнева (Сл. 1847 г., I, *Жар*).

Форма *в поте* употреблялась в сочетании *в поте лица*: *в поте лица*, трясущимися руками считал огромную сумму денег (Вельтм., Саломея, 1, III)[103]. Форма *в поту* (без дополнения, в объединении с местоимением *весь*) — в значении «покрытый потом, потный»: весь *в поту*, от страха бледный (Пушк., Вурдалак); весь в жару, *в поту* (Гоголь, М. д., 1, IV)[104].

Форма *на...шагу* закрепляется за сочетанием *на каждом шагу*, но в начале века еще возможна была в составе данного сочетания и форма *на...шаге*: спешат в недра Франции с отчаянием в душе и встречая *на каждом шаге* погибель (С. Глинка, Зап. о М., 7).

Форма *в цвету* закрепилась за сочетанием в значении «в состоянии цветения»[105], а форма *в цвете* — за сочетанием со значением «в расцвете, в состоянии полного развития»: Твоя краса *во цвете* помертвела (Пушк., Гавриилиада); форма *в цвете* в этом значении в начале XIX в. часто употреблялась с дополнением: Я молод, друг мой, *в цвете лет* (Веневит., Посл. к Рожалину); скончался *в* самом *цвете своего возраста* (Сл. АР, VI, *Цвет*).

---

[103] См., очевидно, обусловленное размером у Пушкина: Над меньшей собратьей *в поту лица* острясь (Французских рифмачей суровый судия).

[104] Но см. у Тютчева: А я здесь *в поте* и в пыли (С поляны коршун поднялся).

[105] См. употребление в начале XX в. формы *в цвете* в данном значении с целью сообщения повествованию оттенка некоторой книжности и архаичности: Ловите нам лис и лисенят, Они портят наши виноградники, А виноградники наши *в цвете* (Купр., Суламифь, IV).

Таким образом, в первой половине XIX в., помимо отмечавшейся выше лексико-грамматической и стилистической нормализации в образовании и употреблении формы предл. пад. на *-у*, действовали акцентологические, грамматические и семантические процессы, с одной стороны, способствовавшие сохранению вариантов, а с другой стороны, дифференцировавшие варианты и закреплявшие их за разными значениями слов и в составе фразеологизмов.

§ 20. Книжные формы на *-е* и разговорные на *-у*, для которых сокращение употребительности наметилось уже в начале XIX в., в течение всего столетия продолжают употребляться в поэтической речи. Таковы были формы *в дыме*, *на береге*, *в свету*, *в боре*, *на дубу*, *в пухе* и т. п.

На умирающем *дубу* (Фет, Вольный сокол); *в* широко стелющемся *дыме* (Блок, Антверпен); *в дыме* зимней ночи (Анненск., Опять в дороге); но *в* прежнем все стоит она *свету* (А.К. Толст., Дракон); и солнца луч *в* сосновом *боре* (Чюмина, На севере. ЛК); *в* том белом *пухе* розы (Анненск., Когда б не смерть, а забытье).

Форма *в дому*, употребительная на протяжении почти всего XIX в., в конце его и в начале XX в. употребляется преимущественно в стихотворной речи: *В* своем *дому* любил аристократ Капризные изгибы и уступы (А. К. Толст., Портрет, 6); Много про чудо вселенной Странник *в дому* говорил (Фет, Горный ключ); Взгляд на улице, розы *в дому* (Блок, Петербургские сумерки снежные); Я *в дому* твоем живу (Ахматова, От тебя я сердце скрыла); *в* чужом *дому* (Цветаева, Благословляю ежедневный труд)[106].

Все больше укрепляются в литературном употреблении формы *на балу*, *в пруду*, с одной стороны, и *на острове*, *в тереме* — с другой. Ограничивается образование форм на *-у* от имен существительных с постоянным ударением на флексии, в том числе и от существительных с суффиксом *-ок*, но оно еще возможно в нейтральном употреблении, например: вот старый глухарь с облинялым крылом *В кусту* завозился (Некр., Крест. дети); сидел на тротуарном *столбу* (Дост., Двойник, V); стоит *в уголку* (Там же, IV); увидел *на песку* дорожки (Тург., Песнь торжествующей любви, VII); на притолоках и даже *на потолку* (Н. Усп., Грубый провинциализм)[107], *в* своем *уголку* (Тург., Певцы).

[106] Употребление формы *в дому* постоянно встречается в современной поэзии. См. у Твардовского: Любитель дружеских признаний, Изустных повестей живых *В дому*, в пути (За далью даль, 8); в любой дороге и *в дому* (Там же, 13). См. также: *в своем* мирном *дому* (Друнина, Ветер с фронта); живем *в дому* вот этом (Наровчатов, Наш дом); как свет *в дому* (А. Прокофьев, Встань, ненависть); *в дому* деревянном (П. Антокольский, Встреча); *в* родном *дому*, в своем краю (Ошанин, Баллада о венгерском студенте) и т. п.

[107] Пример заимствован у В. И. Чернышева («Правильность и чистота русской речи», вып. 2, стр. 42).

§ 21. Во второй половине XIX в. в языке литературы наблюдается в качестве средства стилизации употребление форм предл. пад. на *-у* и на *-е*, таких, как *на острову*, *в дому*, *в угле* и др., в начале века входивших в вариантные пары. Это свидетельствовало о выходе формы из литературного употребления и подчеркивало ее «ненормативность». Так, форма *на острову*, в середине века возможная в составе названий *на Каменном острову* (Чернышевский, Л. Толстой); *на Васильевском острову* (Достоевский, Римский-Корсаков и др.), а также в описательной прозе *сеяли еще на острову*; *на острову болото* (С. Максимов, На востоке. Поездка на Амур), в конце XIX в. используется в качестве стилистического приема в диалоге при передаче народной, крестьянской речи: Хоть помереть бы мне в другом месте, а не *на* этом *острову* (Корол., Соколинец, III); Видно, судьба мне *на острову* помереть (Там же, IV) [108].

Преимущественно в произведениях с историческим или сказочным сюжетом используется форма *в терему* [109].

Темнее становится все *в терему* (А. К. Толст., Садко, 38); Багрец твой стал кровью *в его терему* (А. К. Толст., Канут, 5); И что-то теперь *в терему*? (Бунин, Горе), См. также: *в своем терему*; и настигну тебя *в терему* (Блок, Ты горишь над высокой горою...); Тихи дни и годы — годы *в терему* (Брюсов, Терем); Заголубил *в* речном *терему* (Клюев, В просинь вод загляделися ивы).

В рассказах Короленко и Эртеля форма *в дому* употребляется при передаче разговорной речи, сообщая ей оттенок «нелитературности»: — Три веры *в одному дому*! — заметил солдат (Корол., Река играет, VII); Опостылела мне жисть *в батюшкином дому* (Эрт., Гард., 1, VII).

В качестве стилистического приема при передаче крестьянской, диалектной речи во второй половине XIX и начале XX в. используются формы предл. пад. на *-у* от слов, от которых они в литературном языке никогда не образовывались:

Жил в то время *в городу* старичок чиновник (Корол., Соколинец, VII); Шли пять стариц и несли они, ребята, по пяти костылей. *На* кажном *костылю* — по пяти суков, *на* кажном *суку* — по пяти кошелей, у кажном кошеле — по пяти пирогов, *у* кажном *пирогу*... к примеру сказать, по пяти воробьев (Бунин, Вести с родины)[110].

---

[108] В поэзии и сейчас возможно употребление формы *на острову*; см. в стихотворении Д. Кедрина «Конь»: *на* одиноком *острову*.

[109] А. В. Исаченко считает форму *в терему* нормативной и для современного языка («Грам. строй русск. языка», ч. 1, стр. 168).

[110] С. П. Обнорский («Именное склонение», вып. 1, стр. 190—191) указывает на употребления *на костылю́* и *в пирогу́* в южновеликорусских говорах; в той же книге (стр. 115) он отмечает употребление *в городу* у Л. Толстого и М. Горького в стилизованной народной речи.

В качестве стилистического приема во второй половине XIX в. могла быть использована не только форма на *-у*, но и форма на *-е* — при условии вытеснения ее из употребления формой на *-у*. Так, например, во второй половине XIX в. форма *в угле*, в литературном языке заменившаяся формой *в углу*, употреблялась в качестве стилистического приема с целью сообщения речи оттенка нелитературности, просторечности: Мы тут с вами хоть землянку выкопаем, и то будем *в своем угле* (Бунин, Деревня, III). См. у него же в рассказе «Новый год»: И непременно жить дома *в своем углу*, где-нибудь подальше ото всех.

Л. А. Булаховский склонен был считать употребление формы *в угле* (Там *в угле* Она платок забыла на столе) в поэме Тургенева «Андрей» (1845) диалектизмом [111]. Но, по-видимому, для середины XIX в. такое употребление не может считаться диалектным: оно постоянно встречается в произведениях разных авторов, свободно образуясь от разных значений слова *угол*: вечером на улице, *в угле* нашел портфель (Герц., Письма из Франции и Италии, 7); остановился *в угле* перед иконой (Леск., Соборяне, 5, 1); *В угле* происходила возня (Л. Толст., Поликушка, VII); *в* чужом *угле* (Дост., Бедн. люди, 27 июня); Она всю жизнь прожила *в* своем *угле* (Дост., Униж. и оскорбл., 2, VI).

Употребление форм предл. пад. на протяжении второй половины XVIII—XIX в. изменяет свой характер. В грамматике Ломоносова соотносительные формы на *-е* и на *-у* подвергались стилистической регламентации. В первой половине XIX в. их употребление отличается наибольшей свободой; образуются дублетные формы, не различающиеся ни по значениям, ни стилистически. Однако уже в это время намечается нормализация их образования и употребления.

Во второй половине XIX в. колебания в употреблении форм предл. пад. на *-е* и на *-у* от ряда имен существительных, возможные в первой половине века, сокращаются; дублетные формы дифференцируются по значению, закрепляются за определенными конструкциями, часто становясь при этом несвободными. В тех случаях, когда сохраняется полная дублетность форм, происходит их стилистическая дифференциация.

Проблема употребления форм на *-у* и на *-е* для литературного языка нового времени — это проблема лексико-грамматическая. В процессе развития языка обособляется группа слов (в отличие от истории форм родит. пад. на *-у*, семантика слова не играет здесь решающей роли), от которых в зависимости от их структурно-акцентологического типа возможно образование формы предл. пад. на *-у*. Эта лексика должна отвечать двум условиям: 1) наличие ударения на основе слова и 2) принадлежность слова к категории имен неодушевленных. Помимо акцентологического

[111] Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 63.

фактора, предполагающего противопоставленность по ударению форм ед. и мн. ч., обязательным грамматическим фактором является объединение существительного с предлогами *в* или *на*.

Женский род

§ 22. В течение второй половины XVIII в. и всей первой половины XIX в. не только в поэзии, но и в прозе удерживается архаическая церковнославянская форма предл. (и реже дат.) пад. *земли* [112]. Сочетание *на земли* отмечено у Хераскова, В. Майкова, Батюшкова, Жуковского, Боратынского, Гоголя, Тютчева и др.

Сочетания с дат. пад. *к земли*, *по земли* и т. п. встречаются значительно реже: *к земли*, *по земли* (Ломоносов) [113], скитаться *по земли* (А. Тург., п. Вяземскому, 1825) [114]; Я, царь земли, прирос *к земли* (Тютч., С поляны коршун поднялся...).

ИЗМЕНЕНИЯ В СКЛОНЕНИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ТИПА *ВРЕМЯ*, *СЛОВО*, А ТАКЖЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ *ДИТЯ*, *МАТЬ*, *ДОЧЬ*

§ 23. Несмотря на то, что уже Ломоносов узаконил традиционную парадигму склонения существительных на *-мя*, в разговорной речи XVIII — нач. XIX в. широко употреблялись и формы без тематического *-ен-* в ед. ч., откуда они проникали в язык литературы. Еще Барсов допускал в разговорной речи употребление форм: *время* нет, стоит у *знамя*, купить толченого *семя* и т. п. [115], однако он писал, что «не только в высоком, но и в среднем слоге нельзя дозволять себе такого употребления» [116].

«Неправильности» просторечного (возможного в разговорной речи) склонения имен на *-мя* отмечаются в первой половине XIX в. Востоковым и Павским. «*Вымя*, *знамя* и *поломя*, — пишет Востоков, — в просторечии склоняются неправильно: родит. ед. ч. *-мя*, подобно именит. и винит., дат. *-мю*, творит. *-мем*, предл. *-ме*: *вымю*, *вымем*, *о выме* и пр.» [117]. Павский перечисляет след. слова на- *мя*, «подражающие именам, кончащимся на *-е*»: «*темя*, родит. *темя*, дат. *темю*, творит. *темем*, предл. *теме* (во мн. ч. не употребляется). А в слове *вымя* такая неправильность

---

[112] В других словах, в которых ударение приходится на основу, окончание *-и* может явиться следствием орфографической ненормированности; см. *на недели* (Вяземский); *грамоти* (Катенин); *к обедни* (Пушкин); *к вечерни* (Лермонтов); позднее: *к вечерни*, *к заутрени*, *к обедни* (Эртель).

[113] См.: Т. А. Шаповалова. Указ. соч., стр. 87.

[114] Пример заимствован из книги Л. А. Булаховского «Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис», стр. 78.

[115] См.: Ф. И. Буслаев. Ист. грам., Этимология, § 95, стр. 210.

[116] См.: М. И. Сухомлинов. Указ. соч., стр. 285.

[117] А. Х. Востоков. Русск. грам., § 26, стр. 34.

простирается и на мн. ч.»[118]. В то же время формы косвенных падежей без *-ен-* не рассматривались как недопустимая погрешность и даже были узаконены в списках как поэтическая вольность [119].

Вот примеры употребления форм без *-ен-* в конце XVIII — нач. XIX в.:

Имя своего им дать не мог (Н. Н. Трубецкой, п. А. М. Кутузову, 29 янв. 1791); *за* короткостью *время* (Держ., п. А. И. Бибикову, 30 дек. 1773); от *бремя* дел (Держ., Благодарность Фелице); не боится *время* строга (Держ., Гром); и *в пламе* город весь (Держ., Фонарь); *на теме* большое желтое пятно (Сл. АР, III, *Королек*); чтоб *время* не терять (Озеров, Волки и овцы); лишусь того я *бремя* (Н. Тург., Дневн., 6 марта 1806); *под бремем* горести (Там же, 18 ноября 1806); то *к темю* их прижмет (Крыл., Мартышка и Очки); Лишь *время* не терять умей (Крыл., Фортуна в гостях); *время* нет (Гриб., Горе от у., III, 18); *на теме* острова (Гриб., Письмо из Бреста Литовска к изд. ‹«Вестн. Европы», 1814›); *под* самым *темем* (Гриб., Пут. зап., VII); больше *время*, чем следует (Никитенко, Дневн., 5 дек. 1826); отнял два *знамя* (Загоск., Росл., 3,VI); расстаться до этого *время* (Лерм., К...) [120]; погаснувших от *время* и страстей (Лерм., 1831-го июля 11 дня); между *темем* и подбородком (Герц., Скуки ради, I); *время* терять не хотел (Герц., Сорока-воровка); и князя *с стремя* [121] сбил (Москвит., 1843, №5); Бух *с стремя* золотого (Там же); *вымем*, покрытым беловатой шерстью (Совр., 1847, т. III, № 5) [122].

---

[118] Г. П. Павский. Филологич.наблюд.Рассужд. II. СПб., 1842., стр. 349 См.также замечания Одоевского и Пушкина: Одоевский, цитируя стихотворение Воейкова (... И ничего не ждет от *время* и людей), замечает: «Поневоле подумаешь тут, что *время* в именит. *времь*» (Одоевский, Письмо в Москву к Кюхельбекеру, Мнемоз., 1824, ч. 2, стр. 178). Пушкин среди своих пяти справедливо отмеченных критикой ошибок помещает «*на теме* гор (*темени*)» (Опровержение на критики. Полн. собр. соч., т. XI, стр. 158).

[119] См.: Н. Остолопов. Указ. соч., стр. 137.

[120] По поводу употребления форм без *-ен-* Державиным и Лермонтовым С. П. Обнорский замечает: «Можно было бы сказать, что Державин и Лермонтов особенно ярко отразили в своих произведениях стихию живой разговорной литературной современной им речи» («Именное склонение», вып. 1, стр. 303).

[121] См. употребление у Бестужева-Марлинского формы *стремено*: Сей перстень возьми и ступи в *стремено* (пример заимствован из книги Л. А. Булаховского «Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис», стр. 76). Ср. развитие в современном чешском языке форм *semeno*, *břemeno*, *plemeno*, *temeno*, а также *pismeno* и *rameno*; формы *sімě*, *břімě*, *plêmě*, *têmě* в чешском считаются более книжными и сохраняются в переносных значениях (см.: B. Havránek, A. Jedlička. Указ. соч., стр. 136).

[122] См. еще у Л. Толстого: пестрая, с огромным *вымем*, корова (В. им., 1, 2, VII).

Среди слов на *-мя пламя* в именит. —винит. пад. имеет вариантную форму *пламень*, уже в XVIII в. ощущавшуюся как форма высокая и поэтическая [123].

§ 24. Слово *дитя* в конце XVIII — нач. XIX в. обычно склонялось в ед. ч. близко к церковнославянскому образцу — с вариантными формами творит. пад. *дитятею* и *дитятем*. Ломоносов в парадигмах склонения рекомендовал форму *дитятем* (Росс. грам., § 159); эту же форму указали в парадигмах Греч (Практич. русск. грам., § 91, стр. 80) и Востоков (Русск. грам., § 26, стр. 35); правда, в третьем издании грамматики (1838) Востоков указывает как основную форму *дитятею* «вместо вышедшего из употребления *дитятем*» (§ 28, стр. 36). Отмеченные колебания форм нашли отражение и в литературном языке: молодую женщину с *дитятем* (Нарежн., Росс. Жилбл., 3, VII); нянчится с *дитятей* (Пушк., Ск. о попе).

В живом употреблении в XIX в. возможны были формы без наращения («Вместо *дитяти — дитятем* чаще говорят *дити, дитею*») [124]. Из разговорной речи эти формы проникали и в письменность, например: *дитёй* возили на поклон (Гриб., Горе от у., II, 5); ты *дитёй* с ним часто танцевала (Там же, III, 10); баованным *дитею* (Дружинин, Пол. Сакс, IV, II); *у дити* не отбивай (А. К. Толст., Мудрость жизни); *Дитёй* за мотыльком Порхали вы средь кашки по лугам! (А. К. Толст., Сон Попова); благонравным *дитею* (Репин, п. Н. И. Мурашко, 10 апр. 1884) [125].

§ 25. Косвенные падежи ед. и мн. ч. существительных с тематическим *-ес-* (кроме форм мн. ч. от существительных *небо* и *чудо*) в конце XVIII — нач. XIX в., очевидно, были фактами только книжного, преимущественно поэтического языка [126].

---

[123] См. рецензию Н. Дурново на книгу С. П. Обнорского «Именное склонение» («Slavia», т. IX, вып. 2, 1930, стр. 364). Употребление слова *пламень* особенно в метафорических значениях возможно в поэтической речи и в XX в.: То полудня *пламень* синий, То рассвета *пламень* алый (Анненск., Миражи); Расшевеливаешь *пламень* уст (Есенин, Не жалею, не зову, не плачу...).

[124] Г. П. Павский. Указ. соч., стр. 350.

[125] См. у Достоевского в «Братьях Карамазовых»— стилистически мотивированное употребление форм *дитё, дити* в речи персонажа и в авторской речи: «*Дитё*,— отвечает ему ямщик,— *дитё* плачет.— И поражает Митю то, что он сказал по-своему, по-мужицки: «*дитё*», а не *дитя*. И ему нравится, что мужик сказал *дитё*: жалости будто больше» (9, VIII). И дальше: «Хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше *дитё*, не плакала бы и черная иссохшая мать *дити*» (Там же).См. также в речи Грушеньки: «Только стал он мне вдруг говорить про *дитё*, то есть про *дитятю* какого-то» (11, I).

[126] Уже в двадцатых годах эти формы отдельными авторами расценивались как «некрасивая архаика» (см.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык. первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 76).

В высоком стиле в XVIII в. и в произведениях поэтов-архаистов в первой половине XIX в. удержались в употреблении формы с *-ес-* от существительного *небо* (чаще других — предл. пад.):

Обещая *на небеси* награду (Сумарок., Дим. Самозванец, II, 1); пожар *на небеси* (Хераск., Чесмесск. бой, V); *на небеси* ли был (Кюхельб., Адо, IV, Мнемоз., 1824, ч. 1); *С небеси* помоги тому бог (Катен., Мстислав Мстиславич).

§ 26. Как торжественно-книжные и поэтические выступают в языке литературы конца XVIII — нач. XIX в. церковнославянские формы винит. пад. ед. ч. *матерь*, *дочерь*, иногда распространявшиеся и на форму именит. пад. Наибольшая употребительность этих форм характерна для второй половины XVIII и первой трети XIX в.

О *матерь* горестна! (Озеров, Поликсена, II, 1); теряя *дочерь* милу (Там же, II, 5); твою *дочерь* (Батюшк., Предслава и Добрыня); на отчаянную *матерь* (Там же); стала просить удивленную *матерь* (А. А. Дельв., Конец золотого века); *матерь* наслаждений (Пушк., Клеопатра); ни *дочерь*, ни жена (Пушк., Овидию); Вы *дочерь* Евы (Борат., А. А. Ф...ой); К ней часто *матерь* приходила (Борат., Падение листьев).

Итак, в становлении парадигм склонения ед. ч. в XIX в. действовали два процесса: внутренний, протекавший в самой парадигме, направленный на разграничение дублетных форм, и внешний, определявшийся отказом от использования иносистемных форм в качестве вариантных и стремлением к сохранению традиционной парадигмы.

Первый процесс характерен для истории форм родит. и предл. пад. мужск. р. В результате последовательно осуществлявшегося в XIX в. закрепления форм на *-у* за определенными значениями падежей существительных отдельных семантических разрядов и определенной структуры, а также в результате «усиления» позиций форм на *-а* (родит.) и на *-е* (предл.), формы родит. и предл. на *-у* к началу XX в. перешли с позиции дублетных форм на позиции форм грамматически, лексически и стилистически обусловленных при основных стилистически нейтральных формах на *-а* и на *-е*.

Второй процесс характеризует историю парадигмы женского склонения на *-а*, *-я*, склонения существительных на *-мя* и слова *дитя*. В начале XIX в. здесь известно употребление архаических, сохранявшихся по традиции словоформ (*по земли́*, *на земли́*), а также разговорно-просторечных форм родит. женск. р. на *-е*(*ѣ*) (*у княгине*) и форм косвенных падежей существительных на *-мя* (а также *дитя*), образованных по аналогии с продуктивными типами склонения. К середине XIX в. все эти формы, нарушавшие последовательность стабилизации парадигм, вышли из употребления.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 27. В отличие от ед. ч., система склонения которого формировалась под воздействием грамматического рода, во мн. ч. родовые различия стирались; по определению В. В. Виноградова, в современном русском языке система склонения мн. ч. «основана на гибридизации разных флексийных типов и на омонимическом уравнении их флексий»[127]. Помимо этого отличия в формировании системы склонения в целом, формы мн. ч. обладают особенностями, дающими право рассматривать их независимо от форм ед. ч.: формы мн. ч. часто имеют основу, отличную от основы ед. ч.: *англичанин — англичан-е*, *татарин — татар-ы*, *брат — брат-ья* (с суффиксом *-j-* во мн. ч.), *сын — сынов-ья*, *сосед — содед-и* (с *д'*); основа мн. ч. может отличаться от основы ед. ч. и по ударению: *го́род*, *го́рода — города́*, *городо́в*; *лес*, *ле́са — леса́*, *лесо́в*.

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

§ 28. История образования и употребления форм именит. пад. мн. ч., как и форм родит. пад., противопоставлена истории форм дат., творит. и предл. пад. Если для последних характерно «омонимическое уравнение флексий», то именит. и родит. пад. характеризуются сохранением ряда флексий, соответствующих типам склонения в ед. ч., а также (для форм именит. пад.) возникновением новых флексий в связи с развитием новых оттенков в самом значении множественности (в частности, развитием оттенков совокупности и собирательности, противопоставленных «чистому» значению раздельного множества).

На рубеже XVIII—XIX вв. в русском литературном языке существовало несколько форм именит. пад. мн. ч. для существительных мужск. и средн. р. В письменной речи обычны были для существительных мужск. р. формы на *-ы*, *-и* и редки формы на *-а́* (*города́*, *леса́*); для существительных средн. р. здесь обычны были формы на *-а* (*-я*) (*места́*, *дела́*, *поля́* и *о́кна*, *сёла*). В разговорной речи, по-видимому, различались те же два окончания; выбор определялся ударением: под ударением возможны были и *-ы́* (*-и́*) и *-а́* (*столы́*, *платки́* — и *города́*, *леса́*), в безударном положении — только *-ы* (*-и*) (*о́кны*, *сёлы*). Эти формы проникали и в письменную речь; отсюда колебания форм на *-а* и на *-ы* (*о́кна — о́кны*, *сёла — сёлы*, *блю́да — блю́ды* и т. п.).

Помимо дублетных форм именит. пад., образовавшихся в результате взаимодействия разговорной и письменной речи, параллельные формы именит. пад. могли возникнуть в результате наличия разных способов образования всей парадигмы мн. ч.; тако-

---

[127] В. В. Виноградов. О грамматической омонимии в совр. русск. языке. «Русск. яз. в шк.», 1940, № 1, стр. 3.

вы образования форм ед. и мн. ч. от одной и той же основы (*сын — сыны, князь — князи*), с одной стороны, и, с другой стороны, образования форм мн. ч. от основы, осложненной суффиксом (*сын — сыновья, князь — князья*).

Изменения в соотношениях форм именит.-винит. пад. на *-á* и на *-ы*, *-и* у существительных мужского рода

§ 29. Форма именит. пад. мн. ч. на *-á* существительных мужск.р. из всех славянских языков известна только русскому языку; она появилась сравнительно поздно и находит отражение лишь с конца XV в.[128] в памятниках деловой письменности.

Формы именит. мн. на *-á* образовывались от слов с подвижным ударением, обозначавших, как правило, неодушевленные предметы. В памятниках XV—XVII вв. формы на *-á* редки и охватывают незначительный круг слов: *глаза, города, жернова, колокола, леса, луга, мастера, месяца, образа, рога, снега, сторожа, струга, стула, суда, тагана* [129]. А. С. Фидровская отмечает в актах XVII в. форму *рейтара* [130], а С. В. Фролова в бытовой повести XVIII в. — формы *берега, дома, острова, паруса, погреба* [131]. Все эти употребления отмечены в памятниках, в той или иной степени отражающих живую разговорную речь XVII—XVIII вв.

Формы на *-á* в XVIII в.

§ 30. В первой половине XVIII в. формы на *-á* ограничивались небольшим кругом слов, преимущественно названий неодушевленных предметов [132]. В середине XVIII в. употребление форм на *-á* было засвидетельствовано «Российской грамматикой» Ломоносова: «Некоторые (имена. — *В. Р.*) вместо *ы* или *и* в окончании именит. мн. принимают *-á*: *берег, береги* и *берега*; *луг, луги* и *луга*; *лес, лесы* и *леса*; *остров, островы* и *острова*; *снег, снеги* и *снега*; *струг, струги* и *струга*; *колокол, колоколы* и *колокола*; одно

---

[128] См.: А. И. Соболевский. Лекции по истории русск. языка. М., 1907, стр. 221; А. А. Шахматов. Историческая морфология русск. языка, стр. 331; Н. Дурново. Очерк истории русск. языка. М.—Л., 1924, стр. 282—285; Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 119—121; П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русск. языка, стр. 108 и др.

[129] См.: Т. А. Иванова. Из истории именного склонения. ВЯ, 1957, № 6, стр. 52.

[130] А. С. Фидровская. Номинативные формы на *-а* существительных мужского рода в совр. русск. лит. языке. Канд. дисс. Казань, 1946, стр. 96.

[131] См.: С. В. Фролова. Указ. соч., статья 3, стр. 183; А. С. Фидровская. Указ. дисс., стр. 53.

[132] См.: Т. А. Иванова. История формы именит. пад. мн. ч. имен существительных мужского рода на *-а*. Канд. дисс. М., 1944, стр. 92.

только *а* имеют: *рог*, *рога*; *бок*, *бока*; *глаз*, *глаза*» (§ 195). Стилистически формы на *-ы* и на *-á* Ломоносовым не разграничивались, однако в его языковой практике традиционные формы на *-ы*, *-и* (*береги*, *городы*, *лесы*, *снеги*, *бреги*, *луги*, *островы*, *беги*, *парусы*, *роги*) были характерны для высокого стиля [133]. То же отмечается и у других авторов второй половины XVIII в.

Формы на *-ы* (*-и*) на протяжении XVIII в. сохраняют господствующее положение в письменности, причем они преобладают не только в высоком стиле.

Роги (Сумарок., Олень и Собака); И *снеги* льда еще не покрывали (Хемп., Крестьянин с ношей); башкирцы оставляют свои *домы* (Лепехин, Дневн. зап., 2); дымятся серым дымом *домы* (Держ., Осень во время осады Очакова); в чужие *краи* (Крыл., Почта духов, XI); Мрачные *веки*, *веки* варварства и героизма (Карамз., П. р. п., Кенигсберг, 19 июня 1789); белелись *парусы* (Там же, Дувр). См. еще: сквозь *лесы*; *в луги* (Петров); *мастеры* лицы плясать (Российский феатр, 1788) [134].

Во второй половине XVIII в. формы на *-ы* (*-и*) были постоянны и от заимствованных слов (*векселя*, *директоры*, *докторы*), уже в начале XIX в. известных и с окончанием *-á* (*векселя*, *директора*, *доктора*).

Формы на *-á* во второй половине XVIII в. не были стилистически значимы. Будучи по своему происхождению разговорными, формы эти, проникая в разные сферы литературного языка, как правило, не несли в себе «разговорной» окраски [135]. См., например, употребление форм на *-á* в произведениях высокого стиля: *града*, *луга*, *края*, *леса*, *берега*, *брега* (Ломоносов), *берега*, *града*, *края*, *луга*, *острова* (Петров), *города*, *леса* (Радищев) и др. [136]

Поскольку разговорная речь легче проникала в произведения среднего и низкого стилей, то естественно, что употребление форм на *-á* в комедии, комической опере, драме, научной прозе, мемуарах, описаниях и т. п. было распространено гораздо шире, чем в одах и трагедиях. Однако и в произведениях среднего и низкого стилей эти формы не были «массовыми» и продолжали образовываться лишь от немногих слов. У Ломоносова отмечены: *берега*, *глаза*, *края*, *леса*, *луга*, *острова*, *снега* [137]. См. еще в сочинениях Карамзина: высокие *дома*, *леса*, рассеянные *острова*; в «Проекте законов о правах»: *струга*, барки и другие речные суда (VIII).

---

[133] См.: Т. А. Шаповалова. Указ. соч., стр. 101—102. В высоком стиле Ломоносовым употреблялись также формы на *-ы*, *-и* от неполногласных славянизмов — *грады*, *гласы*, *класы*, русские соответствия которых могли иметь формы на *-а* (*города*, *голоса*), *-ья* (*колосья*). О стилистической значимости форм на *-ы*, *-и* см. также в дисс. Т. А. Ивановой, стр. 109.

[134] Примеры приведены в дисс. Т. А. Ивановой, стр. 83, 84.

[135] См. там же, стр. 96—97.

[136] См. там же, стр. 97—98, 107—108.

[137] См.: Т. А. Шаповалова. Указ. соч., стр. 102.

Несмотря на ограниченность образования, употребительность форм на *-á* выходила за рамки рекомендаций «Российской грамматики». К концу XVIII в. употреблялись: *берега*, *бока*, *борова*, *вечера*, *воза*, *глаза*, *голоса*, *города*, *доктора*, *дома* (чаще *до́мы*), *колокола*, *края*, *леса*, *лоцмана*, *луга*, *мастера*, *меха*, *невода*, *образа*, *обшлага*, *острова*, *паруса*, *повара*, *погреба*, *пояса*, *рога*, *снега*, *струга*, *терема*, *хлева*, *якоря* [138]. Важно подчеркнуть, что форма на *-á* распространяется на категорию имен одушевленных и на иноязычные заимствования (*борова*, *доктора*, *лоцмана*, *мастера*, *повара*) [139].

Перечисленные формы зарегистрированы у Радищева (*борова́*, *воза́*, *голоса́*, *лоцмана́*, *невода́*, *пояса́*, *якоря́*), Фонвизина (*голоса́*, *доктора́*, *дома́*, *повара́*, *хлева́*), Суворова (*дома́*), Болотова (*невода́*), Яновского (*паруса́*), Карамзина (*терема́*). Следует добавить: *завеса́* (от существительного *за́вес*, очевидно, под влиянием рифмы *небеса*, в «Игроке ломбера» М. Майкова), *плуга́* (Державин, Радищев), *шага́* (Российский феатр, XX)[140].

Формы на *-á* в первой половине XIX в.

§ 31. На протяжении первой трети XIX в. употребительность форм на *-á* возрастает [141]. С наибольшим постоянством эти формы образуются от существительных мужск. р. с двусложной непроизводной основой с постоянным ударением на основе в ед. ч. и на окончании во мн. ч.: *бе́рег — берега́*, *го́род — города́*, *те́рем — терема́*. Все больше распространяются образования на *-á* и от односложных существительных с той же противопоставленностью форм ед. и мн. ч. по ударению: *бок — бока́*, *век — века́*, *год — года́*, за исключением одушевленных существительных.

Гораздо ограниченнее проникают формы на *-á* в область суффиксальных образований. Из числа суффиксальных существительных легко вошли в круг имен, образующих форму на *-á*, существительные с безударным суффиксом *-арь* (*лекаря́*, *писаря́*) и иноязычные заимствования, оканчивающиеся на безударные *-ман* и *-ор* (*лоцмана́*, *асессора́*, *доктора́*, *профессора́*) [142], в подавляющем большинстве называющие лиц по профессии. По-видимому, под воздействием этих последних в первой трети XIX в. формы на *-á* распространяются и на существительные — названия лиц по профессии с суффиксом *-тель*: *смотителя́*, *служителя́* (помимо ранее

---

[138] См.: Т. А. Иванова. Указ. дисс., стр. 104.

[139] См. об этом: В. В. Виноградов. Очерки, стр. 183; Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 64.

[140] См.: Т. А. Иванова. Указ. дисс., стр. 100—104.

[141] Грамматики первого десятилетия XIX в. ограничиваются перечнем следующих форм: *берега*, *круга*, *леса*, *города*, *острова*, *глаза*, *бока*, *рога*, *колокола*. См.: Начальные основания российской грамматики в пользу учащегося юношества, 1806; Российская грамматика, сочиненная Российской Академией, СПб., 1809; И. Орнатовский. Указ. соч.

[142] См.: Т. А. Иванова. Указ. дисс., стр. 111—118.

существовавшей формы *учителя́*). Значительно пополнили круг слов с именит. мн. на *-а́* иноязычные заимствования, акцентологически примыкавшие к типу *бе́рег — берега́*: *вензель — вензеля́*, *вексель — векселя́*, *корпус — корпуса́* [143].

Востоков в своей «Русской грамматике» перечисляет уже 67 слов, образующих только формы на *-а́* или формы на *-а́* наряду с «правильными» (т. е. традиционными, книжными) формами на *-ы*, *-и*. Слова, от которых образуются только формы на *-а́*: *бок*, *вечер*, *голос*, *город*, *колокол*, *край*, *лес*, *луг*, *орден*, *остров*, *повар*, *погреб*, *полог*, *рукав*, *сторож*, *тетерев*, *хлев*, *шелеп*. Слова, от которых образуются формы на *-а́* и на *-ы* (*-и*): *берег*, *боров*, *брег*, *век*, *вексель*, *вензель*, *возраст*, *год*, *доктор*, *дом*, *егерь*, *желоб*, *жернов*, *катер*, *кивер*, *короб*, *корпус*, *кренде́ль*, *кузов*, *купол*, *кучер*, *лекарь*, *мастер*, *мед*, *мех*, *мичман*, *образ*, *откуп*, *парус*, *писарь*, *потрох*, *пояс*, *профессор*, *ректор*, *рог*, *снег*, *стог*, *струг*, *терем*, *фактор*, *флагман*, *флигель*, *флюгер*, *хлеб*, *цвет*, *шомпол*, *штемпель*, *якорь*, *ястреб* [144]. Кроме того, Востоков указывает, что формы на *-а́* и на *-ы* образуют двусложные иноязычные названия на *-ман* и иноязычные на *-ер*, *-ор* без ударения [145].

Греч не дает полного списка слов, от которых образуются формы на *-а́*; часть из них он помещает среди «уклоняющихся имен существительных», сопровождая некоторые формы следующими замечаниями об их употребительности: «Говорят и пишут *дома́*, но лучше употреблять в сем случае окончание правильное: *домы*»; «*волос* имеет и правильное окончание: *волосы*, *волосов*» [146].

В 1837 г. Белинский отметил возможность образования двух форм именит. пад. мн. ч. у слов типа *профессор*, *лекарь* и *учитель* и в примерах склонения поместил *повар-а́*, *лес-а́* и *волос-ы*, *-а́* [147].

Востоков и Греч отмечают для некоторых существительных семантическую дифференциацию форм на *-а* и *-ы*; у Востокова, например: «*образы*, т. е. виды или способы; *образа*, т. е. иконы. *Мехи* раздувательные — *меха* соболи, беличьи и пр.» [148]; «слово *хлеб* в первом случае (*хлеба́*.—*В. Р.*) означает хлебы печеные, в последнем (*хлебы*) — разные роды жита. *Цветы*: розы, лилии; *цвета*: черный, белый; *образы*: разные виды; *образа*: иконы» [149].

---

[143] В широком использовании формы на *-а́* именно в заимствованиях (*вексель*, *кондуктор*) Р. Якобсон видит проявление ее продуктивности (см.: R. Jakobson. The relationship between genitive and plural in the declension of russian nouns. «Scando-Slavica», t. III, Copenhagen, 1957, стр. 185).

[144] А. Х. Востоков. Русск. грам., § 28, стр. 46—47.

[145] Там же, стр. 46; Павский в своем перечне указывает еще слова *волос*, *гарус*, *глаз*, *окорок* (см.: Г. Павский. Указ. соч., стр. 327—328).

[146] Н. И. Греч. Простр. русск. грам., § 245, стр. 172.

[147] В. Г. Белинский. Основания русской грамматики. М., 1837, стр. 90, 102—103.

[148] А. Х. Востоков. Русск. грам., § 26, стр. 49.

[149] Н. И. Греч. Простр. русск. грам., § 245, стр. 173.

В языковой практике начала XIX в. можно наблюдать колебания в употреблении форм на *-ы* (*-и*) и на *-á* (*-я́*) как у русских, так и у иноязычных существительных. Ср.:

Коллежские *асессоры* (Гоголь, Нос, II) и: не ползу в *асессора* (Пушк., Товарищам); *Веки* протекли (Крыл., Сочинит. и Разбойн.), в древни *веки* (Пушк., Родосл. моего героя), создавший дни и *веки* (Ф. Глинка, Создателю) и: Проходят царства и *века* (Пушк., Усы), Чем славились *века* (Полеж., Отчаяние); *Векселя* писал (И. Дм., К приятелю) и: выигрывая *векселя* (Пушк., Пиков. дама, VI); Взыграйте, *ветры* (Пушк., Кто, волны, вас остановил...) и: *ветра*, дожди, жары и холода (Борат., Последн. смерть); Русые *волосы* (Н. Павл., Именины), рвал на себе *волосы* (Лажечн., Лед. дом, 4, 8) и: расправил *волоса* рукой (Пушк., Е. О., 1, XXVIII), дыбом *волоса* (Гриб., Горе от у., I, 4); Шли *годы* (Пушк., Я помню чудное мгновенье...), И *годы* за годами вслед (Хомяков, Старость) и: прошли *года* (Пушк., Там у леска, за ближнею долиной...); *Гробы* великих князей (Батюшк., Прогулка по Москве), *гробы* их непышны (Жуковск., Сельск. кладбище), здесь продаются и обиваются *гробы* (Пушк., Гробовщ.) и: *гроба* с размытого кладбища (Пушк., Медн. всадник, I); Кофейные *домы* (Моск. Мерк., 1803, № 1), *домы* янычаров (Пушк., Стамбул гяуры нынче славят...) и: *дома* и всё на новый лад (Гриб., Горе от у., II, 5), кофейные *дома* (Батюшк., п. Н. И. Гнедичу, 27 марта 1814), *Дома* у нас печальны (Пушк., Пир во вр. чумы); *Егери* (Гоголь, Рим) и: встают молодцы *егеря* (Жуковск., Ночной смотр); Искуснейшие *лекари* (Лажечн., Лед. дом, 4, 9) и: *лекаря*, придворные (Там же, 4, 11), мучат смертных *лекаря* (Пушк., Тень Фонвизина); Амура в *маклеры* теперь же выбираю (В. Пушк., Договор с Нисою) и: *маклера* (Моск. телеграф, 1834, № 3); *Профессоры* (А. Тург., п. Вяземскому, 28 мая 1825) и: почти все *профессора* (Н. Тург., п. А. Тургеневу, 24 дек. 1808/5 янв. 1809); Площадные *цензоры* своего времени (Лажечн., Лед. дом, 3, 1) и: *цензора* наши (Н. А. Полевой, п. А. А. Бестужеву, 1830) [150]. Отмечены также колебания форм: *корпусы* и *корпуса*, *неводы* и *невода*, *округи* и *округа*, *парусы* и *паруса*, *писари* и *писаря*, *поясы* и *пояса*, *ротмистры* и *ротмистра*, *сторожи* и *сторожа*, *суды* и *суда*, *теремы* и *терема*, *учители* и *учителя*, *флигели* и *флигеля*, *хуторы* и *хутора*, *черепы* и *черепа*, *ястребы* и *ястреба* и др.

В первой половине XIX в. можно встретить употребления форм на *-á* от существительных, в современном языке не образующих этих форм:

Мне признаются *автора* (Хмельницк., Актеры между

[150] Пример взят из книги Л. А. Булаховского «Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис», стр. 66.

собой); собратья-*автора* (Шевырев, Кошмар) [151]; *Града* пылали (Ф. Глинка, Судьба Наполеона); опоясал *рубежа* Франции (С. Глинка, Зап. о М., 7); Застучали *молота* (Бенедикт., Прометей); *Слога* нельзя разделить на три рода (Белинск., Русск. лит-ра в 1843 г.).

Формы на *-á* не образовывались от существительных с ударением на последнем слоге; этим объясняется отсутствие форм на-*á* у слов *паспорт*, *рапорт*: в конце XVIII — нач. XIX в. эти слова имели ударение на последнем слоге: *паспóрт*, *рапóрт* (см. Сл. АР, Сл. 1847 г.).

§ 32. В первой половине XIX в. продолжается для отдельных слов начавшийся уже в XVII—XVIII вв. процесс семантической дифференциации форм на *-ы* и на *-á*. Так, например, формы *образы* и *образа* уже для начала XIX в. являются формами разных слов [152].

В начале XIX в. еще возможны были колебания в употреблении форм *цветы* и *цвета* в значении «окраска, колер», например: Научился такому расцвечению, к которому подходят *цветы* редкого живописца позднейшего времени (Кюхельб., Отр. из путеш., 13/26 ноября 1820, Мнемоз., 1824, ч. 1).

В сочетании *на хлеба* (на пропитание) в первой половине XIX в. была еще употребительна форма *хлебы*: пойти *на хлебы* к семейному солдату (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3); не принимали *на* казенные *хлебы* (Вельтм., Саломея, 1, II).

Некоторые формы на *-и* закрепляются за устойчивыми сочетаниями; такова, например, судьба форм *боки* (уже Ломоносовым была признана в качестве единственной форма *бокá*), *веки*, *краи* и др.: *руки в боки*, *во-веки*, *на веки*, *во веки веков*, *в кои-то веки*.

Форма *краи* в значении «страны» в XVIII и первой половине XIX в. обычна в сочетании с определением «чужие»; в сочинениях Пушкина форма *краи* употреблена дважды и только с этим определением: *в чужие краи* (Участь моя решена, я женюсь...); просит позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в *чужие краи* (п. Ник. I, 11 мая — перв. пол. июня 1826); См. также: в отдаленные *краи* Европы (С. О., 1812, № 5) [153].

В первой половине XIX в. уже обозначился выход из общего употребления отдельных форм на *-ы* (*-и*). Так, например, в стихотворной речи сосредоточиваются формы *кóлоколы*, *роги*, *снеги* и др.:

Целые ветви, Розами пышно обвитые, словно *роги*, торчали (А. А. Дельв., Конец золотого века); И на *роги* мои и на боро-

[151] Примеры взяты там же.

[152] Еще в XVII в. была возможна форма *образы* в значении «иконы». См.: А. С. Фидровская. Указ. дисс., стр. 44.

[153] См. примеры употребления сочетания *чужие краи*, приведенные Л. А. Булаховским («Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис», стр. 65) и В. И. Чернышевым («Правильность и чистота русской речи», вып. 2, стр. 65).

ду злился (А. А. Дельв., Купальницы); И Серна, преклоняя *роги*, Глядится в зеркальной скале (Марл., Шебутуй); венком украсив *роги* (Пушк., Фавн и Пастушка); Плющом опутаны их *роги* (Пушк., Торжество Вакха)[154]; благотворны *снеги* (Пушк., Домовому)[155]; мороз, ухабы, вьюги, *снеги* (Вяземск., Зимн. карикатуры); *снеги* полей (Языков, Разгульна, светла и любовна...)[156].

§ 33. В 30—50-е годы круг слов, образующих формы на *-á*, расширяется за счет профессионализмов, получивших в это время доступ в литературу, а через ее посредство и в литературный язык. В этом отношении показательно употребление этих форм от слов-терминов в повести Гончарова «Фрегат Паллада»: *бензеля*, *боцмана*, *катера*, *леера*, *лиселя*, *шкипера*, *штурмана* (последнее в речи матроса), при употреблении в той же повести форм *жёлобы*, *домы*, *учители* [157]. Быстрое распространение форм на *-á* вызвало противодействие со стороны ревнителей правильности русского языка, видевших в распространении ненормативной формы на *-á* следствие «грамматической анархии». Помимо рекомендательных перечней в грамматиках, в периодической печати 40-х годов стали появляться статьи, авторы которых пытались искусственно определить условия, ограничивающие образование форм на *-á* [158].

Таким образом, к середине XIX в. в литературном языке форма именит. на *-á* получила продуктивность и стала полноправным средством обозначения мн. ч. Утверждение формы на *-á* в литературном языке, ее продуктивность при образовании именит. мн. от существительных — названий профессий свидетельствуют о большой распространенности этих форм в разговорной и профессиональной речи.

Формы на *-á* во второй половине XIX в.

§ 34. Во второй половине XIX в. употребительность форм именит. мн. на *-á* продолжает возрастать. «Окончание *-а*, *-я* во множественном числе имен мужск. р.,— писал Грот,— чрезвычайно распространено в языке и, можно сказать, беспрерывно делает в нем новые завоевания» [159]. В отличие от начала и первой половины XIX в., теперь эти формы характеризуются как

---

[154] В современном языке форма *роги* образуется от слова *рог* в значении «сосуд для вина»: ходят *роги* с пивом старым (Н. Тихонов, Серго в горах); поднимают *роги*, наполненные вином (Форш, Камо, 1).

[155] Это единственное у Пушкина употребление формы *снеги*; форма *снега* употреблена 10 раз.

[156] Форма *снеги* в поэзии сохраняется: на серебряные *снеги* (Бунин, Что ты мутный, светел-месяц).

[157] См.: Т. А. Иванова. Указ. дисс., стр. 127—128.

[158] Анализ одной из таких статей, напечатанной в журнале «Маяк» в 1842 г., см. в дисс. Т. А. Ивановой, стр. 124—126.

[159] Я. К. Грот. Филологические разыскания, I, стр. 385.

нормальные. Грот писал: «Вовсе несправедливо смотреть на него (окончание *-á.—В. Р.*) как на окончание неправильное, и на имена, принимающие его, как на исключения. Напротив, оно именам мужск. р. столько же свойственно, как и средним» [160].

Употребление форм на *-á* отмечается всеми грамматиками второй половины века. Констатируя возможность двоякого образования формы именит. пад. мн. ч., грамматики отмечают дифференциацию форм на *-á* и *-ы*, *-и*. Так, Буслаев, Грот и другие указывают, что «двояким окончанием язык пользуется иногда для отличения разных значений слова» [161]; примеры традиционны: *мехи* и *меха́*, *образы* и *образа́*, *хлебы* и *хлеба́*, *цветы* и *цвета́*.

Во второй половине века укрепляется употребление форм на *-á* от существительных — названий лиц по профессии, причем круг слов, образующих эти формы, расширяется с утверждением в языке иноязычных заимствований.

Следует указать, что помимо отмечавшихся дублетных форм на *-ы*, *-и* и *-á* в литературном языке могли употребляться и формы именит. мн. на *-ы́*, *-и́*. Эти формы, в отличие от книжных форм на безударные *-ы*, *-и*, С. П. Обнорский считал исконнорусскими и народными [162]. Распространение их в литературном языке, по-видимому, совпало со временем активизации форм на *-á*, и было связано с морфологизацией ударения (т. е. акцентологической противопоставленностью форм ед. и мн. ч.) [163]. В связи с этим в ряде слов с односложной и двусложной основой во всей парадигме мн. ч. наблюдается передвижка ударения с основы на окончание. Так, например, в начале XIX в. *ба́лы*, *ба́лов*, *ба́лам* — во второй половине века *балы́*: А там *балы́*, блестящий двор (Некр., Русск. женщины,Кн. Трубецкая, 2); на *балы́*, концерты, вечеринки (Курочк., Макар и Телема); по вечерам, да по *бала́м* (Тург., Помещик); на тех *бала́х* (Там же). Аналогичные изменения характерны для форм *бо́и*, *бо́ев*, *бо́ям* (в начале XIX в.) и *боёв*, *боя́х*, *боя́м*; *пе́рсты* и *персты́*; *ми́ры*, *ми́ров* (в конце XVIII — нач. XIX в.) и *ми́ры́*, *миро́в* (см. в конце XVIII в.: все светящи *ми́ры*. Держ., Бог; Сей цепи *миров*. Богд., На разрушение Лиссабона). Появляются «трехчленные» ряды соотношений: *ве́тры—ветра́* и *ветры́*; *гро́бы — гроба́* и *гробы́*; *сто́ги — стога́* и *стоги́*: *Ветры́* из тундры с океана (Бунин, Листопад); Ой *стоги́*, *стоги́* (А. К. Толст., Ой стоги, стоги...); Влачатся тяжкие *гробы́* (Анненск., Зимний поезд); Ступая на *гробы́* (Волошин, Lunaria, VII .

В литературе второй половины XIX в. зафиксированы как дублетные формы: *а́дресы* и *адреса́*, *ве́ксели* и *векселя́*, *ве́нзели* и *вензеля́*, *ве́тры*, *ветра́* и *ветры́*, *во́зы*, *воза́* и *возы́*, *во́лосы* и *волоса́*, *го́ды* и *года́*, *гро́бы*, *гроба́* и *гробы́*, *до́мы* и *дома́*, *конду́кторы* и *кондукторá*, *ме́сяцы* и *месяцá*, *ми́чманы* и *мичмана́*, *по́езды* и

---

[160] Я. К. Грот. Филологические разыскания, I, стр. 385.

[161] См.: Ф. И. Буслаев. Ист. грам., Этимология, § 97, стр. 220.

[162] С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, Л., 1931, стр. 52.

[163] На противопоставленность по ударению форм ед. и мн. ч. и ее роль в утверждении формы на *-á* обращали внимание И. В. Ягич («Критические заметки по истории русского языка», СПб., 1889, стр. 114), Н. Н. Дурново («De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne», стр. 242), Р. Якобсон («The relationship between genitive and plural in declension of russian nouns», стр. 185—186) и др.

поезда́, *профе́ссоры* и *профессора́*, *сто́ги*, *стога́* и *стоги́*, *учи́тели* и *учителя́*, *то́рмозы* и *тормоза́*, *фе́льдшеры* и *фельдшера́* и др.

Возы и обозы (Боборык.; Китай-город, 1, II) и: *воза* собирай (Левитов, Накануне Христова дня); *ми́чманы* (Купр., Штабс-кап. Рыбников, III) и: *мичмана́* (Станюк., Маленьк. моряки, XI) [164], *то́рмозы* (Купр., Лазурн. берега, VIII) и: *тормоза́* (Гарин-Мих., Вариант, III; Корол., Феодалы, VII); *фе́льдшеры* (Пирогов, Дневн. стар. врача. ЛК) и: *фельдшера́* (Л. Толст., Севаст. в мае, 8; Чех., ц. Н. А. Лейкину, середина июля 1884; п. М. П. Чеховой, 14—17 мая 1890; Гл. Усп., Грехи тяжкие, IV) и др. Кроме того, см. употребления форм на *-а́* от существительных — названий профессий: *кельнера́* (А. Дост., Дневн., 1 мая 1867); *кондуктора́* (А. К. Толст., Портрет, 29); *кучера́* (Тург., Льгов; Боборык., Китай-город, 1, I); судебные *приста́в* (Кони, Воспом. о деле В. Засулич); *слесаря́* (Дост., Зап. из. М. дома, 1, I; Униж. и оскорбл., 1, I); также *писаря́*, *повара́*, *конюха́*, *дьякона́* и т. п.

Как и в первой половине века, формы на *-а́* продолжают раздражать пуристов. Одни осуждают выражения вроде: «дешево печатать *адреса*» [165]; другие сетуют на употребление *поезда* вместо *поезды*: «*поезда* вместо *поезды* ныне во всеобщем употреблении, но совершенно неправильно и неизвестно на каком основании» [166].

§ 35. Во второй половине XIX — нач. XX вв. продолжается процесс семантической дифференциации форм на *-а́* и на *-ы*, *-и* (закрепление формы за одним из значений). Так, например, форма *месяца́* возможна от слова *месяц* только в значении «единица исчисления времени» и не может быть образована от того же слова в значении «светило»; ср.:

Пройдут *года́*... Быть может, *месяца́* (Анненск., Другому) [167] и: Вставали *месяцы* и снова потухали (Случевск., Давным давно тебя похоронил я... Совр., 1860, т. LXXXI), см. также в современной поэзии: Круглые будто *месяцы* (Сельвинский, Как делается лампочка); Шли годы, ползли *месяца́* (Антокольский, Седовцы).

Формы *учи́тели* — *учителя́*, первоначально употреблявшиеся как дублеты, обнаруживают тенденцию закрепиться за разными

[164] Ср.: А юнкера флота тоже могут произвести в *мичманы*? — Так точно, в *мичмана* (Соболев, Капитальный ремонт, 1).

[165] И. Николич. Неправильности в выражениях, допускаемые в современной печати. «Филол. зап.», 1878, вып. 1, стр. 28—29.

[166] См.: В. В. Виноградов. Очерки, стр. 435. Следует заметить, что форма *поезды* сохраняла употребительность вплоть до 80-х годов, например: *Поезды*, состоящие каждый из четырех пассажирских вагонов (Осколки, 1881, № 7); да и *поезды* на той дороге редко (Гарш., Сигнал).

[167] В стихах возможно равное употребление форм *месяца́* и *ме́сяцы*, см., например: Но проходили *месяцы* (Гумилев, Пятистопные ямбы); см. в современной поэзии: Сливались *месяцы* и числа (Антокольский, В переулке за Арбатом).

значениями слова: *учителя́* — за прямым и *учи́тели* — за переносным. Например: попадьи, *учителя*, купцы (Помяловск., Молотов); в *учителя* (Дост., Униж. и оскорбл., 2, V) и: Немцы в этом наши *учители* (Тург., Отцы и дети, VI); *учители* и руководители ее умственной жизни (Русск. вестн., 1870, т. LXXXVI, № 3). Правда, на рубеже XIX—XX вв., когда формы на *-а́* особенно активизировались, возможна была форма на *-а́* и при переносном употреблении. Так, у В. И. Ленина отмечены сочетания *учителя социализма*, *учителя эмпириокритицизма*, *учителя жизни* [168]. Но форма *учителя́* была невозможна в сочетании *учители церкви*.

Форма *кренделя* закрепилась за сочетанием *выделывать кренделя*, очевидно, пришедшим в литературный язык из разговорной речи и сохранившим свою «разговорность» [169], в то время как основной была признана форма *крендели* [170].

Некоторые дублетные формы именит. пад. мн. ч., уже к середине XIX в. вышедшие из нормативного употребления, сохраняются в стихах. Так, форму *лёсы* можно встретить в стилизациях народных песен: За темные *лёсы*, за синие боры (Бунин, Мачеха). Форма *волоса*, употреблявшаяся в литературе обычно при передаче крестьянской речи [171], в стихах могла быть лишена оттенка просторечности:

Что солнечный луч, *волоса́* (Мей, Лорелея); и встали дыбом *волоса* (Полонск., Концерт); *Волоса́* мне шевелит (Анненск., Под новой крышей); Поправила сухие *волоса́* (Бунин, Последн. слезы).

§ 36. Авторы грамматик обычно обращают внимание на «разговорный» характер форм на *-а́* [172], а также на тот факт, что этой формой обладают названия предметов, «общепонятных народу» (Грот). Давыдов относит к «разговорному языку» окончание *-я* у слов, оканчивающихся на *-ь* и *-й* (при этом формы на *-а́* у существительных, оканчивающихся на *ь*, признаются нормативными) [173]. Грот, разделяя существительные, от которых образуются формы на *-а́* (*-я́*), на имена, исключительно оканчивающиеся на *-а́*(*-я́*), и на имена, принимающие также окончания *-ы*, *-и*, пишет, что «к первому разряду принадлежат названия самых простых предметов, наиболее известных и понятных народу, напр. *бока́*, *глаза́*,

[168] См.: А. С. Фидровская. Указ. дисс., стр. 70.

[169] См. употребление этого сочетания в «олитературенной» форме: принялся вытанцовывать замысловатые *крендели* (М.-Сиб., Человек с прошлым. ЛК).

[170] См. в Словаре II Отд. АН (1916, т. 4, вып. 9): «Из двух форм именит. пад. мн. ч. форма *кренделя́* употребительнее в переносном значении (*выделывать кренделя*), а форма *крендели* — в собственном (1-м) значении».

[171] См. в статье E. Haertel «Untersuchungen über Kasusanwendungen in der Sprache Turgenevs»: «в крестьянской речи *волоса*» (стр. 86).

[172] См. характерное замечание Будде: «Ныне таких форм становится все более и более, но прежде, при большей близости языка литературы к языку книг, чем к языку р а з г о в о р а (разрядка наша.— *В. Р.*), таких форм было меньше» (Е. Ф. Б у д д е. Очерк истории совр. лит. русск. языка (XVII—XIX вв.). Энциклопедия славянской филологии, вып. 12, СПб., 1908, стр. 91).

[173] См.: И. И. Д а в ы д о в. Опыт общесравнит. грам., стр. 153—154.

рога́, *леса́*, *луга́*, *берега́*, *вечера́*, *города́*, *острова́*, *кучера́*, тогда как имена высшего, более духовного значения терпят еще и книжное окончание, напр. *годы*, *веки*, *краи* (*чужие краи*), *промыслы*, *авторы*, *цензоры*, *ректоры*, и еще обыкновеннее трехсложные *директоры*, *профессоры*» [174].

Немаловажную роль в расширении сферы употребления форм на *-а́* сыграл приход в литературу разночинцев, с их новой тематикой, а следовательно и с новой лексикой, насыщенной не только просторечными словами и диалектизмами, но и профессионализмами [175]. Не случайно формы на *-а́* нередко снабжались соответствующими характеристиками. Например, о форме *ветра́*: «употребительна в нашем флоте» [176]; о форме *счета́*: «Торговый люд пустил в ход выраже́ние *счета́* как будто для отличия от существительного *счёты* (прибор для производства вычисления), но наука не принимает таких ничтожных соображений и опирается на смысл одной и той же формы в предложении» [177]. По-видимому, из военной среды пришла форма *офицера* [178]. К певческой речи восходят формы *дисканта*, *баса*; см., например, в рассказе Слепцова «Спевка»: — *Дишканта* и *альта* не входите в залу... — говорил регент. *Дисканта* и *альта* остались в передней; *тенора* и *баса* частью сидели в зале; *баса* взять верха; *тенора* валяй [179].

§ 37. Рост употребительности форм на *-а́* и интенсивный приток этих форм в язык литературы вызывали стремление регламентировать возможности их образования и использования. Это стремление нашло свое выражение в работе Грота «Об ударении имен существительных». В основу рекомендуемых правил Гротом

---

[174] Я. К. Грот. Указ. соч., стр. 390.

[175] Интересно следующее высказывание: «В звании литераторов и писателей явились люди не только без ученых степеней, без дипломов, без аттестатов, не писавшие прежде ни одной строчки, но даже таких профессий, которые не имели ничего общего ни с литературой, ни с наукой: откупщики, конторщики, бухгалтеры, столоначальники, офицеры, помещики, студенты, семинаристы, мещане, крестьяне — просто ужас! Столпотворение вавилонское! Все это... говорило не о материях важных, как было доселе, а бог знает о чем,— о чем прежде и говорить вовсе считалось неприемлемым; говорило, не обращая никакого внимания ни на благопристойность языка, ни на красоту» (Совр., 1854, № 3). См. подробнее об этом у В. В. Виноградова («Очерки», стр. 419, 421).

[176] Я. К. Грот. Указ. соч., стр. 111, 387, сн. 1.

[177] И. Николич. Указ. соч., стр. 28—29.

[178] Форма *офицера́* часто квалифицировалась как форма не нейтральная, с оттенком презрительности. См., например, следующее замечание Щербы, считавшего подобное отношение к форме субъективным: «В самом деле, каким другим может быть, например, наблюдение того, что форма *офицера́* имеет собирательный и несколько презрительный оттенок, тогда как форма *офицеры* является обыкновенным множественным числом?» (Л. В. Щерба. Опыты лингвистического толкования стихотворений. «Русская речь», I, Пг., 1923, стр. 17).

[179] См.: Т. А. Иванова. Указ. дисс., стр. 129.

были положены два признака: структура слова и ударение. Правила излагаются применительно к односложным, двусложным и трехсложным словам (основам.— *В. Р.*). Грот подчеркивает, что во всех случаях для окончания *-á* необходимо, «чтобы ударение в ед. ч. не было на последнем слоге. Оно должно быть на первом или на среднем»[180]. «Четырехсложные имена,— пишет Грот,— не употребляются с этим окончанием, напр.: *репетитор*, *экзаменатор*, *визитатор*»[181]. Правила иллюстрирует большой, но не исчерпывающий список слов, от которых возможно образование форм на *-á*.

Представляет интерес сопоставления списков таких слов у Востокова и Грота.

Востоков: *берег*, *бок*, *б о р о в*[182], *б р е г*, *век*, *вексель*, *вензель*, *вечер*, *в о з р а с т*, *глаз*, *год*, *голос*, *город*, *доктор*, *дом*, *егерь*, *жёлоб*, *жёрнов*, *к а т е р*, *кивер*, *колокол*, *короб*, *корпус*, *край*, *крендель*, *кузов*, *к у п о л*, *кучер*, *лекарь*, *л е с*, *л у г*, *мастер*, *мёд*, *мех*, *мичман*, *образ*, *орден*, *остров*, *откуп*, *парус*, *писарь*, *повар*, *погреб*, *полог*, *потрох*, *пояс*, *профессор*, *р е к т о р*, *рог*, *рукав*, *с н е г*, *с т о г*, *сторож*, *с т р у г*, *терем*, *тетерев*, *фактор*, *флагман*, *флигель*, *ф л ю г е р*, *х л е б*, *хлев*, *ц в е т*, *шелеп*, *шомпол*, *штемпель*, *якорь*, *ястреб*.

Грот: *берег*, *бок*, *в а х т е р*, *в е е р*, *век*, *вексель*, *вензель*, *в е р е д*, *в е р т е л*, *в е т е р*, *вечер*, *в о л о с*, *в ы м п е л*, *г е т м а н*, *глаз*, *год*, *голос*, *город*, *г р и ф е л ь*, *д и р е к т о р*, *доктор*, *дом*, *егерь*, *е ф р е й т о р*, *жёлоб*, *жёрнов*, *з а к р о м*, *и н с п е к т о р*, *кивер*, *колокол*, *к о н ю х*, *короб*, *корпус*, *край*, *крендель*, *кузов*, *кучер*, *лекарь*, *л е к т о р*, *л о ц м а н*, *м а к л е р*, *мастер*, *мех*, *мичман*, *н е в о д*, *н о м е р*, *образ*, *о к о р о к*, *орден*, *остров*, *откуп*, *парус*, *п е к а р ь*, *п е р е п е л*, *писарь*, *повар*, *погреб*, *полог*, *потрох*, *пояс*, *п р и с т а в*, *п р о м ы с л*, *профессор*, *рог*, *р о т м и с т р*, *рукав*, *р у п о р*, *сторож*, *т е н о р*, *терем*, *тетерев*, *т о р м о з*, *у ч и т е л ь*, *фактор*, *ф е л ь д ф е б е л ь*, *ф е р ш е л*, *флагман*, *флигель*, *ф у р м а н*, *хлев*, *х о л о д*, *ц е н з о р*, *ц и р к у л ь*, *ч е р е п*, *ш а ф е р*, *шелеп*, *ш к и п е р*, *шомпол*, *штемпель*, *ш т у р м а н*, *ю н к е р*, *якорь*, *ястреб*.

У Грота приведено 40 слов, не зарегистрированных Востоковым (формы на *-á* от некоторых из этих слов, правда, были употребительны и в первой половине XIX в.: *веерá*, *ветрá*, *маклерá*, *невóдá*, *цензорá*, *черепá*). Из этих 40 слов 25 — иностранные заимствования; это свидетельствует о сохранении продуктивности форм на *-á* в XIX в. Наибольшая продуктивность отмечена для названий профессий (20 слов).

§ 38. Употребительность форм на *-á* по-прежнему сохраняет активность за пределами литературного языка[183]. Причем роль акцентологического фактора здесь, как, впрочем, и в разговорной речи, заметно уменьшается, уступая место факторам морфологическому и семантическому, а также фактору аналогии. Именно поэтому становится возможным, с одной стороны, возникновение таких акцентологически незакономерных форм, как *инженерá* и *офицерá*, и, с другой стороны, широкое образование форм на *-á*

---

[180] Я. К. Грот. Указ. соч., стр. 389.
[181] Там же.
[182] Разрядкой даны слова, отмеченные только в одном из списков.
[183] См. об этом: В. В. Виноградов. Очерки, стр. 439.

в области производственно-технической терминологии и в названиях лиц по профессии [184].

Именно поэтому в конце XIX — нач. XX в. стремление «оградить» литературный язык от употребительности форм на *-á* возрастает. Ставится вопрос о «правильности», «литературности» этих форм, учитывается круг и сфера распространения слов, образующих форму на *-á*. Исходя из этих оценок, формы *брустверá*, *офицерá* (Л. Толстой), *лемехá* (Короленко), *лацканá* (Боборыкин) в языке литературы воспринимаются как свойственные не общему литературному употреблению, а только определенному социальному или профессиональному кругу лиц; как связанные с узкой профессиональной сферой расцениваются формы *буравá*, *молотá*, *горнá*, *ходá* и т. п.

В конце 80-х годов В. Долопчев в «Опыте словаря неправильностей в русской разговорной речи» предлагает считать неправильными следующие образования на *-á*: *ветрá*, *месяцá*, *офицерá*, *репетиторá*, *трудá*, при правильных *вéтры*, *мéсяцы*, *офицéры*, *репетúторы*, *труды́*. Гораздо богаче предлагаемый им список «правильных» форм на *-á*: *веера*, *егеря*, *катера*, *корпуса*, *кренделя*, *откупа*, *паруса*, *перепела*, *писаря*, *повара*, *полуострова*, *поезда*, *пояса*, *пристава*, *рога*, *терема*, *тетерева*, *фактора*, *флигеля*, *флюгера*, *шафера*, *шкипера*, *шомпола*. Кроме того, В. Долопчев предлагает следующие образования на *-á* считать «лучше», чем образования на *-ы*, *-и*: *вензеля*, *грифеля*, *купола*, *лоцмана*, *мичмана*, *невода*, *потроха*, *профессора*, *циркуля*, *штемпеля*, *штурмана*, *якоря* [185]. Интересно, что сам автор в предисловии отмечает некоторую субъективность своих оценок [186].

В начале XX в. французский исследователь Л. Больё на основании ряда словарей конца XIX в. и «Русской грамматики» Востокова составил список 170 слов, образующих формы на *-á*. В этот список вошло большое число разговорных образований и «профессионализмов», таких, как *бондаря́*, *буравá*, *дрягиля́*, *дупеля́*, *дьюбеля́*, *клапанá*, *клеверá*, *клинкерá*, *кобеля́*, *колерá*, *лацканá*, *лихтерá*, *малярá*, *ниппеля́*, *понтерá*, *прессá*, *промыслá*, *пуделя́*, *ротмистрá*, *румпеля́*, *сеттерá*, *тендерá*, *тигеля́*, *фершелá*, *фурманá*, *фухтеля́*, *цепá*, *шаберá*, *шкивá*, *штепселя́*. Формы *арбузá*, *весá*, *желудя́*, *кустá*, *приискá*, *старостá*, *футá*, *штрафá* отмечены как неупотребительные в литературном языке.

---

[184] А. С. Фидровская. К вопросу о процессе и факторах новообразования на *-а* в именит. пад. мн. ч. существительных мужского рода. «Уч. зап. Казанского гос. ун-та», 1952, т. 112, кн. 6, стр. 43.

[185] В. Долопчев. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Одесса, 1886.

[186] См. там же, Предисловие, стр. III—IV. О «вкусе» как возможном, но не основном критерии в определении «правильности» формы см. также у Л. Больё (L. Beaulieux. L'extension du pluriel masculin en-*á*, *-я* en russe moderne. «Mémoires de la société de linguistique de Paris», t. 18, в. 2, 1913, стр. 218).

Вот список всех приведенных в работе Л. Больё форм на *-á*, а также форм на *-á*, допускающих дублеты на-ы: *áдрес — áдресы* и *адресá*; *аптекарь — аптéкари* и *аптекаря́*; *бéрег — берегá*; *библиотекарь — библиотéкари* (и *библиотекаря́*); *бóй — бои́* или *бóи* и *боя́*; *бок — бокá* (и *бóки* только в выражении *руки в боки*); *бóндарь — бóндари* и *бондаря́*; *бóров — боровá* и *бóровы*; *борт — борты́* (и *бортá*); *бóцман — бóцманы* (и *боцманá*); *бурáв — бурáвы* и *бурáвá*; *бýфер — буферá*; *бег — бегá*; *вéксель — векселя́* (*вéкселя*); *вéксели*); *вéнзель — вензеля́* (*вéнзели* вышло из употребления); *вéред — вередá*; *вéртел — вéртелы* и *вертелá*; *верх — верхú* (и *верхá*); *вéчер — вечерá* (*вéчеры* вышло из употребления); *воз — возы́* и *возá*; *вóлос — волосá*, *вóлосы* (и *волóсья*); *вóрох — ворохá* и *вóрохи*; *вы́мпел — вымпелá* и *вы́мпелы*; *вéер — веерá* (и *вéеры*); *век — векá* и *вéки* (только в выражении *во веки веков*); *вéтер — вéтры* и *ветрá*; *глаз — глаза*; *год — годá* и *гóды* (в выражении *двадцатые годы, сороковые годы*); *гóлод — голодá*; *гóлос — голосá*; *гóрод — городá*; *грúфель — грифеля́* и *грúфели*; *гроб — гробá*, *грóбы* и *гробы́*; *дом — домá* (и *дóмы*); *дря́гиль — драгиля́* и *дря́гили*; *дýпель — дупеля́*; *дья́вол — дья́волы* (и очень редко — *дьяволá*); *дья́кон — дья́коны* (и *дьякóна*); *дью́бель — дьюбеля́*; *éгерь — егеря́* (и *éгери*); *жёлоб — желобá*, *жёлобы* и *желóбья*; *жéмчуг — жéмчуги* и *жемчугá*; *жёрнов — жерновá*; *жёров — жеровá* и *жёровы*; *зáкром — закромá* и *зáкромы*; *кáтер — катерá* (*кáтеры* вышло из употребления); *кúвер — киверá* (*кúверы* вышло из употребления); *кúвес — кúвесы* и *кивесá*; *кúтель — кителя́*; *клáпан — клáпаны* и *клапанá*; *клéвер — клеверá*; *клúвер — кливерá*; *клúнкер — клинкерá*; *кобéль — кобелú*; *кобелú*; *кóлер — колерá*; *кóлоб — кóлобы*, очень редко *колобá* (и *колóбья*, *-ьев*); *кóлокол — колоколá*; *кóнсул — кóнсулы* и *консулá*; *кóнюх — кóнюхи* и *конюхá*; *кóроб — коробá* (и *кóробы*); *кóрпус — корпусá* и *кóрпусы*; *край — края́* и *крáю*; *крéндель — кренделя́* и *крéндели*; *кýзов — кузовá* (и *кýзовы*); *кýпол — куполá* и *кýполы*; *лáцкан — лáцканы* и *лацканá*; *лúхтер — лихтерá*; *лóцман — лоцманá* и *лóцманы*; *луг — луга́*; *лéкарь — лекаря́* и *лéкари*; *лес — лесá*; *маля́р — маляра́* (и *маляры́*); *мёд — медá* (*мёды*); *мóлот — мóлоты — молотá*; *мех — меха*, *мехú*; *нéвод — неводá* (и *нéводы*); *нúппель — ниппеля́*; *нóмер — номерá*; *óбод — обóдья*, *ободá* и *óбоды*; *óбраз — образá* (икона), *óбразы*; *обшлáг — обшлагá* (и *обшлагú*); *óвод — óводы* и *оводá*; *óкорок — окорокá* (и *óкороки*); *óкруг — округá* (и *óкруги*); *óрден — ордена́*, *óрдены* (религиозные); *óрдер — ордерá* и *óрдеры*; *óстров — островá*; *óткуп — откупá* и *óткупы*; *пáрус — парусá* (*пáрусы* — вышло из употребления); *пáспорт — паспортá* и *пáспорты*; *пéкарь — пекаря́* и *пéкари*; *перёд — передá* и *пéреды*; *пéрепел — перепелá*; *пúсарь — писаря́* и *пúсари*; *пóвар — поварá* (*пóвары* вышло из употребления); *пóвод — повóдья*, *поводá* (вожжи), *пóводы*; *пóгреб — погребá*; *пóлог — пологá*; *пóнтер — понтерá*; *порт — порты́* (и *портá*); *пóстав — поставá* и *постáвы*; *пóтрох — потрохá* (*пóтрохи*); *пóезд — поездá* (*пóезды*); *пóяс — поясá* (кушак) (и *поясья*, *-ьев*), *пóясы*; *прéсс — прéссы* и *прессá*; *прúстав — приставá* (*прúставы*); *прóвод — проводá* и *прóводы*; *прóмысел — прóмыслы* и *промыслá*; *пýдель — пуделя́* (*пýдели*); *рог — рогá* (*рóги* — вышло из употребления); *рóтмистр — рóтмистры* и *ротмистрá*; *рукáв — рукавá*; *рýмпель — румпеля́*; *рýпор — рýпоры* и *рупорá*; *сéктор — секторá* и *сéкторы*; *сéттер — сеттерá*; *слесарь — слесаря́* и *слéсари*; *слой — слóи* или *слоú* и *слоя*; *служúтель — служителя́* и *служúтели* (церковнослужители); *смотрúтель — смотрителя́* и *смотрúтели*; *снег — снегá* (*снéги* — только в народных песнях); *сóкол* или *сокóл — сóколы* или *сокóлы* и *соколá*; *сорт — сортá*; *сóус — сóусы* и *соусá*; *стог — стогá* и *стогú*; *стóрож — сторожá*; *стрéпет — стрепетá* и *стрéпеты*; *струг — стругá* (*струги*); *устáв — устáвы* и *уставá*; *счёт — счетá* и *счёты*; *тéндер — тендерá* и *тéндеры*; *тéрем — теремá* (*тéремы*); *тéтерев — тетеревá*; *тúгель — тигеля́*; *том — томá* (и *тóмы*); *тон — тóны* (и *тонá*); *тóполь — тополи* и *тополя́*; *тóрмоз — тормозá* (*тóрмозы*); *учúтель — учителя́* (*учúтели*); *фельдфéбель — фельдфебеля́* и *фельдфéбели*; *фéршел — фершелá* и *фéршелы*; *флáгман — флáгманы* и *флагманá*; *флúгель — флигеля́* (и *флúгели*); *флю́гер — флюгерá* (и *флю́геры*); *фýрман — фурманá*; *фýхтель —*

фухтеля́; *хлеб — хле́бы*; *хлеба́*; *хлев — хлева́*; *ход — ход*а́ (*ходы* или *ходы*); *хо́лод — холода́*; *хому́т — хомуты́* и *хомута́*; *ху́тор — хутора́* и *ху́торы*; *цвет — цвета́, цветы́* (цветок); *ци́ркуль — циркуля́* (и *ци́ркули*); *цо́коль — цо́коли* и *цоколя́*; *цеп—цепа́*; *че́реп—черепа́* (*че́репы*); *ша́бер—шабера́*; *ше́леп — шелепа́*; *шёлк — шелка́*; *шинка́рь — шинкаря́* (и *шинкаря́*); *шкив — шкива́* и *шки́вы*; *шо́мпол — шомпола́* и *шо́мполы*; *штёмпель —штемпеля́* (и *штёмпели*); *штёпсель — штепселя́*; *шту́рман — шту́рманы* и *штурмана́*; *шту́цер — штуцера́* и *шту́церы*; *я́корь — якоря́* и *я́кори*; *я́стреб —ястреба́* и *я́стребы* [187].

§ 39. В XX в. в употреблении форм на *-а́* намечаются некоторые изменения тенденций. Сохраняя продуктивность, эти формы ограничиваются в употреблении в литературном языке. После некоторого «взлета» в 20—30-х годах, когда распространились такие формы, как *выбора́, договора́, цеха́, трактора́, клуба́, пресса́, инженера́, редактора́, автора́* и под.[188], наступила пора более строгого их ограничения [189]. За пределами литературной нормы остаются формы, распространенные в узкой профессиональной среде; с другой стороны, «намечается определенная зависимость окончания от частотности слова в речи» [190].

Итак, в соотносительном употреблении форм на *-а́* и на *-ы*, *-и* на протяжении XIX в. произошли существенные изменения. Еще в первой половине XIX в. формы на *-а́* были возможны только от ограниченного круга слов — главным образом от названий неодушевленных предметов, а из одушевленных — от названий лиц по профессии. Однако круг слов, образующих эти формы, неуклонно возрастал: в него вовлекались слова с односложной, двусложной и реже с трехсложной основой, называющие как одушевленные, так и неодушевленные предметы, сохраняющие при склонении ударение на основе или на первом слоге двусложной основы в формах ед. ч.; при трехсложной основе образование формы на *-а́* (*-я́*) возможно в том случае, если ударение приходилось на первый или второй слог.

Развитие и рост употребления форм на *-а́* от существительных мужск. р. при существовании традиционных форм на *-ы* (*-и*), считавшихся «правильными», создали в литературном языке дублетные формы на *-ы* (*-и*) и на *-а́* (*-я́*).

Во второй половине XIX в. процесс образования форм на *-а́, -я́* от слов как русских, так и иноязычных не прекращается. Продуктивность форм на *-а́* поддерживается действием аналогии. Одновременно развиваются ограничительные тенденции, норма-

[187] L. Beaulieux. Указ. соч., стр. 203—210.

[188] См.: С. П. Обнорский. Русское правописание и язык в практике издательств. «Изв. АН СССР. ООН», 1934, № 6, стр. 471.

[189] Характерно, что в Словаре Ушакова как просторечные квалифицируются формы *бухгалтера́, ветра́, лагеря́, почерка́, редактора́, сектора́* и др., зарегистрированные в XIX в. как нормативные.

[190] Д. Н. Шмелев. Некоторые вопросы развития и нормализации совр. русск. языка. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1962, № 5, стр. 430. См. также: Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962, стр. 67.

лизующие и регламентирующие употребительность этих форм. Так, например, ограничивается приток в литературный язык просторечных образований, а также образований, свойственных профессиональной речи.

Нормализация употреблений форм на *-á* — и в XIX в. и позднее — действует лишь в пределах литературного языка и не распространяется на просторечье и на профессиональную речь.

Изменения в употреблении форм именит.-винит. пад. на -ья (-*ja*)

§ 40. Формы именит. пад. мн. ч. на *-ья* (*-j-a*) образуются от существительных мужск. р. как неодушевленных, так и одушевленных. Эти формы восходят, очевидно, к собирательным существительным женск. и средн. р. типа *братия* и *прутие*, *листие* [191]. Развитие форм на *-ья* как форм мн. ч. было, по-видимому, связано также с эволюцией форм мн. ч. существительных, принадлежащих к древним основам на *-i* (*гостие*, *людие*) и на *-й* (*сыновье*).

При собирательных существительных уже в древности глагольное сказуемое ставилось в форме мн. ч. (в отличие от определений, ставившихся обычно в ед. ч.[192], что способствовало объединению в этих существительных значений собирательности и множественности и превращению *-ья* в показатель мн. ч.).

Такое «переосмысление» сочетания *-ья* (из приметы собирательности в показатель мн. ч.) не повлекло за собой, однако, выхода из употребления собирательных существительных с суффиксом *-ие*, известных памятникам XVI, XVII и начала XVIII в. Еще Ломоносов в своей грамматике отмечал возможность их употребления. Собирательные на *-ие* от существительных неодушевленных можно встретить на всем протяжении XIX в., главным образом в стихах.

Под *оконьем* таскался (Крыл., Фортуна и Нищий); Хоть *листьем*, правда, он одет (Крыл., Хмель); Венчанны *гроздьем*, обнаженны, Бегут вакханки по горам (Пушк., Торжество Вакха); Хлеб за труды земледельцев рождает Димитра, *Гроздие* — Вакх (Катен., Элегия); Закидаем *вишеньем*, *Вишеньем*, малиною (Пушк., Е. О., 3, Песня девушек); увенчает *Листьем* душистым (А. Майк., Приапу); Смотри, как *листьем* молодым Стоят обвеяны березы (Тютч., Первый лист); боюся *батожья* (Огарев, Арестант); бить *батожьем* (А. К. Толст., Змей Тугарин, 12); воз *каменьем* нагружен (А. К. Толст., Дракон, 87); плодовый сад с оранжереями и теплицами, с яблонями и *вишеньем* (С.-Щ., Благонамер. речи, VII); все кости как будто *палочьем* перебиты (С.-Щ., Письма к тетеньке, 9); [Промысловые работы] велись... военною рукой, с выслугой лет, *палочьем* и солдатской муштрой (М.-Сиб., Золото, 1, III). См. позднее: Вдруг намашет страстной болью, Черным *крыльем* воронье (Блок, Всё б тебе желать веселья...).

---

[191] См.: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 61; П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русск. языка, стр. 55. См. также: А. А. Шахматов. Историческая морфология русск. языка, стр. 260—263, 332—335; А. И. Соболевский. Лекции по истории русск. языка, стр. 220—221 и др.

[192] П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 56.

В современном литературном языке образование и употребление собирательных на *-ие*, *-ье* от существительных неодушевленных непродуктивно; образования на *-ьё* (всегда с ударением) от существительных одушевленных сохраняют употребительность, например, *бабьё*, *вороньё*, *зверьё*, *дурачьё*, *кулачьё* и т. п.

Переход *-ья* (*-j-a*) как показателя множественности (правда, с оттенком собирательности, совокупности) в один ряд с флексиями *-ы*, *-и*, а позже и с флексиями *-á*, *-я́* создал возможность двоякого, а в некоторых случаях даже троякого образования формы именит. пад. мн. ч. от одного и того же существительного. См. у Ломоносова: «Некоторые имена во множественном именит. вместо *-ы* принимают *-ья*: *брус*, *брусья*; *лоскут*, *лоскутья*; *кол*, *колья*; *лист*, *листья*; *кус*, *кусья*; *клок*, *клочья*; *пень*, *пенья*; однако ж говорят и *листы* и *пни*. Они все употребляются и в ед. ч. на *-ье*, в средн. р. имея силу множественного: *брусье*, *колье*, *листье*» (Росс. грам., § 194). В «Материалах к грамматике» встречаются еще формы *дубья* (стр. 612); *стулья* (стр. 631); *други*, *друзья*; *батоги*, *батожья*; *сыновья*, *деревья*, *прутья*, *колья*, *перья* (стр. 645). Ломоносов обращает внимание и на возможность образования форм на *-ья* от существительных средн. р.: *крыло*, *крылья* или *крылье*; *полено*, *поленья* (§ 202) (см. приводившиеся выше *деревья*, *перья*).

§ 41. О возможности двоякого образования форм. мн. ч. (на *-ы*, *-и* и на *-ья*) для ряда существительных мужск. и средн. р. пишут грамматисты и в XIX в., отмечая также и возможность образования только одной формы — на *-ья*. В некоторых грамматиках начала XIX в. форма на *-ья*, очевидно, в силу своего отличия от традиционных книжных форм именит. пад. мн. ч., квалифицируется как просторечная. Так, у Орнатовского читаем: «Некоторые же имена в п р о с т о р е ч и и (разрядка наша.— *В. Р.*) кончатся в именит. мн. на *-ья*, в родит. на *-ьев*, а иные на *-ей*, напр.: *брат*, *братья*, *братьев*; *брус*, *брусья*, *брусьев*; *кол*, *колья*, *кольев*; *друг*, *друзья*, *друзей*; *сын*, *сыновья*, *сыновей* и проч.» [193] В примечаниях к склонению существительных средн. р. Орнатовский указывает следующие вариантные формы: *дерево*, *дерева* и *деревья*; *крыло*, *крыла* и *крылья*; *полено*, *поленья*; *перо*, *перья* [194].

«Существительные... *зуб*, *луб*, *струп*, *череп*, *ком*, *клин*, *кочан*, *чéрен*, *кол*, *копы́л*, *стул*, *бо́д*, *брат*, *лист*, *лóскут*, *прут*, *пóлоз*, *брус*, *кус*, *кóлос*, *батóг*, *клок*, *крюк*, *сук*,— пишет Востоков,— а также существительные *камень*, *корень*, *уголь*, *волдырь*, *пузырь*, *пупырь* во мн. ч. склоняются: *ья*, *ьев*, *ьям* и т. д.» [195] «Подобное же склонение на *ья*, *ьев*,— продолжает Востоков,— принимают во мн. ч. существительные... *дерево*, *полено*, *звено*, *дно*, *крыло*,

---

[193] И. О р н а т о в с к и й. Новейшее начертание правил российской грамматики, стр. 84.

[194] Там же, стр. 86.

[195] А. Х. В о с т о к о в. Русск. грам., § 26, стр. 47.

помело, *шило*, *перо*... *дыра*.... и *щель*»[196]. Это правило Востоков сопровождает следующим примечанием: «Но из сих существительных: *зуб*, *струп*, *череп*, *обод*, *лист*, *батог*, *клок*, *крюк*, *уголь*, *камень*, *корень*, *дерево*, *дно*, *крыло*, *дыра*, *щель* имеют и правильное свое склонение»[197]. Относительно одушевленных существительных Востоков замечает: «Существительные ... *друг* ... *муж* ...*князь* в именит. множественного склоняются: *друзья*, *мужья*, *князья*... *сын*, *кум*, *сват*... и *зять* перед таковым же окончаньем *ья* принимают еще *ов*, *ев*: *сыновья*, *кумовья*, *сватовья*, *зятевья*»; «но *друг*, *муж*, *князь*, *сын*, *сват*, *зять* имеют и правильное свое склонение во множественном числе: *други*, *мужи*, *князи*, *сыны*, *сваты*, *зяти*, употребляемое в важной речи или в переносном значении»[198].

Востоков отмечает различные значения форм на *-ья* и на *-и* для слов *зуб* и *лист*: *зубы* (во рту), *зубья* (у гребня, у пилы); *листы* (бумаги), *листья* (на дереве)[199] и определяет общее значение форм на *-ья*: «Когда говорят о предметах в отдельности, как об единицах, тогда употребляют правильное окончание: *струпы*, *батоги*, *крюки*, *камни*, *корни*, *дерева*; когда же рассматривают предметы в совокупности, как собрания единиц, тогда употребляют окончание на *-ья*: *струпья*, *батожья*, *крючья*, *каменья*, *коренья*, *деревья*»[200]. Устанавливая различия между значением форм *колена*, *колени*, *коленья*, Востоков замечает: «*коленья*, *коеньев*, когда говорится о дудчатых составах какого-то растения или орудия»[201].

Павский в «Рассуждении» об именах существительных по поводу форм на *-ья* замечает: «У нас есть еще во мн. ч. окончание *-ья*»[202]. «Это окончание мн. ч. *-ья* встречаем изредка и в именах лиц, а при именовании вещей оно довольно употребительно»[203].

Таким образом, грамматики первой половины XIX в., констатируя употребительность форм именит. мн. на *-ья* как вариантных по отношению к «правильным» традиционным формам на *-ы*, *-и*, подчеркивают семантическое, грамматическое и стилистическое их различия, а именно: в ряде случаев формы на *-ы*, *-и* и формы на *-ья* закрепляются за разными значениями слов; формы на *-ы*, *-и* выражают, в отличие от собирательных на *-ья*, «чистое» значение множественности; формы на *-ья* часто квалифицируются как разговорные и просторечные; наконец, при пре-

---

[196] А. Х. Востоков. Русск. грам., § 26, стр. 47.
[197] Там же, § 28, стр. 48.
[198] Там же.
[199] Там же.
[200] Там же.
[201] Там же. См. аналогичные замечания у Греча (Н. И. Греч. Простр. русск. грам., § 245, стр. 172, 174 и § 187, стр. 121).
[202] Г. П. Павский. Филологические наблюдения. Рассужд. II, стр. 309.
[203] Там же, стр. 310.

обладании в употреблении формы на *-ья* форма того же слова на *-ы*, *-и* допускается в переносных значениях в «возвышенном» повествовании и в поэтической речи (см. употребление форм *други*, *князи*, *мужи*, *сыны*) [204].

Формы на *-ы*, *-и* и на *-ья*, если они не дифференцируются семантически и стилистически, выступают как дублетные. См., например, употребление во второй половине XVIII — нач. XIX в. форм именит.- винит. пад. мужск. р. *камни — каменья*; *кнуты — кнутья*; *корни — коренья*; *крюки — крючья*; *кузовы — кузовья*; *кусты — кустья*; *листы — листья*; *лоскуты — лоскутья*; *повода — поводья*; *суки — сучья*; *угли — уголья* и т. п., ср.:

Воз с *камнями* (Хемн., Лошадь с возом), упал на *камни* (Марл., Ам.-Бек, VIII), блистали кружева и дорогие *камни* (Лерм., Вадим, X) и: воз с *каменьями* (Хемн., Лошадь с возом); дробит *каменья* молот (Пушк., Е. О., Путеш. Онегина), бросали бешено *каменья* (Лерм., Пророк); множество драгоценных *каменьев* (В. Одоевск., Русск. ночи, 6); Стегая *кнутами* собак (Гоголь, Вий) и: бить ... *кнутьями* (Н. Тург., Дневн., 8 апр. 1808); *Корни* вековые (Пушк., Кавк. пленник, I) и: *коренья* ивы (Лепехин, Путеш., Геогр. изв. о Новой Земле, Прибавл. I), коробушка сплетенная из древесных разодранных пополам *кореньев* (Сл. АР, III, *Кореневик*) [205]; *Крюками* утверждали их [неприятельские корабли] к своим (Фонв., Жизнь Сифа) и: *крючьями* довольно уже оный [корабль] притвердили (Там же) [206]; С *кузовами* ягод (С. Акс., Воспом., Гимназия. Период второй) и: запаслись *кузовьями*, лукошками (С. Акс., Детск. годы Багр.-вн., Первая весна в деревне); Чуть видятся *кусты* (Пушк., Стою печален на кладбище) и: кустами растущий, или большие *кустья* имеющий (Сл. АР, III, *Кустистый*); Уж роща отряхает Последние *листы* с нагих своих ветвей (Пушк., Осень), *листы* сорванные вихрем с березы (Лерм., Вадим, XVIII) и: Закружились бесы разны, Будто *листья* в ноябре (Пушк., Бесы); Закусив *повода* (Пушк.

---

[204] Следует указать, что формы на *-ья* представляли собой не только вариантную форму именит. пад., но и начинали парадигму мн. числа, отличную от парадигмы с именит. на *-ы* (*и*), т. е. представляли иной способ образования мн. ч.— с суффиксальным осложнением основы ед. ч. (*-j-*; *-ов-j-*). Так как суффикс *-j-* сохранялся во всех падежных формах, то употребление любой формы косвенного падежа было доказательством наличия формы именит.на *-ья*. Поэтому при иллюстрировании соотносительной употребительности форм на *-ья* и на *-ы* (*-и*) или *-а́* мы допускаем сопоставления форм не только прямых (именит.-винит.), но и косвенных падежей.

[205] Формы *корни — коренья* дублеты в том случае, если они образуются от слова *корень* в значении «вросшая в землю часть растения». Уже в начале XIX в. форма *коренья* обладает и «специализированным» значением, обозначая «травы и растения, употребляемые в снедь» (Сл. АР, III, *Корень*).

[206] Примеры из сочинения Фонвизина «Жизнь Сифа» заимствованы из кн.: В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, вып. 2, стр. 106.

Путеш. в Арзр., 3), бросил *повода* (Крыл., Рыцарь), брошенные *повода* (Марл., Ам.-Бек, XII) и: отдал *поводья* в руки лакею (Пушк., Барышня-кр.), ехали... распустив *поводья* (Лерм., Бэла); *Угли* тлели (Пушк., Стамбул гяуры нынче славят...) и: *уголья* ярко вспыхивают (Лажечн., Лед. дом, 3, 5).

Реже наблюдается дублетность форм у существительных одушевленных, хотя и встречаются параллельные образования: *дяди* и *дядья*, *зяти* и *зятья*, *зятевья*.

§ 42. В первой половине XIX в. можно встретить употребление дублетных форм на *-а*, *-я* и *-ья* от существительных средн. р., например: *дерева — деревья*, *крыла — крылья*, *полена — поленья*, ср.:

Дерева и *деревья* (Сл. АР, II, *Дерево*), на *деревах* (Пушк., из Аристова «Orlando Furioso»), стояли *дерева* (Борат., Запустение), картинные *дерева* и плющи (Гоголь, М. д., 1, XI) и: Долин, *деревьев*, сел узор (Пушк., Е. О., Путеш. Онегина), *Деревья* голы (Борат., Где сладкий шепот...), под *деревьями* (Гоголь, М. д., 1, VI); По наваленным *поленам* (Гриб., Частн. случаи пб. наводн), *поленами* (Гоголь, Ночь перед Рождеством) и: изрубил на *поленья* (С. Акс., Детск. годы Багр.-вн., Дорога до Парашина); Огромными *крылами* (Борат., Буря), коршун с растянутыми *крылами* (Лерм., Вадим, XX) и: Он поднял к небесам и *крылья* и зеницы (Пушк., Н. С. Мордвинову), *крылья* легкие (Веневит., Крылья жизни).

В первой половине XIX в. возможно было употребление формы *кры́ла* и ее произносительного варианта *кры́лы*:

Не лебедем ты создан был судьбою, Купающим в волне румяной *кры́ла* (Тютч., Байрон); Приподнимает *кры́лы* И чувствует в крылах Торжественные силы (Языков, Мое уединение).

Кроме форм *кры́ла* (*крылы*) — *крылья*, в литературе начала XIX в. (преимущественно в стихах) можно встретить употребление архаической формы двойств. ч. *крыле*:

Крыле его сотрясают благовонную росу на любимцев (Батюшк., Похв. слово сну); Орел ... купает в радуге *крыле* (Марл., Шебутуй); И веселью, и печали На изменчивой земле, Боги праведные дали Одинакие *крыле* (Борат., Наслаждайтесь: все проходит!).

§ 43. В середине и второй половине XIX в., как и в его начале, форма на *-ья* начинает парадигмы мн. ч. ряда существительных мужск. и средн. р. «Окончание *-ья* с предшествующим ему ударением в именит. пад. мн. ч.,— пишет Давыдов,— принимают следующие первообразные имена, кончающиеся на *ъ*: *брат*, *брус*, *клин*, *кол*, *колос*, *ком*, *кóпыл*, *кочан*, *лоскут*, *луб*, *полоз*, *прут*, *стул*, *череп*». «Окончание *-ья* с ударением на *-я* принимают имена лиц: *друг*, *муж*, *князь*: а *кум*, *сын*, *сват* имеют: *кумовья*, *сыновья*, *сватовья*; *шурин — шурья*» [207]. Наиболее

[207] И. И. Давыдов. Опыт общесравнит. грам., стр. 154.

полный перечень существительных, от которых могут быть образованы формы на *-ья*, приводится Гротом, который, кроме того, пытается дать и общую семантическую характеристику слов, образующих эти формы (следует, однако, оговориться, что предлагаемые Гротом семантические характеристики мало дают для понимания процессов образования и употребления формы на *-ья*). «Окончание *-ья* принимают: во-первых, такие имена (по большей части односложные), которые означают предметы природы или домашнего быта, либо остроконечные (мелкие или длинные), либо круглые и притом существующие или делаемые в большом количестве; таковы: *крюк*, *сук*, *клин*, *лист*, *зуб* (например, у пилы), *кол*, *брус*, *прут*, *стул*, *струп*, *пук*, *полоз*, *копыл*, *колос*, *корень*, *лоскут*, *череп*, *волдырь*, *пузырь*, *пупырь*, *клок*, *хлоп*, *ком*, *батог*, *обод*, *камень*, *уголь* ... Так же оканчиваются во мн. ч. некоторые имена средн. р., представляющие те же особенности значения: *перо*, *дерево*, *звено*, *колено*, *полено*, *крыло*, *шило*, *помело*, *дно* (*донья*), и даже два имени женск. р. с подобным оттенком заключающегося в них понятия: *дыра*, *щель* (*ды́рья*, *ще́лья*). ... Во-вторых, имена, означающие лица, которые находятся между собою в отношениях родственных, гражданских или сердечных. Тут окончание *-ья* иногда остается без ударения: *бра́тья*, *холо́пья*, но чаще принимает ударение: *мужья́*, *зятья́*, *шурья́*, *князья́*, *дядья́*, *деверья́*. В последнем случае перед окончанием *-ья* вставляется в некоторых именах еще слог *ов*: *сыновья́*, *кумовья́*, *затевья́*, *сватовья́*»[208].

Если сравнить приведенный Гротом список слов со списком Востокова, то станет очевидным, во-первых, что формы на *-ья* (а следовательно и самый «суффиксальный» способ образования мн. ч.) утрачивают продуктивность: список не пополнился новыми словами; во-вторых, что формы на *-ья* для ряда слов становятся дублетными формам на *-ы*, *-и* и *-а́*, *-я́* в том случае, если присущий им оттенок собирательности не вносит ничего нового в значение слова по сравнению со значением «чистой» множественности. Исключение составляют слова, у которых разные формы связаны с разными значениями слов.

§ 44. Во второй половине XIX в. в литературном употреблении еще возможны такие дублетные образования, как *гро́зды* и *гро́здья*, *жгуты* и *жгутья*, *пруты* и *прутья* и др., ср.:

Красные *гро́зды* калины (Некр., Саша, II) и: *гро́здья* желтых цветов (Тург., Накануне, I); Тужурка с форменными *жгутами* на плечах (Корол., Феодалы, III) и: Парусы свивает в *жгутья* (Анненск., Ветер); *Прутья* решетки (Елпатьевск., Савелий, 105)[209] и: *пруты* решетки (Бунин, Терем); Сапож-

[208] Я. К. Грот. Указ. соч., I, стр. 390—391.

[209] Пример заимствован из указанной книги В. И. Чернышева (вып. 2, стр. 107).

ные опорки с *дырами* (Гл. Усп., Отцы и дети, VIII) и: сапоги в *дырьях* (Дост., Униж. и оскорбл., 2, V).

Но количество таких дублетных образований во второй половине XIX в. уменьшается. Новые слова и новые значения слов, как правило, не образуют форм на *-ья*, особенно в тех случаях, когда эта форма уже закрепилась за ранее существовавшим значением, например: «*Кол* — единица, неудовлетворительная отметка у ученика; мн. ч. в этом значении не *колья*, а *колы*» (Сл. II Отд. АН, т. IV, вып. 6). Как индивидуальное употребление встречается у Л. Толстого форма *коренья* в значении «корни дерева»: сочные *коренья* [тополей] (Старый тополь); [лозинки] зацепились за землю *кореньями* (Лозина)[210].

Употребление форм на *-ья* от существительных одушевленных, кроме ранее существовавших, во второй половине XIX в. принадлежит или к числу диалектных особенностей авторской речи (например, в «Войне и мире» Л. Толстого: *Воронья*, чуя кровь, нетерпеливо каркая, перелетали на березах[211]), или является стилистическим приемом, употребляемым при передаче просторечья (например, в «Воительнице» Лескова: —Где,— отвечаю,— нам, женщинам, с ними, с *мереньями*, справиться. Гл. 5). Формы на *-ы*, *-и* и на *-а* от тех слов, для которых в качестве нормы утвердились формы на *-ья*, сохраняют употребительность только в поэтической речи.

Но *крылами* вешних птиц Он свевает снег с ресниц (Фет, Глубь небес опять ясна...); Непогодная полночь *крылами* стучит (Надсон, Умерла моя муза!); Где-то голуби звенели, Расплескав *крыла* (Блок, Дали слепы, дни безгневны...); звенят весны *крыла* (Блок. Так. Буря этих лет прошла). См. также употребление формы *крыла* у Есенина: Чудотворные мощи он принес на *крылах* (Покраснела рябина ...); О русь, взмахни *крылами* (О Русь, взмахни крылами); Люблю их тень И путь, усыпанный *листами* (Некр., Тишина, IV); В весенние *листы* едва одетый лес (А. К. Толст., На тяге); На скамье, в тени прозрачной Тихо шепчущих *листов* (Полонск., Лунный свет); *Дерева* едва венчались Первой зеленью весны (Блок, В тихий вечер мы встречались...). Ср. позднее: Люблю, когда на *деревах* Огонь зеленый шевелится (Есенин, Душа грустит о небесах).

Самый способ образования формы мн. ч. с суффиксальным осложнением основы ед. ч. (*-j-*) все больше закрепляется за определенным семантическим разрядом существительных, у которых

---

[210] Примеры заимствованы из указанной книги В. И. Чернышева (вып. 2, стр. 106). В редких случаях в поэтической речи употребление формы *коренья* возможно и в современной литературе: Сплетайтесь *кореньями* крепко, ростками стреляйте в небо (Д. Павлычко, Березы дружбы, перевод с укр., Комсом. правда, 2 авг. 1962).

[211] Там же, стр. 103.

значение множественности обычно сочетается со значением совокупности: *гроздья*, *колья*, *листья* и т. п. Для этих существительных он становится единственным средством выражения мн. ч. В результате этого упростилось соотношение форм мн. ч.: новых парадигм с формой именит. пад. на *-ья* не образовывалось, а следовательно, не возникало новых дублетных образований; имевшие место дублетные формы на *-ы*, *-и*, *-á* и на *-ья* все больше расходились стилистически. Интенсивность этих процессов подтверждается наблюдениями исследователей.

В. И. Чернышев указывает на семантическую и стилистическую дифференциацию форм: *волдырья*, *зятевья* — «старинное»; *клины*, *князи* — «редкое»; *комы*, *сватья*, *пруты*, *угли*, *пузыри* — «чаще»; *холопы* — «обыкновенно»; *черенья* — «малоупотребительное»[212]. Интересны сопоставления материалов, извлеченных из работ В. И. Чернышева и из Словаря Ушакова. У Чернышева в качестве дублетных выступают формы: *батожья* и *батоги*, *воронья* и *вороны*, *гроздья* и *грозды*, *деверья* и *девери*, *дядья* и *дяди*, *каменья* и *камни*, *клочья* и *клоки*, *кнутья* и *кнуты*, *коробья* и *короба*, *кочанья* и *кочаны*, *крючья* и *крюки*, *кузовья* и *кузова*, *лоскутья* и *лоскуты*, *ободья*, *ободы* и *обода*, *пенья* и *пни*, *полозья* и *полоза*, *пупырья* и *пупыри*, *струпья* и *струпы*, *сучья* и *суки*. Из форм, приведенных Чернышевым в качестве дублетных, Ушаков выделяет: *дядья* и *дяди*, *клочья* и *клоки*, *крючья* и *крюки*, *лоскутья* и *лоскуты*, причем для форм *крюки* — *крючья* и *лоскуты* — *лоскутья* намечается дифференциация форм. Формы *каменья* и *сукú* имеют помету «реже». Форм *батожья* и *воронья* Словарь Ушакова не приводит. Для слов *деверь* и *грозд* указаны только формы *деверья*, *гроздья*. Слова *кнут*, *короб*, *кочан* имеют формы *кнуты*, *кочаны*, *короба*; *кузов* — *кузовы* и *кузова*. Слова *обод*, *полоз* и *струп* имеют формы *ободья*, *полозья*, *струпья*; слово *пень* — *пни* и *пенья* (последнее с пометой «обл.»); слово *пупырь* (с пометой «просторечн.») имеет форму *пупыри*. «Таким образом, из 19 названных у Чернышева дублетов Ушаков отмечает только два — *дядья* и *дяди* и *клочья* и *клоки*; все остальные дублеты разошлись семантически или стилистически или же находятся на пути к такому расхождению. Некоторые формы совсем не приводятся словарем как не употребляющиеся.

Таким образом, форма на *-ья*, начинавшая дублетную парадигму мн. ч., из вариантной формы мн. ч. ряда существительных мужск. и средн. р. стала в наше время «нормативной» формой лишь очень немногих существительных, а самый способ образования форм мн. ч. с помощью суффиксов *-j-* и *-ов+j-* стал для этих существительных единственным способом их образования.

---

[212] В. И. Чернышев. Указ. соч., вып. 2, стр. 102—103.

Изменения в употреблении форм именит.-винит. пад. на *-ы*, *-и* у существительных среднего рода

§ 45. Имена существительные средн. р. с древнейших пор в форме именит.-винит. пад. мн. ч. имели окончание *-а*. Но уже в XVII в. и особенно после Петровской эпохи в памятниках письменности встречаются формы на *-ы*, *-и*, наличие которых объясняется, по мнению, С. П. Обнорского, южновеликорусской, в частности московской основой литературной речи [213].

Колебания флексий *-а* и *-ы* в формах именит.-винит. пад. мн. ч. наблюдались не только у существительных средн. р., но и у всех существительных, оканчивавшихся в этих формах на безударные *-а*, *-я*, а именно у существительных на *-ья* (*деревья*, *лоскутья*); у существительных pluralia tantum (*ворота*, *перила*, *румяна*, *чернила* и т. п.); у существительных на *-ята* в именит. пад. мн. ч. (*ребята*, *козлята* и т. п.).

До XVIII в. употребление форм именит.-винит. пад. на *-ы* не было широко распространено. Однако в бытовых повестях XVII—XVIII вв. нередко встречаются формы *окны*, *копыты*, *лекарствы*, *блюды*, *облаки*, *вороты* и т. п.[214] Широкое употребление форм на *-ы*, *-и* у слов с неударяемой флексией впервые отмечено в «Письмах и бумагах Петра I»: *болоты*, *бревны*, *воеводствы*, *войски*, *горны*, *жилищи*, *зеркалы*, *имении*, *колесы*, *окны*, *письмы*, *седлы*, *ситы*, *сукны*, *точилы*, *ядры* и др.; кроме того, здесь отмечаются формы *деревьи*, *жеребяты*, *знамены* и др.[215]

Формы на *-ы*, *-и*, отличные от традиционных книжных форм на *-а*, *-я*, довольно рано начали квалифицироваться как разговорные. Уже в XVIII в. употребление этих форм в письменности встретило противодействие со стороны ревнителей правильности языка и даже стало предметом языковой полемики. В «Разговоре об ортографии» Тредьяковский писал: «Много того у нас есть в языке, но в языке незнающих людей, что с чистою природою нашего языка не сходствует. Так, многие не токмо говорят, что простительнее, но и пишут: *...рассуждении*, *повелении* вместо *рассуждения*, *повеления*»[216]. Употребления форм на *-ы*, *-и* касался Тредьяковский и в «Письме к приятелю»: «Имя *село* есть среднего рода, которое во мн. именит. имеет *сёла*, а *не селы*. *Селы* и подобные имена кончат неправо не пекущиеся о грам-

[213] См.: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 122—125; Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 134.

[214] См.: А. В. Даневич. Автореф канд. дисс., стр. 8; С. В. Фролова. Указ. соч., статья 3, стр. 185—186.

[215] См.: И. Е. Семин. Из истории некоторых падежных форм существительных в русск. языке, вып. 2, стр. 166.

[216] В. К. Тредьяковский. Разговор об ортографии.— Сочинения, т. 1—3. СПб., 1849, т. 3, стр. 223. В дальнейшем все ссылки даются на это издание.

матической исправности...»[217] «*Леты* положены как *селы* за *лета*,— писал далее Тредьяковский,— всеконечно против грамматического рода и против искусных людей употребления»[218]. И наконец, подводя итог словоупотреблению Сумарокова, он отмечал: «Неисправно кончит среднего рода имена во мн. ч., как-то: *озёры* за *озёра*, *достоинствы* за *достоинства*, *воздыхании* за *воздыхания*, *прáвилы* за *прáвила*, *прáвы* за *прáва*, *блáты* за *блата*, *желёзы* за *желёза*, *действии* за *действия*, *посóльствы* за *посóльства*...»[219] Однако показательно, что несмотря на отрицательное отношение к этим формам, сам Тредьяковский их употребляет; см. в романе «Езда в остров любви»: ежели бы не имел памяти я *правы* (I); признаю во вся *леты* (II); видеть все женские *лицы* (II).

Формы именит. мн. ч. вроде *повелении*, *известии* осуждал «яркий северянин» Ломоносов: «Ныне...пишут неправильно во мн. ч. существительных средн. р. *-и* вместо *-я*: *учреждении* вместо *учреждения*» (Росс., грам., § 119). Причину употребления *-и* вместо *-я* Ломоносов видел в «безрассудном старании» «разделить родит. ед. от именит. множественного», например *моего имения* от *мои имения*, но так как различение чисел и падежей не представляет труда для писателей и читателей, то «для того не должно в российский язык вводить несвойственных безобразий, каковые в *истинные известии* и во многих подобных не без отвращения чувствительны» (§ 119).

Как правило, сам Ломоносов не употреблял форм на *-ы*, *-и* от существительных средн. р.[220] В качестве чуть ли не единственного случая исследователи указывают форму *чуды*: «Не соответствует ли царь морской Нептуну, *чуды*— его тритонам?»[221]. См. также в «Материалах к грамматике»: «In plur. [во множественном]: *солнца* или *-цы*; *чернила* или *-лы*» (стр. 675). Последняя форма, может быть, объясняется тем, что, по мнению Ломоносова, «множественного числа имена по большей части суть рода женского» (Росс. грам., § 145), а не среднего.

---

[217] В. К. Тредьяковский. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю.— В кн.: А. К у н и к. Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII в., ч. II. СПб., 1865, стр. 469.

[218] Там же, стр. 470—471.

[219] Там же, стр. 476.

[220] По мнению С. П. Обнорского, в этом сказалась не только диалектная основа речи самого Ломоносова, но и его борьба за преобладание в литературном языке нового «северного» течения в противовес старому «московскому» (см.: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 126).

[221] См.: В. Н. Макеева. История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. М.—Л., 1961, стр. 98. См. также в «Материалах к Росс. грамматике»: *Чудо* monstrum [чудовище] in plur. [во мн. ч] — *чуды*, *чуд*, *чудам* — miraculum [чудо] *чудеса*, *чудес* (стр. 619). См. еще форму *судны*: *Судно* во множественном имеет *посуда*, яко собирательное, а не *судны* (стр. 645).

В отличие от Тредьяковского и Ломоносова, Сумароков считал правильным употребление форм на *-ы* от существительных средн. р.: «*Правилы*, *правы* и *леты* и протчие многие средн. р. слова во множественном пишу я вместо *правила*, *права*, *лета* и протч. от употребления, а я и общее употребление за устав же почитаю»[222]. В то же время Сумароков только допускал (но не рекомендовал) формы на *-и* типа *известии*: «Но *основании*, *желании* вместо *основания* и *желания* редко употреблены быть могут, да и то для весьма редко случающейся красоты»[223]. В трагедиях Сумарокова отмечены: *озеры*, *достоинствы*, *воздыхании*, *блаты*, *железы*, *действии*, *посольствы*, *правилы*, *правы* и др.[224]

Разное отношение к анализируемым формам двух крупнейших писателей середины XVIII в.— Ломоносова и Сумарокова — отражает, по мнению С. П. Обнорского, две струи, «направлявшиеся в литературный язык и руководившие его развитием»[225]; московскую, южновеликорусскую (Сумароков) и северную (Ломоносов).

Несмотря на то, что «Российская грамматика» Ломоносова, а несколько позднее и грамматика Барсова критически относились к формам на *-ы*, *-и*, считали их неправильными, «по деревенскому выговору» (т. е. по-московски)[226], эти формы продолжают употребляться во всех жанрах, в прозе и в стихах.

[Кн. Пожарский] *Правилы* вас должны подкрепить (Хераск., Освобожд. М., III, 4); Ты ведаешь, Фелица, *правы* И человеков и царей (Держ., Ода к Фелице); Встречал я смело *ядры* лбом (Держ., Философы пьяный и трезвый); Томны *эхи*! повторите Скромну жалобу мою (Капн., Скромное признание в любви).

---

[222] А. П. Сумароков. Ответ на критику. — Полн. собр. соч., ч. X. М., 1787, стр. 98. В дальнейшем ссылки даются на это издание.

[223] А. П. Сумароков. Примечание о правописании, ч. X, стр. 45—46.

[224] См.: В. В. Виноградов. Очерки, стр. 134.

[225] С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 126. И для более позднего времени употребление форм на *-ы*, *-и* С. П. Обнорский ставит в зависимость от «диалектной» принадлежности автора. Он отмечает, что формы на *-а* употребляют северяне (в том числе и уроженцы Петербурга): Вяземский, Дельвиг, Боратынский, Языков, Некрасов и др.; формы на *-ы*, *-и* наряду с формами на *-а* допускают в своих произведениях южане (в том числе и москвичи), для которых эти формы обычны в живой речи: Фонвизин, Державин, Жуковский, Пушкин, Грибоедов, Лермонтов и др.

[226] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 126. См. также замечание в грамматике Светова: «На *-е* и на *-о* кончащиеся с предыдущею согласною, в именит. мн. кончат несправедливо вм. на *-а* на *-и* и на *-ы*, говоря: *яблоки*, *облаки*, *сокровищи*, *свойствы*, *количествы*, в чем погрешают против грамматического правила. Надобно писать: *яблока*, *облака*, *сокровища*, *свойства*, *количества*» (§ 34) (См.: М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, стр. 35).

Наиболее употребительны во второй половине XVIII в. были формы на *-ы*, *-и* от существительных средн. р. на *-ние*, *-ствие* и *-ство*.

От этого *Дурачествы* плодятся (Сумарок., Кукушка и Ребята); [Щ е п е т и л ь н и к] *воровствы*; *злодействы*; *достоинствы* (Лукин, Щепетильн., IX); *предисловии* (Трутень, 1769, III); [Г р а ф] Все звании, умы и *состоянии* хороши при звании честного человека (Копиев, Обращ. мизантроп, V, 3); *удовольствии* (Щербат., Замечания на Больш. наказ. 1772—1773 гг); *качествы* (Щербат., Статистика, VI); *блаженствы*; *совершенствы* (Держ., На рожд. порфиродн. отрока); В твои от дел *отдохновеньи* Ты пишешь в сказках *поученьи* (Держ., Ода к Фелице); Для меня *торжествы* (Болот., 1, 19).

В то же время в текстах статей Словаря АР в формах мн. ч. существительных средн. р. господствует окончание *-а*. Г. О. Винокур отмечает: «В Словаре постоянно видим только *творила* I 68, *ядра* I 89, *перила* I 93, *лекарства* I 120, *бревна* I 140, 181; III 1171, *правила* I 940, *прясла* III 957, *лица* III 963, *яйца* III 635; IV 291; *полотна* I 30, *пятна* III 1133; IV 39; *доказательства* III 1147, и лишь однажды я встретил *вороты* III 1044 при *ворота* I 884»[227]

Слово *облако* в именит. пад. мн. ч. в XVIII в. могло выступать в формах *облака* и *облаки* (родит. *облак* и *облаков*); это объясняется долгое время сохранявшейся традицией употребления существительного *облак* (мужск. р.). Указывая на возможную вариантность форм *облаки* — *облака*, Ломоносов помещал *облак* среди существительных мужск. р. (Росс. грам., § 119). Сам он употреблял обе формы. Обе формы (*облаки* и *облака*) употреблял и Сумароков, видевший в них разные выразительные свойства: «Надобно знати, когда написать *облака*, и когда *облаки*: что до нежного слуха надлежит, то весьма пространного истолкования требует... В поэзии *облаки* за *облака*, и часто и кроме рифмы, класти не только можно, но и должно. Иногда и в прозе, коли я не поставлю *облаки*, я изображу не то»[228].

В Словаре АР (т. IV, *Облак*) в качестве заглавного слова дается *облак*, а *облако* — в качестве вариантного; в примерах приводятся формы *облаку* и *облакáми* (очевидно, от *облакá*).

§ 46. В «Начальных основаниях Российской грамматики» (1806) категорически утверждалось: «Неправильно пишут *мучении* вместо *мучения*, *странствовании* вместо *странствования*... Равным образом противу грамматических правил пишут: *сокровищи* вместо *сокровища*; *свойствы* вместо *свойства*». Окончания *-ы*, *-и* в именит. пад. мн. ч. существительных средн. р. считались правильными только для уменьшительных на *-це* и на *-ко*: *зеркальце — зеркальцы*, *оконца — оконцы*; *местечко — местечки*[229].

---

[227] Г. О. В и н о к у р. К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII в., стр. 181.

[228] А. П. С у м а р о к о в. Примечание о правописании, ч. X, стр. 45—46.

[229] См.: В. В. В и н о г р а д о в. Очерки, стр. 181.

Близки к этим и правила, изложенные Востоковым и не устаревшие и в наши дни: «К именам существительным, оканчивающимся в именит. мн. на *ы* или *и* вместо *-а* принадлежат все кончащиеся на *-ко* без ударения, выключая *вóйско*, *óблако*, *óко*, напр. *вéко*, *вéки*; *колéчко*, *колéчки*; *домúшко*, *домúшки*, также *дно*, *дны*; *судно*, *судны* [230]...Причина, по которой сии существительные на *-но*, *-ко*...получили именит. мн. на *-ны*, *-ки* вместо *-на*, *-ка* (*дны*, *веки*, *колечки*, *домишки* вместо *дна*, *века*, *колечка*, *домишка*), была та, чтоб отличить окончаниями именит. мн. от родит. ед. *дна*, *века*, *колечка* и пр. В существительных *войско*, *облако* и в других не нужно было сей перемены окончаний, потому что означенные падежи отличаются уже ударением: *вóйска* и *войскá*; *пятнá* и *пя́тна* и т. д.» [231] «*Солнце*,—отмечает далее Востоков,— склоняют также... *солнцы*, *солнцев*, а увеличительные мужск. р. на *-ище* склоняются... имея в именит. мн. ч. *-ищи*» [232].

Греч допускает употребление форм на *-ы*, *-и* от слов *солнце*, *облако*, *яблоко*, *веко*, замечая при этом: «*облако* имеет и *облака*» [233]. Среди примеров склонения он помещает *зеркальце — зеркальцы*, *солнце — солнцы*. Но употребление анализируемых форм выходило за пределы грамматических рекомендаций. В литературе первой половины XIX в. можно встретить формы на *-ы*, *-и* от ряда существительных средн. р. и pluralia tantum: *белилы*, *блюды*, *болоты*, *бревны*, *ветрилы*, *вины*, *вороты*, *гнезды*, *жалы*, *знамены*, *колесы*, *кольцы*, *копыты*, *леты*, *лицы*, *монисты*, *озеры*, *окны*, *паникадилы*, *перилы*, *письмы*, *полотны*, *пугалы*, *пятны*, *ребры*, *румяны*, *селы*, *сердцы*, *стеклы*, *сушилы*, *удилы*, *утры*, *чады*, *чуды*, *чучелы*, *ядры*, *яйцы*, *яствы* и др., а также формы на *-ы* от существительных мужск. р. с соотношением *-ёнок — -ята*: *ребяты*, *утяты*, *ягняты* и т. п.

Однако в это же время намечается и сокращение употребительности этих форм. В начале XIX в. выходит из употребления форма *войски*, очевидно, в связи с изменением ударения (*войскá*). Форму *войски* можно еще встретить у Рылеева: он окрыляет наши *войски* (Святополк) и в вариантах произведений Пушкина (в основных текстах—только *войска*): за Балк ⟨анами⟩—остановилися

---

[230] А. Х. Востоков. Русск. грам., § 26, стр. 31; об употреблении слова *облако* Востоков замечает: «Но кроме существительного средн. р. *облако*, есть существительное мужск. р. *облак*, употребляемое в церковных книгах. Сие последнее склоняется: *облаки*, *облаков* и т. д.» (там же).

[231] Там же.

[232] Там же.

[233] Н. И. Греч. Простр. русск. грам., § 245, стр. 173. См. в более поздних грамматиках: «Имена средн. р. на *-ко*, *-це* (*яблоки*, *солнцы*) во мн. ч. склоняются подобно мужск. именам 1-го склонения» (И. И. Давыдов, Опыт общесравнит. грам., стр. 161); «Имена, оканчивающиеся на *-ко*, уклоняются от прочих средн. р. тем, что в именит. пад. мн. ч. вместо *-а* имеют *-и*; *окошки*, *лыки* (за исключением: *войска*, *облака*)» (Ф. И. Буслаев. Ист. грам., Этимология, § 97, стр. 222).

русские *войски* (Путеш. к св. местам А. Н. Муравьева)[234]. Резко сокращается по сравнению с XVIII в. употребление форм на *-ы*, *-и* от существительных на *-ние*, *-ствие* и *-ство* (возможно, в связи с общим сокращением образования форм мн. ч. от отвлеченных существительных). Ср. в начале XIX в.: *злодействы* ужасают землю (С. Шихматов); смиря души *волненьи* (Шаховский); в одно все *чувствы* съединить (И. Козлов); Люблю смотреть, когда *созданьи* Как бы погружены в весне (Тютчев)[235]. Подобные формы не отмечены у Пушкина, в языке которого формы на *-ы*, *-и* от существительных средн. р. устойчиво употребляются на всем протяжении его творчества[236]. Так, например, только формы на *-ы*, *-и* отмечены у Пушкина для слов *белила* (*белилы*), *блюдо* (*блюды*), *озеро* (*озеры*), *перила* (*перилы*), *село* (*селы*) и, в соответствии с грамматическими правилами того времени, от слов *ветрильце* (*ветрильцы*) и *крильце* (*крильцы*). Формы на *-ы*, *-и* при встречающихся формах на *-а*, *-я* употреблены Пушкиным от слов *бревно* (*бревны* и *бревна*); *весло* (*весла* и *веслы*); *вино* (*вины* и *вина*); *ворота* (и *вороты*); *колесо* (*колеса* и *колесы*); *кольцо* (*кольца* и *кольцы*); *копыто* (*копыты* и *копыта*); *кресла* и *креслы*; *лета* и *леты*; *лицо* (*лица* и *лицы*); *окно* (*окны* и *окна*); *письмо* (*письма* и *письмы*); *ружьё* (*ружья* и *ружьи*); *стекло* (*стекла* и *стеклы*); *сукно* (*сукна* и *сукны*); *чернила* и *чернилы*.

Грамматическая теория первой половины XIX в. считала окончание *-ы* в форме именит. мн. средн. р. неправильным. Это находило отражение в грамматиках и проявлялось в редакторской деятельности: так, например, такие написания «настойчиво устранялись из пушкинских изданий редакторами и корректорами, особенно Плетневым, профессиональным педагогом и немосквичом»[237].

§ 47. Во второй половине XIX в. употребительность форм на *-ы*, *-и* резко сокращается. Это было вызвано усилением в 30—40-е годы «регулирующего влияния книжной грамматической традиции, устраняющей грамматические дублеты»[238].

Грамматическая теория окончание *-и* утвердила в качестве единственно правильного только для существительных на *-ко*:

---

[234] См. употребление формы *войски* в XVIII в.: [Кн. Димитрий] Кто *войски* подкрепит (Хераск., Освобожд. М., I, 4); *войски* отдыхали на месте баталии (Суворов, Прош. в Герольдмейст. контору, 1790); непобедимы водит *войски* (Держ., Водопад).

[235] Примеры заимствованы из книги: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 67.

[236] См.: Г. О. Винокур. Пушкин и русский язык, стр. 195.

[237] Г. О. Винокур. Орфография и язык Пушкина в академическом издании.— В кн.: Пушкин, Временник Пушкинской комиссии, 6, М.— Л., 1941, стр. 485. В вариантах к «Бахчисарайскому фонтану» в собрании сочинений Пушкина (т. IV, стр. 403) приведены строки: «Унылы *села* и дубравы» и «И *села* мирные России», где редактор изданий 1827 и 1830 гг. изменил форму автографа *сёлы* на *села*.

[238] В. В. Виноградов. Очерки, стр. 341.

местечки, *окошки*, *перышки* и т. п., кроме слов, у которых ударение во мн. ч. переходит на окончание: *войскá*, *облакá*, *облачкá*. До конца века продолжают допускаться формы на *-ы*, *-и* от существительных на *-це* (в поэтической речи возможность их употребления сохраняется и в XX в.).

Маленькие сосновые *поленцы* (Гл. Усп., Кой про что, I); *полотенцы* (Писемск., Богатый жених, 1, VI); Мы говорим *солнцы* вм. *солнца* (В. Стоюнин, Высший курс русской грамматики, стр. 117); Ты хладно жмешь к моим губам Свои серебряные *кольцы*, И я — который раз подряд — Целую *кольцы*, а не руки (Блок, Седое утро).

В то же время в литературе второй половины XIX в. еще можно встретить формы на *-ы*, *-и* от некоторых существительных средн. р. не на *-це* и pluralia tantum.

Зачем лить *чернилы*, когда можно лить кровь? (Герц., По делу адреса офицеров); письмо упало вниз через *перилы* (Фет, Серенада); *Клеймы* отчасти мешают рисковать на побег (Дост., Зап. из М. дома, 2, V); льются *вины* на царские ковры (А. К. Толст., Чужое горе). См. также *вороты*, *ребры*, *паникадилы*, *глазищи*, *усищи*, *тернии* (Некрасов); *чучелы* (Тургенев); *перилы*, *ребяты* (Гл. Успенский); *болотцы*, *перилы* (Л. Толстой)[239].

Во второй половине XIX — нач. XX в. продолжает употребляться — преимущественно в поэтической речи — и форма *облаки*:

Серые *облаки* по небу тянутся (Огарев, С утра до ночи); Но высоко — в изумрудах *Облаки*-овцы бредут (Блок, Нежный! У ласковой речки...).

Все остальные образования на *-ы*, *-и* (вместо рекомендуемых к употреблению форм на *-а*, *-я*) квалифицируются как неправильные.

Употребление форм на *-ы*, *-и* допускается в письменной речи обычно в тех случаях, когда автор стремится подчеркнуть просторечность или нелитературность самой лексики, фразеологии или речи персонажа[240]. См., например: Сам *бельмы* на меня так и пялит (Дост., Зап. из М. дома, 2, III); Вот папенька узнает, как в *окны*-то по ночам шастаешь (Эрт., Гард., 1, III).

§ 48. Среди существительных средн. р. особняком стоят существительные, называющие парные предметы: *очи*, *уши*, *колени*, *плечи*, у которых утвердилась форма двойст. числа в значении мн. ч. (о формах мн. ч. первых двух слов *очеса*, *ушеса* см. § 75).

Формы мн. ч. *колена* и *плеча* употреблялись наряду с формами *колени* и *плечи* на протяжении всего XIX в. Однако возобла-

[239] См.: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 125.

[240] Употребление форм на *-ы*, *-и* во второй половине XIX в. Обнорский характеризует как отражение диалектных особенностей (у Тургенева, Л. Толстого) или как стилизацию народной речи (указ. соч., стр. 127).

давшими оказались формы *колени* и *плечи*, может быть, в связи с тем, что формы *колена* и *плеча* полностью совпадали с формами родит. пад. ед. ч.

В употреблении формы *колена* и *колени* в первой половине XIX в. стилистически почти не различались [241]. В то же время форма *колена* обладала оттенком книжности; это способствовало закреплению этой формы за сочетаниями *преклонить, склонить колена*; *пасть, упасть на колена*, а позднее — уходу этой формы за пределы нейтрального употребления.

Обычной сферой употребления формы *колени* было бытовое повествование; но она могла также употребляться в сочетаниях *преклонить, пасть, упасть на колени*. Ср. употребление форм *колени* и *колена*:

Я готов *преклонить колена* пред творцом «Фауста» (Герц., Первая встреча); твой друг *склонил колена* перед низкими палачами! (Лерм., Вадим, XXI); *упав* смиренно *на колена* (Борат., К Кюхельбекеру); *пали на колена* перед императрицей (Лажечн., Лед. дом, 3, 7); предлагали поголовно *пасть на колена* и просить прощенья (С.-Щ., Ист. одн. города, Органчик) и: *преклони колени* не пред алтарями кумиров, но пред алтарем бескорыстной любви (В. Одоевск., Русск. ночи, 5); И *пасть* готов был *на колени* (Тютч., Она сидела на полу...); *упала* передо мной *на колени* (Дост., Униж. и оскорбл., 2, XI).

Формы *колена* и *колени* варьируются в сочетании *по колени — по колена* при указании предела:

Заливает вода *по колена* (Гриб., Пут. зап., V): шли *по колена* в грязи (Герц., Елена, II). Ср.: Вить пьяным *по колени* море (Держ., Кружка); *по колени* в снегу (Григорович, Деревня, IX); Песок сыпучий *по колени* (Тютч., Песок сыпучий по колени...). В современном языке утвердилось сочетание *по колено*.

Подобно употреблению форм *колена — колени* стилистически нейтральны были и дублетные формы *плеча — плечи*. Очень распространенная в начале XIX в., форма *плеча* лишь в самом конце XIX — нач. XX в. начинает восприниматься как книжная, сохраняя при этом преимущественную употребительность в стихах.

Плеча темно-голубые (Сл. АР, III, *Князек*); Умыть лицо, *плеча* и грудь (Пушк., Е. О., 7, XXX); рукава закидывались за *плеча* (Марл., Ам.-Бек., I); по *плеча* и по горло в воде (Гоголь, М. д., 2, III); положив ему руки на *плеча* (Гонч., Обыкн. ист., 2, II); на *плеча* его была накинута мокрая простыня (Дост., Зап. из М. дома, 2, I); *Плеча* мне совсем отдавило! (А. К. Толст., Чужое горе); Бегут на *плеча* Косы лентой с обеих сторон (Фет, На заре ты ее не буди...); И стало всё равно, какие Лобзать уста, ласкать *плеча* (Блок, Своими горь-

[241] В литературе, особенно в первой половине XIX в., можно встретить написание *колены*: упавши на *колены* (Дельв., Музам).

кими слезами...); И целую тебя я в *плеча* (Блок, Кармен, 7).

Употребление форм на *-ы*, *-и* от существительных средн. и мужск. р. на *-ята* и pluralia tantum занимает в истории падежных форм особое место. Эта проблема издавна связывалась грамматистами с воздействием произношения. В действительности же история письменного и устного употребления форм на *-ы*, *-и* — это столкновение между разговорной формой литературного языка и письменной его формой, разрешившееся в пользу последней.

Формы именит.-винит. на *-ы*, *-и* по значению полностью дублировали формы на *-а*, *-я*, и поэтому, естественно, допущение их в литературный язык во второй половине XVIII в. определялось только отношением авторов к разговорной речи: для москвича Сумарокова не существовало различия между формами на *-а* и на *-ы*, а для северян Ломоносова, Барсова и Светова формы на *-ы* выступали как «испорченные простым и обыкновенным выговором слова»[242]. Несмотря на то, что употребительность форм на *-ы*, *-и* на письме поддерживалась, с одной стороны, аналогией с формами на *-ы*, *-и* в мужском и женском склонении и, с другой стороны, стремлением разграничить формы родит. ед. и именит. мн. (последний фактор отрицался Ломоносовым, но поддерживался другими исследователями, в частности Востоковым), формы на *-ы*, *-и* не утвердились в письменной речи.

Слабая нормализованность литературного языка в первой половине XIX в., поддержанная отсутствием отрицательного отношения к разговорному как к «порче» книжного, способствовала проникновению в письменный язык форм живой речи и обусловила именно в это время наиболее свободное употребление форм на *-ы*, *-и*.

Грамматическая нормализация второй четверти и середины XIX в. и усиление грамотности ограничили допуск живых форм, в том числе и форм на *-ы*, *-и* от существительных средн. р., утвердили позиции традиционного написания, сохранив за формами на *-ы*, *-и* возможность образования только от существительных на *-ко* и на *-це*.

Начиная со второй половины XIX в., формы на *-ы*, *-и* употребляются в письме только как отражение диалектных особенностей или со специальной целью — подчеркнуть разговорно-просторечный характер речи.

Разговорный литературный язык до сих пор сохраняет и различает два типа окончаний: *-ы́* (*-и́*) и *-а́* — под ударением и *-ы* — в безударном положении, независимо от типа склонения существительного[243].

---

[242] См.: М. И. Сухомлинов. Указ. соч., стр. 315.

[243] В белорусском языке окончание *-ы* (*-и*) для именит. пад. мн. ч. существительных средн. р. является нормативным (см.: Порівняльна граматика української і російської мов, стр. 92).

Замечания о формах именит. пад. существительных мужского рода типа *крестьяне, татары, бояре, соседи*

§ 49. В конце XVIII — нач. XIX в. отмечаются вариантные формы именит. пад. мн. ч. на *-ане*, *-ана*, *-аны* у слов с суффиксом *-ин*. Эти формы появлялись обычно в разговорной речи в результате действия аналогии и проникали в письменность как отражение черт живой речи. Наиболее обычной была форма на *-е* с основой, не осложненной суффиксом *-ин*. «Имена отечественные, кончащиеся на *-ин*,— писал Ломоносов в грамматике (§ 192),— в именит. переменяют *-ин* на *-е*: *россиянин*, *россияне*; *римлянин*, *римляне*». Фиксирование только одной формы отличает грамматику Ломоносова от грамматики Адодурова, допускавшего для существительных на *-ин* двоякое окончание: *-е* и *-я* (*дворяне* и *дворяня*)[244]. Сам Ломоносов, особенно до 1755 г., часто употреблял наряду с формами на *-е* формы на *-а*: *колофоняна*, *хиана*, *саламиняна*, *россияна* и т. п.[245] Сумароков предпочитал формам на *-ане*, *-яне* формы на *-яня*[246]. Тредьяковский считал форму *дворяна* (вместо *дворяне*) просторечной[247]. Формы на *-ана*, *-аня*, зафиксированные в XVIII — нач. XIX в., в связи с грамматической нормализацией литературного языка совершенно вышли из употребления.

К типу существительных с соотношением *-анин*— *-ане* примкнуло существительное *цыган*, образующее форму мн. ч. *цыгане*[248]. К этому же типу склонения примыкало и существительное *хозяин — хозяе*, в дальнейшем, в связи с параллельным новообразованием *хозяева*, давшее «индивидуальное» соотношение основ (*хозяин — хозяева*). Употребление форм мн. ч. *хозяя*, *хозяям* и т. п. можно еще встретить в конце XVIII — нач. XIX в.: *хозяям* клад был гость такой! (И. Дм., Желание); И царевна к ним сошла, Честь *хозяям* отдала (Пушк., Ск. о мертв. ц.).

Флексию *-е* в форме именит. пад. мн. ч. имеют также существительные на *-арин* с суффиксом *-ин*: *барин*, *боярин*, *болгарин*,

---

[244] См.: В. Н. Макеева. Указ. соч., стр. 95.
[245] Там же.
[246] См.: Т. А. Шаповалова. Указ. соч., стр. 104.
[247] См.: В. В. Виноградов. Очерки, стр. 110.
[248] Пушкин в статье «Опровержение на критики» (т. XI, стр. 147) подчеркивал необходимость различения существительных, «кончащихся на *-анин*, *-янин*», и существительных, «кончащихся на *-ан*, *-ян*»: первые должны иметь в именит. мн. *-ане*, *-яне*, а вторые *-аны*, *-яны*. Но это утверждение не могло внести изменений в употребительность формы *цыгане*. Интересно отметить, что и сам Пушкин отступал от сформулированного им правила, употребляя форму *цыгане* (5 раз при 10 случаях употребления формы *цыганы*).

татарин и т. п. Они также обладали вариантными формами на *-аре* (основная), *-аря*, *-ара*, *-ары* и иногда *-ари*. В отличие от существительных на *-анин*, для которых возобладала традиционная форма на *-ане*, для данного типа существительных возобладала форма на *-ары*: *болгары*, *татары*, *хозары* и т. п. Форма на *-аре* употребительна лишь от существительных *боярин — бояре* и *барин — баре* (наряду с *бары*).

§ 50. В конце XVIII — нач. XIX в. в употреблении сохранялись архаические формы на *-и*, в современном языке представленные в двух словах: *соседи*, *черти*. Это формы *холопи*, *беси* (отмечена в «Материалах к грамматике» Ломоносова, стр. 644), *дьяволи*, *раби*, *серафими* и др [249].

Формы *ангели*, *беси*, *дьяволи*, *раби*, *серафими* и др. уже в XVIII в. принципиально отличались от форм *соседи*, *холопи*, *черти*. Слова *сосед*, *холоп* и *черт* относились на рубеже XVIII—XIX вв. к разносклоняемым, так как они образовывали падежные формы мн. ч. от основы на мягкий согласный (а в ед. ч. от основы на твердый согласный).

Помимо форм *соседи* [250] и *холопи* литературному языку конца XVIII — нач. XIX в. известны формы *соседы* и *холопы*. Таким образом, в это время существовали дублеты *соседи — соседы*, *холопи — холопы*, начинавшие две разных парадигмы мн. ч. В XIX в. возобладавшими оказались формы *соседи* и *холопы*, формы же *беси*, *дьяволи*, *раби*, *серафими* и др. в XVIII в. представляли собой архаические церковнославянские формы, применявшиеся, подобно формам предл. пад. на *-ѣх*, в стилистических целях.

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

§ 51. Для истории форм родит. пад., как и для большинства форм именного склонения, характерно взаимодействие форм разговорной речи и форм, принятых в письменности и употребляющихся по традиции. Действие книжной традиции, задерживающее свободное проникновение в письменность форм живой речи, на протяжении исследуемого периода последовательно сокращается и видоизменяется. Соответствующие процессы находят отражение в грамматической теории и в создающихся на ее основе ограничительных правилах (см. грамматики А. Х. Востокова, Н. И. Греча, И. И. Давыдова, В. Я. Стоюнина).

Формы родит. пад., употреблявшиеся на рубеже XVIII—XIX вв., совпадают с соответствующими формами современного языка: это формы без окончания (с нулевым окончанием), формы

---

[249] См.: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 102.

[250] Интересно отметить, что форма *соседи* как форма, начинающая парадигму мн. ч., отличающуюся от парадигмы ед. ч., отмечена была уже Ломоносовым (см. «Материалы к грамматике», стр. 628).

на *-ов* (*-ев*) и на *-ей*. Но соотношение этих форм и «закрепленность» формы за определенными грамматическими, а в некоторых случаях — семантическими разрядами существительных тогда были иными, чем в современном языке.

Развитие соотношений форм с флексией *-ов*, *-ев* и с нулевой флексией

Существительные мужского рода

§ 52. Наиболее распространенными формами родит. пад. мн. ч. мужск. р. в XVIII в. были формы на *-ов*[251]. Наряду с ними в письменности были распространены и формы без окончания; употребление их характерно для иноязычных слов и для некоторых русских слов — правда, в ряде случаев как те, так и другие обладали дублетной формой на *-ов*: *алтын*, *башкир*, *блок*, *воз*, *генерал*, *гренадер*, *глаз*, *драгун*, *друг*, *залог*, *затвор*, *калибр*, *калмык*, *минер*, *москвич*, *налог*, *мундир*, *немец*, *окоп*, *палисад*, *пистолет*, *подарок*, *поступок*, *пскович*, *пуд*, *пункт*, *раз*, *рейтар*, *рекрут*, *случай*, *солдат*, *фрегат*, *фут* и проч. Но ср. употребление форм *фрегатов*, *калибров*, *флангов*, *пудов*, *разов*, *солдатов*, *рекрутов*, *авторов*, *адмиралов*, *анбаров*, *апельсинов*, *башмаков*, *берегов*, *рогов*, *усов* и проч.[252]

Наиболее характерно употребление форм без окончания для церковнославянизмов, преимущественно в цитатах из священного писания. Так, в «Письмах и бумагах Петра I» отмечены формы: *апостол*, *у варвар*, *грех ради наших*, *своих догмат*, *конец*, *крат*, *от своих отец*, *супостат*, *телец*[253]. В «Ведомостях» петровского времени флексия *-ов* преобладает; нулевая флексия отмечена здесь у немногих слов: *причины сих проступок*; *от налог освобо-*

---

[251] См.: А. В. Даневич. Автореф. канд. дисс.; С. В. Фролова. Указ. соч., статья 3. См. также свидетельство грамматики Г. Лудольфа: в парадигме 2-го склонения для слов мужск. р. он приводит форму с *-ов*: *городов* (см.: Б. А. Ларин. Русская грамматика Лудольфа 1696 г., стр. 121). Интересно сопоставление с другими славянскими языками. В словацком языке окончание *-ov* является единственно продуктивным окончанием родит. мн. существительных мужск. р.; это окончание перенесено и на мягкие основы (*nožov*, *strojov*, *priateľov*) (см.: А. В. Исаченко. Грам. строй русск. языка, ч. 1, стр. 172—173). В чешском языке это окончание также является наиболее продуктивным (см.: B. Havránek, A. Jedlička. Указ. соч., стр. 122). Окончание *-ov* наиболее употребительно и в польском языке (см.: А. М. Селищев. Славянское языкознание, стр. 349). В украинском и белорусском языках окончание *-ов* (блр. *-оў*, *-ёў*) распространено шире, чем в русском: оно известно ряду существительных мужск. р., оканчивающихся на мягкий согласный, а также некоторым существительным средн. р. (см.: Порівняльна граматика української і російської мов, стр. 93).

[252] См.: И. Е. Семин. Из истории некоторых падежных форм имен существительных в русск. языке, вып. 2, стр. 168—169.

[253] Там же.

дить. Обе формы употребительны от некоторых иноязычных слов: *рейтар* и *рейтаров*, *гусар* и *гусаров*, *гульден* и *гульденов*, *миллион* и *миллионов*, *француз* и *французов* [254].

Наблюдающиеся в письменной речи колебания форм (с нулевой флексией и *-ов*), а также нулевая флексия у тех слов, от которых в современном языке употребляются только формы с *-ов*, могут объясняться иной для того времени родовой принадлежностью слова (ср.: *залог* и *залога*, *калибр* и *калибра*, *фрегат* и *фрегата*, а также *поступок* и *поступка* и под.).

Анализируя формы в сатирах Кантемира, Обнорский отмечает употребление *-ов*, *-ев* у существительных мужск. р., представляющих в именит. ед. ч. чистую основу: *амбаров*, *сотов*, *пожитков* [255], «Но вместе с тем,— пишет Обнорский,— встречаем на месте ожидаемого нуля флексии в формах: *взятков*, *римлянов*... С другой стороны, нуль окончания имеем вместо ожидаемого *-ов* в случаях: *век*, *зуб*, *поклон*, *источник*, *плевел*» [256]. Подобная «противоречивость» закономерна: отсутствие флексии в форме родит. пад. мн. ч. сам Кантемир считал поэтической вольностью: «Все сокращения речей, которые славянский язык узаконяет, можно по нужде смело принять в стихах русских, так, например, изрядно употребляется *век*, *человек*... вместо *веков*, *человеков*» [257].

§ 53. Ломоносов в парадигмах склонения существительных мужск. р., оканчивающихся на твердый согласный и на *j*, указывает только форму на *ов* (*-ев*): *соколов*, *орехов*, *поводов* (Росс. грамм., § 151); *злодеев*, *роев* (§ 152); формы без флексии он, очевидно, считает возможными лишь в сочетаниях с количественными числительными: *сорок алтын*, *десять аршин*, *сто пуд*, *тысяча человек*, *десятеро солдат* (§ 196). В «Материалах к грамматике» отражены колебания в выборе формы: «*пять фунт* или *пять фунтов*. *Пять пуд* или *пять пудов*. *Пяти человек*. *Пятеро людей*. *Пять сынов*. *Пятеро сыновей*» (стр. 626). В качестве «пиитической вольности» здесь отмечаются возможные употребления: *от еврей*, *от турок* (стр. 603) [258].

У самого Ломоносова встречаются и те и другие формы. Формы с нулем флексии, по-видимому, обладают оттенком архаичности и высокости. См. колебания: *предел* — *пределов*, *варвар* — *варваров*, *сопостат* — *сопостатов* [259]. В исторических сочинениях Ломоносова часты колебания форм у существительных — племен-

[254] См.: А. Е. Ладюкова. Автореф. канд. дисс.

[255] С. П. Обнорский. Формы склонения по сатирам Кантемира стр. 57.

[256] Там же, стр. 58.

[257] А. Д. Кантемир. Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских. В кн.: А. Д. Кантемир. Собрание стихотворений. Л., 1956, стр. 425.

[258] В сочинениях Ломоносова возможны употребления формы *еврей* не только в стихах. См. в тексте грамматики: *у еврей* (§ 55); ср. *у евреев* (§ 72).

[259] См.: В. Н. Макеева. Указ. соч., стр. 97; Т. А. Шаповалова. Формы существительных и прилагательных в «Российской грамматике» и художественных произведениях М. В. Ломоносова, стр. 106.

ных названий, обычно употреблявшихся во мн. ч.: *варяг* и *варягов*, *сармат* и *сарматов*, *козар* и *козаров*, *алан* и *аланов*, *роксоланов*, *турков* и т. п. [260] В произведениях среднего и низкого стилей Ломоносов употребляет только формы на *-ов*: *сынов*, *волосов*, *солдатов* и даже *оковов* [261].

§ 54. С. П. Обнорский отмечает колебания в употреблении форм на *-ов* и с нулевой флексией во второй половине XVIII в. [262] См., например: от *варвар*, противу *варваров* (Фонвизин), а также следующие формы с нулевой флексией при господствующей форме на *-ов*: от *конец* земли (В. Майков); нет ни *предел*, ни брегов (Радищев); *сопостат* и *супостат* (В. Майков, Державин); средь *чертог* (Радищев), от *язык* (В. Майков). См. также: стремящийся из *горн* (Озеров); без *зуб*, от *зуб*, *зуб* не было, нет (Болотов, Княжнин, Державин); *пуд* («Трутень», Радищев, Княжнин); без *рог* (Державин).

Формы с нулевой флексией характерны для существительных, называющих племена и народы:

Дань мятежных *печенег* (Озеров); Я злее всех *сармат*
Росславом поражен (Княжнин); у *черемис* (Радищев).

Анализируемые формы часто образуются от заимствованных слов, ср.: *алтын* (Фонвизин); *аромат* (Державин); *бивак* французских (Державин); *лавр* (Озеров); без *лафет* (Хемницер); Римских *легион* (В. Майков); под *мирт* ветвями (Державин); из *мирт* (Капнист); *нерв* (Державин, Карамзин); без *перл*, меж *перл* (Державин); *рекрут* (Радищев); от *фланг* (В. Майков); *фрегат* (Радищев). Иногда такое образование можно объяснить не только стремлением сохранить традиционную книжную форму, но и неопределенностью «оформления» иноязычного слова, выступающего то как слово мужск., то как слово женск. р. ср.: *мирт* и *мирта*, *фрегат* и *фрегата*.

Итак, для XVIII в. можно говорить о сохранении традиционной книжной формы с нулевой флексией для некоторых разрядов существительных. Вместе с тем образование и употребление этой формы уже в то время не было одинаковым для разных разрядов слов. Так, несомненно, что образование форм с нулевой флексией сохранялось, с одной стороны, по традиции в группе славянизмов и русизмов типа *конец*, *отец*, *предел*, *горн*, *зуб*, *рог* и было свойственно, главным образом, письменной речи; с другой стороны, эти формы могли образоваться от слов иноязычных (часто со значением единиц измерения) и от слов, называющих племена, войсковые соединения и т. п., обычно выступающих во мн. ч. и являющихся как бы «потенциальными» pluralia tantum.

---

[260] См.: В. Н. Макеева. Указ. соч., стр. 98.

[261] См.: Т. А. Шаповалова. Указ. соч., стр. 106; см. форму *солдатов* в «Материалах к грамматике»: стрелил в *солдатов* (стр. 617).

[262] См.: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 153—171. Все приведенные примеры заимствованы из названной монографии.

§ 55. Колебания в употреблении форм на *-ов* и с нулевой флексией наблюдались и в XIX в. Грамматики XIX в. отмечают группы существительных, от которых при господствовавших формах на *-ов*, возможно было образование и форм с нулевой флексией; перечисляются условия, при которых эти формы или рекомендуются к употреблению, или только допускаются. Среди слов, образующих формы с нулевой флексией, Востоков поместил *гренадер*, *драгун*, *кадет*, *сапог*, *солдат*, *турок*, *чулок*; «заимствованные из старинных книг имена народов»: *варяг*, *сарацин*; «с переменою ударения»: *волóс* (при *вóлос*); а также — *алтын*, *аршин*, *пуд*, *раз*, *человек* — «со словами, означающими количество» (*шесть аршин*, *десять пуд*, *двадцать раз*, *сто человек*); «имена нарицательные людей какого-либо народа или состояния на *-янин*, *-анин*, *-рин*, *-дин*»: *россиян*, *римлян*, *дворян*, *крестьян*, *мещан*, *христиан*, *магометан*, *болгар*, *татар*, *бояр*, *бар*, *господ*; имена на *-итин*: *москвитин*, *костромитин*, *псковитин*, *тверитин* [263]. Аналогичные указания находим у Павского и Буслаева [264]. Давыдов, а вслед за ним Стоюнин, форму без флексии в качестве нормативной называет только для существительных на *-ин* [265].

Таким образом, в XIX в. форма с нулевой флексией сохранялась примерно в тех же разрядах существительных, что и в XVIII в. Она образовалась от названий племен и народов: *англичан*, *славян*, *варяг*, *ефиоп*, *калмык*, *камчадал*, *сармат*, *черемис*, *черкес* и др. (возможны были от них и формы на *-ов*: *калмыков*, *камчадалов*, *сарматов*, *варягов*, и ныне вышедшие из употребления: *башкиров*, *болгаров*, *грузинов*, *мусульманов*, *цыганов*).

Вариантные формы (на *-ов* и с нулем окончания) употреблялись от некоторых названий лиц по принадлежности к войсковым соединениям (обычно — иноязычного происхождения): *гардемарин* и *гардемаринов*, *гренадер* и *гренадеров*, *гусар* и *гусаров*, *драгун* и *драгунов*, *кадет* и *кадетов*, *мушкетер* и *мушкетеров*, *партизан* и *партизанов*, *рекрут* и *рекрутов*, *солдат* и *солдатов*, *улан* и *уланов*.

Формы без флексии сохранялись в сочетаниях с количественными словами: *пять*, *несколько*, *акр*, *алтын*, *аршин*, *гульден*, *метр*, *пуд*, *стерлинг*, *фут* [266].

---

[263] А. Х. Востоков. Русск. грам., § 28, стр. 51.

[264] См.: Г. П. Павский. Филол. наблюд. Рассужд. II, стр. 330; Ф. И. Буслаев. Ист. грам., Этимология, § 96, стр. 217.

[265] См.: И. И. Давыдов. Опыт общесравнит. грам., § 211, стр. 151; В. Я. Стоюнин. Высший курс русской грамматики, стр. 115.

[266] С. П. Обнорский образование форм *пистолет* и *чулок* объясняет постоянным употреблением этих слов в составе количественно-именных сочетаний (см. «Именное склонение», вып. 2, стр. 167). Однако скорее их можно объяснить близостью к pluralia tantum («потенциальные» pluralia tantum): слова *пистолет* и *чулок* выступали обычно в формах мн. ч., так как они называли парные предметы: *пистолеты* (пара дуэльных пистолетов) и *чулки*.

Колебания в употреблении форм характерны для иноязычных существительных: *аксельбант* и *аксельбантов*, *аромат* и *ароматов*, *аршин* и *аршинов*, *бивак* и *биваков*, *брелок* и *брелоков*, *лавр* и *лавров*, *мирт* и *миртов*, *нерв* и *нервов*, *фрегат* и *фрегатов*, *эполет* и *эполетов* и др. В отдельных случаях наличие двух форм объяснялось «двуродовым» оформлением иноязычного слова: *брелок — брелока*, *эполет — эполета*.

Отсутствие флексии при ожидаемом *-ов*, а также наличие дублетных форм возможно было и для ряда незаимствованных существительных, например: *безмен*, *горн*, *зуб*, *причал*, *скирд*, *укор*, *упрек*, *оттенок*, *поступок*, *волос*, *рог*, *сапог*. Употребление форм родит. пад. *скирд*, *укор*, *упрек*, *оттенок*, *поступок* объяснялось наличием соответствующих существительных женск. р.: *скирда*, *укора*, *упрека*, *оттенка*, *поступка*.

В редких случаях отсутствие флексии наблюдалось у существительных мужск. р., в форме именит. пад. мн. ч. оканчивавшихся на *-ки* (*осколки — осколок*), а также у существительных, основа которых оканчивалась на *j*: *еврей*, *ротозей*.

Отсутствие флексии могло быть вызвано и стилистическими причинами. Так, например, формы с нулевой флексией по традиции употреблялись от церковнославянских по происхождению существительных, постоянных в «книжном» употреблении: *апостол*, *от век*, *гад*, *грех*, *из источник*, *от конец*, *недуг* [267], *поклон*, *чертог*, *язык*. Употребление таких форм у ряда слов уже в первой половине XIX в. не лишено было оттенка архаичности и наблюдалось обычно в стилизациях (в произведениях на библейские и исторические темы).

> Средь бурей жизни и *недуг* (Батюшк., Воспом.) [268]; И *гад* морских подводный ход (Пушк., Пророк). См. также у А. К. Толстого: Каких ради *грех* Побил еси добрых и сильных (Василий Шибанов).

Формы с нулевой флексией сохраняются в пословицах и цитатах, например: *благорастворение воздух*, *грех ради наших*, *из варяг в греки*, *бодливой корове бог рог не дает*, *двенадесять язык* и др.

§ 56. Тенденции, наметившиеся в конце XVIII — нач. XIX в., развивались на протяжении всего XIX в. Формы с нулевой флексией, уже в конце XVIII в. ставшие принадлежностью письменной речи, употреблялись в целях архаизации, в цитатах и в пословицах. В то же время они продолжали образовываться от существительных — названий племен, войсковых соединений,

---

[267] Л. А. Булаховский («Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис», стр. 88) на основании данной формы предполагает наличие существительного *недуга*.

[268] Интересно замечание Пушкина к этому стиху: *бурь*, *недугов* (Заметки на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова, т. XII, стр. 260).

совокупности предметов, парных предметов и т. п., а также от существительных, называющих единицы измерения.

Перечни слов, образующих форму родит. мн. с нулевой флексией, приведенные в работах В. И. Чернышева, Н. Дурново и в современных грамматиках, свидетельствуют о возможности и правомерности ее образования и в современном русском языке.

См. у Чернышева: *глаз*, *волос* (старинное *волосов*), *сапог* (реже *сапогов*), *чулок* (реже *чулков*), *брелок*, *погон*, *аршин*, *алтын*, *раз*, *гренадер* (и *гренадеров*), *гусар* (и *гусаров*), *драгун*, *кирасир*, *сапер*, *улан*, *бахтиар*, *кадет* (и *кадетов*), *гардемарин* (и *гардемаринов*), *рекрут* (и *рекрутов*), *солдат* (старинное *солдатов*), *башкир*, *киргиз* (и *киргизов*), *монгол* (чаще *монголов*), *могикан*, *тунгус* (и *тунгусов*), *старожил* (и *старожилов*) [269]; Дурново среди «противоречащих» различительной тенденции форм помещает формы *турок*, *цыган*, *солдат* [270]. Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров отмечают формы *сапог*, *чулок*, *глаз*, *раз*, *аршин*, *алтын*, *осетин*, *грузин*, *цыган*, *башкир*, *солдат*, *драгун*, *человек* [271].

Академическая грамматика, кроме названий национальностей, указывает названия по отношению к частям войск, воинских групп: *гренадер*, *гусар*, *драгун*, *кирасир*, *солдат*; существительные, употребляющиеся обычно с числительными: *аршин*, *вольт*, *грамм*, *гран*; названия парных предметов: *валенок*, *глаз*, *погон*, *сапог*, *чулок* [272]. Близкую классификацию предлагает А. В. Исаченко, добавляя названия фруктов и овощей: *апельсин*, *баклажан*, *помидор* [273].

В материалах сектора современного литературного языка и культуры речи Института русского языка, регистрирующих современное формоупотребление, отмечаются следующие существительные с дублетными формами: 1) названия национальностей: *айсоров — айсор*, *башкиров — башкир*, *киргизов — киргиз*, *мадьяров —мадьяр*, *монголов — монгол*, *румынов — румын*, *турков — турок*, *цыганов — цыган*; 2) названия лиц по принадлежности к воинским соединениям: *гусаров — гусар*, *драгунов — драгун*, *уланов — улан*, *партизанов — партизан*, *янычаров — янычар*; 3) названия овощей, плодов: *абрикосов — абрикос*, *апельсинов — апельсин*, *бананов*, *мандаринов* (редко *банан*, *мандарин*) и преимущественно без окончания: *баклажан*, *гранат*, *помидор*; 4) названия различных мер и единиц измерений: *граммов — грамм*, *амперов — ампер*, *ваттов — ватт*, *герцев — герц*, *эргов — эрг*, при преимущественном употреблении форм без окончания; 5) названия парных предметов (обычно без окончания): *валенок*, *ботинок*, *сапог*, *краг*, *манжет*, *шаровар*, *штиблет*, *чулок*, *эполет* и др.

Итак, сохранение дублетных форм родит. мн. при преимущественном употреблении форм без окончания характеризует в основном две группы слов: а) существительные, преимущественно употребляющиеся в форме мн. ч. (см. группы 1, 2, 3, 5 у Чернышева); в форме ед. ч. такие существительные обычно употребляются с количественными числительными (*один помидор*, *один ботинок*, *один чулок* и т. п.); и б) названия мер и единиц измерения. Возможно, что закрепление форм родит. без окончания имен-

[269] В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, вып. 2, стр. 72.

[270] N. Durnovo. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne, стр. 244.

[271] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 126.

[272] Грамматика АН СССР, т. I, стр. 150.

[273] А. В. Исаченко. Грам. строй русск. языка, ч. I, стр. 173—174.

но за этими разрядами существительных произошло еще и потому, что при их употреблении обычно не происходило омонимического столкновения форм родит. мн. и именит. ед. [274], во-первых, в силу различия у ряда слов основ ед. и мн. ч. (*англичанин — англичан*), во-вторых, вследствие малой употребительности их в формах ед. ч., причем омонимии в последнем случае обычно препятствовало объединение с числительным.

Таким образом, форма родит. на *-ов* для существительных мужск. р. твердого различия сохранила свое ведущее положение; форма без окончания здесь была и осталась непродуктивной, сохраняющейся для некоторых разрядов существительных, в том числе и для нескольких изолированных слов (*человек, раз*). Эта форма получила новую продуктивность в группе названий единиц измерения, в большинстве своем иноязычного происхождения. В редких случаях вариантность форм родит. пад. является следствием двуродовой принадлежности слова, см., например: *рельс* и *рельсов*, *спазм* (для общелитературного *спазма*) и *спазмов* (для терминологического *спазм*).

Существительные, в именит. пад. мн. ч., оканчивающиеся на *-ья*

§ 57. Под аналогическим воздействием существительных мужск. р. с основой на *-j* (*боёв, обычаев*) [275] в родит. пад. существительных *братья, звенья, крылья, деревья, колосья, каменья*, утвердилась форма на *-ов* (*-ев*): *братьев, звеньев, крыльев, деревьев, колосьев, каменьев* и т. п. От некоторых из этих существительных в XVIII и в нач. XIX в. употреблялись и формы без флексий: *братий* (*собратий*), *крылий, камений*. В наличии этих форм, как и в утверждении в литературном языке форм *друзей, князей, мужей* (разговорные и диалектные варианты — *мужьёв, князьёв*), С. П. Обнорский усматривал «наследие церковнославянского слоя в нашем языке (литературном)» [276].

---

[274] Несмотря на то, что в свое время Ломоносов осудил «безрассудное старание» различить падежи, избегая совпадения во флексиях (Росс. грам., § 119), тенденция к устранению падежной омонимии сыграла определенную роль при становлении системы падежных форм. «Омонимность в морфологических элементах, преимущественно во флексиях,— явление исключительно широкое в русском языке... Однако и тут действуют различительные тенденции (ср. разницу ударения в родит. ед. ч. *гóрода* и именит. мн. ч. *городá*; *пóля — поля́*; *стороны́ — сторóны* и др. под.)» (В. В. Виноградов. О грамматической омонимии в совр. русск. языке, стр. 2). Об «отталкивании» форм родит. мн. от именит. ед. см. также: N. Durnovo. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne, стр. 244; R. Jakobson. The relationship between genitive and plural in the declension of russian nouns, стр. 183—184.

[275] См. об этом: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 282—283.

[276] Там же, стр. 283.

Для Сумарокова, например, формы *братий* и *братьев* были формами одного слова. Отвечая на критику Тредьяковского, относившего употребление *братиев* вместо *братий* к неправильностям [277], Сумароков писал: «а *братиев* есть и весьма вольность малая, ибо хотя *братий* и правильнее, нежели *братиев*, однако вместо *братиев* сокращенно *братьев* еще употребительнее, нежели *братий*... А я употреблению с таким же следую рачением, как и правилам» [278].

Употребление форм *братий* и *крылий* было распространено в поэтическом языке первой половины XIX в.:

Кровь наших *братий* (Милонов, Освобожд. пленники); судьбою *братий* мне подвластных (Лерм., Демон, II, X); проливаешь кровь своих *братий* (Д. Дав., Дневн. партизанск. действий) [279]; оставил мать, сестер и двух *братий* (Пушк., п. В. Л. Давыдову, перв. пол. марта 1821); см. также: Психей, лишенных *крылий* (К. Павлова, Двойн. жизнь) [280].

Наличие в литературном употреблении форм *гроздей*, *дядей*, *углей*, *холопей* и др. наряду с формами *гроздьев*, *дядьев*, *угольев*, *холопьев* объясняется не сохранением книжной «старины», как в формах *крылий*, *камений*, а образованием форм от разных основ мн. ч. без *j* (*грозди*, *дяди*, *угли*, *холопи*) или с *j* (*гроздья*, *дядья*, *уголья*, *холопья*). См., например, в сочинениях Пушкина: терпеть шутки от ваших *холопьев* не намерен (Дубр., I), но: Они не походят (как герои фр.‹анцузские›) на *холопей* (О романах Вальтера Скотта).

Существительные женского и среднего рода

§ 58. Формами родит. пад. мн. ч. существительных женск. и средн. р. как твердого, так и мягкого различия (исключая тип *кость*) были и остаются формы с нулевой флексией.

Формы мн. ч. существительных мягкого различия (мужск. и женск. р.) в основном испытали воздействие форм мн. ч. существительных типа *кость*; но на парадигме склонения некоторых существительных обоих различий сказалось и влияние наиболее «сильного» типа склонения, выразившееся в образовании от существительных женск. и средн. р. форм родит. на *-ов* (*-ев*).

Формы на *-ов* от существительных женск. р. твердого различия в письменность конца XVIII — нач. XIX в. проникали, очевидно, из речи разговорной. Флексия *-ов* распространялась, главным образом, на иноязычные слова с конечным твердым согласным основы (в том числе и на имена собственные) [281]. Это—свиде-

[277] См.: В. К. Тредьяковский. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении..., стр. 476.

[278] А. П. Сумароков. Ответ на критику, ч. X, стр. 97.

[279] Все примеры заимствованы из книги Л. А. Булаховского, «Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис», стр. 69.

[280] Там же, стр. 70.

[281] В петровских «Ведомостях» отмечены формы: *барков*, *бомбов*, *бригадов*, *бригантинов*, *галеров*, *гранатов*, *кафедров*, *квартиров*, *литавров*, *монетов*, *минов*, *мортиров*, *фашинов*, *шпагов* (см.: А. Е. Ладюкова. Автореф. канд. дисс.).

тельство недостаточной освоенности слов, сказывавшееся в отсутствии их строгой грамматической оформленности, например: *Агриппов* (Державин), *арбов* (Грибоедов; у него же и *арб*), *взятков* (Ломоносов, Аблесимов, Хемницер), *заразов* (Сумароков, Чулков), *кикиморов* (Державин), *колбасов* (Вяземский), *конфектов* (Болотов), *лентов* (Чулков), *мадамов* (Лермонтов), *манеров* (Ломоносов), *монетов* (Аблесимов), *мортиров* (Чулков), *рифмов* (Ломоносов), *россомахов* (Радищев), *сомнабулов* (Одоевский), *убийцев* (Ломоносов, Радищев), *фибров* (Радищев), *ширмов* (Лермонтов) [282].

Все эти формы еще во время своего наибольшего распространения, т. е. во второй половине XVIII в., обычно квалифицировались как разговорные и просторечные [283]. Очевидно, именно поэтому В. К. Тредьяковский, например, считал недопустимым употребление *заразов* вместо *зараз* [284]. Уже к началу XIX в. эти формы вышли из употребления [285]. В литературе второй половины XIX — нач. XX в. они используются в характерологических целях при передаче просторечья и диалектной речи; см., например, употребление А. Островским форм *иностранков* («Невольницы»), *немков* («Волки и овцы») [286]; ср. еще:

Сколько их, *гадюков*, тут разведено, *ехиднов*! (Г. Усп., «Четверть» лошади); Всего-то восемь *верстов* осталось (М.-Сиб., Из далекого прошл., Конец первой трети, III); Мало ли их, *невестов* этих (Корол., Ат-Даван, X); Сколько я *конфетов*... перекушал (Чех., Мечты); бывает даже *убийцев* и тожалко (М. Г., Тюрьма). См. также примеры, приведенные в монографии С. П. Обнорского «Именное склонение», вып. 2, стр. 243: *анафемов* (М. Г., Ледоход); *ведьмов* (М. Г., Жизнь Матв. Кожем., 1); *девушков* (Лейкин, На Куленб); *калошев* (М. Г., В людях, I); *молитвов* (М. Г., Трое); *мужчинов* (М. Г., Городок Окуров); *причинов* (М. Г., В ущелье); *шельмов* (Чех., Беспокойн. гость).

§ 59. Из существительных средн. р. наибольшему воздействию форм родит. на *-ов* подверглись существительные на *-ко* и *-це*.

---

[282] Перечень форм составлен на основе материалов, приведенных С. П. Обнорским в монографии «Именное склонение», вып. 2, стр. 234—236.

[283] См. об этом: В. В. Виноградов. Очерки, стр. 66—67, 109, 140.

[284] См.: В. К. Тредьяковский. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении..., стр. 481.

[285] См.: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 236, 274.

[286] См.: С. И. Цыпин. Наблюдения над языком драматургии А. Н. Островского. «Уч. зап. Усть-Каменогорского гос. пед. ин-та», вып. 2, 1959, стр. 252. В отдельных случаях возможно и нейтральное употребление: Привези от него двух моих великолепных *таксов*. Чехов (см.: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 236).

«Российская грамматика» Ломоносова не отмечает особенностей склонения существительных на *-ко* и *-це*; в примерах дается только форма без флексии (§ 154). Но в «Материалах к грамматике» указано колебание *зернышек* и *зернышков* (стр. 623), а в художественных произведениях Ломоносова отмечена форма *солнцев*: Толь много *солнцев* в них пылающих сияет [287].

Возможность образований формы родит. пад. мн. ч. на *-ов* от существительных на *-ко́* отмечена Востоковым: «Кончащиеся на *ко* с ударением, напр. *бранько*, *гнедко* и средн. р. *очко*, *ушко*, склоняются... имея в именит. мн. *-ки*, в родит. *-ков*» [288]. Н. Греч в «Уклонениях особенных» указывает на «обычность» формы *солнцев* и в примерах склонения приводит эту форму [289]. Приводя формы *яблоков*, *солнцев*, Павский замечает при этом, что имена на *-ко* «чаще употребляют «сокращенное» окончание: *колечек*, *мальчишек*, в то время как имена на *-це* чаще образуют форму на *-ов*: *именьицев*, *владеньицев*, *поместьицев*, *одеяльцев*, *платьицев*, *полотенцев* (и *полотенец*), *зеркальцев*» [290]. И. Давыдов для слов на *-ко* и *-цо*, *-це* дает две формы родит. пад. мн. ч.: *яичек*, *полотенец*, *крылец* — и другую, с окончанием *-ов* — для имен средн. р. на *-ко*, *-це*: *яблоков* и *яблок*; *солнцев* [291].

Литературному языку конца XVIII — нач. XIX в. свойственно употребление форм *древко́в* (хотя, по Востокову, возможно только *древок*), *очков*, *ушков*, *колесиков*, *личиков*, *плечиков*, *блюдечков*, *колечиков*, *местечков* и т. п. Широко распространены в это время и формы *болотцев*, *копытцев*, *зеркальцев*, *полотенцев*, *солнцев*, *сердцев* (последние две — особенно часты).

См. приведенные С. П. Обнорским употребления форм на *-ов*: а) от существительных на *-ко*: *колесиков*, *личиков*, *плечиков*; *древков* (Брюсов), *очков* (М. Горький), *ушков* (Стасов), *блюдечков*, *местечков* (Лейкин); б) от существительных на *-це*: *сердцов* — преимущественно в выражениях *без сердцов*, *с сердцов* (Фонвизин, Вяземский, Грибоедов), *солнцев* (Ломоносов, Державин, Вяземский, В. Одоевский), *деревцов* (Куприн), *зеркальцев* (Словарь АР), *коленцев* (Григорович) [292].

В современном языке формы родит. на *-ов* обычны для некоторых существительных средн. р. на *-ко* и *-це*: *древков*, *облаков*, *очков*, *плечиков*; *болотцев*, *коленцев*, *копытцев*, *кружевцев*, *окончев* [293].

Среди существительных средн. р. на *-ко* особое место принадлежит словам *облако* и *яблоко*, имевшим дублетные формы родит. пад.: *облак*, *яблок* и *облаков*, *яблоков* (при формах именит. мн. *об-*

---

[287] См.: В. Н. Макеева. Указ. соч., стр. 101.
[288] А. Х. Востоков. Русск. грамм., § 26, стр. 31.
[289] Н. И. Греч. Простр. русск. грам., § 245, стр. 173; § 246, стр. 184.
[290] Г. П. Павский. Указ. соч., стр. 342—343.
[291] И. И. Давыдов. Опыт общесравнит. грам., § 214.
[292] С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 259—262.
[293] См. Грамматика АН СССР, т. I, стр. 155, 157.

лаки, *облака* и *яблоки*). Длительное сосуществование дублетных форм поддерживалось наличием в языке вариантных форм именит. пад. ед. ч. мужск. р.: *облак*, *яблок*, а употребление формы родит. мн. *облак* — еще и тем, что данная форма как «сокращенная» (ср. *облаков*) входила в число «поэтических вольностей» [294]. С течением времени в литературном языке утвердились формы *облаков* и *яблок*.

§ 60. Флексия *-ов* почти не оказала воздействия на существительные средн. р. твердого различия (кроме упомянутых выше существительных на *-ко*); см. редкие образования: *опахалов*, *тенетов*, *титлов*, *мясов*, *стадов* [295].

Употребление в литературном языке таких форм, как *делов*, *местов*, широко распространенных в просторечье и диалектах, резко осуждалось К. Аксаковым: «В особенности сильно оскорбляет слух непростительно-варварское употребление, впрочем не часто встречающееся, в некоторых именах средн. рода на *о*, например: *делов*, *местов*, *окнов* и пр. Такого рода употребление есть явное нарушение смысла языка и оскорбление грамматики» [296].

В литературе второй половины XIX в. эти формы используются при передаче «народной речи»:

От этих *делов* не будешь богата (Засодимск., Темн. силы, III); *местов* мало (Н. Усп., Егорка пастух, VI) [297]; насчет своих *делов* (Там же, VII).

§ 61. В конце XVIII— нач. XIX в. формы на *-ов* (*-ев*) употреблялись от существительных женск. и средн. р., основа которых оканчивалась на *-j*: *вереёв* (Державин), *витиев* (Державин), *затеев* (Аблесимов, Державин); *молниев* (Державин), *стихиев* (Державин), *струев* (Радищев), *церемониев* (Державин, Судовщиков) [298]. См. также:

Музы не живут без *грациев* (Хераск., Бахариана, Вступл.); семь *провинциев* (Кропот., Фомушка, III, 6); Всех *затеев* Аракчеев (Рылеев и А. Н. Бестужев, Ах, тошно мне...).

Все эти формы к середине XIX в. вышли из употребления, сохраняясь в художественной литературе как стилистический

---

[294] См.: Н. Остолопов. Указ. соч., стр. 137.

[295] С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 267.

[296] К. С. Аксаков. Опыт русской грамматики, ч. I, М., 1860, стр. 126—127. Интересно замечание Л.В.Щербы: «Если какой-нибудь директор кино, желая обновить русский язык, сделает аншлаг на дверях своего театра: *местов на сегодня больше нет*, то реакция на это будет одна: «Как это вы позволяете неграмотным людям писать аншлаги в вашем театре?» И это несмотря на то, что формы *местов*, *делов* имеют, по всей вероятности, шансы на успех в будущем» (Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии.— Избр. работы по языкознанию и фонетике, т. I, Л., 1958, стр. 65).

[297] Эти формы часты в пьесах Островского. См.: С. И. Цыпин. Указ. соч., стр. 252.

[298] См.: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 235—236.

прием; см.: *авариев* (Куприн) [299]; *затеев*, *канальев* (Островский) [300]; У них, у *канальев*, так исстари заведено (Салтыков-Щедрин) [301].

Формы на *-ов* (*-ев*) от существительных средн. р. с основой на *-j* распространяются с середины XVIII в. Уже в это время они имеют своих сторонников и противников. Тредьяковский осуждал Сумарокова за употребление форм на *-ов*: «Неисправно кончит средн. р. имена в мн. ч.,— писал он,— *подозрениев* за *подозрений*, *следствиев* за *следствий*, *нещастиев* за *нещастий*, *отсутствиев* за *отсутствий*» [302]; «непростительными» употреблениями он считал *примечаниев*, *склонениев* вместо *примечаний*, *склонений* [303]. Отвечая Тредьяковскому, Сумароков писал: «*Братиев* вместо *братий* есть вольность же, также *следствиев* и протчее» [304].

Ломоносов очень редко допускал употребление родит. на *-ов* от существительных женск. и средн. р. В «Материалах» к грамматике (стр. 635) читаем: *познание*, *познаний*, *познаней*, *познаниев*; *материя*, *материй*, *-рей*, *-риев*. В сочинениях Ломоносова отмечено только одно употребление: «Новым словам ненадобно старых *окончаниев* давать, которые не употребительны» [305]. Светов считал такие формы неправильными [306], а Барсов — простонародными [307].

Несмотря на то, что формы на *-ов* грамматиками начала XIX в. признаны нелитературными [308], для некоторых слов их употребление допускалось. «Некоторые имена, кончащиеся на *-ье*,— писал в «Уклонениях особенных» Греч,— особенно употребляемые в просторечии, как-то: *кушанье*, *поместие*, имеют... *кушаньев*, *поместьев*» [309]. Павский, отмечая влияние собирательных существительных типа *звенья*, *коленья*, *крылья* на склонение существительных средн. р., писал: «Подражание сие видно в родит. пад. *Варенье*, *кушанье*, *одонье*, *поместье*, *устье* в родит. пад. переделываются на *вареньев*, *кушаньев* и т. д. Впрочем, имена сии можно склонять и правильно: *варений*, *поместий* или *поместей*, *ус-*

---

[299] С. П. Обнорский, Именное склонение, вып. 2, стр. 243.

[300] См.: С. И. Цыпин. Указ. соч., стр. 252.

[301] Как и в русском языке, флексия *-ов* в польском языке обладала большей «активностью» в XVIII в. и, будучи «принадлежностью» мужск. р., распространялась на существительные женск. р.; в течение XIX в. формы на *-ów* вышли из употребления и сохраняются лишь как средство стилизации (см.: H. Kurkowska i S. Skorupka. Stylistyka polska. Zarys. Warszawa, 1959, стр. 37).

[302] В. К. Тредьяковский. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, стр. 476.

[303] В. К. Тредьяковский. Разговор об ортографии, т. III, стр. 223.

[304] А. П. Сумароков. Ответ на критику, ч. X, стр. 97.

[305] См.: В. Н. Макеева. Указ. соч., стр. 100.

[306] См.: М. И. Сухомлинов. Указ. соч., стр. 311.

[307] Там же, стр. 285.

[308] См.: В. В. Виноградов. Очерки, стр. 182.

[309] Н. И. Греч. Простр. русск. грам., § 245, стр. 173.

тей» [310]. Аналогичные указания находим в грамматике Давыдова [311]. В числе исключений Буслаев называет форму *устьев* [312], а Стоюнин — «*вареньев*, *кушаньев*, *поместьев* вм. правильных *варений*, *кушаний*, *поместий*» [313]. К. Аксаков отрицательно относился к формам на *-ов*: «Ухо наше... оскорбляется, когда говорят: *желаньев*, *именьев* вместо: *желаний*, *имений* и т. д.; хотя употребление *перьев*, *платьев* стало нам уже привычно» [314].

Показания грамматик подтверждаются употреблением:

[Полоний] Я *наставлениев* твоих не принимаю... (Сумарок., Гамлет, IV, 2); *искушениев* мирских (Хераск., Бахариана, Вступл.); Нет ли у вас каких *сведениев* (И. В. Иванов, п. Державину, 14 марта 1774); несколько дорогих *евангелиев* (Челищ., Путеш, 9); дождался *известиев* (Болот., 1, 24); на несколько *отделениев* (Там же, 21); *зданиев* (Держ., На восш. на престол имп. Ал. I); *странствиев* (Держ., Фонарь); шесть *воскресеньев* (Крыл., Почта духов, XXXVI); *уверениев* (Н. Н. Трубецкой, п. А. М. Кутузову, 31 авг. 1791); *шарканьев* (Нарежн., Росс. Жилбл., 5, VII); *ожерельев* (Сл. АР, III, *Коральки*); *кушаньев* (Н. Тург., Дневн., 20 июля 1808); из *ущельев* (Гриб., Пут. зап., IV); десять лет *мучениев* (Е. А. Протасова, п. В. А. Жуковскому, 11 окт. 1815); *купаньев* (Марл., Письмо к д-ру Эрману); *поместьев* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 1; Гоголь, М. д., 1, VI; Вигель, Зап., 1, 1); *угодьев* (С. Акс., Сем. хрон., Степ. Мих. Багров); *кушаньев* (А. Дост., Дневн., 21 апр. 1867).

См. также перечень форм на *-ов* (*-ев*) в монографии С. П. Обнорского «Именное склонение» (вып. 2, стр. 252): *благодеяньев*, *бряцаниев*, *прельщеньев*, *восхищеньев*, *движеньев*, *деяньев*, *желаниев*, *зданиев*, *злощастьев*, *счастьев*, *милосердиев*, *объятьев*, *строениев*, *твореньев*, *удовольствиев*, *украшениев*, *опорочениев*, *здоровьев*, *кушаньев*, *мученьев*, *поместьев*, *одоньев*, *путешествиев*, *сраженьев*, *занятиев*.

Интересно отметить, что Пушкин не образует форму на *-ов* от существительных средн. р. с основой на *j*. Е. Ф. Будде указывает только два случая: *подмастерьев* и *лохмотьев* [315]. Но слово *подмастерье* «вело себя» как существительное мужск. р., для которого окончание *-ов* в данном случае было обычным, а слово *лохмотья* не употреблялось в ед. ч. (форма *лохмотьё* дается Будде как предположительная) и изменялось так же, как существительные типа *клочья* (*клочьев*).

---

[310] Г. П. Павский. Указ. соч., стр. 344.
[311] И. И. Давыдов. Опыт общесравнит. грам., § 216, стр. 162.
[312] Ф. И. Буслаев. Ист. грам., Этимология, § 97, стр. 223.
[313] В. Я. Стоюнин. Высший курс русской грамматики, стр. 117.
[314] К. С. Аксаков. Указ. соч., ч. I, стр. 126—127.
[315] Е. Ф. Будде. Опыт грамматики языка Пушкина, вып. 1. СПб., 1901, стр. 77.

К концу XIX в. формы на *-ов* у сущ. на *-ие* выходят из употребления, сохраняясь в литературе только как средство воспроизведения речи персонажей «из народа»:

Константин Глебович, вы изволите знать дядюшку! У них делов собственных по горло. И с судом они опасаются всяких *столкновениев*! Вот они у нас как выражаются, господа коммерсанты (Боборык., Китай-город, 2, XIII); от меня *оправданиев* не услышите (Остр., Не все коту масл., I, 5); см. еще в пьесах Островского: *благодеяниев* (Старый друг); *имениев* (Трудовой хлеб); *наставлениев* (Горячее сердце); *неудовольствиев* (Грех да беда); *обыкновениев* (Последняя жертва); *поручениев* (Без вины виноватые); *условиев* (Сердце не камень) [316]. Они от своих *мечтаньев* отказались (Лейкин, Первое марта); лишиться своих *намерениев* (М. Г., Супруги Орловы).

В отличие от совершенно вышедших из употребления форм на *-ов* (*-ев*) сущ. женск. р. и ср. р. на *-ие*, эти формы у сущ. средн. р. на *-ье* в последнее время как бы вновь получили продуктивность. Наибольшим постоянством отличаются образования на *-ов* (*-ев*) от существительных *верховье* и *низовье*: с *верховьев*, *низовьев*; формы на *-ев* употребительны также от существительных *побережье*, *угодье* и др. [317]

Существительные pluralia tantum

§ 62. В грамматиках XIX в. (особенно первой его половины) существительные pluralia tantum по традиции «разносились» по родам. Так, например, существительные: *бакенбарды*, *брызги*, *брюки*, *вареники*, *высевки*, *выжимки*, *кандалы*, *козлы*, *коньки*, *пожитки*, *прогоны*, *пяльцы*, *снежки*, *счеты*, *тиски*, *хоромы*, *обои*, *овощи*, *побои*, *помои* и др. Греч относил к мужск. р.; *бабки*, *бусы*, *вилы*, *враки*, *вычески*, *дрожжи*, *жмурки*, *именины*, *мурашки*, *носилки*, *сливки*, *сумерки*, *сутки*, *ширмы* и др.— к женскому. В зависимости от того, к какому роду относилось то или другое существительное, оно получало или не получало флексии в форме родит. пад.: в мужском роде требовалась флексия *-ов*, в женском она отсутствовала. В результате двойственных ассоциаций возникали дублетные формы: *брызг* и *брызгов*, *дрязг* и *дрязгов*, *литавр* и *литавров*, *макарон* и *макаронов*, *мириад* и *мириадов*, *оков* и *оковов*, *прогон* и *прогонов*, *сумерек* и *сумерков*, *хором* и *хоромов*, а также

---

[316] См.: С. И. Ц ы п и н. Указ. соч., стр. 252.

[317] Соответствующие материалы собраны в секторе современного русского литературного языка и культуры речи Института русского языка АН СССР. См. также следующее замечание С. П. Обнорского: «В языке обнаруживается тенденция к новому усвоению данного типа форм от одной категории тех же имен существительных, именно от слов на *-ье*, в отличие от имен на *-ие*, не дающих этого типа форм в современной стадии языка» («Именное склонение», вып. 2, стр. 254; см. также стр. 257).

высевок и *высевков*, *выселок* и *выселков*, *нападок* и *нападков* [318], *порток* и *портков*, *обой* и *обоев*, *помой* и *помоев*. В дальнейшем одна из дублетных форм выходила из употребления, но единой формы родит. пад. для всех существительных pluralia tantum не установилось. В современном языке одни существительные pluralia tantum в родит. пад. имеют флексию *-ов*, *-ев*, другие *-ей*, третьи — нулевую флексию.

Флексия *-ов*, *-ев* родит. пад. мн. ч. существительных мужск. р. несомненно была одной из наиболее «деятельных». Став уже в начале XIX в. основной флексией формы родит. пад. мн. ч. для существительных мужск. р. твердого различия и с основой на *j*, эта флексия повлияла и на образование форм родит. пад. мн. ч. существительных средн. р. на *-ко* и *-це*. Она укрепилась в склонении существительных, в формах именит. пад. мн. ч. оканчивающихся на *-ья*, и завоевала прочные позиции в склонении существительных pluralia tantum. Существительные женск. р. оказались единственной категорией, на дальнейшее развитие которой формы с флексией *-ов*, *-ев* в литературном языке не оказали воздействия.

Развитие соотношений форм с флексией *-ей* и с нулевой флексией

§ 63. Флексия *-ей*, принадлежавшая парадигмам склонения существительных типа *кость*, *гость*, оказала влияние на парадигмы мужского и женского типов склонения мягкого различия. В парадигмах мужского типа склонения она вступала в активные соотношения с флексией *-ов*, *-ев*, в парадигмах женского типа склонения — с нулевой флексией.

Существительные женского рода

§ 64. Флексия *-ей* существительных женск. р. типа *кость* оказывала воздействие на формы родит. пад. мн. ч. существительных женск р. типа *земля*, в данной форме имевших нулевую флексию. В результате этого воздействия у некоторых существительных женск. р. с основой на мягкий согласный, на *ц*, *ж* и *ш* образовались дублетные формы родит. пад.: без флексии и с флексией *-ей* (сюда же примыкают существительные *вельможа*, *юноша*).

Наличие двух форм родит. мн. у существительных женск. р., оканчивающихся на мягкий согласный, в середине XVIII в.

[318] Двойственность форм у существительных на *-ки* могла быть вызвана «колебанием рода» существительных с суффиксами *-ок* и *-ка*; ср.: *оттенок* — *оттенка* и др.; ср. также колебания форм у существительных, во мн. ч. оканчивающихся на *-ки* и не принадлежащих к pluralia tantum: Мне дороги не мои интересы, а интересы «*Осколок*» (Чех., п. Н. А. Лейкину, 25 или 26 июня 1883); «*Осколков*» в Москве выходит больше, чем «Буд[ильника]» (Чех., п. Н. А. Лейкину, 30 сент. 1885).

нашло отражение в «Российской грамматике» Ломоносова. «Кончащиеся на *жа*, *ча*, *ша*,— пишет Ломоносов,— переменяют в родит. мн. *-а* на *-ей*, когда перед ними стоит согласная: *ханьжа*, *ханьжей*; *епанча*, *епанчей* и *епанеч*; *каланча*, *каланчей*; *парча*, *парчей*; *векша*, *векшей*; *верша*, *вершей*, *пища*, *пищей*» (Росс. грам., § 167). В «Материалах к грамматике» приводятся также формы на *-ей*: *саней*, *лыжей* (стр. 676) (ср. на стр. 627: *лыжи*, *лыж*). Ломоносов указывает также на наличие дублетных форм у ряда существительных женск. р.: «но некоторые равномерно употребляются и на *-ей*: *лютней*, *башней*, *вишней*, *каплей*, *цаплей*» (§ 170).

В языке самого Ломоносова отмечены колебания: *тучей — туч*, *басней — басен*, *каплей — капель*, *тысячей — тысяч*, *епанчей — епанеч*; отмечено также употребление форм на *-ей*: *песней*, *пищей*, *мышцей*, а также *вельможей*, *юношей* (при возможном *юнош*) [319].

С. П. Обнорский констатирует следующие колебания у авторов второй половины XVIII в.: *вельмож — вельможей* (Кантемир, Державин, Радищев, Княжнин); *юношей — юнош* (Ломоносов); *тысячей — тысяч* (Фонвизин, Княжнин); *рощей — рощ* (Сумароков, Державин); *бурей — бурь* (Ломоносов, Державин); *зарей — зорь* (Державин); *пулей — пуль* (Чулков); *каплей — капель* (Ломоносов); *распрей — распрь* (Державин); Кроме того, отмечено употребление следующих форм на *-ей*: *депешей* (Фонвизин); *невежей* (Кантемир, Фонвизин); *офицершей* (Фонвизин); *пищей* (Ломоносов); *рощей* (Ломоносов, Карамзин); *барыней* (Княжнин); *заутреней* (Болотов); *пустыней* (Ломоносов, Сумароков, Державин, Радищев); *бурей* (Капнист); *цаплей* (Ломоносов) [320].

Дублетные формы не обладали стилистической закрепленностью. Несмотря на то, что в грамматике Ломоносова была сделана попытка выделить группы слов, от которых образуются формы на *-ей*, даже в творчестве самого Ломоносова живое употребление выходило за рамки этих ограничений.

§ 65. История употребления форм с флексией *-ей* в XIX в.— это история дальнейших упорядочений, ограничения форм на *-ей* определенным кругом слов и нормализации нулевой флексии в качестве основной для большинства существительных женск. р. типа *земля*, *роща*. Перечисляя группы слов, образующих формы родит. мн. на *-ей*, И. Орнатовский исходил, по-видимому из «удобства» произношения. Поэтому в данные группы слов (употребляющихся как в ед. и мн. ч., так и pluralia tantum) он включал все существительные со стечением согласных и с долгими согласными перед окончанием именит. над. *-а* (см. *векша*, *клешня*, *цапля*, слова с долгими *ж* и *ш* — *вожжа*, *роща*). Отсутствие окончания

[319] См.: Т. А. Шаповалова. Формы существительных и прилагательных в «Российской грамматике» и художественных произведениях М. В. Ломоносова, стр. 105.

[320] С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 186—199.

и колебания форм отмечены Орнатовским для тех существительных, у которых в родит. пад. мог появляться в основе беглый гласный, а также для существительных с односложной основой: *басня — басен, вишня — вишен, кухня — кухонь* и *кухней, буря — бурей* и *бурь, заря, зарей, доля, долей* и *доль* [321].

Аналогичный принцип выделения слов с формой родит. на *-ей* наблюдается и в грамматике Востокова, где приводится следующий перечень форм: *вожжа, вожжей; ханжа, ханжей, парча, парчей; притча, притчей; верша, вершей; векша, векшей; толща, толщей* и, кроме того, *юноша, юношей* [322] (и *юнош*) и *роща, рощей* (и *рощ*). Формы на *-ей*, указывается дальше, могли иметь также следующие существительные: «*воня, броня, пеня, клешня, долбня, четверня* (и другие на *-ерня*), *сопля, козуля, рохля, пукля, распря, ноздря, возгря, дядя, культя*; а существительные *тоня, доля, заря, стезя* имеют в означенном падеже двойное окончание: *тонь, доль, зарь, стезь* и *тоней, долей, зарей, стезей*» [323].

Таким образом, грамматисты, особо выделяя и перечисляя имена, образующие форму на *-ей*, как бы косвенно признаю- ее непродуктивность для существительных типа *земля*. Ограничиваясь в образовании и употреблении, форма на *-ей* задерживается в группе имен данного типа существительных с основой на шипящий: *вожжей, векшей, парчей* и т. п.

Формы на *-ей* широко употребляются в конце XVIII — нач. XIX в. Их употребление выходит за рамки описанных в грамматиках ограничений.

В сильном напряжении *мышцей* (Карамз., И. Г. Р., I, III); *афишей* целый пук лежит (И.Дм., Путеш. в Париж и Лондон, 2); *пустыней* (И. Дм., К Волге); *вельможей* (Н. Тург., Дневн., 22 марта 1807); три тысячи *милей* земли (Там же, 5 апр. 1807); из-за *рощей* (Батюшк., Предслава и Добрыня); *пустыней* (Там же); *вельможей* (Ермолов, Зап., 29 авг. 1817); направление умов и *волей* (Пестель, Русск. Правда, 2, 2); *шесть песней* (Кюхельб., Дневн., 1833); *рощей* (Кюхельб., Путеш., XXXI, Мнемоз., 1824, ч. 3); куполы развалившихся *баней* (Гриб., Пут. зап., XI); *свечей* (Гриб., Горе от у., IV, 14); тьма *пашней* (Гриб., Пут. зап., I); *песней* сладких дар (Веневит., Италия); С белых *кровлей* (В.Одоевск., Русск.ночи, 2); *сплетней* (Пушк., А. П.В., I); в виде *нишей* (Лерм., Вадим, XVIII) [324]; *неделей* (Гоголь, М. д., 1, I); *петлей* (Гоголь, Шинель); целованием папских *туфлей* (Лажечн., Лед. дом, 2, 6); от глупых *сплетней*

---

[321] И. Орнатовский. Указ. соч., стр. 72—74.

[322] А. Х. Востоков. Русск. грам., § 26, стр. 38.

[323] Там же. Аналогичные перечни имен и форм, выделенные, составленные и поясненные подобным же образом, можно найти у Греча и Павского, см.: Н. И. Греч. Простр. русск. грам., § 243, стр. 169—170; Г. П. Павский. Указ. соч., стр. 336, 337.

[324] В начале XIX в. известно было в употреблении и слово *ниш* (см.: *темный ниш*. Пушк., Сон), от которого форма *нишей* была нормальной.

(Тютч., Как ни бесилося злоречье...); перевод *басней* (Вяземск., Ст. зап. кн., 5); *рощей* (Козлов, Жнецы); не пишешь ли ты *виршей*? (Герц., Кто виноват?, 1, VI).

С. П. Обнорский приводит следующие дублетные формы родит. пад. существительных у авторов первой половины XIX в.: *вельмож — вельможей* (Пушкин); *депеш — депешей* (Вяземский); очень распространенное колебание *свеч — свечей* (вторая форма постепенно «оттесняет» первую); *пустынь — пустыней* (Пушкин); *бань — баней* (Грибоедов); *бурь — бурей* (Батюшков, Пушкин); *миль — милей* (Вяземский); *сакель — саклей* (Пушкин); *сплетен — сплетней* (Пушкин). Отмечены также колебания форм: *юнош — юношей*; *рощ — рощей*; *зорь — зорей*; *кегель — кегелей*; *кровель — кровлей*; *сабель — саблей*; *туфель — туфлей*; *пашен — пашней*, а также образования форм на *-ей*, не свойственные современному языку: *афишей*, *виршей*, *нишей*, *ношей*, *смотрительшей*, *неудачей*, *предтечей*, *рощей*, *тещей*, *святыней*, *волей*, *долей*, *каракулей*, *неделей*, *кровлей*, *ловлей*, *петлей*, *саблей*, *распрей*, *пашней* [325].

Наиболее распространенными, кроме отмечавшихся выше *свеч — свечей*, были дублетные формы *басен — басней*, *песен — песней*, поддерживавшиеся наличием вариантных форм именит. пад. *баснь — басня* и *песнь — песня*. Некоторые из этих дублетных форм исключались из употребления уже современниками. Показательно замечание Пушкина на стихотворение Батюшкова: против строки «Средь бурей жизни и недуг» Пушкин пишет: *бурь, недугов* (т. XII, стр. 250). Интересно отметить при этом, что форму *бурей* сам Пушкин употребил только раз, в лицейских стихах: Средь *бурей* тайный мой хранитель (Наполеон на Эльбе). Форма *бурь* употреблена Пушкиным 19 раз. Против строки «И день, чудесный день, без ночи, без зарей!» Пушкин пишет: *зорь* (т. XII, стр. 276).

Форму *юнош*, встретившуюся в стихах Катенина (менял *юнош* без числа. Мадригал), Востоков в своей грамматике относит к «старинному» языку [326], а один из случаев употребления Державиным формы *вельможей* И. И. Дмитриев исправляет на *вельмож* [327].

§ 66. Во второй половине XIX в. употребление форм на *-ей* у существительного женск р. на *-а* с основой на мягкий согласный и на шипящий сокращается. Как и ранее, оно отмечается преимущественно у слов на *жа*, *ча*, *ша*, *ща*, из прочих согласных — преимущественно на *-ня* и *-ля* (обычно при наличии перед ними со-

[325] См.: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 185—199.

[326] См.: А. Х. Востоков. Русск. грам. Изд. 3. СПб., 1838, § 29, стр. 40 (в первом изд. 1831 г., § 26, стр. 38, к формам «старинного языка» отнесены только формы существительных *притча* и *векша* — *приточ* и *векош*).

[327] См.: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 188.

гласной). Последнее не всегда подтверждается грамматистами. Так, И. Давыдов в «Частных уклонениях» склонения имен существительных отмечает: *ноздря, распря, статья — ноздрей, распрей, статей; вожжа, притча, векша — вожжей, притчей, векшей...; клешня, пукля — клешней, пуклей; деревня, земля, кровля — деревень, земель, кровель* [328]. В. Стоюнин в качестве нормативных называет формы: *ноздрей, распрей, вожжей* [329]. У Буслаева в качестве имеющих формы на *-ей* названы слова: *броня, четверня, вожжа, парча, притча, ханжа, юноша* [330]. Им отмечена возможность образования форм родит. пад. мн. ч. от существительных на *-ня* типа: *башня — башен; деревня — деревень; сплетня — сплетней* (употребляется и *сплетен*) [331].

Таким образом, группы существительных, образующих формы на *-ей*, остаются прежними, но количество слов, от которых эти формы образовались, все время уменьшается. Во второй половине XIX — нач. XX в. их остается совсем немного. С. П. Обнорский приводит вариантные формы от немногих слов: *песен — песней, свеч — свечей, оглобель — оглоблей, сплетен — сплетней, лютень — лютней, шашен — шашней*, а также зарегистрированные им формы: *папашей* (Чехов), *козулей* (Чехов), *наковальней* (Бодуэн-де-Куртенэ), *пашней* (Корш), *пригоршней* (Куприн), *розвальней* (Горький) [332]. См. еще *потерей* (А. К. Толстой), *туфлей* (Достоевский), *тысячей* (Короленко).

Для начала XIX в. В. И. Чернышев дал следующий перечень форм на *-ей*: *пашней, ханжей, вожжей, броней, парчей, ноздрей, головней, саклей, лютней, западней*, а также *бредней*. Он указал ряд дублетов, в наше время сохранившихся только частично: *барж* и *баржей, доль* и *долей, тонь* и *тоней, торговль* и *торговлей, притч* и *притчей, оглобель* и *оглоблей, распрь* и *распрей, купль* и *куплей, петель* и *петлей, святош* и *святошей, сплетен* и *сплетней, свеч* и *свечей* [333]. Словарь Ушакова не дает дублетных форм *купль — куплей, торговль — торговлей*: формы мн. ч. от этих существительных, как правило, не употребляются. В дублетах *тонь — тоней, притч — притчей, петель — петлей, святош — святошей* возобладала первая форма; в дублетах *доль — долей, распрь — распрей* — вторая. Как дублетные отмечаются лишь *оглобель — оглоблей* и *свеч — свечей*; формы *барж — баржей* разошлись стилистически: вторая помечается как разговорная. Кроме того, Словарь Ушакова отмечает дублеты: *цапель — цап-*

[328] И. И. Давыдов. Указ. соч., стр. 157—158; здесь не разграничиваются, а может быть и не различаются *-ей* флексия (*распрей*) и *-ей* — часть основы (*статей*).

[329] В. Я. Стоюнин. Указ. соч., стр. 116.

[330] Ф. И. Буслаев. Ист. грам., Этимология, § 97, стр. 223.

[331] Там же.

[332] С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 186—200.

[333] См.: В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, вып. 2, стр. 97—98.

лей, *шестерен — шестерней*, *сажен — саженей* и для книжных и устаревших слов: *кущ — кущей*, *мреж — мрежей*, *пядень — пяденей*; форма на *-ей* квалифицируется как разговорная или областная в словах *онуч — онучей*, *песен — песней*, *сабель — саблей*, *сплетен — сплетней*.

Как правило, ряд слов pluralia tantum, в родит. пад. мн. ч. имеющих форму на *-ей* (*джунгли — джунглей*, *качели — качелей*, *антресоли — антресолей*, *гусли — гуслей*, *ясли — яслей*, *сани — саней*, *плавни — плавней*, *бивни — бивней*, *сени — сеней* и т. п.), в некоторых случаях образуют и дублетные формы без окончания: *граблей — грабель*, *кеглей — кегель*, *гуслей — гусель*. С. П. Обнорский считает их обычными в количественно именных сочетаниях (двое *грабель*, *гусель*; два десятка *кегель*) и видит в этом живую тенденцию сохранения архаических форм при выражении счетности [334].

С другой стороны, в существующих в живом употреблении дублетах *туфель — туфлей*, *капель — каплей*, *вафель — вафлей*, несомненно, проявляется влияние склонения существительных pluralia tantum, поддержанное обычным функционированием данных слов в формах мн. ч.— *туфли*, *капли*, *вафли*.

Существительные среднего рода

§ 67. Существительные средн. р. твердого различия в форме родит. пад. мн., как правило, не имеют окончания. К ним присоединяются имена, основа которых оканчивается на *j* и на шипящий, и группа имен типа *знамя*, *время*. Остальные существительные средн. р. имеют окончание *-ей*. Эти формы — позднее по происхождению [335]. Распространение окончания *-ей* на существительные *поле*, *море*, *горе* относится к XVIII в. В это время в письменной речи встречаются дублетные формы: *поль — полей*, *морь — морей* и т. п. В «Материалах к грамматике» Ломоносов помещает перечень: *море*, *морь*; *поле*, *поль*; *горе*, *горей*; *солнце*, *со*[*л*]*нцей*» (стр. 631), который в дальнейших набросках несколько изменяется: «*море*, *морей* и *морь*; *поле*, *поль*; *солнц* (*-ев и -ей* [?]» (стр. 643). Сам Ломоносов употребляет обе формы: *морь* и *морей*, *поль* и *полей*; *морь* и *поль*, по-видимому, были уже в его время «поэтической вольностью» [336]; от существительного *солнце* Ломоносов пред-

---

[334] См. об этом: С. П. Обнорский. Именное склонение, 2 вып. стр. 205.

[335] Там же, стр. 183.

[336] Исследователи языка Ломоносова отмечают у него стилистическую неравнозначность форм *морь*, *поль* и *морей*, *полей*: первые употребляются в произведениях высокого и среднего стилей и отсутствуют в лирике и притчах, где выступают формы *полей* и *морей* (см.: Т. А. Шаповалова. Указ. соч., стр. 107). С. П. Обнорский употребление форм *поль* и *морь* отмечает также у Кантемира и Державина (см.: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 183). Г. О. Винокур употребление Ломоносовым формы *морь* справедливо относил к морфологическим условностям — специфическим приметам стихотворного языка XVIII в. (см.: Г. О. Винокур. Русский литературный язык в первой половине XVIII в., стр. 135). Это соответствует свидетельству Барсова: «Вместо: *полей* и *морей* в стихах употребляется также *поль* и *морь*» (см.: М. И. Сухомлинов. Указ. соч.,

почитает форму *солнцев*, форма *солнцей* встречается только в «Материалах» [337] и, очевидно, является плодом теоретизирования, а не фактом языка.

Кроме существительных *поле* и *море*, окончание *-ей* известно еще существительным *плечо* и *колено*. Дублетные формы *плеч — плечей* и *колен — коленей* употреблялись в течение всего XIX в. В начале века преобладающими были формы *колен* и *плеч* (у Пушкина — только эти формы). Постепенно все формы мн. ч. с основой на *н* (*колена*, *колен* и т. п.) были вытеснены из употребления формами с основой на *н'*, и форма *коленей* стала единственной; форма же *колен*, как и все формы с основой на *н* твердое, сохраняла употребительность в поэзии и в сочетании *до колен*. Форма *плечей* (именит. пад. *плечи*) не утвердилась в употреблении: ее вытеснила форма *плеч*, может быть, не без влияния форм родит. мн. ч. существительных средн. р., основа которых оканчивалась на шипящий, а также не без влияния распространенных в языке сочетаний: *сложить*, *сбросить... с плеч*; *с плеч долой*; *словно*, *как гора* (*бремя*, *тяжесть*) *с плеч свалилась*, *упала*.

§ 68. Для конца XVIII — нач. XIX в. характерно колебание форм на *-ей* и без окончания у существительных на *-ище*. С. П. Обнорский для этого времени отмечает следующие формы: *зрелищей* (Кантемир); *сокровищей* (Ломоносов); *обиталищей* (Сумароков); *гульбищей* («Трутень»); *сокровищей*, *туловищей* (Державин) (при употреблении и формы *сокровищ*); *сокровищей*, *чудовищей* (Радищев); *сокровищей*, *чудовищей*, *страшилищей* (Княжнин) (при употреблении и формы *сокровищ*); *логовищей* [338], *пугалищей*, *чудовищей* (Батюшков); *урочищей* (Боратынский) [339]. В. И. Чернышев отмечает еще употребление Батюшковым формы *детищей* [340]. По мнению С. П. Обнорского, для таких форм «знаменательно полное исчезновение в самом литературном языке к началу XIX в.». Однако формы на *-ей* от слов на *-ище* продолжают изредка встречаться, например: видят *чудовищей* (Герц., п. 1838. ЛК).

Более поздние употребления свидетельствуют о стилизации: Пойдет, при первой вести о лютом звере, с рогатиной или другой какой хитрой уловкой, чтобы загубить медведицу и отнять у нее *детищей* (Максимов, Лесная глушь. ЛК).

По-видимому, формы на *-ей* от существительных средн. р. на *-ище* поддерживались признанным грамматиками первой половины XIX в. употреблением форм на *-ей* от существительных с суфф.

стр. 284 (разд. паг.). В первой половине XIX в. формы *поль* и *морь* неизвестны и в книжном употреблении; см., например, у Павского: «*Поле*, *море* — родит. *полей*, *морей*, а не *поль*, *морь*» («Филол. наблюдения. Рассужд. II», стр. 241).

[337] См.: В. Н. Макеева. Указ. соч., стр. 100—101.

[338] Эту форму Буслаев отмечал как основную при вариантной *логовищ* («Ист. грам.», Этимология, § 97, стр. 223).

[339] С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 183—184.

[340] В. И. Чернышев. Указ. соч., стр. 89.

увеличительности *-ище*: *домище*, *лучище*, *парнище* и т. п. Так, Орнатовский после парадигм склонения существительных *домище* (*домищи — домищей*) и *парнище* (*парнищи —парнищей*) в перечне слов с аналогичным соотношением форм именит. и родит. мн. приводит: *мужичище*, *старичище*, *детище*; *дворище*, *лесище*, *столище* и проч., а также *окнище*, *личище* в именит. мн., в отличие от ранее названных, имеющих *-а* [341]. Аналогичные сведения находим у Греча [342], Павского [343].

Окончание *-ей* не удержалось в существительных на *-ище*: в современном языке такие формы неупотребительны. Дублетные формы на *-ей* и без флексии от существительных мужск. р. возможны лишь для ограниченной группы на *-анин*, *-арин* (во мн. ч. *-ане*, *-аре*) [344].

Развитие соотношений форм с флексиями *-ей* и *-ов* после мягких согласных

§ 69. Наиболее распространенной формой род. пад. мн. ч. для сущ, мужск. р. была форма на *-ов* (для мягкого различия *-ев*). Но уже к XVII в. в употреблении утвердились для существительных мужск. р., оканчивающихся в именит. ед. на мягкий согласный, главным образом, формы на *-ей*, а формы на *-ов* сохранялись как вариантные.

Ломоносов в своей грамматике отметил соотношение форм на *-ов* и на *-ей*: «Родительный множеств. *-ов*, — писал он, — превращается на *-ей*, когда последняя согласная есть *ж*, *ш*, *щ* или *ч*: *нож*, *ножей*, *рубеж*, *рубежей*; *чертеж*, *чертежей*; *гуж*, *гужей*; *уж*, *ужей*; *муж*, *мужей*; *кирпич*, *кирпичей*; *харч*, *харчей*; *сургуч*, *сургучей*; *барыш*, *барышей*, *ковш*, *ковшей*; *грош*, *грошей*; *шабаш*, *шабашей*; *лещ*, *лещей*, *овощ*, *овощей*» (Росс. грам., § 196). Кроме того, Ломоносов указывал, что «имена, кончащиеся на *-й* и *-ь*», оканчиваются в родит. пад. на *-ев* или *-ей* (§ 152). В то же время в языке XVIII — нач. XIX в. встречаются следующие формы на *-ов* при не только возможных, но и закономерных формах на *-ей*: *вождев*, *вихрев* (Кантемир); из хореев и *дактилев*; от московских дворян *Кукчовичев* (Ломоносов); *рублев* (Сумароков); *алтарев*, *вождев*, *рублев*, *кадиев* (Державин); *рублев* (Фонвизин); *рублев*, *товарищев* (Чулков); *сородичев* (Болотов); *Праксителев* (Капнист); *маршев*, *контр-маршев* (Вяземский). См. также следующие употребления: *артикелев* (Сумарок., О стопосложении); хлопание *бичев* (Н. Тург., п. А. Тургеневу, 18/30 янв. 1840); *камнев* (Н. Тург., Дневн., 7 авг. 1808); *пейзажев* (Вяземск., п. А. Тургеневу, 18 дек. 1820).

---

[341] И. Орнатовский. Указ. соч., стр. 85.
[342] См.: Н. И. Греч. Простр. русск. грам., § 243, стр. 170.
[343] См. : Г. П. Павский. Указ. соч., стр. 342—343.
[344] См.: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 181.

Формы родит. пад. мн. ч. на *-ев* от существительных мужск. р. на мягкий согласный и на шипящие уже в начале XIX в. вышли из употребления и сохранялись в просторечии и в диалектах. Их можно встретить в языке художественной литературы XIX в. при передаче разговорной речи, чаще — деревенского или городского просторечия. Наиболее частой в этом употреблении была форма *рублев*: *рублев* пятнадцать (Гонч., Обыкн. ист., 2, IV); — А сколько-то жалованья получаешь? — спросил я. — Тридцать пять *рублев* и пять *рублев* на сапоги (Тург., Контора); Семь *рублев* с полтиной в месяц получает (Засодимск., Темн. силы, II). Обычны такие формы в повестях Левитова, в драмах Островского [345], в рассказах Короленко, Лескова, Лейкина и т. п. Кроме формы *рублев*, С. П. Обнорский отмечает употребление в стилистических целях форм: *благодетелев*, *зрителев*, *родителев*, *барышов* (Салтыков-Щедрин); *фонарев* (Л. Толстой); *покупателев*, *родителев*, *свидетелев*, *товарищев* (Лейкин); *писателев* (Лесков); *стороже* (Чехов) [346].

§ 70. Формы на *-ов* и на *-ей* имели слова *сосед и холоп*: Но эти формы, в отличие от рассмотренных выше, не были вариантными. Как и формы родит. мн. *дядей — дядьев*, *углей — угольев*, *коленей — колен*, формы *соседов — соседей* и *холопов — холопей* (употреблялась еще и форма *холопьев*; см. выше, § 57) принадлежали разным способам образования форм мн. ч. от названных основ: от основы с твердым или с мягким согласным (*соседы*, *холопы* и *соседи*, *холопи*).

Формы *соседи*, *соседов* в конце XVIII — нач. XIX в. были употребительны.

Соседы в тяжбу меж собой, Непримиримая между *соседов* злоба; Огнем друг на друга *соседы* дышат оба (Хемн., Два соседа); Иметь добрых *соседов* (Сл. АР, *Сосед*). Карамзин последовательно употреблял формы *соседы*, *соседов*, *соседам*. Ср. его высказывание: Множественное число существит. мужск. р. *сосед*, *дом* имеет формы: *соседы*, *домы*; в косв. падежах: *соседов*, *соседам* и т. п. (И.Г.Р.).

Формы *холопи*, *холопей* также были употребительны. Они постоянны у Сумарокова, Карамзина, позднее — у Пушкина. В то же время в Словаре АР последовательно употребляются формы *холопов*, *холопам*. Употребление дублетных форм *соседов — соседей*, *холопов — холопей* отмечается Востоковым и Гречем: формы на *-ей* называются ими среди «уклонений», а в «Примечаниях» указывается, что оба эти слова (Востоков) или одно из них (*сосед* — у Греча) могут иметь и «правильные» формы — *соседов*,

---

[345] С. И. Цыпин (указ. соч.) в пьесах Островского отмечает формы: *благодетелев*, *зрителев*, *обожателев*, *приятелев*, *родителев*, *рублев*, *свидетелев*.

[346] См.: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 223.

холопов [347]. В дальнейшем формы *соседов* (*соседы — соседам*) и *холопей* вышли из употребления, уступив место формам *соседей*, *холопов*. Формы *соседов*, *холопей* можно встретить в языке литературы при передаче старого просторечия, например, в рассказах Мельникова-Печерского: Кто взыскан милостию и вознесен, тот в какой бы подлости ни родился, хотя бы даже от *холопей* — подлость к нему уж льнуть больше не может (Бабушк. россказни).

Кроме форм *соседей — соседов*, *холопей — холопов*, в XIX в. известны дублетные формы *тетеревей — тетеревов*. Г. Павский это отклонение объяснял «трудностью произношения слова *тетеревов*» [348].

Колебания в употреблении форм *тетеревов — тетеревей* отмечены Буслаевым [349]. Л. А. Булаховский наличие дублетных форм у слова *тетерев* убедительно объяснил его принадлежностью в прошлом к основе на *-ъ* [350].

Итак, на протяжении XIX в. функционируют в языке три формы родит. пад., употребление каждой из которых тесно связано с родовой принадлежностью существительного и с характером конечного согласного основы. Форма на *-ов* характеризует существительные мужск. р., а форма на *-ей* и форма с нулевым окончанием — существительные всех трех родов. Для существительных pluralia tantum характерны две формы: на *-ов* для основ на твердый согласный и *-j* и на *-ей* — для основ на мягкий согласный (ср. — *прогонов*, *перевыборов*, *медикаментов*, *аплодисментов*, *помоев*, но *качелей*, *антресолей*, *джунглей*).

На всем протяжении XIX в. наблюдалось «приближение» образования формы к одному образцу для данного разряда слов: *-ов* для твердой разновидности мужск. р., и *-ей* — для мягкой разновидности мужск. и средн. р. и т. п. Но в каждом разряде находились слова, которые почему-либо отступали от «образца». Количество этих слов постепенно сокращалось и в настоящее время настолько невелико, что поддается исчерпывающему перечислению.

Но и сейчас есть группы слов, от которых — в силу разных причин — могут быть образованы две формы родит. пад. [351]

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

§ 71. Во второй половине XVIII в. еще встречались формы дат., творит. и предл. пад. на *-ом*, *-ы* и *-ех* (*-ѣх*). Формы дательн. и пред-

---

[347] См.: А. Х. Востоков. Русск. грам., § 28, стр. 50; Н. И. Греч. Простр. русск. грам., § 245, стр. 1 3. См. также у Г. Павского среди «частных уклонений»: *соседи*, *холопи*, *черти*, родит. *соседей* и т. д. (указ. соч., стр. 326).

[348] См.: Г. П. Павский. Указ. соч., стр. 331.

[349] Ф. И. Буслаев. Ист. грам., Этимология, § 97, стр. 223.

[350] Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 118—119.

[351] См.: Вопросник по современной русской морфологии (Инструкция). Изд-во АН СССР, М., 1963, стр. 13—15.

ложн. пад. считались архаизмами уже в Петровское время [352]. Единичные случаи употребления форм дательн. пад. на *-ом* (*врагом*, *грешником*, *зубом*) отмечены в сочинениях Кантемира (но не в сатирах) и в сочинениях Ф. Прокоповича (*врагом*, *селом*, *мостом*). Во второй половине XVIII в. С. П. Обнорским отмечено единичное употребление формы на *-ом* у Сумарокова (под влиянием рифмы): И се струи Российских рек Во удивление *соседом* Млеком текут и *медом* (Песни и хоры) [353]. Формы предложн. пад. на *-ех* (*-ѣх*) отмечены в одах Сумарокова и Кострова, в «Путешествии» Радищева (*в путех*, *в мужех*, *на облацех*, *во градех*, *по чадех*, *на крылех*) [354]. Несколько дольше в письменной речи задерживаются архаические формы творит. пад. мн. ч. на *-ы*. Окончание *-ы* наряду с *-ами* Кантемир включает в число поэтических вольностей: «Изрядно употребляется вместо творительного на *-ами* или *-ою* сокращенное на *-ы*, *-и* и *-ой*: так, писать можно *роги* вместо *рогами*, *советы* вместо *советами*...» [355] Поэтому совершенно закономерны в его сатирах формы творит. пад.: *басурманы*, *латины*, *нравы*, *персты*, *писцы*, *советы*, *уставы*, *холопы*, *браки*, *греки*, *поступки*, *слоги*, *товарищи*, *усты*, *делы* [356]. Формы на *-ы* можно встретить в поэзии Тредьяковского: Любовь правит всеми *гражданы* (Стихи о силе любви); российски небеса *с светилы* (Ода 1742 г.); поля *с цветы* (Езда в о-в любви, 1). Относительно свободное пользование формами на *-ы* свойственно Ломоносову [357]: *со многими народы*, *с печенеги*, *с подвижники*, тобою данными красуясь вечно *правы*, *твоими персты*, *всевозможными образы*, *способы*, *с роды своими*, *с новгородскими войски*, *с товарищи*, *со внучаты своими*, *над звезды*, *над тучи* [358].

---

[352] В отличие от форм творит. на *-ы* формы дат. на *-ом* в XIX в. почти не привлекаются в целях стилизации. Так, А. Н. Островский, использовавший при создании хроники «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» подлинные документы XVII в., сохранил в цитатах формы предл. на *-ех* (*в городех*, *в градех* — в тексте воззвания, хотя там же *в селах*), но формы дат. *на -ом* последовательно заменил формами на *-ам* (*боярам*, *крестьянам*) (см.: С. И. Ц ы п и н. Указ. соч., стр. 267—269). Формы дат. на *-от* творит. на *-у* и предл. на *-ěch* сохраняются в западнославянских языках. См.: А. М. С е л и щ е в. Указ. соч., стр. 349—350; H. K u r k o w s k a i S. S k o r u p k a. Указ. соч., стр. 36—37; B. H a v r á n e k, A. J e d l i č k a. Указ. соч., стр. 119.

[353] См.: С. П. О б н о р с к и й. Именное склонение, вып. 2, стр. 304—305.

[354] См.: Г. О. В и н о к у р. Русский литературный язык во второй половине XVIII в., стр. 147. См. также у С. П. Обнорского («Именное склонение», вып. 2, стр. 363—364).

[355] А. Д. К а н т е м и р. Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских, стр. 426.

[356] См.: С. П. О б н о р с к и й. Формы склонения по сатирам Кантемира, стр. 61—62.

[357] См.: Л. А. Б у л а х о в с к и й. Курс. русск. лит. языка, т. II, стр. 145; С. П. О б н о р с к и й. Именное склонение, вып. 2, стр. 350.

[358] Примеры заимствованы из указанной статьи Т. А. Шаповаловой стр. 107—108.

Как архаическая книжная форма, творит. мн. на *-ы* продолжает употребляться и во второй половине XVIII в., например: с несколькими *галеры*; с шведскими *министры*; со всеми взятыми на них *служители* (Нащокин, Зап.); *с товарищи* (Рычков, Опыт Каз. ист., III); с широкими *вороты* (В. Майк, Елисей, 1); *с парусы* (Петров, К великой государыне); всеми *образы* (Хемн., План басни); Привязан... всеми моими *чувствы* (Фонв., Бригадир, II, 2) [359]; также с *египтяны* (Держ.) [360], всеми *чувствы* овладел (Держ, Венчание Леля), со многоценны *дани* (Держ., Песнь брачная) [361]. В первой половине XIX в. форма на *-ы* еще сохраняется в канцелярских формулах (см., например, в решении суда 1832 г., приведенном Пушкиным во 2-ой гл. «Дубровского»: «со всем их крестьянским имуществом, усадьбою, с пашенною и непашенною землею, лесами, *сенными покосы*, *рыбными ловли* по речке, называемой ‹Кистеневке›»).

В литературе XIX в. форма на *-ы* используется только как стилистический прием; в речи приказных: «Построил я театр *с партеры*, *со кулисы*». (Н. Судовщиков, Опыт искусства) [362]; Резвый *с товарищи*... И на посад насильством в харях ходят С потехами и с песнями, и с *зурны* (Остр., Воевода, I, 4); в иронически окрашенных контекстах: Hugo *с товарищи* (Пушк., Домик в Коломне, варианты); Печорин *с товарищи* являлся на всех гуляньях (Лерм., Кн. Л., V).

Употребление формы на *-ы* можно встретить также в стилизациях народных песен и былин: Перед ним изба со светелкой, С кирпичною, беленою трубою, С дубовыми, тесовыми *вороты* (Пушк., Ск. о рыбаке и рыбке); Выезжаешь *со гридни* и *отроки* (А. К. Толст., Уж ты мать-тоска, горе-гореваньице!).

§ 72. В конце XVIII в. в употреблении сохранялись формы творит. пад. на *-ьми*.

Формы на *-ьми* в XVIII в. образовались в письменной речи преимущественно от слов с основой на мягкий согласный или

[359] В последнем случае возможна и стилизация — намеренное употребление архаичной формы в речи «книжника» — советника.

[360] Пример заимствован из книги С. П. Обнорского «Именное склонение», вып. 2, стр. 350.

[361] Последнее употребление Булаховский отмечает как «уже совсем не позволительную—неверную архаизацию»: в слове *дань* ж. р. подобного окончания никогда не было» (Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II, стр. 145). Это употребление, по-видимому, связано с тем, что форма творит. на *-ы* вообще воспринималась как устаревшая форма и ее образование в это время уже не сообразовывалось с какими-либо определенными правилами. Распространение флексии *-ы* на слова женск. р. известно было уже актовому языку XVII в., например: *зернью* и *карты* не играть; коими *затеи*; с рыбными *ловли* (см.: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 351). Аналогичное «неправильное» употребление архаичной формы творит. пад. на *-у* отмечено в польском литературном языке XIX в. Т. Лер-Сплавинским (указ. соч., стр. 262).

[362] Пример заимствован из книги Л. А. Булаховского «Курс русск. лит. языка», т. II, стр. 145.

шипящий; см., например, у Кантемира: *страстьми*, *дверьми*, *мозольми*, *матерьми*, *латми*, *детьми*, *плечьми*, *очьми*, *устьми* [363]. В «Российской грамматике» Ломоносова формы на *-ьми* для существительных женск. р. приводятся как равноправные с формами на *-ами*. В «Материалах к грамматике» Ломоносова можно встретить образования на *-ьми* и от существительных мужск. р.: *лось*, *лосями*, *лосьми* (стр. 628, 643, 676); в перечне слов, образующих форму на *-ьми*, рядом со словом *волость* Ломоносов помещает *гость*; в набросках и первоначальных планах «Грамматики» Ломоносов употребляет форму *князьми* (от *князь — князи*): «Иностранные слова пришли к нам с первыми нашими тремя *князми*» (стр. 607).

В своей языковой практике Ломоносов из двух дублетных форм на *-ями* и *-ьми* отдает предпочтение формам на *-ьми*; в его произведениях преобладают формы *ветьми* (при наличии *ветвями*), *речьми*, *басньми*, *свирельми*, *отрасльми*, *челюстьми*, *страстьми*, *смертьми*, *костьми*, *крепостьми*, *мысльми* (при наличии *мыслями*), *слабостьми*, *удачьми*, *вещьми* (при наличии *вещами*), *вольностьми*, *площадьми*, *пристаньми*, *сластьми*, *с сольми*, *хитростьми* [364]. Широко употребительны в произведениях Ломоносова формы на *-ьми* и от существительных мужск. р.: *деньми* (ветхий *деньми*), *приятельми*, *жительми*, *князьми* (от *князи*) (при возможной форме *князьями* — от *князья*), *учительми*, *обладательми*, *любительми*, *мореплавательми*, *писательми*, *гонительми*, *зверьми*, *неприятельми* [365]; кроме того, возможны употребления форм на *-ьми* от существительных *сын*, *тысяча*: *сыновми*, *тысячьми* [366].

Формы на *-ьми* распространены на всем протяжении второй половины XVIII в. Они постоянны у Сумарокова (*гортаньми*, *мысльми*, *радостьми*, *тварьми*, *вещьми*, *степеньми*)[367]. За «неправильное» образование и употребление некоторых форм на *-ьми* Сумарокова критиковал его постоянный оппонент — Тредьяковский: «У автора нашего в трагедиях его и склонение имен... есть новое и необыкновенное: пишет он часто *любови* за *любви*; да и сие.... *глазми* за *глазами* тож свидетельствую» [368].

Формы на *-ьми* (*-ми*) во второй половине XVIII в. можно встретить также в исторических сочинениях Рычкова, в «Путешествии» Челищева, «Записках» Добрынина, письмах Суворова,

---

[363] С. П. Обнорский. Формы склонения по сатирам Кантемира, стр. 61.

[364] См.: Т. А. Шаповалова. Указ. соч., стр. 108; В. Н. Макеева. Указ. соч., стр. 104.

[365] См.: Т. А. Шаповалова. Указ. соч., стр. 109; В. Н. Макеева. Указ. соч., стр. 104.

[366] См.: В. Н. Макеева. Указ. соч., стр. 104.

[367] См.: С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 353.

[368] В. К. Тредьяковский. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, стр. 481.

у Богдановича В. Петрова и в ряде других произведений разных жанров и стилей.

Совокупясь *артельми* человек по 20 и по 30 (Рычков, Опыт Каз. ист., I); всеми *степьми*... завладели (Там же, III); Заражен разновидными семи *ересьми* (Челищ.,Путеш., 8); окопаны *кадьми* (Лепехин, Дневн. зап., 2); *частьми* речи (Добрынин, Зап., XLVI); между прочими *вещьми* (Фонв., п. сестре, 20 ноября 1777); несколько тысяч повозок с припасами и *вещьми* (Суворов, Прош. в Герольдмейст. контору); погибнувших различными *смертьми* (В. Майк., Наказание ворожее); Мешают с *быльми* небылицы (Богд., Душенька, 1); звучат *броньми* (Петров, Ода на карусель); Дышит весь *приятностьми* (Петров, На находящийся в Зимнем дворце ее имп. величества сад); погубившие себя от невоздержания *болезньми* (Крыл., Почта духов, XXXIV); со многими *скорбьми* (Там же, II); *теньми* (Там же, III); со *прелестьми* (Держ., Похвала сельск. жизни); с *сетьми* (Держ., Евгению); Беседа за *сластьми* шутлива (Там же); под *сеньми* олив (Радищ., Вольность, 4); *напастьми* окружен (И. Дм., Царь и два пастуха); *Тысящьми* перуны мещет (И. Дм., К Волге).

Форма на *-ьми* образовалась и от существительных pluralia tantum.

Отделялась сия половина от прочих хором *сеньми* (Болот., 1, 34); разделялись помостами или *сеньми* (Карамз., И. Г. Р., I, X).

Формы на *-ьми* во второй половине XVIII в. продолжали образоваться и от существительных мужск. р.:

Зверьми (Хераск., Элегия); *победительми* (Хераск., Россиада, 11); *жительми* (В. Майк., Елисей, 1); Сверкает златом и *мечьми* (Петров, Ода на карусель); *зрительми* (Держ., Фонарь); *витязьми* (Озеров, Дим. Донск., III, 2).

Формы на *-ьми* образовывались также от существительных мужск. и средн. р., основа которых во мн. ч. оканчивалась на мягкий согласный, таких как *соседи*, *чертн*, *плечи*, *очи*, сюда же *уши* [369]:

Владычествовать над нашими *соседьми* (Щербат., Мнение о поселенных войсках); царица над *чертьми* (В. Майк., Наказание ворожее); *сокровищми* всея вселенной (Держ., Капнисту); пред *очьми* (Нащокин, Зап.); с пищалью за *плечьми* (И. Дм. Причудница); с *ушьми* (В.Майк.,Елисей, 2); *ушми* прядет (Держ., Водопад) [370].

---

[369] С. П. Обнорский употребление форм *очьми*, *плечьми*, *ушми* связывает с формами дат.— творит. двойст. ч. См.: S. Obnorskij. Dualspuren in der nominalen Declination des Russischen. «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd II, H. 1—2, 1925, стр. 75—76.

[370] Перечни употреблений форм на *-ьми* в произведениях XVIII в. см. в кн. С. П. Обнорского «Именное склонение», вып. 2, стр. 355. У Дер-

Итак, во второй половине XVIII в. в книжной речи устойчиво сохранялась традиция употребления форм на *-ьми*. В то же время несомненно, что эти формы были менее употребительны, чем формы на *-ами*, отвечавшие нормам разговорной речи XVIII в.

Распространенность формы на *-ьми* в письменности, широкий круг образующих эту форму слов не позволяют считать ее закрепленной за высоким стилем[371] или обусловленной требованиями метрики [372]. Во второй половине XVIII в. форма на *-ьми* была принадлежностью книжной речи в целом и не определялась жанром и слогом произведения. В конце XVIII в. форма на *-ьми* сохраняется в той же сфере речи, образуясь, как и в середине века, преимущественно от отвлеченных книжных слов — существительных на *-ние*, *-ость*, *-тель*. Параллельность форм на *-ами* и *-ьми*, несомненно, используется в поэтической речи, тем более, что формы на *-ьми* в сопоставлении с формами на *-ами* определялись как «сокращенные» [373].

§ 73. В течение XIX в. употребительность форм на *-ьми* непрерывно сокращается. Уже в первой половине XIX в. рекомендации грамматик существенно отличаются от рекомендаций Ломоносова. Так, Орнатовский вообще не отмечает форму на *-ьми*, и даже от слова *дитя* образует форму *дитями* [374]. У Востокова читаем: «В существительном *дочь* сокращается сверх того творит. пад. числа множественного на *-ьми* вместо *-ями*, каковое сокращение принадлежит также существительным *дверь*, *лошадь*, *плеть* и употребляемым во мн. только числе *люди*, *дети*. Все они склоняются в творит. пад. ... *дочерьми*, *дверьми*, *лошадьми*, *плетьми*, *людьми*, *детьми*. Существительные *речь*, *кость*, *страсть* и другие некоторые ... имеют двоякое окончание творит. мн. ч.: полное *речами*, *костями*, *страстями*, и сокращенное *речьми*, *костьми*,

---

жавина: *браньми*, *бровьми*, *ветвьми*, *гусльми*, *доблестьми*, *добродетельми*, *медальми*, *надписьми*, *напастьми*, *плетьми*, *почестьми*, *прелестьми*, *пригоршньми*, *приятностьми*, *песньми*, *свирельми*, *слабостьми*, *сластьми*, *страстьми*, *хитростьми*, *цепьми*, *вверьми*, *когтьми*; у Капниста: *горестьми*, *печальми*, *теньми*, *челюстьми*; у Фонвизина: *глупостьми*, *пропастьми*; у Болотова: *браньми*, *корыстьми*, *цепьми*, *милостьми*, *потребностьми*, *прелестьми*, *пещьми*, *плетьми*, *дочерьми*, *дверьми*, *лошадьми*; у Хемницера: *саньми*; у Чулкова: *мысльми*, *матерьми*, *напастьми*, *прелестьми*, *радостьми*, *тварьми*, *гроздьми*.

[371] Г. О. Винокур считал употребление форм вроде *хоругвьми*, *мечьми*, *неприятельми*, *мечтаньми* приметой высокого слога («Русский литературный язык во второй половине XVIII в.», стр. 147).

[372] См.: В. Н. Макеева. Указ. соч., стр. 104.

[373] См. примечание в «Исторической грамматике» Буслаева: «По грамматике Барсова творит. пад. позволяется сокращать во всех словах, сокращаемых в народной речи, только бы не вышло в односложных неблагозвучия, как напр. *лжьми*, *вшьми*» (Этимология, § 96, стр. 220).

[374] И. Орнатовский. Указ. соч., стр. 89. В данной рекомендации Орнатовский отступает от традиций XVIII и нач. XIX в. См. у Буслаева: «Вместо *детьми* и *людьми* Барсов не допускает: *детями* и *людями*» (Ф. И. Буслаев. Ист. грам., Этимология, § 96, стр. 220).

страстьми [375]. Кроме того, Востоков указывает на возможность образования «сокращенного» *ушьми* [376]. Н. Греч в «Общих уклонениях» отмечает: «Когда в мягком окончании творит. пад. мн. ч. (*-ями*) ударение находится на последнем слоге, то предыдущая буква *я* превращается в *ь*, например: *людьми, детьми*»[377]. В примерах склонения Н. Греч дает форму *сетьми*.

Г. Павский для современного ему употребления указывает несколько форм на *-ьми*: это формы *людьми*, *детьми* («но и сии два слова,— замечает Павский,— нередко подводим под общий образец и говорим: *людями*, *детями*» [378]), *лошадьми*, *плетьми*, *дверьми* («но сии немногие остатки древнего языка начинают уж изглаждаться, ибо не редко говорят и *лошадями*, *плетями* *дверями*») [379].

Таким образом, наблюдения Востокова и Греча, с одной стороны, и Павского, с другой, не совпадают: в отличие от первых, допускавших возможность дублетных форм для существительных типа *речь*, *кость* и полагавших форму на *-ьми* нормативной для существительных *дверь*, *дочь*, *лошадь*, *плеть*, *сеть*, и *люди*, *дети*, Павский в употреблении форм на *-ьми* видел только исчезающие «остатки древнего языка».

Таким образом, в качестве употребительных форм на *-ьми* грамматики называют *дверьми*, *дочерьми*, *лошадьми*, *плетьми*, *детьми*, *людьми* и реже — *сетьми* и *костьми*. Формы на *-ьми* от других слов указываются как возможные варианты. Если сопоставить эти наблюдения, основанные на употребительности форм на *-ьми* в книжной речи в конце XVIII — первой половине XIX в., с употребительностью в конце XVIII в. тех же форм от отвлеченных существительных женск. и частично мужск. р. на *ь*, то станет очевидной книжность и искусственность этих последних.

Следует отметить, что формы на *-ями* от существительных *дочь*, *дверь*, *лошадь*, *дети*, *люди* и некот. др. в употреблении редки.

[Л и з а] Если бы вы были за *дверями* (Гриб., Горе от у., I, 7); за тяжкими ⟨?⟩ *дверями* (Пушк., Блажен в златом кругу вельмож...); торг производил *лошадями* (Нарежн., Росс. Жилбл., 4, VIII).

В сочинениях Пушкина, как правило, от существительных типа *кость* образующего формы творит. мн. ч. на *-ами* [380], не отмечены употребления форм *детями* (*детьми* — 23 раза), *дочерями*

---

[375] А. Х. В о с т о к о в. Русск. грам., § 26, стр. 41.
[376] Там же, § 28, стр. 50.
[377] Н. И. Г р е ч. Простр. русск. грам., § 243, стр. 168.
[378] Г. П. П а в с к и й. Указ. соч., § 184, стр. 310—311.
[379] Там же, § 193, стр. 326.
[380] См. отмеченные в «Словаре языка Пушкина» употребления форм на *-ьми* в сочинениях Пушкина от указанного типа слов: *костьми*, *плетьми*, *плечьми*, *речьми*, *сетьми*, *страстьми*. См. также: Е. Б у д д е. Опыт грамматики языка А. С. Пушкина, стр. 91.

(*дочерьми* — 7 раз), *лошадями* (*лошадьми* — 8 раз), *людями* (*людьми* — 38 раз).

В первой половине XIX в. дублетные формы на *-ами*, *-ьми* сохраняются, хотя количество вариантных образований значительно уменьшается. Наиболее широко представлено употребление форм на *-ьми* от существительных женск. р., оканчивающихся на мягкий согласный.

Галантерейными *вещьми* (Н. И. Тург., Дневн., 28 сент. 10 окт. 1809); *доблестьми* (Милонов, К Рубеллию, 1810) [381]; дни мои я *радостьми* считал (Батюшк., Тибуллова элегия, X); *ступеньми* многими украшен (Катен., Старая быль); живыми *прелестьми* (Катен., Мир поэта); с *песньми*, с бубнами, с трубами (Катен., Ольга); за пятью *печатьми* (Катен., Инвалид Горев); *Податьми* нас бременили (Кюхельб., Аргивяне, V, Мнемоз., 1824, ч. 2); Ни славою, ни *почестьми* не льстится (Крыл., Орел и Пчела); грозит *цепьми* (Вяземск., Негодование); *ведомостьми* был занят (Гриб., Мол. супруги, 3); *Речьми* адвокатов я недоволен (Пушк., п. Вяземскому, 2 янв., 1831); в душе, *страстьми* томимой (Пушк., Пир во вр. чумы); с *печатьми* в пятак величиною и толщиною (Жих., п. А. Тургеневу, 26 дек.. 1827); между двумя высокими *печьми* (Лерм., Вадим, III); с *прелестьми* (Вигель, Зап., I, 1) [382].

В первой половине XIX в. продолжают употребляться, хотя и редко, формы на *-ьми* от существительных мужск. р., несмотря на то, что уже в начале XIX в. образование таких форм как *избавительми*, *победительми*, *коньми*, *рыцарьми* и под. осуждается [383].

Садись обедать с *гостьми* (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, XVI); между прочими *гостьми* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3); котомка с *желудьми* (Батюшк., Странствователь и Домосед); кого *зверьми* владеть поставила природа (Крыл., Воспитание Льва); в лесах с *зверьми* скитаться (Гнедич, Общежитие); с хвостом, *когтьми*, рогами (Жуковск., Громобой); Мы с *зверьми* и растениями погибнем (Герц., Дневн. Тысяча восемьсот сорок четвертый год, 23 июля).

В первой половине XIX в. продолжают употребляться формы на *-ьми* от существительных *плечи*, *уши*:

С рогатиной в руке, с пищалью за *плечьми*, Стой! Стой! он гаркает, сверкаючи *очьми* (И. Дм., Причудница); *Плечьми* пожимаете (Гриб. и Катен., Студент, II, 5); Коса упала между *плечьми* (Лерм., Вадим, VII); Шевелит *ушьми* (Д. Дав., Партизан).

---

[381] Пример заимствован из книги Л. А. Булаховского. «Русск. лит, язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис», стр. 74.

[382] Другие примеры употребления форм на *-ьми* см. там же.

[383] См. об этом: В. В. Виноградов. Очерки, стр. 182.

В первой половине XIX в. сохраняются дублетные формы *дверьми — дверями*, *костьми — костями*, *плетьми — плетями*, *сетьми — сетями*, а также *гостьми — гостями*, *зверьми — зверями*, *плечьми — плечами*, *ушьми — ушами* и др. Как и всегда при наличии дублетных форм, возникает потребность их дифференциации, закрепления форм за каким-либо значением слова или его оттенком, за конструкцией или сочетанием.

Судьба дублетных форм на *-ами* и *-ьми* обладает в этом отношении некоторым своеобразием. В отличие от форм именит. пад. на *-ы* и на *-а* или на *-ы* и на *-ья*, дифференцировавшимися семантически, формы на *-ами* и *-ьми* дифференцировались стилистически: последние закреплялись преимущественно за поэтической речью, или за отдельными оборотами: в этом несомненно сказывалась книжность форм на *-ьми* для литературного языка уже в начале XIX в. Так, форма *костьми* закрепляется за сочетанием *лечь костьми* (Я отправился в дом князя с твердым намерением *лечь костьми* или добиться аудиенции у Анеты. Герц., Сорока-воровка)[384]; форма *плетьми*—за оборотом *сечь*, *наказать плетьми*; форма *плечьми* чаще встречается в оборотах с предлогом *за́*, стилизующих народную речь (А мешок-то у него *за́ плечьми*. Пушк., Ск. о медведихе) [385].

«Книжность» форм на *-ьми* (*-ми*) в начале XIX в. сказывается также и в употреблении их в качестве стилистического приема с целью архаизации в повествованиях на библейские и евангельские сюжеты; см., например, употребление Пушкиным формы *почестьми* в вариантах стихотворения «Мирская власть»: Иль мните *почестьми* польстить царю царей (т. XVII, стр. 28); наиболее показательно в этом отношениии употребление искусственной формы *идолми* в стихотворении Грибоедова «Давид»: Иноплеменнику не с ними, Далече страх я отженя, Во сретенье исшел: меня Он проклял *идолми* своими.

Таким образом, в первой половине XIX в., очевидно, в связи со сближением литературного языка с разговорной речью и с общим ослаблением книжных традиций, резко сокращается возможность вариантных образований форм на *-ами* и *-ьми*. Выходят из употребления формы на *-ьми* от существительных мужск. р.; ограничивается употребительность этих форм от существительных женск. р. Употребление форм на *-ьми* от тех слов, для которых «правильными» признаются формы на *-ами*, начинает расцениваться как

---

[384] В стихотворной речи в 20—30-х годах возможно было употребление этого сочетания и с формой *костями*: Нет срама мертвому, Кто мог *костями лечь* (Катен., Мстислав Мстиславич); В бою мы рады *лечь костями* (Лерм., Измаил-бей, 3, XII).

[385] Форма *ушьми*, встречающаяся в начале XIX в., по мнению Л. А. Булаховского, употребляется обычно, когда речь идет о животном (см. «Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис», стр. 75).

сохранение старины. Формы на *-ьми* начинают характеризовать книжные обороты, закрепляются за отдельными выражениями, фразеологизмами. Относительно свободное функционирование форм на *-ьми* сохраняется в поэтической речи, где эта «сокращенная» форма могла восприниматься как поэтическая вольность.

§ 74. Данные грамматик второй половины XIX в. мало чем отличаются от приводившихся выше правил, изложенных в грамматиках Востокова и Греча. Так, Буслаев, отмечая «сохранившиеся» формы *дверьми*, *людьми*, *дочерьми*, *костьми*, *речьми* и проч., пишет, что разговорный язык допускает «продолженные» формы: *дверями*, *людями*, *костями*, *речами* и проч. [386]. Стоюнин отмечает *людьми*, *дочерьми* вм. *людями*, *дочерями* [387]. Таким образом, существительные, от которых формы на *-ьми* признаются нормальными, не отличаются от тех, которые приводились в грамматиках Востокова и Греча. Но, в отличие от этих грамматик, допускавших вариантные образования на *-ами* и *-ьми* от существительных типа *кость*, *речь*, Буслаев уже не указывает на такую возможность.

Во второй половине XIX в. употребительность форм на *-ьми* последовательно сокращается. Помимо форм *дверьми*, *дочерьми*, *детьми*, *лошадьми*, *людьми*, *плетьми*, формы на *-ьми* встречаются очень редко, обычно в стихотворной или стилизованной речи:

Похаживать начал, *плечьми* шевеля (А. К. Толст., Садко);
Уж грудь ее, *свечьми* озарена, По временам заметно подымалась (А. К. Толст., Портрет, 72).

Последовательное убывание форм на *-ьми* в течение всего XIX и первой половины XX в. сократило количество слов, от которых эти формы признаются нормативными, до четырех: *дети*, *люди*, *дверь*, *лошадь* [388]. Еще в начале XX в. В. И. Чернышев приводил шесть таких слов, для которых формы на *-ьми* не сопровождались ни стилистическими замечаниями, ни замечаниями о том, что они «редки»; это слова: *дверь*, *лошадь*, *плеть*, *сеть*, а также *дочь* и *свеча* [389]. С. П. Обнорский называет 11 таких слов: 1) *дверь*, *дочь*, *кость*, *плеть*, *речь*, *сеть* женск. р. и *гость*, *зверь* мужск. р.; также существительные *дети*, — все они при этом могут оканчиваться в творит. мн. на *-ами* и 2) существительные *лошадь*, *люди*, знающие в творит. мн. лишь формы на *-ьми* (*лошадьми*, *людьми*)» [390]. Л. А. Булаховский указывает 5 форм: *лошадьми*, *плетьми*, *дверьми*, *дочерьми*, во фразеологическом употреблении — *костьми* [391].

---

[386] См.: Ф. И. Буслаев. Ист. грам., Этимология, § 96, стр. 219—220.
[387] В. Я. Стоюнин. Высший курс русской грамматики, стр. 114.
[388] См.: Грамматика АН СССР, т. I, стр. 170.
[389] В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, вып. 2, стр. 95.
[390] С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 355.
[391] Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 74.

Как бы ни расширялся или ни сужался исследователями современного литературного языка круг существительных, от которых формы на *-ьми* являются единственными, преобладающими или возможными, очевидно одно: за последние два века форма творит. пад. мн. ч. на *-ьми* из вариантной падежной формы целой категории слов стала формой, допустимой лишь для очень ограниченной группы слов; уже начиная с первой половины XIX в. эта форма стоит вне парадигмы какого-нибудь типа склонения и принадлежит отдельным словам.

ИЗМЕНЕНИЯ В СКЛОНЕНИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СРЕДНЕГО РОДА С ТЕМАТИЧЕСКИМИ *-ЕН-* и *-ЕС-*

§ 75. Слова средн. р. с тематическими *-ен* и *-ес-* подвергались воздействию тенденции «уравнения» основ. Однако результаты действия этой тенденции были различны. Слова с *-ес-* довольно рано утратили «наращение». В «Российской грамматике» Ломоносова в разделе «О склонениях» (§ 153) уже ничего не говорится об особенностях образования форм мн. ч. от существительных типа *слово*; в § 202 отмечаются формы *небеса* и *чудеса* и только в «Материалах» в качестве возможных указываются: *древо, древеса, око, очеса; слово, словеса* (стр. 626). Формы *чуда* (*чудовища*) и *чудеса* Ломоносов различает по значению. Как единственно возможные формы именит. мн. отмечаются *небеса* и *чудеса* в грамматиках Востокова [392] и Греча [393] (в последней указываются также формы *очеса, ушеса*).

Во второй половине XVIII — нач. XIX в. в письменной речи и особенно в поэзии возможно было употребление всех форм с «наращением» *-ес-* во мн. ч.: *древеса, очеса, словеса, телеса, чудеса*. Дольше других (кроме форм *небеса* и *чудеса*, сохранившихся и в современном языке) употреблялась форма *древеса* (преимущественно в поэтической речи):

Меж *древес* (Держ., Фонарь); во мгле *древес* (Пушк., Е. О., 3, XVI); листочки *древес* (Пушк., Туча); в тени *древес* густой (Тютч., Одиночество); у корней *древес* (Огарев, Весна).

С. П. Обнорский приводит следующие употребления: *древеса* (Сумароков); *древес* (Державин, Чулков, Жуковский, Батюшков, Вяземский, Пушкин, Лермонтов, Боратынский, Некрасов); *очеса* (Ломоносов); *ушеса* (В. Майков, Державин); *словеса* (Вяземский); *телеса* (Радищев)[394].

Уже в первой половине XIX в. формы *очеса, ушеса, словеса, телеса*, дублировавшиеся в языке формами без *-ес* (*очи, уши, слова, тела*) употреблялись как «поэтизмы» и, как правило, были сти-

---

[392] См.: А. Х. Востоков. Русск. грам., § 26, стр. 31.
[393] См.: Н. И. Греч. Простр. русск. грам., § 245, стр. 175.
[394] С. П. Обнорский. Именное склонение, вып. 2, стр. 403—404.

листически окрашены: они сообщали речи оттенок торжественности, архаичности или иронии; см., например:

Для наших набожных *очес* (Пушк., Акафист Е. Н. Карамзиной); И полные святыни *словеса* (Пушк., В начале жизни школу помню я...); Свирепствовал в *словесах* (Пушк., Ист. с. Г.); Откапывал корни *словес* его (Вигель, Зап., I 1)[395]; *ушеса* щеголих (Там же); изнеженные *телеса* молодого иерея (М. Вовчок, Зап. причетника, 2, 3); Истыкал тут злодей ему, пронзая, все *телеса* (А. К. Толст., Великодушие смягчает сердца).

§ 76. В отличие от существительных с тематическим *-ес-*, существительные с *-ен-* ни в формах ед., ни в формах мн. ч., как правило, не утратили *-ен-* и сохранили противопоставление основ [396]. Некоторые из тех существительных, которые употреблялись во мн. ч. (существительные *вымя*, *пламя*, *темя* обычно не образовывали этих форм) [397], в родит. пад. обладали дублетными формами: на *-ен* и *-ян*. Ломоносов указывает обе эти формы (Росс. грам., § 158) и в примере склонения приводит *семен* или *семян* (§ 159). Востоков привел форму *семян*, заметив при этом, что *я* удерживалось для того, чтобы «отличить оное в произношении от собственного имени *Семен*» [398].

Родит. пад. на *-ян* был узаконен грамматиками только для *семян* и менее решительно — для *стремян* [399], для всех остальных слов на *-мя* единственно возможной стала форма на *-ен*. Однако еще в начале XIX в. можно встретить родит. на *-ян* и от других слов.

На счет *имян* (Пестель, Показания); нравы Владимира *времян* (Батюшк., Мои Пенаты); хваленых дедовских *времян* (Пушк., Е. О., 4, XII) [400].

В становлении парадигмы склонения мн. ч., как и парадигмы ед. ч., наблюдалось взаимодействие традиционных книжных

---

[395] См. у Блока: *Словеса* незнакомых наречий (Поднимали ь из тьмы погребов).

[396] «Уравнение» основы по краткому варианту в разговорной речи наблюдалось в формах ед. ч. (см. § 23); во мн. ч. отсутствие *-ен-* встречалось крайне редко, например: Полны питательной влагой *вымя* и сосцы их (С.Акс., Сем. хрон., Степ. Мих. Багров, Оренбургск. губ.); на *темях* гор (Вяземск., Весеннее утро).

[397] См. редкие образования форм мн. ч. от некоторых из названных слов: *Бремен* моих никто не может умножать (Сумарок., Старик и Осел); Почто витиев правил Мне вьючить *бремена*? (Держ., Анакреоново удовольствие); снежные *темена* гор (Марл., Подвиг Овечкина и Щербины).

[398] А. Х. Востоков. Русск. грам., § 26, стр. 34.

[399] См.: Л. А. Булаховский. Русск. лит. язык первой пол. XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис, стр. 75.

[400] В «Опровержении на критики» Пушкин форму *времян* вместо *времен* помещает среди «стихотворческих вольностей» со ссылкой на употребление этой формы Батюшковым.

форм с формами живой речи. Как правило, книжные формы, не поддержанные живым употреблением, сохранявшиеся в языке XVIII в. как поэтическая вольность или примета «книжности», в XIX в. вышли из употребления.

Благодаря стремлению к разграничению и устранению дублетов, еще в начале XIX в. резко сократилось употребление архаической формы родит. пад. мужск. р. с нулевой флексией, дублировавшей «основную» форму на *-ов*. Формы с нулевой флексией вновь обрели продуктивность лишь в конце XIX в. для ограниченного числа существительных (как правило, в составе количественных сочетаний).

Тенденция разграничить дублетные формы сыграла большую роль и при упорядочении форм именит. пад. существительных мужск. р. В результате семантических и стилистических процессов, протекавших в XIX в., положение универсальной формы сохранилось за формой на *-ы*, *-и*.

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 1. В настоящем разделе изучается история словообразования прилагательных, производимых от основ существительных и глаголов [1] двумя основными способами словопроизводства — суффиксальным и префиксально-суффиксальным. Делается попытка рассмотреть историю словообразования прилагательных нового времени (со второй половины XVIII в. до конца XIX — начала XX вв.) не как изменение в условиях образования и функционирования отдельных изолированных словообразовательных моделей, а как движение системы словообразования одной части речи.

Рассмотрение словообразования одной части речи как особой подсистемы внутри общей словообразовательной системы языка вполне оправдано, так как в русском языке каждая часть речи характеризуется своими словообразовательными средствами [2] и специфическим использованием различных способов словопроизводства. Части речи как лексико-грамматические объединения слов представляют собой естественные, данные самой природой языка рамки, в которых осуществляется словопроизводство [3].

---

[1] История прилагательных, образуемых от основ наречий, числительных и местоимений, в настоящей работе не рассматривается: в истории этих типов, занимающих окраинное положение в системе словопроизводства прилагательных, немногочисленных и менее продуктивных, на протяжении изучаемого времени не произошло значительных изменений. История отадъективных суффиксальных и префиксальных прилагательных рассматривается в статье Е. А. Земской «История прилагательных, обозначающих степень признака, в русском литературном языке нового времени» (в печати).

[2] Исключение составляют только некоторые «универсальные» приставки (такие, как заимствованные *анти-*, *архи-*, *ультра-* и русские *раз-*, *со-*, *сверх-*), функционирующие с аналогичным значением в производстве различных частей речи.

[3] Такое же положение характерно и для других славянских языков. См., например: M. D o k u l i l. Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha, 1962, стр. 181; J. H o r e c k ý. Slovotvorná sústava slovenčiny. Slovenská Akadémia vied. Bratislava, 1959.

Словообразовательные подсистемы отдельных частей речи распадаются на различные взаимноперекрещивающиеся, иногда находящие друг на друга классы, самый общий из которых — класс слов, произведенных одним способом словопроизводства (суффиксальным, префиксальным, префиксально-суффиксальным, словосложением и т. д.). Внутри этих больших классов очень существенны группировки, объединяющие слова, произведенные от отдельных частей речи (отглагольные, отсубстантивные, и т. д.) и более мелких лексико-грамматических групп внутри них.

При производстве прилагательных по ряду особенностей (единообразные семантические отношения между производящими и производными, семантическая общность производных, синонимичные форманты) выделяются группы образований, производимых от существительных неодушевленных и одушевленных, среди последних — от названий животных и имен лиц, подразделяющихся, в свою очередь, на образования от имен собственных и нарицательных. Особое место внутри отсубстантивных прилагательных занимают прилагательные, производимые от отглагольных существительных: по своим структурным и семантическим особенностям они сближаются с отглагольными. Среди отглагольных прилагательных выделяются прилагательные, производимые от глаголов, различных семантически (с конкретными и отвлеченными значениями) и грамматически (совершенного и несовершенного вида, переходных и непереходных).

Лексико-грамматическая общность производящих основ предопределяет в значительной степени общность семантической структуры производных. Так, прилагательные отглагольные обозначают активные или пассивные процессуальные признаки или способность, склонность к выполнению действия (*боязливый*, *разваристый*), прилагательные отадъективные — степени качества (*разлюбезный*, *премилый*, *глуповатый*, *страшенный*, *холоднющий*) или негативные признаки (*невкусный*, *безрадостный*), прилагательные, произведенные от имен лиц, обозначают отношение к единичному лицу (*отцов*, *купцов*; *мамин*, *красавицын*) или свойственность роду лиц (*помещичий*, *чиновнический*, *полковницкий*) и т. д.

Такие классы производных слов, характеризуемые лексико-грамматической общностью производящих основ, общностью семантической структуры производных, но различными словообразовательными формантами, образуют *словообразовательные категории*. Они не являются только научными абстракциями, выделяемыми для удобства анализа. Это реально существующие в языке объединения, внутри которых происходит живое взаимодействие, перераспределение функций, «сфер влияния» (связей с производящими основами, областей употребления, стилистических и семантических оттенков). Подобные словообразовательные категории и конституируют прежде всего систему словообразования.

Словообразовательные категории членятся на более мелкие группы — словообразовательные типы, объединяющие слова с одним словообразовательным формантом и являющиеся основной единицей словообразовательной системы. Словообразовательный тип — это объединение производных слов, характеризуемых общностью трех элементов: лексико-грамматических свойств производящей основы, характера называния (или иначе: семантического соотношения между производящими и производными) и словообразовательной структуры (включая сюда общность способа производства, словообразующих морфем, звуковых чередований и других явлений, происходящих при словопроизводстве)[4].

Со словообразовательными типами перекрещиваются и взаимодействуют объединения другого рода — образования, производимые с помощью одного форманта от различных основ. В пределах таких объединений происходит взаимодействие отглагольных и отсубстантивных прилагательных (например, с суффиксами *-лив-*, *-ист-*, *-чат-*), отсубстантивных и отадъективных (с суффиксом *-оват-*)[5], осуществляемое в силу тенденции к дифференциации словообразовательных средств, к закреплению за каждым аффиксом специфической сферы деятельности.

Таким образом, систему словообразования пронизывает взаимодействие между различными группами производных слов. Во всех случаях этого взаимодействия есть нечто общее: оно осуществляется между производными словами, характеризуемыми общностью какой-либо одной своей части—либо основы, либо словообразующей морфемы.

История системы словообразования и обусловливается взаимодействием составляющих ее элементов: изменения в соотношении взаимосвязанных структурно, функционально и семантически частей системы становятся факторами исторического развития.

Наряду с этими внутрисистемными соотношениями для истории словообразования прилагательных в XVIII—XIX вв. было очень существенно взаимодействие производных прилагательных с формами производящих слов, близких им семантически и функционально. Такие соотношения, охватывая элементы разных ярусов языка[6], были близки по существу соотношениям между

---

[4] Ср. понимание словообразовательного типа в указанной работе M. Dokulil'a, стр. 180.

[5] В настоящем разделе все словообразовательные морфемы даются только в основном орфографическом варианте.

[6] Интересные примеры взаимодействия элементов разных ярусов внутри общей системы языка дают: J. V a c h e k. Notes on the development of language seen as a system of systems. «Sbornìk prací filosofické fakulty Brnénské University», Ač. 6, 1958; М. М. Г у х м а н. Понятие системы в синхронии и диахронии. ВЯ, 1962, № 4; см. также: Э. А. М а к а е в. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц. ВЯ, 1962, № 5.

однокоренными производными прилагательными, имеющими синонимичные словообразовательные форманты, так как и в том, и в другом случае в соотношение вступали слова, объединенные лексико-семантически, но различающиеся структурно. Изменение соотношений разноярусных элементов в изучаемое время объясняется общим интенсивным развитием качественности прилагательных, охватывающим все основные словообразовательные типы и приводящим к ослаблению выражаемой ранее прилагательными категории широкого недифференцированного отношения к предмету или действию, названному производящей основой.

По этой причине разрушается функционально-семантический параллелизм прилагательных и форм производящих слов, а именно отглагольных прилагательных и причастий (в редких случаях и verbum finitum), отадъективных прилагательных и форм косвенных падежей производящего существительного, префиксально-суффиксальных прилагательных и предложно-падежных сочетаний. Изучение изменений в соотношении между разными типами прилагательных и — там, где этого требует материал — прилагательными и формами производящих слов и составляет основное содержание настоящего раздела.

СУФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ[7]

ИСТОРИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОБРАЗУЕМЫХ ОТ ОСНОВ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ОДУШЕВЛЕННЫХ И ОБОЗНАЧАЮЩИХ ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОМУ СУЩЕСТВУ[7]

§ 2. Общее значение отношения к живому существу — лицу или животному — по-разному модифицировалось у разных словообразовательных типов прилагательных. У прилагательных, лишенных аффикса *-ий* и связанной с ним системы склонения, оно сближалось со значением родит. над. производящего имени; у прилагательных, имеющих аффикс *-ий*, на основе значения отношения к живому существу развивался оттенок т и п и ч е с к о й с в о й с т в е н н о с т и р о д у лиц или животных, воспринимаемой иногда как чисто качественный признак. Ср., с одной стороны, *наполеонова шляпа*, *наполеонова голова*, *наполеонова армия*, *наполеонов приезд*, *наполеоново заточение* (*шляпа*, *голова*, *армия*, *приезд*, *заточение Наполеона*) и: *генеральский тон*, *отцовское отношение*, *материнская любовь*, *заговорщицкий шопот*, *ослиное упрямство*, *лебединая шея*.

---

[7] Вне этой группы прилагательных стоят образования от основ имен лиц с суффиксом *-н-* (типа *слесарный*, *инженерный*), не обозначающие отношения к лицу. Они рассматриваются в связи с другими прилагательными с суффиксом *-н-* в разделе «История прилагательных с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-*, и их производными, образуемых от основ существительных неодушевленных».

С прилагательными на *-ий*, *-ая*, *-ое* объединяются прилагательные с суффиксом *-j-* типа *помещичий*, *рыбий*. Так же, как и последние, они утрачивают значение отношения к единичному лицу или животному и развивают значение свойственности роду лиц или животных, часто осложняются яркими качественными оттенками. Система склонения прилагательных с суффиксом *-j-* (за исключением некоторых форм: именит. пад. ед. ч. женск. и средн. р., именит. пад. мн. ч. и винит. пад. ед. ч. женск. р.) совпадает с системой склонения членных прилагательных. Нечленные падежные формы, например родит. пад. ед. ч. мужск. р. на *-а* и дат. пад. мужск. р. на *-у* единичны уже во второй половине XVIII в. и не соответствуют нормам словоупотребления изучаемого времени. Форма же именит. ед. ч. мужского р., которую рассматривают обычно как основу без флексии с беглым гласным перед суффиксальным -j-[8], функционирует, на наш взгляд, в языке XIX в. в одном ряду с другими формами на *-ий*. Поэтому ее следует считать соединением бессуффиксной основы с общим аффиксом прилагательности [9] (ср. например, отсутствие суффикса в именит. пад. ед. ч. в парадигме склонения существительных типа *время*).

Между образованиями с разными суффиксами от основ существительных одушевленных, кроме семантических различий, была и определенная смысловая близость, так как все они в XIX в. могли выражать принадлежность единичному лицу: *генеральский — генералов дом*, *отцовская — отцова книга*, *материнское — материно кресло* и под.[10] Эта смысловая близость и близость

---

[8] См.: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русск. лит. языка. М, 1945, стр. 134. Происхождение этой формы объясняют обычно как результат гаплологии (см.: А. А. Шахматов. Историческая морфология русск. языка. М., 1957, стр. 130) или сохранение старой формы нечленного склонения (см.: В. Unbegaun. La langue ruse au XVI siècle. Paris, 1955, стр. 338—340; Р. Кошутић. Граматика руског језика, II, Облици. Београд, 1914, стр. 88).

[9] Близость прилагательных типа *помещичий*, *лисий* к членным прилагательным находит отражение в грамматической литературе. Широко распространено выделение семантического разряда притяжательно-относительных прилагательных. См., например: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 198—200; Грамматика АН СССР, т. I, стр. 330—332. Ср. объединение в разряд притяжательных прилагательных образований с суффиксами *-j-*, *-ов-*, *-ин*, *-овск-*, *-инск-* в указ. раб. Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова, стр. 130. Характерно, что А. В. Исаченко, выделяя прилагательные на *-ий*, *ья*, *-ье* по семантике в разряд относительно-притяжательных, и их склонение рассматривает в мягком типе склонения членных прилагательных (см.: А. В. Исаченко. Грамматический строй русск. языка в сопоставлении со словацким, ч. 1. Братислава, 1954, стр. 246).

[10] Показательно, что в грамматических трудах первой половины XIX в. прилагательные, производимые от основ существительных одушевленных, обычно так или иначе объединялись. Так, Востоков к притяжательным относит прилагательные, обозначающие принадлежность лицу (с суффиксами *-ов*, *-ин*, *-ь*) и породе животных (с суффиксами *-ий*, *-овий*, *-евий*)

словообразовательных связей разных формантов обусловили тесное взаимодействие разносуффиксных прилагательных, производимых от одних и тех же основ. Однокоренные образования выстраивались в синонимические ряды, включающие до четырех членов (типа *полковников — полковнический — полковничий — полковницкий, барабанщиков — барабанщичий — барабанщический — барабанщицкий, материн — материнский, братов — братнин — братский — братний, комарий — комариный, шмелевый — шмелиный* и под.). Наличие подобных рядов существенным образом влияло на судьбу отдельных словообразовательных типов, приводя к изменениям в их продуктивности и употребительности а, следовательно, и места в системе языка, но не вызывая обычно полного вытеснения одних типов другими.

История прилагательных, образуемых от имен лиц

§ 3. В конце XVIII — нач. XIX в. группа прилагательных, обозначающих отношение к лицу, была гораздо более обширной, употребительной и продуктивной, чем в конце XIX в.[11] В образовании этих прилагательных участвовали продуктивные суффиксы *-ов, -ин, -j-, -ск-* (и его производные *-овск- -инск-, -еск-* и др.); кроме того, в составе рассматриваемых прилагательных выступали уже непродуктивные в этот период суффиксы *-нин, -ний, -овний* (в ограниченном кругу слов, преимущественно произведенных от названий родства: *братнин, мужнин, братний, материй, сыновний* и под.).

История прилагательных, не имеющих аффикса *-ий*

§ 4. На всем протяжении истории русского языка имена прилагательные с суффиксами *-ов* и *-ин* занимали особое место среди прочих прилагательных. Близость по значению к родит. над.

см.: А. Х. Востоков. Русск. грам., стр. 47). Об именах прилагательных на *-иный* и *-овый*, хотя они и включены в разряд относительных, сказано, что, подобно притяжательным с суффиксами *-ий, -овий, -евий*, они обозначают большей частью «принадлежность породе каких-либо животных» (см. там же, стр. 48). Также отнесены к прилагательным относительным образования на *-овский, -ский, -цкий*, показывающие зависимость от предметов одушевленных (см. там же, стр. 47). У Греча проведено разделение имен прилагательных на притяжательные личные (с суффиксами *-ов* (*-ев*), *-ин*) и родовые (с суффиксами *-ий, -ачий, -ячий, -иный, -овий, -евий, -ский, -цкий, -ческий*) (см.: Н. И. Греч. Простр. русск. грам., стр. 200).

[11] О продуктивности и большой употребительности этого разряда прилагательных свидетельствует следующее замечание Востокова: «...Когда только есть возможность заменить родительный падеж притяжательным, тогда русский (и вообще всякий славянин) не упустит воспользоваться сею возможностью» (А. Х. Востоков. Замечания на критику «Сокращенной русской грамматики» в № 17—18 «Телескопа».— «Телескоп», 1831, № 22).

производящего имени, отсутствие живого аффикса качественности и почти полная невозможность развивать качественные значения [12], особая система склонения — вот черты, отделяющие эти прилагательные от всех других типов прилагательных [13]. Со спецификой значения прилагательных на *-ов*, *-ин* связано также то, что они не могли служить производящими основами для наречий (ср. *мальчишеский — по-мальчишески*, *заговорщицкий — заговорщицки*) и редко употреблялись в качестве сказуемого. Структурные и семантические особенности образований на *-ов*, *-ин*, их функциональная близость к родит. пад. присубстантивного существительного приводят к тому, что некоторые исследователи древнерусского и старославянского языков включают их в парадигму склонения имен существительных[14] или предлагают выделять их в особую грамматическую категорию, промежуточную между

---

[12] Ср. следующее замечание В. В. Виноградова: «Притяжательные прилагательные лишены оттенка качественности и сама прилагательность их условна» («Русск. язык», стр. 191).

[13] Ср. противопоставление суффиксов *-ов* и *-овый* в «Филологических наблюдениях» Павского (1850): «Окончание *-ов* (и *-ев*, *-а*, *-о*) образует имена прилагательные, обозначающие принадлежность или усвоение лицам и животным, и притом усвоение ближайшее, относящееся к одному известному лицу или животному... Когда усвоение относится не прямо к лицу или известному животному, а к целому обществу лиц или к породе животных, тогда окончание *-ов* переходит в двоечленную форму и принимает вид *-овый*, *-ая*, *-ое* или *-евый*, *-ая*, *-ое*... Собственные имена лиц не могут переходить в эту двоечленную форму, потому что собственное имя не может принадлежать многим, но имена названий и должностей человеческих легко принимают окончание *-овый*, как видно в словах *писцовый*, *кузнецовый*» (Рассужд. II, стр. 2—3, 41—42). Рассуждение Павского верно лишь в той части, в которой говорится о противопоставлении суффиксов *-ов* и *-овый*. Что касается возможности присоединения суффикса *-овый* к именам лиц, то ни собственные, ни нарицательные имена с этим суффиксом не сочетались. Ср. встречающиеся изредка в начале XIX в., но не закрепившиеся в языке образования от собственных имен с суффиксом *-овый*: В град *Петровый* Плывет корабль из дальних стран (Кюхельб., К брату); Хотели доказать любимую *фаустовую* мысль о том, что мы не можем выражать своих мыслей (В. Одоевск., Русск. ночи. Эпилог). Ср. лексически ограниченный ряд новых образований со специфическим значением «предназначенный для»— *подростковый*, *мальчиковый*, *малютковый*.

[14] «...От каждого существительного, обозначающего одушевленное существо, образуется притяжательное прилагательное, которое принадлежит к парадигме склонения этого существительного совершенно так же, как причастия принадлежат к парадигме спряжения глагола» (Н. С. Трубецкой. О притяжательных прилагательных старославянского языка. «Зборник у част А. Белића», Београд, 1937, стр. 16). Ср. также замечание Вайана: «Роль притяжательных прилагательных, замещающих родит. пад. принадлежности, настолько важна, что их ни в коем случае нельзя смешивать с другими производными прилагательными; так, с именами лиц употребление притяжательных прилагательных при известных условиях столь же обязательно, как и употребление падежных окончаний. Притяжательные прилагательные дополняют именное склонение» (А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 158).

существительными и прилагательными — производный согласуемый генитив [15].

История русского языка с древнейших времен характеризуется ослаблением прилагательных с суффиксами *-ов*, *-ин* [16], их постепенным вытеснением родит. беспредложным и прилагательными с другими суффиксами, способными обозначать не только отношение к единичному лицу, но и отношение к роду лиц и разного рода качественные оттенки [17]. В литературном языке XIX в. — в связи с активно протекающим процессом развития категории качества и ослаблением выражаемой прилагательными категории отношения — существенно менялось и место прилагательных с *-ов*, *-ин* в словообразовательной системе языка, разрушалась система их склонения [18].

История прилагательных с суффиксом *-ов*

§ 5. В конце XVIII — нач. XIX в. тип прилагательных с суффиксом *-ов* был еще очень продуктивен [19]. Эти прилагательные свободно образовывались от основ существительных одушевлен-

[15] См.: С. В. Фролова. К вопросу о природе и генезисе притяжательных прилагательных русск. языка. «Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та», вып. 32, 1960, стр. 334.

[16] История притяжательных прилагательных соотносительно с другими средствами выражения принадлежности в древнерусском языке рассматривается в ряде работ. См., например: С. Я. Макарова. Выражение принадлежности в русск. языке XI—XVII вв. Канд. дисс. М., 1952; ее же. Родительный падеж принадлежности в русск. языке XI—XVII вв. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», 1954, т. III; Н. С. Валгина. Притяжательные прилагательные в памятниках русской письменности XVI—XVII вв. Канд. дисс. М., 1953; ее же. Из истории притяжательных прилагательных (На материале русских памятников XVI—XVII вв.). «Научные труды Московского заочн. полиграф. ин-та», № 3, 1955; М. Виднэс. О выражении принадлежности притяжательным прилагательным и родит. пад. принадлежности в русск. языке XVIII—XIX вв. «Scando-Slavica», т. IV, Copenhagen, 1958; В. К. Чернецкий. Грамматические средства выражения принадлежности в русск. лит. языке конца XVII — первой трети XVIII в. Канд. дисс. Одесса, 1953; С. В. Фролова. История образования притяжательных и притяжательно-относительных прилагательных с суффиксами *-j/-ьj* и *-ов/-ев* в русск. языке. Докт. дисс. Куйбышев, 1962.

[17] Аналогичный процесс вытеснения прилагательных с суффиксами *-ow*, *-in* наблюдается в польском языке (S. Szlifersteinowa. Przymiotniki dzierżawcze w języku polskim. Wrocław, 1960, стр. 142). В чешском, болгарском и сербском языках прилагательные этого типа очень продуктивны.

[18] О различной употребительности отдельных падежных форм прилагательных на *-ов*, *-ин* см.: В. В. Виноградов. Русск. язык., стр. 195.

[19] О большой продуктивности этой модели свидетельствует проникновение суффикса *-ов* в сферу действия других суффиксов, например, производство отдельных прилагательных с этим суффиксом от существительных на *-а* мужск. и женск. р., от которых обычно производились прилагательные с помощью суфф. *-ин*: *акулов* (Сл. АР 1-е изд.), *Балдов* (Пушкин), *Петрарков* (В. Е., 1802, № 10), *Зороастров* (Арх. бр. Тург., 1, 2; Держ., К царевичу Хлору), *Сысойков* (Решетн., Подлиповцы, I).

ных мужского рода, обозначающих лицо. От прилагательных мужского рода, обозначающих животное (см. § 12) или неодушевленных, прилагательные с суффиксом *-ов* образовывались в редких случаях. Структурных ограничений в образовании подобных прилагательных не было. Суффикс *-ов* присоединялся к основам на твердый согласный (*землемеров*, *Капнистов*, *Иванов*), к основам на мягкий согласный (*царев*, *князев*, *Гречев*, *Гоголев*, *Игорев*), в том числе на *-j* (*Плиниев*, *Тезеев*, *Хозроев*, *Алексеев*), к основам несклоняемых существительных на *-о*, *-е* (с утратой одного из тождественных гласных на стыке основы и суффикса): *Руссов*, *Гетев*, на *-и* (с сохранением его перед гласным суффикса): *Россиниев*, *Энниев* (*Энни*), *Аллегриев*.

Основную базу для производства прилагательных на *-ов* составляли имена собственные — личные имена и бессуффиксные фамилии (*Иванов*, *Алексеев*, *Шекспиров*, *Шиллеров* и под.), реже — нарицательные, обозначающие профессию, социальное положение, семейно-родственные отношения, возраст (*барабанщиков*, *почтмейстеров*, *приказчиков*, *царев*, *хозяинов*, *митрополитов*, *женихов*, *отцов*, *стариков*, *мальчиков*).

Прилагательные, образованные от существительных нарицательных, были менее употребительны. Вероятно, это объясняется тем, что значение отношения к единичному лицу чаще устанавливалось по отношению к человеку, названному именем собственным, чем по отношению к человеку, названному по профессии, должности и т. п. Кроме того, от существительных нарицательных для выражения близких значений легко образовывались прилагательные с другими суффиксами (*-ск-*, *-еск-*, *овск-*, *-j-*: *банкротов — банкротский*; *отцов — отцовский*, *начальников — начальнический — начальничий*, *купцов — купеческий — купецкий* и т. п.), тогда как далеко не при всех прилагательных, образованных от имен собственных, имелись синонимические образования с другими суффиксами (например, при прилагательных, образованных от личных имен типа *Алексеев*, *Петров*, *Семенов* и под., образования такого рода, как «Алексеевский», «Петровский», «Семеновский», создаются в редких случаях, лишь когда речь идет об именах известных лиц, государственных деятелей, например *Петровская эпоха*).

При образовании притяжательных прилагательных от неоднословного наименования лица оно обычно воспринималось как единое целое, и суффикс присоединялся к последней его части [29]. Такой способ образования действует на протяжении всего XIX в.

В родословной истории *Абулгазий Баядурь-Хановой* (Рычков, Опыт Каз. ист., IV); Произошли от поколения *Гаций Гарай-Ханова* (Там же, III); *Микель-Анджелову* картину (Каразм., Микель-Анджело); правнук *дон-педровой* собаки (Отеч.

[29] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис, стр. 288.

зап., 1839, т. V); два перевода *Поль-де-кокова* романа (Там же, т. II); У меня будет особенная комната (верно *St.-Jerom'ова*) (Л. Толст., Юность, III).

Таким же образом производились прилагательные от русских имен и отчеств:

Мартын Петровичева лошадь (Тург., Степн. король Лир, XVIII); лучше *Карл Иванычевых* стихов (Л. Толст., Детство, XVI); к *Николай Михайловичеву* Кузьме (Герц., Б. и д., 1, VII); воззрение *Макар Ивановичево* (Дост., Подросток, 3, 3, II); Поездка *Капитон Аверьянычева* любимца (Эрт., Гард., 1, VI).

В конце XIX в. этот способ образования действует только в просторечии.

На протяжении XIX в. изредка встречаются характерные для ранних периодов истории русского языка [21] случаи разнооформленного употребления сложного имени или названия: последняя часть преобразуется в форму притяжательного прилагательного, а первая принимает форму родит. пад.: Я отдаю вещи! Только они не *Николая Петровичевы* (Чех., Хористка). Ср. случай, где, по-видимому так же, как и при склонении, сохранение первой части наименования в именит. пад. невозможно: дошел до *отца протопопова* дома (Леск., Соборе, 1, 3).

В начале изучаемого периода имена прилагательные с суффиксом *-ов* были широко употребительны без каких-либо ограничений во всех стилях речи и жанрах художественной литературы — в мемуарах, частной и деловой переписке, официально-деловых документах, в художественной прозе, стихах, торжественных и легких, в научных трудах.

Преступникова участь (Н. Н. Трубецкой, п. А. М. Кутузову, 13 февр. 1791); *Тетка*. Сестра *отцова* или материна (Сл. АР; везде цит. по изд. 1); о *банкротовых* требованиях (ПСЗ, 1800, т. XXVI, § 1969); по просьбам однодворцев и *Батезатуловой*; в силу инструкции *землемеровой* (ПСЗ, 1801, т. XXVI, § 19825); *ответчикова* поверенного (Там же, § 19802); взаимные досады *Василиевы* и *Сигизмундовы* (Карамз., И. Г. Р., VII, II, загл.); быстрей *поэтовой* мечты (Языков, А. А. Всейковой); родственник *царев* (Озеров, Эдип в Афинах, V, 4); кабинет *князев* (Нарежн., Росс. Жилбл., 5, VII); увидели посла *принцева* (Там же, 4, X).

Широко употреблялись прилагательные, образованные от иноязычных фамилий: *Гофманово* сочинение (Лукин, Щепетильн., Письмо к г-ну Ельчанинову); *Плавтовы* пиесы натуральнее *Аристофановых* (Батте, Нач. правила словесн.); сравнение Геракля *Корнелева* с Аталиею *Расиновой* (Там же); критицизм *Кантов*

---

[21] См.: С. Я. Макарова. Родит. пад. принадлежности в русск. языке XI—XVII вв., стр. 23.

(Моск. вестн., 1828, № 21-22); *Ремблеровы* (Rambler's) воспоминания (Отеч. зап., 1839, т. VII); в *Невкоменовой* машине (Козловский, Краткое описание теории паровых машин, Совр., 1837, т. VII); *Шеллинговы* замечания (Герц., Письма об изуч. прир., 1).

В конце XVIII в. русские фамилии на *-ов*, происшедшие из прилагательных с суффиксом *-ов* и не допускающие вторичного присоединения к ним того же суффикса [22], могли употребляться как прилагательные в качестве согласованных определений при имени существительном. Этот способ выражения был нечастым уже в XVIII в. [23]:

В подмосковной *Строгоновой*, что слывет Мельница (Нащокин, Зап.); в получении *Яковлевой* деревни (С. Т. Максимов, п. Державину, 23 янв. 1774); Равно бессмертен в Петриаде Ты *Ломоносовым* пером (Держ., На выздоровление мецената); *Крашенинниково* описание нашей Камчатки (Болот., 2, 119).

Уже в тот период существовало параллельное средство выражения — прилагательные с суффиксом *-ск-*, производимые от фамилий на *-ов*. Ср. безразличное употребление образований того и другого типа.

Расположиться к Гурьеву и к *Татищевой* крепости (П. М. Голицын, п. Державину, 2 мая 1774); за *татищевскую* экспедицию (А. Бушуев, п. Державину, 12 июня 1774); из самой шайки *пугачевой* (Держ., п. А. И. Бибикову, 27 марта 1774); от злодейских *пугачевских* покушений (Держ., п. И. Денисову, май 1774).

По направлению к современности употребление фамилий на *-ов* в качестве прилагательных сокращается [24]. Однако этот способ выражения не был еще редкостью в начале XIX в.:

Семейство *Гурьево* (Вигель, Зап., I, 1); прозы *Озеровой* (Жих., Воспом. ст. театр., IV); Первый том *Батюшковых* «Опытов» (И. Дм., п. А. И. Тургеневу, 2 авг. 1817); Описание *Румянцевой* библиотеки (Моск. набл., 1837, апр., кн. 2); за самым *Машковцевым* домом (Герц., Б. и д., 2, XV) [25].

Такие образования были вытеснены прилагательными с суффиксом *-ск-*.

---

[22] Ср. шутливое образование прилагательного на *-ов* от фамилии *Озеров* в письме П. Вяземского: «нет ли еще чего-нибудь *Озеровова*, малоизвестного» (п. А. И. Тургеневу, 27 сент. 1816).

[23] Малую употребительность этого способа выражения и для более раннего периода истории русского языка отмечает С. Я. Макарова («Родит. пад. принадлежности в русск. языке XI—XVII вв.», стр. 18). См. также: В. К. Чернецкий. Автореф. указ. дисс., стр. 7.

[24] Ср. употребление в функции прилагательных фамилий на *-ий*, от которых не образовывались никакие прилагательные: дикие хоры *жуковских* певчих (Никитенко, Дневн., 7 ноября 1837); чуждое *щербацкое* влияние (Л. Толст., А. К., 6, II); в зале *щербацкого* дома (Там же, 5, III). Следующий пример ярко иллюстрирует функционально-семантическую близость прилагательных на *-ский*, произведенных от фамилий, и собственно фамилий на *-ий*: Ему немного жалко было своего *левинского* мира и порядка, который был заглушаем этим наплывом «*щербацкого* элемента», как он говорил себе. Из его родных гостил в это лето у них один Сергей Иванович, но и тот был не *левинского*, а *кознышевского* склада человек, так что *левинский* дух совершенно уничтожался (Л. Толст., А. К., 6, I). Подобное употребление фамилий на *-ий* возможно и в наши дни: *маяковские* ритмы (Б. Слуцкий, Назым); Обратился к силлабо-тоническому, «*немаяковскому*» стиху (Лит. газ., 21 янв. 1962).

[25] Отнесение такого употребления к «собственно народному языку» (см.: В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Изд. 3, Пг., 1915, стр. 158—159) по отношению к первой половине XIX в. вряд ли

§ 6. Имена прилагательные с суффиксом *-ов* по значению сближались с родит. беспредложным [26], они обозначали разного рода отношения к единичному лицу: принадлежность (в узком смысле слова), семейно-родственные отношения, авторскую принадлежность, различные служебные и общественные отношения, а при отглагольных существительных — субъект или объект обозначаемого существительным действия: *дон Кишотовы странствия* (Радищ.), *мучительство Августово на Лабиеневы сочинения* (Радищ.), *приказания Плутоновы* (Крыл); *Дмитрий, победитель Мамаев* (Карамз.); *судил Харьков* (т. е. тот, кто судит Харька; Нарежн.) [27].

В отличие от однокоренных прилагательных с суффиксами *-ск-* и *-j-*, прилагательным на *-ов* не было свойственно значение обобщенного отношения к роду лиц или свойственности (с оттенком качественности), хотя потенциальные возможности выражать подобные значения у них были [28].

верно: в это время такое словоупотребление, по всей вероятности, не выходило за пределы литературного языка.

Возможности употребления фамилий на *-ов* как прилагательных окончательно не утрачены и в современном языке; их поддерживают традиционные названия типа *Аничков мост*; ср.: Cadran solaire на *Меньшиковом* доме (А. Ахматова, Ленинград в марте 1941 г.).

[26] Как убедительно показано в ряде новейших исследований древнерусского и старославянского языков, древнейшее значение прилагательных на *-ов*—это обозначение широкого недифференцированного отношения к лицу, близкое родит. над. беспредложному, а узкое значение притяжательности — более позднее, вторичное. См., например: M. B r o d o w s k a. Próba słowotwórczej charakterystyki formacji przymiotnikowych w najstarszych zabytkach staro-cerkiewno-słowiańskych. Instytut językoznawtwa Uniwersytetu Jagiellońskiego, Sprawozdania z posiedzień naukowych za rok akad. 1952/53. Kraków, 1953, стр. 13; см. также: M. B r o d o w s k a - H o n o w s k a. Staro-cerkiewno-słowiańskie przymiotniki o sufiksie *-ovъ* na tle porównawczym. «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego», № 9, Filologia, 2. Kraków, 1956; с е ж е. Słowotwórstwo przymiotnika w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kraków-Wrocław-Warszawa, 1960; С. В. Ф р о л о в а. К вопросу о природе и генезисе притяжательных прилагательных русск. языка, стр. 324, 340. Ср. характеристику языка второй половины XVII — нач. XVIII в. в работе В. К. Чернецкого (автореф. канд. дисс., стр. 8). Функционально-семантическую близость к родит. беспредложному обнаруживали в этот период также прилагательные с суффиксами *-н, -ов, -ск-*, производимые от основ существительных неодушевленных, см.: В. А. Б е л о ш а п к о в а и Е. А. З е м с к а я. Из истории функционирования отсубстантивных прилагательных. «Мат-лы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. V, М., 1962.

[27] Сравнение с результатами работы В. К. Чернецкого (см. автореф. канд. дисс., стр. 8) показывает, что круг значений притяжательных прилагательных и их относительная употребительность были примерно такими уже в начале XVIII в.

[28] Редкие случаи подобного употребления прилагательных на *-ов* отмечены в памятниках XVI—XVII вв., например: Бусорман же прочет грамоту со слезами многими вопияше *мытаревым* гласом (см.: Н. С. В а л г и н а. Из истории притяжательных прилагательных, стр. 85); см. также: В. К. Ч е р н е ц к и й. Автореф. канд. дисс., стр. 8; С. В. Ф р о л о в а. Автореф. докт. дисс., стр. 20—21.

Прилагательные на *-ов* со значением отношения к роду лиц, образованные от основ существительных нарицательных, редки. Однако отдельные случаи такого употребления встречаются на протяжении всего изучаемого периода:

Для сыска... беглых драгун... *помещиковых* людей и крестьян (ср. *помещичьих*) (ПСЗ, 1742. ЛК); В театральных ли украшениях *сочинителевы* заключаются чувствования, правила и остроумие? (ср. *сочинительские*) (Николев, Розана и Любим, Объяснение); Деловые люди... в переписях прописывались живущими в *помещиковых* и *вотчинниковых* дворах (Ключевск., Курс русск. ист., III); Опомнись! *Управителев* сын и вдруг унижаешь себя! (Эрт., Гард., 2, II).

Прилагательные на *-ов*, образованные от собственных имен известных лиц, также изредка могли выражать обобщенно-качественное значение (*Наполеонова* решительность):

Ученость немецкая, остроумие *Вольтерово*, ни самое глубокомыслие *Макиавелево* в историке не заменяют таланта изображать действия (Карамз., И. Г. Р., Предисл.); Писать истинно *Цицероновым* слогом (Телеск., 1831, № 24); Богатство есть, но не *Ротшильдово* (Дост., Идиот, 4, I).

§ 7. Свободное стилистически неограниченное употребление прилагательных на *-ов* продолжается до середины XIX в. Однако и в это время обнаруживается их постепенное угасание: сужается круг выражаемых ими значений, условия их функционирования ограничиваются.

Уже в начале изучаемого периода крайне редко отмечается употребление прилагательных на *-ов* в значении, соотносительном со значением родит. пад. объекта — в сочетании с образованными от переходных глаголов существительными — названиями действующего лица или действия [29].

Господин *издатель Трутнев* (Трутень, 1770, XIV); Я *убийца Алонзова*! (Карамз., Сиерра-Морена); До времен Димитрия, *победителя Мамаева* (Карамз., Выписки из писем В. М. Карамзину, 6 июня 1808); имя страшного *судии Харькова* (Нарежн., Росс. Жилбл., 5, XIII).

Особенно редки прилагательные на *-ов* при существительных, обозначающих действие, так как в этих условиях значение прилагательного было неопределенным: оно могло соотноситься с родительным как объекта, так и субъекта (*убиение Батыево* могло значить и то, что Батый убил, и то, что Батыя убили):

---

[29] Правильно отметив этот факт, Н. С. Валгина, как и другие исследователи этих прилагательных (С. Я. Макарова, В. К. Чернецкий), дает ему антиисторическое истолкование: «Потеря специфического для притяжательных прилагательных значения влечет за собой и изменение грамматической формы» (Н. С. Валгина. Из истории притяжательных прилагательных, стр. 82).

Убиение Батыево в Венграх... невероятно (Рычков, Опыт Каз. ист., IV); День для *подрядчикова истязания* и *свобождения* наконец настал (Живописец, 1775, I. Ты охотник до ведомостей); *Пиндаров перевод* (И. Дм., п. Д. И. Языкову, янв. 1806). Ср. в «Литературных и житейских воспоминаниях» И. Тургенева, отражающих, по-видимому, словоупотребление первой половины века: вспомнил сцену *остаповой казни* в «Тарасе Бульбе» (II).

Сокращается в некоторой степени также употребительность прилагательных на *-ов*, соотносительных с родит. субъекта. В конце XVIII — первой половине XIX в. подобное употребление было еще довольно частым:

После *ле-Пандардова побега* (Изм., Евгений, I, VI); несколько рисунков *учителевой работы* (Крыл., Урок дочк., 5); Прошел месяц *пребывания князева* в доме Простакова (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, III); подражание *Шекспирову описанию* смерти Офелии (А. А. Дельв., Конец золотого века); гнусность *поступка графова* (Булг., Ив. Выж., XXV); фарс *Гетева сочинения* (Герц., Зап. одн. мол. чел. Патриарх. нравы г. Малинова), *преобразования Петровы*, *нововведения Петровы* (Москвит., 1841, янв.).

Постепенно прилагательные на *-ов* из средства, функционально близкого родит. пад. существительного, употребительного для передачи всех тех отношений, которые могли выражаться этим падежом, становятся средством функционально ограниченным, употребительным для обозначения только посессионных отношений (имущественное владение, неотчуждаемая принадлежность, родственные отношения и др.). Вот почему эти прилагательные прежде всего утрачивают соотносительность с родит. объекта, тогда как соотносительность с родит. субъекта они сохраняют до наших дней: обозначение субъекта действия не противоречит посессионному значению прилагательного. Однако за прилагательными на *-ов* сохраняется потенциальная возможность выражать объектное значение, преимущественно при именах лиц: *отцов* убиïца, *зятев* судья, *ѣедов* учитель и т. д. Характерно, что при этом объектные отношения также, по-видимому, переосмысляются в отношения принадлежности.

§ 8. Значения, выражаемые прилагательными с суффиксом *-ов*, могли передаваться родит. пад. существительных и прилагательными с суффиксами *-ск-* [30] и *-j-*. Вот несколько примеров такого параллельного употребления в первой половине XIX в.

По *Ортову мнению*; *мнение Орта* (Тр. Вольн. эконом. об-ва, 1810, ч. LXII); *Гофманова «Германская флора»*; Известны *сочинения Гофмана* (Моск. телеграф, 1826, № 8); *Учение Рейдово*

[30] О параллельном употреблении имен прилагательных с суффиксами *-ск-* (*-овск*)- и *-ов* см. в разделе «История прилагательных с суффиксами *-ск-*; *-овск-*, *-ическ-*», § 24.

имеет преимущество над *Локковым*; Воздать должную благодарность Локку, *предшественнику Рейда* (Моск. вестн., 1828, № 21-22); Бил меня и *жезл Нептуна*, Бил меня и *Зевсов гром* (Шевырев, Храм Пестума); Подготовлено к печати *Раумерово сочинение* «Англия в 1835 году» и *Кенига роман* «Высокая невеста» (Моск. набл., 1837, апр., кн. 2): *Чингис-Ханов памятник*; *памятник Чингис-Хана* (Отеч. зап., 1839, т. VII); перевод *Шекспирова* «*Макбета*» (Никитенко, Дневн., 10 дек. 1836); Я перечитывал «*Макбета*» *Шекспира* (Там же, 16 янв. 1832); Не брал ни тяжкого меча... Ни лат с *Саулова плеча* (Хомяков, Давид); *Доспех Саула* ей окова (Там же).

Во второй трети XIX в. происходит изменение в соотношении этих средств выражения. Возрастает употребительность родит. пад. принадлежности и прилагательных с суффиксом *-ск-* (*-овск-*); употребительность прилагательных на *-ов* резко уменьшается. Они перестают быть нейтрально-литературной категорией. Создаются стилистические ограничения их функционирования: прилагательные на *-ов* сохраняются в разговорно-бытовой речи и жанрах художественной литературы, отражающих эту речь. Научная проза, официально-деловая, торжественно-риторическая речь их не допускают. Сокращаются возможности образования прилагательных на *-ов*; суживается круг производящих основ; например, они перестают образовываться от несклоняемых существительных с основой на гласный, типа *Гете*, *Буало*; образования от иноязычных и русских фамилий (типа *Байронова* поэма, *Гоголева* комедия *Гречев* сын) почти полностью выходят из употребления, заменяясь прилагательными с суффиксом *-ск-*(*-овск-*). Отдельные случаи их употребления — преимущественно со значением личной принадлежности — сохраняются до конца XIX в.:

Там перчатка с руки великана, Там торчит *Веллингтонов* сапог (Некр., О погоде, I, III); ворот *Тропмановой* рубахи (Тург., Лит. и жит. воспом., VIII); продукты *Бонапартова* режима (Боборык., Дельцы, 1, VIII); причуда *Рюрикова* потомка (Милютин, Дневн., 28 ноября 1873); *Колумбовы* спутники (Станюк., Вокр. света на «Корш.», 1, 9, III).

Прилагательные, произведенные от русских имен, реже отчеств и существительных нарицательных, сохраняются на протяжении всего XIX в. и в наши дни. Их основная функция — обозначать семейно-родственные отношения, принадлежность одному лицу и (реже) субъект действия при отглагольных существительных. Вот примеры употребления подобных прилагательных во второй половине XIX в.:

Садовникова дочь (Дост., Село Степ., 1, XII); пиджак с *баринова* плеча (Остр., Красавец-мужчина, IV, 8); Подъехали к дверям *гоф-медиковым* (Л. Толст., п. жене, 11 ноября 1866); *о поповой* дочери (Там же, 8 дек. 1864); Вот кабы мне *полководцеву-то* квартирку! (С.- Щ., Совр. идиллия, XII); из *государева*

кабинета (Милютин, Дневн., 15 дек. 1873); за *Митрофанову* избу (Л. Толст., п. жене, 7 апр. 1882); Как *Марковы* дела со службой? (Ленин, п. М. А. Ульяновой, 7 июня 1902. Соч., т. 37, стр. 270); Как определились *Марковы* виды? (Ленин, п. М. А. Ульяновой, 24 марта 1902. Соч., т. 37, стр. 263).

§ 9. Широкое употребление прилагательных на *-ов* во второй половине XIX в. отмечается лишь у некоторых писателей, например, у Лескова и Достоевского:

После каждого посещения *Шнейдерова* заведения... (Дост., Идиот, 4, XII); *Купферовы* векселя (Там же, 2, X); Смотрел в окно на *Мейерову* стену (Там же, 2, X); *Шульцево* приглашение (Леск., Островитяне, 8); *Дагоберова* собака (Там же, 21); *Репертов* конюх (Там же, 21); *Фрицева* сигара (Там же, 5); За окнами *Шульцева* дома (Там же, 27); В нижнем этаже *Беровой* башни (Там же, 22); от *герцогова* представителя (Леск., Чертовы куклы, 10); Выпьем за *немцево* здоровье (Леск., Железн. воля, XIII); в *Аристофановой* комедии (Леск., Русск. тайнобрачие, 3); *дьячков* донос (Леск., Мелочи арх. жизни, 12); подозрение *секретарево* (Леск., Заметки неизвестн., Степенная ограниченность аглицк. искусства).

В связи с ограничениями условий употребления прилагательных на *-ов* они стали использоваться в качестве стилистически окрашенного средства, например, в целях исторической стилизации. Именно такова функция этих форм в исторических песнях и балладах А. К. Толстого:

Прибрежья, где черный мой стяг прошумел, Сикилия, Понт и Эллада, Во век не забудут *Гаральдовых* дел, Набегов Гаральда Гардрада! (Песня о Гаральде и Ярославне, 15); И тут же гордяся своею красой, С девичьей улыбкой, с змеиной душой, Любимец звонит *Иоаннов*, Отверженный богом, Басманов (Василий Шибанов).

Во второй половине XIX в. прилагательные на *-ов* широко применялись для придания произведению колорита «народности»; в таких случаях обычно употребление притяжательных прилагательных и в авторской речи, и в речи персонажей:

— Кто же вы будете сами-то? — *Попов* сын (Слепц., Трудн. время, I); *Дьячков* сын весело свистнул (Там же, XIV); Управляющий ему вежливо докладывает, что, мол, *князево* распоряжение... (Купр., Картина); То-то и *лейтенантова* женка ревмя ревет (Станюк., Вокр. света на «Корш.», 1, 2, II).

Во второй половине XIX в. прилагательные на *-ов* могли употребляться как средство иронии, например: Посредством какого рода самодеятельных умозаключений самодеятельная *будочникова* душа допустила язык сделать такую штуку? (С.- Щ., Литературн. будочники); Будем преследовать одну цель; угобжение *читателевой* утробы (С.- Щ., Совр. идиллия, IV).

История прилагательных с суффиксом *-ин*

§ 10. История прилагательных с суффиксом *-ин* в литературном языке XIX в. была близка истории прилагательных с суффиксом *-ов*, отличаясь от нее лишь в деталях.

Прилагательные на *-ин* имели тот же круг значений, что и прилагательные на *-ов*. В конце XVIII — нач. XIX в. они свободно образовывались от существительных мужского и женского рода на *-а* со значением лица, а также от несклоняемых женских имен (типа *Мери*); чаще всего это были собственные уменьшительные имена, реже фамилии и отчества: *Софьин*, *Лизин*, *Кириллин*, *Петин*, *Трифовнин*, *Подщипин* (*Подщипа*), *Глинкин* (*Глинка*) и под. Среди имен нарицательных в качестве производящих основ использовались преимущественно существительные, обозначающие семейно-родственные отношения, профессию, должность, социальное положение, возраст (*маменькин*, *материн*, *воеводин*, *старостин*, *княгинин*, *девицын*, *старухин* и под.), реже — существительные другого значения, например, обозначающие лицо по действию или качеству (*красавицын*, *вещуньин*, *кокеткин* и др.).

В конце XVIII — нач. XIX в. прилагательные на *-ин* употреблялись стилистически неограниченно (в официально-деловых документах, разных жанрах художественной литературы, частных письмах, научных трудах):

> Смотря по красоте *невестиной* (Лепехин, Путеш., Вопросы и ответы, Описание самоедской свадьбы); книжка под заглавием «Атака сердца *кокеткина*» (Живописец, 1775, II); умерших Михайлы Федорова, сына его Кирилы, и *Кирилина* ж сына (ПСЗ, 1784, т. XXII, § 15971); законы государственные... начертанные *Екатерининым* человеколюбием (И. В. Лопухин, п. А. М. Кутузову, 3 февр. 1791); во время речи *бригадиршиной* [авт. ремарка] (Фонв., Бригадир, II, 5); от *богининой*... руки (Держ., Развалины); быть украшением *Юнонина* двора (Крыл., Ворона); торжество *Екатерининой* славы (Карамз., Ист. похв. слово Екатерине II, 1); брат *Еленин* (Карамз., И. Г. Р., VII, III).

Стилистически неограниченное употребление прилагательных на *-ин* (количественно однако убывающих) продолжается до 40—50-х годов XIX в.:

> Я нежуся в *Армидиных* садах (В. Раевск., Смеюсь и плачу); в *Глинкиных* стихах (А. А. Дельв., Петербургским цензорам); в *Костюшкину* революцию (Телеск., 1831, № 16); Сравнивал он свое состояние с *графининым* (Там же, № 21); Слава *Екатеринина* царствия (Жуковск., п. С. Л. Пушкину, 15 февр. 1837); пламенные строки *Татьянина* письма к Онегину (Гонч., Обыкн. ист., 2, III); танцы *Изидиных* жриц (Москвит., 1851, № 1).

§ 11. Несмотря на большую продуктивность данной словообразовательной модели, уже в конце XVIII — нач. XIX в. едва ли

не более употребительным было выражение соответствующих значений родит. беспредложным и прилагательными, произведенными от тех же основ с помощью других суффиксов [31]. Вот примеры параллельного употребления родит. принадлежности и прилагательных с суффиксом *-ин*:

Бригадиршина роль; роль *Бригадирши* (Фонв., Чистосердечн. призн., II); *Францускины* концонеты (В. Одоевск., Русск. ночи, 8); черные глаза *Францески* (Там же). Ср. употребление в той же функции родит. пад. с предлогом *у*: Он с особенным чувством поцеловал руку *у тетки* и пожал *дядину* руку.

Можно отметить пристрастие некоторых писателей к одному из этих средств выражения. Так, например, если сравнить с этой точки зрения повести Клушина и Карамзина, близкие по стилю и времени написания (90-е годы XVIII в.), то легко заметить частое употребление притяжательных прилагательных на *-ин* у Карамзина (отец *Лизин*, взор *Юлиин*, *Юлиина* невинность, *Эльвирина* грудь, *Эльвирин* замок и т. п.) и явное преобладание родит. принадлежности у Клушина (портрет *Софьи*, прелести *Софьи*, грудь *Софьи*, уста *Софьи*, ленточка *Шарлоты* и т. п. — из повести «Несчастный М-в»).

По направлению к современности идет общий процесс вытеснения образований на *-ин* соотносительными средствами выражения. Приблизительно с середины XIX в. так же, как и у прилагательных на *-ов* (см. § 7—8), ограничивается круг значений, выражаемых прилагательными с суффиксом *-ин* и несколько суживается сфера их употребления: они перестают встречаться в официально-деловых стилях речи, в научной литературе. Однако эти образования не приобретают той яркой окраски просторечности, которая была свойственна прилагательным с суффиксом *-ов*.

До конца XIX в. сохраняют употребительность и нейтральность стилистической окраски, по-видимому, лишь прилагательные, образованные от личных имен и существительных, обозначающих семейно-родственные отношения: в *нянину* комнату (И. Пущин, Зап. о Пушк.); *девушкины* слезы (Помяловск., Мещ. счастье); в *няниной* комнате (Л. Толст., п. жене, 11 ноября 1866); *невестин* букет (Чех., Свадьба).

Прилагательные, образованные от существительных, имеющих другие значения, немногочисленны и как стилистически нейтральное средство употребляются редко:

Ждал К[етчера], взошедшего в калитку *княгининого* [32] дома (Герц., Б. и д., 3, XXIII); *Падалкина* усадьба [от фамилии

[31] Характерен следующий пример: Из *отцовских* объятий перешел я в *материнские*, из *материнских* в *сестрины*, из *сестриных* в *теткины*, и так далее (Изм., Евгений, II, IV).

[32] Угасание категории прилагательных на *-ов*, *-ин* проявлялось в разрушении свойственной им ранее системы именного склонения: в ряде падежей отмечается сосуществование членных и нечленных форм.

Падалка) (С. Смирнова, Соль земли, 3, I, Отеч. зап., 1872, апр.); *Матейкин* «Баторий» висит здесь (Репин, п. В. В. Стасову, 12/24 мая 1874).

О том, что эта модель была живой, свидетельствуют образования прилагательных на *-ин* от неоднословных наименований лиц. При этом, в отличие от прилагательных на *-ов* (см. § 5), аффикс всегда присоединяется к последнему слову наименования, а остальные его компоненты принимают форму родит. пад. [33]

К *тети Таниному* обеду (Л. Толст., п. жене, 15 мая 1882); брата *Ольги Сергеевниного* жена (Леск., Некуда, 2, 10); *отца Захарьину* трость (Леск., Соборяне, 1,2) [34].

Так же, как и прилагательные на *-ов*, прилагательные на *-ин* во второй половине XIX в. часто используются как примета народной речи в произведениях писателей определенного направления (Григорович, Решетников, Слепцов, Лесков, Эртель), обычно в речи персонажей из народа:

— Ты чья?... — *Домнина*... (Григорович, Деревня, V); *Пилина* корова... [Пила] (Решетн., Подлиповцы, I); *батюшкины* телята (Слепц., Трудн. время, X); Настя одела *кузнечихину* свиту (Леск., Житие одн. бабы, 1, VII); в *старостиной* избе (Эрт., Гард., 1, VII).

Широкое употребление прилагательных с суффиксом *-ин* могло использоваться как средство исторической стилизации (см. например, повесть Лескова «Старые годы в селе Плодомасове»).

§ 12. Модель образования прилагательных на *-ов*, *-ин* была закреплена за производством прилагательных от имен лиц. Однако на протяжении всей истории литературного языка она могла использоваться и для производства прилагательных от названий животных [35]. Структурных ограничений здесь не существовало, ибо в случае надобности почти от любого названия животного могло быть образовано прилагательное на *-ов* или *-ин*. Продуктивность этой модели сдерживалась сложившейся в языке семантико-стилистической дифференциацией прилагательных на *-овый*, *-иный*, *-ий*, с одной стороны, и *-ов* и *-ин*, с другой. Если первые обозначали отношение к роду животных и свободно функционировали во всех стилях литературного языка, то вторые обозначали отношение к единичному животному и закрепились за узкой сферой художественной речи (почти исключительно в баснях и сказках), используясь там как средство персонификации животных — персонажей литературных произведений. Такое положение сложилось уже к концу XVIII — нач. XIX в. В этот период рассматриваемые прилагательные были немногочисленны [36]. Они встречаются преимущественно в баснях. Ср., например, у Крылова:

---

[33] См.: А. А. Шахматов. Синтаксис, стр. 289.

[34] Пример заимствован оттуда же.

[35] Подобные прилагательные были представлены единичными образованиями и в более раннее время (см.: В. К. Чернецкий. Автореф. канд. дисс., стр. 5—6; С. Ф. Фролова. Автореф. докт. дисс., стр. 19, 22).

[36] Словарь АР и Словарь 1847 г. помещают значительное число образований этого типа (*аистов*, *воронов*, *драконов*, *жаворонков*, *жеребцов*, *комаров*, *крокодилов*, *ястребов*; *букашкин*, *ласточкин*, *птахин*, *голубицын*, *малиновкин*, *орлицын*, *ослицын*, *ящерицын*, *горлицын* и под.). Однако, несмотря на свобо-

Ослово Красно-хитро-сплетенно слово (Парнас); глаза *Кротовы* (Воспитание Льва); *конева* рассужденья (Крестьянин и Лошадь); моления *Ослова* (Осел).

Служба *Белкина* (Белка); во всю *мушину* мочь (Муха и дорожные); *Щукиных* проказ (Щука); *Лисицыны* слова (Ворона и Лисица).

Употребление подобных прилагательных без специальных художественных заданий и со значением отношения к р о д у животных было редким Ср. отдельные случаи в конце XVIII — нач. XIX в.:

Ворвань тем лучше бывает, чем более к ней примешивается *белухина* тука (Лепехин, Путеш., Остров Ягры); Всякое утро дает ей бульон и *ослицыно* молоко (Фонв., п. сестре, 31 дек. 1777); *Мамонтовый*... К ископаемому *слонову* остову относящийся, принадлежащий (Сл. АР); [голова] походила на *дельфинову* (Нарежн., Росс. Жилбл., 2, IX).

Позднéе употребление таких прилагательных за пределами указанных выше жанров художественной литературы утрачивается [37]. Они могут использоваться лишь как средство художественной выразительности: О люди — порождения *крокодиловы*! (Белинск., п. В. П. Боткину, 8 сент. 1841).

Основной сферой применения прилагательных на *-ов*, *-ин*, остаются басни, сказки и имитация детской речи в художественной литературе. Образование прилагательных на *-ов*, *-ин* является продуктивным только от кличек животных (*Трезоркин*, *Налеткин* и под.): от основ имен собственных прилагательные на *-иный*, *-овый*, *-ий* не производились, так что прилагательные с суффиксом *-ов*, *-ин* были здесь единственно возможными.

Итак, на протяжении XIX в. типы прилагательных с суффиксами *-ов* и *-ин* претерпевают значительные изменения. В связи с общим развитием категории качества и ослаблением категории отношения меняется место этих образований в системе соотносительных средств выражения. Они перестают быть стилистически нейтральными словообразовательными типами, функционально близкими к родит. беспредложному. Круг выражаемых ими отношений ограничивается, сужаются сферы их применения, и такие прилагательные начинают употребляться как стилистически окрашенное средство.

История прилагательных с аффиксом *-ий*

§ 13. Вторую группу продуктивных образований от имен лиц составляли прилагательные с суффиксом *-ск-* (и его производными) и *-j-*, имеющие членные формы и общую со всеми остальными прилагательными систему склонения. В отличие от прилагательных на *-ов* и *-ин*, основной функцией прилагательных с *-ск-* и *-j-*, образуемых от основ существительных нарицательных, было обозначение отношений к роду лиц; на этой основе легко развивались качественные значения свойственности, подо-

---

ду действия этой модели, подобные прилагательные в общелитературном языке почти не употребляются. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство прилагательных, приведенных в словарях, произведено от названий животных, от которых прилагательные других типов не образуются.

[37] Ср. сохранение прилагательных этого типа в названиях: *Ласточкино* гнездо и под.

бия («такой, как у...»): *монашеское* поведение, *юношеская* мечтательность, *помещичий* дом, *воровские* глаза. Прилагательные, производимые от имен собственных, обозначали отношение к единичному лицу, но и у них также свободно развивались качественно-характеристические значения: *грибоедовское* остроумие, *байроновская* романтика.

В литературном языке XIX в. история этих словообразовательных типов определялась следующими процессами:

1) изменением соотношений с синонимичными прилагательными с суффиксами *-ов*, *-ин*; 2) изменением соотношений с родит. беспредложным ед. и мн. ч.; 3) взаимодействием между однокоренными прилагательными разных типов внутри этой группы. Эти процессы по-разному влияли на судьбу изучаемых прилагательных. Одни из них способствовали увеличению их продуктивности и употребительности (1), другие — сужению круга выражаемых ими значений (2), третьи приводили к изменению условий образования прилагательных разных типов (3).

Условия образования прилагательных с аффиксом *-ий*

§ 14. В конце XVIII — нач. XIX в. прилагательные с суффиксами *-j-* и *-ск-* и его производными, совпадая по значениям, различались только по характеру производящих основ. Суффикс *-ск-* и производные суффиксы *-овск-* и *-инск-* (образованные слиянием двух суффиксов) сочетались с основами имен лиц, как нарицательных, так и собственных. Суффикс *-ск-* был более активен в образовании прилагательных от существительных нарицательных; основной областью применения суффиксов производных было образование прилагательных от имен собственных. Возможно, что такое распределение сфер действия названных суффиксов объяснялось тем, что производные аффиксы свободно присоединялись к основам любого строения, не вызывая в них чередований, а это было крайне важным условием для образования от имен собственных, среди которых имеются как слова высокочастотные, общераспространенные, так и слова редкие, нестандартного строения. Чередования в основе затрудняли бы соотносительность прилагательных с такими именами.

С помощью суффикса *-ск-* широко образовывались прилагательные от нарицательных существительных со значением лица [38]

---

[38] Суффикс *-ск-* был непродуктивен в производстве прилагательных от названий животных. Аналогичное положение характерно и для польского языка, ср. S. S z l i f e r s t e i n o w a. Указ. соч., стр. 100. В русском языке XIX в. отмечаются отдельные старые образования: *конский*, *свинский*, *зверский* (два последних уже в начале XIX в. употреблялись преимущественно с качественными значениями; ср. *свиной*, *звериный*— выражающие отношение к животному).

мужского и общего рода [39] (с основами на твердый и мягкий согласный, кроме *г*, *к*, *х*, *з*, *ж*, *ш*, *щ*, *ч*, *ц*). От основ на эти согласные прилагательные с суффиксом *-ск-* производились очень ограниченно, в таких случаях обычно использовался производный суффикс *-еск-*. Присоединение суффикса *-ск-* к основам на указанные согласные вызывало чередование *г*, *з* → *ж*, *х* → *ш*, *к* → *ц* (об образованиях с чередованием *к* → *ц* см. § 17).

По-видимому, не ранее XVIII в. суффикс *-ск-* получает способность присоединяться, не вызывая чередований, к основам существительных, дававшим ранее образования только с чередованием звуков: к основам на *-г*: *герцогский* — отмечено в Словаре Нордстета (ср. старые *печенежский*, *варяжский* с чередованием *г* → *ж*), не от основ имен лиц: *петербургский*, *лейпцигский* и под. (ср. *рижский*, *волжский*, *норвежский*, *коллежский*; *петербуржский* — распространенное в XIX в.); основам на *-к*: *кунакский*, *кипчакский* (ср. старые *кунацкий*, *кипчацкий* и под.), к основам на *-з*: *французский*, не от основ имен лиц — *ревизский* (ср. распространенное в XVIII — XIX вв. *ревижский*), к основам на *-х*: отмечаемое в XIX в. *ляхский* (ср. старые *чешский*, *ляшский*).

Этот процесс устранения чередований определялся общей тенденцией языка к росту агглютинативности, т. е. свободного «приклеивания» морфем друг к другу без изменения при этом их звукового состава. Наиболее активно этот процесс охватывал производство прилагательных, связанных с географическими названиями[40], так как в этих случаях изменение звукового состава корневой морфемы было особенно нежелательно.

Процесс устранения чередований действовал постепенно и не протекал строго, как закон. Кроме того, приводя к расширению связей суффикса *-ск-* с основами на перечисленные выше звуки, он способствовал ослаблению моделей словообразования с чередованиями звуков (т. е. при помощи суффиксов *-еск-* и *-j-*), действующих в кругу тех же основ [41].

---

[39] Прилагательные, произведенные от одушевленных существительных не мужск. р., единичны: от существительного средн. р.— *детский*, от существительных женск. р.— старое *женский* (произведенное от *жена*, но семантически соотносительное с «женщина»), *дамский* (отмечено в «Российском Целлариусе»), *амазонский* (от *амазонка*, с отсечением конечного суффикса производящей основы; отмечено в Словаре Нордстета). Ср. новообразования XX в. *бабский*, *девчонский*.

[40] См.: В. Н. Зиновьев. Отступление от норм исторических чередований заднеязычных с шипящими (*г* — *ж*, *к* — *ч*, *х* — *ш*) в совр. русск. языке, «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. 43. Серия ист.-филол. 1957.

[41] С процессом устранения чередований было связано также вытеснение образованиями без чередований в основе (*митрополитский*, *архимандритский*) прилагательных на *-ий* с чередованиями *т* → *ч* (*митрополичий*, *архимандричий*). Об ослаблении обязательности чередования *т* → *ч* свидетельствуют индивидуальные образования, в которых суффикс *-ск-* присоединяется непосредственно к основам на *-т*: Я мысль мою скажу,— вещает мне Петрушка.— Весь свет, мне кажется, *ребятская* игрушка (Фонв., Послание к слугам); ср. *ребяческий*, *ребячий*.

В конце XVIII — нач. XIX в. образование прилагательных с суффиксом *-овск-* от существительных нарицательных было малопродуктивным. Прилагательные с этим суффиксом образовывались от существительных мужского рода с основами на твердый и мягкий согласный, преимущественно односложных. В Словаре АР отмечены: *бесовский*, *воровский*, *дедовский*, *дьячковский*, *жидовский*, *королевский*, *мотовский*, *отцовский*, *палачевский*, *плутовский*, *поповский*, *стариковский*, *чертовский*, *шутовский*. На протяжении XIX в. этот тип прилагательных пополняется очень незначительно. В Словаре 1847 г. помещены слова *сторожевский*, *трубачевский*, *франтовский*, *шельмовский*; отдельные образования этого рода встречаются у разных авторов: *предковский*[42], *протопоповский* (Достоевский), *мужиковский* (Лейкин), *жениховский* (отмечено в Словаре Даля, встречается у Помяловского, Мамина-Сибиряка, Чехова)[43].

Прилагательные с суффиксом *-овск-*, производимые от существительных нарицательных, не имели дублетных однокоренных образований с другими суффиксами, например *-ск-*, хотя значение словообразовательных типов с суффиксами *-ск-* и- *овск-* совпадало.

Суффикс *-инск-* производил прилагательные от основ немногих нарицательных существительных женского рода (*сестринский*, *материнский*)[44], а также существительных общего и мужского рода на *-а* (*сатанинский*, *старостинский*), т. е. область его применения была еще у́же, чем область применения суффикса *-овск-*.

§ 15. В производстве прилагательных от имен собственных наибольшую активность обнаруживал суффикс *-овск-*. Неограниченные возможности для образования прилагательных с этим суффиксом представляли бессуффиксные фамилии (преимущественно иноязычные). Производство прилагательных от фамилий на твердый и мягкий согласный происходило

---

[42] *Предковский* закон (Гоголь, Т. Б., I); *предковское* имение (Погорельск., Монастырка, III); *предковский* обычай (Леск., Захуд. род., 1, 4).

[43] В более поздних словарях помещаются образования *хлыстовский* (от *хлыст* — «сектант»), *драконовский*, *портновский* (от *портной*, ср. подобные соотношения в образованиях от собственных имен: *Толстой* — *толстовский*). В современном литературном языке этот тип словообразования обнаруживает продуктивность в образованиях от сложносокращенных слов и аббревиатур, типа *завхозовский*, *рабкоровский*, *военкоровский*, *юннатовский*, *эсэровский*, *эсдэковский*. Особняком стоит прилагательное *спецовский*, произведенное от сокращенного, но не сложного слова. Прилагательное *купцовский*, встречающееся, например, у Маяковского, не вошло в язык, так как его значение передается имеющим давнюю традицию словом *купеческий*.

[44] Прилагательные *фрейлинский*, *обергофмейстеринский* и под. от существительных, имеющих *-ин* в исходе, могут рассматриваться как образования с суффиксом *-ск-* и с суффиксом *-инск-* с утратой на стыке морфем одного из тождественных слогов (ср. то же явление при образовании прилагательных с суффиксом *-оват-*: *розовый* — *розоватый*, *лиловый* — *лиловатый*).

непосредственным прибавлением суффикса к основе: *гоголевский*, *шекспировский* и под.

Прилагательные от фамилий на безударный *-и* могли образовываться двояким способом — или с сохранением конечного гласного основы перед гласным суффикса (с появлением *j* между ними) или с утратой одного из гласных. Ср. *херубиниевский* «Водовоз» (Жихарев), *россиниевская* опера (Герцен), *бенниевский* [Бенни] зонтик (Лесков) и менее употребительные формы с утратой одного гласного: *конивская* [Кони] газетишка (Белинский); *рубиневская* [Рубини] степень (М. Глинка) (безударный гласный мог передаваться на письме буквами *е* или *и*).

Второй способ образования не закрепился, так как такие прилагательные были лишены четкой соотносительности с соответствующими фамилиями.

При образовании прилагательных от фамилий на *-о*, *-е* (так же, как и при производстве прилагательных с суффиксом *-ск-*) на стыке морфем один из тождественных гласных утрачивался: *гетевский*, *буаловский*, *нечипоренковский*. Этот способ словопроизводства был единственным. В этих случаях утратой гласного не затруднялась соотносительность прилагательного с производящим именем, так как прилагательное полностью включало в себя производящее имя и вместе с тем не отличалось по строению от многочисленных прилагательных с суффиксом *-овск-*, произведенных от основ на согласные.

При образовании прилагательных от фамилий на *-ой* этот элемент в состав прилагательного не входил: *Полевой — полевовский*, *Толстой — толстовский*, ср. от имени нарицательного: *портной — портновский*.

Суффикс *-инск-* производил прилагательные от немногочисленных фамилий на *-а*; *Грушка — грушкинский*, *Глинка — глинкинский*.

В производстве прилагательных от бессуффиксных иноязычных фамилий суффикс *-ск-* выступал как средство дублетное по отношению к суффиксу *-овск-*, имеющее более узкую сферу применения. Он не сочетался с основами на звуки, дающие чередования перед суффиксом, присоединялся лишь к основам на некоторые твердые и мягкие согласные (преимущественно сонорные, *д* и *т*): *бетховенский*, *донкихотский*, *ротшильдский* и под.

Вот несколько прилагательных на *-ский*, произведенных от тех основ, от которых обычно образовывались прилагательные на *-овский*:

> Более награждают за хорошие ноги, нежели за *цицеронскую* голову (Клушин, Алхимист, IV); Ты своею давно *анакреонскою* Лирой нас не пленяешь (Вост., К А. Г. Волкову); В ней есть неудачные, *стальские* фразы (А. Тург., п. П. А. Вяземскому, 3 дек. 1818); С насмешливою *мефистофельскою* физиономиею (Никитенко, Дневн., 6 окт. 1835); *бенкендорфская* литературная управа (Там же, 16 февр. 1831);

пренеуклюжее *эзопское* лицо (Вельтм., Саломея, 11, I); *ротшильдские* миллионы (Дост., Подросток, 1, 5, III).

Прилагательные с суффиксом *-ск-* возникали на протяжении всего XIX в.; они могут производиться и в современном языке. Ср. употребление прилагательных с суффиксами *-овск-* и *-ск-* от одних и тех же основ и в аналогичных контекстах:

Направление чисто *байронское* (Гоголь, п. Пушкину, 21 авг., 1831); *байроновское* отчаянье (Н. Полевой, ЛК); *занфтлебенские* дела (Судебн. заключ., 1877); *занфтлебеновские* деньги (Речь тов. прокурора Муравьева, 1877).

Иногда прилагательное на *-ский* оказывалось более употребительным, чем прилагательное на *-овский*: *бетховенские* сонаты (Тучк., Воспом., XI); мечты о каком-то *донкихотском* всеобщем благодетельствовании (Сев. вестн., 1886, № 4). Ср. также названия: *ланкастерская* метода, *гофманские* капли.

Специфической сферой применения суффикса *-ск-* были русские фамилии на *-ов* и *-ин* (*Лермонтовский*, *Пушкинский*): от них прилагательные ни с какими другими суффиксами не образовывались. Продуктивность таких прилагательных объясняется тем, что они имели в исходе звуковые комплексы *-овский*, *-инский*. Это их объединяло с продуктивным типом прилагательных с суффиксами *-овск-*, *-инск-*, ср.: *державинский*, *кутузовский* и *грушкинский*, *мольеровский*.

В особых случаях с помощью суффиксов *-овск-* и *-инск-* производились прилагательные от русских полных имен мужского и женского рода (*александровский*, *николаевский*, *петровский*; *елизаветинский*, *аннинский*). Ограниченность возможностей образования подобных прилагательных объясняется семантическими причинами: значение отношения к единичному лицу в таких случаях свободно передавалось прилагательными с суффиксами *-ов*, *-ин*, значение же типической свойственности ряду лиц, подобия, присущее прилагательным с суффиксами *-овск-*, *-инск-*, прилагательным, образованным от личных имен, обычно выражать не приходилось. Кроме того, образование прилагательных этого типа затрудняла их омонимичность с прилагательными, образованными от фамилий на *-ов*, *-ин* и с фамилиями на *-овский*, *-инский* (ср. *Петр — петр-овск-ий*, *Петров — петров-ск-ий* и *Петровский*). По этим причинам прилагательные с суффиксами *-овск-* и *-инск-* образовывались от личных имен лишь в тех случаях, когда имя собственное принадлежало какому-либо известному лицу, благодаря чему его предметная соотнесенность («денотат») была вполне ясной[45].

[45] Характерно, что толковые словари связывают подобные прилагательные с именами определенных исторических лиц: *елизаветинский* — «относящийся, принадлежащий ко времени царствования императрицы Елизаветы Петровны (1741—1761)»; *екатерининский* — «относящийся, принадлежащий ко времени царствования императрицы Екатерины II (1762—1796)» (Сл. АН СССР).

Производство прилагательных от русских личных имен в XIX в. с помощью суффикса *-ск-* было непродуктивно[46]; образования этого рода единичны.

Славен не короной графскою... Не звездою *станиславскою* (Некр., Филантроп).

Таким образом, в образованиях от существительных нарицательных суффикс *-ск-* и производные выступали как морфемы, никогда не сочетающиеся с одной и той же основой, т. е. находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции; в образованиях же от имен собственных простой и производные суффиксы выступали как морфемы, могущие занимать одно и то же положение.

§ 16. Суффиксы *-еск-* и *-j-* имели близкие словообразовательные связи. Они производили прилагательные только от основ существительных нарицательных — с определенными фонетическими ограничениями.

В ранние периоды истории языка прилагательные с суффиксом *-j-* свободно образовывались от существительных — названий лица мужского и женского пола, независимо от качества конечного согласного основы: *рабий*, *холопий*, *вражий*, *княжий*, *отчий*, *архимандричий*, *митрополичий*, *бабий*, *девичий*[47]. Этот тип словообразования постепенно утрачивал продуктивность. В конце XVIII — нач. XIX в. прилагательные на *-ий* свободно образовывались лишь от существительных мужского рода с суффиксами *-ик*, *-ник*, *-чик*, *-щик*[48]. Перед суффиксом происходило чередование *к* → *ч*: *мужичий*, *чиновничий*, *любовничий*, *подрядчичий*, *переплетчичий*, *помещичий*.

Суффикс *-еск-* имел более широкие словообразовательные связи. Он свободно присоединялся к существительным с основами на *г*, *к*, *х*, *ч*, *ц*, *ж*, *з*, *ш*, *щ* — с чередованием конечных согласных основы: *чиновник — чиновнический*, *страдалец — страдальческий*, *друг — дружеский*, *князь — княжеский*, *монах — мо-*

---

[46] В ранние периоды истории русского языка этот способ образования прилагательных был несколько более активен. Прилагательные этого типа сохраняются в названиях (*Никитские* ворота, *Никитский* ботанический сад). Ср. следующие замечания Срезневского по поводу прилагательных *Ипатский — Ипатьевский*: «От этого просторечного *Ипат* произошло прилагательное *Ипатский*, так же как от *Антон — Антонский*, от *Ефим — Ефимский*, от *Макар — Макарский* и некот. др. Отрицать общую правильность образования *Ипатский* — нельзя». Однако далее Срезневский добавляет: «... в древнем языке нашем и позже, и доселе прилагательные имена на *-ский* образовывались из существительных большею частию не прямо, а из первичных прилагательных на *-овъ*, *-евъ*, *-инъ*» (И. И. Срезневский. Одна из заметок об образовании слов, «Зап. АН» т. XXI, кн. 2, СПб., 1872, стр. 330).

[47] См.: С. В. Фролова. Автореф. докт. дисс., стр. 6, 34, 36—37.

[48] Таким образом, ошибочно мнение, будто бы прилагательные с суффиксом *-j-* уже в конце XVII — нач. XVIII в. утратили продуктивность (см.: В. К. Чернецкий. Автореф. канд. дисс., стр. 6).

нашеский. Эта словообразовательная модель была продуктивной и широко употребительной.

§ 17. От существительных на *-к*, *-ц* могли образовываться также прилагательные с помощью суффикса *-ск-* (а не *-еск*). В этих случаях происходило чередование *к* не с *ч*, а с *ц* с последующим упрощением сочетания *-цский* в *-цкий*: *молодец — молодецкий*, *купец — купецкий*, *швец — швецкий*, *немец — немецкий*; *грек — грецкий ямщик — ямщицкий*, *мужик — мужицкий*, *рыбак — рыбацкий*[49]. По-видимому, первоначально в литературный язык проникали отдельные образования этого рода, вероятнее всего, из народных говоров, фольклора и городского просторечия (ср. стилистическую окраску в литературном языке первой половины XIX в. таких слов, как *отецкий*, *купецкий*, *молодецкий*). Позднее была усвоена и сама модель производства прилагательных на *-цкий*, сохранившая специфическую экспрессивную окраску.

Во второй половине XVIII — нач. XIX в. этот тип прилагательных преимущественно был представлен образованиями от существительных на *-ец* — отглагольных и отадъективных или имеющих уже для этого времени непроизводную основу (*гребецкий*, *жилецкий*, *игрецкий*, *купецкий*, *ловецкий*, *стрелецкий*, *швецкий*; *мертвецкий*, *хитрецкий*, *храбрецкий*, *молодецкий*, *сорванецкий*, *отецкий*, *кузнецкий*). Кроме того, с чередованием *к* → *ц* производилось незначительное число прилагательных от существительных с основами на *-ак*, *-ик*, *-щик* (типа *бурсацкий*, *гайдамацкий*, *дурацкий*, *рыбацкий*, *чумацкий*; *мужицкий*, *ямщицкий*, *компанейщицкий*, *перевозщицкий*, *погребщицкий*, *помещицкий*, *сыщицкий*).

Дальнейшая судьба этой модели в сочетании с основами на *-ец* и на *-к* была различной. В узкой сфере производящих основ — существительных с суффиксами *-ак*, *-щик*, *-чик*, *-ник* (названий лиц по профессии и по действию)— область применения этой модели расширяется за счет других моделей: 1) утрачивающих продуктивность прилагательных на *-ий* (см. § 32) и 2) прилагательных с суффиксом *-еск-* — в кругу тех основ, где применение этого суффикса было затруднено скоплением шипящих (от существительных на *-чик*, *-щик*, ср. отсутствие в языке прилагательных «порутчический», «ямщический» и под.).

Производящие основы на *-к* представляли собой неограниченный пласт слов; этим и определялась продуктивность соответствующих образований на *-цкий*. По-видимому, в XIX в. образуются такие слова, как *скупщицкий*, *наборщицкий*, *резщицкий*, *денщицкий*, *заговорщицкий*, *приказчицкий*, *медницкий*, *охотницкий*, *полковницкий*, *покойницкий*, *мученицкий*, *дворницкий*,

[49] История прилагательных, производимых от наименований лиц по территориальной принадлежности, народности, национальности (типа *грецкий — греческий*, *калмыцкий — калмыкский*, *немецкий* и под.), имеет ряд специфических особенностей и в настоящей работе не рассматривается.

чиновницкий и др.; в самом конце XIX в. эта группа прилагательных пополняется рядом образований от основ на *-ак*: *батрацкий*, *бедняцкий*, *босяцкий*, *кулацкий*; вероятно, уже в XX в. появляются *середняцкий*, *бодряцкий*, *молодняцкий* (от *молодняк*). Единичные образования от основ на *-ок*: *знатоцкий* (ср. новообразование XX в. *едоцкий*) не входят в литературный язык.

В кругу производящих основ существительных на *-ец-* возможности образования прилагательных на *-цкий* были очень ограничены: от продуктивных и очень многочисленных отсубстантивных существительных на *-ец* прилагательные не образовывались совсем. Среди других существительных на *-ец*, могущих служить производящими основами для прилагательных, происходит размежевание сфер действия моделей на *-цкий* и *-ескнй*.

Прилагательные на *-ескнй* производились от большей части отглагольных существительных на *-ец*, в том числе сложных. При этом происходило выпадение суффиксального гласного производящего существительного (*скитальческий*, *страдальческий*, *владельческий*, *погорельческий*, *земледельческий*, *книгопродавческий*, *книгодельческий*). Ср., впрочем, *хлебопашецкий* (а не «хлебопашческий»).

Прилагательные на *-цкий* создавались только от отглагольных и отадъективных существительных, представляющих собой непродуктивные типы и, по-видимому, не более чем двусложных. Ср. новообразования конца XIX — нач. XX в.: *чтецкий*, *делецкий*, *слепецкий*.

У *чтецкого* аналоя (Леск., На ножах); *делецкий* гонор (Боборык., Китай-город, 4, XXII); *делецкий* мир (Там же)[50].

Таковы были возможности производства прилагательных на *-цкий* в языке XIX в.[51]

---

[50] Ср. в XX в.: широкие *слепецкие* массы деревни (Вопросы соцобеспечения, 1929, № 18); *чтецкий* вечер (из устной речи); на *чтецком* поприще (Веч. Москва, 16 сент. 1956).

[51] По-видимому, особый словообразовательный тип составляли распространенные в диалектах прилагательные такого рода, как *здоровецкий*, *хитрецкий*, *подлецкий*, *глупецкий*, *знатнецкий*, *простецкий*, *наглецкий*, *важнецкий* и под., т. е. с основами качественных оценочных прилагательных. Они отличаются по значению от вышерассмотренных прилагательных на *-цкий*, так как не обозначают отношение к роду лиц, а выражают предельную, большую степень качества, соотносясь непосредственно с однокоренными качественными прилагательными. Однокоренные имена лиц на *-ец* при них могут отсутствовать (ср. *хитрец*, *хитрецкий* и отсутствие таких слов, как «здоровец», «знатнец»). Однако даже и при наличии существительного на *-ец* прилагательное семантически соотносится не с ним, а с однокоренным прилагательным. Ср. толкование прилагательных на *-ецкий* в книге И. Т. Смирнова «Кашинский говор» (СПб., 1904, стр. 170): «*важнецкий* = самый важный, лучший; *здоровецкий* = необычайно здоровый, сильный; *простецкий* = самый простой, нехитрый, сердечный». В XX в. отдельные слова этого типа проникают из говоров в литературный язык: Хоть не очень *важнецкий*, а все же панок (А. Кулешов, Грозная пуща, Новый мир, 1955, № 8); *Простец-*

Приметой прилагательных на *-цкий* было чередование *к* → *ц*, редкое в системе русского словообразования [52]. В литературном языке конца XIX в. сфера распространения этого чередования сужается — оно становится регулярным только при образовании прилагательных от имен нарицательных, утрачиваясь в других случаях, например при производстве прилагательных от географических названий: *яицкий*, *углицкий*, *калмыцкий*, *кипчацкий*, ср. новые *узбекский*, *таджикский* и под.[53] Утрачивается чередование *к* → *ц* также и при производстве прилагательных от основ существительных неодушевленных [54].

Таким образом, звуковой комплекс *-цкий* становится яркой приметой одного словообразовательного типа, его исключительным показателем. Тип прилагательных с суффиксом *-еск-* не имеет подобных конструктивных преимуществ. Наоборот, применение этой модели затрудняла ее многосложность и «тяжеловесность» — неминуемые скопления шипящих (в образованиях от основ на *-щик*, *-чик*, преобразуемых в прилагательном в комплекс *-щический*, *-чический*, см. § 19). Поэтому суффикс *-еск-* суживает сферу действия, присоединяясь почти исключительно к основам существительных на *-ник*.

§ 18. В зависимости от близости к прилагательным на *-ов*, *-ин* и от способности обозначать отношение к единичному лицу, прилагательные на *-ский*, *-овский*, *-инский*, *-еский*, *-цкий*, *-ий* распадались на две группы. Чаще всего и в наиболее чистом виде, т. е. без примеси оттенков качественности, свойственности, могли обозначать отношение к единичному лицу прилагательные на *-ский*, *-овский*, *-инский*, тогда как прилагательным на *-еский*, *-цкий*, *-ий* это значение было менее свойственно. Кроме специфического характера суффиксов, это объясняется описанным выше различием их связей с производящими основами. Основную массу производящих основ для прилагательных с суффиксами *-ск-*, *-овск-*, *-инск-* составляли собственные имена, поэтому основной функцией этих прилагательных было обозначение отношения

кое, грубоватое лицо (Д. Гранин, Золотые рога, Лит. газ., 14 ноября 1959); *простецкие* слова (К. Чуковский, Живой как жизнь, 6, II); *подлецкие* дела (Леонов, Русск. лес, XI, 1).

[52] См.: В. Н. Зиновьев. Исторические чередования звуков в суффиксах русск. языка. «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. 26, 1954.

[53] О сокращении числа образований с чередованием *к* → *ц* при производстве прилагательных от географических названий см.: В. Н. Зиновьев. Отступление от норм исторических чередований заднеязычных с шипящими (*г* — *ж*, *к* — *ч*, *х* — *ш*) в совр. русск. языке, стр. 112.

[54] Старые образования на *-цкий* от основ на *-к* и *-ц* (*улицкий*, *пятницкий*, *амуницкий* и др.) вытесняются в XIX в. образованиями с суффиксом *-н-*, перед которым *к*, *ц* → *ч* (*уличный*, *пятничный*, *амуничный*, ср., впрочем, сохранение пары *кабацкий* — *кабачный*). О взаимодействии прилагательных с суффиксами — *-н-* и *-ск-*, образуемых от основ существительных неодушевленных, см. в разделе «История прилагательных с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-*, образуемых от основ существительных неодушевленных», § 66.

к единичному лицу. Прилагательные же на *-ий*, *-ескиий*, *-цкий* от имен собственных не производились, почему для них и было не характерно это значение.

Определенную роль в семантическом разграничении прилагательных играл также характер образующих их формантов: суффикс *-j-* издревле производил прилагательные, обозначающие отношение к р о д у живых существ; что касается прилагательных на *-цкий*, то возможно, что легкости их окачествления благоприятствовало само происхождение этой модели (см. § 17). У прилагательных на *-ий*, *-ескиий*, *-цкий* была и еще одна особенность: они вступали в четырехчленные ряды однокоренных синонимичных образований типа *полковников — полковнический — полковничий — полковницкий*, тогда как образования на *-ский*, *-овский*, *-инский* не имели значительных взаимоперекрещивающихся связей и их синонимами обычно являлись лишь прилагательные с суффиксами *-ов*, *-ин*.

Формирование производных суффиксов *-ческ-*, *-ическ-*, *-ическ-*, *-(и)анск-*

§ 19. Звуковой комплекс *-ческ-*, выступающий в прилагательных, производимых с помощью суффикса *-ескиий-* от существительных с основами на *-к*, *-ц*, *-ч*, отвлекался из состава прилагательных и приобретал свойства нового производного суффикса. Основную роль здесь играли образования от основ на *-ец*, так как именно в них, благодаря беглости суффиксального гласного производящего существительного, комплекс *-ческ-* присоединялся непосредственно к значимой части производящей основы (ср. *стар-ческий*, *страдаль-ческий*, *однодвор-ческий*, *книгопродав-ческий*, *чернориз-ческий*, *баснотвор-ческий*, *царедвор-ческий* и др.). Вследствие этого могло меняться членение подобных слов (*однодворец — однодворч-еск-ий → однодвор-ческ-ий*). Новый производный суффикс *-ческ-* стал применяться прежде всего там, где использование суффикса *-ескиий-* сдерживалось ограничениями морфонологического характера, т. е. в производстве прилагательных от существительных на *-щик*, *-чик*. Звуковой комплекс *-ческ-* прибавлялся к основе производящего существительного за исключением его последнего суффикса. Так стали возникать прилагательные «облегченного» строения: *переводческий*, *переплетческий*, *челобитческий*, *повытческий*, *подрядческий*, *рассказческий* и под. (а не «переводчический», «переплетчический» и т. д.).

Прилагательные, образованные этим способом, встречаются уже в XVIII в.: дела *челобитческие* (Фонв., п. родным, 22 июля 1768). Отдельные образования этого рода даются в Словаре АР: *повытческий*. В XIX в. эта модель словопроизводства укрепляется и расширяется. В Словаре 1847 г., кроме отмеченных Словарем АР, находим *подрядческий*, *переплетческий* (в Словаре АР — только *переплетчический*).

В более позднее время: *книгодельческая* промышленность (Отеч. зап., 1839, т. V); *конноза водческие* вопросы (Л. Толст., А. К., 6, XXV); *земледельческие* машины (Корол., Без языка; впервые прилагательное *земледельческий* отмечено в Словаре Гейма); *старообрядческие* архиереи (Чех., Бабье царство, 1); *рассказческое* вдохновение (Верес. ЛК).

Образованиями на *-ческий* вытеснялись дублетные прилагательные с другими суффиксами: например, *земледельный*[55] (встречается у Кантемира, Радищева; в Словаре 1847 г. толкуется: «Относящийся к земледелию. *Земледельная* наука»); *коннозаводский* (Сл. 1847).

Этот способ образования особенно активно использовался тогда, когда основа производящего существительного (по отсечении суффикса лица) одновременно являлась названием предмета, по отношению к которому было наименовано лицо (*переплет — переплет-чик*, *перевод — перевод-чик* и под.). Производные прилагательные этого типа имели прозрачную структуру: название предмета + суффикс *-ческ-* (*перевод-ческ-ий*, *подряд-ческ-ий*, *переплетческ-ий* и под.), который в качестве варианта суффикса *-ск-* заключал в себе скрытое указание на соотнесенность прилагательного с именем лица, а не с предметом, названным в основе. В тех случаях, когда производящее существительное при отсечении суффикса лица не совпадало с названием предмета, мотивирующего обозначение лица, образование прилагательных этим способом было затруднено. Слова типа *порут-ческий* редки и малоупотребительны, что, несомненно, объясняется неясностью их структуры.

Таким образом, формирование производного суффикса *-ческ-* способствовало укреплению позиций суффикса *-ск-* и его производных.

Активность суффикса *-ческ-* обнаруживалась также в том, что с его помощью стали производиться единичные прилагательные от иноязычных основ. Так возникло прил. *студенческий*, пришедшее на смену слову *студентский*. Ср. регулярные образования от заимствованных существительных на *-нт*: *агентский*, *адъютантский*, *арестантский*, *диссидентский гигантский*, *комедиантский*, *лейтенантский*, *музыкантский*, *президентский*, *фабрикантский*, *сержантский* и др.

Словарь 1847 г. прилагательное *студентский* дает в качестве основного. По-видимому, прилагательное *студенческий* возникает не ранее начала XIX в., первоначально как книжное образование. В XVIII в. нам встрети-

[55] Соотносительность прилагательных на *-ческ-* и *-н-* объясняется тем, что в отдельных случаях прилагательные с суффиксом *-ческ-* могли обозначать отношение и к лицу, и к роду деятельности лица. Такое значение наблюдается чаще всего у прилагательных, образованных от имен лиц с суффиксом *-ец*: *земледельческий* (*журнал*), *книгодельческая* (*промышленность*), *книгопродавческая* (*фирма*) и под.

лось лишь образование *студентский*; жалованье... *студентское* (Лом., Просьба о выдаче жалованья. ЛК); В самое время *штудентския* моей жизни (А. М. Кутузов, п. Н. Н. Трубецкому, 21 апр. 1791).

С начала XIX в. отмечается употребление обоих прилагательных: за простою *студенческою* трапезою (Жих., Зап. совр., II, 18 февр. 1807;) *студенческий* аттестат (Там же, I, 21 янв. 1806); *студенческое* мужество (Моск. телеграф, 1826, № 6); *студенческие* шалости (Пушк., Александр Радищев); *студенческая* келья (Пушк., Е. О., 8, I).

Дублетные образования *студентский* и *студенческий* сосуществовали почти до конца XIX в. Слово *студентский* встречается у Бенедиктова, С. Аксакова, Добролюбова, Грановского, Тургенева, Писемского и др.; *студенческий* — у Жихарева, Пушкина, Белинского, Одоевского, Гоголя, И. Панаева, Гончарова, Писарева. Многие писатели (Языков, Герцен, Вяземский, Писемский) употребляли оба прилагательных, ср. у Языкова: Я вам дарю изображенье Моей *студентской* головы (А. П. Елагиной); Не развертывай тетради Моих *студенческих* стихов! (А. Н. Тютчеву). У Герцена: споры *студенческой* эпохи (Письма об изуч. прир., 1); мечты *студентского* периода (Долг прежде всего. Вместо продолжения). У Писемского: глупые, *студентские* надежды (Тыс. душ, 3, III); *студенческая* жизнь (Боярщина, 1, III).

С выходом из употребления прилагательного *студентский* исчезали и его производные — наречие *по-студентски*, существительное *студентство*. Они вытесняются соответствующими образованиями от слова *студенческий*.

В конце XIX в. суффикс *-ческ-* активизируется и расширяет сферу своего применения за счет основного суффикса *-ск-*. Он начинает производить прилагательные от существительных на *-ение*, *-енец*, ср. *направленческий*, *освобожденческий*, *переселенческий* и под., сменившие более ранние образования *направленский*, *освобожденский*, *переселенский* (см. § 69).

В XX в. суффикс *-ческ-*, получивший самостоятельность и активность преимущественно в кругу терминологической лексики, начинает широко использоваться для образования прилагательных, соотносительных со сложными словами — именами лиц, не имеющими в своем составе суффикса *-ец*, и с названиями соответствующей отрасли деятельности, знания: *литературоведческий* (ср. *литературовед* и *литературоведение*), *коневодческий* (ср. *коневод* и *коневодство*), *товароведческий*, *мараловодческий* и др. В этой словообразовательной группе прилагательные с суффиксом *-ческ-* также вытесняют образования с другими суффиксами (ср. употребительные в 20—30-е годы XX в. слова *языковедный*, *литературоведный* и под.).

§ 20. В результате процесса переразложения в XIX в. выделился и приобрел некоторую активность производный суффикс *-ническ-*, по происхождению связанный с прилагательными, образованными с помощью суффикса *-еск-* от существительных на *-ник* (*клеветнический*, *ученический* и под.). С помощью этого суффикса могли образовываться прилагательные и от существительных, не имевших в своем составе суффикса *-ник*.

В текстах XIX в. встречаются отдельные образования с суффиксом *-ническ-*: *паяснический* (Жихарев), *бродяжнический* (Атеней, 1828; Белинский, Мамин-Сибиряк), *скряжнический* (Достоевский). Ср. индивидуальные образования с суффиксом *-ническ-*:

Строг до *лобнических* размеров (Помяловск., Оч. бурсы, Бегуны и спасенные бурсы; от фамилии *Лобов*); *мальчишническое* легкомыслие (А. Б., Отчего? Зачем? и Почему? Оскудение и искажение русской речи. СПб., 1889, стр. 26).

В языке XIX в. суффикс *-ническ-* не приобрел большой продуктивности.

§ 21. Производные суффиксы *-ическ-* и *-(и)анск-*, возникшие в результате приспособления заимствованных прилагательных к русской словообразовательной системе, функционировали преимущественно в сочетании с основами имен собственных.

Суффикс *-ическ-*, генетически связанный с греческим суффиксом *-ikos*, лат- *icus-*, франц.*-ique*, выступал в немногих прилагательных, обычно связанных с греческими именами: *анакреонтический*, *пиндарический*, *гомерический*, *оссианический*, *сократический* и т. п. По всей вероятности, основы подобных прилагательных заимствовались готовыми, а не образовывались на русской почве, ср. франц. *anacreontique*, *pindarique*, *homérique*, *ossianique*, *socratique*. В русском языке к этим заимствованным основам присоединяется продуктивный суффикс *-еск-*.

Прилагательные с суффиксом *-ическ-* были малоупотребительны по сравнению с однокоренными прилагательными с суффиксами *-овск-*, *-ск-*. Основным у них было значение типической свойственности («подобно такому-то, как у такого-то»), сложившееся, по-видимому, уже во второй половине XVIII в., например: *аристотелический* штиль (Лом., Волфианская физика, 4, 2, III).

Вот некоторые примеры употребления подобных прилагательных в XIX в.:

Многие из од Державина могут разделиться на определенные роды: *пиндарический*, горациянский, *анакреонтический* (Вяземск., О Державине); *анакреонтический* стих (Атеней, 1828, № 13); Могли спокойно оставаться в своем *оссианическом* эмпирее (Б-ка для чт., 1839, т. XXXVI, ч. 1); *вакхические* оды (Русск. вестн., 1857, т. VII); *байронический* лиризм (Тург., Лит. и жит. воспом., II); Форма тоже *сократическая* — разговор или притча (Отеч. зап., 1839, т. II); этюды в *сократической* форме (Леск., Мелочи арх. жизни, 12).

Как говорилось выше, обозначать типическую свойственность лицу могли также прилагательные с суффиксами *-ск-*, *-овск-*, *-инск-*. Однако благодаря тому, что прилагательные с иноязычными суффиксальными элементами образовывали единую в семантико-словообразовательном отношении группу слов, применяемую в определенной сфере, они сохраняются в языке, преимущественно в качестве литературоведческих терминов. Очень характерны толкования, даваемые прилагательным этого рода в словарях:

Анакреонтический, реч. поэт. Сим именем называется то, что сочинено стихами во вкусе Анакреона (Яновск., Нов. словотолк.); *Сафический*... Сочиненный по образу стихов древней стихотво-

рицы Сафо. *Сафические* оды (Сл. 1847 г.); *Гомерический*: Гомерова Иллиада признается образцом общности изображений, равно как простоты и величия отделки. Посему *гомерическим* называется всякое произведение искусства, переживающее века по силе этих высоких достоинств (Сл. Кирил.).

Отдельные прилагательные этой группы приобретают переносные качественные значения: *гомерический* («баснословно огромный, мощный», часто в выражении *гомерический смех*), *циклопический* («колоссальный»). В XIX в. эти значения прилагательных *гомерический* и *циклопический* уже установились: *гомерические* желудки наших дедов (С. Акс., Сем. хрон., Молодые в Багрове); обед *гомерический* (Гонч., Фр. «Пал.», От Кронштадта до мыса Лизарда); Принялся снова за свою *циклопическую* работу (В. Соллог., Тарантас, II).

§ 22. В языке XVIII — XIX вв. функционировал ряд заимствованных прилагательных с суффиксом *-ическ-*, соотносительных с существительными нарицательными или получившими значение нарицательных.

Тираническим образом лишили жизни (Болот., 1, 2); *Сатаническим* дыханием раздувает искры, тлевшие в пепле мученического костра (Пушк., Последний из свойствен. Иоанны Д'Арк); Прослыть притворным чудаком... Иль *сатаническим* уродом (Пушк., Е. О., 8, XII); «Словесность отчаяния» (как назвал ее Гете), «словесность *сатаническая*» (как говорит Соувей)... начинает упадать (Пушк., Мнение М. Е. Лобанова...) глубоко *сатанические* характеры (Отеч. зап., 1839, т. VII); *дендический* наряд (в переводе с франц.; Б-ка для чт., 1839, т. XXXVI, ч. 1); *иезуитическая* задача (в переводе с франц.; Там же); дерзость почти *титаническая* (Гонч., Фр. «Пал.», От Кронштадта до мыса Лизарда); *идиотическое* выражение лица (Л. Толст., В. и м., 3, 3, XXXIV); Пред ним страна свободы, братства и *тиранической* пяты (Минаев, Демон, 1, 4); *тиранический* приговор (Дост., Кроткая, 1, V).

Судьба подобных прилагательных в литературном языке была иной, чем прилагательных со специфическим терминологическим значением (см. § 21). Соответственное значение выражалось гораздо более употребительными образованиями с продуктивными суффиксами *-ск-*, *-инск-* (ср. *тиранский*, *иезуитский*, *сатанинский*); таким образом, прилагательные на *-ический* оказывались во многих случаях чистыми словообразовательными дублетами и поэтому уходили из употребления. Удерживаются в языке лишь немногие: *демонический*, *идиотический*, отличавшиеся по значению от *демонский*, *идиотский* книжной стилистической окраской и яркими значениями свойственности, подобия («как у ...»).

§ 23. Еще малочисленнее была группа прилагательных, включающих элемент *-анск-*, *-ианск-*, связанный по происхождению с французским суффиксом *-ien* (ср. *вольтерьянский* и *voltairien*):

вольтерьянский, *фихтеанский*,[1] *шеллингианский*, *горацианский*, *кантианский*[56]. Так же, как и прилагательные с суффиксом *-ический*, эти прилагательные обозначали типическую свойственность:

Переписывает какую-то свою *горацианскую* оду (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 6 янв. 1819); *Горацианская* ода [заголовок] (Дельв., Фани); *фихтеанская* отвлеченность (Белинск., п. М. А. Бакунину, 10 сент. 1838); *вольтерианский* ум (Б-ка для чт., 1839, XXXVI, ч. 1).

Суффикс *-ианск-* приобрел некоторую активность в производстве от нерусских фамилий прилагательных со значением типической свойственности: *потебнианская* система, *щербианские* взгляды, *бернштейнианская* литература и под.

История прилагательных с суффиксами *-ск-*, *-овск-*, *-инск-*

В истории прилагательных с суффиксами *-ск-*, *-овск-*, *-инск-*, образуемых от имен собственных и нарицательных, были различия, определяемые как специфическим характером производящих основ, так и тем, что эти прилагательные по-разному взаимодействовали с однокоренными образованиями.

Прилагательные, производимые от имен собственных

§ 24. Как уже отмечалось выше, образование прилагательных на *-овский*, *-инский* от русских личных имен происходило очень ограниченно: только от имен известных лиц и для обозначения отношений, лежащих за пределами семейно-бытовой сферы. В этих границах рассматриваемый тип словопроизводства обнаруживал некоторую продуктивность, по направлению к концу XIX в. сокращавшуюся [57].

Кирилловские буквы (Моск. вестн., 1828, № 23-24); *елисаветинские* времена (Языков, На смерть няни А. С. Пушкина); *петровский* переворот (Герц., Б. и д., 2, XV); *филаретовские* святцы (Леск., О русск. иконописи); *Екатерининский* век (Гонч., Мильон терзаний).

Чаще всего подобные прилагательные употреблялись в составе устойчивых наименований типа: *георгиевский кавалер*, *андреевский орден* (примеры см. в § 25).

---

[56] Ср. многочисленность образований на *-анский-*, соотносительных с географическими названиями (*неаполитанский*, *американский*, *африканский* и др.).

[57] В XVIII в. отмечается параллельное употребление соотносительных прилагательных с суффиксами *-ов* и *-овск-*. Ср., например, в «Разговоре об орфографии» Тредьяковского: В глаголитическом, или названном ложно *Иеронимовом* алфавите; глаголический, то есть *Иеронимовский* алфавит (Там же).

Производство от русских фамилий на *-ов*, *-ин* прилагательных с суффиксом *-ск-* было неограниченно продуктивным в литературном языке XIX в. Они широко употреблялись в течение всего XIX в. без каких-либо стилистических ограничений — в частной переписке, различных жанрах художественной литературы, мемуарах, в публицистике, научной и официально-деловой речи. Эти образования на всем протяжении XIX в. функционировали со значением отношения к единичному лицу — синонимично с родит. пад. ед. ч.

Дает свой бал и тем уничтожает *лопухинский* (А. Тургенев, п. П. А. Вяземскому, 2 окт. 1818); положение ... подобное *нащокинскому* (Пушк., п. Н. Н. Пушкиной, около 3 окт. 1832); *булгаринское* изделие (Белинск., п. К. Д. Кавелину, 7 дек. 1847); *голохвастовский* дом (Герц., Б. и д., 1, I); *осининский* дом (Тург., Дым, VIII); Пошел в Румянцевский музей, и по случаю *дагмаринского* рождения заперто (Л. Толст., п. жене, 14 ноября 1866); *фамусовские гости* (Гонч., Мильон терзаний); Взгляд... умнее *дергачевского* (Дост., Подросток, 1, 3, III); в *левинском* доме (Л. Толст., А. К., 6, I); *лебедевские* векселя (Судебн. закл., 1874); *махалинские* векселя (Речь присяжн. повер. Плевако, 1874); *истоминские* двери (Леск., Островитяне, 14); *верещагинская* живопись (Репин, п. Н. И. Мурашко, 10 апр. 1884); коллекция *ивановских* этюдов (Боборык., Китай-город, 5, XXVI); *булгаковская* статья (Ленин, п. М. А. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой, 1 мая 1899. Соч., т. 37, стр. 188); сплетнический характер *мартовских* обвинений (Ленин, Неподанное заявление. Соч., т. 7, стр. 71—72).

Обозначать отношение к единичному лицу могли и прилагательные с вариантными суффиксами *-овск-*, *-инск-*. Их функционирование осложнялось тем обстоятельством, что параллельно с ними, для выражения того же значения, в первой половине XIX в. широко употреблялись образования от тех же основ с суффиксами *-ов*, *-ин*, причем в этот период образования с простыми суффиксами функционируют шире, чем с производными [58]. Употребление соотносительных прилагательных примерно до середины XIX в. фиксируется у одних и тех же писателей и в аналогичных контекстах.

Готшедовские и *Плиниевы* перепутанные и огромные периоды (Тр. Об-ва люб. росс. словесн., 1816); призвание *Бэконовой* школы (Герц., Письма об изуч. прир., 8); реализм *бэконовской* школы (Там же); стоя на *Локковой* точке зрения (Там же); Кант, оцепеневший от Медузина взгляда *юмовского* воззрения (Там

[58] Речь идет прежде всего о прилагательных с суффиксом *-овск-*, так как прилагательные с суффиксом *-инск-* имели несравненно более узкий круг производящих основ, см. § 15.

же); материалист *Бэконо-Локкова* направления (Там же); *гоголевская* поэзия (Белинск., Русск. лит-ра в 1843 г.); театр, объявивший на афишке *Гоголеву* комедию (Москвит., 1851, № 3); Читал давно забытую *гоголевскую* исповедь (Л. Толст., п. жене, 1 дек. 1864).

В связи с общим сокращением употребительности и уменьшением продуктивности прилагательных на *-ов* и *-ин*, и в особенности в связи с возникновением стилистических ограничений в их функционировании, употребительность прилагательных с производными суффиксами постепенно возрастает. Очень интенсивно этот процесс протекает в 40—50-е годы XIX в. Так, в «Письмах об изучении природы» Герцена (1842—1846) на 15 прилагательных с суффиксом *-ов* употреблено 8 соотносительных с ними по значению прилагательных с суффиксом *-овск-*, тогда как, например, в философском романе Одоевского «Русские ночи», писавшемся в 20-е годы, в котором в связи с содержанием употребление подобных прилагательных велико, встретилось 26 прилагательных с суффиксом *-ов* и всего 3 прилагательных с суффиксом *-овск-* (из их одно со значением свойственности, которое для прилагательных с суффиксом *-ов* было не характерно). Подобные же соотношения наблюдаются и в других произведениях первой трети XIX в.

Во второй половине XIX в. растет продуктивность прилагательных с производными суффиксами. Они свободно образуются от разного рода заимствованных фамилий и употребляются для обозначения отношения к единичному лицу. Вот несколько примеров из языка второй половины XIX — нач. XX в.:

Наша *берсовская* семья (Л. Толст., п. жене, 24 ноября 1864 [Примечание С. А. Толстой]) *клодтовский* форматор (Леск., Островитяне, 10); *поггендорфовский* способ считывания движений магнита (Сеченов, Физиол., 1, I, § 10); *глинкинские* вариации (Римск.-Корс., Летоп. моей музык. жизни, II); *стаховичевская* пожертвованная мука (Л. Толст., п. жене, март 1892); *бальмонтовские* знакомые (Брюсов, Дневн., июнь 1899); *коховский* туберкулин (Верес., Зап. врача, X); *кулишовское* издание (В. Шенрок, Предисл. к изд. писем Гоголя); *марксовский* сборник (Чех., п. О. Л. Книппер, 25 ноября 1901); *бончевские* «Избранные произведения» (Ленин, п. М. И. Ульяновой, 7 февр. 1908. Соч., т. 37, стр. 299).

§ 25. На протяжении многих веков осуществлялось взаимодействие прилагательных, передающих отношение к единичному лицу, с формами родит. пад. В литературном языке XIX в. родит. пад. теснит не только краткие прилагательные на *-ов*, *-ин*, но и возобладавшие над ними образования на *-ский*, *-овский*, *-инский*. Параллельное употребление этих прилагательных и форм родит. пад. — с постепенным увеличением употребительности последних — фиксируется на всем протяжении XIX в. Вот несколько приме-

ров употребления в аналогичных контекстах родит. пад. и прилагательного:

Дифирамбы *Сумарокова* чем лучше *вельяминовского* перевода (Жих., Зап. совр., II, 23 февр. 1807); Вспомни *шекспировского* Тимона Афинского (Белинск., п. В. П. Боткину, дек. 1847); Тимон Афинский *Шекспира* есть великий нравственный урок (Там же); Был поражен и восхищен книжечкою *Бенедиктова*...оглашал воздух *бенедиктовскими* звуками (Панаев, Лит. воспом., 1, IV); *солодовниковские* векселя (Речь присяжн. повер. Плевако, 1874); векселя и расписки *Солодовникова* (Там же); публицистика *коршевских* «С.- Петербургских Ведомостей», или *Демперта*, или «Недели» (Отеч. зап., 1884, февр.).

По-видимому, уже в конце XIX в. между этими средствами выражения, кроме различия в частоте употребления, создается и стилистическое разграничение: прилагательное тяготеет к непринужденной речи, родит. пад. — к речи книжной. В то же время на протяжении всего XIX в. прилагательные широко употреблялись в составе устойчивых названий разного рода:

Малороссийские слепцы поют их [песни Сковороды] под именем *Сковородинских* веснянок (Телеск., 1831, № 24): на репетиции в так называемой *Нарышкинской* музыкальной академии, которая учредилась почти в одно время с *Львовскою* (Никитенко, Дневн., 4 марта 1828); Нежинская *Безбородковская* гимназия (Там же, 21 янв. 1835); стипендии под названием «*крыловских*» (Отеч. зап., 1839, т. VII); Получающие из сего источника воспитанники гимназий называются *крыловскими* воспитанниками, а студенты университета *крыловскими* стипендиатами (Там же); *Демидовские* премии (Там же); статья г. Максимовича «О Лаврской *Могилинской* школе...» [Петр Могила] (Совр., 1847, т. III); *Блудовский* комитет (Никитенко, Дневн., 14 июля 1853); *Шереметевский* странноприимный дом (Герц., Б. и д., 1, V); *Бестужевские* курсы (Н. К. Крупск. и В. И. Ленин, п. М. И. Ульяновой, 22 авг. 1899. Соч., т. 37, стр. 204); *Грибоедовская* премия (Чех., п. О. Л. Книппер, 29 янв. 1902).

Для прилагательных, образуемых от русских имен, употребление в составе названий было основной сферой функционирования: *егорьевский* кавалер, *константиновская* звезда, *анненский* орден, *Николаевская* железная дорога, *Мариинское* женское училище, *Ксенинский* институт и т. д.

В то же время следует отметить, что в составе официальных наименований также наблюдалось соотносительное функционирование прилагательных и родит. пад. — с сохранением указанного выше стилистического разграничения. Если какое-либо официальное название включало имя собственное в родит. пад., то в непринужденной речи оно могло заменяться соответствующим прилагательным. Ср.:

День, назначенный для торжественного открытия *клиники Вилье* (Милютин, Дневн., 25 дек. 1873); Был на открытии *Вильевской клиники* (Там же); Явился ко мне в гостиницу фельдъегерь из Ливадии с грамотой и знаками *ордена св. Андрея* (Там же, 30 авг. 1874); Его величество... сказал, что пожалованием мне *андреевского ордена* желал показать пред всеми, как ценит мои заслуги (Там же); Условились осматривать вместе *картинную галлерею Третьякова* (Боборык., Китай-город, 5, XXV); О *Третьяковской галлерее* Тася часто слыхала (Там же).

§ 26. Наряду со значением отношения к единичному лицу, прилагательные на *-ский, овский, -инский*, произведенные от имен и фамилий лиц, известных какими-либо типическими свойствами, могли иметь значение свойственности, на основе которого развивались разного рода качественные оттенки. В этом значении они не имели соотносительных по смыслу образований. Употребление таких прилагательных широко отмечается на всем протяжении XIX в.

Прилагательные с суффиксом *-ск-*:

Древний треух на Вергилия надет *ломоносовским* покроем (Радищ., Путеш., Тверь); С *ноздревским* раскатистым смехом (Дост., Зап. из М. дома, 2, II); *хлестаковская* ветреность (Москвит., 1851, № 2); Вместо *новиковской* благородной предприимчивости наступила предприимчивость торговая (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); *молчалинское* лакейство (Гонч., Мильон терзаний); Скажите ваше прямое, *аксаковское* слово (Леск., п. И. С. Аксакову, 23 марта 1875); в *добролюбовском* стиле (Чех., Скучн. ист., III); В нем есть кое-что *ноздревское* (Чех., п. А. М. Пешкову, 24 авг. 1899).

Прилагательные с производными суффиксами:

Геркулесовский подвиг (Вяземск., Автобиогр. введение, X); *гофмановские* повести византийских летописцев (В. Одоевск., Русск. ночи, 8); Смесь малороссийского юмора и *теньеровской* материальности (Никитенко, Дневн., 21 янв. 1835); с душою чисто *шиллеровского* покроя (Там же, 28 июля 1841); *гамлетовское* направление в стихах (Белинск., п. В. П. Боткину, 29 янв. 1847); *байроновский* жанр (Тург., Лит. и жит. воспом., III); В «Марфе Посаднице» г-на Погодина видел «что-то *шекспировское*» (Там же, II); *робеспьеровский* режим казней (Ленин, Почему я вышел из редакции «Искры»? Соч., т. 7, стр. 105).

Производство с помощью суффиксов *-ск-, -овск-, -инск-* прилагательных от фамилий продуктивно и в современном языке. В середине XX в. отмечается увеличение употребительности прилагательных со значением узкой принадлежности. По всей вероятности, оно связано со стремлением оживить литературную письменную речь, приблизив ее к разговорной. Вот несколько примеров из повести В. Максимова «Мы обживаем землю» («Тарусские страницы», Калуга, 1961): отрывистая *колпаковская* речь; прокопченные *колпа-*

ковские пальцы; *колпаковская* спина; *колпаковское* лицо; горячая *колпаковская* ладонь; резкое *колпаковское* лицо.

Несомненно, что такое употребление прилагательных характеризует речь сниженную, но находящуюся в пределах литературного языка, так как явления этого рода широко представлены в устной речи интеллигенции, в литературоведческих и шире — искусствоведческих трудах:

Смеляковский сборник (А. Елкин, Чувство земли, Комс. правда, 1 марта 1962); Читал... *бунинский* рассказ (К. Пауст., Золотая роза, 2, Иван Бунин); *пастернаковские* переводы (А. Синявский, Поэтический сборник Б. Пастернака).

Употребление образованных от фамилий прилагательных со значением свойственности, качественности лишено оттенка стилистической сниженности и широко распространено во всех стилях современного языка:

Атмосфера *теккереевской* Англии (Лит. газ., 10 февр. 1959); Из-за поднятого воротника торчит знаменитый *сирано-бержераковский* нос (А. Гладков, Воспом., заметки, записи о Мейерхольде); Он — невысокий, незаметный, и голос даже какой-то «*не теркинский*» (Лит. газ., 11 янв. 1962).

Специфическим для этих прилагательных является также использование их в составе официальных наименований со значением широкого отношения к лицу [59]: комитет по *Ленинским* премиям, *Ломоносовские* чтения, *Некрасовский* сборник, *Пушкинская* комиссия, *Шевченковская* конференция.

Прилагательные, производимые от существительных нарицательных

§ 27. Прилагательные с суффиксами *-ск-*, *-овск-*, *-инск-*, производимые от существительных нарицательных, подобно прилагательным, производимым от имен собственных, имели два круга значений — близкие значениям прилагательных на *-ов*, *-ин* и значения свойственности, качественно-характеризующие.

1. Так же, как и образования с суффиксами *-ов*, *-ин*, рассматриваемые прилагательные могли обозначать о т н о ш е н и е к е д и н и ч н о м у л и ц у (родственные отношения, личную принадлежность, неотчуждаемую принадлежность). Во второй половине XVIII — нач. XIX в. употребление прилагательных с этим значением было очень распространено:

Воеводский двор (Рычков, Опыт Каз. ист., X); Намерялся сделать преступление на *комиссарской* спине (Радищ., Путеш., София); Побежал... к двору *поповскому* (Болот., 2, 118); Мы застали хозяина [Державина] и хозяйку в *авторском* кабинете (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3); Спрыгнул с коня среди двора *ханского* (Марл., Ам.- Бек, VIII); Ковал *капитанскую* лошадь (Там же, I).

Широкое употребление прилагательных с этим значением продолжается до конца XIX в.:

Майорский портрет (Дост., Зап. из М. дома, 1, V); Я хотел пробраться вверх, в свою или *капитанскую* каюту (Гонч., Фр.

---

[59] Поэтому представляется слишком узкой характеристика сферы употребительности таких прилагательных в современном языке, данная в «Грамматике АН СССР» (разговорная речь и язык художественной литературы), см. т. I, стр. 300—301.

«Пал.», От мыса Доброй Надежды до о-ва Явы); *дьячковский* двор (Решетн., Подлиповцы, I); на своей и *поповской* лошадях (Там же); Дочь смело вынесла *отцовский* взор (Герц., Б. и д., 1, III); Цену он давал... несколько выше *поварской* (Там же, 1, V); Офицер, передавая *генеральские* слова, все возвышал голос (Леск., Мелочи арх. жизни, 15); Прочитать всю *капитанскую* библиотеку (Станюк., Вокр. света на «Корш.», 1, 3, I); *отцовское* лицо (Эрт., Гард., 2, II); Мои колокольчики заливаются вместе с *докторскими* (Чех., Жена, VII); *докторская* шляпа (Чех., Княгиня); *докторский* домик (Книппер, п. А. П. Чехову, 30 янв. 1902).

Подобно прилагательным с суффиксами *-ов* и *-ин*, прилагательные на *-ский*, *-овский*, *-инский* могли в сочетании с отглагольными существительными употребляться соотносительно с родит. над. субъекта и объекта. «Субъектное» значение свойственно этим прилагательным на протяжении всего изучаемого периода и в наши дни:

Докторское предсказание (Н. Н. Трубецкой, п. А. М. Кутузову, 13 марта 1791); *судейское* решенье (Крыл., Троеженец); приговор *ханский* (Марл., Ам.-Бек., III); *учительское* объявление (В. Одоевск., Русск. ночи, 2); *генеральское* негодование (Никитенко, Дневн., 7 февр. 1853); *майорское* желание (Дост., Зап. из М. дома, 2, V); *губернаторское* разрешение (Герц., Б. и д., 3, XXIII); *архипастырское* благословение (Там же); *прокурорская* речь (Речь присяжн. повер. Плевако, 1871); *капитанский* приказ (Станюк., Вокр. света на «Корш.», 1, 4, III); *капитанское* приказание (Там же, 1, 3, II).

«Объектное» значение рассматриваемые прилагательные выражали редко, преимущественно в устойчивых сочетаниях, иногда приближающихся к терминам (ср.: *рекрутский* набор — *набор рекрутов*).

По направлению к концу XIX в. сфера функционирования прилагательных на *-ский*, обозначающих отношение к единичному лицу, сокращается. Не приобретая яркой окраски просторечности, как прилагательные с суффиксом *-ов*, во второй половине XIX в. они уходят из официально-книжных и деловых стилей, уступая место родит. беспредложному. Различие между прилагательными на *-ов* и на *-ский* можно проиллюстрировать примерами из рассказа А. Левитова «Газета» (Будильн., 1865, № 6). Из двух тождественных по значению прилагательных — *дьячковский* и *дьячков* — первое употребляется в авторском повествовании (*дьячковская* дочь, *дьячковское* крыльцо, *дьячковская* горница), второе — в речи крестьян: Иди скорей, дед, к *дьячкову* дому.

Ср. примеры параллельного употребления прилагательного на *-ский* и родит. над.:

Зычный *боцманский* окрик (Станюк., Вокр. света на «Корш.», 1, 8, II); команда *боцмана* (Там же).

2. Прилагательные с суффиксами *-ск-*, *-овск-*, *-инск-*, в отличие от прилагательных на *-ов*, *-ин*, могли обозначать о т н о ш е н и е к н е с к о л ь к и м л и ц а м. Значение это не было для них характерно, однако такое употребление отмечается на всем протяжении XIX в. Вот несколько типических примеров:

Пошли до *черемисских* жилищ (Рычков, Опыт Каз. ист., Прибавление); *посетительские* карманы (Б-ка для чт., 1834, т. II, кн. 8); *жандармские* сабли (Совр., 1847, т. III); *боцманские* свистки (Гонч., Фр. «Пал.», От Кронштадта до мыса Лизарда); *арестантские* вещи (Речь тов. прокурора Петрова, 1871); В кухне забарабанили *поварские* ножи (Эрт., Гард., 2, XI).

Чаще это значение передавалось родит. пад. мн. ч. Прилагательные на *-ский*, *-овский*, *-инский*, выражающие отношение к нескольким лицам, могли употребляться соотносительно с родительным субъекта во мн. ч.

Нападения *неприятельские* (Нащокин, Зап.); измена *татарская* (Рычков, Опыт Каз. ист., V); Хотел что-то сказать, но, услыша разговор *женский*, замолчал (Нарежн., Росс. Жилбл., 5. XII).

Уже в начале изучаемого периода прилагательные выражали это значение редко. По-видимому, к середине XIX в. они утрачивают способность входить в подобные сочетания: функция выражения «субъектного» значения во множественном числе закрепилась за родит. пад. соответствующего имени: *нападение неприятелей*, *измена татар*, *нашествие неприятелей* и т. п.

§ 28. Специфическим и основным для прилагательных с суффиксами *-ск-*, *-овск-*, *-инск-* было значение о т н о ш е н и я к р о д у л и ц. В сочетаниях типа *поварской нож*, *царский сын* прилагательные обычно обозначали отношение не к определенному лицу или нескольким лицам, а к совокупности лиц, т. е. имели значение свойственности.

Он был *старшинский* сын (Рычков, Опыт Каз. ист., III); *священно-* и *церковнослужительские* дети (ПСЗ, 1784, т. XXII, § 15978); Кто смеет воспротивиться предписаниям *докторским!* (Болот., 2, 120); придворный, переодетый в *парикмахерское* платье (Крыл., Почта духов, IX); Трудом своим заслужил бы *профессорское* жалованье (Карамз., п. М. Н. Муравьеву, 28 сент. 1803); Променял [богословие] на *матросскую* жизнь (Атеней, 1828, № 13).

Употребление прилагательных с этим значением без каких-либо стилистических ограничений было характерно для литературного языка на всем протяжении XIX в. Чаще всего такие прилагательные образовывались от наименований профессий, должностей, социального положения и т. п.

Домогался *директорской* власти (Атеней, 1828, № 14—15); Сложил с себя *диктаторскую* власть (Телеск., 1831, № 22); *капельмейстерская* должность (В. Одоевск., Русск. ночи, 8);

Обдумать свои обязанности *авторские* (Гоголь, п. М. Н. Погодину, 15 мая 1836); Новою свежестью вскипит его *композиторская* кровь (Отеч. зап., 1839, т. VII); Вышел в *адъютантском* мундире (Дост., Зап. из М. дома, 1, XI); Он *капитанский* сын (Там же, 2, I); Лакей... имел на голове *гренадерскую* шапку своего господина (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); Всегда ли *адвокатская* деятельность его была безупречна? (Русск. вестн., 1857, т. VII); *лоцманские* и *штурманские* должности (Гонч., Фр. «Пал.», Русск. в Японии); *пономарское* место (Помяловск., Оч. бурсы, Зимн. вечер в бурсе); *воеводский* кафтан (Л. Толст., В. и м., 3, 1, XXII); Священник... промелькнул в своем длинном черном *аббатском* казакине (Тург., Лит и жит. воспом., VIII); *старостинские* обязанности (М.-Сиб., Дикое счастье, XV); *камер-юнкерское* шитье на мундире (Эрт., Гард., 2, VII); *офицерское* место (Чех., Скучн. ист., I); Сидит на *жениховском* месте (Там же, II).

§ 29. На основе значения отношения к роду лиц у этих прилагательных в XVIII—XIX вв. легко развивались качественно-характеристические значения.

Петиметрская осанка (Изм., Евгений, 1, VI); *рецензентское* железное долготерпение (Телеск., 1831, № 21); *кадетское* мальчишество (Белинск., п. М. А. Бакунину, ноябрь 1837); *Браминское* погружение в самого себя (Совр., 1847, т. III); *иезуитская* ловкость (Дост., Зап. из М. дома, 2, VIII); нынешний *арлекинский* язык (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); Поход на стихотворцев в 1866 году! Да это *антикварская* выходка, архаизм! (Тург., Лит. и жит. воспом., II); *рекрутская* тоска по родине (Леск., Островитяне, 13); Сидите с таким *прокурорским* лицом (Эрт., Гард., 2, XIV); в какой-то необыкновенной *плантаторской* шляпе (Чех., О-в Сахалин, XVI); В доме суета сует, дети, старухи, обстановка *не писательская* (Чех., п. О. Л. Книппер, 6 дек. 1901); Это дело *мужиковское*, а не бабье (Лейкин, Пух и перья); Говорила *декадентские* слова и кокетничала по-декадентски (Брюсов, Дневн., 16 ноября 1902).

Ср. такие прилагательные, как *ангельский*, *гигантский*, *богатырский*, *исполинский*, *царский* (*царская роскошь*), *щегольской*, *плутовской*, *шутовской*, *чертовский*, *рыцарский*, *дьявольский*, *родительский*, *материнский*, *отцовский*, *сестринский*, *братский*, *фарисейский*, *диктаторский*, *сиротский*, *приятельский* и др., приобретшие устойчивые («словарные») качественные значения. Развитие таких значений у многих прилагательных с суффиксами *-ск-*, *-овск-*, *-инск-* затрудняло их употребление с чисто относительными значениями[60]. Этот фактор укреплял позиции родит. беспредложного.

[60] Наблюдения исследователей над употреблением прилагательных в современном языке показывают, что для выражения чисто относительного зна-

По-видимому, уже в XX в. сильно сокращается употребление прилагательных на *-ский*, *-овский*, *-инский* со значением отношения к роду лиц. Их место также занимает родит. беспредложный, употреблявшийся с этим значением и в языке XIX в. Прилагательные сохраняются преимущественно в устойчивых выражениях терминологического характера (*фельдшерские курсы*, *штурманское училище* и под.) и в некоторых ограниченных случаях, например, для обозначения разновидностей одежды, связанных с той или иной должностью (*офицерская фуражка*, *матросская форма* и под.). Кроме этого, между родит. пад. и соотносительными прилагательными создается стилистическое разграничение: в непринужденной бытовой речи возможности применения прилагательных шире, тогда как родит. пад. тяготеет к официально-книжной речи, иногда имеет оттенок торжественности.

Развитие качественных значений у прилагательных на *-ский*, *-овский*, *-инский* — активный процесс, характерный и для литературного языка XX в. В современном языке эти прилагательные — основное средство для передачи качественно-характеризующих значений[61]. Прилагательным на *-ов*, *-ин* это значение не свойственно, а родит. пад. выражает эти значения в редких, ограниченных случаях.

История прилагательных на *-цкий*, *-еский*, *-ий*

§ 30. В конце XVIII — нач. XIX в. прилагательные на *-цкий*, *-еский*, *-ий* по своим значениям были близки прилагательным с суффиксами *-ск-*, *-овск-*, *-инск-* и на протяжении XIX в. подвергались аналогичным семантическим изменениям. Однако их история осложнялась тем, что типы прилагательных на *-цкий*, *-еский*, *-ий* имели переплетающиеся, хотя и не совпадающие полностью условия образования. В литературном языке XIX в. происходит перераспределение сфер действия этих трех моделей, функционирующих в кругу однородных производящих основ. Так как основным средством образования прилагательных от имен лиц был суффикс *-ск-*, модель образования прилагательных на *-еский*, вариантная по отношению к образованиям на *-ский*, вытесняет способ образования прилагательных с суффиксом *-j-*; в соответствии с общей тенденцией к устранению дублетности средств выражения суффикс *-j-* утрачивает продуктивность в образовании прилагательных от имен лиц, где его положение было окраинным, незначительным, сохраняя большу́ю продуктивность в образовании прилагательных от названий животных.

чения используются в первую очередь прилагательные, не имеющие устойчивых качественных значений.

[61] Ср.: —Ясно,— сказал комендант металлическим, *комендантским* голосом. И лицо его из строгого, но все-таки и юного и веселого превратилось в непроницаемое, специальное, *комендантское* лицо: без выражения, без возраста — одна только лишь твердость (Ю. Герман, Мой спаситель, Лит. газ., 8 апр. 1961).

Семантическая эволюция прилагательных с суффиксами *-еск-* и *-j-*

§ 31. В конце XVIII — нач. XIX в. прилагательные на *-ий*, *-еский*, как и прилагательные с суффиксами *-ск-*, *-овск-*, *-инск-*, довольно свободно могли обозначать отношение к единичному лицу.

Прилагательные на *-ий*:

Для приезду *архимандричьего* (Мордв., Зап.); конюший *посланничий*; *посланьичьи* лакеи (СПб. вед., 8 авг. 1756); слушая *любовничьи* слова (Сумарок., Дельфира); [Вельможа] не разумея языка *невольнича*, спросил.., что невольник говорит? (Вс. всячина, 5 июня 1769); щедрость *подполковничья* (Чулк., Пригож. повариха); непомерная любовь ко мне *подполковничья* (Там же); *пастуший* двор (Крыл., Волк и Пастухи).

К 30—40-м годам XIX в. употребление прилагательных на *-ий* с этим значением заметно сокращается; оно сохраняется или как средство архаизации в связи с употреблением отдельных лексем на *-ий*, ставших устарелыми (а), или как показатель непринужденной речи (б).

а) [Посадский] Что это у тебя за бердыш? [Курюков] *Внучий* бердыш, батюшка, *внучий* бердыш (А. К. Толст., Царь Фед. Иоан., IV).

б) «Куда вы? — спросил меня официант.—... Без *княжего* дозволения нельзя» (Герц., Сорока-воровка); Не мог заслужить *начальничьего* внимания (Вельтм., Саломея, 11, I); Приворожил *начальничье* сердце (Там же). Ср. шутливое употребление в конце XIX в.: Он шутливо ткнул в *исправничий* живот (Эрт., Гард., 1, VIII)[62].

Прилагательные на *-еский* также могли обозначать отношение к единичному лицу.

Бросился в кабинет *княжеский* (Нарежн., Росс. Жилбл., 5, II); Бестолковое *дьяческое* чтение (Помяловск., Оч. бурсы, Бегуны и спасенные бурсы); Повар князя подошел к нему с *княжеским* поручением (Тучк., Воспом., XV); желтый... *будочнический* язык (С.-Щ., Литературн. будочники); Чтобы как-нибудь не охладить *вельможеских* намерений (Эрт., Гард., 2, VII):

Прилагательные на *-ий* и *-еский* (подобно прилагательным с суффиксами *-ск-*, *-овск-*, *-инск-*, произведенным от существительных нарицательных), могли выражать и отношение к нескольким лицам (синонимично родит. над. мн. ч.).

Прилагательные на *-ий*: Смотреть *любовничьи* утехи скрывается в кустах (Сумарок., Клариса); *противничья* стрельба

[62] Потенциальную возможность образования прилагательных на *-ий* со значением отношения к единичному лицу русский язык не утрачивает. Ср. в наше время: провел ладонью по *мальчишьему* затылку (Известия, 12 апр. 1962).

(В. Майк., Военн. наука, VI); *промышленничьи* поверенные (ПСЗ, 1788, т. XXII, § 16635); среди *преступничьих* гробов (В. Раевск., Послание к К⟨омаро⟩ву); круг из *чиновничьих* фигур (Никитенко, Дневн., 11 янв. 1835); *раскольничьи* волнения (Там же, 11 июня 1843); Стирают здесь *колодничье* белье (Вельтм., Саломея, 5, I). Ср. в конце XIX в.: Слышен монотонный гул *приказчичьих* голосов (Чех., Полинька).

Прилагательные на *-еский*: *мятежническое* скопище (Держ., п. А. И. Бибикову, 11 янв. 1774); *мятежнические* шайки (Бибик., Зап); *однодворческая* земля (ПСЗ, 1801, т. XXVI, § 19825); *владельческие* селения (Там же, § 19824); *мятежнические* бараны (Марл., Ам.-Бек, V); *начальническая* розга (Помяловск., Оч. бурсы, Зимн. вечер в бурсе); *однодворческий* табун (Эрт., Гард., 2, IX); табун *однодворческих* лошадей (Там же, 2, I).

Однако основным значением прилагательных на *-ий* и на *-еский* было значение отношения к роду лиц [63].

Прилагательные на *-ий*: *келейничьи* мои занятия (Добрынин, Зап., XVI); *подпоручичья* вакансия (ПСЗ, 1801, т. XXVI, § 20045); Псковитяне имели особенную степень гражданскую, так называемых детей *посадничьих* (Карамз., И. Г. Р., VII, I); *объездничий* пост (ПСЗ, 1824, т. XXXIX, § 28788); Чем угостит анахорет, В смиренной хижине укрытый? Его *пустынничий* обед Не будет лакомый, но сытый (Борат., Пиры); *исправничьи* места (Булг., Ив. Выж., XI); *наездничье* ремесло (Там же, XIII); *прапорщичий* чин (Гоголь, Ив. Фед. Шпонька, 1); *каменьщичья* стремянка (Отеч. зап., 1839, т. VII); *садовничий* нож (Москвит., 1841, янв.).

Столь же характерно было это значение и для прилагательных на *-еский*: *священнические* дети (Рычков, Опыт Каз. ист., XII); из *однодворческих* детей (Мнение А. Нартова, 28 июля 1768, Сб. русск. ист. об-ва); *церковнические* звания (ПСЗ, 1784, т. XXII, § 15978); *церковнопричетнические* звания (Там же); *священнические* места (Там же, 1801, т. XXII, § 19789); *зодческий* энтузиазм (В. Одоевск., Русск. ночи, 3); *ремесленнические* и *земледельческие* занятия (Телеск., 1831, № 22); *священническая* вдова (Там же, № 24).

На основе значения отношения к роду лиц у прилагательных на *-ий*, *-еский* (как и у прилагательных с суффиксами *-ск-*, *-овск-*, *-инск-*) легко развивалось значение типической свойственности, качественности («такой, как у ...»; «похожий на ...»).

Прилагательные на *-ий*: *любовничья* ухватка (Нарежн., Росс. Жилбл., 6, IV); Бранит слуг своих отборнейшими *ямщичьими* словами (Путеш. критики, XXI); *начальничья* воля супруги (Вельтм., Саломея, 2, II).

---

[63] См.: С. В. Фролова. Автореф. докт. дисс., стр. 9.

Прилагательные на *-еский* уже во второй половине XVIII — нач. XIX в. чаще употребляются со значением типической свойственности, чем со значением отношения к единичному лицу или лицам:

Стряпческие интриги [нашего двора] (Фонв., п. родным, 1773); *бездельнические* хитрости (Фонв., п. родным, 26 июня 1766); полюбив ее с первого дня искреннею *супружескою* любовию (Болот., 2, 117); *страдальческое* положение (Нарежн., Росс. Жилбл., 2, XV); *изменнический* поступок (Рикорд., Зап.); *бездельнические* поступки голландцев (Там же); Литература в каком-то *школьническом* ребячестве (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 16 ноября 1818); Мои *пророческие* сны Все на тебя устремлены (Языков, Аделаида); [Фамусов] *Монашеским* известен поведением! (Гриб., Горе от у., I, 4); Прибавлял в бумагах *ябеднические* крючки (Булг., Ив. Выж., II); Закипела кровь всем пылом жара *юношеского* (Телеск., 1831, № 24).

В дальнейшем в семантической структуре этих образований меняется соотношение двух основных значений — значения отношения к роду лиц и вторичного оценочного значения. К середине XIX в. основным значением рассматриваемых прилагательных становится качественно-характеризующее значение типической свойственности. В этом значении прилагательные на *-еский* активно функционируют в языке второй половины XIX в.

Умел *подьяческие* выражения поместить в стихи (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); [Кочуев] Причуды какого-то особого *старообрядческого* оттенка (Остр., Не от мира сего, I, 3); Письма ее — одна *отроческая* песнь любви (Герц., Б. и д., 3, XXI); *ёрнический* язык (Л. Толст., В. и. м., 3, 3, XXIV); не то *наставнический*, не то *пророческий* тон (Тург., Дым, IV); *ростовщическая* жестокость (Речь присяжн. повер. Плевако, 1874); чисто *школьническая* шалость (Тучк., Воспом., II); *иноческое* фантазирование (Леск., Мелочи арх. жизни., 10); глупый и сладкий *гостинодворческий* дипломат (Боборык., Китай-город, 5, XII); *ябедническая* улыбочка (Чех., Княгиня); *отеческое* или, вернее, *идолопоклонническое* чувство (Чех., Расск. неизв. чел., XVIII).

Прилагательные с суффиксом *-еск-* развивали качественные значения очень легко и свободно. Они приобретали их преимущественно в сочетании с существительными, имеющими широкое отвлеченное значение или называющими действия, поступки, характерные свойства лица, от наименования которого произведено прилагательное (*страдальческий вид*, *голос*, *тон*, *монашеское поведение*, *младенческая доверчивость*, *юношеская восторженность* и т. п.). Очень разнообразны, например, сочетания прилагательных на *-еский* со словом *жизнь*: *постническая* жизнь (Сл. АР); *бражническая* жизнь (Белинский); *странническая* жизнь (Герцен);

лавочническая жизнь (Засодимский); *изгнанническая жизнь* (Тургенев); *отшельническая* жизнь (Миклухо-Маклай); *труженническая* жизнь (Станюкович); замкнутая, *ненавистническая* жизнь (Чехов).

Что касается сочетаний с существительными конкретной семантики, то первоначально типическим для прилагательных с этим значением было лишь соединение с существительными, характеризующими внешний облик человека: *страдальческие глаза*, *старческий голос*, *вельможеские ручки*; *монашеский клобук* и под. Однако активный процесс развития качественных значений у прилагательных с суффиксом *-еск-* привел к тому, что в литературном языке конца XVIII — нач. XIX в. стали появляться сочетания этих прилагательных и с более разнообразными существительными конкретной семантики,

> Время посвятить *страннический жезл* твой сыну Маину (Карамз., О-в Борнгольм); Не отходила от его *страдальческой постели* (Жуковск., п. Е. А. Протасовой, 28 ноября 1828); [забота] о скудной жизни, о *скитальческом хлебе* (Марл., Ам.-Бек, XIII); *отшельнический кров* (Языков, А. Н. Вульфу).

Подобное употребление, зародившееся, по-видимому, в романтизированных экспрессивно-насыщенных жанрах, в дальнейшем не получает распространения.

Интенсивное развитие значения типической свойственности (с оттенком качественности) у прилагательных на *-еский* не привело к полной утрате ими нейтрального значения отношения к роду лиц. Это значение, постепенно затухая, сохраняется до конца XIX в. Вот некоторые примеры употребления подобных прилагательных во второй половине XIX в.:

> Его *стихотворческая* известность (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); *дьяческие* и пономарские места (Помяловск., Оч. бурсы, Зимн. вечер в бурсе); Лишить его, скажет, и дьяковского и *наставнического* места! (Будильн., 1865, № 6, Газета, III [А. Левитов]); Я... *священнического* поколения (Тург., Дым, IV); с точки зрения *западнической* (Отеч. зап., 1872, № 4); *благочинническое* место (Леск., Заметки неизвестн., Как нехорошо осуждать слабости); *стряпческие* дела (Леск., Некуда, 2, 5).

Особенно устойчиво держатся прилагательные, обозначающие отношение к роду лиц, в тех случаях, когда они входят в состав термина: *пажеский корпус*, *монашеский орден*, *землевладельческий класс*; *невольнические штаты*, *рабовладельческие штаты* (Станюк., Вокр. света на «Корш.», 1, 10, I); *владельческие* крестьяне (Ключевск., Ист. сосл. в Р., IV); *народническая* экономия (Ленин, п. М. А. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой, 24 янв. 1898. Соч., т. 37, стр. 81).

Подобная же семантическая эволюция происходит с именами прилагательными на *-ий* (см. § 32).

Соотношение прилагательных с суффиксами *-еск-* и *-j-*

§ 32. Во второй половине XVIII — нач. XIX в. наблюдается полное семантическое тождество прилагательных на *-ий* и *-еский*, функционирующих как словообразовательные дублеты в аналогичных контекстах и стилях речи. Вот некоторые характерные параллели:

Раскольничьи монастыри (Держ., п. Ф. Ф. Щербатову, 7 мая 1774);

селения *раскольнические* (А. И. Бибиков, Тайное наставление... Державину, 6 марта 1774);

разбойничьи или злодейские партии (Держ., Инструкция... фузелеру Никифору Васильеву, 4 мая 1774);

разбойническая пугачевская толпа (Т. Герасимов, п. Державину, 30 апр. 1774);

Ярем *невольничий* — их доля с колыбели (В. Раевск., Послание к К⟨омаро⟩ву);

невольническое жалкое состояние (Д. Ахшарумов, Автобиогр. записка);

Из *чиновничьего* быта (Гл. Усп., [назв. рассказа]);

Влачит дни свои по темным и грязным закоулкам *чиновнического* быта (Никитенко, Дневн., 28 дек. 1835);

весь петербургский *чиновничий* мир (С.-Щ., Пестрые письма, 2).

Он изучил *чиновнический* круг (Герц., Б. и д., 2, XIV).

Отношения дублетности сохраняются между образованиями этого рода на всем протяжении XIX в. Характерно, что в Словаре АР и Словаре 1847 г. подобные образования часто помещаются в одной словарной статье и толкуются одно через другое, причем в Словаре АР обыкновенно в качестве основного дается образование на *-ий*, а прилагательное с суффиксом *-еск-* объясняется путем отсылки к нему, тогда как в Словаре 1847 г. наблюдаются уже обратные отношения. Например, в Словаре АР дается: *досмотрщичий* и *досмотрщический*, *надсмотрщичий* и *надсмотрщический*, *осмотрщичий* и *осмотрщический*, *разнощичий* и *разнощический*, *всадничий* и *всаднический*, *идолопоклонничий* и *идолопоклоннический*, *изменничий* и *изменнический*, *иноплеменничий* и *иноплеменнический*, *исповедничий* и *исповеднический*, *истопничий* и *истопнический*, *клеветничий* и *клеветнический*, *крамольничий* и *крамольнический* и др. В Словаре 1847 г.: *исправнический* и *исправничий*, *наперснический* и *наперсничий*, *наследнический* и *наследничий*, *преступнический* и *преступничий*; многие прилагательные на *-ий* здесь толкуются через отсылку к прилагательному на *-еский*: *пустынничий* — то же, что *пустыннический*; *садовничий* — то же, что *садовнический*; *сверстничий* — то же, что *сверстнический*; *сводничий* — то же, что *своднический*; *соперничий* —

то же, что *соперический* и т. д. Полное совпадение условий образования прилагательных этих двух типов наблюдалось лишь в производстве прилагательных от основ существительных с суффиксами *-ник*, *-щик*, *-чик*, так что образования с суффиксом *-j-* являются всегда образованиями на *-(ч)ий*.

Широкое употребление прилагательных на *-ий* как словообразовательных дублетов к прилагательным с суффиксом *-еск-* продолжается до середины XIX в. К 40—50-м годам употребительность прилагательных на *-ий* уменьшается. Их вытесняют более продуктивные образования с суффиксом *-еск-*, имевшие более широкие словообразовательные связи (см. § 16) и входившие в большую группу единых в семантическом отношении продуктивных образований с суффиксом *-ск-* и его производными [64]. Таким образом, в сфере производства прилагательных от имен лиц прилагательные на *-ий* в языке XIX в. из продуктивного словообразовательного типа превращаются в непополняемый и ограничивающийся ряд слов [65]. К концу XIX в. число функционирующих в языке прилагательных этого типа значительно сокращается. Однако процесс угасания этого словообразовательного типа не привел к уходу из языка всех прилагательных на *-ий*. В некоторых случаях из дублетных образований общепринятыми и более употребительными оказывались образования на *-ий*. Таковы были соотношения образований *разбойничий — разбойнический*, *раскольничий — раскольнический*, *помещичий — помещический — помещицкий*, *извощичий — извощический — извощицкий*, *чиновничий — чиновнический — чиновницкий*, *полковничий — полковнический — полковницкий*, *охотничий — охотнический — охотницкий*.

Во второй половине XIX в. еще отмечается значительное количество прилагательных на *-ий*. Они имеют преимущественно значение типической свойственности (иногда с качественными оттенками):

> Не заноси же в мир святыни Своих *невольничьих* тревог (Фет, Добро и зло); унизительная рассчетливость *ростовщичьего* скопидомства (Речь прокурора Кони, 1875); нищенское *подпрапорщичье* содержание (Купр., Свадьба); чисто *разбойничья* дерзость (Эрт., Гард., 2, VII); Его солидная физиономия отнюдь не походила на *приказчичью* (Лейкин, Рассказы о хороших людях. Приказчик на отчете. ЛК).

Сохраняется употребление подобных прилагательных и со значением нейтрального отношения к роду лиц, преимущественно в составе более или менее устойчивых выражений.

---

[64] Бо́льшая значимость прилагательных на *-ескій* в словообразовательной системе языка проявлялась и в том, что наречия на *-и* обычно образовывались от них, а не от их дублетов на *-ий*.

[65] В Словаре 1847 г. и Словаре Даля имена прилагательные этого типа отражены еще очень широко, причем в Словаре Даля образования на *-ий* представлены более полно, чем образования на *-ескій*; в словарях XX в., например в Словаре Ушакова, прилагательные на *-ий* почти не отмечаются.

Прапорщичий чин (Писемск., Тыс. душ, 2, V); *поручичьи* эполеты (Там же); местечко по *приказчичьей* части (М.-Печ., В лесах, III, 4); *послушничий* подрясник (Леск., Очар. стр., 1); *раскольничий* поп (Леск., Карикат. идеал, VII); *приказчичья* аристократия (Чех., п. М. М. Чехову, 9 июня 1877); *раскольничьи* начетчицы и старцы (М.-Сиб., Прив. мил., 1, IX); *приказчичий* клуб (Станюк., Мрачн. штурман, X).

В стилистически окрашенных контекстах прилагательные на *-ий* могли обозначать отношение к единичному лицу (см. § 31).

В начале XIX в., кроме продуктивного типа прилагательных на *-ий*, образуемых от существительных с суффиксами *-ник*, *-чик*, *-щик*, функционировала большая группа прилагательных на *-ий*, образованных от основ других существительных, сохранившаяся в употреблении от того времени, когда этот тип словообразования был неограниченно продуктивен: *вдовий*, *бабий*, *недорослий*, *холопий*, *болваний*, *вражий*, *дружий*, *божий*, *княжий*, *пастуший*, *монарший*, *патриарший*, *внучий*, *дьячий*, *старуший*, *старушечий*, *человечий*, *мужичий*, *рыбачий*, *вдовичий*, *девичий*, единичные образования от основы на *-т-*: *митрополичий*, *архимандричий* и *ребячий* [66].

Эти прилагательные употреблялись наряду с близкими по значению прилагательными с суффиксами *-ов*, *-ин* и дублетными образованиями на *-ский*, *-еский*, иногда *-цкий*.

История этих прилагательных на протяжении XIX в. состоит в постепенном сокращении всей этой группы слов, вытесняемых продуктивными образованиями с суффиксами *-ск-*, *-еск-*. Однако некоторые из прилагательных на *-ий* оказались очень устойчивыми. Таковы слова *рыбачий* и *девичий* (наряду с которыми широко употреблялись *рыбацкий* и *девический*); прилагательные *пастуший*, *человечий*, *ребячий*, *мужичий* были несколько менее употребительны, чем параллельные образования *пастушеский*, *человеческий*, *ребяческий*, *мужицкий*, и могли отличаться от них по значениям. Отдельные прилагательные на *-ий* сохранились в составе устойчивых сочетаний, названий и т. п. (например: *божий*, *вражий*).

Слова *вдовий*, *бабий*, *старушечий*, не имевшие дублетных образований, сохранили свою употребительность.

Взаимодействие двух словообразовательных моделей — на *-ескиий* и на *-ий*, действовавших в кругу однородных основ, кончилось победой образований с суффиксом *-еск-*. Тип прилагательных на *-ий* на протяжении XIX в. превращается из продуктивной в определенных рамках словообразовательной модели в ограниченную группу слов. Однако эта модель образования прилагательных не умирает совсем: она удерживает потенциальную продуктивность и в современном языке, чему способствуют два обстоятельства: 1) структурно-семантическое единство этой довольно обширной группы слов, сохраняющих четкую соотносительность с производящими основами, и 2) продуктивность этого типа словообразования в производстве прилагательных от названий животных (см. § 37).

---

[66] Ср. активность основ на *-т* в образовании прилагательных с суффиксом *-j-* от названий детенышей (см. § 39).

История прилагательных на *-цкий* в их соотношении с однокоренными образованиями на *-ий*, *-ский*

§ 33. Прилагательные на *-цкий* в языке XIX в. с точки зрения семантической были близки рассмотренным выше прилагательным на *-ский*, *-ий*.

Значение отношения к единичному лицу прилагательным на *-цкий* было мало свойственно. Однако отдельные случаи такого употребления на протяжении XIX в. встречаются:

Подошли к *приказчицкой* избе (Загоск., Ю. М., II, 1); *полковницкие* телята (Слепц., Трудн. время, X); Возвышалась *приказчицкая* высокая постель (Л. Толст., В. и м., 2, 4, II); Заступнически прошептал *денщицкий* голос (Там же, 4, 2, XVI); Мужики, бабы и дети *мужицкой* большой семьи теснились в черной избе (Там же, 3, 3, IV); *полковницкая* экономка (Лейкин, Петерб. современник, 1864. ЛК); Два двугривенных развязывают *дворницкий* язык (Чех., Светл. личность); обед, приготовленный *полковницким* денщиком (Ист. вестн., 1900, № 12).

Основным для прилагательных на *-цкий* в литературном языке XIX в. было значение свойственности роду лиц:

Денщицкая куртка (Л. Толст., В. и м., 3, 2, VII); Сокрушался о своих *дворницких* грехах (М.-Сиб., В услужении. ЛК); Дело на *приказчицкие* руки бросили (Леск., Несмертельн. Голован, 8); Навстречу едет тройка хороших *мужицких* лошадей (Л. Толст., п. жене, апр. 1882); Побрякивали бубенчиками *ямщицкие* лошади (Л. Толст., Ягоды); *скупщицкое* сословие (Корол., Павловск. оч., IX); *дворницкие* скамьи у ворот (Чех., Брак по расчету, II); Панева — чуть не прошлого столетия, чуньки — *покойницкие* (Бунин, Ант. ябл., 2).

На основе этого значения у прилагательных на *-цкий* легко развивались качественно-характеристические оттенки: *денщицкая* самоуверенность (С.-Щ., Благонамер. речи, XI); в выражении было что-то *ямщицкое* (Чех., Моя жизнь, VII); *мужицкие* манеры (Русск. богатство, 1893, № 11).

§ 34. Судьба прилагательных на *-цкий* в литературном языке XIX в. в значительной степени определялась их соотношениями с однокоренными синонимичными прилагательными. Некоторые группы прилагательных на *-цкий* имели регулярные соотношения с прилагательными на *-ский*, *-ий*, например, прилагательные, произведенные от существительных на *-ик* (ср. *мужицкий — мужичий*, *охотницкий — охотничий — охотнический*, *заговорщицкий — заговорщический*, *приказщицкий — приказчичий*, *полковницкий — полковничий — полковнический*, *чиновницкий — чиновничий — чиновнический*). При образованиях от существительных на *-ак*, *-ок* соотносительных прилагательных, как правило, не было

(ср. отсутствие таких образований, как «батрачий», «беднячий», «босячий», «дурачий» и под. и малую употребительность образований на *-еский* типа *бурсаческий*, *бедняческий*, *дураческий*).

Реальными, часто употребительными образованиями, соотносительными с прилагательными на *-ацкий*, были лишь слова *рыбачий* (широко распространенное в XVIII—XIX вв.) и *кулаческий*.

Рыбачий ботик (Держ., п. Ф. Ф. Щербатову, 7 мая 1774); огонь *рыбачий* (Пушк., Е. О., 7, XV); *рыбачий* курень (Кольц., Хуторок); *рыбачья песнь* (Огарев, Весна); *рыбачья* хижина (Л. Толст., Бедн. люди); хозяйская, хоть тоже *кулаческая*, честность (Боборык., Китай-город, 4, XXII); Я в этой *кулаческой* Москве сам позапылился (Там же, 5, XVI); *кулаческие* тенденции (Ленин, Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности, 1, II. Соч., т. 2, стр. 345).

Прилагательные *рыбачий* и *кулаческий* в дальнейшем вытесняются прилагательными на *-цкий*, хотя первое сохраняет некоторую употребительность и в наши дни.

У прилагательных, производимых от имен существительных на *-ец*, живых словообразовательных дублетов не было. Число старых образований на *-цкий* от основ этого рода сокращается, по-видимому, в связи с общей утратой существительными на *-ец* продуктивности в качестве основ, производящих подобные прилагательные.

Одни прилагательные на *-цкий* выходят из употребления, не заменяясь никакими конкурентными образованиями. Такие слова, как *жилецкий*, *ловецкий*, *кузнецкий*, *швецкий* в языке XIX в. редки: *Ловецки* раздаются роги (Держ., Осень во время осады Очакова); *кузнецкий* сын (Пушк., Записи сказок, 5); *кузнецкие* мехи [67] (Вс. Крестовск., Панург. стадо, I. ЛК).

Чаще употреблялось прилагательное *игрецкий*: *игрецкий* дом (Вяземск., Ст. зап. кн., 10); 24 часа пройдет — *игрецкий* срок, кредит потеряю (В. Одоевск. Хорошее жалованье. ЛК); *игрецкие* притоны (Леск., Ракуш. меламед, 5); *игрецкое* суеверие (Купр., С улицы, II); *игрецкое* счастье, *игрецкое* искусство (Нов. время, 1902. ЛК).

Другие прилагательные на *-цкий* вытесняются образованиями с суффиксом *-еск-*, созданными по модели, к этому времени также ставшей непродуктивной (с сохранением суффиксального гласного производящего существительного: *отецкий — отеческий*, *купецкий — купеческий*, *молодецкий — молодеческий*) [68].

Процесс размежевания разных словообразовательных типов прилагательных протекал медленно и не прямолинейно; он тормозился сопротивлением лексического материала.

---

[67] Ср. сохранение подобных прилагательных в названиях: *Кузнецкий* мост, *Кузнецкая* слобода, *стрелецкий* бунт, «Утро *стрелецкой* казни».

[68] По действующей в тот период модели словообразования должно было бы произойти выпадение суффиксального гласного существительного: «отческий», «купческий», «молодческий».

Во второй половине XVIII — нач. XIX в. однокоренные прилагательные на *-цкий*, *-еский*, *-ий* могли функционировать как словообразовательные дублеты, тождественные в семантическом и стилистическом отношении.

Типичны в этом смысле слова *купецкий* и *купеческий*. Еще в начале XIX в. в соответствии с традицией *купецкий* широко употреблялось как стилистически нейтральное слово, обозначавшее отношение к лицу и к роду лиц: *купецкий* товар (Лепехин, Дневн. зап., 1); И царское, и дворянское, и *купецкое*, все было их (Живописец, 1775, 1, Сыну нашему Фалалею Трифоновичу); *купецкий* приказчик (Моск. вед., 1777, № 44); дом *купецкой* жены Александры Телепневой (Моск. вед., 1795, № 71); люди *купецкие* (Карамз., И. Г. Р., X, IV); *купецкая* дочь (Крыл., Ворона); *купецкое* платье (Нарежн., Бурсак, 1, II).

Характерно, что в Словаре АР и Словаре 1847 г. прилагательное *купецкий* дается без всяких стилистических помет.

В тот же период широкую употребительность имело прилагательное *купеческий*.

Жилые дома дворянские и *купеческие* (Рычков, Опыт Каз. ист., XIV); *купеческие* суда (ПСЗ, 1784, т. XXII, § 15967); *купеческие* лавки (Карамз., И. Г. Р., VII, 1); дворянские и *купеческие* дома (В. Е., 1802, № 9).

По-видимому, уже в первые десятилетия XIX в. прилагательное *купецкий* утрачивает нейтральную стилистическую окраску и начинает употребляться как стилистически окрашенное средство со значением отношения к роду лиц:

Еду я по своим *купецким* делам (С. Акс., Аленьк. цв.); Отпустите поиграти игры детские: Те-ль обозы бить низовые *купецкие* (А. К. Толст., Ушкуйник).

Позднее это слово получает качественно-характеристическое значение: Цвет платья он нашел «*купецким*» (Боборык., Китай-город, 1, XXIII).

Качественно характеристическое значение приобрело и прилагательное *купеческий*, однако само по себе это слово было лишено яркой стилистической окраски просторечности или народной поэтичности, присущей слову *купецкий*, например: в солидном «*купеческом*» картузе (Эрт., Гард., 1, III).

При наличии дублетности слов на *-цкий* и *-еский* образования на *-цкий* всегда приобретали экспрессивную окраску сниженности или «народности», что объясняется происхождением самой модели (см. § 17).

Ср. прилагательные *молодецкий* и *отецкий* (последнее в Словаре 1847 г. с пометой *простонародн.*), наделенные уже в начале XIX в. окраской фольклорности или «народности»:

Дочь *отецкая* распрекрасная, Я любил тебя, моя милая (Бенедикт., Песня); [Купава] Он богатый *отецкий* сын (Остр., Снегурочка, I, 5); Ах! что ты, парень, в девице Нашел во мне хорошего? ...Ошибся ты, *отецкий* сын! (Некр., Кому на Р. жить хорошо, II, 1); Шарики, шарики! Шарики детские! Деньги *отецкие*! Покупайте, сударики, шарики! (Аненнск., Шарики детские).

Иль прилука *молодецкая* Ни из сердца, ни с ума нейдет? (А. А. Дельв., Русск. песня). Уж не зазноба ли сердцу *молодецкому*? (Пушк., К. д., XI); Сказала ли я противное слово.

когда ты ворочался навеселе с *молодецкой* пирушки? (Гоголь, Страшн. месть); Да как глянул я вдруг на хоромы ее, Посвистал и махнул *молодецкой* рукой (Некр., Огородник).

В аналогичных соотношениях с однокоренными прилагательными на *-ий*, *-ескнй* находились также прилагательные на *-цкий*, произведенные от существительных на *-ик*: *мужицкий* (ср. *мужичий*), *помещицкий* (ср. *помещичий*), *чиновницкий* (ср. *чиновничий*, *чиновнический*), *полковницкий* (ср. *полковничий*, *полковнический*), *приказчицкий* (ср. *приказчичий*). Ср., например, употребление прилагательных *полковницкий* и *полковничий*, ярко характеризующее стилистическое различие двух моделей словопроизводства:

— Да хоть бы и в казармах такая фатера,— сказал Иван, стоя в дверях.— Мебель-то не хуже *полковницкой* [слова денщика] (Вельтм., Саломея, 1, IV).

Смотрел вокруг себя как помешанный и не понимал, что это все значит: ему казалось, что он в *полковничьих* комнатах (Там же)

Четырех купцов я женила, одну *полковницкую* дочь замуж выдала (Леск., Воительница, 3); Два его патрета завсегда в каюте висели над койкой. Видный такой и в *полковницком* мундире (Станюк., Оборот, 2).

Ср.: *Полковничья* квартира в богатом селе была по возможности возведена на степень удобного жилья (Н. Павл., Ятаган, VI); *Полковничий* денщик провел его вниз (Л. Толст., Севаст. в авг., 13); Пренебрежительно рассказывал *полковничьим* басом (Верес., За гранью); Ср. в устойчивом сочетании: *полковничьи эполеты*.

Вот еще несколько характерных примеров употребления прилагательных на *-цкий*:

Видел я «Бедную невесту» и «Холостяка». Игра *чиновницкая*, бездушная, деревянная (Чех., п. А. И. Сумбатову-Южину, 28 янв. 1890); Ни кашля, ни жара. Остались одни только *помещицкие* болезни: то пузико болит, то в горле от крика чешется (Чех., Письма. ЛК).

В виду того, что прилагательные на *-ий*, *-ескнй* легко приобретали качественно-характеристические значения и вместе с ними экспрессивную окраску сниженности, различие между однокоренными образованиями на *-цкий*, *-ескнй*, *-ий* делалось иногда трудноуловимым, как, например, между прилагательными *заговорщицкий — заговорщический*:

Народовольцы ...суживали политику до одной только *заговорщицкой* борьбы (Ленин, Насущные задачи нашего движения. Соч., т. 4, стр. 342); *заговорщицкий* способ действия (Плех., Нов. защитник самодерж.); старый *заговорщицкий* предрассудок народовольцев (Плех., Выбр. места из переписки с друзьями); *заговорщицкая* программа бланкизма (Плех., Наши разно-

гласия, 8); Нужно сознаться, что стремление партии «Народной воли» — как общества заговорщиков — совсем не совпадает с общим ходом русского исторического развития. Поэтому *заговорщицкие* планы ее были заранее осуждены на неудачу (Плех., Полит. задачи русск. социалистов).

В происшествии с королем португальским явно виден еще элемент *заговорщического*, т. е. бессильного, в существе своем не достигающего цели, террора (Ленин, О происшествии с королем португальским. Соч., т. 13, стр. 434); «*заговорщическая*» организация (Ленин, Что делать?, IV. Соч., т. 5, стр. 442); Только оппортунисты и могут еще в настоящее время видеть опасность в *заговорщических* организациях (Ленин, Шаг вперед, два шага назад. Соч., т. 7, стр. 353); старая *заговорщическая* практика нечаевщины и бакунизма (Плех., Рабочий класс и демократическ. интеллигенция).

По-видимому, у образований на *-цкий* окраска сниженности (просторечности) была свойством самой модели; у прилагательных же на *-ий*, *-еский* эта окраска появлялась лишь в тех случаях, когда они называли признаки, традиционно относимые к «низким» сферам жизни (*купеческий*, *приказчичий* и т. п.). Ср. употребление прилагательных *приказчицкий*, *приказчичий*:

Молодой человек с *приказчичьими* манерами (Аникин, Деревенск. расск., Накануне. ЛК); Казалось, что на нем чужой фрак и что у него *приказчичья* бородка (Чех., Попрыгунья, I); На нем не лежало отпечатка бурсаческой грубости, не было и *прикащичьей* развязности (Гил.-Плат., Из пережитого. ЛК);

Он не нравился ей, наружность у него была *приказчицкая* (Чех., Три года, III).

В тех случаях, когда прилагательное на *-цкий* было произведено от наименования лица по профессии, оно могло не приобретать сниженной стилистической окраски и выступать как нейтральная номинация:

Наборщицкое дело (Вс. Крестовск., Панург. стадо. ЛК); токарное и *резчицкое* дело (Помяловск., Поречане. ЛК); *плотницкие* топоры (Чех., Тяжел. люди); *перевозчицкие* ялики (Ист. вестн., 1906, № 3); *ямщицкая* специальность (Гл. Усп., Письма с дороги, IX).

В литературном языке нашего времени в связи с общим сближением литературного языка, народных говоров и обиходной речи число прилагательных на *-цкий* возрастает. Прилагательные на *-цкий* не только проникают в литературный язык в качестве экспрессивно окрашенных слов, но и образуются в нем как стилистически нейтральные наименования отношения к к лицу по профессии, не имеющие дублетных образований на *-еский*, *-ий*, ср. *горняцкий*, *моряцкий*, *забойщицкий*, *летчицкий*, *сварщицкий*, *сплавщицкий*, *каменщицкий*. Происходит усвоение литературным языком целой словообразовательной модели, ее «олитературивание». В результате этого сокращается сфера применения книжной модели с суффиксом *-еск-* (ср. невозможность в со-

временном языке произвести такие прилагательные, как «сварщический», «забойщический», «летчический» и под., хотя принципиально от основ подобного строения прилагательные с суффиксом *-еск-* возможны). Таким образом, чужеродная в литературном языке модель словообразования оттесняет исконную нейтрально-книжную модель, раздваиваясь при этом на две ветви: экспрессивно сниженных синонимов нейтрально-литературных слов (*помещицкий*, *чиновницкий* и под.) [69] и нейтральных наименований отношения к лицу по профессии. Укреплению этой модели способствуют два обстоятельства: социально-историческое (изменение состава носителей литературного языка) и структурно-языковое (закрепление чередования *к* → *ц* только за этой моделью, см. § 17).

Выводы.

В истории всех групп прилагательных, образуемых от имен лиц, наблюдались общие процессы. У прилагательных, имеющих аффикс *-ий*, в соответствии с общей тенденцией укрепления категории качества, развивались качественные значения свойственности, подобия [70], а общее значение отношения к роду лиц ослабевало, переходя к родит. пад. производящего имени. Аналогичные процессы семантической эволюции в языке XIX в. были характерны вообще для всех отсубстантивных прилагательных, противопоставленных в этом отношении прилагательным отглагольным.

В определенных сферах — с одной стороны, в разговорной речи, с другой — в специальной, терминологической — прилагательные сохраняли способность обозначать нейтральное отношение к роду лиц: в этих сферах речи в силу разных причин задерживались многие явления, соответствующие старым нормам.

Тот же процесс охватывал и прилагательные с суффиксами *-ов*, *-ин*. Однако здесь он приводил к иным результатам. Эти прилагательные были неспособны развивать качественно-характеристические значения, поэтому оттеснение их род. падежом из сферы выражения отношения к единичному лицу привело к общему угасанию этих словообразовательных типов и к сосредоточению их в разговорно-обиходной речи и просторечии.

Наряду с этими общими процессами внутреннего развития словообразовательной системы прилагательных в ней обнаруживаются изменения, обусловленные внешними воздействиями. Специфические для XIX в. связи литературного языка с народными говорами способствуют его обогащению действующими там моделями словопроизводства. Такова модель образований на *-цкий*, вступающая после 30—40-х годов в активное соотношение с распространенными в книжно-деловой речи формами и на *-ий* и книжными прилагательными на *-ескій*. В результате сложного взаимодействия между образованиями на *-цкий*, *-ескій*, *-ий*

[69] Ср.: густопсовая, армейская, *прапорщицкая* атмосфера (В. Ермилов, Ф. М. Достоевский); *сыщицкое* прекраснодушие (И. Новиков, Пушкин в изгнании, II, 5. М., 1951).

[70] См.: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 192.

модель на *-ий* утрачивает продуктивность, а суффикс *-еск-* суживает сферу своего применения. Последнему обстоятельству благоприятствует формирование производного суффикса *-ческ-*, активизировавшегося в 60—70-е годы. Он свободно присоединяется к основам на *-чик*, *-щик* (с отсечением последнего суффикса производящего слова), вытесняя в этих позициях суффикс *-еск-*.

История прилагательных, образуемых от названий животных

Условия образования прилагательных с суффиксами *-j-*, *ин-ый*, *-ов-ый*

§ 35. В конце XVIII — нач. XIX в. в литературном языке производство прилагательных от названий животных происходило преимущественно с помощью суффиксов *-ин-ый*, *-ов-ый* и *-j-* [71]. Эти прилагательные существенно отличались от нечленных прилагательных на *-ов*, *-ин* (см. § 12) наличием аффикса *-ий* и значением отношения не к единичному животному, а к роду животных (чаще всего конкретизируемого как «сделанный из шкуры или мяса животного»), свойственности роду животных (иногда с оттенком качественности)[72]. Кроме того, так же как и другие типы прилагательных, образуемых от существительных одушевленных, рассматриваемые прилагательные в сочетании с отглагольными существительными могли употребляться соотносительно с родит. пад. субъекта и объекта.

Прилагательные перечисленных типов производились от существительных мужского и женского рода с основами на твердый и мягкий согласный (в том числе *j*); перед суффиксом *-j-* происходило чередование конечных звуков основы — *ц*, *к*, *т*→*ч*, *х* → *ш*, *г*, *д* → *ж*: *заяц — заячий*, *волк — волчий*, *кречет — кречечий*, *петух — петуший*, *белуга — белужий*, *медведь — медвежий*.

Вот список прилагательных с разными суффиксами, приводимых в Словаре АР:

-и н ы й: *веприный*, *воробьиный*, *голубиный*, *гусиный*, *журавлиный*, *звериный*, *зелвиный* (*зелвь* — «черепаха», слав.), *змииный* (слав.), *кобелиный*, *козлиный*, *куриный*, *лебединый*, *лошадиный*, *львиный*, *муравьиный*, *орлиный*, *ослиный*, *перепелиный*, *пчелиный*, *скопиный* (*скопа* — птица), *соболиный*, *совиный*, *соколиный*, *соловьиный*, *тетеревиный*, *утиный*, *шмелиный*, *ястребиный*;

-о в ы й: *барсовый*, *бобровый*, *буйволовый*, *бурундуковый*, *вдо-*

[71] В единичных случаях от существительных — названий животных производились имена прилагательные с помощью суффиксов *-н-* и *-ск-*. См. раздел «История прилагательных, производимых с помощью суффиксов *-н-*, *-ов-*, *-ск-* от основ существительных неодушевленных», § 42, 47.

[72] В грамматических трудах начала XIX в. прилагательные этих типов характеризуются как притяжательные «родовые» (см.: Н. И. Греч. Простр. русск. грам., стр. 200), обозначающие принадлежность «породе животных» (см.: А. Х. Востоков. Русск. грам., стр. 47).

довый, вороновый, врановый (слав.), *дикобразовый, дроздовый, ежовый, ершовый, китовый, козловый, корольковый, котовый, кошлаковый* (*кошлак* — «молодой камчатский бобр»), *кроликовый, кротовый, лошаковый, львовый, мамонтовый, носороговый, осетровый, ословый, павлиновый, палтусовый, пауковый, песцовый, петуховый, пилюковый* (*пилюк* — птица), *псовый, пыжиковый, раковый, рябчиковый, сиговый, скворцовый, слоновый сморчковый, снятковый, страусовый, стрижовый, сурковый, сусликовый, тигровый, тресковый, ужовый, хорьковый, черепаховый, чижовый* (от основ на твердый согласный); *ворьбьевый, горностаевый, грачевый, вепревый, окуневый, омулевый, кобелевый, пискаревый, попугаевый, селезневый, угревый, шмелевый* (от основ на мягкий согласный);

-ий: *бараний, белий, веприй* (слав.), *волуий, грачий, калкуний* (*калкун* — «индейка»), *каплуний, караганий* (*караган* — «степная лисица»), *кобылий, козий, козлий* (слав.), *комарий, коровий, кравий* (слав.), *крысий, куний, курий, лисий, лососий, лосий, налимий, овний* (слав.), *олений, онагрий, орлий, осетрий, ослий, павлиний, песий, рыбий, рысий, сазаний, селезний, соболий, соколий, тараканий, тетерий, турий, тюлений, фазаний, шипуний* (*шипун* — род утки); *агнчий, бурсучий, беличий, белужий, бурундучий, волчий, заячий, ишачий, кокушечий, кошечий, куричий, куропачий, лебяжий, мерлушечий, муший, мыший, овчий* (слав.), *овечий, петуший, пиявичий, птичий, россомаший, собачий, синичий, сайгачий, севрюжий, семужий, сорочий, стерляжий, судачий, сучий, черепаший, щучий*.

Строгих закономерностей, определяющих сочетание названных выше суффиксов с производящими основами определенного значения или строения, не существовало. Благодаря этому от многих названий животных образовывались прилагательные двух и даже трех типов, между которыми не было четких семантических или стилистических различий [73]. Большинство этих дублетных образований приводится в Словаре АР и Словаре 1847 г. в одной словарной статье и обычно без каких-либо разграничений. Так, например, в Словаре АР дается:

-о в ы й, -и н ы й и *-и й*: *вепревый, веприный* и *веприй* (слав.); *воробьевый* и *воробьиный*; *кобелевый* и *кобелиный*; *козлиный, козловый, козлий* (слав.); *ослий, ослиный, ословый*; *шмелевый* и *шмелиный*;

- о в ы й и *-и й*: *осетрий* и *осетровый*; *павлиновый* и *павлиний* [74]; *песий, псовый*; *селезений, селезневый*; *лошаковый* и *лошачий*; *черепаховый, черепаший*; *петуший, петуховый* [75];

---

[73] Примеры однокоренных разносуффиксных образований см.: Н. И. Г р е ч. Простр. русск. грам., стр. 200.

[74] У ряда авторов встречается также не отмеченное в Словаре АР образование *павлиный* (Лукин, Крылов и др.).

[75] В языке XIX в. употреблялось не отмеченное в Словаре АР прилагательное *петушиный* (у Достоевского, Миклухи-Маклая и др.).

-и й и *-и н ы й* : *соколий* и *соколиный*; *курий*, *куриный*; *орлий* и *орлиный*.

Изменения в рассматриваемых словообразовательных моделях в литературном языке конца XVIII и XIX в. заключались, во-первых, в изменении круга выражаемых ими значений, во-вторых, в уменьшении словообразовательной дублетности.

Изменение значений прилагательных с суффиксами *-j-*, *-ин-ый*, *-ов-ый*

§ 36. На протяжении XIX в. не произошло значительных изменений в семантике рассматриваемых прилагательных. Наиболее существенными в этой области были два процесса: развитие качественных значений (на основе значения свойственности роду животных) и постепенное угасание употребления, соотносительного с родит. пад. субъекта и объекта. Оба эти процесса были характерны также и для истории прилагательных, образуемых от имен лиц, и шире — для истории всех отсубстантивных прилагательных, выражающих отношение к лицу и предмету.

Уже в конце XVIII — нач. XIX в. свободное употребление прилагательных соотносительно с родит. пад. субъекта и объекта было редкостью. Например, соотносительно с родит. пад. субъекта: Веревки, привязанные к сим удищам, во время *оборотов китовых* к морскому дну перерывались (Лепехин, Путеш., О Новой Земле). Свободное употребление прилагательных в сочетании с существительными, обозначающими движение, действие или состояние (типа *китовый оборот*, *собачья дружба* — в значении «дружба собак», *обезьянья работа* — «работа обезьян»), в первой половине XIX в. утрачивается. Этому способствует семантическая нечеткость подобных выражений (ср. *китовый оборот* в соотношении с *оборот кита*, где родит. пад. мог иметь как субъектное, так и объектное значение) и осложнение многих прилагательных качественными значениями (*оборот как у кита*), не свойственными сочетаниям с родит. пад.

Однако общий процесс разграничения функций прилагательного и родит. пад. соответствующего существительного осложнялся сопротивлением лексического материала. В результате постоянного употребления одних и тех же прилагательных в сочетании с определенными существительными происходила частичная фразеологизация подобных словосочетаний [76]. Так как прилагательные, производимые от названий животных, чаще всего употреблялись для обозначения животного как объекта охоты, промысла, например, *тресковый промысел* (Сл. АР, VI); *моржовый*, *белужий промысел*, *птичья* и *звериная ловля* или как производителя

[76] Ср. нетипическое, имеющее характер каламбура сочетание подобного рода в письме Вяземского: Насилу тебя дождался с твоих *стерляжьих походов* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 30 мая 1818).

какого-либо звука (*лошадиный топот*, *грачиный*, *журавлиный крик*, *соловьиная песня*, *волчий вой* и под.), такое употребление прилагательных сохраняется до конца XIX в. и в современном языке.

Наряду с вытеснением рассматриваемых прилагательных из сферы выражения чисто относительных значений шел интенсивный процесс развития у них качественно-характеристических значений («такой, как у...», «подобный кому-нибудь»): Взоры *сокольи* устремил на кровлю Сигны (Б-ка для чт., 1839, т. XXXVI, ч. 1); *муравьиная* работа людей (Некр., Саша, 4); *куриное* благочинние (Помяловск., Молотов); *лошадиная* комплекция (Там же); Широкий, так называемый «*утиный*» нос (Тург., Воспом. о Шевченко); *заячьи* идеи (Отеч. зап., 1880, июнь); *козлиное* блеяние дьячка (Сев. вестн., 1886, № 4); Наследственность матери: *лебединый* изворот, сухой «тулиновский» профиль (Эрт., Гард., 1, II); В нем есть что-то сильное, могучее, *медвежье* (Чех., Попрыгунья, 1).

Разграничение сфер действия суффиксов *-j-*, *-ин-ый*, *-ов-ый*

§ 37. О продуктивности в течение XIX в. рассматриваемых словообразовательных моделей на основе появления новообразований судить трудно, так как круг производящих основ здесь почти не пополнялся. Однако даже имеющийся материал позволяет считать, что наиболее продуктивными были типы прилагательных на *-ий* и *-иный*, а с помощью суффикса *-ов-ый* новые образования были редки: суффиксы *-ин-ый* [77] и *-j-* [78] были специализированным средством для образования прилагательных от существительных одушевленных и у́же — названий животных (ср. угасание модели на *-ий* в производстве прилагательных от имен лиц, см. § 32), тогда как суффикс *-ов-ый* специализировался на производстве прилагательных от основ существительных неодушевленных.

[77] В производстве прилагательных от имен лиц и существительных неодушевленных модель образования прилагательных на *-иный* была непродуктивной. На всем протяжении истории русского языка отмечаются лишь отдельные образования этого рода: устарелые уже в начале XIX в. *татиный* (от *тать*, ср. *татский*), *волостелиный* (*волостель* — «начальник над волостью»). В языке XIX в. употребительны: *иглиный* (ср. более распространенное *игольный*) и *гостиный* («принадлежащий гостю или гостям». Сл. 1847 г.), например: *иглиное* ушко (Гоголь, Шинель); *гостиные* фразы (В. Одоевск, Русск. ночи, 8); раздаются *гостиные* голоса (Леск., Ст. годы в с. Плодомасове, 1,8). Ср. *тополиный*, по-видимому, более позднее.

[78] Суффикс *-j-* производил прилагательные только от основ существительных одушевленных, что отмечал еще Г. П. Павский («Филологические наблюдения». Рассужд. II, стр. 34). Характерно, что присоединение этого суффикса к основам существительных неодушевленных могло использоваться в художественной речи как средство персонификации, например: *океаний* грохот и вой прибоя волн (М. Г., Расск. о безответн. любви).

Этим обстоятельством объясняется, по-видимому, тенденция к семантической дифференциации рассматриваемых типов прилагательных. Прилагательные на *-овый* преимущественно употреблялись с относительным значением («сделанный из мяса, кожи, шкуры... животного»): *тигровые* и *леопардовые* меха (Моск. телеграф, 1826, № 5); *слоновая* кость (Там же); *носороговый* гребень, *бобровый* околыш, *енотовая* шуба, *мерлушковая*, *смушковая* шапка. См. толкование слова *байбачий* в Словаре 1847 г., в котором очень ясно проявляется различие в значениях между прилагательными на *-ий* и на *-овый*: «*Байбачий*... 1) Принадлежащий байбаку. 2) Сделанный из *байбаковой* шкуры».

При наличии нескольких разносуффиксных образований от одной основы за прилагательным с суффиксом *-ов-* обычно закреплялось относительное значение, ср. *идти черепашьим шагом* и *черепаховое пенснэ*, *черепаховый гребень*, *суп*; *козлиная борода* и *козловые сапоги*, *раковый суп* и *рачьи клешни*. Прилагательные на *-овый*, однако, могли иметь и другие значения (типической свойственности, принадлежности): В кокетстве андалузки проступает что-то *тигровое* (В. Боткин, Письма об Исп., Совр., 1847, дек.; ср. современное *тигриное*); Найдено... несколько *мамонтовых* костей (Отеч. зап., 1839, т. VII); Там и сям обрызганы были камни кровью... только чьей кровью? *Тигровой* ли? Аммалатовой ли? (Марл., Ам.-Бек, III); Хвост *скорпионовым* жалом снабжен (Фет, Аваддон). В последних примерах падежная форма может быть понята двояко: как форма от прилагательного на *-ов* и на *-овый*.

Общим сокращением продуктивности модели образования прилагательных на *-овый* объясняется, по-видимому, тот факт, что значительная часть таких прилагательных вытесняется образованиями на *-ий* и *-иный*: *кроликовый* (*кроличий*), *барсуковый* (*барсучий*), *барановый* (*бараний*), *павлиновый* (*павлиний*), *тюленевый* (*тюлений*), *тигровый* (*тигриный*), *кобелевый* (*кобелиный*), *шмелевый* (*шмелиный*), *воробьевый* (*воробьиный*), *львовый* (*львиный*), *грачевый* (*грачиный*), *ословый* (*ослиный*), *петуховый* (*петушиный*).

Кроме отмеченной тенденции к семантической дифференциации трех продуктивных моделей словопроизводства, существовали тенденции их разграничения, имеющие структурный характер. Так, наиболее старый и продуктивный суффикс *-j-*[79] в силу своей краткости тяготел к сочетанию с основами, состоящими из двух и более слогов, так как прилагательные на *-ий*, образован-

[79] Характерно, что в Словаре АР многие прилагательные на *-ий* снабжены пометой «слав.», свидетельствующей о продуктивности этой словообразовательной модели в старославянском языке и о том, что многие из подобных слов проникали в русский язык как лексические заимствования. Среди прилагательных на *-иный* и *-овый* прилагательные с пометой «слав.» единичны.

ные от слов с односложной основой, были, по-видимому, маловыразительны, а при наличии чередований на стыке основы и суффикса не имели четкой соотносительности с производящими существительными.

На протяжении XIX в. ряд образований на *-ий* от односложных основ вытесняется образованиями на *-иный*: *муший* (*мушиный*), *козлий* (*козлиный*), *орлий* (*орлиный*), *ослий* (*ослиный*), *лосий* (*лосиный*), *курий* (*куриный*), *грачий* (*грачиный*), *крысий* (*крысиный*), *турий* (*туриный*), *мыший* (*мышиный*).

Интересно, что в Словаре АР даются только: *турий*, *мыший*, *петуший*, *крысий*, *волчий*, *муший*. Ср. употребление прилагательных на *-ий* в текстах: *петушья* голова (Пушк., Е. О., 5, XVI); *петушьи* перья (Моск. телеграф, 1826, № 6); *турий* рог (А. К.Толст., Поток-богатырь); *крысий* хвост (Гонч., Фр. «Пал.», Русск. в Японии).

Однако далеко не все образования от односложных основ с суффиксом *-j-* уходят от языка. Сохраняются до наших дней такие прилагательные, как *волчий*, *песий*, *щучий*, *птичий*, *рысий*, *лисий*, *бычий* и ряд других [80].

Таким образом, две наиболее продуктивные модели делят сферы своего применения: суффикс *-j-* избегает сочетания с односложными основами, уступая их суффиксу *-ин-ый*.

§ 38. В некоторых случаях, несмотря на общую малую продуктивность суффикса *-ов-ый* в производстве прилагательных от названий животных, такие образования оказывались более живучими, чем прилагательные на *-иный* и *-ий*. Это объясняется тем, что прилагательные на *-овый* образуются без чередования звуков перед суффиксом, благодаря чему их состав и соотносительность с производящими существительными оказываются более четкими. Это явление также свидетельствует о росте агглютинативности в словопроизводстве, победе суффиксальных морфем, свободно приклеиваемых к корневым (ср. выше замечания о производном суффиксе *-ческ-*, § 19).

Так, на протяжении XIX в. прилагательными с суффиксом *-ов-* вытесняются прилагательные *смушачий*, *мерлушечий*, *сайгачий*, *бурундучий*, *сурчиный*; соответственно возобладали: *смушковый*, *мерлушковый*, *сайгаковый*, *бурундуковый*, *сурковый*. Ср. также утрату таких образований, как *судачий*, *сорочий*, *синичий*, *пиявичий*, *горличий*, *кречечий*, *росомаший*. Вообще, по-видимому, прилагательные на *-ий* перестают свободно образовываться от основ на *-т* и *-ц*, хотя отдельные старые образования с чередованием *ц* → *ч* устойчиво держатся в языке (ср. *заячий*, *птичий* и др.).

---

[80] При образовании прилагательных от слов с односложной основой продуктивный тип на *-ий* иногда уступает место малопродуктивным образованиям на *-ачий*. Ср. *гагачий* при отсутствии формы «гажий», ср. также широкое употребление наряду со словом *бычий* образования *бычачий*. См. об этом § 39.

Дублетность прилагательных, образованных от названий животных, характерная для начала XIX в., не изживается полностью. Часть дублетных образований сохранила употребительность на протяжении всего XIX в. и в наши дни. Кроме того, процесс устранения дублетности не подчинялся строго отмеченным выше тенденциям, а лишь направлялся ими. Во многих случаях он имел чисто лексический характер. Происходит лексический отбор — из разносуффиксных однокоренных прилагательных сохраняется одно, причем во многих случаях судьба отдельных слов была индивидуальной, т. е. многие прилагательные, бытовавшие в XIX в., утратились не по причине ослабления продуктивности той или иной словообразовательной модели и не по причине вытеснения их словообразовательными дублетами, а в силу причин, имеющих индивидуальный лексический характер: неудобопроизносимость тех или иных прилагательных, отсутствие ясных связей с производящими основами из-за чередований звуков в основе, явления омонимии и под. В ряде случаев от существительных аналогичного строения и значения сохраняются прилагательные различных типов. Ср. например, ряд разносуффиксных прилагательных, произведенных от существительных с односложной основой: *рысий*, *волчий*, но *слоновый*, *моржовый*; *мышиный*, *куриный*. Ср. также уход из употребления ряда прилагательных на *-ий* типа *комарий*, *коршуний*, *осетрий* и т. д., имеющих четкую соотносительность с производящими существительными.

Закрепленность определенных основ в сочетании с определенными суффиксами приводит к тому, что их словообразовательные варианты начинают восприниматься как отклонение от нормы и приобретают способность употребляться в качестве стилистически окрашенного средства. Так, например, в сравнении с нейтральными *волчий* и *куриный* прилагательные *волчиный* и *куричий* [81] (закономерное образование от *курица*) звучат как просторечные или диалектные: Спускали родимого в прорубь, Под *куричий* клали насест (Некр., Мороз, Красн. нос, 1, XII); [П е т р о в и ч] На баб-то дивиться нечего, на них *куричья* слепота бывает (Остр., Не было ни гроша, III, 1); Аношка тотчас же подхватил: «Повадка *волчиная* — лик-ат андельский!» (Эрт., Гард., 1, IX).

Прилагательные с суффиксом *-ач-*

§ 39. При образовании прилагательных на *-ий* от названий детенышей (с суффиксом *-ата* во мн. ч.) [82] в результате чередования *т→ч* образовался вариантный суффикс *-ач-* (передававшийся

[81] В Словаре 1847 г. дается без стилистических помет: «*Куричий*. Свойственный курице; куриный, курий».

[82] В Словаре АР следующие прилагательные на *-ачий* соотносятся с названиями детенышей: *жеребячий*, *козлячий*, *котячий*, *поросячий*, *телячий*, *цыплячий*, *щеглячий*, *щенячий*, *ягнячий*.

на письме в безударном положении как *-еч-* или *-ич-*). Выделившись из основ этого типа, суффикс *-ач-* стал присоединяться к существительным, не обозначающим детенышей и не имеющим форм на *-ата*. Так, наряду с прилагательными *поросячий* и *цыплячий* в Словаре АР отмечены прилагательные *свинячий* (с толкованием «свиньям принадлежащий, свойственный»), *курячий* (в значении «куриный»). В Словаре АР приводятся также: *бычачий*, *гагачий*, *голубячий*, *горностаечий*, *грачачий*, *гусячий*, *дроздячий*, *крысячий*, *лисячий*, *мышачий*, *попугаичий*, *перепелячий*, *пташечий*, *росомашечий*, *утячий*, *ястребячий*. Соотносить эти прилагательные с названиями детенышей на *-ата* и, соответственно, выделять в них суффикс *-j-*, а не *-ач-*, нет оснований, так как: 1) при многих прилагательных не было соответствующих существительных с суффиксом *-ата*; 2) по значению эти прилагательные соотносятся с названиями взрослых животных, а не детенышей; 3) некоторые прилагательные даются в словарях как дублетные образования к прилагательным на *-иный*, *-овый*, *-ий*, не связанным с названиями детенышей [83]. Например, в Словаре АР:

-и н ы й, *-а ч и й*: *ястребиный* и *ястребячий*; *гусиный* и *гусячий*; *перепелиный* и *перепелячий* («*Перепелиные* перья. *Перепелячий* крик»); *утиный* и *утячий* («*Утиные* перья. *Утиные* яйца. *Утячье* гнездо»); *голубиный*, *голубячий*;

-и й, *-а ч и й*: *бычачий* и *бычий*; *крысий* и *крысячий*; *лисий* и *лисячий*; *росомаший* и *росомашечий*; *мыший* и *мышачий*;

-а ч и й, *-и й* и *о в ы й*: *грачачий*, *грачий* и *грачевый*; *горностаевый* и *горностаечий*, *дроздовый* и *дроздячий*.

Прилагательные с суффиксом *-ач-*, не соотносительные с названиями детенышей, были малоупотребительны. Так, например, в Словаре АР их нередко помещают без примеров, часто, по-видимому, в виде лишь теоретически возможного дублета. В литературном языке конца XVIII — первой половины XIX в. употреблялось лишь незначительное число таких образований, преимущественно произведенных от односложных основ [84], где применение суффикса *-j-* было затруднено:

Нерпичья кожа (Лепехин, Путеш., г. Архангельской); *нерпичьи* кожи (Н. Полевой, Ист. русск. народа, 5, VI); *гагачий* пух (В. Е., 1802, № 9); *бычачий* рог (Примеч. А. Х. Востокова к поэме «Светлана и Мстислав»); *бычачьи* рога (Моск. телеграф, 1826, № 6); Голова *конячья* стоила... полфунта серебра (Погодин, Норманск. период русск. ист., Вел. кн. Святослав); человек *бычачей* силы (Тург., Лит. и жит. воспом., VI); *бычачья* нога (Гонч., Фр. «Пал.», На мысе Доброй Надежды).

---

[83] Наличие прилагательных на *-ачий*, не соотносительных с названиями детенышей, отмечал Г. П. Павский (указ. соч., стр. 35).

[84] Связь образований на *-ачий* преимущественно с односложными основами отмечал еще Н. И. Греч («Простр. русск. грам.», стр. 200).

Тип прилагательных на *-ачий* не получил большой продуктивности в литературном языке. Те из них, которые сохранились, приобрели стилистическую окраску просторечности [85] и функционируют в качестве экспрессивно-сниженных синонимов к прилагательным с другими суффиксами. Вот некоторые примеры употребления таких прилагательных как экспрессивно-выразительного средства: Ах ты, таракан, *курячий* сын! (Горбунов, Сцены из народн. быта. ЛК); Буфетчик опять стал ему посылать вместо «куричьего супу» — «*свинячьи* котлеты» (Леск., Шерамур, 11).

В современном языке суффикс *-ач-* сохраняет потенциальную продуктивность, о чем свидетельствует появление новообразований [86]. Существование этого суффикса поддерживают многочисленные прилагательные, образованные от названий существительных на *-ата,* в которых элемент *-ач-* относится к основе.

Выводы.

Для истории прилагательных, образуемых от названий животных, были характерны те же процессы, что и для истории прилагательных, производимых от имен лиц: активное развитие качественных значений; утрата употребления, соотносительного с родит. над. субъекта и объекта; размежевание словообразовательных моделей, действующих в кругу однородных основ, и изживание словообразовательной дублетности. Последний процесс был особенно существен для истории рассматриваемых прилагательных. На протяжении XIX в. три продуктивные словообразовательные модели, используемые для их производства, разграничиваются по сферам употребления. Тенденции их дифференциации (семантические и структурные) сводятся в основном к следующему: преимущественное закрепление образований на *-овый* за выражением чисто относительных значений; тяготение суффикса *-j-* к сочетанию с неодносложными основами; при общей небольшой продуктивности суффикса *-овый* в этой сфере образований его частое использование в сочетании с основами, дающими перед суффиксами *-j-* и *-ин-* чередования, затемняющие соотносительность между прилагательным и производящим существительным. Посреднее явление характеризует рост агглютинативности словообразовательной системы языка.

---

[85] В Словаре АН СССР такие прилагательные, как *гусячий*, *курячий*, *мышачий*, даются с пометой «в просторечии».

[86] См.: Н. А. Янко-Триницкая. Производящие основы на *-ат-* и суффиксы, включающие элемент *-ат-*, в совр. русск. языке (печатается в «Уч. зап. ЛГУ»). Ср. индивидуальное образование Макаренко: живые *хлопчачьи* морды (Пед. поэма, 3, 12).

ИСТОРИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСАМИ *-Н-*, *-ОВ-*, *-СК-* И ИХ ПРОИЗВОДНЫМИ, ОБРАЗУЕМЫХ ОТ ОСНОВ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НЕОДУШЕВЛЕННЫХ[87]

Отсубстантивные прилагательные с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-* на всем протяжении истории русского языка характеризовались некоторыми общими свойствами: общностью производящих основ (основы существительных неодушевленных), семантики (они выражали отношение к предмету, названному производящей основой), способностью развивать качественные значения. Однако между ними были и существенные различия: каждый из названных суффиксов тяготел к соединению с определенными группами производящих основ, с чем была связана и спецификация значений соответствующих прилагательных, и особый характер развития в них качественных значений.

Краткая характеристика прилагательных с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-* в древнейший период

§ 40. Суффиксы *-н-*, *-ов-* и *-ск-* относятся к числу древнейших и наиболее продуктивных формантов, образующих прилагательные. Из них суффикс *-н-* самый широкий по своим связям с производящими основами и по значению [88]. Посредством суффикса *-н-* в древнерусском языке образовывались прилагательные от основ существительных самой разнообразной семантики [89], обозначающие разные виды отношения к предмету и нередко выступающие в той

---

[87] Лексически ограниченная группа прилагательных с суффиксом *-н-*, образуемых от существительных одушевленных, типа *кустарный*, *слесарный*, *инженерный*, но не обозначающих принадлежность или свойственность лицу, также рассматривается в настоящем разделе, так как по характеру выражаемых ими значений эти прилагательные далеки от прилагательных, образуемых от основ существительных одушевленных, и сближаются с прилагательными, изучаемыми в этом разделе.

[88] См. об этом: Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика. Нежин, 1916, стр. 369—370. См. также: M. Brodowska-Honowska. Podstawowe cechy derywacji przymiotników w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. «Z polskich studiów sławistycznych». Warszawa, 1958, стр. 65. Широта словообразовательных связей суффикса *-н-* проявлялась в том, что, помимо использования для производства отсубстантивных прилагательных, этот суффикс и его производные были главными средствами образования прилагательных от других частей речи (глаголов, наречий, числительных) и предложно-падежных конструкций. В этом последнем случае суффикс *-н-* занимал господствующую позицию.

[89] См.: В. Д. Романовская. Образование относительных прилагательных в древнерусском языке. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. III. 1954, стр. 44—48; Е. А. Охомуш. Суффиксы прилагательных *-н-*, *-ск-* в русском языке (На материале исторических повестей XVI и XVII вв.). «Наукові зап. Дніпропетр. держ. ун-ту», т. 64. Мовознавство, в. 15, 1958, стр. 44—50.

же функции, что и косвенные падежи существительного, чаще всего синонимично родит. пад. беспредложному.

Ограничения словообразовательной активности суффикса *-н-* были двух родов: 1) семантические: этот формант почти не давал образований от основ существительных одушевленных [90] (что резко отличало его от суффикса *-ск-*, широко употребительного в сочетании с основами имен лиц) и 2) структурные: после падения редуцированных и превращения суффикса *-ьн-* в *-н-* создались ограничения в присоединении этого форманта к основам, имеющим в исходе группы согласных. Вне этих ограничений суффикс *-н-* был очень продуктивен в образовании прилагательных от основ существительных неодушевленных вплоть до начала изучаемого периода.

§ 41. Суффикс *-ов-*, по происхождению связанный с основами на *-й* [91], в отличие от суффикса *-н-*, имел ограниченную сферу применения. В древнейшую эпоху с его помощью производились прилагательные только от основ существительных, первоначально от основ мужского рода на *-й*, затем и от других основ (мужского и среднего рода на *-о*, женского рода на *-а*) [92]. Образование имен прилагательных с суффиксом *-ов-* от основ других частей речи было непродуктивно [93].

Прилагательные с суффиксом *-ов-* так же, как и прилагательные с суффиксом *-н-*, выражали широкое недифференцированное отношение к предмету, обозначенному производящей основой, и часто выступали в тех же функциях, что и косвенные падежи существительных. Специфическая связь с основами существительных одушевленных — именами лиц и названиями животных — способствовала развитию у этих прилагательных притяжательного значения [94], связь же с основами существительных неоду-

---

[90] См.: В. Д. Романовская. Указ. соч., стр. 44; Е. А. Охомуш (указ. соч., стр. 44, 49) в исторических повестях XVI—XVII вв. отмечает лишь пять прилагательных с суффиксом *-н-*, произведенных от основ существительных одушевленных: *человечный*, *супружный*, *птичный*, *овечный* и *конный*.

[91] «Суффикс *-огъ* представляет расширение суффиксом *-о-* формы род. пад. основ на *-и*» (Г. А. Ильинский. Указ. соч., стр. 368).

[92] См., например.: H. Hartmann. Studien über die Betonnung der Adjektiva im Russischen. Leipzig, 1936, стр. 2—3; И. П. Зверковская. Прилагательные с суффиксами *-ов-* и *-овьн-* в древнерусском языке (На материале памятников XI—XV вв.). «Историческая грамматика и лексикология русского языка». Изд-во АН СССР, 1962.

[93] В старославянском языке исследователи отмечают немногочисленные прилагательные с суффиксом *-овъ*, произведенные от основ прилагательных и местоимений (*истовъ*, *готовъ*, *суровъ*, *таковъ*, *каковъ*, *сицевъ*); см.: M. Brodowska-Honowska, Staro-cerkiewno-słowiańskie przymiotniki o sufiksie *-ogъ*..., стр. 208. Ср. единичные образования с суффиксом *-ов-* от основ прилагательных в русском языке: *легковой*, *беловой*, *черновой*, *истовый*. Этот тип словообразования остается непродуктивным на всем протяжении истории русского языка.

[94] См. там же, стр. 214—215, 222.

шевленных с предметным значением, значительную часть которых составляли названия растений [95] и разного рода материалов, благоприятствовала тому, что прилагательные с суффиксом *-ов-* специализировались на выражении значения происхождения, отношения к материалу [96]. Однако, по-видимому, связь с основами существительных неодушевленных была у суффикса *-ов-* вторичной. В древнейших памятниках старославянского [97] и русского [98] языка прилагательные с суффиксом *-овъ*, образованные от основ существительных неодушевленных, редки.

В древнерусском языке происходило размежевание прилагательных с суффиксом *-ов-*, образованных от имен лиц, с одной стороны, и от существительных неодушевленных и названий животных, с другой. Первые сохранили за собой нечленную форму, вторые, приобретя большу́ю продуктивность, стали употребляться только в членной форме [99]. Нарушения этой закономерности редки [100].

Широкое образование имен прилагательных с суффиксом *-ов-* от основ существительных неодушевленных, свободное сочетание этого суффикса не только с бывшими основами мужского рода

---

[95] См.: А. Л е с к и н. Грамматика старославянского языка. М., 1890, стр. 138.

[96] См.: Г. А. И л ь и н с к и й. Указ. соч., стр. 368.

[97] M. Brodowska-Honowska в статье «Staro-cerkiewno-słowiańskie przymiotniki o sufiksie *-ovъ*...» отмечает единичные образования от основ существительных неодушевленных: *громовъ*, *юговъ*, *сѣверовъ*, *дъждевъ*, *адовъ*, *киносовъ* (объясняя их образование персонификацией); среди них от названий растений: *трьновъ*, *аворовъ*; от названий рек и мест: *иерусалимовъ*, *иеръдановъ*, *сионовъ*, *ханаановъ* (стр. 206—208).

[98] «*Овъ* от основ неодушевленных существительных производит прилагательные, близкие прилагательным с суфф. *-ьн-*, со значением «сделанный, изготовленный из чего-либо» (*древеовъ хлѣбъ*, *вѣнець терновъ*, *листъ липовъ*, *кору березову*)» (см.: В. Д. Р о м а н о в с к а я. Словообразование прилагательных в древнерусском языке (На материале Радзивиловской летописи). Канд. дисс. М., 1953, стр. 138—139). См. также: А. А. С п а г и с. Суффиксы имен прилагательных по древнерусским памятникам XI в. (Остромирово, Архангельское и Реймское евангелия). Канд. дисс. [б. г.]. Латвийский гос. ун-т; Н. И. Б у к а т е в и ч. Главнейшие суффиксы прилагательных в древнерусском лит. языке. «Праці Одеського держ. ун-ту», рік XV, т. 149. Серія філол. наук, в. 9. 1959, стр. 159.

[99] См.: В. Д. Р о м а н о в с к а я. Указ. дисс., стр. 139.

[100] На всем протяжении истории русского языка прилагательные на *-овый*, произведенные от имен лиц, единичны. Ср. исторические термины *истцовый* (*истец*), *писцовый* (*писец*) и прилагательные *мастеровой*, *стрелковый* (ср. *стрелецкий*), *карликовый* (со значением свойственности или обобщенно-качественным значением «маленький»), *гостевой* (образовать от основы *гость*, кончающейся на два согласных, прилагательное с суффиксом *-ск-* затруднительно; ср. редко употребительное *гостиный* — с суффиксом *-ин-*); единичные индивидуальные образования: *мужевой* (Эрт., Гард., 1, X); *самоучковый* почерк (Леск., Павлин, IV). Образования нашего времени *малютковый*, *мальчиковый*, *подростковый*, обозначающие «предназначенный для...», четко отличаются по значению от соответствующих притяжательных прилагательных.

на *-ŭ*, но и с основами мужского и среднего рода на *-о*, с основами женского рода на *-а*, т. е. с основами, в сочетании с которыми функционировал суффикс *-н-*, приводило к созданию параллельных образований от одних и тех же основ, особенно от основ существительных с конкретными значениями, среди них чаще всего от названий растений [101].

§ 42. В ряду суффиксов, используемых для образования отсубстантивных относительных прилагательных, суффикс *-ск-* занимает особое место по своим связям с производящими основами, по кругу значений, выражаемых соответствующими прилагательными, и по взаимоотношениям с другими словообразовательными формантами.

Принадлежа к числу древнейших продуктивных славянских суффиксов, происхождение которого остается, однако, не вполне ясным [102], суффикс *-ск-* уже в старославянском языке использовал в качестве производящих основ только основы существительных — имен лиц, собственных и нарицательных [103], и существительных с пространственным значением, значительную часть которых составляли названия стран, городов, рек и т. п. [104] Сочетания этого суффикса с основами другой семантики были единичны [105]. Такая спецификация сферы применения суффикса *-ск-* обусловила определенность его значения: он обозначал отношение к лицу или группе лиц обычно как принадлежность и отношение к местности как происхождение из нее, на основе чего развивались своеобразные качественные значения (чаще всего типической свойственности лицу или группе лиц), не синонимичные родит. пад. ед. или мн. ч. соответствующего существительного (что было характерно для прилагательных с суффиксом *-ск-* с относительным значением), а содержащие некоторый дополнительный лексический оттенок [106].

---

[101] Многочисленные параллельные образования этого рода приводит в указанной работе H. Hartmann, стр. 3—4.

[102] A. Meillet считает суфикс *-ĭský* германским заимствованием (см. «Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave», II, Paris,1905, стр. 332); Г. А. Ильинский, устанавливая родство этого суффикса с лит. *-iskas* и герм. *-iska*, связывает его происхождение с основами на *-s-*, «после того, как они соединились с суфф. *-ко-*» (указ. соч., стр. 379).

[103] В этом случае суффикс *-ск-* выступал в кругу тех же основ, что и продуктивный суффикс притяжательных прилагательных *-овъ*, отличаясь от него по значению: «Имя прилагательное на *-ьскъ* в известной мере трактуется как притяжательное прилагательное; суфф. *-ьскъ* в этом случае образует производные прилагательные от групп в отличие от притяжательных прилагательных на *-овъ* и др., образуемых от названий отдельных лиц: *женьскъ* «принадлежащий, свойственный женам», *июдьискъ* «принадлежащий, свойственный иудеям»...» (А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку, стр. 235).

[104] См.: Г. А. И л ь и н с к и й. Указ. соч., стр. 379; A. M e i l l e t. Указ. соч., стр. 331.

[105] В статье «Podstawowe cechy derywacji przymiotników...» M. Brodowska-Honowska отмечает прилагательные с глагольными корнями *побраньскъ* и *разбоискъ* (стр. 64).

[106] Интересны цифровые данные сопоставления в греческом и старосла-

Определенность и узость связей суффикса *-ск-* с производящими основами обусловливала отсутствие большого количества образований, производимых от одних и тех же основ с помощью суффикса *-ск-* и каких-либо других суффиксов, хотя отдельные параллельные образования такого рода встречались [107].

Для истории русского языка характерно продолжение тех словообразовательных связей суффикса *-ск-* с производящими основами, которые ему были свойственны ранее. Вплоть до XVII—нач. XVIII в. с помощью суффикса *-ск-* образовывались прилагательные только от основ личных существительных мужского рода [108], от существительных с пространственным значением (географических названий и имен нарицательных, типа *иерусалимский*, *морской*, *мирской*, *земский*, *странский*), а также от некоторых существительных, обозначающих общественные учреждения, коллективы людей и т. п. (*монастырский*, *посацкий*, *городской*) и лишь в редких случаях от названий животных (*конский*, *зверский*. *собацкий*, *свинский*, *скотский* — от собирательного *скот*) [109]. В сферу словообразовательных связей суффикса *-ск-* включались также некоторые существительные с временным значением — названия месяцев и церковных праздников: *сентябрьский*, *ноябрьский*, и т. д.; *успенский*, *благовещенский*, *воздвиженский* и под.

Образование прилагательных от существительных нарицательных с пространственным значением могло производиться с помощью суффиксов *-ск-* и *-н-*, что приводило к появлению дублетных образований такого типа, как *теремьский* — *теремьный*, *северьский* — *северный*, *мирьский* — *мирьный*, *баньский* — *банный*, *городьский* — *городьный*, *страньский* («относящийся к *стране*») — *странный*, *посацкий* — *посадный*, *градский* — *градный* [110].

Таковы были связи с производящими основами и значения суффиксов *-н-*, *-ов-*, *-ск-* к началу изучаемого периода.

вянском текстах старославянского прилагательного и его греческого соответствия. Прилагательным на *-овъ* и *-инъ* в 100% случаев соответствует родит. ед. в греческом тексте; прилагательным на *-ьскъ* в 26% случаев соответствует родит. ед., в 33% — родит. мн. и в 41%— прилагательное (см.: M. Brodowska-Honowska. Podstawowe cechy derywacji przymiotników..., стр. 67).

[107] Ср. у А. Вайана: «Между суффиксом *-ьскъ* и *-ьнъ* наблюдается колебание; прилагательным старых текстов *земьскъ*, *земльскъ*, *небесьскъ* позднее предпочитают формы *земьнъ*, *небесьнъ* (указ. соч., стр. 235); см. также: M. Brodowska-Honowska. Staro-cerkiewno-słowiańskie przymiotniki o sufiksie *-ovъ*..., стр. 208. Параллельные образования с суффиксами *-ск-* и *-н-* отмечает H. Hartmann (указ. соч., стр. 5).

[108] Образования от имен существительных женского рода единичны; см. § 14.

[109] См.: В. Д. Романовская. Указ. дисс.; Е. А. Охомуш. Указ. соч.

[110] См.: В. Д. Романовская. Образование относительных прилагательных в древнерусском языке, стр. 41, 42, 45; Е. А. Охомуш. Указ. соч.; Г. Ф. Плотицына. Параллельные образования с суффиксами *-н-* и *-ов-*, *-н-* и *-ск-*. «Уч. зап. Курганского пед. ин-та», вып. 2, 1959, стр. 95.

§ 43. Отсубстантивные прилагательные с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-* могли приобретать качественные значения. Особенно активны в этом отношении были прилагательные с суффиксом *-н-*. Этому способствовало то, что с приобретением качественных значений прилагательные на *-ный* получали и морфологические свойства качественных прилагательных — способность образовывать формы степеней сравнения, наречия на *-о*, отвлеченные существительные на *-ость*, тогда как прилагательные с суффиксом *-ск-* форм степеней сравнения не образовывали, а прилагательные с суффиксом- *ов-* имели их в редких случаях.

Кроме того, самый характер качественных значений, приобретаемых этими прилагательными, был неодинаков. У прилагательных с суффиксом *-ск-* качественные значения развивались на основе расширения значения принадлежности (лицу или коллективу), обобщенно-качественного переосмысления его в значение свойственности. Значительно реже качественные значения развивались у прилагательных, образованных от существительных неодушевленных (ср. качественные значения прилагательных *адский*, *райский*, *светский* — от *свет* «высшее общество» и под.). С развитием качественных значений прилагательные на *-ский* получали изредка реализуемую возможность образовывать отвлеченные существительные с суффиксом *-ость* (типа *детскость*, *светскость*, *зверскость*, *людскость*) и краткие формы [111].

Прилагательные на *-ов-ый*, связанные преимущественно с основами предметного значения, приобретали качественные значения реже. Для них характерно обозначение отношения к предмету.

Процесс развития качественных значений у отсубстантивных прилагательных с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-* начался еще в древнерусском языке и становился все более интенсивным по направлению к нашему времени.

История прилагательных с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-* в XIX в.

История прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-*

Условия образования прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-* в конце XVIII — нач. XIX в.

§ 44. В сочетании с основами существительных неодушевленных суффиксы *-н-* и *-ов-* сохраняли большую продуктивность на всем протяжении XIX в.

Суффикс *-н-* широко использовался для производства прилагательных от русских и иноязычных основ разной семантики и

[111] Например: Но поп, будучи *светск*, показал хитрость... (Леск., Заметки неизвестн., Об иностр. предиканте).

различного строения. Ограничения его действия были следующими. С помощью суффикса *-н-* почти не образовывались прилагательные от названий коллективов лиц, учреждений, идейных и политических течений, географических наименований. В этих случаях использовался суффикс *-ск-* и его производные. С точки зрения строения производящих основ ограничением для производства прилагательных с этим суффиксом могло являться: а) скопление согласных на конце основы существительного (особенно односложного или двусложного), кроме сочетаний с конечным *д*, *т* (таких, как *ст*, *кт*, *зд* и под.) и сочетаний, в которых один из звуков был сонорным, ср.: *эффектный*, *дефектный*, *уездный*, *резервный*, *конкурсный* и под.; б) чередование звуков на стыке основы и аффикса, затемняющее связь прилагательного с производящим существительным, создающее омонимические совпадения с другими словами [112]. Многие прилагательные на *-ный*, в которых соотносительность с производящими основами затемнялась явлениями омонимии, вытесняются образованиями с суффиксом *-ов-*. Так, из однокоренных образований с разными суффиксами от существительных *берег*, *час*, *ложе* в употреблении сохраняются прилагательные с суффиксом *-ов-* (*береговой*, *часовой*, *ложевой*), а прилагательные с суффиксом *-н-* (*бережный*, *часный*, *ложный*) перестают употребляться.

В текстах конца XVIII — нач. XIX в. встречается прилагательное *метальный* (ср. *метальный* от *метать*): *метальные* части [посуды] (Новиков, О воспит. и наставл. детей); магнитная или квасцовая земля, или *метальная* (Радищ., Описание моего влад.); *метальный*, звонкий [язык] (Языков, К. К. Павловой); *метальная* и глиняная посуда (Хоз. зап., 1813, т. IV). Позднее это прилагательное перестает употребляться и заменяется образованиями *металловый* (тоже недолго просуществовавшим в языке) и *металлический*.

В сложных словах и приставочных образованиях ограничений в производстве прилагательных с суффиксом *-н-* могло не быть; так создавались пары разносуффиксных образований: *береговой*, но *правобережный*; *подмосковный*, но *московский*.

Присоединение суффикса *-ов-* к основе существительного не вызывало чередований. Поэтому с его помощью производились прилагательные от существительных разного строения [113], в том

---

[112] См.: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 222; его же. Об омонимии и смежных явлениях. ВЯ, № 5, 1960. Аналогичные явления наблюдаются в других славянских языках. Так, в словацком языке действует тенденция избегать образований с суффиксом *-ný*, в которых бы возникало скопление согласных или их чередование. См.: J. Horecký. Pridané mená s priponami *-ný* a *-ový*. «Slovenske odborne nazvoslovie», № 3, Bratislava, 1955, стр. 99.

[113] Производство с помощью суффикса *-ов-* прилагательных от слов других частей речи в конце XVIII — нач. XIX в. было непродуктивным, как и в более раннее время. См.: Г. П. Павский. Филологические наблюдения. Рассужд. II, стр. 43.

числе с основой на два и более согласных: *бланковый*, *гербовый*, *фланговый*, *банковый*, *финансовый* и др. Со стороны семантики производящих основ ограничения словообразовательных связей суффикса *-ов-* были более значительными. Прилагательные на *-ов-* редко производились от существительных отвлеченного значения. Основной сферой действия этого суффикса продолжали оставаться основы существительных с конкретным значением, преимущественно названия материала (в широком смысле), растений, минералов.

Конструктивные свойства суффикса *-ов-* (отсутствие чередований перед суффиксом, свобода сочетаемости с основами, кончающимися на группы согласных) приводили к тому, что многие прилагательные с суффиксом *-н-* от существительных с основой на *к*, *г* (среди них особенно многочисленны образования с суффиксами *-ка*, *-ник*, *-чик*), отмечаемые словарями первой половины XIX в., были вытеснены употреблявшимися параллельно с ними прилагательными на *-овый*. Например: *золотниковый* и *золотничный*, *рожковый* и *рожечный*, *слитковый* и *слиточный*, *смычковый* и *смычечный*, *шеренговый* и *шереножный*, *струговый* и *стружечный*, *лыковый* и *лычный*. Однако указанные ограничения действия суффикса *-н-* проявлялись не как строгая закономерность, а как тенденция его функционирования (ср. *тачечный* с вставным *е* и вытесненное из языка *тачковый*).

Вовлечение в сферу действия суффикса *-н-* основ существительных одушевленных

Прилагательные с суффиксом *-н-*, образованные от имен лиц. Их соотношение с прилагательными с суффиксом *-ск-*

§ 45. По-видимому, в начале XVIII в. происходит расширение словообразовательных связей суффикса *-н-*: он начинает использоваться для образования прилагательных от основ личных существительных — названий лиц по профессии или экспрессивно-характеристических названий по действию [114]: *бомбардирный*, *токарный*, *ветеринарный*, *гончарный*, *инженерный*, *слесарный*, *бочарный*, *малярный*, *балагурный*, *обжорный*, *бахвальный*, *дантистный*, *банкрутный*, *клеврётный*, *волокитный*, *баламутный*, *скаредный*, *ретроградный*, *инвалидный*, *ерыжный*, *забулдыжный*, *бродяжный*, *недоумочный*.

[114] Вероятно, именно молодостью этого словообразовательного типа объясняется тот факт, что о нем не упоминается в исследованиях по русскому языку и грамматиках. Так, например, в книге В. В. Виноградова «Русский язык» (стр. 222) как одно из ограничений для производства прилагательных с суффиксом *-н-* указываются основы, «по своему значению относящиеся к категории одушевленности» (в качестве исключений приводятся слова *человечный*, *конный*). Ср. также характеристику способа образования прилагательных с суффиксом *-н-* в «Грамматике АН СССР» (т. I, стр. 344).

На протяжении XVIII—XIX вв. этот новый тип прилагательных на *-ный* развивается. Однако образования от имен лиц с суффиксом *-н-* сравнительно с образованиями от имен лиц, произведенными с помощью суффиксов *-ов*, *-ин*, *-j-*, *-ск-* и его производными, в XIX в. были немногочисленны. В кругу прилагательных на *-ный* этот новый словообразовательный тип занимал незначительное место, так как основной сферой применения суффикса *-н-* попрежнему оставались основы существительных неодушевленных. Кроме того, в отличие от однокоренных образований с другими суффиксами, прилагательные на *-ный* не обозначали отношение к лицу или роду лиц [115], а выражали отношение к профессии или действию лица.

Семантическое своеобразие прилагательных на *-ный* ярко выступает при их сравнении с однокоренными прилагательными с суффиксом *-ск-*. В тех немногих случаях, когда имелись образования с этими суффиксами от одних и тех же основ, они обычно различались по значению. Ср.: *слеса́рная работа* и *сле́сарский сын*, *акционерный* («основанный на акциях») и *акционерский* («принадлежащий акционеру»), *инженерное сооружение* и *инженерская жена*.

В соответствии с общим значением суффикса *-н-* прилагательные на *-ный* чаще развивали качественные значения; ср. *людный* («многолюдный») и *людской*; *человечный* («гуманный») и *человеческий*; *интеллигентный* («культурный») и *интеллигентский* («свойственный интеллигенту»). Однако в XIX в. отмечаются случаи употребления прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ск-* и как равнозначных: для выражения тех значений, которые позднее приняли на себя образования с суффиксом *-н-*, первоначально использовались прилагательные с суффиксом *-ск-* [116]. Например, со значением «основанный на акциях» в первой половине XIX в. функционировало прилагательное *акционерский*: *акционерская* компания (В. Одоевск., Русск. ночи. Эпилог).

Позднее с этим значением встречается только *акционерный*: *акционерное* общество (Помяловск., Молотов; Дост., Идиот, 2,1);

---

[115] Отношение к лицу обозначали некоторые церковнославянские по происхождению прилагательные с суффиксом *-н-* типа *владычный*, *викарный*, *богородичный*. Однако они не отражали живую систему словообразования конца XVIII — нач. XIX в., хотя и употреблялись в текстах разных жанров на протяжении всего XIX в.

[116] Отдельные прилагательные рассматриваемого типа не закрепились в употреблении, были вытеснены функционировавшими наряду с ними однокоренными образованиями с другими суффиксами. Так, прилагательные *музыкантный*, *космополитный*, *энтузиастный* были вытеснены словами *музыкальный*, *космополитический*, *энтузиастический*. Ср. употребление этих недолговечных образований в литературном языке XIX в.: *космополитный* (Вяземск., Фонвизин, VI); тысячи *музыкантных* наслаждений (Б-ка для чт., 1839, т. XXXVI, ч. 1); *энтузиастный* провозвестник (Стасов, О знач. Иванова).

акционерная горячка (Дост., Идиот, 3,1); *акционерная* компания (Некр., Современники, 2).

Кроме того, семантическая близость прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ск-* (значения отношения к действию и отношения к лицу, постоянно выполняющему это действие, могли сближаться и даже отождествляться: *штукатурная работа* — это «работа по штукатурению» и в то же время «работа штукатура») обусловливала существование немногочисленного разряда прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ск-*, образованных от одних и тех же основ и совпадающих по значению. Так, академическими словарями первой половины XIX в. оценивались как равнозначные слова: *скоморошный*, *скоморошский* (Сл. АР); *вельможный* [117] — то же, что *вельможеский*; *понтонерный* и *понтонерский*; *портняжный* — то же, что *портняжеский*; *мушкетерный* — то же, что *мушкетерский* (Сл. 1847 г.). Употреблялись как равнозначные также слова *волонтерный* и *волонтерский*. Например, в повести Лескова «Загадочный человек» (гл. 33) говорится то о *волонтерной*, то о *волонтерской* команде.

В дальнейшем одно из дублетных образований утрачивалось. При этом для выражения аналогичных значений в одних случаях сохранялись прилагательные с суффиксом *-н-*, в других — с суффиксом *-ск-*, что, вероятно, объяснялось только традицией словоупотребления. Так, например, со значением «состоящий из...» употреблялись образования и с суффиксом *-н-*, и с суффиксом *-ск-*, ср. *карабинерный*, *волонтерный*, *фузелерный*, *понтонерный* (*отряд*) и *уланский*, *гусарский*, *егерский* (*отряд*).

В отдельных случаях тенденция к дифференциации рассматриваемых словообразовательных типов приводила к размежеванию по значению слов, которые ранее были семантически тождественны. Так, расходятся слова *вельможный* «знатный» или «могущественный, всесильный» (см. толкование этого слова в Словаре Пушк., I) и *вельможеский* («свойственный вельможе»).

§ 46. Особую группу составляют прилагательные на *-ный*, формально соотносительные с именами лиц — сложными существительными с глагольной основой во второй части, а семантически — с глагольно-именными сочетаниями слов: *водолазный*, *рыболовный*, *звероловный*, *китоловный*, *землемерный*, *костоправный*, *костоломный*, *мореходный*, *пешеходный*, *рудокопный*, *трубочистный*, *горемычный*, *душегубный*, *чародейный*, *молокососный*, *домоседный*, *винодельный*. *Мореходные суда* — это «суда, ходящие по морю», а не «суда мореходов», *китоловные суда* — «суда для ловли китов», а не «суда китоловов», *рыболовные снасти* — «снасти для ловли рыбы», а не «снасти рыболова». Ср. толкование подобных прилагательных в словарях. В Словаре АР: *Птицеловный*. Служащий, относящийся к ловлению птиц. *Трубочистный*. Принадлежащий к ремес-

[117] По-видимому, полонизм.

лу трубочистов. В Словаре 1847 г.: *Коновальный*. Относящийся к коновальству. *Водоносный*. Служащий к ношению воды. *Водоносное* ведро. *Домоседный*. Относящийся к домоседству. *Звероловный*. Относящийся к лову зверей. *Звездочетный*. Относящийся к звездочетству; астрологический (знаки *звездочетные*). Характерны различия в толкованиях прилагательных на *-ный* и на *-ский*: *хлебосольный* — расположенный к хлебосольству (Сл. 1847 г.); *хлебосольский* — свойственный или приличный хлебосолам (там же).

Часть прилагательных на *-ный* формально соотносительна не только с именами лиц, но и с предметными существительными на *-ня*, обозначающими место: *живодер — живодерня — живодерный*, *псарь — псарня — псарный*.

Таким образом, здесь имена лиц послужили как бы готовым строительным материалом для прилагательных, семантически связанных с сочетаниями слов. Аналогичное явление — использование готовых элементов языка при отсутствии смысловой соотносительности между ними — наблюдается и при производстве иных прилагательных, например, префиксально-суффиксальных типа *межворсинчатый* и под. (см. § 149). Наличие таких существительных как готового строительного материала, по-видимому, облегчало производство прилагательных. Характерно, что число прилагательных, при которых имя лица отсутствовало бы, очень невелико: *искрометный*, *водоливный*, *дрововозная* дорога (Марлинский) и др. Существование таких слов свидетельствует с несомненностью о том, что прилагательные на *-ный* семантически связаны со словосочетаниями.

Рассматриваемые прилагательные образуют растущий на протяжении XIX в. разряд слов, примыкающий к образованиям типа *инженерный*, *слесарный*; и те и другие, формально соотносясь с именем лица, выражают отношение к роду деятельности.

Вот некоторые примеры употребления рассматриваемых прилагательных:

винодельный (год, урожай) (Москвит., 1851, янв., кн. 2); *каменотесная* работа (Остр., Путеш. по Волге, IV); *пешеходная* экспедиция (Микл.-Маклай, Путеш. на бер. Маклая, О втором пребыв. на бер. Маклая в Нов. Гвинее); *мореходная* экспедиция (Там же, Второе пребыв. на бер. Маклая, июль 1877); туман *чародейный* и редкий (Блок, Еще бледные зори на небе...); мараковал по *коновальной* части (Эрт., Гард., 2, II).

Прилагательные с суффиксом *-н-*, производимые от названий животных

§ 47. Производство прилагательных с суффиксом *-н-* от названий животных в конце XVIII — нач. XIX в. так же, как и в ранние периоды истории русского языка, было непродуктивным.

Существовавшие в языке отдельные слова этого типа обычно отличались по значению от образований от этих основ с другими суффиксами (*-j-*, *-ин-ый*, *-ов-ый*): они обозначали не принадлежность или свойственность животному (или роду животных), а иные отношения: ср. *рыбий* (чешуя, плавник) и *рыбный* (обед, лавка); *пиявочный* («высасываемый пиявицею, производимый пиявицею. *Пиявочное* кровопускание», Сл. 1847 г.) и *пиявичий* («относящийся к пиявице»); *глистный* («происходящий от глист. *Глистная* болезнь». Сл. 1847 г.).

Употребление отдельных образований с суффиксом *-н-* (*комарный*, *муравейный*) наряду с широко распространенными *комариный*, *комарий*, *муравьиный* не меняет общей картины. Например, в «Старой записной книжке» Вяземского: Не понимаю, как можно жить в этом *комарном* царстве, все равно, что в *муравейной* яме (кн. 8). Ср. в письме Ф. М. Достоевского жене: *комарные* волдыри пройдут сами собою (30 мая 1872) (особое образование прилагательного объясняется тем, что оно не обозначает принадлежность животному: *комарные волдыри* — волдыри от комаров).

Прилагательные с суффиксом *-н-*, обозначающие принадлежность или свойственность животному и совпадающие по значению с прилагательными с другими суффиксами, как правило, выходят из употребления. Из зафиксированных в Словаре 1847 г. прилагательных *блошный*, *выхухольный*, *кокушечный*, *кунный*, *лахтачный* (*лахтак* — род тюленя), *обезьянный*, *улиточный*, *павлинный*, *перепелочный*, *муравейный*, *устричный*, *чаечный*, *снитейный*, *салакушный*, *пчельный*, *дятельный*, *килечный*, *канареечный*, *гусеничный*, *жавороночный*, *гнидный*, *мошкарный*, *мокричный* в живом употреблении в начале XIX в. встречаются лишь немногие (*пчельный*, *обезьянный*, *устричный*), причем рядом с ними функционировали и были более употребительны *пчелиный*, *павлиний*, *обезьяний* и т. п. Это объясняется тем, что образованиям с суффиксом *-н-* не было свойственно выражать отношение к живому существу, а значений иного рода, как, например, слова типа *слесарный*, *инженерный*, эти прилагательные не имели.

К концу XIX в. и в современном языке сохраняются в употреблении лишь единичные образования с суффиксом *-н-*, отличные по значению от прилагательных, произведенных от тех же основ с помощью других суффиксов: *конный*, *рыбный*, *птичный*, *ящеричный* (зоол. термин) и др., функционирующие преимущественно в составе устойчивых наименований: *конный отряд*, *завод*, *птичный ряд*, *рыбный магазин* и под.

Расширение словообразовательных связей суффикса *-ов-*

§ 48. В конце XVIII — нач. XIX в. суффикс *-ов-*, характеризуемый на протяжении всей предшествующей истории языка сочетаемостью с основами существительных преимущественно кон-

кретного предметного значения (см. § 41) [118], расширяет свои словообразовательные связи [119]. Этому способствуют его конструктивные и смысловые особенности. В сферу действия суффикса *-ов-* активнее, чем раньше, начинают вовлекаться основы существительных, имеющих отвлеченное значение. Значительную часть их составляют слова с односложными основами, имеющие в исходе два и более согласных, сочетание которых с суффиксом *-н-* было затруднено. Таковы, например, впервые отмеченные в Словаре 1847 г. прилагательные *браковый*, *рисковый*, *призовый*, в Словаре Даля — *бытовой*, *правовой*, а также более поздние: *классовый*, (впервые отмечено в Словаре II Отд. АН, т. IV, вып. 3), *тоновый* и под.

Соединению суффикса *-ов-* с основами существительных отвлеченных способствует то обстоятельство, что произведенные от них прилагательные с суффиксом *-н-* интенсивно развивали качественные значения и для выражения относительных значений требовались иные образования (о взаимодействии однокоренных прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-* см. § 50).

Другой причиной увеличения продуктивности суффикса *-ов-* было вовлечение в сферу его действия основ отглагольных существительных и — по-видимому, позднее — глаголов, от которых образовывались слова такого рода, как *ездовый*, *толковый*, *торговый*, *сторожевой*, *кормовой*, *ласковый* (отмечены уже в «Материалах» Срезневского). По направлению к современности наблюдается увеличение числа подобных образований, преимущественно произведенных от глагольно-именных основ, односложных или имеющих в исходе два согласных. Так, в «Лексиконе» Ф. Поликарпова находим *даровый*, *моровый*; в Словаре 1731 г. — *возовый*, *ломовый*, *боевый*, *плясовый* и собственно отглагольное *бросовый*; в «Росс. Целлариусе» — собственно отглагольное *плевый* [120]. Характерно, что многие из прилагательных этого рода приходят на смену более старым образованиям с суффиксом *-ьн-* (*вѣсьный*, *кормьный* и под.).

---

[118] Ср. широкое использование суффикса *-ов-* для производства прилагательных от иноязычных основ с конкретным значением, особенно от названий цвета, тканей, материалов: *плевый*, *бланжевый*; *веленевая* бумага (А. И. Тург., п. Вяземскому, 26 ноября 1818); *гобеленевые* обои (Моск. телеграф, 1825, № 2); *гроденаплевые* (de gros de Naples) шляпки (Там же, 1826, № 5); *блондовое* платье (Отеч. зап., 1839, т. VII); *перувьеневый* камзольчик (И. Дм., Знакомство с Карамзиным, Москвит., 1841, янв.); *асфальтовая* площадка (Григорович, Корабль «Ретвизан», IV).

[119] Н. П. Зверковская в памятниках XIV в. отмечает единичные прилагательные с суффиксом *-ов-*, произведенные не от основ существительных — названий материалов и растений (указ. соч., стр. 177).

[120] Нет оснований считать это образование бессуффиксным. Прилагательное *плевый* произведено, на наш взгляд, от глагольной основы *плев-* с помощью суффикса *-ов-*: на стыке морфем один из тождественных слогов утратился, ср. *розоватый*, *лиловатый*, произведенные с суффиксом *-оват-* от основ *розовый*, *лиловый*.

На протяжении XVIII—XIX вв. этот словообразовательный тип обнаруживает все возрастающую продуктивность. В Словаре АР впервые отмечены: *беговый*, *исковый*, *маховый* («служащий к маханию»), *слуховый* (*барабан*), *строевый*, *трудовый*, *ходовый*; в Словаре Соколова: *гулевый*; в Словаре 1847 г.: *корчевый*, *кусовой*, *кликовый*, *поисковый*, *смотровый*, *спусковый*, *съездовый*, *стрельбовый*, *скаковый*, *меновый*; в Словаре Даля: *пусковый*.

По-видимому, активизация этой словообразовательной модели в XIX в. объясняется сближением литературного языка с народными говорами и просторечием, где эта модель была более продуктивной. Об этом свидетельствует стилистическая окраска ряда рассматриваемых прилагательных, в первую очередь собственно отглагольных, таких, как *бросовый* (в Словаре АР с пометой «просторечное», в Словаре 1847 г.— «простонародное»), *гулевой*, *плевый* [121].

Вот некоторые примеры употребления этих прилагательных: день воскресный и *гулевой* (Болот., 4, 297); *гулевое* время (Дост., Зап. из М. Дома, 1, X); *гулевая* жизнь (Леск., Легенд. характеры, 1); *плевое* дело (В. Соллог., Тарантас); Подлец ты, не топор! Простую службу *плевую* И ту не сослужил (Некр., Кому на Р. жить хорошо); *плевая* скотина (Горбунов, Торгаш в деревне. ЛК); *плевая* погода (Чех., п. А. С. Киселеву, 10 ноября 1887); *бросовая* гимназическая фуражка (Чех., На реке).

Взаимодействие прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-* [122]

§ 49. Идущая издревле близость словообразовательных связей суффиксов *-н-* и *-ов-* приводила к тому, что в языке конца XVIII — нач. XIX в. функционировало значительное число однокоренных образований с этими суффиксами, среди которых были как прилагательные, унаследованные от прошлого, так и новообразования.

Примером параллелизма новообразований с суффиксами *-н-* и *-ов-* может служить история образований от слова *наука*. В 20—40-е годы XIX в. функционировали как равнозначные прилагательные *наукообразный* (наиболее раннее), *научный* и *науковый*. Слово *науковый* нередко употреблялось с пояснением и вызывало отрицательно-ироническую оценку современников: «Популярная Библиотека» назначена для классов общества, незнакомых с отвлеченностями, *науковыми* (сциентифическими) делениями и подразделениями... (Отеч. зап., 1839, т. II); Я не «*науковой*» (зри «Москвитянин») чело-

[121] Знаменательно, что грамматисты XIX в. отрицают у суффикса *-ов-* способность сочетаться с основами глаголов (см.: Г. П. Павский. Указ. соч., стр. 43).

[122] Однокоренные образования с суффиксом *-ов-* и суффиксами, производными от *-н-*, единичны. К числу наиболее употребительных и устойчиво сохраняющихся относятся слова *годовой — годичный*.

век, а человек мысли и чувства (Никитенко, Дневн., 28 июля 1841). Прилагательное с суффиксом *-ов-* не долго просуществовало в употреблении: оно было вытеснено прочно вошедшим в язык словом *научный* [123].

В отдельных случаях образование прилагательных с помощью суффиксов *-н-* и *-ов-* от одних и тех же основ могло объясняться «внешней историей» языка — разной средой, в которой производились подобные прилагательные (ср., например, литературное *пикейный* и просторечное *пикеевый*). Характерно в этом отношении замечание Погорельского по поводу слов *ярмарковый*: «Собрания... бывают каждый вечер в довольно пространном доме, выстроенном на *ярмоночной* или, по-тамошнему, на *ярмарковой* площади» (Монастырка, I, VIII).

Параллелизм прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-* на всех этапах истории русского языка [124] и до наших дней был наиболее развит в образованиях от существительных с конкретными значениями (особенно от названий растений, тканей, химических веществ, минералов). В образованиях от основ этого рода использование суффиксов *-н-* и *-ов-* обычно не было связано с дифференциацией значений: *абрикосовый* и *абрикосный*, *авантуриновый* и *авантуринный*, *аквамариновый* и *аквамаринный*, *ананасовый* и *ананасный*, *анисовый* и *анисный*, *апельсиновый* и *апельсинный*, *барбарисовый* и *барбарисный*, *бирюзовый* и *бирюзный*, *бузиновый* и *бузинный*, *вишневый* и *вишенный*, *глиноземовый* и *глиноземный*, *глициновый* и *глициннный*, *гравилатовый* и *гравилатный* (*гравилат*— растение), *гранатовый* и *гранатный*, *грибовый* и *грибной*, *жасминовый* и *жасминный*, *изумрудовый* и *изумрудный*, *йодовый* и *йодный*, *каллотовый* и *каллотный*, *канифасовый* и *канифасный*, *кипарисовый* и *кипарисный*, *кокосовый* и *кокосный*, *коралловый* и *коральный*, *коричневый* (от *корица*) и *коричный*, *кумачовый* и *кумачный*, *купоросовый* и *купоросный*, *ландышевый* и *ландышный*, *лимоновый* и *лимонный*, *луковый* и *лучный*, *малиновый* и *малинный*, *миткалевый* и *миткальный*, *можжевеловый* и *можжевельный*, *мраморовый* и *мраморный*, *мускатовый* и *мускатный*, *мышьяковый* и *мышьячный*, *нуммулитовый* и *нуммулитный*, *оалитовый* и *оалитный* (известняк), *наждаковый* и *наждачный*, *нардовый* и *нардный*, *платиновый* и *платинный*, *позументовый* и *позументный*, *портулаковый* и *портулачный*, *порфировый* и *порфирный*, *пурпуровый* и *пурпурный*, *резиноластиковый* и *резиноластичный*, *резиновый* и *резинный*, *розмариновый* и *розмаринный*, *сандаловый* (от *сандал*) и *сандальный*, *сабуровый* и *сабурный*, *сапфировый* и *сапфирный*, *сафьяновый* и *сафьянный*, *смородиновый* и *смородинный*, *трепеловый* и *трепельный*, *фарфоровый* и *фарфорный*, *хлоровый* и *хлорный*,

[123] О взаимодействии слов *научный* и *наукообразный* см. в статье Е. А. Земской «Из истории русской литературной лексики XIX в.» («Мат-лы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. IV, М., 1957, стр. 14—16).

[124] См.: H. Hartmann. Указ. соч., стр. 5—7; Г. Ф. Плотицына. Указ. соч., стр. 90.

шафрановый и *шафранный*, *яблоневый* и *яблонный*, *ясеневый* и *ясенный*, *яхонтовый* и *яхонтный*. Перечисленные и им подобные образования функционировали обычно как равнозначные со значением «сделанный из чего-нибудь», «относящийся к чему-нибудь» (в соответствии со значением производящего существительного). Если же между ними были различия в значении, то прилагательные на *-овый* обозначали, как правило, отношение к материалу, а прилагательные на *-ный* — свойственность.

Судьба подобных прилагательных в дальнейшем была различной.

1) Одно из дублетных образований могло утрачиваться. Строгих правил для сохранения прилагательного с тем или другим суффиксом не было: при одинаковых значениях и структуре производящей основы в одних случаях сохранялись образования с суффиксом *-н-*, в других — с суффиксом *-ов-*. Лишь в сравнительно немногих случаях утрата одного из параллельных образований может быть объяснена какими-либо языковыми причинами, например, явлениями омонимии, чередованиями в основе (см. § 44).

2) Не во всех случаях параллельное функционирование дублетных образований с суффиксами *-ов-* и *-н-* заканчивалось утратой одного из образований уже на протяжении XIX в. Случаи, когда этот процесс не находил завершения в указанный период и в конце XIX в. сохранились в употреблении оба прилагательных (иногда с разной степенью употребительности и разными сферами функционирования), многочисленны: *апельсиновый* и *апельсинный*, *ананасный* и *ананасовый*, *абрикосовый* и *абрикосный*, *пурпурный* и *пурпуровый*, *сафьяновый* и *сафьянный* (вторые члены каждой пары были менее употребительны) и др.

§ 50. Среди образований от основ существительных другой семантики параллелизм прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-* был явлением более поздним и часто использовался для их семантической дифференциации [125]. В соответствии с общим значением этих словообразовательных типов прилагательные на *-ный* имели тенденцию развивать качественные значения, в связи с чем для выражения разных видов отношения к предмету в более позднее время создавались от тех же основ прилагательные с суффиксом *-ов-*, причем многие из них имели терминологический характер. Так, например, прилагательное *срочный* вплоть до конца XIX в. употреблялось со значением «относящийся к сроку, данный на срок»: *срочный* отпуск, *срочная* работа, *срочный* заем (см. Сл. 1847 г.). Ср. у Боратынского: Познай же цену *срочных* дней (Доб-

---

[125] См.: H. Hartmann. Указ. соч., стр. 8—9; Г. Ф. Плотицына. Указ. соч., стр. 91—93. Эту же закономерность по отношению к словацкому языку отмечает J. Horecký (см. «Pridané mená s priponami *-ný* a *-ový*...,», стр. 100—101).

рый совет); у Лескова: не пишем ни *срочных* обозрений русских журналов, ни периодически появляющихся критик и рецензий на новые книги (Больш. брани); у Достоевского: Как это случилось, что все это вдруг упало с глаз, и я вдруг прозрел и все понял! Случай ли это был, день ли пришел такой *срочный* (Кроткая, 2, I).

В связи с развитием у прилагательного *срочный* качественного значения («быстрый») прежнее относительное значение переходит к новообразованию *сроковый*, которое возникло, по-видимому, в последние десятилетия XIX в.: сведения о числе годовых, *сроковых* и поденных рабочих (Русск. богатство, 1893, № 11).

Однако в составе терминов прилагательное с суффиксом *-н-* сохраняет и в современном употреблении относительное значение: *срочный* денежный вклад, *срочные* роды.

Интересна история грамматического термина *порядковый* (о числительных). В начале XIX в. грамматический термин образовывался с суффиксом *-н-*. Например, в «Российской грамматике, сочиненной имп. Российскою академиею», «Сокращенной грамматике» А. Х. Востокова говорится о *числительных порядочных*. Однако уже в 1831 г. И. Ф. Калайдович в «Критике «Сокращенной грамматики» Востокова» замечает: «...числительные *порядочные* (не лучше ли *порядковые*, для избежания двусмыслия?)» (Телеск., 1831, № 17). В дальнейшем в качестве грамматического термина закрепляется прилагательное *порядковый*, в то время как слово *порядочный* употребляется только с качественным значением.

Ср. также такие пары, как *вековой* и *вечный*, *жировой* и *жирный*, *дымовой* и *дымный*, *звуковой* и *звучный*, *грозовой* и *грозный*, *грузовой* (корабль, телега, пошлина) и *грузный* («тяжелый», «сильно нагруженный»), *путевой* и *путный*, *деловой* и *дельный* («основательный»), *концовый* и *конечный*, *страховой* («до взятия на страх касающийся»—Сл. АР) и *страшный*, *трудовой* и *трудный*, *лицевой* нерв) и *личный*. Вторые члены каждой пары обладали качественными значениями.

Вот некоторые примеры употребления прилагательных с суффиксом *-ов-*: *потовые* труды веков (В. Одоевск., Русск. ночи, 4. Последнее самоубийство); Это основания вечные, которые должны оставаться и при *вековом* изменении русского языка и слога русских писателей (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); *страховые* письма (Тург., п. Е. Е. Ламберт, 14 окт. 1859); *деловое* письмо (Тург., п. Е. Е. Ламберт, 26 сент. 1859); *Страховая* премия сильно понижается премией *страха* [курс. авт.] телесных наказаний (Герц., Б. и д., 1, II); Нерв способен... приводить в действие связанные с ним *концевые* аппараты (Сеченов, Физиол., I, I, § 14).

В отдельных случаях однокоренные прилагательные с суффиксами *-н-* и *-ов-* различались фразеологическими связями (*крестный ход* и *крестовый брат*).

§ 51. Между некоторыми образованиями от одних и тех же основ с суффиксами *-н-* и *-ов-* не было четкого смыслового различия:

прилагательные с суффиксом *-ов-* обычно отличались лишь большей предметностью значения, чем соответствующие образования на *-ный* [126]. С этим было связано и стилистическое различие: прилагательные на *-ный* тяготели к разговорной речи, а образования на *-овый* были свойственны или профессиональной речи или — в силу своей образности — речи поэтической: тесная связь их значения с предметом, названным производящей основой, делала их более выразительными. Преимущественному употреблению некоторых из них в стихотворной речи благоприятствовало также то, что прилагательные с суффиксами *-ов-* и *-н-*, различающиеся числом слогов, были удобными версификационными вариантами. Именно этим, по-видимому, объясняется широкое функционирование в стихотворных текстах XIX в. прилагательных с суффиксом *-ов-*, наряду с которыми имелись более употребительные образования с суффиксом *-н-*, таких, как *лесовой*, *огневой*, *пурпуровый*, *снеговой*, *колесовой* (хотя возможно, что слова *снеговой* и *пурпуровый* были в начале XIX в. вообще более употребительны, чем соответствующие прилагательные с суффиксом *-н-* [127]):

Свет ясный, *пурпуровый*, Объял все воды вкруг (Держ., Прогулка в Сарском селе); Красивы тюльпан и гвоздика и мак *пурпуровый* (А.А. Дельв., Дамон); И смутно все было внизу подо мной В *пурпуровом* сумраке там (Жуковск., Кубок); Не мерзлый ров, не *снеговой* увал Нас мирно подарят последним новосельем (А. Одоевск., Куда несетесь вы, крылатые станицы...); [Ч а ц к и й] И день и ночь по *снеговой* пустыне Спешу к вам, голову сломя (Гриб., Горе от у., I, 7); Во взорах тлелся черный зной, Печать любови *огневой* (Шевырев, К непригожей матери); Порой я слышу шорох стад, Бродящих *лесовой* тропою (Ф. Глинка, Карелия); Будь ложка вам *колесовая* Символом сердца моего (Языков, Экспромты, 3); Я стану петь твои победы, Восторгом весел *огневым* (Языков, А. Н. Вульфу); Зачем, коварный друг... Наш пир *вечеровой* вчера не посетил (Фет, Питомец радости, покорный наслажденью...); Зефир *вечеровой* между листов проник (Фет, Диана); Спишь в *снеговой* пелене... (Блок, Тихо вечерние тени...); Ложась в *снеговую* постель (Блок, Целый год не дрожало окно...); За ладьей — *огневые* струи (Блок, Вечереющий сумрак, поверь...); Я умчусь с *огневыми* кругами (Блок, Ты горишь над высокой горою...).

Употребление подобных прилагательных с суффиксом *-ов-* — характерное свойство поэзии XX в.

---

[126] См.: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 230.

[127] Так, в Словаре АР у слова *снежный* отмечено лишь одно значение: «Много снегу имеющий. *Снежная* зима»; значения же «из снегу сделанный, состоящий», «из снегу добытый» даются для слова *снеговой*. Слово *пурпурный* в Словаре 1847 г. не зафиксировано, отмечено только *пурпуровый*.

Взаимодействие прилагательных с суффиксами *-ов-* и *-ан-*, *-н-* и *-ан-*

§ 52. Наряду с взаимодействием между продуктивными типами прилагательных с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-* для истории отсубстантивных прилагательных в XIX в. характерен другой процесс — взаимодействие рассматриваемых типов прилагательных с непродуктивными и малопродуктивными словообразовательными типами: уход из употребления ряда прилагательных, произведенных по этим моделям, и замена их образованиями с продуктивными суффиксами.

Интенсивное взаимодействие проходило между прилагательными с суффиксами *-н-*, *-ов-* и *-ан-*. Прилагательные с суффиксом *-ан-* обозначали «приготовленный, сделанный из чего-нибудь» [128], реже — «относящийся к чему-нибудь» (соответственно значению производящей основы), т. е. имели тот же круг значений, что и прилагательные с суффиксами *-н-* и *-ов-*. Употребление того или иного из этих параллельно функционирующих суффиксов в значительной степени зависело от строения производящих основ: суффикс *-ан-* часто использовался для образования прилагательных от основ, кончающихся на два согласных (*тафтяной*, *финифтяный*, *полотняный*, *конопляный*), т. е. в тех случаях, когда действовал суффикс *-ов-* и когда применение суффикса *-н-* было затруднительно. Кроме того, с помощью этих суффиксов производилось от основ одних и тех же существительных большое число прилагательных, употреблявшихся как равнозначные. Для конца XVIII — нач. XIX в. характерен процесс ухода из употребления одного из парных дублетных образованиї и сохранение тех прилагательных, которые имели различные значения или семантически дифференцировались. Многие фиксируемые Словарем АР и Словарем 1847 г. прилагательные с суффиксом *-ан-*, имеющие дублетные образования с суффиксом *-ов-*, реже *-н-* (*горляный* и *горловой*, *дрожжаной* и *дрожжевой*, *жердяной* и *жердевой*, *колосяной*, *колосный* и *колосовой*, *мшаный* и *мховый*, *ногтяной* и *ногтевой*, *бортяный*, *бортный* и *бортевый*, *перяной* и *перьевой*, *полстяной* и *полстевой*, *снежаный*, *снеговой* и *снежный*, *холстяной* и *холщовый*, *тундряный* и *тундровый*, *замшаной* и *замшевый*), уже в конце XVIII — нач. XIX в. были малоупотребительны. В этот период отмечаются единичные случаи употребления подобных прилагательных: *замшаные* штаны (Лукин, Щепетильн., Письмо г-ну Ельчанинову); *перяные* тюфяки (Фонв., п. родным, 20 ноября (1 дек.) 1777); *горляная* боль (П. Киреевск., п. Н. М. Языкову, 10 генв. 1833). В более позднее время: большеземельские *тундряные* самоеды (Москвит., 1855, N 17 и N 18); *тундряные* жители (Там же).

---

[128] Это значение было, по-видимому, древнейшим у прилагательных с суффиксом *-ан-*, см.: А. Вайан. Указ. соч., стр. 236.

Некоторые прилагательные с суффиксом *-ан-* вытесняются образованиями на *-овый* от однокоренного существительного с суффиксом *-к-а*: *известяный* (ср. *известковый*).

Уходит из употребления также целый ряд прилагательных с суффиксом *-ан-*, наряду с которыми функционировали образования от тех же основ с суффиксом *-н-*: *мучняный* (ср. *мучной*), *нервяный* (ср. *нервный*), *щепяной* (ср. *щепной*), *верфяный* (ср. *верфный*), *зоряной* (ср. *зорный*, *зоревой*), *жимолостяный* (ср. *жимолостный*), *медяный* (ср. *медный*), *сукняный* (ср. *суконный*), *толокняный* (ср. *толоконный*), *уздяной* (ср. *уздный* и более употребительное *уздечный* от *уздечка*), *сливяный* (ср. *сливный*, *сливовый*), *ситяный* (ср. *ситный*).

В начале XIX в. перечисленные словообразовательные дублеты встречаются в одних и тех же контекстах: *мучные* и *мучняные* части (Тр. Вольн. эконом. об-ва, 1810, т. LXII); *нервные* болезни и *нервяная* болезнь (Там же); *медяные* верхи [башен] (Озеров, Поликсена, I, 2); на *медяном* щите Омировского бога (Моск. телеграф, 1832, № 2).

В дальнейшем употребление подобных прилагательных на *-аный* не фиксируется.

Однако взаимодействие рассматриваемых словообразовательных типов не проходило как одностороннее вытеснение прилагательных с суффиксом *-ан-*. В отдельных случаях уходили из употребления прилагательные с суффиксом *-н-*. Так, закрепляются в языке образования *травяной*, *смоляной*, *скобяной*, *соляной*, *избяной*, *конопляный*, тогда как функционировавшие наряду с ними прилагательные *травный*, *сольный*, *смольный*, *избный*, *конопельный* (и *конопный*), уходят из употребления. Ср. случаи их употребления в конце XVIII — нач. XIX в.: *избные* сени, *избный* воздух (Лепехин, Путеш., О Новой земле); Лежал я на *травном* Ковре зеленом (Держ., Явление); *конопное* масло (Болот., 2, 126); *конопельное* семя, *конопельный* холст (Сл. 1847 г.).

В первой половине XIX в. прилагательные *травяной* и *соляной* еще не вытеснили своих дублетов с суффиксом *-н-*. Так, в Словаре 1847 г. слово *травный* рассматривается как основное («*Травные* растения. *Травный* чай... В этом саду дорожки хороши, только очень *травны*»), а при слове *травяной* дается только отсылка к слову *травный* и один пример (*травные* семена). Ср. употребление как равнозначных прилагательных *сольный* и *соляной* в ПСЗ за 1824 г.: *соляное* озеро; Департамент горных и *соляных* дел; самосадочное *сольное* озеро (т. XXXIX, § 29779).

§ 53. Другая группа соотносительных однокоренных прилагательных с суффиксами *-ан-* и *-н-* имела иную судьбу. Это были прилагательные, имевшие в начале изучаемого периода различные значения или сферу употребления или семантически либо стилистически дифференцирующиеся на протяжении XIX в. Такие образования оба сохранялись в употреблении: *костный* и *ко-*

стяной, *кожный* и *кожаный*, *кровный* и *кровяной*, *водный* и *водяной*, *земельный* и *земляной*, *песчаный* и *песочный*, *стеклянный* и *стекольный*, *волосяной*, *сельдяной* (от *сельдь*) и, по-видимому, более поздние образования *волосной* и *селедочный* [129] (от *селедка*).

История семантической дифференциации перечисленных пар прилагательных (в отношении хронологических границ протекания этого процесса и закрепления определенных значений за тем или иным словом) была индивидуальной, но в ней имелись и некоторые общие черты: за прилагательными с суффиксом *-ан-* обычно закреплялось конкретное значение «сделанный, состоящий из чего-нибудь», тогда как прилагательные с суффиксом *-н-* обозначали общее отношение к предмету. Эта тенденция семантического разграничения не реализовалась как строгая закономерность. Ср. замечание Павского: «*Дровяной двор*, *платяной шкап* не означают *двор из дров*, *шкап из платья*, но двор *для* дров, шкап *для* платья. И напротив *медная*, *железная посуда* означает посуду *из* меди, *из* железа» [130]. В XIX в. семантическая дифференциация многих прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ан-* еще не завершилась. Нередко рассматриваемые прилагательные употреблялись и с различными значениями, и как равнозначные (*песчаный* и *песочный*, *водяной* и *водный*, *сельдяной* и *селедочный*, *стеклянный* и *стекольный*). Например, слово *стекольный* имело значение «относящийся к изготовлению стекла». Ср. в Словаре АР: «*Стекольный* завод. Завод, где делают стекляное вещество». Однако в том же значении могло употребляться и прилагательное с суффиксом *-ан-*. Так, в Словаре 1847 г. второе значение слова *стекляный* толкуется: «Относящийся к деланию стекла. *Стекляный* завод». Ср. у Гончарова: «Между тем, здесь есть много своих фабрик и заводов: шляпных, *стеклянных*, бумажных и т. п.» (Фр. «Пал.», На мысе Доброй Надежды). В дальнейшем это значение сохраняется только за словом *стекольный*. Многие из прилагательных с суффиксом *-н-*, имеющих широкое относительное значение, входили в состав терминов: тонкие (*волосные*) сосудцы (Я. Чаруковский, Кровообращение в чел. теле, Отеч. зап., 1839, т. VII); *волосные* луковицы (Сеченов, Физиол. оч., I, Пластическ. процессы в теле); *волосные* сосуды (Там же, Дыхание); *костный* скелет (Сеченов, Физиол., Деятельность нервн. аппаратов... [Оглавление]); *земельная* собственность, *земельная* рента, *сельдяная* промышленность, *кожный* покров, *водный* раствор, *костный* мозг, *костное* вещество, Ср. соответствующие прилагательные с суффиксом *-ан-*, обозначающие «сделанный, состоящий из чего-нибудь»: *кожаный* (*диван*), *волосяной* (*матрац*), *песчаный* (*берег*), *земляной* (*пол*), *костяной* (*нож*).

---

[129] Оба последних слова впервые лексикографически зафиксированы в Словаре Даля.

[130] Г. П. Павский. Указ. соч., стр. 65.

История прилагательных с суффиксом *-н-*, образованных от иноязычных основ, осложненных иноязычными аффиксальными элементами. Их соотношение с однокоренными прилагательными с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-*

§ 54. В XIX в. шел активный процесс приспособления западноевропейских заимствований к словообразовательной системе русского языка. Производство от иноязычных основ прилагательных, прочно входивших в язык или имевших окказиональный характер, было очень широким в течение всего века. Самым продуктивным средством для пополнения русской лексики прилагательными, образованными от иноязычных основ, был суффикс *-н-*:

Паркетные законы (Н. Павл., К NN, Телеск., 1831, № 21); *транспарантный* воздух (Гоголь, п. В. О. Балабиной, 16 июля 1837; ср. франц. transparent — «прозрачный»); апатическое, *биллиардное* выражение лица (Белинск., п. В. П. Боткину, 28 июня 1841); *экосезная* прогулка (Сверб., Зап., I); ткацкие и *аппретурные* заведения (Москвит., 1851, № 2); фигура... такая «*миньонная*» (Леск., Островитяне, 3); считал очень *комильфотным* и *бонтонным* (Стасов, Автобиограф., Училище правовед., V).

Подобные образования иногда тут же поясняются иностранным словом: письмо, о котором он говорил под именем *анкориального* (d'enchorial) (Моск. телеграф, 1826, № 5); Берта Ивановна назвала очень *лянгзамную* мазурку; Ида заиграла ее уже совсем langsam (Леск., Островитяне, 7).

Прилагательные с суффиксом *-н-* производились не только от иноязычных существительных, но и от наречий (langsam) и целых выражений (bon ton, comme il faut).

Примечательной особенностью русских прилагательных, образующихся от иноязычных основ, было то, что лишь немногие из них производились от заимствованных существительных, функционирующих в русском языке. В большинстве же случаев они образовывались от основ соответствующих иноязычных прилагательных [131]. При этом в качестве русского словопроизводственного элемента использовался почти исключительно формант *-н-* [132], присоединяющийся к основе заимствованного прилагательного, осложненной суффиксом. В результате этого в русском языке (по-видимому, не ранее начала XVIII в.) создаются имена прилагательные с производными суффиксальными элементами *-альн-*, *-ональн-*, *-уальн-*, *-абельн-*, *-озн-*, *-арн-*, *-ивн-*, *-(т)ивн-*, *-(и)-онн-*.

Суффиксы иноязычных прилагательных в сочетании с суф-

---

[131] См.: Я. К. Грот. Филологические разыскания, т. II. Изд. 2. СПб., 1876, стр. 342.

[132] Лишь от иноязычных основ на *-ique*, *-icus* производились прилагательные с суффиксом *-еск*, в результате чего был образован производный суффикс *-ическ-* (см. § 21, 70).

фиксом *-н-* в конце XVIII — нач. XIX в. функционировали только в составе слов с иноязычными корнями, так что они не являлись словообразовательными формантами русского языка, хотя их выделяемость из состава слова, благодаря сопоставимости с рядами употребительных в русском языке однокоренных и односуффиксальных образований, не вызывает сомнений (ср., например, *грация — грациозный*, *скандал — скандалезный*; *нация — национальный*, *пропорция — пропорциональный*). Вычленению рассматриваемых суффиксальных элементов из состава слова способствовало сосуществование в языке изучаемого периода многочисленных однокоренных прилагательных, имеющих в своем составе простой суффикс (обычно *-н-*, реже *-ск-* или *-ов-*) и какой-нибудь из осложненных: *каникульный — каникулярный*, *парламентский — парламентарный*, *актовый — актальный*.

-альн-

§ 55. Среди прилагательных с перечисленными выше суффиксальными элементами наиболее ранними были прилагательные, в составе которых выделялся элемент *-альн-*. Эти прилагательные образовывались при помощи суффикса *-н-* от французских и немецких прилагательных на *-al*, латинских на *-alis*. В соответствии с общим характером значений отсубстантивных прилагательных с суффиксом *-н-* рассматриваемые образования могли иметь и относительные и качественные значения.

Прилагательные на *-альный* были многочисленны уже в начале XVIII в.: *арбитральный*, *горизонтальный*, *марциальный*, *литеральный*, *персональный*, *синодальный*, *триумфальный*, *фундаментальный*, *формальный*, *церемониальный*, *экспериментальный*, *нотариальный*, *ориентальный*[133]; *натуральные* тела (Лом., Рассужд. о твердости и жидкости тел, § 8); *нотариальные* конторы (Проект законов о правах..., VIII, II); физика *экспериментальная* (Там же, VII, I); *провинциальные* канцелярии (Чулк., Пересмешн., 20); *колоссальный* (Фонв., п. родным, 7 дек. 1784); *геморроидальный* (И. В. Лопухин, п. А. М. Кутузову, 18 ноября 1790); *фигуральный* (А. М. Кутузов, п. Н. Н. Трубецкому, 31 дек. — 11 янв. 1790); *викториальный* (Болот., 1, 5).

Суффиксальный элемент *-альн-* выделялся в этих прилагательных благодаря их сопоставимости с однокоренными существительными: *церемония — церемониальный*, *колосс — колоссальный* и т. п.

Эта группа прилагательных очень быстро пополняется. Прилагательные на *-альн-* — самые многочисленные из прилагательных с иноязычными суффиксальными элементами, что объясняется,

[133] Эти слова отмечены в исследовании Н. А. Смирнова «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху» («Сб. ОРЯС», т. 88, № 2, СПб., 1910).

по-видимому, многочисленностью производящих основ, большой продуктивностью суффиксов *-al-*, *-alis* в тех языках, откуда производились заимствования.

Словарь АР отмечает 12 таких образований: *горизонтальный*, *епархиальный*, *инструментальный*, *кафедральный*, *концентральный* [134], *музыкальный*, *пасхальный*, *пирамидальный*, *синодальный*, *ставропигиальный*, *театральный*, *триумфальный*. Образования на *-альный* широко употребительны в книжной речи начала XIX в. В разных текстах отмечены: *амвросиальный*, *махинальный*, *машинальный*, *парадоксальный*, *буквальный*, *патриархальный*, *центральный*, *сентиментальный*, *гениальный*, *индустриальный*, *материальный*, *стипендиальный*, *артериальный*, *венальный*, *колониальный*, *субстанциальный*, *феноменальный*, *формальный*, *фундаментальный*, *сеньориальный*, *камеральный*. Словарь 1847 г. фиксирует более 40 подобных образований: *антимониальный*, *бенефициальный*, *геометральный*, *грамматикальный*, *диаметральный*, *зодиакальный*, *коллегиальный*, *коноидальный*, *консисториальный*, *литеральный*, *магнезиальный*, *меридианальный*, *меркурияльный*, *монументальный*, *нормальный*, *полигональный* (*полигон* — геом. «многоугольник»), *ромбоидальный*, *симметриальный*, *трапецоидальный* и др. Значительную часть таких прилагательных составляла терминология различных наук. Бóльшая часть прилагательных на *-альный*, употребительных в XVIII—XIX вв., сохраняется в литературном языке как устойчивая книжная лексика [135].

§ 56. Наряду с прилагательными на *-альный* в первой половине XIX в. функционировали образования, произведенные с помощью суффиксов *-н-*, реже *-ск*, *-ическ-*, *-ов-* не от основ иноязычных прилагательных на *-al*, *-alis*, а непосредственно от основ соответствующих иноязычных существительных. Такие образования, как правило, не различались по значению и стилистическому употреблению. Их сосуществование в языке свидетельствовало о живом характере процесса приспособления иноязычных заимствований к лексической системе русского литературного языка. Ср. пары образований на *-альн-* и *-н-* [136]: *ромбоидный* и *ромбоидальный*, *коноидальный* и *коноидный*,

---

[134] Соответствующее однокоренное существительное отсутствует, так что элемент *-альн-* мог выделяться в этом слове лишь благодаря сопоставимости всего ряда включающих его прилагательных.

[135] Есть лишь одно прилагательное с элементом *-альн-*, произведенное от русской основы: *буквальный*. Г. П. Павский так объясняет его образование: «Под этот же разряд чужих слов [с элементом *-альн-*] подведено школярами и наше слово *буквал-ный*. Какой-нибудь школяр, привыкнув к латинск. слову litteralis, дал и словенскому имени *буква* (littera) производственное латинск. окончание *-alis* и составил уродливое школьное слово *bukvalis* (=латинск. litteralis), которое потом в нашем языке должно было принять вид *буквальный* по примеру *литеральный*» (указ. соч., стр. 66).

[136] Здесь и далее разрядкой выделены прилагательные, сохранившиеся в употреблении к концу XIX в.

зодиакальный и *зодиачный* (ср. франц. прилагательное *zodiacal* и существительное *zodiaque*), *конфиденциальный* и *конфидентный* (ср. франц. существительное *confident* и прилагательное *confidenciel*), *венозный*, *венный* и *венальный* (ср. франц. прилагательное *veineux*, *-se* и существительное *veine*). В качестве дублетных образований функционировали также прилагательные на *-альный* и *-ический*, реже *-альный* и *-ский*, *-альный* и *-овый*: *пародьяльный* и *пародический*, *геометральный* и *геометрический*, *грамматикальный* и *грамматический*, *симметриальный* и *симметрический*, *музыкальный* и *музыкалический*, *фактальный* и *фактический*, *вакхальный* и *вакхический*, *гимназияльный* и *гимназический*, *концентральный* и *концентрический*, *лексикальный* и *лексический*; *парламентский* и *парламентальный*, *актовый* и *актальный*.

Случаи параллельного употребления этих дублетных прилагательных на протяжении первой половины XIX в. многочисленны. В дальнейшем один из дублетов выходит из употребления [137], причем чаще сохраняются прилагательные, включающие иноязычные аффиксальные элементы.

Разносуффиксные образования иногда различались по значению и употреблению. В таких случаях сохранялись оба слова: философские термины *трансцендентальный* и *трансцендентный* (ср. франц. прилагательные *transcendantal* и *tsanscendant*), *машинальный* («безотчетный, механический») и *машинный*, *форменный* и *формальный*, *натурный* и *натуральный*, *фигурный* и *фигуральный*, *синодский* и *синодальный*, «*камеральный*, т. е. финансовый» (Сл. Кирил.) и *камерный*. Дифференциация значений у некоторых прилагательных этого типа складывалась не сразу. Так, например, еще в 40-е годы XIX в. слово *машинальный* употреблялось в том значении, которое закрепилось за словом *машинный* («относящийся к машине»): На этот раз ни одного европейского *машинального* музыканта не случилось в Москве (Москвит., 1841, янв.).

Ср. примеры употребления как равнозначных наречий, произведенных от изучаемых прилагательных:

Не преминул уже *форменно* на него матери своей пожаловаться (Болот., 1, 8) и: Ему... *формально* запрещено впредь без их ведома меня наказывать (Там же).

---

[137] Отдельные образования с элементом *-альн-* были вытеснены прилагательными с другими суффиксами, произведенными от иной основы. Так, отмечаемые во второй половине XVIII в. слова *комедиальный* (от *комедия*), *трагедиальный* (от *трагедия*) (например, у Тредьяковского, Лукина) уступают место прилагательным *комический*, *трагический* (ср. *comique*, *tragique*). Ср. историю имен лиц, соотносительных с этими прилагательными: *трагедиант — трагик*, *комедиант — комик*.

-ональн-

§ 57. Суффиксальный элемент *-ональн-* выделялся лишь в нескольких прилагательных, соотносительных в русском языке с именами существительными на *-(ц) ия*: *пропорциональный* [138], *национальный* [139], *рациональный* [140]. Эти прилагательные были произведены от основ иноязычных прилагательных с помощью суффикса *-н-*. Прилагательные этого типа встречаются в литературе с начала XVIII в.: *пропорциональный* (Журнал Петра В., II); *кондициональный* (ПСЗ, V, § 3200) [141]. В начале XIX в.: *национальный* (Рикорд, Зап). На протяжении изучаемого периода этот словообразовательный тип пополняется очень незначительно (см., например, *эмоциональный*, *профессиональный* — Даль; *иррациональный* — Нов. словотолк. 43 000) [142].

-уальн-

§ 58. Прилагательные с суффиксальным элементом *-уальн-*, фиксируемые на протяжении XIX в., очень немногочисленны: *пунктуальный*, *спиритуальный*, *интеллектуальный*, *процессуальный*, *инстинктуальный* [143]. Будучи соотносительными с именами существительными м. р. на твердый согласный, они производились с помощью суфф. *-н-* от основ иноязычных прилагательных. Прилагательные на *-уальный* встречаются с начала XVIII в.: *пунктуальный* (Кугорн., Нов. крепостное строение, 1710. ЛК); причины *спиритуальные* (Архив кн. Куракина. ЛК), ср. лат. *spiritualis*; *пунктуальная* переписка (А. М. Кутузов, п. Н. Н. Трубецкому, 23 февр. 1792).

Этот тип прилагательных не стал многочисленным на протяжении XIX в. [144]

-арн-

§ 59. Производный элемент *-арн-* выделяется в немногих прилагательных, отмечаемых с начала XVIII в.: *элементарный* (Штурм, Архитект. воинск., 1709. ЛК; Лом., Рассужд. о твердо-

---

[138] Отмечено в «Росс. Целлариусе».

[139] Отмечено в «Новом словотолкователе» Яновского.

[140] Отмечено там же.

[141] Примеры заимствованы из исследования Н. Смирнова «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху».

[142] По-видимому, уже в XX в. были образованы прилагательные *региональный*, *секциональный* (ср. более употребительное *секционный*), *функциональный*, *субстанциональный* (в литературе XIX в. встретилось только *субстанциальный*, например, в письмах и статьях Белинского).

[143] Словарь АР и Словарь 1847 г. прилагательных на *-уальный* не отмечают. *Интеллектуальный* отмечено в Словаре Кирилова, *пунктуальный* — в Словаре Толля.

[144] Прилагательные *казуальный*, *визуальный*, *узуальный*, *сенсуальный*, *актуальный*, *эвентуальный*, *виртуальный*, *сексуальный*, *текстуальный* (большая часть их не имеет соотносительных однокоренных существительных в русском языке), вероятно, произведены в XX в.

сти и жидкости тел, § 9); *каникулярный* (Сл. АР); *эпистолярный* (Яновск., Нов. словотолк.); *табелярный* (Жуковск., Письма. ЛК); *титулярный* (Сл. 1847 г.); *сериарный* (Ханыков, Речь на обеде в честь Фурье, ср. франц. sériaire); *молекулярный* (Сеченов, Физиол., 1, I, § 13; Менделеев, Основы химии, 1, 2); *парламентарный* (Тург., Лит. и жит. воспом., VIII); *планетарный* (Тург., п. Е. Е. Ламберт, 1861).

Прилагательные на *-арный* в русском языке были соотносительны с существительными мужского и женского рода, но образовывались, по-видимому, с помощью суффикса *-н-* непосредственно от основ иноязычных прилагательных на *-arus*, *-aire*. Ряд прилагательных на *-арный* не имел в русском языке соотносительных однокоренных существительных: *регулярный*, *прелиминарный*, *фамильярный*, *популярный*, *ординарный*, *селлюлярный*, *гуманитарный*.

Дублетные образования, содержащие суффиксальный элемент *-арн-* и какой-либо другой суффикс, немногочисленны, ср. *каникульный* [145] (редкое; Сл. 1847 г.) и *каникулярный*; *паразитарный* и *паразитный* [146].

В редких случаях образования на *-арный* и *-ный* различались по значению (например, *гуманитарный* и *гуманный*, ср. франц. *humanitaire* и *humain*). Ср., однако, употребление прилагательного *гуманитарный* в значении «человечный, гуманный» в «Русском вестнике» за 1870 г. (т. LXXXV, № 1): Не таких результатов следовало бы ожидать, читая *гуманитарные* заявления 1839 и 1856 годов! (П. Щебальский, Турция и ее реформы по отнош. к России).

-озн-

§ 60. Прилагательные с суффиксальным элементом *-озн-*, соотносительные в русском языке с существительными женского рода на *-ия*, реже мужского рода на твердый согласный, производились с помощью суффикса *-н-* от основ иноязычных прилагательных (лат. на *-osus*, франц. на *-eux*, *-euse*). Такие прилагательные отмечаются с начала XIX в. [147]: *грациозный* (Жих., Воспом. ст. театр., II); *спиртуозный* напиток (Моск. телеграф, 1825, № 24); *религиозный* (В. Одоевск., Русск. ночи, 1); *официозные* люди (Дост., Зап. из М. дома, 2, VIII).

На протяжении первой половины XIX в. этот словообразовательный тип пополняется новообразованиями, значительную часть которых составляла научная терминология (преимущественно

---

[145] В «Лат.-росс. лексиконе» Кронеберга (изд. 2. М., 1824) дается: canicularis — *каникульный*.

[146] Например, у Миклухи-Маклая: *паразитные* растения (Путеш. на бер. Маклая, 20 сент. 1871).

[147] Словарь АР прилагательных этого типа не помещает. В Словаре 1847 г. отмечены лишь слова *религиозный* и *фиброзный*.

медицинская): *серозный*, *фиброзный*, *фунгозный*, *венозный*, *тифозный*, *нервозный*, *волюминозный*.

Новые слова на *-озный* не без борьбы входили в язык. Рядом с ними употреблялись образования с другими суффиксами. Так, например, в 30—70-е годы употреблялись параллельно три образования от существительного *вена*: *венозный*, *венальный* и *венный*. Первое сохранилось до наших дней. Второе, образованное, по-видимому, по аналогии со словом *артериальный*, встречается, например, в труде Я. Чаруковского «Кровообращение в человеческом теле»: *венальная* кровь жиже *артериальной*; В детском возрасте... *венальная* кровь... мало отличается от *артериальной* (Отеч. зап., 1839, т. VII). Прилагательное *венный* отмечается неоднократно у Сеченова: *венная* кровь мышц и желез (Физиол. оч., 1, Животная теплота).

Прилагательные на *-озный*, имеющие яркий чужеязычный отпечаток, встречали неодобрение со стороны современников, особенно славянофилов. Характерны в этом отношении замечания в журнале «Москвитянин» (1851, № 4) по поводу слов *фунгозный* и *фиброзный*: рецензент перевода книги Мальгена «Руководство к оперативной хирургии» предлагает заменить эти прилагательные «соответствующими им русскими словами» *грибовидный* и *волокнистый*. Возможно, что именно благодаря враждебному отношению современников некоторые слова на *-озный* не утверждались в употреблении. Ср. рассуждение о слове *шикозный* «аристократа и эстетика» Симцова в повести Боборыкина «Изменник»: «Надо вообще воздерживаться от слов, составленных бог знает как ...Что такое это прилагательное *шикозный*? Корень тут — слово *шик*, а окончание *-озный*, опять-таки противное духу русского языка» [148].

Несмотря на отрицательную оценку некоторых прилагательных на *-озный* со стороны современников, этот словообразовательный тип пополнялся новообразованиями и укреплялся в системе русского языка. Так, по-видимому, во второй половине XIX в. появляются слова *тенденциозный* (Леск., п. Н. Н. Страхову, 6 марта 1866; в «Новом словотолкователе 43 000 слов» — только *тенденционный*); *гангренозный* (Даль), *сентенциозный* (Дост., Идиот, 3, IX) [149]; *помпозный*, *гранулозный*, *скрофулезный*, *скрупулезный* (Нов. словотолк. 43 000); *гумозный* (Русск. богатство, 1893, № 11) [150].

---

[148] Цитируется по книге В. В. Виноградова «Русск. язык», стр. 225,

[149] Ср. малоупотребительное образование *сентенциальный* (Б-ка для чт., 1839, т. XXXVI, ч. 1).

[150] Вероятно, уже в более позднее время входят в русский язык книжные слова *амбициозный*, *претенциозный*, *монструозный* и научные термины *карбункулезный*, *фурункулезный*, *тикозный*, *фибринозный*, *финнозный*, *эмфизематозный*, *экзематозный*, *коматозный*, *трахоматозный*, *гриппозный*, *крупозный*, *скарлатинозный* (характерно, что в Словаре Даля отмечены прилагательные от этих основ с другими суффиксами: *скарлатинный*, *скарлатиновый*; *крупосый*, *крупный*; *гриппный*).

Имена прилагательные с элементом *-озн-* по значению распадались на две группы: а) прилагательные с относительным значением (преимущественно термины); б) прилагательные с качественным значением, часто имеющие яркий оттенок отрицательной экспрессии; обычно наряду с прилагательными этой группы функционировали образования от того же корня с другими суффиксами, не имеющие экспрессивного характера. Ср.: *мускульный* и *мускулезный*, *нервный* и *нервозный*, *скандальный* и *скандалезный*, *официальный* и *официозный*. Например: в моде *мускулезные* арии (Вельтм., Саломея, 9, II); *скандалезная* хроника (Никитенко, Дневн., 21 янв., 1835; Плещ., п. к С. Ф. Дурову); *скандалезный* спор (Отеч. зап., 1839, т. VII); *скандалезный* выход (Леск., Чертовы куклы, 19); История несколько *скандалезная* (Милютин, Дневн., 20 мая 1875); *официозный* орган «конституционного» министерства (Корол., Л. Н. Толстой); газета «Post», имеющая *официозный* характер (Сев. вестн., 1890, № 9).

-(и)онн-

§ 61. Прилагательные с суффиксальным элементом *-(и)онн-*, соотносительные с существительными на *-ция*, *-тия* (реже на *-ия* с другим предшествующим согласным), производились с помощью суффикса *-н-* от заимствованных существительных, так что элемент *-(и)он-* восходил к суффиксу иноязычных существительных, а не прилагательных.

Имена прилагательные на *-(и)онный* отмечаются с начала XVIII в.: *апелляционный* (ПСЗ, 1713—1719, т. V, § 3417); *резолюционный* (Там же, § 3294); *конфедерационный* (Десницк., Сл. о способе к научению юриспруденции, 1768); *дирекционный* (Проект законов о правах..., IV, III); *обсервационный* корпус (Бибик., Зап.); *экспедиционная* комиссия (Речь депутата Коробьина).

В дальнейшем происходит быстрый рост этой группы прилагательных. Так, если в Словаре АР помещено лишь одно прилагательное на *-(и)онный*: *экспедиционный*, то Словарь 1847 г. дает уже более 30 таких образований: *административный*, *акционный*, *апелляционный*, *ассигнационный*[151], *вакационный*, *варияционный* (мат.), *демаркационный*, *дистанционный*, *иллюминационный*, *инквизиционный*, *комиссионный*, *коммуникационный*, *конвенционный*, *конституционный*, *контрибуционный*, *коронационный*, *ликвидационный*, *люстрационный*, *милиционный*, *муниционный*, *навигационный*, *нумерационный*, *облигационный*, *обсервационный*,

[151] Разрядкой выделены прилагательные, встречающиеся в текстах начала XIX в.

операционный, *р е в о л ю ц и о н н ы й*, *реквизиционный*, *ситуационный*, *с т а н ц и о н н ы й*, *таксационный*, *федерационный*, *фортификационный*, *циркумваллационный*, *эволюционный*; в соотношении с существительными не на *-ция*: *комиссионный* (ср. *комиссия*, франц. *comission*), *ревизионный* (ср. *ревизия*, франц. *revision*). Многие из употребительных в первой половине XIX в. прилагательных этого рода не попали в словарь: *оппозиционный*, *спекуляционный*, *рекреационный*, *реставрационный*, *реформационный*. Ср. также образования, отмеченные в более поздний период: *кассационный*, *декорационный*, *поляризационный*, *реакционный*, *редакционный*, *протекционный*, *пенсионный*, *кодификационный*, *ирригационный*, *традиционный*, *вибрационный*, *антиципационный*, *эксплоатационный*, *облигационный*.

Имена прилагательные на *-(и)онный*, образуя многочисленную и активную словообразовательную группу, вытесняли образования от тех же основ с другими суффиксами [152]. Так, Словарь АР от существительного *комиссия* помещает лишь прилагательное *комиссский*, отмечаемое и в других текстах конца XVIII — нач. XIX в.:

Комисская сумма (Рапорт. кн. Прозоровского, 9 марта 1777); *комисские* от продажи проценты (ПСЗ, 1801, т. XXVI, § 19 817). В дальнейшем укрепляется *комиссионный*, отмеченное в Словаре 1847 г.

В соответствии с существительным *экзамен* (ср. франц. *examen*) в течение всего XIX в. было употребительно прилагательное *экзаменный*, вытесненное впоследствии прилагательным *экзаменационный*: *экзаменные* листы (ПСЗ, 1824, т. XXXIX, § 297 780); *экзаменный* блеск (Никитенко, Дневн., 13 марта 1843); *экзаменные* столы (Л. Толст., Юность, X); *экзаменная* задача (Римск.-Корс., Летоп. моей музык. жизни, XV). Ср. в Словаре 1847 г.: *экзаменский*.

-ивн-

§ 62. Имена прилагательные с суффиксальным элементом *-ивн-*, *-(т)ивн-* (так же, как и прилагательные на *-(и)онный*), соотносительные с существительными женского рода на *-ия* (преимущественно *-ция*, иногда *-зия*, *-сия*), в редких случаях — с существительными мужского рода на твердый согласный, образовывались с помощью суффикса *-н-* от основ иноязычных прилагательных (ср. франц. прилагательные на *-if*, лат. на *-ivus*); *конвульсивный* (ср. *конвульсия*, *convulsif*), *прогрессивный* (ср. *прогресс*, *progressif*). Этот тип прилагательных, по-видимому, более поздний. Во всяком случае, Словарь АР не фиксирует таких образований, в Словаре 1847 г. отмечено лишь слово *административный* [153]. В наших материалах подобные

---

[152] Ср., однако, утрату слова *милиционный*, вытесненного более поздним *милицейский*.

[153] Помещено уже в «Новом словотолкователе» Яновского.

прилагательные встречаются не ранее начала XIX в., а отражение в словарях они находят значительно позднее. Соотносительно с существительными на *-ия*: *конвульсивный* (Жих., Зап. совр., I, 12 апр. 1805); *федеративный* (Моск. телеграф, 1826, № 6); *спекулятивный* (Гоголь, п. М. П. Погодину, 1 февр. 1833); *индуктивный* (Герц.. Письма об изуч. прир., 8); *экспансивный* (Дост., Зап. из М. дома, 1, V); *конфедеративный* (Никитенко, Дневн., 2 мая 1847); *корпоративный* (Там же, 3 февр. 1849); *оперативный* (Москвит., 1851, № 4); *фиктивный* (Леск., Островитяне, 10); *демонстративный* (Микл.-Маклай, Путеш. на бер. Маклая, Антропологич. заметки о папуасах); *конспиративный* (Чех., Жена, IV). Соотносительно с существительными на твердый согласный: *инстинктивный* (В. Одоевск., Русск. ночи, 9) [154]; *кредитивный* (Телеск., 1831, № 21); *субъективный* (Москвит., 1841, февр.); *объективный* (Сл. Кирил.); *прогрессивный* (Москвит., 1851, № 4) *ультимативный* (Дост., Подросток, 3, 5, III); *эффективный* (Леск., Карикатурн. идеал). Ср. прилагательные на *-ивный*, не имеющие соотносительных однокоренных существительных: *конфортативный*, *портативный*, *сенситивный*, *интензивный*.

§ 63. Имена прилагательные на *-ивный* и *-(и)онный*, соотносившиеся в русском языке с существительными на *-ия* (чаще всего на *-ция*) и произведенные от иноязычных прилагательных и существительных одного корня, часто образовывали дублетные словообразовательные пары, функционировавшие на протяжении первой половины XIX в. как равнозначные [155]: *административный* (*administratif*) и *административный* (*administration*), *декоративный* (*décoratif*) и *декорационный* (*décoration*), *конфедеративный* (*confédératif*) и *конфедерационный* (*confédération*), *спекулятивный* (*spéculatif*) и *спекуляционный* (*spéculation*), *федеративный* (*fédératif*) и *федерационный* (*fédération*).

Из всех перечисленных парных образований уже в первой половине XIX в. более употребительными были прилагательные на *-ив-ный*. Прилагательные с элементом *-(и)онн-*, редкие уже в это время, постепенно совсем уходят из употребления. По-видимому, большая жизнеспособность образований первого типа объясняется тем, что они образовывались непосредственно от иноязычных прилагательных, а не от существительных, как прилагательные

---

[154] Наряду с этим широко употребительным прилагательным, сохранившимся и в современном языке, до середины XIX в. функционировали образования *инстинктуальный* (широко употребительное) и *инстинктный* (редкое, произведенное непосредственно от существительного *инстинкт* с помощью суффикса *-н-*).

[155] Лишь в редких случаях параллельные образования этого типа использовались для дифференциации значений. Ср. *операционный* («Избранный для военных действий. *Операционная* линия». Сл. 1847 г.) и *оперативный* («связанный с операцией» (мед.), например: *оперативная* хирургия). Ср. появившееся, вероятно, уже в XX в. качественное значение слова *оперативный* — «быстрый, действенный».

на *-(и)онный*, а потому легче передавали значения соответствующих прилагательных, в том числе и производные качественные значения. Таково, например, употребление слова *административный* во второй половине XIX в.: Лицо стража принимает *административное* выражение (Помяловск., Молотов); объяснил свой *административный* поступок тем, что он «погорячился» (Дост., Идиот, 3, I).

-абельн-

§ 64. Прилагательные с суффиксальным элементом *-абельн-* отмечаются в литературе с начала XVIII в. [156]: *нерезонабельные* претензии (П. Шафиров, Рассуждение, какие законн. причины с. ц. в. П. I к начатию войны... имел, СПб., 1717) [157]; Все люди *резонабельные* от одного резона, так как мудрые — все из единого источника черпают премудрость (Кант., Письма о прир. и чел., VII); Я человек... *резонабельный* (Фонв., п. родным, 13 дек. 1763).

Образования этого типа нередко вводятся в речь персонажей как характеристическая примета речи галломанов. Вот ряд примеров из комедии Сумарокова «Ссора у мужа с женою»:

[Д е л а м и д а] *Пардонабельно* любить мужа!... Я б не чаяла, чтоб вы так *не резонабельны* были (XVIII); [Д е л а м и д а] Или уж не говорил ли он и больше этого каких о тебе сотизов? [Д ю ф и з а] И это бы еще *экскюзабельнее* (XIX); [Д ю ф и з а] Вить вместо уборного стола говорят ле тоалет, вместо обоев—tapisserie, вместо простительно—*пардонабельно*, вместо готовальни — étui (XXI).

Лишь немногие из таких образований закрепляются в употреблении.

Особенность прилагательных на *-абельный* (ср. франц. и англ. прилагательные с суффиксом *-able*, нем. с суффиксом *-abel*) по сравнению с рассмотренными ранее прилагательными с иноязычными суффиксальными элементами состояла в том, что функционирующие наряду с ними в русском языке образования с теми же основами не создавали последовательных рядов, в которых бы прилагательные с элементом *-абельн-* корреспондировали с однокоренными словами одинаковой структуры (ср., например, регулярные соотношения прилагательных на *-(т)ивный* с существительными на *-ция*). Лишь некоторые из прилагательных на *-абельн-* соотносились с однокоренными словами: *резонабельный* (ср. *резон, резонный*), *пардонабельный* (ср. *пардон*), *мизерабельный* (ср. *мизерный*). Жихарев в «Записках современника» характеризует наречие *мизерабельно* как факт индивидуального словоупотребления:

[156] Словарь АР и Словарь 1847 г. прилагательных на *-абельн-* не помещают.

[157] Пример заимствован из указанной работы Н. Смирнова, стр 204—205.

Не будь Яковлев одет так *мизерабельно*, по выражению приятеля моего Кобякова, он показался бы вдвое превосходнее (II, 11 февр. 1807).

Однако уже в записках Погодина «Месяц в Париже» слово *мизерабельный* употребляется с русской приставкой *пре-*: Аудитории *премизерабельные* (Москвит., 1841, янв.). Прилагательное *мизерабельный* было довольно широко употребительно в XIX в.:

Французское [правительство] *мизерабельно* (Белинск., п. В. П. Боткину, между 2 и 7 дек. 1847); отель довольно *мизерабельный* (С.-Щ., п. Н. А. Некрасову, 4 сент. 1875); все это мелко, *мизерабельно* (Чех., Моя жизнь, VII).

На протяжении XIX в. в литературный язык входит еще несколько прилагательных на *-абельный*: *респектабельный*, *(не)презентабельный*, *фешенебельный* [158], *комфортабельный*. Из них лишь последнее имело четкие соотношения с однокоренными словами — дублетным прилагательным *комфортный* и существительным *комфорт*:

Комфортабельный (сапоги, платье, содержание, должность, камин) (Моск. набл., 1837, май, кн. 1); *фасонабельная* комната, *комфортабельные* кресла (Москвит., 1841, янв.); *непрезентабельный* вид (Л. Толст., В. и м., 3, 1, XXI); *нереспектабельная* англичанка (Л. Толст., А. К., 6, XIX).

Рассматриваемый словообразовательный тип обнаруживает некоторую продуктивность в языке XIX в. и современном в производстве прилагательных не с общим относительным значением, а со значением возможности совершения действия, пригодности к чему-нибудь, нехарактерным для ранних заимствований на *-абельный*. Ср. поздние образования *рентабельный*, *транспортабельный*; шутливые производные — от русских основ *промокабельный*, *(не)вставабельный*, *читабельный*, а также от иноязычной основы — *диссертабельный*. Характерно, что образования с русскими основами имеют преимущественно глагольные корни.

Наличие в языке XIX в. прилагательных, содержащих иноязычные аффиксальные элементы, оказывало влияние на словообразовательную систему русского языка, так как ограничивало продуктивность чисто русских суффиксов в производстве прилагательных от иноязычных основ. Произведенные по законам русского словопроизводства прилагательные с простыми суффиксами типа *венный* (*вена*), *скарлатинный*, *каникульный*, *комфортный* вытесняются образованиями, имеющими в своем составе производные суффиксальные элементы. Судьба словообразовательных типов с иноязычными аффиксальными элементами в дальнейшем была различной: одни из них охватывали многочисленные ряды слов,

[158] Другие звуковые виды этого слова, встречающиеся у ряда писателей XIX в.: *фасонабельный* (Вельтман), *фашионабельный* (Москвитянин, 1856), *фашьенебельный* (Милютин) — не вошли в язык.

другие включали единичные образования [159]. Однако у всех этих элементов была одна общая черта — сочетаемость только с иноязычными основами. Лишь некоторые из них (*-абельн-*, *-альн-*) в конце XIX — нач. XX в. получают слабую способность сочетаться с русскими основами.

История прилагательных с суффиксом *-ск-*

Условия образования прилагательных с суффиксом *-ск-* в конце XVIII — нач. XIX в.

§ 65. В конце XVIII — нач. XIX в. так же, как и в предшествующее время, суффикс *-ск-* был продуктивен в производстве прилагательных только от основ существительных. Этим он существенно отличался от суффикса *-н-*, сочетавшегося с основами разных частей речи, и суффикса *-ов-*, дающего в редких случаях образования от основ прилагательных и глаголов. Суффикс *-ск-*, самый отвлеченный из трех рассматриваемых суффиксов, производящих отсубстантивные прилагательные с относительными значениями, сочетался с основами существительных определенной семантики — именами лиц и некоторыми названиями животных, существительными с пространственными значениями, с названиями общественных учреждений, коллективов, а также с существительными отвлеченных значений.

Производный суффикс *-овск-*, столь продуктивный в образовании прилагательных от имен лиц собственных, в производстве прилагательных от существительных нарицательных (как одушевленных, так и неодушевленных), был малопродуктивен. Он сочетался преимущественно с основами на группы согласных (ср. старые образования типа *августовский*, *мартовский*, *кремлевский*, *домостроевский* и новые, возникшие, по-видимому, не ранее XIX в.: *ерундовский*, *бунтовский*, *банковский*, *съездовский*), с основами односложными и кончающимися на гласные (типа *веховский*, *деповский*). По всей вероятности, лишь в XX в. этот суффикс приобретает продуктивность в производстве прилагательных от основ сложносокращенных существительных, аббревиатур и разного рода названий: *рабфаковский*, *ревкомовский*, *ооновский*, *оаровский*, *эмтээсовский*, *огоньковский*, *новозаревский* (*«Новая заря»*) и мн. др.

Есть несколько прилагательных на *-овский*, соотносительных с глаголами и отглагольными существительными на *-(ов)ство*: *колдовский*, *хвастовской*, *ведовский*. Первое отмечено впервые в «Российском Целлариусе», широко употребляется в XIX в.; слово *хвастовской* отмечено в Словаре Даля, встречается уже в начале

---

[159] Я. К. Грот писал: «Как иностранные слова вообще, так и эти суффиксы в различной степени привились к русскому языку: одни из них ближе к его собственному складу, другие более чужды» (указ. соч., т. II, стр. 342).

XIX в.: *хвастовские* рассказы (С.ЛО., 1812, ч. 1). Слово *ведовский* (с пометой *стар.*— «относящийся к волшебству или колдовству») отмечено в Словаре 1847 г.

Соотношение однокоренных прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ск-*

§ 66. Между прилагательными с суффиксами *-н-* и *-ск-* словообразовательный параллелизм был менее развит [160], чем между прилагательными с суффиксами *-н-* и *-ов-*, что объясняется различием словообразовательных связей этих формантов.

Немногочисленные образования от одних и тех же основ с этими суффиксами распадаются на две группы. 1) Образования, среди которых слово с суффиксом *-ск-* является славянизмом, обычно уже для начала XIX в. устарелым. Так, в Словаре АР и в Словаре 1847 г. оцениваются как церковные или славянские следующие прилагательные на *-ский*: *ароматский* (ср. *ароматный*), *горский* (ср. *горный*), *озерский* (ср. *озерный*), *земский* (ср. *земной*), *северский* (ср. *северный*), *южский* (ср. *южный*). Такие дублеты не характеризовали живую систему словообразования конца XVIII и XIX в. 2) Дублетные прилагательные, характеризующие живую систему словообразования прилагательных конца XVIII — нач. XIX в., преимущественно образованные от существительных, обозначающих учреждения, общественные заведения и т. п. В этот период употреблялись как равнозначные прилагательные *арсенальный* и *арсенальский*, *архивский* и *архивный*, *гаремский* и *гаремный*, *канцелярский* и *канцелярный*, *клубный* и *клубский*, *линейский* и *линейный* (о пограничном войске), *магистратский* и *магистратный*, *майоратный* и *майоратский*, *конторский* и *конторный*, *управный* и *управский*, *палатский* и *палатный*, *штабский* и *штабный*, *скитский* и *скитный*, *соборский* и *соборный*, *шляхетский* и *шляхетный*. Ср. также дублетные образования, относящиеся к иным семантическим рядам: *экзаменский* (редко) и *экзаменный*, *барщинский* и *барщинный*, *островский* и *островной*, *пустынский* и *пустынный*, *библейский* и *библейный*, *календарский* и *календарный*, *псаломный* и *псаломский*. Судьба этих прилагательных была различной. В одних случаях в употреблении сохранялись образования на *-ский* (*канцелярский*, *конторский*, *магистратский*, *палатский*, *библейский*), а соответствующие образования с суффиксом *-н-* выходили из употребления; в других случаях оказывались более устойчивыми прилагательные на *-ный* (*архивный*, *линейный*, *календарный*, *майоратный*, *псаломный*, *островной*).

[160] Близость суффиксов *-ск-* и *-н-* ярче проявлялась в образованиях от иноязычных основ, где в сочетании с одними и теми же основами выступали производные суффиксы *-ическ-* и *-ичн-*, *-ическ-* и *-н-* (см. § 74—76, 78). Параллелизм приставочно-суффиксальных прилагательных на *-ский* и *-ный* также был незначителен.

В соответствии с общим значением прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ск* образования на *-н-* чаще развивали качественные значения, тогда как прилагательные на *-ский*, как правило, сохраняли относительные значения. Так, например, разошлись по значению прилагательные *пустынский* и *пустынный*, первоначально обозначавшие «относящийся к пустыне»: у прилагательного с суффиксом *-н-* развилось новое качественное значение «безлюдный». Ср. употребление прилагательного *пустынный* в относительном значении в басне Крылова «Пустынник и медведь»: «Про жизнь *пустынную* как сладко ни пиши...»; у Пушкина: «Что делаешь, Руслан несчастный, Один в *пустынной* тишине? (Русл. и Людм., I); И к пальме *пустынной* он бег устремил (Подражания Корану, IX, 7). Однако у Пушкина встречается употребление прилагательного *пустынный* и в новом значении («безлюдный, пустой»): И входит на *пустынный* двор (Е. О., 7, XVI); И ясны спящие громады *Пустынных* улиц (Медн. всадник, Вступл.).

Прилагательным с суффиксом *-ск-* было свойственно выражать преимущественно отношения принадлежности, свойственности (лицу, коллективу, учреждению). Очень четко это значение прилагательных на *-ский* обнаруживается при сравнении образований с суффиксами *-н-* и *-ск-*, произведенных от одних и тех же основ. Ср.: *телеграфный провод* и «*Телеграфские* статьи об Ист[ории] Вальт.-Скотта» (П. Киреевск., п. Н. М. Языкову, 14 окт. 1833 [т. е. статьи журнала «Московский телеграф»]).

В ряде случаев различие образований с суффиксами *-н-* и *-ск-* использовалось для дифференциации прилагательных, произведенных от многозначных или омонимичных существительных (или от основ разных частей речи): *мирской* и *мирный*, *приходский* (священник) и *приходный* (книга), *кабинетский* (занятия, крестьяне) и *кабинетный* (жизнь) [161], *заводский* (управитель) и *заводной* (от *заводить*).

§ 67. С начала XVIII в. в круг действия суффикса *-ск-* широко вовлекаются основы существительных (преимущественно западноевропейских заимствований), обозначающих общественные учреждения, заведения и т. п.: *коллежский*, *провиантский*, *имперский*, *канцелярский*, *кавалерийский*, *армейский* [162], *универси-*

---

[161] Разграничение значений прилагательных *кабинетский* и *кабинетный*, предлагаемое в Словаре АР и Словаре 1847 г. (*кабинетский* обозначает отношение к *кабинету* в значении: «присутственное место, министерство, правительство», *кабинетный* — отношение к *кабинету* в значении: «место уединенных занятий»), судя по нашим материалам, отражало живое словоупотребление того времени. Ср., однако, в ПСЗ (1713—1719, т. V, § 3303) в начале XVIII в.: «Никому его величества тайных и *кабинетных* расходов ведать не надлежит».

[162] Эти слова отмечены в указанной работе Н. Смирнова.

тетский, типографский, флотский, комиссариатский, почтамтский, парламентский, сенатский, губернский. Использование суффикса *-ск-* для образования прилагательных от подобных существительных объясняется расширением того значения отношения к группе лиц, принадлежности совокупности лиц, которое было свойственно этому суффиксу с древних времен. На протяжении всего XIX в. подобное употребление суффикса *-ск-* было очень продуктивным, что связано с бурным ростом общественной жизни и необходимостью выражать разнообразные отношения этого рода. Вот некоторые слова такого типа, впервые отмеченные в Словаре Соколова: *департаментский, институтский*; в Словаре 1847 г.: *комитетский, лицейский.*

Такие прилагательные обозначали отношение к предмету, названному производящей основой, — принадлежность учреждению, организации, какому-либо коллективу:

Библиотека *архивская* (Карамз., п. М. Н. Муравьеву, 28 янв. 1807); *архивские* бумаги (Москвит., 1841, янв.); *клубская* книга (Речь прокурора Громницкого, 1867 г.); *фирмские* векселя (Речь присяжн. повер. Плевако, 1874 г.); *лаврские* мастера (Леск., О русск. иконописи); *лаврская* типография (Леск., Мелочи арх. жизни, 9).

Прилагательные с этим значением свободно образовывались в речи от названий разного рода:

Малинникская женщина (Вс. Крестовск., Пб. трущ., 5, XXIV; *Малинник* — название жилого дома); *гражданинский* сборник (Леск., п. А. Ф. Писемскому, 17 авг. 1872; журн. «Гражданин»).

Вовлечение в сферу действия суффикса *-ск-* существительных на *-ение*

§ 68. В связи с общей тенденцией к устранению стилистических ограничений в сочетании морфем разного происхождения и разного характера [163] находится тот факт, что отглагольные существительные с церковнославянским по происхождению суффиксом *-ение*, ранее не использовавшиеся в качестве производящих основ в словообразовательной системе русского языка, в конце XIX — нач. XX в. вовлекаются в образование имен прилагательных с суффиксом *-ск-* и существительных nomina agentis с суффиксом *-ец* (типа *правление — правленский — правленец, освобождение — освобожденский — освобожденец*). С точки зрения структурной, образование таких прилагательных было подготовлено производством прилагательных с суффиксом *-ск-* от существительных на

[163] См., например: Ю. С. Сорокин. Об общих закономерностях развития словарного состава русск. лит. языка XIX в. «Тезисы докладов на совещании по проблемам изучения истории русск. лит. языка нового времени». М., 1960, стр. 11.

-ение — названий церковных праздников — *крещенский*, *воздвиженский*, *благовещенский*, *сретенский* и под.[164] Прилагательные с суффиксом *-ск-* от существительных на *-ение* с другими значениями не производились. Вероятно, самым ранним прилагательным, произведенным от существительного на *-ение*—не церковного термина, было канцелярски-семинарское слово *правленский*, засвидетельствованное впервые в Словаре 1847 г. (соотносится с существительным *правление* в конкретном значении — «присутственное место»): «принадлежащий или относящийся к правлению, т. е. присутственному месту. *Правленский* сторож. *Правленские* бумаги». Ср. в рассказе «Гараська — диктатор» Аникина: в углу *правленского* двора (ЛК). Вот несколько образований этого типа более позднего времени: *ополченский* мундир (Боборык., Дельцы, I, VIII) [165]; *управленский* (Разведчик, 1897. ЛК); образование нового времени *учрежденский* (Маяковск., Баня).

Образование таких прилагательных облегчалось тем, что от существительных, обозначавших учреждения, вообще широко образовывались прилагательные с суффиксом *-ск-* (*канцелярский*. *департаментский* и под.).

В 60—70-х годах XIX в. в связи с общим развитием отвлеченной лексики и увеличением роли публицистической речи в общей системе литературного языка появляются образования с суффиксом *-ск-* еще от одной группы существительных на *-ение* — от названий общественных течений. Самым ранним образованием этой группы было, по всей вероятности, прилагательное *направленский*, образованное от «модного» в то время слова *направление* («общественное течение»). Это слово широко употребляется в произведениях Лескова 70-х годов: вымышленный *направленский* роман (Загадочн. чел., 1); *направленская* узость (Железн. воля, I); *направленское* пристрастие, или, откровеннее сказать, «*направленская* ложь» (‹О рассказах и повестях А. Ф. Погосского›); не *направленская*, а настоящая добродетель (Мелочи арх. жизни, 8). Ср. в более позднее время: В русской литературе теперь более отражается индивидуальная личность писателя, чем коллективная *направленская* (Нов. время, 1902. ЛК); *направленское* упрямство (Луначарский, Критич. этюды, I. ЛК).

В конце XIX — нач. XX в. появляется еще несколько слов этой семантической группы: *освобожденский*, *непротивленский*, *примиренский*. Для прилагательных этой группы характерна

[164] Словообразовательно-семантическое единство этой группы прилагательных было столь велико, что при образовании прилагательных от названий церковных праздников, не имеющих в своем составе суффикса *-ение*, мог использоваться производный суффикс *-енск-*: *рождество—рождественский*.

[165] Наряду с прилагательным *ополченский* употреблялось и *ополченный* (например: *ополченный* офицер. Л. Толстой, В. и м., 3, 3, VIII), не удержавшееся в употреблении, по-видимому, из-за омонимии со страдательным причастием от глагола *ополчить*.

смысловая соотнесенность не со всей системой значений производящего существительного, а лишь с тем, которое является названием общественного течения (например, *освобожденский* — относящийся к «Союзу освобождения», а не к «освобождению» вообще). В публицистике обычны употребления таких прилагательных в сочетаниях типа *освобожденская теория*, *освобожденская позиция*, *«освобожденский» ход мысли*, *либерально-освобожденская формулировка*, *«освобожденские» интеллигенты*, *«освобожденская» интеллигенция*, *в примиренском духе*, *«примиренская» позиция*, *примиренская партия*.

Такие прилагательные становятся центром словообразовательного гнезда, в которое входят существительные с суффиксом *-ство*, глаголы на *-ствовать*, наречия на *-ски*: *непротивленство*, *непротивленствовать*; *освобожденство*, *по-освобожденски* и под.

§ 69. В XIX в. эта семантическая группа прилагательных лишь начинает создаваться; развитие ее относится к XX в., когда наряду с увеличением числа таких прилагательных создаются и становятся все более продуктивными в публицистических стилях их дублеты с осложненным суффиксом *-ческ-* (выделившимся из состава прилагательных, произведенных от имен лиц с суффиксом *-ец*, типа *однодворческий*, *новобранческий*, *повстанческий*, *погорельческий*, см. § 19). Такие прилагательные нередко соотносительны по значению с существительными и на *-ение*, и на *-ец*: *примиренский — примиренческий* (*примирение* и *примиренец*), *освобожденский — освобожденческий* (*освобождение* и *освобожденец*), *объединенский — объединенческий* (*объединение* и *объединенец*), *непротивленский — непротивленческий* (*непротивление* и *непротивленец*). В течение недолгого времени прилагательные на *-енский* и на *-енческий* употреблялись как равнозначные. Так, в работах В. И. Ленина одного и того же времени в одинаковых условиях встречаются образования *примиренский* (Первый шаг. 1905 г. Соч., т. 8, стр. 215; Центральному комитету РСДРП 28 июля 1905 . Соч., т. 34, стр. 274) и *примиренческий* (Общий план решений III съезда. 1905. Соч., т. 8, стр. 159; III съезд РСДРП. Речь по докладу о деятельности ЦК 25 апреля (8 мая) 1905 г. Соч., т. 8, стр. 389).

Однако прилагательные на *-ческий* очень быстро становятся единственной словообразовательной моделью, по которой создаются прилагательные от существительных на *-ение*: *мировоззренческий*, *отделенческий*, *приключенческий*, *распределенческий*, *распространенческий*, *улучшенческий*, *упрощенческий*, *учрежденческий*.

В связи с этим меняется и словообразовательная структура всех соотносительных слов: слова типа *примиренство*, *примиренствовать*, *по-примиренски* вытесняются образованиями типа *примиренчество*, *примиренчествовать*, *по-примиренчески*. Например: *Примиренчество* и *объединенчество* есть вреднейшая вещь

для рабочей партии в России (Ленин, п. А. Г. Шляпникову, конец сент.— начало окт. 1916. Соч., т. 35, стр. 186); «Макар», говорят, в Москве и тоже *примиренчествует* (Там же).

Несомненно, что активизации именно этой модели способствует ее активизация в кругу прилагательных, производимых от имен лиц на *-чик, -щик* (типа *переводческий, рассказческий*, см. § 19), а также ее семантическая «емкость», возможность соотнесения многих прилагательных этого типа с названиями и лица, и действия; ср. *переселенческий* (*переселение* и *переселенец*), *пораженческий* (*поражение* и *пораженец*), *приспособленческий* (*приспособление* и *приспособленец*), *просвещенческий* (*просвещение* и *просвещенец*), *снабженческий* (*снабжение* и *снабженец*), *иждивенческий* (*иждивение* и *иждивенец*), *обновленческий* (*обновление* и *обновленец*). Ср. также *оборонческий*, соотносительное с *оборонец* и *оборона*.

В современном языке этот словообразовательный тип обнаруживает продуктивность, что проявляется в свободном производстве новообразований преимущественно терминологического характера: *поведенческая* психология, *предложенческие* и *непредложенческие* высказывания (лингв.) и др.

Формирование словообразовательного типа прилагательных с производным суффиксом *-ическ-*

§ 70. Другая линия развития словообразовательных связей суффикса *-ск-* состояла в использовании его для образования прилагательных от иноязычных основ преимущественно с абстрактными значениями (названия наук, отвлеченные понятия и т. п.), т. е. в применении его для вовлечения иноязычной лексики в словарный состав русского языка (*медицинский, философский, ревижский, теорийский*. Словарь 1847 г.). Однако образования от иноязычных основ с русским суффиксом *-ск-* немногочисленны. В этой группе основ преимущественно использовался производный суффикс *ическ-* (или *-атическ-*, *-(ич)-еск-*). Основная часть прилагательных на *-ический* образовалась непосредственно от основ иноязычных прилагательных с помощью суффикса *-еск-* (с чередованием *к→ч* перед суффиксом): *geometricus, géometrique— геометрический* и т. п. Однако создающееся в русском языке соотношение однокоренных прилагательных и существительных, не имеющих в своем составе элементов *-ик-а, -ик*, способствовало выделению как особой морфемы звукового комплекса *-ическ-* (*геометрия — геометрический, ортография — ортографический, термометр — термометрический, медаль — медалический*).

У прилагательных, соотносительных в русском языке с существительными на *-ия* и бессуффиксными (на твердый или мягкий согласный), выделялся суффикс *-ическ-*. В других случаях соотно-

шение с однокоренными существительными обусловливало выделение вариантных суффиксов *-еск-* (с необходимо предшествующим ему звуковым комплексом *-ич-*) — у прилагательных, соотносительных с существительными на *-ик-а*, *-ик-* (*оптика — оптический*, *математика — математический*, *циник — цинический*) и *-атическ-* — у прилагательных, соотносительных с греческими по происхождению существительными на *-ма* (*эмблема — эмблематический*, *призма — призматический*, *спазма — спазматический*, *программа — программатический*, *драма — драматический*, *догма — догматический*, *эпиграмма — эпиграмматический*) [166].

Прилагательные с суффиксом *-ическ-* и его вариантами *(-ич)еск-* и *-атическ-* образуют единый словообразовательный тип. Единство это создается общностью производящих основ и значения. В дальнейшем прилагательные на *-ический*, *-(ич)еский* и *-атический* будут рассматриваться вместе, без указания каждый раз состава того или иного слова.

В прилагательных, соотносительных с существительными на *з*, *с*, *зия*, *сия*, *зм*, в качестве конечного согласного основы обычно выступали звуки *т* (в соотношении с *з*, *с*) или *ст* (в соотношении с *зм*), что отражало чередования звуков, свойственные тем языкам, откуда происходило заимствование. Например: *гипноз — гипнотический*, *астазия — астатический*; *эллипс- — эллиптический*, *апоплексия — апоплектический*, *каталепсия — каталептический*, *хаос — хаотический*; *синхронизм — синхронистический*, *софизм — софистический*, *сарказм — саркастический*, *афоризм — афористический*.

Однако в таких случаях прилагательные могли сохранять в основе и тот конечный согласный, который имело существительное, соотносительное с ними, в русском языке (*синтаксис — синтаксический*, *эпилепсия — эпилепсический*). Это приводило к созданию вариантных словообразовательных форм типа *апокалипсический — апокалиптический*, *эллипсический — эллиптический*, *экстазический — экстатический*, *апоплексический — апоплектический*. Параллельное функционирование таких вариантных форм заканчивалось, как правило, утратой формы без чередования звуков, т. е. побеждали образования, более точно отражающие звуковой состав заимствуемого слова (ср., однако, такие широко употребительные формы, как *синтаксический* [167] и некот. др).

---

[166] Элемент *-ат-* присутствует и в других словах, производных от существительных на *-ма*: *догматик*, *флегматик*, *драматизм*, *эпиграмматист* и под. В прилагательном *пантомимический* звуковой комплекс *-ат-* отсутствует, так как соотносительное с ним существительное *пантомима* принадлежало в греческом языке к иному типу склонения.

[167] Характерно замечание А. А. Потебни по поводу этого слова: «Следует: *синтактические*. Тема *таксик* вымышленная, не русская и не греческая» (Некролог А. В. Попову в кн.: А. В. Попов. Синтаксические исследования. Воронеж, 1881, стр. 1).

Словообразовательный тип прилагательных на *-ический* появляется в русском языке не позднее начала XVIII в. [168] и на протяжении XVIII—XIX вв. интенсивно пополняется общелитературной книжной лексикой и терминологией различных наук. Вот некоторые слова, отсутствующие в Словаре АР и Словаре 1847 г. и встречаемые в текстах начала XIX в.: *дагерротипический, акаталектический, иперкаталектический, априорический, калейдоскопический, контрапунктический, пиррихический, амфибрахический, рапсодический, сциентифический.* Прилагательные на *-ический*, так же, как и прилагательные на *-ский*, выражали отношения к предмету, названному соотносительным существительным, причем в огромном большинстве случаев существительное, соотносительное с прилагательным, обозначало предмет неодушевленный: *микроскоп — микроскопический, догма — догматический, сцена — сценический, драма — драматический.* В тех случаях, когда строение прилагательного допускало возможность его соотнесения и с существительным неодушевленным, и с именем лица (например, *астрономический — астрономия* и *астроном, географический — география* и *географ, математический — математика* и *математик*), значение прилагательного обычно свидетельствовало об отсутствии словопроизводственных связей между прилагательным и именем лица (подробнее об этом см. § 71—72). Однако в немногочисленных случаях прилагательные на *-ический* были соотносительны и в семантическом, и в структурном отношении только с именами лиц, обозначая «свойственный», «такой, как у...»: *сангвинический — сангвиник, холерический — холерик, патриотический — патриот, аскетический —аскет, атлетический — атлет.*

Для истории прилагательных с суффиксом *-ическ-* на протяжении XIX в. особенно характерны два процесса: 1) взаимодействие между прилагательными на *-ический* и однокоренными образованиями с другими суффиксами (*-ск-, -н-, -ов-, -альн-*) [169]; 2) раз-

[168] Например, в «Ведомостях» за 1703 г.: «В *математической* штурманской школе» (2 генв. 1703). Н. Смирнов в указанной работе приводит следующие прилагательные на *-ический*: *анатомический, алгебраический, гармонический, гипотетический, категорический, механический, политический, теоретический, физический, химический, эклектический, экономический, юристический.* Прилагательные на *-ический* широко представлены у Ломоносова (например: *ромбоический, конический, термометрический*), Тредьяковского (например: *ортографический, эпиталамический*) и их современников. Поэтому нельзя согласиться с мнением Н. В. Костроминой («Значение и употребление имен прилагательных с суфф. *-ический* в первой трети XIX в.» —«Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та», т. LXXIII, вып. 6, 1959, стр. 321), относящей появление этого словообразовательного типа к концу XVIII — нач. XIX в. на том основании, что в «Материалах для словаря древнерусского языка» А. Дювернуа такие прилагательные отсутствуют, а в Словаре П. Алексеева они единичны.

[169] Об однокоренных прилагательных с суффиксами *-ическ-* и *-альн-* см. § 56.

витие у прилагательных на *-ический* качественных значений, в связи с чем от тех же основ производятся прилагательные с суффиксом *-ичн-*, используемые как специализированное средство выражения качественных значений.

Взаимодействие прилагательных с суффиксом *-ическ-* и однокоренных прилагательных с простыми суффиксами

Прилагательные с суффиксами *-ическ-* и *-ск-*

§ 71. Наряду с прилагательными на *-ический*, образованными от основ иноязычных прилагательных, в литературном языке функционировали прилагательные, произведенные с помощью суффикса *-ск-* непосредственно от основ бытующих в русском языке однокоренных существительных. Парные прилагательные такого рода могли возникать или одновременно (*типографский — типографический* [170], *философский — философический*), или в разное время. В последнем случае прилагательные на *-ический* могли быть как более поздними образованиями (ср. тождественные по значению *океанский* и *океанический* — специальный термин, отмеченный впервые, по-видимому, в Словаре Толля), так и более ранними (ср. пары типа *эстетический* и *эстетский*, в которых образования на *-ский* были, по-видимому, более поздними). Однокоренные прилагательные на *-ический* и *-ский* часто были тождественны по значению. Это объясняется тем, что образования на *-ский* так же, как и образования на *-ический*, нередко соотносились в словопроизводственном и семантическом отношении с существительными предметного или отвлеченного значения, а не с именами лиц, например, *типография — типографический* и *типографский*. В литературном языке XIX в. функционировали как равнозначные такие не соотносительные с именами лиц прилагательные, как *типографский — типографический*, *литографский — литографический*, *теорийский* (Сл. 1847 г.) — *теоретический*, *глаголитский — глаголитический*, *гимназийский* (у Никитенко, с сохранением *j* производящей основы) — *гимназический*.

В большинстве случаев употребление в течение некоторого времени таких прилагательных как равнозначных заканчивалось утратой прилагательного, более далекого от своего иноязычного образца, т. е. прилагательного с суффиксом *-ск-*. Так, утрачиваются образования *теорийский*, *гимназийский*, *глаголитский*, *литографский*. Лишь в некоторых случаях, например, в паре *типографский — типографический*, побеждает образование с суффиксом — *-ск-* [171].

---

[170] Квалифицируются как равнозначные в Словаре 1847 г.

[171] Прилагательные *типографский* и *типографический* функционировали как равнозначные приблизительно до середины XIX в.

§ 72. Семантические отношения между однокоренными прилагательными на *-ический* и *-ский* были сложнее в тех случаях, когда прилагательные на *-ский* соотносились по значению и с именами лиц, и с существительными неодушевленными (*философский — философ* и *философия*, *демагогский — демагогия* и *демагог*). Употребление как равнозначных в течение некоторого времени прилагательных такого типа заканчивалось обычно их семантической дифференциацией: прилагательные на *-ский* тяготели к подчеркнутому выражению отношения к лицу. Различия в конкретной истории соотношений рассматриваемых прилагательных часто определялись строением основы производящих существительных, которое в свою очередь определяло структуру прилагательного.

В соотношении с продуктивным типом имен лиц на *-ист* образование прилагательных с суффиксом *-ск-* в XIX в. было возможно (ср. такие образования, отмеченные в Словаре 1847 г., как *гимназистский*, *кантонистский*, *протоколистский*, *канцеляристский*, *колонистский*, *копеистский*), хотя и было затруднено фонетически — скоплением согласных на стыке производящей основы и суффикса прилагательного. Чаще в таких случаях (при отсутствии необходимости подчеркнуть отношение к лицу) образовывались прилагательные с суффиксом *-ическ-*, соотносительные и с именами лиц на *-ист*, и с отвлеченными существительными на *-изм*: *энтузиастический* (Яновск., Нов. словотолк.); *гуманистический* (Белинск., п. А. И. Герцену, 6 апр. 1846); *рационалистический* (Сл. 1847 г.); *фаталистический* (Там же); *эгоистический* (Там же); *пессимистический*. Прилагательные же на *-(ист)ский* производились активно преимущественно от существительных на *-ист*, образованных от собственных имен (в таких случаях парные образования на *-(ист)ический*, как правило, отсутствовали) [172]:

Обвиняюсь в распространении *фурьеристского* толка (Показания М. В. Петрашевск., между 19 и 26 мая 1849); *карлистский* офицер (Совр., 1847, т. III); *бонапартистская* шайка (Отеч. зап., 1872, № 4).

В тех случаях, когда прилагательное не обозначало подчеркнутого отношения к лицу, в процессе параллельного употребления прилагательные на *-ист(ский)* обычно уступали прилагательным на *-ический*, имевшим по сравнению с ними преимущества в звуковом (легкость произношения) и семантическом отношении (благодаря возможности их соотнесения и с именами лиц на *-ист*, и с отвлеченными существительными с суффиксом *-изм* они обладали бóльшей семантической емкостью). Так, уходят из употреб-

---

[172] Ср., однако: Они почитали за грех носить узкие фижмы, которые слыли *янсенистическими* (Телеск., 1831, № 23).

ления прилагательные *атеистский*, *коммунистский*, *империалистский*, *нигилистский*, *интернационалистский*, вытесненные образованиями *атеистический*, *коммунистический* и под. Сосуществование как равнозначных перечисленных выше образований на *-(ист)ский* и *-(ист)ический* отмечается до первых десятилетий XX в.

К о м м у н и с т с к и й:

Коммунистская республика (Филарет, Письма Антонию, IV, 73. ЛК); общество *коммунистское* (Показания Ф. Н. Львова, 1849); пропаганда фурьеристская, *коммунистская* и либеральная (Там же).

К о м м у н и с т и ч е с к и й:

Коммунистические идеи (Русск. старина, 1880, № 1); характер резко *коммунистический* (Герц., Письма из Франции и Италии, XIII); *коммунистическая* система (Писарев, Ист. эскизы, XVII); *коммунистическое* направление (Черн., Оч. из полит. экономии); *на коммунистических* началах (Леск., Загадочн. чел., 35).

Вот еще несколько примеров употребления подобных прилагательных в конце XIX — первые десятилетия XX в.:

Империалистический орган «Pays» (Отеч. зап., 1872, № 4); *националистский* лагерь (Корол., Неск. мыслей о национализме. ЛК); *коллективистические* идеалы (П. Струве. Критич. заметки к вопросу об экономич. развитии России. ЛК); *символистические* стихи (Брюсов, Дневн., 16 марта 1894); *импрессионистский* свет и цвет, *импрессионистское* понимание пластических задач, *импрессионистская* техника (Аполлон, 1913, окт., № 8); *урбанистская* культура (Н. Евреинов, Оригинал и портретисты).

Позднее, по-видимому, во второй четверти XX в., число образований на *-(ист)ский*, не выражающих подчеркнутого отношения к лицу, сокращается (за исключением немногочисленных прилагательных типа *марксистский*, *меньшевистский*, *большевистский*, семантически более связанных с именами на *-изм*, чем на *-ист*).

Прилагательные на *-(ист)ский* сохраняются для выражения отношения к лицу (*контрабандистский*, *очеркистский*, *журналистский*, *активистский*, *правдистский* и под.), причем обычно однокоренные образования на *-изм* и на *-(ист)ический* отсутствуют.

В середине XX в. отмечается рост употребительности прилагательных на *-(ист)ский*, но уже не как дублетов образований на *-ический*, а как их экспрессивно-окрашенных синонимов. Такие прилагательные нередко не выражают отношения к лицу, так как соответствующие имена лиц реально не употребительны, а соотносятся с существительными на *-изм* (ср. *нейтральный* и совр. *нейтралистский*; старое *пропагандный* и *пропагандистский*; *империалистическая* система и *империалистская* политика; *колониальная* система и *колониалистский* грабеж). Они содержат оттенок неодобрительной оценки признака, превышения «нормы» признака. Ср. например, *универ-*

сальный и «*универсалистские* тенденции дескриптивной лингвистики»[173]; психологизирование на модный *фрейдистский* манер (Лит-ра и жизнь, 16 ноября 1960) и *фрейдовский*; *буквалистские* ответы (из устной речи) и *буквальный*; *физикалистские* термины и *физические* термины; *максималистские* и *максимальные* требования; *рационалистский* и *рационалистический*, *рациональный* подход.

Прилагательным на *-(ист)ический* подобный оттенок чужд, они всегда нейтральны: *фольклористические* исследования; *колористический* и графический дар (Лит. газ., 6 авг. 1960); описание природы языка *операционалистическими* методами (В. Звегинцев, Дескриптивная лингвистика); *славистический* съезд; *филателистическая* контора; *пианистические* произведения.

§ 73. Указанные тенденции семантической дифференциации прилагательных с суффиксами *-ск-* и *-ическ-* действовали и в прилагательных, соотносительных с именами лиц, не имевшими в своем составе суффикса *-ист*. Большая часть прилагательных на *-ский*, соотносительных с именами лиц, расходилась по значению с однокоренными прилагательными на *-ический*. В результате этого происходило изменение соотношений прилагательных с однокоренными существительными. Если в период употребления подобных прилагательных как равнозначных были соотношения *демагогский — демагог* и *демагогия*, *демагогический — демагог* и *демагогия*, то впоследствии соотношения с существительными стали иными: *демагогский — демагог*, *демагогический — демагогия*; *готский — гот*, *готический — готика*; *эстетский — эстет*, *эстетический — эстетика*; *акробатский — акробат*, *акробатический — акробатика*; *геройский — герой*, *героический — героика*. В языке XIX в. такие соотношения еще только складывались, рассматриваемые прилагательные на *-ский* и *-ический* часто употреблялись недифференцированно:

Руническое и *готское* письмо (Карамз., И. Г. Р., I); На *готической* лошади галопирует дерптский фогт Цвибель (Марл., Ревельск. турнир); *меломаническая* лихорадка (Вяземск., Поживки франц. журналов в 1827 г.), *меломаническое* самозабвение (Белинск., «Горе от у.» Грибоедова; ср. *меломанский*); *акробатское* представление (Леск., Чертовы куклы, 9; ср. *акробатический*); *акробатические* показания [свидетелей] (Речь прокурора Кони, 1875 г.).

В соответствии с указанной выше тенденцией к семантической дифференциации прилагательных на *-ский* и *-ический* многие образования на *-ский* утрачивали активность, оставаясь лишь потенциальными образованиями (*акробатский*, *демагогский*), используемыми при необходимости четко обозначить отношение к лицу, тогда как прилагательные на *-ический* могли выражать отношение к лицу и не-лицу:

---

[173] См.: **В.** Звегинцев. Дескриптивная лингвистика. В кн.: Г. Глисон. Введение в дескрептивную лингвистику. Перевод с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат, М., 1959.

Минута *библиоманического* оцепенения (В. Одоевск., Русск. ночи, 3); Нахожусь теперь в самом *мизантропическом* настроении (Тург., Дым, XIV).

По-иному развертывалась история соотношений прилагательных *философский* и *философический*. Первое утрачивает значение отношения к лицу, отмечаемое у него Словарем АР и Словарем 1847 г., и принимает значения, свойственные прилагательному *философический*, вытесняя последнее из употребления. В Словаре АР и Словаре 1847 г. значения этих прилагательных определяются различно: *философский* — «приличный или свойственный философам» (Сл. АР), *философический* — «относящийся к философии» (Сл. АР). Однако живое словоупотребление, отраженное в разных текстах изучаемого периода, показывает, что значение отношения к лицу у прилагательного с суффиксом *-ск-* было малоупотребительным и не единственным. Обычно прилагательное *философский* употреблялось в том же значении, что и *философический*, так как прилагательное *философский* воспринималось преимущественно как образование от слова *философия*, а не от слова *философ*. Значение отношения к лицу у этого слова встречается редко:

Тихо-де-Браге должен был оставить свой *философский* замок и отечество (Карамз., П. р. п., I); строгая *философская* жизнь Канта (Мнемоз., 1824, ч. 3); смотря *философским* оком на мир (Булг., Ив. Выж., I).

Доказательством тождественности значения прилагательных *философский* и *философический* является их употребление в одних и тех же контекстах, у одних и тех же писателей. Так, например, в опубликованной в «Московском вестнике» за 1828 г. (№ 21—22) критике «Философских отрывков» Кузеня автор использует рассматриваемые слова без всякой дифференциации, пишет то *вопросы философические*, то *вопросы философские*, именует критикуемое сочинение то *Философические отрывки*, то *Философские отрывки*. Функционирование этих образований как равнозначных было широко представлено вплоть до 40-х годов XIX в. Во второй половине XIX в. употребительность прилагательного *философический* затухает. Оно сохраняется еще у некоторых писателей, словоупотребление которых складывалось в первой половине XIX в. (М. Дмитриев, И. Тургенев и др.).

В конце XIX в. прилагательное *философический* могло использоваться с особыми стилистическими целями.

В некоторых случаях различие в образовании прилагательных с суффиксами *-ическ-* и *-ск-* уже при их создании использовалось для их семантической дифференциации, например, *евангельский* — «относящийся к евангелию», а *евангелический* — «относящийся к особой протестанской секте» (евангеликам).

Прилагательные с суффиксами *-ическ-* и *-н-*

§ 74. Время появления бытующих в литературном языке XIX в. однокоренных образований с суффиксами *-ическ-* и *-н-* (первые производились от иноязычных прилагательных, вторые — от соответствующих существительных, употребительных в русском языке) было различным. В тех случаях, когда соответствующее однокоренное существительное имелось уже в древнерусском языке, наряду с ним обычно функционировало уже в тот период прилагательное с суффиксом *-н-*. Параллельные же образования на *-ический* создавались позднее (не ранее XVIII в.), в эпоху акти-

визации заимствования из западноевропейских языков. Так, прилагательное *ароматный* (а также и *ароматский*) употреблялось уже в древнерусском языке, а *ароматический* образовалось вероятно, не ранее XVIII в. (встречается у Ф. Эмина в «Приключениях Фемистокла», 1763 г.). Ср. следующее замечание С. Шевырева: «В Четьи-Минее употребляется слово: *ароматный*; в Акафисте великом Варваре: *ароматский*; но *ароматический* форма совершенно новая» (Москвит., 1841, март).

Точно так же прилагательное *нервный* образовалось раньше, чем *нервический*.

В тех случаях, когда вся лексическая группа относится к области поздних заимствований (XVIII—XIX вв.), среди которых много научных терминов, соотносительное время появления рассматриваемых прилагательных было иным. Обычно первоначально возникали образования на *-ический*, воспроизводящие структуру соответствующих иноязычных прилагательных, и лишь значительно позднее на русской почве от соответствующих существительных образовывались прилагательные с суффиксом *-н-*. Так, например, прилагательное *телеграфический* встречается с самого начала XIX в., первоначально, по-видимому, в переводах иноязычных текстов:

> *Телеграфическое* уведомление (В. Е., 1802, № 12). В более позднее время: *телеграфическая* деятельность (Вяземск., Автобиогр. введ., X); *телеграфическая* новость (Герц., Б. и д., 7, LXI, VI); *телеграфическое* краткое письмо (Л. Толст., п. жене, 1871); *телеграфические* известия (Плех., 1 мая 1890 г.).

Прилагательное *телеграфный* образуется, по всей вероятности, не ранее середины XIX в. (впервые отмечено в Словаре Даля). Ср. примеры употребления слова *телеграфный* в 60-х годах XIX в. в официальной переписке по поводу учреждения первого русского телеграфного агентства:

> Учредить Русское *телеграфное* агентство (Бирж. вед., 12 мая 1866); ходатайство Берлинской Континентальной *телеграфной* компании; частная *телеграфная* контора; Русское *телеграфное* агентство (Там же, 13 мая 1866. Сообщение министра почт и телеграфов министру внутр. дел) [174].

Из пары прилагательных *микроскопический — микроскопный* более ранним также было, по всей вероятности, образование с суффиксом *-ическ-*. Оно широко употребительно в 30-х годах XIX в. с относительным значением, иногда очень близким значению родит. пад.

---

[174] Примеры заимствованы из статьи Б. И. Есина «К истории телеграфных агентств в России XIX в.» («Вестн.МГУ», № 1, 1960, Серия VII, стр. 63).

Все нервы его получали *микроскопическую* способность (В. Одоевск., Русск. ночи, 7; т. е. способность микроскопа); множество драгоценных *микроскопических* наблюдений (Моск. набл., 1837, апр., кн. 2). Его *микроскопическая* проницательность везде видит пятна (Телеск., 1832, № 3); Английское *микроскопическое* общество [заголовок] (Б-ка для чт., 1843, т. LVIII); занимается *микроскопическими* наблюдениями (Писарев, Базаров).

Прилагательное *микроскопный* впервые отмечено в Словаре 1847 г. (где помещено и *микроскопический*) с толкованием: «То же, что *микроскопический*». В текстах встречается редко и лишь в конце XIX в.

§ 75. На протяжении XIX в. история взаимодействия разных групп рассматриваемых прилагательных с суффиксами *-ическ-* и *-н-* была различной.

Прилагательные на *-ический* и на *-ный*, соотносительные с существительными, обозначающими конкретные предметы, обычно употреблялись как равнозначные в первой половине XIX в., а иногда и позднее: *нервный — нервический, бальзамный — бальзамический, кристальный — кристаллический, телеграфный — телеграфический, телефонный — телефонический, телескопный — телескопический, ароматный — ароматический* [175], *метеорный — метеорический, микроскопный — микроскопический, атмосферный — атмосферический*. Вот примеры употребления слов *ароматный* и *ароматический* со значением «обладающий ароматом», *панорамный* и *панорамический* со значением «составляющий панораму», *кристальный* и *кристаллический* со значением «имеющий форму кристалла», «состоящий из кристаллов»:

Ароматический пар горячего кушанья (Карамз., Нат., боярск. дочь); *ароматические* благоухания цветов (Моск. телеграф, 1826, № 6); *ароматический* запах (С. Акс., Детск. годы Багр. вн., Дорога до Парашина); вечер благодатный С прохладою и негой *ароматной* (Козлов, К Италии); Как под себя не постлал я трав *ароматных* и свежих? (А. А. Дельв., Купальницы); *ароматный* запах южной акации (Москвит., 1841, февр.); *панорамный* вид полуострова (Гриб., Пут. зап., VII); мемуар о дагерротипе *панорамическом* (Стасов, Фотогр. и гравюра. ЛК); взяв хлеба про запас с *кристальной* крупной солью (А. Майк., Рыбн. ловля); Концертная зала — целое строение... на манер *кристального* дворца (Григорович, Корабль «Ретвизан», II).

---

[175] Эти и последующие слова толкуются в Словаре 1847 г. одно через другое.

Прилагательное *атмосферический* (с тем же значением, что и *атмосферный* и наряду с ним) встречается до 80-х годов XIX в.:

Атмосферический воздух (Тр. Вольн. эконом. об-ва, 1810, т. XII; Телеск., 1831, № 23 и др.— в переводах с нем. и англ.); *атмосферический* столб; закон *атмосферической* тяжести (Козловский, Краткое начертание теории паровых машин, 1. Совр., 1837, т. VII); *атмосферическая* теплота (Москвит., 1851, № 2); причины *атмосферических* явлений (Речь присяжн. повер. Н. П. Карабчевского, 1885). Ср. употребление в тот же период прилагательного *атмосферный*: *Атмосферный воздух* (Тр. Вольн. эконом. об-ва, 1813, т. LXV); *атмосферная* пыль (Моск. телеграф, 1826, № 8); условия *атмосферные* (Совр., 1847, т. III, № 5).

К концу XIX в. слово *атмосферический* закрепляется в узкой сфере специальной терминологии.

Во второй половине XIX в. утрачивались многие образования на *-ический* с основами предметного значения, являющиеся словообразовательными дублетами к соответствующим прилагательным с суффиксом *-н-*: *телефонический*, *телеграфический*, *панорамический*, *метеорический*. Это, несомненно, объясняется тем, что суффикс *-ическ-* тяготел к сочетанию с основами отвлеченного значения.

В ряде случаев происходила дифференциация значений рассматриваемых прилагательных, в связи с чем в языке сохранились оба слова. В соответствии с общим значением суффиксов *-ическ-* и *-н-* образования на *-ный* выражали отношение к конкретному предмету, тогда как образования с суффиксом *-ическ-* имели более отвлеченные, иногда терминологические значения. Ср. приведенные выше примеры употребления слов *телеграфический*, *микроскопический* и: *микроскопное стекло* (Сл. 1847 г.); поверхность *микроскопного* стеклышка (Сеченов, Физиол. оч., I. Кровь, ее состав и свойства); *телеграфные* приборы (ПСЗ, 1895, т. XV, § 11332); *телеграфные* столбы (Там же).

Аналогичным образом характеризуют значение подобных слов примеры в Словаре Даля: «*Телеграфная* станция, маячный стан. *Телеграфические значки*»; «*Телескопические* планеты, незримые простым глазом. *Телескопное* устройство», т. е. устройство телескопа.

В том же направлении в конце XIX в. проходило разграничение значений слов *ароматный* и *ароматический*. Первое употребляется в общелитературном языке со значением «обладающий ароматом, душистый»; второе, сохраняя возможность такого употребления, переходит в разряд специальной терминологии со значением «приготовленный из ароматов». Ср. различие значений прилагательных *фосфорный* («относящийся к фосфору», «сделанный из фосфора») и *фосфорический* («мерцающий таким светом, как фосфор»).

В отдельных случаях одно из парных образований развивало качественные значения. Так, слово *микроскопический* получило значение «чрезмерно малый, крошечный», слово *кристальный* — «прозрачный, чистый».

Микроскопические подробности (Совр., 1847, т. III, № 5); сравнил англичан с китайцами по мелочной, *микроскопической* деятельности (Гонч., Фр. «Пал.», От Кронштадта до мыса Лизарда); тысячи *микроскопических* неудобств (Эрт., Гард., 2, VIII); *кристальный* звук (Полонск., Свежее преданье).

§ 76. Среди прилагательных с суффиксами *-ическ-* и *-н-*, соотносительных с основами непредметного значения, также существовали пары слов, тождественных по значению. Однако у образований этого рода обычно выходили из употребления прилагательные не на *-ический*, а на *-ный*. Это также объясняется общим значением словообразовательной модели прилагательных с суффиксом *-ическ-* — тяготением этого суффикса к сочетанию с основами отвлеченного значения. Так, из парных прилагательных *парабольный — параболический* (Сл. 1847 г.), *синонимный — синонимический* (там же), *химерный — химерический* (там же), *диетный — диетический*, *мелодийный — мелодический*, *мелодрамный — мелодраматический* образования на *-ный* во второй половине XIX в. становятся мелоупотребительными или совсем перестают употребляться. В конце XVIII — первой половине XIX в. такие прилагательные функционировали наряду с образованиями на *-ический*:

Диетическое воспитание детей (Новиков, О воспит. и наставл. детей); *диетные* кушанья (С. Акс., Детск. годы Багр. вн., Зима в Уфе); *мелодийные* звуки (С. О., 1830. ЛК). Ср. в более позднее время: звукосочетание *мелодическое* (Серов, Русск. народн. песня. ЛК); *мелодрамный* герой (Доброл., Темн. царство, II); *мелодрамная* развязка (Герц., Сорока-воровка); *мелодраматический* злодей (Белинск., Соч. Пушк., 10); *мелодраматические* эффекты (Москвит., 1851, № 2).

Однако в некоторых случаях сосуществование прилагательных на *-ный* и *-ический* от основ непредметного значения заканчивалось уходом из употребления прилагательного с суффиксом *-ическ-*: *гуманический* (ср. *гуманный*) [176], *балладический* (ср. *балладный*), *баталический* (ср. *батальный*). По-видимому, эти прилагательные с суффиксом *-ическ-* были малоупотребительны и в литературном языке XIX в. Так, *баталический* нам встретилось лишь в Словаре 1847 г., где дается: «*Батальная* или *баталическая* живопись»; в Словаре Кирилова помещено только *батальный* (*баталический* отсутствует); *гуманический* — у Белинского и Вельтмана: обязанность *гуманическая*: находить и извлекать несчастие из среды преступления (Вельтм., Саломея, 7, 1); *балладический* в письме Е. Боратынского к Пушкину (1828 г.):

---

[176] Обширные материалы по употреблению слова *гуманный* см.: Ю. А. Бельчиков. Из истории слова *гуманность*. «Сб. статей по языкознанию. Профессору МГУ академику В. В. Виноградову», М., 1958.

Это совершенно *балладическое* произведение[177]. Вероятно, уход из употребления этих прилагательных объясняется тем, что они были созданы на русской почве и не имели поддержки в иноязычных прилагательных на *-icus*, *-ique* (ср. франц. *humain*, лат. *humanus*).

В тех случаях, когда образования на *-ический* и *-ный*, употреблявшиеся первоначально как равнозначные, расходились по значению, сохранялись оба образования: *экономный* и *экономический*, *реальный* и *реалистический*. Ср. употребление слова *реальный* во второй половине XIX в. в том значении, которое позднее закрепляется за словом *реалистический*:

Русский *реальный* певец (Минаев, Похв. слово воровству, 1); Перестроилось общество заново, Места нет в нем *реальным* творцам (Минаев, Через 25 лет, 1); его последня[я] вещь «Перед атакой Плевны»... сильна, *реальна* до гениальности! (Репин, п. В. В. Стасову, 18 апр. 1883); настоящий *реальный* пейзажист (Отеч. зап., 1872, № 4).

Прилагательные *экономический* и *экономный* употреблялись со значением «сбереженный от расходов», по-видимому, еще в период составления Словаря Даля, в котором находим: «*Экономический*, сбереженный; скопленный бережливостью, скопидомством». «*Экономный*, хозяйственный, бережливый, расчетливый; сбереженный». Ср. ранее:

Тетка уделила ему на дорогу немного из своей *экономической* суммы (Совр., 1847, т. III, № 5).

В дальнейшем прилагательное *экономический* функционирует преимущественно со значением «относящийся к экономике», реже со значением «основанный на экономии, выгодный» (*экономический* способ воспитания. Совр., 1847, т. III, № 5), значение же «хозяйственный, бережливый» оно утрачивает.

Прилагательное *экономный* является, вероятно, более поздним образованием, чем *экономический*. В процессе дифференциации значений этих прилагательных за словом *экономный* закрепляется качественное значение «хозяйственный, бережливый», чему способствует приспособленность слов с суффиксом *-н-* к образованию форм сравнительной степени, отвлеченных существительных на *-ость* и пр. Например: *экономность* (Совр., 1847, т. III, № 5); жили *экономнее* (Там же).

Прилагательные с суффиксами *-ическ-* и *-ов-*

§ 77. Словообразовательный параллелизм между образованиями с суффиксами *-ическ-* и *-ов-* — был мало развит, так как сочетаемость этих суффиксов с производящими основами была очень различной. Однако в XIX в. встречаются отдельные дублетные образования типа *кастовый — кастический*, *бомбовый — бомбический*, *асфальтовый — асфальтический* (Сл. 1847 г.).

Кастическая ненависть и *кастическое* уважение (Бутк., Пб. верш., 1, Сто рублей); Пушек на нем было шесть, да

[177] Пример заимствован из указанной работы Н. В. Костроминой, стр. 324.

ИРЯ
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
www.ruslang.ru

все *бомбические* (Москвит., 1856, май, № 2); *кастические* особенности (Писарев, Пчелы, II).

Прилагательные этого рода с суффиксом *-ическ-* были, по-видимому, окказиональными образованиями.

Различие в значении суффиксов *-ическ-* и *-ов-* приводило к тому, что некоторые однокоренные образования с этими суффиксами (число их очень невелико) были различны по значению, например *цилиндровый* («относящийся к цилиндру») и *цилиндрический* («имеющий форму цилиндра»).

Образование прилагательных с производным суффиксом *-ичн-*. Взаимодействие прилагательных с суффиксами *-ическ-* и *-ичн-*

§ 78. Иноязычные прилагательные на *-ikos*, *-icus*, *-ique*, *-isch* могли оформляться в русском языке с помощью суффикса *-н-* (с чередованием *к*→*ч* перед суффиксом). В результате соотношения этих прилагательных с употребительными в русском языке однокоренными существительными из состава подобных прилагательных выделялся суффикс *-ичн-* (*куб—кубичный*) с вариантами, аналогичными вариантам суффикса *-ическ-*: *-(ич)н-* (*циник — циничный*, *патетика — патетичный*) и *-атичн-* (*драма — драматичный*). Прилагательные с суффиксом *-ичн-* и его вариантами образуют единый словообразовательный тип и будут в дальнейшем рассматриваться вместе.

Отдельные образования с суффиксом *-ичн-* встречаются с начала XVIII в.: Маетности королевские *экономичные* (Письма и бумаги Петра В., III) [178]; *физичное* и моральное Крыма положение (Ордер гр. Румянцева... 17 ноября 1777 г.). У Ломоносова: *кубичное* положение (Рассужд. о твердости и жидкости тел, § 21). Ср. там же: в фигуре *кубической* (§ 20); тело *кубическое* (§ 20).

Образования с суффиксом *-ичн-* появляются первоначально как чистые словообразовательные дублеты, не отличающиеся ни по значению, ни по стилистической окраске от соотносительных прилагательных с суффиксом *-ическ*. Таковы слова *эмфитеутичный* («правильнее же *эмфитеотический*, греческ. — принадлежащий к наследственному арендаторству». Яновск., Нов. словотолк.), *мозаичный* («то же, что *мозаический*». Сл. 1847 г.; «мозаика или *мозаичные* работы». Сл. Кирил.).

Ср. употребление прилагательных *меланхоличный* и *меланхолический* в журналах Новикова: Не любим *меланхоличных*

---

[178] Это единственное прилагательное с суффиксом *-ичн-*, приводимое Н. Смирновым в указанной работе. Характерно, что оно помещено здесь под словом *экономический*, вместе с прилагательными, содержащими суффикс *-чески-*.

писем (Вс. всячина, 1 мая 1769); *Меланхолических* писем читать не любит (Трутень, 1769, V).

Часть образований этого рода была недолговечной, например *физичный* (пример см. выше), *тропичный* (кости огромных животных *тропичных*. Атеней, 1828, № 4), и вытеснялась прилагательными с суффиксом *-ическ-*.

Эта наметившаяся возможность вовлечения в русский язык заимствованных прилагательных на *-icus*, *-ique* не только с помощью суффикса *-ическ-*, но и с помощью суффикса *-ичн-* в дальнейшем получила особое использование. В связи с развитием у прилагательных на *-ический* качественных значений появилась необходимость в образовании морфологических средств их выражения (форм сравнительной степени, кратких форм, наречий на *-о*, отвлеченных существительных), к чему прилагательные на *-ический* были не приспособлены и для чего удобным средством были прилагательные с суффиксом *-ичн-*. Ср. следующее замечание Я. К. Грота: «Окончание *-ический* обыкновенно переводит к нам иностранные прилагательные на *-icus* (франц. *-ique*, немецк. *-isch*)...; иногда для сокращения формы и для удобства образования краткого прилагательного (разрядка моя. — *Е. З.*), употребляется в том же значении суфф. *-ичный*: *поэтичный*, *логичный*...» [179].

По-видимому, с начала XIX в. прилагательные с суффиксом *-ичн-* начали использоваться в качестве морфологического средства выражения качественных значений, развивающихся у прилагательных с суффиксом *-ическ-* [180]:

> Яковлев... чрезвычайно был *эксцентричен* (Жих., Воспом. ст. театр., III); Это слово *эгоистично* (А. И. Тург., п. П. А. Вяземскому, [окт.] 1813).

Интересный пример такого употребления образований с суффиксом *-ичн-* содержится в «Новом словотолкователе» Яновского. В качестве отвлеченного существительного к прилагательному с суффиксом *-ическ-* *эластический* составитель помещает слово *эластичность* (с вариантом *эластичество*, не удержавшимся в языке) [181].

К середине XIX в. такое употребление прилагательных с суффиксом *-ичн-* делается очень распространенным:

> [Настоящее поколение] не относилось так *цинично* ко всему благому и прекрасному (Никитенко, Дневн., 15 апр. 1834);

---

[179] Я. К. Грот. Филологические разыскания, т. II, стр. 350.

[180] Это явление подробно рассматривает В. А. Гречко в статье «Параллельные имена прилагательные на *-ический* и *-ичный* в совр. русск. лит. языке» («Лексикографический сборник», вып. V, М., 1962).

[181] В других случаях параллельное функционирование существительных на *-ичество* и *-ичность* также оканчивалось уходом из употребления образований на *-ичество*; ср., например, встречающиеся в начале XIX в. образования *эксцентричество* (Жих., Воспом. ст. театр., III) и *эксцентричность*.

Все это гораздо проще и *логичнее* (Там же, 15 февр. 1834); Что может быть *драматичнее* (Моск. набл., 1837, апр., кн. 2); Природа их гораздо *поэтичнее* и выше (Там же); До высочайшей степени *практичен* (Герц., Письма об изуч. прир., 1); Ее предмет конкретнее, *эмпиричнее* (Там же); Эта страстность ярче и *эксцентричнее* (Белинск., п. А. А., Т. А. и Н. А. Бакуниным, 8 марта 1842); Хор так певуч, *мелодичен* и ровен (Некр., Псовая охота, 2); ленив и *апатичен* (Белинск., п. И. С. Тургеневу, 1/13 марта 1847); Мечтают и чувствуют весьма *поэтично* (Остр., «Тюфяк» Писемского (рец.)); Еще *комичнее*... его донкихотский идеализм (Москвит., 1851, № 2); становится даже *комичен* (Там же).

Однако прилагательные с суффиксом *-ичн-* функционировали не только как средство, восполняющее морфологическую недостаточность прилагательных на *-ический*. Они широко употреблялись и в полной форме:

Патетичная игра (Жих., Зап. совр., II, 11, 12 и 13 апр. 1807); *апатичная* жизнь (Никитенко, Дневн., 11 янв. 1847); *несимпатичные* люди (Минаев, Демон, 1,4); *сценичная* пиеса (Савина, Горести и скитания, Петербург); *симпатичное* лицо (Там же); находила ее слишком *эксцентричной* (М.-Сиб., Прив. мил., 2, 1).

В дальнейшем происходит постепенное размежевание прилагательных с суффиксами *-ичн-* и *-ическ-*: первые становятся специализированным средством выражения качественных значений [182], тогда как вторые сохраняют обычно и относительные и качественные значения. В связи с семантической дифференциацией прилагательных с суффиксами *-ическ-* и *-ичн-* между ними возникает иногда стилистическое различие — прилагательные на *-ический* с относительными значениями могли входить в область специальной терминологии, что не было свойственно прилагательным на *-ичный*. Ср. *ароматические вещества* и *ароматичный воздух*, *драматическое искусство* и *драматичный тон*, *истерический припадок* и *рыдание баб истеричное* (Некрасов), *логическое отвлечение*, *логический анализ* и *логичный поступок*, *педагогический институт* и *(не)педагогичное поведение*.

---

[182] С этим связан тот факт, что прилагательные на *-ичный* и производные от них существительные и наречия могли создаваться для выражения качественных значений, спорадически возникавших у некоторых прилагательных с суффиксом *-ическ-*: Сплав калия с натрием... вполне *металличен* (Менд., Основы химии, 2, XXIV); Он учился русскому языку необыкновенно быстро и *грамматично* (Леск., Железн. воля, VI); *металличность* и вместе певучесть тона (Чайковск., Вторая неделя концертн. сезона. ЛК); Последнее стихотворение мне просто возвратили: «мало *пластичности*». ...Пишу я мало, все стараюсь создать что-нибудь *пластическое* (Брюсов, Дневн., 24 и 27 июня 1893); Милан... слишком *европеичен* (Там же, май-июнь 1902).

Таким образом, в процессе исторического развития большая часть однокоренных прилагательных с суффиксами *-ичн-* и *-ическ-* из словообразовательных вариантов становится разными лексемами, различающимися семантически и стилистически [183].

Выводы

В литературном языке XIX в. в словообразовании отсубстантивных прилагательных с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-* продолжались линии развития, идущие издревле: суффикс *-н-* использовался для производства прилагательных от основ существительных неодушевленных с конкретным и абстрактным значением, в том числе очень широко от иноязычных основ; суффикс *-ов-* — преимущественно для производства прилагательных от основ существительных неодушевленных с конкретным предметным значением; суффикс *-ск-*, основной сферой применения которого оставались образования от имен лиц, в кругу основ существительных неодушевленных сочетался по-прежнему с основами существительных, обозначающих понятия пространственные, общественные учреждения, коллективы и т. п.

Однако конструктивные преимущества суффикса *-ов-*, а также развитие качественных значений у прилагательных с суффиксом *-н-* способствуют активизации первого. Он начинает шире, чем раньше, сочетаться с основами существительных отвлеченных, применяясь там, где использование суффикса *-н-* было затруднено по причинам морфонологического характера, и замещая образования с суффиксом *-н-*, утратившие относительные значения (ср. такие пары, как *срочный — сроковый*, *вкусный — вкусовой* и под.). Таким образом изменения в лексической системе (утрата многими прилагательными на *-ный* относительного значения) приводят к изменениям в системе словообразования: расширяются словообразовательные связи суффикса *-ов-*, изменяются значение и характер функционирования суффикса *-н-*: если ранее он производил прилагательные с относительным значением, которые только в процессе их употребления могли получать качественные значения, то постепенно он приобретает возможность образовывать качественные прилагательные непосредственно, т. е. становится формантом, производящим и качественные и относительные прилагательные.

Кроме этого внутреннего, имманентного движения происходил и ряд иных процессов — в значительной степени под влиянием

---

[183] Лишь в редких случаях однокоренные прилагательные с суффиксами *-ическ-* и *-ичн-* являются словообразовательными вариантами слова (см.: А. И. Смирницкий. К вопросу о слове [Проблема «тождества слова»]. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. IV, 1954, стр. 36), например термины *кубический* и *кубичный*, *омонимический* и *омонимичный*, *синонимический* и *синонимичный*.

идущих извне импульсов (способы словообразования, свойственные узкой социальной или профессиональной среде, широкая волна иноязычных заимствований). Расширялись словообразовательные связи рассматриваемых суффиксов, что приводило к появлению новых словообразовательных типов. Таковы идущие, по-видимому, из просторечия образования от глагольных основ с суффиксом *-ов-* (типа *бросовый*, *гулевой*), зародившиеся в канцелярской речи образования от существительных на *-ение* с суффиксом *-ск-* (типа *правленский*, *учрежденский*), в публицистической речи — образования типа *освобожденский*, *примиренский*. При создании некоторых новых словообразовательных типов формируются сложные суффиксы на основе суффиксов *-ск-* и *-н-* (*-ическ-*, *-ческ-*, *-ичн-*, *-истск-* и др.), роль которых двояка. Одни функционируют с тем же общим значением, что и суффиксы простые, но за ними закрепляется строго очерченная сфера применения — они сочетаются только с вполне определенными семантико-морфологическими типами основ. Другие образуют новые словообразовательные типы, имеющие свое специфическое значение; таковы качественные прилагательные с суффиксом *-ичн-*, прилагательные с производными суффиксами, включающими иноязычные аффиксальные элементы *-абельн-*, *-озн-*, прилагательные с производным суффиксом *-истск-*, образующиеся иногда и при отсутствии соответствующих существительных с суффиксом *-ист* и отличающиеся по значению и стилистической окраске от однокоренных прилагательных на *-ический*.

В образовании отсубстантивных прилагательных действовала характерная для развития общей системы словообразования XIX в. тенденция к устранению дублетности, вариантности средств выражения. Изживается в значительной степени (но не полностью) дублетность образований с суффиксами *-н-* и *-ов-*, произведенных от основ с конкретным значением, дублетность образований с суффиксами *-ическ-* и *-ск-*, *-ическ-* и *-н-*, прилагательных с суффиксами *-н-*, *-ск-*, *-ов-* и с производными суффиксами, образованными из сочетания суффикса *-н-* с иноязычными аффиксальными элементами; разграничиваются по значению первоначально употреблявшиеся как равнозначные прилагательные с суффиксами *-ическ-* и *-ичн-*.

ИСТОРИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОБРАЗУЕМЫХ ОТ ГЛАГОЛЬНЫХ И ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ ОСНОВ

§ 79. В конце XVIII — нач. XIX в. образование прилагательных от глагольных основ происходило с помощью суффиксов *-м-*, *-л-*, *-уч-*, *-ач-*, *-льн-*, *-тельн-*, *-к-*, *-чив-*, производящих прилагательные только от основ глаголов, а также с помощью суф-

фиксов *-н-*, *-лив-*, *-ист-*, *-чат-* [184], производящих прилагательные также и от основ других частей речи. Среди этих морфем были и древнейшие первообразные славянские суффиксы (*-н-*, *-к-*), и суффиксы более позднего происхождения, перешедшие в систему словообразования прилагательных из других категорий (суффиксы причастий *-л-*, *-м-*, *-уч-*, *-ач-*), а также суффиксы производные, образовавшиеся из сочетания двух суффиксов в результате переразложения (*-льн-*, *-тельн-*, *-лив-*, *-чив*, *-чат-*). Происхождение этих формантов сказывалось и на характере их значений, и на их связях с производящими основами.

Для истории отглагольных прилагательных в XIX в. были особенно характерны два процесса:

1. В связи с развитием категории качества все отглагольные прилагательные утрачивали процессуальные значения, близкие значениям причастий, и развивали значения, основывающиеся на качественном осмыслении действия [185]. Этому способствовала и активизация категории причастий [186]. Развитие категории качества проявлялось в развитии качественных оценочных значений у прилагательных старых типов, а также в создании новых экспрессивно-оценочных типов отглагольных прилагательных (например, на *-ствующий*).

2. Второй процесс — это дифференциация значений отглагольных прилагательных с разными суффиксами и связанное с этим устранение словообразовательной дублетности. Эти процессы активнее проявлялись у прилагательных, образуемых с помощью суффиксов, сочетающихся как с именными, так и с глагольными основами: *-н-*, *-лив-*, *-чив-*, *-чат-*, *-ист-*.

Таким образом, первый из названных процессов охватывал почти все типы прилагательных, т. е. и чисто глагольные и глагольно-именные, второй же был преимущественно связан с прилагательными, образуемыми при помощи суффиксов, соединяющихся как с именными, так и с глагольными основами, менее распространяясь на собственно глагольные образования.

---

[184] В настоящем разделе будет рассматриваться также история отсубстантивных прилагательных с суффиксами *-лив-*, *-ист-* и *-чат-*, поскольку судьба отглагольных и отыменных образований, производимых с помощью одного и того же суффикса, была тесно связана.

[185] См.: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 185.

[186] См., например: И. С. Ильинская. К истории словарного состава русск. лит. языка XIX в. «Мат-лы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. III, М., 1953, стр. 174.

История прилагательных, образуемых суффиксами, сочетающимися только с глагольными основами

История прилагательных на *-тельн-ый* [187]

Прилагательные на -тельн-ый в конце XVIII—нач. XIX в.

§ 80. Суффикс *-тельн-*, образовавшийся в результате присоединения суффикса прилагательных *-н-* к основам nomina agentis на *-тель*, в конце XVIII — нач. XIX в. выступал как вполне сложившийся словообразовательный формант, производящий прилагательные непосредственно от основ глаголов [188]. В этот период прилагательные на *-тельн-ый* семантически соотносились непосредственно с глаголом и были лишены соотносительности с именами на *-тель* [189]; подтверждением этого может служить синонимичность их с прилагательными с суффиксом *-льн-* и причастиями, которые отношения к лицу не выражают [190]. Знаменательно, что ни в Словаре АР, ни в Словаре 1847 г. ни одно прилагательное на

---

[187] Прилагательные на *-тельн-ый* рассматриваются в ряде исследований: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 214; И. С. Ильинская. Указ. соч.; Ф. Г. Коровин. Прилагательные с суффиксом *-тельн-ый* в русск. языке. Канд. дисс. М., 1955; его же. К истории формирования суффикса *-тельн-* в русск. языке. «Уч. зап. Киргизского гос. заочн. пед. ин-та»., вып. 2, 1956; его же. Образование прилагательных на *-тельн-ый* в русск. языке. «Уч. зап. Киргизского гос. заочн. пед. ин-та», вып. 3, 1957; К. И. Семина. Семантико-грамматические процессы в группе прилагательных на *-тельн-ый* в русск. лит. языке с XVIII в. до наших дней. Канд. дисс. М., 1956; ее же. [Статья под тем же назв.] «Уч. зап. Свердловского гос. пед. ин-та», вып. XVI, 1958; Н. В. Кострома. Суффиксальное словообразование прилагательных в русск. лит. языке первой трети XIX в. Канд. дисс. М., 1961; ее же. Об именах прилагательных с суффиксами *-тельн-* и *-льн-* в первой трети XIX в. «Уч. зап. МГПИ», т. 158, 1960; Чжао Юнь-чжун. Отглагольные прилагательные в совр. русск. лит. языке. Канд. дисс. М., 1960. В настоящем разделе кратко излагаются выводы этих исследователей, подтверждающиеся и нашими материалами; более подробно, с привлечением новых материалов, освещаются те вопросы, которые остались не изученными или изучены недостаточно.

[188] Вызывает удивление, что в работах Ф. Г. Коровина, специально посвященных истории образования суффикса *-тельн-*, даже не ставится вопрос о том, в какое время он стал самостоятельным словообразовательным формантом.

[189] Неправильным является толкование Ф. Г. Коровиным в текстах Пушкина прилагательных *возмутительный* (манифест, рукописи), *соблазнительная* (честь) как обозначающих отношение к лицу. Критику такого толкования и подробный анализ значения этих прилагательных см. в диссертации Н. В. Костроминой, стр. 138—144.

[190] Для выражения отношения к лицу использовались прилагательные с суффиксом *-ск-*, резко отличающиеся по значению от прилагательных на *-тельный*; ср.: *учительный* (*тон*) и *учительский* (*дом*). В тех случаях, когда прилагательное на *-ский* получало обобщенно-качественное значение свойства, эти образования семантически сближались, например: *ругательные*, *ругательские* (*письма*, *слова*).

-тельный не определяется как «принадлежащий тому или другому лицу».

Суффикс *-тельн-* производил прилагательные от глаголов, преимущественно обозначающих отвлеченное нефизическое действие: от приставочных и, реже, бесприставочных переходных глаголов сов. вида с основой на *-и-*, *-а-*; основы глаголов несов. вида были менее активны и использовались лишь в особых случаях [191]; образование прилагательных от основ непереходных глаголов было мало продуктивно.

Наиболее существенным для истории прилагательных на *-тельный* в XIX в. было изменение их семантики: утрата ярких процессуальных значений, близких значениям действительных и страдательных причастий, и развитие качественных значений. Это были процессы, характерные для истории и других типов отглагольных прилагательных; но прилагательные с суффиксом *-тельн-*, в отличие от других типов отглагольных прилагательных, характеризовались многозначностью, сближаясь в этом отношении с прилагательными с суффиксом *-н-*, на основе которого суффикс *-тельн-* был образован. Многозначность прилагательных на *-тельный*, приводящая к их сближению с разными типами однокоренных образований, обусловила большую сложность истории их семантических изменений.

У многих прилагательных на *-тельный* уже в первой трети XIX в. развились и стали основными яркие качественные значения; у других развитие качественных значений не приводило к вытеснению процессуальных значений, и они совмещались; отдельные прилагательные, не развившие качественных значений, вышли из употребления.

Процесс утраты глагольных значений охватывал основную массу прилагательных на *-тельный* и завершился в основном к середине XIX в. Во второй половине XIX в. прилагательные нетерминологического характера с процессуальными значениями уже не отмечаются, а новые слова сразу создаются с качественными значениями.

За пределами этого процесса оставалась группа прилагательных на *-тельный*, функционировавших в составе терминов. Противодействие этих прилагательных процессу окачествления объяснялось требованиями однозначности, а также характером значения производящих глаголов, обозначающих конкретное физическое действие и не содержащих оттенка потенциальной качественности. Такие прилагательные сочетались с названиями предметов, способных быть реальными производителями или объектами действия:

---

[191] См.: Н. В. Кострома. Автореф. канд. дисс., стр. 15. О словообразовательных связях суффикса *-тельн-* в современном языке см. в работах Ф. Г. Коровина и Чжао Юнь-чжуна.

Чистительные пилюли (Карамз., П. р. п., I); *сжимательные* снаряды (Атеней, 1828, № 13); *зажигательные* стекла (Н. Павл., Именины); *испускательный* клапан (Козловский, Краткое начертание теории паровых машин, 3, Совр., 1837, т. III); *испускательная* заслонка, *впускательная* заслонка (Там же); *обжигательная* печка (Дост., Зап. из М. дома, 1, II); *нагнетательный* насос (Менд., Основы химии, 1, 1).

Однако чаще такие прилагательные обозначали не активный или пассивный процессуальный признак предмета, а разного рода отношения к действию:

Наблюдательный корпус (Моск. телеграф, 1826, № 5); в наш *изобретательный* век (Москвит., 1841, март); *ударятельное* или так называемое тоническое стихосложение (Грот, Поэзия и мифол. у скандинавов, Отеч. зап., 1839, т. IV); *дыхательный* шум (Отеч. зап., 1839, т. VII); *мигательные* движения (Сеченов, Физиол., оглавл.); *строительные* работы (ПСЗ, 1895, т. XV, § 11340).

Как уже было сказано, терминологические прилагательные образовывались от глаголов с конкретными значениями, в том числе и таких, в составе которых имеется видовой суффикс с ярким значением длительности или повторяемости: *-ыва-*, *-ива-*, *-ва-* (тогда как в общелитературном языке суффиксу *-тельн-* это было почти не свойственно) [192]. Подобные прилагательные были близки по значению и сферам употребления прилагательным с суффиксом *-льн-* (см. § 86).

Расширение словообразовательных связей суффикса *-тельн-*

§ 81. Утрата процессуальных значений прилагательными на *-тельный* приводила к тому, что они теряли соотносительность с глаголом и начинали структурно и семантически соотноситься непосредственно с соответствующими отглагольными существительными. Это касалось прежде всего (но не исключительно) прилагательных на *-ительный*, произведенных от глаголов на *-еть* (*-ѣть*): *бдительный* (*бдеть*), *зрительный* (*зреть*), *презрительный* (*презреть*), *подозрительный* (*подозреть*), *предусмотрительный* (*предусмотреть*), *осмотрительный* (*осмотреть*), *повелительный* (*повелеть*). Эта модель соотношения производящего и производного потеряла активность. Разрушению связи подобных прилагательных с глаголами способствовала также утрата многих производящих глаголов (*бдеть*, *зреть*, *подозреть*, *презреть*) и замена

[192] Такое же положение наблюдается и в современном русском языке. Аналогичное явление по отношению к современному болгарскому языку отмечает К. Иванова «Върху имената на *-тел*, *-телен* с оглед на видовата им основа и видовото им значение». —«Бълг. език», № 3, София, 1959, стр. 235).

их однокоренными образованиями с другими суффиксами. Так, *презрительный* стало соотноситься с *презрение*, *зрительный* — с *зрение*, *подозрительный* — с *подозрение*.

В такие же соотношения с отвлеченными существительными вступали и многие другие прилагательные на *-тельный* (*-ительный*, *-ательный*), словообразовательные связи которых с глаголами были нерегулярными, нетипичными, или произведенные от глаголов, уходящих из употребления. Ср. *обаятельный — обаяние* (стар. *обаяти* — помещено в Словаре АР) [193], *спасительный — спасение*, *предпочтительный — предпочтение*, *пренебрежительный — пренебрежение*, *общительный — общение*, *увольнительный — увольнение* (ср. стар. *увольнить*), *поучительный — поучение*, *уравнительный — уравнение* (ср. стар. *уравнить*), *попечительный — попечение*, *предосудительный — предосуждение*, *рачительный — рачение*, *властительный — власть* (стар. *властити*), *назидательный — назидание*. Создание таких соотношений в системе языка приводило к расширению словообразовательных связей суффикса *-тельн-* [194]. Прилагательные на *-тельный* получили возможность производиться не только от глаголов, но и от отглагольных имен действия.

Еще в «Лексиконе» Ф. Поликарпова отмечены такие образования, как *действительный* (*действие*), *волнительный* (*волнение*), в Словаре Нордстета — *дыхательный* (*дыхание*). В наших материалах наиболее ранние примеры употребления подобных прилагательных следующие:

> *Чувствительные* тела (Лом., Рассужд. о твердости и жидкости тел, § 5); Барышня... воспитана так *чувствительною* (Копиев, Обращ. мизантроп, I,3); выгоды *несумнительные* (Проект законов о правах..., V, II); Усердие... казалось мне *несомнительным* (В. Е., 1802, № 10); Хотелось оказать мне *существительную* услугу (Болот., 1, 13).

В XIX в. способность суффикса *-тельн-* производить прилагательные от основ существительных активизируется. Ср. такие образования, как *влиятельный* (от *влияние*) [195], *вдохновитель-*

---

[193] О прилагательных *обаятельный* и близких ему по значению *очаровательный*, *обворожительный* см.: В. В. Виноградов. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», вып. 3, 1953, стр. 208—209.

[194] «Иногда — для удовлетворения насущных потребностей мысли — грамматика и лексика как бы идут на компромисс, колебля старые обычаи языка. В таких случаях процесс словообразования, уклоняясь от традиционных грамматических норм, действовавших в кругу однородных случаев, направляется по другому, но тоже предопределенному грамматикой пути» (В. В. Виноградов. Из истории русской лексики. «Русск. яз. в шк.», № 2, 1941, стр. 14).

[195] Слова *влиятельный*, *влиятельность* производятся в 30—50-е годы от слова *влияние* (В. В. Виноградов. О некот. вопросах русск. историч. лексикологии, стр. 189).

ный (от *вдохновение*) [196], *впечатлительный* (от *впечатление*) [197] и др.:

И все дремало в тишине При *вдохновительной* луне (Пушк., Е. О., 3, XX); Будь *вдохновительной* звездой (Тютч., На юбилей Н. М. Карамзина); человек чрезвычайно *впечатлительный* (Черн., Мат-лы для биогр. Н. А. Доброл.); удар будет очень *впечатлителен* (Помяловск., Поречане. ЛК). Ср. наречия: ключ прозрачный *Вдохновительно* журчит (Борат., Дельвигу); повторил рассказ... чрезвычайно *впечатлительно* (Писемск., Тыс. душ, 2, III).

Особенно интенсивно в этот период шло образование прилагательных с суффиксом *-тельн-* от сложных имен существительных на *-ние*: *кораблестроительный* (*кораблестроение*), *слюноотделительный* (*слюноотделение*), *слезоотделительный*, *воздухоплавательный*, *звукоподражательный*, *землеописательный* (отмечены в Словаре 1847 г.). По-видимому, если бы такого рода слова были образованы способом словосложения, мы бы имели прилагательные типа «пищеварный», «кораблестройный» (ср. *солеварный*) [198]. Характерно, что в словарях эти слова соотносятся со сложными существительными: «*Трупоразъятельный*. До трупоразъятия касающийся» (Сл. АР); «*Мореплавательный*. Служащий, относящийся, способный к мореплаванию» (Сл. 1847 г.).

Эта группа прилагательных на *-тельный* растет, пополняясь новообразованиями:

Звукоподражательные [199] междометия (Телеск., 1831, № 22); *Естествоиспытательные* открытия (Там же, № 23); *леточислительные* рифмы (Там же, № 24); Новый Свет... лежал еще перед Европой неразрешенным в политическом отношении и еще более в *естествознательном* (Совр., 1847, т. V); *пищеварительный* [200] (Гонч., Фр. «Пал.», На мысе Доброй Надежды); *машиностроительный* (ПСЗ, 1895, т. XV, § 11364) [201].

Итак, по-видимому, к середине XIX в. среди прилагательных на- *тельный* создается группа слов, соотносительных не с глаголами, а с отвлеченными существительными. В этом ряду объединялись и смешивались отсубстантивные новообразования с глагольными корнями и старые отглагольные прилагательные (типа

---

[196] Об истории создания этого слова см. в статье В. В. Виноградова «Из истории русской лексики», стр. 15—16.

[197] Впервые отмечено в Словаре Даля.

[198] Ср.: В. П. Григорьев. О взаимодействии словосложения и аффиксации. ВЯ, 1961, № 5, стр. 76—77.

[199] Впервые отмечено в Словаре Соколова.

[200] Впервые отмечено в Словаре Толля.

[201] Впервые отмечено в Словаре Ушакова. Образования от основ сложных существительных свойственны и современному языку: *мировоззрительные* причины (Ю. Тынянов, Архаисты и новаторы). Ср. обычное *мировоззренческий*.

презрительный), утратившие связи с породившими их глаголами. С точки зрения живых семантико-словообразовательных отношений место и тех и других в системе языка было одинаковым [202].

Взаимодействие прилагательных на *-тельный* с однокоренными образованиями

Способность обозначать и пассивный и активный процессуальный признак приводила к тому, что прилагательные на *-тельный* по значению могли сближаться со страдательными причастиями на *-енный*, с одной стороны, и действительными причастиями на *-щий*, с другой стороны. Кроме того, прилагательные, отошедшие от глагола и обозначающие разного рода отношения к тому, что названо производящей основой, сближались с прилагательными на *-ный*, соотносительными с соответствующими глагольно-именными основами (ср. *заразительный — заразить* и *заразный — заразить, зараза*). Так создавались ряды полностью или частично совпадающих по значению образований [203].

Взаимодействие прилагательных на *-тельный* с причастиями

§ 82. Отмечаемое в языке XIX в. параллельное функционирование прилагательных на *-тельный* и причастий как близких по значению образований заканчивалось обычно утратой соответствующего значения прилагательного или самого прилагательного. Это объясняется тем, что причастие обозначало активный или пассивный признак определенно, тогда как прилагательное заключало в себе возможность двоякого понимания. Неудобство такого двусмыслия отмечали уже грамматисты начала XIX в. [204]. Изживание такой двузначности прилагательных — характерный для истории русского литературного языка XIX в. процесс. Так, например, прилагательное *презрительный* приблизительно до 60-х

---

[202] Представляется необоснованным мнение Чжао Юнь-чжуна о том, что прилагательные на *-тельный*, при которых отсутствуют производящие глаголы, «остались без производящих основ в современном русском языке» (указ. дисс., стр. 28).

[203] Взаимодействие прилагательных на *-тельный* и прилагательных с суффиксами *-лив-* и *-чив-* (типа *рассудливый — рассудительный, уклончивый — уклонительный*) было редким и нетипичным, так как основное значение прилагательных с суффиксами *-лив-* и *-чив-* («склонный, способный производить какое-либо действие») было не характерно для прилагательных на *-тельный*.

[204] «Иногда сии прилагательные означают свойство своего подлежащего производить действие, напр.: *питательный, убедительный*, как бы убеждающий, способный к тому; иногда свойство предмета принимать производимое над ним действие, напр.: *курительный*. Слова, могущие означать то и другое, получают определенное значение от своих существительных, как то *чувствительный человек*, который чувствует, *чувствительная беда*, которую чувствуют; но в случае двусмыслия таковые прилагательные не употребительны» (И. Ф. Тимковский. Опытный способ к философическому познанию российского языка. Харьков, 1811, стр. 14—15).

годов употреблялось со значениями «презирающий, выражающий презрение» и «достойный презрения, презренный», причем второе значение было очень распространено. Характерно, что и в Словаре АР, и в Словаре 1847 г. у слова *презрительный* отмечается только это значение: «стоющий, заслуживающий презрения», а при слове *презренный* в Словаре 1847 г. дается лишь отсылка к слову *презрительный*: «то же, что *презрительный*».

Вот некоторые примеры употребления этого прилагательного в том и другом значении:

1) Сделала *презрительную* ужимку (В. Е., 1802, № 9); *презрительный* вид, с каким взглянул на меня граф Дубинин (Нарежн., Росс. Жилбл., 3, VII); *презрительная* фраза об эмпирии (Герц., Письма об изуч. прир., 1); *презрительный* взор (Вельтм., Саломея, 12, IV).

2) Излишество вина делает человека, предавшегося оному,... бесполезным, *презрительным* (Пнин, Опыт о просвещении..., В чем состоять должно истинное просвещение? 1804); Не остыдим себя хвалою Высоких жребием, *презрительных* душою (Жуковск., К поэзии); Неужели все люди *презрительны* и низки? (В. Соллог., Ист. двух калош, Отеч. зап., 1839, т. I); Его марсомания... доходила до смешного, до *презрительного* (Герц., Долг прежде всего, Вместо продолжения); Я, как *презрительный* трус, должен бежать от сражения! (Погорельск., Двойник, 1, 2); *презрительная* ложь (Горбачевск., Зап. декабр., II, 8); Жизнь ему будет *презрительна*, если он купит ее низостью (Пассек, Из дальн. лет, I, XX).

Впоследствии слово *презрительный* утрачивает пассивное значение, которое целиком переходит к слову *презренный*.

Такая судьба, т. е. потеря именно пассивного и сохранение активного значения, была типична для прилагательных с суффиксом *-тельн-*: поскольку адъектированные причастия на *-енный* были приспособлены к обозначению только пассивного признака, постольку естественно, что за прилагательными на *-тельный*, способными обозначать и активный, и пассивный признаки, закрепляется, как правило, обозначение активного признака [205]. Что касается действительных причастий на *-щий*, то они в этот ряд противопоставленных образований вступали редко, так как им было свойственно подвергаться процессу окачествления в гораздо меньшей степени, чем страдательным причастиям. Вот почему многие прилагательные на *-тельный* утрачивают пассивные значения или, если их значение целиком совпадает со значением слов на *-енный*, полностью или частично вытесняются ими из употребления. Ср. такие образования, как *несравнительный — несравненный*, *определительный — определенный*, *облегчительный —*

[205] См. об этом: В. В. Виноградов. Из истории русской лексики, стр. 15.

облегченный. Так, например, слово *определительный* с качественным значением, производным от пассивного процессуального значения («точный, положительный, решительный». Сл. АР), совпадало с одним из значений слова *определенный*. Параллельное употребление этих образований — с явным преобладанием первого — было характерно для первой половины XIX в.

Нельзя провести верной *определенной* черты между здравою и безумною мыслию (В. Одоевск., Русск. ночи, 2); Изложение его *определенное*: он выражается ясно и благородно (Никитенко, Дневн., 28 янв. 1828); Его «Макбет», его «Гамлет» отличаются довольно *определенным* колоритом (Тург., Рецензия на русский перевод «Фауста» Гёте).

Ср.: Слово *архи* само по себе не имеет никакого *определительного* смысла (Яновск., Нов. словотолк., 1); Не имели *определительного* характера, ни физиономии исторической (Жих., Воспом. ст. театр., III); нравы крепче и идеи *определительней* (Моск. набл., 1837, март., кн. 1); *определительный* отчет (Отеч. зап., 1839, т. II); Его идеал «свободной жизни» *определителен* (Гонч. Мильон терзаний) [206].

Во второй половине XIX в. прилагательное *определительный* сохраняется для обозначения активного признака — «содержащий определение, определяющий» — преимущественно в терминологии: *определительные* члены, конструкции, предложения (т. е. определяющие) [207].

Однако иногда, особенно в тех случаях, когда в прилагательном на *-тельный* развивалось значение склонности к действию, оно сохранялось наряду с образованием не *-енный*, лишенным такого значения.

§ 83. Прилагательные на *-тельный*, обозначающие активный процессуальный признак, могли сближаться с действительными причастиями настоящего времени. В тех случаях, когда причастие подвергалось процессу адъективации (хотя бы в слабой степени), между этими образованиями могло возникать полное семантическое тождество. Такое тождество наблюдается преимущественно у образований, тяготеющих к терминологии или закрепленных в узкой области употребления: *верующее* и *верительное* письмо, *увеличивающее* и *увеличительное* стекло, *мыслящие* и *мыслительные* способности, *значащий* (*мало-*, *много-*, *одно-*) и *значительный* (*мало-*, *много-*, *одно-*), *внушающий* и *внушительный* голос, взгляд и т. п. Параллелизм подобных образований наблюдался в конце XVIII

---

[206] Ср. позже у Лескова: *определительный* ответ (п. С. А. Юрьеву, 6 янв. 1871); *определительное* отношение (Мелочи арх. жизни, 8).

[207] Ср. в 20-х годах XX в. в нетерминологическом употреблении: Менее тонкий, чем поэты-декаденты, он был, пожалуй, более характерен и *определителен* для нашего культурного безвременья, чем они (Г. Чулков. Воспоминания о Л. Андрееве. «Книга о Леониде Андрееве», изд. 2, Берлин — Петербург — Москва, 1922, стр. 123).

— нач. XIX в. Так, термин *верующее письмо* помещается в словарях и встречается у многих авторов конца XVIII в. (Ф. Щербатова, Львова, Радищева, А. Кутузова и др.). Выражение *верительные письма* помечено в Сл. АР как «редко употребляемое».

Ср. также: *мыслящие — мыслительные* (способности): *мыслящая* способность человека (Моск. вестн., 1828, №21—22); исследование *мыслящей* способности (Там же). В Словаре 1847 г.— *мыслительная* способность; развивать и направлять *мыслительную* способность нашу (И. Ф. Калайдович, Критика Сокращ. грам. Востокова, Телеск., 1831, №18).

Увеличивающее — увеличительное (стекло): *увеличительное* стекло (Нарежн., Росс. Жилбл.,5, XI); *увеличивающее* стекло с двух сторон выпуклое (Горбачевск., п. Е. П. Оболенскому, 22 марта 1862).

Значащий (чаще с отрицанием) — *значительный*: получили помощь довольно *значущую* (Нарежн., Росс. Жилбл., 3, XII); весьма *значущее* количество (Тр. Вольн. эконом. об-ва., 1813, т. LXV); *незначащая* должность (Булг., Ив. Выж., XX); [Чацкий] В той комнате *незначущая* встреча (Гриб., Горе от у., III, 22); столь *незначущие* происшествия (Телеск., 1831, № 23); *незначащая* простуда (В. Одоевск., Русск. ночи, 7); *незначащие* злоречия (Гоголь, п. матери, 25 марта 1832); Человек *значительный* (Нарежн., Росс. Жилбл., 3, VIII); Эта услуга весьма *значительна* (Атеней, 1828, № 13); количество пиастров... было так *значительно* (Совр., 1847, т. V).

Ср. параллелизм этих прилагательных в составе сложных слов:

Малозначущее происшествие (Радищ., Житие Уш.); достоинства [наши] *малозначущи* (Жуковск., Речь на акте в Универс. благ. панс.); *немалозначущая* выгода (Тр. Вольн. эконом. об-ва, 1813, ч. LXV); тихий, но *многозначащий* голос (Дост., Двойник, II); *малозначащие* письма (Леск., Загадочн. чел., 9).

Чем *малозначительнее* человек, тем больше старается обласкать его (Жих., Зап. совр., I, 2 янв. 1805); Эти данные *многозначительны* (Показание М. В. Петрашевского между 19 и 26 мая 1849 г.); *многозначительные* намеки (Вельтм., Саломея, 3, IV): *многозначительный* разговор (Писарев, Базаров, V).

Доказательством того, что в первой половине XIX в. причастные формы были более употребительны, чем прилагательные на *-тельный*, может служить и их характеристика в словарях. Так, в Словаре 1847 г. слово *малозначащий* дается с толкованием и примерами (*Малозначащая* услуга. Человек *малозначащий*), тогда как *малозначительный* определяется: «то же, что *малозначащий*». В дальнейшем, по-видимому, уже во второй половине XIX в. с этим значением сохраняется только форма на *-тельный*; форма на *-щий* утрачивает адъективное значение и функционирует только

как причастие, обычно с пояснительными членами [208]. Таким образом, во всех приведенных и многих им подобных случаях параллельное употребление прилагательного и действительного причастия оканчивалось победой прилагательного: причастие утрачивало адъективное значение.

Взаимодействие прилагательных на *-тельный* и прилагательных с суффиксом *-н-(енн-)*

§ 84. Прилагательные на *-тельный*, утратившие процессуальные значения, семантически сближались с однокоренными прилагательными с суффиксом *-н-* (*-енн-*), производимыми от глагольных и глагольно-именных основ. Например: *возвратительный — —возвратный* глагол; *вредительный —вредный*; *вопросительный* (ср. *вопросити*) *— вопросный*; *заразительный — заразный*; *досадительный — досадный*; *повторительный — повторный*; *властительный — властный*; *произволительный — произвольный*; *победительный — победный*; *попрекательный — попречный*; *поспешительный — — поспешный*; *поносительный — поносный*; (*не*) *воздержательный — (не)воздержный* (Сл. АР); *существительный — существенный*; *числительный — численный*; *действительный — действенный*.

Такие прилагательные могли употребляться как словообразовательные дублеты:

Ничего в свете столь *вредительного* добродетели нет, как... (Дневн. зап. Больш. собр., 15—17 сент. 1768); преимущества сих степеней заслуженным людям *вредными* не делаются (Там же).

В процессе развития этих соотношений, как правило, прилагательное с суффиксом *-тельн-* уступало образованию с суффиксом *-н-* и утрачивало общее с ним значение [209]. Это объяснялось общей продуктивностью суффикса *-н-* и уже сложившейся в языке тенденцией к вытеснению ими прилагательных с другими суффиксами, утрачивающими свои специфические значения (ср. соотношения прилагательных с суффиксами *-н-* и *-лив-*, *-н-* и *-ист-*, *-н-* и *-чат-*, см. § 111). Однако в языке XVIII—XIX вв. при-

[208] Такое употребление было свойственно этим формам и ранее и отличало их от прилагательных на *-тельный*: люди все бедные, ничего *незначущие* (Болот., 2, 111); [город Козлов]был... ничего тогда еще *незначущим* (Там же, 118); ничего *незначущие* безделицы (Атеней, 1828, № 13).

[209] В тех случаях, когда это общее значение было у прилагательного на *-тельный* единственным, слово уходило из употребления совсем; если же прилагательное имело или развивало другие значения, то оно сохранялось в языке, но уже не как дублет образования с суффиксом *-н-* (*-енн-*). Прилагательные *заразительный* и *заразный*, по-видимому, уже в конце XIX в. разошлись в значениях (*заразный* — о болезни, *заразительный* — смех, радость). Однако в специальном употреблении и в современном языке возможно слово *заразительный* по отношению к болезням (*грипп заразителен*). Ср. в современном языке различие в значении прилагательных *действительный* и *действенный*.

лагательные на *-тельный* еще свободно употреблялись, причем многие (такие, как *действительный*, *заразительный*, *несомнительный*) были в это время более употребительны, чем прилагательные на *-ный* (*-енный*):

[Капли] весьма *действительны* (А. М. Кутузов, п. Н. Н. Трубецкому, 24 июня — 4 июля 1791); О, природа, колико ты *властительна*! (Радищ., Путеш., Клин); *вредительная* откровенность (ПСЗ, 1801, т. XXVI, § 19841); *несомнительный* успех (Пнин, Вопль невинности); *заразительные* болезни (Карамз., И. Г. Р., VII, I); *несомнительные* признаки комического дарования (Вяземск., Изв. о жизни И. Дм.); *числительная* сила большинства (Вяземск., Автобиогр. введ., X); всякая буква арабского алфавита имеет *числительное* значенье (Телеск., 1831, № 24); *заразительный* пар (Моск. набл., 1837, апр., кн. 2); простое и *действительное* средство для лечения многих болезней (Отеч. зап., 1839, т. VII); *властительный* взгляд (Некр., Псовая охота, 1); здешние воды весьма *действительны* (Тург., Дым, XII); противная, *властительная* надменность (Леск., Чертовы куклы, 9); *досадительный* урок (Леск., Мелочи арх. жизни, 14); так он был мне в эту минуту *досадителен* (Леск., Шерамур, 17); *повторительное* рассматривание (Бусл., Мои воспом., XVII); холера *не заразительна* (Эрт., Гард, 1, XII).

Ср. употребление соответствующих наречий:

Раскольнические секты ничтожны... *числительно* (Белинск., п. Н. В. Гоголю, 15 июня, 1847); Народные памятники так *властительно* ложатся в память (Гонч., Фр. «Пал.», От Кронштадта до мыса Лизарда); дьячок *властительно* продолжал (Будильн., 1865, № 7, Газета, IV [А. Левитов]).

В тех случаях, когда прилагательные на *-тельный* сохраняли семантическую связь с глаголом, они оказывались более устойчивы, чем близкие им по значениям прилагательные на *-ный*. Так, в парах слов *охранительный* и *охранный* (в Словаре АР: *охранительное*, *охранное* войско), *утешительный* и *утешный* (в Словаре 1847 г.: *утешный* — то же, что *утешительный*) образования на *-ный* оказываются менее употребительными. В отдельных случаях этому могла способствовать их семантическая нечеткость (как, например, у прилагательного *утешный*, связанного и с *утеха* и с *утешать*).

Взаимодействие прилагательных на *-тельный* и прилагательных с суффиксом *-м-*

§ 85. Несмотря на близость словообразовательных связей суффиксов *-тельн-* и *-м-* [210], образуемые с их помощью прилага-

[210] И те и другие присоединялись к основам глаголов сов. вида на *-и-*, обозначающих отвлеченное действие. См.: Н. В. Кострома на. Указ. дисс., стр. 191—192.

тельные редко оказывались синонимичными, так как для первых было особенно характерно обозначение активных процессуальных признаков, а для вторых — пассивных. Кроме того, прилагательные на *-мый* обычно употреблялись с приставкой *не-*, тогда как для прилагательных с суффиксом *-тельн-* это было не столь характерно. Совпадение в значениях этих прилагательных наблюдалось чаще всего в тех случаях, когда и то и другое имели в своем составе приставку *не-*: *непогрешительный — непогрешимый, неутомительный — неутомимый, неотразительный — неотразимый, нерешительный — нерешимый* и т. п.

Выдает свои прорицания *непогрешительными* (Телеск., 1831, № 22); *непогрешительный* авторитет (Белинск., Взгл. на русск. лит-ру 1847 г.); следуя *непогрешительным* авторитетам (Москвит., 1851, № 2); не считаю свои мнения *непогрешительными* (Жих., Воспом. ст. театр., IV); *непогрешительный* вкус (Тург., Встреча моя с Белинск.). Ср.: Считаем наш способ понимания *непогрешимым* (Гонч., Мильон терзаний); *непогрешимый* образец (С. Акс., Биогр. Загоскина. ЛК); [К а р е н и н] Неужели мы все так *непогрешимы* (Л. Толст., Живой труп, 3, 1, 4); *непогрешимая* истина (Речь Ф. Н. Плевако, 1871 г.).

Неутомимое усердие (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 28 ноября 1816); *неутомимый* писатель (Вяземск., О жизни и соч. В. А. Озерова). Ср. *неутомительна* в исправлении визитов (Вяземск., Ст. зап. кн.).

Что-то феральное и *неотразимое* (Леск., Островитяне, 16); Ср. наречие: всего сильнее и *неотразительнее* действовала на девушку привлекательная наружность о. Алмазова (Леск., Карикатурн. идеал, VIII).

Во всех этих *неудобоисполнительных* чертах Вера Николаевна действует, как говорили известные нигилистические писатели, «по направлению» (Леск., Карикатурн. идеал, VIII). Ср.: будет ли это... *удобоисполнимо* (Там же).

У прилагательных с пассивным значением такое сосуществование заканчивалось обычно победой образований на *-мый*, более употребительных уже в начале XIX в.

В редких случаях синонимичные прилагательные имели активное значение. Тогда более устойчивым оказывалось образование с суффиксом *-тельн-*, как, например, в словах *нерешимый — нерешительный*.

До середины XIX в. употребление прилагательного *нерешимый* в этом значении было обычно: Нашел паки *нерешимыми* гг. начальников (Держ., п. П. С. Потемкину, 5 авг. 1774); казался беспокойным и *нерешимым* (Карамз., Нов. Мармонтелевы повести. ЛК); В Лесбосе Нас он нагнал, *нерешимых*, какую избрать нам дорогу (Одиссея, пер. Жуковск., III); Министр *нерешим*, трус, бестолков (Л. Толст., В. и м., 3, 2, V).

Во второй половине века в этом значении возобладало прилагательное *нерешительный*. Дольше сохраняется существительное *нерешимость*, также вытесненное впоследствии образованием *нерешительность*:

Оставались в *нерешимости* (Гонч., Фр. «Пал.», На мысе Доброй Надежды); *нерешимость* или, лучше сказать, трусость (Горбачевск., Зап. декабр., II, 2); В *нерешимости* постоял у подъезда (Эрт., Гард., 2, I).

Итак, основным процессом в развитии прилагательных на *-тельный* в языке XIX в. были семантические изменения, характерные для всех отглагольных прилагательных: утрата смысловой близости к глаголу, активное развитие качественных значений. Сложность этих изменений у прилагательных на *-тельный* обусловливалась их полисемантизмом, который в свою очередь объяснялся образованием суффикса *-тельн-* на основе очень широкого по значениям суффикса *-н-*. Этот процесс направлял и регулировал взаимодействие прилагательных на *-тельный* с действительными и страдательными причастиями, а также с прилагательными с суффиксами *-н-* (*-енн-*), *-м-*, *-льн-* (см. § 86). Кроме того, с этим процессом было связано развитие смысловой соотносительности прилагательных на *-тельный* с отглагольными существительными и соответственно — расширение словообразовательных связей суффикса *-тельн-*: он получает способность производить прилагательные не только от глаголов, но и от основ отглагольных существительных.

История прилагательных с суффиксом *-льн-*

§ 86. В конце XVIII — нач. XIX в. суффикс *-льн-* (образовавшийся из суффикса прошедшего времени глагола *-л* и суффикса прилагательных *-н-*) был продуктивен в производстве прилагательных от основ инфинитива-прошедшего времени на *-а-* и *-и-* [211] переходных глаголов несов. вида. От основ глагола сов. вида прилагательные с суффиксом *-льн-* не производились. В образовании прилагательных от основ непереходных глаголов суффикс *-льн-* обнаруживал слабую продуктивность. Так, в Словаре 1847 г. наряду со старыми образованиями, отмеченными уже в Словаре АР: *дневальный*, *спальный*, *фехтовальный*, *прощальный* (взгляд), — приводятся следующие прилагательные: *весновальный*

---

[211] От глаголов с другими основами имеются лишь единичные образования с суффиксом *-льн*: *полольный*, *просольный* («немного, мало посоленый». Сл. АР), *засольный* (ср. *засолить* и *засол*), *прядильный* (ср. *прясть*), *радельный* (*радеть*). Новообразований этого рода в языке XIX в. не отмечается. Ср. также прилагательные, отмеченные в Словаре Ушакова: *тянульный* (*тянуть*; в Словаре 1847 г. дается *тягальный* — от основы несов. вида *тягать*); *вертельный* (*вертеть*).

(остающийся где-либо на весну; *весновальный* карбас), *бродильный* чан, *плевальный* ящик, *ступальный* (приводимый в действие ногами; *ступальная* мельница), *ходильный* (употребляемый в ходьбе или в обыкновенной носке; повседневный), *почивальный*, *завиральный*.

Пополнения этой группы прилагательных почти не происходит. В текстах XIX в. встречаются единичные образования от основ непереходных глаголов типа *мечтальный*, *гадальный* [212], вытесняемые образованиями с суффиксом *-тельн-* (свободнее сочетающимся с основами непереходных глаголов), имеющими более широкий круг значений.

Подавляющее большинство прилагательных с суффиксом *-льн-* образовалось от основ бесприставочных глаголов. Лишь незначительная их часть (такие, как *припекальный*, *просевальный*, *притиральный* и под.) производилась от основ приставочных глаголов, причем только с основами на *-а-*, сохраняющееся в формах настоящего времени.

Таким образом, по своим словообразовательным связям суффикс *-льн-* был в некоторой степени близок к суффиксу *-тельн-*. Оба они были продуктивны в производстве прилагательных от основ переходных глаголов несов. вида на *-а-* и *-и-*, но словообразовательные связи суффикса *-тельн-* были шире: он сочетался и с основами глаголов сов. вида (что было совсем несвойственно суффиксу *-льн-*) и — более свободно, чем суффикс *-льн-*, — с основами непереходных глаголов.

Однако самым существенным было различие в значениях глаголов, производящих эти два типа прилагательных. Прилагательные с суффиксом *-льн-* образовывались от глаголов конкретной семантики [213], преимущественно таких, которые обозначали какое-либо профессиональное действие (*ковальный*, *сажальный*, *штопальный*, *валяльный*, *вязальный*, *мотальный*, *мяльный*, *брильный*, *волочильный*, *гранильный*, *гуртильный*, *клеильный*, *красильный* *молотильный* и др.), тогда как прилагательные с суффиксом *-тельн-* (за исключением группы терминологических образований) образовывались большей частью от глаголов с отвлеченными значениями. Это различие предопределило и различие сфер употребления: прилагательные с суффиксом *-тельн-* относились к общелитературной книжной речи, прилагательные с суффиксом *-льн-* — к речи профессионально-технической.

[212] Например: Науки по предмету своему разделяются на три рода: на физические, *мечтальные*, или философские, и на политические, или общественные (Крюков, из «Зап. книжки»); *гадальные* книжки (Москвит., 1841, янв.). Ср.: Обратился к *гадательной* книге (Гоголь, Ив. Фед. Шпонька, V); *гадательное* искусство Гиппократа моего (Батюшк., п. П. А. Вяземскому, 1816. Пример заимствован из автореф. канд. дисс. Н. В. Костроминой).

[213] Прилагательные с суффиксом *-льн-*, произведенные от глаголов с отвлеченными значениями (типа *мечтальный*), встречаются в текстах XIX в. крайне редко; в языке они не удерживаются.

По тем же причинам прилагательным с суффиксом *-льн-* не было свойственно развивать качественные значения. Они не сочетались с отрицательными приставками *не-* и *без-*, не имели кратких форм и форм сравнительной степени. Прилагательные с суффиксом *-льн-*, как правило, были однозначны: их основное значение — «предназначенный для какого-нибудь действия, связанный с каким-либо действием». Им были не свойственны не только качественные, но и чисто процессуальные значения, наличие которых в начале изучаемого периода было характерно для прилагательных на *-тельный*.

Характером значения прилагательных с суффиксом *-льн-* определялось и то, что они свободно производились от основ глаголов несов. вида с яркими видовыми значениями (с суффиксами *-ыва-* [*-ива-*] и др.), тогда как для большинства суффиксов, производящих отглагольные прилагательные, сочетание с такими основами или невозможно (*-лив*, *-чив-*, *-ист-*, *-чат*, *-н-*, *-к-*, *-л-*,*-м-*), или малохарактерно (*-тельн-*). У прилагательных с суффиксом *-льн-* сочетание с основами этого рода было явлением развивающимся. Так, в Словаре 1847 г. отмечены отсутствующие в Словаре АР: *добывальный*, *прививальный*, *вдевальный*, *вдувальный*, *завивальный*, *нагревальный*, *накладывальный*, *обвивальный*, *обувальный*, *обивальный*, *отдавальный*, *отливальный*, *отпевальный*, *подшивальный*, *промывальный*, *раздувальный*, *разливальный*, *разматывальный*, *смывальный*, *почивальный*.

Специфической особенностью суффикса *-льн-* было также то, что он производил прилагательные от основ иноязычных глаголов, тогда как суффикс *-тельн-* с подобными основами не сочетался [214].

В первые десятилетия XIX в. образование прилагательных от иноязычных основ протекало очень интенсивно в связи с острой потребностью в лексике, связанной с разного рода профессиями, обозначаемыми заимствованными словами. Так, в Словаре 1847 г. впервые отмечены прилагательные: *графильный*, *сурмильный*, *винтовальный*, *ворсовальный*, *гравировальный*, *градировальный*, *крамповальный*, *лакировальный*, *малевальный*, *плакировальный*, *платинировальный*, *полировальный*, *сортировальный*, *танцовальный* [215]. В Словаре АР находим только: *фехтовальный*, *туше-*

---

[214] Это различие между прилагательными на *-льный* и *-тельный* сохраняется и в современном языке (см.: Чжао Юнь-чжун. Указ. дисс., стр. 76—77).

[215] Возможно, что активности суффикса *-льн-* в сочетании с заимствованными глаголами способствовала звуковая близость между ним и суффиксом отсубстантивных прилагательных *-альн-*, функционировавшим только в сочетании с иноязычными основами (см. § 55): *театральный*, *нормальный*, *формальный* и *фехтовальный*, *гравировальный*, *сортировальный* и под. Характерно, что подавляющее большинство таких прилагательных образовано от глаголов с основой на *-а-*; это обеспечивает звуковое совпадение суффикса отглагольных прилагательных *-(а)льн-* и суффикса отсубстантивных прилагательных *-альн*. Возможно, что по этой же причине некоторые образова-

вальный, *штопальный*, *ворсильный*, *гранильный*, *гуртильный* («к резьбе подписей на ребрах монет служащий»).

Таким образом, несмотря на близость словообразовательных связей суффиксов *-тельн-* и *-льн-*, различий между этими двумя типами прилагательных в целом было больше, чем сходства.

Прилагательные на *-льный* непосредственно сближались лишь с прилагательными на *-тельный*, имеющими терминологический характер и образуемыми от глаголов с конкретными значениями. Между ними наблюдалось полное семантическое тождество. В конце XVIII — нач. XIX в. отмечается довольно значительное число дублетных образований этого рода: *копальный — копательный*, *курильный — курительный*, *ловильный — ловительный*, *мерильный — мерительный*, *паяльный — паятельный*, *писальный — писательный*, *промывальный — промывательный*, *умывальный — умывательный*, *бросальный—бросательный*, *венчальный — венчательный*, *дробильный — дробительный*, *макальный — макательный*, *веяльный — веятельный*, *нагревальный — нагревательный*, *накладывальный — накладывательный*, *подпиральный — подпирательный*, *прожигальный — прожигательный*, *нюхальный — нюхательный*, *раздувальный — раздувательный*, *погребальный — погребательный*, *прощальный — прощательный*. Судьба таких дублетов была различна. Некоторые пары равнозначных образований разрушались, одно из слов уходило из языка (например, *нюхальный*, *курильный*; *прощательный*, *погребательный*, *умывательный*). Это касается прежде всего слов, не входящих в терминологические наименования [216].

Тип прилагательных с суффиксом *-льн-* сохраняет продуктивность на всем протяжении XIX в. и в наши дни, преимущественно в области профессионально-технической терминологии [217]. Он активно пополняется новообразованиями, о чем убедительно свидетельствуют данные словарей. Так, в Словарь 1847 г. введено около ста прилагательных с суффиксом *-льн-*, отсутствующих в Словаре АР. Кроме отмечавшихся выше образований от иноязычных основ и от глаголов с суффиксами *-ыва-*(*-ива-*), можно назвать следующие: *бросальный*, *ваяльный*, *вдыхальный*, *веяльный*, *заклепальный*, *запекальный*, *затыкальный* («у ткачей: говорится о месте

ния на *-ильный* вытесняются параллельными образованиями на *-(а)льный*: *ворсильный — ворсовальный*.

[216] Дублетность прилагательных с суффиксами *-льн-* и *-тельн-* в области терминологии свойственна и современному русскому языку. См.: Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. «Труды МИФЛИ», т. V, 1939, стр. 40; В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 226.

[217] Единичные прилагательные с суффиксом *-льн-* относящиеся к другим сферам речи, не удерживаются в общелитературном языке. Ср. в поэзии начала XX в.: Безумьем снов *скитальный* дух повит (М. Волошин, Corona astralis, II) — прилагательное *скитальный* образовано от основы непереходного глагола, что было мало свойственно суффиксу *-льн-*.

у ткани, откуда ткань начинают»), *клепальный*, *макальный*, *махальный*, *межевальный*, *насекальный*, *низальный*, *отжигальный*, *перекальный*, *сеяльный*, *новальный*, *спускальный*, *стругальный*, *трепальный*, *тягальный*, *бронильный*, *гасильный*, *густильный*, *двоильный*, *дробильный*, *дубильный*, *прядильный*, *родильный*, *синильный*, *строчильный* и др.

Вот некоторые примеры употребления таких прилагательных:

Построил *молотильный* сарай и ригу или избу *сушильную* (Болот., 2, 123); *прядильные* фабрики (Моск. вестн., 1828, № 21—22); *красильные* растения (Моск. телеграф, 1826, № 8); *паяльная*, или, правильнее, *плавильная* трубка (В. Одоевск., Русск. ночи, 7); *дубильные* вещества (Там же, 1); *калильное* состояние (Там же, 7); *резальный* снаряд (Отеч. зап., 1839, т. VII); *точильное* колесо (Дост., Зап. из М. дома, 1, VII); *молотильные* машины (Москвит., 1851, № 2); *плющильные* цилиндры (Там же); *чесальный* снаряд (Там же, № 4); *мяльная* машина (Там же, № 2); *гравировальное* искусство (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); *прядильная* машина; *тростильная* и *чесальная* машина (Русск. богатство, 1893, № 11).

История прилагательных с суффиксом *-л-*[218]

§ 87. Отглагольные прилагательные с суффиксом *-л-* связаны по происхождению с действительными причастиями прошедшего времени на *-л* [219]. В конце XVIII — нач. XIX в. этот тип прилагательных был очень продуктивен и лексически емок. Грамматисты начала XIX в. характеризуют прилагательные на *-лый* как особые образования, отличающиеся от причастий [220]. В языке этого периода встречаются прилагательные, произведенные от непереходных и возвратных [221] глаголов (бесприставочных и при-

[218] Отглагольные прилагательные на *-лый* — черта национального своеобразия русского языка. В других славянских языках положение отглагольных образований с суффиксом *-л-* иное. См.: A. Sieczkowski. Struktura słowotwórcza przymiotników czeskich i polskich. Wrocław, 1957, стр. 29—34; F. Kopečný. Přišedší, zahynuvší — přišlý, zahynulý (přispěvek k problému slovanského příčestí *l*-oveho). «Слав. филология», II, М., 1958 (там же см. литературу вопроса); J. Dambořský. K tzv. «příčestí minulému činnému» v polštine. «Sb. vysoké školy pedagogické v Olomouci», Jazyk a literatura, VI. Praha, 1959; F. Kopečný. Zu den deverbativen *-l-* Formationen im Slavischen. «Cercetări de lingvistica. Mélanges linguistiques offerts á E. Petrovici». Anul III, 1958, Bucarest.

[219] В ранних памятниках русского языка этот тип прилагательных представлен слабо, см.: Н. И. Букатевич. Указ. соч., стр. 168. Рост продуктивности этих прилагательных относится, по-видимому, к XVI—XVII вв., см.: П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 г. М., 1958, стр. 303—304.

[220] См.: И. Тимковский. Указ. соч., стр. 12—13.

[221] Еще Павский, подробно описавший условия образования прилагательных на *-лый*, указывал, что от глаголов действительного залога прилагательные на *-лый* не образуются; в этих случаях используется суффикс *-льн-*:

ставочных), с основами инфинитива на согласный (*цвести — цвелый, бежать — беглый*), с безударным суффиксом *-ну* в глаголах состояния (суффикс в состав прилагательного не входил: *вянуть — вялый, засохнуть — засохлый*), с суффиксами *-а-* (*дребезжать — дребезжалый*), *-е-* (*посинеть — посинелый*). От глаголов с ярко выраженными видовыми оттенками мгновенности, длительности и кратности действия прилагательные с суффиксом *-л-* не образовывались [222]. От таких глаголов производились только причастия. Например: *погасавшая* воля (В. Одоевск., Русск. ночи, 5), ср. *погаслый*.

Из перечисленных глагольных основ, производящих прилагательные с суффиксом *-л-*, продуктивными были лишь основы отыменных приставочных глаголов на *-еть, -ать*: только они и давали почву для новообразований рассматриваемого типа. Остальные были непродуктивны, лексически замкнуты и не могли служить для производства новообразований, хотя число образованных от них прилагательных было велико, и они устойчиво функционировали в языке.

Прилагательные на *-лый* обозначали свойства, полученные в результате пребывания в каком-либо состоянии или в результате воздействия на предмет со стороны. Это резко отличало их от прилагательных на *-учий, -ачий*, обозначающих вневременной признак; ср. *горелый* (*пень*) и *горючий* (*материал*), *линялое* (*платье*) и *линючий* (*ситец*) [223]. Однако, по-видимому, в прошлом прилагательные на *-лый*, производные от глаголов несов. вида, могли обозначать не только признак как результат действия или состояния, но и процессуальный признак, относимый к моменту речи,— синонимично причастиям настоящего времени. Редкие случаи употребления прилагательных с этим значением встречаются в первые десятилетия XIX в.:

> Не в порядке вещей с *дребезжалым* голосом и фальшивыми нотками давать концерты (Жих., Зап. совр., I, 10 марта 1805).

Степень семантической близости прилагательных на *-лый* к производящему глаголу определялась тем, были ли они произ-

---

будильный, родильный (Г. П. Павский. Филологические наблюдения. Рассуж. II, стр. 81—82). В говорах, по-видимому, суффикс *-л-* служит для образования рассматриваемых прилагательных и от основ переходных глаголов (см.: И. П. Чиркина. Отглагольные прилагательные с суфф. *-л-* в совр. русск. языке. Автореф. канд. дисс. М., 1954, стр. 6). Отдельные образования от основ переходных глаголов встречаются в литературе XIX в. (например, в «Моих воспоминаниях» Ф. И. Буслаева, ч. I, XIX: Дети прыгали, разминая свои *отсиделые* ножки). Однако они явно находились за пределами норм литературного словообразования.

[222] См.: Г. П. Павский. Указ. соч., стр. 82. Ср. единичные образования от глаголов со значением кратности: *бывалый* (развившее качественное значение «опытный» и порвавшее связь с глаголом) и редкие *езжалый, леталый, видалый* (от основы переходного глагола).

[223]. См.: Чжао Юнь-чжун. Указ. дисс., стр. 132.

ведены от приставочных или от бесприставочных глаголов [224]. Первые обнаруживали бóльшую семантическую близость к глаголу и, как правило, сохраняли ее [225]. Вторые легко развивали качественные значения и могли совсем утрачивать семантическую соотносительность с глаголом (*смелый*, *удалой*) или ослаблять ее (*дохлый*, *гиблый*, *тухлый*).

История этих двух групп прилагательных в XIX в. была различной. Прилагательные, произведенные от бесприставочных глаголов, представляли замкнутую, количественно не пополняемую группу. Для них было характерно дальнейшее развитие качественных значений и ослабление семантических связей с производящим глаголом. Прилагательные, производимые от приставочных глаголов, напротив, были продуктивны и пополнялись новообразованиями. Кроме того, для их истории оказалось очень существенным взаимодействие с действительными причастиями прошедшего времени, на протяжении всего XIX в. очень активными [226]. Будучи семантически и функционально близкими изучаемым прилагательным и в то же время в силу своего категориального значения более приспособленными к обозначению процессуальных признаков, причастия оттесняли прилагательные с занимаемых ими позиций, что приводило к общему уменьшению продуктивности прилагательных на *-лый*.

Причастия прежде всего теснят прилагательные с яркими процессуальными значениями, т. е. семантически наиболее близкие глаголу. К ним относятся: 1) прилагательные, процессуальность значения которых поддерживалась наличием при них таких же пояснительных членов, как при глаголе, и 2) прилагательные, образованные от глаголов с живыми приставками. Эти два рода явлений будут рассматриваться особо, хотя несомненно, что они не исключали друг друга, а тесно переплетались, так как глагольное управление было свойственно чаще всего глаголам с яркими живыми приставками.

§ 88. Активнее всего причастия вытесняли те прилагательные, при которых имелись предложные и беспредложные конструкции, по форме аналогичные зависимым конструкциям при глаголе [227]

---

[224] См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 234.

[225] «Предлог в отпричастном на *-л-* поддерживает его связь с глаголом, и, наоборот, имена беспредложные на *-л-* скорее теряют всякое отношение к глаголу» (там же, стр. 238).

[226] Параллелизм в значении и употреблении причастий и прилагательных, произведенных от бесприставочных глаголов, был явлением редким, нетипичным для литературного языка XIX в. Обычно подобные образования расходились по значению в более раннее время. Ср.: *рослый* (*мальчик*) и *цветок*, *росший в саду*; *мерзлая* (*земля*) и *человек*, *мерзший на ветру* и под.

[227] Некоторые типы пояснительных распространений (такие, как родит. пад. с предлогами *от* и *с* со значением причины: *посинелый от холода*, *побледнелый со страху*, родит. пад. с предлогом *до* в ограничительном значении:

и ограничивающие признаки разного рода уточняющими обстоятельствами. Прилагательные с пояснительными словами, как правило, были семантически более близки глаголу, ср.: *замерзлые руки* и *замерзлые на сильном ветру руки*.

Ранее всего и, по-видимому, полностью прилагательные утрачивают способность сочетаться с творит. пад. беспредложным, обозначающим субъект действия и разного рода ограничительные обстоятельства. Конструкции с творит. пад., повторяющие по форме глагольные конструкции, отмечаются в конце XVIII — нач. XIX в.:

Степь, *поросла́я ковы́лом* (Болот., 2, 118); *заросло́й синильником* сад (Там же, 117); камень *обросло́й мхом* (Сл. АР); *поросло́е мхом, травою* места (Сл. АР).

В первой трети XIX в. такое употребление встречается очень редко, чаще и обычнее в таких случаях употреблялось причастие: *обросший мхом, заросший травою* сад и т. п.

Отдельные случаи сочетания прилагательных на *-лый* с творит. пад. (ограничительным) встречаются в первой половине XIX в. Однако они не представляются типичными для словоупотребления того времени, особенно в тех случаях, когда сочетание с творит. пад. было редким и для производящих глаголов:

Отупе́лый чувствами Париж (ср. *отупе́ть чувствами*) (Москвит., 1841, февр.); Прическа головы модная, *запозда́лая* только *го́дом* (ср. *запозда́ть го́дом* и *на год*) (Вельтм., Саломея, 7, VI). В более позднее время: лицо *опухлое нездоровой полнотой* (Гл. Усп. [228]).

Столь же редким было употребление при прилагательных на *-лый* творит. субъекта, ярко свидетельствующее об их функционально-семантической близости глаголу:

Но в жизни, *им осиро́телой*, Уже обоим не сыскать, Чем можно б было опустелой Души страданья услаждать (Козлов, Прости); Не столь послушно, не слегка, Не столь мгновенными страстями Пылает сердце старика, *Окаменелое года́ми* [229] (Пушк., Полтава, 1); вращая *гне́вом опья́нелы* очи (Шевырев, пер. «Освобожд. Иерусалима», Телеск., 1831, № 24).

исхуда́лый до косте́й) остаются продуктивными на всем протяжении XIX в. и в современном языке (см.: И. П. Чиркина. Словосочетания с отглагольными прилагательными с суффиксом *-л-* в роли главного слова и их влияние на построение адъективных словосочетаний. «Уч. зап. Свердловского гос. пед. ин-та», вып. XVI, 1958, стр. 38). Это связано с тем, что сочетания с такими падежными формами характерны не только для отглагольных, но и для чисто качественных прилагательных (*красный от жары, седой с горя, худой до ужаса*) и не способствуют увеличению процессуальности признака.

[228] Пример заимствован из указанной статьи И. П. Чиркиной, стр. 31.

[229] И. П. Чиркина (там же, стр. 36) видит в этом сочетании значение «причинной обусловленности». Вряд ли это верно, ср.: *годы окаменили мое сердце*.

Ср. употребление творит. субъекта при причастии: Утес... *Веков теченьем поседевший* (Жуковск., Герой, III).

К 40-м годам XIX в. прилагательные с суффиксом *-л-* полностью утрачивают способность сочетаться с творит. беспредложным [230].

Сочетание прилагательных на *-лый* с предложно-падежными конструкциями, выражающими пространственные и пространственно-ограничительные отношения, в конце XVIII — первой половине XIX в. было более распространено. Однако и здесь прилагательные вытесняются причастиями; в первую очередь это касается конструкций, выражающих чисто пространственные отношения:

Надвислые над водою стебельки (Лепехин, Путеш., Соловецкий о-в); *Приросльій* мох *к камню* (Сл. АР); Мох, *приросльій к камню. Присохлая к кирпичу* глина (Сл. 1847 г.); Сотри *населую на столе* пыль (Там же); *В горах пустынных запоздалый*, К нему войдет пришлец усталый (Пушк., Кавк. пл., I); лава *в море застылая* (Марл., Ам.-Бек, VII); Павел был человек *одичалый в Гатчине* (Герц., Долг прежде всего, Вместо продолжения).

Употребление конструкций, обозначающих не чисто пространственные отношения, было более распространено и удерживалось дольше:

Среди нас осиротелый, Ты к чаше грустно приступил (Вяземск., К партизану-поэту); Питомец моря смелый, *Под сенью парусов и в бурях поседелый* (Пушк., Завидую тебе, питомец моря смелый...); Рыбак *на ловле запоздалый* (Пушк., Медн. всадник, 2).

Наиболее распространенными и употребительными до конца XIX в. были конструкции с предл. пад. с предлогом *в*, выражающие ограничительные отношения, иногда с оттенком пространственного уточнения:

Закоренелый в развратности (Радищ., Путеш., Едрово); человек, *закоренелый в своих правилах* (Нарежн., Росс. Жилбл., 5, III); *закоренелые в предрассудках* (Моск. вестн., 1828, № 23—24); Ругатель закоснелый, *Во тьме, в пыли, в презренье поседелый* (Пушк., Хавроніос!ругатель закоснелый...); воин смелый, *в дружинах римских поседелый* (Пушк., Клеопатра); *поседелый в добре* и разумный боярин (Языков, Олег); пример *небывалый в судопроизводстве* всех веков (Показание М. В. Петрашевск., между 19 и 26 мая 1849 г.); *застарелая в девстве* (Герц., Б. и д., 1, III); муж, *окрепльій в борьбе* (С. Соловьев, Ист. Росс.,

---

[230] Приводимые И. П. Чиркиной примеры типа *упалый лицом* (А. Н. Толстой) как доказательство возможности употребления в современном языке творит. беспредложного при прилагательном не соответствуют современным нормам и являются средством исторической стилизации.

I, VIII); еще *нѐбывалые в его распоряжении деньги* (Эрт., Гард., 1, VIII).

Заметно сокращается также способность прилагательных на *-лый* определяться предложно-падежными конструкциями с временны́ми значениями. Ср. примеры такого употребления в первой трети XIX в.:

Отец ее был добрый малый *В прошедшем веке запоздалый* (Пушк., Е. О., 2, XXIX); *усталый после трудного подвига* (Марл., Ам.-Бек, IV); тощий плод, *до времени созрелый* (Лерм., Печально я гляжу на наше поколенье).

Взаимодействие прилагательных на *-лый* с причастиями, способствующее ослаблению процессуальности их значения, не приводило, однако, к полной утрате сочетаний прилагательных на *-лый* с предложно-падежными конструкциями. Эти прилагательные сохраняют способность распространяться косвенными падежами с предлогами и в современном языке, преимущественно для обозначения причинных и определительно-ограничительных отношений. Способность сочетаться с творит. субъекта ими утрачена полностью, также, по-видимому, как и с конструкциями, выражающими чисто пространственные и временные отношения.

Другой характерной формой распространения изучаемых прилагательных было сочетание их с наречиями — для выражения значений меры и степени и временны́х отношений [231]. Такие сочетания были широко употребительны в литературном языке изучаемого времени.

Дрова, *немного обгорелые* (Чулк., Пересмешн., 20); свеча *почти догорелая* (Кропот., Фомушка, I, 1); *несколько заржавелый* железный медальон (Крыл., Почта духов, Вступл.); ряды письмен, сжатых огнем и *почти перегорелых* (Атеней, 1828, № 14—15); обломок корня ... *почти окаменелый* (Б-ка для чт., 1839, т. XXXVI, ч. 1); труба, *частию опустелая* (Козловский, Краткое начертание теории паровых машин, 1. Совр., 1837, т. VII); халат, *значительно пожелтелый* от поту (Гл. Усп., Нр. Растер. ул., Дела и знакомство); только что *созрелый плод* (Речь Ф. Н. Плевако, 1874 г.).

Ср. употребление при прилагательном предложных конструкций со значением степени:

Платок... *до крайности полинялый* (Дост., Зап. из М. дома, 2, I).

Сочетания с временны́ми наречиями были менее распространены:

Несозрелый еще разум (Чулк., Пересмешн., 7); *еще неокреплый* кирпичный свод (Марл., Ам.-Бек, XIII); *Давно опу-*

---

[231] Сочетания с наречиями, выражающие другие значения, например места, образа действия, почти не встречаются.

стелый постоялый двор (Леск.); *Давно небывалое* появление гостей в Васильевском (Тург.) [232].

По направлению к современности, в связи с общим ослаблением процессуальных значений у прилагательных на *-лый*, уменьшается, но не утрачивается полностью, их способность сочетаться и с наречиями. Эта способность сохраняется у них до конца XIX в. и в современном языке.

Итак, в XIX в. происходят существенные расхождения в семантике и условиях функционирования прилагательных на *-лый* и причастий: прилагательные утрачивали способность обозначать процессуальный признак и тяготели к абсолютивному употреблению. Поэтому, наряду со случаями функционирования причастий и прилагательных как тождественных образований, выступающих в одинаковом синтаксическом окружении, все более типичными становились случаи, когда при прилагательном отсутствовали пояснительные члены, а при причастии имелись (такого типа, как *окаменевший после преступления*, *закостеневший в судорогах*, *поседевший в битвах*, *подмерзший за ночь*, *поникший на грудь*, *никогда в этих краях не бывавший* и под.). Два следующих примера представляют характерную в этом отношении картину:

Закоренелое невежество делает его несноснее всякого дурака (Копиев, Обращ. мизантроп, V, 1); С невестою, *уже в чем-нибудь закореневшею*, трудно будет ладить (Болот., 2, 112).

§ 89. Взаимодействие причастий с прилагательными на *-лый* приводило и к резкому уменьшению числа функционирующих в языке XIX в. прилагательных, образованных от приставочных глаголов. В первую очередь уходят из употребления прилагательные типа *вытеклый*, *стеклый* (*стеклая* вода. Сл. АР), *выбылой*, *убылой*, *прибылой*, *отсталый* (в значении «отставший»), т. е. такие, которые имеют перфектное значение, но не обозначают свойства предмета, возникшие в нем в результате пребывания в каком-либо состоянии или воздействия со стороны (ср. с вышеприведенными *линялый шарф*, *завялый цветок*, *обгорелое полено*, *созрелое яблоко* и под.).

Вот примеры употребления подобных прилагательных, нечастые уже и в первой половине XIX в.:

Были ли во время прохода чрез губернию *выбылые*, или нет (ПСЗ, 1801, т. XXVI, § 19838); дабы они о *присталом* или *прибылом* скоте к их селениям ... доносили конторе (Там же, § 19873); пленили *отсталых* [233] (Карамз., И. Г. Р., VIII, II); выключать *убылых* из счета душ (Телеск., 1831, № 21); взглянули на *прибылых* и захрапели снова (Вельтм., Саломея, 6, I); Мгновенно все народонаселение фрегата бросилось снизу

[232] Последние два примера заимствованы из указанной статьи И. П. Чиркиной, стр. 40.

[233] Прилагательное *отсталый*, развившее качественное значение, сохраняется в языке (*отсталый* образ мыслей, *отсталый* человек и т. п.).

вверх; *отсталых* матросов побуждали боцмана (Гонч., Фр. «Пал.», От Кронштадта до мыса Лизарда).

На протяжении XIX в. такие прилагательные замещаются причастиями. Причины этого явления понятны: ведь такие прилагательные, как *вытеклый* (о воде), *прибылой* (о человеке), не называют свойств самого предмета (возникших в нем в результате процесса), а лишь сообщают о происшедшем с ним действии — значение, более свойственное причастиям.

Второй род явлений, связанных с вытеснением прилагательных на *-лый* причастиями, можно было бы назвать «лексическим отбором» прилагательных (ср. аналогичное явление в типах отглагольных прилагательных с суффиксами *-чив-* и *-н-*, см. § 98, 108). Из многочисленных образований, производимых от однокоренных глаголов с разными приставками почти с такой же регулярностью, как формы слова, в качестве прилагательных с определенными индивидуализированными, собственно «адъективными» значениями сохраняются лишь некоторые, а остальные замещаются причастиями. В этом отношении характерны показания словарей конца XVIII — первой половины XIX в. Словарь АР помещает целые ряды прилагательных, образованных от однокоренных глаголов с разными приставками, и, не давая соответствующих причастий, прилагательные обычно толкует формулой: «прилагательное, имеющее значение (или «знаменование») глагола своего». В Словаре 1847 г. при сохранении зачительного числа прилагательных дается больше причастий, причем многие прилагательные уже толкуются через причастия: *выгнилый — выгнивший*; *доцвелый — доцветший*; *насолоделый — насолодевший*; *настылый — настывший*, сделавшийся холодным; *натеклый — натекший*, *накапавший* куда-либо; *натаялый — натаявший*; *сбежалый — сбежавший*, в бегах находящийся; *устоялый — устоявшийся*, очистившийся от мутности; *выбылый — выбывший* откуда-либо; *вылезлый* — о волосах и шерсти: *выпавший*, *вылинявший*; *вылинялый—вылезший*, *выпавший* из кожи (*вылинялые* перья).

В обоих словарях находим целые серии однокоренных прилагательных на *-лый*. Так, в Словаре 1847 г. помещено: *выросльй* (*выросльге* деревья тень дают), *зарослый*, *наросльй*, *недорослый*, *переросльй*, *сросльй*; *населый* (обместь *населую* пыль от стен), *оселый*, *проселый*, *расселый*, *сселый*; *впалый*, *выпалый*, *запалый*, *напалый* (*напалая* пыль), *опалый*, *отпалый*, *спалый*. Уже из этих перечней видно, что многие из подобных прилагательных не дожили до нашего времени. Обычно из такого ряда прилагательных, обозначающих разновидность одного признака, к середине (а в отдельных случаях к концу) XIX в. в употреблении сохраняются лишь те, которые называют наиболее частые или типичные свойства предмета, а остальные вытесняются причастиями. Так, из многочисленных образований от глагола *пасть* устойчиво употребляется лишь *впалый*, от глагола *мерзнуть* —

— *мерзлый* (образования *замерзлый*, *подмерзлый*, *промерзлый* встречаются, но чаще функционируют соответствующие причастия), от глагола *вянуть* — *вялый*(образования *завялый*, *увялый* используются реже, чем причастия).

В конце XVIII — первой половине XIX в. этот семантический отбор еще не произошел. В это время широко употреблялись прилагательные на *-лый*, производимые от глаголов с живыми приставками. Так, во второй половине XVIII — первой трети XIX в. находим:

[Ртуть] бывает по большей части *незамерзлая* (Лом., Рассужд. о твердости и жидкости тел, § 24); Руки имеет долгие и *высохлые* (Тредьяковск., Езда в о-в любви, 1); [в переломах утеса] *надвислые* растут дерева (Лепехин, Путеш., Соловецкий о-в); Саратовское *выгорелое* пустое место (Держ., п. П. И. Панину, 5 окт. 1774); *навислые* скалы (Карамз., И. Г. Р., XI,VI); *замерзлый* ручеек (И. Дм., Отъезд); *навислые* горы (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3); *повялый* огурец (Нарежн., Росс. Жилбл., 5, XII); *засохлый* репейник (Там же); *навислые* брови (Телеск., 1831, № 21); *завялая* душа (А. А Дельв., К Евгению); *недоспелый* плод (А. Одоевск., Умирающий художник); *завялая* и засохшая душа (Белинск., п. М. А. Бакунину, 16 авг. 1837).

Употребление подобных прилагательных, с постепенным сокращением, продолжается и в более позднее время:

Делает для него *опостылыми* издавна установленные формы быта общественного (Петрашевск., Карм. слов. иностр. слов, вып. 2); *завялые* листья (Москвит., 1851, № 2); *вылинялое* лицо (Герц., Б. и д., 1, V); *выгорелое* село (Там же, 1, II).

На протяжении всего XIX в. такие прилагательные употреблялись наряду с причастиями как очень близкие образования.

Ср.: *застарелая* лихорадка (Болот., 2, 129) и: *застаревшая* лихорадка (Там же). *Увялые* кокетки (Булг., Ив. Выж., XVI), *увялое* сердце (Марл., Ам.-Бек, XI) и: *увядшей* расцвел он душою (Козлов, Байрон), *увядшая* сила (Веневит., К Пушкину). *Поблекшие* листочки (Б-ка для чт., 1839, т. XXXVI, ч. 1) и: *поблекшая* роза (Моск. телеграф, 1826, № 5). *Отвислая* губа (Вельтм., Саломея, 9, II) и: *отвисшая* губа (Слепц., Трудн. время, XII). *Полинялые* ленты (В. Соллог., Тарантас, XVII) и: *полинявшие* портреты (Гонч., Фр. «Пал.», На мысе Доброй Надежды). *Опухшее* и желтое лицо (Л. Толст., В. и м., 3, 2, XXVI) и: Желтый, *опухлый, тяжелый*... он сидел на складном стуле (Там же, XXXVIII). *Посинелые* губы (Сев. вестн., 1886, № 4) и: *посиневшие* губы (Там же).

Параллельное функционирование подобных образований продолжалось до конца XIX в. при постепенном возрастании употребительности причастий и сокращении употребительности

прилагательных, не приводящем, однако, к их полному вытеснению и к утрате продуктивности модели: прилагательные на *-лый* легко образуются и в современном языке.

§ 90. Во второй половине XIX в. расхождения между причастиями и прилагательными на *-лый* начинают выражаться и в разграничении сфер их употребления. И те, и другие образования остаются общелитературными, но прилагательные теперь начинают тяготеть к поэтической речи. Ср. широкое употребление прилагательных на *-лый* в поэзии начала XX в.:

Солнце, света не тая, Праздно бьет в слепые окна *Опустелого* жилья (Блок, Золотистою долиной...); Уплывала Вербная неделя На последней, на *погиблой* снежной льдине... (Анненск., Вербная неделя); И на поле боевое *Побледнелая* идет (С. Городецкий, Перун); Застучал По фасаду *замерзлым* крылом (С. Городецкий, Прачка); Цветов *онемелые* губы (С. Городецкий, Прощанье); Река *линялыми* шелками Качала белый пароход (М. Волошин, Закат сиял улыбкой алой...); На шелк листов *опалых* Росится тонкий дождь (М. Волошин, В молочных сумерках за сизой пеленой...); Трогать губами сирень *помертвелую* (Пастернак, Сложа весла).

Причастия в это время в поэзии применялись с совсем иной стилистической нагрузкой: они создавали нарочито грубый колорит, выражая при этом более ярко процессуальность признака. Например, в стихотворениях С. Городецкого:

Шапки надвинуты, вскинуты Лица *вспотевшие* (На массовку, 1907); Весь от солнца темно-рыжий, Весь *иссохший* с рук до ног, Он стоит в болотной жиже (Восточн. крестьянин, 1920).

Ту же стилистическую нагрузку сохраняют причастия в поэзии середины XX в.:

Вот они: с глазами *впавшими*, С гневным блеском в глубине, Жженым порохом *пропахшие*, Все отдавшие войне (Н. Новосельнова, Только-только бой над нивами...); Эй, очнись, человек *уставший*, Поднимись, человек *упавший*, Подожги саксаул сухой! (С. Сомова, Шакалы); *Павшие*, На постаменты ставшие И *застывшие* не напоказ, Родины, России не *отдавшие*,— Помню вас И жить учусь у вас! (В. Костров, Старшим); *Охрипшие* глотки. Песню орут *Охрипшие* глотки. Тяжелые лодки. Трудно идут Тяжелые лодки (О. Дмитриев, Красавица Шуя).

История прилагательных с суффиксом *-л-* в XIX в. характеризовалась рядом процессов. Основной процесс для истории всех отглагольных прилагательных в XIX в.— ослабление семантических связей с производящим глаголом — проявлялся в утрате ярких процессуальных значений и в уменьшении способности присоединять к себе управляемые слова, аналогичные зависимым словам при глаголе. В результате этого позиции, занимаемые ранее как прилагательными, так и причастиями на *-вший*, *-ший*,

целиком переходят к последним. Между этими двумя типами отглагольных образований происходит разграничение семантическое, синтаксическое и — к концу века — стилистическое. Эти процессы приводят к общему уменьшению продуктивности прилагательных на-*лый* и к сокращению их числа. Из употребления уходят многие прилагательные, произведенные от глаголов с яркими приставками. Прилагательные на *-лый* перестают быть образованиями, производимыми от глаголов на *-еть* и *-ать* почти с такой же регулярностью, как формы слова.

История прилагательных с суффиксом *-к-*

§ 91. В начале изучаемого периода суффикс *-к-* производил прилагательные только от глагольных основ; прилагательные от глагольно-именных основ (типа *звон — звонить — звонкий*) с помощью этого суффикса уже не образовывались. Сфера действия суффикса *-к-* была строго ограничена сочетанием с глагольными основами определенного морфонологического строения и значения[234]: он производил прилагательные от бесприставочных переходных, непереходных и возвратных глаголов несов. вида, преимущественно с односложными корнями[235], оканчивающимися на согласный: *трясти(сь) — тряский*, *мылить — мылкий*, *зябнуть — — зябкий*, *ковать — ковкий*, *плавить(ся) — плавкий*, *целить(ся) — целкий*, *колоть — колкий*, *липнуть — липкий*, *слышать — слышкий*. Видовые суффиксы в состав прилагательного не входили[236].

Прилагательные с суффиксом *-к-* —качественные, они обозначают: «легко, постоянно совершающий какое-нибудь действие» или «такой, с которым можно легко сделать что-нибудь»[237]. Разные залоговые значения производящих глаголов свободно совмещались в семантической структуре таких прилагательных; ср. *маркое платье* («легко пачкающееся») и *маркая краска* («которая пачкает»).

По направлению к современности происходило ослабление этого словообразовательного типа. Прилагательные с суффиксом *-к-* утрачивали продуктивность и непосредственную смысловую связь с глаголами. Характерный для XIX в. процесс утраты отглагольными прилагательными действенных и развития качест-

---

[234] О словообразовательных связях суффикса *-к-* см. : Чжао Юньчжун. Указ. дисс., стр. 240—243.

[235] Старые образования от неодносложных корней (типа *торопкий — торопиться*, *громоздкий — громоздить(ся)*, *сторожкий —сторожить*) единичны. Новообразования этого рода не производятся.

[236] См.: Г. П. Павский. Указ. соч., стр. 87.

[237] «... Звук *к* является и при переходе глагола в прилагательное, когда действие обращается в свойство, способность» (В. Я. Стоюнин. Высший курс русской грамматики. СПб., 1855, стр. 127).

венных значений охватывал и эти прилагательные и находил здесь своеобразное проявление. Прежде всего он обнаруживался в том, что прилагательные с суффиксом *-к-* теряли связь с производящими глаголами и очень интенсивно подвергались опрощению. Это отличало их от других типов отглагольных прилагательных, в которых даже при потере прямой семантической связи с глаголом опрощения обычно не происходило, так как сохранялось значение суффикса и членимость слова на морфемы. В прилагательных с суффиксом *-к-* опрощение вызывалось «семантическим омертвением» [238] суффикса. Оно затрагивало в первую очередь прилагательные с глагольно-именными основами (типа *звонкий*), но не только их (ср. *гладкий*, *жидкий*, *крепкий*, *мелкий*, *мерзкий*, *редкий*, *робкий*, *сладкий*, *стойкий* и под.). Опрощению прилагательных с суффиксом *-к-* способствовало то, что звуковой состав этого суффикса был прост, маловыразителен (ср. суффикс *-к-*, состоящий из одного звука, и такие форманты, как *-тельн-*, *-ист-*, *-лив-*).

Опрощение прилагательных с суффиксом *-к-* началось задолго до XIX в., но в этот период оно проходило очень интенсивно. По-видимому, семантическим омертвением суффикса объяснялся тот факт, что из языка уходят многие прилагательные с суффиксом *-к-*, наряду с которыми функционировали образования без этого суффикса: ср. *спорный* и *споркий* (Сл. 1847 г.), *слабый* и *слабкий* [239].

Второй ряд явлений, характеризующих уменьшение процессуальности изучаемых прилагательных — утрата ими соотносительности с прямыми, конкретными значениями глагола. В конце XVIII — нач. XIX в. многие прилагательные с суффиксом *-к-*, утратив эту соотносительность, перестали обозначать конкретные физические свойства лиц или предметов и стали обозначать отвлеченные признаки. Ср. значения прилагательных с суффиксом *-к-*, отмечаемые в Словаре АР (и сохраняющиеся в Словаре 1847) г.: *Броский*. 1. Далеко бросающий или бросать умеющий. У него рука *броска* (ср. более позднее *броский* — заметный, бросающийся в глаза). *Колкий*. 1. Могущий удобно колоться. *Колкое* дерево. *Четкий*. Удобный для чтения. *Четкое* письмо (ср. *четкий* — «отчетливый, ясный», утратившее связь с глаголом). *Ходкий*. Обозначает вещи, которые легко двигаются, идут, вертятся и пр. *Ходкое* судно (ср. перен.: *ходкий товар*). *Зыбкий*. Тот, который удобно колеблется. *Зыбкое* судно, место, болото. В Словаре 1847 г.: *Хлесткий*. 1) Удобный к хлестанию. *Цепкий*. 1) Способный хвататься и держаться за что-нибудь. Кошки очень *цепки*. *Верткий*. 1) Способный вертеться. *Верткое* веретено, колесо. 2) Клонящийся

---

[238] См.: В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 210.

[239] Ср. у Тредьяковского в рифме: Некажи болше моей днесь памяти *слабкой*, что невозможно в свете жить без любви сладкой (Езда в остров любви, II).

на бок от малого перевеса: шаткий, валкий. *Верткая* лодка. *Пылкий.* 1) Ярко горящий; пылающий. *Пылкие* дрова.

В текстах:

Черты лица *незыбки* (Радищ., Путеш., Крестьцы); черты лица *шатки* (Там же); *зыбкая* походка (Атеней, 1828, № 14—15).

Многие прилагательные с суффиксом *-к-*, не развившие переносных значений, утрачивались совсем или замыкались в области просторечия. Некоторые из таких прилагательных снабжаются ограничительными пометами уже в академических словарях конца XVIII — нач. XIX в.: *Совкий, в просторечии*: тот, который без разбору во все мешается, за все принимается (Сл. АР). *Видкий, в просторечии*: 1) Бросающийся в глаза. 2) Взрачный, рослый, казистый (Сл. 1847 г.).

Число прилагательных, сосредоточивающихся в просторечии, возрастает по направлению к современности. Так, по-видимому, общелитературными еще в конце XVIII — нач. XIX в. были не сохранившиеся в современном литературном языке слова: *Кидкий.* 1) Броской. Круглой камень *кидчае* угловатого (Сл. АР); *Бежкий.* Скоро тающий, текучий (Сл. 1847 г.). Ср. у академика Лепехина: Тюленье сало весьма *бежко* (Путеш., г. Архангельской); Свинец *грузок* (Сл. АР); *Каткие* колеса, сани (Там же); *Качкая* коляска. *Качкое* судно (Там же); Мягкая земля *копка* (Там же); *Садкое* сукно (Там же); Он на чужбину [т. е. чужое] *хапок* (Сл. 1847 г.); *Хлебкий.* 1) Удобный для хлебания. Ложка не красива, а *хлебка.* 2) Приятный для хлебания. Наварные щи *хлебки* (Там же); *Цапкий.* Способный к тому, чтобы цапаться. У белки ногти *цапки* (Там же).

Ср. употребление таких прилагательных в литературе: *качкие* дроги (С. Акс., Сем. хрон., Добрый день Степ. Мих.); *негнуткие* удилища (С. Акс., Лит. и театр. воспом. 1826); тонкие *гнуткие* ремешки (Леск., Некуда, 1, 25); *вивкие* волосы (Отеч. зап., 1872, № 4).

Связь прилагательных на *-кий* с обыденной речью и просторечием, объясняющаяся их производством преимущественно от глаголов, обозначающих конкретные физические действия, была их характерной чертой, отличающей их и от книжных прилагательных на *-тельный*, и от входящих в состав терминов прилагательных с суффиксом *-льн-*, и от многих других типов отглагольных прилагательных.

История прилагательных с суффиксами *-уч-*, *-ач-*

§ 92. Прилагательные с суффиксами *-уч-*, *-ач-* [240], обозначавшие признак как постоянное отличительное свойство, свя-

[240] По происхождению суффиксы русских причастий действительного залога наст. вр. См.: А. А. Шахматов. Очерк совр. русск. лит. языка. Изд. 4. М., 1941, стр. 197—198.

занное с каким-нибудь действием или состоянием, или способность, склонность к какому-нибудь действию, в конце XVIII — нач. XIX в. производились от ограниченного круга непроизводных основ бесприставочных непереходных обычно глаголов, лишенных ярких видовых оттенков[241]. Суффикс присоединялся непосредственно к корню. В образовании прилагательных этого типа были существенные ограничения и другого рода, определяемые, по всей вероятности, их происхождением: суффиксы *-уч-*, *-ач-* присоединялись только к корням русских некнижных глаголов, обозначающих конкретное физическое действие. Все эти условия определили и сферу употребления таких прилагательных: они почти не встречаются в книжной речи, редко включаются в состав научных терминов. Основная сфера их применения — жанры художественной литературы, отражающие народную речь, и поэтическая речь (примеры см. ниже).

Условия образования этих прилагательных в XIX в. почти не менялись. Морфемы *-уч-* и *-ач-* выступали как вариантные суффиксы, сочетающиеся с различными типами основ[242]: *-уч-* с основами глаголов 1-го спряжения, *-ач-* — 2-го. Кроме того, суффикс *-уч-* производил прилагательные и от основ глаголов 2-го спряжения на губные и задненёбные согласные: *трескучий* (ср. *трещащий*), *кипучий* (ср. *кипящий*), *скрипучий* (ср. *скрипящий*), *шипучий* (ср. *шипящий*). В кругу этих основ суффикс *-уч-* теснит вариантный формант: образования типа *гремячий*, *дымячий* уходят из употребления[243].

Вероятно, под влиянием большей многочисленности разряда прилагательных с суффиксом *-уч-* этот формант проникает в ряде случаев и в круг глаголов 2-го спряжения с основами не на губной и задненёбный: *летучий*, *злючий*, *шевелючий*.

Немногочисленность и, главное, непродуктивность производящих основ обусловила малую продуктивность рассматриваемого словообразовательного типа. На протяжении XIX в. он почти не дает новообразований. Вот некоторые прилагательные, отсутствующие в Словаре 1847 г. (характерно, что все они образованы с помощью более активного суффикса *-уч-*):

Ревучий (Пушк., Храни меня, мой талисман; Приметы); В день ненастный, час *гнетучий* Грудь подымет вздох могучий (Борат., Были бури, непогоды...); Вся музыка танцев... игрива, *прыгуча* (Москвит., 1851, № 1). Ср. также: дорога

---

[241] Условия образования этих прилагательных в современном языке подробно описаны в книге В. В. Виноградова «Русский язык», стр. 210. См. также: Ч ж а о Ю н ь-ч ж у н. Указ дисс., стр. 89—94.

[242] Лишь в словах *горячий* и *горючий* (различных по значению) суффиксы *-уч-* и *-ач-* присоединяются к одному корню.

[243] В Словаре 1847 г. еще находим: «Селитреная кислота *дымячая*»; «*гремячий* — то же, что *гремучий*».

трясучая [244] (Решетн., Ставленник, III); Из всей Испании Кастилья самая *не певучая* провинция (В. Боткин, Письма об Исп., Совр., 1847, т. VI) [245]; *певучий* баритон (Л. Толст., В. и м., 3, 1, XXII).

Однако не эти частные изменения определяли историю изучаемого словообразовательного типа в литературном языке конца XVIII—нач. XIX в. Более существенны были процессы, направлявшие историю и других типов прилагательных, производимых от глагольных основ, а именно: семантический отход от производящего глагола, утрата глагольного управления, развитие качественных значений, связанных преимущественно с переносными, отвлеченными, а не с прямыми конкретными значениями глагола.

В XIX в. происходит окончательное разрушение близости образований на *-чий* и на *-щий* [246], устраняются даже пережитки этой близости.

Затухает функционирование образований на *-щий* со значением, тождественным значению прилагательных на *-чий*. Подобное употребление было редким уже в первую половину XIX в. и охватывало небольшое число образований на *-щий* (*живущий*, *висящий*, *стоящий*, *жгущий*, *гниющий* и др.). Так, в Словаре АР слова *негниющий* и *негниючий* помещаются как равнозначные в одной словарной статье. Ср. также равнозначное употребление форм:

С и д я щ и й — с и д я ч и й: ведущий *сидящую* жизнь (Я. К. Грот, п. П. А. Плетневу, 29 сент. 1840); от праздной и *сидячей* жизни (Москвит., 1851, № 2).

В и с я щ и й — в и с я ч и й: Спросить, что стóит *висящая* лампа (А. Дост., Дневн., 5 мая 1867); *висячая* керосиновая лампа (Микл.-Маклай, Второе пребывание на бер. Маклая, июль 1877).

Особенно широко было распространено параллельное употребление образований *ж и в у щ и й* и *ж и в у ч и й*:

Устройство беспорядочное куда как *живуще* (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 22 февр. 1819); Бросьте в огонь,— он выйдет еще *живущее*, чем прежде (Моск. набл., 1837, апр., кн. 2); Я физически *живущ* страшно (Белинск., п. К. Д. Кавелину, 7 дек. 1847). Ср.: *живучая* натура (Дост., Зап. из М. дома, 2, III); *живучая* ненависть (Герц., Б. и д., 2, XIV).

В тех случаях, когда прилагательное не имело специфически адъективного значения постоянного свойства, склонности к действию, его вытесняло причастие (*спячий*, ср. *спящий*; *носячий*,

---

[244] В Словаре 1847 г. прилагательное *трясучий* отсутствует, но помещено производное от него существительное *трясучка*.

[245] Прилагательное *певучий* не включено в Словарь 1847 г., хотя в нем отмечено производное *певучесть*.

[246] Начало перехода причастий на *-учий*, *-ачий* в прилагательные относится еще к дописьменной эпохе (см.: П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русск. языка. Морфология. М., 1953, стр. 159).

ср. *носящий*). Уходили из употребления прилагательные на *-чий* со значением и сочетаемостью, близкими причастиям на *-щий*: Только один сухой сук возвышался от *лежачего подле него* дуба (Марл., Ам.-Бек, VI); сомнение не стихнет в душе, *кипучей страстью* (Там же, VIII); *бродячие по Каталонии* шайки карлистов (В. Боткин, Письма об. Исп., Совр., 1847, т. V, № 10).

Семантическую близость глаголу (процессуальность значения) обнаруживали и прилагательные на *-учий*, *-ачий*, употребляемые абсолютивно:

Промчится грохот над рекой Уже спокойной и *дремучей* (Языков, Тригорское) (ср. *дремлющей*); *Летучих* остальных минут Мне слишком тягостна потеря (Пушк., Письмо к Лиде); солдатское представление, с какими-то чучелами, с *плывучими* лодками (Дост., Зап. из М. дома, 1, XI); И ты свершишь *пловучие* наезды В те древние и новые места (Из послания Бенедиктова Гончарову. Гонч., Фр. «Пал.», Плавание в Атлантическ. тропиках); Из цветка длинными, похожими на змей, *ползучими* потоками извивается зло (Гарш., Красн. цветок, V).

Отход от глагола у многих прилагательных на *-чий* обнаруживался в развитии переносных качественных значений (например: *ходячий* — «широко распространенный»), что было характерно и для других типов отглагольных прилагательных. Однако специфическим для прилагательных на *-чий* был процесс сужения значения и утрата способности определять все те существительные, которые могут быть наделены соответствующим признаком [247]. Характерно в этом смысле сужение возможностей сочетаемости слов *дремучий*, *падучий*. За многими прилагательными на *-чий* закрепляется ограниченное фразеологизированное употребление: *падучая* (звезда и субстантивированно о болезни), *плакучие* (деревья), *сыпучие* (пески), *гремучие* (ручьи), *трескучий* (мороз), *дремучий* (лес), *неминучая* (беда).

Одновременно с ограничением сочетаемости прилагательных на *-чий* шел процесс их количественного сокращения. Из употребления уходят многие образования этого типа: *бегучий*, *гниючий*, *гноючий*, *едучий*, *липучий*, *зыбучий*, *рыскучий* (охотн.), *сыпучий*, *топучий*, *вертячий*, *носячий*, *спячий*. Подобные прилагательные еще помещаются в словарях конца XVIII — первой половины XIX в. В Словаре АР: *Едучий* пластырь. *Зыбучий* мост, болото. Ловить *спячих* птиц. Испугать *спячего*. В Словаре 1847 г.: *Топучие* болота. Субстантивированно: *носячий* — продавец, ходящий с товаром по улицам. Купить что-либо у *носячего*.

Судьба многих прилагательных на *-чий* была связана с прилагательными с суффиксом *-к-*. Ср. с приведенными выше сохранившиеся до наших дней прилагательные *зыбкий*, *топкий*, *ед-*

[247] Отражение подобного широкого значения дают словари: *Лежачий*. 1) *Лежащий*: сваленный на землю. *Лежащие* деревья (Сл. 1847 г.) *Падучий*. Подверженный падению (Там же).

кий, *липкий*, *верткий*. Не всегда, однако, в борьбе образований на *-кий* и *-чий* первые оказывались более устойчивыми. В ряде случаев побеждали прилагательные на *-чий*: *вонючий* (в Словаре АР и Словаре 1847 г. образования *вонючий* и *вонький* помещены в одной статье), *ползучий* (ср. *ползкий*) [248].

В отдельных случаях конкурирующими с прилагательными на *-чий* и способствующими их вытеснению оказывались образования других типов, например, прилагательные на *-лый* (*сиплый*, ср. *сипучий*).

Итак, в литературном языке XIX в. происходит ослабление процессуальности прилагательных на *-чий*, проявляющееся в утрате ими глагольного управления и семантической близости к глаголу. Многие из прилагательных на *-чий* теряют свободную сочетаемость с существительными, развивают качественные значения. В связи с этими уменьшается, хотя и не утрачивается полностью, продуктивность данного словообразовательного типа [249].

История прилагательных на *-ствующ-ий*

§ 93. По-видимому, в середине XIX в. в литературном языке складывается новый словообразовательный тип прилагательных — образования на *-ствующ-ий*, по своему морфемному составу напоминающие причастия, но лишенные форм времени и вида и образующиеся непосредственно от существительных. Такие прилагательные производились от существительных — наименований лиц мужского пола и обозначали экспрессивно окрашенный признак лица по деятельности, свойственной или напоминающей ту, которую обычно выполняет лицо, названное производящим существительным [250]. О том, что образования этого рода являются не причастиями, а прилагательными, свидетельствует: 1) Способ их образования — производство от существительных. Глаголы, от которых могли бы быть образованы эти слова, обычно в языке отсутствуют. В тех сравнительно редких случаях, когда в языке есть соответствующий глагол, произведенное от него причастие является омонимом прилагательного. Ср. *крестьянствующие поэты* и: *Иванов, крестьянствующий умело...* 2) Их значение — действенный признак, мыслимый вне категории времени и вида (формы «хулиганствовавший», «подекаденствовавший» и под. не встречаются).

---

[248] Например: *ползкий* яд (Радищ., Путеш., Тверь).

[249] В современном языке этот тип обнаруживает слабую продуктивность. Ср. новообразования в поэтической речи: *Резучая* гуща излук (Пастернак, Широко, широко, широко...); *блескучая* высота (Е. Винокуров, Красота); *визгучий* вагон (Е. Винокуров, Вагон в 1918 году); Над морем/наклонилась туча//синя, сурова и *сверкуча* (Асеев, Взморье). От приставочного глагола: Не замужняя и не вдовая *Задиручая*—кверху нос (Астапенкова, Непутевая).

[250] См.: Н. М. Козулин. Русские отыменные образования причастного типа. ВЯ, 1960 № 1.

В более ранние периоды существовали образования терминологического характера на *-ствующий* (*-овствующий*) с основами существительных (типа *правительствующий* Сенат, ересь *жидовствующих*, *монашествующее* духовенство), послужившие, по всей вероятности, структурным образцом для производства новых экспрессивно-оценочных прилагательных в публицистических стилях речи. В отличие от экспрессивно-оценочных прилагательных, образования терминологического характера обычно не соотносились с именами лиц: *правительствующий — правительство*, *монашествующий — монашество*, *жидовствующий — жидовство*.

Экспрессивно-оценочные прилагательные употребляются в публицистической речи с середины XIX в.:

Действительность является или в лице весьма пошло *актерствующего*, или чаще в лице самого обыкновенного светского молодого человека (Остр., Ошибка, пов. г-жи Тур [рец.]); порождения *доктринерствующих* умов (Писарев, Пчелы, III); *литераторствующие* цензоры (Леск., п. П. К. Щебальскому, 14 янв. 1871); «*мужиковствующее*» [251] направление (термин, до которого г. Марков своим умом дошел, чем очень гордится) (Н. К. Михайловск., Медные лбы и вареные души); *хулиганствующие* элементы (Ленин, Речь перед агитаторами, посылаемыми в провинцию, 6 февр. 1918 г. Соч., т. 26, стр. 467).

К концу века такие прилагательные проникают в дневники, переписку и под.:

Московская живописующая и *рафаэльствующая* юность (Чех., п. Л. Н. Трефолеву, 1 марта 1886); *декаденствующий* юноша (Брюсов, Дневн., сент. 1901); *декаденствующая* христианка (Там же, февр. 1902).

Этот тип прилагательных продуктивен и в современном языке: *рифмоплетствующие* спекулянты (Лит. газ., 28 июля 1962); люди *эстетствующие* и пресыщенные (Комс. правда, 5 дек. 1961); *меценатствующая* «богачка» (Вл. Холодковский, Дом в Клину); «*либеральствующие*» адвокаты (Б. Нейман, Речь персонажей в пьесах Горького. В кн.: О художеств. мастерстве Горького, М., 1960, стр. 193); *анархиствующая натура* (Лит. и жизнь, 16 ноября 1960); *пиратствующие* истребители (Известия, 19 сент. 1961); *фашиствующие* молодчики и т. п.

История прилагательных, образуемых суффиксами, сочетающимися и с именными, и с глагольными основами

§ 94. История прилагательных, образуемых суффиксами *-лив-*, *-чив-*, *-ист-* и *-чат-*, протекала в тесном взаимодействии. Это определялось тем, что перечисленные форманты производили

[251] Образование *мужиковствующий* стоит особняком среди прилагательных данного типа, так как оно соотносится, по-видимому, не с *мужик*, а с *мужиковство*. См. в той же статье Н. К. Михайловского: «обращаясь же к „мужиковству“ по существу, надо сказать прежде всего следующее...»

прилагательные от основ как глаголов, так и существительных, причем в значениях прилагательных, образуемых с помощью разных суффиксов от одних и тех же основ, было много общего. Образования от глагольных и глагольно-именных основ обозначали или способность, склонность к какому-либо действию, или типическое характерное свойство; значение чисто отыменных прилагательных было: «наделенный чем-либо», «характеризуемый обилием чего-либо». Различным было лишь соотношение между названными значениями в семантической структуре слов с различными суффиксами. Кроме отмеченной общности, наблюдалась еще особая семантическая близость между образованиями с суффиксами *-ист-* и *-чат-*, с одной стороны, и *-лив-* и *-чив-*, с другой, объясняемая в последнем случае общностью происхождения суффиксов *-чив-* и *-лив-* на базе суффикса *-ив-*, предопределившей преимущественное сочетание этих формантов с глагольными основами [252].

Общность словообразовательных связей и близость значений создавали параллелизм между прилагательными, образуемыми с помощью этих четырех суффиксов. Однокоренные прилагательные с разными суффиксами могли полностью или частично совпадать по значениям, образуя целые серии словообразовательных дублетов. Картина усложнилась взаимодействием таких прилагательных с прилагательными с суффиксом *-н-*, самым широким по значению и словообразовательным связям формантом прилагательных. Развитие всех названных типов прилагательных характеризовалось тенденцией к изживанию словообразовательной дублетности и к закреплению одних суффиксов за именными, а других — за глагольными основами.

История прилагательных с суффиксом *-лив-*

§ 95. Прилагательные с суффиксом *-лив-* как словообразовательный тип вполне сложились уже в древнерусском языке. Суффикс *-лив-*, образовавшийся на основе суффикса *-ив-* в результате переразложения производящих основ (по мнению одних исследователей, именных, по мнению других, глагольных)[253], мог

---

[252] Суффикс *-ив-* был формантом, производившим первоначально отглагольные образования. Об этом свидетельствует значение и синтаксические свойства прилагательных с суффиксом *-ив-* в древнерусском языке, а также в первую очередь то, что этот суффикс появлялся преимущественно в сочетании с основами глаголов, особенно широко в составе сложных слов со второй глагольной частью типа *-любивый*, *-ходивый* и под.

[253] Обзор мнений по этому вопросу см.: И. С. Меркурьев. Словообразование качественных прилагательных в древнерусском языке. Канд. дисс. Л., 1956, стр. 97—100; В. М. Прилипко. Из истории русского словообразования. «Наукові зап. Житомирського пед. ін-ту», т. I, 1950, стр. 179—183.

производить прилагательные от основ глаголов, а также от отвлеченных существительных, связанных и не связанных с глаголом. Прилагательные, образованные от основ глаголов и отглагольных существительных, обозначали склонность к тому, что названо производящей основой; немногочисленные прилагательные, произведенные от основ неотглагольных существительных, обозначали: «наделенный чем-нибудь, характеризующийся наличием чего-нибудь» [254]. Прилагательные с суффиксом *-лив-* обнаруживали в дальнейшем устойчивую продуктивность, причем словообразовательные связи суффикса *-лив-* расширились: он стал сочетаться и с основами существительных конкретных значений.

В конце XVIII — нач. XIX в. суффикс *-лив-* использовался для образования прилагательных от тех же основ, что и в древнерусском языке, т. е. от основ глаголов (*скакливый*, *спотыкливый*) и существительных отглагольных или семантически близких глаголу (*крикливый*, *жалостливый*, *завистливый*) [255], а также от отвлеченных существительных, не связанных с глаголом ни по образованию, ни семантически (*счастливый*, *талантливый*). Более широко, чем в древнерусском языке, этот суффикс стал сочетаться с основами существительных конкретного значения. Так, у Ф. Поликарпова отмечены слова *потливый*, *дождливый*, *слезливый*, отсутствующие в «Материалах» Срезневского [256]; в конце XVIII в. находим *вьюжливый* (отмечено в Словаре АР), *снежливый*, *ненастливый* (отмечено в «Росс. Целлариусе») и др.

§ 96. Прилагательные с суффиксом *-лив-*, образуемые от глагольных и глагольно-именных основ, в XVIII — нач. XIX в. обнаруживали большую продуктивность. Для их производства использовались основы существительных отглагольных или семантически близких глаголу, обычно обозначающих какое-либо действие, состояние или свойство (*визгливый*, *крикливый*, *памятливый*, *жалостливый*), приставочных и бесприставочных глаголов — непереходных и реже переходных

---

[254] См.: И. С. Меркурьев. Словообразование качественных имен прилагательных. «Уч. зап. Мурманского гос. пед. ин-та», т. II, 1958, вып. 2, стр. 251.

[255] В грамматиках прилагательные *жалостливый*, *завистливый* и под. рассматриваются обычно в ряду отыменных образований со значением «наделенный в большой степени чем-либо» (см., например: Грам. АН СССР, т. I, стр. 337; Совр. русск. яз., Морфология, стр. 187). Однако они и по характеру своего значения, и по своей исторической судьбе сближаются с отглагольными, а не с чисто отыменными образованиями. Свидетельством семантической близости прилагательных, произведенных от глагольных и глагольно-именных основ, является тождественность значений таких образований, как *завистливый* (от *зависть*) и *завидливый* (от *завидовать*, см. § 112), *шалостливый* (от *шалость*) и *шаловливый*, *шалливый* (от *шалить*).

[256] Из прилагательных с суффиксом *-лив-*, помещенных в «Материалах» Срезневского, лишь образование *грѣмѣжливыи* (от *грѣмѣждь* — гной), данное со ссылкой на памятник XVI в., соотносится с существительным конкретного значения.

(*гульливый*, *дремливый*, *выносливый*) и возвратных (*кичливый*, *оглядливый*, *глумливый*). Суффикс *-лив-* не сочетался с основами глаголов однократных на *-нуть*, определенно-моторных, а также неопределенно-моторных с конкретными (переходными) значениями [257]. При образовании прилагательного конечный гласный основы отсекался (производство прилагательных с сохранением конечного гласного основы инфинитива, восходящего к старому *ѣ* — ср. единичные старые образования *молчаливый*, *ворчаливый*, *терпеливый*, *горделивый*, — было непродуктивно) [258].

В литературе конца XVIII — нач. XIX в. прилагательные на *-ливый* были широко употребительны. У разных писателей, в произведениях разных жанров отмечаются такие прилагательные, как *изворотливый*, *ломливый*, *оглядливый*: *оглядливый* дипломат (Вяземск., Автобиогр. введ., VII); *проказливый*, *ртачливый*: [перо] непослушно и *ртачливо* (Вяземск., Автобиогр. введ., VII), *смешливый*, *спотыкливый*, *увертливый* и др.

Этот тип прилагательных сохраняет продуктивность на всем протяжении XIX в. и в современном языке. Ср. слова, не отмечаемые в словарях и в литературе XVIII в.:

Повесливый [259] (Москвит., 1856, июнь, кн. 2); *пролазливый* [260] (Дост., Село Степ., 1, XII); *егозливый* [261] (Тург., Рудин, I; Григорович, Переселенцы, III, 8); *неспешливый* [262] (Леск., Островитяне, 23); *ребячливый* [263] (Леск., Загадочн. чел., 1); *непоседливый* (С.-Щ., Пошехонск. стар., III); Нрав... что называется «*петушливый*» [264] (Леск., Дама и фефела, III); *неряшливый* (С.-Щ., В среде умеренности и аккуратности, I, IV); *дурачливый* [265] (Боборык., Изменник, XVIII).

Как видно, многие из этих прилагательных были соотносительны с экспрессивными названиями лиц и связанными с ними глаголами (*егозливый — егоза — егозить*).

Несомненно, что такие слова проникали в литературный язык из разговорной и областной речи. Об этом свидетельствуют и данные словарей: так, например, *привередливый* дается в Словаре 1847 г. с пометой «обл.», *пройдошливый*, *егозливый* и т. д. впервые лексикографически зафиксированы в Словаре Даля.

Активность этого типа прилагательных проявлялась в том, что

---

[257] См.: В. М. Прилипко. Указ. соч., стр. 203.

[258] Н. М. Шанский считает образования этого рода произведенными от существительных на *-ель-*, *-аль* с помощью суффикса *-ив-*, см.: Н. М. Шанский. О реконструкции промежуточных словообразовательных звеньев. «Научн. докл. высш. шк. Филол. науки», № 4, 1962, стр. 17—18.

[259] В Словаре АР, Словаре 1847 г. и Даля отсутствует.

[260] В Словаре АР, Словаре 1847 г. и Даля отсутствует.

[261] Впервые отмечено в Словаре Даля.

[262] Впервые отмечено в Словаре Даля.

[263] В Словаре АР, Словаре 1847 г. и Даля отсутствует.

[264] Впервые отмечено в Словаре Даля.

[265] Впервые отмечено в Словаре Даля.

они (как и прилагательные с суффиксом *-чив-*, см. § 98) становятся основным выразителем значения «склонный, способный к совершению действия» и вытесняют из литературного употребления отглагольные прилагательные, имевшие ранее это значение, прежде всего прилагательные с суффиксом *-н-* (см. § 112). Одновременно с этим шел другой процесс: в тех случаях, когда прилагательные с суффиксом *-лив-* не имели значения склонности или ослабляли его, они уступают место другим прилагательным, опять-таки в первую очередь прилагательным с суффиксом *-н-* (см. § 111). Отдельные прилагательные с суффиксом *-лив-*, обозначающие активный действенный признак предмета (без оттенка способности, склонности к действию) вытесняются из употребления действительными причастиями или прилагательными с другими суффиксами. Так, уходят из употребления прилагательные *перемежливый* («прерывающийся на некоторое время; перемежающийся; *перемежливая* лихорадка». Сл. 1847 г.), ср. *перемежающийся*; *хрипливый* [266], ср. *хриплый*. Вероятно, по этой же причине не сохраняется в языке образование *мочливый* [267], как не обозначающее склонности к действию.

В этих процессах находит осуществление одна из основных тенденций развития именного словообразования в литературном языке XIX в. — устранение полисемии словообразовательных средств и закрепление за словообразовательными морфемами одного четкого значения.

§ 97. Действием этой тенденции определялась и история чисто о т ы м е н н ы х прилагательных с суффиксом *-лив-*, обозначающих: «наделенный в большой степени чем-либо». Эти прилагательные, более позднего происхождения, менее многочисленные и активные, чем отглагольные, так и не развили большой продуктивности в литературном языке XIX в.[268] Они так же, как и отглагольные прилагательные, взаимодействовали с образованиями с суффиксом *-н-*. Однако в данном случае эти последние оказались более устойчивыми, так как суффикс *-н-* был очень продуктивен в образовании отсубстантивных прилагательных со значением «наделенный в большой степени чем-либо».

В конце XVIII — нач. XIX в. отмечается функционирование — редкое и нерегулярное — небольшой группы отсубстантивных прилагательных с суффиксом *-лив-*. В качестве производящих основ у них выступали преимущественно существительные с от-

[266] Например: Лишь соловьихи робких чад *Хрипливым* подзывали свистом (Фет, Дул Север. Плакала трава...).

[267] Например: *мочливая* осень (Болот., 1, 14).

[268] Рассматривая историю этого типа словообразования в языке первых десятилетий XIX в. вне общего хода их развития, Н. В. Кострома в статье «Синонимия однокоренных прилагательных в русск. лит. языке первых десятилетий XIX в.» («Научн. докл. высш. шк. Филол. науки», № 1, 1961), нарушая историческую перспективу, характеризует этот процесс как угасание продуктивности.

влеченными значениями (*счастливый*, *талантливый*, *нравливый*), а также существительные, обозначающие явления природы (*дождливый*, *вьюжливый*, *погодливый*, *непогодливый*, *метельливый*, *снежливый*) и названия болезненных явлений (*вередливый* от *вереД* «чирий», *судорожливый*, *золотушливый*, *сопливый*, *возглиВый* от *возгли* «сопли», *одышливый*, *простудливый* и др). Образования от основ другого рода единичны (*травливый*, *костливый*, *уродливый*, *блошливый*).

На протяжении XIX в. эта группа слов разрушается: бóльшая часть их заменяется образованиями с суффиксом *-н-* (ср. *снежливая* и *снежная* зима, *ненастливая* и *ненастная* погода, *вьюжливая* и *вьюжная* ночь, *нравливый* и *нравный* человек, *гнойливый* и *гнойный* глаз, *золотушливый* и *золотушный* ребенок). Некоторые прилагательные с суффиксом *-лив-* вытесняются прилагательными с суффиксами *-ист-*, *-ляв-*, *-аст-*: *костливый — костлявый*, *костистый*; *блошливый — блошистый — блохастый*; *травливый — травянистый* (от *травяной*). По разным причинам в употреблении остаются отдельные отсубстантивные образования с суффиксом *-лив-*: *талантливый*, *счастливый*, *уродливый*, *дождливый* и др.

Среди дублетных прилагательных широко употребительны были прилагательные *отчетливый — отчетистый* [269]. В Словаре 1847 г. *отчетливый* толкуется: «1) Делающий с отчетом. *Отчетливый* писатель, художник. 2) Сделанный с отчетом. В этой картине колорит хорош, но рисунок *неотчетлив*», а *отчетистый* дается через отсылку: «То же, что *отчетливый* во 2 значении». В первой половине XIX в. наблюдается полный параллелизм этих прилагательных в значении «сделанный с отчетом»:

Учение глубокое, строгое, *отчетистое* (Телеск., 1831, № 21); эпитет *отчетист* (Гоголь, Неск. слов о Пушк.); *отчетистые* сведения (Дело Н. А. Момбелли, 1849 г.); *отчетистое* исполнение (Москвит., 1851, № 1). Ср.: Логика Кондильяка *отчетлива*, ясна (Герц., Письма об изуч. прир., 8); Перевод довольно *отчетливый* (И. Пущин, п. И. Д. Якушкину, 16 мая 1841); В его взгляде на нашу литературу есть что-то независимое и *отчетливое* (П. А. Плетнев, п. Я. К. Гроту, 11 сент. 1843); сильный, *отчетливый* звук (Дост., Зап. из М. дома, 1, XI).

Однако уже в это время прилагательное *отчетливый* было более употребительно, чем *отчетистый*. К концу века слово *отчетистый* совсем уходит из употребления. Во второй половине XIX в. встречаются лишь единичные случаи его использования (например: *отчетистая* военная походка. Леск., Печерск. антики, 30). Ср. наречие: *отчетисто* звеня (А.К.Толст., Портрет, 68).

Продуктивность отглагольных прилагательных с суффиксом *-лив-* и угасание отыменных обнаруживается также в том, что некоторые из отсубстантивных образований (производящие основы которых называют предметы, связанные с совершением какого-либо действия или пребыванием в каком-либо состоянии) сближаются с отглагольными по семантике и начинают обозначать «склонный к чему-либо»: *слезливый* «склонный к слезам» (Сл.

[269] В первой половине XIX в. эти слова были еще четко членимы, так как наряду с ними функционировало существительное *отчет* со значением «тщательность художественной отделки» (Сл. 1847 г.).

1847 г)., *потливый* «часто потеющий» (Там же), а не покрытый потом» (ср. *потный*). Характерно, что прилагательные, возникающие в индивидуальной речи, также обычно имеют значение склонности к действиям: Я... мнителен и *хандрлив* (каково словечко?) (Пушк., п. А. А. Дельвигу, 4 ноября 1830); слишком *церемонлив* (Леск., Некуда, 2, 4).

История прилагательных с суффиксом *-чив-*

§ 98. Прилагательные с суффиксом *-чив-* оформились в самостоятельный словообразовательный тип, по-видимому, в XV — XVI вв. Суффикс *-чив-* так же, как и суффикс *-лив-*, сложился на основе суффикса *-ив-* в результате отхода к суффиксу конечных согласных производящих основ (*к* или *ц*). Происхождение суффикса *-чив-* определило его словообразовательные связи и значение: он сочетался с основами отглагольных существительных (наименований процессов и реже лиц) и глаголов, образуя прилагательные, обозначающие «склонный, способный к совершению действия». В отличие от суффикса *-лив-*, суффикс *-чив-* не сочетался с основами неотглагольных существительных.

В последующее время суффикс *-чив-* развивал продуктивность и в конце XVIII — нач. XIX в. был продуктивен в образовании прилагательных от основ бессуффиксных отглагольных существительных (*обидчивый*) и приставочных глаголов. С основами бесприставочных глаголов, в отличие от суффикса *-лив-*, суффикс *-чив-* не сочетался [270].

Суффикс *-чив-* присоединялся к корневой части глагола, не осложненной видовыми суффиксами (если корень оканчивался согласным), взятой обычно в том же виде, в каком она использовалась в отглагольных существительных, например, *дозирать — дозор — дозорчивый*; *прибирать — прибор — приборчивый*. Если корень кончался гласным, в состав прилагательного входила основа несоверш. вида с отсечением конечного гласного суффикса (ср. § 105): *разбивать(ся) — разбивчивый*, *припивать(ся) — припивчивый* (о напитках). В таких случаях в качестве производящей могла использоваться также основа отглагольного существительного, что создавало вариантные формы прилагательных: *разбивчивый — разбойчивый*, *убойчивый* (ср. *разбой*, *убой*), *припивчивый — запойчивый* (ср. *запой*). Прилагательные от имен производились преимущественно тогда, когда имя было реально употребительно и соотносилось по значению с прилагательным; ср. *запойчивый* человек (*запой*), но *припивчивое* (а не «припойчивое») вино.

[270] В древнерусском языке были отдельные прилагательные, произведенные от основ, не осложненных приставками, например *пьянчивый*, *лаичивый*, *бранчивый*, *величивый* (см.: И. С. Меркурьев. Указ. дисс., стр. 112); Но уже в то время беспрефиксные основы реже использовались в производстве прилагательных с суффиксом *-чив-*, чем префиксальные.

Так же, как и суффикс *-лив-*, суффикс *-чив-* производил прилагательные от основ глаголов непереходных и реже переходных со значением активного свойства (лица: *разборчивый* человек) и пассивного свойства (обычно предмета: *разборчивый* почерк). Ср. толкование слова *обманчивый* в Словаре АР: «могущий обмануться или обмануть».

Словообразовательные связи суффикса *-чив-* на протяжении XIX в. не менялись. Изменения коснулись их семантики и соотношений с тождественными по значению прилагательными с суффиксами *-лив-*, *-ист-*, *-чат-* и *-н-*.

В конце XVIII — нач. XIX в. ядро прилагательных с суффиксом *-чив-* составляли слова, обозначающие «способный, склонный к чему-либо». Эта группа прилагательных была очень многочисленной. В Словаре АР находим: *безразборчивый*, *вкрадчивый*, *влюбчивый*, *вспыльчивый*, *забывчивый*, *задорчивый*, *задумчивый*, *заносчивый*, *запальчивый*, *запасчивый*, *навязчивый*, *обидчивый*, *обманчивый*, *переимчивый*, *переменчивый*, *предприимчивый*, *привязчивый*, *придирчивый*, *разговорчивый*, *сговорчивый*, *увязчивый* («привыкший увязываться за кем или чем»), *улыбчивый*, *уступчивый*. Часть прилагательных, отмеченных в словаре, впоследствии вышла из употребления: *взманчивый* («могущий взманить»), *взметчивый* («вспыльчивый»), *вступчивый* («охотник вступаться»), *завязчивый* («тот, который ко всему придирается или изо всего выводит следствия; *завязчивый* судья»); *заглядчивый*, *назывчивый* («тот, который сам напрашивается в гости, на дело, на труд»), *наступчивый* («нападчивый»), *неразвязчивый* («с которым развязаться, разделку учинить трудно»), *неутерпчивый*, *одумчивый*, *переметчивый*, *приборчивый* («содержащий все на своем месте»), *прикидчивый* («притворчивый»), *приимчивый*, *притворчивый*, *раздумчивый*, *увалчивый* («ленивой»), *уловчивый* («употребляющий уловки»); *увивчивый*.

Эта группа прилагательных активно развивалась на всем протяжении XIX в. Вот слова, отмеченные в Словаре 1847 г. (в Словаре АР они отсутствуют): *восприимчивый*, *изменчивый*, *находчивый*, *уживчивый*, *усидчивый*, *уклончивый*, *сметчивый*, *поклончивый*, *выдумчивый*, *завирчивый*, *задирчивый*, *запойчивый*, *засидчивый*, *заступчивый*, *зацепчивый*, *неподельчивый* («не любящий делиться с другими»), *отстойчивый* («способный отстаивать, защищать себя и других»), *подходчивый* («умеющий ловко подходить; приветливый, ласковый, вкрадчивый»), *поносчивый* («склонный к поношению других; *поносчивый* человек»), *поступчивый* («уступчивый, неспорливый»), *приноровчивый*, *угадчивый*, *утерпчивый*.

Ср. образования, отсутствующие в Словаре АР и Словаре 1847 г. и свидетельствующие о продуктивности модели:

Приживчив человек (Дост., Зап. из М. дома, 1, V); Каторжный сварлив и *подымчив* (Там же, 2, VII); Беспокойна,

насмешлива, двуязычна, вскидчива... — Двуязычна и *вскидчива*? — *Вскидчива*; ибо вмале не вцепилась мне прошлый раз в волосы за один разговор (Дост., Идиот, 2, II).

Большая часть прилагательных со значением способности, склонности к чему-нибудь соотносилась с глаголами на *-ся* и обозначала активное, постоянное свойство лица, относящееся к области психической деятельности. Если производящий глагол обозначал и конкретное физическое действие, и действие отвлеченное, то прилагательное с суффиксом *-чив-* соотносилось обычно только с последним значением. Например, *находчивый* — «умеющий найтись, не растеряться», а не «умеющий находить что-нибудь»; *увязчивый*, *привязчивый* — «склонный увязываться, привязываться», а не «умеющий, способный увязывать, привязывать что-нибудь».

В тех немногих случаях, когда прилагательное обозначало какое-либо физическое свойство, это свойство обычно переосмыслялось и ставилось в связь с каким-либо психическим, духовным качеством. Ср. *усидчивый* — не просто «могущий долго усидеть, просидеть, на одном месте», а «трудолюбивый, упорный в работе».

Прилагательные с суффиксом *-чив-*, обозначающие физические свойства живого существа, очень немногочисленны. Так, в Словаре АР дается: *припадчив* («удобно, от легкой причины бывающий болен»); *перепадчивый* («удобно худеющий; от малого припадка изменяющийся»). В Словаре 1847 г.: *запойчивый*, *изгибчивый* («могущий изгибаться»), *надрывчивый* («скоро надрывающийся, изнуренный от напряжения сил; *надрывчивая* лошадь»).

Характерно, что почти все прилагательные, соотносительные с глаголами конкретной семантики, выходят из литературного употребления. По-видимому, они были свойственны говорам и в литературный язык проникали редко. Очень широко они представлены в Словаре Даля: *подымчивый* — «много, ловко подымающий»; «*подвертчива* собака эта, того гляди, задавишь ее»; *подводчивый* — «кто охотно подводит, умеет подводить: такая *подводчивая* собака, что мертвую стойку делает»; «мышь *подглодчива*, везде подглодается» и под.

Кроме продуктивной группы прилагательных со значением «склонный, способный к действию», соотносительных с глаголами отвлеченных значений, в языке конца XVIII — нач. XIX в. функционировали сравнительно немногочисленные образования с суффиксом *-чив-*, обозначавшие типическое, характерное свойство (обычно предмета, а не живого существа), связанное с конкретным или отвлеченным действием. Судьба прилагательных этой второй группы была различна.

1. Прилагательные, соотносительные с глаголами к о н к р е т н ы х з н а ч е н и й, были немногочисленны и малоупотребительны уже в конце XVIII — нач. XIX в. Так, в Словаре АР

дается: *оплывчивые* свечи; *отзывчивый* свод, *отзывчивая* пустота дома; *прилипчивый*: «1) то же, что липкий; 2) относительно к болезни: заразительный»; *приглядчив*: «в отношении к глазам: скоро притупляющийся, лишающийся зоркости»; эта пища *приедчива*; сладкие вина *припивчивы*; *проедчивый*: «говоря о едких веществах: могущий проницать остротою своею сквозь другие вещи»; *разбивчивый*: ломкий; *уварчивый*: «способный или удобный к уварпванию»; *увивчивый*: «удобный к умещению на чем посредством витья; эта пряжа очень *увивчива*»; *устойчивый*.

В Словаре 1847 г. в дополнение к перечисленным находим: *въедчивый*: «проницающий своею едкостью»; *заплывчивый*: «способный к заплыванию: *заплывчивые* чернила; *заплывчивый* фарватер»; *остойчивый*: «о корабле: покойный на воде, не валкий», *отклончивый*: «1) служащий или удобный к отклонению; 2) о свете: способный отражаться»; *раскольчивый*: «удобно раскалывающийся».

Очень немногие из прилагательных этой группы обозначают типические свойства живого существа: *проброспвый* («неметкий», *неспопадчивый*». Сл. АР); *урывчивый* («получающий урывками что-либо; наглый, дерзкий. *Урывчивый* зверь». Сл. 1847 г.); *сбивчивый* («нетвердый, неодинаковый в бегу. *Сбивчивая* лошадь». Сл. 1847 г.).

В дальнейшем суффикс *-чив-* перестает образовывать слова с указанным значением, а большая часть произведенных ранее слов уходит из употребления. Этому несомненно способствовало то обстоятельство, что в системе языка имелись близкие по значениям отглагольные прилагательные с суффиксами *-ист-* и *-чат-*. Они вытесняли такие образования, как *уборчивый* (ср. *убористый*), *рассыпчивый* (ср. *рассыпчатый*), *порывчивый* (ср. *порывистый*), *расплывчивый* (ср. *расплывчатый*) и др. Косвенным свидетельством малой употребительности таких прилагательных с суффиксом *-чив-* уже в первой половине XIX в. может служить то, что многие из них толкуются в словарях через отсылку к прилагательным с суффиксом *-ист-*: *отрывчивый* — то же, что *отрывистый*; *прерывчивый* — то же, что *прерывистый*; *разъемчивый* — то же, что *разъемистый* (Сл. 1847 г.).

Прилагательным с суффиксом *-чив-* были близки также образования с суффиксом *-к-*, производящим прилагательные только от бесприставочных глаголов и обозначающие поэтому более обобщенные признаки предметов (ср. *прилипчивый* и *липкий*, *раскольчивый* и *колкий*, *въедчивый* и *едкий*).

Небольшое число прилагательных с суффиксом *-чив-* рассматриваемой группы сохраняется в сфере терминологии (такие, как *остойчивый* и под.) [271].

---

[271] В современном языке прилагательные со значением конкретного типического свойства также функционируют преимущественно в сфере терминологии, см.: Ч ж а о Ю н ь-ч ж у н. Указ. дисс., стр. 307.

2. Прилагательные, обозначающие типическое характерное свойство и соотносительные с глаголами отвлеченной семантики, в литературном языке XIX в. занимали несколько иное положение. Эта группа слов, как и предыдущая, не была особенно многочисленна, но она обнаруживала известную продуктивность и не была связана с терминологической лексикой. Сюда относятся такие общелитературные широко употребительные образования, как *заманчивый*, *обманчивый*, *приманчивый*, *переменчивый*, *сбивчивый* (отмечены в Словаре АР). Ср. также не отмеченные в этом словаре прилагательные: Здесь *проходчиво* все — одна *непроходчива* дружба (А. А. Дельв., Цефиз); *переходчивая*[272] любовь ветреной девушки (Марл., Ам.-Бек, XIII); Как *переходчиво* время! (Совр., 1847, т. V); *дозорчивая* наблюдательность (Борат., Предисл. к 1-му изд. поэмы «Наложница»); мечты *несбывчивы* (Тург., Лит. и жит. воспом., II).

Однако большой продуктивности такие прилагательные не обнаруживают.

Итак, в литературном языке XIX в. наибольшую продуктивность и жизненность обнаруживала группа прилагательных с суффиксом *-чив-* со значением склонности, способности к какому-либо действию, являющейся постоянным психическим свойством лица. Можно предположить, однако, что в более ранние периоды истории языка прилагательные с суффиксом *-чив-*, соотносительные с глаголами конкретных физических действий, были продуктивнее и многочисленнее. Об этом свидетельствует, кроме приведенных выше фактов, то обстоятельство, что в литературном языке XIX в. продолжался процесс утраты конкретных и развития отвлеченных значений у прилагательных с суффиксом *-чив-*. Иллюстрацией этому может служить изменение значений слова *отходчивый*. Толкование этого прилагательного в Словаре 1847 г. ясно показывает развитие в этом слове отвлеченного значения на основе конкретного: «1) Способный удаляться от людей вспыльчивых... Он *отходчив*, и потому со всяким может ужиться. 2) Не надолго сердитый. Он очень вспыльчив, но *отходчив*». По всей вероятности, уже во время составления Словаря 1847 г. значение слова *отходчивый*, помещенное под цифрой 1, не было живым, так как Словарь АР этого значения не указывает. Слово *отходчивый* с отвлеченным значением встречается уже в «Живописце» Новикова: Спасибо хоть за то, что она *отходчива* была (I, 11). Продуктивность прилагательных со значением «склонный, способный к совершению действия» проявлялась также в том, что многие прилагательные второй группы приобретают значение склонности к действию. Так, у слова *прилипчивый* наряду со значениями «легко прилипающий» и «легко передаю-

[272] В Словаре 1847 г.: «*переходчивый* — переменчивый, непостоянный. Времена и обстоятельства *переходчивы*».

щийся другим» (о болезни), по-видимому, во второй половине XIX в. развивается значение «навязчивый, надоедливый», не отмеченное в Словаре АР и Словаре 1847 г.: Мужчины везде были одинаково назоïливы, *прилипчивы* (Л. Толст., Воскрес., 3, I); Барин был человек весьма *прилипчивый* (М. Г., Русск. сказки, 5).

Аналогичному изменению подверглось прилагательное *отзывчивый* (в Сл. АР и Сл. 1847 г.— «отражающий голос или звук: *отзывчивый* свод»). Отвлеченное значение, ставшее впоследствии единственным у этого слова, развилось, по-видимому, не ранее середины XIX в. Оно впервые лексикографически зафиксировано в дополнениях Бодуэна де Куртенэ к Словарю Даля («человек *отзывчивый* на общественные нужды»).

Процесс утраты конкретных и развития отвлеченных значений, характеризующих психические свойства людей, у прилагательных с суффиксом *-чив-* был проявлением общего процесса развития категории качества в системе отглагольных прилагательных.

У рассматриваемых прилагательных с суффиксом *-чив-*, обозначающих типический признак, ослабление глагольных и развитие качественных значений обычно протекало как сужение значения: прилагательное переставало свободно употребляться для выражения значений, близких значениям причастия [273]; в связи с этим ограничивался круг его сочетаемости с другими словами. Так, прилагательные *обманчивый*, *приманчивый*, *заманчивый*, *переменчивый* и под. утрачивают прямую смысловую соотносительность с глаголом и значения, близкие значению действительного причастия настоящего времени, и приобретают разного рода качественные значения. В XIX в. еще встречается употребление таких прилагательных в значении, близком причастию:

> Глубокомыленные политики наши смотрят в телескопы, нередко *обманчивые* (В. Е., 1802, № 11); при *необманчивых* указаниях нашли то, что искали (Атеней, 1828, № 16); славнейшие во стане *обманчивой* Армиде вслед помчались (Шевырев, Освобожд. Иерусалим (из VII песни), Телеск., 1831, № 24).

Однако уже в первой половине XIX в. прилагательные этого рода еще употреблялись с обобщенно-качественными значениями, развивающимися на основе активных глагольных значений: *заманчивый* — «привлекательный, соблазнительный»; *обманчивый* — «ненадежный, напрасно обольщающий»; *переменчивый* — «непостоянный» и т. д.

Развитие качественных значений у прилагательных с суффиксом *-чив-* предопределяло собою процесс «лексического отбора»: из множества близких по значению прилагательных, произведенных от однокоренных глаголов с различными приставками, сохранялось одно, а остальное утрачивалось. Это объяснялось

---

[273] Об этих значениях см.: В. М. Прилипко. Указ. соч., стр. 158.

тем, что прилагательное переставало быть образованием, семантически непосредственно соотносительным с глаголом, и делалось обозначением обобщенного качественного признака, связанного с действием более отдаленно. Вследствие этого из употребления уходят такие образования, как *завязчивый* (при сохранении *привязчивый*), *приманчивый* (при сохранении *заманчивый*), *засидчивый* (при сохранении *усидчивый*), *поступчивый* (при сохранении *уступчивый*) и др.

Развитие качественных значений у прилагательных с суффиксом *-чив-* находило яркое проявление в том, что они легко сочетались с отрицательными приставками *не-* и *без-* (очень активными именно в сочетании с качественными прилагательными) и становились базой для производства отвлеченных существительных с суффиксом *-ость*. Ср. широко употребительные в XIX в. образования типа *недоверчивый*, *безразборчивый*, *несговорчивый*, *неустойчивый*, *неуступчивый*; *задумчивость*, *доверчивость*, *сговорчивость*, *разборчивость*.

История прилагательных с суффиксом *-ист-*

§ 99. Прилагательные с суффиксом *-ист-* представляют собой старый словообразовательный тип, сложившийся еще в древнерусском языке и особенно активизировавшийся с XVII в. [274].

История этих прилагательных в XIX в. складывалась иначе, чем история прилагательных с суффиксом *-лив-*. Суффикс *-ист-* имел более широкие словообразовательные связи: он производил прилагательные от основ глаголов, отглагольных и неотглагольных существительных и прилагательных. Так же, как и прилагательные с суффиксом *-лив-*, отглагольные и отыменные образования с суффиксом *-ист-* имели разные значения, и их история в литературном языке XIX в. была различной.

Отыменные образования с суффиксом *-ист-* (отсубстантивные и отадъективные) обозначали «наделенный в большой степени чем-либо, характеризуемый наличием чего-либо» (*болотистый*, *гористый*, *лесистый*; *травянистый*, *маслянистый*) или «похожий на что-либо» (*бархатистый*, *золотистый*, *серебристый*, *шелковистый*).

В конце XVIII—нач. XIX в. суффикс *-ист-* был непродуктивен в производстве прилагательных от основ прилагательных. В употреблении отмечается небольшое число таких образований, произведенных преимущественно от прилагательных с суффиксами *-ян-* и *-н-* (*маслянистый*, *травянистый*, *водянистый*, *воднистый*, *землянистый*, *кровянистый*, *медянистый*: цвет [лиц] *медянистый* (Телеск., 1831, № 17), *леденистый*, *мучнистый*, *шелковистый*,

[274] В «Материалах» Срезневского отмечены: *бровистый*, *взористый*, *вѣчистый*, *позлотистый*, *гърлистый*, *пърсистый*, *плечистый*, *ребристый*, *рожаистый*, *скатистый*. См. также: И. С. Меркурьев. Указ. дисс.

ржавистый («много ржавчины имеющий». Сл. АР). Новообразований не появляется.

В производстве прилагательных от основ существительных суффикс *-ист-*, напротив, был очень продуктивен. В качестве производящих использовались основы разной семантики, но преимущественно с предметным значением (*бугристый*, *ветвистый*, *волнистый*, *волокнистый*, *ворсистый*, *глыбистый*, *жилистый* и под.). Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-ист-* обнаруживают большую продуктивность на всем протяжении XIX в. В этот период в значительной степени меняется лексический состав слов этой группы — в результате изменений словообразовательных связей суффикса. Уходит из употребления группа прилагательных, произведенных от существительных — названий живых существ: *оводистый* («имеющий во множестве овод; низменные и сырые места бывают *оводисты*». Сл. АР), *муравьистый* («имеющий много муравьев». Там же), *рыбистый* (Там же), *звéристый* («этот лес *звéрист*». Сл. 1847 г.), *зайчистый* («изобилующий зайцами; *зайчистое* место в лесу. Там же); *пчелистый* («изобильный пчелами». Там же).

Уходят из употребления также многие прилагательные, обозначающие: «наделенный чем-либо в большой степени», «характеризуемый наличием чего-либо как отличительным свойством», произведенные от существительных неодушевленных: названий частей тела (1), частей растения (2), названий, связанных с характером местности, явлениями природы (3) и др. Вот некоторые из таких прилагательных, отмеченных в Словаре АР и Словаре 1847 г.: 1) *бедристый*, *взлизистый*, *вымистая* (корова), *жилистый*, *икристый*, *копытистый*, *утробистый*; 2) *кистистый*, *кожуристый*, *коренистый*, *користый*, *лишаистый*, *осистый*, *отрубистый*, *семенистый*, *соломистый*, *стручистый*, *чешуистый*, *ядристый* (орех); 3) *бористый*, *бродистый*, *буерачистый*, *долинистый*, *долистый*, *дубровистый*, *закоулистый*, *звездистый*, *озеристый*, *островистый*, *отмелистый*, *ровистый*, *струистый*, *ямистый*.

В литературе конца XVIII — первой половины XIX в. такие прилагательные еще довольно употребительны:

Островистые места реки (Рычков, Опыт Каз. ист., VII); *Озеристые* места (Лепехин, Путеш., Анзерский скит); *осистая* шерсть (Лепехин, Путеш., г. Архангельской); Берега *лесистые*, песчаные, *бористые* (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, Плавание по Волге); *взлизистое* чело (С. Глинка, Зап. о М., 3); [лес] *дебристый* (Катен., Песни в Сельме); *трелистый* напев (Слепушкин, Весна); *снежистые* бугры (Там же); *зубристая* мостовая (Марл., Ам.-Бек, VI); Бугуруслан... глубок и *омутист* (С. Акс., Детск. годы Багр.-вн., Первая весна в деревне); твой конь *шагист* (Загоск., Ю. М., 1); *бороздистые* горы (Б-ка для чт., 1839, т. XXXVI, ч. 1).

По направлению к современности употребление таких прилагательных заметно сокращается. Однако во второй половине XIX в. они еще встречаются: *ногтистые* пальцы (Гонч., Фр. «Пал.», От мыса Доброй Надежды до острова Явы); дуб *корнистый* (А. К. Толст., Крымск. очерки, XIII); *шагистый* Ахилла (Леск., Соборяне, 1, 8); *утробистая* кобыла (Эрт., Гард., 1, III).

Сокращение группы образований с суффиксом *-ист-* объясняется различными причинами.

Некоторым из таких прилагательных, проникшим в литературный язык из различных сфер нелитературной речи, была присуща особая стилистическая окраска, вызывавшая настороженное отношение к ним со стороны ревнителей чистоты русского языка. Характерно рассуждение И. И. Дмитриева в письме к П. П. Свиньину (11 февр. 1834 г.); «...большая часть прозаических сочинений и переводов, помещенных в „Библиотеке для чтения", писана вялым, неровным слогом и наполнена пошлыми, неправильными речениями, подслушанными на биваках, на рынках и в лабазах; в доказательство чего приведу здесь несколько слов, которых еще не позабыл. Вместо пока — покамест... Даже и *сочный* бифштекс превращен ныне в *сочистый* на новом нашем языке».

Другой причиной оттеснения прилагательных с суффиксом *-ист-* была конкуренция образований, произведенных от тех же основ с помощью других суффиксов, прежде всего с суффиксом *-н-*. Прилагательные с суффиксом *-н-*, широко употребительные и стилистически нейтральные, свободно выражали значение «наделенный в большой степени чем-либо» [275]. В первой половине XIX в. в тождественных контекстах и с аналогичными значениями употреблялись такие сочетания, как *озеристый* и *озерный* край, *лесистая* и *лесная* сторона, *гористая* и *горная* местность, *болотистый* и *болотный* край, *черноземистый* и *черноземный* край, *рыбистые* и *рыбные* места, *снежистая* и *снежная* зима, *вьюжистая* и *вьюжная* зима, *звездистая* и *звездная* ночь, *гноистая* и *гнойная* рана, *фасонистый* и *фасонный* кафтан, *фигуристый* и *фигурный* слог, *узористый* и *узорный* ковер, *пылистая* и *пыльная* дорога, *нервные* и *нервистые* органы.

В академических словарях конца XVIII — первой половины XIX в. многие однокоренные прилагательные с суффиксами *-н-* и *-ист-* толкуются как равнозначные. В Словаре АР: *сугробный* и *сугробистый*, *породный* и *породистый* («прилагательное, употребляемое в отношении к животным: родившийся от хорошаго самца и самки, когда их породы не помешены; *породныя* или *породистыя* щенята, овцы; *породный* жеребчик»). В Словаре 1847 г.: *статистый*... то же, что *статный*: *статистая* лошадь; *тели-*

[275] См.: М. М. Покровский. Материалы для исторической грамматики латинского языка. — Избр. работы по языкознанию. М., 1959, стр. 226—227.

стый — то же, что *тельный*; *манеристый* — то же, то *манерный*; *мокротистый* — то же, что *мокротный*; *малолесный* — то же, что *малолесистый*.

Побеждало обычно образование с суффиксом *-н-*; лишь в редких случаях прилагательное с суффиксом *-ист-* было более устойчивым.

В отдельных случаях прилагательные с суффиксами *-н-* и *-ист-* дифференцировались по значению стилистически, как, например, *породистый* — общелитературное и *породный* — специальное.

Прилагательные на *-ный* могли иметь и второе значение, свойственное прилагательным с суффиксом *-ист-*: «похожий на что-нибудь [276]. Ср.: *бархатистая* и *бархатная* кожа, *атласистые* и *атласные* брови, *шелковистый* и *шелковые* волосы, *жемчужистая* и *жемчужная* пена. В таких случаях употребление прилагательных с суффиксом *-ист-* было характерно, по-видимому, для подчеркнуто экспрессивной речи: В *жемчужистой* пене скрывает румянец свой это некупленное вино (Марл., Изменник, V); любовался... ее *атласистыми* волосами (Боборык., Китай-город, 4, XXXI). Ср. в современной поэзии: И я смотрю душой земною В *звездистый* сумрак голубой (С. Городецкий, Как птица вешняя из клетки...).

С отсубстантивными прилагательными с суффиксом *-ист-* взаимодействовали также прилагательные с суффиксами *-аст-* [277], *-ат-*, *-лив-*, *-оват-*, *-чат-*, в части своих значений и словообразовательных связей совпадающие с суффиксом *-ист-*. Прилагательные с суффиксом *-аст-* (обозначающим избыток признака) и отчасти суффиксом *-ат-* (обозначающим наличие признака) были продуктивными в сочетании с узким кругом основ — названиями частей тела. С этими основами сочетался и суффикс *-ист-*: *бочистый — бокастый*, *взлизистый — взлизастый*, *волосистый — волосатый*, *клычистый — клыкастый*, *скулистый — скуластый*, *грудистый — грудастый*, *гривистый — гривастый*, *слюнистый — слюнастый*, *хвостистый — хвостастый — хвостатый*, *черевистый — черевастый*. В этом ряду прилагательные с суффиксом *-ист-* оказывались как правило менее стойкими, так как суффиксы *аст-* и *-ат-* использовались для производства прилагательных только от основ существительных и были очень продуктивны именно в сочетании с данными типами основ и для выражения данного значения. Словообразовательная дублетность наблюдалась и в образованиях от основ с другим значением: *клочистый — клокастый*, *дуплистый — дуплястый*, *щелистый — щелястый*.

Слабее была словообразовательная дублетность между отсубстантивными прилагательными с суффиксами *-ист-*, *-лив-*, *-оват-*,

---

[276] Об обычности перехода от значения «имеющий что» к значению «похожий на что» см: М. М. Покровский. Указ. соч., стр. 204—206.

[277] Близость прилагательных с суффиксами *-ист-* и *-аст-* отмечал Г. П. Павский: «Порода *-истый* более сходится с породою *-астый*, нежели *-итый* с *-атый*» («Филол. набл., Рассужд. II», стр. 114).

-чат-. Например, с суффиксами *-ист-* и *-лив-*: *снежистый — снежливый, вьюжистый — вьюжливый, мятелистый — мятельливый* и др. В этих случаях оба слова уходили из употребления, вытесняемые прилагательным с суффиксом *-н-*. Однокоренные образования с суффиксами *-ист-* и *-чат-* также были немногочисленны: *бородавистый — бородавчатый, губистый — губчатый, дыристый — дырчатый, желобистый — желобчатый, пузыристый — пузырчатый* (в Словаре АР и Словаре 1847 г. эти прилагательные толкуются как равнозначные). В таких случаях более устойчивым оказывалось слово с очень продуктивным в производстве подобной лексики суффиксом *-чат-* (см. § 103).

Прилагательные, произведенные с помощью суффиксов *-ист-* и *-оват-* от одних и тех же корней, не всегда имели тождественное значение, так как первые обозначали избыток признака в предмете, а вторые могли обозначать и избыток, и слабую степень признака (ср. такие толкования в Словаре АР: *кочковатый* «много кочек имеющий»; *суковатый* «имеющий много сучьев», но: *дупловатый* «небольшое дупло имеющий»; *горбоватый* «небольшой горб имеющий, сутуловатый»). В ряде случаев, однако, такие прилагательные совпадали по значениям, как, например, прилагательные *островистый* и *островатый* «имеющий много островов» (в «Путешествиях в 1772 г.» Лепехина говорится то об *островистом*, то об *островатом* озере). Следующие пары прилагательных толкуются словарями как равнозначные. В Словаре АР: *коренистый* и *кореневатый* — «много толстых и кривых корней испускающий»; *слоеватый* и *слоистый* — «из слоев состоящий, имеющий слои: *слоеватый* аспид; *слоистое* тесто; *слоистая* руда»; *стволоватый* и *стволистый*; *щелеватый — щелистый*. В Словаре 1847 г.: *жиловатый* — «то же, что *жилистый*»; *скважиноватый* — «несколько скважистый»; *свинчистый* — «то же, что *свинцоватый*»; *тонкослоеватый, тонкослоистый* и *тонкослойный* — «состоящий из тонких слоев».

В соотношении с прилагательными с суффиксом *-оват-* прилагательные с суффиксом *-ист-* обычно оказывались возобладавшими, так как первые вообще утрачивали продуктивность в производстве отсубстантивных прилагательных и закреплялись в сфере отадъективных образований (типа *беловатый, слабоватый* и под.).

Активизация прилагательных с синонимичными суффиксами (*-чат-, -аст-*) несколько сузила сферу действия суффикса *-ист-*, ограничила и изменила его сочетаемость: он стал соединяться с основами существительных отвлеченной семантики, в том числе заимствованных [278]. В этой сфере тип отсубстантивных прилага-

[278] Характерно, что и в современном языке этот суффикс особенно продуктивен в образовании прилагательных от иноязычных основ. В непринужденной речи слова этого рода производятся очень легко: чай... *five o'clock'-истый* в смысле сервировки (Н. Евреинов, Оригинал и портретисты. Пг.,

тельных с суффиксом *-ист-* продуктивен на всем протяжении XIX в. и в современном языке, о чем свидетельствуют общелитературные и индивидуальные новообразования:

Фразистый и вычурный язык (Белинск., п. М. А. Бакунину, 15 ноября 1837); народ *форсистый* (Писемск., Питерщик, II); *мещанистый* (Книппер, п. А. П. Чехову, 1 ноября 1901).

Эта модель была особенно продуктивна в сфере индивидуальных образований:

Любуяся своей *стишистою* громадой (Княжн., От дяди стихотворца Рифмоскрыпа); я богат через мою торговлю *стишистую* (Пушк., п. С. А. Соболевскому, ноябрь (после 10-го) 1827); *мадонистая* супруга (Жуковск., п. А. С. Пушкину, 29 янв. 1834); скопление *светистых* стихий неба (Б-ка для чт., 1834, т. VII); *певистые* птички (Н. Полевой, Блаженство безумия); *испанистая* терраса (Чех., Модн. эффект); *французисто*-водевильный тон (Чех., п. И. Л. Леонтьеву (Щеглову), 12 апр. 1889); *тузистый* начальник (Боборык., Дельцы, 1, VIII); *иисусистая* наука (Станюк., Два брата, 1, XI); Природа здесь гораздо *левитанистее*, чем у вас (А. П. Чехов, из писем) [279].

Рассматриваемый тип прилагательных, кроме того, интенсивно развивался в области специально-терминологической лексики. Имеющие специальный характер прилагательные с суффиксом *-ист-* отмечаются в словарях. В Словаре АР: *седлистый* — «говоря о лошадях: имеющий спину с выгибом». В Словаре 1847 г.: *моклочистый* — «имеющий большие моклоки: *моклочистая* лошадь»; *мористый* (морск.) — «удаленный от берегов: *мористый* ход судна»; *темпистый* — «о ружье: ловкий к метанию; *темпистое* ружье». В «Опыте терминологического словаря» Бурнашова: *медистый* год; *соломистый* навоз. Особенно распространены образования с суффиксом *-ист-* в ботанической терминологии. В Словаре 1847 г.: *желобистый* — «состоящий из желобков или сделанный желобками: *желобистый* стебель»; *остистый* — «имеющий густую, твердую ость: *остистый* мех»; *защепистый* (ботанич.)—«имеющий защепины: *защепистый* лист»; *головнистый* (от *головня* —«болезнь растений») — «имеющий много головни: *головнистая* рожь». В специальной литературе: *ячеистая* ткань растения (Химическ. открытия..., Отеч. зап., 1839, т. II, февр.); *деревянистые* оболочки (Совр., 1847, т. III).

В первой трети XIX в. в области химической терминологии от существительных — названий вещества активизируется производ-

---

1922); что-то английское, «*лордистое*» (Там же); слишком много «постороннего», «*санфасонистого*» (Там же); в устной речи: Отзыв слишком уж *дифирамбистый*.

[279] Цит. по книге К. Паустовского «Исаак Левитан» (изд. «Искусство», 1961, стр. 14).

ство при помощи суффикса *-ист-* прилагательных со значением «содержащий примесь чего-то» [280]. Если Словарь АР помещает менее десяти таких образований (*железистый, кремнистый, охристый, серебристый, суглинистый* и др.), то в Словаре 1847 г. добавлено: *азотистый, бромистый, горькоземистый, иридистый, йодистый, иттристый, кадмистый* (или *кадмиистый*), *калистый, камедистый, кремнеземистый, литинистый, платинистый, родистый, ртутистый, селенистый, серистый, синеродистый, слюдистый, сталистый, титанистый, углеродистый, фосфористый, фтористый, хлористый, хромистый.*

Прилагательные с этим значением могли образовываться и от основ прилагательных, хотя в производстве неспециальной лексики суффикс *-ист-* утратил сочетаемость с такими основами: *марганцовистый, мышьяковистый, турфянистый, сернистый.*

Вот некоторые примеры употребления прилагательных этого рода:

Йодистое серебро (Б-ка для чт., 1839, т. XXXVI, ч. 1); вещества *азотистые* (Опыты Буссенга..., Совр., 1847, т. III); *углеродистые* вещества (Там же); *камедисто-смолистое* вещество (Москвит., 1851, № 2); едкая или *сернистая* известь (Там же); *азотистый* ангидрид (Менд., Основы химии, 1).

§ 100. Прилагательные с суффиксом *-ист-*, произведенные от основ глаголов и отглагольных существительных, представляли собой тип более молодой, чем отыменные образования. В «Материалах» Срезневского, у Ф. Поликарпова такие прилагательные отсутствуют [281]. Производство прилагательных с суффиксом *-ист-* от основ глаголов (переходных, непереходных и возвратных, преимущественно приставочных) и отглагольных существительных возникает, вероятно, не позднее начала XVIII в. Уже в Словаре АР помещено более двадцати таких образований (см. ниже).

Во многих случаях такое прилагательное могло быть структурно и семантически соотнесено не только с основой глагола, но и с основой бессуфиксного отглагольного существительного: *извивистый — извивать(ся)* и *извив*; *изгибистый — изгибать(ся)* и *изгиб* и т. п. Ср. толкование слова *изгибистый* в Словаре 1847 г.: «1) имеющий изгибины; *изгибистая* река; 2) могущий делать изгибы. У гадов тело *изгибисто*». В некоторых случаях прилагательное с суффиксом *-ист-* соотносилось только с основой отглагольного существительного: *объемистый — объем, расчетистый — расчет* и под.

---

[280] См.: Н. В. Кострома на. Указ дисс., стр. 237.

[281] Из прилагательных с суффиксом *-ист-*, помещенных в «Материалах» Срезневского, по данным диссертации И. С. Меркурьева, лишь слово *позлотистый* (1228 г.) может быть соотнесено с глагольной основой («такой, каким можно стать в результате действия»); ср. также *взористый* — от отглагольного имени.

Образование прилагательных с суффиксом *-ист-* от основ бесприставочных глаголов или произведенных от них существительных было малопродуктивно. На протяжении XIX в. появляется, по-видимому, лишь несколько таких прилагательных. Общее число прилагательных, соотносительных с бесприставочными основами и зафиксированных в словарях, очень невелико. В Словаре АР дается *лоснистый*; в Словаре 1847 г.: *игристый* («гов. о напитках: имеющий в себе игру»); *пучистый* («часто вспучивающийся»); *сквозистый* («1) имеющий много скважин, отверстий, неплотный: *сквозистая* кожа; 2) полупрозрачный, пропускающий свет: *сквозистый* пузырь»); *машистый* (делающий большие размахи: *машистая* лошадь»).

При производстве прилагательных с суффиксом *-ист-* наблюдались следующие особенности: в состав прилагательного не включался суффикс *-ин-а-* производящего существительного (*выбоина — выбоистый, извилина — извилистый, впадина — впадистый* и т. п.) [282], а при образовании прилагательных от основ глаголов — конечный гласный основы инфинитива (*уписать[ся] — уписистый*). Характеризуя прилагательные с суффиксом *-ист-*, Павский пришел к выводу, что они не могут производиться непосредственно от основ глаголов, а только от основ отглагольных существительных [283].

Однако Павский неправ. Во-первых, далеко не при всех отглагольных прилагательных с суффиксом *-ист-* есть соответствующие существительные (ср. *поджаристый, раскидистый, уписистый* и др.); во-вторых, прилагательные типа *прижимистый* семантически соотносятся не столько с существительным *прижим*, сколько с глаголом *прижимать*; в-третьих, многие прилагательные соотносительны по значению только с глаголом и несоотносительны с существительным (*развесистый — развеситься*, нет связи с *развес*; *уклонистый* — в значении «уступчивый» — *уклониться*, нет связи с *уклон*). Вот почему данный словообразовательный тип правильнее считать связанным с производящими основами не только отглагольных существительных, но и собственно глаголов [284].

Рассматриваемые прилагательные могли иметь два рода значений: «склонный, способный к какому-либо действию» (активное свойство, обычно лица́) и «характеризуемый каким-либо признаком как типическим свойством» (пассивное свойство, обычно

---

[282] См.: Н. Н. Чурилова. Суффиксы качественных имен прилагательных в совр. русск. лит. языке. Канд. дисс. Куйбышев, 1955, стр. 119.

[283] «Сама наружная форма прилагательных отглагольных имен с окончанием *-истый* показывает, что они произведены не прямо от глаголов, а от глагольных имен. Напр., от *убрать* имя *убор*, а от имени *убор* — *убористый*; от *прижаться — прижим*, а от имени *прижим — прижимистый*...» (Г. П. Павский. Указ. соч., стр. 115).

[284] См.: Чжао Юнь-чжун. Указ. дисс., стр. 316.

предмета) [285]. Прилагательные первой группы соотносились почти исключительно с основами глаголов, второй — с основами и глаголов и отглагольных существительных: их значение было менее действенным. История этих двух групп прилагательных в XIX в. была различной, что в значительной мере объяснялось их соотношениями с разными типами иносуффиксных образований.

§ 101. В конце XVIII — нач. XIX в. отмечается небольшое число прилагательных, обозначающих «склонный, способный к производству какого-либо действия» (первая группа). Так, в Словаре АР дается: *замашистый* («заносчивый»), *изгибистый*, *расчетистый*, *уклонистый*. В Словаре 1847 г.: *выгибистый* («способный к выгибанию»), *ужимистый*, *увалистый*, *жеманистый*.

Малочисленность таких прилагательных объясняется тем, что для обозначения активного признака («способный, склонный к какому-либо действию») в языке существовало два продуктивных типа прилагательных — с суффиксами *-лив-* и *-чив-*.

Приблизительно с 60-х годов XIX в. в связи с вовлечением в язык художественной литературы элементов областной речи и просторечия в литературный язык проникают прилагательные рассматриваемого типа (по-видимому, в просторечье данный тип прилагательных был более продуктивен).

Оборотистый [286] человек (М.-Сиб., Наследник); очень уж *прижимисты* [287](Л. Толст., Хаджи-Мурат, XXI); баба *ухватистая* [288] (Л. Тост., Воскрес., 2, XLI); веселый был, *игристый* (М. Г., Отшельник).

Интересен следующий пример, где автор прямо указывает на социально-речевую сферу бытования слова:

Она напоминала несколько мышь, способную всюду пробежать и все вынюхать, что подтверждалось даже прозвищем, которым называли Миропу Дмитриевну соседние лавочники: дама *обделистая* (Писемск., Масоны, 2, I.).

К этому типу относятся также: *напористый*, *нажимистый* (первые лексикографически зафиксированы в Дополнении к «Опыту областного великорусского словаря» 1858 г.), *изворотистый* (впервые — в Словаре Даля), *задиристый* (впервые — в Словаре Второго отделения АН). Ср. образованные от таких прилагательных наречия и существительные:

Жил *прижимисто* (М.-Сиб., Верн. раб, III); Все свидетель-

[285] Это значение отглагольных прилагательных с суффиксом *-ист-* исследователями обычно специально не выделяется (см. работы Н. Н. Чуриловой, И. С. Меркурьева, Чжао Юнь-чжун. Но см.: Н. В. Кострома на. Указ. дисс., стр. 28).

[286] Впервые лексикографически зафиксировано в Словаре Даля.

[287] Впервые лексикографически зафиксировано в Дополнении к «Опыту областного великорусского словаря», 1858 г.

[288] Впервые лексикографически зафиксировано в «Опыте областного великорусского словаря», 1852 г.

ствовало... об *оборотистости* Павла Митрича (М.-Сиб., Дикое счастье, XXV); *напористо* и резко пытались затеять с учителем беседу о женщине (М. Г., Жизнь Кл. Самг., I).

Характерно, что при большей части подобных прилагательных были тождественные по значению образования с суффиксами *-лив-*, реже *-чив-*, не имеющие обычно ярко выраженного оттенка просторечности. Таковы были соотношения между образованиями *изворотливый* и *изворотистый*, *оборотливый* и *оборотистый*. Ср. с приведенными примерами функционирование дублетов с суффиксом *-лив-*:

Ум человеческий хитер и *изворотлив* (Никитенко, Дневн., 12 июля 1841); *изворотливое* запирательство (Помяловск., Оч. бурсы, Зимн. вечер в бурсе); Я был так *необоротлив*, что даже не послал экземпляра Краевскому (Белинск., п. К. С. Аксакову, 14 авг. 1837); *оборотливый* человек (Вельтм., Саломея, 3, IV).

К концу XIX в. вытесняются также прилагательные *расчетистый* (ср. *расчетливый*), *прожористый* (ср. *прожорливый*), *уклонистый* (ср. *уклончивый*), лишенные, по-видимому, оттенка просторечности (в Словаре АР они даются без всяких стилистических помет). В XIX в. образования с суффиксами *-ист-* и *-лив-* еще употреблялись как синонимичные, ср.:

Весь этот ученый народ необыкновенно *прожорлив* (Гоголь, Вий) и: Торговец налетит к нам саранчой *прожористой* (Левитов, Сельск. учение); *расчетистая* мысль (Совр., 1847, т. III); [П е р е ш и в к и н а]... а уж скромная какая... И *расчетлива* (Остр., Не сошлись характерами, I, 3).

Лишь в очень редких случаях образование на *-истый* с рассматриваемым значением оказывалось более устойчивым, чем образование с другим суффиксом, как, например, в ряду *покладистый* — *покладливый* [289] — *покладнбй* (и *покладный*). Эти три прилагательных употреблялись как равнозначные в смысловом и стилистическом отношении на всем протяжении XIX в.; прав имеет *покладливый* (Арх. Раевских. ЛК); *покладистый* характер (М. Пущин, Встр. с Пушк.); человек веселый, *покладный*, услужливый (Помяловск., Молотов).

Ср. параллелизм соответствующих существительных: *покладистость*, уживчивость и готовность (С.-Щ., Помп. и помпадурши, 8); *покладливость* совсем не в натуре умного семинариста (Леск., Карикатурн. идеал, 8).

§ 102. Вторая группа отглагольных прилагательных с суффиксом *-ист-*, обозначающих характеристические признаки предмета, была более многочисленна. В Словаре АР дается: *извилистый*, *изгибистый*, *извивистый*, *излучистый*, *окружистый*, *выбоистый*, *лоснистый*, *поджаристый*, *отложистый*, *покатистый*, *отрывистый*, *порывистый*, *прерывистый*, *расщепистый*, *развалистый*, *развилистый*, *раскатистый*, *разма-*

[289] Оба слова впервые лексикографически зафиксированы в третьем изд. Словаря Даля.

шистый (о почерке), *убористый*, *увесистый*, *укладистый* («1) могущий в себя много вместить: *укладистая* повозка; 2) удобный ко вмещению: *укладистый* товар), *уписистый* (о почерке).

Тип прилагательных с этим значением был продуктивен. В Словаре 1847 г. отмечено много слов этого типа, не зафиксированных в Словаре АР: *отчетистый*, *отливистый*, *развесистый* [290], *сгибистый*, *постелистый* («удобный к постилке»), *окатистый* («округлый: *окатистый* жемчуг»), *разложистый*, *разъемистый* («способный приводить в опъянение»), *уемистый* («могущий много вместить в себе»), *пучистый* («часто вспучивающийся»), *машистый*, *осадистый* («удобно осаживаемый, останавливаемый на бегу: *осадистый* конь»), *отрубистый* («сделанный, идущий отрубом; крутой, отвесный: *отрубистый* мыс, берег»); *подъемистый* («о судах: поднимающий много грузу: *подъемистая* лодка»), *разгонистый* («в печатании и письме: имеющий большие расстановки в буквах»), *рассошистый* («в отношении к стволу дерева: разделившийся вверху на два сука»).

Характерной чертой этих прилагательных была очень ограниченная возможность сочетаемости (см. толкование значений многих приводимых ранее слов), что предопределяло ограничение многих из них сферой терминологической речи.

Рассматриваемый тип прилагательных обнаруживает продуктивность на протяжении всего XIX в. Вот несколько образований, не отмеченных в Словаре АР и Словаре 1847 г.:

Раскидистый **хвост** (Крыл., Лиса); *раскидистый* куст (Модн. вестн., 1816. ЛК); *полетистые* вдохновения (Белинск., Русск. лит-ра в 1841 г.); широкая, *полетистая* натура (Грановск., Переписка. ЛК); *загребистая* лапа (Гоголь, М. д., 1, III).

Этот тип прилагательных пополнялся и во второй половине XIX в., преимущественно экспрессивными образованиями, относящимися к области разговорной речи и просторечия:

Зазвонистая песня (**Лев**итов, Накануне Христ. дня); слог *размазистый* (С.-Щ., Цензор впопыхах); это вещь пряная и *забористая* (Леск., п. А. П. Милюкову, 4 янв. 1869); *переливистый* лай (Данилевск., Воля, 1, 1); *удоистые* коровы (Леск., Несмертельн. Голован, 3); *нажимистый* почерк (Купр., Путаница); судно... с красивыми линиями круглой *подбористой* кормы (Станюк., Вокр. света на «Корш.», 1, 1, III). Ср. наречия: *взмашисто* (Белинск., п. В. П. Боткину, 17 марта 1842); говорил *расстановистее* (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); Пчелы шныряют быстро и *украдисто* (Л. Толст., В. и м., 3, 3, XX).

В отличие от отглагольных прилагательных с суффиксом *-лив-*, у которых активное, действенное значение делалось основным, так

[290] Встречается у Н. М. Карамзина: *развесистые* ветви (П. р. п., I)

что в круг прилагательных с процессуальным значением вовлекались и прилагательные отсубстантивные (см. § 97), развитие прилагательных с суффиксом *-ист-* протекало иначе. В группе отглагольных прилагательных с суффиксом *-ист-*, обозначающих характеристический признак предмета, происходило сближение прилагательных, соотносительных с основами отглагольных существительных, с прилагательными чисто отсубстантивными. Так, прилагательное *скатистый*, первоначально соотносившееся и с глаголом *скатить(ся)*, и с существительным *скат*, сближалось с существительным, так как утрачивало глагольное значение и начинало обозначать «имеющий скат», «со скатом». С процессуальным значением и глагольным управлением это прилагательное употреблялось еще в конце XVIII в.: Встань, пойдем на луг широкий, Мягкий, *скатистый к прудам* (Держ., Параше).

Теряет процессуальное значение, свойственное ему еще в начале XIX в., прилагательное *изгибистый* (в Словаре 1847 г. «способный изгибаться»). Единственным значением этого слова делается «имеющий изгибы». Точно так же прилагательные *извивистый* («с извивами»), *зазубристый* («с зазубринами»), *закорючистый* («имеющий много закорючин») и под. становятся ближе по значению к соответствующим существительным, чем к глаголам. Характер их значения, соотношение с производящими основами делаются аналогичны собственно отсубстантивным образованиям (ср. *дуплистый* — «имеющий дупло», *болотистый* — «имеющий много болот» и под.).

История прилагательных с суффиксом *-чат-*

§ 103. Прилагательные с суффиксом *-чат-*, образовавшимся на основе суффикса *-ат-* в результате отхода к суффиксу конечных согласных производящей основы (*к* или чередующихся с ним *ч* и *ц*), начали развиваться как особый словообразовательный тип с XIV в. В это время они производились только от основ существительных и были очень немногочисленны [291]. Образования этого рода обозначали: «наделенный чем-либо в большой степени, характеризуемый наличием чего-либо» и «похожий на что-либо» (в соответствии со значением производящей основы). К XVIII в. этот тип прилагательных стал вполне продуктивен. В то же время суффикс *-чат-* не порвал окончательно связи с породившим его формантом *-ат-*: прилагательные, произведенные с помощью суффикса *-чат-*, и прилагательные, произведенные с помощью

[291] В «Материалах» И. И. Срезневского приводится три прилагательных с суффиксом *-чат-* из памятников XIV в. (*берчатыи*, *огнивьчатыи*, *чьрчатыи*—*чьрвьчатыи*), семь прилагательных из памятников XV—XVI вв. (*дымчатыи*, *желобьчатыи*, *клиньчатыи*, *козичатыи*, *пупьчатыи*, *сеньчатыи*, *угольчатыи*), одно — из памятников XVII в. — *узорьчатыи* (см.: И. С. Меркурьев. Указ. дисс., стр. 167—168).

суффикса *-ат-* от основ, имеющих в исходе звуки, чередующиеся с *ч*, объединились в один словообразовательно-семантический тип. Таким образом, суффиксы *-чат-* и *-ат-* (в положении после *ч*) функционально сближались, но они отличались от суффикса *-ат-* в иных морфонологических положениях по ряду свойств: по сочетаемости с производящими основами, по сферам употребления соответствующих прилагательных, по ударению в них. Ср. образования *борода́тый* (о человеке) и *борбдчатый* (спец., о какомлибо инструменте, имеющем бородку) и невозможность употребить прилагательное *бородчатый* по отношению к человеку. В дальнейшем образования с суффиксами *-чат-* и *-(-ч)ат-* будут рассматриваться вместе.

Наличие в словообразовательной системе языка ряда суффиксов, производящих от основ существительных прилагательные со значением «наделенный в большой степени чем-либо» и «похожий на что-либо» (*-ист*, *-н-*, *-оват-*, *-аст-*, *-лив-*), приводило к тому, что сфера действия суффикса *-чат-* была с разных сторон ограничена. Он производил прилагательные от основ неодушевленных существительных всех трех родов, но только с конкретными предметными значениями; с существительными отвлеченной семантики [292] и одушевленными этот суффикс не сочетался; он не присоединялся также к основам заимствованных существительных. Область его применения в отличие от суффиксов *-н-*, *-ист-*, *-лив-* [293] — исконно русская лексика (встречающиеся в литературном языке XIX в. единичные образования типа *фигурчатый* не удерживаются в употреблении). Объясняется это происхождением суффикса *-чат-*, пришедшего, по-видимому, в литературный язык из говоров и народной словесности (см. ниже). Основной сферой применения суффикса *-чат-* была терминологическая лексика (особенно широко ботаническая).

В XIX в. отмечаются однокоренные разносуффиксные образования, совпадающие или близкие по значениям: *-ч а т-* и *-и с т-*: *бородавистый*, *бородавчатый* (см. § 99); *-ч а т-* и *-о в а т-*: *клинчатый*, *клиноватый*; *-ч а т-*, *-о в а т-* и *-и с т-*: *губчатый*, *губоватый*, *губистый*; *-ч а т* -и *-о в -*: *коробчатый*, *коробовый*; *кольчатый*, *кольцевой*; *изращатый*, *израцовый*; *-ч а т-* и *-а н-*: *дощатый*, *дощаный*; *нитчатый*, *нитяный*.

В большинстве случаев более устойчивым оказывалось образование на *-чат-ый*.

Образования терминологического характера с суффиксом *-чат-* широко представлены в толковых словарях конца XVIII —

[292] В современном языке лишь одно отсубстантивное прилагательное с суффиксом *-чат-—половинчатый*—имеет отвлеченное значение. Однако первоначально это слово значило «состоящий из половинок» (в Словаре 1847 г.: *половинчатый кирпич*), т. е. имело конкретное значение.

[293] Особенно резким в этом отношении было отличие от суффикса *-ист*, который производил новообразования преимущественно от иноязычных основ, см. § 99.

нач. XIX в. В Словаре АР: *головчатый* лен; *коренчатый* хрен. В Словаре 1847 г.: *бороздчатый* стебель; *солончатые* растения; *столбчатый* камень; *коленчатый* рычаг; *коленчатый* вал; *сетчатая* перепонка; *решетчатый* (анат.: «имеющий много мелких отверстий»); *бородчатый* (бот.: «остистый»); *луковчатый* (бот.); *седельчатый* («в минералогии: кристалл, подобный седлу; *седельчатая* чечевица»); *стрельчатый* («о луковичном растении: пустивший стрелы»); *сумчатый* («о некоторых животных, имеющих на себе сумку: *сумчатые* животные»).

Вот некоторые примеры употребления таких прилагательных:

Ноздри *трубчатые* (Лепехин, Путеш., Унская губа); *трубчатые* капельники (Марл., Ам.-Бек, IX); *клетчатая* плева (Я. Чаруковский, Кровообращение в чел. теле, Отеч. зап., 1839, т. VII); *выемчатый* край (Там же); *веревчатый* привод (Отеч. зап., 1839, т. III); *трехсуставчатые* рожки (Совр., 1847, т. III); *гребенчатые* рожки (Там же); *бороздчатые* цилиндры (Москвит., 1851, № 2); *рубчатые* цилиндры (Там же); оно коричневое и *скорлупчатое* [пресмыкающееся] (Дост., Идиот, 3, V).

В области терминологической лексики суффикс *-чат-* был продуктивен на всем протяжении XIX в. [294] Однако прилагательные с этим суффиксом — такие, как *клеенчатый*, *клетчатый*, *решетчатый*, *сборчатый*, *чешуйчатый*, *стрельчатый*, *сетчатый* и др.— свободно употреблялись и в общелитературном языке.

Решетчатый с вареньем пирог (Жих., Зап. совр., II, 14 марта 1807); под склоном *сетчатых* ветвей (Языков, Ручей); *бревенчатые* траншеи (Марл., Ам.-Бек, XIV); *дымчатые* облака (В. Одоевск., Русск. ночи, 4. Насмешка мертвеца); *стрельчатый* свод (Моск. набл., 1837, март, кн. 1); *чешуйчатая* рыба (Б-ка для чт., 1839, т. XXXVI, ч. 1); *клетчатый* платок (Тург., Лит. и жит. воспом., VI); *клеенчатая* фуражка (Гонч., Фр. «Пал.», От Кронштадта до мыса Лизарда); *стрельчатые* окна (Там же); *пузырчатые* стекла (Помяловск., Оч. бурсы, Зимн. вечер в бурсе); *зубчатая* стена [гор] (А. К. Толст., Крымск. оч., VI); *сборчатый* воротник (Л. Толст., А. К., 5, IV).

Специфической сферой применения нетерминологических прилагательных с суффиксом *-чат-* был язык художественной литературы — преимущественно поэтический или ориентирующийся на народную речь. Это объясняется тем, что прилагательные на *-чатый* в силу живой связи между значением прилагательного и

---

[294] Производство профессионально-терминологической лексики остается и в современном языке основной сферой действия суффикса *-чат-*. См.: В. П. Даниленко. Образование качественных прилагательных от основ имен существительных при помощи суффиксов *-ат-*, *-чат-* и *-аст-*. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. III, 1954; Н. Н. Чурилова. Указ. дисс., стр. 110.

производящего существительного отличались большой изобразительностью.

Общее число нетерминологических прилагательных с суффиксом *-чат-* было невелико, и, самое главное,— в их производстве суффикс *-чат-* был непродуктивен. По-видимому, эта группа прилагательных пополнялась лишь чисто лексически — за счет терминологической лексики, входящей в общелитературное употребление.

Кроме того, в литературном языке XIX в. наблюдается известное сокращение прилагательных на *-чатый*, вытеснение их прилагательными с продуктивными суффиксами *-н-*, *-ов* и некоторыми другими, лишенными ярко выраженной стилистической окраски. Этот процесс протекал на всем протяжении XIX в. и охватывал в первую очередь лексику нетерминологическую (там позиции суффикса *-чат-* были слабее), но распространялся и на образования терминологического характера.

Так, из однокоренных образований *звездчатый* и *звездный*, *фигурчатый* и *фигурный*, *узорчатый* и *узорный*, *стекольчатый* и *стеклянный*, *изращатый* [295] и *изразцовый*, *известчатый* [296] и *известковый*, *мерлушчатый* [297], *мерлушечий* и *мерлушковый*, *жердчатый* [298], *жердяной* и *жердевой*, *бревенчатый* и *бревенный*, *веревчатый* [299] и *веревочный*; *лепестчатый* и *лепестковый*; *свинчатый* [300] и *свинцовый*, *зончатый* и *зонтичный* прилагательные с суффиксом *-чат-* уже в начале XIX в. были менее употребительны, чем соотносительные образования с другими суффиксами. Однако редкие примеры их функционирования встречаются у разных авторов на всем протяжении XIX в.

Красный *фигурчатый* с наростами нос (Жих., Зап. совр., II, 24 февр. 1807); дивно-*узорчатые* повести Марлинского (Отеч. зап., 1839, т. VII); *веревчатый* привод (Там же, т. III); сказка *узорчатая* (Григорович, Прохожий, III, Москвит., 1851, №1); А земля прихотливо одета В волны белого лунного света И *узорчатых*, странных теней (Некр., Рыцарь на час); *зончатые* пинии (Тург., Лит. и жит. воспом., IV); *стекольчатая* дверь (Бусл., Мои воспом., XV); *изразчатая* печь (М.-Печ., Кн. Тараканова. ЛК); *изразчатая* кровля (Стасов, Двадцать пять лет русск. искусства. ЛК); *звездчатый* взор (Леск., Ст. годы в с. Плодомасове, 1,4); *звездчатые* головки [цветов] (Русск. богатство, 1893, № 11).

Судьба прилагательных с суффиксом *-чат-*, имеющих близкие по значению однокоренные образования с другими суффиксами, была различной. Часть их выходит из языка (*стекольчатый*,

[295] Отмечено в Словаре АР.
[296] Отмечено в Словаре Даля.
[297] Отмечено в Словаре 1847 г.
[298] Отмечено в Словаре 1847 г.
[299] Отмечено в Словаре АР.
[300] Отмечено в Словаре 1847 г.

изразчатый, *известчатый*, *зончатый*, *свинчатый*, *веревчатый*, *жердчатый*, *мерлушчатый*); другие сохраняются, но их употребительность резко сокращается: они превращаются в потенциальные образования.

Прилагательные, семантически или стилистически разграничивающиеся с однокоренными иносуффиксными образованиями, сохранялись в языке. Ср. *дырчатый* (спец., «имеющий много отверстий») и общелитературное *дырявый*, *суставчатый* (ствол) и *суставной* (ревматизм), *коленчатый* (вал) и *коленная* (чашечка), *окончатый* (о болоте, т. е. «с отверстиями», см., например, словарь Мартынова) [301] и *оконный* (имеющий отношение к окну) [302]. В таких случаях обычно прилагательное с суффиксом *-н-* обозначало общее отношение к предмету, а прилагательное с суффиксом *-чат-* имело более узкое значение — «похожий на что-нибудь» или «наделенный в большой степени чем-нибудь».

§ 104. Производство прилагательных с суффиксом *-чат-* от основ глаголов — явление более позднее. По всей вероятности, оно возникает не ранее XVIII в., так как в это время наблюдаются лишь отдельные образования, соотносительные с основами глаголов. В Словаре АР даются только *наливчатый* и *растворчатый* (характерно, что они могут быть соотнесены с основами и отглагольных существительных и глаголов: *наливчатый — налив*, *наливать(ся)*; *растворчатый — раствор*, *растворить(ся)*. Эти слова помещаются в словаре как образования, дублирующие по значениям прилагательные с суффиксом *-н-*: *наливный* и *наливчатый*... «имеющий налив, имеющий сочное и прозрачное тело: *наливные*, *наливчатые* яблоки»; *растворчатый* — «то же, что *растворный*».

По всей вероятности, образования этого рода проникают в литературный язык из говоров и фольклора через посредство художественной литературы. Ср., например, такие характерные для народной словесности постоянные эпитеты, как *яблоко наливчатое*, *рассыпчатое*; *лук тугой*, *разрывчатый*; *окно растворчатое*.

Реминисценции подобного фольклорного употребления находим в поэзии начала XIX в.: Лук вместо посоха *разрывчатый* в руках (Катен., Песни в Сельме); Девы красные толпою, Из *растворчатых* ворот, Вышли на берег (Жуковск., Адельстан); Умывается снегами *рассыпчатыми* (Лерм., Песня про купца Калашникова); *звончатые* чувствительные струны (Языков, Жар-птица); Сердечко мое *Занывчатое*, *Занывчатое*, *Надрывчатое* (Кольц., Две народные песни, 1).

---

[301] Прилагательное *окончатый* в XIX в. могло употребляться и в нетерминологической речи со значением «с окном»: *окончатое* крыльцо (Вельтм., Саломея, 7, IV); *окончатая* дверь (Нов. время, 1900. ЛК).

[302] Ср. в современном языке разграничение прилагательных *пластинчатый* («состоящий из пластинок») и *пластиночный* («связанный с применением пластинок»: *пластиночный* аппарат.

Ср. в произведениях более позднего времени, ориентирующихся на народную речь:

Яхонты по полю бирюзовому радугами *переливчатыми*... играют (Даль. ЛК); Аринушка идет и по снегу рыхлому, и по льду *звончатому* (С.-Щ., Губ. оч., В остроге, Аринушка).

В начале XIX в. этот словообразовательный тип несколько активизируется. Образования этого рода начинают встречаться в текстах разных жанров, и не только как отражение фольклорного словоупотребления. Они фиксируются в словарях (так, в Словаре 1847 г. дается: *переливчатый*, *перерывчатый*, *разрывчатый* [303]):

Гремит певец весенних дней... *прерывчатым* напевом (Слепушкин, Весна); [Огарок] звездой *рассыпчатой*... Взрывается исподтишка (Вяземск., К Илличевскому); говорит о Х, писателе *расплывчатом* (Вяземск., Ст. зап. кн., 8); *отрывчатое* чтение (Там же); *перерывчатые* звуки (Веневит., К Пушкину); *рассыпчатый* песок (Лерм., Мцыри, 22); *отрывчатые фразы* (Марл., Мулла-Нур, VIII); язык его *разрывчат*, шероховат (Марл., Взгл. на старую и новую словесн. в России); *рассыпчатый* ковыль (С.Акс., Зап. ружейн. охотн.); *урывчатые* письма (Б-ка для чт., 1843, т. VIII, апр.-май); воровское, *урывчатое* движение (Добр., Темн. царство, II); *урывчатые* мысли (Дружинин, Пол. Сакс, IX, I); минутные, *разрывчатые* заботы (П. Киреевск. ЛК); *заливчатый* плач (Дост., Бр. К., 10, V).

Об укреплении этого словообразовательного типа свидетельствует проникновение отглагольных прилагательных с суффиксом *-чат-* в состав научной терминологии. Так, слово *прерывчатый* дается в техно-ботаническом словаре Мартынова: «Interruptus — *прерывчатый*, прерывный».

Ср. также термины: *наливчатые животные* (Герц., Письма об изуч. прир., 2); *взрывчатое вещество* (Сеченов, Автобиогр. зап. ЛК); *расплывчатая молния* (Полн. энц. сельск. хоз. ЛК).

В грамматической литературе впервые выделяет суффикс *-чат-* как особую словообразовательную морфему Павский, устанавливая, что этот суффикс может соединяться не только с именными, но и с глагольными основами (*наливчатый*, *урывчатый*) [304].

Во второй половине XIX в. отмечается несколько отглагольных прилагательных с суффиксом *-чат-* (*заливчатый*, *порывчатый*, *обрывчатый*, *надрывчатый*):

Энтузиазм его судорожный, желчный, *порывчатый* (Дост., Неточка Незв., 1); *обрывчатый* скат (Некр. и Станицк., Три

---

[303] Характерно, что в толковании этого слова отражается его фольклорное происхождение: «1) *Стар.* Упругий. Тугой лук, *разрывчатый*. Древн. стих. 2) Узорчатый. *Разрывчатый* бархат».

[304] См.: Г. П. Павский. Филологические наблюдения. Рассужд. II, стр. 110.

страны света, III, IV); голосок *надрывчатый* (Дост., Бр. К., 4, IV); *заливчатый*, сотрясающий плач (Там же, 10, V).

Однако в отличие от суффиксов *-лив-*, *-чив-*, *-ист-* суффикс *-чат-* не приобретает широких словообразовательных связей с глагольными основами. Он сочетается только с основами некоторых приставочных [305] переходных глаголов (от основ непереходных глаголов есть лишь одно образование — *расплывчатый*), причем в указанных пределах число глагольных корней, выступающих в прилагательных с суффиксом *-чат-*, так невелико, что может быть легко перечислено. Это четыре глагола, у которых корень кончается гласным звуком: *ли-ть*, *ры-ть*, *мы-ть* и *плы-ть*, и глаголы *сып-ать* и *(рас)твор-ить*. В состав прилагательного входила бессуффиксная основа глагола (если корень глагола оканчивался согласным: *рассып-чат-ый*) или основа глагола с усечением конечного гласного суффикса (если корень оканчивался гласным: *размыв-чат-ый*). Соединение перечисленных глагольных корней с приставками давало менее двадцати образований с суффиксом *-чат-*: *наливчатый*, *переливчатый*, *заливчатый*, *прерывчатый*, *отрывчатый*, *разрывчатый*, *урывчатый*, *надрывчатый*, *обрывчатый*, *порывчатый*, *взрывчатый*, *размывчатый*, *растворчатый*, *рассыпчатый*, *расплывчатый*; ими и ограничивался круг прилагательных этого типа, употребительных в литературном языке.

Рассматриваемые прилагательные обозначали типическое характерное свойство предмета (в соответствии со значением производящего слова) [306], т. е. совпадали по значению с отглагольными прилагательными с суффиксом *-ист-*. Характерной особенностью прилагательных с суффиксом *-чат*, так же как и прилагательных с суффиксом *-ист-*, было то, что они сочетались с ограниченным кругом существительных, преимущественно с существительными, связанными с обозначением звука и света. При этом по направлению к нашему времени наблюдается ограничение сочетаемости этих прилагательных с существительными. Почти за каждым прилагательным закрепляется определенный круг имен, которые оно может определять. Таким образом, прилагательные с суффиксом *-чат-* функционируют в языке не как свободные, а как фразеологически связанные образования, например: *заливчатый*, *прерывчатый*,

[305] Образование *звончатый* соотносительно не столько с *звонить*, сколько с *звон*.

[306] Значение отглагольных прилагательных с суффиксом *-чат-* обычно определяется как «способный, склонный к какому-нибудь действию или состоянию», т. е. аналогично значениям прилагательных с суффиксами *-лив-* и *-чив-* (см.: Н. Н. Ч у р и л о в а. Указ. дисс., стр. 109; И. С. М е р к у р ь е в. Указ. дисс., стр. 175; Ч ж а о Ю н ь-ч ж у н. Указ. дисс., стр. 324). Между тем прилагательные с суффиксом *-чат-* очень редко обозначают способность, склонность к совершению действия и в этом случае сближаются с прилагательными с суффиксом *-чив-* (*рассыпчатый — рассыпчивый* и под.); их основное значение — называть связанное с каким-либо действием характерное свойство: *переливчатый* (голос), *прерывчатая* (речь), *отрывчатый* (лай) и т. п.

надрывчатый (преимущественно о звуке), *взрывчатый* (вещество, масса). Ср. ушедшее из языка употребление этого прилагательного не в составе термина:

Слово его было более бойко, едко и *взрывчато*, чем у самого Фонвизина (Вяземск., Заметки и воспом. о гр. Растопчине, I); *взрывчатое* самолюбие (Ключевск., Курс. русск. ист., III).

Отдельные образования с суффиксом *-чат-* уходят из литературного языка, например прилагательные *растворчатый*, *урывчатый*, во второй половине XIX в. еще встречающиеся:

Растворчатая дверь (Левитов, Самовар Исая Фомича); *расворчатые* окна (Будильн., 1865, № 7); *урывчатое* всхлипывание (В. Е., 1897, № 9).

В целом тип отглагольных прилагательных с суффиксом *-чат-* не приобретает большой продуктивности. Это объясняется тем, что наряду почти со всеми прилагательными с суффиксом *-чат-* функционировали тождественные им по значению однокоренные прилагательные с суффиксом *-ист-*, произведенные по более продуктивной модели [307].

Выводы

Итак, в литературном языке XIX в. функционировали многочисленные ряды дублетных разносуффиксных образований, включающие от двух до четырех членов, с близкими по значению и словообразовательным связям суффиксами *-ист*, *-чат-*, *-чив-* и *-н-*, такие, как *переливистый—переливчатый—переливный*, *прерывистый—прерывчатый—прерывчивый—прерывный*, *заливистый — заливчатый—заливный*, *порывистый — порывчатый — порывчивый — порывный*, *отрывистый — отрывчатый — отрывчивый — отрывный*, *надрывистый — надрывчатый — надрывчивый — надрывный*. Между прилагательными, произведенными от основ приставочных глаголов с помощью суффиксов *-ист-* и *-чат-*, существовало полное семантическое тождество, так что почти каждое прилагательное с суффиксом *-чат-* дублировало однокоренное образование с суффиксом *-ист-* (но не наоборот, так как сфера действия суффикса *-ист-* была более широкой).

Обычно самым устойчивым и употребительным членом ряда оказывалось прилагательное с суффиксом *-ист-*. Образования с широким по значению суффиксом *-н-* являлись как правило самыми древними, но они оказывались вытесненными из употребления в силу неспециализированности суффикса *-н-* для выражения данного узкого значения. Устойчивость же и употребительность образований с суффиксами *-чат-* и *-чив-* была различной в разных рядах слов.

[307] Такое же положение характерно и для современного языка, где прилагательные с суффиксом *-ист-* вытесняют однокоренные образования с суффиксом *-чат-*, см., например: Н. Н. Чурилова. Указ. дисс., стр. 110.

В истории прилагательных, образуемых суффиксами *-лив-*, *-чив-*, *-ист-* и *-чат-*, было много общего; это объясняется близостью значений и общим характером словообразовательных связей перечисленных суффиксов. В каждом типе прилагательных (кроме прилагательных с суффиксом *-чив-*) очень существенным для их истории было взаимодействие отглагольных и отыменных образований, объединенных одним словообразовательным формантом.

У прилагательных с суффиксами *-лив-* и *-чив-* (образованных на основе ставшего уже непродуктивным суффикса *-ив-*) берут верх глагольные образования с активными процессуальными значениями. Они подчиняют себе чисто отыменные образования и вовлекают их в свою сферу, так что значение отыменных прилагательных сближается со значением отглагольных. Суффиксы *-лив-* и *-чив-*, возникшие как морфологические варианты суффикса *-ив-*, развили большую продуктивность и специализировались на выражении активного значения «способный, склонный к выполнению какого-либо действия». Начавшие развиваться у суффикса *-лив-* связи с именными основами оказались непрочными по двум причинам: 1) появление отсубстантивных прилагательных с суффиксом *-лив-* не отвечало потребностям языка в выражении данного значения, ибо они дублировали прилагательные с другими суффиксами (*-н-*, *-ист-*); 2) отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-лив-* не могли вытеснить из языка однокоренные образования с суффиксами *-н-* и *-ист-*, так как суффикс *-лив-* специализировался на выражении активных глагольных значений и значение «наделенный чем-либо в изобилии», свойственное ему в отыменных образованиях, было у него второстепенным, ослабленным, тогда как у прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ист-* это значение было основным.

У прилагательных с суффиксами *-ист-* и *-чат-* оказываются более активными отыменные образования, исконные в этих словообразовательных типах. Эти суффиксы, приобретя способность сочетаться с основами глаголов, сохраняют ее и в дальнейшем. Однако значение отглагольных прилагательных с суффиксами *-ист-* и *-чат-* было менее активным и действенным, чем значение отглагольных прилагательных с суффиксами *-лив-* и *-чив-*. Они обозначали типическое свойство предмета, связанное с тем или иным действием: активное значение способности, склонности к действию, не было характерно для них; оно было свойственно немногим образованиям с суффиксом *-ист-*, являясь при этом редким, второстепенным, и часто утрачивалось. Кроме того, активность отыменных и второстепенное положение отглагольных образований с суффиксами *-ист-* и *чат-* проявлялась в том, что прилагательные, произведенные от основ отглагольных существительных, тяготели по значению не к собственно глагольным, а к чисто именным образованиям, тогда как у прилагательных с суффиксом *-лив-* наблюдалась противоположная тенденция.

В истории отсубстантивных прилагательных с суффиксами *-лив-* и *-ист-*, обозначающих: «наделенный в значительной степени чем-либо, характеризуемый обилием чего-либо», несмотря на различие в положении и удельном весе этих словообразовательных типов (продуктивность прилагательных с суффиксом *-ист-* и непродуктивность прилагательных с суффиксом *-лив-*), наблюдался общий процесс — оттеснение их прилагательными с суффиксом *-н-*. О причинах этого процесса по отношению к прилагательным с суффиксом *-лив-* говорилось выше. Частичное оттеснение прилагательных с суффиксом *-ист-* объяснялось двумя обстоятельствами: нелитературным характером многих образований с суффиксом *-ист-* и большей продуктивностью и семантической емкостью прилагательных с суффиксом *-н-*.

История прилагательных с суффиксом *-н-*

§ 105. В конце XVIII — нач. XIX в. суффикс *-н-* был очень продуктивен в образовании прилагательных от глагольных и глагольно-именных основ. Для производства прилагательных использовались основы переходных (преимущественно) и непереходных префиксальных глаголов, а также основы отглагольных существительных (*подъем — подъемный*, *пропуск — пропускной*). По-видимому, образование прилагательных от бесприставочных глаголов было малопродуктивным: новообразования типа *дежурный (дежурить)* единичны.

В тех случаях, когда корень производящего глагола оканчивался на согласный, суффикс *-н-* присоединялся непосредственно к корню, а суффиксы глагольного класса в состав прилагательного не входили (*выдвиг-а-ть — выдвижной*, *подрез-а-ть — подрезной*.) Если же корень оканчивался на гласный, прилагательное образовывалось от основы несов. вида с усечением конечного гласного суффикса (*сшивать — сшивной*, *продувать — продувной*, *накрывать — накрывной*). Как и у других типов отглагольных прилагательных, видовое значение производящей основы не оказывало влияния на семантику прилагательного. Звук *в* в составе таких прилагательных играл роль соединительного элемента, не привнося никакого дополнительного значения(ср. § 98).

Структурные условия образования прилагательных с суффиксом *-н-* на протяжении XIX в. не менялись.

Прилагательные, производимые от глагольных и от глагольно-именных основ, составляли единый словообразовательный тип [308],

---

[308] Замечание В. В. Виноградова о том, что «в этом морфологическом типе смешались и слились имена прилагательные, производные от именных отглагольных основ (напр.: *скрытный*, *понятный*, *занятный* и т. п.), и прямые отглагольные образования (*вырезной*, *отрывной*, *неподкупный* и т. д.)» («Русск. язык», стр. 215), вполне приложимо к изучаемому времени. Структурно-се-

так как, во-первых, в большинстве своем и те и другие семантически соотносились с соответствующими глаголами [309] и характеризовались аналогичной системой значений [310]; во-вторых, во многих случаях производящей основой для прилагательного могла служить и основа отглагольного существительного, и основа глагола: *подрезной — подрез* и *подрезать*; *вырезной — вырез* и *вырезать*; *отрезной — отрез* и *отрезать*; *выгибной — выгиб* и *выгибать* и т. п. [311]

В тех случаях, когда отглагольное существительное семантически отошло от глагола, произведенное от него прилагательное воспринималось как чисто отыменное образование (*выездные лошади* — «для выезда»).

Наличие различающихся по значению собственно отглагольных и отглагольно-именных прилагательных не разрушало единства словообразовательного типа. Различия между такими образованиями — явление вторичное; кроме того, на общем фоне единства подобных прилагательных число случаев их различия было невелико.

Широта значения и большая словообразовательная активность, свойственная суффиксу *-н-* в кругу отсубстантивных прилагательных, была присуща ему и в кругу отглагольных образований. Эти прилагательные могли иметь разнообразные значения, основанные на значениях соответствующего глагола; они были способны выражать почти все те значения, которые передавались другими существовавшими в то время типами отглагольных прилагательных, и являлись как бы семантическим центром всей группы отглагольных прилагательных. Поэтому дальнейшая судьба разных семантических групп прилагательных с суффиксом *-н-*, взаимодействовавших с отглагольными прилагательными с разными суффиксами, была различной, а общая история отглагольных при-

---

мантическая близость образований, производимых от глаголов и отглагольных существительных, характерна и для других славянских языков. См.: A. S i e c z k o w s k i. Struktura słowotwórcza przymiotników czeskich i polskich. Wrocław, 1957, стр. 55; M. D o k u l i l. Tvoření slov v češtině, 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962, стр. 185.

[309] См.: М. М. П о к р о в с к и й. Указ. соч., стр. 228.

[310] Ярким проявлением их единства является параллелизм значений таких отглагольных и отсубстантивных прилагательных, как *завидный* (от *завидовать*) и *завистный* (от *зависть*), см § 112.

[311] Собственно отглагольные прилагательные и образования от основ отглагольных существительных могли разграничиваться местом ударения: для первых было характерно ударение на флексии, для вторых — на основе (например: *докла́дный* день — «предназначенный для докладов» и *докладна́я* поленница дров, т. е. «доложенная после»). Однако этот вопрос из-за отсутствия акцентуированных текстов и употребления флексии *-ой*, не отражающего места ударения в слове (ср. написания *до́брой*, *краси́вой* (человек) и *большо́й*, *голубо́й*), в работе не рассматривается. К тому же в большинстве случаев прилагательные, произведенные от основ глаголов и от основ отглагольных существительных, имели одинаковое ударение.

лагательных с суффиксом *-н-* на протяжении изучаемого времени состояла из ряда отчасти переплетающихся процессов. Главный из этих процессов — размежевание с семантически близкими отглагольными образованиями (в первую очередь — страдательными причастиями и прилагательными с суффиксом *-лив-*). В результате этого система значений прилагательных с суффиксом *-н-* менялась: они утрачивали значения, тождественные значениям других продуктивных отглагольных образований, что, с одной стороны, укрепляло их семантическую целостность, а с другой стороны, ограничивало возможности новообразований.

История прилагательных с суффиксом *-н-*, взаимодействующих с причастиями

§ 106. В конце XVIII — нач. XIX в. производство прилагательных с суффиксом *-н-* от глаголов происходило почти столь же регулярно, как образование форм слова. Почти от каждого префиксального—в особенности переходного—глагола с помощью суффикса *-н-* могло быть произведено имя прилагательное. Ср.: *вывивный*, *завивный*, *обвивный*, *перевивный*, *подвивный*, *прививный* (Сл. 1847 г.); *ввозный*, *вывозный*, *завозный*, *навозный* («навезенный из других мест». Сл. 1847 г.), *отвозный*, *перевозный*, *подвозный*, *привозный*, *развозный*, *свозный*; *выгибный*, *загибный*, *изгибный*, *нагибный*, *отгибный*, *перегибный*, *подгибный*, *разгибный*, *сгибный*. Для таких прилагательных были характерны два вида значений: пассивное — «такой, над которым можно совершить или совершено какое-нибудь действие» (*сгонный* — «из разных мест собранный; *сгонные* работники». Сл. АР) и реже — активное — «совершающий какое-нибудь действие» (*налетный* — «налетающий: *налетные* семена». Сл. 1847 г.; *отлетный* — «постоянно отлетающий: *отлетные* птицы». Там же; *остудный* — «производящий остуду». Там же).

Пассивное значение могли иметь прилагательные, произведенные от основ переходных глаголов, активное — образования от основ глаголов и переходных и непереходных. Прилагательные с активным глагольным значением на всем протяжении истории русского языка были менее продуктивны и употребительны, чем прилагательные с пассивным значением [312].

Прилагательные с суффиксом *-н-* были близки страдательным и действительным причастиям и нередко употреблялись наряду с ними как тождественные по значению образования [313]. Кроме того, прилагательные с активными значениями по функции

---

[312] См.: Л. А. Булаховский. Курс русск. лит. языка, т. II (Ист. комм.), стр. 179.

[313] См.: Л. Васильев. Два явления др. ц.-слав. памятников в освещении древнерусских текстов. РФВ, т. XX, вып. 2, 1913, стр. 375; Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 178—179; П. Я. Черных. Указ.

в предложении могли сближаться с личными формами глагола (присоединяя к себе в этом случае конструкции с *чтобы*, инфинитив и другие зависимые формы). Семантическая и функциональная близость глаголу и его формам была свойственна не только собственно отглагольным прилагательным, но и прилагательным, соотносительным с отглагольными существительными.

Употребление лексически ограниченной группы прилагательных (обозначающих психическое состояние, свойство) в функции, близкой к функции verbum finitum, встречается до конца XVIII в.

Кто *к произведению пашен охотен* и *надежен* явится (ПСЗ, 1745, § 9110); *До ссор* я очень не *охотен* (Княжн., Хвастун, I, 2); Я *опасна*, *чтобы* ты... меня не покинул (Чулк., Пригож. повариха); [Салмина] А любила я тех, которые *мне нравны* были (Сумарок., Ссора у мужа с женою, 3); Я *на тебя*, как *на себя надежна* (Плавильщ., Бобыль, III, 4); Контора опекунства иностранных теперь *небезызвестна*, *что*... (Держ., Письмо в Контору опекунства иностранных, 29 мая 1774); Пой вельможей и царей, Коль захочешь быть *им нравен* (Держ., Дар).

Отдельные случаи такого употребления отмечаются до середины XIX в. [314]: Уже несколько часов она была в совершенном изнеможении, безгласна, неподвижна, *отчаянна* (Марл., Ам.-Бек, VIII); Наука *ослушна любви* и *красоте* (Белинск., Стих. Е. Боратынского); *С морем* никто *не советен* (Погодин, Норманск. период русск. ист., Вел. кн. Игорь).

§ 107. Прилагательные с активным значением, близкие по значению действительным причастиям [315], были довольно многочисленны. Они широко употреблялись в конце XVIII — первой половине XIX в.

[Саламанида] Эдакой ты, батька, *неверной*! (Матинск., СПб. гост. двор, I, 6) (ср. *неверящий*); Отдала ему *гибельный* ключ (В. Е., 1802, № 12) (т. е. приносящий гибель); Услышали шумную беседу *ропотных* волн (Ф. Глинка, Письма русск. офицера, 2, Ржев); Признать неявившегося только отсутствующим, *ослушным*, а не заговорщиком (Жуковск., Отр. из зап. о Н. И. Тургеневе); Плещет вечно *ропотное*... Каспийское море (Марл., Ам-Бек, I); Оковы *гибельного* плена (Веневит., Жертвоприношение); И пал гигант, по

соч., стр. 301—302; А. К. Соколова. Отглагольные прилагательные с суффиксом *-н-* (По материалам южновеликорусских текстов XVII в.). «Сб. научных работ аспирантов Воронежского гос. ун-та», вып. 1, 1961, стр. 95—96. Характерно, что В. Я. Стоюнин (указ. соч., стр. 127) называет суффикс *-н-* в рассматриваемых прилагательных «окончанием причастий».

[314] По-видимому, такое употребление прилагательных сохраняется в просторечии до конца XIX в., ср.: Я, окаянная, *причинна*... мой грех! (Эрт., Гард., 2, VIII).

[315] Ср. в устойчивой концовке писем XVIII — нач. XIX в.: *с нелестным почитанием*, т. е. «нельстящим».

лествице ж веков, Биясь об их *отзывные* ступени (Шевырев, Стансы Риму); Печальный, *трепетный* и томный Назад, в отеческий мой дом, Спешу (Языков, Элегия); Познай же цену срочных дней, Лови *пролетное* мгновенье (Борат., Добрый совет); рой подавленных и *трепетных* рабов (Некр., Родина); должна быть *руководным* началом в наших исследованиях (Совр., 1847, т. VI); С *трепетным* сердцем устремил было пытательный взор на больную (Вельтм., Саломея, 10, IV).

К середине XIX в. такое употребление прилагательных затухает. Во второй половине XIX в. отмечаются лишь отдельные случаи:

Левин и Кити чувствовали себя особенно счастливыми и *любовными* в нынешний вечер (Л. Толст., А. К., 6, VI).

Близость значения подобных прилагательных к причастиям проявлялась в том, что при них могли употребляться такие же, как при причастии, пояснительные члены:

Места, *неизобильные водою* (Моск. телеграф, 1826, № 8); несколько строф, столь *изобильных сатирическою солью* и *яркими картинами* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3); слишком *надежный на крепость* своего сложения (Там же); играющий ролю *надежного на себя* светского человека (Знакомство Дмитриева с Карамзиным [И. И. Дмитриев] Москвит., 1841, янв.); Вмешивался в крамолу князей, *надежный на покровительство* Орды (Н. Полевой, Ист. русск. народа, IV, II).

Близость этих прилагательных к глаголу ярко обнаруживалась при их сравнении с однокоренными образованиями с суффиксом *-лив-*, обозначавшими активный признак предмета как качественное и постоянное свойство, тогда как значение прилагательных с суффиксом *-н-* было «выполняющий какое-нибудь действие»: *ослушливый* («склонный к ослушанию») и *ослушный* («не повинующийся»), *ненавистливый* («склонный к ненависти») и *ненавистный* («ненавидящий»); ср.: Взгляд ее становился упорен, тверд и почти *ненавистен* (Дост., Идиот, 4, VIII) и: Между угрюмыми и *ненавистливыми* лицами остальных каторжан я не мог не заметить тоже несколько добрых и веселых (Дост., Зап. из М. дома, 1, V).

Утрата активных значений приводит к изменению семантики ряда прилагательных. Так, например, меняется значение слова *остальной*, до середины XIX в. употреблявшегося со значением, близким значению причастия *оставшийся* [316]: Дубровский... принужден был... поселиться в *остальной* своей деревне (Пушк., Дубр., I); черкнул вам краткое известие на *остальной* страничке (Москвит., 1841, март).

Утрачивают активное глагольное значение также прилагательные *охотный* и *поспешный*. Ср.: [наша армия] не так была *поспешна* (Болот. 2, 99); человек умный... и *охотный к услугам* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 3, 7); Готов учинить то с *охотнейшим* моим сердцем (Вс. Крестовск. Деды. ЛК).

[316] См. в Словаре АР: *остальный* «последний, оставшийся от чего: *остальной* товар, *остальной* день, *остальное* от трудов время».

§ 108. Наиболее характерным для прилагательных на *-ный* был параллелизм между ними и страдательными причастиями, употреблявшимися иногда в одних и тех же контекстах с тождественными значениями, например: *просрочные* пашпорты (ПСЗ, 1784, т. XXII, § 15967) и: *просроченные* пашпорты (Там же). Ср. позднее: Служил, как обыкновенно служат все *приписные* к службе (Вельтм, Саломея, 9, III) и: нижние воинские чины, *приписанные* к селениям (Отеч. зап., 1839, т. VII).

Словари конца XVIII — нач. XIX в. помещают большое количество подобных прилагательных, близких страдательным причастиям. В Словаре АР: *Приводный* — «приведенный откуду, взятый с стороны и помещенный в известном месте; слово сие употребляется о речах, взимаемых из книг, из сочинений: *приводные* речи». *Пригонный* — «1). В отношении к животным: из отдаленного места приведенный: *пригонные* гуси. 2). Говоря о лесе: доставленный из одного места в другое по воде: *пригонной* лес». Как равнозначные даются слова: *заработанный* и *заработный* (*заработные* деньги), *благоустройный* и *благоустроенный*. В Словаре 1847 г.: *нагонные* гуси, *набродная* скотина, *переварный* кофей, *докладная* поленница дров, *напускные* звери в лесу, *напускная* рыба в пруде, *переливное* пиво (перелитое из одной посудины в другую), *подсадные* деревья (вновь посаженные), *пересадная* клубника, *присыльные* подарки, *присыльные* товары и др.

Как равнозначные употреблялись в тот период такие образования, как *крахмальный* и *крахмаленный*, *приписной* и *приписанный*, *усильный* и *усиленный*, *умильный* и *умиленный* [317].

Особенно распространен и устойчив был параллелизм между сложными прилагательными со второй глагольной частью *-вар-*, *-кур-*, *-дел-*, *-печат-*, *-вал-*, *-топ-* и под. и соответствующими причастными образованиями, употребительными в названиях фабрик, заводов и т. п. В литературе конца XVIII — нач. XIX в. встречаются как равнозначные слова *пивоварный* и *пивоваренный*, *солеварный* и *солеваренный*, *винокурный* и *винокуренный*, *жиротопный* и *жиротопленный*, *салотопный* и *салотопленный*, *суконвальный* и *сукноваленный*, *книгопечатный* и *книгопечатанный*. У таких образований, входящих в устойчивые наименования, взаимодействие не всегда кончалось победой причастной формы; устойчивость того или иного образования определялась различными причинами, имеющими индивидуально-лексический характер. Так, в словах, образованных от глаголов *топить*, *печатать*, побеждают образования на *-ный*, от глаголов *варить*, *курить* — образования на *-енный*.

---

[317] Это явление может быть объяснено близостью адъективного суффикса *-ьн-* и причастного суффикса *-ен-* и взаимовлиянием образований с этими суффиксами (см.: Л. Л. Васильев. Указ. соч., стр. 373—376); см. также: В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, вып. 2. Изд. 2. Пг., 1915, стр. 175—178.

Прилагательные с суффиксом *-н-*, близкие страдательным причастиям, были широко употребительны в первой половине XIX в.

Бедные, равно как и *натяжные* рифмы, поставленные в ущерб идей и мысли автора, нетерпимы (Д. Дубенский, О стихотворн. размерах, Атеней, 1828, № 13) (т. е. натянутые); *выписные* профессора (Языков, Послание о журналистах) (т. е. выписанные из-за границы); недруг *выписных* лиц (Гриб., Горе от у., III, 22); *выписные* иностранцы (Москвит., 1841, янв.); Тень ивы — Приют прохлады в летний зной, Наяды полог *продувной* (Языков, П. А. Осиповой) (т. е. продуваемый); Были просто мазурики и бродяги — промышленники по *находным* [318] деньгам (Дост., Зап. из М. дома, 1, I) (т. е. найденным); *прививная* ветвь (Остр., Ошибка, пов. г-жи Тур [рец.] (т. е. привитая).

Подобно прилагательным, по функции близким verbum finitum и действительным причастиям, рассматриваемые образования могли иметь при себе такие же, как причастие, пояснительные слова:

Указные от самих помещиков отпуска (ПСЗ, 1784, т. XXII, § 15978); *приварный* винт *к железному замку* (Сл. 1847 г.); святовские яйца в *вырезных из разноцветной бумаги* вязирях (Будильн., 1865, № 6 [А. Левитов]).

Во второй половине XIX в. употребление таких прилагательных заметно сокращается, а к концу века утрачивается совсем. Отмечаются лишь отдельные случаи:

Черноморских казаков он называл «*обидною*, угнетенною нациею» (А. И. Дельв., Полвека русск. жизни, 1, 4) (т. е. обиженной); *разводная* жена (Л. Толст., В. и м., 3, 3, VII) (т. е. разведенная).

Изменения внутри этой группы прилагательных с суффиксом *-н-* в литературном языке XIX в. заключались в уменьшении их глагольности. Функциональный и семантический параллелизм между прилагательными и формами глагола (личными и причастными) разрушается. Прежде всего этот процесс охватывает наиболее близкие глаголу образования, т. е. соотносительные с личными формами глагола. Уже в начале XIX в. их функционирование было редкостью. Прилагательные, близкие к причастиям, дольше держатся в языке, но и среди них прилагательные с активными значениями ранее выходят из употребления, чем прилагательные с пассивными значениями, легко поддающиеся окачествлению. В связи с этим несколько уменьшается продуктивность и численность таких прилагательных, так как новые слова этого рода не создаются, а старые частично утрачиваются. Происходит разрушение существовавших ранее рядов прилагательных, произ-

---

[318] В Словаре АР: «*Находный*. Найденный, обретенный по случаю. *Находные* деньги, вещи».

веденных от однокоренных глаголов с различными приставками. В употреблении сохраняются лишь те прилагательные, которые обозначали постоянный и притом типичный для данного предмета или ряда предметов признак. Так, из отмечаемых в начале XIX в. многочисленных прилагательных с корнем *лет* и разными приставками — *налетный* (*налетные* жаворонки), *отлетный* (*отлетные* птицы), *прилетный* (*прилетные* птицы), *пролетный*, *залетный* — в употреблении удерживаются только прилагательные *перелетный* (о птицах) и *залетный* (в переносном значении); из прилагательных с корнем *куп-—скупной*, *прикупной*, *перекупной*, *закупной*, *покупной* — удерживается лишь последнее. Из прилагательных с корнем *воз — ввозной*, *вывозной*, *завозный*, *навозный*, *подвозный*, *развозный*, *перевозный*, *свозный*, *привозный*, *отвозный* — в употреблении закрепляются лишь немногие (*привозный*).

Ср. употребление прилагательных с приставками *вы-*, *от-* и *при-* в конце XVIII — нач. XIX в.: *привозные*, *отвозные* товары (ПСЗ, 1784, т. XXII, § 15960); *вывозные* полотна (Лепехин, Путеш., г. Архангельской); *вывозная* ртуть (Б-ка для чт., 1839, т. XXXVI, ч. 7).

Подобные прилагательные в значительной части имеют терминологический характер, с чем связана ограниченность их сочетаемости с существительными, прикрепленность к определенному кругу слов.

В истории прилагательных с суффиксом *-н-* происходит, таким образом, лексический отбор, процесс, аналогичный тому, который был характерен для прилагательных с суффиксом *-чив-* (см. § 98).

§ 109. Угасание прилагательных с суффиксом *-н-* с причастными и глагольными значениями не приводило к полному уходу из языка отглагольных прилагательных на *-ный*. Прилагательные, лишенные значений «испытывающий действие» или «совершающий действие», сохраняются. Такие прилагательные отмечаются уже в языке XVII в. [319] В отличие от причастий, обозначающих конкретный признак, обычно приуроченный к определенному временно́му моменту, назначение таких прилагательных — обозначать связанный с действием постоянный признак предмета: «способный подвергаться действию (*отложной* воротник, *распашной* фрак), совершать действие (*осушной* канал) и служить для действия (*переговорная* труба, *забежная* площадка)»[320]. Характерны некоторые толкования таких прилагательных в Словаре АР и в Словаре 1847 г.: *раздвижной* — «мо-

[319] См.: А. К. Соколова. Указ. соч., стр. 93—96.

[320] См.: Грамматика АН СССР, т. I, стр. 350; Чжао Юнь-чжун. Указ. дисс., стр. 276, 278, 280. Аналогичное различие между значениями отглагольных прилагательных и причастий отмечается в современном немецком языке. См.: А. Кантор. Отглагольные прилагательные в совр. немецком языке (Суффиксальные образования). «Уч. зап. 1 МГПИИЯ», т. XXV, 1961, стр. 187.

гущий раздвинут быть: *раздвижные* у стола ножки» (Сл. АР); *сдвижной* — «могущий быть сдвинут: *сдвижной* стол» (Сл. АР); *навесный* — «могущий или долженствующий быть навешенным: *навесная* дверь» (Сл. 1847 г.); *опускный* — «могущий опускаться: *опускные* стекла в карете» (Сл. 1847 г.). Такие прилагательные сохранялись в языке, хотя и среди них происходили некоторые сокращения (ср. старое и сохраняющееся в диалектах *вышивная рубашка* и лит. *вышитая рубашка*).

История прилагательных с суффиксом *-н-*, взаимодействующих с прилагательными с суффиксом *-лив-*

§ 110. Для истории другой группы прилагательных с суффиксом *-н-* основным было их взаимодействие и размежевание не с причастиями, а с другими типами отглагольных образований, в первую очередь с прилагательными с суффиксом *-лив-* [321].

В начале изучаемого периода суффиксы *-н-* и *-лив-* широко использовались для производства прилагательных от основ глаголов и существительных, семантически связанных с глаголом (типа *сон*, *зависть*, *жалость*, *память* и под.). Вследствие этого в языке существовали целые серии прилагательных, произведенных с помощью разных суффиксов от одних и тех же основ. Среди них были пары слов, различающиеся по значениям (первая группа) и совпадающие во всех или в части своих значений (вторая группа). Несмотря на различие между этими двумя группами образований, их дальнейшая судьба во многом была близка, так как вторая группа слов в своем развитии шла по пути первой; первоначально совпадающие по значению прилагательные разграничивались семантически: образования с суффиксом *-н-* утрачивали значение «склонный к действию, способный к выполнению действия».

Процесс семантического размежевания прилагательных с суффиксами *-н-* и *-лив-* начался давно, и в конце XVIII — нач. XIX в. различные группы лексики находились на разных стадиях этого процесса. Например, в это время функционировали с различными значениями такие пары слов, как *заметливый — заметный*, *запасливый — запасный*, *поворотливый — поворотный*, *оборотливый — оборотный*, *шумливый — шумный*, *щекотливый — щекотный*, *потливый — потный*, *добычливый — добычный*, *слезливый — слезный*, *смешливый — смешной*, *сонливый — сонный*, *спорливый — спорный*, *ссорливый — ссорный*, *страшливый — страшный*, *тревожливый — тревожный*, *скучливый — скучный*, *грустливый*

[321] О взаимодействии прилагательных с суффиксами *-н-* и *-лив-*, произведенных от существительных, семантически не связанных с глаголом, см. § 97. О взаимодействии прилагательных с суффиксом *-н-* и отглагольных прилагательных с суффиксами *-ист-*, *-чат-*, *-чив-* см. § 104.

(«склонный к грусти», Сл. АР) — *грустный*, *гневливый* («склонный к гневу») — *гневный* («предающийся гневу, изъявляющий гнев». Сл. 1847 г.), *обрядливый* — *обрядный*, *грозливый* («привыкший грозить». Там же) — *грозный* («строгий, суровый, наполненный угроз». Там же), *мятежливый* («склонный, скорый, удобопреклонный к мятежу». Там же) — *мятежный* («относящийся к мятежу, возмутительный, бунтовской, крамольный». Там же), *недужливый* («склонный к болезни». Там же) — *недужный* («одержимый недугом». Там же), *потешливый* — *потешный*, *поспешливый* — *поспешный*, *охотливый* — *охотный*, *покорливый* — *покорный*, *послушливый* — *послушный*, *привычливый* — *привычный*, *ропотливый* — *ропотный*. Между прилагательными этой группы семантическое различие было очень четким: прилагательные с суффиксом *-лив-* обозначали склонность, способность к совершению действия, а прилагательные с суффиксом *-н-* — разного рода иные отношения к процессу или предмету, названному производящей основой. В отличие от образований на *-ный*, которые в силу идущей издревле широты и разнообразия значений суффикса *-н-* семантическим единством не отличались, прилагательные с суффиксом *-лив-* характеризовались единым процессуальным значением. Даже в тех случаях, когда такое прилагательное было произведено от существительного, оно обозначало «склонный, способный к совершению действия» (ср. *обрядливый* — любящий совершать обряды, *слезливый* — часто плачущий).

Несмотря на различие значений прилагательных с суффиксами *-н-* и *-лив-*, их параллельное функционирование не могло не повлиять на дальнейшую судьбу тех и других. У многих прилагательных с суффиксом *-лив-* ослабевало значение способности, склонности к действию; в этом случае, семантически сближаясь с однокоренными прилагательными с суффиксом *-н-*, они выходили из употребления. Такова была, по всей вероятности, причина утраты прилагательных *грустливый*, *грозливый*, *гневливый*, *мятежливый*, *недужливый*, *потешливый* («способный потешать или забавлять других; забавный». Сл. 1847 г.), *привычливый*, *охотливый*, *поспешливый*, *послушливый*, *покорливый*, *тревожливый*, *нарядливый*.

Примером параллельного функционирования двух сближающихся по значению прилагательных может быть употребление слов *послушный* («покорный чьей-либо воле, повинующийся») и *послушливый* («склонный к послушанию»):

Послушный ребенок (Гоголь, Старосв. пом.); *послушная* рифма (В. Одоевск., Русск. ночи, 7); *послушные* потоки (Шевырев, Тибр).

Он очень *послушлив* (Гриб. и Вяземск., Кто брат, кто сестра, 7); *послушливые* стрелы (Пушк., Анчар); *послушливый* мальчишка (Д. Дав., Мудрость); кроткий и *послушливый* человек (С.-Щ., Пошехонск. стар., XIX).

Между этими словами, однако, было очень характерное функциональное различие. Прилагательное *послушливый*, обозначая типичное качество, употреблялось обычно абсолютивно, без обозначения того, по отношению

к кому это свойство проявляется. Прилагательное же *послушный* могло как обозначать типичное свойство, качество (*послушный сын*), так и выступать со значением более действенным, глагольным; поэтому оно нередко употреблялось в сочетании с дат. пад., указывающим, по отношению к кому или чему проявляется данное свойство:

Рабским чувствиям послушный (Княжн., Титово милосердие, II, 9); *мудрости высокой Послушен* сердцем и умом (Языков, Подражание псалму); Мрамор *резцу* лишь *послушен* (Полонск., Мраморное сердце); *прихоти послушна* (Некр., Княгиня).

Это различие функций и конструктивных свойств и было причиной того, что прилагательное *послушный*, как более емкое по значению и конструктивно «удобное», сохраняется в языке, а прилагательное *послушливый* утрачивается.

Аналогичным образом протекало взаимодействие прилагательных *грустный* и *грустливый*, *гневный* и *гневливый* и др. [322]

В течение некоторого времени такие прилагательные функционировали как равнозначные. Однако такое сосуществование обычно кончалось уходом из употребления прилагательного с суффиксом *-лив-* [323].

§ 111. Уходит из употребления и довольно многочисленная группа прилагательных с суффиксом *-лив-*, не имеющих значения «склонный, способный к выполнению действия», наряду с которыми функционировали дублетные образования с суффиксом *-н-*: *вздорливый* (ср. *вздорный*), *досадливый* (*досадный*), *задорливый* (*задорный*), *злопамятливый* (*злопамятный*), *каверзливый* (*каверзный*), *напорливый* (*напорный*; см. Сл. 1847 г.), *натужливый* (*натужный*), *нерассудливый* (*нерассудный*), *низкопоклонливый* (*низкопоклонный*), *оплошливый* (*оплошный*), *повадливый* (*повадный*), *упорливый* (*упорный*), *хищливый* (*хищный*).

Вот некоторые примеры употребления таких прилагательных как равнозначных.

В з д о р л и в ы й — в з д о р н ы й.

Прицепки *вздорливого* недоброжелательства (Вяземск., Известие о жизни и стихотв. И. И. Дмитриева); *вздорливый* и сварливый характер (Атеней, 1828, № 4); *вздорливый* нрав (Леск., Мелочи арх. жизни, 13); *Вздорный* враль (Пушк., Анджело, 1, VII); слыхал, что *вздорная* (Гриб., Горе от у., III, 3); *вздорный* характер (Дост., Зап. из М. дома, 1, II).

З а д о р л и в ы й — з а д о р н ы й.

Задорливая односторонность (Белинск., Соч. Греча); *задорливая* веселость (Григорович, Переселенцы, II, 7); Цех

---

[322] В некоторых случаях утрата значения склонности, способности объяснялась семантикой того или иного слова. Так, прилагательное *охотливый* уже в своем лексическом значении несло указание на желание, охоту к совершению какого-либо действия, так что «дублировать» это значение с помощью суффикса *-лив-* не было надобности.

[323] Потенциальная возможность образования прилагательных с суффиксом *-лив-* при необходимости подчеркнуто выразить склонность к чему-либо сохраняется в языке.

задорный Людей, о коих не сужу (Пушк., Е. О., 1, XLIII); два *задорных* поляка (Некр., В. Г. Белинский).

§ 112. Более сложными были соотношения между прилагательными с суффиксами *-н-* и *-лив-*, когда оба слова имели значение склонности, способности к действию. В конце XVIII — нач. XIX в. это были прилагательные: *блажной — блажливый, докучный — докучливый, жалостный — жалостливый, забиячный — забиячливый, заботный — заботливый, завистный — завистливый, завидный — завидливый, затейный — затейливый, конфузный — конфузливый, копотный — копотливый, кропотный — кропотливый, надоедный — надоедливый, неприветный — неприветливый, памятный — памятливый, беспамятный — беспамятливый, подобный — подобливый, понятный — понятливый, приветный — приветливый, приседный — приседливый, расчетный — расчетливый, словоохотный — словоохотливый, совестный — совестливый, суматошный — суматошливый, удачный — удачливый, угомонный — угомонливый, угрозный — угрозливый, уклонный —уклонливый, участный — участливый, хлопотный — хлопотливый.*

Значение «склонный, способный к чему-либо» могло или быть единственным (обычно у слов с суффиксом *-лив-*) или комбинироваться с другими значениями («связанный с каким-либо действием», «подверженный какому-либо действию» и др.). Объединяло прилагательные этой группы также и то, что аналогичной была, несмотря на различие соотношений между отдельными парами разносуффиксных образований, их дальнейшая судьба. Семантическое тождество устранялось: прилагательные с суффиксом *-н-* утрачивали значение «способный, склонный к какому-либо действию» (многие из них уходили из языка), у прилагательных с суффиксом *-лив-* это значение делалось основным (и чаще всего единственным), а другие значения, тождественные значениям прилагательных с суффиксом *-н-*, утрачивались.

Семантическая дифференциация рассматриваемых прилагательных началась, по-видимому, еще задолго до XIX в., так как уже в конце XVIII — нач. XIX в. в структуре слов с разными суффиксами названные выше значения занимали различное место: у прилагательных с суффиксом *-лив-* значение склонности, способности к действию было основным, у прилагательных с суффиксом *-н-* — побочным. Однако это могло свидетельствовать и об исконности такого положения, т. е. о том, что в структуре слов с разными суффиксами названные значения никогда не занимали равного положения.

Конкретные самантические соотношения между разными парами таких слов были различны.

1. Наиболее простым соотношением было такое, когда оба прилагательных в течение какого-то времени употреблялись со значением «склонный, способный к действию», а позднее (у разных

пар слов в разное время, чаще к середине XIX в., иногда — к концу его) прилагательное с суффиксом *-н-* вытеснялось прилагательным с суффиксом *-лив-*. Такова, например, была судьба слов *надоедный*, *приветный*, *неприветный*, *совестный*, *словоохотный*, *участный*.

В первые десятилетия XIX в. эти прилагательные были широко употребительны:

Если... останется она навсегда таковою ж *несловоохотною* (Болот., 2, 115); Естли б я менее был *совестен* (Арх. бр. Тург., т. II, стр. 27); *словоохотный* критик (Вяземск., Несколько слов о букве *с*); с лицом сердитым, *неприветным* (Борат., К...); верной дружбы глас *приветной* (Рыл., Гайдамак); уста с *приветною* улыбкой (Хомяков, Признание); был *приветен* блеск очей (Хомяков, Думы); люди самые *совестные* (Марл., Ам.-Бек, XII).

По направлению к современности число подобных прилагательных и их употребительность сокращаются. Однако отдельные слова, такие, как *приветный* и ряд других, сохраняются наряду с соответствующими образованиями на *-ливый*. Разграничиваются сферы их применения. Прилагательные на *-ный* в соответствии с тенденцией, наметившейся уже в первые десятилетия XIX в., тяготеют к поэтической речи: Как ни *приветна* ты, я не склонюся (Илиада, перев. Н. И. Гнедича, VI); Вот лицо, молодое, *приветное* (Некр., О погоде, 1, II, 4); Входи, мой царевич *приветный* (Блок, Я вырезал посох из дуба...).

Однако еще и во второй половине XIX в. употребление таких прилагательных не замыкалось узкой сферой поэтической речи, ср.:

Ласковая такая стала, *приветная* (Доброл., Черты для характерист. русск. простонародья, III); *приветная* и твердая нравом [старуха] (Данилевск., Мирович, 1. ЛК); человек веселый и *словоохотный* (М. Глинка, Зап., 5); *приветное*, оживленное лицо (Тург., Новь, 1, XXII); хозяйка *надоедная* (П. Чайковск., п. А. И. Чайковскому, 2/15 февр. 1879. ЛК); строгий и *участный* надзор (Пед. сб., 1893, кн. 10); *неприветный* канцелярский язык (Ленин, Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах, VIII. Соч., т. 2, стр. 54).

2. В тех случаях, когда прилагательное с суффиксом *-н-* было многозначно, оно не выходило совсем из употребления, а лишь утрачивало значение способности, склонности к действию, единственным выразителем которого делалось прилагательное с суффиксом *-лив-*. Такова была судьба пар слов *памятливый — памятный*, *понятливый — понятный*, *расчетливый — расчетный* и др.

Вот примеры, характеризующие протекание этого процесса у отдельных пар слов.

П а м я т н ы й — п а м я т л и в ы й.

В конце XVIII — нач. XIX в. оба прилагательных употреблялись со значением «одаренный памятью, способный запоминать»: Он очень *памятен*, все прошедшее помнит (Сл. АР); [Л е с т о в] В глуши на это *памятливы* (Крыл., Модн. лавка, I, 1); Народ, стало быть, *памятлив* (Моск. телеграф, 1826, № 5).

Позднее это значение закрепляется только за словом *памятливый*. Прилагательное *памятный* утрачивает это значение, по-видимому, уже в начале XIX в., удерживая за собой лишь значение «достойный запоминания, запомнившийся».

П о н я т н ы й — п о н я т л и в ы й.

Оба слова имели значение «одаренный способностью понимать, легко понимающий».

Прилагательное *понятный* с этим значением употреблялось приблизительно до середины XIX в.: Не все дети равно *понятны*. Кто *понятен*, тому учиться легко. Сын *понятный* веселит отца (Сл. АР); столь был *понятен* и прилежен (Болот., 1, 11); Евгений был чрезвычайно *понятен* (Изм., Евгений, I, VI).

Однако, судя по сферам употребления этого прилагательного, уже в первые десятилетия XIX в. оно подвергается стилистическим ограничениям, приурочиваясь к разговорной речи и просторечию.

> Всем был он доволен: и дочь *понятна*, и мельница хорошо мелет (С. Акс., Сем. хрон., Добрый день Степана Михайловича); Здесь каждый *понятный* человек должен себе представить, что день кончился (Вельтм., Странник, 1, День IV, XXVI); *Непонятному* невежде Неймется — барышне опять Идет табак свой предлагать (Полеж., Чудак).

Характерно, что у Пушкина это прилагательное встречается всего один раз — в речи няни (Е. О., 3, XXXV): Ты знаешь, *непонятна* я.

В дальнейшем это значение у слова *понятный* утрачивается. Во второй половине XIX в. его можно встретить как отражение старого или просторечного словоупотребления: Тетенька думала, что граф, по молодости лет, в кляузных делах *не понятен* (И. Ф. Горбунов, Дневн. дворецкого. ЛК).

Р а с ч е т н ы й — р а с ч е т л и в ы й.

По-видимому, к середине XIX в. прилагательное *расчетный* утрачивает значение «склонный к расчетам», свойственное ему еще в начале века: Своих возвышенных затей Не предавал рукой *расчетной* Оценке хитрых торгашей (Пушк., Дельвигу). Ср. наречие: *Нерасчетно* живу (Гоголь, п. матери, 12 ноября 1829).

Единственным значением слова *расчетный* остается «связанный с расчетом» (*расчетный* день).

З а в и с т н ы й — з а в и с т л и в ы й, з а в и д н ы й — з а в и д л и в ы й.

Аналогичного рода, но более сложные соотношения были характерны для прилагательных *завистный — завистливый* и *завидный — завидливый*. Эти четыре слова (произведенные от существительного *зависть* и от глагола *завидовать*) имели аналогичные значения (активное — «склонный к зависти, завидующий» — все четыре, и пассивное — «достойный зависти, вызывающий зависть» — образования с суффиксом *-н-*). Таким образом, в процессе перераспределения значений участвовали все четыре слова, что само по себе служит ярким свидетельством словообразовательно-семантического единства собственно отглагольных и отглагольно-именных прилагательных.

Значение «склонный к зависти», закрепившееся впоследствии за словом *завистливый*, в конце XVIII — нач. XIX в. было свойственно и всем остальным перечисленным словам.

Слово *завидливый* было сниженным вариантом слова *завистливый*. Словарь АР дает его как синоним к прилагательному *завистливый* с пометой: «в общем языка употреблении» и примером: «*завидливые* никогда спокойны не бывают». В Словаре 1847 г. сказано просто: «*завидливый* — то же, что *завистливый*».

В литературе конца XVIII в.: поповские *завидливые* глаза (Живописец, 1775, I, Письмо уездного дворянина к его сыну); *завидливый* соперник (Чулк., Пересмешн., 4); *не завидлив* на богатство (Держ., На умеренность).

С этим же значением изредка могло употребляться образование *завидный*: Вот как премудрой нашей монархини труды и политику *завидный* рок испровергает (Держ., п. П. С. Потемкину, 14 авг. 1774).

В начале XIX в. оба отглагольных прилагательных (*завидный* и *завидливый*) утрачивают значение способности, склонности к действию, причем прилагательное *завидливый* из литературного употребления уходит совсем (ср. в «Записках» Свербеева, отражающих старое словоупотребление: подозрительный, *завидливый*, человеконенавистный скептик, т. I).

Слово *завистный* со значеним «склонный к зависти, завидующий» держалось в литературном употреблении приблизительно до 40—50-х годов XIX в.:

> Престань мешаться Ты, *завистный* соловей! (Нелед.-Мелецкий, Песнь); *завистный* мир (Богд., Душенька, 1, вариант); *завистный* соперник (Марл., Роман и Ольга, V).

Позднее прилагательное *завистный* сохраняется лишь в нелитературной речи. С середины XIX в. единственным выразителем значения способности, склонности к действию в литературном языке делается прилагательное *завистливый*.

Пассивное значение («достойный зависти, вызывающий зависть»), закрепившееся за словом *завидный* (*завидная* судьба, *завидный* жених, *завидный* сын), в начале изучаемого периода было свойственно и прилагательному *завистный*: по причине

независтных моих обстоятельств (И то и сё, 18 неделя); Какая бы *завистная*... была тогда наша жизнь (Болот., 3, 194). Ср. пережиток этого употребления в более позднее время: что... в нем *завистного* (Остр., Не все коту масл., II, 1); Все в Москве могли видеть *независтную* гравюрку (Леск., Мелочи арх. жизни, 14).

Итак, в результате семантической дифференциации из первоначального четырехчленного ряда сохранилось лишь два прилагательных — одно с суффиксом *-лив-* (*завистливый*), другое с суффиксом *-н-* (*завидный*). По-видимому, эти образования уже в первой трети XIX в. занимали ведущее положение в этом ряду, тогда как остальные лишь дублировали их. Характерно, что уже у Пушкина прилагательные *завидливый* и *завистный* не встречаются, в то время как *завистливый* употреблено 18 раз, а *завидный* — 22 раза.

3. В большинстве случаев семантические соотношения между отглагольными прилагательными с суффиксами *-н-* и *-лив-* были более сложными, так как прилагательные и с тем, и с другим суффиксом употреблялись как с активным значением («способный, склонный к действию»), так и с каким-либо другим значением из упомянутых выше, т. е. совпадали не в одном, а в двух и более значениях. В таких случаях их семантическое тождество также оказывалось временным: значение склонности к действию закреплялось за образованиями с суффиксом *-лив-*, а другое или другие значения — за образованиями с суффиксом *-н-*. Примером могут служить слова *заботный — заботливый*, *жалостный — жалостливый*.

З а б о т н ы й — з а б о т л и в ы й.

В XIX в. оба прилагательных употреблялись со значениями «склонный к заботам, попечительный» и «связанный с заботами, полный забот».

С первым значением: он Не плох, *заботлив* и умен (Крыл., Волк и Волчонок); Он... человеколюбив и *заботлив* (Жуковск., п. А. П. Киреевской, 4—16 апр. 1836).

Добрых я людей мирить всегда *заботен* (Княжн., Хвастун, I, 2).

Однако прилагательное *заботный* с первым значением редко употреблялось уже в начале XIX в. Основным выразителем этого значения было прилагательное с суффиксом *-лив-*. С середины XIX в. употребление прилагательного *заботный* в первом значении фиксируется только в произведениях, ориентирующихся на народную речь (примеры см. ниже).

Основным носителем второго значения («связанный с заботами, полный забот») было прилагательное *заботный*. Оно отмечается на протяжении всего XIX в.:

Заботной жизни бремя (Жуковск., Прощальная песнь); *заботные* думы (Илиада, пер. Жуковск., II); труд *заботный* (Плетнев, Пир); *Заботна* тоже этакая жизнь (Писемск., Люди

сороковых годов, III, 5); Дело это очень *заботное* (Леск., Печерск. антики, 35); Газета — дело *заботное* и хлопотное (Леск., п. Л. Толстому, 7 февр. 1891).

Позднее это слово уходит. Отдельные случаи такого употребления, однако, встречаются и в XX в.: *заботные* мысли (Вл. Немирович-Данченко, п. В. В. Лужскому, февр. 1929. ЛК).

В первой половине XIX в. с этим значением употреблялось и слово *заботливый*:

Заботливое состояние автора, которого спокойствие нередко зависит от людского суждения (Карамз., Цветок на гроб моего Агатона); *заботливый* день (Вязёмск., Автобиогр. введ., V); День *заботливый* светлеет (Лерм., Черкесы); *заботливая* жизнь жалкого любовника всех знатных и случайных (И. Дм., О русск. комедиях).

Позднее такое значение прилагательным *заботливый* утрачивается.

Жалостный — жалостливый.

Прилагательное с суффиксом *-лив-* употреблялось в двух значениях, свойственных ему на всем протяжении XIX в.: 1) «склонный к жалости» и 2) «исполненный жалости, выражающий жалость»:

1) Она хотя была италиянка, однако *жалостливее* немца (Нарежн., Росс. Жилбл., 5, IX); Ты очень *жалостлив* (Крыл., Дуб и Трость); Начинаю помнить себя уже дитятей... тихим, кротким, необыкновенно *жалостливым* (С. Акс., Детск. годы Багр. вн., Последоват. воспоминания); 2) *жалостливое* участие (Григорович, Прохожий, VII, Москвит., 1851, № 1). Ср. наречие: *жалостливо* рассказываете (Эрт., Гард., 1, XI).

Оба эти значения слова *жалостливый* сохраняются в языке. Прилагательное *жалостный* утрачивает значение «склонный к жалости» уже к началу XIX в. Редкие примеры такого употребления еще встречаются в конце XVIII в.: [Димитрий] Будь *жалостна* жена, когда жесток супруг (Сумарок., Дим. Самозванец, IV, 1); К спасенью нашему подвиглася со трона, И *жалостней* богов, на помощь притекла (Княжн., Дидона, I, 1).

Значение «исполненный жалости, выражающий жалость» держится у этого слова дольше, на всем протяжении XIX в.:

С *болезненно-жалостным* выражением глядя на мертвое тело (Л. Толст., В. и м., 3, 3, XXV); *жалостные* взгляды (Тург., Степн. король Лир, XVI); *жалостная* медовая интонация (Григорович, Проселочн. дороги, I, 22).

В более позднее время это значение сохраняется, по-видимому, только в просторечии и областной речи (примеры см. ниже); в литературном языке за словом *жалостный* закрепляется значение «вызывающий жалость, жалобный, печальный» (*жалостная* песня).

Во многих случаях прилагательные с суффиксом *-н-* со значением склонности, способности к действию, употреблявшиеся

первоначально стилистически неограниченно — и в литературном языке и в нелитературных сферах речи, — уходили из литературного языка, сохраняясь в просторечии и в диалектах, откуда вторично могли проникать в язык художественной литературы [324]. Для некоторых прилагательных такое использование их отмечается уже с середины XIX в.:

Сестры старшие *завистные* (С. Акс., Аленьк. цветочек); [Е в г е н и я] Тебе-то на что, *завистные* твои глаза (Остр., На бойк. месте, III, 2); Хлопочет *заботная* моя матушка (М. Вовчок, Игрушечка); жена добрая, смиренная, по хозяйству *заботная* (М.-Печ., В лесах, 1, 17); Она баба *совестная*, правильная (Станюк., Матроска, XII).

Прилагательные этого рода распространены и в художественной литературе XX в.:

Приветная домашняя баба (Гладков, Цемент, X, 2); Оба высокие да статные, красивые да *приветные* (Бажов, Малах. шкат.); Она, пчела, *памятна* и хитра (Панферов, Бруски, II, V); *Заботная* наша Дуня (Карав., Лесозавод, II). Ср. наречия: *Завистно* глядят одна на другую (М. Г., Жизнь Кл. Самг., II); Здоровье ведет себя *совестно*, не мешает работать (Н. Остр., п. А. А. Караваевой, 20 апр. 1933); *Жалостно* смотрела в любовниково лицо (Леонов, Бродяга).

Семантическая дифференциация прилагательных с суффиксами *-н-* и *-лив-* отражала словообразовательный процесс распределения значений между разными типами прилагательных, образуемыми от одних и тех же основ с помощью различных суффиксов. За словами с суффиксом *-лив-* закрепляется активное значение «склонный, способный к выполнению действия», за словами с суффиксом *-н-* — широкое относительное значение «связанный с каким-либо действием», пассивное значение «подвергающийся какому-либо действию», иногда близкое значению страдательных причастий, и (реже) активное значение «совершающий какое-либо действие». Поэтому прилагательные с суффиксом *-лив-* употреблялись обычно для обозначения активного признака живого существа, а прилагательные с суффиксом *-н-* — для обозначения пассивного признака предмета (ср. *понятливый мальчик* и *понятный рассказ*, *памятливый человек* и *памятный день*, *жалостливая женщина* и *жалостная песня*).

Семантическое размежевание таких прилагательных заканчивалось у разных пар слов в разное время, однако общий процесс такого размежевания к концу XIX в. обычно оказывается завершенным.

---

[324] Ср. употребление прилагательных этого рода в пословицах: Лживому надо *памятну* быть. Ври да помни! (Даль, Пословицы русского народа М., 1957, стр. 198); И не грамотен, да *памятен* (Там же, стр. 480).

История взаимодействия прилагательных с суффиксом *-н-*, производимых от глаголов и от отглагольных существительных с суффиксами *-к-а*, *-ок*

§ 113. В языке XVIII—XIX вв. общность собственно отглагольных и отглагольно-именных прилагательных охватывала не только образования, совпадающие по своему морфемному составу (ср. *разрезной* — от *разрезать*, *разрез*), но и прилагательные, состав которых был различен и указывал на происхожение одних от глагольных основ, а других — от основ отглагольных существительных с суффиксами *-к-а*, *-ок* (*сварной* — *сварочный*, *рассыльный* — *рассылочный*).

При расхождении значений глагола и имени и производные прилагательные были различны по значениям. Ср.: *задвижечный* — «к задвижке принадлежащий» (Сл. АР) и *задвижной*; *прошивочный* — «относящийся к прошивке» (Сл. 1847 г.) и *прошивной*; *переборочный* «относящийся к переборке» (Сл. 1847 г.) и *переборный*. Ср. также случаи более поздней, по-видимому, дифференциации значений: *отрывочные* сведения, *отрывочные* знания (от *отрывок*) и *отрывной*; *перевязочный* пункт (от *перевязка*) и *перевязной*; *приварочный* оклад (от *приварок*) и *приварное* железо [325].

Однако более типичными для конца XVIII — нач. XIX в. были случаи семантического тождества прилагательных на *-ный* и на *-(оч)ный*. Академические словари оценивают многие такие прилагательные как равнозначные: *нажиточный и наживный* (Сл. АР), *затравочный*, *затравный* порох (Сл. АР). В Словаре 1847 г. образования на *-(оч)ный* толкуются обычно путем отсылки к собственно отглагольному прилагательному: *ввивочный* — то же, что *ввивной*; *вкладочный* — то же, что *вкладной*; *забивочный* — то же, что *забивный*; *разбивочный* — то же, что *разбивный*; *накладочный* — то же, что *накладный*; *обшивочный* — то же, что *обшивный*; *перегоночный* — то же, что *перегонный*; *присыпочный* — то же, что *присыпный*; *прокладочный* — то же, что *прокладный*; *приварочный* — то же, что *приварный*; *сплавочный* — то же, что *сплавной*.

Избранный в Словаре 1847 г. способ толкования прилагательных на *-(оч)ный* характерен. Он свидетельствует не только о смысловой близости между прилагательными на *-(оч)ный* и *-ный*, но и о близости всех этих образований именно к глаголу, а не к отглагольному существительному. В тех случаях, когда прилагательное на *-(оч)ный* соотносилось с предметным значением, оно обычно отличалось по значению от прилагательного на *-ный* и лишь в редких случаях было семантически тождественно с ним. Ср., например, отмечаемое в словарях: *подонный* или *подоночный* — «содер-

[325] Словарь 1847 г. еще не отражает различия значений этих слов; там дается: *приварочный*... то же, что *приварный*.

жащий подонки» (Сл. АР), *просельный* и *проселочный* — «относящийся к проселку» (Сл. 1847 г.), *подельный* и *поделочный* — «употребляемый на поделки» (там же), *поправный* и *поправочный* — «содержащий поправки» (там же). В таких случаях сосуществование прилагательных на *-ный* и *-(оч)ный* было недолгим и всегда заканчивалось утратой первых, морфемный состав которых не указывал на их связь с существительными.

По-другому обстояло дело с прилагательными, выражающими глагольные значения, присущие как прилагательным на *-(оч)ный*, так и прилагательным на *-ный* [326]: семантический параллелизм их был гораздо более типичен, дольше удерживался в языке и не обязательно заканчивался утратой отсубстантивного прилагательного; в разных случаях в употреблении сохранялись разные слова.

Вот несколько характерных для конца XVIII — нач. XIX в. примеров употребления прилагательных этого рода как равнозначных:

Богатые и *заживные* мужики (Болот., 2, 128), ср. *зажиточный* (Сл. АР); приказные места, которые слывут *нажиточными* (Крыл., Почта духов, III), ср.: [Приказная служба] по нынешним указам *ненаживна* (Живописец, 1775, 1, [Письма к племяннику], 1); персик, точащий свой *избытный* сок (Шевырев, К Фебу), ср. *избыточный* (Сл. АР); для усмирения... *ссылочных*, отправлен был секретно курьер в Иркутск (Фонв., п. П. И. Панину, 26 янв. 1772); Он закабалит меня на десять лет *ссылочной* жизни (Пушк., п. В. А. Жуковскому, 6 окт. 1825), ср. *ссыльный*; *пересылочные* военные подсудимые (Дост., Зап. из М. дома, 2, 1), ср. *пересыльный*.

В дальнейшем происходит утрата одного из равнозначных образований (*заживный*, *избытный*). Иногда оба прилагательных сохраняются, но расходятся по значениям: *ссыльный* (о людях) и *ссылочный* (*ссылочные слова* в словаре, лингв.).

Процесс утраты одного из дублетных образований протекал как чисто лексический, т. е. в аналогичных случаях сохраняется то отглагольное, то именное образование, независимо от того, было ли при нем соответствующее отглагольное существительное. Так, в паре *зажиточный — заживный* сохраняется отыменное образование (хотя существительное *зажиток*, которое могло бы его поддерживать, ушло из употребления). Функционировавшее в составе грамматического термина прилагательное *вставочный* (от *вставка*) сменилось отглагольным образованием *втавной*, хотя соотносительное с ним по смыслу существительное *вставка* сохраняется. В Словаре 1847 г.: *вставочные слова*; в «Московском

---

[326] Ср., например, *остаточный* (от *остаток*) в значении, близком к значению причастия: *остаточное* и привозное железо (ПСЗ, 1784, т. XXII, § 15957). В Словаре АР: *остаточный* —«остальный, оставшийся».

телеграфе» (в рецензии): «Книга наполнена длинными, огромными периодами, *вставочными* предложениями» (1826, № 8).

Словообразовательная дублетность прилагательных на *-ный* и *-(оч)ный* не изжита и в современном языке; она сохраняется преимущественно в области научно-технической терминологии [327].

Элемент *-оч-*, первоначально служивший свидетельством того, что прилагательное образовано от отглагольного существительного, утратил эту функцию и стал использоваться просто как «пустая», связочная морфема (интерфикс, empty morphe), присоединяющая суффикс *-н-* к производящей основе [328]. От одних основ создаются слова с интерфиксом и без него[329]. Напр., *статочный* (от *статься*) и *сбыточный* (от *сбыться*) — дублеты отглагольных образований без элемента *-оч- статный* и *сбытный*. На протяжении первой половины XIX в. эти прилагательные употреблялись как словообразовательные дублеты:

Статное ли дело, *статочное* ли это дело? (Сл. АР); дело *сбытное* (Чулк., Пересмешн., Предуведомление); *несбытно* дело (Аблес., Счастие по жеребию. ЛК); *несбытный* вымысел (А. Майк., Мраморн. фавн). Ср.: Это дело *сбыточное* (Сл. 1847 г.); блаженство недостижимое, *несбыточное* (С. Акс., Воспом.); как бы ни была *несбыточна* подобная надежда (Белинск., п. М. А. Бакунину, 15—21 ноября 1837).

Характерно, что более устойчивыми оказываются образования на *-очный*. Этому способствуют два обстоятельства: во-первых, поддержка однокоренных образований с другими приставками, в которых элемент *-оч-* оправдан наличием соотносительных существительных: *избыточный* (*избыток*), *остаточный* (*остаток*), *достаточный* (*достаток*) и т. п.; во-вторых, отталкивание от омонимичных прилагательных на *-ный*, ср. *статный* (от *стать*).

[327] См.: Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии.

[328] Любопытную характеристику этого явления дает Павский, объясняющий появление элемента *-оч-* как след неупотребительного существительного на *-ка*, являющегося промежуточным словообразовательным звеном при образовании прилагательного от глагола (см.: Г. П. Павский. Указ. соч., 2, стр. 62).

[329] Это явление наблюдалось и в образовании прилагательных от основ существительных, не связанных с глаголом. Употребительные в литературном языке XIX в. прилагательные типа *ваточный*, *афишечный*, *кофточный*, *канвочный* (от *канва*), *муфточный*, *сигарочный* соотносятся, несомненно, не с уменьшительными существительными, содержащими суффикс *-к-а*, а с существительными без этого суффикса: *ваточная* шинель (Лерм., Кн. Л., I); город поддельных волос, вставных зубов, *ваточных* подражаний природе (Гонч., Обыкн. ист., 2, V); *шляпочные поклоны* (В. Соллог., Тарантас, VII); *шляпочное* знакомство (Там же, XV); *сигарочный* ящик (Там же, IV); *сигарочный* дым (С.-Щ., Губ. оч., Скука). Прилагательные этого рода вытеснялись обычно вариантными формами без элемента *-оч-* (*ватный*, *сигарный*, *шляпный* и под.). Образования с элементом *-оч-* сохранялись в тех случаях, когда наличие этого элемента было обусловлено морфонологически, например скоплением согласных в конце производящей основы (*карт-очный*, *муфт-очный*, *канв-очный*, *берд-очный* и под.).

История отглагольных прилагательных с суффиксом *-н-* и приставкой *не-*

§ 114. Особый словообразовательный тип составляли отглагольные прилагательные с суффиксом *-н-* и приставкой *не-*. Они могли производиться как присоединением приставки к бесприставочному прилагательному (*слышный — неслышный, годный — негодный*), так и комбинированным префиксально-суффиксальным способом. Вторым способом прилагательные образовывались только от основ глаголов — переходных и (реже) непереходых, преимущественно префиксальных. Так же, как и при образовании бесприставочных прилагательных с суффиксом *-н-*, конечный гласный основы в состав прилагательного не входил: *пробудить — непробудный, исцелить — неисцельный, избежать — неизбежный, отлететь — неотлетный*. Основным значением таких прилагательных было значение невозможности, неспособности подвергнуться действию или совершить его.

Структурные условия образования прилагательных этого типа в XIX в. не менялись. Для их развития в этот период были характерны семантические процессы: во-первых, общий для истории всех отглагольных прилагательных процесс ослабления процессуальных и развития качественных значений; во-вторых, процесс взаимодействия с близкими по значению отглагольными прилагательными с приставкой *не-* и суффиксом *-м-* (*-им-, -ем-*).

§ 115. Процесс ослабления глагольных значений у прилагательных с суффиксом *-н-* и приставкой *не-* обнаруживался в ряде явлений. Так же, как и бесприставочные отглагольные прилагательные с суффиксом *-н-*, эти прилагательные утрачивали тесную смысловую связь с глаголом, действенные значения (прежде всего активные). Их основным значением становится значение невозможности подвергнуться действию, представленное или переосмысленное как типический качественный признак. В связи с этим прилагательные утрачивают способность управлять зависимыми словами, вносящими указания ограничительного характера (*нераздельный с братом* капитал, *неудержимые теперь* слезы, *непроездная осенью* дорога и под.), и начинают употребляться абсолютивно, как чисто качественные определения.

Раньше всего, по-видимому уже к концу XVIII в., прилагательные с суффиксом *-н-* и приставкой *не-* утрачивают способность свободно сочетаться с беспредложным творит. пад. с субъектным значением. Случаи, подобные приводимому ниже, крайне редки: *неизбежное разумом человеческим* неблагополучие (Проект законов о правах..., VIII, III) [330].

---

[330] Такое употребление прилагательных встречается и позднее, однако, вероятно, уже не как нормативное, например в письме Н. В. Гоголя к матери: участь этих людей *мне не завидна* (3 июля 1830).

В первые десятилетия XIX в. у рассматриваемых прилагательных ослабевает способность предложного управления типа: сила беззаконная... ежечасно слабеет от *нераздельного с нею* страха (Карамз., И. Г. Р., VII, I).

Для более позднего времени характерно употребление прилагательного *нераздельный* без каких бы то ни было пояснений: женщина на бале составляет с своим нарядом нечто целое, *нераздельное* (Лерм., Кн. Л., IX); единое, целое, *нераздельное* существо (Вельтм., Саломея, 12, II).

Употребление прилагательного в сочетании с уточняющими его значение словами могло использоваться в намеренно архаизированной речи, например: солнцу, *в пути неистомному*, Гера, Противу воли его, в океан низойти повелела (Гнедич, цит. по Словарю 1847 г., II, 437).

Однако изучаемые прилагательные не утрачивают полностью, а лишь ослабляют способность управлять зависимыми словами. Случаи такого употребления, не имеющие характера архаичности, отмечаются на всем протяжении XIX в. и в современном языке:

Ничем неоплатная жертва (Бернет, Не судите по наружности, Москвит., 1851, № 1); *Ничем невозвратное* время (Репин, п. Т. Л. Толстой, 28 дек. 1887).

Прилагательные с суффиксом *-н-* и приставкой *не-* рано утрачивают активное значение невозможности совершения действия. Словари первой половины XIX в. отмечают еще прилагательные с этим значением. Например, в Словаре 1847 г.: «*неотходный*... 1) неотлучный, беспрестанно находящийся при ком- или при чем-либо»; «*неоплатный*... 1) не могущий уплатить долгов: *неоплатный* должник» и др.

Прилагательные с активным значением встречаются в первой половине XIX в. в стилистически ограниченном употреблении — преимущественно в поэтической речи:

Рассказы няни *неотлучной* (Шевырев, Четыре новоселья); забав их сторож *неотлучный* (Пушк., Бахч. фонт.); друг мой *неотлетный* (А. Одоевск., Последняя надежда); Как сияет нам она, Полуночников бессонных *Незакатная* [331] луна! (Вяземск., Две луны); в мерцании звезд *незакатных* (Лерм., М. А. Щербатовой); И обрекли его, в воинственной державе, Бессмертию веков и *незакатной* славе (Полеж., Венок на гроб Пушкина).

По-видимому, активное значение имело также прилагательное *невозвратный* («такой, который не возвращается, не может повернуть вспять»):

---

[331] Отглагольное прилагательное *незакатный* (т. е. «незакатывающийся») имеет сохранившийся в языке омоним(без приставки *не-*), произведенный от существительного *закат*, ср. *закатный свет*, *закатные лучи*.

Как *невозвратная* струя Блестит, бежит и исчезает (Пушк., Пока супруг тебя, красавицу младую...); время *невозвратно* (Пушк., К Галичу).

По всей вероятности, к середине XIX в. рассматриваемые прилагательные в целом как словообразовательный тип утрачивают активные значения, сохраняющиеся лишь у отдельных слов (*неотступный*, *неотлучный*, *неразлучный* и др.):

Пажи должны быть *неотлучны* при своих владычицах (Тург., Перв. любовь, XVII); *неотступная* мысль об ее смерти (Тург., Фауст, 9); *Неотступен* в своих требованиях (Черн., Дневн. ЛК); *неотступная*, ужасная полесская лихорадка (Купр., Олеся, IX).

Во второй половине XIX в. образование прилагательных с активным значением сохраняется лишь в высоких жанрах литературы, у авторов, связанных со старыми языковыми нормами; Затворен к истине веками тертый след И к вышним небесам молитва *недоходна* [332] (Шевырев, 19 февраля 1861).

§ 116. У прилагательных с пассивными значениями непосредственная смысловая связь с глаголом также ослабевает, но, повидимому несколько позже. Такие прилагательные в большинстве своем сохраняются в языке, но претерпевают семантические изменения: во многих из них значение невозможности подвергнуться действию переосмысливается в значение качественного признака. Так, у прилагательного *неприступный* на основе значения «такой, к которому нельзя приступить» развивается значение «гордый, надменный»; у прилагательного *ненаглядный* (первонач.: «такой, на которого нельзя наглядеться») — значение «дорогой, любимый»; у прилагательного *непробудный* (первонач.: «такой, которого нельзя пробудить») — значение «крепкий» (в сочетании со словом *сон*); у прилагательного *необъятный* (первонач. «такой, которого нельзя объять») — значение «большой, беспредельный»; у прилагательного *неизбежный* (первонач.: «такой, которого нельзя избежать») — значение «непременный, обязательный, обычный».

Прилагательные с пассивными значениями перестают свободно образовываться, а старые слова, не подвергшиеся качественному преобразованию, выходят из употребления. В первой половине XIX в., преимущественно в поэтической речи, такие прилагательные возникали еще довольно свободно:

Противников дерзких сражал *неответным* вопросом (А. А Дельв., Друзья); Об мой *несдержный* вал Конь подковою презренной В гордом беге не стучал (Шевырев, Тибр); *непроглядная* ночь (Некр., Огородник); Умственные способности его были так же *неразвязны*, как телесные (В. Одоевск., Свидетель); Мое мнение не есть строгий и *неотзовной* приговор (Вяземск., Замеч.

[332] Ср. отсубстантивный омоним — *недоходный* (завод, имение и пр.).

на «Краткое обозр. русск. лит-ры 1822 г...», Сев. архив, 1823, № 5).

Итак, в первой половине XIX в. прилагательные с суффиксом *-н-* и приставкой *не-* перестают свободно образовываться от глаголов для выражения значений невозможности подвергнуться действию или совершить действие. Они сохраняются как устойчивая группа слов и вновь образуются преимущественно в тех случаях, когда необходимо обозначить типический качественный признак.

§ 117. Второй процесс, характерный для истории отглагольных прилагательных с суффиксом *-н-* и приставкой *не-*,— взаимодействие с близкими им по значению прилагательными с приставкой *не-* и суффиксом *-м-* (*-им-*, *-ем-*)—был по существу частью первого, так как он направлялся общим процессом ослабления процессуальных и развития качественных значений у прилагательных с суффиксом *-н-*.

Прилагательные с отпричастным суффиксом *-м-* (*-им-*, *-ем-*) представляли собой сравнительно молодой словообразовательный тип, обнаруживающий большую продуктивность в изучаемое время в производстве прилагательных преимущественно от основ глаголов сов. вида на *-ить* [333].

В конце XVIII — нач. XIX в. в языке функционировало много однокоренных образований с суффиксом *-н-* и *-м-* (*-им-*, *-ем-*), такого рода, как: *неизмерный — неизмеримый*, *необорный — необоримый*, *неотвратный — неотвратимый*, *неисчетный — неисчислимый*, *непостижный — непостижимый*, *неисцельный —неисцелимый*, *непроходный — непроходимый*, *неудержный — неудержимый*, *непереносный — непереносимый*, *нераздельный — неразделимый*, *несовместный — несовместимый*, *неугасный — неугасимый*, *недвижный — недвижимый*, *неумолкный — неумолкаемый*, *неотменный — неотменяемый*; *неутешный — неутешимый*, *неизбежный — неизбежимый*, *невозвратный — невозвратимый*, *непробудный — непробудимый*, *ненасытный — ненасытимый*, *неизмен-*

[333] О прилагательных на *-мый* см.: В. Havránek. Příspěvek k tvoření slov ve spísovných jazycích slovanských (Adjektiva s významem lat. adjektiv na *-bilis*). «Slavia», 1929, roč. VII, seš. 4; Е. С. Истрина. Грамматические заметки. Причастия страдательные наст. вр. «Уч. зап. кафедры русск. языка ЛГПИ», т. XX, 1939, стр. 17—18; С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русск. глагола. М., 1953, стр. 200—201; В. Ф. Иванова. Отглагольные прилагательные с суффиксом *-м-* в совр. русск. лит. языке. Канд. дисс. Л., 1952; ее же. К вопросу о соотношении причастий и прилагательных в совр. русск. языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 180. Серия филол. наук, вып. 21. Исследования по грамматике, 1955; ее же. Словообразование и употребление отглагольных прилагательных с суффиксом *-м-*, имеющих значение возможности — невозможности действия (Прилагательные, образованные от переходных глаголов сов. вида). «Уч. зап. ЛГУ», № 235, Серия филол. наук, вып. 38, 1958; ее же. Отглагольные прилагательные с суффиксом *-м-*, имеющие значение возможности — невозможности действия (Прилагательные, образованные от переходных глаголов несов. вида). «Уч. зап. ЛГУ», № 277, Серия филол. наук, вып. 55, 1959. См. также названные выше диссертации Н. В. Костроминой и Чжао Юнь-чжуна.

ный — неизменимый. Ср. толкования таких прилагательных в словарях, например в Словаре 1847 г.: *неотъемный* — то же, что *неотъемлемый*; *нераздельный* — то же, что *неразделимый*; *неутешный* — то же, что *неутешимый*; *ненасытный* — то же, что *ненасытимый*; *непроходный* — то же, что *непроходимый*; *непостижный* — то же, что *непостижимый.*

Подобные прилагательные употреблялись как семантически и стилистически тождественные в однородных контекстах.

[К н я з ь] Старайся забыть то, что уже *невозвратимо* (Копиев, Обращ. мизантроп, II, 7); [К н я з ь] Потеря твоя *невозвратна* (Там же, II, 2); клад *невозвратимый* — честь дочери моей любимой (Пушк., Полтава, 2); Но взятый смертию вовек *невозвратим* (Гриб., Грузинская ночь); ср. наречие: Твой век младенческий, как день, Прошел, погас *невозвратимо* (В. Раевск., К дочери); *Невозвратны* только сердечные потери (Б-ка для чт., 1839, т. XXXVI, ч. 1); Вспомни о прошедшем, которое *невозвратно* (Жуковск., О путешествии в Малороссию. ЛК.); *невозвратное* время (Батюшк., Прогулка в Акад. художеств); Грусть, печаль *неудержимая* (Некр., Филантроп); *неудержная* воля человека (Отеч. зап., 1839, т. III); *неумолкаемый* гул (Полонск., На закате); *неумолкный* рассказ (Вяземск., Рейн); *неумолкная* пальба (Пушк., Ист. Пугач., 5). Ср. параллелизм наречий: *неумолкно* раздается добродушное ворчание (В. Соллог., Боржом); *неумолкаемо* жужжат (Никитин, Степн. дорога); *Недвижим* теплый воздух (Пушк., К. гость, II); *недвижимый* залив (Языков, Элегия); *Недвижны* сосны в своей нахмуренной красе (Пушк., Е. О., 5, XIII); слои *недвижного* пепла (В. Одоевск., Русск. ночи, Эпилог).

Особенно характерны случаи, когда оба прилагательных употреблены в одном предложении: Так дремлет *недвижим* корабль в *недвижной* влаге (Пушк., Осень); В переливающейся мгле Зачем сидишь ты *недвижима С недвижной* думой на челе? (Борат., Бал).

Сосуществование однокоренных прилагательных с суффиксами *-н-* и *-м-* в большинстве случаев заканчивалось утратой прилагательного с суффиксом *-н-*[334]. Так, из однокоренных образований *непостижный — непостижимый, непроходный — непроходимый* прилагательные с суффиксом *-н-* были менее употребительными и уже в начале изучаемого периода встречались преимущественно в стихотворной речи.

Непостижные дела (Лом., цит. по Сл. АР, V, 735); дух жизни *непостижной* (Радищ, Бова); Вечный бог для смертных

---

[334] В этом отношении показательны редакторские переделки текстов И. С. Тургенева— замена при переизданиях прилагательных на *-ный* прилагательными на *-мый*, см.: В. И. Ч е р н ы ш е в. Заметки о текстах и языке И. С. Тургенева. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», вып. 2, 1941, стр. 99.

непостижен (Шишк., Дм. Самозванец. ЛК); виденье, *непостижное* уму (Пушк., Жил на свете рыцарь бедный). Ср.: Я знал красавиц недоступных.., *непостижимых* для ума (Пушк., Е. О., 3, XXII); *непостижимая* женщина (Телеск., 1831, № 24); предчувствие, в ту пору *непостижимое* (Совр., 1847, т. III).

Где, леса, вы *непроходны*? (Сумарок, Дифирамб, 1); Вены засоряются, делаются *непроходными* (Я. Чаруковскиї, Кровообращение в чел. теле, Отеч. зап., 1839, т. VII). Ср.: Улица была *непроходима* от грязи (Булг., Ив. Выж., XXI); *непроходимый* лес моих горьких обстоятельств (Кольц., п. В. Ф. Одоевскому, 15 февр. 1839).

Ср. параллелизм сложных прилагательных: *удобно-проходимы* для крови (Я. Чаруковский, Кровообращение в чел. теле, Отеч. зап., 1839, т. VII); Вены... *удобопроходны* (Там же).

Характерно, что уже в Словаре 1847 г. многие прилагательные с суффиксом *-н-* определяются путем отсылки к прилагательному с суффиксом *-м-*. Это — дополнительное свидетельство большей употребительности уже в то время образований с суффиксом *-м-*. У некоторых пар слов, однако, параллельное функционирование длилось до конца XIX в. (*непереносный — непереносимый, недвижный — недвижимый, несовместный — несовместимый* и др.) и лишь позднее прилагательное с суффиксом *-н-* выходило из употребления. Любопытно, что прилагательные с суффиксом *-м-* вытесняли соответствующие образования с *-н-* даже в тех случаях, когда положение последних в языке XIX в. было очень прочным. Так, прилагательное *несовместный*, бывшее широко употребительным на протяжении всего XIX в. в разных сферах речи [335], позднее все-таки выходит из употребления [336].

Бóльшая устойчивость прилагательных с суффиксом *-м-* объясняется тем, что они, в силу причастного происхождения их суффикса, сохранили бóльшую близость к глаголу. Они свободнее, чем прилагательные на *-ный*, образуются для выражения разного рода процессуальных значений. Кроме того, в отдельных случаях вытеснению прилагательных с суффиксом *-н-* способствовала их омонимия с отсубстантивными прилагательными: *недоходный* («такої, который не может дойти») и *недоходный* (от *доход*). Образования с суффиксом *-м-*, действующим только в сфере отглагольных прилагательных, не могли иметь омонимов среди отсубстантивных прилагательных и своим морфемным составом четко обнаруживали связь с глаголом.

---

[335] Например: со смехом ужас *несовместен* (Пушк., Русл. и Людм., 3); быть дипломатом *несовместно*... с моими склонностями (Марл., Испытание, VI); Заносчивость *несовместна* с умением серьезно поддерживать свое достоинство (Доброл., Что такое обл.?); Ужели счастье *несовместно* с честною работой? (Эрт., Гард., 2, XIV).

[336] Прилагательное *несовместимый* впервые лексикографически зафиксировано в Словаре Даля.

В немногих случаях из двух дублетных образований более устойчивыми оказывались прилагательные с суффиксом *-н-*. Таковы были прилагательные *непробудный*, *ненасытный*, *неизбежный*, *неутешный*, употреблявшиеся в первой половине XIX в. наряду с однокоренными словами на *-мый*.

В *непробудном* оцепенении (Арх. Раевских. ЛК); *непробудный* сон (Козлов, Чернец, Х); ср.: прах *непробудимый* (Полеж., Венок на гроб Пушкина); *непробудимый* сон (Пушк., Посл. Дельвигу). Алчность... *ненасытная* (Болот., 2, 127); ср.: сердце человеческое *ненасытимо* (Карамз., Юлия); *ненасытимый* завоеватель (С. О., 1814, ч. II, № 1).

§ 118. Кроме отмеченной выше близости, между прилагательными с суффиксами *-н-* и *-м-* были и различия.

Прилагательные на *-мый*, по происхождению связанные с причастиями, были широко употребительными образованиями книжной литературной речи. Прилагательные с суффиксом *-н-*, вероятно, уже в первой трети XIX в. стали использоваться как стилистически окрашенное средство, преимущественно в поэзии, где, кроме того, они были удобным версификационным вариантом прилагательных на *-мый*.

Несется гром далекогласный По *неизмерным* небесам (Шевырев, Я есмь); *Неисчетны*... смертных племена (Хомяков, Старость); Силой *неудержною* влечет (Гриб., Отр. из Гёте); [песня] как лютая смерть *необорна* (А. К. Толст., Смерть, 25); Пламень ему от щита и шелома зажгла *неугасный* (Илиада, пер. Н. И. Гнедича, цит. по Сл. АН СССР, т. 7); ср. наречие: Ах, *неудержно* вперед, *неудержно* все дале и дале Мчится на всех парусах в синее море корабль! (А. Майк., Алексис и Дора). В поэзии и прозе, имитирующей «народную» речь:

Перешла так — сила русская Степь пустую, *непроходную* (Кольц., Русск. песня); В золотом венце красна девица Красоты *непостижной*, невиданной (Полонск., Пов. о Правде и Кривде); Пылают костры *неугасные* (Мей, Песня про боярина Евп. Коловрата); Бродит он по лесу дремучему, непроездному, *непроходному* (С. Акс., Аленьк. цв.).

Ослабление связи с глаголом у прилагательных на *-ный* и их взаимодействие с однокоренными образованиями на *-мый* приводило к утрате многих подобных прилагательных и к общему уменьшению их продуктивности. Но поскольку эта модель словообразования в целом не утратила продуктивность, в языке сохраняется возможность производства таких слов. В соответствии с тенденцией употребления этих прилагательных, наметившейся в XIX в., и в XX в. эта модель более свободно, чем в общелитературном языке, реализуется в художественной речи, преимущественно в поэтической. Вот несколько примеров из поэзии начала XX в.:

С одною думой *непостижной* Смотрю на твой спокойный лик (Блок, Прошли года — но ты все та же); Мчусь. *Неудержен*

бег коня (Блок, Мчусь); Мне кости леденит их пламень *неугасный* (Анненск., пер. стихотв. Леконта де Лиля «Призраки», 1); Имя твое — поцелуй в глаза, В нежную стужу *недвижных* век (М. Цветаева, Из цикла «Стихи к Блоку»). Ср. наречие: Рыдает тихо Незнакомка О сне, минувшем *неповторно* (С. Городецкий, Алекс. Блоку).

Другая сфера речи, которой свойственно более широкое, чем в общелитературном языке, употребление прилагательных рассматриваемого типа,— просторечие, живая непринужденная речь.

Итак, несмотря на различия в истории разных семантических групп отглагольных прилагательных с суффиксом *-н-*, общим в их судьбе было то, что продуктивность их ограничивалась, но не утрачивалась совсем: сохраняется потенциальная возможность реализации модели, осуществляемая в художественной речи, преимущественно поэтической, шире, чем в других сферах литературного языка.

Подобно другим типам отглагольных прилагательных, прилагательные на *-ный* утрачивали семантическую и синтаксическую близость глаголу. На протяжении XIX в. устраняются пережитки их близости к спрягаемым формам глагола и причастиям.

В целом же отглагольные образования с суффиксом *-н-* так же, как и отыменные, сохраняют в XIX в. многообразие значений и продуктивность, являясь одним из самых емких лексически и многофункциональных словообразовательных типов прилагательных.

Выводы

Для истории разных типов производных прилагательных — как отсубстантивных, так и отглагольных — было очень существенно взаимодействие с формами производящего слова: косвенными падежами существительных (для первых), причастиями (для вторых). На протяжении XIX в. отглагольные прилагательные теряли последние остатки функционально-семантической близости к причастиям, бывшей в ранние периоды истории языка очень значительной: они утрачивали процессуальные значения, непосредственно основывающиеся на значениях глагола, и управление, аналогичное глагольному. В связи с этим происходил лексический отбор прилагательных: из употребления уходило значительное число образований, не обладающих специфическими «адъективными» значениями, и соответственно уменьшалась продуктивность многих словообразовательных моделей с суффиксами *-н-*, *-л-*, *-чив-*. Эти изменения не были только количественными, менялась сама природа отглагольных прилагательных. Они перестают быть образованиями, близкими формам глагола семантически, синтаксически и по регулярности производства.

www.ruslang.ru

Этот процесс был своеобразным проявлением общего процесса развития категории качества, которое объединяет историю всех типов прилагательных в XIX в.

В истории прилагательных, формируемых суффиксами, сочетающимися как с именными, так и с глагольными основами, были своеобразные черты. Их развитие осложняло взаимодействие с отсубстантивными образованиями, включающими тот же суффикс. Как правило, подобное взаимодействие приводило к затуханию продуктивности данного форманта в том или ином круге основ (*-лив-* — в именных, *-ист-* и *-чат-* — в глагольных).

ПРЕФИКСАЛЬНО-СУФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 119. Прилагательные, включающие в свой состав приставки, составляют два разряда, различающиеся как способом образования, так и рядом других черт: это прилагательные, образуемые префиксально-суффиксальным способом на основе сочетаний существительных с предлогами (*на столе — настольный*, *при дороге — придорожный*), и прилагательные, образуемые присоединением приставки к другому прилагательному (*превеселый*, *разлюбезный*, *архиглупый*).

Различия между этими двумя разрядами, определяющие и различия в их истории, состоят в следующем. 1) Прилагательные с приставками предложного происхождения образуются или на основе предложно-падежных сочетаний, или от отсубстантивных относительных прилагательных. Основы непроизводных прилагательных в их образовании не участвуют. В производстве собственно приставочных прилагательных используются основы как производных, так и непроизводных прилагательных (отсубстантивных и отглагольных), но только имеющих качественные значения. 2) Приставки, образующие прилагательные чисто префиксальным способом (*пре-*, *раз-*, *не-*, а также иноязычные по происхождению *ультра-*, *архи-*, *анти-*) не бывают многозначными, их отличительная черта — универсализм, участие в словообразовании разных частей речи с сохранением при этом единого значения. Приставки предложного происхождения (среди которых нет заимствованных) могут быть полисемичными. 3) Различен и характер значения производных прилагательных: приставки предложного происхождения придают прилагательным разного рода обстоятельственные значения, чаще всего пространственные и временны́е; прилагательным, производимым префиксальным путем, приставки придают преимущественно значения меры, степени или отрицания качества; прилагательные с приставками предложного происхождения соотносительны по значению с пред-

ложно-падежными конструкциями (*заоблачный — за облаком*); чисто префиксальные прилагательные соотносительны по значению с суффиксальными прилагательными, так называемыми формами субъективной оценки (*преумный — умнющий*) и с сочетаниями качественных прилагательных с наречиями меры и степени (*прескверный — очень скверный*) [337]. 4) Все предыдущее определяет и последнее общее различие рассматриваемых прилагательных: префиксальные прилагательные относятся почти исключительно к разряду качественных; многие из них наделены разного рода эмоционально-экспрессивными оттенками; прилагательные с приставками предложного происхождения принадлежат к разряду относительных, им не свойственны эмоционально-экспрессивные оттенки (за исключением прилагательных с приставкой *около-* типа *окололитературный*, см. § 145); они нейтральны по своей стилистической окраске, значительная часть их относится к терминологической лексике.

§ 120. В литературном языке XIX в. имена прилагательные производились на основе конструкции со следующими предлогами, преобразуемыми в составе прилагательных в приставки [338]: *без*, *вне*, *внутри*, *до*, *за*, *между* (*меж*), *на*, *над*, *после*, *при*, *около*, *от*, *по*, *пред* (*перед*), *под*, *против* (*противу*), *сверх*, *среди*, *чрез* (*через*), а также со сложной приставкой *небез-*, образованной из соединения предлога *без* с отрицательной частицей *не*; таким образом, в это время система приставочно-суффиксального словообразования прилагательных была уже разветвленной.

Среди словообразовательных типов с перечисленными выше приставками были древние, фиксируемые с XII—XIV вв. (с приставками *без-*, *за-*, *по-*, *под-*, *на-*), более поздние, активно развивающиеся (с приставками *при-* — с XIV в., *над-* — с XVII в.)[339], и, наконец, такие, которые только начали складываться в XVIII—XIX вв. (с приставками *противо-* [*противу-*], *сверх-*, *пред-* [*перед-*],

---

[337] Отадъективные суффиксальные и префиксальные прилагательные, объединяемые общим значением безотносительного обозначения степени качества, рассматриваются нами в статье «История прилагательных, обозначающих степень признака в русск. лит. языке нового времени» (печатается—*Е. З.*)

[338] Современные словари и грамматики проявляют большую непоследовательность, относя одни типы таких прилагательных к приставочно-суффиксальным, а другие — к сложным словам. Одинаковость способа образования, использование в качестве производящих основ аналогичных элементов (падежных форм существительных в сочетании с предлогами), семантическая соотносительность прилагательных с различными приставками (ср. *о к о л о сердечный*, *п о дсердечный*, *н а дсердечный*; *в н у т р иведомственный*, *м е жведомственный*) объединяют все подобные образования в единую словообразовательную категорию.

[339] См.: Г. М. М а к е е в а. Приставочно-суффиксальное словообразование прилагательных. Канд. дисс. М., 1954.

небез-, *до-*[340], *после-*, *между-* [*меж-*], *внутри-*, *среди-*, *около-*, *вне-*, *от-*, *чрез-* [*через-*]). Таким образом, в XVIII—XIX вв. резко увеличивается число предлогов, на основе сочетания с которыми могут образовываться прилагательные, причем значительную часть их составляют наречные предлоги.

Древние типы префиксально-суффиксальных прилагательных, образованные с помощью первообразных многозначных предлогов, выражали самые основные, так сказать «первоочередные» виды отношений, преимущественно пространственные. Многозначные предлоги, преобразуемые в составе прилагательных в приставки, сохраняли обычно несколько значений, хотя, как известно, предлоги, входя в состав прилагательных, имеют гораздо менее разнообразные значения, чем в сочетаниях с формами косвенных падежей существительных [341]. Кроме того,—в соответствии с разнообразием значений предлога в свободном употреблении—приставки в прилагательных могли иметь отдельные значения, обнаруживающиеся в составе единичных образований (*полюбовное* решение — *по любви*, *посильная* работа — *по силам*, *насуточная* пища — *на сутки* и т. п.). Подобные прилагательные, соотносительные с предложно-падежными конструкциями обстоятельственного характера, не образовывали продуктивных, единых и четких в семантическом отношении и обширных по охвату лексического материала словообразовательных типов. Это объясняется тем, что производящие предложные сочетания сами не составляли регулярных открытых рядов и не могли служить базой для создания продуктивных словообразовательных типов с единообразным соотношением частей производных слов.

Что касается новых словообразовательных типов, то они выражали более детализированные виды отношений, не только пространственные, но и временны́е и некоторые другие. Для них не была характерна разветвленность значений приставок.

История прилагательных с отпредложными приставками, так же как и история других словообразовательных типов прилагательных, в значительной степени определялась историей образований с синонимичными формантами, в том числе и такими, которые производили прилагательные чисто префиксальным способом и не были по происхождению связаны с предогами. В такие соотношения вступали прилагательные с приставками *без-* и *не-*, *противо-* (*противу-*) и *анти-*, например: *беспритязательный и непритязательный, бесцеремонный и нецеремонный, противонародный и антинародный, противотуберкулезный и антитуберкулезный.*

---

[340] Г. М. Макеева относит прилагательные с приставкой *до-* (*довольный*) к словообразовательным типам, развивающимся с XVII в. Однако, по-видимому, слово *довольный* было единичным образованием, деэтимологизировавшимся уже в древнерусском языке.

[341] См.: А. А. Потебня. Из зап., т. IV, стр. 252—286.

Соотношение прилагательных с приставками предложного происхождения и предложных конструкций, на основе которых они образуются

§ 121. Развитие прилагательных с приставками предложного происхождения проходило во взаимодействии с предложными сочетаниями, на основе которых они создавались. Прилагательные принимали на себя выражение части тех значений, которые ранее выражались сочетаниями существительных с предлогами, оттесняя соотносительные предложные конструкции с занимаемых ими позиций. Это касается прежде всего прилагательных терминологического характера, так как между ними и предложными конструкциями параллелизм значения был особенно ярок (значение подобных прилагательных обычно строго соответствовало составу слова, и им было не свойственно развивать вторичные дополнительные значения).

Взаимодействие отсубстантивных прилагательных и падежных форм существительных, на основе которых они образовывались, характерное для всех типов отсубстантивных прилагательных, не всегда приводило к укреплению позиций прилагательных и ослаблению положения, занимаемого соответствующими формами существительных. Так, многие бесприставочные отсубстантивные прилагательные, не развившие качественных значений, были вытеснены из употребления соотносительными формами косвенных падежей существительных (уходят, например, такие сочетания слов, как *каретный стук* — ср. *стук кареты*, *евангельское чтение* — ср. *чтение евангелия* и под.) [342].

Активность прилагательных с приставками предложного происхождения объясняется, по-видимому, рядом причин: в отличие от многих отсубстантивных бесприставочных прилагательных, им была свойственна четкость, дифференцированность значения; краткость делала их удобным, конструктивно более выгодным средством выражения, чем соответствующие предложно-падежные сочетания. С другой стороны, префиксальные прилагательные отличались емкостью и обобщенностью значений: хотя их значения и основывались на значениях соответствующих предложных конструкций, они обычно полностью с ним не совпадали (исключение составляют лишь терминологические образования). Так, сочетание *лампа на столе* означает не то же самое, что *настольная лампа*. В первом случае обозначается только местонахождение предмета, тогда как прилагательное *настольный* обозначает типичное местонахождение («предназначенный для того, чтобы стоять на столе») и также — шире — сорт, вид предмета

[342] См. об этом: В. А. Белошапкова и Е. А. Земская. Из истории функционирования отсубстантивных прилагательных в составе именных сочетаний слов. «Мат-лы и исслед. по истории русск. лит. языка», т. V. М., 1962.

(ср. *настольная лампа* стояла на окне). Таким образом, значение приставочных прилагательных содержало элемент обобщения: они обозначали не только конкретные обстоятельственные признаки предмета (как соответствующие предложные конструкции), но и иные, дополнительные, более отвлеченные, иногда качественные признаки. Эти разные значения, наслаиваясь друг на друга, могли совмещаться в пределах одного слова (например: *заоблачный* — «находящийся за облаками» и «оторванный от практической жизни, нереальный»; *загробная жизнь* — это не только «жизнь за гробом», но жизнь таинственная, мрачная). В результате сочетания изучаемых прилагательных с существительными обладали специфической семантической целостностью, не свойственной сочетаниям с соответствующим предложно-падежными конструкциями, и служили обобщенными названиями разновидностей предметов и явлений действительности [343].

Рост префиксально-суффиксальных прилагательных как особого разряда слов — одна из форм конкретного появления того общего развития категории качества, которое было характерно для русского литературного языка XIX в. (ср., например, в этот период интенсивное развитие переносных оценочных значений у многих имен существительных, широкое развитие качественных значений у относительных прилагательных, активный процесс адъективации причастий).

История словообразовательных типов, сложившихся в древнерусском языке

§ 122. В истории разных типов прилагательных, сложившихся в древнерусском языке, было много общего: их объединял характерный для всей системы словообразования XIX в. процесс «свертывания» многозначности словообразовательных формантов. В соответствии с тенденцией к устранению такой полисемии словообразовательных морфем, при которой отсутствовал общий «инвариантный» стержень, объединяющий и скрепляющий различные значения, утрачивали продуктивность многие словообразовательные типы прилагательных с древними многозначными приставками предложного происхождения. Часть этих типов вытеснялась из языка, заменяясь прилагательными с другими приставками [344], часть уходила из языка, несмотря на то, что их значения не переходили к прилагательным с другими приставками. Это объясняется тем, что подобные прилагательные не образовывали продуктивных словообразовательных типов, характеризуе-

---

[343] См.: В. М. Павлов. О разрядах имен прилагательных в русском языке.—ВЯ, 1960, № 2, стр. 68.

[344] См. об этом в разделе «История словообразовательных типов, складывающихся в XVIII—XIX вв.».

мых единообразным, стандартным соотношением с порождающими их сочетаниями. Вследствие этого за прилагательными с древнейшими приставками предложного происхождения сохранялось выражение одного или нескольких внутренне объединенных значений, в передаче которых они сохраняли устойчивую продуктивность на всем протяжении XIX в. и до наших дней.

История прилагательных с приставкой *без-* в их взаимодействии с прилагательными с приставкой *не-*

§ 123. Во второй половине XVIII и в XIX в. развитие прилагательных с приставками *без-* и *не-* протекало в тесном взаимодействии, так как они были очень близки, а нередко и тождественны семантически: первые обозначали свойства по признаку лишения чего-либо, вторые — по признаку отсутствия чего-либо (ср. *безвкусный* и *невкусный*, *бесшумный* и *нешумный* и др.).

Прилагательные с приставкой *без-* могли производиться тремя способами: префиксально-бессуффиксным — на основе сочетаний существительного с предлогом *без*, путем присоединения к основе существительного флексии прилагательного *-ый*, *-ий*: *без головы — безголовый*, *без рук — безрукий*; префиксально-суффиксальным — на основе сочетания существительного с предлогом *без* с использованием самого универсального суффикса прилагательных *-н*: *без детей — бездетный*, *без радости — безрадостный*; чисто префиксальным — путем присоединения приставки непосредственно к бесприставочному прилагательному: *разборчивый — безразборчивый*, *доказательный — бездоказательный*, *расчетливый — безрасчетливый*.

Первый тип словообразования стоял особняком и имел свою судьбу. Это объяснялось не только спецификой способа словопроизводства, но преимущественно тем, что базу для него составлял обособленный лексически ограниченный разряд слов — имена существительные, называющие части тела, организма человека или животного. Второй и третий типы перекрещивались, объединялись и взаимодействовали, ибо и те, и другие имели в качестве производящих аналогичные по значению и структуре основы имен существительных. Кроме того, прилагательные, производимые непосредственной префиксацией, как правило, семантически соотносились с сочетаниями с родит. пад. с предлогом *без* (*безапелляционный — без апелляции*, *безлепестковый — без лепестков*, *бессомнительный — без сомнения*), что еще больше сближало их с прилагательными, производимыми префиксально-суффиксальным способом.

История бессуффиксных прилагательных с приставкой *без-*

§ 124. Рассматриваемый тип прилагательных возник на ранних этапах истории русского языка [345] и к началу изучаемого периода представлял собой словообразовательный тип, продуктивность которого ограничивалась замкнутостью разряда производящих слов, т. е. причинами лексико-семантического, а не структурно-словообразовательного характера. В кругу существительных, называющих части тела, организма человека или животного, активность этого типа словопроизводства была ничем не ограниченной [346]. Образования этого рода примыкают к сложным словам с бессуффиксной второй частью, т. е. приставка *без-* ведет себя как первая часть сложного слова: ср. *безбровый*, *чернобровый* и *надбровный*; *безглазый*, *синеглазый* и *межглазный*.

Наиболее существенным для истории рассматриваемых прилагательных в XVIII—XIX вв. был процесс взаимодействия между однокоренными суффиксальными и бессуффиксными прилагательными типа *бескрылый* и *бескрыльный*, *бесхвостый* и *бесхвостный*,*бешерстый* и *бешерстный*. Суффиксальные образования, будучи более поздними, не были более устойчивыми, чем бессуффиксные. Обычно побеждало бессуффиксное прилагательное, соответствующее общей структуре словообразовательного типа. Суффиксальное образование сохраняется в языке лишь в тех случаях, когда оно отличается по значению от бессуффиксного (ср. *безликий* и *безличный*)[347] или является структурно более четким. Ср. *бессердый* (производящее существительное утрачено) и *бессердечный* (четко соотносительные с сочетанием *без сердца*), употреблявшиеся в языке XIX в. как тождественные по значению.

[345] С. П. Обнорский считает этот словообразовательный тип самым старшим среди имен прилагательных с приставкой *без-*. По его мнению, бессуффиксная модель словообразования действовала первоначально в кругу старых основ на **-о*. Следы этого периода сохранились в виде отдельных бессуффиксных прилагательных: *бесполый*, *бескорый*, *безосый*, *бесстыжий*, а также фиксируемых в XIX в.*беспрокий*—«не имеющий проку»(Сл. АР, СЛ. 1847 г.); *безрезый*—«не имеющий нарезок» (Сл. 1847 г.); *бестяглый* (и *бестяглольный*) — «не носящий тягла» (Сл. 1847 г.); см.: С. П. Обнорский. Префикс *без-* в русск. языке. — Избр. работы по русск. языку. М., 1960, стр. 197.

[346] Не прав, на наш взгляд, С. П. Обнорский (см. указ. соч., стр. 196), считавший эту модель в современном русском языке непродуктивной. Изменились условия ее действия: они регулируются значением производящих основ, а не их структурой, но в пределах этих ограничений данная модель характеризуется однотипностью отношений между производящими и производными основами, что делает ее продуктивной в синхронном плане (см.: Русский язык и советское общество. Проспект, стр. 35—36). Дополнительное доказательство этого — стойкость рассматриваемых образований в конкуренции с однокоренными суффиксальными прилагательными.

[347] Так, например, в Словаре Ушакова прилагательное *бесхвостный* (отмечаемое словарями XIX в. как дублет к слову *бесхвостый*) снабжается пометой «нов. вузовск. арго» и толкованием: «Без хвоста или хвостов. *Бесхвостные* переходы на следующие курсы».

История суффиксальных прилагательных с приставкой *без-*

Производство прилагательных с приставкой *без-* префиксально-суффиксальным способом

§ 125. Во второй половине XVIII — нач. XIX в. производство прилагательных с помощью суффикса *-н-* на основе сочетаний предлога *без* с существительным было неограниченно продуктивным. Таким способом производились имена прилагательные из сочетаний с существительными различной семантики: обозначающими конкретный предмет, абстрактное понятие и живое существо (последние в силу специфики значения соответствующих сочетаний слов очень немногочисленны: *бездетный*, *безбожный*, *безлошадный*, *бесконный*, *безлюдный*, *бесчадный*) [348]. Этот способ словообразования был продуктивен на протяжении всего изучаемого периода. Ср., с одной стороны, такие устоявшиеся лексемы, как *безводный*, *безветренный*, *бесплатный*, *беспечальный*, *безрадостный* и т. д., с другой стороны — образования непрочные, свободно возникающие в разных стилях речи и являющиеся прямой реализацией модели:

Люди совсем *безодежные* (ПСЗ, 1784, т. XXII, § 15976); *безъездное* житье в Москве (И. В. Лопухин, п. А. М. Кутузову, 18 ноября 1790); *бесстопная* речь (Радищ., Путеш., Черн. Грязь, Сл. о Лом.); *безэфесный* тесак (Нарежн., Росс. Жилбл., 1, V); Все эти дни я ничего не пил за обедом... Надеюсь, что эти *безвлажные*, *беспитейные* обеды надбавят мне несколько лишних месяцев в жизни (Вяземск., Ст. зап. кн., 8); Обедню отслушал в *беспредельном* Петре I [т. е. в соборе св. Петра без придела] (Гоголь, п. А. С. Данилевскому, апр. 1837); Не могу еще привыкнуть к *бесказематной* жизни (И. Пущин, п. Е. П. Оболенскому, 17 авг. 1839); балы... с *безвинным* ужином, т. е. почти без вина (Сверб., Зап., I); *беспастушное* стадо (Чех., п. М. О. Меньшикову, 28 янв. 1900); сухие *бездождные* тучи (Сераф., Город в степи, I).

Особенно многочисленны образования этого рода в поэзии:

Когда ж пора придет, и розы красоты... Погибнут, отвечай: к чему прибегнешь ты, К чему, *бесчарная* Цирцея? (Борат., Делии); Я... не вместе с буйным хором *Бескнижной* сволочи пою (Языков, Гр. Д. И. Хвостову); А ты, страдалец скуки томной..., Как я свободно *бездипломный!* (Языков, Отъезд); Тогда Дамаянти Их во мгновенье узнала по... Лицам *беспотным...*, *бестенному* телу (Жуковск., Наль и Дамаянти, 2, II); Чтоб не был Там неоплаканный я и *безгробный* оставлен (Одиссея, пер. Жуковск., XI); *Бескаретные* ходят пешком

---

[348] Ср. поздние образования терминологического характера.: *безагентный*, *безадвокатный*.

(Некр., О погоде, 2, I); И не будет на свете ни слез, ни вражды, Ни *бескрестных* могил, ни рабов (Надсон, Друг мой, брат мой, усталый страдающий брат...).

Подобные прилагательные характеризуются семантической соотносительностью не с бесприставочным прилагательным (при его наличии), а с сочетанием предлога *без* с соответствующим существительным. Знаменательно, что многим прилагательным этого типа семантически противопоставляются бесприставочные прилагательные с иными суффиксами, обозначающие «наделенный чем-либо», «имеющий что-либо». Это ясно свидетельствует о том, что прилагательные с приставкой *без-* и суффиксом *-н-* образуются на основе сочетаний существительных с предлогом, а не от бесприставочных прилагательных. Ср. *бездарный* (*без дара*) и *даровитый*; *безродный* (*без рода*) и *родовитый*; *бесчувственный* (*без чувств*) и *чувствительный*; *бесталантный* (*без таланта*) и *талантливый* [349]; *бестактный* (*без такта*) и *тактичный*; *безазотный* (*без азота*) и *азотистый* [350].

Изменение способа образования прилагательных с приставкой *без-*

Производство прилагательных с приставкой *без-* префиксальным способом

§ 126. В связи с общей активизацией префиксального способа словообразования в системе имен и появившейся у ряда приставок предложного происхождения способности участвовать в чисто префиксальном способе словопроизводства, меняется и роль приставки *без-* в словообразовательном процессе. Усиливается ее исконная способность присоединяться непосредственно к прилагательным и выступать не как дополнительный, а как единственный словообразующий формант [351].

Среди образований с приставкой *без-*, произведенных чисто префиксальным способом, различаются два слоя: старые образования, семантически близкие прилагательным с приставкой *не-* [352], не связанные по значению с конструкциями с предлогом *без*, и новые образования, по большей части семантически соотносительные с предложными конструкциями, но в которых используется не модель *без-... -н-ый*, а имеющееся в языке готовое прилага-

---

[349] Например: Самолюбие... в людях *талантливых* так же извинительно, как в *бесталанных* смешно и даже гадко (Жих., Зап. совр., II, 14—20 апр. 1807); *Бесталантные* писатели научились от него... благородству слога (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.).

[350] Например: Для этого-то он и кормил уток веществами... как азотистыми, так и *безазотными* (Совр., 1847, т. VI).

[351] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 201—202.

[352] Там же.

тельное с данной основой (сравн. аналогичное явление в производстве прилагательных с другими приставками: *после революции — послереволюционный*, *меж ворсинками — межворсинчатый* и под.[353] см. § 145). В литературном языке XVIII—XIX в. функционируют префиксальные прилагательные с приставкой *без-* и того, и другого типа; общее число их очень невелико, и наряду с ними обычно имеются или односуффиксные образования с приставкой *не-*, или прилагательные типа *без-... -н-ый*:

б е з-... -о в - ы й: *бестолковый*, *беструдовой*, *безлепестковый* и *безлепестный*, *безверховой*;

б е з-... -о в н - ы й: *бесчиновный* и *бесчинный* [354], *бездомовный* и *бездомный*, *безвиновный* (Сл. АР) и *безвинный*, *бессыновный*;

б е з-... -л и в - ы й: *беззаботливый* (Сл. АР, Сл. 1847 г.) и *беззаботный* [355], *безотчетливый* и *безотчетный* [356], *безрасчетливый*[357], ср. *нерасчетливый*;

б е з-...-ч и в - ы й: *безотвязчивый* и *безотвязный* (Сл. 1847 г.), *безобидчивый* [358], *безразборчивый* [359] (Сл. 1847 г.), ср. *необидчивый*, *неразборчивый*;

б е з-... -я н - ы й: *безыкряный*;

б е з-... -е н н - ы й: *безгосударственный* [360];

б е з-... -(и)о н н - н ы й: *безапелляционный*.

Многие из прилагательных, произведенных префиксальным способом, оказываются неустойчивыми и вытесняются дублетными прилагательными с суффиксом *-н-* или прилагательными с приставкой *не-* (последнее касается прежде всего прилагательных с глагольными корнями). Образования с иными суффиксами удерживаются преимущественно в тех случаях, когда структура производящего имени не допускает соединения с суффиксом *-н-* или когда в результате присоединения этого суффикса создаются омо-

---

[353] Этот тип образований развивается, по-видимому, не ранее XVIII—XIX вв. Так, в южновеликорусских памятниках XVIII в. отмечено лишь два прилагательных с приставкой *без-* и суффиксами иными, чем *-н-*: *безверховой* и *безверховат* (см.: А. К. С о к о л о в а. Префиксальное и префиксально-суффиксальное образование прилагательных. «Труды Воронежского гос. ун-та», т. 63, 1961).

[354] [П р и к а з ч и к] И ты передо мной еще *бесчинен* (т. е. без чина.— *Е. З.*). Заставлю я тебя учтивым быть (Княжн., Несч. от кареты, I, 7); Он беден, *бесчиновен*, незнатен (Клушин, Несч. М-в).

[355] *Беззаботливая* юность (Радищ., Житие Уш.); Я, *беззаботливый* душою, Вострепещу ль перед судьбою? (Борат., Финляндия); *беззаботные* друзья (А. А. Дельв., Романс): *беззаботная* жизнь (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.).

[356] Летопись *безотчетливой* ненависти (Б-ка для чт., 1834, т. VII, ч. 1); *безотчетная* радость (Станюк., Вокр. света на «Корш.», 1, 8, II).

[357] Был в употреблении [денег] *безрасчетлив* (Леск., Дама и фефёла, II).

[358] Добр, чувствителен и *безобидчив* (Жих., Воспом. ст. театр., III); *безобидчив*, не злопамятен (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.).

[359] *Безразборчивая* защита (В. Е., 1890, сент.).

[360] Можно ли говорить о скорой неминуемости *безгосударственного* устройства (Герц., К стар. товарищу, 3).

нимические совпадения (ср. невозможность произвести прилагательные с суффиксом *-н-* от существительных типа *толк*, *апелляция* и под.). Нестойкости образований, произведенных чисто префиксальным способом, способствовало то обстоятельство, что в большинстве своем они семантически были соотнесены с предложными сочетаниями, а не с бесприставочными прилагательными. Так, *безлепестковый* соотносится не с *лепестковый*, а с *без лепестков*, *бессыновный* — с *без сына* (или *без сыновей*)[361], а не с *сыновный*, *беззаботливый* — с *без забот*, а не с *заботливый*. Лишь немногие из подобных прилагательных семантически соотносились с беспрефиксными прилагательными; ср. *бестолковый* и *толковый* (о человеке). Однако и подобные образования в других контекстах могли быть связаны с предложно-падежными конструкциями. Например: *бестолковая* ругань [т. е. *без толку*] (Дост., Зап. из М. дома, 1, X); Благодаря *бестолковому* направлению русский ребенок вырос французиком (В. Соллог., Тарантас, XVI).

Свободнее всего приставка *без-* присоединялась к прилагательным с суффиксом *-тельн-*. Образования этого рода активно развивались. Они отмечаются с середины XVIII в. Многие из них возникают первоначально, по-видимому, как синонимы к прилагательным с приставкой *не-*: *бесподозрительная* притягательная сила (Лом., Рассужд. о твердости и жидкости тел, 4): скорейший и *беззатруднительный* счет (ПСЗ, 1784, т. XXII, § 15957); *беззамедлительное* уведомление (Там же, § 15981).

Вот несколько прилагательных, впервые отмеченных в Словаре 1847 г. (в Словаре АР прилагательные с приставкой *без-* и суффиксом *-тельн-* отсутствуют): *безупустительный*, *безыстязательный*, *безотрицательный*, *бездоказательный*, *безотлагательный* (и *безотложный*), *безотносительный*. К новообразованиям XIX в. относятся, вероятно, также не отмеченные в Словаре 1847 г. *бессознательный* (встречается у Вяземского, В. Одоевского, Герцена и др.), *безуповательный*, *беспритязательный* (Москвит., 1851), *безосновательный* (у Петрашевского, Милютина), *беспоследовательный* (Б-ка для чт., 1839, т. XXXVI, ч. 1); *бессострадательный* (у Вяземского).

Однако и среди прилагательных типа *без-... -тельн-ый* не все оказывались устойчивыми. Часть этих прилагательных вытесняется тождественными по значению образованиями с приставкой *не-* (*безосновательный*, *беспоследовательный*, *бессострадательный* и др.) и прилагательными типа *без-... -н-ый* (ср. *безрассудительный* — *безрассудный*, *бесчувствительный* — *бесчувственный*).

Таким образом, в языке XIX в. процесс изменения способа образования прилагательных с приставкой *без-*, т. е. превращение этой модели в чисто префиксальную, протекал неактивно;

---

[361] Имущество смерда, умиравшего *безсыновным* (Ключевск., Ист. сосл. в Р., VI).

он сдерживался большой продуктивностью модели *без-... -н-ый* [362].

Случаи употребления подобных прилагательных на *-тельный* редки.

Безчувствительный человек (Нарежн., Росс. Жилбл., 5, IV); *безрассудительное* хотение (Гоголь, п. П. П. Косяровскому, 8 сент. 1828); человек самый *беспретендательный* (Леск., Островитяне, 5).

Производство прилагательных с приставкой *без-* префиксально-суффиксальным способом от основ глагола

§ 127. По всей вероятности, не ранее XVIII в. формируется новая модель производства прилагательных с приставкой *без-*: префиксально-суффиксальным способом от основ глаголов (*безоглядный*, *беспритворный* и под.). Созданию этой модели способствовали два обстоятельства: отмеченная выше общая активизация аффикса *без-* и наличие в языке продуктивных типов отглагольных прилагательных, производимых с помощью приставки *не-* и аффикса *-н-*, обычно синонимичных однокоренным прилагательным с приставкой *без-* (типа *безотвязный* и *неотвязный*), а также прилагательных с приставкой *без-* и суффиксом *-н-*, производимых от глагольно-именных основ (*беспросыпный*, *безудержный* и под.). Образования типа *неотвязный* служили структурным и семантическим образцом для собственно отглагольных прилагательных с приставкой *без-*; с образованиями типа *беспросыпный* эти последние объединялись семантической близостью, характерной вообще для прилагательных, произведенных от глагольных и глагольно-именных основ (см. «История отглагольных прилагательных...», § 114).

Отглагольные прилагательные встречаются в текстах XVIII в.

Нищих в Саксонии пропасть и самые *безотвязные* (Фонв., п. родным, 29 авг. (8 сент.) 1784); Команда была при селе *безотлучна* (Держ., п. В. Е. Тишину и Ф. Шишковскому, 14 июля 1774); Ты последние часы был при нем *безотлучен* (Радищ., Житие Уш., I); Не смели ничего предпринять худого и *безрассудного* (Болот., 1, 12).

[362] Отдельные образования с приставкой *без-* от непроизводных прилагательных, отмечаемые в языке XVIII—XIX вв. (например, в «Сатирическом вестнике» Страхова: «благополучие *беспышной* их жизни»), явно противоречат нормам литературного словообразования и не приживаются в языке. В современном языке группа образований с приставкой *без-*, производимых чистой префиксацией, пополняется преимущественно терминологической лексикой: *бесчеренковый*, *бесцветковый*, *безусиковый*, *бесприznаковый*, *бесплановый*, *безуглеводистый*, *безуглеродистый*, *бессосудистый* и под. Характеристику этого способа словопроизводства в современном языке см.: Е. А. Голушкова. К вопросу о способах префиксального словообразования прилагательных в русск. языке. «Уч. зап. Пермского гос. пед. ин-та», 1960, вып. 25.

Прилагательные этого типа представлены и в словарях. В Словаре АР: *беззаступный*, *безотвязный* (и *неотвязный*); *безотлучный*, *безрассудный*, *безутешный* (и *неутешный*). В Словаре 1847 г.: *беззакрытный*, *беззакрепный*, *беспробудный*, *беспрогульный*.

Рассматриваемая модель обнаруживает известную продуктивность на протяжении всего XIX в.:

Судьба *бесщадная* [363] разит (Шевырев, Я есмь); *беспритворное* чувство отчаяния (ср. *непритворный*) (Моск. набл., 1837, март, кн. 1); царство мух и мошек невидимых и *бесслышных* (ср. *неслышный*) (Вяземск., Ст. зап. кн., 14); *безоглядное* увлечение (Совр., 1847, т. III, № 5); *безотлучный* надзор (Марл., Испытание, VI).

Активность действия этой модели была небольшой, так как соответствующие прилагательные были близки по значению прилагательным с приставкой *не-*, относящимся к более продуктивному типу словообразования.

Ср. с приведенными выше примерами употребления прилагательного *безотлучный* употребление образования *неотлучный*:

Сопутник *неотлучный* матери (Радищ., О человеке, 1); с малолетства при нем *неотлучный* (Вигель, Зап., IV, 7); сопутник *неотлучный* (Веневит., Монолог Фауста); *неотлучная* мысль (Герц., Б. и д., 1, VI); Зной все тот же *неотлучный* (Вл. Соловьев, 11 июня 1898. ЛК).

Ср. параллелизм производных наречий:

Живет он себе лет тридцать в деревне *безотлучно* (В. Соллог., Тарантас, XV); Все огорчения Авдотьи Петровны *неотлучно* преследовали Василия Ивановича (Там же, XIV).

Таким образом, модель словопроизводства, послужившая структурным образцом для изучаемой, оказалась более сильной. Однако отглагольные прилагательные с *без-* не утрачивают продуктивность полностью. Их поддерживают многочисленные прилагательные, производимые на основе сочетаний предлога *без* с отглагольными существительными (типа *безвозвратный — без возврата*, *безвыездный — без выезда*, *бесповоротный — без поворота*, *безраздельный — без раздела* и под.), объединяющиеся с чисто отглагольными прилагательными в один семантико-словообразовательный тип.

Взаимодействие прилагательных с приставками *без-* и *не-*

§ 128. Процесс взаимодействия имен прилагательных с приставками *без-* и *не-* шел издревле и по-разному влиял на судьбу разных групп прилагательных с приставкой *без-* и на общую их историю. Так, различной была история прилагательных, производимых от сочетаний с существительными конкретной

[363] Ср.: Пожрала их *нещадная* могила (А. Одоевск., Дева 1610 года).

и отвлеченной семантики. Первым было не свойственно развивать качественные значения; они обычно имели узкое относительное значение и не коррелировали с прилагательными с приставкой *не-*. Для вторых указанное взаимодействие было очень важным, причем особая сложность его создавалась тем, что образования разного времени и происхождения (кальки с древнегреческого и собственно русские образования) различным образом соотносились с прилагательными с приставкой *не-*.

Наблюдаются два основных типа соотношений:

1) Четкое семантическое различие между прилагательными с приставками *без-* и *не-*: первые имеют значение «лишенный известного признака», вторые — «не обладающий признаком» (*беззвучный* и *незвучный*, *бесшумный* и *нешумный*, *безвкусный* и *невкусный*). Подобные слова отражали живые различия в значениях прилагательных, относящихся к разным словообразовательным типам, и по существу не были взаимодействующими.

2) Почти полная тождественность значений, свойственная образованиям древнейшего периода и прилагательным, создаваемым по их образцу. В составе образований древнего периода приставка *без-* передавала ἀ(ν)-privativum греческого оригинала, которое могло передаваться и русским *не-*[364]. Благодаря этому в русском языке образовался пласт тождественных по значению прилагательных с приставками *без-* и *не-*, по образцу которых могли создаваться и новые слова. Наличие подобных образований не оказывало прямого влияния на словообразовательную модель, однако их взаимодействие было очень важным для изменения лексического состава соответствующих словообразовательных типов, благодаря чему оно косвенным образом влияло и на судьбу модели.

Словари конца XVIII — нач. XIX в. отмечают значительное число таких прилагательных: *беспорочный* и *непорочный*, *беспутный* и *непутный*, *беспокойный* и *неспокойный*, *бессметный* и *несметный*, *безугомонный* и *неугомонный*, *безызвестный* и *неизвестный* (Сл. АР); *безвинный* и *невинный*, *безвозвратный* и *невозвратный*, *неприкладный* и *бесприкладный*, *непрепятственный* и *беспрепятственный* (Сл. 1847 г.).

Вот примеры употребления таких прилагательных:

Жестокости ее... *несчетны* (Радищ., Путеш., Торжок); *несчетныя* деньги (В. Одоевск., Русск. ночи, 7); *несчетные* звезды (Тург., Муму); Суда-гиганты побегут *Несчетною* толпою (Некр., Горе ст. Наума, II); ср.: сонм *бессчетных* звезд (Батюшк., Отр., из X песни «Освобожд. Иерусалима»); Человек *неукоризненной*, поистине беспримерной честности (М. Воронцов, п. И. И. Шувалову, Русск. арх., 1864. ЛК); Поступки не так чисты и *неукоризненны* (Жуковск., Речь на акте в Универс. благ. панс.); *неукоризненное* поведение (Жих., Зап. совр., II, 21 окт.

[364] См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 200—201.

1806); ср.: По всем другим статьям она оказалась *безукоризненною* (Дост., Зап. из М. дома, 2, VI): Прикидывались таким. . *безукоризненным* созданием (Тург., Бреттёр, X); Считал себя *безукоризненным* человеком (Л. Толст., В. и м., 2, 5, XI).

Ср. наречия: Мода и обычай требуют, дабы *безотменно* дворянину... держать у себя в штате учителя (Страхов, Сатирич. вестн.); Уверены они, что толико модный язык должен *неотменно* быть известен самым даже мужикам (Там же).

Кто так *безукоризненно*, так честно употреблял все дары свои (Гоголь, Выбр. места, XVII); *Неукоризненно* предан ей был во всю свою жизнь (Н. Муравьев, О расколе. ЛК).

Пути устранения дублетности подобных образований различны. В тех случаях, когда наряду с префиксальным имелось прилагательное бесприставочное, соотносительное с ним по значению, независимо от наличия или отсутствия в языке сочетаний с предлогом *без*, побеждало обычно прилагательное с приставкой *не-*, так как оно более четко выражало значение, антонимичное значению бесприставочного прилагательного. Так, из пар *безнужный* и *ненужный* (ср. *нужный*), *беззнатный* и *незнатный* (ср. *знатный*), *безразумный* и *неразумный* (ср. *разумный*), *беспоследовательный* и *непоследовательный* (ср. *последовательный*), *безодушевленный* и *неодушевленный* (ср. *одушевленный*), *безограниченный* и *неограниченный* (ср. *ограниченный*) побеждают образования с приставкой *не-*. Вот некоторые примеры употребления прилагательных с приставкой *без-*, вытесненных впоследствии из языка [365].

Я нашел оную так мерзку и *безразумну* (Тредьяковск., Езда в о-в любви, 1); *безразумное* подражание дворянскому классу (И. С. Ананьев. ЛК); тело моего родителя, которое я тогда впервые еще увидел *безодушевленное* (Болот., 1, 12); Я — рода *беззнатного* отрасль (Вост., ‹К Мельпомене›); *безнужная* потеря людей (Бибик., Зап.); Книга наполнена... многочисленными синонимами, большею частию *безнужными* (Моск. телеграф, 1826, № 8); Их исторические труды ограничивались ... безотчетным, *беспоследовательным* внесением в этот род дневника каких-нибудь вестей, дошедших к ним издалека (Б-ка для чт., 1839, т. XXXVI, ч. 1); Вот последствия *безограниченных* прав русского помещика (Волконск., Зап., III).

Прилагательные с приставкой *без-* с основами существительных отвлеченной семантики даже при отсутствии соотносительности с соответствующим бесприставочным прилагательным и наличии в языке породившего их предложного сочетания очень легко утрачивали первоначальное «составное» значение и разви-

[365] Некоторые образования этого рода сохраняются в просторечии конца XIX — нач. XX в.: *Бессознательный* ты, право, Рассуди, подумай здраво (Блок, Двенадцать, 10) (ср. *несознательный*). В фольклоре: Они детоньки да они малые. Они-то да *безразумные* (Из причета. Костр. этн. сб. ЛК).

вали целостное качественное значение, сближаясь при этом с прилагательными с приставкой *не-*. Переставая обозначать свойство по признаку лишенности чего-нибудь, они начинают обозначать свойство по признаку отсутствия чего-нибудь, т. е. принимают значение, характерное для прилагательных с приставкой *не-*, и вытесняются ими. Такова, например, история соотношений прилагательных *беспосредственный* и *непосредственный*. Во второй половине XVIII в. эти слова могли употребляться как равнозначные. Например, у Ломоносова: Самая ближняя и *беспосредственная* причина смерти есть пресеченне течения и обращения крови и прочих жизненных влажностей. Оную *непосредственную* причину утверждает и сам Невтон (Рассужд. о твердости и жидкости тел, 3).

Прилагательное с приставкой *без-* сохраняется в употреблении до начала XIX в.:

> Чтоб мы отнюдь не входили по сему пункту ни в какия с Портою *беспосредственныя* постановления (Письмо гр. Н. И. Панина, 9 янв. 1775); *Беспосредственное* их [турок] соседство было бы нам во многом тягостнее и досаднее татарского (Донесение гр. П. А. Румянцева-Задунайского, 24 окт. 1777); Все таковые покушения не предуспеют по крайней мере нанести *беспосредственный* вред пределам нашим (Моск. телеграф, 1826, № 8); Огонь в некотором отдалении приносит удовольствие, *беспосредственное* к нему приближение — скорбь и погибель (М. Муравьев, Удовольствие и скорбь. ЛК).

Позднее, несмотря на отсутствие семантической соотносительности с прилагательным *посредственный* и наличие в языке сочетания *без посредства*, в употреблении удерживается образование с приставкой *не-*. Аналогичным образом из двух семантически тождественных образований *бессомненный* и *несомненный* (ср. *без сомнения* и отсутствие прилагательного «сомненный») побеждает образование с *не-*. Ср. примеры употребления этих прилагательных: в *бессомненной* надежде, что дело сие мы в тот день кончим (Болот., 2, 123); *бессомненный* талант (Моск. телеграф, 1826, № 5); *несомненная* польза (Дост., Дядюшк. сон, I).

Однако при отсутствии соотносительности с бесприставочным прилагательным чаще все-таки побеждает прилагательное с приставкой *без-*. Ср. пары *нечувственный — бесчувственный* (*без чувств*, нет соотносительности с *чувственный*), *нехитростный — бесхитростный* (ср. *без хитрости*, нет соотносительности с *хитростный*), *неисходный — безысходный* (*без исхода*, нет соотносительности с *исходный*); *невозвратный — безвозвратный* (*без возврата*, нет соотносительности с *возвратный*) и под., в которых более стойкими оказываются образования с *без-*. По аналогии с ними в ряде случаев и при наличии однокоренного бесприставочного прилагательного побеждает образование с приставкой *без-*: *нетрепетный — бестрепетный* (ср. *без трепета* и *трепетный*); *неуспешный — безуспешный* (ср. *без успеха* и *успешный*). Приведем примеры употреб-

ления прилагательных с приставкой *не-*, вытесненных впоследствии однокоренными образованиями с *без-*[366].

Брожу по берегам и прохожу леса; *Нечувственна* земля, не видны небеса (Сумарок., Другим печальный стих рождает стихотворство...); радостный глас *нехитростного* веселия (Радищ., Путеш., Медное); *Нетрепетен* всегда предстою собственному моему суду (Там же); Она застала Любовь Александровну потухающею, *ненадежною* (т. е. безнадежною) (Герц., Кто виноват?, 2, VI); *неисходная* тоска (Дост., Идиот, 2, III).

Ср. соответствующие наречия: Их опровергали некогда предшественники наши деяниями своими *неуспешно* (Радищ., Путеш., Хотилов); Сравни умирающего на лобном месте... с умирающим *нетрепетно* по долговременной болезни на одре своем (Радищ., Житие Уш.); Пятимесячный труд мой *невозвратно* пропал (Жих., Зап. совр., II, 3 янв. 1807).

Не всегда, однако, сосуществование семантически тождественных прилагательных с приставками *без-* и *не-* заканчивалось утратой одного из них. В ряде случаев они расходятся по значениям и стилистической окраске и сохраняются оба. Это объясняется тем, что прилагательные с приставкой *без-*, развившие качественные значения, часто приобретали экспрессивную отрицательную окраску, поскольку лишение какого-либо признака могло оцениваться как недостаток. Процесс этот охватывал значительную часть прилагательных с приставкой *без-* (*безграмотный*, *бесцеремонный*, *бездельный*, *беззаконный*, *бесчестный* и др.), не распространяясь на прилагательные с приставкой *не-*, за которыми сохраняется нейтральное обозначение отсутствия признака.

Прилагательное *безграмотный* употреблялось без отрицательной экспрессии (в значении «не умеющий читать и писать») на протяжении почти всего XIX в.[367] Ср. толкование Словаря 1847 г.: «*Безграмотный*. Не знающий грамоты; не умеющий читать и писать».

Те, которые *безграмотны*, принимаемы будут не иначе, как рядовыми (ПСЗ, 1801, т. XXVI, § 19825); простой *безграмотный* человек (М. Глинка, Зап., 12); Барыни и девицы были почти все *безграмотные* (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.).

Ср. употребление прилагательных с приставками *без-* и *не-* как тождественных:

Имя его Известно повсюду у нас на Руси И лишь незнакомо *безграмотным* людям, Которых за то и винить мы не будем (Минаев, Две смерти, 3); Жить несомненно хорошо там, Где нет печатного станка, Где человек к природе ближе, *Неграмотен*, совсем раздет (Минаев, Вопль ретрограда).

Однако уже с конца XVIII в. между этими прилагательными намечается

[366] Прилагательные с приставкой *не-*, имеющие значения, отличные от значений прилагательных с приставкой без-, сохраняются: *нечувственный* (в противоположность *чувственный* «сладострастный»), *ненадежный* (в противоположность *надежный*) и под.

[367] Ср.: «Стилистической однопланностью отмечены у Пушкина прилагательные *неграмотный — безграмотный* в значении «не умеющий читать и писать»» (А. Д. Григорьева. Заметки о лексической синонимии. «Вопросы культуры речи», вып. 2, 1959, стр. 21).

расхождение. Старое значение сохраняется за словом *неграмотный*, тогда как образование с *без-* получает значение «плохо знающий грамоту» и переносно «невежественный». Одновременно с этим оно приобретает отрицательную экспрессию, несвойственную прилагательному с приставкой *не-*:

Если бы брань *безграмотных* зоилов определяла падение сочинений (Крыл., Примеч. на комедию «Смех и горе»). Ср. наречие: Написал [статью] *безграмотно* (Дост., Идиот, 2, VIII).

Аналогичную картину представляет история соотношений прилагательных *бесцеремонный* и *нецеремонный*. Приблизительно до середины XIX в. оба прилагательных употреблялись как синонимичные со значением «лишенный церемоний»:

Этот балик был превеселенький и *бесцеремонный* (Жих., Зап. совр., I, 23 ноября 1805); Вы требуете моего мнения совершенно искреннего и *бесцеремонного* (Дост., п. А. Н. Островскому, 24 авг. 1861). Ср. наречие: У радушного и краснощекого моего брюханчика *бесцеремонно*, весело (Жих., Зап. совр., II, 27 янв. 1807). Ср. употребление прилагательного *нецеремонный* и соответствующего наречия: «Ах, батюшки!» — заговорила вдруг Катерина Ивановна так громко и *нецеремонно*, как будто мы с нею целый век были знакомы (Жих., Зап. совр., II, 27 мая 1807); Но Вера, простодушная и *нецеремонная*, как мальчик, вдруг что-то сконфузилась (Дост., Идиот, 3, IX).

Вероятно, уже в первые десятилетия XIX в. у прилагательного *бесцеремонный* развивается оценочное качественное значение, в связи с чем оно приобретает отрицательную экспрессивную окраску и отходит от прилагательного с приставкой *не-*:

Я счел нужным предостеречь некоторых господ о возможном следствии их *бесцеремонных* проделок (В. Одоевск., Русск. ночи, Предисл.); *бесцеремонная* развязность обращения (Тург., Лит. и жит. воспом., VI); *бесцеремонная* шутка (Дост., Идиот, 2, III); *бесцеремонный* вопрос (Леск., Ст. годы в с. Плодомасове, 2,2); произвольные и самые *бесцеремонные* сокращения (Леск., п. Е. П. Ковалевскому, 20 мая 1867).

Развитие качественного значения и отрицательной стилистической окраски у прилагательных с приставкой *без-* приводит к тому, что у них создается отмечаемый исследователями оттенок более категорического отрицания, чем у прилагательных с приставкой *не-*[368]. Ср. *бесчестный* и *нечестный*, *бесцеремонный* и *нецеремонный*, *бездейственный* и *недейственный*, *беззаконный* и *незаконный*, *бездоказательный* и *недоказательный*, *безгрешный* и *негрешный*, *бездельный* и *недельный*.

У многих прилагательных с приставкой *без-* первоначальное значение могло ослабляться или утрачиваться совсем (например, *беспутный*, *безнадежный*, *безответный*, *безыскусственный*, *бесподобный*, *беспримерный*, *бесценный*, *безвкусный*, *бесповоротный*). Активный процесс развития качественных значений у подобных прилагательных привел не только к их семантическому расхождению с однокоренными прилагательными с приставкой *не-*, но и к общему ограничению продуктивности рассматриваемой модели словообразования: производство прилагательных с приставкой *без-* на основе сочетаний с отвлеченными существитель-

[368] См., например: M. Manová. Některé významy předpon *ne-* a *bez-* u přídavných jmen v ruštině a v češtině. «Sovětská jazykověda», ročn. 5, 1955, стр. 376.

ными затухает. Словообразовательный тип пополняется преимущественно прилагательными, создающимися на основе сочетаний с существительными конкретных предметных значений, многие из которых тяготеют к области терминологии, такого рода, как *безвоздушный* (Сл. 1847 г.), *бездольный* (бот., Энц. лекс. Плюшара); *безоборотный* (бланк) (Даль), *беспроцентный* (Сл. II Отд. АН) и под.

Итак, тип прилагательных, производимых на основе сочетаний существительных с предлогом *без*, оставаясь продуктивным на всем протяжении XIX в., претерпевает значительные изменения. Прилагательные, образуемые на базе сочетаний с существительными, имеющими отвлеченные значения (составлявшие первоначально ядро этого словообразовательного типа), подвергаются активному процессу окачествления и развивают вторичные переносные значения. Это разрушало их структурную четкость и, по-видимому, способствовало общему ослаблению продуктивности данной модели в кругу образований с основами отвлеченных существительных. Благоприятствовало этому также и то, что подобные прилагательные были очень близки по значению прилагательным с приставкой *не-*. Поэтому главной сферой деятельности модели *без-...-ный* становится производство прилагательных на основе сочетаний с существительными конкретной семантики, относящихся в значительной части к области терминологии и не развивающих вторичные значения: значение подобных прилагательных складывается, как правило, из значения составляющих его частей, т. е. они являются чистой реализацией модели.

Вторым процессом, существенным для истории прилагательных с приставкой *без-*, было расширение с п о с о б о в их образования. 1) Наметившаяся еще в древнерусском языке возможность образования прилагательных с приставкой *без-* чисто префиксальным способом активизируется в XIX в. Однако этот способ словопроизводства не приобретает большой продуктивности, оттесняемый продуктивным и широко распространенным префиксально-суффиксальным способом. Он действует преимущественно в области терминологии, где для большей соотносительности префиксального и бесприставочного терминов была желательна и одинаковость суффикса в обоих образованиях. 2) Формируется тип префиксально-суффиксальных прилагательных, производимых непосредственно от основы глагола, также не получивший большой продуктивности из-за семантической близости этих прилагательных продуктивным однокоренным прилагательным с приставкой *не-*.

История прилагательных с приставкой *за-*

§ 129. Имена прилагательные с приставкой *за-*, образованные на основе сочетаний предлога *за* с существительными в винит. или творит. пад., отмечаются уже в памятниках XII в. Прила-

гательные с приставкой *за-* разделяются на несколько словообразовательных типов в зависимости от того, сочетание с каким значением предлога легло в основу прилагательного.

1. В литературном языке XIX в. был продуктивен лишь один тип прилагательных с приставкой *за-*, наиболее древний и обширный. Это прилагательные со значением: «находящийся по ту сторону предмета, за чем-либо» (в соответствии со значением производящего имени). Словари XIX в. отражают количественный рост этого типа прилагательных. Если в Словаре АР их отмечено около двадцати, то Словарь 1847 г. добавляет еще 14 таких образований (*заболотный*, *заворотный*, *закожный*, *закулисный*, *замогильный*, *заоблачный*, *запазушный* (простон.), *заплечный*, *запольный*, *запорожный*, *заротный*, *заушный*, *захребетный*, *защечный*), а в Словаре Даля их насчитывается более ста (несомненно, что часть из них находится за пределами литературного языка).

Рассматриваемый словообразовательный тип обнаруживает продуктивность на всем протяжении XIX в., особенно в образовании прилагательных от названий рек, озер, морей, гор—такого рода, как *закубанский*, *забалканский*, *забайкальский*, *закавказский*, *зарейнский*, *заднепровский*, *закамский*, *закаспийский*, *заокский*; реже — городов: *замосковные* губернии, *занерчинский край*.

Большое количество новообразований эта словообразовательная модель давала также в области научной терминологии, преимущественно анатомической: *зависочный*, *закишечный*, *закопытный*, *заноготный* и под.; *зазубные* (звуки) (Павский, Филол. набл., § 27). Свободу действия этой модели в общелитературном языке иллюстрируют новообразования индивидуального характера:

> Верь, в *закоцитной* стороне Прием радушный будет мне [за Коцитом] (Борат., Элизейск. поля); Стратон стремился все сущее объяснить одними физическими средствами; он отвергал всякую *заприродную* причину (Герц., Письма об изуч. прир., 4); Приобрел лицевое место, задняя, *запланная* часть которого была в долгосрочной аренде у чугуноплавильщика Сафроныча (Леск., Железн. воля, XIII) [369].

Прилагательные этого типа характеризует смысловая соотносительность с предложными конструкциями, а не с бесприставочными прилагательными (при их наличии) [370].

---

[369] Эта словообразовательная модель очень продуктивна и в современном языке. От конструкций с предлогом *за*, имеющих пространственное значение, свободно образуются прилагательные: голос *за кадром* — *закадровый* голос (Лит. газ., 20 мая 1961), *заатмосферное* путешествие (Лит. газ., 13 апр. 1961) и др.

[370] В единичных случаях изучаемые прилагательные могли производиться и непосредственно от бесприставочного прилагательного (*атлантический*—*заатлантический*), сохраняя при этом семантическую соотносительность с предложным сочетанием. Например, у Некрасова: Наш идеал,—говорят,—*Заатлантический* брат: Бог его — тоже ведь доллар! (Герои времени, Эпилог).

Для этой модели характерно применение того же суффикса, который функционирует в бесприставочном прилагательном, а именно суффикса *-н-*, реже *-ск-* (последний обычен только в прилагательных, образованных от географических названий), в единичных случаях *-ов-*, например, в образованиях, отмеченных в Словаре Даля: *замыщелковый* (встречается и *замыщелочный*), *заочковый*, *зарейдовый*, *зарейковый* (от *рейка*, встречается и *зарейный* от *рея*), *застержневой*, *затундровый*, *зашабровый*, *зашанцевый*, *зашатровый* (но и *зашатерный*). Большинство образований с суффиксом *-ов-* употреблялось редко или находилось за пределами литературного языка.

Случаи использования в префиксально-суффиксальном прилагательном иного суффикса, чем в бесприставочном, редки: ср. старые образования *замосковный* (аналогично образованиям с другими приставками: *подмосковный*), но *московский*; *замонастырный*, но *монастырский*. Многие префиксальные прилагательные, содержащие суффикс, отличный от суффикса бесприставочного прилагательного, уходят из употребления в первой половине XIX в.

2. Не приобретает продуктивности в XIX в. тип прилагательных с приставкой *-за*, образованных на основе сочетаний с винит. пад. и обозначающих возмещение («за что-нибудь»)[371]. В первой половине XIX в. эта модель еще давала новообразования — названия разных видов оплаты: *заработный* (*за работу*), *задельный* (*за дело*) (впервые отмечены в Словаре 1847 г.).

Большое количество прилагательных этого типа помещено в Словаре Даля (*запосыльная* плата, *запровинная* кара, *запрогульные* деньги, *запрокатные* деньги, *запроменная* плата, *запроносная* плата, *засуточная* плата, *зауронная* плата, *заштучная* плата, *запосульный*, *заспасибный*). Однако многие из них находились, по всей вероятности, за пределами литературной нормы [372].

Во второй половине XIX в. новообразования этого рода не фиксируются. По-видимому, непродуктивность этого словообразовательного типа объясняется тем, что многие из соответствующих отсубстантивных прилагательных и без приставки *за-* могли выражать значение возмещения (например, *месячное*, *недельное* жалованье; *суточная*, *штучная* оплата).

3. Непродуктивен в XIX в. был тип прилагательных с приставкой *за-*, обозначающих «происходящий во время чего-нибудь,

---

[371] Непродуктивность прилагательных с этим значением и в древнерусском языке отмечает Г. М. Макеева (указ. дисс., стр. 110). Ею отмечено лишь два прилагательных этого типа: *замытный* и *замытский*.

[372] В Словаре Даля отмечено также несколько прилагательных с приставкой *за-*, обозначающих «вместо кого-нибудь» и образованных как префиксально-суффиксальным путем (*закапральный*, *заофицерский*), так и чистой префиксацией: *забольший* — «набольший или старший, либо занимающий место его», *завахтенный* (*за* + *вахтенный*).

связанный с чем-нибудь», представленный в живом употреблении XIX в. всего двумя словами: *застольный* и *затра́пезный* (*за трапезой*) [373] (отмечены Словарем АР и Словарем 1847 г.) [374].

И вопли сердца заглушить Напевом радости *застольной*! (А. А. Дельв., Романс); друг *застольный* (Языков, А. Н. Вульфу); наш *застольный* хозяин (Гонч., Фр. «Пал.», От Кронштадта до мыса Лизарда); *затрапезный* разговор (Леск., Шерамур, 23).

История прилагательных с приставкой *при-*

§ 130. К началу XIX в. прилагательные с приставкой *при-* со значением «находящийся недалеко от предмета, принадлежащий предмету или связанный с ним» (в соответствии со значением производящего имени), образованные на основе сочетаний предлога *при* с существительными в предл. пад., представляли собой вполне сложившийся продуктивный словообразовательный тип [375]. В Словаре АР находим: *прибережный*, *приболотный*, *прибрежный*, *пригробный*, *приградный*, *пригородный*, *придверный*, *придворный*, *придорожный*, *приречный*, *прирубежный*; в Словаре 1847 г. добавлено: *приворотный*, *приграничный*, *прилинейный*, *пристенный*. Много образований этого типа отмечает и Словарь Даля. Прилагательные рассматриваемого типа не относились к какой-либо узкой сфере лексики и были довольно широко употребительны в разных сферах речи:

Низы и острова *прибрежные* (Болот., 2, 119); сень *прибережной* горы (Языков, П. А. Осиповой); *приморские* места (ПСЗ, 1824, т. XXXIX, § 29787); *приполюсные* тундры (Марл, п. А. Х. Бенкендорфу, 13 июля 1836); *придорожные* ивы (Некр., В столицах шум, гремят витии...); *приречные* долины (Чех., О-в Сахалин, I).

Для истории этого словообразовательного типа на протяжении XIX в. характерна устойчивая продуктивность. Особую активность обнаруживал он в образованиях от географических названий, часто соотносительных с префиксальными существительными на *-ье* (типа *Приднепровье*, *Приволжье*, *Приамурье*).

При-днестровские земли (Совр., 1847, т. III, № 5); *прирейнские равнины* (Москвит., 1851, № 2); *Прикаспийский край* (Милютин, Дневн., 9 янв. 1847); *прибалтийские губернии* (Там же, 21 апр. 1875); *приленская природа* (Корол., Воспом.

---

[373] Ср. *затрапёзный* — сшитый из затрапеза (*затрапез* — вид ткани).

[374] Большое число образований этого типа, не отмеченных в текстах, приведено в Словаре Даля: *заобеденный*, *закарточный*, *закартежный*, *закорчажный* (*за корчагой*), *заурочный*, *закрасо́льный* (*за красоулей*), *зауборная* беседа («идущая во время уборки, наряда, туалета»), *заорляночная* беседа.

[375] В языке XVII в. этот тип прилагательных только складывался (см.: Г. М. Макеева. Автореф. канд. дисс., стр. 6). Единичные прилагательные этого типа отмечены в «Материалах» Срезневского (*пригородьский*, *приморьныи*).

о Черн., VII); *Приазовский край* (Чех., п. О. Л. Книппер, 30 окт. 1901).

Эта словообразовательная модель продуктивна и в современном языке [376].

Способ образования прилагательных с приставкой *при-* из предложно-падежных сочетаний бессуффиксным путем, представленный отдельными прилагательными (типа отмеченных в Словаре Даля: *прибокий — при боке, присердый — при сердце*), в XIX в. явно непродуктивен [377]. Ср. также отмечаемое словарями (Сл. 1847 г., Даль) и употребительное в текстах начала XIX в. прилагательное *приглубый*: «находящийся при глубине» (Сл. 1847 г.), «при глубине, глубокий» (Даль): Берег очень *приглуб* (Рикорд., Зап.); Берег весьма *приглубый* (Там же).

История прилагательных с приставкой *по-*

§ 131. Имена прилагательные с приставкой *по-*, образованные на основе сочетаний предлога *по* с существительным,— древний словообразовательный тип с разветвленной системой значений [378].

1. В XIX в. был продуктивен и лексически многообразен лишь один тип — прилагательные, которым приставка придавала распределительное значение. Это объясняется, по всей вероятности, отсутствием в системе префиксальных прилагательных других средств выражения этого значения и специализацией прилагательных с приставкой *по-* именно на выражении этого значения. Этот тип прилагательных был продуктивен преимущественно в той же сфере профессионально-терминологической лексики, что и в древнерусском языке. Обозначения пошлин, налогов, видов оплаты, видов работы — как старые, так и нового образования — составляют основной пласт данной группы слов. Ср. следующие прилагательные, зафиксированные академическими словарями первой половины XIX в.: *поверстный, поголовный, поденный, подушный, поземельный, поминутный, посаженный* (Сл. АР); *повытный* — «разделенный на выти, на части», *погодный* расчет, *повременной, подестная* продажа бумаги, *позагонная* запашка, *полавочный* сбор, *помесячная* плата, *попенные* деньги («по пню»), *порамная* подать, *подворный, поплашный, посошный, порозничная* продажа, *посемейный* список, *посрочный* платеж за взятые акции, *постраничные* итоги, *потомное* издание, *пофутные* деньги, *построчный, пошту́чный, понедельный, посуточный, поименный* (Сл. 1847 г.).

---

[376] Образования по этой модели легко возникают в речи: *прикроватная* тумбочка, *привокзальный* сквер, *пристанционный* магазин, *пришкольный* участок, *приовражные* лесные полосы и под.

[377] Ср. в «Материалах» Срезневского: *придеревьи, пристрании.*

[378] В «Материалах» Срезневского этот словообразовательный тип представлен большим количеством прилагательных. См. список их в канд. дисс. Е. А. Голушковой «Префиксальное словообразование прилагательных в совр. русск. языке» (Молотов, 1955, стр. 411—412). Значительное место здесь занимает терминологическая лексика, входящая в названия разных видов пошлин: *поплужный, подужный, порамный* и под.

О продуктивности этого словообразовательного типа на протяжении XVIII—XIX вв. свидетельствуют свободно производимые новообразования. Вот несколько прилагательных, не зарегистрированных в словарях или зарегистрированных значительно позднее, чем они встречаются в текстах:

Журнал или *поденная* записка Петра Великого. СПб., 1770—72 [название]); *поколенная* роспись нашим предкам (Болот., 1,1) (слово *поколенный* отмечено впервые в Сл. Даля); *побригадный* (ПСЗ, 1824, т. XXXIX, § 29780); *подесятинная* плата (Герц., Б. и д., 2, XV); *повременный* порядок [писем] (Я. Грот, Предисл. к 5-му т. соч. Держ.); *поспектакльная* плата (Остр., Обстоятельства, препятств. развитию драм. искусства. ЛК).

Этот тип прилагательных сохраняет продуктивность до наших дней [379].

2. В XIX в. был малопродуктивен тип прилагательных с приставкой *по-*, обозначающих «расположенный вдоль, вблизи чего-нибудь» (в соответствии со значением производящего имени)[380].

В качестве производящих основ здесь могли выступать только существительные, называющие что-либо протяженное в пространстве (рубежи, пути и т. п.). В Словаре АР отмечено лишь четыре прилагательных этого типа: *пограничный*, *порубежный*, *поморский* и *понизовый* (ср. *по низу*); в Словаре 1847 г. добавлено: *побережный*, *погорный*, *подорожный*, *полинейный* («живущий на линиях...»), *поречный*, *постенный*; в Словаре Даля: *позаборный*, *покромный*, *помежный*, *поручейный*.

Прилагательные с этим значением образовывались также на основе сочетаний предлога с названиями рек: *подунайский* (зафиксировано еще в «Материалах» Срезневского); *поволжский* и под.

Малая продуктивность этого типа прилагательных, по-видимому, объяснялась конкуренцией близкого по значению продуктивного и семантически и лексически более емкого типа прилагательных с приставкой *при-*, которые образовывались не только от названий протяженных предметов. Подобные прилагательные обозначали «расположенный вблизи чего-нибудь», т. е. по существу включали в себя значение прилагательных с приставкой *по-* (ср. *придунайский* и *подунайский*, *приморский* и *поморский*)[381].

---

[379] Прилагательные такого рода, как *поклассные* (*коллективы*), *потоварное* (*планирование*), *побатальонные* (*учения*), *поагрегатное* (*строительство электростанции*) свободно образуются в современном языке. Ср. в письме А. И. Куприна о жизни во Франции: И нет дня, чтобы не были с утра до вечера заняты... спешным взносом налогов: налогов прямых, косых, дополнительных, *пооконных*, *потрубных*, *посемейных*, *подоходных* (цит. по «Воспоминаниям» К. Чуковского. Нов. мир, № 3, 1962, стр. 210).

[380] В «Материалах» Срезневского отмечены прилагательные с этим значением (*подунаискыи*, *поморьскыи*, *порубежьныи*).

[381] Ср. параллелизм географических названий с приставками *по-* и *при-*: *Приволжье* и *Поволжье*, *Приднепровье* и *Поднепровье*, *Приморье* и *По-*

3. В литературном языке XIX в. не образовывали продуктивного типа единичные прилагательные с приставкой *по-*, обозначающие пространственное отношение: «достигающий до чего-нибудь» (в соответствии со значением производящего имени): *поколенный* портрет (Сл. 1847 г.); *поземный* поклон (Даль); Говорили о *поколенном* портрете О[ленина], отличающегося малорослостью, писанном живописцем Варнеком. «Ленив же должен быть художник,— сказал NN.— Немного стоило бы труда написать его и во весь рост» (Вяземск., Ст. зап. кн., 44).

Непродуктивность этой модели объясняется отчасти омонимией с продуктивным типом прилагательных, в которых приставка *по-* обозначала «сообразно, соразмерно» (ср. выше: *поколенная* роспись предков). Другая причина заключалась, по-видимому, в немногочисленности и сравнительно редкой употребительности производящих сочетаний.

4. Не образовывали продуктивного типа также прилагательные с приставкой *по-*, соотносительные с предложно-падежными конструкциями наречного характера: *попутный* (*по пути*), *посильный* (*по силам*), *полюбовный* (*по любви*), *повольный* (Сл. АР), *подушевный*, *поветренный*, *поочередный*, *попеременный* (Сл. 1847 г.) Их численность сокращается, хотя отдельные слова этого рода устойчиво держатся в языке.

История прилагательных с приставкой *под-*

§ 132. Прилагательные с приставкой *под-*, образующиеся на основе сочетаний имени существительного с предлогом *под*, представляют собой древний словообразовательный тип [382] с разветвленной системой значений.

В литературном языке XIX в. были продуктивны два типа прилагательных с приставкой *под-*.

1. Наиболее многочисленным и разнообразным по охвату производящих основ был тип прилагательных, обозначающих «расположенный, совершающийся внизу чего-нибудь, под чем-нибудь» (в соответствии со значением производящего имени). По этой модели образовывалась как общеупотребительная литературная лексика, так и специально-терминологическая. Словари конца XVIII — первой половины XIX в. широко отражают имена прилагательные этого типа: *подблюдный*, *подвенечный*, *подгорный*, *поджаберный*, *подземельный* (погреб), *подземный*, *подколенный*, *подкостный*, *подкрыльный*, *подледный*, *подлобный*, *подлопаточный*, *подпольный*, *подреберный*, *подрукавный*, *подснежный*, *подъязычный* (Сл. АР); *подбрюшный*, *подглазный*, *подгрудный*, *подгубный*,

морье. Здесь образования первого типа также, по-видимому, были гораздо более продуктивны и многочисленны.

[382] В «Материалах» Срезневского подобные образования фиксируются довольно широко. См. также: Г. М. М а к е е в а. Автореф. канд. дисс., стр. 6.

поддульный, поджелудочный, подводный, подъизбный, подкелейный, подключичный, подкожный, подколодный, подкоренной, подкустный, подлесный, подлунный, поднёбный, подножный, подоконный, подперемычный, подприкладный, подсвечный, подседельный, подстенный, подстраничный, подсумочный, подхвостный, подшомпольный, подчелюстный, подъюбочный, подъякорный, подпестиковый, подкрыльцовый, подтительный (под титлом) (Сл. 1847 г.).

Этот словообразовательный тип продуктивен на всем протяжении XIX в. и в современном языке, о чем свидетельствуют новообразования, не зарегистрированные словарями (некоторые из них имеют окказиональный характер):

[Остров] был выброшен *подморским* огнем (Атеней, 1828, 19); *подкрышное* помещение (Волконск., Зап., VIII); *подстрочный* перевод (М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.); *подголовное* полено (Вс. Крестовск. Пб. трущ., 5, XXIV).

2. Второй продуктивный тип имен прилагательных с приставкой *под-* составляли образования, не имеющие пространственного значения и обозначающие «находящийся в ведении кого-чего-нибудь, в зависимости от кого-чего-нибудь» (в соответствии со значением производящего имени). На протяжении изучаемого периода этот тип прилагательных количественно растет. В дополнение к отмеченным в Словаре АР прилагательным (*подначальный, подвластный, подручный, подсудный*) Словарь 1847 г. отмечает образование, *подведомственный* [383]; значительно дополняет число подобных образований Словарь Даля (*поднадзорный, подопечный* — «состоящий под опекою»; *подсыскной* — «кто под сыском, розыском, следствием»; *подтяглый* крестьянин; *подштрафной*). Часть из этих слов находилась, по-видимому, за пределами литературного языка (*подгневный, подгрозный*: «*Подгрозное дело* крепче; где гроза, надзор и страх»; *подзаконный, подкарный* — «подлежащий, подпавший наказанию, каре»; *поднаучный* — «подлежащий, подчиненный науке»; *подстрастный*— «состоящий под влиянием страсти или страха»).

[Схоластика], уничиженная, покорная, *подавторитетная*, занималась пустыми, формальными интересами (Герц., Письма об изуч. прир., 1); Палачи бывают двух родов: одни бывают добровольные, другие — *подневольные* (Дост., Зап. из М. дома, 2, III); Наше дело *подневольное* (Некр., Коробейники, VI); вид *подначальственного* нерассуждающего человека (Л. Толст., В. и м., 1, 3, XV); органы [печати] *подцензурные* (Минаев, Две эпохи, I).

Многие из прилагательных этого типа относились к официально-деловым стилям речи: *подведомственные* начальники (ПСЗ,

[383] В Словаре 1847 г. зафиксированы также с примерами из церковных текстов прилагательные *подзаконный* и *подлетный* («церк. Подверженный действию времени»).

1824, т. XXXIX, § 29780); *подведомственные* места (Телеск., 1831, № 21); ср. также *поднадзорный*, *подсудный*, *подштрафной*, *подопечный* и под.

3. Прилагательные с приставкой *под-*, обозначающие «расположенный вблизи чего-нибудь (в соответствии со значением производящего имени), представляли собой немногочисленный, затухающий в XIX в. словообразовательный тип. Они образовывались на основе сочетаний предлога *под* с существительными в творит. пад., обозначающими понятия пространственного характера (названия населенных пунктов, предприятий и т. п.). В Словаре АР отмечено всего два прилагательных с этим значением *подгородный* и *подзаводский*, в Словаре 1847 г. добавлено: *подмонастырный*, в Словаре Даля: *подгуменный*, *подслободный*, *подусадебные* земли, *подбережный*.

Вот несколько образований не зафиксированных словарями XIX в.:

Это не спектакль, а *подкачельное* игрище (Жих., Зап. совр., II, 5 февр. 1807); Пловец, твой кончен путь *подбрежный* (В. Раевск., К друзьям в Кишинев); проникает в пески *подэкваторные* (Марл., Письмо к доктору Эрману); *подстоличный* народ (Гл. Усп., Вл. земли, III).

В употреблении широко фиксируются лишь такие слова, как *подмосковный* (ср. субстантивированное *Подмосковная* и существительное *Подмосковье*, от которого, возможно, и образовано прилагательное суффиксальным способом), *подгородный*, *подмонастырский*.

Малая продуктивность прилагательных этого типа объясняется, по-видимому, двумя причинами: 1) приставка *под-* в сочетании с основами такого же характера чаще употреблялась для обозначения «расположенный внизу чего-нибудь» в связи с тем, что у конструкций с предлогом *под* это значение было более частотным, чем значение «вблизи чего-нибудь»; 2) значение «расположенный вблизи чего-нибудь» свободнее выражалось прилагательными с приставкой *при-*, тогда как употребление прилагательных с приставкой *под-* затруднялось возможностью их двоякого понимания (исключающегося лишь при широком контексте) (ср. *подморский — под морем* — «внизу моря» и «вблизи моря», например у Пушкина: «*под морем* город основался», т. е. около (Ск. о царе Салтане) и *приморский* — «вблизи моря»; *подгородный* — «внизу города» и «вблизи города» и *пригородный* — «вблизи города»). Закреплению в употреблении слова *пригородный* способствовало, очевидно, наличие существительного *пригород*) [384].

[384] В современном языке тип прилагательных с приставкой *под-* обнаруживает слабую продуктивность (*подтаежное* село. Лит. газ., 26 июня 1961), поддерживаемую устойчивостью отдельных лексем этого типа (*подмосковный* и под.), соотносительных с сочетаниями предлога *под* с названиями городов: *под Киевом*, *под Орлом*, *под Воронежом* и др.

4. Не составляют продуктивного типа имена прилагательные с приставкой *под-*, произведенные от не имеющих пространственного значения сочетаний предлога *под* с существительными разной семантики: *подветреный*, *подспудный*, *подочередный* — «находящийся под очередью»: *Подочередный рекрут* (Сл. 1847 г.). Много слов этого типа, не встречающихся в других текстах, помещено в Словаре Даля: *подзамочный* вор; *подключные* припасы; *подмастный* конь — «подходящий под масть к другому»; *подномерная*, *поднумерная* вещь; *подопальный* — «кто под опалою, под гневом, в немилости у государя, у начальства»; *подохранная* казна; *подъимянная* торговля — «подложная, под чужим именем». Непродуктивность этой модели объясняется отсутствием единообразного семантического соотношения между прилагательными и производящими предложными конструкциями.

История прилагательных с приставкой *над-*

§ 133. Имена прилагательные с приставкой *над-* со значением «находящийся, совершающийся над чем-нибудь, выше чего-нибудь», образованные на основе сочетаний существительного с предлогом *над*, представляют собой словообразовательный тип, вполне сложившийся до начала XIX в.[385] В начале XIX в. этот тип словообразования был продуктивным. На протяжении XIX в. отмечается его пополнение новообразованиями, особенно из области научной терминологии (преимущественно анатомии, медицины и ботаники). Так, если Словарь АР помещает всего 7 прилагательных с приставкой *над-*: из *надгробный*, *надгрудный* (анат.), *наддверный*, *надколенный* (анат.), *надлобный*, *надлопаточный* (анат.), *надстрочный* — то в Словаре 1847 г. добавлено еще 10: *надводный*, *надглавный*, *надгортанный*, *надзвездный*, *надкрыльный*, *надмогильный*, *надпестиковый* (бот.), *надподвальный*, *надчеревный* (анат.), *надчерепной*, а Словарь Даля приводит, кроме отмеченных ранее, еще около 100 слов этого типа. Среди них большое место занимает лексика специальная: *надбровный*, *надбрюшный*, *надглазный*, *надглоточный*, *надголовный*, *надгробный*, *надкарнизный*, *надбашенный*, *надпочвенный*, *надсланцевый* и под. В сфере лексики общелитературной этот словообразовательный тип также обнаруживает продуктивность, хотя число отмеченных новообразований не велико. Из слов, зафиксированных впервые в Словаре Даля, были широко употребительны *надоблачный*, *надземный*:

В *надоблачном* размахе крыл (Хомяков, Жаворонок, орел

---

[385] Уже в «Материалах» Срезневского зафиксировано несколько прилагательных этого типа (*надъгробьныи*, *надъдвьрьныи* и др.). Г. М. Макеева (указ. дисс., стр. 186) считает, что в XVII в. этот словообразовательный тип только складывался (*надгробный*, *надпорожский*).

и поэт); мир *надземный* (Хомяков, Навуходоносор); *надбережные* холмы (Леск., Печерск., антики, 26).

Ср. индивидуальное образование *надпольный*, имеющее переносное значение, противопоставляемое слову *подпольный*: «В 1880 г. забытая теперь, но в свое время прогремевшая газета [«Берег»] пускала в ход формулу о солидарности *надпольной* печати с *подпольной*» (В. Е., 1890, сент. Курсив автора).

В прилагательные с приставкой *над-* обычно входит суффикс *-н-*. Образования с другими суффиксами единичны; в них повторяется суффикс, имеющийся в бесприставочном прилагательном с той же основой: *надпестиковый*, *надсланцевый*, *надхрящевой*.

История прилагательных с приставкой *на-*

§ 134. Имена прилагательные с приставкой *на-*, обозначающие «расположенный на чем-либо, на поверхности чего-либо» (в соответствии со значением производящего имени), представляют собой словообразовательный тип, продуктивный на протяжении всего XIX в.[386]. Вот несколько слов этого типа, отмеченных впервые с Словаре 1847 г.: *наглазный*, *надорожный*, *наземный*, *накожный*, *намордный*, *наплечный*, *настенный*, *нательный*, *натрубный*. Прилагательные этого типа образовывались с помощью суффикса *-н-* из сочетаний предлога *на* с существительным в предл. пад. Другие суффиксы в производстве подобных прилагательных не участвовали [387]. Нередки случаи, когда однокоренные бесприставочные и приставочные прилагательные различались по образованию (местом ударения: *наглазный* и *глазно́й*; характером используемой основы: *телесный* и *нательный*; суффиксом: *береговой* и *набережный*, *плечевой* и *наплечный*, *столовый* и *настольный*, *полевой* и *напольный*). Во многих случаях несоотносительность по суффиксу префиксальных и бесприставочных прилагательных возникала не при их образовании, а позднее, в связи с утратой древнего бесприставочного прилагательного с суффиксом *-н-* (типа *бережьный* — от *берег*, *стольный*, *польный* и т. п.).

В отличие от продуктивного типа имен прилагательных с приставкой *на-*, образующихся на основе сочетаний пространственного значения с существительными в предл. пад., прилагательные с приставкой *на-*, соотносительные с сочетаниями с винит.

---

[386] По данным диссертации Г. М. Макеевой (стр. 176), прилагательные этого типа встречаются уже в памятниках XII в.

[387] Прилагательные с приставкой *на-* и суффиксом *-ск-* представлены немногочисленными примерами в памятниках XIV—XV вв.; в более поздних памятниках такие прилагательные не засвидетельствованы (см.: Г. М. Макеева. Указ. дисс., стр. 184). В материалах XIX в. нам встречалось только одно прилагательное с приставкой *на-* и суффиксом иным, чем *-н-*: *назначковый* (Даль); в литературных текстах это прилагательное не встречается. Особняком стоят прилагательные типа *набокий* (Даль), произведенные непродуктивным в литературном языке префиксально-бессуффиксным способом.

над., не образовывали продуктивных словообразовательных типов. Таковы:

а) прилагательные, обозначающие назначение:

Каждый выпивал чашку свою, что и составляло их *насуточную* пищу (Пушк., Ист. Пугач., 5); *Наводочные* деньги, *назубочный* подарок (Даль);

б) прилагательные, соотносительные с разными по значению сочетаниями наречного характера:

Наличный (ср. имеющийся *на лицо*), *насильный* (ср. *на силу*); *навстренный* (морской термин); *наглагольная* рифма. Например: Вы знаете, что рифмой *наглагольной* Гнушаемся мы (Пушк., Домик в Коломне, II); Рифмы не *наглагольные* не слишком разнообразны в русском языке (РФВ, 1899, № 3-4. ЛК).

По-видимому, некоторые из упомянутых прилагательных с приставкой *на-* утрачиваются в силу того, что выражаемое ими значение свободно передается бесприставочными прилагательными и приставка оказывается избыточной. Ср. *суточная пища*, *глагольная рифма*.

История словообразовательных типов, складывающихся в XVIII—XIX вв.

§ 135. Вторая половина XVIII и XIX в. характеризуются бурным процессом обогащения литературного языка новыми словообразовательными типами прилагательных, соотносительными с конструкциями, включающими не только древние первообразные предлоги, но преимущественно предлоги наречного происхождения. Этот процесс определялся внутренними тенденциями движения литературного языка — развитием категории качества: префиксально-суффиксальные прилагательные обозначали признаки предмета в качественном аспекте, что было не свойственно порождающим их предложным конструкциям. В XIX в. этот имманентный процесс развития словообразовательной системы прилагательных был поддержан и укреплен внешними влияниями — в первую очередь воздействием специальной и профессиональной речи, а также чужих языков. Вместе с отдельными лексемами—терминами и иноязычными заимствованиями — литературный язык усваивает и соответствующие модели, способы образования слов.

Итак, одни новые словообразовательные модели зарождаются в специальной речи, другие возникают как кальки иноязычных образований. Общей чертой и тех и других было отсутствие многозначности приставок и единообразие, стандартность отношений между прилагательными и производящими сочетаниями. Этим и объясняется то обстоятельство, что новые словообразовательные типы вытесняют синонимичные им старые.

История прилагательных с приставкой *небез-*

§ 136. Не позднее XVIII в. в литературном языке складывается новая словообразовательная модель — прилагательные со сложной приставкой *небез-*, составленной соединением отрицательной частицы *не* и приставки *без-*. Появление этого словообразовательного типа несомненно было связано с общим развитием и укреплением категории качества в системе имен прилагательных. Прилагательные с приставкой *небез-* обозначали «не лишенный чего-нибудь, в некоторой степени обладающий чем-нибудь» (в соответствии со значением производящей основы); таким образом, их значение являлось модификацией общего, более отвлеченного значения отрицания или отсутствия признака, которое выражали порознь приставки *не-* и *без-*, и сближалось со значением префиксальных прилагательных, обозначающих степень или меру проявления признака (с приставками *раз-*, *пре-*, *архи-*, *ультра-* и под.).

Прилагательные с приставкой *небез-* были употребительны в текстах разных жанров, начиная с первой половины XVIII в.:

> В любви за *небесчастна* все меня имели (Тредьяковск., Езда в о-в любви, 2); *Небесприбылен* мне был сей совет (Там же, 1); Погребное свидание ей *не безызвестно* (Чулк., Пересмешн., 2); *небезважные* куски земель (Письмо гр. Н. И. Панина, 9 янв. 1775); *небезважный* случай (Держ., п. А. И. Пирскому, 11 дек. 1788); *небезызвестные* вам мои хлопоты (Держ., п. А. И. Васильеву, 7 ноября 1788).

Ср. употребление наречия, произведенного от подобного прилагательного:

> Прослушал ты неоднократно и *небесплодно* все части философии (Лукин, Щепетильн., Письмо к г-ну Ельчанинову).

Доказательством того, что прилагательные с приставкой *небез-* составляли особый словообразовательный тип, было наличие в них специфического слитного значения [388], отличающегося от значения имен прилагательных с приставкой *без-*, к которым прибавлялось отрицание *не*. Последние не обозначали «не лишенный чего-нибудь, обладающий чем-нибудь в некоторой степени», а выражали полное отсутствие какого-нибудь признака, отрицали его наличие в предмете:

---

[388] Характерно, что в лексикографической практике XIX в. имена прилагательные со сложной приставкой *небез-* трактуются как особые лексемы. Например, Словарь 1847 г. помещает слова *небезвыгодный*, *небесспорный*. Ср. толкование имен прилагательных с приставкой *небез-* в Словаре Даля: «*Небезвыгодный*, *небезвредный*, *небесспорный* и пр. — *выгодный*, *вредный*, *спорный*, но с выражением сбыточности, возможности, предположения или меньшей степени: в таких реченiях предлог *без* равносилен другому *не*. *Небезвыгодный оборот*, обещающий, могущий дать выгоду. *Небезвредная пища*, не совсем безвредная, нездоровая. *Небесспорное дело*, могущее подлежать спору».

Автор представляет героя своего равнодушным, охлажденным, но *не безчеловечным* (Вяземск., О «Кавк. пленнике»); [О к о е м о в] Поведение моей жены *не безукоризненно* (Остр., Красавец-мужчина, III, 5); А между тем Софья Павловна индивидуально *не безнравственна* (Гонч., Мильон терзаний).

Ср. прилагательные с приставкой *небез-*, при которых часто контекст или относящиеся к ним наречия подчеркивают указание на меру или степень признака:

Заниматься таким делом, которое может быть славно для меня и *небесславно* для России (Карамз., п. М. Н. Муравьеву, 9 ноября 1803); [С о ф и я] А над собой гроза *куда небесполезна* (Гриб., Горе от у., III, 1);—Интересная,— говорю,— история.— Да, *небезынтересная*, и *очень небезынтересная-с* (Леск., Русск. тайнобрачие, 2). Ср.: *далеко небезукоризненная...*, но, несомненно, веселая комедия (Луначарск.,. О театре. ЛК).

Таким образом, прилагательные этих двух типов не совпадали по значению и являлись омонимами (ср. *небез + вредный* и *не + + безвредный*) [389].

Прилагательные с приставкой *небез-* образовывались двумя способами. Как и все прилагательные с отпредложными приставками, они обычно бывали семантически соотносительны с предложно-падежными сочетаниями, а не с бесприставочными прилагательными. В таких случаях способ образования прилагательных был приставочно-суффиксальным (на основе сочетания отрицания *не* и предлога *без* с существительным в родит. пад. [390]; при этом во многих случаях бесприставочное прилагательное отсутствует):

Любовь наша *не бесплодна* (ср. *не без плода*) (Нарежн., Росс. Жилбл., 4, XIII); Я до цензуры *не безусловный* охотник (ср. *не без условий*) (Вяземск., Автобиогр. введ., X); Казны служитель *не безвинный* (ср. *не без вины*) (Языков, Зима пришла); Она [молитва] была *не безэффектна* (ср. *не без эффекта*) (М. Глинка, Зап., 13).

Однако не все прилагательные со сложной приставкой *небез-* были соотносительны с предложно-падежными конструкциями и образовывались комбинированным способом. Часть их производилась непосредственной префиксацией от качественных прилагательных (непроизводных и отсубстантивных).

Не безважное происшествие (Держ., п. А. И. Терскому,

[389] В современном языке на письме различие подобных омонимов передается орфографически слитным написанием в первом случае и раздельным во втором. Орфография XIX в. не передавала строго этих различий. Разграничение подобных омонимов давалось только контекстом, который не всегда допускал однозначное толкование.

[390] Ср. употребление конструкций, состоящих из существительного, предлога *без* и отрицания *не*: ...недорассказанная история о сиятельном предке *не без интереса* (Жих., Зап. совр., I, 3 сент. 1805); Он *не без таланта* (Репин, п. И. Н. Крамскому, 16/28 окт. 1874).

дек. 1788); дело, от которого могли проистечь *небезважные* следствия (Болот., 3, 159).

Тип прилагательных с приставкой *небез-* обнаруживает продуктивность на всем протяжении XIX в. и в современном языке.

История прилагательных с приставками *противо- (противу-)*[391] и *анти-*

§ 137. Образование прилагательных с приставкой *противо-*[392] и их развитие на протяжении XIX в. было тесно связано с историей близких им по значению имен прилагательных с заимствованной приставкой *анти-* (греч. ἀντι-«против»), которые начали функционировать в русском языке не позднее конца XVIII в. Первоначально прилагательные с приставкой *анти-* входили в русский язык в составе заимствованных слов, преимущественно терминов медицины и других наук. Словари иностранных слов начала XIX в. отражают образования этого рода. Так, в «Новом словотолкователе» Яновского находим: *антифлогистический*, реч. мед.; *антиспазмодический*, реч. мед.; *антиперистальтический*, реч. анат.; *антихретический*, реч. юрид.; *антимонархический*.

Иноязычная приставка *анти-* очень быстро получила в русском литературном языке словообразовательную активность[393]. Уже в начале XIX в. она приобрела способность присоединяться к относительным прилагательным, как заимствованным, так и русским, преимущественно отсубстантивным.

История прилагательных с синонимичными приставками *противо-* и *анти-* тесно переплеталась. В конце XVIII — нач. XIX в. сложилась такая картина их соотношений. Образования с *противо-*, с одной стороны, возникали на основе русских предложных конструкций (средство *против цинги* — *противоцинготное* средство), с другой стороны — под воздействием образований с *анти-*, и в таких случаях они не соотносились с предложными сочетаниями, а калькировали иноязычные заимствования, ср. antisocial — *антисоциальный* — *противообщественный*, antinational — *анти-*

---

[391] *Противо-* и *противу-* — фонетические варианты приставки. Эти морфемы были равнозначны и употреблялись безразлично в составе одних и тех же слов, в одних и тех же контекстах. Приблизительно до середины XIX в. степень их употребительности была одинаковой; к концу XIX в. *противу-* почти уходит из употребления, сохраняясь, по-видимому, в силу личного пристрастия, у некоторых писателей (аналогична история употребления вариантных предлогов *против* и *противу*).

[392] Не относятся к этому словообразовательному типу отглагольные прилагательные, в составе которых элемент *противо-* (*противу-*) восходит не к предлогу, а к наречию (в значении «напротив») и является первой частью сложного слова, например: *противолежащий*, *противустоящий* и под.

[393] Ср. малую словообразовательную активность этой приставки в составе имен существительных (см. «Изменения в системе словообразования существительных», § 63).

национальный — противонациональный. Вместе с тем прилагательные с *анти-* могли иметь то же значение, что и прилагательные с *противо-*, соотносительные с предложными конструкциями (ср. средство *против туберкулеза — противотуберкулезное — антитуберкулезное* средство). Таким образом, создавалось дублирование одних образований другими.

В литературном языке XIX в. происходит дифференциация сфер их применения.

§ 138. Для выражения конкретного значения «предназначенный для борьбы с чем-нибудь (реже с кем-нибудь)» (соотносительно с конструкциями с предлогом *против*) в литературном языке начала XIX в. употреблялись прилагательные и с той, и с другой приставками. Случаи наиболее раннего употребления подобных прилагательных с *противо-* встретились нам у Ломоносова: *противоцинготные* лекарства (Кратк. описание разн. путеш. по сев. морям, 4, § 92). Такие прилагательные возникали первоначально в сфере медицинской терминологии для обозначения разного рода лечебных средств. Они фиксируются словарями начиная со Словаря АР: *противуядный* (ср., впрочем, существительное *противуядие*, от которого могло быть образовано прилагательное)- Словарь 1847 г. отмечает *противувоспалительный* (мед.), *противуглистный*, *противугнилостный*, *противолихорадочный*, *противоцинготный*. В Словаре Даля добавлено: *противоболезненный*, *противугнильный*, *противозаразный*. В Словаре Гринберга помещены, кроме слов, отмеченных толковыми словарями, следующие прилагательные: *противозолотушный*, *противопоносный*, *противосудорожный*, *противочахоточный*, *противочумный*.

Этот тип прилагательных обнаруживает продуктивность на протяжении всего XIX в., широко пополняясь новообразованиями. В терминологических словарях конца XIX — начала XX в. находим: *противосептический*, *противочесоточный*, *противохолерный*; *противозмеиный* (Полн. энц. с. х. ЛК). Ср. также: *противотараканьи* составы (Нов. время, 1900. ЛК); *противосапные* меры (Из газ. 1901 г. ЛК).

По-видимому, в конце XIX в. происходит расширение сферы действия этой словообразовательной модели, она начинает активно использоваться для образования не только медицинской, но и вообще научно-технической терминологии (военной, сельскохозяйственной и др.). Так, в Военной энциклопедии находим: *противоаэростатные* орудия, *противоатомный*, *противоаэропланный* (ЛК). В современном языке этот тип прилагательных очень продуктивен в научно-технической терминологии: *противогазовый* (от *против газа*), *противохимический*, *противосамолетный*, *противовоздушный*, *противопехотный*, *противопожарный*, *противогрозовой*, *противодесантный противодымный*, *противозенитный*, *противоипритный*, *противокатерный*, *противокоррозионный*, *противолодочный*, *противоминный*, *противоторпедный*, *про-*

тивопульный, *противоснарядный*, *противокислотный*, *противопылевой*, *противораковый*, *противосыростный* и мн. под.

Подобные прилагательные могли образовываться на основе сочетаний с существительными, имеющими предметное и процессуальное значения.

Единичные образования с приставкой *противо-*, соотносительные с конструкциями с отглагольными существительными, встречаются в языке первой половины XIX в. (например, отмечаемое в Словаре 1847 г. прилагательное *противувоспалительный*). В современной технической терминологии число подобных образований возрастает: *противовыбросовый*, *противокачечный*, *противонакипный*, *противообвальный*, *противообледенительный*, *противооползневый*, *противообкатный*. В отдельных случаях они производятся, по-видимому, префиксальным способом: *противотлеющий*.

Продуктивный тип имен прилагательных с приставкой *противо-* со значением «предназначенный для борьбы с чем-нибудь» не давал развиться совпадающим с ними по значению именам прилагательным с приставкой *анти-*. История этих прилагательных в литературном языке XIX в. — это медленный процесс их ухода со сцены. Прилагательные этого рода с приставкой *анти-* фиксируются словарями иностранных слов начиная с «Нового словотолкователя» Яновского (примеры см. выше) и до конца XIX в. Так, в Словаре Бурдона и Михельсона находим: *антивенерический*, *антикатаралический*, *антифлогистический*, *антимефитический*, *антинаркотический*. На протяжении XIX в. прилагательные этого типа употреблялись довольно широко в специальной медицинской литературе. Например, в начале XX в. в работе И. И. Мечникова «Невосприимчивость в инфекционных болезнях» (1-е изд.— 1903 г.) встречаются прилагательные *антиспермотоксичный* (гл. V), *антистрептококковый* (гл. X), *антитоксичный* (гл. V), *антификсирующий* (гл. V), *антимикробный* (гл. VII). Единичные образования встречаются в текстах других жанров. Например, шутливое «*антигеморроидальное седалище*» (Гонч., Фр. «Пал.», Шанхай).

Однако сфера действия приставки *анти-* в прилагательных со значением «предназначенный для борьбы с чем-нибудь» была очень ограниченной: она, по-видимому, выступала в соединении только с иноязычными основами и не обладала подлинной словообразовательной активностью, а лишь вычленялась из состава заимствованных слов (впрочем, у Мечникова [гл. V] отмечено *антисычуговый*).

Употребительность таких прилагательных с приставкой *анти-* по направлению к нашему времени резко падает. В составе терминологической лексики с рассматриваемым значением выступает почти исключительно приставка *противо-* (в наше время встречаются лишь отдельные образования: *антиалкогольный*, *антиток-*

сический и др.). Присоединение приставки *анти-* к прилагательным, произведенным от незаимствованных существительных с конкретным предметным значением (типа «антипылевой», «антилодочный» и под.) невозможно. В случае, если бы подобные образования были созданы в индивидуальной речи, они должны были бы обозначать не конкретное средство борьбы с данным предметом, а нечто направленное против этих предметов вообще, отрицающее их как таковые (например, *антилодочные настроения*).

Продуктивность модели с *противо-* сравнительно с моделью, включающей *анти-*, объясняется, по всей вероятности, тем, что ее поддерживала соотносительность с очень продуктивными конструкциями с предлогом *против*. Кроме того, конкретность значения приставки *противо-* благоприятствовала ее использованию при образовании прилагательных с конкретным значением «предназначенный для борьбы с чем-нибудь». Прилагательные же с приставкой *анти-*, не имеющие опоры в предложных конструкциях, специализировались на выражении общей идеи противоположности, враждебности, т. е. приняли на себя передачу более отвлеченных значений.

§ 139. Прилагательные с приставкой *анти-* с общим значением направленности против чего-нибудь, враждебности чему-нибудь (в соответствии со значением производящей основы) встречаются с конца XVIII в.:

Антихристиянские вольнодумцы (И. В. Лопухин, п. А. М. Кутузову, 14 окт. 1790); *антихристиянские* книги (Там же); *анти-философический* иезуитский журнал (Карамз. ЛК).

В более позднее время: *антилиберальное* прегрешение (Вяземск., п. А. И. Тургеневу, 29 июля 1817); симптомы либеральные и *антилиберальные* (Карамз., п. П. А. Вяземскому, 8 дек. 1820); *антинациональное* направление (Никитенко, Дневн., 12 янв. 1844); *антирелигиозный* взгляд (Герц., Письма об изуч. прир., 2); *антиконституционные* начала (Писарев, Пчелы, II); *антиклерикальные* идеи (Писарев, Популяризац. отриц. доктрин, V); *антирутинный* (Совр., 1864. ЛК); В скупце что-то преступное, *антисоциальное* (Герц., Капризы и раздумье); *антидинастические* клики (Тург., Лит. и жит. воспом., VIII); *антипрограммный* (Чайковск., Переписка. ЛК).

Приставка *анти-* уже в первой половине XIX в. приобрела словообразовательную активность в русском языке и стала сочетаться не только с иноязычными, но и с русскими основами:

Антирусские начала (Вяземск., Ст. зап. кн., 15); *Антирусское* направление (Писемск., Масоны, IV, 12); *антизападное* направление журнала (Дост., п. И. С. Тургеневу, 17 июня 1863); *антипоповский* дух (М.-Сиб., Три конца, 6, II).

По этой модели легко создаются индивидуальные образования:

Что делает поэтическая, незабвенная, конституциональная,

антипольская, небесная княгиня Голицына (Пушк., п. А. И. Тургеневу, 1 дек. 1823); суровое *антибалетное* восклицание разочарованного Онегина (Писарев, Пушк. и Белинск., Е. О., 1).

Во второй половине XIX в., особенно в последние десятилетия, словообразовательная активность приставки *анти-* очень возрастает; по-видимому, этому способствует интенсивное заимствование содержащих ее прилагательных.

Образования с приставкой *анти-* были широко употребительны в научно-публицистической речи конца XIX — нач. XX в.[394]

Антикатолический союз (Ключевск., Курс русск. ист., III, XLVI); *антибоярские* тенденции (Сакулин, Русск. лит-ра. ЛК); *антимасонские* комедии (Покровск., Очерк ист. русск. культ. ЛК).

Широко представлены такие образования у Плеханова. В разных его работах отмечены: *антиметафизические* замечания; *антифилософская* пропаганда; *антимонархическое* настроение; *антиматериалистическая* пропаганда (ЛК).

С начала XIX в., калькируя заимствованные образования с приставкой *анти-* и по их образцу, начинают производиться прилагательные с приставкой *противо-*:

[В стихах] ничего *противуцензурного* нет (Вяземск., Ст. зап. кн.); *противонациональное* направление его лекций (Никитенко, Дневн., 30 ноября 1840); направление чисто *противоадминистративное* (Донесение агента П. Д. Антонелли, 9 янв. — 23 апр. 1849).

Между такими образованиями с приставками *противо-* и *анти-* наблюдался полный семантический параллелизм. Ср. ряд образований от одних и тех же основ:

Антигосударственная секта (Л. Толст., Послесловие к брошюре «Помогите». ЛК); Раскол сделался скоро и *противогосударственным* явлением (Ливанов, Раскольники и остроги. ЛК); Отъезд есть дело *противогосударственное* (В. Сергеевск., Русск. юридич. древн. ЛК); *антиправительственные* брошюры (С.-Щ., п. П. В. Анненкову, 3/15 апр. 1876); *противуправительственное* движение (Корол., Ист. моего совр., II, I); Прокламации *противоправительственного* содержания (Верес., На японск. войне, X); *противународные* новшества (Гл. Усп., А. П. Щапов); *антинародный* характер их стремлений (Плех., Ист. русск. обществ. мысли. ЛК).

Ср. употребление прилагательных с приставками *анти-* и *противо-* в одном контексте у Ленина: На словах — народное,

---

[394] Ср. прилагательные с приставкой *анти-*, помещенные в «Полном словаре иностранных слов» Бурдона и Михельсона: *антимонархический*, *антицивический*, *антицензурный*, *антиреволюционный*, *антикатолический*, *антиевангельский*, *антигалльский*, *антинациональный*, *антиплатоническая* любовь.

демократическое, революционное правительство, на деле — *противонародное*, *антидемократическое*, контрреволюционное, буржуазное, вот то противоречие, которое существовало до сих пор и было источником полной неустойчивости и колебаний власти, всей той «министерской чехарды», которой гг. эсеры и меньшевики с таким печальным (для народа) усердием занимались (Ленин, Один из коренных вопросов революции. Соч., т. 25, стр. 341).

Приставка *анти-* могла давать образования от прилагательных, произведенных от собственных имен лиц:

Редактор *антимилютинской* работы (Р. Фадеев, п. Д. И. Святополк-Мирскому, 1864. В кн.: Д. А. Милютин, Дневн., Биогр. очерк); *антигодуновский* бунт (Покровск., Русск. ист. ЛК).

Ср. аналогичные образования с *противо-*:

Противодарвиновская точка зрения (Мечн., Очерк вопроса о происхождении видов, 6); *противотолстовская* агитация (Ист. вестн., 1908, № 10).

Производство прилагательных с приставкой *противо-* по образцу прилагательных с *анти-* было продуктивно до начала XX в.:

Противонародный союз (Беляев, Расск. из русск. ист. ЛК); *противообщественный* человек (Горбачевск., Зап. декабр., II, 8); *противуобщественное* явление (Гл. Усп., Письма с дороги, X); *противусословный* бунт (Вс. Крестовск., Кров. пуф. ЛК); *противуполицейский* сюжет (Стасов, Передвижн. выст. 1878, I); *противоокружническое* настроение рабочих (Никольск., Ист. русск. церкви. ЛК); *противуобщественное* учение (Кони. ЛК); *противоцерковное* дробление семьи (Ключевск. ЛК); Общество, которое рассматривает человека только как орудие своего обогащения, — *противочеловечно* (М. Г., Мать, II, XXV); *противореволюционная* лига (Ист. вестн., 1914, № 6); *противуправительственные* речи (М.Г., Егор Булычев и др., I).

Очень широко употреблял подобные прилагательные Ленин. В его работах встречаются такие сочетания слов, как: *противоликвидаторская* печать (Плохая защита плохого дела. Соч., т. 19, стр. 401); *противо-рабочее течение* (Идейная борьба в рабочем движении. Соч., т. 20, стр. 255); силы *противо-большевистской* всероссийской демократии (Русская революция и гражданская война. Соч., т. 26, стр. 15); самый выкуп средневековых привилегий есть учреждение... *противодемократическое* (Кадеты и аграрный вопрос. Соч., т. 18, стр. 259); *противореволюционная* проповедь (Уроки московских событий. Соч., т. 9, стр. 351); *противогерманский* союз (Империализм, как высшая стадия капитализма, III. Соч., т. 22, стр. 225); *противоконституционный* (Либералы и демократы в вопросе о языках. Соч., т. 19, стр. 319); *противопролетарский* (Отношение социал-демократии к крестьянскому дви-

жению. Соч., т. 9, стр. 212); *противоосвободительный* характер войны (Социализм и война, I. Соч., т. 21, стр. 278).

Позднее, ближе к середине XX в. прилагательные с приставкой *анти-* окончательно возобладали над дублетами с *противо-*. В современном языке передача значения «враждебный чему-кому-нибудь, направленный против чего-кого-нибудь» целиком перешла к прилагательным с приставкой *анти-* (*антилумумбовская* коалиция, *антиколониалистские* силы, *антикрепостнические* взгляды, *антиимпериалистическая* пропаганда, *антидемпинговый* закон, *антиолимпийские* позиции Олимпийского комитета и под.). Впрочем, отдельные образования с приставкой *противо-* вследствие ясности своей структуры и активности данной модели в образовании прилагательных с другим значением продолжают возникать в процессе речи (типа *противовоенная агитация* при обычном *антивоенная*).

§ 140. Третий тип прилагательных с приставкой *анти-* имел значение «несоответствующий, противоположный чему-нибудь» (соотносительно со значением производящей основы) [395]. Подобные прилагательные, обозначавшие признак, противоположный тому, который назван соответствующим бесприставочным прилагательным, семантически были близки прилагательным с приставкой *не-*. Образования этого рода встречаются с начала XIX в. Они относились к сфере общелитературной книжной лексики и свободно возникали на всем протяжении изучаемого периода. Особенно многочисленны прилагательные с иноязычными основами:

> У меня готова 1-ая часть и систематического каталога моей библиотеки. *Анти-систематический* давно готов (А. И. Тург., п. Н. И. Тургеневу, 2 ноября 1809); *Анти-драматическим* показалось мне только одно место: разговор Борецкого с Иоанном (Пушк., п. М. П. Погодину, последние числа ноября 1830); *антибайроническая* натура (Белинск. ЛК); *антипоэтический* характер (Там же); уродливые, *антиизящные* моды (Петрашевск., Карм. сл. иностр. слов, 2); *антипрогрессивные* способности (Писарев, Очерки из ист. труда, VII); *антиматериальное* начало (Герц. ЛК); Изображают настроение итальянского общества в эпоху Соперническихъ войн, его моральное или, лучше сказать, *антиморальное* настроение (Корш, Всеобщ. ист. лит-ры. ЛК); Герцен не любил *антиэстетического* проявления нигилизма в России (Тучк., Воспом., Прилож., И. С. Тургенев, IV); На одно музыкальное лицо приходится одно полумузыкальное и одно *антимузыкальное* (А. Н. Серов, «Фауст». ЛК); *антихудожественная* идея (Репин, п. М. П. Федорову, 4 мая 1886); Во всей литературе мира мы не знаем ничего столь *антигероического*, столь нездорового и упадочного, как эллинская трагедия (Верес., Аполлон и Дионис. ЛК).

---

[395] Ср. имеющее очень индивидуальный характер употребление этой приставки как самостоятельного слова: Можно ли так думать, читая Карамзина, который совсем *анти* того, что разумеют мартинизмом (И. В. Лопухин, п. А. М. Кутузову, 3 февр. 1791).

Приставка *анти-* со значением противоположности во второй половине XIX в. приобретает способность сочетаться с русскими прилагательными:

Избегать сношений с этим в высшей степени *антипорядочным* человеком (Л. Толст., Дневн., 1863. ЛК); *антиздравый* смысл (С.-Щ., Недоконч. беседы, IX).

Этот словообразовательный тип сохраняет продуктивность и в современном языке.

Для образований с приставкой *противо-* значение «не соответствующий, противоречащий чему-либо» было мало характерно. Это объясняется ограниченностью конструкций с предлогом *против*, могущих служить семантической опорой таким прилагательным: предложные конструкции со значением «не в соответствии, вопреки чему-нибудь» были ограничены со стороны входящего в них имени существительного. Это были преимущественно сочетания с отглагольными существительными (*против обыкновения*, *против ожидания*, *против чаяния*, *против хотения*, *желания* и под.) и редко — с неотглагольными (*против совести*, *против смысла*, *против воли* и др.). Такие сочетания могли служить базой для образования прилагательных, по значению соотносительных и с бесприставочными прилагательными и с предложными конструкциями (*законный — противозаконный — против закона*).

Немногочисленные и ограниченные кругом производящих основ прилагательные с приставкой *противо-* употреблялись на всем протяжении XIX в.:

Не зная стихов, невозможно хорошо читать их, потому что легко дать им *противосмысленную* интонацию (Жих., Зап. совр., II, 3 февр. 1807); супружество *противовольное* (Булг., Ив. Выж., IV); Академия французская никогда не может быть центральным местом литераторов Франции. Она *противосмысленна* ея жизни (Москвит., 1841, февр.); Закраснелась от какого-то *противовольного* и наивного чувства (Дост., Маленьк. герой); *противосовестные* поступки (Влад. губ. вед., 1848. ЛК); Дом этот был странен, *противохудожествен* (Анненк., Письма из провинции. ЛК); От хат до настоящего великолепия был, так сказать, *противонатуральный* скачок (Голубинск., Ист. русск. церкви. ЛК); Из десяти книг по астрономии... разве в одной нет *противонаучной* примеси (Черн., п. детям, 6 апр. 1878); Какой сомнительный *противожизненный* характер носила эта полнота жизни (Верес., Аполлон и Дионис. ЛК).

Действие этой словообразовательной модели, в первой половине XIX в. ограниченно продуктивной, к концу века затухает. Бо́льшая часть прилагательных рассматриваемого типа выходит из употребления. Сохраняются в языке лишь два слова — *противозаконный* и *противоестественный*, очень употребительные в литературном языке XIX в.:

Действовал *противозаконным* образом (Гоголь, Игроки, 25); *противозаконный* и разбойнический поступок (Гоголь, Пов. от том, как поссорился ..., IV); *противузаконный* брак (М. Глинка, Зап., 9); *противозаконная* связь (Речь прокурора Петрова, 1871); *противозаконная* выгода (Судебн. заключ., 1877); что-то неприятное, *противуестественное* и жалкое (Л. Толст., п. А. А. Толстой, 26—27 ноября 1865); *противуестественное* обстоятельство (Корол., п. Н. К. Михайловскому, 6 окт. 1890).

История прилагательных с приставкой *сверх-*. Их соотношение с однокоренными прилагательными с приставками *за-* и *над-*

§ 141. Среди имен прилагательных с приставкой *сверх-*[396] есть два словообразовательных типа, различающихся как способом образования, так и значением: во-первых, прилагательные, соотносительные с предложными конструкциями со значением «превышающий меру чего-нибудь, находящийся за пределами чего-нибудь» (соответственно значению производящего имени); во-вторых, прилагательные, являющиеся кальками немецких прилагательных с префиксом *über-* («*над*, *за*, *выше*, *через*, *сверх*») или производимые по их образцу. Последние не были семантически соотносительны с конструкциями с предлогом *сверх* и производились непосредственно от прилагательных. Значение приставки в них не соответствовало значению русского предлога *сверх* и приближалось к значению предлога *над*.

1. Прилагательные первого типа развиваются с середины XVIII в., образуясь преимущественно из сочетаний с существительными со значением меры, предела, количественного ограничения чего-нибудь. Наиболее ранними образованиями этого типа были, по-видимому, слова *сверхкомплектный* и *сверхмерный* (Сл. Нордстета). Первое помещено в Словаре АР как синоним к слову *закомплектный*: «*закомплектный* и *сверхкомплектный*... сверх обыкновенного, определенного числа». Ср. у Кропотова: [Х а в р о н ь я] У них в полку много *сверхкомплектных* (Фомушка, I, 3).

Эта группа на протяжении XIX в. пополняется рядом новообразований, среди которых были широко употребительны такие слова, как *сверхсчетный*[397], *сверхчисленный*, *сверхштатный*, *сверхсметный*[398], *сверхсрочный* и некот. др.

---

[396] Характеристику прилагательных с приставкой *сверх-* в современном языке см.: Ю. А. Б е л ь ч и к о в. Об именах прилагательных с приставкой *сверх-* в совр. русск. языке. «Вопросы культуры речи», вып. 2, 1959.

[397] Помещено впервые в «Латино-российском лексиконе» Кронеберга.

[398] «Инструкция садовым заведениям ведомств Мин. гос. имуществ», 1854, § 74.

Этот словообразовательный тип находит отражение и в Словаре Даля при характеристике предлога *сверх*: «употребляется также и слитно с прилагат. и существит. от него, означая лишек, чрезмерность и выход за пределы чего-н.» В словаре помещены прилагательные *сверхкомплектный*, *сверхсчетный*, *сверхполный*, *сверхмерный* (*прибавка*), *сверхштатный*, *сверхсрочный*.

Вот некоторые примеры:

Сверхштатный писец (Писемск., Боярщина, II, I); ср. переносно: Вдоль поперечной стены перегородка, так что и выходит как бы еще комната, номер *сверхштатный* (Дост., Бедн. люди, 8 апр.); *сверхсметная* сумма (Милютин, Дневн., 12 апр. 1873); *сверхсметный* подарок судьбы (Корол., Ф. Бесприютн., VIII); *сверхокладные* поборы (Ключевск. ЛК); *сверхсильная* работа (Тург., Лит. и жит. воспом., VII); *сверхсильная* работа женщин (Л. Толст., Воскрес., II, 6); *сверхсрочная* служба, *сверхурочная* работа.

Ср. в начале XX в.: Дворянство, обладающее всеми благами X тома и многими *сверхтомными*, должает и земли теряет (Нов. время, 1902. ЛК); *сверхзаконные*, «охранные» приемы управления (Из журналов, 1908. ЛК); *сверхнадельные* земли (Нов. время, 1902. ЛК); *сверхнормальное* напряжение сил (Ленин, Крах II Интернационала, II. Соч., т. 21, стр. 191).

2. Развитие продуктивного типа имен прилагательных с приставкой *сверх-* привело к вытеснению синонимичных им имен прилагательных с приставками *за-* и *над-*. В начале XIX в. утрачивают продуктивность прилагательные с приставкой *за-* типа *заштатный* [399]. По-видимому, в более ранние периоды этот тип прилагательных был продуктивен, особенно в области официально-деловой лексики и терминологии. Ср. в конце XVIII в.: экономический *заштатный* слуга (Держ., п. Ф. Ф. Щербатову, 8 июля 1774); Приложим к тому барабанщиков, извозчиков и других *заротных* чинов (Щербат., Мнение о поселен. войсках).

Образования с этим значением фиксируются словарями конца XVIII — XIX вв.: *закомплектный* и *сверхкомплектный* (Сл. АР); *заштатный*, *залишний* — «находящийся в излишестве» (Сл. 1847 г.); *затягольный*, *затяглый* — «освобожденный от тягла за молодостью, болезнью, старостью»; *заокладный* — «оставшийся за окладом, не обложенный податью»; *заружный* — «церковно-священно-служитель, состоящий за ругою, сверхштатный по приходу»; *заполосная* земля — «лишняя, оставшаяся тут и там полосами за наделом тяглом»; *затактный* (музык.) — «вне такта, музыкального размера находящийся» [400] (Даль).

---

[399] Вытеснению прилагательных с приставкой *за-* способствовало, по-видимому, также развитие близкого по значению типа прилагательных с приставкой *вне-* (см. § 147). Ср. *заштатный*, *сверхштатный* и *внештатный*, *затяглый* и *внетяглый* и под.

[400] Ср., впрочем, существительное *затакт* — «начало напева» (Даль).

В литературном языке XIX в. новообразования этого типа не встречаются. Выражение этого значения перешло к молодому словообразовательному типу — именам прилагательным с приставкой *сверх-*, тогда как прилагательные с приставкой *за-* специализируются на выражении пространственного значения («расположенный, находящийся за чем-нибудь, позади чего-нибудь»). В употреблении сохраняются лишь отдельные слова в составе устойчивых сочетаний (*заштатный город*) и единичные образования терминологического характера (*затяглый* и под.):

Я по старости с пашни-то уже девятый год снят... *затяглым* считаюсь (Григорович, Бобыль).

3. В литературном языке XIX в. не приобрел продуктивности еще один тип прилагательных, синонимичных прилагательным с приставками *сверх-* и *чрез-* (см. § 150)— прилагательные с приставкой *над-* со значением «превышающий меру чего-нибудь»[401]. Несколько образований этого типа отмечено в Словаре Даля: *Надмерный* — «что больше, выше или длиннее определенной меры»; *надрядная* плата — «сверхрядная, свыше ря́ды»; *надсметный* расход — «сверхсметный»; *надчередный*, *надочередный* — «состоящий выше очереди».

Единичные образования этого типа встречаются и в более ранний период, например в «Письмах о природе и человеке» Кантемира (V): Мы видим людей многих, имущих... изобилие даже до роскоши *надмерной*.

Нежизненность этого типа прилагательных сравнительно с синонимичными продуктивными типами прилагательных с приставками *сверх-* и *через-* объясняется разным характером их соотношения с соответствующими предложно-падежными конструкциями. Прилагательные с приставками *сверх-* и *через-* были соотносительны по значению с широко употребительными сочетаниями соответствующих предлогов с именами существительными, тогда как у прилагательных с приставкой *над-* соотносительность с предложно-падежными конструкциями отсутствовала, и это делало их семантически нечеткими. Ср. *сверхмерный — сверх меры*, *черезмерный — через меры* и *надмерный*, не соотносительное с «над мерой».

§ 142. Прилагательные с предлогом *сверх*, возникающие по образцу немецких прилагательных с префиксом *über-*, в русском языке начинают образовываться, по-видимому, со второй половины XVIII в. В Словаре АР отмечено два прилагательных этого типа:

[401] В современном языке это значение свойственно только специальным химическим терминам: *надсернокислый*, *надсерный*, *надуглекислый*, *наджелезный* (см.: Е. А. Голушкова. Указ. дисс., стр. 285). Подобные прилагательные образуются чисто префиксальным способом от соответствующих бесприставочных: 1) некоторые из них произведены от основ прилагательных (*надуглекислый*, *надсернокислый*); 2) они не могут быть возведены к сочетаниям предлога *над* с существительными в творит. пад. (*надсерный* семантически соотносительно с *серный*, а не с сочетанием *над серой*).

сверхъестественный (с синонимом *чрезъестественный*) и *сверхъобыкновенный*. Ср.:

[О с т р о м ы с л о в] Это *сверхъестественно*, что ваш имеет родитель такую душу (Кропот., Фомушка, II, 9); Черты лица сияли *сверхъестественным* веществом (Радищ., Путеш., Крестьцы).

Происхождением этих образований объясняется тот факт, что они лишены смысловой соотносительности с предложными конструкциями и образуются непосредственно от прилагательных. В литературном языке XIX в. эта словообразовательная модель приобретает продуктивность.

Сфера *сверхопытного* и *сверхчувственного* (Белинск., Стихотворения М. Лермонтова, СПб., 1840); представления о чем-то *сверхземном* (Хомяков. ЛК); *сверхземное* направление литературы германской (Герц. ЛК); Конкретным существительным будет и название неподлежащего чувствам или *сверхчувственного* (Потебня, Из зап. по русск. грам., I, X).

Особую продуктивность эта словообразовательная модель приобретает в конце XIX — нач. XX в. в публицистическом стиле:

Монархия как сила,.. опирающаяся на фикцию *сверхклассовой* позиции (В. Воровск., Буржуазия и монархия. ЛК); стихия *сверхчеловеческая* (М. Г., Жизнь Кл. Самг., III); Классицизм... стремится к универсальному..., желая сделать человечество *сверхчеловечным* (Луначарск., Критич. этюды. ЛК).

Свидетельством продуктивности этой словообразовательной модели было ее использование для производства окказиональных образований:

В человеке... звучит нечто *сверхприродное* (Верес., Аполлон и Дионис, I); Человек радовался, что он *сверхземен* (Нов. время, 1901. ЛК); Слова есть действительно первая примитивная ступень *сверхиндивидуальной* борьбы с серым (Луначарск., Критич. этюды. ЛК); Описывает... мистическую уверенность в скорой смерти губернатора. Это, конечно, нечто *сверхразумное* (Там же); гипотеза *сверхмирового* разума (Там же).

История прилагательных с приставкой *пред- (перед-)*

§ 143. Прилагательные с приставкой *пред-* (*перед-*) [402] обозначали предшествование во временно́м и (реже) пространственном отношении.

1. Прилагательные, обозначающие «происшедший непосредственно перед чем-нибудь, раньше чего-нибудь» (в соответствии

[402] В XIX в. при образовании прилагательных на основе конструкций с предлогом *перед* (*пред*) использовался почти исключительно неполногласный вариант *пред-*, хотя в качестве предлога в соответствующих сочетаниях чаще употреблялся вариант *перед* (о соотношении вариантных предлога и приставки подробнее см. § 151).

со значением производящего имени), образовывались на основе сочетаний с существительными — названиями отрезков времени или отвлеченных понятий. Эта словообразовательная модель была продуктивной на всем протяжении изучаемого периода. Образования этого типа свободно отмечаются в разных стилях литературного языка:

Ветерок подул *предрассветный* (Жуковск., Вадим, 2); сновиденье *предутреннее* (А. А. Дельв., Гений-хранитель); *предсмертные* мучения (Пушк., Франц. Акад.); *предпетровское* образование (Москвит., 1841, янв); *предрождественский* пост (Белинск., п. М. В. Орловой, 13 окт. 1843); *предпотопный* (Сл. 1847 г.); *предзакатная* пора (Москвит., 1851, № 1); *предобеденная* молитва (Русск. вестн., 1857, т. VII); *предутренний* ветер (В. Соллог., Тарантас, XX); *предприпадочное* время (Дост., Идиот, 2, V); *предпраздничный* торг (М.-Сиб., Из далекого прошл.); *предобморочное* чувство (Купр., Морск., болезнь, 5); *предотъездное* оживление (Верес. ЛК); *предосеннее* солнце (М. Г., Жизнь Кл. Самг., III).

То же значение непосредственного временно́го предшествования могли выражать прилагательные с приставкой *под-*, соотносительные с конструкциями с предлогом *под* (*под праздник — подпраздничный*). Образования этого рода в литературном языке единичны. В Словаре АР и Словаре 1847 г. они отсутствуют. В Словаре Даля отмечено несколько прилагательных этого типа, не свойственных литературному словоупотреблению: «*Подмолочный, подмолосный* день. *Сев.* Канун разговенья, мясоеда; *Подвербное* гулянье; *Подполдённый* час, время, близкое к полудню». Ср.: *Подновогодний* вечер (Чех., Зеркало).

Этот тип прилагательных не приобрел продуктивности. Объясняется это тем, что для выражения названного значения широко использовался продуктивный тип прилагательных с приставкой *пр* -, соотносительный со свободно образуемыми сочетаниями с предлогом *перед* (*пред*), тогда как прилагательные с приставкой *под-* не имели такой опоры в соответствующих предложно-падежных конструкциях, ограниченных со стороны входящих в них существительных.

2. Прилагательные с приставкой *пред-* с пространственным значением «расположенный перед чем-нибудь» были слабо продуктивны. Они могли образовываться из сочетаний предлога с существительными конкретного значения. Так, в Словаре АР отмечено прилагательное *предвратный*, в Словаре 1847 г. — *предстенный*.

Единичные образования этого типа обозначали типичное местоположение предметов.

И погас он, словно свеченька Восковая, *предыконная* (Некр., Орина, мать солдатск.); *преддиванный* стол (Леск., Соборяне, 3, 2; Русск. богатство, 1893, № 11).

В современном языке эта словообразовательная модель обнаруживает некоторую продуктивность, преимущественно в специальной речи: *предустьевые* пространства рек, *предстартовая* зона *предударный* слог, *предполярный* район, *предглазничный* участок.

Прилагательные с приставкой *пред-* создавались на основе предложных сочетаний префиксально-суффиксальным способом. При этом использовался чаще всего суффикс *-н-*. Однако в тех случаях, когда однокоренное бесприставочное прилагательное имело какой-либо другой суффикс (*-ическ-*, *-овск-*, *-енн-*), оно входило в приставочное прилагательное как готовое слово: *предысторический*, *предрождественский*, *предпетровский*, *предутренний* и под. В единичных случаях прилагательные с приставкой *пред-* не имели соотношения с предложными конструкциями: *предпоследний*, *преднедавний*. Например, у Болотова: Откуда и мать моя в *преднедавнее* время... приехала (1, 4). По направлению к современности растет число образований с приставкой *пред-*, семантически соотносительных с предложными конструкциями, но произведенных не по модели *пред-...-н-ый*, а включающих готовое прилагательное. Ср. *предбоевой*, *предгрозовой*, *преддождевой*, *преднерестовый*, *предпусковой*, *предраковый*, *предродовой*, *предстартовый*; *предмобилизационный*, *предоперационный*, *предреволюционный*, *предэкзаменационный*; *предоктябрьский*, *предсъездовский*, а также *предударный*, *предвыходной*, соотносительные не с *пред ударом*, *пред выходом*, а с *перед ударным* (*слогом*), *перед выходным* (*днем*).

С конца XVIII — нач. XIX в. в составе прилагательных использовалась преимущественно приставка *пред-*, тогда как в качестве предлога полногласный вариант уже в первой половине XIX в. преобладал над неполногласным. Отдельные образования с приставкой *перед-* встречаются, однако, до конца XIX в.[403]: *передспальная* комната (Радищ., Житие Уш.); *передрассветный* сон (Тург., Бежин луг); *передобеденная* прогулка (Тург. Вешн. воды, XV); яркие *передвечерние* краски (Тург., Накануне, XV); *передобеденный* сон (Л. Толст. ЛК); *Передутренний* воздух был свеж (Данилевск. ЛК); смутный *передзакатный* шорох деревьев (Корол., В пустын. местах).

Образования с *перед-* не редки в стихах, где они используются как удобный версификационный вариант прилагательных с *пред-*:

> Точно поешь Ты *предсмертную* песнь над собой (А. Майк., Кассандра); Мне живо памятно, как умирал отец. И то, что думал он в *передпоследний* миг (Огарев, Франция); В последний свой *Передсмертный* час Он товарищу Отдавал приказ (Сурик., В степи).

К концу XIX в. прилагательные с *перед-* уходят из живого употребления. Они сохраняются только в стихотворной речи. Например, у Блока: Люблю вечернее моленье У белой церкви над рекой, *Передзакатное* селенье И сумрак мутно-голубой (Я, отрок, зажигаю свечи...); В холодной мгле *передрассветной*

---

[403] В единичных случаях их фиксируют словари: *передбанное* строение (Сл. 1847 г.).

Среди толпы блуждаю я (Пусть светит месяц — ночь темна); Родны ль тебе в твоем паренье *Передрассветное* волненье, *Передзакатные* мечты? (Какому богу служишь ты...)[404].

История прилагательных с приставками *до-* и *после-*. Их соотношение с прилагательными с приставками *по-* и *за-*

§ 144. В конце XVIII — нач. XIX в. развиваются еще две словообразовательные модели, обозначающие временны́е признаки — прилагательные с приставками *до-*[405] и *после-*[406].

1. Прилагательные с приставкой *до-* со значением «относящийся ко времени, предшествующему тому, что названо производящим именем» (антонимично прилагательным с приставками *после-* и *по-*), были близки по значению прилагательным с приставкой *пред-*: и те и другие выражали разные оттенки временно́го предшествования. Прилагательные с приставкой *пред-* имели значение «относящийся ко времени, непосредственно предшествующему тому, что названо производящей основой» («накануне»), тогда как образования с приставкой *до-* выражали общую идею временно́го предшествования (ср. *допожарная* и *предпожарная* Москва; *допетровское* и *предпетровское* время; *дореволюционный* и *предреволюционный* период).

Прилагательные с приставкой *до-* отмечаются в Словаре 1847 г.: *допотопный*, *дополуденный*; в Словаре Даля: *дозамужний*, *дозорный* («до зори»), *доигорный*, *доисходный*, *домужний*, *доначальный*, *доосновный*, *допраздничный*, *допродажный*, *доравноденный*, *доравноденственный*, *дословесный*, *достарческий*, *доязвенный*.

Эта словообразовательная модель была продуктивна и в XIX в., и в наши дни:

Допожарная Москва (Вяземск., Ст. зап. кн., 226); прежнее, *до-острожное* значение человека в обществе (Дост., Зап. из М. дома, 2, V); *дорассветная* темнота (Тютч., Я знал ее еще тогда...); Двигубский, один из остатков и образцов *допотопных* профессоров или, лучше сказать, *допожарных* (Герц., Б. и д., 1, VI); *дореволюционный* склад ума (Тург., Лит. и жит. воспом., III); *дообеденное* время (Леск., Мелочи арх. жизни, 11); будничная *дообеденная* жизнь (Боборык., Китай-город, 1, I); *дореформенное* время (Эрт., Гард., 1, VIII).

---

[404] Ср. в современной поэзии: *Передрассветный* час атаки. Почти у самого плеча Звезда мигала, как во мраке Недогоревшая свеча (Недогонов, Весна на границе).

[405] В «Материалах» Срезневского и Словаре АР прилагательные с приставкой *до-* не отмечены.

[406] В «Материалах» Срезневского такие прилагательные не зафиксированы. В Словаре АР отмечено прилагательное *послезавтрашний*, произведенное от наречия *послезавтра*.

Прилагательные с этим значением активно образуются от собственных имен лиц, географических названий:

Питается только *до-Никоновскими* просвирами (П. Киреевск., п. II. М. Языкову, 22 янв. 1838); *до-Московский* период (Москвит., 1851, № 1); *допетровская* старина (В. Соллог., Тарантас, VI); *допетровские* времена (Герц., Б. и д., 2, XV); Их злоба, негодование, остроумие — помещичьи (даже *до-фамусовские*!) (Дост., Идиот, 3, I).

Не были продуктивны прилагательные с приставкой *до-*, выражающие не временные, а некоторые другие виды отношений: *доземный* поклон (Сл. АР, Сл. 1847 г.); *додольная* женская рубаха («до долу». Даль); *дословный* рассказ, перевод (впервые отмечено в Сл. Даля); в *дословной* форме его собственного рассказа (Леск., Шерамур, 12). Из образований этого рода устойчивым является лишь прилагательное *дословный*.

2. Имена прилагательные с приставкой *после-* обозначают «происходящий, наступающий после чего-нибудь» (синонимичны образованиям с приставкой *по-*, антонимичны прилагательным с приставками *пред-* и *до-*).

В конце XVIII — нач. XIX в. встречаются отдельные образования этого типа: *послеполуденный*, *послеобеднешний* (Болотов), *послеобеденный* (Болотов, Нарежный, Вяземский и мн. др.), *послеужинный* (Вяземский).

В Словаре 1847 г. помещено всего три прилагательных с приставкой *после-*: *послеобеденный*, *послеродовой*, *послеужинный*; в Словаре Даля добавлено *послепотопный*.

На протяжении XIX в. эта словообразовательная модель была продуктивной. Имена прилагательные с приставкой *после-* свободно образовывались на основе соответствующих предложно-падежных конструкций:

Запах *последождевого* воздуха (Л. Толст., Юность, II); *послеисповедные* и предпричастные правила (Писемск., Люди сороковых годов, I); *послеполуденная* жара (Гл. Усп., Бойцы, I); *послепраздничные* дни (Станюк., Маленьк. моряки. ЛК); *послеэкзаменное* чувство (Верес. ЛК).

Особую группу среди прилагательных с приставкой *после-* составляли образования от собственных имен известных лиц: партия европейских людей, *послепетровских* (Никитенко, Дневн., 26 марта 1849); *послебетховенский* период (Стасов, М. П. Мусоргский, III).

В современном языке этот тип словообразования очень продуктивен, особенно в области специальной лексики — медицинской, геологической, общественно-политической [407].

Образование продуктивных типов имен прилагательных с приставками *после-* и *до-*, выражающих временные признаки, ослабляло позиции прилагательных с древними приставками *по-* и

[407] См.: Е. А. Голушкова. Указ. дисс., стр. 332.

за-, обозначавшими аналогичные отношения, и приводило к их вытеснению.

1) Прилагательные с приставкой *по-* могли обозначать два рода временны́х отношений, почти антонимичных: «происходящий после чего-нибудь» и «длящийся, происходящий до наступления чего-нибудь, какого-нибудь периода времени». Ср. *посмертное издание* (*по смерти*, в значении «после смерти») и *обещание посмертной дружбы* (*по смерть*, в значении «до наступления смерти»). Аналогичные отношения легче и свободнее выражались продуктивными типами прилагательных с приставками *после-* и *до-*. Нечеткость значения прилагательных с приставкой *по-* (возможность их двоякого понимания), связанная с непродуктивностью соответствующих предложно-падежных конструкций с предлогом *по* (ср., например, вытеснение конструкций типа *по гроб* конструкциями с предлогом *до*), препятствовала образованию подобных прилагательных. В то же время при общей малой продуктивности этого словообразовательного типа некоторые лексемы (*посмертный*, *пожизненный*, *пореформенный*) очень устойчивы.

Прилагательные со значением «происходящий после чего-нибудь»[408] отсутствуют в Словаре АР; Словарь 1847 г. дает: *поиезуитский*, *посмертный*; Словарь Даля: *поапостольский*, *побрачный*, *посвадебный*, *посыновний*, *пострадный*. Отдельные образования с этим значением фиксируются в течение всего XIX в.

По-Петровские исторические песни (П. Киреевск., п. Н. М. Языкову, 21—22 февр. 1834); *посмертные* записки (Совр., 1847, т. III, № 5); Дореформенной энергии Фомы Фомича противустояла *пореформенная* энергия прокурорского надзора (Эрт., Гард., 2, I); *пореформенное* хозяйство (Русск. богатство, 1893, № 11).

Этот тип прилагательных малопродуктивен и в наше время. Новообразования единичны: *пооктябрьский*, *повоенный*. Семантически они соотносятся с сочетаниями с предлогом *после*, а не *по*, так как в современном языке отсутствуют предложные конструкции с временны́ми значениями типа «по войне» и под. В этих случаях мы имеем такие же соотношения между предлогом и приставкой, как у прилагательных с приставками *пред-* и *меж-*: *перед войной — предвоенный*, *между государствами — межгосударственный*.

Прилагательные с другим временны́м значением («длящийся до наступления чего-нибудь, какого-нибудь периода») еще менее продуктивны, представлены единичными образованиями: союз дружбы неразрывный, *погробной* был заключен (Срезн., Rapsodia sonatina, Моск. набл., 1837, март, кн.1). Это значение свободнее выражается прилагательными с приставкой *до-*.

Среди имен прилагательных с приставкой *по-*, выражающих временны́е отношения, особняком стоит слово *пожизненный* [409]: «длящийся на протя-

[408] В «Материалах» Срезневского отмечено: *повечерьнии*, *позаутрьнии*, *попирьныи*, *попирчи*.

[409] Отмечено в Словаре 1847 г.

жении всей жизни»: *пожизненные* проценты (Моск. вестн., 1828, № 21—22); *пожизненный* капитал (Вельтм., Саломея, 12, II); почетное *пожизненное звание* (Ключевск., Ист. сосл. в Р., I).

По-видимому, именно своеобразие значения этого прилагательного, невозможность передать его с помощью других префиксальных образований объясняет устойчивость этого слова в языке.

2) Еще менее продуктивен в литературном языке XIX в. был тип прилагательных с приставкой *за-*, обозначающих «происходящий за чем-нибудь, после чего-нибудь», которые образовывались на основе предложных сочетаний с творит. пад. существительных, выражающих временны́е понятия.

Словарь АР и Словарь 1847 г. не помещают подобных прилагательных. В Словаре Даля дается ряд образований, не встретившихся в других источниках: *запраздничный* день, *заполде́нный* или *заполуде́нный*, *засрочный*. Единичные прилагательные этого типа, не зарегистрированные словарями, отмечаются в текстах: *заполуночная* пирушка артистов (Телеск., 1831, № 24).

Малая продуктивность этого типа прилагательных объясняется рядом причин: 1) отсутствием продуктивного соотносительного по значению типа сочетаний с предлогом *за*; 2) нечеткостью значения этих прилагательных, так как прилагательные с приставкой *за-* и подобными основами могли, кроме того, обозначать «происходящий во время чего-нибудь», ср.: *заобеденный разговор*, т. е. «происходящий за обедом» (см. § 129) и *заобеденный* в значении «послеобеденный»; 3) тем, что значение «происходящий после чего-нибудь» яснее и свободнее выражалось продуктивным типом прилагательных с приставкой *после-* (ср. *послеполуночный* и *заполуночный*).

История прилагательных с приставкой *меж- (между-)*

§ 145. В конце XVIII — нач. XIX в. литературный язык обогащается еще одним типом префиксально-суффиксальных прилагательных — образованиями с приставкой *меж-* (*между-*), создающимися на основе конструкций с вариантными предлогами *между* и *меж*. *Меж-* и *между-* выступали в прилагательных как вариантные тождественные по значению приставки, разграниченные сферами употребления.

В начале изучаемого периода прилагательные с этими приставками представляли собой единичные образования. В дальнейшем эти словообразовательные типы приобретают продуктивность преимущественно в сфере научной и общественно-политической лексики. Вероятно, их быстрому росту способствовало иноязычное влияние: часто образования с приставкой *меж-* (*между-*) возникали как кальки немецких и латинских прилагательных с приставкой *inter-* (ср. *interdental* — *интерденталь́ный* — *межзубно́й*, *international* — *интернациона́льный* — *междунаро́дный*).

1. Основное значение имен прилагательных с приставкой *меж-* (*между-*) — «расположенный между чем-либо» (что названо основой производящего имени).

Во многих случаях образования с *меж-* и *между-* бытуют как дублетные средства выражения. Так, Словарь АР и Словарь 1847 г. помещают как равнозначные слова *межгорный* и *междугорный*, Словарь 1847 г. — *межкостный* и *междукостный*, *межреберный* и *междуреберный*, Словарь Даля — *меж(ду)научный*, *меж(ду)лесный*, *меж(ду)коленный*. Круг прилагательных с приставкой *меж-*, отмечаемых Словарем АР и Словарем 1847 г., тот же, что круг прилагательных с приставкой *между-*[410]. В Словаре Даля образований с *меж-* несколько больше: *межречный*, *межсветный*, *межсобный* («межсобный разговор»).

Вариантные приставки *меж-* и *между-* разграничивались по сферам применения. *Меж-* как более краткий и структурно удобный вариант тяготел к области терминологии, где уже в начале XIX в. сложилась, по-видимому, закономерность преобразования предлога *между* в приставку *меж-*. Модель с *меж-* с начала XIX в. развивает большую продуктивность в терминологии отдельных наук (особенно медицины, анатомии): *межреберный*, *межклеточный*, *межчелюстной*, *межчерпаловидный*, *межпозвоночный*, *межпочечный*, *межтемянной*, *межмышечный*, *межмускульный*, *межкрышечный*, *межкопытный*, *межкишечный*, *межкамерный*, *межглазничный*, *межворсинчатый*, *межполюсный*, *межзубной*, *межгорловой*, *межпластовый*, *межкрыловой*. В сфере научной терминологии образования с приставкой *меж-* были более продуктивны, чем с *между-*[411].

В специальной терминологии начала века встречаем и образования с *между-*. Так, в «Техно-ботаническом словаре» Мартынова находим: *междустворочный*, *междуузлый*, *междучерешковый*, *междулиственный*. Большое количество новообразований с приставкой *между-* характерно для таких наук, как анатомия, медицина: *междусоставный*, *междутканный*, *междухребетный* (Гринб., Мед. сл.); ср. также *междучелюстной*, *междумышечный*, *междуглазный*; в технической терминологии: *междубалочный*, *междурядный*. Однако модель с приставкой *между-* была более распространена в общелитературном языке. Объясняется это, вероятно, меньшей стандартизованностью подобных образований:

---

[410] В «Материалах» Срезневского зафиксировано всего два прилагательных с приставкой *меж-* и ее вариантами *меже-* и *-межи-*; *межипѣсьныи*, *межусобьныи* (*межиусобьный* и *межеусобьныи*).

Вариантный префикс *межи-*, *меже-* в живом материале языка XIX в. нам не встретился. Словари XIX в. дают единичные образования этого типа: *межеусобный* (Сл. 1847 г.,) *межеречный*, *межидельный* (Даль).

[411] То же положение характерно для современного языка (см.: Е. А. Голушкова. Указ. дисс., стр. 225).

они свободно возникают в речи на основе сочетаний с более употребительным вариантом предлога.

Он в книгах не всегда читал то, что было в них напечатано, а каким-то *междустрочным* чтением то, что ум его прибавлял от себя (Вяземск., Автобиогр. введ., LXIV); Прочтите в моем письме, как *междустрочный* смысл, только одно искреннейшее желание вам здоровья (И. Акс., п. А. Д. Блудовой, 14/15 дек. 1867); *междупостельные* шкафчики [в казармах] (Вс. Крестовск. ЛК); У, ты! *междудворная*/... [о корове] (Решетн., Кумушка Мирониха).

Особенно широко образования этого типа представлены в конце изучаемого периода:

Междузвездное пространство (Бальмонт, Бледн. люди. ЛК); *междупалубное* пространство (Станюк., Первогодок, IV); *междуречные* районы (Семен.-Тянь-Ш., Путешествие. ЛК); *междуполярные* жители (Корол., Л. Н. Толстой, I).

Образования с приставкой *меж-* в общелитературном употреблении очень редки; например, у Златовратского отмечены: *межполосный*, *межпольная* дорога.

2. Второй тип образований с приставкой *меж-*(*между-*) составляли прилагательные со значением «происходящий, совершающийся между кем- чем-либо» (в соответствии со значением производящего имени). Они образовывались на основе сочетаний предлога с существительными — названиями общественных коллективов, учреждений, организаций, групп и т. п. Здесь был более употребителен вариант *между-*. Этот словообразовательный тип начинает развиваться приблизительно с середины XIX в.[412], когда фиксируются многочисленные новообразования, относящиеся преимущественно к сфере общественно-политической лексики:

Между-племенные предубеждения (Вяземск., Ст. зап. кн.); союз любви *международной* (Вяземск., Берлин); Дружба прекрасное *междучеловеческое* чувство (Корш, п. Л. Толстому, 18 мая 1858. ЛК); *междучеловеческие* отношения (Писарев, Реалисты, VII); *междусословные* отношения (Писарев, Стояч. вода, VI); *международные* отношения (Л. Толст., В. и м., Эпилог, 2, IV); *междукняжеские* войны (Беляев, Расск. из русск. ист. ЛК); взаимность *междуличных* отношений (Михайловск., Утопия Ренана. ЛК); *междуведомственные* комиссии (Ключевск. ЛК); *междуматериковые* морские сношения (В. Тимонов, Кр. обозр. ист. разв. морск. строевого дела. ЛК).

---

[412] В Словарях АР и 1847 г. приводится лишь одно прилагательное с этим значением — *междуусобный*, единственное прилагательное с приставкой *между-*, засвидетельствованное еще «Материалами» Срезневского. Однако возможно, что оно было образовано от существительного *междуусобие* и, следовательно, не относится к префиксально-суффиксальному типу словообразования.

Во всех подобных образованиях видна отчетливая смысловая связь с производящими предложно-именными сочетаниями. Прилагательные этого типа легко образовывались в речи: *междудеревенская* конвенция (Корол., Смиренные, II); *междуживотное* право (Л. Андреев, Что видела галка). Этот тип словообразования сохраняет продуктивность до наших дней.

3. Третью группу прилагательных с приставкой *между-* составляли образования, выражающие временны́е отношения: «происходящий в какой-либо промежуток времени,между какими-либо событиями» (в соответствии со значением производящего имени). Такие прилагательные не фиксируются академическими словарями первой половины XIX в.; в Словаре Даля только одно образование этого типа — *меж(ду)научный*: *(между)научные занятия.*

С середины XIX в. отмечаются единичные образования.

Междуцарственное затишье (Вяземск., Ст. зап. кн.); Это дело *междудельное* (Леск., Соборяне, 2, 10); *междукняжеские* времена (Иловайск., Ист. России. ЛК); *междуканикулярное* время (Леск., На ножах. ЛК); случайные *междуочередные* работы (Корол., Государевы ямщики, II).

Этот тип словообразования был мало продуктивен. Во второй половине и конце XIX в. он пополняется новообразованиями с вариантом *меж-*: *межледниковая* эпоха (Полн. энц. с/х. ЛК); *межсезонное* пальто, *межсезонная* антреприза (Из газет конца XIX в. ЛК).

Ср. в начале XX в. у Ленина: «*межреволюционный*» момент (О фракции сторонников отзовизма и богостроительства, II. Соч., т. 16, стр. 23); «*межреволюционный*» период (Заметки публициста, I. Соч., т. 16, стр. 179).

Таким образом, прилагательные с приставками *меж-* и *между-* были функционально разграничены: прилагательные с *меж-* употреблялись преимущественно для выражения пространственного значения в сфере научной терминологии; прилагательные с *между-* — для выражения социальных отношений в сфере общественно-политической терминологии.

Основной способ прозводства прилагательных с приставкой *меж-* (*между-*)— приставочно-суффиксальный; прилагательные восходят к сочетанию существительного с предлогом. Для этого словообразовательного типа характерно использование того же суффикса, который был в соответствующем бесприставочном прилагательном (*-н-*, реже *-ов-*). Это создает соотносительность бесприставочных и приставочных образований и часто не дает возможности решить, каким именно способом произведено прилагательное с приставкой. Однако, по-видимому, в тех случаях, когда приставочное прилагательное содержало суффиксы *-онн-* (*межреволюционный*), *(-ч)ат-* (*межворсинчатый*), *-еск-* (*межтропический*), производный суффикс *-арн-* (*межполярный*), прилагательное, сохраняя семантическую соотносительность с предложным

сочетанием, было образовано префиксальным способом, т. е. приставка присоединялась к готовому, имеющемуся в языке образованию.

Не приобрели продуктивности, отчасти из-за конкуренции с продуктивными типами имен прилагательных с приставками *между-* и *меж-*, близкие им по значению прилагательные с приставкой *среди-* [413]. Они образовались из сочетаний предлога *среди* с существительными в родит. пад. и по значению соответствовали этим сочетаниям. Прилагательные с приставкой *среди-* не отмечены в Словаре АР и Словаре 1847 г., хотя они встречаются в текстах XVIII—XIX вв.

Эта словообразовательная модель проявляет слабую продуктивность в течение всего изучаемого периода, спорадически используясь для производства имен прилагательных, обозначающих пространственные и временные отношения:

Средилетнее время (Лепехин, Путеш., II); *срединенный* зной (Радищ., Путеш., Новгород); *средиболотная* и лесная глушь (Ист. вестн., 1901, № 5).

Однако такие прилагательные не входят в литературный язык и остаются элементами индивидуального словоупотребления. Устойчивым оказалось лишь одно прилагательное этого типа — *срединемный*, закрепившееся в составе географического термина *Средиземное море*. Свободное употребление этого прилагательного не свойственно современному языку. Ср. в языке XIX в.:

От вод холмистых, *средиземных*... (А. А. Дельв. [назв. стихотв.]); *средиземные* волны (Герц., Легенда).

История прилагательных с приставками *около-, вне-, внутри-, от-, чрез- (через-)*

§ 146. В первой половине XIX в. в сфере специальной терминологии складываются еще несколько типов прилагательных, позднее проникающих и в общелитературный язык.

1. Имена прилагательные с приставкой *около-* [414], в соответствии с основным пространственным значением предлога *около*, обозначают «находящийся, лежащий вблизи или вокруг чего-нибудь» (соотносительно со значением производящего имени).

Формирование таких прилагательных как особого словообра-

---

[413] Между конструкциями с предлогами *меж*, *между* и *среди* и образованными на их основе прилагательными существовала лишь частичная смысловая близость: ср. *среди болот — меж(ду) болот*; *средиболотный — меж(ду)-болотный*, но *среди дня — срединенный* (при отсутствии «меж(ду) дня» и под.).

[414] Принятое в современной грамматике и лексикографии положение о том, что *около* в составе прилагательных является первой частью сложного слова (см. например, Словарь АН СССР), спорно. *Около* в составе прилагательных является приставкой, так как: 1) эта морфема связана по происхождению с предлогом *около*, выступающим в сочетаниях с родит пад. существительного, на основе которых и образовались подобные прилагательные: *около уха — околоушный* (ср. с иным ударением *ушно́й*), *около плода — околоплодный* (ср. отсутствие прилагательного «плодный»); 2) по значению морфема *около* соотносительна с другими приставками предложного происхождения и составе имен прилагательных (ср. *околопочечный, надпочечный*], *околоушный, заушный*).

зовательного типа относится, по-видимому, к началу XIX в.[415] Первоначально эта модель была продуктивна в области научной терминологии; так, в «Техно-ботаническом словаре» И. Мартынова находим: *окололепестный*, *околопестиковый*, *околоосевой*, *околоплодный*, *околотельный*, *околоцветный*, *околомужний*, *околоженный*. Целый ряд прилагательных с приставкой *около-* помещен в «Терминологическом медицинском словаре на латинском, немецком, французском и русском языках» Л. Гринберга: *околоженный*, *околокостный*, *окололегочная* плева, *околоматочная* кровяная опухоль, *околопестиковый*, *околоплодный*, *околосуставная* жидкость, *околосеменный*, *околосердечная* оболочка или сумка.

Прилагательные с приставкой *около-* фиксирует в своем словаре и Даль. Наряду с образованиями терминологического характера (*околошейные* железы, *околосердечная* сумка, *околопочечный* жир, *околоземный* воздух, *околожерлая* лава), он приводит: *окологородный* обыватель, *околодверные* украшения, *околонорная* травка, *околокрайняя* полоса[416]. Как свидетельствуют не только словари, но и многочисленные специально обследованные тексты разных жанров, на протяжении XIX в. тип прилагательных с приставкой *около-* был продуктивен только в области научной терминологии — преимущественно ботанической, медицинской, анатомической. Вот несколько новообразований, отмеченных в специальных словарях конца XIX в.: *околощетинный*, *околополовой*, *околоплодниковый*, *околопестичный*, *околоматочниковый*, *окологлоточный*, *околожаберный*, *околозенитный*. Этот тип прилагательных сохраняет продуктивность в специальной терминологии и в наше время. Ср. такие новообразования, как *околополярный*, *околополюсный*, *околощитовидный*, *околоротовой*, *околохордовый*.

По-видимому, в конце XIX в. возможности образования этих прилагательных расширяются. Они начинают создаваться не только префиксально-суффиксальным способом, но и чисто пре-

[415] Словарь 1731 г., Словарь АР, Словарь 1847 г. прилагательных с приставкой *около-* не помещают. В «Дополнениях» к «Материалам» И. Срезневского отмечено прилагательное *окологородьскыи* — «пригородный: «Съ черными людми *окологородцкими* не тянути ни во что. Оброчн. 1543 г.» Однако нет уверенности в том, что это слово было образовано префиксально-суффиксальным способом из сочетания *около города*, так как в этом словаре зафиксировано существительное *окологородиѣ* («окрестность города, пригородье»), от которого и могло быть образовано прилагательное *окологородьскыи*.

[416] Среди имен прилагательных с приставкой *около-*, приводимых Далем, есть два образования, в которых приставка не имеет пространственного значения, а обозначает приблизительность (*околосотенный* отряд) и временно́е отношение (*околопраздничная* пора). Другие материалы не подтверждают наличия подобного значения у прилагательных с приставкой *около-*. Особняком стоит также прилагательное *околомилый*, отличающееся от остальных прилагательных с этой приставкой значением и способом образования: «*околомилый*, докучливый, а не противный» (произведено префиксацией от бесприставочного прилагательного, а не комбинированным префиксально-суффиксальным способом).

фиксальным способом: *околополовой* (от *половой*), см. ниже: *околоправый*.

2. В начале XX в. развивается новый семантический тип прилагательных с приставкой *около-*. Это прилагательные со значением «примыкающий к чему-либо» (общественной группировке, течению, виду искусства и т. п.), полностью не покрывающимся значением соответствующих предложно-падежных сочетаний. Слова этого типа относятся к общественно-политической, публицистической лексике и характеризуются яркой экспрессивной окраской отрицательности. Такие прилагательные широко употреблял Ленин:

> Что такое российский либерально-демократический филистер кадетского и *около-кадетского* лагеря? (Памяти гр. Гейдена. Соч., т. 13, стр. 42); *около-марксистские* или колеблющиеся элементы (Слова и дела. Соч., т. 19, стр. 235); правые, почти правые, *около-правые*, левые эсеры (IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, 14—15 марта 1918. Соч., т. 27, стр. 168); союз ничтожной части *около-пролетарских* элементов с буржуазией (Оппортунизм и крах II Интернационала. Соч., Изд. 3, т. 18, стр. 343); социал-демократы внепартийные и *около партийные* (Как В. Засулич убивает ликвидаторство. Соч., т. 19, стр. 371); «*около-кадетские*» интеллигенты (Вождь ликвидаторов о ликвидаторских условиях «единства». Соч., т. 20, стр. 81).

Неупорядоченность в написании этих прилагательных — написание слитное, раздельное, через дефис — отражает новизну этого словообразовательного типа, его живые связи с предложно-падежными конструкциями. Однако смысловая целостность подобных образований, их семантическая соотносительность с прилагательными с другими приставками (см. выше: *анти*партийные, *без*партийные, *вне*партийные, *около*партийные социал-демократы), а также отсутствие в русском языке такой синтаксической модели, как сочетание предлогов с прилагательными, с несомненностью свидетельствуют о том, что это префиксальные прилагательные.

Этот тип прилагательных продуктивен в современном языке; в качестве производящих существительных используются преимущественно названия отдельных видов искусств, науки: *окололитературный*, *околомузыкальный*, *околотеатральный*, *околонаучный*, *околоспортивный*, *околофилологический* [417].

§ 147. Имена прилагательные с приставкой *вне-* со значением «находящийся, совершаемый за пределами чего-нибудь», производимые префиксально-суффиксальным способом, развиваются,

---

[417] Современные толковые словари (Ушакова, Ожегова, АН СССР) образований этого типа не фиксируют. В диссертации Е. А. Голушковой (стр. 288) отмечено только одно прилагательное этого типа — *околопартийный* (с примером из сочинений Ленина); прилагательное *окололитературный* помещено в «Орфограф. словаре русск. языка».

по-видимому, с начала XIX в. В Словаре АР и Словаре 1847 г. подобных образований нет. В текстах первой половины XIX в. находим:

Внедомашнее воспитание (Вяземск., Автобиогр. введ., II); По каким-то закулисным или *внекулисным* обстоятельствам содержательница невзлюбила молодой актрисы (Вяземск., Ст. зап. кн.); *внебрачная* дочь (Моск. набл., 1837, апр., кн. 1); три *внеправительственные* пути действия (Показания Н. А. Спешнева, 2 июня, 1849).

В лексикографической практике приставка *вне-* впервые находит отражение в Словаре Даля: «Частица *вне-* слитно с прилагательными выражает внешнее расположение предмета, от коего прилагат. взято: *внедомовый*, *внеуличный*, *внедворный*, *внеутробный*, *внекрайний* и пр.».

Эта словообразовательная модель используется для производства специальной терминологии, в частности медицинской: *внезубная* полость; *внекоренной*, *внематочный*, *внецентренный* (Гринб., Мед. сл.).

Рассматриваемый тип словообразования сохраняет продуктивность до конца XIX в. и в современном языке, преимущественно в сфере общественно-политической и научной терминологии:

Жизнь *вневременная* в настоящем (Л. Толст., Дневн. ЛК); Я есть что-то *внепространственное* (Там же); символы *внеязычного* значения (Потебня, Из зап. по русск. грам., I, IX); *внецерковный* юридический оборот (Ключевск. ЛК); формы *внечеловеческой* жизни (ЖМНП, 1898, март); присутствие фатального и *вневольного* (Нов. время, 1900. ЛК); *вневедомственный* (Там же, 1902. ЛК); *внеисторическое* явление (Брюсов, Дневн., янв.— февр., 1903); *внеэкономические* отношения (Ленин, п. М. Т. Елизарову, 28 февр. 1899. Соч., т. 37, стр. 169); В обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда *внеклассовой* или надклассовой идеологии (Ленин, Что делать?, II. Соч., т. 5, стр. 356); *внедумские вопросы* (Ленин, О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве, IV. Соч., т. 20, стр. 315); *внепартийная* группа (Там же).

§ 148. Тип прилагательных с приставкой *внутри-* (антонимичных именам прилагательным с приставкой *вне-* с пространственным значением) начал складываться только в середине XIX в. в сфере научной терминологии. Отдельные образования этого рода отмечаются в «Медицинском словаре» Гринберга; *внутрижелудочная* сосудисто-мозговая пленка. Позднее эта модель активизируется.

В современном языке образование таких прилагательных очень продуктивно, особенно в общественно-политической и научно-технической терминологии: *внутрикомнатный*, *внутрисоюзный*, *внутриведомственный*, *внутригосударственный*; *внутриатомный*, *внутримышечный*, *внутривенный*, *внутриклеточный*; *внутризаводской*, *внутриколхозный* и др.

§ 149. В первой половине XIX в. в сфере грамматической терминологии появляется еще один тип префиксально-суффиксальных прилагательных — прилагательные, образованные из сочетаний предлога *от* с существительными в родит. пад. со значением «происшедший от...»(в соответствии со значением производящего имени): *отглагольный*, *отыменный* (впервые отмечены в Словаре 1847 г.).

В языковедческой терминологии прилагательные этого типа сохраняют продуктивность до наших дней, ср. *отпричастный*, *отнаречный*, *отпредложный*, *отместоименный* и под.

§ 150. На протяжении XIX в. складывается тип прилагательных, образующихся на основе сочетаний предлога *через* (*чрез*)[418] с винит. пад. существительного. Самыми ранними образованиями этого типа являются, по-видимому, слова *чрезъестественный* (вытесненное позднее словом *сверхъестественный*) и *чрезмерный* (отмечены в Словаре АР, встречаются и ранее). В Словаре 1847 г. помещены еще: *чресполосный*, *чресплечный*. Немногочисленные прилагательные этого типа со значением, соответствующим значению предложно-падежного сочетания, встречаются в литературном языке на протяжении всего XIX в.:

Чрезденный выход [«Сев. пчелы»] (Марл., Взгл. на русск. словесн. в течение 1824 и нач. 1825 г.); *чресполосное* отмежевание (Телеск., 1831, № 21); *чрезроссийский* канал (Нов. время, 1903. ЛК).

В XIX в. эта словообразовательная модель была слабо продуктивна; в современном языке она обнаруживает некоторую активность, преимущественно в сфере специальной терминологии: *черезбороздный*, *чересподушечный*, *чересподъемный* ремень, *чересплечные* ремни, *черезрядный*, *чересседельный*. Характерно, что в новообразованиях нашего времени в соответствии с формой предлога используется полногласный вариант приставки.

Выводы

§ 151. 1. Для истории префиксально-суффиксального словообразования прилагательных в XIX в. характерно расширение круга предложно-именных сочетаний, на основе которых могли образовываться прилагательные, и вовлечение в сферу словообразования прилагательных ряда предлогов наречного происхождения (*около*, *вне*, *после*, *между*, (*меж*), *чрез* (*через*), *противо* (*противу*), *внутри*, *среди*). Так же, как и в других областях словообразования, система образования прилагательных с приставками предложного происхождения пополняется моделями, развившимися в специальных стилях литературного языка, преимущественно в научной терминологии (прилагательные с приставками

[418] В прилагательных используется обычно неполногласный вариант предлога, аналогично образованиям с приставками *меж-* и *пред-*.

около-, *вне-*, *меж-*, *после-*, *противо-* (*противу-*), *чрез-* (*через*)-, *внутри-*, *от-*, *над-*). Возникшие здесь словообразовательные модели позднее входят в систему общелитературных средств выражения. Сами модели при этом претерпевают некоторые изменения: расширяются связи приставок с производящими основами; у ряда приставок уже на почве общелитературного языка развиваются новые значения (см., например, прилагательные с приставками *около-*, *сверх-*).

Интенсивному развитию типов прилагательных с отпредложными приставками способствуют также иноязычные влияния. Подобные приставки используются при калькировании иноязычных образований (ср. соотношение между приставками *противо-* и *анти-*, *сверх-* и *über-*, *меж-* (*между-*) и *inter-*), вследствие чего возникают словообразовательные модели, повторяющие соотношение производящего и производного, характерное для языка-источника. Приставки, участвующие в калькировании, обычно используются и при производстве прилагательных, соотносительных с русскими предложными сочетаниями. Поэтому, как правило, среди прилагательных с такими приставками имеются образования двух типов: 1) соотносительные с русскими предложными конструкциями и 2) кальки и их подобия, отличающиеся иным значением и соотношением частей.

2. Основная тенденция развития системы префиксально-суффиксального образования прилагательных в литературном языке XIX в. состояла в изживании многозначности приставок, закреплении за прилагательными с какой-либо одной приставкой выражения одного или нескольких внутренне объединенных значений; здесь мы видим проявление той общей тенденции к специализации словообразовательных средств, которая была свойственна всей системе именного словообразования в литературном языке XIX в.

Прилагательные, соотносительные с непродуктивными и малочисленными предложными сочетаниями, не образовывали продуктивных типов и вытеснялись из языка, заменяясь другими средствами выражения. Значения некоторых из этих уходящих типов переходили к молодым, складывающимся в XVIII—XIX вв. словообразовательным типам с новыми приставками, не обремененными многозначностью. Вследствие этого в литературном языке XIX в. отмечается вре́менное сосуществование вариантных — старых и новых — средств выражения. Побеждали обычно новые словообразовательные типы, в которых значение, привносимое приставкой, выражалось более отчетливо, т. е подкреплялось ясной соотносительностью со значением продуктивных предложно-падежных конструкций, не затемнялось возможностями различного понимания значения приставки, явлениями омонимии и под. Так, из близких или совпадающих по значению пар прилагательных с приставками *над-* и *сверх-* (*над-*

мерный — сверхмерный), *за-* и *сверх-* (*закомплектный — сверхкомплектный*), *за-* и *после-* (*заполуночный — послеполуночный*), *по-* и *после-* (*повоенный — послевоенный*) вторые члены каждой пары оказывались более устойчивыми.

3. Типическая черта прилагательных с приставками предложного происхождения — семантическая соотносительность с предложно-падежными сочетаниями. Подобные прилагательные образовывались чаще всего комбинированным способом — с помощью суффиксации и одновременного преобразования предлога в приставку. При этом обычно употреблялся самый общий и продуктивный суффикс имен прилагательных *-н-*. Поэтому нередки случаи, когда прилагательное, образованное префиксально-суффиксальным способом, имело суффикс *-н-*, а бесприставочное прилагательное, образованное от основы того же существительного, какой-либо другой суффикс (ср. *гробовой*, но *загробный*, *надгробный*; *заботливый*, но *беззаботный* и под.) или отличалось от него местом ударения (*дверно́й*, но *наддве́рный*, *речно́й*, но *заре́чный* и под.).

В связи с расширением репертуара и увеличением продуктивности приставок предложного происхождения они получили возможность (по-видимому не ранее XIX в.[419]) присоединяться к уже готовым прилагательным. Ср. например, *межполюсной* (соотносительное с сочетанием *меж полюсами*) и *межполярный* (произведенное от прилагательного *полярный* с помощью приставки *меж-*). Такие прилагательные особенно характерны для научной терминологии. Семантически они соотносительны с предложно-падежными конструкциями, однако способ их образования — чисто префиксальный.

Кроме того, в XIX в. отмечаются префиксальные прилагательные, семантически соотносительные и с предложно-падежными сочетаниями, и с соответствующими бесприставочными прилагательными, включающими тот же суффикс. Так, прилагательное *межреволюционный* (*период*) соотносительно и с прилагательным *революционный* (*период*) и с сочетанием (*период*) *между революций*. В таких случаях образование прилагательного могло происходить поразному: и собственно приставочным, и приставочно-суффиксальным способом. Несомненно, что вовлечению отпредложных приставок в чисто префиксальный способ словообразования способствовало в XIX в. появление калек, производимых способом префиксации, а не префиксально-суффиксальным.

В результате отмеченных процессов разрушается универсальность модели «отпредложная приставка + основа существительного + *н* + *ый*». Состав суффиксов, встречающихся в прилагательных с отпредложными приставками, расширяется. В них

[419] Особое место в этом отношении занимает приставка *без-*, получившая способность присоединяться непосредственно к прилагательным еще в древнерусском языке — при калькировании с греческого языка (см.: С. П. Обнорский. Префикс *без-* в русск. языке, стр. 201—202).

находим уже не только суффикс *-н-* и изредка отмечавшиеся ранее суффиксы *-ск-* и *-ов-*, но и многие другие (например: *предреволюционный*, *заатлантический*, *межворсинчатый*). Характерной особенностью подобных образований является то, что суффикс в их составе обычно не имеет того специфического значения, которое он вносит в бесприставочное прилагательное. Так, например, суффикс-(*ч*)*ат-* не вносит в прилагательное *межворсинчатый* значения «наделенный в большой степени чем-либо, похожий на что-либо», которое ему свойственно в слове *ворсинчатый*. Поэтому прилагательные с отпредложными приставками разделяются на словообразовательные типы, включающие образования с единым значением приставки, но могущие иметь разные суффиксы. Суффикс не влияет на значение прилагательного, а используется лишь как элемент, конструирующий слово, привычно сочетающийся с данной основой (например: *застенный*, *заморский*, *заатлантический*; *межполярный*, *межгорный*, *межледниковый*, *межворсинчатый*).

4. В литературном языке XIX в. складывается закономерность, в соответствии с которой при наличии у предлога двух вариантных форм в состав прилагательного в качестве приставки входил более краткий вариант: *пред-* (а не *перед-*), *меж-* (а не *между-*) и т. д. Эта закономерность ранее всего распространяется на варианты *пред-* (*перед-*). В конце XIX в. соотношение *перед* (предлог) — *пред-* (приставка) становится регулярным. В силу этой же закономерности вариант *меж-* теснит *между-*. В XIX в. *меж-* употреблялся значительно чаще, чем *между-* лишь в составе терминологической лексики. В современном языке *меж-* преобладает над *между-* во всех слоях лексики. Ср. новообразования *межпланетный*, *межрайонный*, *межинститутский*, *межзональный*, *межконтинентальный*, *межзвездный*, *межфразовый*, *межъязыковой* и др.; варианты *междузвездный*, *междупланетный* и под. встречаются, но значительно реже.

Тенденция использовать в прилагательном краткий вариант предлога не дает окончательно угаснуть модели *по-...-н-ый* (с временны́м значением) в ее конкуренции с образованиями с *после-* [420]. Лишь в одной вариантной паре (*чрез-* — *через-*) рассматриваемая закономерность встречала противодействие. Уже в XX в. в силу отказа от многих форм, традиционно связываемых с высоким стилем, более употребительным делается вариант *через-*. Это объясняется, по всей вероятности, тем, что данная модель находится в процессе становления и регулярные соотношения *через* (предлог) — *чрез-* (приставка) в ней еще не сложились.

---

[420] В этом случае, несмотря на различие значений предлогов *после* и *по* и малую употребительность предлога *по* с временны́м значением, соотношение *после* (предлог) — *по-* (приставка) становится в тот же ряд, что и *перед* — *пред-*, *между* — *меж-*.

ИЗМЕНЕНИЯ В ФОРМАХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

ИЗМЕНЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ

§ 1. Начиная с Ломоносова и по настоящее время вопрос о степенях сравнения прилагательных является предметом научных разногласий.

Ломоносов признавал три степени сравнения: положительную, сравнительную (по его терминологии — «рассудительный степень») и превосходную («превосходный степень»). «Рассудительный степень,— писал он,— производится от женского именительного чрез перемену *а* на *ее*: *страшен*, *страшна*, *страшнее*; *волнист*, *волниста*, *волнистее*» [1]. Вслед за этим говорится: «Нередко ради двух или трех *е*, первые склады составляющих, вместо *ее* употребляется *яе*: *блекляе*, *светляе*, однако и *блеклее*, *светлее* равное или и лучшее достоинство имеют» [2]. Превосходная степень, по Ломоносову, образовывалась прибавлением приставки *пре-* к положительной степени. Кроме того, превосходная степень получалась из сочетания положительной степени со словом *самый*. Особо выделил Ломоносов образования с суффиксами *-ейш* и *-айш*. Их он рассматривал как принадлежащие преимущественно «важному и высокому стилю, особливо в стихах». Поэтому он предостерегал, «чтобы сего не употребить в прилагательных низкого знаменования или в неупотребительных в славенском языке и не сказать: *блеклейший*, *преблеклейший*, *прытчайший*, *препрытчайший*» [3]. Признаков для различения сравнительного и превосходного значений прилагательных на *-ший* Ломоносов не

---

[1] М. В. Ломоносов. Росс. грам., § 217.

[2] Там же, § 218. В XVIII в. формы сравнительной степени на *-яе* были довольно часты, но к началу XIX в. они вышли из употребления.

[3] Там же, § 215.

указывает, а лишь отмечает, что «кончащиеся на *-ший* и без предлога *пре-* больше превосходного, нежели рассудительного, степени силу имеют» [4].

Вопрос о том, к какой степени сравнения — сравнительной или превосходной — относятся образования на *-ший*, не только в XVIII, но и в XIX в. долгое время был предметом споров между грамматистами. Так, Болдырев, И. Калайдович и другие считали прилагательные на *-ший* принадлежащими к сравнительной степени, рассматривая их как характерные для высокого стиля. Противоположное мнение о том, что прилагательные с суффиксами *-ейш*, *-айш* принадлежат к превосходной степени, имело своих сторонников (Аксаков, Буслаев и др.). Впрочем, и Аксаков и Буслаев склонялись к тому, что при известных условиях эти прилагательные могут иметь и значение сравнительной степени [5]. Греч полагал, что сравнительная степень имеет две формы: полную (на *-ший*) и усеченную (на *-ее*, *-е*); «превосходная степень не имеет собственной формы в языке нашем» [6].

Востоков, стоявший на такой же точке зрения, называл формы сравнительной степени на *-ший* склоняемыми, а формы на *-ее*, *-е* спрягаемыми [7]. Превосходная степень, по Востокову, выражается: «1) либо склоняемым окончанием сравнительной степени, когда при нем подразумеваются слова: *из всех...*, также когда прилагательное с сим окончанием снабжено приставкой *наи-...*, 2) либо склоняемым окончанием положительной степени с приложением слова *самый...* 3) Спрягаемое окончание превосходной степени составляется приложением слова *всех* к спрягаемому окончанию сравнительной степени» [8].

Павский также не находил в русском языке специальных форм превосходной степени. Он писал: «Наш язык вместе с другими словенскими, сохранив немногие остатки прежде бывших в нем признаков превосходной степени, отказался ныне от органического образования превосходной степени и для указания ее употребляет имена и частицы, имеющие силу возвышать понятия, каковы: *очень*, *весьма*, *пре-*, *наи-*, *все-*, *самый*, либо сравнительной степени дает, хотя изредка, силу превосходной» [9].

---

[4] М. В. Ломоносов. Росс. грам., § 215.

[5] Этот вопрос подробно изложен в статье Н. А. Еськовой «Употребление форм прилагательных с суффиксом *-ейш-(айш)* в значении сравнительной степени в русск. лит. языке XIX—XX вв.» («Уч. зап. Башкирского гос. пед. ин-та», вып. 8. Серия филол., № 2, 1956). Проанализировав большой материал, автор статьи приходит к выводу, что «только самый конец XIX — начало XX в. можно считать тем «рубежом», после которого сравнительная степень на *-ейший,-айший* становится редким исключением» (стр. 300).

[6] Н. И. Греч. Простр. русск. грам., т. I, стр. 207.

[7] А. Х. Востоков. Русск. грам., стр. 56.

[8] Там же, стр. 57.

[9] Г. П. Павский. Филол. набл. Рассужд. II, стр. 142.

Во второй половине XIX в. разногласия продолжались; в школьной практике преобладала точка зрения, согласно которой формы на *-ейш-*, *-айш-* являются признаком сравнительной степени [10].

§ 2. В первых десятилетиях XIX в. прилагательные с суффиксами *-ейш*, *-айш* употреблялись в трех значениях.

1. В значении сравнительной степени. Это значение обнаруживалось: при наличии при прилагательном названия предмета, с которым в отношении данного качества делалось сравнение; при наличии союзов *чем*, *нежели*; в сочетаниях со словами *гораздо*, *еще*, либо со словами, обозначающими меру, количество [11].

Огромнейший первого камень схватил (Жуковск.); Образ Пушкина является в новом и *еще лучезарнейшем* свете (Белинск.); История сделается в высшем и *обширнейшем* смысле, *чем* у древних, наставницею народов (Грановск.); Множество незначащих повременных изданий, в которых слабое перо *еще слабейшим* являет себя (Сев. вестн., 1805, март).

Прилагательные с суффиксами *-ейш-*, *-айш-* в значении сравнительной степени часто встречаются у И. И. Дмитриева (*важнейший* обыкновенных пустых *разговоров*), Карамзина (*страшнейший* самой *казни*, *еще страшнейший* голосом, *в десять раз сильнейшим*), Шишкова (*искуснейший*, *чем* Апеллесова кисть), Катенина (*сильнейший льва*), Н. И. Тургенева (*гораздо многочисленнейший*), Гоголя (*умнейшие их*) и др.

2. В значении превосходной степени. Это значение обнаруживается при наличии при прилагательном слов *из всех*, *из всего*, *из* (*один из*) в сочетании с родит. пад. существительного — названия предмета, с которым в отношении данного признака делается сравнение, а также при наличии указаний на место, время, условия проявления признака.

Боги разум дали нам, *Изо всего верховнейшее* благо («Антигона», пер. А. Григорьева, Б-ка для чт., 1846, т. LXXVII, кн. 1); Опишем здесь *славнейшие из них* [обсерваторий] (Совр., 1841, т. XXV); похожий на *отчаяннейшего из головорезов* (Б-ка для чт., 1846, т. LXXVII, кн. 1); Эта фабрикация, *древнейшая в России*, сосредоточена ныне в Москве (Там же).

При отсутствии названных показателей значение превосходной степени может вытекать из контекста:

Не стыдно никому, *мудрейшим* даже, Советы принимать («Антигона». Б-ка для чт., 1846, т. LXXVII, кн. 1); Сей способ если не *успешнейший*, то не менее прочих сильный (Сев. вестн., 1805, март).

---

[10] См., например, популярный в конце XIX — нач. XX в. «Высший курс русской грамматики» В. Стоюнина (изд. 6, СПб., 1911, § 35).

[11] Большинство приводимых ниже примеров заимствовано из книги В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи» (Изд. 2, вып. 2, стр. 192).

Иногда значение сравнительной степени исключается самым характером лексического значения прилагательного на *-ший*:

Даже первообразные материалы... имеют *главнейший* сбыт и обрабатываются в Москве (Б-ка для чт., 1846, т. LXXVII, кн. 1); Не слыхал *малейшего* сопротивления (Там же).

3. В значении «внесравнительной» высокой оценки качества «предмета». Иногда контекст подсказывает если не значение «превосходства», то близкое к нему; однако при этом всегда остается место для субъективного понимания формы. Такие прилагательные с суффиксами *-ейш-*, *-айш-* были особенно широко распространены в первой половине XIX в.

Была она достойна смерти после *Прекраснейшего* дела («Антигона». Б-ка для чт., 1846, т. LXXVII, кн. 1); возвращались домой с большим патриотизмом, будучи уверены и имея к тому способы приобрести себе новое уважение от соотчичей своих *обширнейшими* познаниями, *чистейшею* ли нравственностью или новым умением одобрять полезное для общества ремесло (Сев. вестн., 1805, март); пригласит ли кого к себе из *знатнейших*... (Там же); С 1820 года начинается новый ряд *превосходнейших* наблюдений (Совр., 1841, т. XXV); Положение их определено с *величайшей* точностью (Там же).

По существу эти формы прилагательных стоят вне степеней сравнения, они ближе всего к образованиям с приставками *пре-*, *раз-* (*превеликий*, *пресмешной*, *разудалый*), а также к сочетаниям положительной степени с наречиями *очень*, *весьма*, *необычайно* и под.

§ 3. В описываемый период широко была распространена отмеченная уже Ломоносовым аналитическая форма превосходной степени, складывавшаяся из сочетания положительной степени со словом *самый*. В древнерусском языке этой формы превосходной степени не было; в нем не существовало вообще специальной формы для выражения превосходной степени [12].

Аналитическая форма превосходной степени со словом *самый* в конце XVIII и в первой половине XIX в. была характерна для повествовательной и описательной прозы и редко встречалась в поэзии и вообще в высоком стиле. По сравнению с формами на *-ейш-*, *-айш-*, аналитическая форма обладала тем преимуществом, что сразу, без помощи дополнительных показателей, обнаруживала свое значение. От превосходной степени на *-ший* ее отличали некоторые особые черты.

[12] См. замечание П. С. Кузнецова: «Специальной формы превосходной степени в древнерусском языке, по-видимому, не было». Формы с приставкой *наи-* этот исследователь рассматривает как церковнославянизмы, частью же как вызванные влиянием польского языка в XVII в. (см.: П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, § 49). См. также: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, § 474, прим. 3.

Во-первых, аналитическая форма могла употребляться при таких прилагательных, которые не являются в собственном смысле слова качественными. Это объясняется тем, что *самый* может вносить не только количественно усиливающее значение, но также значение уточнения признака, например: *в самой западной* зале (Совр., 1841, т. XXV). Во-вторых, *самый* может свободно сочетаться с такими прилагательными, которые по тем или иным причинам не образуют форм с суффиксами *-ейш*, *-айш-*.

Самые незаманчивые владения (Сев. вестн., 1805, март); Роман написан отрывистым слогом, и притом *самым отрывистым*, какой только когда-нибудь существовал на свете (Б-ка для чт., 1846, т. LXXVII, кн. 1).

§ 4. Во второй половине XIX в. сокращается употребление форм с суффиксами *-ейш-*, *-айш-* в значении сравнительной степени. Это значение все чаще выражается формами на *-ее*, *-е* и аналитическими, образуемыми сочетаниями положительной степени со словами *более* (иногда *больше*) и *менее*. Употребление форм с суффиксами *-ейш-* и *-айш-* для обозначения усиления качества без сравнительного оттенка продолжается, причем в отличие от сочетаний положительной степени с наречиями *очень*, *весьма* и т. п. эти суффиксальные образования обычно заключают в себе элемент экспрессии. Обычно они образуются от прилагательных с оценочным значением.

Как поживаешь, друг *умнейший*, в Петербурге? (Герц., п. к бр. Пассекам и Носкову, 8 марта 1833); Читал я твою *превосходнейшую* вещь в «Библиотеке для чтения»... удивительно хорошо (Герц., п. И. С. Тургеневу, 1 янв. 1858); в этом... и состоит *величайшая* их заслуга (Писарев, Процесс жизни, I); Танцуют со всем усердием и с *величайшей* аккуратностью (С.-Щ., Губ. оч., Приятное семейство); издали в свет целый выводок *прелестнейших* дочерей и немалое количество *остроумнейших* птенцов (Там же); Решено было, что юрист будет отбывать свое заключение под *строжайшим* надзором (Чех., Пари); Дворянство эманципируется, снимает с себя *тягчайшую* повинность обязательной службы (Ключевск., Курс русск. ист., III).

Ср. отражение экспрессивного оттенка в таких прилагательных, как *милейший*, *любезнейший*, *почтеннейший*, устарелое *дражайший* и под.

Продолжается также употребление в значении превосходной степени и аналитических форм с *самый* с теми же, в общем, различиями, что и в первой половине XIX в.

Заботился о ребенке, как *самая нежная* мать (Герц., Елена, 1); пишу к *самому русскому* из моих знакомых (Герц., п. И. С. Аксакову, 1/13 янв. 1858); Среди *самой любезной* фразы голос ее внезапно обрывается (С.-Щ., Губ. оч., Приятн. семейство); *Самый последний* из людей может что-нибудь для себя сделать (С.-Щ., Госп. Головл., Сем. суд); Наука — *самое важ-*

ное, *самое прекрасное* и *нужное* в жизни человека (Чех., Скучн. ист., 1); Знакомство у него *самое аристократическое* (Там же); В их ворота постучался человек, который оказался горожанином и *самым обыкновенным* грешником, любящим жизнь (Чех., Без загл.).

§ 5. Сравнительная степень прилагательных в конце XVIII — нач. XIX в. образовывалась несколькими способами. Двумя способами образовывались простые формы: посредством суффиксов *-ейш-*, *-айш-* и посредством суффиксов *-ее* (*-ей*), *-е*. Сочетанием, положительной степени со словами *более*, *менее* образовывалась аналитическая форма сравнительной степени [13].

Выше было рассмотрено употребление сравнительной степени, выражавшейся формами на *-ейший*, *-айший*. Сравнительная степень этого типа, долгое время сосуществовавшая с превосходной степенью такого же образования, постепенно утрачивалась и к концу XIX в. почти целиком вышла из употребления.

Другая простая (по Востокову — «спрягаемая») форма сравнительной степени образовывалась присоединением к основе прилагательного (непроизводной или производной) суффиксов *-ее* (*-ей*), *-е*. Продуктивными уже в то время были формы с суффиксом *-ее* (*-ей*). Формы с суффиксом *-е* обычно образовывались от непроизводных основ, оканчивающихся на *г*, *х*, *д*, *т*, *ст*, и от производных основ с суффиксом *-к-*: *дорогой — дороже*, *сухой — суше*, *твердый — тверже*, *богатый — богаче*, *толстый — толще*, *крепкий — крепче* [14]. От некоторых прилагательных употреблялись

---

[13] В литературе, посвященной степеням сравнения в русском языке, некоторые авторы расширяли понятие степени сравнения; другие рассматривали вопрос об ограничениях при образовании форм степеней сравнения; ставился также вопрос о синтаксическом употреблении степеней сравнения и др.См. работы: А. С. Никулин. Степени сравнения в совр.русск. языке. М. — Л., 1937; А. Ф. Кулагин. Частица «не» и одноименные приставки в их отношении к степеням сравнения имен прилагательных. «Русск. яз. в шк.», 1956, № 1; В.М. Никитевич. Лексико-грамматические связи степеней признака прилагательных в русск. языке. «Уч. зап. Казахского гос. ун-та», вып.2, 1958; Н.А. Троицкая. Словосочетания сравнительной степени в качестве подчиняющего слова. «Сборник статей по теории и методике русского языка Куйбышевского гос. пед. ин-та», вып. 32, 1960; И. Юхас. Атрибутивные конструкции с простой формой сравнительной степени прилагательных в совр. русск. лит. языке. «Studia slavica», т. III, Будапешт, 1957; его же. Формы сравнительной степени с приставкой *по-* в совр. русск. языке. Там же, т. IV, 1958; С. Г. Ильенко. О значении простых форм степеней сравнения прилагательных в совр. русск. лит. языке. «Уч. зап. ЛГПИ», т. 130, 1957; С. В. Бромлей. К истории места ударения в формах сравнительной степени в русск. языке. «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», № 8, 1955.

[14] Следует иметь в виду, что простая форма сравнительной степени, так же, как и формы на *-ший*, не может образовываться от некоторых структурных типов положительной степени: от прилагательных с суффиксами *-ск-* (*зверский*, *демократический*), *-к-* (при глагольных основах: *ломкий*, *ноский*), от прилагательных с некоторыми приставками, например: *непризнанный*, *неведомый* и др.

формы сравнительной степени и с тем и с другим суффиксом: *богатее* и *богаче*, *простее* и *проще*, *бойчее* и *бойче* и др. То же находим у некоторых прилагательных, у которых сравнительная степень образовывалась без чередования согласных основы: *далее* и *дале*, *менее* и *мене*, *тяжелее* и *тяжеле*. Употребление в том или ином случае формы с *-ее* (*-ей*) или *-е* в первой половине XIX в. наблюдалось преимущественно в стихотворной речи в соответствии с требованиями ритма и рифмы [15]. Из двух форм сравнительной степени — простой и аналитической — вторая употреблялась почти исключительно в научной и описательной прозе; в поэтической речи аналитические формы почти не встречались.

Не одна красавица заглядывалась на него с чувством *более лестным*, нежели простое любопытство (Пушк., А.П.В., 1); Я не помню утра *более голубого* и *свежего* (Лерм., Кн. Мери, 27 июня); Приготовив таким образом детей к занятию *более серьезному*... (Соврем., 1841, т. XXV); Ассоциационные банки... делаются *более сложными* (Б-ка для чт., 1846, т. LXXVII, кн. 1).

Современная картина употребления форм сравнительной степени *-ее* (*-ей*) и *-е* сложилась в литературном языке к середине XIX в. Как и в отношении форм превосходной степени, аналитические формы сравнительной степени были характерны преимущественно для деловой речи; в стихах они крайне редки. В грамматических трудах первой половины XIX в. обычно отмечалось, что простые формы сравнительной степени выполняют в предложении роль сказуемого (отсюда и название «спрягаемые», присвоенное им Востоковым). Однако наблюдения показывают, что эти формы употреблялись как в функции сказуемого, так и в функции определения.

Где можно нас, гусей, *несчастнее* найти? (Крыл., Гуси); [Ф а м у с о в] Друг. Нельзя ли для прогулок *Подальше* выбрать закоулок? (Гриб., Горе от у., I, 4); Другой офицер, *постарше*, остановил его движением руки (Тург., Вешн. воды, XVI); Карточная игра *посерьезнее* совершенно прекратилась (Писемск., Тыс. душ, 1, 6).

Те же две формы сравнительной степени — простая и аналитическая — продолжали употребляться во второй половине XIX в., причем интенсивность такого употребления все возрастала.

---

[15] Л. А. Булаховский («Русск. лит. язык первой половины XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис», стр. 103—105) приводит примеры форм на *-ее*(*-ей*) (при наиболее употребительных вариантах на *-е*) из произведений поэтов и писателей первой половины XIX в.: *богатее* (*-ей*), *громчее* (*-ей*), *жарчее*, *менёй*, *простее* (*-ей*), *пыльчее*, *тонёе*, *ярчей*, а также форм на *-е* (при наиболее употребительных вариантах на *-ее*, *-ей*): *боле*, *дале*, *доле*, *старе*, *тяжеле*, *краше*. О последней форме см.: A. V a i l l a n t. Russe kraše, plus-beau. В кн.: «Езиковедски изследования в чест на акад. В.Младенов», София, 1957, стр. 283—285.

Не было человека *деятельнее* его (Тург., Хорь и Калиныч); Картины одна другой *краше* и *соблазнительней* затеснились в моем воображении (Чех., Ночь перед судом).

[Лицо] приняло еще *более строгое* выражение (Л. Толст., Детство, II); влияние международного положения... было *более могущественно* (Ключевск., Курс русск. ист., III); Трудно представить себе и найти в природе что-нибудь *более прекрасное* и *пленительное* (Чех., Без загл.).

Наблюдается также возрастающее в XIX в. употребление при формах сравнительной степени (особенно при простых) усилительных слов, по-видимому, связанное с общим развитием средств экспрессивной окраски речи.

Практическая механика... *гораздо совершеннее* в Германии, нежели в Англии (Совр., 1841, т. XXV); Когда матушка улыбалась, как ни хорошо было ее лицо, оно делалось *несравненно лучше* (Л. Толст., Детство, II); Я трудолюбив и вынослив, как верблюд, а это важно, и талантлив, а это *еще важнее* (Чех., Скучн. ист., 1); Внешняя борьба стала *еще тяжелее* (Ключевск., Курс русск. ист., III).

§ 6. Относительно частицы *по*, нередко присоединяющейся к простой форме сравнительной степени, во всех трудах по грамматике единодушно утверждается, что она вносит в значение прилагательного оттенок смягчения, указание на то, что имеется в виду незначительное усиление признака. Однако в зависимости от лексического значения прилагательного и от контекста у этих образований возможен также оттенок значительного усиления признака.

Постарайся к тому времени еще что-нибудь написать. Книжка будет *поболее*; удовольствие читателей также (Карамз., п. И. И. Дмитриеву, 7 июня 1794); Было бы лучше, если бы 8-угольник был *потемнее* и без желтых прожилок, а 4-угольные приставки к оному были *побелее* (Сев. вестн., 1805, март); Избери только ночь *потемнее*, Да отцу дай вина *похмельнее* (Лерм., Соседка); Банкир, бывший тогда *помоложе* и нервнее, вдруг вышел из себя (Чех., Пари).

ИЗМЕНЕНИЯ В СКЛОНЕНИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 7. В склонении притяжательных прилагательных в XIX в. наблюдались в основном те же явления, которые уже отчетливо наметились к концу XVIII в., когда прилагательные с суффиксом, *-ин*, сохраняя падежные окончания именного образца, формы родит. и дат. пад. мужск. и средн. р. ед. ч. образовывали и с окончаниями полных прилагательных. Чем далее, тем все реже употреблялись окончания именного образца в родит. и дат. пад. ед. ч. Окончания по образцу именного склонения еще встречаются

у Фонвизина (к *дядину* сговору), Карамзина (из *царевнина* терема), Пушкина (род *бабушкина* дворецкого), Нарежного и др.

Говоря об общем уменьшении продуктивности образований притяжательных прилагательных с суффиксами *-ов* и *-ин* в современном русском языке (точнее, если судить по приводимым примерам, во второй половине XIX в.), В. В. Виноградов констатирует «хилость» этой группы прилагательных [16]. Естественно, что если падает продуктивность словообразовательной группы в целом, то ослабевают и отдельные характеризующие ее составные элементы. В данном случае ослабление группы притяжательных прилагательных с суффиксами *-ов* и *-ин* привело к тому, что у прилагательных с суффиксом *-ин* окончания части падежных форм заменились соответствующими окончаниями полных прилагательных. Этому процессу способствовало все расширявшееся употребление для выражения притяжательности прилагательных с суффиксами *-ск-*, *-овск-*, *-инск-* (см. «Изменения в системе словообразования прилагательных», § 24—29).

В первой половине XIX в. притяжательные прилагательные с суффиксами *-ов* и *-ин* еще очень употребительны, но уже многие из прилагательных с суффиксом *-ин* имеют в родит. и дат. пад. ед. ч. окончания членных прилагательных. Во второй половине XIX в. такое употребление учащается.

> Возле *матушкиного* кресла (Тург., Перв. любовь); Она исполняла в доме роль *Колиного* дядьки или гувернера (Тург., Новь); вызвался пособить *сестриному* горю (С. Акс., Сем. хрон.); остатки *маменькинова* обеда (С.-Щ., Госп. Головл.); из *папенькинова* кабинета (Там же); от *тетушкиного* дома (Л. Толст., Воскрес.); для ночного мытья детского и *мужниного* белья (Дост., Прест. и наказ.); в сокровенных тайниках *дочерниного* сердца (Леск., Ст. годы в с. Плодомасове) [17].

В. И. Чернышев полагает, что употребление окончаний полных форм в падежных формах притяжательных прилагательных — явление диалектное и для литературного языка «неправильное». Однако сам же добавляет: «Такое неправильное склонение встречаем мы не только в современной периодической печати, но даже у знаменитых писателей» [18]. Вряд ли здесь можно усмотреть непосредственное перенесение полных форм из говоров в литературный язык. Скорее можно считать, что эти формы (те из них, которые появились позже, т. е. родит. и дат. пад. ед. ч.) стали употребляться под влиянием прилагательных типа *куриный*, *мышиный*, *петушиный*, *псиный*.

Очень сомнительно и утверждение В. И. Чернышева о том, что членные формы родит. пад. «могли бы получиться только от

---

[16] В. В. Виноградов. Русск. язык, стр. 195.

[17] Большая часть примеров заимствована из книги В. И. Чернышева «Правильность и чистота русск. речи», стр. 183—184.

[18] Там же, стр. 183.

матушкиный, *бабушкиный* или *бабушкинов* и т. п., причем в последнем случае явилось бы окончание *-ова*». Действительно, обращают на себя внимание у Щедрина написания *маменькинова*, *папенькинова*; но формы *маменькиный*, *маменькинов* ни у Щедрина, ни у других авторов не отмечены. В случаях типа *маменькинова*, *папенькинова* мы имеем дело с фактом орфографическим.

На общем фоне широкого распространения во второй половине XIX в. падежных окончаний полного склонения притяжательных прилагательных с суффиксом *-ин*, употребления вроде «черты *старухина* лица» (Мей, Красавица) выглядят как явно устаревающие.

§ 8. У писателей XVIII — первой половины XIX в. (а изредка и второй его половины) наблюдалось опущение «йота» после шипящих в падежных формах притяжательных прилагательных типа *птичий*, *медвежий*. В. И. Чернышев приводит такие примеры:

> В *противничей* крови (Лом., Надпись на иллюминацию); травлею *медвежей* забавляться (В. Майков, Елисей); от удара *казачей* сабли (Пушк., Полтава); не для *разбойничей* потехи (Пушк., Тазит); смелости *собачей* (Пушк., Дж. Теннер); в *девичей* (Гриб., Горе от у.); силе *вражей* (Некр., Извозчик).

Во второй половине XIX в. такое употребление сходило на нет: звук «йот» стал произноситься (и, соответственно, обозначаться на письме) после всех согласных.

ИЗМЕНЕНИЯ В ФОРМАХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

§ 1. Система склонения числительных в начале XIX в. мало чем отличалась от того, что было в XVIII в.; это подтверждается и тем, что склонение числительных в грамматиках Востокова и Греча описано почти так же, как и в грамматике Ломоносова; отличия очень незначительны. В литературе начала XIX в. находим все те формы числительных, которые даны в парадигмах склонения в этих грамматиках. Однако парадигмы эти в начале XIX в. частично «нарушены» наличием дублетных форм — у одних числительных в большей, у других в меньшей степени. Характер этих «нарушений» в разных случаях неодинаков.

1. Наряду с «правильной» формой творит. пад. числительного *четыре — четырьмя* (тип *две, три — двумя, тремя*) встречаем изредка форму *четырью*: с *четырью* товарищами (Крыл., Похв. речь науке убивать время); *с четырью* избранными полками (Нарежн., Бурсак, 3, VI); подкреплены *четырью* тысячами конницы (Пушк., Путеш. в Арзр., III, Совр., 1836, т. I); кресло, утвержденное *четырью* углами (Башуцкий, Возобновление Зимнего дворца, Отеч. зап., 1839, т. IV).

По поводу этой формы В. И. Чернышев пишет: «Она принадлежала старому петроградскому просторечию и держалась в нем еще в сороковых годах, как это видно из книги: „Справочное место русского слова“ (СПб., 1843), в которой читаем: „Часто говорят: он моложе *четырью годами*, правильно: *четырьмя* годами“»[1]. Форма творит. пад. *четырью* могла образоваться по аналогии с формой *пятью, шестью* и т. д.

2. Относительно числительных *сорок, девяносто* и *сто* все грамматики, начиная с Ломоносова и кончая Востоковым, единодушно предлагают парадигму склонения, соответствующую парадигме существительных соответствующих типов, т. е. мужского и среднего рода. Востоков при этом различает случаи, когда *сорок* употребляется без названия считаемых предметов и когда такое

[1] В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, стр. 197—198.

название при нем имеется. Во втором случае формы дат. и творит. пад., по Востокову, должны совпадать с формой родит. пад. (предложный сохраняет и здесь форму *сороке*). Ни Ломоносов, ни Греч такого различия не оговаривают. Факты употребления числительного *сорок* подтверждают наблюдения Востокова. Следует иметь в виду, что, как и все количественные числительные, *сорок* почти всегда употребляется с существительными — названиями считаемых предметов. Поэтому формы *сороку* (дат. пад.), *сороком* (творит.пад.), равно как и формы множественного числа, встречаются редко (возможны при предлогах, ср.: *по сороку* копеек). Форма *сороке* (предл. пад.), довольно характерная для языка XVIII в., в XIX в. также крайне редка. В XVIII в.:

Мертвые трупы *на сороке верстах* лежали (Рычков, Опыт Каз. ист., III); Татарские войска ходили из Казани войною на Устюг *в сороке тысячах* (Там же, Прибавление); *по сороку храбрых людей* (Фонв., Жизнь Сифа); Фунт американского кофея продавался *по сороку копеек* (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 1).

Однако время от времени встречается (как это имело место и в отношении числительного *четыре*) форма творит. пад. *сорокью*:

Первые слова его были ко мне: «Не так бы я писал мои трагедии, если бы *сорокью годами* прежде прочитал эту книгу» (И. Дм., Взгл. на мою жизнь, 1, 3); Государь! Ты царствуешь *над сорокью миллионами* человек (Письмо неизвестного, приведенное в статье Герцена «Император Александр I и В. Н. Каразин», II).

В данном случае могло сказаться влияние формы творит. пад. числительных типа *двадцать*, *тридцать*, *пятьдесят*, в ряду которых иногда фигурировало числительное *четыредесять*, в дальнейшем полностью заменившееся числительным *сорок*, ср.: Казенным работникам, *четыредесятим человекам*, заплатил (Добрынин, Зап., XXXIX).

Таким образом, *сорок* в отношении формы творит. пад. ед. ч. вошло в ряд остальных числительных, обозначавших то или иное количество десятков.

§ 2. Числительное *сто* в течение всей первой половины XIX в. склонялось по образцу существительных среднего рода и широко употреблялось как в единственном, так и во множественном числе. В XIX в. встретилась только форма творит. пад. *стом*, отмечаемая и упоминавшимися выше грамматиками. Во множественном числе при числительных *два*, *три*, *четыре* в формах именит. и винит. пад., т. е. в составе сложных числительных, *сто* употреблялось как отдельное слово в форме родит. пад. ед. ч.: *два ста*, *три ста*, *четыре ста*; при числительных *пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять* в формах именит. и винит. пад. — так же, как отдельное слово в форме родит. пад. мн. ч.: *пять сот*, *шесть сот* и т. д. При остальных косвенных падежах числительных от *двух*

до *девяти* числительное *сто* употреблялось в соответствующих падежных формах мн. ч. существительных средн. р.: *двух сот, двум стам, двумя стами, о двух стах.*

Родит. пад. ед. ч.: *ста два-три* находилось их [рыб] в блюде (Болот., 2, 126); Взять два взвода пехоты, *ста три* мусульманской конницы (Марл., Письма из Дагестана, 1); *два ста* колоколов (Вельтм., Саломея, 2, V); Как бы еще достать месяца на полтора работки *ста на три* (Белинск., п. М. И. Белинской, 25 мая 1834).

Дат. пад. ед. ч.: Которого в день можно *по сту* раз обманывать (Крыл., Почта духов, XXIII); рубликов *по сту* (Вельтм., Саломея, 7, III); *по сту* рублей за штуку (Гоголь, М. д., 1, V); имея *по сту* десятин и более (Б-ка для чт., 1842, т. III).

Творит. пад. ед. ч. Форма творит. пад. ед. ч. *стом* в литературе первой половины XIX в. практически не встречается [2]. Возможно, что в употреблении формы творит. пад. не при названиях считаемых предметов не было надобности, а если таковая и возникала, то вместо числительного *сто* употреблялось существительное *сотня*. В материалах конца XVIII в. встречается форма творит. пад. ед. ч. *стомя* (ср. *двумя, тремя, четырьмя*):

Со *стомя* человеками (Держ., п. П. И. Панину, 1774);

Ссудил его *стомя* рублями (Добрынин, Зап., XXXI).

Употребление этой формы носит эпизодический характер и отражает, надо полагать, неустойчивость парадигмы склонения некоторых числительных как части речи, в которой при очень небольшом количестве лексических единиц было несколько различных типов склонения.

Предл. пад. ед. ч.: Как обычно, в XVIII и в XIX вв. эта форма употреблялась с предлогом, чаще с предлогом *в* (*во*). В XVIII в. обычно употреблялась форма *во сте*; ее изредка встречаем и в первой половине XIX в.

В верстах *во сте* (Нащокин, Зап.); *На сте* шагах встречаются (Фонв., п. к родным); саженях *во сте* от нас (Лерм., Бэла).

В нач. XIX в. множеств. число числительного *сто* употреблялось почти исключительно в составе сложных числительных [3]; склонялись при этом обе части сложения. Компоненты этих числительных писались раздельно. Но это явление не только орфографическое. Несомненно, что орфография непосредственно отражает

---

[2] В. И. Даль приводит одну поговорку и одну загадку с формой *стом*: Одним *стом* не покроешь; Что *стом* вито, обвито — повито? Кто то отганет, тому *стб* — все (Кринка, повитая берестою) (т. 4). У Державина находим: Били тысячи вы *стом* (Потешн. праздн.).

[3] Редкий случай употребления формы множественного числа числительного *сто* не в составе сложного образования находим в письме Н. А. Герцен к Н. П. Огареву и Н.А. Тучковой: Дети [были] шагов *в стах* (8 апр./27 марта 1849).

в данном случае определенное явление языка: сложные числительные с компонентом *сто* сформировались позже других сложных числительных и раз ельное написание указывает на ту стадию процесса, когда полного слияния еще не было. Это подтверждается тем, что при *два*, *три*, *четыре* употреблялись не только сочетания *два ста* и *три ста*, но и *ста на два*, *ста два-три*, *ста на три*, в которых *сто* выступает как отдельное слово; отсюда можно сделать вывод, что и при *пять*, *шесть* и т. д. числительное *сто* во всех падежных формах множественного числа также являлось отдельным словом [4].

§ 3. Числительное *девяносто* употреблялось только в падежных формах единственного числа. Формы *девяносту* (дат. пад.), *девяностом* (творит. пад.), *в девяносте* (местн. пад.) в начале XIX в. были, по-видимому, очень редки. Даль приводит примеры с родит. пад. ед. ч. *девяноста*, а также форму творит. пад. мн. ч. *девяностами*: Встарь вели у нас счет *сороками* и *девяностами* [5]. Однако здесь и в других подобных случаях *девяносто* (как и *сорок*) выступает в роли существительного (ср.:вести счет *десятками*, *сотнями* и т. п.).

§ 4. В начале XIX в. известны были дублетные собирательные числительные: *двои*, *трои* и *двое*, *трое* (первые представляли собой форму мн. ч., вторые — средн. р. ед. ч.). В косвенных падежах те и другие дали одинаковые формы: *двоих*, *троих*, *двоим*, *троим* и т. д. Числительные *двои*, *трои* (именит. и винит. пад.) обычно (но не всегда) сочетались с именит. или винит. пад. мн. ч. существительного — названия считаемых предметов: *двои*, *трои сутки*; числительные *двое*, *трое* — обычно (но тоже не всегда) с родит. пад. мн. ч.: *двое*, *трое суток*.

Театр представляет комнату, в которой *трои двери*: одни с приходу, а *двои* по обеим сторонам (Кропот., Фомушка, I, 1); *Трои сутки* скитался (Марл., Ам.-Бек, XIII); Сделаны были *трои триумфальных ворот* (Пушк., Ист. Петра, 1703⟨год⟩); *двое серпов* (В. Соллог., Тарантас, XIII); Стряпали *в трое рук* (Гонч., Обыкн. ист., 1, I); Под этим впечатлением находились и я и *двое другие* (Волконск., Зап., XIV).

§ 5. Числительное *полтора* (при существительных мужск. и средн. р.) и *полторы* (при существительных женск. р.) в конце XVIII — нач. XIX в. употреблялось еще довольно часто с особыми формами для каждого падежа: именит. пад. — *полтора* (из *полвтора*), *полторы* (из *полвторы*); родит. пад. —*полутора*, *полуторы*; дат. пад. — *полутору*, *полуторе*; творит. пад. — *полуторым*,

---

[4] Сказанное относится и к сложному числительному *две сте*, в котором *сте* представляет собою форму именит.-винит. пад. двойст. ч. (в дальнейшем *двесте* преобразовалось в *двести*).

[5] См. об этом в статье С. П. Обнорского «Заметки по русским числительным» («Сборник, посвященный 45-летию научной деятельности Н. Я. Марра», М., 1935, стр. 330 и сл.).

полуторою; предл. пад. — *о полуторе* (для всех родов). Были в употреблении и соответствующие формы множественного числа. Однако уже в то время одни из этих форм употреблялись более или менее регулярно, другие редко.

В начале XIX в. ясно обозначилась тенденция к «упорядочению» форм словоизменения числительных. Сохранявшиеся отдельные церковнославянские и древнерусские формы (падежей, чисел, родов) нигде не образуют цельной парадигмы и в громадном большинстве случаев выступают как варианты к основным, господствующим формам. Сохранение вариантных форм отчасти поддерживалось тем, что в письменной речи число в очень многих случаях обозначалось и продолжает обозначаться идеографически — буквами, цифрами. Это обстоятельство не способствовало быстрому укреплению прочной и единообразной системы как словообразования, так и словоизменения числительных.

Наблюдения над числительными в языке второй половины XIX в. показывают, что в этот период завершилась начавшаяся еще в первой половине века стабилизация их форм.

Основные явления, характеризующие эту стабилизацию, таковы:

1. Окончательная утрата отдельных падежных и числовых форм, выходивших за пределы основной парадигмы склонения, как, например, *четырью*, *сорокью*, *стомя* и т. п.

2. Упрощение парадигмы склонения числительных *сорок*, *девяносто*, *сто*: вместо прежних падежных флексий существительных у них закрепилась во всех косвенных падежах единственного числа (кроме отчасти дательного) единая форма с флексией *-а*. В дат. пад. ед. ч. в разговорной речи и в отражающей ее литературе встречается еще при предлоге *по* флексия *-у*. Ср.: Тебе оклад даю огромный Червонцев *по сту* тысяч в год (Фофан., Тень).

3. Полное слияние в сложное слово сочетания числительных *два* (*две*), *три* и т. д. и числительного *сто* (*двести*, *триста* и др.). Возможные ранее сочетания с обратным порядком слов типа *ста два*, *ста на три*, *сот пять* почти перестают употребляться, сохраняясь лишь в просторечии и изредка, в целях усиления выразительности или чисто версификационных, в стихах.

Факт превращения сочетания числительных типа *три ста*, *пять сот* в одно слово во второй половине XIX в. нашел в конце концов отражение в орфографии — эти сложные числительные стали писаться слитно во всех формах (*трехсот*, *пятьюстами*) и т. д.

4. Почти полностью вышли из употребления собирательные числительные *двои*, *трои*; во всех случаях стали употребляться только *двое*, *трое*. Одновременно конструкция *двои*, *трои* + + именит. пад. мн. ч. заменилась конструкцией с родит. пад. мн. ч.: *двое суток*, *трое дверей*. Форма *двои*, *трои* во второй половине XIX в. встречается изредка в просторечии, причем судить о на-

личии именно этой формы ввиду неударяемости флексии можно только на основании падежной формы названия считаемых предметов (*сутки — суток* и т. п.): девять деревень, да четыре поселка, да шесть заимок..., да *двои рыбные пески* в низовье Яровой (М.-Сиб., Охонины брови, 1, I); *в двои сутки* обернетесь домой (Там же, II).

5. Такого же характера упрощение, как и в отношении *сорок*, *девяносто*, *сто*, произошло с числительным *полтора — полторы*. Сохранив в именит. — винит. пад. отдельные родовые формы, числительное это стало употребляться во всех формах косвенных падежей в том виде, какой ранее имела форма родит. пад. ед. ч. мужск. р., т. е. *полутора*. Процесс унификации здесь протекал более постепенно [6], чем в отношении других числительных.

---

[6] См.: В. И. Чернышев. Указ. соч., стр. 202—203.

ИЗМЕНЕНИЯ В ФОРМАХ МЕСТОИМЕНИЙ

В начале XIX в. у некоторых местоимений наблюдались дублетные формы склонения. В одних случаях эти дублеты сохранялись в течение всего века, в других один из них отпадал; в некоторых случаях изменялись условия, в которых функционировали дублетные формы.

МЕСТОИМЕНИЯ 3-го ЛИЦА

§ 1. У местоимения *она* в родит. пад. ед. ч. находим формы *ея* (при наличии предлога — обычно *нея*) и *ней* (только при предлоге) [1]. В устной речи, судя по многим показаниям, как прямым, так и косвенным, реже произносилось *ея* (*нея*), а преобладала форма *её* (*неё*). В письменных прозаических текстах обычно встречаем форму *ея* (*нея*) — в соответствии с правилами орфографии. В стихотворных текстах также преобладают формы *ея* (*нея*) и при предлогах — *ней*. Материалы, иллюстрирующие это положение, можно найти в большом количестве в работах Булаховского [2], Кошутича [3], Будде [4] и др.

Из материалов, приводимых Л. А. Булаховским, видно, что форма *ней* употреблялась при предлогах *от*, *для*, *вкруг*, *без*, *из*. Формы *ее* (без предлога) и *нее* (при предлогах) в литературе начала XIX в. встречаются редко. Булаховский приводит следующие примеры (из прозведений 20-х годов):

Бывало, бедствие мое Я верой услаждал всечастно; Теперь до гроба жить ужасно! За гробом вечность *без нее* (Козлов,

[1] Л. А. Булаховский считает, что форма *ея* (*нея*) отражает «давнюю, известную уже в древнерусском языке тенденцию, задержанную, видимо, в литературном языке искусственным регулированием» («Русск. лит. язык первой половины XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис», стр. 111).

[2] Там же, стр. 111—112.

[3] Р. Кошутић. Граматика руског језика, II, Облици. Београд, 1914, стр. 57—58.

[4] Е. Ф. Будде. Опыт грамматики языка Пушкина, ч. I, вып. 2. СПб., 1902, стр. 97.

Чернец), Одно имела я в предмете: Твою любовь. Я *для нее* Сгубила счастие мое (Пушк., Полтава, 2).

Форма родит. пад. *ее*, несомненно, широко употреблялась в живой речи; именно так (*её*) звучала эта форма в тех случаях, когда этого требовала рифма. Ср. у Лермонтова: Душа прекрасная *её*, Приняв другое *бытие*, Теперь парит в стране святой (Боярин Орша, III).

В творит. пад. женск. р. употреблялись формы *ею* и реже *ей*, причем и здесь появляется начальное *н* (*нею* — *ней*), когда местоимению предшествует предлог. Л. А. Булаховский приводит ряд примеров с *ей* в творит. пад., отмечая, что эта форма встречается «исключительно в поэзии», тут же, однако, цитируя письмо Чаадаева с формой *ей*; «Я полагаю, напротив того, что... нам очень нужно *ей* [Европой. — *А. Ш.*] теперь заняться».

§ 2. При предлогах, сформировавшихся из наречий (*мимо*, *вокруг*, *возле* и т. п.), а также при предлогах *между*, *меж* в начале XIX в. местоимения *он*, *она*, *оно* в родит. и творит. пад. ед. и мн. ч. наряду с формами, начинавшимися эпентетическим *н*, чаще имели формы без *н*. Ср. колебания [5]:

Вкруг ней (Крылов); *подле ней* (Марлинский); *около ее* (И. Долгорукий); *мимо их* (Жуковский); *меж ими* (Пушкин); *вкруг ее* (Грибоедов); *Между им* и людьми, *между им* и природой была вечная бездна (В. Одоевский); *вокруг его* (Марлинский); всякий бы понял, *кроме его*; прыг *сзади его* на лошадь; *прежде его*; причина остается вечною тайной *между им* и небесами (Лермонтов); *среди их* (Герцен).

На протяжении XIX в. рассматриваемые формы местоимения *она* претерпели некоторые изменения.

Хотя в соответствии с правилами орфографии в родит. пад. ед. ч., в отличие от винит. пад., форма которого писалась и произносилась *её* (*неё*), писали *ея* (*нея*), в устной речи сперва преобладало, а потом возобладало произношение *её* (*неё*). Кошутич, изучавший русское литературное произношение в самом начале XX в. (он наблюдал речь москвичей, родившихся преимущественно в середине и в третьей четверти XIX в.), пишет: «Генитив једнине за женски род гласи *её* (ʲjó), а пише се *ея* према црк.-сл. језику (пореди ст.-сл. ѥѧ); тај исти облик *её* потупно је превладао и у акузативу и сасвим је истиснуо стари облик *ю* (пореди ст.-сл. ѭ срп. њу), тако да су данас генитив и акузатив једнине женског рода потпуно једнаки» [6].

Любопытно замечание Кошутича о том, что в составе титулов не только пишется, но и произносится *ея*; *ея величество*, *ея сиятельство*. Вероятно, такое произношение было характерно для

---

[5] Материалы заимствованы из указ. соч. Л. А. Булаховского, стр. 111 и сл.

[6] Р. Кошутић. Указ. соч., стр. 57.

официальной речи, подобно тому как буквенное произношение обычно соблюдалось при чтении евангелия, псалтыри и т. п., при исполнении церковной службы и религиозных обрядов.

Приведя ряд примеров из стихотворных произведений XIX в., в которых в соответствии с требованиями рифмы фигурирует форма *ея*, Кошутич далее отмечает, что эта форма настолько не свойственна была живой речи, что поэты часто, имея в виду реальное произношение *её* (*неё*), писали, в силу требований орфографии, *ея* (*нея*), нарушая в этих случаях «зрительную» рифму. Он приводит такие примеры:

Жил чернец лишь для *нея*, Погубил он с нею *всё* (Лермонтов); И *мое* Пророчество припомнит ум *ея* (Лермонтов); В небесах звезда — и от *нея*, Будто искра, заронилась дума Тайно в сердце грустное *мое* (Фет); Оса тихонько выползает Из-под травы, где у *нея* Дыра в подземное *жилье* (Полонский).

Что касается соотношения форм родит. пад. *нее* (*нея*) — *ней* с предшествующим предлогом, то, как и в начале века, в дальнейшем вариант *ней* продолжает употребляться, наряду с *нее* (*нея*), при предлоге *у*; при других предлогах (*без*, *из*, *для* и др.) форма *ней*, как правило, сменилась формой *нее* (*нея*).Ср. примеры, приводимые Кошутичем:

Нет, не агат в глазах *у ней* (Пушкин); Чепец прыгал *у ней* на голове (Лермонтов); Молодость счастлива тем, что *у ней* есть будущее (Лермонтов); Покажет Русь, что есть *у ней* будущее (Лермонтов); Покажет Русь, что есть в ней люди, Что есть грядущее *у ней* (Некрасов).

Наши наблюдения подтверждают, что при предлоге *у* во второй половине XIX в. очень часто употребляется форма *ней* наряду с *нее* (*нея*). См. примеры из прозы:

У ней совсем другое на уме (Дост., Идиот, 1, IV); Как будто *у ней* вместо сердца был камень (Там же); поцеловать *у ней* ручку (Там же); Сообщала, какой она видела сон и что он означал и что *у ней* на картах вышло (Тург., Новь, XVIII); решилась спросить о некоторой вещи, которая *у ней* осталась на душе (Там же); Я б и рад был брать *у ней* уроки (Тург., Гамлет Щигр. у.); *У ней* есть несомненный талант (Огарев, п. Анненкову, 24/12 авг. 1860.ЛК); *У ней* насморк (Герц., п. А. А. Герцену, 12 ноября 1860); изнуренная детьми, которых *у ней* было двенадцать человек (Л. Толст., В. и м., 1, 1, X); Глаза *у ней* были голубые (С.-Щ., Губ. оч., Второй рассказ подьячего).

Случаи употребления *нее* (*нея*) при предлоге *у*:

У нее[7] был грипп (Л. Толст., В и м., 1, 1, I); *У нее* брат... адъютант Кутузова (Там же); Попроси *у нее* взаймы (Чех., Чайка, I); Бывало, *у нее* сидят сплошь все знаменитости (Там

[7] В тексте везде в соответствии со старой орфографией: *нея*.

же); *У нее* было имя, на которое она стремглав неслась из глубины сада (Л. Андреев, Кусака, III).

У многих авторов второй половины XIX в. мы встречаем как ту, так и другую форму родит. пад. с предлогом *у* при совершенно одинаковых условиях. См., например, в статье К. Победоносцева «Новые путешествия по Востоку» (Русск. вестн., 1863, т. XLIII):

Манеры *у ней* были такие простые; *У ней* был такой сладкий голос; Целуют *у ней* руку; На голове *у ней* надето длинное... покрывало; *У нее* лицо сияет от удовольствия; Голова *у нее* и красная шапочка... убраны были нитками из жемчуга; Золотая монетка *у ней* на шее и наргиле в руках *у нее*.

Трудно установить, чем объяснялось сохранение в прозе обеих форм родит. пад. Употребление формы *у ней* в одних случаях может быть элементом просторечия или разговорной речи (см. примеры из прозы Достоевского и Салтыкова-Щедрина); в других случаях выбор формы может зависеть от ритмического строя предложения (с этой точки зрения интересен последний пример из статьи Победоносцева). У некоторых авторов *у ней*, несомненно, является чертой индивидуального стиля и употребляется постоянно, например у Боборыкина.

Все остальные предлоги (*от*, *из*, *без*, *возле* и др.) во второй половине XIX в., как правило, употребляются с формой *нее* (*нея*).

Все, что она ни делала, было partie de plaisir *для нее* и для всех ее окружавших (Л.Толст., В. и м., 1, 1, II); отошел *от нее* (Там же); Дверь... издавала слабый звук, когда кто-нибудь выходил *из нее* или входил *в нее* (Там же, XXI); Я *без нее* жить не могу (Чех., Чайка, I).

В поэзии почти в равной мере встречаются предложные сочетания с формой *ней* и *нея*, что всегда можно объяснить требованиями рифмы и ритма.

Давно ль, гордясь своей победой, Ты говорил: она моя... Год не прошел, спроси и сведай — Что уцелело *от нея* (Тютч., О как убийственно мы любим); И не желала, не щадила *Для ней* ни ласки, ни труда (Тютч., Недаром милосердым богом...).

§ 3. В творит. пад. ед. ч. во второй половине XIX в., как правило, прекращается употребление формы *ей* при отсутствии перед местоимением предлогов [8]. Эта форма заменяется формой *ею*. Объяснить это явление следует прежде всего тем, что употребление формы *ей* в творит. пад. во многих случаях затрудняло различение творит. и дат. пад. Такое затруднение не возникало при наличии предлога. Что касается творит. пад. при предлоге, то здесь мы наблюдаем как *ней*, так и *нею*. В стихах это обуслов-

[8] В поэзии изредка и во второй половине XIX в. в этих случаях встречается форма *ей*. Ср. у Фета: Надежда ведет на путь жизни людей: Дитя уже *ей* веселится, Она манит юношу блеском лучей (Надежда. Перевод Шиллера). Впрочем, может быть, это *ей* — форма не творит., а дат. пад.

ливается требованиями размера и рифмы, в прозе — нередко стилистической окраской высказывания: *ней* может, по сравнению с *нею*, звучать как форма более разговорная. Вообще соотношение *ней — нею* может быть приравнено к соотношению форм творит. пад. женск. р. существительных, прилагательных и местоимений (*сестрой — сестрою*, *новой — новою*, *мной — мною* и т. п.).

Вот примеры употребления форм с *ней* и *нею*.

В стихах:

Встретясь *с ней*, Душою чистой иль греховной, Ты вдруг почувствовал живей, Что есть мир лучший, мир духовный (Тютч., Кто б ни был ты); Читала ты мою страданий повесть, То суд *над ней* произнося, как совесть (А. Григорьев, Импровизация странствующего романтика, 5); Дом и сад в тени аллей, Где пронесся лик блаженный Для меня при встрече *с ней* (Мей, Колыбель моих страданий); Но каждый раз, когда на липку взглянет, Ей кажется, что *с ней* она увянет (Фет, Две липки, 15); О вечер счастия, где ты, когда я *с нею* Скользил по озеру (Фет, Озеро. Перевод из Ламартина).

В прозе:

Не великое разве это счастье, что он встретился *с нею* (Тург., Новь, XVIII); Кроме меня *с нею*, Мышкиных больше и нет (Дост., Идиот, 1, II); А *за нею* по пятам плыл удалой молодец Лойко Зобар (М. Г., Макар Чудра); все, кто жил вместе *с нею* (М. Г., О маленьк. фее и молодом чабане); Пришел *за ней* для первой кадрили (Л. Толст., А. К., 1, XXIII); Увидел ее, столкнувшись *с ней* в мазурке (Там же); Простились мы *с ней* (М. Г., Ем. Пиляй); И дошли мы таким манером *с ней* до дома (Там же); И это новое имя «Кусака» так и осталось *за ней* (Л.Андреев, Кусака, II).

§ 4. В течение XIX в. случаи употребления местоимения с отсутствующим *н* в формах родит. и творит. пад. при непервообразных предлогах значительно сокращаются. Это отражает процесс закрепления предложной функции за наречиями типа *мимо*, *возле* и т. п. Однако колебания еще отмечаются:

Если б он не имел *насчет ее* некоторых оснований (Дост., Идиот, 1, IV); Никто, *кроме ее* самой, не понимал ее положения (Л. Толст., А. К., 1, XVIII); расплываясь в смачных улыбках по *поводу ее* (М. Г., Биограф[ия]).

МЕСТОИМЕНИЯ *ОН—ОНА—ОНО* И *ОДИН—ОДНА—ОДНО*[9] В ФОРМАХ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

§ 5. В начале XIX в. формы множественного числа местоимений *он*, *она*, *оно* и *один*, *одна*, *одно* отражают смешение явлений живой речи и перекрещивающихся с ними правил орфографии.

[9] Мн. ч. от *один* (*одна*, *одно*), как известно, не является формой числительного; условно оно отнесено здесь к разряду местоимений.

Согласно этим правилам, в формах множественного числа следовало различать окончания мужск. и средн. р., с одной стороны, и окончания женск. р., с другой стороны. Первые имели в именит. пад. мн. ч. окончания *и* (*они*, *одни*), вторые — окончание *е* (*ѣ*) (*оне*, *одне*). Соответственно этому правилу различались у местоимения *один* и формы косвенных падежей множественного числа (*одних — однех*, *одним — однем* и т. п.). Есть основания полагать, что в живой речи также различались формы с *-и* и с *-е* в зависимости от родового значения местоимений. В стихах те и другие формы используются очень широко там, где это необходимо для рифмы. Много примеров такого употребления приводит Л. А. Булаховский [10]. Нередко интересы рифмы брали верх настолько, что формы множественного числа этих местоимений оказывались в противоречии с требованиями орфографии. Ср. следующие случаи:

Свою Тамару *не брани*; Я плачу: Видишь эти слезы. Уже не первые *они* (Лерм., Демон, II, I); Такое счастье мнится *мне*: Здесь вечны блага не бывали, И никогда нам без печали Не доставалися *оне* (Жуковск., Поликр. перстень); Кто докажет *мне* Ее невинность — ложно, ложно! Где доказательства — есть у меня *оне* (Лерм., Маскарад, IV, 1); Красавицы, для вас *одних* Времен минувших небылицы, В часы досугов *золотых*... Рукою верной я писал (Пушк., Русл. и Людм., Посвящ.).

Колебания эти свидетельствуют о том, что в живой речи имело место нарушение сложившихся норм и что формы *они* и *одни* часто употреблялись как универсальные. Неоднократные случаи такого «нарушения» находим у Крылова: Ах, но розы ли *одни* С нею сходством поражают? Все цветы — здесь все *они* Мне ее изображают (Вечер); [Б у р н а й] Куда ни покажусь, лишь жалобы *одни*; Ни у твоей, сударь, ни у моей родни Он рожи не казал (Ленивый, II, 2).

Орфография, вплоть до 1917—1918 гг. требовавшая различения форм *они*, *одни* и *оне*, *одне*, заслоняет собою те изменения, которые происходили в данной области в живой речи. В прозе строго соблюдаются орфографические правила, а в стихах по-прежнему наблюдаются отступления от них. И Кошутич, и Чернышев и ряд других исследователей отмечают, что в конце XIX в. живая речь расходилась с правилами орфографии: формы *они* — *одни* (а также косвенные падежи *одних*, *одним* и т. д.) употреблялись применительно ко всем родам.

В просторечии второй половины и конца XIX в. формы *оне* и *одне* нередко употреблялись с оттенком почтительности по отношению к одному лицу: *оне отдыхают*, *оне чай кушают*, *оне одне в гостиной сидят* и т. п. (часто в речи слуг).

---

[10] Указ. соч., стр. 113.

МЕСТОИМЕНИЕ *САМА*

§ 6. В начале XIX в. в употреблении были три формы винит. пад. ед. ч. местоимения *сама*: чаще фигурировали *саму́* и *самоё*, реже — *самую́*. Булаховский напоминает, что Востоков «форму *самоё* относил к просторечию, а *самую́* (он ставил такое ударение) ошибочно считал церковнославянской»[11]. Форма *самую́*, допускавшаяся грамматиками начала XIX в., употреблялась и в стихах и в прозе. По предположению Булаховского, вытеснению из употребления формы *самую́* могло способствовать непризнание ее популярной грамматикой Греча (в его «Практической грамматике» допускаются только формы *саму́* и *самоё*.). Действительно, в XIX в. мы эту форму почти не встречаем. Что касается двух других форм (*самоё* и *саму́*), то наблюдается постепенное расширение употребления второй за счет первой. Так, у Чернышевского обычна форма *саму́*.

Подвергли бы *саму* вас гораздо большим хлопотам (Что делать? 2, XXIV); Выпить полстакана *за саму* Жюли (Там же, 3, II); Старалась убедить *саму* себя (Там же, 3, IV).

Ср. у других авторов середины и второй половины XIX в.: Где же вам *самоё себя* прокормить (Дост., Бедн. люди, 1 июля); В состоянии была *самоё себя* погубить (Дост., Идиот, 1, IV); Не спрашивает *самоё себя* (Боборык., Китай-город, 3, IX); Не признаю силу чем-то дурным *самоё по себе* (Корол., п. А. И. Эртелю, 11 февр. 1890).

В. И. Чернышев, отражавший практику литературного употребления преимущественно конца XIX в., писал: «Для нас необычны народные винит. падежи: *всеё*, *одноё*, *тоё*, хотя они встречаются у писателей (следовало бы указать, что «у писателей» эти формы выступают только как диалектизмы. — *А. Ш.*) Но *самоё* более принято, чем *саму*, хотя и последнее встречается в печати»[12].

Процесс, происходивший в XIX в. в области формы винит. пад. ед. ч. местоимения *сама*, может быть объяснен, во-первых, тенденцией к сокращению числа дублетных форм, во-вторых, нежелательностью сохранения омографических форм *са́мую* и *самую́*, а главное, по-видимому, стремлением к приравниванию формы винит. пад. местоимения женск. р. *сама* к аналогичной форме местоимений *эта — эту*, *та — ту*, *вся — всю*, *моя — мою* и числительного-местоимения *одна — одну*. В XX в. форма *самоё* оказалась почти полностью вытесненной формой *саму́*.

---

[11] Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 115.
[12] В. И. Чернышев. Указ. соч., стр. 216.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ[1]

Аксаков С. Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. Аленький цветочек. Воспоминания. Наташа. Литературные и театральные воспоминания. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии.— В кн.: С. Т. Аксаков. Собрание сочинений, т. 1—4. М., 1955—1956 (*С. Акс.*, *Сем. хрон.*, *Детск. годы Багр.-вн.*, *Аленьк. цв.*, *Воспом.*, *Лит. и театр. воспом.*, *Зап. ружейн. охотн*).

Андреев Л. Повести и рассказы. М., 1957. Рассказы. М., 1957 (*Л. Андреев*).

Анненский И. Стихотворения.— В кн.: И. Анненский. Стихотворения и трагедии. Сов. писатель, 1959 (*Анненск.*).

Антонелли П. Д. Донесения. См. Дело петрашевцев.

Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806—1811 гг., т. I. СПб., 1911. Вып. 2. Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева Геттингенского периода (1802—1804 гг.) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген. 1805—1811. СПб., 1911.

Атеней. Изд. М. Г. Павлов. М., 1828.

Ахшарумов Д. Д. См. Философские и общественно-политические произведения петрашевцев.

Бажин Н. Ф. Степан Рулев.— В кн.: Русские повести XIX в. 60-х г., т. 2. М., 1956.

Баласогло А. П. См. Философские и общественно-политические произведения петрашевцев.

Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792 гг. Пг., изд. ОРЯС, 1915.

Переписка Н. М. Карамзина, В. Я. Колокольникова, А. М. Кутузова, И. В. Лопухина, Н. И. Новикова, А. А. Плещеева, А. Н. Радищева, Н. Н. Трубецкого, М. М. Хераскова [2].

Баттё. Начальные правила словесности, т. 3. М., 1807 (*Баттё*, *Нач. правила словесн.*).

Батюшков К. Н. Сочинения, т. I—III. СПб., 1885—1887. Сочинения. М., 1955 (*Батюшк.*).

Бегичев С. Н. См. Грибоедов А. С. Письма к С. Н. Бегичеву.

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений, т. I — XIII. М., 1953—1959. Избранные письма, т. 1—2, М., 1955 (*Белинск.*).

[1] В скобках курсивом дается принятое в книге сокращение. Примеры из источников, помеченных в тексте буквами «ЛК», заимствованы из картотеки Словарного сектора в Ленинграде; эти источники в настоящий список не включаются.

[2] Здесь и далее после описания книги, с абзаца, дается перечень произведений, извлеченных из этой книги в качестве источников.

Беляев П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805—1850. СПб., 1882 (*Беляев, Воспом. декабр.*).
Бенедиктов В. Стихотворения. Сов. писатель, 1937 (*Бенедикт.*).
Бестужев-Марлинский А. А. См. Марлинский А. А.
Бибиков А. А. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова, сына его сенатором Бибиковым. Изд. 2. М., 1865 (*Бибиков, Зап.*).
Письма А. И. Бибикова к Д. И. Фонвизину, З. Г. Чернышеву и др.
Бибиков А. И. См.: 1) Державин Г. Р. Соч., т. V; 2) Бибиков А. А. Записки.
Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб., 1834, 1839, 1842, 1843, 1846 (*Б-ка для чт.*).
Биржевые ведомости. СПб., 1866 (*Бирж. вед.*).
Благовещенский Н. А. На ткацкой фабрике. На литейном заводе.— В кн.: Русские очерки, т. II. М., 1956 (*Благовещенск.*).
Блок А. А. Стихотворения. Л., 1955.
Боборыкин П. Д. Китай-город. На ущербе. Обречена. Вторая от воды. В отъезд. Перевал. Изменник.— В кн.: П. Д. Боборыкин. Собрание романов, повестей и рассказов, т. 1—12. СПб., А. Ф. Маркс, 1897. Дельцы.— В кн.: П. Д. Боборыкин. Сочинения, т. 1—12. М., Т-во Вольф, 1884—1886, т. 7, 8 (*Боборык.*).
Богданович И. Ф. Душенька. Изд. 7. М., 1815. Стихотворения.— В кн.: Поэты XVIII века. Сов. писатель, 1936 (*Богд.*).
Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738—1794, т. 1—4. СПб., 1871—1873 (*Болот.*).
Боратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951 (*Борат.*).
Боровков А. Д. См. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.
Брадке Е. Ф., фон. См. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.
Брюсов В. Стихотворения.— В кн.: В. Брюсов. Избранные сочинения, т. 1—2. М., 1955. Дневники. 1891—1910. Изд. Сабашниковых, 1927 (*Брюсов, Дневн.*).
Будильник. Сатирический журнал с карикатурами. СПб., 1865 (*Будильн.*).
Булгарин Ф. В. Иван Выжигин.— В кн.: Ф. В. Булгарин. Полное собрание сочинений, т. 1—7. СПб., 1839—1844, т. 1 (*Булг., Ив. Выж.*).
Бунин И. А. Собрание сочинений, т. 1—5. М., 1956.
Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897 (*Бусл., Мои воспом.*).
Бутков Я. П. Петербургские вершины, кн. 1 и 2. СПб., 1845—1846 (*Бутк., Пб. верш.*).
Бушуев А. См. Державин Г. Р. Соч., т. V.
Веллея Патеркула сокращение греческия и римския истории, с латинского языка на российский перевел Ф. Моисеенков. СПб., 1774 (*Веллей Патеркул*).
Вельтман А. Ф. Приключения, почерпнутые из моря Житейского. Саломея. М., 1957 (*Вельтм., Саломея*). Странник. М., 1831—1832.
Веневитинов Д. В. Избранное. М., 1956 (*Веневит.*).
Вересаев В. В. Собрание сочинений, т. 1—5. М., 1961 (*Верес.*).
Вестник Европы. М., 1802—1830 (*В. Е.*).
Вестник Европы. Журнал истории и литературы. СПб., 1890, 1897 (*В. Е.*).
Вигель Ф. Ф. Записки, т. 1—2. М., 1891—1893 (*Вигель, Зап.*).

Вовчок М. Игрушечка.— В кн.: Русские повести XIX века 60-х годов, т. 2. М., 1956 (*М. Вовчок*).
Воейкова А. А. См. Жуковский В. А., Моейр М. А., Протасова Е. А. Письма.
Волконский С. Г. Записки Сергия Григорьевича Волконского (декабриста). СПб., 1901 (*Волконск., Зап.*).
Востоков А. Х. Стихотворения. Сов. писатель, 1936 (*Вост.*).
Всякая всячина. См. Новиков Н. И. Избр. соч.
Вяземский П. А. Полное собрание сочинений, т. I—XII. СПб., 1878—1896. Старая записная книжка. Л., 1929 (*Вяземск., Ст. зап. кн.*).
Гарин-Михайловский Н. Г. Собрание сочинений, т. 1—5. М., 1957 (*Гарин-Мих.*).
Гаршин В. М. Сочинения. М.-Л., 1951 (*Гарш.*).
Герасимов Т. См. Державин Г. Р. Соч., т. V.
Герцен А. И. Легенда. Первая встреча. Елена. Записки одного молодого человека. Рассказы о временах меровингских. Капризы и раздумье. Дневник. Письма об изучении природы. Кто виноват? Сорока-воровка. Письма из Франции и Италии. С того берега. Долг прежде всего. Былое и думы. Порядок торжествует! Император Александр I и В. Н. Каразин. По делу адреса офицеров. К старому товарищу. Скуки ради. — В кн.: А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 1—26. М., Изд-во АН СССР, 1954—1962 [продолж.] (*Герц., Перв. встреча, Зап. одн. мол. чел., Расск. о временах меровингских, Дневн., Письма об изуч. прир., Б. и д., Имп.Александр I и В. Н. Каразин, К стар. товарищу*). Письма.— В кн.:А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. 1—22. Ред. М. К. Лемке. Пг., 1915—1925.
Глинка М. И. См. Михаил Иванович Глинка. Литературное наследие, т. 1.
Глинка С. Записки о Москве и заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 года. СПб., 1837 (*С. Глинка, Зап. о М.*).
Глинка Ф. Стихотворения.— В кн.: Поэзия декабристов. Л., 1950 (*Ф. Глинка*). Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, ч. I и II. М., 1815 (*Письма русск. офицера*). См. также: Декабристы.
Гнедич Н. И. Стихотворения. Л., 1956. См. также: Декабристы.
Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений, т. 1—14. М., 1937—1952. Нос. Портрет. Рим.— В кн.:. Сочинения Николая Гоголя, т. 1—4. СПб., 1842, т. 3. То же. В кн.: Сочинения Н. В. Гоголя, т. 1—5. Изд. 12. Ред. Н. С. Тихонравов, СПб., 1894, т. 3. Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрок, т. 1—4. СПб., 1901.
Голицын П. М. См. Державин Г. Р. Соч., т. V.
Гончаров И. А. Собрание сочинений, т. 1—8. М., 1952—1955 (*Гонч.*).
Горбачевский И. И. Записки декабриста. С приложениями. М., 1916 (*Горбачевск., Зап. декабр.*).
Письма И. И. Горбачевского к Е. П. Оболенскому.
Горький М. Мать. Жизнь Клима Самгина. Фома Гордеев. Макар Чудра. О маленькой фее и молодом чабане. Биограф[ия]. Емельян Пиляй. Супруги Орловы. Тюрьма. Городок Окуров. Русские сказки. Отшельник. Рассказ о безответной любви. Егор Булычев и другие. О пьесах.— В кн.: М. Горький. Собрание сочинений, т. 1—30. М., 1949—1955 (*М. Г., Жизнь Кл. Самг., Ф. Г., О маленьк. фее и молодом чабане, Ем. Пиляй, Русск. сказки, Расск. о безотв. любви, Егор Булычев и др.*).
Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений, т. 1—3. СПб., 1911—Пг., 1917. Сочинения. М., 1953. Письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву. 1816—1826. М., 1860 (*Гриб.*).
Грибоедов А. С. и Вяземский П. А. Кто брат, кто сестра или Обман за обманом.— В кн.: А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений, т. 1. СПб., 1911 (*Гриб. и Вяземск., Кто брат,кто сестра*).

Грибоедов А. С. и Катенин П. Студент. — В кн.: А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений, т. 1. СПб., 1911 (*Гриб. и Катен.*).
Григорович Д. В. Полное собрание сочинений, т. 1—12. СПб., 1896.
Григорьев Ап. Избранные произведения. Л., 1959 (*А. Григорьев*).
Грот Н. Психология чувствований в ее истории и главных основах. СПб., 1879—1880 (*Н. Грот, Психология чувствований*).
Грот Я. К. Филологические разыскания, т. 1—2. Изд. 2. СПб., 1876. Переписка с П. А. Плетневым, т. 1—3. СПб., 1896 (*Я. Грот*).
Давыдов Д. В. Стихотворения и статьи. М., 1942. Военные записки. М., 1940. Сочинения, ч. 1—3. Изд. 4. М., 1860 (*Д. Дав.*).
Данилевский Г. П. Воля. М., 1956 (*Данилевск.*). Письма из-за границы.— В кн.: Г. П. Данилевский. Сочинения, т. 1—9. Изд. 7. СПб., 1891—1893, т. 9.
Данилов М. В. Записки майора Михаила Васильевича Данилова, написанные им в 1771 г. М., 1852 (*Данилов, Зап.*).
Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика. М.— Л., 1951.
Произведения К. Рылеева, В. Раевского, Ф. Глинки, П. Катенина, В. Кюхельбекера, А. Бестужева (Марлинского), А. Одоевского, Н. Тургенева, А. Пушкина, Н. Гнедича, Н. Языкова.
Дело петрашевцев, т. I—III. М.— Л., 1937—1951.
Т. I. Документы следствия по делу М. В. Буташевича-Петрашевского, Н. А. Момбелли, Ф. Н. Львова. Копии документов из утраченного следственного дела о М. В. Петрашевском.
Т. II. Документы следствия.
Т. III. Документы следствия. Донесения агента П. Д. Антонелли. Показание Н. А. Спешнева 2 июня 1849 г.
Дельвиг А. А. Стихотворения. Л., 1959 (*А. А. Дельв.*).
Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. М.— Л., Academia, 1930 (*А. И. Дельв., Полвека русск. жизни*).
Денисов И. См. Державин Г. Р. Соч., т. V.
Державин Г. Р. Стихотворения. Оды. Записки. Переписка.— В кн.: Г. Р. Державин. Сочинения, т. 1—9. СПб., 1864—1883. Стихотворения. Сов., писатель, 1947 (*Держ.*).
Т. V и VI. Переписка Г. Р. Державина с А. И. Бибиковым, А. Бушуевым, И. Денисовым, И. Ивановым, С. Максимовым, Т. Герасимовым, П. Голицыным и др.
Десницкий С. Е. См. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века.
Дмитриев И. И. Сочинения, т. 1—2. СПб., 1895 (*И. Дм.*).
Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. Изд. 2. М., 1869 (*М. Дм., Мелочи из зап. моей пам.*).
Дневные записки Большого собрания. См. Исторические сведения о Екатерининской комиссии.
Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений, т. 1—6. М., 1934—1939 (*Доброл.*).
Добрынин Г. И. Истинное повествование или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и в Витебске. 1752—1823 гг., ч. 1—3. Изд. 2. СПб., 1872 (*Добрынин, Зап.*).
Документы по делу петрашевцев. См. Дело петрашевцев.
Достоевская А. Г. Дневник. М., 1923 (*А. Дост., Дневн.*).
Достоевский Ф. М. Собрание сочинений, т. 1—10. М., 1956—1958. Письма Ф. М. Достоевского к жене. М.— Л., 1926 (*Дост.*).
Дружинин А. В. Полинька Сакс.— В кн.: А. В. Дружинин. Собрание сочинений, т. 1—8. СПб., 1865—1867, т. 1 (*Дружинин, Пол. Сакс*).

Евреинов Н. Оригинал и портретисты. Пг., 1922.
Ершов П. П. Конек — Горбунок. Стихотворения. Л., 1961.
Живописец. См. Новиков Н. И.
Жихарев С. П. Записки современника. Воспоминания старого театрала.— В кн.: С. П. Жихарев. Записки современника. М.— Л., 1955. (*Жих., Зап. совр., Воспом. ст. театр.*). То же, изд. Academia, М.—Л., 1934.
Письма С. П. Жихарева к А. И. Тургеневу.
Жуковский В. А. Собрание сочинений, т. 1—4. М.—Л., 1960. Речь на акте в Университетском благородном пансионе, 14 ноября 1798 г.— В кн.: В. А. Жуковский. Полное собрание сочинений, т. I — XII. СПб., 1902, т. IX (*Жуковск., Речь на акте в Универс. благ. пане.*).
Жуковский В. А., Мойер М. А., Протасова Е. А. Письма. Под ред. А. Е. Грузинского [Уткинский сборник, I]. М., 1904.
Переписка В. А. Жуковского, М. А. Мойер, Е. А. Протасовой, А. А. Воейковой и А. П. Киреевской.
Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1898 (*ЖМНП*).
Загоскин М. Н. Юрий Милославский или Русские в 1612 году. Изд. Суворина. СПб., 1910 (*Ю. М.*). Рославлев или Русские в 1812 году. М., 1955 (*Росл.*).
Засодимский П. В. Темные силы.— В кн.:. Русские повести XIX века 60-х годов, т. 2. М., 1956 (*Засодимск., Темн. силы*).
И то и сё. Изд. М. Д. Чулков. СПб., 1769.
Иванов И. В. См. Державин Г. Р. Соч., т. V.
Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства. СПб., 1906.
Письмо А. И. Якубовича к имп. Николаю I (*Якубович, п. Ник. I*).
Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I—II. Госполитиздат, 1952.
М. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о разных понятиях. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции (*Десницк., Юридическ. рассужд., Сл. о способе к научению юриспруденции*).
Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1—3. Л., 1951.
И. Д. Якушкин. Из «Записок» (*Якушк., Из «Зап.»*). Устав Союза благоденствия (*Устав Союза благоденств.*). Н. М. Муравьев. Проект Конституции (*Муравьев, Проект Конст.*). К. П. Торсон. Рассуждение о Конституции (*Торсон, Рассужд. о Конст.*). М. А. Фонвизин. Из «Записок» (*М. Фонв., Из «Зап.»*). К. Ф. Рылеев. Стихотворения (*Рыл.*). А. Д. Боровков. Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства (*Боровков, Свод показаний*). Е. Ф. Брадке, фон. О военных поселениях (*Фон-Брадке, О воен. поселениях*). А. П. Куницын. Энциклопедия прав (*Куницын, Энц. прав*). П. И. Пестель. «Русская Правда» (*Пестель, «Русск. Правда»*). Н. А. Крюков. Из «Записной книжки» (*Крюков, Из «Зап. книжки»*). А. Д. Улыбышев. Письмо к другу в Германию.
Измайлов А. Е. Полное собрание сочинений, т. 1—3. М., 1890 (*Изм.*).
Илиада Гомера. Перевод Н. И. Гнедича. М.— Л., Academia, 1935 (*Илиада, пер. Н. И. Гнедича*).
Искра. Сатирический журнал с карикатурами. Изд.-ред. Н. Степанов и В. Курочкин. СПб., 1859.
Истори ческие сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения, ч. 5 (1768—1770).— В кн.: Сб. имп. Русск. ист. об-ва, т. 36. СПб., 1882.

Дневные записки Большого собрания. Проект законов о правах среднего рода государственных жителей. Проект законов о правах войск казачьих (*Дневн. зап. Больш. собр.*, *Проект законов о правах*, *Проект законов о правах войск*).

Исторический вестник. Историко-литературный журнал. СПб., 1900, 1901, 1902, 1906, 1908, 1914 (*Ист. вестн.*).

Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы кн. Антиоха Дмитриевича Кантемира, т. 1—2. СПб., 1867—1868. Собрание стихотворений. Л., 1956 (*Кант.*).

Капнист В. В. Сочинения. СПб., 1849 (*Капн.*).

Карамзин Н. М. Сочинения, т. 1—3. СПб., 1848. История Государства Российского, т. 1—12. СПб., 1892 (*Карамз.*, *И. Г. Р.*). Письма русского путешественника.— В кн.: Русская проза XVIII века, т. 2. М.— Л., 1950 (*П. р. п.*). Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. Повести. Письма русского путешественника.— В кн.: Н. М. Карамзин. Сочинения, т. I — IX. СПб., 1934—1935, т. V, VI.

Катенин П. Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина, с приобщением нескольких стихотворений князя Николая Голицына, ч. 1 и 2. СПб., 1832 (*Катен.*). См. также: Декабристы.

Киреевская А. П. См. Жуковский В. А., Мойер М. А., Протасова Е. А. Письма.

Киреевский П. В. Письма к Н. М. Языкову. М.—Л., 1935 (*П. Киреевск.*).

Клушин А. И. Алхимист.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.—Л., 1950. Несчастный М-в.— В кн.: Русская проза XVIII века, т. 2. М.— Л., 1950 (*Клушин*, *Несч. М-в*).

Ключевский В. О. Курс русской истории, ч. I — III. М., 1904—1912 (*Ключевск.*, *Курс русск. ист.*). История сословий в России (Курс, читанный в Московском университете в 1886 г.). М., 1913 (*Ист. сосл. в Р.*).

Книппер О. Л. См. Чехов А. П. Переписка с О. Л. Книппер.

Княжнин Я. Дидона. Хвастун. Несчастие от кареты. — В кн.: Я. Княжнин. Сочинения, т. 1—5. Изд. 3. СПб., 1817—1818, тт. 1, 3, 4 (*Княжн.*, *Несч. от кареты*). Избранные произведения. Сов. писатель, 1961.

Козлов И. И. Стихотворения. Изд. 3. Л., 1956.

Кокорев И. Т. Сочинения. М.— Л., 1959.

Колокольников В. Я. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.

Кольцов А. В. Стихотворения. Изд. 2. Сов. писатель, 1948 (*Кольц.*).

Кони А. Ф. Из записок судебного деятеля.— В кн.: А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. 1—5. СПб., 1912 — Пг., 1929, т. 1 (*Кони*, *Из зап. судебн. деятеля*).

Копиев А. Д. Обращенный мизантроп или Лебедянская ярмонка.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.— Л., 1950 (*Копиев*, *Обращ. мизантроп*).

Короленко В. Г. Собрание сочинений, т. 1—10. М., 1953—1956 (*Королен.*). Письма. 1888—1921. Ред. Б. Л. Модзалевский. Пг., 1922.

Крестовский Вс. Влад. Петербургские трущобы (Книга о сытых и голодных). М.— Л., 1937 (*Вс. Крестовск.*, *Пб. трущ.*).

Кропотов П. А. Фомушка, бабушкин внучек.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.— Л., 1950 (*Кропот.*, *Фомушка*).

Крупская Н. К. См. Ленин В. И. Соч., т. 37.

Крылов И. А. Полн. собрание сочинений, т. 1—3. М., 1945—1946. Ленивый. Комедия в стихах.— В кн.: И. А. Крылов. Стихотворения. Л., 1954 (*Крыл.*).

Крюков Н. А. См. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.

Куницын А. П. См. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.
Куприн А. И. Собрание сочинений, т. 1—6. М., 1957—1958 (*Купр.*).
Курочкин В. С. Стихотворения. Статьи. Фельетоны. М., 1957 (*Курочк.*). См. также: Русский фельетон.
Кустарная промышленность России, т. 1—2. СПб., 1913.
Кутузов А. М. См. Барсков Я. Д. Переписка моск. масонов XVIII в.
Кюхельбекер В. К. Стихотворения.— В кн.: Поэзия декабристов. Л., 1950. Дневник. Изд. «Прибой», 1929 (*Кюхельб.*, *Дневн.*). См. также: Декабристы; Мнемозина.
Лажечников И. И. Последний Новик. Ледяной дом.— В кн.: И. И. Лажечников. Собрание сочинений, т. 1—5. СПб., 1858 (*Лажечн.*, *Последн. Новик*, *Лед. дом*).
Левитов А. И. Сочинения в одном томе. М., 1950.
Лейкин Н. А. См. Русский фельетон.
Ленин В. И. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности. Насущные задачи нашего движения. Что делать? Задачи революционной молодежи. Максимум беззастенчивости и минимум логики. Неподанное заявление. Народничествующая буржуазия и растерянное народничество. Почему я вышел из редакции «Искры?» Шаг вперед, два шага назад. Первый шаг, 10/23 марта 1905 г. III Съезд РСДРП. Речь по докладу о деятельности ЦК, 8 мая (25 апр.) 1905 г. Отношение социал-демократии к крестьянскому движению. Уроки московских событий. Памяти графа Гейдена (Чему учат народ наши беспартийные «демократы»). О фракции сторонников отзовизма и богостроительства. О происшествии с королем португальским. Заметки публициста, 1910 г. Кадеты и аграрный вопрос. Слова и дела. Либералы и демократы в вопросе о языках. Как В. Засулич убивает ликвидаторство. Плохая защита плохого дела. Либеральная буржуазия и ликвидаторы. Вождь ликвидаторов о ликвидаторских условиях «единства». Идейная борьба в рабочем движении. О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве. Крах II Интернационала. Социализм и война. Оппортунизм и крах II Интернационала. Империализм, как высшая стадия капитализма. Один из коренных вопросов революции. Русская революция и гражданская война. Речь перед агитаторами, посылаемыми в провинцию, 1918 г. IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, 14—16 марта 1918 г. Речь перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт, 24 окт. 1919 г. Письмо П. Е. Вилонову, 27 марта 1910 г. Центральному Комитету РСДРП, 28 июля 1905 г. Письмо А. Шляпникову, сент.-окт. 1916 г. Письма к родным, 1893—1922.— В кн.: В. И. Ленин. Сочинения, тт. 1—40. Изд. 4. Госполитиздат, 1941—1962. [В т. 37, Приложения — письма Н. К. Крупской].
Лепехин И. Дневные записки путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 г. Изд. 2, т. 2. СПб., 1802 (*Лепехин*, *Дневн. зап.*). Путешествия академика Ивана Лепехина в 1772 году, ч. IV. СПб., 1805 (*Путеш.*).
Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений, т. 1—6. М.—Л., 1954—1957 (*Лерм.*).
Лесков Н. С. Собрание сочинений, т. 1—11. М., 1956—1958. Ракушанский меламед. Легендарные характеры.— В кн.: Н. С. Лесков. Полное собрание сочинений, т. 1—36. Изд. 3. СПб., 1902—1903, т. 14, 33 (*Леск.*, *Ракуш. меламед*, *Легенд. характеры*).
Ломоносов М. В. Российская грамматика. Рассуждение о твердости и жидкости тел. Волфианская экспериментальная физика.— В кн.: М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 1—10. М.— Л.,

1950—1959 (*Лом.*, *Росс. грам.*, *Рассужд. о твердости и жидкости тел*, *Волфианская физика*).
Лопухин И. В. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Лукин В. И. Щепетильник. Комедия в одном действии. СПб., 1765 (*Лукин*, *Щепетильн.*).
Львов Ф. Н. Показания. См. Дело петрашевцев.
Майков А. Н. Стихотворения.— В кн.: А. Н. Майков. Полное собрание сочинений, т. 1—3. Изд. 6. СПб., 1893 (*А. Майк.*). Избранные произведения. Л., 1957.
Майков В. И. Сочинения и переводы. СПб., 1867 (*В. Майк.*).
Максимов С. Т. См. Державин Г. Р. Соч., т. V.
Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы. Дикое счастье. Наследник. Три конца. Верный раб. Золото. Охонины брови. Из далекого прошлого.— В кн.: Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений, т. 1—8. М., 1953—1955 (*М.-Сиб.*, *Прив. мил.*, *Из далекого прошл.*).
Марлинский А. А. (А. А. Бестужев-Марлинский). Сочинения, т. 1—2. М., 1958. Стихотворения.— В кн.: Поэзия декабристов. Л., 1950 (*Марл.*). См. также: Декабристы.
Матинский М. Санкт-Петербургский гостиный двор.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.—Л., 1950 (*Матинск.*, *Спб. гост. двор*).
Мей Л. А. Стихотворения и драмы. Сов. писатель, 1947.
Мельников-Печерский П. И. Бабушкины россказни.— В кн.: Русские повести XIX в. 60-х гг., т. 1. М., 1956 (*М.-Печ.*, *Бабушк. россказни*). В лесах. М., 1955.
Менделеев Д. Основы химии, ч. 1. Изд. 3. СПб., 1877 (*Менд.*).
Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия на берег Маклая. М., 1956 (*Микл.-Маклай*, *Путеш. на бер. Маклая*).
Милютин Д. А. Дневник 1873—1875 гг., т. I. М., 1947 (*Милютин*, *Дневн.*).
Минаев Д. Д. Стихотворения и поэмы. Л., 1960.
Михаил Иванович Глинка. Автобиографические и творческие материалы.— В кн.: Литературное наследие, т. I. Л.—М., 1952.
Записки М. И. Глинки, ч. 1—4 (*М. Глинка*, *Зап.*).
Михайлов М. Л. Сочинения, т. 1—3. М., 1958. Лондонские заметки.— В кн.: Русские очерки, т. I. М., 1956 (*Михайлов*, *Лондонск. заметки*).
Михайловский Н. К. См. Русский фельетон.
Мнемозина. Собрание сочинений в стихах и прозе, ч. I—III. Изд. В. Одоевский и В. Кюхельбекер. М., 1824 (*Мнемоз.*).
Мойер М. А. См. Жуковский В. А., Мойер М. А., Протасова Е. А. Письма.
Момбелли Н. А. Показания. См. Дело петрашевцев.
Мордвинов Я. Я. Записки капитана Якова Яковлевича Мордвинова, ч. 1. Журнал о походах в Соловки и на Валаам острова (в 1744, 1752, 1764, 1777 и 1784 гг.). СПб., 1888 (*Мордв.*, *Зап.*).
Морозов Н. А. Повести моей жизни, т. 1—3. [М.], 1947.
Москвитянин. Изд. М. П. Погодин. М., 1841, 1843, 1851, 1855, 1856 (*Москвит.*).
Московские ведомости. М., 1777, 1795 (*Моск. вед.*).
Московский вестник. Изд. М. П. Погодин. М., 1826, 1828 (*Моск. вестн.*).
Московский Меркурий. Изд. П. И. Макаров. М., 1803 (*Моск. Мерк.*).
Московский наблюдатель. Журнал энциклопедический. М., 1837 (*Моск. набл.*).

Московский телеграф. Журнал литературы, критики, наук и художеств. Изд. Н. Полевой. М., 1825—1834 (*Моск. телеграф*).
Муравьев Н. М. См. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.
Надсон С. Я. Полное собрание стихотворений. М.- Л., 1962.
Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. СПб., 1821 (*Назаров, Зап.*).
Нарежный В. Т. Избранные сочинения, т. 1—2. М., 1956 (*Нарежн.*).
Нащокин В. А. Записки. СПб., 1842 (*Нащокин, Зап.*).
Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем, т. I—XII. М., 1948—1953 (*Некр.*).
Некрасов Н. А. и Станицкий Н. [А. Я. Панаева]. Три страны света. — В кн.: Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т. I—XII. М., 1948—1953, т. VII (*Некр. и Станицк., Три стр. света*).
Никитенко А. В. Дневник, т. I—III. М., 1955 (*Никитенко, Дневн.*).
Никитин И. С. Сочинения, т. 1—4. М., 1960—1961.
Николев Н. П. Розана и Любим.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.—Л., 1950.
Новиков Н. И. Трутень. Живописец.— В кн.: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.—Л., 1951 (*Трутень, Живописец*). Избранные сочинения. М.—Л., 1951.
Всякая всячина. Полемика Новикова с Екатериной II в 1769 г. (*Вс. всячина*). Критические статьи. Опыт исторического словаря о российских писателях (*Опыт ист. слов.*).
См. также: Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Огарев Н. П. Стихотворения. Сов. писатель, 1948.
Одиссея Гомера. Пер. В. А. Жуковского. М.—Л., Academia, 1935 (*Одиссея, пер. Жуковск.*).
Одоевский А. И. Стихотворения. Василько.— В кн.: А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем. Academia, 1934 (*А. Одоевск.*). См. также: Декабристы.
Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. М., 1959. Русские ночи. М., 1913 (*В. Одоевск., Русск. ночи*).
Озеров. В. Сочинения. Изд. 3. СПб., 1856.
Осколки. Художественно-литературный журнал. СПб., 1881.
Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I. Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым.1812—1819. СПб., 1899. Т. II. Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820—1823. СПб., 1899. Т. III. Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824—1836. СПб., 1908.
Островский А. Н. Полное собрание сочинений, т. I—XVI. М. 1949—1953 (*Остр.*).
Отечественные записки. Учено-литературный журнал. Изд.-ред. А. Краевский. СПб., 1839, 1840, 1844. Журнал учено-литературный и политический. Изд. А. А. Краевский и др. СПб., 1872, 1880, 1884 (*Отеч. зап.*).
Павлов Н. Ф. Повести и стихи. М., 1957 (*Н. Павл.*).
Панаев И. И. Литературные воспоминания. ГИХЛ, 1950 (*Панаев, Лит. воспом.*).
Панин Н. И. Письма. См. Присоединение Крыма к России.
Пассек Т. П. Из дальних лет, т. 1. СПб., 1878 (*Пассек, Из дальн. лет*).
Педагогический сборник. СПб., 1893 (*Пед. сб.*).

Пестель П. И. См. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.

Петрашевский М. В. (Буташевич-Петрашевский). См. Дело петрашевцев; см. также: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев.

Петров В. Стихотворения.— В кн.: Поэты XVIII века. Сов. писатель, 1936.

Писарев Д. И. Реалисты. Пушкин и Белинский. Базаров. Стоячая вода. Русский Дон-Кихот. Пчелы. Очерки из истории труда. Популяризация отрицательных доктрин. Генрих Гейне.— В кн.: Д. И. Писарев. Сочинения, т. 1—4. М., 1955—1956 (*Писарев, Пушк. и Белинск., Стояч. вода, Русск. Дон-Кихот, Оч. из ист. труда, Популяризац. отриц. доктрин*). Процесс жизни (Физиологические письма К. Фохта). Исторические эскизы. Кукольная трагедия с букетом гражданской скорби.— В кн.: Д. И. Писарев. Полное собрание сочинений, т. 1—6. Изд. 4. СПб., 1903—1905 (*Ист. эскизы, Кукольн. траг.*).

Писемский А. Ф. Сочинения, т. 1—3. М., 1956 (*Писемск.*). Масоны.— В кн.: А. Ф. Писемский. Полное собрание сочинений, т. 1—8. Изд. 3. СПб., 1910—1911, т. 6.

Плавильщиков П. А. Бобыль.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII в. М.—Л., 1950 (*Плавильщ.*).

Плетнев П. А. Сочинения и переписка, т. 1—3. СПб., 1885. См. также: Грот Я. К. Переписка с П. А. Плетневым.

Плеханов Г. В. Наши разногласия. Новый защитник самодержавия или Горе г. Л. Тихомирова. Политические задачи русских социалистов. 1 мая 1890 г. Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция. Выбранные места из переписки с друзьями.— В кн.: Г. В. Плеханов. Сочинения, т. I—XXIV. Изд. 2. М.— Пг., 1923—1927 (*Плех., Социализм и полит. борьба, Нов. защитник самодерж., Полит. задачи русск. социалистов, Рабоч. класс и соц.-дем. интеллигенция, Выбр. места из переписки с друзьями*).

Плещеев А. А. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.

Плещеев А. Н. Избранное. Стихотворения. Проза. М., 1960 (*Плещ.*). См. также: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев.

Пнин И. Сочинения. М., 1934.

Погодин Н. Норманский период русской истории. М., 1859 (*Погодин, Норманск. период русск. ист.*).

Погорельский А. [А. А. Перовский]. Монастырка. М., 1960 (*Погорельск.*).

Полевой Н. Мечты и жизнь. Были и повести, ч. 1—4. М., 1833—1834. История русского народа, т. 1—6. М., 1829—1833, т. 5 (*Н. Полевой, Ист. русск. народа*).

Полежаев А. И. Сочинения. М., 1955 (*Полеж.*).

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года, т. XXII, XXVI, XXXIX. СПб., 1830; т. XV. СПб., 1899 (*ПСЗ*).

Полонский Я. П. Собрание стихотворений, т. 1—5. СПб., 1896 (*Полонск.*).

Помяловский Н. Г. Сочинения. М.— Л., 1951 (*Помяловск.*).

Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения, т. 1, 1775—1777 гг. Сост. Н. Дубровин. СПб., 1885. Ордера и донесения гр. П. А. Румянцева-Задунайского. Письма гр. Н. И. Панина.

Проект законов о правах войск казачьих. См. Исторические сведения о Екатерининск. комиссии.
Проект законов о правах среднего рода государственных жителей. См. там же.
Протасова Е. А. См. Жуковский В. А., Мойер М. А., Протасова Е. А. Письма.
Путешествие критики или Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большею частию сам был очевидным свидетелем. Сочинение С* фон Ф.* 1818. М., 1951 (*Путеш. критики*).
Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. 1—16. Изд-во АН СССР, 1937—1949 (*Пушк.*). Записи сказок.— В кн.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 1—6. М.—Л., Academia, 1936, т. 2.
Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. ГИХЛ, 1956 (*Зап. о Пушк.*).
М. И. Пущин. Встреча с Пушкиным за Кавказом. Из дневника 1826 года (*М. Пущин, Встр. с Пушк., Из дневн. 1826*).
Пущин М. См.: Пущин И. И. Записки о Пушкине.
Пютц В. Сборник исторических очерков. Пер. с нем. Л. Чацкин. М., 1866 (*Пютц, Сб. ист. оч.*).
Радищев А. Н. Полное собрание сочинений, т. 1—3. М.— Л., 1938—1952 (*Радищ.*). См. также: Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Раевский В. Ф. Стихотворения. Л., 1952 (*В. Раевск.*). См. также: Декабристы.
Репин об искусстве. Сост. О. А. Лясковская. М., 1960.
Отрывки из писем И. Е. Репина разным лицам.
Речи на судебных процессах. См. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах.
Решетников Ф. М. Полное собрание сочинений, т. 1—2. СПб., 1904 (*Решетн.*).
Рикорд П. И. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к Японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. СПб., 1816 (*Рикорд, Зап.*).
Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. 1844—1906. Изд. 2. СПб., 1910 (*Римск.-Корс., Летоп. моей музык. жизни*).
Румянцев-Задунайский П. А. Донесения. См. Присоединение Крыма к России.
Русская старина. СПб., 1880 (*Русск. старина*).
Русские поэты современники Пушкина. Л., 1937.
Стихотворения Батюшкова, Боратынского, Веневитинова, Вяземского, Гнедича, Д. Давыдова, Дельвига, Жуковского, Катенина, Козлова, Кюхельбекера, А. Одоевского, Полежаева, В. Л. Пушкина, Рылеева, Тютчева, Шевырева, Языкова.
Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах, т. I — VII. Изд. 2. М., 1899—1903.
Речи защитников, прокуроров, судебные заключения и др. материалы судебных процессов 1870—1890 гг.
Русский вестник. Изд. С. Глинка. М., 1810 (*Русск. вестн.*).
Русский вестник. Журнал литературный и политический. Изд.-ред. М. Катков. М., 1857, 1858, 1863, 1870 (*Русск. вестн.*).
Русский фельетон. М., 1958.
Фельетоны М. Д. Чулкова, В. С. Курочкина, Н. К. Михайловского, Н. А. Лейкина.
Русское богатство. Ежемесячный журнал. СПб., 1880, 1893 (*Русск. богатство*).

Рылеев К. Ф. Полное собрание сочинений. М.—Л., Academia, 1934. Стихотворения.—В кн.: Поэзия декабристов. Л., 1950 (*Рыл.*). См. также: Декабристы; Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.
Рычков Н. Опыт Казанской истории древних и средних времян. СПб., 1767 (*Рычков, Опыт Каз. ист.*).
Савина М. Горести и скитания. Записки 1854—1877 гг. М.— Л., 1961.
Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы. Пошехонская старина. Губернские очерки. Цензор впопыхах. Литературные будочники. Помпадуры и помпадурши. История одного города. Благонамеренные речи. В среде умеренности и аккуратности. Убежище Монрепо. За рубежом. Письма к тетеньке. Современная идиллия. Недоконченные беседы. Пестрые письма. Газетчик. Письма. — В кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений, т.1—20. М., 1933—1941 (*С.-Щ., Госп. Головл., Пошехонск. стар., Губ. оч., Литературн. будочники, Помп. и помпадурши, Ист. одн. города, Благонамер. речи, Совр. идиллия, Недоконч. беседы, Пестр. письма*).
Свербеев Д. И. Записки, т. 1—2. М., 1899 (*Сверб., Зап.*).
Северный архив. Журнал истории, статистики и путешествий. Изд. Ф. Булгарин. СПб., 1823 (*Сев. архив*).
Северный вестник. Изд. И. И. Мартынов. СПб., 1805 (*Сев. вестн.*).
Северный вестник. Журнал литературно-научный и политический. СПб., 1886, 1890 (*Сев. вестн.*).
Сеченов И. Физиология нервной системы. СПб., 1886 (*Сеченов, Физиол.*). Физиологические очерки, ч. 1—2. СПб., 1898 (*Физиол. оч.*).
Славутинский С. Т. Жизнь и похождения Трифона Афанасьева. Читальщица.— В кн.: Русские повести XIX в. 60-х гг., т. 1. М., 1956 (*Славутинск., Жизнь и похожд. Триф. Аф.*).
Слепцов В. А. Сочинения, т. 1—2. М., 1957 (*Слепц.*).
Случевский К. К. Стихотворения и поэмы. М.— Л., 1962 (*Случевск.*).
Современник. Литературный журнал. Изд. А. С. Пушкин. СПб., 1836. Литературный журнал А. С. Пушкина, изд. по смерти его П. А. Вяземским, В. А. Жуковским и др. СПб., 1837. Литературный журнал. Изд.-ред. П. А. Плетнев. СПб., 1841 (*Совр.*).
Современник. Литературный и политический журнал. Изд.-ред. И. И. Панаев и Н. А. Некрасов. СПб., 1847, 1860 (*Совр.*).
Соллогуб В. А. Тарантас. СПб., 1845 (*В. Соллог.*).
Соловьев С. История России с древнейших времен, т. 1—29. М., 1851—1879, т. 1, 2 (*С. Соловьев, Ист. Росс.*).
Сологуб Ф. Мелкий бес. Изд. 9. Пг.— М.— Берлин, 1923 (*Ф. Сологуб., Мелк. бес*).
Спешнев Н. А. Показания. См. Дело петрашевцев.
Станюкович К. М. Пассажирка. Нянька. Матроска. Вокруг света на «Коршуне». Первогодок. Оборот. Два брата.— В кн.: К. М. Станюкович. Собрание сочинений, т. 1—6. М., 1956—1959 (*Станюк., Вокруг света на «Корш.»*).
Стасов В. В. Собрание сочинений, т. I—III. СПб., 1894.
Страхов Н. И. Сатирический вестник.— В кн.: Русская проза XVIII века, т. 2. М.— Л., 1950 (*Страхов, Сатирич. вестн.*).
Суворин А. С. Дневник. М.— Пг., 1923 (*Суворин, Дневн.*).
Суворов А. В. Письма и бумаги. Из «Суворовского сборника» имп. Публичной библиотеки. [Вып. 1]. Изд. В. Алексеев. СПб., 1901.
Судебные заключения. См. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах.
Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, ч. I—X. Изд. 2. М., 1787. Ссора у мужа с женою.— В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII века. М.— Л., 1950 (*Сумарок.*).

Сын отечества. Исторический и политический журнал. Ред. Н. И. Греч. СПб., 1812. Исторический, политический и литературный журнал. Ред. Н. И. Греч. СПб., 1814 (*С.О.*).
Телескоп. Журнал современного просвещения. Изд. Н. Надеждин. М., 1831, 1832. (*Телеск.*).
Толстой А. К. Стихотворения.— В кн.: А. К. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 1—4. СПб., 1907 (*А. К. Толст.*).
Толстой Л. Н. Война и мир. Анна Каренина. Воскресение. Детство. Отрочество. Юность. Из Кавказских воспоминаний (Разжалованный). Севастополь в мае. Севастополь в августе 1855 года. Казаки. Поликушка. Зараженное семейство. К вопросу о свободе воли. Живой труп. Хаджи Мурат. Фальшивый купон. Бедные люди. Письма. — В кн.: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 1—90. М.—Л., 1928—1958 (*Л. Толст., В. и м., А. К., Воскрес., Из Кавказск. воспом., Севаст. в мае, Севаст. в авг., Зараж. семейство, Фальш. купон, Бедн. люди*). Письма к жене. 1862—1910 гг. М., 1913.
Торсон К. П. См. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.
Трачевский А. С. Учебник древней истории. СПб., 1901 (*Трачевск., Учебн. древн. ист.*).
Тредьяковский В. К. Сочинения, т. 1—3. СПб., 1849 (*Тредьяковск.*).
Трубецкой Н. Н. См. Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.
Труды Вольного экономического общества. СПб., 1810, 1813 (*Тр. Вольн. эконом. об-ва*).
Труды Общества любителей российской словесности при имп. Моск. университете. 1812, 1816, 1819 (*Тр. Об-ва люб. росс. слов.*).
Трутень. См. Новиков Н. И.
Тургенев А. И. См. Архив братьев Тургеневых; см. также: Остафьевский архив князей Вяземских.
Тургенев И. С. Собрание сочинений, т. 1—12. М., 1953—1958. Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт. М., 1915 (*Тург.*).
Тургенев Н. И. См. Архив братьев Тургеневых.
Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. Госполитиздат, 1959 (*Тучк., Воспом.*).
Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. М.— Л., 1934 (*Тютч.*).
Улыбышев А. Д. См. Избранные социально-политические и философск. произвед. декабристов.
Успенский Г. И. Власть земли. Из чиновничьего быта. Бойцы. Письма с дороги. Кой про что. «Четверть лошади». Грехи тяжкие. А. П. Щапов.— В кн.: Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений, т. 1—14. Изд-во АН СССР, 1952—1954 (*Гл. Усп., Вл. земли*).
Успенский Н. Повести. Рассказы и очерки. М., 1957 (*Н. Усп.*).
Устав Союза благоденствия. См. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.
Федоров Е. С. Начала учения о фигурах. Изд. АН СССР, 1953. Набрано фототип. способом по изд. 1885 г., СПб. (*Е. Федоров, О фигурах*).
Фет А. А. Полное собрание стихотворений, т. 1—2. СПб., 1912. Мои воспоминания, ч. I и II. М., 1890 (*Мои воспом.*).
Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. Госполитиздат, 1953.
М. В. Буташевич-Петрашевский. Карманный словарь иностранных слов, вып. 2 (*Петрашевск., Карм. сл. иностр. слов.*). А. В. Ханыков. Речь на обеде в честь Ш. Фурье (*Ханыков, Речь на обеде в честь Фурье*). А. П. Баласогло. Проект учрежде-

ния книжного склада. Из показания (*Баласогло, Проект учрежд. книжн. скл.*). Д. Д. Ахшарумов. [Автобиографическая записка] (*Д. Ахшарумов, Автобиогр. записка*). А. Н. Плещеев. Письмо к С. Ф. Дурову (*Плещ.*).

Фонвизин Д. И. Собрание сочинений, т. 1—2. М—Л., 1959. Избранные сочинения и письма. М., 1946 (*Фонв.*). Сочинения. Изд. 2. А. Ф. Маркс, СПб., 1902.

Фонвизин М. А. См. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.

Ханыков А. В. См. Философские и общественно-политические произведения петрашевцев.

Хемницер И. И. Сочинения и письма. СПб., 1873 (*Хемн.*).

Хераскоов М. М. Избранные произведения. Л., 1961 (*Хераск.*). См. также: Барсков Я. Д. Переписка московских масонов XVIII в.

Хозяйственные записки. Изд. Вольн. эконом. о-ва. СПб., 1813 (*Хоз. зап.*).

Хомяков А. С. Стихотворения.— В кн.: Д. Веневитинов, С. Шевырев, А. Хомяков. Стихотворения. Сов. писатель, 1937.

Челищев П. И. Путешествие по Северу России в 1791 г. СПб., 1886 (*Челищ., Путеш.*).

Чернышевский Н. Г. Что делать? Очерки гоголевского периода русской литературы. Очерки из политической экономии, по Миллю. Материалы для биографии Н. А. Добролюбова.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. I — XV. М., 1949—1950 (*Черн., Оч. гоголевск. периода, Оч. из полит. экономии, Мат-лы для биогр. Н. А. Доброл.*).

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем, т. 1—20. М., 1944—1951 (*Чех.*). Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер, т. 1—3. М., 1934—1936, т. 2 (26/X 1901—10/X 1902).

Чулков М. Д. Из сборника «Пересмешник или Славянские сказки». Пригожая повариха или Похождения развратной женщины.— В кн.: Русская проза XVIII века, т. 1. М., 1950 (*Чулк., Пересмешн., Пригож. повариха*). См. также: Русский фельетон.

Шаховской Я. П. Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим, ч. 1. М., 1 10 (*Шаховск., Зап.*).

Шевырев С. П. Стихотворения.— В кн.: Д. Веневитинов, С. Шевырев, А. Хомяков. Стихотворения. Сов. писатель, 1937.

Щербатов М. М. Статистика в рассуждении России.— В кн.: М. М. Щербатов. Сочинения, т. 1—2. СПб., 1896—1898 (*Щербат., Статистика*). Мнение о поселенных войсках.— В кн.: М. М. Щербатов. Неизданные сочинения. М., 1935 (*Мнение о поселен. войсках*).

Эртель А. И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги. М., 1890 (*Эрт., Гард.*).

Юм Д. О населенности древних народов каковою оная является из писаний историков, мудрецов и стихотворцев тех времен. Г. Юма. Преложил с английского Н. Муравьев. СПб., 1806 (*Юм, О населенности древн. народов*).

Языков Н. М. Полное собрание стихотворений. Academia, 1934. См. также: Декабристы.

Якубович А. И. См. Из писем и показаний декабристов.

Якушкин И. Д. См. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.

Словари

Алексеев П. Церковный словарь или Истолкование славенских, также маловразумительных древних и иноязычных речений, положенных без перевода в священном писании и содержащихся в других церковных и духовных книгах. Изд. 4. СПб., 1817—1819 (*Сл. П. Алексеева*).

Бурдон И. Ф. и Михельсон А. Д. Полный словарь иностранных слов («115 000»), вошедших в употребление в русском языке, с означением их корней. Изд. 8. СПб.—М., 1885 (*Бурд. и Михельс.*).

Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, т. I — II. СПб., 1843—1844 (*Бурнашев, Опыт терм. сл.*).

Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при имп. АН печатию издан. СПб., 1731 (*Сл. 1731 г.*).

Востоков А. Х. Словарь церковнославянского языка, т. 1—2. СПб., 1858—1861 (*Востоков, Сл. ц.-сл. яз.*).

Гринберг Л. Терминологический медицинский словарь на латинском, немецком, французском и русском языках, со включением выражений, относящихся к фармации, медицинской физике, химии, зоологии, ботанике, минералогии и ветеринарному искусству, т. 1—2. Изд. 2, доп. Ольхиным. СПб., 1862—1864 (*Гринб., Мед. сл.*).

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1—4. Изд. 3. СПб.— М., 1903—1909 (*Даль*).

Дополнения к «Опыту областного великорусского словаря». Изд. Второго отд. имп. АН. СПб., 1858 (*Доп. к Опыту обл. сл.*).

Дювернуа А. Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1894 (*Дювернуа, Материалы*).

Кирилов Н. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, вып. 1—2. СПб., 1845—1846 (*Сл. Кирил.*).

Кронеберг И. Латино-российский лексикон, с полным объяснением всех свойств и значений каждого латинского слова и с показанием собственных имен, до древней географии и мифологии относящихся, ч. 1—2. Изд. 2. М., 1824 (*Кронеберг, Лат.-росс. лекс.*).

Мартынов И. Технико-ботанический словарь на латинском и русском языках. СПб., 1820 (*Мартынов, Техн.-бот. сл.*).

Михельсон А. Д. Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с объяснением их корней. Изд. 12. М., 1898 (*Михельсон, Сл. иностр. слов*).

Михельсон А. Д. 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. Изд. 5. М., 1874 (*Михельсон, 30 000 слов*).

Новый словотолкователь сорока трех тысяч иностранных слов, вошедших в русский язык, т. 1—2. М., 1878 (*Нов. словотолк. 43 000*).

Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводом, словарь, ч. 1—2. СПб., 1780—1782 (*Сл. Нордстета*).

Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отд. имп. АН. СПб., 1852 (*Опыт обл. сл. 1852 г.*).

Поликарпов Ф. Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище, из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное. М., 1704 (*Ф. Поликарпов*).

Рейф Ф. Новые параллельные словари языков: русского, французского, немецкого и английского, ч. 1. Русско-французско-немецко-английская. СПб. и Карлсруэ, 1849—1852 (*Рейф, ч. 1*).

Ре-ф-ц И. [И. М. Ренофанц]. Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов или Краткое истолкование встречающихся в них слов..., из иностранных языков заимствованных, коих значения не каждому известны. СПб., 1837 (*Ре-ф-ц, Карм. книжка*).

Российский целлариус или Этимологический российский лексикон, изданный Фр. Гелтергофом. М., 1771 (*Росс. целлариус*).
Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный, ч. I—VI. СПб., 1789—1794 (*Сл. АР, 1 изд.*).
Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Вновь пересмотренное, исправленное и пополненное издание, ч. I—VI. СПб., 1806—1822 (*Сл. АР*).
Словарь русского языка, составленный Вторым отд. имп. АН. 33 выпуска. 1891—1929 (*Сл. II. Отд. АН*).
Словарь русского языка, составил С. И. Ожегов. Изд. 2. М., 1952.
Словарь современного русского литературного языка АН СССР, т. 1—14. М.— Л., 1950—1963 [продолж.] (*Сл. АН СССР*).
Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отд. имп. АН, т. 1—4. СПб., 1847 (*Сл. 1847* г.).
Словарь языка Пушкина, т. 1—4. М., 1956—1961 (*Сл. Пушк.*).
Соколов II. Общий церковно-славяно-российский словарь или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковнославянском и российском наречиях употребляемых..., ч. 1—2. СПб., 1834 (*Сл. Соколова*).
Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Изд. ОРЯС, т. I—III. СПб., 1893—1912 (*Срезн.*).
Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1—4. М., 1935—1940 (*Сл. Уш.*).
[Толль Ф., ред.-изд.]. Настольный энциклопедический словарь по всем отраслям знания (Справочный энциклопедический лексикон), т. I—III. Под ред. Ф. Толля (первые два тома) и В. Р. Зотова (том III). СПб., 1863—1864 (*Толль, Настольн. словарь*).
Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, ч. 1—3. СПб., 1803—1806 (*Яновск., Нов. словотолк.*).

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов 5

Основные тенденции развития словообразования в русском литературном языке XIX в. 7

Изменения в системе словообразования существительных 18

Суффиксальное словообразование 20

Изменения в словообразовании существительных со значением лица 20

Изменения в словообразовании имен лиц, образуемых от глагольных, глагольно-именных основ и от основ существительных 20

Изменения в словообразовании имен лиц с суффиксом *-тель* 20

Изменения в словообразовании имен лиц с суффиксом *-щик*, образуемых от глагольно-именных основ и основ существительных 36

Имена лиц, образуемые от глагольно-именных основ 37

История словообразовательного типа существительных, образуемых от глаголов с заимствованной основой на *-овать*, *-ировать*. 44

Имена лиц, образуемые от основ существительных 47

История словообразовательного типа имен лиц, образуемых от основ существительных конкретных значений 48

История словообразовательного типа существительных с эмоционально-оценочными значениями 50

Взаимодействие существительных с суффиксами *-щик* и *-ник* 51

Изменения в словообразовании имен лиц, образуемых от основ прилагательных 53

Имена лиц, образуемые от основ относительных прилагательных 53

Изменения в словообразовании имен лиц с суффиксом *-ец* со значением «принадлежащий к группе лиц, организации»; сторонник, приверженец какого-либо учения, общественного течения и т. п.» 54

Изменения в словообразовании имен лиц с суффиксом *-ик*, производимых от основ прилагательных на *-н-* . . . 58

Изменения в словообразовании имен лиц с суффиксом *-ик*, производимых от основ прилагательных на *-овый* . . 60

Изменения в словообразовании имен лиц, обозначаемых по территориальной или национальной принадлежности 61

Словообразовательные типы имен лиц, обозначаемых по территориальной или национальной принадлежности, в конце XVIII — нач. XIX в. 62

Существительные с суффиксом *-ец* в языке XIX в. 65

ИРЯ
институт русского языка им. В. В. Виноградова
www.ruslang.ru

Взаимодействие суффиксов *-ец* и *-анин* 67
Взаимодействие суффиксов *-ец*, *-ин*, *-ак*, *-ич* 69
История дублетных образований типа *азиат — азиатец*, *башкир — башкирец* 70
Имена лиц, образуемые от основ качественных прилагательных 72
Изменения в словообразовании имен лиц женского пола, соотносительных с именами лиц мужского пола 75
Изменения в словообразовании отвлеченных существительных . . 86
Изменения в словообразовании существительных с суффиксами *-ние*, *-ение*, *-тие*, ... 86
Изменения в словообразовании существительных с суффиксом *-к-а* 100
Изменения в словообразовании существительных с суффиксом *-ость* 104
Изменения в словообразовании существительных с суффиксом *-ство* 111
Изменения в словообразовании существительных с суффиксом *-щин-а* 119
Иноязычные заимствования в системе словообразования существительных 121
Заимствования с нетипизированным соотношением «основ». . . 122
Словообразовательные группы заимствований с типизированным соотношением основ 124
Словообразовательные группы существительных с суффиксами *-ист* и *-изм* 125
О характере использования иноязычных формантов в сочетании с русскими основами 129
Префиксальное и префиксально-суффиксальное словообразование 130
Изменения в области родовой принадлежности существительных . . 136
Изменения в значениях и употреблении форм множественного числа у существительных некоторых семантических групп 150
Рост употребительности форм мн. ч. у существительных, ранее употреблявшихся только или преимущественно в форме ед. ч. 152
Сокращение употребительности форм мн. ч. у существительных, ранее широко употреблявшихся в этой форме. 158
Изменения в употреблении падежных форм существительных 163
Единственное число. 166
Родительный падеж 166
Мужской род 166
Изменения в соотношениях форм на *-а* и на *-у* 166
Формы на *-у* в XVIII в. 168
Формы на *-у* в первой половине XIX в. 174
Формы на *-у* во второй половине XIX в. 178
Замечания о формах слов *путь*, *рубль*, *день*. 185
Женский род 186
Предложный падеж 187
Мужской род 187
Изменения в соотношениях форм на *-е* и на *-у*. 187
Формы на *-у* во второй половине XVIII в. 188
Формы на *-у* в XIX в. 193
Женский род 202

Изменения в склонении существительных типа *время*, *слово*, а также существительных *дитя*, *мать*, *дочь* 202

Множественное число 206

Именительный падеж 206

Изменения в соотношениях форм именит. — винит. пад. на *-á* и на *-ы*, *-и*, у существительных мужского рода 207

Формы на *-á* в XVIII в. 207

Формы на *-á* в первой половине XIX в. 209

Формы на *-á* во второй половине XIX в. 213

Изменения в употреблении форм именит. — винит. пад. на *-ья* (*-ja*) 222

Изменения в употреблении форм именит. — винит. пад. на *-ы*, *-и* у существительных среднего рода 230

Замечания о формах именит. пад. существительных мужского рода типа *крестьяне*, *татары*, *бояре*, *соседи* 239

Родительный падеж 240

Развитие соотношений форм с флексией *-ов*, *-ев* и с нулевой флексией 241

Существительные мужского рода 241

Существительные в именит. пад. мн. ч., оканчивающиеся на *-ья* 247

Существительные женского и среднего рода 248

Существительные pluralia tantum 254

Развитие соотношений форм с флексией *-ей* и с нулевой флексией

Существительные женского рода 255

Существительные среднего рода 260

Развитие соотношений форм с флексиями *-ей* и *-ов* после мягких согласных 262

Творительный падеж 264

Изменения в склонении существительных среднего рода с тематическими *-ен* и *-ес-* 274

Изменения в системе словообразования прилагательных 277

Суффиксальное словообразование 280

История прилагательных, образуемых от основ существительных одушевленных и обозначающих отношение к живому существу 280

История прилагательных, образуемых от имен лиц 282

История прилагательных, не имеющих аффикса *-ий* 282

История прилагательных с суффиксом *-ов* 284

История прилагательных с суффиксом *-ин* 293

История прилагательных с аффиксом *-ий* 296

Условия образования прилагательных с аффиксом *-ий* 297

Формирование производных суффиксов *-ческ-*, *-ическ-*, *-ическ-*, *-(и)-анск-* 306

История прилагательных с суффиксами *-ск-*, *-овск-*, *-инск-* 311

Прилагательные, производимые от имен собственных 311

Прилагательные, производимые от существительных нарицательных 316

История прилагательных на *-цкий*, *-еский*, *-ий* 320

Семантическая эволюция прилагательных с суффиксами *-еск-* и *-j-* 321

Соотношение прилагательных с суффиксами *-еск-* и *-j-* 325

История прилагательных на *-цкий* в их соотношении с однокоренными образованиями на *-ий*, *-еский* 328

История прилагательных, образуемых от названий животных 334
Условия образования прилагательных с суффиксами *-j-*, *-ин-ый*, *-ов-ый* 334
Изменение значений прилагательных с суффиксами *-j-*, *ин--ый*, *-ов-ый*, ... 336
Разграничение сфер действия суффиксов *-j-*, *-ин-ый*, *-ов-ый* 337
Прилагательные с суффиксом *-ач-* 340
История прилагательных с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-* и их производными, образуемых от основ существительных неодушевленных . . . 343
Краткая характеристика прилагательных с суффиксами *-н-*, *ов-*, *-ск-* в древнейший период 343
История прилагательных с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-* в XIX в. 348
История прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-* 348
Условия образования прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-* в конце XVIII — нач. XIX в. 348
Вовлечение в сферу действия суффикса *-н-* основ существительных одушевленных 350
Прилагательные с суффиксом *-н-*, образованные от имен лиц. Их соотношение с прилагательными с суффиксом *-ск-* 350
Прилагательные с суффиксом *-н-*, производимые от названий животных 353
Расширение словообразовательных связей суффикса *-ов-* 354
Взаимодействие прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-* 356
Взаимодействие прилагательных с суффиксами *-ов-* и *-ан-*, *-н-* и *-ан-*. 361
История прилагательных с суффиксом *-н-*, образованных от иноязычных основ, осложненных иноязычными аффиксальными элементами. Их соотношение с однокоренными прилагательными с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-* . . . 364
-альн- 365
-ональн- 368
-уальн- 368
-арн- 368
-озн- 369
-(и)онн- 371
-ивн- 372
-абельн- 374
История прилагательных с суффиксом *-ск-* 376
Условия образования прилагательных с суффиксом *-ск-* в конце XVIII — нач. XIX в. 376
Соотношение однокоренных прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ск-* 377
Вовлечение в сферу действия суффикса *-ск-* существительных на *ение* 379
Формирование словообразовательного типа прилагательных с производным суффиксом *-ическ-* 382
Взаимодействие прилагательных с суффиксом *-ическ-* и однокоренных прилагательных с простыми суффиксами 385
Прилагательные с суффиксами *-ическ* и *-ск-* 385
Прилагательные с суффиксами *-ическ-* и *-н-* 389
Прилагательные с суффиксами *-ическ-* и *-ов-* 394
Образование прилагательных с производным суффиксом *-ичн-*. 395
Взаимодействие прилагательных с суффиксами *-ическ-* и *-ичн-* 395

История прилагательных, образуемых от глагольных и глагольно-именных основ 399
История прилагательных, образуемых суффиксами, сочетающимися только с глагольными основами 401
История прилагательных на *-тельный* 401
Прилагательные на *-тельн-ый* в конце XVIII—нач. XIX в. . . 401
Расширение словообразовательных связей суффикса *-тельн-* 403
Взаимодействие прилагательных на *-тельный* с однокоренными образованиями 406
Взаимодействие прилагательных на *-тельный* с причастиями 406
Взаимодействие прилагательных на *-тельный* с прилагательными с суффиксами *-н-* (*-енн-*). 410
Взаимодействие прилагательных на *-тельный* с прилагательными с суффиксом *-м-*. 411
История прилагательных с суффиксом *-льн-* 413
История прилагательных с суффиксом *-л-* 417
История прилагательных с суффиксом *-к-* 427
История прилагательных с суффиксами *-уч-*, *-ач-* 429
История прилагательных на *-ствующ-ий* 433
История прилагательных, образуемых суффиксами, сочетающимися и с именными, и с глагольными основами 434
История прилагательных с суффиксом *-лив-* 435
История прилагательных с суффиксом *-чив-* 440
История прилагательных с суффиксом *-ист-* 446
История прилагательных с суффиксом *-чат-* 457
История прилагательных с суффиксом *-н-* 466
История прилагательных с суффиксом *-н-*, взаимодействующих с причастиями 468
История прилагательных с суффиксом *-н-*, взаимодействующих с прилагательными с суффиксом *-лив-* 474
История взаимодействия прилагательных с суффиксом *-н-*, производимых от глаголов и от отглагольных существительных с суффиксами *-ка*, *-ок*. 484
История отглагольных прилагательных с суффиксом *-н-* и приставкой *не-* 487
Префиксально-суффиксальное словообразование 495
Соотношение прилагательных с приставками предложного происхождения и предложных конструкций, на основе которых они образуются. 498
История словообразовательных типов, сложившихся в древнерусском языке. 499
История прилагательных с приставкой *без-* в их взаимодействии с прилагательными с приставкой *не-*. 500
История бессуффиксных прилагательных с приставкой *без-* . . 501
История суффиксальных прилагательных с приставкой *без-* . . 502
Производство прилагательных с приставкой *без-* префиксально-суффиксальным способом 502
Изменение способа образования прилагательных с приставкой *без-* 503
Производство прилагательных с приставкой *без-* префиксальным способом 503
Производство прилагательных с приставкой *без-* префиксально-суффиксальным способом от основ глагола 506
Взаимодействие прилагательных с приставками *без-* и *не-* 507

История прилагательных с приставкой *за-* 51
История прилагательных с приставкой *при-* 51
История прилагательных с приставкой *по-* 51
История прилагательных с приставкой *под-* 51
История прилагательных с приставкой *над-* 52
История прилагательных с приставкой *на-* 52
История словообразовательных типов, складывающихся в XVIII—XIX вв. 524
История прилагательных с приставкой *небез-* 525
История прилагательных с приставками *противо-*(*противу-*) и *анти-* 527
История прилагательных с приставкой *сверх-*. Их соотношение с однокоренными прилагательными с приставками *за-* и *над-* 535
История прилагательных с приставкой *пред-*(*перед-*) 538
История прилагательных с приставками *до-* и *после-*. Их соотношение с прилагательными с приставками *по-* и *за-* . . . 541
История прилагательных с приставкой *меж-*(*между-*) 544
История прилагательных с приставками *около-*, *вне-*, *внутри-*, *от-*, *чрез-* (*через-*) 548
Изменения в формах прилагательных 556
Изменения в употреблении степеней сравнения 556
Изменения в склонении притяжательных прилагательных 563
Изменения в формах числительных 566
Изменения в формах местоимений 572
Местоимения 3-го лица. 574
Местоимения *он — она — оно* и *один — одна—одно* в формах множественного числа 576
Местоимение *сама* 578
Список основных источников 579

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Коллектив авторов

Очерки по исторической грамматике русского литературного яз. XIX в.
Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного

Утверждено к печати Институтом русского языка Академии наук СССР

Редактор *В. А. Цукович*. Художник *К. М. Егоров*
Технические редакторы *Н. Ф. Егорова*, *О. М. Гуськова*

Сдано в набор 26/VIII 1963 г. Подписано к печати 27/XII 1963 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 37¹/₂. Уч.-изд. 40,9. Тираж 5000 экз..
Изд. № 2096. Тип. зак. № 2679.

Цена 2 р. 65 к.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
17	5 сн.	терминологии	терминологии,
121	25 св.	качественное	количественное
133	8 св.	совместимости	совместности
214	21 сн.	*миров*	*мйров*
249	8 св.	*сомнабулов*	*сомнамбулов*
258	17 сн.	менял	меняя
395	1 сн.	*-чески-*	*-ическ-*
399	2 сн.	*-к-*, *-чив-*, производящих	*-к-*, производящих
410	18 сн.	к вытеснению ими прилагательных	к вытеснению прилагательных
419	18 сн.	глаголам	прилагательным
449	8 св.	по значению стилистически	по значению или стилистически
522	20 сн.	*над-*: из	*над-*:
539	20 сн.	*пр-*	*пред-*
572	12 сн.	всечастно	всечасно
592	21 сн.	1 10	1810

Заказ № 2679